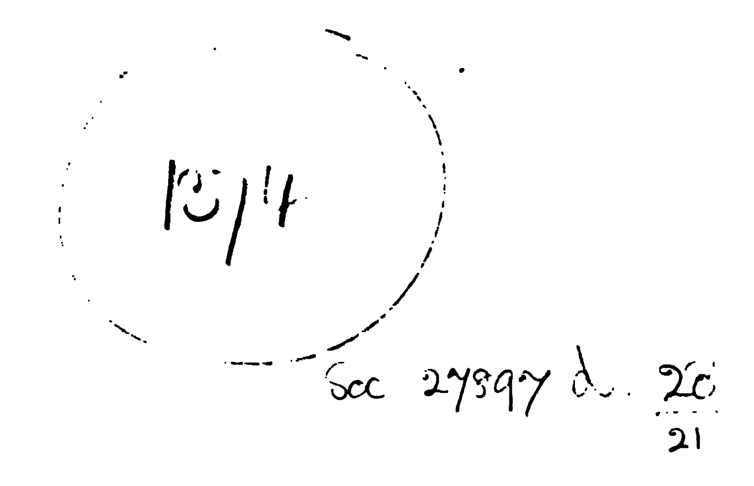


СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1881.

ИЗДАНІЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

продающіяся въ Комитетѣ Правленія и у коммиссіонеровъ Академіи.

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ВЫХОДИТЪ ВЪ НЕОПРЕДѢЛЕННЫЕ СРОКИ И СОДЕРЖИТЪ ВЪ СЕБѢ,

СВЕРХЪ ИЗВЛЕЧЕНІЙ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ И ОТЧЕТОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ:

Томъ I. **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ,** И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта,** Я. К. Грота. — **Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи,** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій,** А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина,** Я. К. Грота.— **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ,** Его же

Томъ II. **Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова,** соч. П. П. Пекарскаго.— **Литовскія народныя пѣсни,** И. Юшкевича.- **Коренное значеніе родства у Славянъ,** П. Н. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ,** П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ,** И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды П. И. Кеппена,** А. А. Куника — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. **Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма,** съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. **Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время,** И. А. Чистовича.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Томъ V. вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія,** И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями.—Цѣна 75 коп.

Томъ V. вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ VI. **Литературная жизнь Крылова,** Я. К. Грота.—**Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ,** его же.— **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи,** А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова,** И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки,** А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ,** Я. К. Грота.— **Слово въ день юбилея Крылова,** преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница,** драматич. сочин. Крылова. — **Пиръ** басня, его же — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣкот. басняхъ Крылова,** Я. К. Грота.—**О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова,** его же.— **Библіографическія и Историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова,** сост. В. Ѳ. Кеневичемъ.— **Матеріалы для біографіи Крылова,** доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова.— Цѣна 2 р.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1881.

СТРАН.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1879 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ и читанный имъ въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1879 года. № 7. 1 — 24

Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова И. И. Срезневскаго .... № 8. 1 — 23

Алфавитный указатель .... 1 — 21

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — Декабрь 1879 года.

Читано письмо П. В. Шейна къ академику Гроту, въ которомъ объясненъ порядокъ расположенія доставленныхъ въ Отдѣленіе Бѣлорусскихъ пѣсенъ, и испрашиваются дальнѣйшія по этому предмету указанія. По выслушаніи этого письма академикъ Бычковъ изъявилъ готовность пересмотрѣть присланныя г. Шейномъ тетради.

Академикъ Гротъ доложилъ, что, продолжая въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ печатать біографію Державина, онъ въ то же время занимался, для приложенія къ ней, изслѣдованіемъ о языкѣ поэта и составленіемъ по особому плану указателя замѣчательныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ его стихотвореніяхъ. Трудъ этотъ будетъ впослѣдствіи представленъ Отдѣленію.

Академикъ Бычковъ, возвращая взятыя имъ на просмотръ тетради г. Шейна, прочелъ слѣдующій отзывъ: «Собранные г. Шейномъ матеріалы должны быть, по моему мнѣнію, расположены: а) по говорамъ Бѣлорусскаго нарѣчія, а не по губерніямъ, и б) въ каждомъ говорѣ въ извѣстной системѣ, то есть сгруппированы въ опредѣленные отдѣлы. Изъ этого слѣдуетъ, что Отдѣленію прежде всего нужно имѣть въ рукахъ тѣ выводы о говорахъ Бѣлорусскаго нарѣчія, которые г. Шейнъ извлекъ изъ личныхъ наблюденій и изъ собраннаго имъ матеріала. Затѣмъ было бы весьма желательно, чтобы г. Шейнъ сообщилъ, относятся ли присланные имъ матеріалы по Минской губерніи къ одному говору. Если будетъ полученъ отъ него положительный отвѣтъ, въ такомъ случаѣ распредѣлить матеріалы въ систему будетъ нетрудно. При этомъ

при каждой пѣснѣ, сказкѣ и т. п. можетъ быть указана мѣстность, гдѣ онѣ записаны. Хорошо было бы получить также свѣдѣніе, нѣтъ ли между собранными матеріалами въ другихъ уѣздахъ такихъ, которые принадлежатъ къ говору, употребляемому въ Минской губерніи, если въ этой губерніи господствуетъ одинъ. Представленные и сгруппированные такимъ образомъ матеріалы дадутъ возможность нанести на карту границы употребленія говора, а это во многихъ отношеніяхъ весьма важно. Отдѣленіе, вполнѣ одобряя этотъ отзывъ, положило сообщить оный г. Шейну.

По поводу заявленія академика Грота въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій о трудѣ его надъ языкомъ Державина, М. И. Сухомлиновъ, считая полезнымъ возвратиться къ занимавшей нѣкогда Отдѣленіе мысли о составленіи словарей къ отдѣльнымъ писателямъ, прочелъ слѣдующую составленную имъ съ этою цѣлью записку: «Исторія литературнаго языка находится въ неразрывной связи не только съ исторіею литературы, но и съ судьбами народной образованности вообще. Движеніе, совершающееся въ умственной жизни народа, неизбѣжно отражается и на его литературномъ языкѣ. Сообразно съ этимъ движеніемъ увеличивается запасъ словъ, многія слова получаютъ новое значеніе, измѣняется складъ рѣчи, и т. п. Въ литературномъ языкѣ проявляется своего рода творчество, подобное тому, какое замѣчаютъ въ языкѣ устномъ. По замѣчанію лингвистовъ, одно и то же слово могло быть создано и впервые произнесено въ одно и то же время въ различныхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ той внутренней силы, которая врожденна человѣку и составляетъ существенное свойство человѣческой природы. То же самое возможно и въ литературномъ языкѣ: одно и то же слово можетъ явиться подъ перомъ писателей, удаленныхъ другъ отъ друга и мѣстомъ и временемъ, и руководимыхъ единственно чувствомъ языка и потребностію дать мысли своей наиболѣе точное выраженіе.

«Независимо отъ постепенной измѣняемости смысла словъ исторія языка должна обращать вниманіе на свойство и количество иностранныхъ словъ, употребляемыхъ писателями различныхъ эпохъ, на выраженія образныя, на любимые эпитеты и другія особенности, рисующія талантъ писателя и литературный вкусъ его времени. Исторія русскаго литературнаго языка слагается изъ данныхъ, добываемыхъ изученіемъ языка отдѣльныхъ писателей. Съ этого и надобно начать». Вслѣдствіе этого академикъ Сухомлиновъ считалъ полезнымъ составить програму для разсмотрѣнія языка

отдѣльныхъ писателей. Вслѣдъ затѣмъ М. И. Сухомлиновъ изложилъ планъ представленнаго имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Отдѣленіе труда надъ языкомъ Жуковскаго и прочелъ отрывки изъ рукописи этого труда.

Отдѣленіе, находя и съ своей стороны осуществленіе такой мысли весьма желательнымъ, опредѣлило, по дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса, приступить на первый случай къ составленію предполагаемой программы.

Академикъ Срезневскій прочелъ слѣдующую замѣтку: «Въ одномъ изъ предшедшихъ засѣданій предъявя свое переработанное общее повременное обозрѣніе древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка, я выразилъ А. Ѳ. Бычкову, какъ товарищу, содѣйствовавшему мнѣ своимъ добрымъ участіемъ съ самаго начала моего труда, просьбу предварительно пересмотрѣть этотъ трудъ въ настоящемъ его видѣ и гдѣ что найдетъ опущеннымъ или подлежащимъ поправкѣ, дополнить и исправить. А. Ѳ. не только не отказался взять на себя эту мелочную работу, но уже сдѣлалъ много важныхъ дополненій и обѣщалъ продолжать свои замѣчанія. Считаю по этому долгомъ заявить ему предъ Отдѣленіемъ свою душевную признательность за его научное радушіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляю Отдѣленію свой трудъ для изданія: во 1-хъ, листы изъ Извѣстій 2-го Отдѣленія, гдѣ были помѣщаемы части этого труда, съ поправками и дополненіями, и во 2-хъ, тетрадь вставокъ въ 40 листовъ мною писанныхъ». Положено представленный И. И. Срезневскимъ трудъ препроводить въ типографію.

Академикъ Гротъ читалъ выдержки изъ своего труда надъ языкомъ Державина. По связи съ вопросомъ о составленіи словарей къ отдѣльнымъ писателямъ, который занималъ Отдѣленіе въ предыдущее засѣданіе, академикъ Срезневскій представилъ рукопись подобнаго труда къ баснямъ Крылова, составленнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вяч. Изм. Срезневскимъ. Рукопись эта была передана на разсмотрѣніе Я. К. Гроту, который, возвращая ее, отозвался, что, по его мнѣнію, напечатаніе этого труда было бы весьма полезно, тѣмъ болѣе, что онъ явился бы первымъ опытомъ подобнаго рода въ нашей литературѣ, при печатаніи же могъ бы еще быть усовершенствованъ и пополненъ составителемъ. Положено возвратить рукопись В. И. Срезневскому для окончательнаго приготовленія ея къ печати.

Адъюнктъ А. Н. Веселовскій, представивъ доставленную А. Н. Пыпинымъ рукопись: «Старообрядческій Синодикъ», прочелъ нѣко-

торые отрывки изъ нея, съ тѣмъ не признаетъ ли Отдѣленіе полезнымъ напечатать эту рукопись въ академическомъ изданіи. Положено принять ее для напечатанія.

Академикъ Гротъ доложилъ, что при окончательной обработкѣ біографіи Державина ему встрѣтилась надобность просмотрѣть журналы Комитета Министровъ за первое время существованія онаго. Положено просить г. Президента исходатайствовать Я. К. Гроту Высочайшее разрѣшеніе на доступъ въ означенный архивъ.

Академикъ Бычковъ заявилъ, что профессоръ Черновицкаго университета Калужняцкій, занимаясь изслѣдованіемъ о патріархѣ Евфиміи, проситъ о доставленіи ему VI и VII томовъ Извѣстій Отдѣленія. Положено выдать эти томы.

Читано переданное въ Отдѣленіе, по распоряженію г. Президента, письмо къ его сіятельству сенатора С. И. Заруднаго, въ которомъ онъ, представляя экземпляръ своего труда: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ», проситъ обратить вниманіе Академіи на эту попытку доказать, устраненіемъ иностранныхъ терминовъ, гибкость и отчетливость русскаго языка въ выраженіи понятій, и высказываетъ желаніе, чтобы Академія Наукъ почтила его переводъ какимъ-либо съ этой точки зрѣнія отзывомъ. Разсмотрѣніе труда г. Заруднаго поручено академику Гроту, отзывъ котораго впослѣдствіи былъ одобренъ и напечатанъ въ отчетѣ о дѣятельности Отдѣленія.

По поводу возбужденнаго въ Отдѣленіи вопроса, не наступило ли теперь время дать ходъ представленной года $1^1/_2$ тому назадъ запискѣ А. Н. Пыпина, принятой въ Академіи съ полнымъ сочувствіемъ о предположеніи снарядить ученую экспедицію въ Болгарію, опредѣлено передать эту записку на предварительное обсужденіе въ Императорское Русское Географическое Общество.

Академикъ Гротъ доложилъ, что въ Отдѣленіи получены переданные изъ Общаго Собранія два рукописные тома «Матеріаловъ для русскаго Корнеслова», собранныхъ покойнымъ академикомъ Павскимъ и приведенныхъ въ порядокъ професоромъ Духовной Академіи Н. И. Барсовымъ. Положено выразить г. Барсову благодарность Отдѣленія за трудъ его надъ этими рукописями, составляющими дорогой памятникъ учености и трудолюбія знаменитаго составителя; самыя же рукописи принять для храненія въ академической Библіотекѣ.

Январь — Май 1880 г.

Адъюнктъ А. Н. Веселовскій доложилъ, что переселившійся въ Петербургъ изъ Болгаріи румынскій уроженецъ г. Сырку предлагаетъ составить, для напечатанія въ *Сборникѣ* Отдѣленія, подробное описаніе семи болгарскихъ сборниковъ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ съ приложеніемъ хромолитографированныхъ образцовъ и съ извлеченіями изъ сборниковъ цѣлыхъ сказаній неизвѣстныхъ доселѣ или представляющихъ значительную разницу съ редакціями изданныхъ уже апокрифовъ. Отдѣленіе, находя такой трудъ весьма полезнымъ опредѣлило, прежде окончательнаго рѣшенія вопроса, просить г. Сырку представить образцы означенныхъ сборниковъ на просмотръ Отдѣленія, при чемъ однакожъ сообщить ему, что такъ какъ рукописи относятся ко времени не ранѣе XVII столѣтія, то едва ли нужно будетъ прилагать хромолитографированные снимки.

Затѣмъ А. Н. Веселовскій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ продолжаетъ свой трудъ объ источникахъ русскихъ духовныхъ стиховъ и приготовляетъ къ изданію третій отдѣлъ — объ источникахъ стиха о Голубиной книгѣ.

Академикъ Гротъ представилъ переплетенные по опредѣленію Отдѣленія въ двухъ большихъ томахъ и книжкѣ малаго формата рукописные «Матеріалы Павскаго для объясненія коренныхъ словъ посредствомъ иностранныхъ», недавно принесенные въ даръ Академіи Наукъ наслѣдниками знаменитаго филолога и приведенные въ порядокъ професоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи Барсовымъ. Положено рукопись эту препроводить, для храненія и общаго пользованія, въ 1-е Отдѣленіе академической Библіотеки.

Академикъ Гротъ, доложивъ, что занимающій нынѣ въ Берлинскомъ университетѣ каѳедру славянскихъ нарѣчій профессоръ Ягичъ въ письмѣ на имя его окончательно изъявилъ свое согласіе на избраніе его въ члены Отдѣленія р. яз. и сл. на мѣсто недавно умершаго И. И. Срезневскаго, прочелъ составленную вслѣдствіе того записку объ ученыхъ трудахъ Игнатія Викентьевича Ягича. Положено, по произведенной въ Отдѣленіи балотировкѣ, представить эту записку въ Общее Собраніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено: составить записку о трудахъ адъюнкта Академіи А. Н. Веселовскаго для представленія его въ кандидаты на званіе экстраординарнаго академика.

Сентябрь — декабрь 1880 года.

Академикъ Я. К. Гротъ прочелъ отзывъ свой о напечатанныхъ въ Воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ» и присланныхъ въ Отдѣленіе, въ видѣ особыхъ оттисковъ, статьяхъ учителя Корочанской гимназіи А. А. Дмитревскаго подъ заглавіемъ: «Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ» и «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго», при чемъ объяснилъ, что эти брошюры доставлены авторомъ уже съ годъ тому назадъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы Отдѣленіе почтило его своимъ отзывомъ объ этомъ трудѣ и что тогда Я. К. Гротъ, поблагодаривъ г. Дмитревскаго отъ имени Отдѣленія, сообщилъ ему, что хотя въ кругъ обязанностей Отдѣленія не входитъ разсмотрѣніе постороннихъ напечатанныхъ трудовъ, но онъ не отказывается впослѣдствіи, когда ему позволятъ другія занятія, ознакомиться съ присланными брошюрами и высказать о содержаніи ихъ свое мнѣніе. — Самый отзывъ г. Грота уже напечатанъ въ «Филологическихъ Запискахъ» г. Хованскаго.

Читана переданная въ Отдѣленіе Общимъ Собраніемъ рукопись Русско-нищенскаго словаря, составленнаго священникомъ Сцепуро изъ разговора нищихъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи мѣстечка Семежова, и присланнаго въ Академію при отношеніи директора Минскихъ народныхъ училищъ, къ которому рукопись эту препроводилъ штатный смотритель Мирскаго уѣзднаго училища, объясняя, что собранныя названнымъ священникомъ слова изъ разговора семежовскихъ нищихъ имъ однимъ только извѣстны и составляютъ ихъ потаенный языкъ. Рукопись эта передана А. Ф. Бычкову на просмотръ для сообщенія о ней Отдѣленію отзыва.

Академикъ А. Ф. Бычковъ представилъ присланный ему г. Владиміромъ Качановскимъ сборникъ образцовъ болгарскаго народнаго языка, начиная съ XVII вѣка, и прочелъ часть приложеннаго къ нимъ предисловія собирателя. Рукопись взята на просмотръ А. Н. Веселовскимъ.

Академикъ И. В. Ягичъ заявилъ о своемъ предположеніи издать въ русскомъ переводѣ, съ такими измѣненіями, какія окажутся нужными, собраніе нѣкоторыхъ изъ своихъ филологическихъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ иностранныхъ сборникахъ. Изложенный академикомъ планъ этого изданія принятъ съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ.

Академикъ Бычковъ, представивъ свой отзывъ о переданномъ ему нищенскомъ словарѣ, полагалъ, что было бы не безполезно, очистивъ этотъ трудъ отъ вкравшихся вѣроятно при перепискѣ ошибокъ, напечатать его въ сборникѣ Отдѣленія, что́ и одобрено; самый же отзывъ А. Ф. Бычкова опредѣлено приложить къ протоколу.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ рукописи трудъ профессора С.-Петербургскаго университета Дестуниса: подлинный текстъ, съ русскимъ переводомъ и объясненіями греческой, трапезунтской былины византійской эпохи. Положено трудъ этотъ напечатать въ Запискахъ и Сборникѣ.

Академикъ Ягичъ представилъ полученные имъ изъ Загреба книги: 1) изданные въ Прагѣ гг. Гаттала и Патера «Zbytky rýmowanych Alexandreid Staročeskych» и 2) первый выпускъ изданнаго въ Загребѣ Югославянскою Академіею, подъ редакціею Даничича, словаря хорватскаго нарѣчія, заключающій въ себѣ слова отъ начала буквы А до имени Besjeda. Отдѣленіе, обративъ особенное вниманіе на этотъ важный для славянской филологіи трудъ, привѣтствовало его съ полнымъ сочувствіемъ и выразило желаніе, чтобы это обширное предпріятіе продолжалось съ тѣмъ успѣхомъ, какого оно по прекрасному началу своему заслуживаетъ.

Академикъ Гротъ доложилъ, что во время пребыванія его въ Москвѣ нынѣшнимъ лѣтомъ знаменитый нашъ драматическій писатель А. Н. Островскій заявилъ ему, что давно занимается составленіемъ матеріаловъ для словаря русскаго народнаго языка и готовъ представить свой сборникъ въ Отдѣленіе, если оно того пожелаетъ. Положено просить г. Островскаго о доставленіи означенныхъ матеріаловъ, которые конечно не могутъ не заслуживать вниманія какъ трудъ такого талантливаго знатока нашей народной рѣчи.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ заявилъ, что при составленіи Исторіи Россійской Академіи онъ встрѣтилъ надобность пользоваться Архивами Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ Россійской Академіи были въ то-же время членами обоихъ этихъ высшихъ учрежденій. Положено сдѣлать зависящее распоряженіе для исходатайствованія М. И. Сухомлинову разрѣшенія заниматься въ означенныхъ архивахъ.

Академикъ Ягичъ, возвращая переданныя ему на разсмотрѣніе двѣ рукописи покойнаго И. И. Срезневскаго, доложилъ, что одна изъ нихъ подъ заглавіемъ «Пятикнижіе Моисеево въ спискѣ

XIV вѣка» составляетъ продолженіе Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ, а о другой «Тактиконъ Никона Черногорца въ спискѣ 1397 года», слѣдуетъ навести ближайшія справки.—Положено первую напечатать въ Запискахъ и Сборникѣ Отдѣленія, а вторую, какъ составленную на основаніи рукописи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ, передать А. Ф. Бычкову для соображенія и повѣрки при печатаніи 2-го изданія «Древнихъ Памятниковъ письма и языка».

Относительно печатанія оставшагося въ рукописи послѣ И. И. Срезневскаго словаря древне-русскаго языка возникъ въ средѣ Отдѣленія вопросъ: не будетъ ли всего цѣлесообразнѣе издать его совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оставленъ покойнымъ, подъ заглавіемъ: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Но такъ какъ для ближайшихъ при этомъ соображеній необходимо имѣть всю рукопись въ распоряженіи Отдѣленія, то обратиться къ семейству И. И. Срезневскаго съ предложеніемъ, не признáетъ ли оно возможнымъ весь рукописный матеріалъ словаря передать теперь же въ собственность Отдѣленія и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить, на какихъ условіяхъ оно согласно предоставить Академіи право изданія его.

При этомъ академикъ Ягичъ, изъявилъ готовность, въ случаѣ если такое предположеніе осуществится, принять на себя наблюденіе за печатаніемъ и корректурою словаря.

Академикъ А. Н. Веселовскій прочелъ слѣдующій конспектъ стоящаго у него на ближайшей очереди изслѣдованія:

1) Илья и Соловей Будимировичъ въ письмѣ 1574 года (свидѣтельство Лассоты отъ 1594 г.) Имена: Ильи Моровлянинъ, Моровлинъ, Муровецъ; сопоставленіе именъ Ильи и Соловья указываетъ, быть можетъ, на сводную былину XVI вѣка.

2) Содержаніе былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Критика пѣсенной рецензіи Кирши Данилова, какъ интерполированной (Запава и Алеша Поповичъ, Запава и Давидъ Поповъ).

3) Образы былины о Соловьѣ Будимировичѣ: законъ земли непаханой, неораной, зеленый садъ Запавы, вишенье, желаніе Соловья: повырубить садъ, построить терема; игра на гусляхъ и въ шахматы. Параллели изъ символики брачныхъ пѣсенъ. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ, какъ пѣснь о брачной поѣздкѣ богатыря. Леденецъ и Веденецкая земля?

Читано письмо И. В. Юшкевича къ академику Гроту съ увѣдомленіемъ о послѣдовавшей 20-го минувшаго октября въ Ка-

зани кончинѣ родного брата его, Антонія Васильевича. Принято съ искреннимъ сожалѣніемъ объ этой чувствительной для науки утратѣ почтеннаго труженика.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ рукописи два новыя изслѣдованія свои: 1) Croissans Crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, и 2) южно-русскія былины, при чемъ сообщилъ слѣдующій конспектъ первыхъ двухъ главъ послѣдняго, подъ заглавіемъ: «Былина о Михаилѣ Даниловичѣ и младшіе богатыри»:

1) Малорусскія легенды о кіевскихъ золотыхъ воротахъ. Ихъ схема.

2) Былины о Михаилѣ Даниловичѣ и побывальщина о немъ по ркп. XVIII вѣка. Ихъ схемы; сравненіе съ предыдущей и выводы.

3) Повѣрка этихъ выводовъ по другимъ былинамъ: a) пѣсни о Ермакѣ и Василіи Пьяницѣ; b) Илья и Калинъ, отношеніе этихъ пѣсень къ былинамъ о младшихъ богатыряхъ: c) Илья и Идолище; Илья и голи кабацкія.

Тотъ же академикъ представилъ сообщенную ему Е. В. Барсовымъ по рукописи XVII вѣка былину, извѣстную подъ заглавіемъ: «Повѣсть о семи богатыряхъ» и при ней свое изслѣдованіе. Трудъ этотъ переданъ на разсмотрѣніе А. Ф. Бычкову и вслѣдствіе отзыва его будетъ напечатанъ въ Запискахъ и Сборникѣ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ представилъ окончаніе отпечатаннаго имъ, въ теченіе послѣдняго полугодія, 5-го выпуска Исторіи Россійской Академіи.

Доставленный г. Шейномъ рукописный сборникъ Духовныхъ стиховъ, имъ же записанныхъ, переданъ на разсмотрѣніе А. Н. Веселовскому.

Академикъ Ягичъ прочелъ составленную имъ записку о своемъ намѣреніи заняться составленіемъ сравнительнаго словаря славянскихъ языковъ, какъ труда, входящаго въ кругъ обязанностей Отдѣленія, согласно съ его уставомъ, и принадлежащаго къ спеціальности академика Ягича. Главныя изъ изложенныхъ въ этомъ проектѣ основаній заключаются въ слѣдующемъ:

1) Сравнительный словарь славянскихъ языковъ (Linguarum slavicarum lexicon comparativum) будетъ содержать всѣ славянскія нарѣчія, съ церковно-славянскимъ во главѣ.

2) Словарь будетъ имѣть характеръ этимологическій, т. е. слова подходящія по яснымъ законамъ словопроизводства подъ одинъ ко-

рень, должны быть помѣщены подъ тѣмъ же словомъ или тою формой его, которая считается для нихъ коренною или основною.

3) Несмотря на этимологическую групировку, отдѣльные славянскія языки съ ихъ нарѣчіями останутся обособленными, такъ что семьи словъ каждаго отдѣльнаго нарѣчія будутъ помѣщаться отдѣльно, языки же должны слѣдовать одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ: Древнеславянскій или церк. сл.—Русскій съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями—Болгарскій—Сербско-хорватскій—Словинскій—Чешскій съ словацкимъ нарѣчіемъ—Верхне-и Нижнелужицко-сербскіе—Польскій съ нарѣчіемъ кашубскимъ—Остатки полабскихъ нарѣчій—Матеріалъ словъ, заключающійся въ именахъ личныхъ и названіяхъ мѣстностей.

4) Каждый отдѣльный языкъ долженъ быть представленъ въ видѣ историческомъ, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ.

5) Для передачи главныхъ значеній словъ предназначается языкъ латинскій.

6) Академикъ Ягичъ, принимая на себя непосредственное веденіе труда, приглашаетъ въ сотрудники лицъ извѣстныхъ въ славянской наукѣ своими учеными трудами, и имена ихъ будутъ напечатаны въ заглавіи словаря.

7) Сначала матеріалъ будетъ собираться на отдѣльныхъ карточкахъ одинакой величины. Каждое слово, заимствованное изъ сочиненія или текста вошедшаго въ число источниковъ для этого словаря, должно на карточкахъ быть снабжено цитатомъ, т. е. довольно полною фразой и ссылкою на источникъ.

Отдѣленіе, принявъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ проектъ академика Ягича и выразивъ полную готовность содѣйствовать къ осуществленію его на изложенныхъ въ немъ основаніяхъ, опредѣлило предоставить Игнатію Викентьевичу приступить къ приготовительнымъ мѣрамъ для приведенія въ дѣйствіе его предположеній.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I.

ЗАПИСКА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРОФЕСОРА И. В. ЯГИЧА,

составленная академикомъ Я. К. Гротомъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая вознаградить потерю, недавно понесенную имъ въ лицѣ И. И. Срезневскаго, остановило свое вниманіе на извѣстномъ своими учеными трудами по славянской филологіи хорватскомъ уроженцѣ г. Ягичѣ, нынѣ ординарномъ професорѣ славянскихъ нарѣчій въ Берлинскомъ университетѣ и издателѣ журнала: Archiv für slavische Philologie.

Игнатій Викентьевичъ Ягичъ родился въ 1838 году въ городѣ Вараждинѣ (въ Хорватіи). По окончаніи полнаго курса наукъ въ Вѣнскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, гдѣ онъ, между прочимъ, слушалъ Миклошича, Боница и Фалена и выдержалъ полный учительскій экзаменъ по обоимъ древнимъ языкамъ, онъ въ 1860 году занялъ мѣсто преподавателя этихъ языковъ въ Загребской гимназіи.

Уже въ 1861 году вступилъ онъ и на ученое поприще своими «Замѣчаніями о сербской народной поэзіи» съ формальной точки зрѣнія, то-есть о красотѣ изложенія, о языкѣ и поэтическихъ выраженіяхъ. Этотъ трудъ былъ напечатанъ въ програмѣ Загребской гимназіи; въ слѣдующемъ году г. Ягичъ помѣстилъ въ такой же програмѣ статью о склоненіи существительнаго имени, какъ оно развилось историческимъ путемъ въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и хорватскомъ языкахъ. Въ 1863 году появилось, въ книгѣ «Тысячелѣтіе св. Апостоловъ Кирилла и Меѳодія», его изслѣдованіе о славянскомъ переводѣ евангелія. Къ 1864 году относятся нѣсколько трудовъ професора Ягича: 1) Въ обширномъ обозрѣніи исторіи и литературы южныхъ Славянъ, вошедшемъ въ составъ

Чешскаго энциклопедическаго словаря, ему принадлежитъ все относящееся къ исторіи языка и литературы Хорватовъ и Сербовъ и до сихъ поръ еще не имѣется болѣе подробнаго изложенія этого предмета въ полномъ обзорѣ. 2) По порученію австрійскаго правительства, составлена и издана г. Ягичемъ грамматика хорватскаго языка на основаніи церковно-славянскаго, ч. I, въ которой хорватская фонетика впервые разсмотрѣна исторически. Эта грамматика еще и теперь служитъ учебникомъ въ высшемъ класѣ гимназическаго курса. Въ дополненіе къ этому труду онъ же издалъ, частію въ томъ же году, частію въ 1865 и 66, два тома образцовъ древне-хорватскаго языка по памятникамъ глаголической и кирилловской письменности; во второмъ томѣ большая часть примѣровъ извлечена изъ рукописей; текстъ снабженъ введеніями и примѣчаніями. Кромѣ того въ 1864 году г. Ягичъ принялъ участіе въ основаніи литературнаго журнала Književnik и сдѣлался главнымъ редакторомъ его, завѣдывая филологическою частью. Съ этихъ поръ, въ теченіе трехъ лѣтъ, и здѣсь стали часто появляться труды Игнатія Викентьевича, въ числѣ которыхъ замѣтимъ: Наша ороографія; Изъ прошлаго хорватскаго языка, гдѣ между прочимъ помѣщенъ самый подробный разборъ дѣятельности Вука Стеф. Караджича, а также разсмотрѣны сочиненія многихъ сербскихъ ученыхъ. Далѣе: разборъ эпоса «Сирена», графа Зриньскаго, съ обширными извлеченіями и подробнымъ анализомъ его языка;—обозрѣніе хорвато-сербской литературы за послѣдніе годы;—обозрѣніе археологическихъ памятниковъ Загребскаго музея съ изложеніемъ относящихся къ этой отрасли вѣдѣнія научныхъ вопросовъ; — разборъ сочиненія Пыпина и Спасовича, и многія другія статьи, которыя для краткости здѣсь не исчисляются.

Въ то же время къ изданію Ассеманова Евангелія, напечатанному глаголическимъ шрифтомъ подъ редакціею д-ра Рачкаго, професоръ Ягичъ написалъ обширное введеніе, въ которомъ текстъ этого памятника разобранъ съ грамматической, лексической и критической точекъ зрѣнія.

Столь многочисленные труды г. Ягича не могли остаться незамѣченными въ ученомъ мірѣ. Въ 1866 году онъ былъ утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ учрежденной въ Загребѣ Юго-славянской Академіи наукъ и искуствъ, оставаясь при этомъ въ званіи профессора; затѣмъ сдѣлался членомъ разныхъ ученыхъ обществъ въ славянскихъ земляхъ; въ 1868 году избранъ членомъ кореспондентомъ нашей Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго

языка и словесности, а въ 1870 году удостоенъ отъ С.-Петербургскаго университета степени доктора славянской филологіи.

Между тѣмъ дѣятельность г. Ягича болѣе и болѣе развивалась: въ 1867 году онъ издалъ отдѣльно исторію древняго періода сербско-хорватской литературы, которая вскорѣ была переведена на русскій языкъ и издана въ 1871 году въ Казани.

Съ 1867 по 1870 годъ продолжалось сотрудничество его въ изданіяхъ Юго-славянской академіи, при которой онъ одно время состоялъ вторымъ секретаремъ, бывъ прежде секретаремъ иллирійской матицы. Почти въ каждой книгѣ «Рады» Юго-славянской академіи, особливо въ первые годы этого изданія, находятся болѣе или менѣе обширныя статьи г. Ягича, преимущественно критическаго и библіографическаго характера, какъ напримѣръ разборъ исторіи сербской литературы, Новаковича, разборъ новѣйшихъ трудовъ Миклошича, некрологъ Шлейхера. Тутъ же появились и нѣкоторыя изслѣдованія г. Ягича, какъ то: Сравнительная мифологія, по поводу сочиненія Афанасьева; — Новѣйшая вокализація въ сербско-хорватскомъ языкѣ (сочиненіе, вышедшее также отдѣльнымъ изданіемъ); — Паралель между лирикой трубадуровъ и древнѣйшими произведеніями лирической поэзіи въ Рагузѣ; — Паралель между удареніемъ сербо-хорватскимъ и греческимъ, латинскимъ, литовскимъ и латышскимъ; — Матеріалы для исторіи славянской народной поэзіи (вышли также отдѣльнымъ изданіемъ и переведены на русскій языкъ въ Славянскомъ Ежегодникѣ Задерацкаго, въ Кіевѣ).

Професоръ Ягичъ участвовалъ также въ издаваемомъ Юго-славянской академіей сборникѣ «Старины» съ самаго основанія его въ 1869 году, помѣстивъ въ немъ тексты нѣкоторыхъ древне-хорватскихъ памятниковъ, а также «описанія и извлеченія изъ разныхъ южно-славянскихъ рукописей», трудъ, который появился и отдѣльнымъ изданіемъ. Онъ принималъ кромѣ того участіе въ изданіи тою же академіей древнихъ писателей сербско-хорватской литературы, предпріятіи, для котораго ему поручено было составить програму. Первый томъ былъ напечатанъ подъ его надзоромъ, и ему принадлежитъ критическій отдѣлъ этого тома; II и III томы изданы исключительно имъ; части IV и V томовъ вышли подъ его редакціей.

Наконецъ и въ Бѣлградскомъ «Гласникѣ» есть два памятника, изъ которыхъ одинъ отчасти, а другой вполнѣ приготовлены къ печати г. Ягичемъ.

Въ 1871 году, по избранію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, Игнатій Викентьевичъ занялъ въ немъ, въ званіи экстраординарнаго профессора, каѳедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, и въ томъ же году командированъ былъ на годъ въ путешествіе по Россіи и за границу для усовершенствованія себя въ санскритскомъ и русскомъ языкахъ, и вскорѣ по возвращеніи, въ 1872 году, утвержденъ ординарнымъ професоромъ Новоросійскаго университета.

Въ отношеніи къ русскому языку професоръ Ягичъ, уже прежде изучившій его, достигъ цѣли своего путешествія въ такой степени, что могъ уже совершенно свободно владѣть этимъ языкомъ не только на письмѣ, но и въ устномъ употребленіи. Однакожъ въ этотъ разъ ему не суждено было прочно водвориться въ Россіи. Въ предыдущіе годы замѣчательная дѣятельность его по славянской филологіи обратила на него вниманіе и германскихъ ученыхъ. Еще въ 1871 году онъ удостоенъ былъ Лейпцигскимъ университетомъ степени доктора философіи; а въ 1874 г., по учрежденіи въ Берлинскомъ университетѣ каѳедры славянскихъ нарѣчій, приглашенъ занять ее въ званіи ординарнаго профессора, вслѣдствіе чего въ октябрѣ помянутаго года и испросилъ увольненіе отъ службы въ Новороссійскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ того начинается новая и наиболѣе видная дѣятельность професора Ягича въ области филологической литературы. Издавъ еще въ 1871 году въ Загребѣ изслѣдованіе «Das Leben der Wurzel dê in den slavischen Sprachen», онъ съ 1875 года предпринялъ изданіе журнала «Archiv für slavische Philologie», который, продолжаясь уже 4 года, доставилъ ему почетное имя въ европейской наукѣ.

Было бы слишкомъ долго поименовывать всѣ многочисленныя его изслѣдованія, критическіе разборы, краткія замѣтки и библіографическія обозрѣнія, появлявшіеся въ каждомъ выпускѣ этого изданія, и свидѣтельствующіе о многостороннемъ филологическомъ образованіи автора, о его критическомъ умѣ и обширности обнимаемаго имъ круга изслѣдованій. Болѣе крупныя изъ статей его, помѣщенныхъ въ «Архивѣ», исчислены въ перечнѣ, приложенномъ къ настоящей запискѣ. Уваженіе, заслуженное имъ чрезъ это изданіе въ ученомъ мірѣ, выразилось между прочимъ избраніемъ его: въ 1877 году членомъ Королевскаго Общества наукъ въ Прагѣ, въ 1878 г. ординарнымъ академикомъ Краковской Академіи наукъ и почетнымъ членомъ Археологическаго Общества Siscia въ Кроаціи.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о двухъ памятникахъ, въ недавнее время критически изданныхъ профессоромъ Ягичемъ: одинъ съ изслѣдованіемъ на латинскомъ языкѣ—*Зографское Евангеліе* (Берлинъ 1879), другой—*Законъ Винодольскій* съ русскимъ переводомъ, критическими и филологическими замѣчаніями на русскомъ языкѣ. Послѣднее напечатано въ Петербургѣ Обществомъ любителей древней письменности.

По роду дѣятельности г. Ягича, по его основательному знакомству съ русскимъ языкомъ и предшествовавшимъ обстоятельствамъ его жизни, давно сблизившимъ его съ Россіею, естественно было, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности увидѣло въ немъ ученаго, имѣющаго всѣ данныя, чтобы сдѣлаться въ Академіи достойнымъ преемникомъ И. И. Срезневскаго, и потому поспѣшило войдти въ сношенія съ Игнатіемъ Викентьевичемъ, который и изъявилъ полное свое согласіе на это избраніе. Нынѣ, по произведенной въономъ 4 сего апрѣля балотировкѣ, приведшей къ единогласному положительному результату, Отдѣленіе имѣетъ честь предложить г. Ягича кандидатомъ на избраніе въ экстраординарные академики и при этомъ позволяетъ себѣ надѣяться, что Общее собраніе въ таковомъ отступленіи отъ обычной постепенности, которому въ академической практикѣ было уже не мало примѣровъ, не усмотритъ препятствія къ обогащенію силъ Академіи пріобрѣтеніемъ столь заслуженнаго и полезнаго сочлена.

Списокъ ученыхъ трудовъ и изданій И. В. Ягича.

1861. Pabirci po cvieću našega norodnoga pjesničtva, въ Извѣстіи Загребской гимназіи 1861. 4°. 21 стр.

1862. Deklinacija imena samostavnoga kako se razvi u staroslovenskom-srbskom-hrvatskom jeziku, въ Извѣстіи той же гимназіи 1862, 4°. 15 стр.

1863. Evangelije u slovenskom prievodu. Historičkofilologički nacrt, въ книгѣ Tisućnica slovenskih apostolah sv. Cirila i Metoda 4°, 29—66.

1864. Статья Jihoslované въ чешскомъ словарѣ Naučný slovnik (тоже отдѣльно, 16°, XV, 419).

— Gramatika jezika hèrvatskoga, osnovana na starobugarskoj slovènštini. Dio pèrvi. Glasovi. U Zagrebu 1864, 8°, IV, 89.

1864—1866. Priměri starohèrvatskoga jezika iz glagolskih i cirilskih književnih starinah, sastavljeni za sedmi i osmi gimnazijalni razred. Dio pèrvi. Uvod i priměri staroslovenski, u Zagrebu 1864, 8°. 101, IV. Dio drugi. Uvod i priměri starohèrvatski, u Zagrebu 1866, 8°. XXVI, 192.

1865. Assemanov ili Vatikanski Evangelistar, iznese ga na svjetlo D^r. Franjo Rakči, u Zagrebu 1865. lex. 8°. Uvod. I — CXIX. Въ этомъ изданіи введеніе проф. Ягича стр. XII—XCIX.

1864—1866. Въ трехъ томахъ журнала Književnik, издававшагося подъ редакцію г. Ягича, появились статьи его:

Годъ I, 1864. Naš pravopis. 1—34, 151—180.

Primjetbe na Odgovor na Naš pravopis, 186—187.

Iz prošlosti hrvatskoga jezika, 332—58, 447—85.

Годъ II, 1865. Slovjensko jezikoslovje. Kratak historičko-filologički nacrt, стр. 78—95, 348—379, 506—537.

Primjetbe k našoj sintaksi, стр. 176—196.

Разборъ соч. Вебера (300—1), Миклошича (437—441), Даничича (441—449), Эрбена (449—50), Любича (567—572), Старчевича (572—94), изданія нар. пѣсенъ Матицы Далматинской (574—5).

Въ библіогр. извѣстіяхъ переведено путешествіе Коларжа въ Москву (143—146), новѣйшія данныя о Боснѣ (308—9), составл. статья о положеніи триединаго королевства въ европ. статистикѣ (455 — 7), сообщена замѣтка о древне-сербскомъ текстѣ Александра В. (459).

Годъ III, 1866. Adrianskoga mora Sirena, hrvatski epos XVII vièka priopćio V. Jagić 336—407. (Разборъ эпоса «Сирена» графа Петра Зриньскаго).

Cirilski zbornik XVI—XVII stoljeća 121—131.

Stari spomenici pisma i jezika jugozapadnih Slovjena, 293—297: извлеченіе съ примѣч. изъ «Древнихъ памятниковъ письма и языка югозападныхъ Славянъ», соч. Срезневскаго.

Štampana hrvatska knjiga XVI vieka. 306—9.

Kratak pregled hrvatskosrbske književnosti od posljedne dvie—tri godine. 552—585.

Starine i njihovo znamenovanje. 48—74.

Разборъ сочиненія Пыпина и Спасовича (152 — 156), статей помѣщенныхъ въ программахъ хорв. гимназій (310—316), серб. перевода Бартенштейна (157—160).

1867. Historija književnosti naroda hrvatskoga u srbskoga. Knjiga prva; Stara doba, u Zagrebu 1867. 8°. 204. Русскій переводъ: Исторія сербско-хорватской литературы В. Ягича. Казань 1871, 8°. 243.

1868. Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, na sviet izdao V. Jagić, u Zagrebu 1868. 8°. 84. Первоначальн. напечат. въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, кн. IX и X.

1867—1870. Прочитавъ публичную лекцію въ первомъ публичномъ засѣданіи новоучрежденной Юго-славянской академіи наукъ, И. В. Ягичъ помѣстилъ въ «Радѣ» слѣдующія свои статьи:

Кн. I. Разборъ Исторіи сербской литературы Ст. Новаковича. 236—242.

Кн. II. Gradja za glagolsku paleografiju. 1—36.

Кн. V. Novija djela Miklošičeva. 209—229.

Кн. VI. August Šlajher, nekrolog. 180—204.

Кн. VIII. Komparativna mitologija (по поводу соч. Афанасьева) 188—200. Najnovija izdanja slovinskih književnih starina trudom I. I. Sreznevskoga. 200—210.

Кн. IX. Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku. 65—156 (Вышло и отдѣльнымъ изданіемъ).
Trubaduri i najstariji hrvatski lirici, 202—234.

Кн. XI. Разборъ сербской библіографіи, изданной Ст. Новаковичемъ, 260—265.

Кн. XII. Извѣстіе о путешествіи въ Далмацію съ научной цѣлью, 227—229.

Кн. XIII. Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju, 1—17.

Кн. XIV. Napredak slovinske filologiju pošlednjih godina. 169—189. (Продолженіе въ книгѣ XVII. 172—208).

Кн. XVIII. Критическій разборъ біографіи Крижанича, написанной Безсоновымъ, 164—205.

Кн. XXXVII. Gradja za historiju slovinske narodne poezjie. 33—138. (вышло также отдѣльнымъ изданіемъ, переведено на русскій языкъ).

Въ Starine помѣщены слѣдующіе труды проф. Ягича:

Кн. I (1869): Ogledi stare hrvatske proze (три текста, писанные на чакавскомъ нарѣчіи). 216—236.

Кн. III (1871) Život Aleksandra Velikoga (сербско-хорватскій текстъ средневѣковаго перевода, по разнымъ спискамъ) 208—33. (Вышло также отдѣльнымъ изданіемъ).

Кн. V (1873). Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovinskih rukopisa 1—109.

Кн. VI (1874) и кн. IX (1877). Продолженія Opisi. 60—157 и 91—172. (Три части описаній вышли и отдѣльно подъ тѣмъ же заглавіемъ, u Zagrebu 1873—1877. 8°. 281).

Кн. X (1878). Новый рядъ opisi i izvodi (81—157), вышедшій и отдѣльно.

Къ изданію древнихъ сербско-хорватскихъ писателей (Stari pisci) составлена г. Ягичемъ программа (см. I. Predgovor) и подъ его надзоромъ вышелъ:

Томъ I, — сочиненія Марка Марулича, приготовленный для печати И. Кукулевичемъ, но, какъ видно изъ предисловія, критическая часть принадлежитъ проф. Ягичу. О томахъ II и III см. записку о его трудахъ. Въ IV томѣ стр. 1—79, въ V томѣ стр. 1—109 вышли подъ его редакціею.

Въ бѣлградскомъ Гласникѣ, кн. XL (1874) издано имъ: Још нешто о животу светога Ђурђа Кратовца. 121—132. (Прибавл. къ изданному въ XXI кн. Гласника тексту).

Въ кн. XLII (1875) Гласника: Константин философ и његов живот Стефана Лазаревића деспота српскога, по двјема српско-словенским рукописима издао В. Iагић 223—328. Исправци и додатци 372—377.

На нѣмецкомъ языкѣ издалъ пр. Ягичъ:

Въ 1871 году Das Leben der Wurzel dê in den slavischen Sprachen. Agram. 1871, 8°. 73.

Съ 1875 г., въ 4-хъ томахъ Archiv für slavische Philologie, помѣщены слѣдующія его изслѣдованія, не считая болѣе мелкихъ статей:

Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium. I. 1—56. II. 201—269.

Die christlich mythologische Schicht in der russischen Volksepik I. 82—134.

Eine serbische Kuhhautsage (mit Anmerkungen von R. Köhler) I. 153—155.

Aus dem südslavischen Märchenschatz (mit Anmerk. von R. Köhler). I. 267—280, II. 614—642.

Dunav-Dunaj in der slav. Volkspoesie. I. 229—334.

Über einige Erscheinungen des slav. Vocalismus I. 337—412.

Bibliographische Übersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slav. Philologie. I. 465—608.

Condemnatio uvae. Ein serb.-sloven. Text verglichen mit der griech. Originalerzählung I. 611—617.

Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtl. Einleitung. II. 1—110.

Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš dijak und ihre Erklärung II. 437—482.

Zum litoslavischen Sprachschatz II. 396—399.

Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen II. 399—400.

Über einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus III. 95—108.

Die Fälschungen in der Mater Verborum des Prager Codex III. 112—124.

Wie lautete ѫ bei den Bulgaren? III. 312—358.

Das Datum des Statutes Vinodol IV. 78—86.

Die neuesten Forschungen über die slav. Apostel Cyrill und Methodius IV. 97—128. 297—317.

Die südslav. Volksepik vor Jahrhunderten IV. 192—243.

Zur Frage über den Übergang des silbenbildenden *l* in *u* IV. 386—397.

Woher das secundäre a? IV. 397—412.

Mythologische Skizzen. IV. 412—427.

1879. Quattuor evangeliorum Codex glagoliticus. Berolini. 4°. XLV, 174.

1880. Законъ Винодольскій. С.-Петербургъ. 4°. 152.

II.

ЗАПИСКА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ АДЪЮНКТА АКАДЕМІИ НАУКЪ А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО,

составленная академикомъ Я. К. Гротомъ.

Въ 1877 году, послѣ кончины академика Никитенко, членомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности избранъ былъ, въ званіи адъюнкта, профессоръ С.-Петербургскаго университета Александръ Николаевичъ Веселовскій, уже тогда пріобрѣтшій въ ученомъ мірѣ заслуженную извѣстность своими изслѣдованіями и открытіями въ области западно-европейской, преимущественно средневѣковой литературы, которыми онъ при всякомъ случаѣ пользовался для освѣщенія исторіи отечественной словесности сличеніемъ русскихъ сказаній и памятниковъ съ иностранными. Таковъ былъ главный характеръ ученой дѣятельности нашего новаго сочлена, подробно развитый покойнымъ И. И. Срезневскимъ въ составленной имъ тогда запискѣ о трудахъ г. Веселовскаго.

Съ тѣхъ поръ эта дѣятельность Александра Николаевича продолжалась съ тою же энергіею и въ томъ же господствующемъ направленіи, съ тою только разницею, что онъ еще болѣе прежняго руководствовался въ ней заботою о примѣненіи добытыхъ изученіемъ западной литературы результатовъ къ объясненію явленій духовной жизни славянскихъ народовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе изъ изслѣдованій г. Веселовскаго за послѣдніе годы, какъ можно видѣть изъ приложеннаго къ настоящей запискѣ исчисленія трудовъ его, напечатанныхъ въ 1878 и 1879 годахъ. Изъ нихъ достаточно будетъ здѣсь указать на слѣдующіе: 1) Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ; 2) Хорватская пѣсня о Родославѣ Павловичѣ и италіянскія поэмы о гнѣвномъ Радо (оба въ Ж. М. Н. П.); 3) Слово о 12-ти снахъ Шахаиши по ркп. XV в.; 4) О славянскихъ редакціяхъ одного апо-

лога Варлаама и Іоасафа; 5) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. I. Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ (въ Зап. Ак. Н.); 6) Beiträge zur Erklärung des russischen Heldeneposs (въ Archiv für slav. Philologie). Кромѣ того, для Исторіи Литературы г. Галахова г. Веселовскимъ составленъ и уже отпечатанъ очеркъ исторіи русскихъ повѣстей до Петра Великаго.

Во вниманіи къ столь неутомимой и плодотворной дѣятельности своего почтеннаго сочлена, Отдѣленіе, по произведенной въ немъ 4 сего апрѣля балотировкѣ, приведшей къ единогласному избранію, считаетъ безотлагательнымъ долгомъ справедливости нынѣ же предложить А. Н. Веселовскаго къ повышенію въ званіе экстраординарнаго академика.

Списокъ ученыхъ трудовъ А. Н. Веселовскаго съ 1878 года.

(Продолженіе напечатаннаго въ XVIII томѣ «Сборника Отдѣленія русск. яз. и слов» списка прежнихъ трудовъ его).

1. Критическія и библіографическія замѣтки о разныхъ западно-европейскихъ изданіяхъ по народной литературѣ. Журн. Мин. Народн. Просв. Январь 1878 года.
2. Раблэ́ и его романъ. Вѣстникъ Европы. Мартъ 1878 г.
3. Phol als aethiopischer König. Archiv für slav. Philologie. T. II, вып. 3, 1878 г.
4. Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ. Журн. Мин. Народн. Просв. Апрѣль 1878 г.
5. Un nouveau texte des Novas del Papagay. Romania, 1878. Avril, № 26.
6. Хорватская пѣсня о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гнѣвномъ Радо. Журн. Мин. Народн. Просв. Январь 1879 г.
7. Слово о 12-ти снахъ Шахаиши по рки. XV вѣка. Зап. Имп. Ак. Наукъ, 1879. Т. XXXIV.
8. О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа, тамъ же, кн. II.
9. Beiträge zur Erklärung des russischen Heldeneрos. Archiv f. slav. Philol. III. 1879 г.
10. Робертъ Гринъ и его изслѣдователи. Вѣстникъ Европы. Августъ 1879 г.

11. Критическія и библіографическія замѣтки. Felix Liebrecht, Zur Volkskunde, Alte und Neuere Aufsätze. Журн. Мин. Народн Просв. Сентябрь 1879 г.
12. Онѣмеченное славянское поселеніе въ Тиролѣ, тамъ же.
13. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. I. Греческій апокрифъ св. о Θеодорѣ. Зап. Академіи Наукъ.
14. Очеркъ исторіи русскихъ повѣстей до Петра Великаго (отпечатанный въ 1879 г., но еще не вышедшій).

III.

Русско-Нищенскій словарь, составленный изъ разговора нищихъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи мѣстечка Семежова́.

(Законоучителя Мирскаго уѣзднаго училища, священника **Ф. Сцепуры**).

А.

арбузъ — бѣлюзникъ.

Б.

баба — цу́ба.
безсмертный — безха́лемный.
берегъ — цэ́ра, дэ́лька.
братъ — а́ндрусъ.
брать — я́перить.
биться — ку́латься.
благодарить — ша́кувать.
богатый — стады́рный.
богатство — стады́рство.
близкій — нешале́кій.
близко — нешале́ко.
близнецы — а́ндрусы.
богъ — ахвэ́съ.
бокъ — бакуля́съ.
болото — шало́то.
болотистый — шалоти́стый.
больной — трупя́щъ.
большой — галёмый.
болѣть — трупи́ть.
борода — мэ́леле.
бояться — шкудра́ться.
бритва — махлы́чка.
брить — скла́вить.
бумага — ре́псанка.
буду — бэ́тлять-му.
бутылка — пляхту́ка.
бураки — батурго́
бобы — бу́кишъ.
богатство — пора́ство.
бывать, быть — бэ́тлеть.
быкъ — явлыдо́къ.
быстро — маргомъ.
бѣгать — бѣ́глять.
бѣлый — плѣ́нный.
бѣсъ, діаволъ — хаушэ́нь.

В.

варить — курля́ть.
вашъ — танэ́скій.
вдругъ — маргомъ.
веду и везу — вандзе́ру.
великій — галёмый.
вельможа — кавру́къ.
вернуться — курну́ться.
веселиться — лыхта́ться.
весна — сно́пка.
вечеръ — ку́вечеръ.
вечерать — пакуче́рить.
взглянуть — уле́пнуть.
взлѣзать — взле́ксать.
взять — вепе́рить.
видно — вини́мно.
видѣть — уле́пвать.
вина — скла́ва.
виноватый — скла́вный.
висѣть — вихте́рить.
вмѣстѣ — курезамъ.

водить — вандзе́рить.
вода — дэ́лька.
воевать — ку́латься.
военный — бо́тусъ.
возвращать — курну́ть.
война — ку́лапка.
возъ, экипажъ — ко́цэнь.
волкъ — лыга́чъ.
волосъ — че́месъ.
волчица — лыгачи́ха.
волченята — лыгачения́та.
ворота — скрыпу́ты.
воръ — кли́мъ.
воспитывать — кармаса́ть.
вспоминать — вспомикра́ть.
воскъ — щудре́й.
вредный — некле́вый.
вставать — усты́чвать.
встрѣтить — ку́стречить.
встрѣча — ку́стреча.
выбирать — выспе́рвать.
выводить — вывандзе́рвать.
выговаривать — гаври́дить.
выгонять, гнать — выкургоньвать.
выдавать — выдзе́кать.
выдерживать — выкудзе́рживать.
выжигать — выду́львать.
вызывать — вызыво́рвать.
выкупить — выяпу́львить.
вынимать — выклю́жвать.
выносить — вытаго́ньвать.
выпускать — выпуще́рить.
выростать — выросто́мить.
вырывать — адепе́рить.
выскочить — вы́бѣглѣть.
выстроить — выскла́вить.
высѣкать — змахлава́ть.
выучить — науко́рить.
выходить — выяку́чвать.
вѣрный (тоже что добрый) — кле́вый.
вязать — бату́зить.

Г.

гдѣ — кандзѣ́.
голова — гла́узда.
глаза — уле́пки.
глупый — шму́рный.
гнѣваться — кукэрди́ться.
горѣть — ду́ляться.
говорить — гаври́дзить.
годъ — ки́ндзикъ.
голосъ — пса́лмъ.
голый — гали́мный.
гонять — выкурго́ньвать.
гора — ку́гора.
гарнецъ — ко́втуръ.
горшокъ — ко́втуръ.
горбатый — горбато́чный.
горохъ — гаври́жъ.
городъ — барда́вскъ.
горькій — несаладки́мный.
гость — гасти́минкъ.
государь — цыры́зникъ.
готовить — курля́ть.
грабить — уяпе́рить.
грошъ — хабе́нь.
грибъ — багла́й.
грубый — таусти́мный.
груша — грухтауня́.
грѣхъ — крэ́мъ.
гулять — склави́ть, (не скла́вить).
грѣшу — крэ́млю.
губить — сгубо́рить.
гусь — гэ́рбутка.
грудь (сосцы) — вихталки.

Д.

давать — угу́рить.
давно — шавно́.
дарую — шару́ю.
дверь — скрыпу́ты.
день — ку́день.
деньги — хабни́.
деревня, село — хо́ро.
дерево — ку́древо.
деревянный — кудревя́ный.
держать — ку́держать.
дочь — іо́муска.
длинный — дауги́мный.
добрый — кле́вый.
добро — кле́во.
докторъ — лякобникъ.
дождь — равцѣ́й.
доля, счастье — ку́счастье.

домъ — похосъ.
дрова — абрудки.
дорого — ашарно.
дорогой — дарагимный.
доносить — даякучивать.
дорога — страка.
доходить — даякучивать.
дрожать — калатомиться.
другой — дѣтный.
дядя — цюхцяй.
думать — шумать.
душа — духаука.
дѣвица — каривоня.
дѣдъ — шкрэдъ.
дѣлать — склавить.
дѣло — склаута.
дѣлить — дзѣльвошить.
дитя — фиреня.
дѣти — фиренята.

Е.

его — біего.
еврей — гудлай.
еврейка — гудлайка.

Ж.

жаръ — дулисъ.
жалко — жалывошно.
жарко — духморно.
жарить — сцепурить.
жалѣть — жалвошить.
жать — махлавать.
ждать — ждыкорить.
желать, хотѣть — волить.
желѣзо — куѣзо.
жена — раха.
живой — жывымный.
жито, рожь — зитко.
женщина — раха.
жить — рыговатъ.
желудокъ — химро.

З.

зерно — зитко.
забывать — забэтлевать.
завтра — кузавтра.
завязывать — забатузывать.
задерживать — закудерживать
зажигать — паддульвать.
закрывать — закрывошивать.
занимать—заяперить, непотагонить.
запахъ — пыхъ.
запирать — заканлонивать.
записать — зарепсать.
заплатить — заплавунить.
заслужить — заслугонить.
заставить — застычвать.
защитить — заступорить.
звать — зворить.
здоровый — куздоровый.
здоровье куздоровье.
зеліе — куеліе.
земля — цыра.
зима — сиворка.
злодѣйство — климовство.
злой — неклевый.
змія — хаушня.
знакомый — кузнаемый.
знать — сѣврать.
зубъ — лоскатень.

И.

игра — кугра.
играть — куграть.
иду — якучу, пнаю.
или — альбо.
имѣть — епить.
имущество — похаство.
испортить — неклево, саскавить.
исправить — поправошить.
искать — шукорить.
исповѣдь—успамекрань.

К.

какой — біекій.
камень — питрусъ.
кастелъ — шандзёнъ.
каюсь — жалвошу.
квасъ — буклей.
кватерка — ставерка.
каша — лыкша.

капуста — лапуха.
клевещу — обгавриживаю.
клясться — ахвэситься.
ключъ — закаплошникъ.
книга — репсанка.
кобыла — валецѣга.
колесо — катомка.
колыбель — калыктомка.
колыхать — калыхтать.
картофель — грентуля.
конецъ — звинецъ.
конь — волытъ.
кончать — склавить.
кормить — кармасать.
корова — явлытка.
колоть — размахлавать.
короткій — караткимный.
кость — кастомка.
который — дзіотный.
кожа — шкуронка.
котъ — моцень.
коса — махлычка
кошу — махлую.
копейка — дзвеня, хобни.
край — украй.
красный — красимный.
кровь — красимка.
крупы — крыхоты.
крупникъ — крыхотникъ.
крючекъ — крутомникъ.
крыса, мышь — бацянка.
ксендзъ — василёхъ.
кто — конты.
куда — кандзе.
купаться — пленчиться.
купить — апулить.
курица — варпачка.
кусать — укусморить.
кушанье — тройло.

Л.

лапоть — верзень.
локоть — кумврникъ.
ладонь — фирка.
лгать — юрить.
легкій — легкимный.
лежать — клюжить.
лира — куграчка.
ложка — карабля.
ловить — лавацкать.
лить — чанить.
ломать — ламаскать.
лѣсъ — оксимъ.
лѣсной — оксимникъ.
лѣто — снопка.
лѣкарство — лекобство.
лѣчить — лякомить.
любить — скульбанить.
люди — фиране.
любезный — скульбанный.
лягушка, жаба — дулѣска.

М.

мало — микро.
маленькій — микренькій.
масло — висло.
мальчикъ — лабзючокъ.
медъ — саладкимникъ.
медвѣдь — лухмѣй.
меньшій — микрѣйшій.
мать — маница.
мерзлый — сиворный.
мертвецъ и мертвый — халющій.
морозъ — сиворъ.
морковь — саладкимница.
молодой — трапёлый.
младшій — трапёлѣйшій.
много — посо.
миска, тарелка — скитэля.
можно — падрабяще.
мой — манэскій.
молодость — трапёлость.
молотить — лапатить.
молоко — гальмо.
молчать — сапать.
молиться — чуняться.
молитва — шацера.
море — гальмая, дэлька.
мѣсто — шусто.
мельница — дзергутникъ.
макъ — гарнаснопъ.
мыть — плинчить.
мудрый — севручный.
мужчина — логъ.

мудрость — се́вра.
мужъ — му́сень.
музыкантъ — кутра́чъ.
мука́ — трусня́.
мучить — дутмо́рить.
мыслить — шу́мать.
мѣрить (тоже что давать).
мѣнять — мѣ́нчить.
мягкій — мягки́мный.
мѣстечко — шу́сто.
мясо — кре́асо.
мять — дзергу́тить.

Н.

набожность — ахвэ́сность.
набожный—ахвэ́сный.
наградить (тоже что дать).
надѣвать — склю́жвать.
называться — зыво́риться.
наказывать (тоже что бить).
наконецъ — назвине́цъ.
нападать — напанды́чить.
написать — ре́псать.
напоминать — спомикра́ть.
наполнять — нача́нить.
напрасно — ша́рно.
народъ — хвира́не.
наслѣдникъ (тоже что сынъ).
наставлять — насты́чвать.
наставникъ — насты́чникъ.
наставница — насты́чница.
наступать — насты́чвать.
натягивать — нацегмо́ньвать.
наука — науко́ра.
научать — науко́рвать.
находить — знахтэ́рить.
начало (тоже, что конецъ).
начальникъ господинъ — ковру́гъ.
нашъ — манѣ́скій.
невинный — несклa̋вный.
невинность — несклa̋вность.
невѣстка — іо́нущая.
недавно — неша́вно.
недѣля, воскресенье — миру́ля.
несть — тагани́ть.
низкій — ми́крый.
никто, ничто — нико́нты.

новый — нови́нный.
нога — хады́рка.
нора, дыра — шму́рка.
ночь — ки́масць.
ножъ — ма́хиръ.
ночевать — кима́ць.
носъ — чиха́съ.
нѣмой — нѣманѣ́скій.
нужно, нужда — патребя́ще.
нужный — патребя́щій.

О.

обижать — пакрыво́шить.
обманывать — ашуко́рывать.
обнимать — абъю́хцить.
обработывать — скла́вить.
образъ, икона — ахвэ́сникъ.
обрывать — абармо́нить.
объявлять, объяснять — абговри́дить.
обѣдать, завтракать — тро́ицъ.
обѣщать, — угу́рить.
овца — мэ́рхля.
огонь — ду́лисъ.
огненный — ду́лисный.
одинъ — іо́дзинъ.
одинокій (тоже что одинъ).
одалживать — пазыко́рить.
однажды — іо́дзинъ ку́разъ.
одѣвать — склю́жвать.
оживать — оживы́мнять.
ожидать — ждыко́рить.
оказываться — оживо́рваться.
оковать — укуѣ́зить.
около — кале́.
окроплять — крапо́шить.
окно — зекро́.
онъ — бѣ́іонъ.
опасаться, бояться — шкудра́ться.
опять — бэ́тлевъ.
орѣхъ — ло́скотень.
освобождать — пуще́рить.
осень — падсиво́рка.
ослѣпнуть — окалѣ́пнуть.
оставлять — осты́чвать.
остерегаться — ощеримоньваться.
острый — астри́мный.
осуждать — абгаври́жвать.

ось (тоже что возъ) — ко́цэнь.
отборный — кле́вый.
отводить — атвандзе́рить.
отворить — аткапло́ньвать.
отвѣчать — атгаври́жвать.
отдавать — атдзека́ть.
огурецъ — ахму́ръ.
отдыхать — паклюжить.
отецъ — башта́й.
отзывать — атзыво́рвать.
отказывать — атгаври́жвать.
откладывать — атклюживать.
открывать — аткрыво́швать.
откуда — азбѣ́куль.
открытый — аткрыво́шный.
отмѣнить — атмѣ́нчить.
отнимать — адепе́рить.
отправлять — атправо́швать.
отрѣзывать — атмахлёувать.
отсылать — атсыло́швать.
отсѣкать — атмахлева́ть.
отсюда, оттуда — атбѣ́туль.
офицеръ — ёршій.
охотиться — во́литься.
охранять (тоже что закрывать).
охриплость — неможни́му гаврида́ть.
ошибаться — ашуко́рваться.

П.

падать — панды́чить.
палка — биштуръ.
палецъ — ша́лецъ.
памятовать — шу́мать.
пастухъ — лапсты́рь.
перебирать — перееще́рвать.
переводить — перевендзе́рвать.
передавать — передзека́ць.
перемѣнять — перемѣ́нчить.
печь — стэ́пра.
пить — кѣ́рить.
пьяный — кѣ́рный.
переносить — перетаго́ньвать.
переплывать — перепле́нчвать.
перепрыгивать — перескаку́рить.
переставать — асты́читься.
переходить — перехаиджо́вввать.
писать — ре́псать.
письмо — ре́псане.
питье — ки́ренье.
платить — плаву́нить.
плакать — плы́кшать.
платокъ — хвилюстка.
плести (тоже что дѣлать).
плѣть, кнутъ — менчуга́.
плясать — скакура́ть.
побросать — куро́цить.
повалить — покато́мицъ.
повелѣть — сконтава́ть.
погибать — пропанды́чить.
погребать — пахатра́ть.
погребеніе — похатра́ніе.
пода́ть — падзекну́ть.
поддерживать — падузергуля́ть.
подкладывать — подклю́жвать.
подкупать — апуля́ть.
поднимать — подъю́хчвать.
подступить — подступо́рить.
подходить — подъяку́чвать.
пожаръ (тоже что горѣть).
позади — ку́заду.
подушка — пухтовня́.
пуховикъ — пухтовни́.
поздній — пешуранній.
поздо — пешу́рано.
поздравлять — паку́здаравить.
показывать — пакантоувать.
покидать — покуро́чвать.
покончить — саскла́вить.
покрывать — склавить.
поле — три́поле.
полночь — посередки́мосць.
полный — ло́пный.
половина — лахтави́на.
полтора — лопна съ лахтави́ною.
получить — падзекну́ть.
польза — карысто́мка.
помнить — се́врить.
помогать — помаго́рить.
понимать (тоже что помнить).
приказывать — прикантоувать.
попадать — упанды́чить
поправляться—поправо́миться.
пора — патрабя́ще.
посылать — посылошить.
посѣять — пача́нить.

потерять — згуборить.
потъ (тоже что вода).
почему — накоито.
пасха — галемитникъ.
правда — куправда.
поясъ — звиняръ.
преступникъ — крэмникъ.
прибыть — пріякуцить.
приводить — привандзерить.
привыкать (тоже что жить).
привязывать — прибатузвать.
приготовлять — пригатомить.
придумать — пришумать.
признаваться — присѣвраться.
призывать — призыворить.
приказывать — врикантовать.
принимать — пріюхцить.
приносить — притагонить.
принуждать — прицисморить.
припоминать — спамикрать.
приступать — приступарить.
присылать — присылошить.
приходить — пріякуцить.
пріучать — пріукорить.
пріятно — клеве.
пробуждаться — пріокниматься.
пробѣгать — пробѣглять.
продавать — пропулять.
прозывать — прозыворить.
псаломщикъ — псальникъ.
пчелы — буркатни.
пѣть — псалить.
пятница — пенджатница.

Р.

работа — склавота.
работать — склавотить.
радостный — радомный.
радоваться — радомиться.
раждать — радомить.
разбивать — раскулвать.
разбойникъ — раскулванникъ.
разбудить — пабуджерить.
разговоръ — гавридка.
разводить — развенджерить.
развѣдывать — разсѣвривать.
развязывать — разбатужвать.
различный — разлитомный.
разрушать — раскурочвать.
разсказывать — раскантоувать.
разсудить — разсудомить.
разъ — куразъ.
ракъ — склавотникъ.
рана — курана.
ранѣе — шуранѣй.
раненый — кувѣрный.
ранній — куранній.
ранить — кувѣрить.
распускать — распущервать.
расти — вырастомить.
расходиться — разъякутиться.
решето — трухло.
рваться — деператься.
ровный — равнимный.
ровъ — шмурка.
ротъ — хвайло.
родственникъ — купріянъ.
родство — купріянство.
родиться — урадомиться.
роскошь (тоже что добро).
рубить (тоже что дѣлать топоромъ).
рука — фирка.
рубашка — манатка.
рыба — псалка.
рѣдкій — рѣдкимный.
рѣдко — рѣдкимно.
рѣдька — горчимна.
рѣка — склавута.

С.

садъ — садомникъ.
самъ — сабасный.
свинья — керха.
свадьба — венѣйко.
свой — сабѣскій.
свѣтъ — сянъ.
свѣча — щудрейка.
свѣтить — сянить.
священникъ — кархвилъ.
святой — сянный.
священнодѣйствіе — слугомка.
сдавать — сдзекнуть.
сдается — сдзекается.
сдерживать — кудзержулять.

себя, меня — манько́.
сегодня — ку́сегодня.
сей, этотъ, онъ — бѣ́іонъ.
секретно — нисе́вро.
село — хо́ра.
семья — хвирья́.
семейство — хвиря́не.
среда — скиро́тница.
серебро, монета — плѣ́нные хабни́.
сердитый — кувердзи́тый.
сердиться — кувердзи́ться.
сестра — а́ндруска.
серпъ — махлы́чка.
сидѣть — така́чить.
сильно — духмо́рно.
сильный — духмо́рный.
сказать — скантава́ть.
скверный — пакля́вый.
скамейка — тре́пезикъ.
склониться — пачуни́ться.
сколько — бѣ́кулько.
скоро — маргомъ.
сковорода — куѣ́зница.
скрипка — кутра́чка.
скрипѣть — кугра́ть.
скрывать — пакрыво́шить.
скупой — некле́вый.
слабый — труня́щій.
слабѣть — труни́ть.
слава — ку́слава.
славный — ку́славный.
сладкій — сладки́мный.
слишкомъ — по́со.
слово — ку́слово.
слуга — слуго́мникъ.
служанка — слуго́мница.
служить — слуго́мить.
слышать — слыхтава́ть.
слѣпой — калѣ́пный.
смерть — ха́ля.
смертный — ха́ляпный.
смотрѣтъ — улѣ́пвать.
ссыпать — ща́нить.
смѣяться — лыхта́ться.
смѣхъ — лыхта́не.
снимать — изъю́хчвать.
снѣгъ — плѣ́нникъ.
собака — ски́цъ.
собирать — зепе́рвать.
солдатъ — бо́тузъ.
селедка — га́русникъ.
солнце — сся́ко.
соль — га́ласць.
соха — алы́зница.
сохранить — схатра́ть.
сермяга — сипья́га.
сѣно — вихро́.
сало — кре́асо.
сапоги — о́пуки.
спать — кима́ть.
спорить — лабу́ниться.
справа — справо́шно.
спрашивать — папыто́шить.
спускаться — зъѣ́рчить.
сравнивать — зравни́мнить.
сражаться — ку́латься.
сраженіе — ку́ланье.
средина — ку́середина.
ссориться — лабу́ниться.
ставить — сты́чить.
стаканъ — жуклѣ́йка.
старый — іо́рый.
старость — іо́рость.
староста — іо́раста.
старшій — іоршій.
столъ — тра́пезъ.
столько — бѣ́кулько.
сторожить — стерего́мить.
стоять — сты́чить.
сторожъ — стерего́мникъ.
странникъ, нищій — любко́.
страхъ — страхобникъ.
страшный — страхо́мный.
строить — скла́вить.
ступать — пакку́цить.
стыдливый — карамо́тный.
стыдъ — карамо́тъ.
стыдно — карамо́тно.
стыдиться — карамотиться.
судъ, судья — судо́мникъ.
судьба, счастье — ку́щастье.
судить — судо́мить.
суровый — некле́вый.
сухой — сухмо́рный.
счастливый — ку́счастливый.
считать — литэ́рить.

сынъ — іóнусъ.
сѣверъ, полночь — паукúмосць.
сидѣть — кáчить.
сѣять — чáнить.
сюда, ко мнѣ — къ манькý.
субота — базáтка.
сукно — вихнó.
сумка — шáня.

Т.

тайно — никóнто.
также — бѣ́також.
такъ — бѣ́такъ.
тамъ — тóнтумъ.
твердый — тверузúнный.
твой — табѣ́скій.
течь — теклю́нить.
теленокъ — евлыдзеня́.
темный — кáлепный.
теперь — кýцеперь.
теплота — снапнена́.
теплый — снóпный.
тепло — снапнó.
терпѣть — кýцерпѣть.
темно —кáлепно.
терять — сгубóрить.
тесть (тоже что отецъ).
тихій — цихмóрный.
тихо — цихмóрно.
ткачъ — ласкóтникъ.
товарищъ — áндрусъ.
товаръ — клевата́.
только — бѣ́тулько.
тонкій — тонкúмный.
топоръ — марму́ля.
торговецъ — алу́льщикъ.
торговля — праполя́ня.
тотъ (тоже что онъ).
трава — вихрáтница.
требовать — надрабáщить.
трезвый — некáрный
трогать — чапурáть.
трудно — неклéво.
трусливый — калатóмный.
туда — бѣ́туда.
ты — табкó.
тѣнь — кýцѣнь.
тѣло — кýцѣло.
тѣсто — кýцѣсто.
тѣсный — кýцѣсный.
тяжело — кýцяжко.
тяжелый — куѣ́зный.

У.

убѣгать — пабѣгля́ть.
увеличивать — упáсувать.
угадывать — атканtовáть.
ударить — кулнýть.
удивиться — дзивóмиться.
узнать — усѣ́врать.
умершій — пахимéвшій.
умирать — химѣ́ть.
умный — клéвый.
умѣть — скумѣ́ть.
управлять — управóшвать.
уступать — устанóрвать.
утверждать — приканtавáть.
утро — шýрано.
ухо — слúхто.
ученикъ — укóрникъ.
ученіе — укóра.
учиться — укóрниться.
ученый — укóрный, клéвый.
училище — укóрване.
учитель — укóрникъ.
учительница — укóрница.

Х.

хвалить — хвалёшить.
хитрый — клéвый.
хлѣбъ — супѣ́ха.
хата, домъ — пóхосъ.
холстъ — лóскаць.
ходить — ханджевáть.
хозяйка — манѣ́ская рáха.
хозяинъ — пахáзникъ.
холодъ — сивóръ.
холодный — сивóрный.
холостой — нивенѣ́йчанный.
хорошій — клéвый.
хотѣть — вóлить.
храбрый — клéвый.
храмъ — клюса́.

хранить — хатра́ть.
христосъ — ахвэ́са іо́нусъ.
хрѣнъ — гарчи́мникъ.
хрипѣть — труни́ть.
худой — неклё́вый.

Ц.

царь — цыри́зникъ.
царица — цыри́зница.
церковь — клюса́.
цѣлый — цали́мный.
цыбуля, лукъ — бардзу́ля.

Ч.

часто — ку́часто.
часть — кума́точекъ.
часъ — ку́годзпна.
человѣкъ — логъ.
черный — чарни́мный.
чернить — чарни́мнить.
честный — кле́вый.
чистый — кле́вый.
чтеніе — ре́псане.
что, кто — ко́нто.
чужой — чужама́рный.
чуткій — слы́хтный.
чѣмъ — ко́нтымъ.

Ш.

шагъ — ку́разъ ступо́рить.
широкій — широки́мный
шкура — шкуро́мка.
шапка — каму́ха, каме́ця.
штаны — насты́зники.

Ѣ.

ѣсть — тро́нить.
ѣхать — ѐ́рчить.

Э.

этотъ (тоже что онъ).

Я.

я — манько́.
языкъ — ле́мехъ
яйцо — явра́тко.
яблоко — висля́тко.
ясный — ку́ясный.
яма — шму́рка.

Счетъ.

1 — іо́дзинъ.
2 — дзвиня́.
3 — скирья́.
4 — сэ́саръ.
5 — пянджа́.
6 — ша́ндра.
7 — семты́нъ.
8 — ахты́неръ.
9 — дзевенджа́.
10 — дзе́канъ.
11 — дзе́канъ јо́дзинъ и т. д.
20 — дзвиня́ дзе́канъ и т. д.
100 — дзе́канъ куреза́въ падзе́канъ.
далѣе 100 счету нѣтъ.

Монеты.

рубль — хрущъ.
гривна — дзвеня́ дзе́канка.
15 коп. — руса́новка.
20 коп. — сэ́саръ дзе́канка.
30 коп. — дзвеня́ русаны́.

Названія нѣкоторыхъ селеній.

Семежово — Лухми́нскъ.
Бучатино — Бишту́рово.
Лѣшня — Кре́мница.
Тимковичи — Звиняро́вичи.
Копыль — Каици́нскъ.
Слуцкъ — Борда́ускъ.
Клецкъ — Краме́цекъ.
помѣщичья усадьба — хво́ртъ.

IV.

ОТЗЫВЪ А. Ф. БЫЧКОВА О СЛОВАРѢ О. СЦЕПУРО.

Разсмотрѣвъ «Русско-нищенскій словарь», составленный изъ разговора нищихъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи мѣстечка Семежова, я нашелъ, что онъ состоитъ:

а) изъ словъ Русскаго языка съ приставкою къ нимъ слоговъ *бѣ* и преимущественно *ку* въ началѣ или въ срединѣ, если слово сложное съ предлогомъ, наприм.:

встрѣча — кустреча.
завтра — кузавтра.
задерживать — закудерживать.
здоровье — куздоровье.
сегодня — кусегодня.
сколько — бѣкулько и т. д.

б) изъ словъ, употребляемыхъ офенями Владимірской губернія. наприм.:

	офен.	нищен.	
баба	куба	цуба	к = ц.
ворота	скрыпы	скрыпуты	звукоподраж.
дверь	скрипота	скрыпуты	
рубль	хрустъ	хрущъ	ст = щ.
годъ	киндрикъ	киндзикъ	д = дз.
человѣкъ	лохъ	логъ.	
мужъ	мусень	мусень.	
лапти	верзни	верзень (лапоть).	
хорошій	клевый	клевый	област.
холодъ	сивонъ	сиворъ	
спать	кимать	кимать.	
мясо	кресо	креасо.	
соль	ялость	галасць.	

	офен.	нищен.	
топоръ	мамора	мармуля.	
одинъ	іоный, іонъ	іодзинъ.	
четыре	тисеро	сэсаръ.	
пять	пенда	пенджа.	
шесть	шонда	шандро.	
десять	деконъ	дзеконъ	д = дз.

и мн. др.

в) Изъ словъ (ихъ число небольшое), въ которыхъ видно вліяніе Польскаго языка, какъ напр.

пятница	пенджатница.	
темно	калепно	slepie — очи.
глаза	улепки.	

г) Изъ словъ, измышленныхъ самими нищими; послѣднія во многихъ отношеніяхъ любопытны, и поэтому я полагаю, что было бы не безполезно доставленный сборникъ словъ напечатать.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 1.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ СИНОДИКЪ.

А. Н. Пыпина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1880.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1880 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ СИНОДИКЪ.

(А. Н. Пыпина).

Въ нашей бытовой и литературной старинѣ есть еще много областей, ожидающихъ изслѣдованія; одна изъ нихъ, и одна изъ наиболѣе требующихъ вниманія, есть, безъ сомнѣнія, литература старообрядчества-раскола, къ которой принадлежитъ и сообщаемый далѣе памятникъ. Существующія книги о расколѣ доставили, правда, не мало данныхъ и объ его литературѣ, но она все еще не выяснена и, главное, доселѣ не описана, — потому что ни книга Павла Любопытнаго, ни трудъ Александра Б., ни каталоги рукописныхъ собраній не представляютъ всего объема литературы раскола. Словарь Павла Любопытнаго давно уже указывалъ на необходимость такого описанія: самъ расколъ старался привести въ извѣстность свой литературный матеріалъ; давно бы пора научно-историческому изслѣдованію довершить начатое имъ дѣло. Въ прежнее время эта задача, быть можетъ, была бы затруднительна для исполненія: изученіе раскола было возможно почти только съ точки зрѣнія церковнаго обличенія или административно-судебнаго преслѣдованія. Теперь, возможность изслѣдованія чисто-научнаго значительно возросла. Книга Александра Б., хотя далеко неполная, была замѣчательнымъ образчикомъ подобнаго изслѣдованія; въ 1860 годахъ могъ быть изданъ цѣлый рядъ раскольничьихъ книгъ — въ качествѣ истори-

ческаго матеріала (изданъ, кажется, не безъ содѣйствія самого раскола). Сколько мы знаемъ, существуетъ обширное собраніе раскольничьей литературы, составленное извѣстнымъ изслѣдователемъ нашей народной старины, Е. В. Барсовымъ (въ Москвѣ), который готовитъ, или уже изготовилъ, и обстоятельное описаніе своего собранія. Надо желать, чтобы это описаніе увидѣло наконецъ свѣтъ: для историческаго изученія дѣломъ первой важности было бы имѣть полный инвентарь матеріала — преимущественно, почти исключительно рукописнаго, рѣдко собираемаго и потому мало доступнаго.

Нѣтъ надобности разъяснять необходимость историческаго изученія, о которомъ говоримъ. Это изученіе пріобрѣтаетъ особенную важность тѣмъ, что расколъ не есть только прошедшій, историческій, но понынѣ живущій фактъ. Настоящее связано здѣсь съ прошедшимъ не одной преемственной смѣной историческихъ событій, но прямымъ непосредственнымъ продолженіемъ того же самаго явленія. Современное старообрядчество не только ищетъ сохранить, но и дѣйствительно сохраняетъ старое преданіе XVII-го вѣка: оно держится до-Никоновскихъ книгъ, до-Никоновскаго обычая, отвергая всѣ позднѣйшія «новшества», какъ съ другой стороны на немъ продолжаетъ тяготѣть проклятіе, наложенное въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ понятіяхъ, литературѣ, нравахъ старообрядчества мы очень часто можемъ очутиться въ самомъ XVII-мъ вѣкѣ, увидѣть его во-очію.

Вопросъ, важный исторически, столько же важенъ въ отношеніи этнографическомъ и народно-образовательномъ. Численность раскола и старообрядчества доходитъ до десятка милліоновъ самаго подлиннаго р у с с к а г о народа. Такимъ образомъ, если заходитъ рѣчь о «народѣ», имя котораго безпрестанно теперь повторяется людьми всевозможныхъ различныхъ взглядовъ, то, опредѣляя «народъ», нельзя же упускать изъ виду этотъ огромный процентъ русскаго племени, который съ XVII-го столѣтія (или еще далѣе) и понынѣ ведетъ свою особую жизнь, который своими преданіями удаленъ отъ насъ до крайней общественной

ной и образовательной отчужденности. Государство съ тѣхъ поръ безплодно боролось съ сопротивленіемъ раскола войти въ общую церковную жизнь, и оставило его внѣ общаго теченія жизни гражданской. До послѣднихъ десятилѣтій расколъ разсматривался у насъ только какъ отщепенство, упорное удаленіе отъ общей (?) народной жизни, исключеніе, почти какъ измѣна; съ точки зрѣнія исторической онъ долженъ представляться не только въ этихъ отрицательныхъ чертахъ, но и какъ положительный фактъ: это — многомилліонная часть нашего племени, которой двухвѣковая исторія и бытъ должны считаться выраженіемъ, съ извѣстныхъ сторонъ, того же русскаго народнаго характера — и не въ ущербъ послѣднему, потому что многія черты раскольничьяго быта внушали и нашимъ знатокамъ его и наблюдателямъ иноземнымъ положительное сочувствіе...

Въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ обратить вниманіе на одинъ памятникъ литературы старообрядчества, до сихъ поръ, сколько помнимъ, не отмѣченный въ исторической литературѣ, но очень любопытный относительно церковности и историческихъ преданій раскола. Это — «Синодикъ», или «Помянникъ», «Поминаніе», какъ онъ называется въ самой рукописи. Въ заглавіи его сказано, что онъ составленъ по благословенію «великаго господина и первонастольнаго отца нашего святѣйшаго Іова патріарха московскаго и всея Россіи», но любопытная своеобразность его заключается именно въ томъ, что «Синодикъ» примѣненъ спеціально къ кругу лицъ, памятныхъ для раскола и имъ поминаемыхъ: кромѣ лицъ священной и церковной исторіи, это — или историческія лица тѣхъ временъ, когда въ русской жизни, по мнѣнію раскола, еще не было нарушено «древнее благочестіе», или прямо дѣятели и подвижники самого раскола, память которыхъ онъ желалъ сохранить и почтить. Русская исторія, признаваемая расколомъ, по этому «Синодику» оканчивается половиной XVII-го вѣка: послѣдній патріархъ, упомянутый здѣсь, есть Іосифъ; послѣдній царь московскій — Михаилъ Ѳедоровичъ. Подвижники раскола составили цѣлый мартирологъ, съ обозначе-

ніемъ лицъ поименно, или въ общихъ числахъ, и съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ подвижники пострадали. Названныя здѣсь мѣста простираются отъ Пустозерска и Холмогоръ до Дона и отъ «Питера» до Сибири. Самое раннее хронологическое показаніе — 1676 г., самое позднее — 1738.

Экземпляръ, въ которомъ мы читали «Синодикъ», есть новая рукопись, небольшаго формата, писанная (повидимому, въ 1825 году) раскольничьимъ полууставомъ, на 66 помѣченныхъ и 17 непомѣченныхъ листахъ, въ кожаномъ переплетѣ.

Заглавіе: «Бж҃іею млтію составися сей Синодик'. По блгословенію великаго гдина и первонастольнаго оца нашего стѣйшаго Іова патріарха московскаго и всея Россіи.

«Сей Помянникъ сложенъ бысть на подобство вселенскаго канона. Иже сотворенъ бысть по усопшихъ в' мясопустную суботу».

Нач. «Статія а҃. Помяни гди дша усопшихъ рабъ своихъ и рабынь, яже отъ твоея бж҃ія руки созданнаго чл҃ка отъ земли, прадѣда нашего Адама, и его супруги прабабы нашея Еvвы, отъ них' же народившихся и познавшихъ тебѣ (sic) творца всѣхъ» и проч.

Затѣмъ слѣдуютъ двѣ поминальныя статьи: «статія вселенская большая» и «статія вселенская малая», не имѣющая никакого спеціальнаго примѣненія къ расколу. Наконецъ, на л. 34—66 идутъ статьи, ниже приводимыя вполнѣ.

На послѣднихъ неперемѣченныхъ 17 листкахъ: «мца декабря въ ѳ҃ днь. Зачатіе стыя Анны, зачатъ (sic) егда зачатъ стую бцу» и проч.

Въ самомъ концѣ помѣта владѣльца съ датой: «1825. Рига».

Заглавія и отмѣтки на поляхъ писаны, по обыкновенію, киноварью.

Текстъ приводимъ безъ всякихъ перемѣнъ, кромѣ распредѣленія нѣкоторыхъ абзацовъ, слитно или неправильно поставленныхъ въ рукописи.

Для историко-литературнаго изслѣдованія этого памятника прежде всего необходимо, конечно, опредѣленіе его текста или

текстовъ. По самому содержанію его можно думать, что онъ былъ въ значительномъ, быть можетъ, обычномъ употребленіи въ расколѣ; при этомъ онъ могъ подвергаться передѣлкамъ *). Изъ личныхъ сообщеній мы знаемъ, что этотъ памятникъ извѣстенъ Н. С. Тихонравову по рукописямъ московскимъ, и г. П. Владимірову, внимательно изучавшему рукописи Соловецкой библіотеки въ Казани. Историкъ провѣритъ и пріурочитъ данныя о преслѣдованіяхъ, давшихъ раскольничьему «Синодику» такой обширный мартирологъ; историкъ литературы между прочимъ обратитъ вниманіе на одну подробность стиля: въ одномъ мѣстѣ оригинально слышится народно-поэтическій складъ.

---

*) Ср. показаніе Павла Любопытнаго объ Алексѣѣ Родіоновѣ, «апостатѣ, бывшемъ знатномъ членѣ Поморской церкви», умершемъ въ 1780 г., 70 лѣтъ. Этотъ Родіоновъ — «преобразовалъ въ сокращенной формѣ на вселенской панихидѣ большую и малую статью, употребляемыя нынѣ во всѣхъ церквахъ старообрядчества». Раскольническая библіографія, М. 1861 (изданіе «Библіогр. Записокъ»), стр. 50—51.

Статія вселенская о оусопши.

Помяни гди дшы оусопшихъ рабъ своихъ и рабынь, прежде почившихъ вѣка сего отъ адама и до сего дне.

Помяни гди дшы иже во блгочестивѣй вѣрѣ преставльшихся рабъ своихъ; стѣйшихъ вселенскихъ патріархъ. и московскихъ патріархъ, Іова, Ермогена, Филарета, Іоасафа, Іосифа. Православныхъ и блговѣрныхъ црей, и царицъ, и чадъ ихъ. Преосщенныхъ митрополитовъ, и блговѣрных великихъ кнзей, и великихъ кнгинь, и чадъ ихъ, и бголюбивых всѣх архиепкповъ, и епкповъ, и прпбныхъ архимандритовъ, и игоуменовъ. Архиереовъ, и іереовъ, архидіяконовъ, и діяконовъ. и всего иерейскаго. и иноческаго и діяконскаго чина, и весь причетъ црковный.

Помяни гди дшы усопшихъ рабъ своих и рабы всякъ возрастъ, и всяко достояніе. старыя и младыя, отроки и отроковицы, и млнцы, всякою смертію, или смертоносною язвою, скончавшихся, в правовѣрной и в православной вѣрѣ.

Помяни гди дшы оусопшихъ рабъ своихъ и рабынь. праоцъ і оцъ и братію нашю, и иже здѣ лежащи, и повсюду православныхъ хртіанъ мужескія пол и женскія; во всяко возрастѣ и родѣ, и во всяко чину преставльшихся на всякомъ мѣстѣ вл҃чествія твоего; а имена ихъ ты гди милосердыи бже са вѣси.

Статія а҃-я.

За блгочестіе пострадавшихъ.

Сщенпопротопопа аввакума, сщенноіерея лазаря сщеннодіякона ѳеодора, инока епифанія; кипріяна оуродиваго, ѳеодо́ра, луки, димитрія; — пустозерскія.

Инока авраамія, исаія, максима, иоасафа инока. инока филиппа. сщенноіерея никиты, сщеннопротопопа даніила, михаила, никиты, блговѣрныя кнгини ѳеодосіи во инокиняхъ ѳеодоры. евдокіи, маріи, иноки іоустины схимницы; евдокима, козмы, прокопія, самуила. кирика, іоанна, поліекта. инока ѳеодора, иноки евдокіи сожженныя, иноки евдокіи сожен. иноки иоустины. инока тимоѳея. алексія, лазаря, іоанна, инока варлаама, тимоѳея, родіона, ѳеодора оутопшаго. георгія. инока спиридона, инока саватія, инока триѳилія. — москов.

Андрея, григорія, — до́нскія.

савы, и прочи седмидесяти четырехъ. — на моск замучен.

Инока прохора, инока вавилы схимника. сщ҃еннопротопопа логина, инока леонида схимника, симеона, иродіона, никиты сожженнаго, феодора сожже҃. михаила, инока капитона, инока іякова схимника. — вязниковскія.

Феклы, симеона, іоанникія, инока филарета, алексія. филиппа, никифора, никиты, андрея, инока феодосія, и иже сниᷯ, ино᷃ александра. — нижегородскія.

Инока гедеона, и иже съ҆ нимъ, инока корнилія и прочихъ, м҃. (40). инока иларіона. — в҆ каза᷃ помногиᷯ мукаᷯ соᷯ.

Афанасія, феодота, инока кирилла. инока лаврентія; харитона, максима, и всѣᷯ иже сними, рп҃ѳ. (189). — астраха᷃ и донскія.

Феодора сожженнаго. — в҆ рыльскѣ.

Статія в҃-я.

Сщ҃енноеп҃кпа павла, симеона, поликарпа, андрея, марка, тита. матроны дѣвицы, вᷯ. *) александра, гавріила, инока филиппа, иякова. инока варлаама, василія, еᷯ. парасковіи дв҃цы вᷯ. іякова, никифора, кондрата. григорія, іоанна вᷯ. ксеніи, марѳы, софронія. григорія. татіаны вᷯ. лаврентія, афанасія, феодора, димитрія, логина, епимаха, іосифа. татіаны, иоуліаніи, сампсона, акилины, симеона, евсевія, іова, дионисія; — новгоро᷃скія.

Инока пахомія, инока варлаама, григорія и оучениковъ ихъ, герасима, петра, іо- — псковскія.

---

*) Т. е. дважды, два лица того же имени. Такъ и далѣе.

анна, евфросиніи, меланіи, мареы, евфиміи, симеона, гавріила, трофима, савы, афанасія.	
Свщенноархимандрита никанора. игнатія, іоанна, іоакима, инока харитона, ееодора, инока маркела, инока епифанія. инока макарія. самуила, хрисанеа. инока іякова, инока іоасафа. іякова, кирилла, симеона, стефана, трофима, инока еомы, инока митрофана. стефана, іоанна. іова. иларіона. инока димитрія. еаддѣя, инока тихона, инока симеона, инока гурія, инока герасима, инока іоны, инока гурія. и прочихъ иже въ соловѣцкой обители пострадавшихъ пяти сотъ.	соловецъ въ лѣт зрпд*) генв въ кѳ въ суб мя поутру.
Іоанна, мавры, мартина, іоанна.	кольскія.
Тимоеея, алексія, макарія, андрея, инока ееодосія, іеремія, захаріи, акилины, мавры, татіаны, ееодора, инока андроника, іоанна юродив. мемнона, ануфрія, инока іоасафа. луки, акилины, февроніи, сергія, іеремія. іеремія. меланіи, марины, каптелины.	холмогорскія и градскія.
Іякова, іякова, ееодосіи двцы, свщеннодіякона ееодота, петра, діомида, порфирія, прокопія блгоюродиваго, іоанна; іоанна, зотика, иларіона, игнатія, ееодора, ееодора, михаила, мартиніана, іоанна, ксеніи, григорія.	въ сибири.
Стефаниды, ирины, іоанна, никиты, параскевіи, іерофея.	вологодскія.
Аеанасія, іоанна, неонилы, василія, авраамія, василія, андрея, леонтія, андрея, гликеріи, іоанна.	каргапольскія.
Артемія, потапія, іоанна, елеазара, никиты, в*; инока трифилія, никифора, васи-	олонецкія.

*) 7184=1676 г.

лія. симеона, іоанна, александра, іероѳея, евдокіи, наталіи, григорія, марка, тимоѳея, парамона, іякова. анны, ксеніи, мамельфы двцы, акилины, іякова оутопшаго, гавріила, кондрата. агаѳіи. софронія, неофита.

Іоанна, симеона, ѳеодота, василія. Инока пафноутія, инока корнилія, маркела, игнатія, андреяна. въ питерѣ.

Статія г҃-я.

Сожженныхъ бл҃гочестія ради.

Въ палье островѣ во рч҃е-мъ (195=1687) году. марта къ д҃-му числу. Инока игнатія, и иже снимъ терентія. и прочихъ двѣ тысящи, седмсотъ. На бѣрѣзовѣ, на волокѣ, во рч҃е-мъ (195=1689) году, августа въ ѳ҃ днь. Инока пимина, и иже снимъ, георгія, и проч. на палье островѣ, во рч҃з-мъ (197=1689) году. ноября къ кг҃-му дню; Инока германа. инока ефрема, емеліана, и иже съ ними. иноки іоуліаніи, иноки екатерины, иноки евфиміи, евфиміи, татіаны, владимира, стефана, павла, парфенія, гавріила, и прочихъ тысяща пятьсотъ. въ горахъ подъ олонцомъ. Иларіона, іоанна и иже съ нимъ ,а҃ (1000). на галье озери. Евстафія и иже съ ним сожженныхъ, кѕ҃.

Симеона, іоанна, и иже съ нимъ уп҃. (480). въ корѣлы.

Ѳилиппа, и иже съ нимъ, андрѣя, ѳеодора, и прочихъ сп҃. (280). на совдозери.

Агафоника, прокопія, памфила, и иже въ вонь горахъ.

сними сожженых ск. (220). И рабъ твоихъ іже в' дорахъ (sic) скончавшихся: михаила, іоанна, и прочих' сними. Петра, и иже с'нимъ сожженыхъ триста. В' пудугѣ лобз'мской декаб к' д числу. Инока іосифа, и иже с'ним' сожже. В' пудугѣ в' году сам (201=1693) август ві. Инока іосифа оубіеннаго, и иже с' нимъ сожже, василія, инока селивѣстра, и прочихъ с' ними: Григорія, и иже с' ним'. афанасія оубіеннаго и прочих' сожже с' ним.	на шелонѣ рецѣ. оу моря в' рчѳ (199=1691) год.
Священноинока даніила, и иже с'нимъ сожженных ,а (1000) седмь сотъ.	в'тобольском оуездѣ в' пустыни.
Инока ефрема, инока пимина, и иже сними сожженных двѣстѣ. и василія оутопшаго.	в' тюмен оуездѣ на рѣчкѣ тѣгенѣ.
Инока матѳея, михаила, и иже сними сожженныхъ рн. (150).	в' другановѣ.
Василія, іоанна, и иже сними сожженых н (50).	в' кошуц' пусты.
Ѳеодота, и иже с'ним сожженыхъ іѕ. (36).	на ишимѣ.
Даніила, іоанна, и иже сними сожженых н (50).	в' сибири.
Священнодіякона конона, и иже с'ним' сожженных шестидесяти.	в' перми.
Іоанна, и иже с'ним сожженных, братіи і сестр', рми (148). В'сибири. Іоанна.	в' кошуц' пуст, в' сибири.
Артемона, іоанна, ѳеодота, и прочих' сожжен сними, ои. (78).	в' сібирѣ на евѣ.
Терентія, зотика, петра, і иже сними сожженныхъ, шести сотъ. Филиппа, прокопія, симеона, іоанна, константина, и сними сожженых р (100).	в' сибири.
Марка, даніила, димитрія, никиты, ва-	в'перми сож ,зсѕм

силія, емеліана, діомида, кондрата, іякова, стефана, лазаря, филиппа, акилины, мареамін, матроны, маріи, мареы, евдокіи, и прочихъ л҃д (34).

(7246=1738) мар. ке҃.

Инока кирила, инока іоны, георгія и прочи[х] сним'и со[ж] с҃к (220).

поро[в]скія апре[л] ки҃ сожѐ[н] бы[с].

Ісаакія, ксеніи, ѳеодоры, ксеніи дв҃цы.

в'скрай выгом' гладом' скончаⷭ.

Сщ҃енноинока іова и чадъ его дх҃овны[х]; сщ҃енноіерея игумена досиѳея, инока зосимы, григорія и михаила оубіенныхъ, сщ҃енноіерея исидора, инока пафнутія, инока никандра.

Сщ҃енноинока дороѳея, сщ҃енноинока арсенія, инока нифонта, инока никандра, інока іосифа, інока евфимія, сщ҃енноинока павла, сергія, инока филарета.

издревле в' руски[х] поу[ст] оусоп[ш].

Инока филимона, тарасія, іоанна, михаила, георгія, парасковіи, анны, евфимія, акилины; мареы, феодоры, матроны, ксеніи, ксеніи, евдокіи, евдокіи, екатерины, и прочих' сними сожженныхъ. инока филиппа, и сни[м] сожжены[х].

на выгу в' поу[ст] гладо[м] скон[ч].

Павла и прочихъ сни[м] сожжены[х].

на волозѣ.

Іоанна, инока игнатія, иноки александры, и прочих' сними со[ж]жены[х]. инока іосифа оубіен[н]. инока феодосія.

на печерѣ декаб[р] з҃.

Іоанна, артемія, артемія, артемія, артемія, артемія, аверкія, аверкія д҃. евфросиніи, февроніи, маріи в[ж]. ирины, анастасіи, фотиніи, в[ж], елены, маріи, маріи, макрины, и про[ч].

линдозерскія дека[б] ѕ҃.

Іоанна, ферапонта, михаила, георгія, парасковіи, анны, евфиміи, акилины, марфы, ѳеодоры, матроны, ксеніи, в[ж]. евдокіи, в[ж]. екатерины, в[ж]. и прочихъ иже сними сожжен[н].

в' чажени со[ж].

Помяни гди дши стѣйшихъ патріархъ моско. Іова, Ермогена, Филарета, Іоасаѳа. Іосифа.

Помяни гди дши преосщенныхъ митрополитовъ кіевскихъ и всея россіи. Михаила, леонтія, іоанна, ѳеопента, иларіона, георгія, іоанна. іоанна скопца, ефрема, николы, никифора, никиты, михаила, климента, константина, феодора, иванна, никифора, матѳея, кирила в, іосифа, максима.

Преосщенныхъ митрополитовъ московскихъ и всея россіи. Петра, ѳеогнаста, алексія, кипріана, ѳотія, пимина, іоны, ѳеодосія, филиппа, геронтія, зосима, симона, варлама, даніила, іоасаѳа, макарія, аѳанасія, филиппа колычева, кирила, антонія, діонисія.

Блговѣрныхъ црей и хртолюбивыхъ великихъ кнзей россійскихъ. Великаго кнзя владиміра, нареченнаго во стомъ крщеніи василія. кнзя бориса оубіенна. великаго кнзя глѣба убіенна. великаго кнзя георгія ярославича. великаго кнзя всеволода. велика князя владимира монамаха. велика кнзя георгія долгорукаго, великаг кнзя мстислава. кня всеволода, наречен во стомъ крщеніи гавріила псковскаго. ве кнзя димитрія всеволодича. вели кнзя андрея бголюбскаго. оубіеннаго. велика кнзя ярослава. ве кнзя георгія оубіен отъ батыя цря. ве кнзя михаила черниго оубіе отъ батыя. велика кнзя александра нѣвска. ве кнзя даніила москов. ве кнзя михаила тверскаго оубіе. кнзя ѳеодора смоленскаго, ярославскаго. ве кнзя иванна калиты. ве кнзя димитрія донска, ве кнзя василія; ве кнзя василія; ве кнзя іванна. ве кнзя василія, во инокахъ варлаама.

Црей московскихъ.

Цря и ве кнзя іванна во иноцѣхъ іоны, цря и ве кнзя феодора, цревича іванна, цревича димитрія оубіеннаго. цря и ве кнзя бориса во иноцѣхъ боголѣпа, цревича феодора нарицаемаго цря. кнзя михаила шуйскаго скопина. цря и ве кнзя василія. цря и великаго кнзя михаила.

Блговѣрныхъ црицъ и хртолюбивыхъ велики кнгинь и чадъ ихъ. Великія кнгини ольги, нареченныя во сто крщеніи

елѣны. вели кнгини елены, великія кнгини анны. великія кнгини оуліяніи. вели кнгини иноки маріи. вели кнгини александры. вели кнгини евфросиніи, ве кнгини софіи, вели кнгини иноки мароы. ве кнгини маріи, ве кнгини софіи литовскія; ве кнгини елены. цревны анны. вели княгини елены. ве кнгини анастасіи. цревны анны, цревны анны, црвны маріи. ве иноки соѳіи. цревича димитрія. цревны евдокіи. блговѣрныя цревны и ве кнгини маріи. блговѣрныя црицы и ве кнгини мароы. кнгини иноки александры. кнгини иноки евдокіи. кнгини евдокіи. кнжны маріи; блговѣрчыя цревны и ве кнжны ѳеодосіи, блговѣрныя цревны и ве княжны ірины, во инокиня александры. црицы маріи, црцы и ве кнгини маріи.

Стыя горы игуменов и ихъ братію.

Антонія, феодосія печерских и ихъ братію. помяни гди, игумена авраамія, и пономаря ефрема и ихъ братіи. игумена варлаама хутынскаго. Антонія римлянина игумена и его братію. игумена сергія радонежскаго, и никона и их братіи.

Покой гди евфросина псковскаго з братіею.

Покой гди, михаила клопскаго и его братію.

Покой гди игумена зосимы соловецкаго, и саватія и германа і их братію; покой гди, игумена александра свирскаго с братіею. поко гди игумена кирила бѣлоезерскаго з братіею; помяни гди игумена димитрія прилуцкаго з. братіею. помяни гди пафнутія боровскаго з братіею. игумена макарія колязинскаго з братіею. авраамія ростовскаго з братіею. никиты переаславскаго з братіею. діонисія глушицкаго з братіею. игумена корнилія з братіею. іосифа волокаламкаго з братіею. евфимія і иоанна суждальских, сергія обнорскаго з братіею. александра ошевенскаго з братіею. трифона печерскаго з братіею, антонія сійскаго з братіею.

Помяни гди дшы, иже отъ цреи нечестивых замученыхъ, и млнцъ избіенныхъ отъ ирода в виѳліомѣ четырех на десять тысящь. Помяни гди иже отъ кнжа гнѣва избіенныхъ по винѣ, или не по винѣ. Помяни гди игуменій женскаго пола, и всѣхъ черноризцъ. Помяни гди блгоуродивых андрея, максима, василія, иси-

дора, прокопія, николы, симеона, и всѣхъ оуродивых' моужескаго полу, и жен̑.

Помяни г̑ди столпни^ко^въ, и столпницъ, пустынниковъ, и пустынницъ. мч̑нковъ и мч̑нцъ, и ст̑ыхъ дѣвъ. Помяни г̑ди всѣхъ архимандритовъ, и игуменовъ, и весь сщ̑еннический и иноческій чинъ, и діяконскій и ве̑ причетъ ц̑рковный.

Помяни г̑ди прародителей и родителей нашихъ, по плоти оц̑ъ и м̑трей нашихъ, и братій и сестръ мужеска пола и женска. старцы и м̑ладцы, і оц̑ъ наших'. сиротъ и вдовицъ и оубогихъ, и плачющихъ и неимущихъ, гдѣ г̑лвы подклонити в' храминѣ. Помяни г̑ди к̑нзей и боляръ, хотѣвши^х^ добра ст̑ымъ б̑жіим' ц̑ркваᵐ твоимъ, и великиᵐ к̑нземъ всея россіи.

Помяни г̑ди посадниковъ новгородски^х^ и тысяцки^х^ и боляр' и всѣхъ православных' х̑рті̑янъ, хотѣвшихъ добра ст̑ымъ б̑жіимъ ц̑рквамъ и к̑нзем' всея росіи.

Помяни г̑ди, к̑нзи, и боляры и братіи наши^х^ единовѣрных' х̑ртіянъ, избіенныхъ за ст̑ыя б̑жія ц̑ркви. и за руских̑ъ к̑нзей, и за православную вѣру, и за кровь х̑ртіянскую. отъ татар' отъ литвы и отъ немѣцъ и отъ своей братіи отъ крещеныхъ и отъ иноплемѣнныхъ. За дrepresentation доноᵐ и на москвѣ, и на бѣрѣгѣ, и на бѣлѣвѣ, и на калкахъ, и на езерѣ галицкоᵐ и в' ростовѣ, и по^д^ казанью, и по^д^ резанью и по^д^ тихою сосною.

Помяни г̑ди, избіенны^х^ братіи нашихъ, за оч̑ество свое, и за вся ст̑ыя твоя ц̑ркви, и за все православное х̑ртіянство, на югѣ, и на печерѣ в' волоцкой земли, и на мурманахъ, и на нѣвѣ и на лѣдовом' побоищи. и на рак'борѣ, и оу вѣнца города, и оу выборха и на наровѣ рѣкѣ, и на иванѣ городѣ, и подъ ямою городкомъ, и по^д^ яжбою, и на роусѣ, и на шелонѣ, и по^д^ арешкоᵐ и под' корѣльскиᵐ горо^д^комъ, и под' псковоᵐ, и по^д^ торжкомъ, и под' тверію, и на дону, и въ в' новоᵐ горо^д^кѣ, и за волокоᵐ, и на мори, и на рѣкахъ, и на пустыняхъ, и всякоᵐ мѣстѣ избіены бранію. на мори, и по^д^ великиᵐ новоᵐ городоᵐ избіены, болярь и всѣхъ православныхъ х̑ртіянъ. и в' великоᵐ новѣградѣ избіенныхъ, і иныхъ братію нашю по плоти в' полону с'кончавшихся.

Помяни гди, на пути из'біенныхъ и измерши^х, и в' скудѣльницахъ лежащихъ, гладом' и жаждою, и наготою с'кончавшихся, и во огни с'горѣвшихъ, и молніями сож'женыхъ, и громо^м зашибеныхъ, и отъ разбойникъ избіенных', и на водахъ оутопшихъ, и отъ звѣрей и гадъ ползающихъ, и отъ птицъ и рыбъ морскихъ из'яденныхъ, и возо^м затертыхъ, и на древѣ висящихъ, и древа^м побитыхъ, и со древа свалившихся, и кусо^м подавившихся, и зеліями истомлены, оудавленіе^м оумершихъ, и в' темницахъ скончавшихся; и ноже^м зарѣзаныхъ и каменіе^м и копіе^м побіенны^х, и секирою смертную язвоу пріемшихъ и испустившихъ дша своя, и плоти своя даша на раны, и кровь свою проліяша, яко воду тебѣ ради, чающе отъ тебѣ пріяти великія млти.

Помяни гди работниковъ, рабъ и рабынь послужившихъ оцем' і братія^м наши^м, их' же нѣсть кому помянути.

Помяни гди, в' нѣдузѣ претерпѣвшихъ свѣт' сей мужескаго полу и женскаго, их' же тѣлеса не гребѣны суть, и кости ихъ по путемъ и по пустынямъ разорены, і в' полону с'кончавшихся и в'сякою смертію почившихъ отъ вѣка и до ннѣшняго днѣ. мужескаго полу и женскаго, не пріемшихъ покаянія, и твоихъ таинъ гди.

Помяни гди пустотныхъ и бе^зпамятны^х ихъ же нѣсть кому помяноути. Помяни гди претерпѣвшихъ свѣтъ сей і жившихъ в' правосла^вной вѣрѣ, в' скорби и в' болѣзни, и всякою нуждею и язвою скончавшихся мужескаго полу и женскаго. вѣровавши^х в' тя во стую тр^оцоу, оца и сна, и стаго дха, во едино бжтво, влчествія твоего. и повсюду православныхъ хртіянъ, ты самъ гди вѣси имѣна ихъ.

СИНОДИКЪ

иже во осмой тысячи скончавшихся.

Помяни гди дши оусопшихъ рабъ своихъ и рабынь иже в' самое нужное время, сея осмыя тысящи скончавшихся, иже и не сподобившеся видимо пріяти стыхъ и пречтыхъ и животворящихъ таинъ тѣла, и кровѣ твоея изливаемыя во оставленіе грѣховъ и в' поданіе живота вѣчнаго. но токмо в' сокрушеніи срца, в' вѣрѣ и надежди и оупованіи отыдоша. ты сам' гди блгодатію своею невидимо совершивъ и оупокой. такожде же и не исповѣданіе пріемшихъ, предъ олтаремъ и иереи, но пред' простыми и не осщенными, тебѣ творцу своему исповѣдаша своя согрѣшенія. Но аще и пред' худыми, и не осщенными исповѣдашася. но милосердія ради своего, прости имъ вся согрѣшенія ихъ. и сподоби ихъ десназо твоего стоянія, со всѣми стыми, всегда ннѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 2.

РАЗЫСКАНІЯ

въ

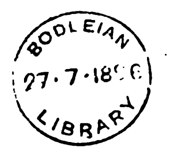
ОБЛАСТИ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1880.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Сентябрь 1880 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*



РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

II.

СВ. ГЕОРГІЙ ВЪ ЛЕГЕНДѢ, ПѢСНѢ И ОБРЯДѢ.

(Академика А. Н. Веселовскаго.)

I.

Каждое новое изслѣдованіе въ области средневѣковой литературы и словесности современныхъ европейскихъ народовъ болѣе и болѣе выясняетъ намъ, какое важное мѣсто предстоитъ занять въ подобнаго рода изысканіяхъ русскому и славянскому матеріалу. Наиболѣе цѣнные выводы, добытые г. Кирпичниковымъ въ его книгѣ: Св. Георгій и Егорій Храбрый. Изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды (С. Петербургъ 1879), — объясняются именно привлеченіемъ такого матеріала. Важно не только расширеніе круга сравненій и достигаемая такимъ путемъ бóльшая прочность выводовъ, открытіе новыхъ точекъ зрѣнія (ср. въ этомъ отношеніи результаты, добытые г. Кирпичниковымъ изъ изученія мингрельской легенды стр. 78 и слѣд.), но и возможность возстановить при помощи славянскихъ и древне-русскихъ текстовъ такіе литературные источники, которыхъ прототипы нынѣ утрачены или не найдены, тогда какъ отзвуки ихъ продолжаютъ раздаваться въ народной европейской словесности, необъяснимые для тѣхъ, кто не заглянулъ въ славяно-русскую древность.

Въ томъ и другомъ отношеніи легенды о Георгіи обѣщали изслѣдователю богатую жатву. Онѣ не даромъ обратили на себя

вниманіе филологовъ, орьенталистовъ, миѳологовъ. Вопросы, ими поднимаемые, разнообразны: Георгій перешелъ не только въ народныя повѣрья, но и въ обряды; съ другой стороны его каноническое и апокрифическое житія возбуждали догадки объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и, далѣе, объ ихъ основѣ и ея конечныхъ источникахъ, теряющихся въ зыбяхъ какого нибудь малоазіатскаго или египетскаго культовъ. Г. Кирпичниковъ счелъ долгомъ сосчитаться съ различными мнѣніями, высказанными по послѣднему вопросу (Гутшмидта, Клермонъ-Ганнò и др.); какъ не орьенталистъ, онъ не могъ отнестись самостоятельно къ той сторонѣ этихъ мнѣній, которая выходила изъ его компетентности; какъ человѣкъ, подробно ознакомившійся съ текстомъ легенды въ ея различныхъ редакціяхъ, онъ нашелъ въ этомъ знакомствѣ почву для критики, и ея результаты будутъ приняты во вниманіе будущими орьенталистами, которые возьмутся за изученіе источниковъ житія.

Оставляя въ сторонѣ его восточную «праисторію», перейдемъ на менѣе колеблющуюся почву самого житія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ рядомъ текстовъ, распадающихся на нѣсколько редакцій, сохранившихся въ рукописяхъ, которыя легко пріурочить хронологически. Это даетъ прочныя основы для критической работы, подъ условіемъ, разумѣется, чтобы древность текста не приравнивалась древности сохранившейся въ немъ редакціи легенды. Въ этомъ отношеніи г. Кирпичникову можно поставить въ упрекъ, что древность текста и древность редакціи нерѣдко идутъ у него одна за другую, хотя, случайно, такого рода смѣшеніе не отозвалось въ ущербъ его изслѣдованію. Такъ онъ утверждаетъ, что французское прозаическое житіе Георгія, сохранившееся въ Лондонской ркп. Брит. Муз. 20, D, VI, 16, не можетъ служить источникомъ французской поэмы, напечатанной Люзаршемъ, уже потому, «что она (т. е. рукопись) писана позднѣе» (стр. 22); точно также существованіе апокрифическаго житія Георгія въ палимпсестѣ V вѣка выставляется (стр. 49) какъ аргументъ въ пользу древности этой редакціи, въ сравненіи съ другими, а тотъ

фактъ, что въ палимпсестѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на дракона, является въ числѣ доказательствъ, что чудо Георгія съ змѣемъ сложилось позднѣе разсказа о его мученіяхъ (стр. 114). Г. Кирпичниковъ, разумѣется, не станетъ отрицать возможности, что иной разъ древняя редакція сказанія могла сохраниться въ рукописяхъ болѣе позднихъ, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ сравнительно поздній его пересказъ. Я потому остановился на опасности этого критическаго пріема, что онъ связывается для меня логически съ другимъ, стоимость котораго представляется мнѣ столь же подозрительной: какъ г. Кирпичниковъ даетъ излишнее значеніе хронологіи рукописи, такъ, говоря о народныхъ духовныхъ стихахъ, онъ увлекается черезъ мѣру количественными отношеніями варьянтовъ (174, прим. [1]; стр. 180): изъ того, напримѣръ, что въ бо̀льшемъ количествѣ варьянтовъ стиха сохранилась подробность, отсутствующая въ меньшемъ, едва-ли возможно какое либо прочное заключеніе о составѣ начальнаго стиха; заключенія могутъ быть разнообразныя, и есть полная вѣроятность, что редакція стиха, удержавшаяся случайно въ одномъ варьянтѣ, всего болѣе подходитъ къ первичной духовной пѣснѣ. Сличеніе иной былины у Кирши съ варьянтами, представляемыми новѣйшими сборниками, можетъ привести къ подобному же выводу.

Разбирая легенды о Георгіи, г. Кирпичниковъ останавливается 1) на его житіи, т. е. на сказаніи о его мученіяхъ, и 2) на его чудѣ съ змѣемъ. Матеріаломъ изслѣдованія послужили печатные и рукописные тексты того и другаго памятника. Послѣдними г. Кирпичниковъ воспользовался въ значительныхъ размѣрахъ: не только русскими рукописями сказанія о Георгіи (стр. 2), но латинскими и французскими. Это дало ему возможность внести новое и свое въ объясненіе памятниковъ западной литературы, посвященныхъ легендѣ популярнаго святого. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя вниманіе попытка г. Кирпичникова установить болѣе правильное пониманіе одного мѣста въ старонѣмецкомъ Georgsleich'ѣ (стр. 23, прим. [3]), источниковъ французскаго

стихотворенія, изданнаго Люзаршемъ (почему этотъ источникъ предполагается французскій — я не понимаю, сл. стр. 22), и обширной нѣмецкой поэмы, авторомъ которой называетъ себя Рейнботъ фонъ Дюрнъ (сл. стр. 31); наконецъ — открытіе, что не Яковъ de Voragine явился для запада первымъ редакторомъ чуда Георгія съ змѣемъ, такъ какъ оно встрѣчается уже въ латинской рукописи XII вѣка[1]). Было-бы желательно для пользы дѣла и для крѣпости убѣжденія, чтобы нѣкоторыя изъ этихъ открытій были изложены доказательнѣе, и новыя рукописныя данныя, приведшія г. Кирпичникова къ его выводамъ, чаще являлись на страницахъ его книги, и въ болѣе подробныхъ извлеченіяхъ[2]). Дѣло идетъ о текстахъ, которыми, кромѣ г. Кирпичникова, не пользовался никто изъ изслѣдователей житія и чуда; читателю предлагаются почти одни выводы, не матеріалы, давшіе къ нимъ поводъ; кто пожелалъ-бы ихъ провѣрить и распространить, поблагодаритъ автора за его рукописныя указанія, но принужденъ будетъ продѣлать снова его нелегкую работу. Такія коротенькія извѣстія, какъ нѣсколько строкъ старофранцузской легенды на стр. 22, прим. 1[3]), едва-ли отвѣчаютъ цѣли документальной работы: доказательности.

---

[1]) Сл. стр. 51 слѣд. и Acta Sanct. April. III p. 106 a, § 17: quod haud dubie J. a Voragine totum accepit ex aliquo Ms.

[2]) Г. Кирпичниковъ любезно предложилъ мнѣ латинскій текстъ чуда о змѣѣ, списанный имъ съ упомянутой выше ркп. XII вѣка. Этотъ текстъ помѣщенъ въ приложеніи къ этой статьѣ, подъ № VI.

[3]) Г. Кирпичниковъ воспользовался для своихъ извлеченій рукописью Британск. Музея 20, D, VI, 16. Совершенно такую-же редакцію французскаго прозаическаго житія св. Георгія, но въ болѣе исправномъ чтеніи, предлагаетъ ркп. С. Пб. Импер. Публ. библіотеки, Mss. Franç. Théologie F. v. 4, D. XIII вѣка, содержащая Vies des saints. Житіе св. Георгія по этой рукописи напечатано нами въ VII-мъ приложеніи къ этой статьѣ. — Укажу кстати на стихотворную обработку Георгіева житія въ пар. ркп. fonds franç. anç. 902 f. 108 v. c. 1 — f. 117 v. c. 2: Passio beati Georgii militis et martiris. Inc. Sages est qui sen escrist —

Вообще надо замѣтить, что на западно-европейскія сказанія о Георгіи авторъ обратилъ гораздо менѣе вниманія, чѣмъ-бы слѣдовало: отъ спеціалиста по исторіи западныхъ литературъ можно было ожидать большаго интереса къ такому, напр., памятнику, какъ поэма Рейнбота, которая, по словамъ г. Кирпичникова (стр. 29 — 30), «можетъ дать темы нѣсколькимъ нѣмецкимъ диссертаціямъ». Почему бы не русской? Именно русскаго и славянскаго изслѣдователя поэма могла навести на нѣкоторыя близкія ему точки зрѣнія, которыя должны были отозваться и на методической сторонѣ его работы. Остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Какъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ о Егоріи его отецъ названъ Θеодоромъ Стратилатомъ, такъ въ поэмѣ Рейнбота у него два брата: Θеодоръ и Димитрій, очевидно свв. Θеодоръ (Тиронъ или Стратилатъ) и Димитрій Солунскій. Это — только иное, эпическое выраженіе связи, въ какой представляются эти святые на фламулахъ византійскихъ императоровъ, и въ разсказѣ Тудебода объ осадѣ Антіохіи въ 1098 году, гдѣ свв. Георгій, Θеодоръ и Димитрій являются на помощь христіанамъ во главѣ небеснаго воинства, — и въ похвальномъ словѣ Неофита, называющаго святыхъ соратниками и сопричастниками [1]), и въ живущемъ южнославянскомъ преданіи: по болгарскому повѣрью свв. Георгій и Димитрій были товарищами и истребляли всё нечистое и злое, какъ-то змѣевъ, ламій, разбойниковъ; у Сербовъ свв. Георгій и Димитрій — юнаки, ѣздятъ всегда верхомъ и носятъ длинныя копья; таково болгарское представленіе и о св. Тодорѣ [2]).

Il fait a plusurs profist — Mult poet profiter a genz — Un escrit u senz est enz — N' i ad rens en cest romanz — Dñt lі profit ne seit granz.

[1]) χαίροις μάρτυς Δημήτριος ἅμα Γεωργίῳ καὶ Θεοδώρῳ τοῖς συνάθλοις καὶ συμμετέχοις σου. Изъ похвальнаго слова Димитрію, по ркп. парижск. національн. библ. cod. 1189 (сообщ. проф. Васильевскимъ).

[2]) Каравеловъ, Памятники народн. быта болгаръ, стр. 260, 261, 193. — Представленіе святыхъ всадниками внушено, вѣроятно, иконо-

Любопытно прослѣдить это сопоставленіе въ народныхъ обычаяхъ, преимущественно южнославянскихъ. Мы ограничимся выборомъ общихъ чертъ, разсчитывая впослѣдствіи вернуться съ большими подробностями къ георгіевской обрядности.

Всѣ три святые представляются въ одинаково покровительственныхъ отношеніяхъ къ животнымъ. Извѣстно такое именно представленіе о св. Георгіи въ Греціи и южномъ славянствѣ; но въ той-же роли является въ Греціи [1]) и Болгаріи [2]) и св. Димитрій; въ мѣстахъ, ему посвященныхъ, собирается въ день его праздника (26 окт.) болгарская молодежь и скачетъ верхомъ, какъ въ Червонной Руси такой же обычай соблюдается въ Юрьевъ день [3]). — Св. Тодоръ [4]) любитъ лошадей; на Тудорицу [5]) бол-

---

писью. Въ бѣлорусской пѣснѣ (Шейнъ, № 147) одинъ Юрій средп святыхъ оказывается на конѣ: «я коника маю». Сл. въ старонѣмецкихъ вопросахъ и отвѣтахъ слѣдующіе: Ein frag: welches die edelsten und achtbarsten heiligen sein. Ant. Sandt Martin und sant Iörg, die reitten, müssen die ander zu fuss geen (W. Wackernagel, Sechzig Räthsel und Fragen, Haupt's Zs. III p. 29, № 8).

[1]) Bernhardt Schmidt, Das Leben der Neugriechen I, 39.

[2]) Каравеловъ, l. c. p. 260 — 3, откуда заимствованы и дальнѣйшія сообщенія объ обычаяхъ на день св. Димитрія.

[3]) Терещенко, Бытъ Русск. народа VI, 29.

[4]) Каравеловъ, l. c. p. 193 — 4.

[5]) Сербск. Теодорова Субота, Теодоровица, въ Малороссіи Феодоровица; русск. Ѳеодорова недѣля — первая недѣля великаго поста; болг. Тудорица, Тударовденъ, Тударова сѫббота — суббота на этой недѣлѣ, день, издревле посвященный св. Ѳеодору Тирону; въ пятницу той-же недѣли наша церковь освящаетъ колуво въ память извѣстнаго чуда, совершеннаго святымъ при Юліанѣ. Собственно память святому полагается 17 февраля. Сл. Martinof, Annus ecclesiasticus graecoslavicus, подъ 17 февр.; Архим. Сергій, Полный мѣсяцословъ востока II, ч. II, стр. 55 (подъ 17 февр.); Калинскій, Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. VII, стр. 450). — О нѣкоторыхъ румынскихъ суевѣріяхъ, привязанныхъ къ Ѳеодоровой субботѣ, см. Schmidt, das Jahr und seine Tage in Meinung und Brauch der Romänen Siebenbürgens, p. 6. — Древнее смѣшеніе актовъ св. Ѳеодора

гаре, какъ только придутъ изъ церкви, берутъ миску краснаго вина и богувицу или боговицу (круглый хлѣбъ, какъ коровай, но только безъ углубленія въ серединѣ), на которой сдѣланы изъ тѣста: лошадки, бычки, рога, хвосты и т. п. Боговицу крошатъ въ миску съ виномъ, берутъ ложки и начинаютъ ѣсть, крича: му-у-у-му-у-у, бе-е-е-бе-е-е, иха-ха-ха-ха! Всё это ради здоровья скота. Въ этотъ день, у кого есть лошадь, садятся верхомъ и скачутъ; чья лошадь побѣжитъ дальше, тому, значитъ, покровительствуетъ Тодоръ, и эту лошадь не продаютъ.—Въ Имеретіи, въ субботу на первой недѣлѣ поста, гадаютъ: дѣлаютъ изъ тѣста фигурки на подобіе лошадей, молотка, подковы, гвоздей, сѣдлà, яслей и т. п.; пекутъ ихъ, потомъ наполняютъ большую глубокую чашу виномъ съ водою, бросаютъ туда эти фигурки, ставятъ вокругъ чаши свѣчи, молятся св. Θеодору, чтобъ онъ умножилъ у нихъ число лошадей; потомъ каждый подходитъ съ заложенными за спину руками, наклоняется и ртомъ ловитъ плавающія въ чашѣ фигурки, и какъ только чтò поймаетъ, тотчасъже бѣжитъ, подражая ржанію лошади[1]).

Животная жертва составляетъ черту общую всѣмъ тремъ народнымъ празднествамъ. Въ кавказскихъ и южнославянскихъ обрядахъ на день св. Георгія она является существеннымъ, реальнымъ элементомъ обряда; въ Болгаріи въ праздникъ св. Димитрія ѣдятъ жаренаго (жертвеннаго?) барашка. Смягченіе жертвеннаго обычая я усматриваю и въ изображеніяхъ на Θедоровской боговицѣ, и въ гаданіи имеретинцевъ, и въ русскомъ и ли-

---

Тирона и св. Θеодора Стратилата (8 февраля) обусловило не только перенесеніе на того и другого святого одного и того-же чуда со змѣемъ, но и русское народное повѣрье, пріуроченное къ 8-му іюня, дню перенесенія мощей св. Θеодора Стратилата: колодезники считаютъ этотъ день важнымъ срокомъ въ своихъ занятіяхъ (оттуда народное прозвище святого: колодезникъ).— вѣроятно, въ связи съ апокрифомъ о св. Θеодорѣ Тиронѣ и змѣѣ, залегавшемъ воду. Сл. Калинскій l. c. p. 407.

[1]) Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. II, стр. 236.

товскомъ обычаяхъ приготовлять ко дню св. Георгія изображенія лошадей, коровъ, овецъ — изъ тѣста, воска и глины[1]) — и въ барельефахъ одной сванетской церкви св. Георгія, представляющихъ звѣриныя головы[2]).

Замѣтимъ еще мотивъ гаданія, связывающій ѳедоровскую обрядность съ георгіевской. Въ западной Болгаріи дѣвушки и парни собираютъ на тудорицу упавшіе на полъ зерна пшеницы и крошки хлѣба, кладутъ ихъ на ночь подъ подушку и во снѣ видятъ суженаго. — На Георгія также гадаютъ о суженомъ или суженой; въ русскомъ народѣ св. Георгій покровитель невѣстъ, которыя молятся ему о дарованіи жениховъ и въ его день ходятъ разубранныя: наряжается, говорятъ, словно баба на Юрья. У Чеховъ и Нѣмцевъ въ этотъ день дѣвушки привораживаютъ себѣ молодцовъ; въ Греціи преимущественно играютъ свадьбы.

Въ связи съ параллелизмомъ обрядовъ стоитъ, вѣроятно, и народно-календарный. Въ Болгаріи время считаютъ отъ Георгія по Димитрія: Свѣти Герги лѣто носи, а св. Димитаръ зима; тоже въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи: Если Митрей на конѣ, то Егорій въ лодкѣ; коли Дмитровъ день не въ снѣгу, и Егорьевъ будетъ не въ снѣгу; услышавъ первый громъ галицкій малороссъ говоритъ, что св. Димитрій св. Юрью ключи отдалъ. — У шоповъ (Болгарія) ко дню св. Димитрія собираютъ послѣдній виноградъ, изъ котораго дѣлаютъ красное вино: «кой-то лѣтосъ работилъ, на свѣти Димитаръ си пиѥ сладко винце». На Паросѣ празднуютъ Георгія μεθυστής, названнаго такъ потому, что въ праздникъ перенесенія его мощей, 3 ноября, починаютъ бочки новаго вина и бываютъ попойки[3]).

---

[1]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія II 255; Ефименко, О Ярилѣ, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. II, стр. 101, 105; Калинскій l. c. p. 391.

[2]) Сл. о значеніи подобныхъ изображеній Liebrecht, zur Volkskunde, Altes und Neues. стр. 294—5, 436—9.

[3]) Bernhardt Schmidt, l. c. p. 40.

Я остановился на этихъ обрядныхъ сопоставленіяхъ съ цѣлью указать, что при изученіи народно-поэтическихъ преданій о св. Георгіи полезно было-бы распространить работу и на тѣхъ святыхъ, которые до сихъ поръ объединяются съ нимъ въ повѣрьѣ и обрядѣ; особенно на св. Ѳеодора. Это объединеніе могло быть позднимъ, т. е. совершившимся на почвѣ календарнаго отложенія и народно миѳологическихъ аналогій; но не слѣдуетъ забывать, что сопоставленіе святыхъ «сопричастниковъ», сравнительно древнее, могло и воспитать чувство аналогіи, и что это обстоятельство необходимо принять въ разсчетъ при изученіи Георгіевской обрядности.

Возвращаясь еще разъ къ поэмѣ Рейнбота, отмѣтимъ другой ея эпизодъ, дающій поводъ къ подобнымъ-же методологическимъ замѣчаніямъ. Я разумѣю разсказъ о томъ, какъ Георгій побѣдилъ подъ Каппадокіей властителя Солуня (der Salneckere) съ помощью знамени, которое снесъ ему съ неба ангелъ, и небесной, никому не вѣдомой дружины (сл. особенно vv. 1284 слѣд. и 5358 слѣд.)[1] — разсказъ, связывающійся не только съ легендами о Георгіи тропайофорѣ[2], о св. Ѳеодорѣ, явившемся на бѣломъ конѣ на помощь Цимисхію при осадѣ Доростола (971), но и съ чудомъ св. Димитрія при осадѣ Солуня Аварами (597) и Болга-

[1]) Знамя св. Георгія извѣстно въ средневѣковой легендѣ; такъ оно является въ разсказѣ о крестовомъ походѣ ландграфа Людвига. Перенесенное впослѣдствіи въ Вартбургъ, и далѣе въ Тарандъ, оно таинственно исчезло; но въ Римѣ оно хранится въ S. Giorgio in Velabro, и еще въ концѣ XVI вѣка магистратъ города направлялся 23-го апрѣля изъ Капитолія къ храму святаго, считавшагося вождемъ христіанъ, чтобы принести ему кубокъ и освятить во имя его знамя римскаго народа.

[2]) Древнѣйшій изъ западныхъ разсказовъ о Георгіи тропайофорѣ относится къ побѣдѣ Норманновъ при Cerame въ Сициліи, 1063 г. (Annal. Margan. p. 34 слѣд.). — Изъ относящихся сюда русскихъ легендъ замѣтимъ разсказъ Арханг. лѣтоп. (изд. 1819 г. Москва, 132—192) о новгородскихъ повольникахъ XII вѣка, осажденныхъ Чудью и спасенныхъ заступничествомъ святого, явившагося на кровлѣ часовни, гдѣ молились новгородцы, въ образѣ воина, на бѣломъ конѣ, и копьемъ своимъ угрозившаго осаждавшимъ (Калинскій l. c. 394).

рами (1040): въ первомъ случаѣ святаго помощника видѣли на бѣломъ конѣ и въ бѣлой одеждѣ, сражавшимся впереди войска. Пріуроченіе свв. Георгія и Димитрія и сходнаго чуда къ названію Солуня (гдѣ издревле стояли храмы тому и другому святому) знаменательно и можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на источники того круга средневерхненѣмецкихъ поэмъ, который почему-то продолжаетъ называться ломбардскимъ. Какъ у Рейнбота Георгій связанъ съ властителемъ Солуня, такъ Wolfdietrich (у продолжателя A и въ D) рожденъ въ Salnecke, т. е. въ Солуни; въ другихъ пересказахъ поэмы его крестный отецъ, — какой-то рыцарь Георгій (B), или даже, св. Георгій (D), съ которымъ его сближаетъ змѣеборство. Уже въ первой половинѣ XIII в. (ок. 1225 г.) циклъ Вольфдитриха представляется въ сплоченіи съ легендой объ Ортнитѣ, поглощенномъ змѣемъ; отомстителемъ является Вольфдитрихъ. Ортнитъ нѣмецкой поэмы — сынъ демоническаго Альбериха, Auberon'a французской Chanson de geste o Huon de Bordeaux; въ прологѣ къ послѣдней, присочиненномъ въ XIII в. по неизвѣстнымъ намъ источникамъ, братомъ Оберона названъ — св. Георгій, битва котораго съ змѣемъ разсказывается эпизодически и будетъ разсмотрѣна нами далѣе. Связь Георгія съ Оберономъ интересна по отношенію къ поэмамъ о Вольфдитрихѣ; о воздѣйствіи послѣднихъ въ данномъ случаѣ говорить трудно: мы имѣемъ передъ собой отрывки какой-то неразъясненной пока генеалогіи.

Предъидущія сопоставленія могутъ быть обобщены на пользу средневѣковаго эпоса вообще и Георгіевской легенды въ частности: въ томъ и другомъ смыслѣ внимательное изслѣдованіе географическаго распространенія культа въ связи съ мѣстными разсказами о св. Георгіи дастъ поводъ къ любопытнымъ наблюденіямъ. Разумѣется, на одномъ Георгіи нельзя остановиться: Георгій змѣеборецъ вызоветъ вопросъ о другихъ лицахъ, которыхъ мѣстное сказаніе выводитъ въ той-же роли.

Вотъ напр. греческая легенда, разсказанная Политомъ[1]:

---

[1]) Πολίτου, Νεοελληνικὴ μυθολογία I p. 135; сл. тамъ-же о στοιχεῖα p. 126 слѣд.

Οὐ μακρὰν τοῦ χωρίου Γιάννιτσας, πλησίον τῶν Καλαμῶν, ἐπὶ τοῦ Καλαθίου ὄρους κειμένου (νῦν βουνὸ τῆς Σέλιτσας), ὑπάρχει παρεκκλήσιον πρὸς τιμὴν τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἀνιδρυμένον. Οἱ χωρικοὶ διηγοῦνται ὅτι τελουμένης ἐτησίως ἐκεῖ πανηγύρεως κατὰ τὴν 23 Ἀπριλίου, ἐξήρχετο ἑκάστοτε ἕν στοιχειὸ ἐκ παρακειμένης ὀπῆς καὶ κατέτρωγεν ἕνα τῶν πανηγυριζόντων. Ἐν διαστήματι πολλῶν ἐτῶν βλέποντες οἱ χριστιανοὶ ὅτι θεραπεία τοῦ κακοῦ δὲν εὑρίσκετο, ἀπεφάσισαν νὰ μὴ ὑπάγωσι πλέον εἰς τὴν πανήγυριν. Ἀλλὰ μίαν ἑβδομάδα πρὸ τῆς ἑορτῆς ἐπιστὰς εἰς ὅλους ταὐτοχρόνως ἐν ὀνείρῳ ὁ ἅγιος, τοὺς ἐβεβαίωσεν ὅτι δὲν θὰ ἐκακοποιοῦντο οὐδόλως εἰς τὴν πανήγυριν, διότι ἐβούλωσε τὸ στοιχειό. Καὶ τῷ ὄντι μεταβάντες ἐκεῖ εὗρον τὴν ὀπὴν πεφραγμένην μὲ ὀγκώδη λίθον, ἐφ᾽ οὗ ὑπῆρχεν ἐντετυπομένον πέταλον ἵππου. Διότι ὁ ἅγιος Γεώργιος θέλων νὰ μένῃ διὰ παντὸς πεφραγμένη ἡ ὀπὴ ἐπάταξε μὲ τὸν ἕνα πόδα τοῦ ἵππου τὸν λίθον. Ἔκτοτε ὁ ἅγιος πεταλώτης προσεπικαλεῖται, καὶ μέχρι τοῦ νῦν δεἰκνυνται ἐπί τινος πλακὸς τὰ ἴχνη τοῦ πετάλου.

Подобная-же легенда пріурочена была въ древности къ мѣстности у Парнасса и теперь еще разсказывается на Парнассѣ у Араховы: въ классическомъ миѳѣ (у Antoninus Liberalis) героемъ являлся Эврибатъ, въ современномъ — анонимный паликаръ; чудовище названо ламіей (λαμία Ant. Lib.; λάμνια въ Араховѣ): это миѳическое существо, питавшееся, по древнегреческому повѣрью, человѣческимъ мясомъ, и теперь еще играетъ видную роль въ миѳологіи грековъ и болгаръ; сура ламя, съ которой встрѣчается Георгій въ болгарской пѣснѣ на 23-е апрѣля — отвѣчаетъ μαύρη λάμια греческихъ пѣсенъ[1]).

Въ греческихъ сказкахъ[2]) попадается не разъ тотъ-же сю-

---

[1]) Bernhard Schmidt, Griechische Märchen, Sagen und Volkslieder p. 142 (№ 10) и прим. на стр. 246 — 7. Сл. Πολίτης l. c. I p. 192 слѣд. (о Ламіяхъ).

[2]) Hahn, Griechische u. albanesiche Märchen № 70 (сл. ib. албанскую сказку № 98) и Buchon № 3 p. 277 слѣд. (у Schmidt'a l. c. p. 247).

жетъ, съ такими видоизмѣненіями: чудовище, змѣй залегаетъ воду, ему въ жертву приносится дѣвица, которую спасаетъ герой. Это, какъ извѣстно, сюжетъ чуда св. Георгія съ змѣемъ, нашедшій себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ греческихъ народныхъ пѣсняхъ. Мы далеки отъ мнѣнія, чтобы сказка стояла въ какой-нибудь непосредственной связи съ упомянутымъ чудомъ и его народно-поэтическими отраженіями: одинъ и тотъ-же древній мотивъ (битва съ змѣемъ) лежитъ въ основѣ тѣхъ и другихъ, но между ними могли происходить сближенія — и перенесеніе именъ; Георгій могъ замѣнить въ Гіанницкой мѣстной легендѣ какого нибудь анонимнаго героя, какъ по тѣмъ-же причинамъ храмъ Тезея далъ убѣжище каппадокійскому святому [1]).

Для изслѣдователя его легендъ болѣе интереса могутъ представить тѣ случаи, когда въ одномъ и томъ-же сказаніи или съ однимъ и тѣмъ-же типомъ чередуются съ Георгіемъ другіе святые. Укажу пока на немногое. Въ Эпирѣ разсказываютъ о св. Донатѣ, Ἀϊδονάτος, что онъ освободилъ страну отъ страшнаго дракона [2]); разумѣется, быть можетъ, драконъ — «язычество», не эпизодъ о змѣеборцѣ [3])? Но на Критѣ ὁ ἅγιος Νικήτας представляется какимъ-то Беллерофонтомъ: онъ носится по воздуху на конѣ о бѣлыхъ крыльяхъ, и о немъ повѣствуется слѣдующее [4]): наканунѣ его праздника жители окрестныхъ деревень собрались въ часовню святаго, у мыса Судсуро. Огни, разложенные паломниками, привлекли корсаровъ; приставъ незамѣтно ночью, они заперли двери и окна часовни, чтобы добыча не ускользнула изъ ихъ рукъ. Когда положеніе выяснилось, тѣ, что были въ церкви, обратились съ усердной молитвой къ святому Никитѣ — и чудо совершилось: священникъ открылъ въ задней части пещеры, гдѣ

---

[1]) B. Schmidt, Das Leben der Neugriechen, p. 45 и прим. 3.

[2]) B. Schmidt, l. c. 44; Πολίτης l. c. II, 298 — 300.

[3]) Кирпичниковъ l. c. стр. 111; архим. Сергій, l. c. II, часть вторая, стр. 119 — 120, подъ 30-мъ апрѣля.

[4]) Spratt, Travels and researches in Crete I, 345 — 7.

помѣщалась часовня, проходъ въ сосѣднюю пещеру, черезъ которую всѣ присутствовавшіе успѣли спастись. Забыта была въ углу часовни одна спавшая дѣвочка, которую и похитили разбойники. Но святой не оставилъ её: въ годовщину похищенія, когда плѣнница подавала чашку кофе своему хозяину-корсару, она вспомнила о своемъ плѣнѣ и расплакалась. Гнѣвно набросился на нее корсаръ, но не успѣлъ онъ окончить своей рѣчи, какъ дѣвочка изчезла изъ виду: св. Никита унёсъ её и вернулъ въ семью; еще и теперь показываютъ слѣды копытъ его коня тамъ, гдѣ святой спѣшился.

Какой святой разумѣется въ данномъ случаѣ? Извѣстное пафлагонское чудо св. Георгія напомнило мнѣ выраженіе монаха Иларіона, пересказавшаго въ 1472 году мученіе святого: Georgius Melitinae Cappadociae urbe exortus ex eo pugnatorum illustrium numero fuisse traditur, quos Graeci Ἀνικήτους, Latini invincibiles vocant[1]). Аникиты Иларіона отвѣчаютъ Аникіямъ текста I (по cod. theol. graec. вѣнской библ. № 123: ἐν νουμέρῳ ἐπισήμῳ τῶν ἀνικίων), Метафраста (κόμης τοῦ νουμέρου τῶν Ἀνικιώρων ἐπιφανεῖ προχειρίζεται) [2]) и греческаго житія особаго состава, на которое указали Болландисты (ἐν τῷ ἐπισήμῳ τῶν ἀνικίων νουμέρῳ τριβοῦνος πολλάκις πρότερον μεγαλοπρεπῶς διαπρέψας) [3]).

---

[1]) Acta Sanctorum, Aprilis III, p. 106, a.

[2]) Тоже въ греческомъ житіи (редакціи I) парижской ркп. № 1447 (olim 2030): ἐν νουμέρῳ ἐπισήμῳ τῶν ἀνικιώρων. Выписками изъ этой рукописи, равно какъ изъ cod. 1178 (olim 148) и 1534 я обязанъ неистощимой любезности о. Мартынова, которому приношу глубокую благодарность.

[3]) AASS. Aprilis III p. 120 b, прим. d и е къ тексту Липомана и Commentar. praevius § 11. Рукопись, на которую ссылаются Болландисты, найдена о. Мартыновымъ въ Парижской національной библіотекѣ, подъ № 1178 (olim 148). — Въ греческомъ житіи Георгія, напечатанномъ Болландистами (b), о Георгіи говорится: τριβοῦνος ἐχρημάτισεν ἐπισημωτάτου νουμέρου; у Андрея Критскаго: βασιλέως δορυφόροις συνέταττεν.

Или разумѣется, быть можетъ, Никита апокрифическаго житія, на связь котораго съ житіемъ Георгія указалъ г. Кирпичниковъ[1])? Стиль обоихъ памятниковъ тождественный, тѣ-же мученія и та-же чудесная обстановка; видно, что они принадлежатъ одной и той-же агіографической школѣ, хотя мы пока не въ состояніи точно опредѣлить ихъ взаимныя хронологическія отношенія. Греческій текстъ Никитиныхъ мученій пока не изданъ[2]); русскіе пересказы относятся къ очень позднему времени[3]). Въ одномъ изъ нихъ говорится, между прочимъ, что тѣло мученика перенесено было ангелами во святой градъ, «идеже виситъ камень, идеже суть мощи святыхъ мученикъ Харлампія, Евламбія и Вонифатія»[4]). — Русскіе тексты не обозначаютъ города, гдѣ

---

[1]) l. c. p. 47—8.

[2]) Болландисты (AASS. Sept. IV, подъ 12 сентября) указываютъ на существованіе греческаго житія въ амвросіанской библіотекѣ; другіе списки находятся въ вѣнской: hist. graec. № LVII и CXXVI.

[3]) Сл. Тихонравовъ, Пам. Отреч. русск. литер. II, 112 слѣд. по ркп. XVI в.; по той-же ркп. въ Пам. стар. русск. лит. III, 146—149.

[4]) Сообщ. Н. С. Тихонравовымъ изъ принадлежащаго ему сборника № 35, въ 4-ку, конца XVIII или начала XIX вѣка. Сборникъ этотъ содержитъ, между прочимъ: Повѣсть о чюдеси св. отца нашего Николы о Агриковѣ сыне Васили, Страсть св. мученицы Порасковгѣи ис пролога, Страданіе св. мученикъ Кирика и Улитты, матере его; Мца сетабра въ .еі. днь страд(аніе) стаго вликомчника (Никиты). Послѣднее оканчивается такъ: «И сше с' небси аггль не даша тѣлу его на земли лежати в'зяша и несоша его во сvятый град идеже виси камень идеже суть мощи стых мчнкъ харлампиа иулатиа и вниeатиа и тѣ по конецъ мощи стаго града. аще кто стаго мчнка никиты напише мчние и житие его или кто напише ѿ житиа и' страсти и мчниа его. то члвкъ и'збавлен будетъ ѿ всякаго зла и причастникъ буде праведнаго суда жизнь вѣчную. слава ѿцу и сну и стому дху нне и прно и во веки вѣкомъ аминь». Миніатюра изображаетъ на лѣвой сторонѣ вверху — градъ, подъ нимъ внизу лежатъ тѣла свв. Харлампія, Иулантія и Внифатія, одно надъ другимъ въ перспективѣ, головами къ лѣвому краю миніатюры. На правой сторонѣ: вверху камень, повисшій въ воздухѣ, ниже ангелъ и тѣло св. Никиты, положенное также, какъ и предъидущія. — Греческое житіе св. Ни-

пострадалъ и погребенъ Никита; греческій текстъ называетъ Никомидію[1]); но уже въ XIV вѣкѣ его мощи покоились въ Венеціи, гдѣ ему праздновали 12 сентября и совершились чудеса, записанныя анонимнымъ авторомъ въ 1466 году: первое чудо отнесено къ 1344 году. Въ числѣ прочихъ поминается слѣдующее, разсказанное какимъ то грекомъ, о спасеніи св. Никитою плѣннаго мальчика:

Fuit quidam Graeculus, qui cum videret solemnizari festum hujus sancti, sciscitari voluit. Cui dictum fuit, quod festum gloriosi Nicetae (cum in hac ecclesia sancti Raphaelis requiescat ejusdem devotissimum corpus) ageretur. Qui gaudio repletus dixit presbyteris: sciatis domini, quod in territorio extra Coro-

---

киты въ вѣнск. ркп. Hist. gr. № LVII (Μαρτύριον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Νικήτα f. 10 r — f. 14 v.) кончается его смертью; cod. hist. gr. № CXXVI, также содержащій f. 3 r. — 10 v. Никитино мученіе, предлагаетъ далѣе нѣкоторыя подробности, приближающія насъ къ русскому пересказу: архистратигъ (Михаилъ) не дозволилъ тѣлу угодника лежать на землѣ, «ἀλλ' ἐκέλευσε ἀγγέλοις μεν νεφέλης καὶ ἔλαβον τὸ τίμιον λείψανον καὶ ἀπήγαγον αὐτὸ ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει ἐν τῇ πέτρᾳ τῇ κρεμαμένῃ ἐκεῖσε ὑπὸ τοῦ ἁγίου πνεύματος. ἔνθα ἀποκεῖνται καὶ τὰ λείψανα τοῦ ἁγίου Παφνουτίου καὶ Χαραλάμπου καὶ τοῦ ἁγίου Παρακλήτου καὶ Βονιφατίου καὶ τῶν ἁγίων Ἀλεξίου καὶ Εὐθυμίου. ἡ δὲ τιμία κατάθεσις εἰς τὴν ἄκραν Νικομηδείας ἐτελειώθη. — Зависимость извѣстныхъ намъ текстовъ Никитина житія отъ Георгіева, предположенная г. Кирпичниковымъ, между прочимъ, на основаніи словъ Максиміана: «О чадо, кто тя потвори? Ци Егорій тя потвори, его-же умучи братъ мой Дадьянъ?» — подтверждается чтеніемъ греческаго текста: «τέκνον, τίς ἐμάγευσεν σε; μὴ Γεώργιος ὃν ἀδελφός μου (?) Δαδιάνος ἐβασάνισεν, ἢ Κήρυκος ὁ νήπιος ἢ Βλάσιος ὁ βουκόλος;». Иначе указанная выше ркп. № LVII: «τέκνον γλυκύτατον, τίς ὁ μαγεύσας σε, μὴ Γεώργιος, μὴ Κήρυκος, μὴ Βλάσιος ὁ ἐπίσκοπος, ὃν ἀδελφὸς ἡμῶν Δαμιάνος ἐβασάνισεν;». — Δαμιάνος объясняетъ Демьянище русскихъ духовныхъ стиховъ о Георгіи; но Власій пострадалъ ἡγεμονεύοντος Ἀγρικολάου (сл. житіе св. Власія въ той-же ркп. f. 177 verso, c. 1): текстъ, очевидно, спутанъ, и чтеніе cod. CXXVI слѣдуетъ предпочесть.

[1]) Сл. AASS. подъ 12 сентября.

num[1]) ibi esse ecclesiam aedificatam ad honorem ejus in uno casali. Ob devotionem ejus quidam dives et praepotens in die occurenti clericos solennizantes ad domum in mensa invitabat, et erat absque liberis. Visitabat devote eamdem ecclesiam, rogando quod sibi praestaret filium, et in hoc sacerdotes rogabat, ut et ipsi orarent. Ut Domino placuit, uxor sua peperit pulcherrimum filium, ex quo omnes sibi congratulabantur. Puer autem crescebat moribus et prudentia; qui cum esset annorum duodecim vel circa, venerunt Teucri et invaserunt territorium, capientes multos, inter quos fuit puer iste, transportando ad multum distans ab illo territorio. Pater vero ejus dolentissime ferens continuo lamentabatur, dicendo, o sancte Niceta, rogavi pro filio, et concessisti, et nunc abstulisti: pro certo nolo esse amplius tibi devotus, nec volo plus clericos invitare in mensa. Sacerdos autem principalis ipsum confortabat, et compatiebatur ei, et nihil proficiebat, sed magis ac magis lamentabatur de sancto. Fiebant autem continue orationes ad sanctum pro recuperatione filii. Prorumpebat autem, quod coram Deo peteret vindicari de hac injuria, a sancto commissa, ut assolet fieri ab afflictis, quibus nulla subest spes. — Tandem orationes fuerunt exauditae. Quare cum exercitus inimicorum esset in quiete cum tentoriis suis, et puer serviret uni barono ex principibus in cratera mensali, cum esset decorus et expertus; sanctus autem Niceta equitando per exercitum accepit per capillos dictum puerum et posuit eques a parte posteriori, et portavit quodammodo in ictu oculi ad domum presbyteri et ibi puerum dimitit et evanuit ab eo. Presbyter autem hec sentiens, ostium aperuit et amplexatus est eum dicens: O fili mi, bene veneris. Quem quam primum ad patrem conduxit; et cum vidisset pater, subito exanimis effectus est super collum filii sui: et narravit seriem rei, et si ante fuit devotus dicti sancti,

---

[1]) Corona въ Пелопоннезѣ, въ Мессеніи? (сл. Forbiger II Aufl. 1877. p. 677). Существуютъ и другія мѣстности того-же названія.

postea effectus est devotissimus et statuam fieri fecit et ipsa obtulit ipse sancto[1]).

Критская легенда о Никитѣ — только народный пересказъ этого чуда, повторяющаго въ свою очередь, лишь съ небольшими отмѣнами—извѣстное чудо Св. Николая съ Агриковымъ сыномъ Василіемъ, сохранившееся въ церковнославянскомъ торжественникѣ XII вѣка: Агрикъ живетъ въ странѣ Антіохійской близь Сарацинъ, во вся лѣта творя память угоднику; когда Сарацины похитили его сына и увели на Критъ въ услуженіе Амиру, отецъ оставляетъ благочестивый обычай, но на третій годъ возобновляетъ его—и святой чудеснымъ образомъ возвращаетъ ему сына: «не вѣдѣ къто мѧ сильнъ въ незапоу похыти», говоритъ мальчикъ восхищенный въ то самое время, какъ онъ предстоялъ эмиру, держа въ рукѣ скляницу съ виномъ[2]). — Но таково же содержаніе чуда св. Георгія съ мальчикомъ, котораго сарацины похитили на Лесбосѣ (въ Митиленѣ) и увели на Критъ, или съ пафлагонскимъ мальчикомъ, котораго святой при тождественныхъ обстоятельствахъ спасаетъ отъ болгарскаго плѣна (γέγονεν ἡ τῶν δυτικῶν ἐθνῶν πρὸς ἡμᾶς χριστιανοὺς σφοδροτάτη ἐπανάστασις, λέγω δὴ Βουλγάρων καὶ Οὔγγρων καὶ Σκύθων καὶ Μήδων καὶ Τούρκων. Сл. Teucri венеціанской легенды), когда тотъ несъ своему господину похлебку въ сосудѣ, ὅπερ εἴωθεν ἡ ἐπιχώριος διάλεκτος κουκούμιον[3]) καλεῖν. — Святой представляется мальчику на конѣ:

[1]) AASS. l. c. p. 8 — 9.

[2]) Срезневскій, Свѣд. и замѣтки, № XXXII.

[3]) Съ этимъ пафлагонскимъ (?) словомъ (сл. Epiphanii Adv. Haer. въ разсказѣ объ обращеніи Іосифа компта: κακούβιον δὲ τοῦτο οἱ ἐπιχώριοι καλοῦσι) сл. мѣстное названіе общежительнаго монастыря въ Пафлагоніи, ἣν οἱ ἐγχώριοι Βόνυσσα προσαγορεύουσιν (изъ житія Георгія Амастридскаго. Сл. Васильевскаго, Русско-византійскіе отрывки. Житіе Георгія Амастридскаго, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Мартъ, стр. 141 прим.). — Въ извѣстномъ чудѣ св. Θеодора Тирона при Юліанѣ colyba является эвхаитскимъ словомъ. Подборъ такого рода мѣстныхъ реченій изъ житій святыхъ той-же малоазіатской мѣстности былъ-бы желателенъ. — Вліянію пафлагонской легендѣ подверглись, вѣроятно, иконографическія

εὗρον τινα ἔφιππον ὁπλοφόρον ἐν σχήματι στρατηλάτου, ὑπὲρ τὴν λαμπρότητα τοῦ ἡλίου αὐγοειδέστερον διαλάμποντα [1]).

Не настаивая долѣе на этихъ сближеніяхъ [2]), ограничусь однимъ общимъ замѣчаніемъ.

Сказанія о св. Георгіи стоятъ въ центрѣ небольшого круга житій, объединенныхъ аналогіею типовъ и, можетъ быть, одной

изображенія св. Георгія, о которыхъ говоритъ Clermont Ganneau (Horus et St. Georges, Rev. Archéologique 1876, стр. 393, прим. 2): Dans l'iconographie byzantine Saint Georges à cheval, combattant le dragon, porte toujours en croupe une petite figure de femme tenant une amphore; sur les representations plus modernes la jeune fille est remplacée par un garçon parfois coiffé du fez ottoman. (Сл. греч. пѣсню у Саккеларія: Τὰ Κυπριακὰ III p. 62—65: Георгій бьется съ змѣемъ, дѣвушка сидитъ позади его на конѣ). — Подобное-же чудо (только безъ характеристическаго сосуда, являющагося въ чудесахъ свв. Никиты, Николая и Георгія) приписывается св. Θеодору Тирону Іерусалимскимъ пресвитеромъ Хрисиппомъ: у одного человѣка, большаго почитателя святого, ежегодно чествовавшаго его память пиршествами, сынъ обманно проданъ Измаильтянамъ. Какъ и въ предъидущихъ легендахъ, отецъ сѣтуетъ на святого и не празднуетъ ему слѣдующую за тѣмъ годовщину. Настала и вторая, и тотъ человѣкъ опять поступилъ также. Мальчикъ тѣмъ временемъ пасъ стадо въ пустынѣ, гдѣ святой является ему ὡς στρατιώτης ἵππων δυάδα ἐπαγόμενος, садитъ его на одного изъ коней и черезъ нѣсколько дней доставляетъ къ отеческому дому, а самъ исчезаетъ. (Χρυσίππου πρεσβυτέρου Ἱεροσολύμων ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα Θεόδωρον τὸν Τήρωνα, καὶ μερικὴ τῶν ἀπείρων αὐτοῦ θαυμάτων διήγησις, изъ ркп. Парижск. Національн. библ. № 1452, XI вѣка; сообщеніемъ чуда, помѣщеннаго на л. 143 verso — 144 recto, я обязанъ проф. Васильевскому).

[1]) AASS. III Aprilis въ концѣ тома, стр. XXIX — XXXIII; сл. ib. p. 144 a (изъ греческихъ Миней); въ русскихъ пересказахъ (Погод. ркп. 818, л. 130 об.) Митилена замѣнена Мелитеной житія.

[2]) Укажу на подобныя же сближенія въ области народнаго вѣрованія. Никита въ апокрифическомъ мученіи названъ «врачемъ»; русскій народъ считаетъ св. мученика Никиту покровителемъ дѣтей отъ родимца (Калинскій l. c. 296). Врачами являются и свв. Георгій и Харлампій у Грековъ (B. Schmidt, Volksleben p. 37 — 8), св. Георгій у Хевсуровъ (Radde, Die Chewsuren und ihr Land. Cassel 1878 p. 110).

и той-же мѣстностью. Свв. Никита, Николай и Георгій чередуются въ одномъ и томъ-же чудѣ съ св. Θеодоромъ Тирономъ, какъ, съ другой стороны, св. Θеодоръ раздѣлилъ съ Георгіемъ славу змѣеборца. Эллинскій міръ, боровшійся въ Малой Азіи съ Сарацинами, воспѣвавшій своихъ эпическихъ бойцевъ, Дигениса, Акрита, Армури и др., долженъ былъ питать особое уваженіе къ святымъ, побѣдно отражавшимъ зміиную силу, спасавшимъ отъ вражьяго плѣна. Свѣтскій пѣсенный эпосъ становился о бокъ съ религіознымъ эпосомъ житій. Ихъ совмѣстное изученіе могло-бы доставить изслѣдователю легендъ о св. Георгія опоры и выгоды — и, вмѣстѣ, опасности — широкаго обобщенія. Г. Кирпичниковъ избралъ другой путь, обратившись къ изслѣдованію текстовъ Георгіева житія, его различныхъ редакцій и ихъ взаимныхъ отношеній.

II.

Для уясненія этой стороны дѣла изслѣдователь потратилъ не мало труда и времени. Онъ пересмотрѣлъ значительное количество рукописей, относительное значеніе которыхъ могло опредѣлиться лишь при окончательной работѣ свода и построенія. Иной текстъ могъ, напримѣръ, показаться важнымъ при началѣ изслѣдованія и снизойти въ концѣ къ значенію второстепенной данной; и наоборотъ, достоинство другого могло выясниться лишь при общей повѣрочной работѣ, тогда какъ прежде на него не было обращено надлежащаго вниманія. Къ такому тексту слѣдовало во всякомъ случаѣ вернуться, прежде чѣмъ пытаться установить генеалогію редакцій.

Г. Кирпичниковъ выдѣляетъ въ текстахъ житія три редакціи: А — каноническое житіе, В — апокрифъ, С — особая версія апокрифа, извѣстная главнымъ образомъ по славянскимъ рукописямъ. Къ редакціи А г. Кирпичниковъ относитъ греческое житіе, изданное Папеброхомъ = b, и латинскую легенду Липомана, переведенную съ греческаго = l. Ея подлинникъ не из-

данъ, но онъ, либо его варьянты, найдутся въ рукописяхъ, судя по отрывкамъ вѣнской, описанной Ламбеціемъ (сл. Кирп. стр. 4, прим. 1)[1]). Съ этимъ текстомъ слѣдовало бы познакомиться, въ виду вопросовъ, поднимаемыхъ текстомъ l и не достаточно разъясненныхъ г. Кирпичниковымъ. Что такое l? Это не есть текстъ древній и подлинный (?): онъ составленъ изъ двухъ варьянтовъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ сличенія его съ русскими текстами (стр. 6); l, стало быть, сохранился въ варьянтахъ русскихъ — и, можетъ быть, греческихъ — пересказовъ, которые надо было попытаться изучить совмѣстно, возведя ихъ къ прототипу L, еслибы это оказалось возможнымъ, и за тѣмъ уже указать имъ мѣсто въ редакціи А, либо въ такихъ отношеніяхъ къ ней, которыя представились бы наиболѣе вѣроятными. Безъ этой предварительной работы помѣщеніе l подъ рубрикой А вызываетъ рядъ частныхъ и методологическихъ сомнѣній. Начать съ того, что и текстъ вѣнской рукописи — сводный[2]), потому ли, что и онъ представляетъ слитіе двухъ варьянтовъ, какъ липомановскій, мы пока не знаемъ; но его заключеніе заимствовано изъ редакціи С (l. с. стр. 34). Съ другой стороны легенда Липомана кончается, говоритъ г. Кирпичниковъ (стр. 4), припиской псевдо-автора, Пасикрата, обличающей въ списателѣ легенды знакомство съ этой спеціальной чертою редакціи В. Текстъ Липомана, стало быть, вдвойнѣ сводный?

Но что такое сводныя или слитныя редакціи? (сл. стр. 25 слѣд.). И какъ отличить ихъ отъ тѣхъ, которыя слѣдуетъ признать основными? Какъ бы ни понимать отношенія А, В, С, несомнѣнно, что онѣ выработались одна изъ другой, путемъ выдѣленій или приращеній, обусловленныхъ опредѣленными цѣлями редакторовъ. Такая взаимная зависимость достаточно объясняетъ, почему въ А В С есть общія черты; но когда о текстахъ А (b

---

[1]) Рукопись эта значится въ каталогѣ вѣнской библіотеки: Theol. gr. 123; житіе св. Георгія занимаетъ f. 37 v. — 43 v.

[2]) Кирп. стр. 4 прим. 1, гдѣ ошибочно напечатано: свободный.

и l) говорится, что въ иныхъ случаяхъ b ближе сходится съ B, въ другихъ l, невольно подсказывается вопросъ: идетъ ли здѣсь дѣло объ основномъ сходствѣ между текстами A и редакціею B, или же о позднѣйшемъ вліяніи B на списателей или составителей этихъ текстовъ? Еслибы послѣднее предположеніе оказалось вѣрнымъ, мы получили бы право назвать b и l сводными текстами.

Вообще для того, чтобъ имѣть право говорить о редакціяхъ основныхъ и смѣшанныхъ или слитныхъ, необходимо прежде всего установить филологическій типъ первыхъ, уяснить ихъ основныя сходства, опредѣленныя ихъ взаимной зависимостью, и типическія отличія, т. е. тѣ, въ силу которыхъ онѣ и могутъ быть обособлены, какъ отдѣльныя редакціи. Когда эти типы установлены, ихъ механическое смѣшеніе легко опредѣлить, въ какихъ бы сочетаніяхъ оно не явилось — выражаясь рядомъ сводныхъ, слитныхъ, интерполированныхъ редакцій. Г. Кирпичникову всѣ эти вопросы метода должны были представиться сами собою, и онъ не могъ не имѣть ихъ въ виду, разбираясь въ массѣ просмотрѣнныхъ имъ рукописей. Слѣдуетъ предположить, что, опредѣляя нѣкоторые тексты, какъ составные, онъ руководился указаннымъ выше критеріемъ, но доказательства тому у него отсутствуютъ, и читатель недоумѣваетъ, почему напримѣръ текстъ l, съ припиской Пасикрата и чертами изъ B, разсматривается въ основной группѣ A, почему родственный l греческій текстъ вѣнской рукописи, съ окончаніемъ изъ C, отнесенъ въ туже рубрику, тогда какъ «одна изъ распространенныхъ позднѣе на западѣ составныхъ греческихъ редакцій», стоящая «въ близкой связя съ редакціей C» (стр. 37 и прим. 1), — разбирается въ отдѣлѣ текстовъ сводныхъ. Жаль, что именно эта «составная» редакція осталась неизученной, равно какъ и греческій подлинникъ l: она намъ интересна по своей связи съ C, т. е. съ тѣмъ особымъ видомъ отреченнаго житія, который извѣстенъ былъ доселѣ лишь изъ славянскихъ пересказовъ и для позднѣйшей исторіи апокрифа представляется мнѣ особенно важнымъ.

Для редакціи B и главнымъ образомъ для его латинскихъ

изводовъ (Gallicanus, S. Gallensis) собранъ былъ западными изслѣдователями кое-какой матеріалъ, которымъ г. Кирпичниковъ воспользовался, присоединивъ къ нему, съ своей стороны, много новаго и цѣннаго[1]). Для критики древнѣйшаго текста этого извода, т. е. греческаго палимпсеста IV — V вѣковъ, изданнаго Детлефсеномъ, изслѣдователь воспользовался указаніями проф. Дестуниса, во многомъ исправившаго чтеніе и толкованіе перваго издателя. Точно также и для C по тексту Тихонравова г. Кирпичниковъ приводитъ остроумную поправку проф. Лескина, предложившаго, вмѣсто непонятнаго: «Сѣдъ же на соудищи съ атропомъ пришедшемъ траро^к въ илину и магнентію» и т. д., читать: «Сѣдъ же на соудищи сатрапомъ пришедшемъ». Непосредственно слѣдующія слова: «траро^к въ илину и Магнентію и Феогнію» остаются непонятными, говоритъ г. Кирпичниковъ (стр. 34 — 35 прим. 3 на стр. 34). По позднѣйшему указанію проф. Дестуниса вм. «трарок въ илину» слѣдуетъ читать: Транквилину: царь этого имени является въ редакціи B (Gallic.) рядомъ съ царемъ Магненціемъ и императоромъ Даціаномъ. Та и другая конъектура подтвердились чтеніемъ хлудовскаго житія (по торжественнику XIV в., № 195), исправляющаго еще одно непонятное мѣсто Тихонравовскаго текста: «И бѣ в то врѣмѧ князь родомъ отъ пръсъ именемъ Дадіянъ, мѣстный князь, татрокъ А'нкіи, Персаменіи и Палестинскія страны» (Тихонравовъ II стр. 100); вмѣсто: татрокъ А'нкіи, слѣдуетъ читать: Тавроликіи. — Дадіанъ тихонравовскаго текста — «мѣстный князь» т. е. топархъ; въ одной изъ смѣшанныхъ редакцій житія св. Георгія[2]) Дадіанъ названъ топархомъ Сиріи.

Славянскіе тексты B предлагаютъ, сравнительно съ латинскими, нѣкоторыя отличія, источника которыхъ слѣдуетъ, быть

---

[1]) Сл. напр. стр. 16 и слѣд.: отчеты о сирійскомъ и эѳіопскомъ пересказахъ, о мюнхенскихъ текстахъ латинскаго апокрифа и т. п.

[2]) AASS. Aprilis III, p. 104.

можетъ, искать въ ихъ греческомъ подлинникѣ. Такъ Георгій является въ нихъ не воиномъ, а купцомъ, какъ въ хроникѣ Табари [1]); черту хлудовскаго текста, что тѣло святого сжигаютъ, а прахъ пускаютъ по вѣтру, легко сблизить съ такой-же подробностью сирійскаго житія, гдѣ пепелъ сожженаго мученика разбросанъ по горамъ, и съ разсказомъ Табари и Масуди: пепелъ отъ сожженаго тѣла брошенъ въ море или въ рѣку Тигръ [2]). Не тоже-ли бросаніе въ море упомянуто и въ похвальномъ словѣ Аркадія, архіепископа Кипрскаго, «на обновленіе храма святаго и славнаго и побѣдоносца и великомученика Георгія»? Слово это, встрѣчающееся въ греческихъ [3]) и русскихъ спискахъ [4]), сколько извѣстно, до сихъ поръ не издано; его списателя проф. Васильевскій склоненъ отождествить съ Аркадіемъ Кипрскимъ, извѣстнымъ изъ исторіи монофелитскихъ споровъ (625 — 6), къ которому отправленъ былъ декретъ Ираклія противъ еретика Павла и о которомъ упоминаетъ его преемникъ, митрополитъ Кипрскій Сергій въ посланіи къ папѣ Сиксту IV отъ 643 года [5]). Въ ряду архіепископовъ Кипра извѣстенъ всего одинъ Аркадій, котораго помѣщаютъ обыкновенно между 600 и 638 годами [6]). — Слѣдующая далѣе выдержка изъ его реторическаго слова можетъ послужить не только къ опредѣленію времени, когда оно могло быть написано, но и къ уясненію того круга представленій, въ

---

[1]) Кирп. стр. 13.

[2]) Ib. стр. 14, 15, 16.

[3]) Ms. in Bibl. Coisliniana p. 211 у Фабриція Bibl. graeca v. 9 p. 80 (1-го изданія).

[4]) Я пользовался текстомъ, помѣщеннымъ въ Торжественникѣ Моск. Рум. Муз. № 435, конца XV вѣка, л. 120 об. — 125 обор. (Сл. № 434 того же Музея, ркп. XVI вѣка).

[5]) Сл. также Guil. Cave, Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria. Basileae 1745, t. II, Dissert 1[a] (въ концѣ книги) p. 4. — Указаніемъ этимъ я обязанъ проф. Троицкому.

[6]) Gams, Series episcoporum ecclesiae catholicae. Ratisbonae 1873, p. 438 — 9.

которомъ сложился взглядъ на св. Георгія, какъ на чудеснаго помощника.

«Како члци по достоиньству почтемъ и паче же мчкы и паче Георгіа вселенскоую похвалоу, црьковное скровище, кртнаго проборца, георгіе воиномъ оружие непобедимое, георгіе цртвіа проборець, георгіе възделаннымъ совъзделанникъ и поутникомъ наставникъ, георгіе плавающимъ кормьчиі, георгіе озлобленнымъ о^т^м'ститель и лжоущи^хъ^ ѡбличитель; георгіе плачющи^х^сѧ оутѣшитель и крѣпкыхъ благолѣпіе; георгіе сирымъ пре^д^статель и вдовицамъ питатель; георгіе пристанище иже в поучинѣ влающи^х^ся и иже в поустынѧхъ скитаюхи^х^сѧ пастырь; георгіе болѧщимъ врачь и прибѣгающимъ просвѣтитель; георгіе паствамъ стражь и гоумномъ благословеніе; георгіе боримымъ стѣна, моучимымъ оутѣха, алчющимъ питатель і нагихъ одѣатель; георгіе искоушаемымъ мостъ и мироу утвержение; георгіе бесомъ губитель и еллиномъ разроушитель и вѣры правитель; георгіе мченъ бывъ побѣди и вверженъ побѣди и оумеръ въ истинноу живе, дивьство преславныхъ чюдесъ. Которыми словесы похвалю мчнка, кими похвалами изрекоу страдания, кіими образы въспою чюдеса? Разделися мчньское тѣло но не разделисѧ отъ него Христосъ, раздрасѧ ество и не разорисѧ вѣра, падесѧ храмъ и скровище схранисѧ, в мѣстѣ есть и в мирѣ пребывая, всѣхъ посѣщаа, тамо Христу предстоить и соущихъ сде николиже отъступаеть, тамо молитсѧ и сде с нами ликоуеть, тамо служить и зде чюдодѣиствуеть. Оуспоша мощи и проповѣдують вещи, языкъ оумолче и чюдеса вопиють. Кто таковаа видѣ или кто таковая слыша? Огнемъ сожжены быша и огню отгонять мощи, в поучиноу ввержени быша и дшю отъ поучинъ спасають, уды скроушишасѧ и скрушенаа стѧзоують, смрти осуждены быша и оумршыхъ въставлѧють, на земли заидоша и на нбси восияша. Да постыдатся еллінстіи отроци зращеи бѣсы служаща мчкомъ, да посрамитсѧ идол'скаа прелесть слышащеи дхмь нечистымъ боящимсѧ мчкь мощеи, ибо иже иногда поощрѧющеи члкы моучити бѣгають и вопиють многое твое дрьзновение и свѣдѣ-

тельство, Георгіе. Что глаголеши? Д҇си нечистіи всеокааннія мрьтвыхъ мощеи и бездоушныхъ боатсѧ, си ре҇ Іисуса Христа ради и м҇чкы почитають. Что реку(ть) о сихъ намъ иже Христа ради отметающеисѧ? что прочее не оумолъкноуть? Разоумѣіте языци и покарѧитесѧ. Видите о іоудеи, еи посрамитесѧ. Да оумолкноуть ел'лінскіа басни и престаноуть, тѣмъ-же оубо оумолкоша и престаша. Где Плутонъ сверепѣайся, где Аполонъ посоупленый, где Диева дръжава, где Ираклієва гордынѧ, где Өрїгомъ скопления и сверѣпіа и бѣснования, где прочая съгрѣшения воскліцающихъ? Они бо всі посрамишасѧ, ници на земли лежать и пребыша м҇ртви. Христу бо явльшюсѧ и к҇ртоу въдроузившюсѧ и м҇чникомъ показавшимсѧ смрт҇ь убо ради Христа пренебрежена бысть, адъ побѣжденъ бысть, прелесть попрасѧ и капища разоришасѧ ї елліни ум҇ртвишасѧ; і идеже оубо въ вселеннѣй проидеши, не к тому тако ми бв҇ъ Аполонїа и Діа и Асклипіа обрѧщеши глаголема, но богъ георгіевъ и иже с нимъ всѣхъ славитсѧ и б҇лгоч҇тнѣ воспѣваетсѧ и ж҇ртвы бескверныа томоу ради м҇чньскыхъ ж҇ртвъ и м҇леніі възсылаютсѧ». Слово обращается за тѣмъ къ великомученику: «ты боуди молитвенникъ о мнѣ грѣшнемъ и о всѣхъ молисѧ людехъ христіанскыхъ оумиленѣ казнимыхъ, и да не презриши съ с҇тыми всѣми немолчно глаголати: пощади, господи, люди своа, владыко, прочее спаси достоание свое, пощади стадо свое, молимсѧ, пастырю добрыи; помилоуи ц҇рквь свою, ч҇лколюбче, яко лютѣ колеблетсѧ, яко лютѣ разсѣваетсѧ; оущедри чада своя, ѧко прочее оумалїшасѧ; призри, владыко, на люди своа, яко исполнихомсѧ уничижения; вижь ноужду и створи ч҇лколюбіе, вижь наготоу и дароуй одѣание, виждь рыдание и створи щедр҇оты.... покажи насъ благостию своею. Расточилъ еси, сбери; ѿврьглъ еси, помилоуй; предалъ еси, възврати; заточилъ еси, паки помѧни.... к тебѣ бо прибѣгаемь. Помилоуи насъ и възврати плѣненіе наше, яко рыдающе҇ славимъ отца и сына и свѧтаго дх҇а нынѣ і присно и в вѣкы».

Если авторъ Слова, дѣйствительно, современникъ Ираклія,

то указанія на казнимыхъ христіанъ, на колеблющуюся и разсѣвающуюся церковь, на расточеніе и плѣненіе вѣрующихъ, нашли-бы естественное объясненіе въ обстоятельствахъ времени. Я разумѣю нашествіе Хосроя: событія, его сопровождавшія, годились въ обстановку мученическаго житія и обновляли его память.

Перейдемъ къ третьей изъ установленныхъ г. Кирпичниковымъ редакцій житія, именно къ С. На нее слѣдовало, по нашему мнѣнію, обратить бо̀льшее вниманіе, чѣмъ это было сдѣлано. Здѣсь упрекъ обращается не къ спеціалисту по исторіи западныхъ литературъ, а къ русскому изслѣдователю, которому памятники древнеславянской писменности должны быть особенно дороги. Ограничусь пока немногими замѣчаніями. Въ русскихъ пересказахъ С отецъ Георгія названъ Геронтомъ, Геронтіемъ и т. п.; мать — Полихроніей и Полифроніей; Полихроніей-же она названа въ отрывкахъ греческаго текста С. — Г. Кирпичниковъ заключаетъ, что аналогія съ Геронтіемъ заставляетъ предположить форму: Полихронія древнѣйшею (стр. 35); но вѣдь, говоря апріорно, исканіе аналогіи могло дѣйствовать и позднѣе, приравнявъ Полифронію къ значенію Геронтія. — «Сперва я думалъ настаивать на формѣ Полифронія, многомудрая, которую легко замѣнить Премудростью — Софіею нашихъ стиховъ. Можетъ быть, впослѣдствіи и найдется славянскій, вышедшій изъ греческаго, или греческій текстъ, гдѣ ошибочное чтеніе Полифронія породило Софію. Тогда уяснится литературный источникъ этого эпизода стиха» (стр. 35 прим. 2). — Вмѣсто этого искомаго текста можно-бы сослаться на художественное преданіе, на которое указываетъ самъ г. Кирпичниковъ (стр. 171): «Съ VI вѣка по всей Византійской имперіи строятся соборные храмы Софіи Премудрости Божіей, и что замѣчательно, въ очень многихъ случаяхъ такой соборный храмъ поминается рядомъ съ другимъ уважаемымъ храмомъ — св. Георгія». Появленіе въ русскихъ духовныхъ стихахъ матери Георгія, Софіи, могло быть обусловлено совмѣстностью ихъ культа; въ народномъ представленіи три сестры его могли быть сопоставлены съ тремя дочерями другой Со-

фіи (сл. стр. 48 — 9), — хотя уже эѳіопская легенда (и ея предполагаемый сиро-греческій подлинникъ, сл. стр. 172 и 18 — 19) знаетъ о двухъ сестрахъ мученика, мать котораго называетъ Тійобеста, т. е. Теопистой. — Не безполезно, быть можетъ, указать на возможность и другого объясненія Софіи: на наивное отвлеченіе собственныхъ именъ отъ нарицательныхъ, нерѣдкое въ русскихъ народныхъ и литературныхъ воспроизведеніяхъ пришлыхъ сюжетовъ. Въ отрывкахъ текста С по парижской ркп. graec. 1534 мать Георгія названа Полихроніей; въ разговорѣ съ мученикомъ дукъ Варданъ говоритъ ему: «ὁρῶ σε ἐν τῇ πολυλογίᾳ σου πολλὴν σοφίαν ἔχοντα». Святой отвѣчаетъ: «αὕτη ἡ σοφία, ὦ δικαστά, οὐκ ἔστιν ἐξ ἐμοῦ, ἀλλ᾽ ὁ θεός μου ἐχαρίσατό μοι αὐτήν, ὁ παρέχων τοῖς εὐθέσι τῇ καρδίᾳ καὶ τοῖς φυλάσσουσι τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ σοφίαν καὶ μετοχὴν ἀγαθῶν ἐκ τοῦ πλούτου αὐτοῦ. Οἱ γὰρ ἐκ καρπῶν ἀγαθῶν τὰς καλὰς ἀρετὰς κατορθώσαντες.... ὡς κλάδους ἔχουσιν εὐθαλεῖς τὴν σοφίαν προηγουμένην αὐτῶν θεοσέβειαν καὶ πίστιν ὀρθήν. Οὗτοι γὰρ ζήλῳ μυστικῷ βαδίζοντες καὶ ὡς ἄγκυραν ἀσφαλῆ καὶ βεβαίαν τὴν τιμίαν πίστιν κατέχοντες, βασιλείαν Θεοῦ κληρονομήσουσιν». Подобныя выраженія могли легко повести къ реальнымъ образомъ Софіи Премудрости, Вѣры, Надежды и Любви; въ такомъ случаѣ источникомъ русскаго духовнаго стиха оказался бы какой-нибудь изъ пересказовъ С.

Къ вопросу о немъ и о соотношеніи различныхъ редакцій житія между собою мы попытаемся подойти ближе, на сколько то позволитъ собравшійся у насъ матеріалъ.

Редакціи В и А называютъ Георгія Каппадокійцемъ: Καππαδόκης τὸ γένος (по парижск. ркп. graec. 1447); genere Capadogus (Gallicanus); ex genere Cappadotie et nutritus est in Paltene patriae (S. Gallensis); Gallicanus заставляетъ святого прибавить о себѣ: fui et in provincia Palestina; отношенія къ Палестинѣ упоминаетъ и b: τῆς μὲν τῶν Καππαδοκῶν χώρας ὁρμώμενος.... Ἀπάρας δε τῆς Καππαδοκίας σύν τῇ μητρὶ πρὸς τὴν Παλαιστίνην μετοίκησεν, ἐκεῖθεν αὐτῷ τῆς μητρὸς τυγχανούσης. —

Тоже и въ С, по Хлудовскому тексту: «рода же кападокїиска.... въздои же ме и въспитѣ палестиньская страна». — Древнія связи каппадокійскаго христіанства съ Палестиной указываютъ, быть можетъ, на среду, въ которой создался апокрифъ св. Георгія. Родомъ изъ каппадокійскаго города Коластры или Clastrata'ы была св. Нина, просвѣтительница Грузіи: она провела свою юность въ Іерусалимѣ; грузинскія свидѣтельства зовутъ ея отца Завулона «сопричастникомъ» св. Георгія и даютъ ей въ дяди Ювеналія, іерусалимскаго патріарха[1]). Исторія не знаетъ Ювеналія, современника св. Нины, но она знаетъ патріарха Ювеналія (428 — 458), современника императрицы Эвдокіи и Эвѳимія; послѣдній былъ родомъ изъ каппадокійской Мелитены, провелъ боль-

[1]) Brosset, Histoire de la Géorgie I, 90—2; сл. Addit. et éclaircissements à l'hist. de la Géorgie: Chronique arménienne p. 20.—Разсказъ о дѣятельности Нины начинается упоминаніемъ св. Георгія: «Въ то время, когда св. Георгій Каппадокійскій пострадалъ за Христа, властитель одного каппадокійскаго города, по имени Забилонъ и. т. д.» — Проф. Цагарели сообщилъ мнѣ, что житіе св. Нины (по грузински: Нино) встрѣчается въ спискахъ X — XII вв., отдѣльно и вмѣстѣ съ другими житіями, въ краткой (древнѣйшей) и пространной редакціяхъ. На сколько можно заключить, житіе это и легло въ основу лѣтописнаго разсказа объ обращеніи въ христіанство грузинскаго царя Миріана въ началѣ IV вѣка, а оттуда проникло въ исторію Вакушта и другіе пересказы. — Въ Азіатскомъ музеѣ Имп. Акад. Наукъ находятся два списка житія св. Нины: одинъ пергаменный, никакъ не позже XIV-го вѣка (по грузинскому каталогу азіатскаго музея № 39), другой — копія со списка 1736 года (№ 40). Проф. Цагарели я обязанъ извлеченіями изъ того и другого. Вотъ начало житія по № 39: «Въ то время, когда былъ замученъ всехвальный и всеславный великомученикъ Георгій Кападуксій, въ томъ-же городѣ (въ № 40: въ городѣ Кападукѣ) жилъ человѣкъ нѣкій, соучастникъ (сообщникъ, буквально: сопричастникъ) и другъ святаго мученика Георгія». Его имя Забулонъ; у него и Сусанны, сестры патріарха Ювеналія, дочь св. Нино. — У Іосселіани (Краткая исторія грузин. церкви. Спб. 1843) св. Нина является родственницей, у Габрона Сабинина (Исторія грузин. церкви, стр. 27) двоюродной сестрой по отцу св. великомученика Георгія (?).

шую часть своей жизни въ пустынѣ на берегу Мертваго моря, оставивъ въ Палестинѣ своихъ учениковъ, св. Өеодосія Киновіарха и св. Савву, такихъ-же, какъ и онъ, каппадокійцевъ.

Paltene patria сангалленскаго текста не стоитъ-ли вмѣсто Palaestina? Или это Militine, Melitena, Melitona, Mellina другихъ текстовъ житія, куда къ Даціану является св. Георгій, откуда онъ родомъ? [1]). Въ эѳіопскомъ текстѣ городъ названъ Miteljа. Мелитена — городъ на Евфратѣ, въ Малой Арменіи (Каппадокіи легенды), у Арабовъ Meledni и Molouteni; Malatia западныхъ писателей.

Къ указаннымъ географическимъ отношеніямъ В и А, С присоединяетъ и новое: она не только ввела въ житіе эпизодъ о родителяхъ святого, Геронтіи и Полихроніи, но и мученіе святого пріурочило спеціально къ Діосполю-Лиддѣ: «въ Діосполь-же и̑ Галилею посла повелѣниe» Дадіанъ (или Діоклетіанъ); тамъ святой пострадалъ и погребенъ: «положише и.... въ Діосполіи». То-же пріуроченіе встрѣтится намъ и въ нѣкоторыхъ греческихъ сводныхъ текстахъ житія, воспользовавшихся редакціей С. — Лидда-Діосполь находится въ получасѣ пути отъ Рамлы, въ двадцати верстахъ отъ Іерусалима по дорогѣ въ Яффу. — Развитіе мѣстнаго культа въ Діосполѣ, выразившагося построеніемъ знаменитаго храма и празднествомъ перенесенія мощей (3-го ноября) — не можетъ-ли дать намъ приблизительный terminus a quo составленія редакціи С?

Болландисты не касаются вопроса о началѣ культа св. Георгія въ Діосполѣ, вопроса, предрѣшеннаго для нихъ показаніемъ греческой Минеи: о существованіи Діоспольскаго храма при Константинѣ Великомъ [2]). Самое раннее упоминаніе Георгія въ Діос-

---

[1]) AASS. l. c. p. 102 b; 103 a (по валлицелльянскому тексту?); 105 a (изъ легенды Петра Партенопейскаго). Сл. Кирпичн. l. c. 20, 22.

[2]) Оттого они переносятъ Георгія изъ легендарной Мелитены въ Никомедію, откуда легче было доставить тѣло святого моремъ до Яффы. Vidit hoc actorum graecorum, quae in Mss. Regis Franciae ha-

полѣ встрѣтилось мнѣ пока у путешественника первой половины VI вѣка, Өеодора или Өеодосія: De Emmao usque in Diospolim millia XII, ubi sanctus Georgius martyrizatus est; ibi et corpus ejus est et multa mirabilia fiunt[1]).

Въ 570 году (по разсчету Тоблера) посѣтилъ Палестину Антонинъ изъ Пьяченцы. Говоря о базиликѣ въ честь св. Стефана, построенной императрицей Эвдокіей, онъ сообщаетъ слѣдующее: et ipse sanctus Stephanus requiescit foris portam sagitte jactu, ad viam, et illa porta ex nomine ipsius vocatur. Et est ad viam, quae respicit ad occidentem, que descendit ad Joppen et Cesaream Palaestine vel Diospolim civitatem, que antiquitus dicebatur Azotus: in qua requiescit sanctus Georgius martyr[2]).

Діосполь-Лидда, дѣйствительно, лежитъ на пути къ Яффѣ, но онъ не назывался Азотомъ: Azote (Asdoud, Echdod) находился значительно южнѣе[3]) и не памятенъ культомъ Георгія. — Положеніе церкви св. Стефана опредѣлено точно: она находилась между Дамасскими (отъ VII до XV в.: св. Стефана) и Яффскими вратами и открывалась путнику, приходившему со сторону Яффы и Діосполя[4]).

---

beri diximus, auctor recentior, aut in Actis quibusdam antiquioribus, perfectioribusque nondum ad nos perlatis (nam quae habemus, nomen loci non exprimunt) sic forte reperit. l. c. p. 108 a, 104 b. Сл. Архим. Сергій, Полный мѣсяцесловъ востока, II, ч. 2, стр. 348—9, подъ 3-мъ ноября.

[1]) T. Tobler, Palaestinae Descriptiones ex saeculo IV, V et VI (St. Gallen, 1869): Theodori liber de situ terrae sanctae, p. 40 (сл. стр. 115: половина VI вѣка; стр. 117: около 530 года). Сл. его же: Itinera et descriptiones terrae sanctae lingua latina saec. IV — XI exarata. Genevae, 1877: Theodosius de Terra sancta, p. 71.

[2]) T. Tobler, De locis sanctis quae perambulavit Antoninus martyr. A. D. 570. St. Gallen 1863, c. XXV, p. 28, и его-же Itinera l. c. p. 105. Сл. Tuch, Antoninus martyr. Leipz. 1864 и Delpit, Essai sur les anciens pélerinages à Jerusalem. Paris, 1870, p. 175 — 232.

[3]) Сл. атласъ Spruner-Menke и карту у Клермонъ-Ганнó, Horus et St. Georges, Rev. archéologique 1876, p. 202.

[4]) Сл. Путешествіе игумена Даніила, изд. Норова, стр. 18.

Болѣе, чѣмъ этому подозрительному смѣшенію Азота и Лидды, я придаю значеніе показаніямъ житія св. Θеодора Сикеота. Я разумѣю argumentum a silentio.

Св. Θеодоръ родился при Юстиніанѣ (527 — 566), въ Сикеонѣ, въ первой Галатіи; умеръ при Иракліи въ 613 году. Еще мальчикомъ онъ особенно чтилъ великомученика Георгія и, бывало, тайкомъ отъ матери пробирался изъ школы на сосѣднюю крутую гору, гдѣ уже тогда стоялъ храмъ святому. Память о немъ, разсказы о его чудодѣйственной помощи и явленіяхъ — наполняютъ всё житіе св. Θеодора. Св. Георгій является ему во снѣ, руководитъ его, спасаетъ отъ демонскихъ козней; его именемъ Θеодоръ совершаетъ чудеса, ставитъ монастырь во имя своего любимаго святого, и когда церковь оказалась слишкомъ тѣсною, строитъ возлѣ нея храмъ Михаилу Архангелу. — Авторъ житія знаетъ иконописное изображеніе Георгія: adolescentem valde formosum, splendidis vestimentis ornatum, aurea fulgentem coma, et illi similem, quem pro S. Georgio in ejus historia pictum cernimus[1]) — и боится чаръ языческаго искусства (vas cum tabernaculis veterum Graecorum videram, quae a daemonibus observabantur)[2]). — Цѣнность этихъ свѣдѣній стоитъ въ прямой зависимости отъ довѣрія, съ которымъ мы отнесемся къ списателю житія, называющему себя ученикомъ святого, Элевсіемъ, котораго св. Θеодоръ назвалъ иначе — Георгіемъ, тогда какъ другой братъ Элевсія принялъ имя Θеодора[3]). Это чередованіе именъ останавливаетъ вниманіе: какъ впослѣдствіи Θеодору Сикеоту праздновали въ константинопольскомъ храмѣ св. Георгія[4]), такъ въ житіи Сикеота, проникнутомъ воспоминаніями о

[1]) AASS. Aprilis III, подъ 22 Apr. p. 40, b.

[2]) l. c. p. 56, b, § 102.

[3]) l. c. p. 61, b, § 124.

[4]) Сл. Путешествіе Новгородскаго архиепископа Антонія въ Царьградъ, изд. П. Саввантовымъ, стр. 137 — 8. Сл. ib. стр. 140 — 1: «О страну же того монастыря святаго Георгія: и ту лежить святый Феодоръ Секіютъ въ тѣлѣ, въ сребрянѣ гробѣ; и ту крестъ его на желѣзнѣ

каппадокійскомъ святомъ, встрѣчаются: Theodorus cognomento Latzeas, изъ Гераклеи въ Понтѣ, Theodorus, жившій in monte Draconis и др.

Св. Өеодоръ Сикеотъ дважды былъ въ Константинополѣ и совершилъ три раза путешествіе къ св. мѣстамъ Палестины. Уваженіе, которое онъ питалъ къ св. Георгію, и слава Діоспольскаго храма должны были бы привлечь къ себѣ странника. Но о Діосполѣ мы ничего не узнаёмъ; когда впослѣдствіи Өеодоръ пожелалъ имѣть отъ мощей св. Георгія, онъ получилъ отъ Эмиліана, эпископа Гермій (во второй Галатіи), часть головы святого, его пальцевъ, одинъ зубъ и еще одну частицу его тѣла[1]). — Замѣтимъ, что во время своего послѣдняго путешествія къ святымъ мѣстамъ св. Өеодоръ возъимѣлъ намѣреніе тамъ остаться, но св. Георгій явился ему во снѣ, говоря: Иди скорѣе, намъ надо вернуться въ отечество (ut in patriam revertamur); тебѣ не слѣдуетъ оставаться здѣсь, покинувъ родину[2]).

Въ Константинополѣ святой истолковалъ патріарху Өомѣ (607 — 610) чудесное помаваніе и столкновеніе крестовъ, бывшее передъ тѣмъ въ Галатіи во время крестнаго хода: оно пророчило большія напасти, отпаденіе многихъ отъ христіанства, вторженіе варваровъ, пролитіе крови, опустошеніе церквей, паденіе вѣры, гибель монархіи и близкое пришествіе антихриста. Святой провелъ зиму въ Константинополѣ по просьбѣ того-же патріарха, смущеннаго другою молвою: «civitatem haud multo post absorptum iri». Части этихъ пророчествъ, напоминающихъ извѣстныя откровенія псевдо-Меѳодія, суждено было осуществиться два года спустя по смерти Өеодора: я разумѣю нашествіе Хосроя на Палестину и Галилею въ 615 г., взятіе Іерусалима, избіеніе (17000 или 90000) христіанъ и разрушеніе свя-

---

пососѣ, съ нимже ходилъ на гору ко святому Георгію молитися и т. д.».

[1]) AASS. l. c. p. 53, a, § 87.

[2]) l. c. p. 46 b, § 59.

тынь, при чемъ Персы нашли дѣятельную помощь въ фанатизмѣ еврейскаго населенія. — Выше мы предположили, что подобныя событія могли дать краски для слова Аркадія Кипрскаго въ память «обновленія» храма великомученика Георгія. Разумѣется-ли храмъ діоспольскій — мы не знаемъ. Для исторіи послѣдняго укажемъ еще на слѣдующія данныя.

Около 670 года[1]) французскій эпископъ Аркульфъ посѣтилъ святыя мѣста Палестины; по его разсказамъ составился трактатъ Адамнана De locis sanctis[2]). Хотя Діосполисъ всего въ 20 верстахъ отъ Іерусалима[3]), Аркульфъ не говоритъ о немъ въ связи съ своими палестинскими воспоминаніями; въ Константинополѣ ему разсказали «de quodam confessore, Georgio nomine», и разсказали между прочимъ слѣдующее: «In Diospoli civitate cujusdam confessoris Georgii in quadam domo statua marmorea in columna, contra quam alligatus persecutionis tempore flagellatus est, formulaque depicta est; qui tamen post flagellationem, e vinculis absolutus, multis vixit annis». Г. Кирпичниковъ выводитъ изъ этого свидѣтельства заключеніе, что существовала особая версія житія св. Георгія, по которой онъ умиралъ естественною смертью[4]). Но такой выводъ еще не слѣдуетъ изъ словъ Аркульфа: послѣ бичеванія Георгій могъ жить долгіе годы — для новыхъ мученій; важенъ здѣсь не хронологическій гиперболизмъ, а заявленіе, что Георгій жилъ, какъ-бы въ противорѣчіи съ апокрифомъ В, гдѣ святой нѣсколько разъ умираетъ, чтобы снова воскреснуть. Редакція С (съ Діосполемъ,

---

[1]) T. Tobler, Bibliographia geographica Palaestinae p. 8 — 10.

[2]) Migne, Patrologiae latinae t. 88, p. 779 — 814. — Tobler, Itinera l. c. 143 — 202.

[3]) Такъ показано разстояніе у игумена Даніила: сл. Tobler, Descriptiones Terrae sanctae, p. 300, прим. къ путешествію Willibald'a § XXV: Діосполь «est decem milliariis ab Jerusalem»; Тоблеръ разумѣетъ подъ милями — Stunden.

[4]) Въ параллель приводится разсказъ, слышанный въ Мосулѣ Оттеромъ, путешественникомъ XVIII вѣка. Сл. стр. 15.

какъ мѣстомъ дѣйствія, и отсутствіемъ смертей) зарождалась, — но Аркульфу она могла быть неизвѣстна. — Другое заключеніе г. Кирпичникова, внушенное приведеннымъ выше показаніемъ Аркульфа, столь же невѣроятно: «не смотря на монастыри, построенные Георгію въ землѣ Франковъ, на стихи Венанція Фортуната и латинскій гимнъ, приписанный Амвросію, Аркульфъ, по видимому, въ первый разъ услыхалъ о Георгіи въ Константинополѣ, гдѣ святой пользовался уже обширною извѣстностью»[1]). Едва-ли такое заключеніе не основано лишь на одной сторонѣ Аркульфова разсказа: что о чудесахъ св. Георгія онъ слышалъ въ Константинополѣ. Что онъ зналъ о нихъ уже въ Діосполѣ — на это есть его собственное показаніе: своими руками онъ осязалъ слѣды, оставленные руками святотатца на колоннѣ, на которой находилось изображеніе святого. Важны въ свидѣтельствѣ Аркульфа названіе св. Георгія исповѣдникомъ, не великомученикомъ, и такія выраженія, какъ cujusdam confessoris[2]). Я объясняю себѣ это такимъ образомъ: Аркульфъ зналъ Георгія за мученика каппадокійскаго, какимъ представляютъ его В и А, и не спѣшилъ отождествить его съ Георгіемъ исповѣдникомъ въ Діосполѣ, о которомъ ему разсказали и тамъ и въ Константинополѣ. Діоспольская легенда только что начинала слагаться, обставляясь чудесами, мученіе святого положительнѣе пріурочивалось къ Діосполю, но выраженіе «in quadam domo» стоитъ, тѣмъ не менѣе, въ противорѣчіи съ храмомъ, о которомъ

---

[1]) l. c. стр. 16.

[2]) Замѣтимъ въ этомъ отношеніи разногласіе между текстомъ въ Патрологіи Миня и у Тоблера и приведеннымъ у Болландистовъ. Отрывку, выписанному выше, отвѣчаетъ у послѣднихъ слѣдующій: In Diospoli civitate, in quadam Martyris Georgii domo, in columna marmorea, ad quam persecutionis tempore est flagellatus, formula depicta est (AASS. April. III p. 148 b, § 56). Точно также и въ передачѣ другого чуда святого, гдѣ въ текстѣ Миня и Тоблера стоитъ confessor (Patrol. lat. t. 88, p. 811 — 13; Itinera p. 197 — 9), у Болландистовъ поставленъ Martyr (l. c. p. 144 b — 145 a, §§ 37 — 40).

свидѣтельствуютъ греческія минеи. Арсеній Сухановъ, также видѣвшій образъ св. Георгія на столбѣ, помѣщаетъ его уже въ церкви, но не въ Лиддѣ, а въ Рамлѣ: смѣшеніе, довольно обычное, объясняющееся тѣмъ, что храмъ св. Георгія находился на полупути между двумя сосѣдними мѣстностями: «тутъ четыре столба мраморныхъ, бѣлыхъ, цѣльныхъ, на нихъ верхъ церковный. На столбѣ образъ великомученика Георгія»[1]).

Въ началѣ VIII вѣка (около 728 г.) св. Виллибальдъ[2]) говоритъ о культѣ св. Георгія въ Діосполѣ: et venit in locum Diospolim ad Sanctum Georgium. — Далѣе Діосполь попадаетъ въ мартирологи IX вѣка и къ Ноткеру Balbulus († 912); въ 1009 году, по свидѣтельству Глабра Радульфа[3]), діоспольскій храмъ былъ разрушенъ Сарацинами и лишь въ концѣ вѣка возстановленъ крестоносцами; его то поминаютъ русскіе путешественники, колеблясь между Лиддой и Рамлой, либо смѣшивая одну съ другой[4]).

---

[1]) Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, ч. VIII, стр. 203.

[2]) T. Tobler, Descriptiones, p. 36.

[3]) AASS. l. c. стр. 110 § 35.

[4]) Зосима говоритъ о Лиддѣ: «ту ему (св. Георгію) главу усѣкли», но церковь св. Георгія помѣщаетъ вблизи Іерусалима. Маршрутъ, въ которомъ она упоминается, слѣдующій: отъ Сехима Арабскаго и Хеврона (сл. Норова l. c. стр. 97 прим. 1) къ Адовымъ вратамъ и палатѣ Діоклетіана, оттуда въ домъ Захарьинъ и къ горѣ, гдѣ св. Елисавета скрылась отъ Иродовыхъ слугъ; далѣе къ Виѳлеему. О діоклетіановой палатѣ сказано: «идѣже Святаго великаго мученика Георгія Діоклитіанъ мучилъ и съ горы спущалъ на острыя желѣза» (сл. такую именно подробность о мученіяхъ святого въ краткихъ греческихъ житіяхъ и прологахъ. Кирп. l. c. p. 5 и прим. 3). На томъ мѣстѣ построена церковь во имя святого, въ ней цѣпь желѣзная, «въ чемъ мучили его, велика, въ стѣну вдѣлана; сею цѣпію болящіе знаменуются и исцѣленіе пріемлютъ» (Сахаровъ l. c. p. 66 и 67). Крайняя неясность маршрута не даетъ понятія о положеніи адовыхъ вратъ; не разумѣются-ли врата св. Стефана? «И ту-же гора каменная, плоская, просѣлася въ распятіе Христово», говоритъ иг. Даніилъ по поводу церкви св. Стефана: «и то мѣсто зовется адъ; и то есть близь стѣны городныя, яко доверже тъ

Мы не будемъ слѣдить за позднѣйшими упоминаніями Діосполя. Если преданіе о мученіи тамъ святого Георгія слѣдуетъ признать относительно древнимъ, то неясности въ показаніяхъ Аркульфа (или, что тоже, его редактора Адамнана) едва ли говорятъ въ пользу уже сложившагося литературно сказанія, какимъ намъ представляется С. — Обратную повѣрку добытыхъ результатовъ можетъ представить разборъ текстовъ житія, соприкасающихся съ этой редакціей.

Греческаго текста С, который отвѣчалъ бы вполнѣ по изложенію и содержанію извѣстнымъ намъ славянскимъ, я не знаю. Встрѣтились пока лишь отрывки его, вошедшіе въ разнообразныя сочетанія съ текстомъ l. Съ содержаніемъ послѣдняго легко познакомиться въ латинскомъ переводѣ, изданномъ Липоманомъ и перепечатанномъ у Сурія; греческій подлинникъ l, на сколько я могу судить по отрывкамъ пар. ркп. graec. № 1447 (olim 2030) и поименованнымъ далѣе своднымъ текстамъ, представляетъ тотъже распорядокъ, разнствуя отъ латинскаго между прочимъ тѣмъ, что приводитъ in extenso эдиктъ Діоклетіана. Отличительными чертами l представляются: а) реторическое введеніе: Ἡ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεία.... εἰς τὴν ἄμικτον καὶ σωτήριον θεοσέβειαν (Lipom.: Nostri quidem Salvatoris J. Ch. regnum.... ad veram ac salutarem religionem convertere); b) изложеніе житія начинается словами: ἐγένετο τοίνυν κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν (Lipom.: Accedit autem, ut tempore illo, quo satanae ipsius superstitio et idolorum servitus in hominibus dominabatur, Diocletianus romanorum imperio potiretur); c) упоминаніе въ текстѣ раба Георгія, называющаго себя въ концѣ Пасикратомъ (какъ въ В).

Перейдемъ къ извѣстнымъ намъ своднымъ текстамъ l + С.

мужъ каменемъ (Норовъ l. c. р. 18; сл. sagittae jactu Антонина, помѣщающаго храмъ первомученика на пути въ Діосполь). Замѣтимъ обратный путь Даніила: отъ дому Захарьина, горы, гдѣ скрылась Елисавета, другой горы, гдѣ скрывался отъ преслѣдованія Давидъ — на Рамлу и Лидду.

1. Вѣнская рукопись Theol. graec. № 123 представляетъ особый пересказъ редакціи I, съ новыми чертами изъ B (Схоластика); въ концѣ упоминаніе матери Георгія, Полихроніи, и Діосполя; эвнухъ Евтропій также извѣстенъ лишь изъ славянскихъ пересказовъ C[1]).

2. Парижская рукопись graec. № 1178 (olim 148) открываетъ житіе святого разсказомъ о Максиміанѣ, женатомъ на дочери Діоклетіана и царящемъ въ Никомедіи. Разбитый персидскимъ царемъ Нарсесомъ, онъ проситъ помощи у Діоклетіана, и тотъ является въ Никомедію, «συνεπαγόμενος καὶ τὴν ἑαυτοῦ σύζυγον — Ἀλεξανδρία τῇ γυναικὶ ὄνομα — ὡς ἂν ἀμφότεροι τὴν ἑαυτῶν ϑυγατέρα ϑεάσωνται γαμετὴν ὑπάρχουσαν Μαξιμιανοῦ. συνεῖπον τῷ δ᾿ αὐτῷ καὶ οἱ τούτου ἀδελφιδοὶ Μαγνέντιος, Θεόγνις τε καὶ Δαδιανός, τοπάρχαι τυγχάνοντες ὁ μὲν Λιβύης, ὁ δὲ Αἰγύπτου, καὶ Συρίας ὁ Δαδιανός. — Съ ихъ помощью Максиміанъ разбиваетъ Нарсеса, послѣ чего онъ отправляется къ Діоклетіану въ Діосполь, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ въ Никомедію[2]). Діосполь, ненужный въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа, навѣянъ, вѣроятно, тектомъ C, вліяніе котораго обнаруживается и въ концѣ житія: тѣло святого, замученнаго въ Никомедіи, перенесено въ Діосполь. — Той-же редакціи принадлежитъ и имя Θеогнида, не знакомаго другимъ, и Геронтій, упоминаемый далѣе. Родственныя отношенія Максиміана къ Дадіану — племяннику, ἀδελφιδοῦς, переносятъ насъ на точку зрѣнія Никитина житія, въ которомъ Дадіанъ является братомъ, ἀδελφός, Максиміана.

Съ Максиміаномъ Діоклетіанъ держитъ совѣтъ относительно христіанъ; въ греческомъ текстѣ I (по пар. ркп. graec. 1447) послѣ извѣстнаго намъ введенія (Ἡ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν и т. д.) и упоминанія Діоклетіана (Ἐγένετο), послѣдній также совѣтуется съ Магненціемъ, который былъ вторымъ послѣ него въ царствѣ.

---

[1]) Вѣнскій текстъ печатается нами въ приложеніи № II.

[2]) Псевдоисторическое введеніе въ 1178 напечатано въ приложеніи № IV. Сл. введеніе въ житіе, находящееся въ пассіоналѣ Британскаго музея, Harl. 2800 I л. 56 и слѣд. (Кирп. стр. 26).

I (по ркп. 1447 [1]).

τούτῳ συμβουλευσάμενος, τί ἂν δέοι ποιήσαντας αὐτοὺς ἐξᾶραι παντελῶς τὴν τῶν χριστιανῶν θρησκείαν, καὶ ἅπαντας πεῖσαι ἀνθρώπους ὑποκύψαι καὶ σέβεσθαι σὺν αὐτοῖς τοὺς θεοὺς αὐτῶν· ἦν γὰρ ἐκτεθηκὼς τῇ ψυχοφθόρῳ τῶν εἰδώλων πλάνῃ, μάλιστα τῷ Ἀπόλλωνι τῷ τῆς ἀπολείας ὁδηγῷ· σκεψάμενοι οὖν ἅμα γράφουσιν ἐπιστολὰς ἐκ προσώπου αὐτοῦ Διοκλητιανοῦ τοῦ βασιλέως κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν καὶ χώραν τοῖς ἄρχουσι, στρατηλάταις τε καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν, ἐχούσας τὸν τύπον τοῦτον.

1178.

ἐσκόπει σὺν αὐτοῖς, ὅπως ἂν ἡ μὲν τῶν χριστιανῶν ἐκ ποδῶν γένηται λατρεία, ὑποκύψωσι δὲ πάντες σέβεσθαι καὶ τιμὰς προσφέρειν τοῖς ἀψύχοις εἰδώλοις· ἦν δὲ μάλιστα τῇ ψυχοφθόρῳ τοῦ Ἀπόλλωνος ἀπάτῃ προστεθηκώς, ὁ τῆς ἀπολείας ὄντως υἱὸς καὶ τῶν τιμωμένων ξοάνων ἀναισθητότερος· ἐπὶ κακῷ γοῦν τὴν συμφωνίαν, ὡς εἴρηται, ποιησάμενοι καὶ σκεψάμενοι ἅμα, γράφουσιν ἐκ προσώπου αὐτοῦ τοῦ τῆς ἀσεβείας πρωτοστάτου κατὰ πᾶσαν χώραν τε καὶ ἐπαρχίαν, ἄρχουσί τε καὶ σατράπαις καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν ἐπιστολὰς ὧδέπως περιεχούσας.

Слѣдуетъ въ обоихъ текстахъ эдиктъ Діоклетіана, представляющій существенно одну и ту-же редакцію.

1. τῶν δὲ τοιούτων γραμμάτων κατὰ πᾶσαν πόλιν προτιθεμένων, καὶ διωγμοῦ μεγάλου ἐπικρατοῦντος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης, ὡς καὶ πολλοὺς τῶν ἐπισημοτάτων μετὰ πλείστοις βασάνοις ἐνδοῦναι,

3. καὶ παντοίων βασανιστηρίων ἐπινοουμένων κατὰ τῶν εὐρι-

τῶν οὖν τοιούτων γραμμάτων κατὰ πᾶσαν χώραν τε καὶ πόλιν προτιθεμένων καὶ διωγμοῦ φρικώδους κατὰ τῆς Χριστοῦ ποίμνης σφοδρῶς ἀναρριπισθέντος, παντοίων δὲ βασανιστηρίων ὀργάνων κατὰ τῶν εὐσεβῶν ἐπινοουμένων, καὶ πολλῶν δὲ ἔχθραν καὶ μῖσος κακούργως τοὺς πισ-

[1]) Отличія вѣнскаго текста (см. приложеніе № II) нами не отмѣчены въ слѣдующемъ сопоставленіи.

σκομένων χριστιανῶν, πολλῶν τε ὄντων ἐχθρῶν, τῶν θηρευόντων, ὡς ἐν εὐθέτῳ αὐτοῖς καιρῷ, εἴ τινα εὗρον χριστιανόν, τὸ τηνικαῦτα ἀπολέσωσιν,

τοὺς θηρευόντων, καὶ τοῖς παρανόμοις ἄρχουσιν εἰς θάνατον παραδιδόντων, καὶ τινῶν μὲν σιδήρῳ καὶ πυρὶ καὶ παντοίαις βασάνων ἰδέαις μέχρι τέλους νεανικῶς ἀντιτασσομένων, τινῶν δὲ περὶ τὰ μέσα που τῶν ἀγόνων πρὸς τοὺς αἰκισμοὺς ἀπαγορευόντων, καὶ τῆς ἀμώμου πίστεως ἀγεννῶς ἀπορρηγνυμένων,

ἀνέλαμψε ὡς ἐν σκοτομηνίῳ νυκτὶ ἀστὴρ διαφανὴς καὶ λαμπρός, τοῦ Χριστοῦ τίμιος μαργαρίτης, Γεώργιός τις ὀνόματι, ὁ ἐμὸς δεσπότης καὶ τοῦ Χριστοῦ γενναῖος στρατιώτης, ἀφανίσαι μὲν τὴν ἀχλὺν τῆς πολυθέου καὶ ἀθέου πλάνης τῶν εἰδώλων ἐν τῷ τελείῳ καὶ οὐρανίῳ φρονήματι, φωτίσαι δὲ τὴν ἡμέραν τοῦ σωτηρίου κηρύγματος πᾶσι τοῖς ἀξίοις διὰ τῆς οἰκείας ἀθλήσεως.

τηνικαυτα, καθάπερ ἐν ζοφώδει νυκτί, ὁ παμφανὴς φωστὴρ ἐξέλαμψε καὶ πύρσος διαυγέστατος, ὁ τῆς μακαρίας τριάδος διαπρύσιος κήρυξ Γεώργιος καὶ τῶν Χριστοῦ παθημάτων ἀκριβέστατος μιμητής, τῆς μὲν ἀθέου τῶν εἰδώλων ἀπάτης τὴν πολυτάραχον ἐξελάσων ἀχλύν, τὴν δὲ σωτήριον πίστιν ἀνακηρύξων οὐ λόγοις μόνον, πολλῷ δὲ μᾶλλον ἱδρῶσι καὶ ἀγωνίσμασι.

4. ὑπῆρχεν δὲ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος Καππαδόκης τὸ γένος, εὐγενὴς μὲν τὸν τρόπον καὶ τῇ περιουσίᾳ λαμπρὸς καὶ συνέσει θείᾳ κεκοσμημένος, τριβουνᾶτα τε πλεῖστα πράξας ἐν νουμέρῳ ἐπισήμῳ τῶν Ἀνικιώρων ὀνόματι κόμης χρηματίζων διὰ τὴν πολλὴν εὐδοκίμησιν.

Τούτῳ τοίνυν τῷ θαυμασίῳ πατρὶς μὲν ἡ Καππαδοκῶν ὑπῆρχε χώρα, πατὴρ δὲ Γερόντιος ἐκεῖνος ὁ περιφανὴς καὶ περίβλεπτος, καὶ τῇ τοῦ στρατηλάτου ἀξίᾳ τετιμημένος, καὶ μήτηρ οὐκ ἀποδέουσα τοῦ συζύγου. Οὗτος περιουσίᾳ λαμπρὸς ὢν καὶ τὸν τρόπον θεοφιλής, ἐν τῷ ἐπισήμῳ

τῶν Ἀνικίων νουμέρῳ τριβοῦνος πολλάκις πρότερον μεγαλοπρεπῶς διαπρέψας, τοῦ τῶν σχολῶν μετὰ ταῦτα πρώτου τάγματος κόμης κατ' ἐκλογὴν προεκλήθη. μεγέθει γὰρ σώματος καὶ ἡλικίας ἀκμῇ καὶ δυνάμει διέπρεπε, δύο πρὸς τοὺς εἴκοσι τυγχάνων ἐτῶν.

2. ἐπὶ πλεῖόν τε ἐμμαινόμενος ὁ Διοκλητιανὸς προσεκαλέσατο πρὸς ἑαυτὸν τὴν σύγκλητον πᾶσαν καὶ πάντας τοὺς ἐν ὑπεροχῇ ὄντας σὺν τοῖς στρατεύμασιν. Καὶ πάντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ γεγονότων, συμβούλιον ἐποιεῖτο πάλιν, ὅπως ἂν τὸ καθ' ὅλου ἐξολοθρεύσῃ ἐκ τῆς αὐτοῦ βασιλείας τὸ τῶν χριστιανῶν γένος. Πάντων δὲ τῶν συγκαθημένων τῷ βασιλεῖ ἐμφόβων ὄντων καὶ τὸ παριστάμενον ἑτοίμως πράττειν λεγόντων, ὁ Διοκλητιανὸς ἐδημηγόρησε λέγων· Ἐμοὶ δοκεῖ, προσφιλέστατοι, μηδὲν εἶναι τιμιώτερον τῆς εἰς τοὺς θεοὺς ἡμῶν εὐμενείας, ἐπειδὴ δι' αὐτῶν ἡμῖν μὲν ἡ βασιλεία, ἀνθρώποις δὲ πᾶσιν ἡ σωτηρία, δεδώρηται, δίκαιον τοίνυν ἡγούμεθα τοὺς μὲν θεοὺς ταῖς συνεχέσι θυσίαις ἀμείβεσθαι, τοὺς δὲ εὑρισκομένους χριστιανοὺς καὶ τοὺς θεοὺς ἐνυβρίζοντας παν-

ἐπεὶ οὖν ὁ σκολιὸς ἐκεῖνος Διοκλητιανὸς ἔτι μᾶλλον οἰστρηλατούμενος καὶ ζέων τῷ θυμῷ κατὰ τῶν χριστιανῶν ἠρεθίζετο σφοδρότερον, ἐνσκήψαντος αὐτῷ τοῦ φθόνου, καὶ τὴν θεομάχον αὐτοῦ κατεμπιμπρῶντος ψυχήν, προσκαλεσάμενος καὶ αὖθις τήν τε σύγκλητον καὶ πάντας τοὺς ἐν ὑπεροχῇ ὄντας σὺν τοῖς στρατεύμασι, οὓς ἄν τις εὐφρονῶν μῶρον λαὸν καὶ οὐχὶ σοφὸν εἴποι, συμβούλιον ἐποιεῖτο πάλιν, ὅπως ἂν παντάπασιν τῆς ἑαυτοῦ βασιλείας τὸ τῶν χριστιανῶν ἐξολοθρεύσειε γένος. πάντων δὲ τῶν συγκαθημένων τε καὶ παρεστηκότων τῷ βασιλεῖ ἐμφόβων ὄντων, καὶ τὸ παριστάμενον αὐτῷ ἑτοίμως πράττειν ἀνομολογουμένων, αὐτὸς μέγα τε καὶ ἀλαζονικὸν ἐπαρθεὶς ἐδημηγόρησεν λέγων· Ἐμοὶ δοκεῖ, προσφιλέστατοι, μηδὲν εἶναι τιμιώτερον τῆς εἰς τοὺς ἀθανά-

τοίαις ἐπινοίαις βασάνων ὑποβάλλειν, μέχρις ἂν ἡ τούτων δυσσεβὴς θρησκεία καταλυθῇ καὶ τὸ μνημόσυνον αὐτῶν διὰ κακίστων βασάνων ἀποσβεσθῇ. Πρὸς ταῦτα δὲ συμφώνως πάντες ἀπεκρίναντο, λέγοντες· Ὑμεῖς προθύμως ἀποδεχόμεθα, μέγιστε καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θειότητος διὰ πάντων πρόνοιαν καὶ τιμᾶσθαι βουλόμεθα τοὺς ἀθανάτους θεοὺς, ὥσπερ καὶ τὸ ὑμέτερον κράτος. εἴ τις δὲ τοῦ λοιποῦ εὑρεθήσεται ὡς μέχρις ἐνθυμήσεως Χριστὸν ὀνομάζων, παντοίαις εἴδεσι θανάτων ὑποβληθήσεται. — Τούτον τὸν ἀσεβῆν καὶ παράνομον τρόπον βουλευσαμένης τῆς ἀσεβοῦς τῶν τυράννων συγκλήτου, καὶ διαταγμάτων προστιθεμένων,

τους θεοὺς ἡμῶν εὐσεβείας, ἐπειδὴ βασιλεία τοῖς ἀνθρώποις δι' αὐτῶν καὶ σωτηρία δεδώρηται, δίκαιον τοίνυν ἡγοῦμαι τούτους μὲν ταῖς ὀφειλομέναις θυσίαις καταγεραίρειν, τοὺς δὲ εὑρισκομένους χριστιανοὺς δειναῖς κολάσεσιν ὑποβάλλειν, μέχρις ἂν ἀφανισμῷ τελείῳ παραδοθῇ ἡ τούτων δυσσεβεστάτη θρησκεία. — Πρὸς ταῦτα συμφώνως ἅπαντες ἀπεκρίθησαν· ἡμεῖς, ὦ μέγιστε καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θειότητος διὰ πάντων πρόνοιαν ἀσμένως ἀποδεχόμενοι τοὺς μεγίστους βουλόμεθα τιμᾶσθαι θεοὺς, παραπλησίως τῷ ὑμετέρῳ κράτει, εἰ δέ τις εὑρεθείη τοῦ λοιποῦ Χριστὸν ὀνομάζων, χαλεπωτάταις βασάνοις παραδιδόμενος ἀναιρείσθω. — Τούτων οὕτω θηρευομένων ὑπὸ τοῦ ἀκά(θα)ρτου ἐκείνου καὶ παρανόμου βουλευτηρίου, ὃ Καϊάφα τις συνέδριον προειπὼν ληστῶν ἄθροισμα, ἢ δαιμόνων σύλλογον, οὐχ ἁμαρτήσεται τοῦ προσήκοντος,

5. Παρῆν δὲ τὸ τηνικαῦτα ἐν τῷ στρατοπέδῳ πρὸς τὸν βασιλέα....

παρὼν τηνικαῦτα καὶ ὁ γενναῖος οὗτος στρατιώτης Γεώργιος ἐν τῷ στρατοπέδῳ παρὰ τῷ βασιλεῖ....

Номера, выставленные при отрывкахъ текста l, означаютъ ихъ послѣдовательное, если и не связное появленіе въ текстѣ; редакторъ 1178 либо имѣлъ передъ собою иначе расположенный подлинникъ l, либо разбилъ его самъ по своему плану. Оттого въ 1447 Георгій выводится на сцену лишь по вторичномъ совѣщаніи Діоклетіана, тогда какъ въ 1178 онъ упоминается тотчасъ послѣ эдикта и первыхъ преслѣдованій и затѣмъ во второй разъ, по совѣщаніи. Въ первомъ эпизодѣ редакторъ воспользовался подробностью изъ С, назвавъ отца святого Геронтіемъ; 22-лѣтній возрастъ Георгія напоминаетъ текстъ b, принадлежащій къ семейству А: ὁ εἰκοστὸς αὐτῷ χρόνος τῆς ἡλικίας τότε συνεπεραίνετο; Аникіи l остались и являются въ житіи Метафраста — съ другими чертами l или нашего своднаго текста? Я обращу вниманіе на такія выраженія какъ: ἀστέρα τινὰ τῶν διαφανῶν εἰκονίζων ἐν σκότει τῆς ἀσεβείας (1447: ἐν σκοτομηνίῳ νυκτὶ ἀστὴρ διαφανής; 1178: ἐν ζοφώδει νυκτὶ ὁ παμφανὴς φωστήρ); τούτῳ πατρίς μεν ἡ Καππαδοκῶν, πατέρες δὲ τῶν ἐπιφανῶν (1447: ὑπῆρχεν δὲ ὁ ἅγιος Γεώργιος Καππαδόκης τὸ γένος, εὐγενὴς μὲν τὸν τρόπον; 1178: πατρὶς μὲν ἡ Καππαδοκῶν ὑπῆρχε χώρα, πατὴρ δὲ.... ὁ περιφανής). — Замѣтимъ въ заключеніи, что по словамъ Болландистовъ ни въ одномъ изъ древнихъ текстовъ житія не говорится о мученіи святого въ Никомедіи; слѣдуетъ-ли заключить вмѣстѣ съ ними, что, упомянувъ её, редакторъ своднаго парижскаго текста слѣдовалъ болѣе вѣрнымъ и древнимъ свидѣтельствамъ?

3) Наибольшее количество эпизодовъ, отвѣчающихъ славянской редакціи С, представляетъ пар. ркп. graec. 1534. Текстъ начинается реторическимъ введеніемъ l: Ἡ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν.... θεοσέβειαν; въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ упоминаются императоры Галліэнъ (253 — 68), Клавдій (268 — 270) и Авреліанъ (270 — 5), при которыхъ жилъ въ Севастополѣ, въ Арменіи[1]), нѣкій синклитикъ, именемъ Геронтій, родомъ Каппадо-

[1]) Разумѣется, вѣроятно, Σεβαστόπολις въ Pontus Cappadocicus или позднѣйшей Armenia prima, на пути отъ Тавіи къ Севастіи. Къ окрест-

кіецъ, язычникъ; у него жена Полихронія, тайно исповѣдующая Христа и воспитывающая въ христовой вѣрѣ сына Георгія. Дальнѣйшее развитіе разсказа совершенно отвѣчаетъ содержанію славянскихъ текстовъ С, иногда исправляя ихъ ошибочное чтеніе[1]): тамъ и здѣсь Геронтій напрасно убѣждаетъ сына принести жертву идоламъ, тамъ и здѣсь онъ впадаетъ въ тяжкую болѣзнь и обращенъ въ христіанство, послѣ чего вскорѣ умираетъ. — Далѣе тексты расходятся: у Тихонравова синклитикъ именемъ «Сvливанъ» (Хлуд. схоластикъ.... Сил'вань) обвиняетъ Георгія передъ царемъ Дадіаномъ, который и остается до конца мучителемъ святого. Иначе въ греческой легендѣ: схоластикъ Сильванъ (Σιλυανὸς) доноситъ на Георгія дуксу Вардану (Οὐαρδανίῳ τῷ δουκὶ; арм. Вартанъ?), который велитъ привести къ себѣ святого и принимается усовѣщивать его, ссылаясь на повелѣнія императоровъ (προστάγματα.... τῶν βασιλέων; позднѣе: τὰς διατάξεις τοῦ βασιλέως). Бесѣда Георгія съ Варданомъ лишь отчасти отвѣчаетъ разговору его съ Дадіаномъ въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ русскаго апокрифа, непосредственно переходящаго къ мученію святого — отъ Дадіана. Въ греческомъ текстѣ Варданъ отпускаетъ Георгія съ совѣтомъ — остеречься и соблюсти императорскую заповѣдь. Таковы юношескіе подвиги Георгія, объясняетъ сказатель, относя его мученіе къ Діоклетіану и принимаясь пересказывать его по тексту I: Ἐγένετο τοίνυν κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας ἐπικρατούσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν и т. д. Въ концѣ житія эпизодъ о мученіи Полихроніи еще разъ сближаетъ греческую легенду съ текстомъ С, но затѣмъ снова являются черты сходства съ I[2]).

ности Севастополя пріурочено мученіе св. Михаила и съ нимъ 36 преподобномучениковъ, усѣченныхъ сарацинами при Константинѣ и Иринѣ (780 — 790).

[1]) Такъ въ текстѣ Тихонравова читаемъ (II стр. 101): «о̑ць же его геронъ оубѣди (?) цр҃ѧ и҃ постави кумиръ»; кумиръ, вѣроятно, искажено, изъ комитъ, комисъ, кумъсъ = comes. Сл. греч. «Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γ..... ἐστράτευσεν αὐτὸν κόμητα». Хлуд.: створи и҃ воимь коум'са.

[2]) Отрывки пар. ркп. 1534 напечатаны нами въ приложеніи № III.

Краткія сообщенія о греческихъ рукописяхъ С или его сочетаній далеко не достаточны для выясненія вопроса о происхожденіи и первичномъ составѣ этой редакціи; съ другой стороны, работа г. Кирпичникова, сообщая рядъ рукописныхъ указаній на славянскіе тексты С, болѣе возбуждаетъ вопросъ, чѣмъ разрѣшаетъ его. Положеніе дѣла представляется слѣдующимъ: въ цѣломъ рядѣ славянскихъ текстовъ[1]) мучителемъ святого является Діоклетіанъ; такъ уже въ древнѣйшей версіи этой редакціи, хлудовской № 195[2]), гдѣ царь Діоклетіанъ, «родомъ отъ Персиды», названъ: «мѣстный князь Тавроликіи и Персарменіи и еще-же и Палестиньсцѣй странѣ». Титулъ мѣстнаго князя, топарха, при Діоклетіанѣ не можетъ не возбудить сомнѣнія, и представляется болѣе вѣроятнымъ показаніе тѣхъ списковъ С, гдѣ въ той-же роли и съ тѣмъ-же обозначеніемъ является Дадіанъ. Такъ напр. въ спискѣ, напечатанномъ Тихонравовымъ[3]), сознательно проводящемъ по всему разсказу имя Дадіана и съ тѣмъ-же опредѣленіемъ — топарха. Было-ли такъ въ его подлинникѣ? Въ этомъ позволяетъ усумниться слѣдующее обстоятельство: Дадіанъ названъ въ началѣ «мѣстнымъ княземъ», впослѣдствіи «царемъ»; но какъ объяснить, что-онъ же ссылается на царево повелѣніе: «Сѣдъ-же царь заповѣда о немъ, глаголя: Георгій, учитель галилейскій, противится повелѣнію цареву» (Тихонрав. l. c. II, 110). Едва-ли умѣстнѣе тѣ-же слова въ устахъ Діоклетіана въ хлудовскомъ апокрифѣ. Ссылка на повелѣніе царево напоминаетъ греч.

---

[1]) Кирп. l. c. стр. 34 — 5 и прим. 1 на стр. 35: погод. ркп. 808; Рум. Муз. Писк. № 560; Унд. №№ 622 и 1109; Публ. Библ. изъ вновь описанныхъ № 86 и др.

[2]) Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ исправить указаніе г. Кирпичникова стр. 34, прим. 2. Спискомъ хлудовскаго житія (приложеніе № I) я обязанъ А. Н. Попову, которому приношу здѣсь мою глубокую благодарность.

[3]) Г. Кирпичниковъ указываетъ еще стр. 34 прим. 2 на ркп. Унд. 1296, Синод. 553 и др. Ссылка на хлудовскій текстъ должна быть устранена (см. предъидущее примѣчаніе).

1534, гдѣ Варданъ такимъ именно образомъ указываетъ на διατάξεις τοῦ βασιλέως. Можетъ быть, въ подлинникѣ Тихонр. Даданъ являлся мѣстнымъ княземъ, рядомъ къ какимъ-то царемъ? Не Діоклетіаномъ-ли? Такъ именно въ ркп. Имп. Публ. библ. XVII вѣка № 243: царь родомъ отъ Персиды именемъ Дадіанъ шлетъ въ Галилею повелѣніе «всѣмъ жрети идоломъ мерзкимъ»; впослѣдствіи-же Георгій обвиненъ идольскимъ жрецомъ Силиваніемъ—передъ царемъ Діоклетіаномъ. — Такъ было и въ одномъ изъ источниковъ Рейнбота, на сколько позволено судить по случайнымъ противорѣчіямъ между основнымъ планомъ поэмы и ея исполненіемъ. Отецъ Георгія — палестинскій маркграфъ; царствуютъ императоры Діоклетіанъ и Максиміанъ (v. 411—412), первый на востокѣ, другой на западѣ; имъ доносятъ на Георгія; Діоклетіанъ посылаетъ въ Каппадокію Даціана, говоря ему (v. 497 слѣд.):

Wir woln uch machen undertan
Alle riche und die lant
Die da steen in unser hant,
Der solt ir pflegen sieben jar,
Unde gelobin uch das vorwar,
Das ir der hoeste noch uns sit.

Даціанъ, называемый то könig, то keiser, является мучителемъ святого, но казнь его откладываетъ (v. 4838 слѣд.):

Bis Dioclecianus
Und sin geselle komme, Maximian,
Ich bin ir beider undertan,

(сл. v. 5038: myne meister). Такъ было, вѣроятно, въ источникѣ Рейнбота, котораго, однако, онъ не придержался до конца, потому что ни Діоклетіанъ, ни Максиміанъ не являются болѣе въ поэмѣ, и слѣдующія мученія и смерть св. Георгій претерпѣваетъ отъ Даціана.

Такого рода постановка вопроса можетъ видоизмѣнить взглядъ, предложенный г. Кирпичниковымъ, на взаимныя отношенія

трехъ редакцій житія. Изслѣдователь [1]) склоняется вмѣстѣ съ Гутшмидтомъ и Царнке въ пользу первичности B (Дадіанъ); редакція A (b и l: Діоклетіанъ) представляется ему каноническимъ смягченіемъ B; C — независимая отъ A и болѣе рѣшительная попытка удалить изъ B всё, что не внушало довѣрія читателямъ и вызывало запрещеніе номоканона. Состоятельность этой генеалогіи редакцій можетъ быть упрочена или отмѣнена, когда тексты Георгіева житія будутъ изучены и сличены въ большей полнотѣ и въ большемъ количествѣ списковъ, чѣмъ это сдѣлано было донынѣ. Но уже и тѣ данныя, какія собрались у насъ, возбуждаютъ рядъ сомнѣній: греческіе списки даютъ намъ C лишь въ смѣшеніи, и именно съ l; съ другой стороны, извѣстные намъ русскіе тексты также не производятъ впечатлѣнія цѣльности. Критикѣ предстоитъ отвѣтить на вопросъ: имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ позднѣйшей контаминаціей двухъ самостоятельныхъ редакцій, или самое происхожденіе C стоитъ въ извѣстной зависимости отъ A, C по существу — сводный текстъ, A + B, самостоятельно развившій эпизодъ о Геронтіи и Полихроніи (съ колеблющейся локализаціей: то въ Діосполѣ съ Дадіаномъ, то въ Севастополѣ съ Варданомъ) и пріурочившій мученіе къ Діосполю. Замѣтимъ, что B, въ древнихъ латинскихъ пересказахъ, не знаетъ родителей Георгія, которыхъ поминаетъ древнѣйшій свидѣтель существованія A, Андрей Критскій; отца святого знаетъ и житіе (или семья житій) той-же редакціи, b. — Теоретически мыслимо и такое построеніе: B — древнѣйшее мѣстное житіе съ Дадіаномъ; X: попытка ввести его въ связь съ Діоклетіановымъ гоненіемъ (Діоклетіанъ и Дадіанъ); A и C — различныя развитія этого первичнаго свода.

Древность C засвидѣтельствована немногими фактами: существованіемъ указаннаго нами церковно-славянскаго текста въ хлудовскомъ торжественникѣ XIV вѣка, обличающемъ, не смотря на сербское правописаніе, болгарскій изводъ; источникомъ Рейнбота и, быть можетъ, словомъ патріарха Григорія Кипрскаго (1283

---

[1]) l. c. стр. 37 — 9.

— 1290), если принять, какъ вѣроятное, что выраженіе γέρας, при отцѣ Георгія, слѣдуетъ возвести къ памяти о Геронтіи С[1]). Подробности, сообщаемыя Словомъ, указываютъ, кромѣ того, на легендарную основу, продолжающую отзываться въ преданіи русскаго духовнаго стиха: отецъ Георгія представляется мученикомъ (какъ и въ текстѣ b редакціи А: ἐν τοῖς τῆς εὐσεβείας ἀγῶσι τοῦ πατρὸς τελευτήσαντος), мать — безкровной подвижницей. Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ Слова: πατὴρ μὲν γέρας τῆς κατὰ θεὸν πολιτείας, εὑράμενος τὸ τὸν βίον σφραγίσαι τέλει μαρτυρικῷ. μήτηρ δὲ τῶν ἴσων τῷ ἀνδρὶ στεφάνων ἐπιτυχοῦσα, εἰ καὶ ἀναίμακτος ἦν στεφανίτις, τὴν αὐτὴν μὲν προθυμίαν τῷ ἀνδρὶ ἔχουσα, ἀποτυχοῦσα δὲ ὅμως τῆς ἀθλήσεως, τῆς τοῦ θήλεως ἀσθενείας φεισαμένων τῶν διωκτῶν.

Какъ далеко въ древность восходитъ появленіе редакціи С — рѣшить трудно. Память мученика Геронтія съ опредѣленіемъ «отца св. Георгія», находится уже въ мѣсяцесловѣ при греческомъ синайскомъ евангеліи IX вѣка[2]). Въ началѣ девятаго вѣка (806 — 815) константинопольскому патріарху Никифору Омологету извѣстны были два апокрифическихъ мученія св. Георгія. Не разумѣлась-ли подъ однимъ изъ нихъ редакція С? Мы ограничимся указаніемъ на канонъ[3]): τὴν Ἀποκάλυψιν Ἔσδρα καὶ Ζωσιμᾶ, καὶ τὰ δύο μαρτύρια τοῦ ἁγίου Γεωργίου, καὶ τῶν ἁγίων μαρτύρων Κηρύκου καὶ Ἰουλίττης, καὶ τὴν βίβλον Μάρκου καὶ Διαδόχου οὐ χρὴ δέχεσθαι. ἀπόβλητα γάρ, καὶ οὐ δεκτά. — Слѣдуетъ, замѣтить, разночтеніе, приведенное у Питрà: τὰ τοῦ ἁγίου Θεοδώρου δύο μαρτύρια; сопоставленіе мученія Георгія съ апокрифомъ

---

[1]) Я имѣю въ виду аллегорическое толкованіе именъ, не рѣдкое въ житіяхъ святыхъ. Сл. такую игру словами по поводу имени Діоклетіана (въ хлуд. текстѣ): цароу неправ'ды, противоу имени твоюмоу (Διοκλητιανός) подгнѣщаюмь ѿцемь твоимь дпявѡломь.

[2]) Въ Агіологіи архим. Сергія: Спн. I. Сл. l. с. II ч. 1-я подъ 1 (р. 83), 12, 13 и 14 апрѣля.

[3]) Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, Σύνταγμα IV, 431; Pitra, Spicilegium Solesmense, IV: Nicephori Constitutiones ecclesiasticae § 46.

о Кирикѣ и Юлиттѣ, встрѣчающееся уже въ индексѣ Геласія, указываетъ, быть можетъ, на то, что Георгій принадлежитъ подлиннику.

Если г. Кирпичниковъ[1]) возлагаетъ большія надежды, для разрѣшенія запутаннаго вопроса о житіяхъ Георгія, на изданіе его восточныхъ текстовъ, то наши ожиданія не выходятъ пока изъ круга латинскаго и греко-славянскаго преданія. Извѣстно, какъ старательно изучаются памятники средневѣковыхъ литературъ запада: изслѣдователь не минуетъ ни одной рукописи, не отмѣтивъ ея мелкихъ отличій и не указавъ ея мѣста въ родословной. Почему-бы не достаться такой филологической работѣ и на долю житія, интереснаго для насъ не только какъ памятникъ церковно-историческій, но и какъ народно-литературный?

III.

О древнихъ, до-христіанскихъ источникахъ апокрифической легенды о св. Георгіи высказано было нѣсколько гипотезъ, рѣшавшихъ вопросъ въ разныя стороны, потому что окончательный синтезъ еще невозможенъ — за недостаткомъ матеріала для обобщенія. Настоящая глава назначена отчасти восполнить его — собраніемъ нѣкоторыхъ данныхъ о кавказскомъ культѣ св. Георгія. Точкой отправленія будетъ географія древнѣйшаго житія: Каппадокія и сосѣднія съ нею мѣстности.

Храмы св. Георгію возвышались уже при Константинѣ Великомъ и его ближайшихъ наслѣдникахъ: такова круглая церковь св. Георгія въ Солуни (Texier), храмы, недавно открытые въ южной Сиріи[2]). Въ VI—VII вв., когда слава святого начинаетъ особенно сильно распространиться на западѣ, подъ вліяніемъ Ви-

---

[1]) Стр. 39.

[2]) Кирпичниковъ, 64—66; нѣкоторыя другія надписи, касающіяся древняго культа св. Георгія въ Сиріи, указаны были мнѣ проф. Помяловскимъ въ собраніи Le Bas и Waddington'a III № 2498 (515 p. Chr.), 2261, 2412, 2158, 1981.

зантіи[1]) и папъ греческаго происхожденія, и являются свидѣтельства о діоспольскомъ культѣ, юный св. Θеодоръ Сикеотъ уже посѣщаетъ церковь св. Георгія на горѣ у Сикеона (въ первой Галатіи), а Юстиніанъ ставитъ храмъ великомученику въ Бизанахъ, въ малой Арменіи[2]), или Каппадокіи, гдѣ до сихъ поръ въ Потаміи, близь Кара-Гиссара, существуетъ преданіе, что это — родина св. Георгія, и сохранилась древняя церковь его имени съ годовымъ праздникомъ святому, 3-го ноября[3]). Къ Каппадокіи пріурочивается легендой и извѣстное чудо Георгія съ змѣемъ, о которомъ мнѣ придется говорить впослѣдствіи, и чудо съ крестьяниномъ Теопистомъ и его воломъ, которое г. Кирпичниковъ нашелъ въ отраженіяхъ мингрельской легенды и надписи одной грузинской церкви[4]) — тогда какъ Аркульфу его разсказывали, съ измѣненіями, о Георгіи въ Діосполѣ[5]). — Другое, болѣе извѣстное чудо святого съ мальчикомъ, спасеннымъ отъ болгарскаго плѣна, относится къ событіямъ 918 года и привязано къ Пафлагоніи (по другой редакціи, къ Лесбосу), о жителяхъ которой говорится, что они издревле *μεγίστην πίστιν καὶ πόθον διάπυρον εἰς τὸν πανένδοξον καὶ μεγαλομάρτυρα Γεώργιον κέκτηνται*[6]). Въ Пафлагоніи находились ему храмы: одинъ «quam incolae Pharenum nominant[7]), другой по сосѣдству съ Амастридой въ мѣстечкѣ, именуемомъ Потамў или Икіаконъ[8]). Извѣстна гора св. Георгія близь Амастриды[9]) и названіе brachium S. Georgii, обо-

---

[1]) Кирп. стр. 63.

[2]) Procopii, ed. Dindorf II 254.

[3]) Васильевскій, Русско-византійскіе отрывки, VIII: Житіе Георгія Амастридскаго, Журн. Мин. Нар. Просв. за Мартъ 1878 г. стр. 163 — 4, прим. 1; Ῥίζου, Καππαδοκικά (1856), p. 83.

[4]) Кирп. стр. 78 — 84.

[5]) AASS. April. III p. 144 — 5, § 36 — 40.

[6]) l. c. Прибавленія стр. XXIX, a.

[7]) l. c. стр. 144 a, § 36.

[8]) Васильевскій l. c.

[9]) Васильевскій, Русско-византійскіе отрывки: VIII: Житіе Георгія Амастридскаго, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Февраль стр. 283.

значавшее въ средніе вѣка Босфоръ и Геллеспонтъ и Пропонтиду[1]).

Для праисторіи Георгіевской легенды всѣ эти указанія могутъ служить лишь побочнымъ свидѣтельствомъ, не рѣшающимъ вопроса о происхожденіи: чудеса могли плодиться и пересказываться вслѣдъ за утвержденіемъ культа какого-нибудь святого, и на нихъ нельзя построить предположенія о его туземности. Интересно во всякомъ случаѣ это накопленіе чудесъ и памятей св. Георгія въ мѣстностяхъ, близко отвѣчающихъ кругозору древнѣйшаго житія: Малой Арменіи и Каппадокіи, сосѣднихъ Галатіи и Пафлагоніи, освященныхъ памятью еще другихъ святыхъ змѣеборцевъ. Въ Эвхаитѣ, на разстояніи одного дня пути отъ Амазеи (въ древней Галатіи, позднѣйшемъ Hellenopontus), погребенъ былъ св. Ѳеодоръ Тиронъ и соименный ему мученикъ св. Ѳеодоръ Стратилатъ, пострадавшій въ Гераклеѣ (въ Пафлагоніи). Къ Эвхаитѣ пріурочено извѣстное чудо св. Ѳеодора съ змѣемъ. Свв. Ѳеодоръ Тиронъ и Ѳеодоръ Стратилатъ такіе же змѣеборцы, какъ св. Георгій, и подобно ему принадлежатъ къ народнымъ святымъ восточнаго христіанства: Дигенису-Акриту, эпическому герою Каппадокіи и также змѣеборцу, его тесть даритъ, въ числѣ другихъ свадебныхъ подарковъ,

δύο εἰκόνας χυμευτὰς ἁγίων Θεοδώρων,
εἶχον λιθάρι ἀτίμητα, λυχνίας, ὑακίνθους[2]).

Подвигъ св. Ѳеодора лишь внѣшнимъ образомъ связанъ съ его житіемъ, которое имъ и начинается; но и чудо св. Георгія съ змѣемъ стоитъ внѣ связи съ его мученіемъ: русскіе тексты пріурочиваютъ его то раньше смерти Георгія (въ Лаосіи), то послѣ его кончины (въ Гевалѣ, въ странѣ Палестинской)[3]). Это можетъ дать поводъ заключить о непервобытности Георгіева чуда;

---

[1]) Ducange, Constantinopolis christiana 1680, l. 4, c. 6.

[2]) Sathas et Legrand, Les exploits de Digenis Acrita, p. 116, vv. 1402 — 3.

[3]) Кирп. стр. 50 — 60, 107 слѣд.

но я не повторилъ за г. Кирпичниковымъ слова, высказанныя имъ при другомъ случаѣ[1]): что чудо съ змѣемъ, пріуроченное къ Ѳеодору Тирону или Ѳеодору Стратилату, подчинилось вліянію популярнаго чуда о Георгіи. Болландисты[2]) выразили совершенно противоположное убѣжденіе.

Указанному выше древнему распространенію культа св. Георгія отвѣчаетъ народное поклоненіе ему и понынѣ живущее въ сосѣдней мѣстности: у Лазовъ, Мингрельцевъ, Гурійцевъ, Грузинъ, Ингилойцевъ, Кахетовъ, Имеретинъ, Сванетовъ, Хевсуровъ, Абхазовъ и Осетинъ. Лазы, родственные Мингрельцамъ, Грузинамъ и Сванетамъ (?) — древніе Колхи, уже при Геродотѣ и Страбонѣ распространявшіеся до р. Галиса (Кизиль-Эрмакъ), съ городомъ Трапезунтомъ, который Ксенофонтъ считаетъ колхійскимъ, а Гаджи-Кальфа населяетъ Лазами, называя лазскимъ именемъ: Дчаникъ или Дчанетъ горный хребетъ, идущій отъ Трапезунта къ Амазеѣ. Какъ въ древности Колхида-Лазика пріютила миѳъ о Язонѣ и драконѣ, стерегущемъ золото, и колхійскимъже является драконъ, побѣжденный Діомедомъ въ Дауніи, — такъ въ наше время Лазское населеніе чтитъ своимъ народнымъ святымъ Георгія-змѣеборца. Церкви и развалины церквей, образа и обряды, нерѣдко полуязыческаго характера, мѣстныя преданія и надгробные памятники, распространенность имени среди грузинскаго населенія, имя мученика, знаменательно выставленное въ началѣ старыхъ грузинскихъ актовъ[3]) — все говоритъ о

---

[1]) Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Октябрь, стр. 144.

[2]) AASS. l. c. p. 107, § 23.

[3]) Актъ Гуріели Кайхосро I: «Ты, славный и побѣдоносный воинъ, совершившій многія чудеса, познавшій одно изъ трехъ лицъ Божества, Христа Господа Бога нашего, посрамившій невѣрныхъ и принявшій мученичество за Христа, даровавшаго тебѣ 365 чудесныхъ дѣяній, славный на моряхъ и на сушѣ мучениковъ глава, св. Георгій Аучскій, молю тебя» и т. д. Сл. Д. Бакрадзе, Археологич. путешествіе по Гуріи и Адчарѣ 1878 г. стр. 193; сл. стр. 237, 238, 251.

живучести культа, удержавшагося нерѣдко въ двоевѣрной средѣ, въ которой язычество и мусульманство заслонили собой христіанскую основу.

По словамъ царевича Вакушта[1] не было въ Грузіи почти ни одного холма или горы, на которой не стоялъ-бы храмъ, посвященный мученику; онъ самъ указываетъ на чудотворную церковь св. Георгія въ Телетебѣ къ востоку отъ Coumis, по направленію къ Mtcwar. — Сванетскія церкви[2]) полны изображеній св. Георгія: въ церкви св. Варвары, въ селеніи Муркмели (общ. Ушкули), есть икона св. Георгія на конѣ, поражающаго поверженнаго вѣнценосца; въ Кальскомъ обществѣ, въ знаменитѣйшей въ цѣлой Сванетіи церкви бывшаго монастыря Кирика и Улиты — икона Георгія Гискаго, съ мечемъ въ одной рукѣ, съ щитомъ въ другой; въ томъ-же обществѣ, въ с. Халде, на южной стѣнѣ церкви Спаса, представлены ряды святыхъ: нѣкоторые на коняхъ, съ вѣнцами святости, другіе съ ружьями; на мущинахъ и женщинахъ черныя покрывала и вѣнцы; идетъ битва. Грузинская надпись гласитъ, между прочимъ, что св. Георгій здѣсь посѣтилъ Теопаста. Того-же Кальскаго общества въ церкви Архангеловъ, въ селеніи Испрари, Бакрадзе списалъ надписи съ двухъ образовъ съ изображеніями св. Георгія, съ мечемъ и щитомъ: по надписи — св. Георгій Илорскій. — Въ Ипарскомъ обществѣ, въ селеніи Накипари (по Бартоломею) или Богреши (по Бакрадзе), церковь св. Георгія украшена снаружи грубыми барельефами бараньихъ головъ и другихъ животныхъ съ рогами (по Бартоломею: львиныхъ и оленьихъ): въ ней большая икона Георгія Ифарскаго, на конѣ, поражающаго цесаря

---

[1]) Description de la Géorgie par le Tsarevitsch Wakhoucht, p. 53, 177.

[2]) Филимоновъ, Сванетія въ археологическомъ отношеніи, Вѣстникъ Общ. древн. русск. искус. 1876, №№ 11, 12: Изслѣдованія стр. 85, 87, 88, 90, 93. Къ литературѣ предмета, приведенной г. Филимоновымъ, слѣдуетъ присоединить еще: Стоянова, Путешествіе по Сванетіи, въ Зап. Кавказскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. X вып. 2-й (1876 г.).

Діоклетьяна, который изображенъ въ коронѣ Арзакидовъ. — Въ церкви св. Георгія въ с. Загари, въ Црюмійскомъ обществѣ, мѣстная икона изображаетъ св. Георгія Кашуэтскаго, также поражающаго человѣка въ зубчатомъ вѣнцѣ съ длинными привѣсками, какъ на византійскихъ монетахъ XII вѣка. — Другія изображенія представляютъ иконы св. Георгія въ Спасской церкви с. Жамши (Мулахскаго общ.), Георгія Сетійскаго (въ Сетійской церкви св. Георгія, Местійскаго общ.), Илорскаго (въ с. Угвали, общ. Ецери, въ церкви св. Георгія); въ обществѣ Чуби-Хеви, въ селеніи Супи, въ церкви св. Георгія, великомученикъ изображенъ на иконѣ стоящимъ, съ сердцеобразнымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ, правая поднята, какъ бы держала копье; снаружи церковь украшена баснословными сюжетами, представляющими, между двумя рядами коней, обращенныхъ одинъ къ другому, человѣка со щитомъ въ рукѣ.

Нѣсколько новыхъ данныхъ для иконографіи и легенды св. Георгія въ сванетскихъ церквахъ сообщилъ недавно Стояновъ. На фрескахъ Курашской церкви (Ецерской общины) изображено чудо св. Георгія: святой поражаетъ копьемъ дракона; какая-то женская фигура съ короной на головѣ, со щитомъ, держитъ дракона на цѣпи. Въ углу церкви стоитъ много деревянныхъ палицъ, трехгранныхъ, съ деревяннымъ-же остріемъ на концѣ въ видѣ копья. Это — орудія св. Георгія; ихъ приготовляютъ каждую недѣлю; ими стрѣляетъ Богъ (такъ называютъ Сванеты св. Георгія) въ стѣны и въ куполъ церкви, когда предвѣщаетъ чью-либо смерть. Всѣ стѣны, куполъ и иконостасъ, дѣйствительно, испещрены ударами. — Такія-же стрѣлы святого показываютъ и въ его церкви въ селеніи Супи, упомянутой выше, и о нихъ ходитъ такая-же легенда. — Въ Адишской общинѣ, въ церкви св. Георгія, фрескъ на сѣверной сторонѣ: св. Георгій сражается съ чудовищнымъ змѣемъ, около него стоитъ царевна съ жезломъ; изъ башни выглядываетъ нѣсколько головъ. — Въ монастырѣ во имя Спаса въ Лагами (Местійская общ.) на западной сторонѣ въ первой аркѣ вверху — изображеніе св. Георгія, поражающаго копь-

емъ человѣка, одѣтаго въ панцырь, внизу — св. Елисавста, вѣроятно, византійская святая, сопоставленная съ св. Георгіемъ, какъ на иконѣ въ лафехальской церкви во имя Архангеловъ (общ. Цхомари) изображены: Б. Матерь, св. Марина, св. Георгій, поражающій поверженнаго нагого человѣка, и св. Іоаннъ. — Къ церкви св. Георгія въ Бечойскомъ ущельѣ (Ленджерская общ.) пріурочено такое сказаніе: когда Осетины съ сѣвернаго склона напали на Сванетію и стали грабить и избивать жителей, одна сванетка убѣжала отъ нихъ въ церковь Георгія, и обернувъ метлу, ударила по его иконѣ, со словами: Э! недобрый св. Георгій, твоихъ людей усурманъ какъ избиваетъ! Помоги немного! — Какъ только сказала она это, святой выскочилъ изъ церкви, верхомъ на конѣ, пробилъ въ крышѣ отверстіе и перебилъ всѣхъ Осетинъ. Конь святого умиралъ отъ жажды и сталъ просить воды; тогда св. Георгій ударилъ копьемъ по камню, и изъ него брызнулъ источникъ, который показываютъ до сихъ поръ[1]).

Изъ Гурійскихъ церквей, недавно описанныхъ Бакрадзе[2]), нѣкоторыя обращаютъ вниманіе изображеніями св. Георгія: на храмовомъ образѣ Адчской церкви онъ поражаетъ дракона; на кивотѣ образа св. Георгія въ Дзимити надпись взываетъ къ нему какъ къ «освободителю хорасанскихъ плѣнныхъ»; на Джуматской иконѣ великомученикъ представленъ во весь ростъ, волоса на головѣ курчавые, одѣтъ въ кольчугу, въ лѣвой рукѣ щитъ, въ правой пика, позади виситъ длинный мечъ; въ Баилетской церкви образъ свв. Өеодора и Георгія во весь ростъ въ воинскихъ костюмахъ съ пикою въ рукахъ и шлемомъ.

Народное чествованіе св. Георгія у кавказскихъ племенъ выразилось наиболѣе ярко — въ легендахъ и обрядахъ, заслужи-

---

[1]) Стояновъ l. c. стр. 321, 440, 426, 393, 381 — 2 (сл. 470 — 2). Сл. также стр. 394, 430. — Бакрадзе, Сванетія, Зап. Кавказск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. VI (1861) стр. 71.

[2]) Д. Бакрадзе, Археолог. Путешествіе по Гуріи и Адчарѣ (1878). Сл. стр. 105, 126, 127, 128, 201, 211, 217, 226, 227, 230 — 1, 234, 243, 247, 252, 260, 272, 273, 279.

вающихъ внимательнаго изученія. Осетины чествуютъ св. Уастырджи — Георгія, какъ божество скота, хлѣба и вообще всякаго богатства; онъ считается божествомъ исключительно мущинъ («Лагты—Дзуара» — «святой всѣхъ мущинъ» называютъ его Осетинки), вступаетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ побратимство и доставляетъ умершему побратиму лошадь, ружье, шашку и пистолетъ; онъ — покровитель дорогъ и путешественниковъ, спасаетъ охотниковъ отъ козней лѣсного духа, и сопутствуетъ каждому что нибудь предпринимающему[1]). Въ образѣ всадника на бѣломъ конѣ онъ является тремъ братьямъ-бѣднякамъ и въ награду за ихъ гостепріимство исполняетъ ихъ желанія: у одного явился токъ полный скирдами разнаго хлѣба, у другого стадо барановъ; третьему онъ даетъ хорошую, умную жену. Много лѣтъ спустя св. Уастырджи идетъ навѣстить братьевъ и въ наказаніе за скаредность двухъ старшихъ превращаетъ полный токъ въ груду камней, стадо барановъ въ муравьиныя кучи, а у гостепріимной хозяйки третьяго оживляетъ умершаго ребенка: уже ангелы смерти увлекали его, но св. Уастырджи помолился Богу, и Господь сдѣлалъ такой знойный день, что ангелы смерти пришли въ изнеможеніе. Погнавшись за ними, святой предлагаетъ имъ — отдать ему того бѣлаго барашка (душу умершаго ребенка), котораго они гнали передъ собою, — «а я обѣщаюсь въ знойный день укрыть васъ подъ тѣнью деревъ и утолить вашу жажду холодными струями ручья». Густой лѣсъ и источникъ явились по молитвѣ святого[2]). — Въ Дигоріи, близь перевала Дамахъ-

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ III: Джантемиръ Шанаевъ, Осетинскія народ. сказанія, стр. 39; Дубровинъ, Истор. войны и владычества русскихъ на Кавказѣ т. I, кн. I, стр. 291, 293, 346 — 8. Представленія о загробномъ странствованіи (сл. стр. 346 — 8) входятъ въ обширную литературу видѣній, о которой см. мою замѣтку: Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши (въ Прилож. къ XXIV т. Зап. Им. Ак. Наукъ, № 2).

[2]) Сборн. свѣд. о Кавказск. горцахъ VII: Гуцыръ Шанаевъ, Сказаніе о св. Уастырджи стр. 22 — 31. Сл. Труды Этногр. Стат. Эксп. въ

авцаегъ, есть одна высокая скала, называемая Ахсадръ зоаръ (дзуаръ?). Тамъ, по преданію, жилъ св. Георгій. Около этой скалы находилось соленое озеро, которое было охраняемо св. Георгіемъ. Въ 40 верстахъ отъ скалы, въ Стуръ—Дигоріи, на горѣ Вайныхта, св. Георгій построилъ часовню, куда онъ ходилъ молиться Богу. Недалеко отъ Ахсадръ-зоаръ—другая отвѣсная скала, называемая Дигорезетъ; тамъ, по преданію, жилъ св. Николай. Когда св. Георгій уходилъ въ свою часовню молиться Богу, то всегда поручалъ св. Николаю стеречь озеро. Разъ онъ возвращается домой и не видитъ озера; онъ спрашиваетъ св. Николая: гдѣ-же озеро, куда оно ушло? Не знаю, отвѣчалъ св. Николай, ничего не видѣлъ, видѣлъ только, что пробѣжала какая-то бѣлая собака. — Эхъ, возразилъ св. Георгій, эта собака и было озеро. — Въ гнѣвѣ онъ ударилъ своимъ мечемъ по скалѣ такъ сильно, что она треснула, пырнулъ въ нее копьемъ, отчего образовалась пещера. Жители до сихъ поръ указываютъ эту трещину и пещеру въ скалѣ [1]).

Св. Николай и Георгій, Илья (Тубау-вацилла) и Ѳеодоръ Тиронъ (св. Туторъ, которому празднуютъ въ пятницу первой недѣли Великаго поста: Тутуроба), св. Марія и арх. Михаилъ — принадлежатъ къ наиболѣе чествуемымъ святымъ Осетіи [2]), но къ Георгію простой народъ питаетъ не только уваженіе, а и благоговѣйное обожаніе. По вѣрованію туземца, если человѣкъ за-

---

западн. русск. край, Юго-зап. Отд. Матерьялы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, II, Малорусскія сказки № 94. Обращеніе стадъ въ груды камней слѣдуетъ сблизить съ такой же подробностью «Повѣсти о дѣвицахъ смоленскихъ, какъ игры творили», также привязанной къ имени св. Георгія. См. Буслаевъ, О народной поэзіи въ древ. русск. литературѣ, Приложенія, № 1 (изъ Цвѣтника 1665 г.). Сл. также замѣтку Кирпичникова въ Archiv f. Slavische Philologie III, p. 715—717.

[1]) Сборникъ l. c. V, Пфафъ, Матеріалы для исторіи Осетинъ стр. 91—2. Къ осетинскимъ сказаніямъ о св. Георгіи прибавимъ еще сказку: Двѣ жены Уастырджи, Сборникъ III, Джантемиръ Шанаевъ, Осетинскія народныя сказанія р. 19—23 (Уастырджи воскрешаетъ мертвыхъ).

[2]) Дубровинъ, l. c. I, I, стр. 293, 301—4.

бываетъ Бога и впадаетъ въ грѣхи, то великомученикъ принимаетъ строгія мѣры къ его исправленію, избирая орудіемъ для того кадаги (вѣщуна). Кадаги, по преимуществу, больной, получившій невидимымъ путемъ призваніе свыше, проповѣдуетъ, среди судорожныхъ движеній и кривляній, всеобщее покаяніе, паломничество и кровавыя жертвы—подъ страхомъ наказанія отъ святого Георгія. Народъ жадно слушаетъ вѣщанія кадаги, безпрекословно исполняя его приказанія. Тѣ, кого онъ обязалъ сдѣлать путешествіе или покаяться передъ какимъ либо образомъ, надѣваютъ бѣлую одежду и отправляются босикомъ къ мѣсту назначенія; на шею надѣваютъ бѣлыя проволоки, унизанныя просверленными монетами и прилѣпленными къ нимъ кусками воску. Достигнувъ мѣста покаянія, закалываютъ жертвы, а священники читаютъ надъ пришедшими очистительныя молитвы, стригутъ крестообразно волоса на головѣ и снимаютъ съ молящагося знаки обѣта, какъ доказательство, что онъ выполненъ. — Грузинскіе и осетинскіе кадаги, мущины и женщины, отвѣчаютъ нашимъ порченнымъ и кликушамъ. Съ именемъ одной изъ такихъ кадаги, Марине, связана особая секта «георгіанцевъ», образовавшаяся въ 1840 г. въ карталинской Осетіи. Марина, молодая женщина, была бездѣтна; видя въ этомъ испытаніе, ниспосланное ей Богомъ, она стала до крайности религіозной, прилежно посѣщая церковь и молясь о ниспосланіи ей потомства. Занятая одной и той же мыслью, она увѣрила себя, что такое наказаніе ниспослано ей Господомъ за грѣхи людей, и что она до тѣхъ поръ останется безплодною, пока не поведетъ ихъ на путь истины. Она надѣла бѣлое платье, опоясала себя веревкой и предалась еще бо̀льшимъ молитвамъ; днемъ жила въ пещерѣ, ночью бродила по лѣсамъ и горамъ. На праздникъ 23 апрѣля къ храму св. Георгія, неподалеку отъ селенія Дзагинъ, явилась и Марина. Обѣдня подходила къ концу, какъ вдругъ она пронзительно вскрикнула и упала въ корчахъ. «Грѣхи ваши, кричала она, обращаясь къ присутствующимъ, грѣхи ваши оскорбляютъ Бога! Вы человѣкоубійцы и воры, вы забыли Господа и св. Георгія и уже не при-

носите имъ тучныхъ воловъ и овецъ! Покаянія, покаянія требуетъ отъ васъ небо! Иначе, если не послушаетесь, вы погибнете: мечъ Божій уже изощренъ! Скоро голодъ и всякія язвы распространятся между людьми, земля съ ревомъ раскроетъ свою пасть и извергнетъ огненные потоки, горные ручьи образуютъ потопъ. Кто избѣгнетъ всего этого, того поразитъ свой-же ближній....». Народъ, испуганный подобными словами, обратился къ св. Георгію съ мольбою о прощеніи: Сдѣлаемъ всё, что отъ насъ потребуетъ св. Георгій, говорила толпа.—Нѣтъ, вы обманщики, слышался голосъ Марины: вамъ не вѣритъ св. Георгій, вы должны дать ему писменное обязательство. — Это обязательство, подписанное Осетинами и переданное на храненіе священнику, сохранилось: въ немъ Осетины обѣщались св. Георгію, если онъ проститъ ихъ грѣхи, воздержаться отъ пороковъ; клялись не заниматься убійствомъ, разбоемъ, воровствомъ, не дѣлать набѣговъ, не портить чужихъ сѣнокосовъ, не воровать скота, хлѣба и овощей; въ посты не ѣсть ничего мяснаго, а въ великій постъ говѣть и пріобщаться св. Таинъ; не только соблюдать праздники, но и не работать по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ; не ѣсть падали; любить ближняго и не жаловаться ни на кого. Кто измѣнитъ клятвѣ, на того народъ призывалъ строжайшее наказаніе святого.

Марина стала народной проповѣдницей: съ крестомъ въ рукѣ она переходила изъ деревни въ деревню, проповѣдуя покаяніе. Ея примѣръ подѣйствовалъ заразительно: явилось множество другихъ кадаги. Одной изъ нихъ св. Георгій видѣлся на бѣломъ конѣ, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ и живымъ дракономъ на привязи; другой мерещились черти; одинъ проповѣдывалъ истинное покаяніе и отрѣшеніе отъ плоти, другой — удовольствіе и любовь[1]).

Я остановился на подробностяхъ движенія георгіанцевъ, не только какъ на интересномъ фактѣ религіознаго переживанія:

---

[1]) Дубровинъ l. c. I, I, стр. 307 — 311; сл. ib. I, II, стр. 168.

нѣкоторые факты пригодятся намъ впослѣдствіи, при объясненіи вопросовъ, возбужденныхъ легендами о св. Георгіи.

Св. Георгій пользуется особымъ уваженіемъ и между Абхазцами, какого-бы вѣроисповѣданія они ни были. У каждаго хозяина есть въ стадѣ лучшая корова съ обрѣзаннымъ ухомъ, и сохраняется отдѣльно самый большой кувшинъ, наполненный чистымъ, краснымъ, виноградным соломъ. Вино это и приплодъ отъ коровы назначаются для жертвы св. Георгію. Если посвященная корова отелится бычкомъ, то онъ идетъ въ жертву, а если телкою, тогда для жертвы откармливаютъ барашка. Жертвоприношеніе совершается почти всегда въ первый день Пасхи, у христіанъ послѣ обѣдни, у магометанъ и язычниковъ рано утромъ.—Абхазцы всѣхъ исповѣданій вѣрятъ въ народную молву, что солгавшій передъ иконою великомученика Георгія не избѣгнетъ наказанія; на этомъ основана клятва и присяга, произносимая въ важныхъ случаяхъ. — Св. Георгію посвящался бѣлый конь, который сжигался на кострѣ при ружейныхъ выстрѣлахъ и пѣніи молодыхъ джигитовъ[1]).

Сванеты чествуютъ св. Георгія (Чыграк, Джыгырак) вмѣстѣ съ прор. Ильей, Кирикомъ и Улитой. Апокрифы о свв. Георгіи, Кирикѣ и Улитѣ, стоятъ именно въ этой связи въ индексѣ папы Геласія[2]).

---

[1]) Дубровинъ I, II, стр. 23 — 25, 75.

[2]) Въ этомъ отношеніи особое чествованіе свв. Квирика и Авлиты у Сванетовъ и Грузинъ является вдвойнѣ интереснымъ. Храмы, посвященные этимъ святымъ, окружены священными рощами; такой священный лѣсъ находится около извѣстнаго монастыря въ Кальскомъ обществѣ: изъ него нельзя и прута вырубить, иначе навлечешь на себя божью кару, въ видѣ напр. града небывалаго размѣра; рубить деревья позволяется только въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется покрыть церковь, построить мельницу или мостъ. Храмовому образу приписываютъ цѣлебныя дѣйствія: на немъ приносятъ присягу; его нельзя взять изъ церкви, но вмѣсто него служитъ вода, которою его обмываютъ. Праздникъ св. Квирика и Авлиты бываетъ два раза въ годъ: въ субботу на св. недѣлѣ и 15 іюля. Первый изъ этихъ праздниковъ въ особенномъ уваженіи у ту-

Грузины знаютъ Георгія подъ 63 различными названіями: Каппадокійскій, Виѳлеемскій, Кашуэтскій и проч.:« Alii sunt Georgiani sanctum Georgium venerantes», говоритъ о нихъ путешественникъ XIII вѣка Титмаръ (1217 г.)[1]. — Обращаясь съ молитвою къ святому Грузинъ произноситъ: Да управитъ Богъ руку нашу, и да сопутствуютъ намъ всегда шестьдесятъ три святыхъ Георгія. — Всѣ названія этого святого прописываются въ авгорозѣ — большомъ листѣ бумаги, на которомъ по краямъ изображенъ святой и пишется первая глава Евангелія Іоанна и разныя молитвы. Чаще же всего на такомъ лоскуткѣ бумаги пишется письмо, по преданію, будто-бы посланное Іисусомъ Христомъ къ Авгарю, царю Эдесскому. «Кто его имѣть будетъ при себѣ, сказано въ письмѣ, къ тому не осмѣлится прикоснуться духъ и какія-бы то ни были опасности»[2].

Хевсуры чтутъ Бѣлаго Георгія (Тетри-Георгій), чествуютъ его иконы, присягаютъ его именемъ[3]. Хевсурская легенда, пріуроченная къ алтарю въ Chachmati, наиболѣе уважаемому во всей странѣ, разсказываетъ слѣдующее. Однажды св. Георгій преслѣдовалъ чертей, угнавшихъ стадо; онъ успѣлъ ихъ настигнуть, привелъ стадо назадъ и поручилъ охранять его своей гончей собакѣ. Самъ онъ ушелъ, а собака сторожила стадо. Оттого св.

земцевъ: въ этотъ день въ Калу стекается чуть-ли не вся Сванетія. Многіе въ суевѣрномъ страхѣ боятся войти въ самую ограду; почти всякій приноситъ что нибудь въ даръ святой обители: араку, хлѣбъ, крупный и мелкій скотъ. — Священную рощу, также, какъ и въ Сванетіи, около церкви свв. Кирика и Авлиты, находимъ и въ Грузіи, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Душета. Праздникъ бываетъ 15 іюля; огромное дерево, осѣняющее вѣтвями своими церковь и часовню, унизывается множествомъ горящихъ свѣчей. Въ старину іюль мѣсяцъ назывался мѣсяцемъ Кирика. Сл. Вейденбаумъ, Священныя рощи и деревья у кавказскихъ народовъ, Изв. Кавк. Отд. русск. географ. Общ. 1878, т. V, № 3, стр. 169—171; Дубровинъ I, II, 97—8.

[1]) Mag. Thietmari peregrinatio, ed. Laurent, p. 51.

[2]) Дубровинъ l. c. I, II, стр. 167—8.

[3]) l. c. 291, 295, 298, 301.

Георгію дважды приносятъ жертву, а собакѣ однажды. Собакѣ приносятъ ягнятъ и козъ, чтобы волки не трогали скота, у матерей было-бы вдоволь молока, кобылы-бы жеребились и утраченныя вещи находились. Двойная жертва св. Георгію назначена умолить его — излѣчить недужныхъ и даровать обильныя жатвы. — Въ одномъ варьянтѣ той-же легенды св. Георгій, пускаясь въ погоню, влѣзъ въ ротъ лошади, которая быстро примчала его, невидимаго, къ чертямъ; онъ настигаетъ ихъ врасплохъ и отбиваетъ стадо [1]).

Любопытно опредѣлить отношеніе этихъ народныхъ легендъ о св. Георгіи къ извѣстнымъ намъ разсказамъ о совершенныхъ имъ чудесахъ. Какъ осетинская сказка о свв. Георгіи и Николаѣ является какъ-бы народнымъ приспособленіемъ извѣстнаго чуда съ змѣемъ, гнѣздившимся въ озерѣ, залегавшимъ воду, такъ хевсурскія отвѣчаютъ разсказу о крестьянинѣ Теопистѣ, которому святой помогъ отыскать пропавшихъ воловъ [2]). Г. Кирпичниковъ приводитъ, въ параллель къ нему, празднованіе Мингрельцами чуда св. Георгія съ быкомъ, отнесенное къ 21 октября [3]). Такъ у Шардена; въ с. Илоръ, въ Самурзакани, на берегу Чернаго моря, оно пріурочено къ 10 ноября, дню, посвященному св. Георгію и въ обрядности Ингилойцевъ, Осетинъ и Сванетовъ. Въ день своего праздника самъ святой приводилъ къ себѣ свою жертву — неукротимаго быка; послѣ присоединенія Самурзакани къ бывшему кутаисскому генералгубернаторству чудо, говорятъ, прекратилось. Оно совершалось такимъ образомъ [4]): ограда церкви запиралась на замокъ, ключи отъ котораго

---

[1]) Radde, l. c. стр. 110 — 111.

[2]) AASS. Apr. III, приложенія стр. XXXIX слѣд. Г. Кирпичниковъ не нашелъ этого чуда въ русскихъ прологахъ и сборникахъ. Знакомствомъ съ церковнослав. пересказомъ легенды, въ текстѣ сербской редакціи, я обязанъ В. И. Ламанскому.

[3]) Кирп. стр. 78 — 80.

[4]) Слѣдующія подробности о празднованіи Георгію въ Грузіи заимствованы изъ газеты Кавказъ 1878 г. №№ 229 и 230: Грузинскіе па-

бралъ къ себѣ игуменъ. Къ утру, какъ разъ передъ заутреней, когда игуменъ отправлялся отпирать ворота каменной ограды, внутри ея онъ заставалъ быка съ позолоченными рогами, предназначавшагося въ жертву св. Георгію. Народная молва говоритъ, что разъ одинъ именитый Молла, желая, во что бы то ни стало, уничтожить вѣру въ это чудо св. Георгія, сталъ утверждать, что святой не въ состояніи привести его (моллы) неукротимаго быка; для опровсрженія всенародной вѣры въ св. Георгія, онъ самъ рѣшился остаться на ночь въ оградѣ церкви до утра, не смыкая глазъ. На другой день увидѣли моллу, пронзеннаго по волѣ св. Георгія его-же собственнымъ ятаганомъ, а его неукротимаго быка гуляющимъ въ оградѣ церкви. Обыкновенно закалывалъ быка послѣ утрени одинъ изъ Дадьяновъ, и его мясо раздавали по кусочкамъ, какъ святыя мощи. За кусочками мяса быка св. Георгія Илорскаго слали въ Абхазію гонцевъ цари имеретинскіе, владѣтельные князья Мингреліи, Гуріи и Сванетіи[1]).

14 августа празднуютъ Бѣлому Георгію (Тетри-Гіорги) въ д. Ацхури, въ Кахетіи, куда народъ стекается со всѣхъ сторонъ

родные праздники. Сл. Сборн. Свѣд. о кавк. горцахъ V: А....ъ, Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ, стр. 5 прим., и Дубровинъ, l. c. I, II, 16 — 17.

[1]) Кстати будетъ упомянуть здѣсь суджунскій обычай, о которомъ сообщилъ недавно проф. Цагарели (Ж. М. Н. Пр. 1877 Декабрь стр. 217). Суджуна — деревня на юго-западѣ отъ уѣзднаго города Ново-Сенаки, близь сліянія рѣкъ Тсхуры и Абата и впаденія ихъ въ р. Ріонъ. Она извѣстна своей старинной церковью, куда ежегодно въ день св. Георгія, 23 апрѣля, стекалось множество народа изъ всей Мингреліи. Наканунѣ праздника выбирали старца, извѣстнаго святостью своей жизни, заключали его на ночь въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ провести все время въ молитвѣ и созерцаніи будущаго; утромъ, до обѣдни, въ день праздника, выводили его оттуда и поднимали на какое нибудь возвышенное мѣсто, откуда онъ предвозвѣщалъ собравшемуся народу все, что должно было случиться съ владѣтелемъ Мингреліи и народомъ въ теченіи всего предстоящаго года до слѣдующаго праздника. — Этотъ обычай существовалъ еще въ первой четверти текущаго столѣтія.

Карталиніи, Кахетіи, Тушетіи и Кизикіи. Наканунѣ праздника, какъ только раздастся вечерній звонъ, всѣ спѣшатъ въ церковь; въ это время какая нибудь особа, обрекшая себя на служеніе св. Георгію, распростирается у порога церкви, и народъ переходитъ черезъ неё; она силится не издавать стона, когда на неё наступаютъ ногою, и лишь изрѣдко вскрикиваетъ порывисто отъ чрезмѣрной боли. У церкви столпилась масса жертвователей: священнику подаютъ деньги, подводятъ къ нему овцу: онъ поджигаетъ ей на лбу шерсть и произноситъ: Пріими въ жертву отъ раба твоего Андрея или Петра и т. д. Тутъ-же стоитъ и діаконъ: къ нему подходятъ люди съ тоненькими желѣзными обручами на шеѣ, такъ называемыми шарна. Люди съ такими мѣтками считаются добровольными слугами избраннаго святого, связавшими себя въ теченіи извѣстнаго періода времени какимъ нибудь обѣтомъ; по прошествіи года или болѣе они отправляются на храмовой праздникъ, чтобы отмолиться и освободиться отъ плѣненія. Послѣ совершенія ими пожертвованія въ образѣ овцы или быка, дьяконъ отрѣзываетъ у нихъ ножницами пучекъ волосъ, снимаетъ съ нихъ шарна и отпускаетъ на волю. Послѣ этого давшіе зарокъ уже свободны отъ всякихъ обѣтовъ Бѣлому Георгію. — Около церкви группа женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлое, составили родъ процессіи. Каждая носитъ на шеѣ желѣзную цѣпь, принадлежащую церкви, вѣсомъ не менѣе пуда. Женщины на колѣняхъ подвигаются впередъ медленно и время отъ времени прикрѣпляютъ къ стѣнѣ церкви зажженныя свѣчки; онѣ обходятъ церковь; одна изъ нихъ обматываетъ вокругъ нея бумажную нить, раскручивая веретено въ рукахъ. — Въ это время раздается крикъ: дорогу, дорогу! Къ священнику приводятъ быка съ двумя зажженными свѣчами на рогахъ. Священникъ принялъ жертву, по обычаю обжогъ свѣчею на лбу шерсть и отпустилъ. При этомъ устроилось настоящее шествіе къ мѣсту закланія быка, освѣщеннаго свѣчами.

Уже за полночь. На необъятномъ пространствѣ вокругъ церкви, въ лѣсахъ, на прогалинахъ, въ равнинѣ зажглись безчис-

ленные костры; по временамъ раздаются выстрѣлы. Во дворѣ церкви толпа образовала большой кругъ: всѣ съ обнаженными головами и богобоязненно, стоя, смотрятъ на одну женщину, одѣтую въ бѣлое. Она съ особеннымъ усердіемъ пляшетъ лезгинку; ея движенія изящны, но она по временамъ нарушаетъ стройныя тѣлодвиженія корчами и стонами. Всѣ поражены; многіе, смотря на нескончаемые танцы, благословляютъ Бѣлаго Георгія. Пляшущая молодая, красивая дѣвица, есть избранница святого, который и заставляетъ ее совершать свадебныя пляски.

Если провести линію по теченію рѣкъ Ріона и Куры, говоритъ авторъ, у котораго мы заимствовали предъидущія свѣдѣнія, то къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ, включая сюда также Гурію и приморскій Лазистанъ, преобладаютъ храмовые праздники въ честь св. Георгія и животворящаго деревяннаго креста; между тѣмъ какъ къ югу отъ упомянутой черты, въ древней Каппадокіи, южной части Понта и по южному склону Малаго Кавказа распространено поклоненіе Мену или Маіи[1]) — богинѣ производительности земли или жатвы. Это поклоненіе Маіи перешло впослѣдствіи, кажется, въ христіанское поклоненіе св. Маріи. Тотъ, кто путешествовалъ по мѣстамъ древняго Понта, имѣлъ не разъ случай находить развалины древнихъ языческихъ храмовъ въ честь божества Ма, празднованіе котораго продолжалось, по мнѣнію Тексье, въ разныхъ мѣстностяхъ Каппадокіи и средняго Понта въ періодъ между 15 мая и 15 августа. Христіанское міровоззрѣніе, какъ видно, перенесло впослѣдствіи это празднованіе на 15 августа — день Успенія Пресвятой Богородицы. Въ верхней Имеретіи, въ Сакчерскомъ отдѣлѣ Кутаисской губерніи, считаются храмовыми лишь праздники двухъ національныхъ святыхъ по преимуществу: праздники Георгоба и Маіоба или Маріоба (въ честь св. Георгія и св. Маріи или Маіи).

Опредѣлить точно значеніе ацхурскихъ обрядовъ, какъ —

---

[1]) Разумѣется Men или Ма, формы Анагиты. Сл. Texier, Asie Mineure p. 511, 598 — 600.

георгіевскихъ, мы пока не въ состояніи. Для этого необходимо было бы совмѣстное изученіе полу-языческихъ, полу-христіанскихъ вѣрованій, доселѣ окружающихъ народные праздники кавказскихъ горцевъ. Извѣстно, какую первенствующую роль играютъ въ нихъ животная жертва, общее пиршество и элементъ либаціи и освѣщенія. Все это повторяется, какъ видно, и въ ацхурскомъ праздникѣ, и не можетъ быть истолковано въ связи съ его спеціальнымъ значеніемъ. Если, тѣмъ не менѣе, я пытаюсь связать его обрядность съ легендой о Георгіи и именно съ его побѣдой надъ змѣемъ, то дѣлаю это въ видѣ предположенія, опираясь на орнаменты древнихъ крестовъ и статуй, о которыхъ скажу далѣе. — Женщина, распростертая у порога ацхурской церкви, и вѣроятно, принадлежащая къ извѣстному намъ типу кадаги, не тождественна-ли съ той, которая въ концѣ обряда является избранницей Бѣлаго Георгія? Если первый актъ толкуется, какъ добровольное обреченіе ея святому, то, быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ позднимъ толкованіемъ, и въ началѣ разумѣлось обреченіе другого рода, отъ котораго Георгій освобождалъ свою избранницу? Желѣзныя цѣпи на шеѣ женщинъ, обходящихъ церковь, легко приравнять къ обручамъ шарна, символамъ обреченія, служенія святому. Можетъ быть, народный обрядъ разработалъ съ своимъ обычнымъ символизмомъ нѣсколько данныхъ изъ легенды о змѣѣ: освобожденіе Георгіемъ обреченной дѣвицы — избранницы и послѣдовавшее за тѣмъ обращеніе язычниковъ въ христіанство. Для рѣшенія этого вопроса необходимо было бы познакомиться съ обрядами Маіобы и ея календарными отношеніями къ празднествамъ св. Георгія. Пріуроченіе послѣднихъ, на сколько намъ извѣстно, крайне разнообразится: Георгія чествуютъ 23-го апрѣля (Мингрельцы[1]), Сванеты[2]), Осетины[3])), въ первый день Пасхи (Абхазы), 14 (въ Ац-

[1]) Дубровинъ I, II стр. 238.
[2]) Ib. I, II, 98.
[3]) Ib. I, I, 305.

хури, въ Кахетіи) и 22 августа (въ Карталиніи[1]), 21 октября (въ Мингреліи), 10 ноября у Ингилойцевъ[2]), Сванетовъ[3]) и Осетинъ[4]).

Обращусь къ нѣкоторымъ даннымъ изъ реальныхъ древностей Кавказа. Я имѣю въ виду каменные надгробные кресты (у черкесовъ схоръ, повидимому, отъ грузинскаго схуари) и статуи съ греческими надписями и изображеніями, авторами которыхъ были, быть можетъ, Армяне или Грузины. Сюжетомъ ихъ является, между прочимъ, святой Георгій. Такъ на крестѣ, видѣнномъ Гюльденштедтомъ, на восточномъ берегу Куябелы, около 40 верстъ выше ея впаденія въ Терекъ, на широкой, обращенной къ сѣверу сторонѣ, изображены одинъ надъ другимъ три воина всадника, изъ которыхъ средній вдвое больше, а нижній вдвое меньше верхняго. Вѣроятно, эти три всадника изображаютъ Георгія, говоритъ Гюльденштедтъ; на узкой западной сторонѣ — конный Георгій съ длиннымъ извивающимся внизъ дракономъ. — Точно такіе-же орнаменты украшаютъ другой крестъ, стоявшій еще въ 1771 году между источниками Осекаемъ и Мондахомъ въ Малой Кабардѣ, а нынѣ находящійся въ Пятигорскѣ: тѣ-же три всадника, верхній замахнулся надъ головою саблей, двое другихъ сдерживаютъ, повидимому, своихъ коней; передъ двумя послѣдними стоитъ на колѣнахъ по человѣческой фигурѣ, съ чашею въ поднятой правой рукѣ; лѣвая рука у груди, какъ-бы выражая покорность. Ниже изображено жертвоприношеніе: человѣкъ ведетъ быка, взявъ его за рога лѣвою рукою; правѣе — другой человѣкъ обѣими руками замахнулся топоромъ на того-же быка; еще правѣе стоитъ большая кубовастая ваза съ двумя ушками, послѣ значительнаго расширенія къ верху оканчивающаяся узкимъ горломъ. По одну сторону вазы на лѣво — чело-

[1]) Ib. I, II, 167 — 8.

[2]) Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ IV: Фонъ Плотто, Природа и люди Закатальскаго округа, стр. 21.

[3]) Дубровинъ I, II, 98.

[4]) ib. I, I, 305.

вѣкъ съ поднятой въ лѣвой рукѣ кружкой, направо — другой, бòльшаго размѣра, занесъ правой рукой молотъ, въ лѣвой у него что-то въ родѣ клещей. На противоположной плоскости памятника замѣтимъ внизу изображеніе лани, съ головой, обращенной назадъ; въ ея спину вонзилась стрѣла, а сама она кормитъ дѣтеныша. На одной изъ узкихъ сторонъ креста — всадникъ, копьемъ поражающій въ глазъ одну изъ трехъ главъ кольцеобразно извивающагося дракона. — Тотъ же циклъ изображеній повторенъ на каменномъ надгробномъ истуканѣ, завезенномъ въ Пятигорскъ съ одной могилы на берегу р. Этока: люди толпятся около огромнаго кубовастаго сосуда; одна фигура, стоящая прямолично, запустила въ этотъ сосудъ правую руку; съ лѣвой стороны подходитъ другая, предносся что-то въ родѣ стакана; съ правой такой-же стаканъ протягиваетъ человѣкъ, стоящій на колѣнахъ. На задней сторонѣ статуи человѣкъ несетъ на плечахъ палицу, впереди его бѣжитъ олень; на лѣвой мужская фигура замахнулась правою рукою мечемъ, лѣвою-же тянетъ на цѣпи огромнаго пятиглаваго дракона, занимающаго своимъ туловищемъ всю сторону статуи и извивающагося въ нѣсколько колецъ [1]).

Едва-ли можно сомнѣваться, что эти памятники принадлежатъ христіанской порѣ. Кресты [2]) и всадникъ Георгій, говоритъ Гюльденштедтъ по поводу этокскаго истукана, ясно указываютъ на то, что они исполнены, греческими христіанами. Если всадникъ, дѣйствительно, св. Георгій, убивающій змѣя, то смыслъ изображеннаго совмѣстно съ нимъ жертвоприношенія уяснился-бы георгіевскими обрядами, донынѣ живущими въ Грузіи и Сванетіи.

Очень вѣроятно, что эта обрядность примкнула къ Георгію,

---

[1]) Филимоновъ, Древнія каменныя изображенія въ Пятигорскѣ, Вѣст. Общ. Др. русск. искусства 1876, II — 12, стр. 67 — 78.

[2]) Проф. Минаевъ указалъ мнѣ на интересное сходство крестовъ, встрѣчающихся въ орнаментаціи этихъ памятниковъ, съ индійскимъ nagaraşa, змѣинымъ узломъ.

когда послѣдній замѣнилъ въ народномъ представленіи какое-нибудь другое языческое божество. — Далѣе этого мы пойдемъ уже путемъ гаданій.

Извѣстно иранское вліяніе на религіозное міросозерцаніе древней Грузіи. Во главѣ ея Олимпа занялъ первенствующую роль — Armaz[1]), праздникъ котораго чествовали особенно торжественно животными жертвами, пиршествомъ, пѣснями и плясками[2]). Армазъ — это Арамаздъ Моисея Хоренскаго, зендск. Ahura-Mazda, враждебный Ариману и чудовищному змѣю Aji-dahâka'ѣ, съ которымъ борется его сынъ Âtar. — Въ другомъ миѳѣ Yaçna'ы побѣдителемъ этого треглаваго чудовища является Thraêtaona — Феридунъ Шахъ-намэ, груз. Афридунъ, арм. Руденъ; Феридунъ борется съ Зохакомъ (зендс. Aji-dahâka), полузмѣемъ-получеловѣкомъ, который убилъ чудесную корову Purmâyeh, вскормившую Феридуна, и похитилъ двухъ дочерей Yima'ы: въ ихъ присутствіи и происходитъ побоище. Грузинская лѣтопись поминаетъ, ссылаясь на персидскія преданія, Афридуна, приковавшаго желѣзной цѣпью на горѣ, недоступной людямъ, страшнаго Béwrasph'а. Béwrasph — это Бюраспъ Аджахакъ Моисея Хоренскаго, передающаго о немъ «безсмысленныя сказки Парсовъ», зендск. Aji-dahâka; его-то побѣждаетъ Руденъ, связываетъ мѣдными цѣпями и уводитъ на гору Дэмбавендъ; по до-

---

[1]) Brosset, Hist. de la Géorgie I, 43.

[2]) Сл. Wakucht ed. Brosset p. 25. — Подробно описано чествованіе Армаза у Габрона Сабинина, Истор. Груз. церкви (1877) стр. 22—4, 30 — 1, — безъ показанія источниковъ: Армазу приносились въ жертву животныя, птицы, драгоцѣнности; на жертвенникѣ бога, представлявшагося первоистеченіемъ пресвѣтлѣйшаго свѣта, зажигались въ огромномъ количествѣ свѣчи. Помимо того приносили ему отъ всѣхъ хлѣбныхъ произведеній: нарочно приготовленные длинные бѣлые хлѣба, именуемые шоти; чистый бѣлый медъ, фрукты, вино, цвѣты, которыми украшались пьедесталы идоловъ и самые жертвенники; молоко кислое и прѣсное, густыя сливки. — Чудо св. Нины съ идоломъ Армазомъ см. у Brosset, Hist. d. l. G. I, 100 — 103, и въ житіи св. Нины по списку XIV в. въ Азіат. Муз. Им. Ак. Наукъ № 39.

рогѣ онъ засыпаетъ, Бюраспъ пытается встащить его на холмъ; пробужденный Руденъ ведетъ его въ пещеру, заключаетъ въ оковы, а самъ становится скалою у входа. — Такова парсійская сказка, сообщаемая Моисеемъ Хоренскимъ; пріурочивая её къ исторіи Арменіи, онъ слѣдуетъ евгемеристическому пріему: у него побѣдителемъ Аджахака является Тигранъ I-й, «который убилъ Аджахака, въ полонъ взялъ весь домъ его и мать Драконовъ, Ануйшь». Тотъ-же евгемеризмъ прилагается и далѣе къ роду Тиграна, которому дается въ сыновья Вахагнъ, божество, чествовавшееся у древнихъ Армянъ: армянскія легенды говорятъ о немъ, что онъ боролся съ драконами и очищалъ отъ нихъ всю землю; по этому его и называли вашапак'ах', т. е. истребителемъ драконовъ. Вахагнъ — зендск. Verethraghna, δρακοντόπνικτος Ἡρακλῆς Агаѳангела; о немъ ходили эпическія пѣсни; Моисей Хоренскій сообщаетъ, что въ странѣ Иверовъ, т. е. въ Грузіи, ему воздвигнута была статуя, которой приносили жертвы: въ Кархарскихъ горахъ надъ Евфратомъ, противъ Тавра, находился его храмъ, мѣсто поклоненія армянскихъ властителей.

Еще другое божество, воспринятое въ систему Заратустры и нашедшее сильное распространеніе въ позднѣйшихъ фазахъ иранскаго культа, слѣдуетъ, быть можетъ, принять во вниманіе: зендс. Anâhita, Ἀναῖτις древнихъ, отождествлявшихъ её то съ Артемидой, то съ Афродитой, Армян. Anahit (груз. Aïnina, Anian?). Ея культъ распространенъ былъ въ Персіи, Бактріи, Мидіи, Элимаидѣ, Каппадокіи, Понтѣ и Лидіи. Въ представленіяхъ Армянъ Anahit являлась дочерью Арамазда; отъ него богатство, отъ царицы Анагиты помощь, отъ Вахагна сила, говоритъ одинъ эдиктъ Тиридата. Въ зендск. Анагитѣ видятъ олицетвореніе небесной оплодотворяющей влаги, отъ которой зависитъ производительность растительнаго и животнаго царствъ. Ей приносятъ въ жертву тысячу жеребцовъ, тысячу коровъ; персидской Артемидѣ — Анагитѣ посвящены были особыя коровы, отмѣченныя тавромъ, свидѣтельствовавшимъ о принадлежности ихъ богинѣ: знакомъ факела. Она очищаетъ сѣмя мужей,

плодъ родильницъ, которымъ даруетъ молоко; дѣвушки молятся ей о женихахъ, беременныя и родильницы о счастливыхъ родахъ. У Армянъ она называлась матерью, majr, всякой мудрости. μήτηρ γάρ ἐστι πάσης σωφροσύνης[1]).

Мы попытались собрать вмѣстѣ нѣкоторыя данныя иранской миѳологіи, съ которыми остается сблизить данныя сванетскихъ обрядовъ, надгробныхъ истукановъ, кавказскихъ крестовъ, — и память парсизма, державшуюся въ той мѣстности. Битва съ змѣемъ (чудовищемъ, человѣкомъ) изъ за дѣвицы, жертвоприношеніе, роль быка — объясняются наглядно въ этой связи. — Изслѣдователи миѳологической основы отреченныхъ легендъ о св. Георгіи едва-ли не найдутъ болѣе прочный матеріалъ въ представленіи о немъ, какъ о змѣеборцѣ, чѣмъ въ разсказахъ о его мученіяхъ, чудесныя подробности которыхъ столь-же легко объяснить накопленіемъ, развитіемъ немногихъ первичныхъ очертаній, какъ и отраженіями древняго миѳа.

IV.

Вопросъ о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ не только хронологическій, но и методологическій. Если оно дѣйствительно явилось позже мученія, то въ какихъ отношеніяхъ къ нему? Г. Кирпичниковъ указываетъ, по слѣдамъ Болландистовъ, на посредство живописныхъ изображеній. Символизмъ первыхъ вѣковъ христіанства широко воспользовался старою семито-арійскою фигурою дракона-змія и сдѣлалъ его постояннымъ символомъ діавола, ада и всего враждебнаго благочестивымъ людямъ: язычества,

---

[1]) Сл. Brosset, Hist. de la Géorgie I стр. 84, прим. 5, и стр. 26; Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго пер. И. Эминъ, г. XXXI первой книги, стр. 69 — 70 и 72 — 4; Darmesteter, Ormazd et Ahriman, стр. 125, 102 — 7; объ Анагитѣ: Windischmann, Die persische Anahita oder Anaitis, въ Abhandlungen der philosoph. philolog. Cl. der kön. bayer. Ak. der Wiss. VIII B. (1858) p. 67 — 128 (сл. Brosset l. c. стр. 44 и прим. 5).

ереси (сл. стр. 110—113). Георгій выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы съ языческимъ царемъ, онъ побѣждалъ его силою вѣры, и этотъ подвигъ представлялся въ чертахъ реальности: во многихъ сванетскихъ церквахъ Георгій изображается поражающимъ человѣка или вѣнценосца, ближайшее значеніе котораго иногда указывается надписью: это царь, мучившій Георгія (ib. стр. 114). Вмѣсто вѣнценосца легко было подставиться змѣю, символу язычества. «Чудо возникло подъ вліяніемъ изображенія, имѣвшаго символическій смыслъ, и только на позднѣйшую локализацію нѣкоторыхъ версій у Бейрута и на ихъ литературную обработку имѣло вліяніе сказаніе о Персеѣ» (l. c. ib.).

Съ этимъ построеніемъ можно согласиться, если имъ хотятъ объяснить — появленіе символа и нѣкоторыя общія очертанія чуда, переиначенныя изъ житія: такъ уже Болландисты говорили, что женщина въ царскомъ одѣяніи, которую святой спасаетъ отъ змѣя — царица Александра житія, обращенная св. Георгіемъ, т. е. спасенная имъ отъ дракона — язычества (стр. 115). За всѣмъ тѣмъ въ легендѣ о чудѣ остаются безъ объясненія тѣ именно черты, которыя составляютъ его существенную особенность, побуждая насъ ощущать её не какъ символическую перелицовку данныхъ житія, а какъ цѣлое опредѣленнаго народно-поэтическаго типа. Возможно двоякое предположеніе: либо данныя житія, выраженныя символически-образно (борьба съ змѣемъ-язычествомъ), разработаны были далѣе подъ вліяніемъ народныхъ представленій о змѣеборцахъ и реальной борьбѣ съ змѣями; либо самое обособленіе чуда изъ житія условлено было существованіемъ подобнаго рода мѣстныхъ представленій и разсказовъ. Тотъ и другой процессъ одинаково мыслимы въ исторіи взаимодѣйствія литературно-церковнаго и народнаго преданій.

Чудо съ змѣемъ сохранилось намъ въ нѣсколькихъ рукописныхъ и народно-поэтическихъ пересказахъ, представляющихъ отличія въ подробностяхъ, именахъ и географическомъ пріуроченіи. — Мы обратимъ вниманіе на двѣ важнѣйшія, по нашему мнѣнію, рецензіи сказанія.

I. Чудо пріурочено къ Ласіи, Лаосіи; царь — Сельвій, Селевкъ и т. п.; имя его дочери не названо ни въ латинскихъ, ни въ извѣстномъ мнѣ греческомъ текстѣ легенды.

1) Греческій текстъ чуда по ркп. амвросіанской библіотеки[1]) не знаетъ ни страны, ни мѣстности, гдѣ оно совершилось; сличеніе съ латинскими и славянскими его пересказами и сходное во всѣхъ имя царя позволяетъ предположить, что и греческой легендѣ названіе мѣстности было первоначально извѣстно. Латинское чудо называетъ её Lasia; это главный городъ Каппадокіи, которой мы не обязаны придавать значенія точнаго географическаго термина; въ русскихъ пересказахъ: Лаосія; страна не обозначена; въ легендѣ кардинала Стефанески: Lycia[2]). — Нѣчто подобное могло стоять въ источникѣ Якова de Voragine; оттуда, вѣроятно, его Lybia.

2) Царь, дочь котораго спасаетъ Георгій отъ змѣя, носитъ въ латинской легендѣ имя Sevius, въ греч. амврос. Σέλβιος, въ русск. Селевій, Селевей, Соловей; Селевинъ; Селевкій, Селѣвкѣй и т. п.[3]). Въ литературѣ легендарно-апокрифическихъ повѣстей мнѣ извѣстенъ еще «благовѣрный» царь Селевкій богомильскаго отреченнаго сказанія, наслѣдовавшій Августу и чаявшій видѣть Христа въ дому своемъ; Семиклей поздняго русскаго пересказа. — Въ одной нѣмецкой повѣсти, представляющей, по мнѣнію г. Кирпичникова[4]), сводный разсказъ изъ поэмы Рейнбота и чуда о змѣѣ (введеннаго въ исторію Георгія и его братьевъ), говорится о какомъ-то «gerecht küng», царствовавшемъ въ Индіи, въ городѣ Силене. Онъ издалъ законъ, что всякій, обидѣвшій женщину, долженъ лишиться обоихъ глазъ. Въ такомъ преступленіи оказался виновнымъ его сынъ, наслѣд-

---

[1]) Онъ напечатанъ нами въ приложеніи № V.

[2]) AASS. April III, p. 106, b.

[3]) Кирпичниковъ l. c. стр. 51.

[4]) l. c. стр. 32 и 56 — 7, прим. 1: изъ ркп. Британскаго музея Add. 19, 462, XV в. Болѣе подробныя извлеченія изъ этой рукописи были бы желательны.

никъ царства, и отецъ, не задумываясь, присудилъ и его къ тому-же наказанію. Народъ въ отчаяніи: какъ ими будетъ управлять слѣпой царь? Тогда «der gerecht küng» рѣшилъ дѣло такъ: одинъ глазъ пусть выколютъ виноватому, а другой ему, царю. — Къ этому разсказу примыкаетъ пришествіе въ Силене Георгія и его побѣда надъ змѣемъ, котораго умилостивляли жертвами по совѣту божества, «abgot»; ему обречена и дочь праведнаго царя-язычника, избавляемая святымъ. — Источникомъ эпизода о чудѣ былъ, по мнѣнію изслѣдователя, распространенный разсказъ, часто пріурочивавшійся къ Залевку; въ легенду о Георгіи «онъ вышелъ по ассоціаціи представленій: царь, жертвующій на равнѣ съ гражданами, въ силу своего слова, единородною дочерью, напомнилъ писцу справедливаго царя». Я предложу съ своей стороны и еще догадку: пріуроченіе разсказа о Залевкѣ къ царю-правдолюбцу легенды не было-ли вызвано созвучіемъ именъ: Залевка и Селевка, Сельвія георгіева чуда? Замѣтимъ формы, въ которыхъ имя Залевка встрѣчается въ позднѣйшихъ разсказахъ о его правосудіи: Seleucus, Zeleukos; въ Gesta Romanorum: Zaleucus, Zalengus, Zelongus. — «Праведный царь» властвуетъ въ Silene, что могло-бы повести къ предположенію, что здѣсь оказалось вліяніе Золотой Легенды, гдѣ такъ именно названа мѣстность чуда. Но въ грузинскомъ его текстѣ, сообщаетъ мнѣ проф. Цагарели, мѣстность названа Ласіей, царю же дано имя Селиносъ, что приводитъ насъ къ Силене, и съ другой стороны, быть можетъ, къ Сельвію и его отмѣнамъ.

Такимъ образомъ составъ нѣмецкой повѣсти выясняется: въ легенду о чудѣ Георгія съ змѣемъ притянутъ былъ, по созвучію именъ Залевка и Селевка, разсказъ о праведномъ судіи. Было-ли это соединеніе дѣломъ нѣмецкаго перескащика, какъ полагаетъ г. Кирпичниковъ, или его слѣдуетъ предположить болѣе древнимъ? Я не рѣшаю этого вопроса — въ виду слѣдующихъ. Типомъ праведнаго судіи былъ въ средніе вѣка императоръ Траянъ: уже въ VI в. разсказывали, какъ разсудилъ онъ бѣдную вдовицу, у которой убили ея единственнаго сына. Преданіе говорило, что

папа Григорій Великій такъ умилился его поступкомъ, что пролилъ о немъ молитвенныя слезы и освободилъ душу императора отъ загробныхъ мукъ, постигшихъ его, какъ язычника. Эта легенда, поэтически воспроизведенная въ Божественной Комедіи, видоизмѣнялась въ пересказахъ: убійцей сына вдовицы явился сынъ императора, — что не остановило его правосудія; наконецъ, въ половинѣ XIII в., въ хроникѣ Эненкеля, разсказъ о Траянѣ представился въ чертахъ преданія о Залевкѣ и «gerecht küng» нѣмецкой повѣсти[1]). — Съ другой стороны болгарскія пѣсни о Георгіи пріурочиваютъ его чудо къ какому-то Трояну-граду, гдѣ царитъ невѣрный царь Латинъ, т. е. Латининъ; его-то дочь, выведенную на пожраніе змѣю, спасаетъ Георгій, а царя и народъ креститъ. Троянъ-градъ, можетъ быть, какой-нибудь Траянополь: извѣстенъ былъ городъ такого имени во Ѳракіи, въ провинціи Родопэ, слѣды котораго доселѣ видны у Деде-Агача[2]); сохранились развалины Троянова града у Татаръ-Пазарджика и въ Сербіи, въ лѣсу у Шабца. Имя императора Траяна стало въ южнославянскомъ и румынскомъ преданіи собирательнымъ, на носителя котораго переносилось всё необычайное, волновавшее народную фантазію; сводить во едино эти черты, вмѣняя ихъ одной народно-миѳической личности, потому опасно, что пріуроченіе могло быть случайнымъ, опредѣляясь не внутреннимъ единствомъ типа, а внѣшнимъ единствомъ имени. Отсюда разнообразіе трояновскихъ повѣрій: какъ на царя Траяна — Трояна греческой и сербской саги перенесена была легенда объ ушахъ Мидаса[3]), такъ

---

[1]) G. Paris, La légende de Trajan. Paris 1878; сл. Oesterley, Gesta Rom. № 50 и примѣч.; Massmann, Kaiserchronik III 751 слѣд.

[2]) Другой Траянополь находился во Фригіи; Селинунтъ (Киликія) также носилъ нѣкоторое время названіе Траянополя, по имени Траяна, скончавшагося въ его стѣнахъ, когда онъ собирался въ походъ противъ возставшихъ Евреевъ; по другимъ извѣстіямъ его смерть послѣдовала въ Киликійской Селевкіи.

[3]) Такъ уже у Тцетцеса, Chil. II Hist. 34 v. 95 sqq. Сл. Tomaschek, Zs. für die oesterr. Gymn. 1877, стр. 679.

по имени великаго строителя назвался цѣлый рядъ градовъ, проходовъ, дорогъ, мостовъ, что объясняетъ поводъ, по которому привязалось къ нему «береговое» преданіе о юномъ героѣ (Анилія), погибшемъ отъ свѣта солнца[1]). Подобнаго рода мѣстные мотивы могли повліять и на появленіе властителя «Трояна-града» — если разумѣть подъ нимъ имп. Траяна — въ пѣсняхъ о Георгіи: двѣ изъ нихъ записаны въ южной Болгаріи, одна — въ Кукушѣ, выше Солуня, гдѣ древняя церковь св. Георгія была первоначально языческимъ храмомъ, посвященнымъ, какъ полагаютъ, императоромъ Траяномъ «великимъ богамъ». — Далѣе могутъ повести слѣдующія сопоставленія: какъ св. Георгій являлся въ чудѣ съ дочерью праведнаго царя Залевка, такъ въ болгарскихъ пѣсняхъ онъ спасаетъ дочь Траяна, праведность котораго могла быть затемнена представленіемъ царя «Латина» и невѣрнаго Трояна-града. Римская легенда, мотивированная праведностью Траяна и молитвой св. Григорія о душѣ его, пришла послѣдовательно, богословскимъ путемъ, къ нѣкоторому уравненію съ болгарской, — и Вильгельмъ Оксеррскій († 1230) заставляетъ душу Траяна снова переселиться въ его тѣло, чтобы удостоиться св. крещенія, — какъ Георгій крестить краля отъ Трояна. — Соотношеніе обѣихъ трояновскихъ легендъ, съ именами Георгія и Григорія, заслуживаетъ внимательнаго изученія[2]).

3) Regiae virginis nomen nemo expressit, говорятъ Боландисты о царевнѣ чуда по поводу его греческаго и латинскихъ текстовъ, sed vulgus, more suo cuncta permiscens, S. Margaritam, nominat[3]). Святая змѣеборица Антіохійская могла быть сопоставлена съ св. Георгіемъ на такихъ-же основаніяхъ, на какихъ у насъ св. Елисавета и св. Марина на сванетской иконѣ.

---

[1]) B. Schmidt, Griech. Märchen, I стр. 30 — 1 и прим. 2. Сл. R. Köhler, въ Jen. Literat. Zeit. 1878, Art. 298.

[2]) Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, Іюль: Легенды о Вѣчномъ Жидѣ и объ императорѣ Траянѣ.

[3]) AASS. April. III, p. 106, b.

Текстовъ чуда или пошедшихъ отъ нихъ легендъ съ именемъ Маргариты я не знаю; тѣмъ не менѣе намекъ Болландистовъ мнѣ показалось полезнымъ прослѣдить. Къ тому вела меня и широкая популярность житія одной изъ святыхъ, носящихъ имя св. Маргариты, и появленіе этого имени въ весеннихъ пѣсняхъ и обрядахъ, въ которыхъ играетъ такую роль и св. Георгій. — Въ русскомъ чудѣ «до мученія» царевна то названа Лаодаміей (можетъ быть, подъ литературнымъ вліяніемъ миѳа о Беллерофонтѣ, сынѣ Нептуна, отцѣ Лаодаміи и побѣдителѣ Химэры), то наречена въ крещеніи Маріей; въ ркп. Погодинской 808: Маріей Самаряныней, что объясняется, по мнѣнію г. Кирпичникова, уподобленіемъ ея разговора съ Георгіемъ — бесѣдѣ Христа съ Самарянкою[1]); или вліяніемъ Маріи-Магдалины[2]). Въ одномъ болгарскомъ стихѣ царевна также носитъ имя Марія, которое изслѣдователь связываетъ съ книжнымъ чудомъ «прежде мученія»[3]), хотя своеобразные мотивы пѣсни едва-ли не указываютъ на особый ея источникъ. — Я предполагаю соединить имена Маріи и Маргариты посредствующей формой: Марина, не потому чтобы имѣлъ въ виду водворить это имя въ древней редакціи чуда, а съ цѣлью указать на древнія, быть можетъ, мѣстныя причины его сближенія съ именемъ Георгія.

Церковь знаетъ нѣсколько святыхъ имени Марины съ различными календарными пріуроченіями, на соглашеніе которыхъ Болландисты потратили не мало труда: 22-го февраля память св. Марины въ Никомедіи; 28-го свв. Мараны или Марины и Киры (лат. 3-го августа); 10—11 марта: свв. Марины и Агапы въ Антіохіи; архим. Сергій показываетъ въ числѣ святыхъ, не находящихся въ мѣсяцословахъ греко-россійской церкви, св. Марину еще подъ 27 апрѣля и 27 мая. — Двѣ наиболѣе чествуемыя святыя этого имени отнесены Болландистами къ іюлю:

---

[1]) Кирпичниковъ l. c. стр. 51, 57 — 9.
[2]) Ibid. стр. 115.
[3]) Ibid. стр. 181 и 185.

подъ 17-ымъ іюля они говорятъ о св. Маринѣ или Маріи, подвизавшейся въ монастырѣ въ мужскомъ образѣ Марина, терпѣливо сносившей напрасныя обвиненія въ блудѣ, нѣжно воспитывавшей приписаннаго ей ребенка, пока смерть не обнаружила ея святой дѣвственности. Греческая церковь памятуетъ её 12-го февраля, но ея памяти разнообразились въ календаряхъ: 8-го и 11-го февраля, 31-го мая, 8-го августа и 8-го декабря.

Другая святая, чтимая у Грековъ подъ именемъ св. Марины, у Латинянъ — св. Маргариты, отнесена Болландистами къ 20-му іюля: ея память совершается на западѣ 12, 13, 15 и 20 числа этого мѣсяца; у Рабана Мавра, Ноткера и до позднѣйшаго времени во Франціи — 18 іюня; у Грековъ 17 іюля, когда западная церковь памятуетъ св. Марину — Марина [1]). — Маргарита — означаетъ «жемчужная», украшенная жемчугомъ; эпитетъ принятъ за имя собственное; въ этомъ смыслѣ Маргарита была прозвищемъ и св. Пелагіи антіохійской [2]). Что до имени Марины, то уже Болландисты сближали его съ сирійскимъ Mar или Mari = dominus; Marina, или вѣрнѣе, Marna = dominus noster; сл. выше Marina — Marinus; въ имени Marina заключено понятіе: domina, какъ такое-же значеніе отмѣчено Дюканжемъ для Маріи: Μαρία ἀντὶ τοῦ κυρία [3]). Это объяснитъ, быть

---

[1]) Сл. AASS. Julii IV и V, подъ 17 и 20 Іюля; Архим. Сергій, Agiologia II; Martinof l. c. Index: Marina, Marinus, и подъ указанными числами.

[2]) Сирійское житіе св. Пелагіи было недавно издано Gildemeister'омъ (Acta S. Pelagiae syriace. 1879), греческое Usener'омъ: Legenden der Pelagia. Bonn, 1879.

[3]) Такое толкованіе представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ обычное: Marina = морская, поддержанное недавно Узенеромъ, сближавшимъ не только по значенію именъ, но и по житіямъ, св. Марину съ Пелагіей. Оттуда его увѣренность: wir freuen uns die zur Zeit römischer Herrschaft nicht auffallende Uebersetzung der Pelagia in Gebrauch zu finden (l. c. стр. XIV). Изъ матеріала житій, подобраннаго Узеномъ для доказательства своего положенія, выбираемъ лишь то, что можетъ служить подтвержденіемъ его этимологіи. Чередованіе именъ Марины

можетъ, имя Регины (т. е. царицы; франц. St[e] Roïne, Reine, St[e] Rogne бельгійскаго народнаго суевѣрія) въ ея легендѣ, наивномъ плагіатѣ Маринина житія, удержавшемъ или только слегка измѣнившемъ его собственныя имена и перенесшемъ мѣсто дѣйствія изъ Антіохіи писидійской въ писидійскую Алесію — потому что мѣстомъ особаго чествованія святой была Алесія — въ Бур-

---

и Маргариты въ житіи святой, чествуемой 12, 13, 15 и 20 іюля, мы уже знаемъ; выше было сказано и о другой св. Маринѣ или Маріи, подвизавшейся въ монастырѣ подъ именемъ Марина, — но существенно то-же повѣствуется и о святой Маргаритѣ, укрывшейся въ иноческомъ образѣ подъ именемъ Пелагія (AASS. Julii IV, 287 слѣд.). Если присоединить къ тому и Пелагію — Маргариту греческаго житія, изданнаго Узенеромъ, также являющуюся въ кающемся образѣ Пелагія, то уравненіе: Марина = Пелагія представится вѣроятнымъ и этимологія не вызывающую сомнѣній. Сомнѣніе возбуждаетъ то обстоятельство, что изъ двухъ именъ, подъ которыми извѣстна св. Марина — Маргарита. именно первое распространено на востокѣ, тогда какъ второе упрочилось на западѣ. Къ этому можно присоединить еще слѣдующее: Узенеръ обратилъ вниманіе на житіе еще одной антіохійской св. Пелагіи (лат. 9 іюня, греч. 9 и 10 іюня и 8 октября), бросившейся съ высоты дома, чтобы сохранить свою дѣвственность, тогда какъ ея мать и сестры, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ ихъ воиновъ, кинулись въ рѣку. На отношенія этой легенды къ житію антіохійской св. Домнины или Домны и ея дочерей (AASS. Oct. II подъ 4-мъ октября, стр. 393 — 407; сл. ib. подъ 9 іюня: о св. Пелагіи) уже давно было обращено вниманіе: Домна и ея дочери, Вереника или Верина и Просдока, также спасаются отъ погони, бросившись въ рѣку; св. Амвросій даже называетъ въ числѣ дочерей — св. Пелагію; Вероникъ, Пелагія и 49 мучениковъ антіохійскихъ поминаются у Болландистовъ подъ 19 октября. — Domna = Domina, Κυρία: значеніе, предположенное нами и для Марины; сл. свв. Марану или Марину и Киру (Κυρά = Κυρία), сирійскихъ святыхъ, чествуемыхъ греческою церковью 28 февраля (сл. AASS. Aug. I, 3 августа, стр. 226 — 7), когда памятуется и св. Domnica или Domnina. (Martinof, Ann. Eccl. a. d. XXVIII Februarii) — Я склоненъ заключить изъ этого, что имя Марины, въ основѣ сирійское, было приложено къ значенію лат. Marina, что дало возможность перевести её греческой Пелагіей.

гундіи! [1]) Въ слѣдующей краткой передачѣ содержанія мы воспользуемся тѣмъ и другимъ житіями, лишь отмѣчая въ скобкахъ особенности, представляемыя апокрифомъ о св. Регинѣ. — Отцемъ св. Маргариты-Марины называютъ Ѳеодосія (въ текстѣ, допущенномъ Болландистами въ ихъ собраніе: Aedesius; въ житіи св. Регины: Климентъ); онъ — язычникъ, ненавидитъ свою дочь-христіанку и удаляетъ пятнадцатилѣтнюю красавицу изъ своего дома — къ ея кормилицѣ. Тамъ она пасетъ овецъ, когда префектъ Олибрій, прельщенный ея красотою, обратилъ на неё вниманіе. Онъ хочетъ жениться на ней, но она объявляетъ себя христіанкой и ввержена въ темницу. Здѣсь діаволъ является ей въ образѣ змѣя съ золотыми волосами и бородой, съ желѣзными зубами; его глаза блестятъ, какъ жемчугъ, изъ ноздрей пышетъ пламя и дымъ; языкъ высунулся, вокругъ шеи обвилась змѣя, въ рукѣ огненный мечъ. Онъ заразилъ воздухъ, отъ его дуновенія исходитъ огненное облако, озаряющее темницу. Бросившись на святую, онъ поглащаетъ её, но распятіе, которое она держала въ рукахъ, растетъ, ширится, распираетъ пасть чудовища, и святая выходитъ невредимой изъ его чрева. Тогда ей представляется другой демонъ, въ образѣ чернокожаго,

---

Разборъ миѳологической гипотезы Узенера (Пелагія = Афродита), привлекшаго къ Пелагіи и Маринѣ цѣлый рядъ другихъ святыхъ, устраняется ближайшей цѣлью этой работы. Въ житіяхъ святыхъ, объединенныхъ именемъ Пелагіи — Марины, образы дѣвственности и чувственности, искупленной покаяніемъ, чередуются и могутъ быть привлечены къ объясненію обще-европейскихъ повѣрій о Маринѣ — Маргаритѣ, какъ помощницѣ при родахъ (сл. въ концѣ предъидущей главы замѣтку объ Анагитѣ). — Укажемъ въ заключеніи на смѣшеніе св. Пелагіи-блудницы съ Маріей (-Магдалиной?) въ хожденіи діакона Игнатія: гробъ св. Пелагіи находится въ церкви на Элеонской горѣ, «тое Пелагеи, которая ноги мvромъ помазала Господа и власы своими отерла». (Сахаровъ, Сказанія русск. нар. ч. VIII, стр. 105, b); это объясняетъ Маѳу, Марію и Пелагею, трехъ сестеръ Лазаревыхъ, въ народномъ заговорѣ у Чубинскаго, Матер. и изслѣдованія I, I, стр. 124.

[1]) AASS. Sept. III, 7 Sept. p. 24 слѣд.

съ руками, привязанными къ колѣнамъ; святая попираетъ его ногами. — Рядомъ съ этимъ новое, небесное знаменіе: двоякое появленіе голубя, то сидящаго на крестѣ, то приносящаго святой вѣнецъ побѣднаго мученичества[1]). Апокрифъ кончается молитвой, напоминающей подобныя-же въ апокрифическихъ житіяхъ: кто отъ труда своего пріобрѣтетъ списаніе моихъ мученій, говоритъ святая, исполни того, Господи, Духа Свята, и да не родится въ его домѣ дитя хромое, слѣпое или нѣмое, и да избудетъ онъ демонскаго наважденія и т. п. — Свидѣтелемъ-очевидцемъ мученій св. Марины-Маргариты является Өеотимъ (Theotimus; Contimus, Tectinus), въ апокрифѣ о св. Регинѣ — Өеофилъ[2]).

Св. Марина пріурочивается обыкновенно къ писидійской Антіохіи, нынѣшней деревнѣ Ялобачъ къ сѣверу отъ озера Эгдиръ или Эгердиръ, на югозападной сторонѣ котораго небольшой городокъ того-же имени занимаетъ, по мнѣнію Риттера, мѣсто древней Seleucia Sidera[3]); Límenae, Limnopolis у того-же озера не объясняетъ-ли заглавія житія св. Марины въ эскуріаль-

---

[1]) Сл. подобное-же видѣніе въ одной греч. пѣснѣ о чудѣ св. Георгія, Кирпичн. стр. 187.

[2]) Греческое житіе св. Марины находится въ cod. Laur. 9, 93; латинское напечатано Момбриціемъ и Суріемъ. — Старая популярность житія св. Маргариты на западѣ засвидѣтельствована цѣлымъ рядомъ народныхъ пересказовъ. Слич. Holland, Die Legende der hlg. Margarete, alt franz. und deutsch, 1863; A. Scheler, Deux redactions diverses de la légende de St° Marguerite en vers français. Anvers 1877 (сл. Romania, XXVI, p. 339—41); Joly, La vie de St° Marguerite, Paris 1879 (сл. Romania XXXII p. 275—6) —Noulet, Vie de St° Marguerite en vers romans. Toulouse, 1875.—Die Marter der heiligen Margarete ed. M. Haupt, Zeitschr. f. deutsch. Alterth. I, 151—93; другая обработка издана Bartsch'емъ, Germania IV, 440—71 (сл. ib. VI, 376—79; VII, 268—70), третья имъ-же въ Germanistische Studien I, p. 1—30. — О нѣмецкихъ, англосаксонскихъ, англійскихъ и нидерландскихъ пересказахъ см. Vogt, Ueber die Margaretenlegenden, въ Paul und Braune's Beiträgen I, p. 263 слѣд.; особенно p. 284—5.

[3]) Texier, Asie Mineure, p. 717 a.

ской рукописи, пріурочивающее ея мученіе «in campo Limiae, quae est sub urbe Armeniae [1])? У Рабана Мавра не ясно, какая разумѣется Антіохія; поздніе акты о перенесеніи мощей св. Маргариты въ Тоскану и Вильбрандъ Ольденбургскій (1212) называютъ Антіохію сирійскую, что на Оронтѣ: «in medio vero monte.... est castrum in medio aedificatum. Sub cujus pede vidimus clusam, in qua beata Maria Magdalena egit per tempus penitentiam, et, sicut ipsa animo celestia concupivit, ita et tunc corpore terrena transcendit. Juxta illam eciam est parva capellula, ex qua beata Margarita, cum ad martyrium duceretur, fuit extracta [2]). Вниманіе обращаетъ сосѣдство именъ Маргариты-Марины и Маріи-Магдалины; извѣстна локализація послѣдней и сестры ея Мареы въ южнофранцузскомъ преданіи, представляющемъ ихъ змѣеборицами: Маріи-Магдалинѣ является драконъ-демонъ, грозящій поглотить её, ангелъ её освобождаетъ, и драконъ уносится въ пустыню, «гдѣ его побѣдила сестра моя Мареа», говоритъ святая: указаніе на легенду о св. Мареѣ, поборовшей змія знаменіемъ креста и связавшей его своимъ поясомъ [3]).

Къ сирійской Антіохіи привязаны и нѣкоторыя памяти св. Георгія: по свидѣтельству Raimond d'Agiles (172, 55) его мощи покоились тамъ въ храмѣ св. Леонтія; извѣстно его чудесное явленіе при осадѣ города въ 1098 г.; поэма Рейнбота, опираясь, быть можетъ, на неизвѣстные намъ источники сказанія, называетъ Георгія и его братьевъ — антіохійцами, по матери; сл. vv. 147—8:

Waren muterhalb geborn
Vorwar von Anthyoche [4]).

---

[1]) AASS. Jul. V, ad d. 20 Jul., p. 32 a.

[2]) Laurent, Peregrinatores medii aevi quatuor, p. 173. О другой антіохійской св. Маринѣ (вмѣстѣ съ Агапой) см. AASS. Mart. II p. 31—2.

[3]) Сл. житіе Маріи-Магдалины у Сурія, подъ 22 іюля; житіе св. Мареы въ Legenda Aurea.

[4]) Сл. v. 4972: Von Antioch der ohem myn. — Упоминаніе св. Мар-

Легенда, сообщенная Θеодоромъ Дафнопатомъ, пріурочиваетъ къ Антіохіи и чудо съ змѣемъ: мощи св. Іоанна спасаютъ дѣвицу отъ чудовища, котораго антіохійцы почитали какъ бога, принося ему въ жертву дѣвственницъ[1]). — Подобнаго рода чудо съ именемъ св. Георгія является не однажды локализованнымъ по сиро-финикійскому побережью: укажу лишь на Беритъ[2]), на Ге-

гариты, по поводу мученія Александры (v. 4663), можетъ быть, случайное.

[1]) Въ старонѣм. Johannisminne, изданной Hofmann'омъ (Zeitschr. f. deutsch. Alterth. XXII, p. 243) читаемъ: Und daz wir heivt alle als wol gesegnet sein — Als der heilig gv̊t herre sand iohannes gesegent den heiligen herren sand iorgen da miten ein — Mit den heiligen worten die da hie geschriben stant — Da mit er den lintwvrme v̈ber want. Сл. сказанное выше о составѣ грузинской авгорозы: первая глава евангелія отъ Іоанна и изображеніе св. Георгія.

[2]) Эта локализація встрѣтилась мнѣ у итальянскихъ путешественниковъ XIV вѣка: Frescobaldi, Sigoli, Gucci (Сл. Viaggi in Terra santa di Lionardo Frescobaldi e d'altri del secolo XIV, ed. C. Gargiolli стр. 146, 246, 414 — 416; болѣе позднія свидѣтельства у Болландистовъ, l. c. April. III, 106, b); двое послѣднихъ присоединяютъ къ этому и другое свѣдѣніе: что св. Георгій усѣченъ былъ недалеко отъ Дамаска (l. c. стр. 245, 397), хотя, замѣчаетъ Sigoli, «i Greci dicono che fu martirizzato fuori della città di Rama, la quale è una delle città de' Filistei». — Интересно для иконографіи чуда описаніе его мѣстности у Giorgio Gucci: Не далеко отъ Бейрута «si trova uno pedale di torre, alta circa di braccia VI, e sali su per una scala, che è fuori della torre, in sul quale luogo gli uomini della città mandavano la preda, che il drago dovea mangiare.... E quando il re della città mandava per preda del detto drago la sua propria figliuola, d'età da marito, che santo Giorgio liberò, istava il detto re in alto sul monte alle finestre del suo palagio, del quale luogo di passo in passo si vede insino alla detta torre. E presso a detto luogo, forse a una gittata di mano, è la tana (напечатано: torre) grandissima sotterra, dove detto drago stava; e quando sentiva la preda in su detta torre, di detta tana usciva e andava a divorare detta preda. Poi di lungi a questo luogo meno d'uno mezzo miglio, fuori di strada forse una balestrata, è dove san Giorgio uccise il drago, ed è in una chiesa non troppo grande, bene acconcia, che si chiama la chiesa San Giorgio.... Là poi di lungi a questa

валъ нѣкоторыхъ пересказовъ русскаго чуда: Gibeleth, Gobeil = Biblium, выше Берита, — либо Gabulum, Gebele, южнѣе Лаодикеи? — Названіе: Ласія, Лаосія, если его позволено искать въ этой связи, остается по прежнему загадочнымъ: средневѣковыя наименованія Лаодикеи (нынѣ: Латакіэ): Lichia, Likka, Liça, Lice (въ chanson d'Antioche) напоминаютъ такое-же колебаніе: Лаосіи, Ласіи, Lycia.

Предъидущія сопоставленія, какъ бы они ни были отрывочны, выясняютъ, какъ мнѣ кажется, существованіе мѣстной малоазіатской легенды о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ; если бы имя царевны засвидѣтельствовано было не одними русскими пересказами и болгарской пѣсныо, можно было-бы надѣяться пріити къ болѣе точному мѣстному опредѣленію.

II. Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ изводѣ чуда, спеціально извѣстномъ на Руси. — Погодинская икона XIII вѣка изображаетъ всё житіе Георгія и посрединѣ «св. Г҃ргія, з҃мія и єлисаву», ведущую змѣя за рогъ [1]). Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о чудѣ царевна названа Алисафой, Алексафьей, Лисафетой, Елисафіей; ея отецъ — Адей, Агей, Агапій, Агафинъ, Огапитъ, Агапитъ. Эти имена не встрѣтились пока ни въ одномъ книжномъ сказаніи о чудѣ, и едва-ли въ немъ найдутся; они объясняются въ иной связи и принадлежатъ разновременнымъ наслоеніямъ иконописи и народной пѣсни. Причина появленія имени Елисаветы уже указана, говоритъ г. Кирпичниковъ [2]): ей празд-

---

chiesa per meno d'uno mezzo miglio è uno fiume, che mette ivi in mare: e quando è presso al mare, per circa a una balestrata, è una isoletta; la quale isoletta il detto fiume mette in mezzo. E in questa isoletta gran parte del tempo, dicono, dimorava questo drago; e al lato della chiesa detta è la fossa, dove detto drago fu sotterrato». — Сл. Бейрутскую локализацію у Димитрія Ростовскаго (Кирпичн. стр. 60) и въ греческой пѣснѣ у Сакелларія, Τὰ Κυπριακὰ III стр. 62 — 66.

[1]) Кирпичниковъ l. c. стр. 51; сл. выше изображеніе св. Елисаветы въ Лафехальской церкви въ Сванетіи.

[2]) l. c. стр. 177 — 8.

нуютъ 24-го апрѣля, и о ней говорится: «бысть-же чудесъ дѣлательница, змія лютаго молитвою умертви». Св. Елисавета чудотворица чествуется, главнымъ образомъ, греческою церковью; память ея встрѣчается въ менологіи императора Василія и лишь значительно позднѣе на западѣ; къ какому времени относится арабско-египетскій мартирологъ съ ея памятью, о которомъ говорятъ Болландисты [1]), — я не знаю. Время жизни святой неизвѣстно съ точностью; архим. Сергій [2]) опредѣляетъ его VI—IX вѣками и говоритъ, что святая чудотворица была настоятельницей обители свв. Косьмы и Даміана, построенной императоромъ Юстиномъ (518—527) и супругой его Софіею [3]). Мощамъ ея поклонялись русскіе паломники: новгородецъ Стефанъ около 1350 года и іеродіаконъ Зосима въ 1420 г. — Св. Елисаветѣ праздновали 24-го апрѣля, и на тотъ-же день полагалась память св. Георгія въ Константинопольскомъ храмѣ его имени ἐν τῷ Κυπαρισσίῳ [4]). Это совпаденіе не указываетъ-ли на среду, въ которой совершилось спеціальное сопоставленіе, давшее сюжетъ погодинской иконѣ? Русскій духовный стихъ могъ понять его реально, что объяснило-бы внесеніе новаго имени въ древнюю пѣснь о чудѣ.

Объединеніе св. Елисаветы съ Георгіемъ объясняется какъ согласіемъ ихъ символическаго аттрибута — змѣя, такъ и совмѣстностью ихъ празднованія. Въ первомъ отношеніи св. Маргарита-Марина отвѣчала тѣмъ-же условіямъ объединенія; су-

---

[1]) AASS. April. III подъ 24-ымъ апрѣля, f. 275.

[2]) Полный мѣсяцословъ востока II, ч. II, стр. 116, подъ 24 апр.

[3]) Болландисты ограничиваются замѣткой: quae videtur Constantinopolitanum aliquod monasterium fuisse (т. е. palaestra virtutum).

[4]) Martinof, l. c. подъ XXIV апрѣля. Въ той-же церкви память св. Георгія совершалась и 26 ноября, какъ въ Кіевѣ, въ память освященія кіевской церкви св. Георгія на Золотыхъ Воротахъ въ 1037 г. (l. c. подъ 26 ноября). — Замѣтимъ, что Георгію праздновали 24-го апрѣля и въ Миланѣ, Павіи, Аквилеѣ, Зальцбургѣ, Прагѣ, Гнѣзнѣ, Краковѣ и Аугсбургѣ. Сл. Weidenbach, Calendarium p. 168; Grotefend, Handbuch der Chronologie p. 109.

ществовало-ли и второе, т. е. календарный синхронизмъ? Народная обрядность можетъ дать на это приблизительный отвѣтъ, раскрывая отношенія, проливающія нѣкоторый свѣтъ на развитіе георгіевскаго культа. Марину-Маргариту мы встрѣтимъ въ цѣломъ рядѣ народныхъ воспоминаній; Елисавета въ нихъ не отложилась: свидѣтельство меньшей, сравнительно, древности ея народнаго чествованія.

I. Лѣтнее пріуроченіе: Марія-Маргарита и Илья. Память св. Марины совершается 17 и 20 іюля[1]); къ послѣднему дню относятъ нѣкоторые старинные мартирологи и памятованіе свв. мучениковъ Георгія (не великомученика) и Ѳеодора[2]). Нельзя придавать значенія этому совпаденію и лишь второстепенное слѣдующимъ извѣстіямъ о культѣ Чеченцевъ: 5-го іюля Кистины собираются на гору Матхохъ, на вершинѣ которой находятся три памятника, обращенные фасадами на востокъ и называемые у туземцевъ церквами. Въ одномъ изъ нихъ они совершаютъ празднество въ честь св. Георгія, въ другомъ въ честь Божьей Матери, а въ третьемъ св. Маринѣ[3]) — Подобное сопоставленіе: Маріи, Марины и Георгія уже встрѣтилось намъ въ сванетской иконописи; Марина — имя той поклонницы святого, съ которой связано движеніе Георгіанцевъ.

Большаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе факты.

20-го іюля церковь празднуетъ пророку Ильѣ. Въ славянскихъ, греческихъ и кавказскихъ вѣрованіяхъ онъ является громовникомъ. Молнію русскій народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильей пророкомъ въ змѣя или дьявола, который старается укрыться отъ нея въ разныхъ животныхъ и гадахъ; на Ильинъ день волки и змѣи выходятъ изъ своихъ норъ, бродятъ по полямъ и лѣсамъ, жалятъ и терзаютъ домашнюю скотину, и только

---

[1]) Въ Чехіи её памятуютъ 13-го іюля, но народное празднованіе ей подъ Прагой отбывалось, по замѣчанію Гануша, недѣлю спустя, т. е. 20 іюля, стало быть, въ Ильинъ день.

[2]) Martinof, l. c. подъ 20 іюля.

[3]) Дубровинъ, l. c. I, I, 385.

одинъ громъ въ состояніи разогнать ихъ. — Въ апокрифической бесѣдѣ Эпифанія съ Андреемъ (Юродивымъ) первый спрашиваетъ: «по праву-ли сіе глаголютъ, яко Илья пророкъ есть на колесницѣ ѣздя гремитъ, молнія пущаетъ по облакамъ и гонитъ змія? Святый-же рече: не буди то, чадо, ему тако быти, велико бо безуміе есть, еже слухомъ пріимати» [1]). Представленіе демона-змѣя, поражаемаго Ильей, принадлежавшее уже средне-греческому суевѣрію, сохранилось и среди Сербовъ и Болгаръ: въ западной Болгаріи громъ приписывается Ильѣ, гонящему ламью, молнія — его копье; огонь, появляющійся въ воздухѣ отъ жаровъ — это змѣй, который отправляется къ любимой имъ дѣвушкѣ [2]). — По повѣрью жителей Ріонской долины змѣи, представители зла на землѣ, бываютъ трехъ родовъ: красные, черные и крылатые; они стерегутъ зарытыя въ землю сокровища и пожираютъ каждаго, кто къ нимъ приближается. Съ ними могутъ сражаться лишь неустрашимые витязи, преимущественно святые, которые и побѣждаютъ ихъ. Такъ, по понятію туземцевъ, гроза есть ни что иное, какъ преслѣдованіе змѣя св. Георгіемъ на летящемъ конѣ; громъ — это звуки отъ его ударовъ, молнія — стрѣлы, которыми онъ поражаетъ врага [3]). То-же представленіе о Георгіи въ связи съ явленіями грозы извѣстно и въ русскомъ суевѣріи [4]).

Такое сближеніе типовъ свв. Ильи и Георгія повело съ одной стороны къ совмѣстному ихъ празднованію, какъ напр. у

---

[1]) Πολίτης l. c. I стр. 22—24, цитуя отрывки бесѣды ἔκ τινος βυζαντινοῦ χειρογράφου, не узналъ ихъ принадлежности къ житію Андрея Юродиваго.

[2]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія I, 419 слѣд.: Илья громовникъ и огненная Марія; сл. стр. 737 и II, 516—517; Каравеловъ l. c. подъ 20 іюля; Калинскій l. c. подъ 20 іюля.

[3]) Дубровинъ l. c. I, II, стр. 234.

[4]) Аѳанасьевъ l. c. I, 704; II, 517; Труды Этногр. стат. эксп. въ Западно-русскій край. Юго-западн. отд. Матеріалы и т. д. собр. Чубинскимъ т. I, вып. 1, стр. 19, 21.

Абазиновъ, сливавшихъ день св. Георгія со днемъ св. Ильи въ одинъ праздникъ[1]; съ другой — къ слiянiю ихъ въ одинъ образъ, совершившемуся, по всей вѣроятности, гораздо ранѣе XIV-го вѣка и не въ мусульманской средѣ. Я имѣю въ виду легендарнаго Хызра или Кидра мусульманскихъ сказаній, т. е. зеленаго, котораго иные отождествляютъ съ Ильею; смѣшеніе съ послѣднимъ обличаетъ форма слитнаго имени для Хызра: Khidrellez. Уже въ XIV-мъ вѣкѣ, по свидѣтельству Іоанна Кантакузина, существовало дальнѣйшее уравненіе: мусульмане, говоритъ онъ, чтутъ св. Георгія, котораго называютъ Χετὴρ Ἠλίας, т. е. Кидромъ-Ильею, — Ильею зеленымъ, что напоминаетъ зеленаго Юрія Словенцевъ. Едрелесъ-Георгію празднуютъ въ Болгаріи цыгане-магометане[2]).

Смѣшеніе Георгія съ Ильей (20 іюля) не объяснитъ-ли намъ имя Маріи въ чудѣ со змѣемъ? Въ Маріи сербскихъ и болгарскихъ пѣсенъ слѣдуетъ-ли видѣть народное пріуроченіе Богородицы[3]), или Маріи Магдалины (22 іюля), хранительницы молній по сербскому повѣрью, грозящей громомъ русскому крестьянину за непочтеніе къ ея празднику[4])? И не возможно-ли допустить еще одинъ моментъ въ объясненіе образа и имени: Марину-Марію, которой праздновали 17 — 20 іюля? Эпитетъ «огненной» Маріи у сербовъ и болгаръ можно-бы объяснить изъ отраженія Ильи-громовника; замѣтимъ, во всякомъ случаѣ, что въ числѣ мученій св. Марины большую роль играетъ истязаніе огнемъ.

Сравненіе южнославянскихъ пѣсенъ о Георгіи — и Ильѣ и

---

[1]) Дубровинъ l. c. ib. стр. 25.

[2]) Кирпичниковъ, l. c. стр. 98—100 и прим. 4 на стр. 98 (ссылка на Памятники Каравелова должна быть исправлена: чит. стр. 69) и 4-ое на стр. 100.

[3]) Такъ поняты были эти отношенія въ моихъ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды: Берта, Анастасія и Пятница, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февр. стр. 189 слѣд.

[4]) Калинскій l. c. подъ 22 іюля.

огненной Маріи укажетъ намъ на нѣкоторыя другія точки соприкосновенія.

Король отъ Трояна, Латинъ, язычникъ, велитъ троянскимъ христіанамъ раззорить единаго Бога и написать Бога серебрянаго. Въ наказаніе за это изсякли въ городѣ всѣ источники, кромѣ одного, въ которомъ поселилась стихійная змѣя. Её каждый день снабжаютъ живой пищей; король посылаетъ ей въ жертву младшую дочь — Марію, христіанку (сѣ прекърсти, богу сѣ помоли)[1]. Въ другомъ варіантѣ той-же пѣсни[2]) всѣ троемскіе христіане представляются невѣрующими, и ихъ постигаетъ такое-же наказаніе; христіанкой является одна царская дочь:

Ела она, брате, вѣруваше
Господа Іисуса Христоса.

Обреченная ламіи, она ждетъ ея появленія изъ озера; на вопросъ св. Георгія, она клянетъ своего отца, троемскаго царя:

Онъ к кадаръ, брате,
И сосъ пари друга да купе,
Таинъ да си пуще, и зорбалокъ да чинитъ,
Таинъ да не даде;
А ела нели не вѣрува
Вистински господа,
Язе си вѣрувамъ Іисуса Христоса,
Мене таинъ ме пущи
На сура-та Ламіа.

Когда святой поразилъ чудовище, царь встрѣчаетъ его не съ радостью, а обвиняетъ въ волшебствѣ, и лишь угроза заставила его и народъ увѣровать въ истиннаго Бога.

Въ третьемъ варіантѣ болгарской пѣсни, сообщенномъ мнѣ г. Сырку (Запис. въ Радомирѣ, въ западной Болгаріи) змѣй («недрага аждера») поселился у Трояна-града и каждый день губитъ по дѣвушкѣ. Дошла очередь до единственной дочери «Троянскаго краля»:

---

[1]) Братья Миладиновци, Бълг. народ. пѣсни № 38.
[2]) l. c. № 31.

Накити я Бог' ме премени я,
Като ка че у сватове да иде,
Та я прати сама по друмове да иде.

На встрѣчу ей пресвятой Георгій; на его вопросъ она разсказываетъ ему объ ожидающей её участи:

У жалби ме лепо накити(х)а,
Накити(х)а свилно премени(х)а,
Испрати ме сама по друмове,
Да ме гляжта недрага аждера.

Георгій уговариваетъ её покреститься, она убѣждаетъ его уйти, чтобы и ему не погибнуть. Между тѣмъ явился и змѣй, а Георгій еще разъ тихо уговариваетъ дѣвушку увѣровать въ его Бога:

А она се тогай покрьстила.

Георгій поражаетъ змѣя, велитъ дѣвушкѣ связать его поясомъ (тѧнки потелици) и вести передъ нимъ (поведи я прѣдъ крилата коня. Сл. № 38 Милад.) Троянскій краль и кралица встрѣчаютъ ихъ, сулятъ награду (въ № 38 Милад. король предлагаетъ Георгію руку дочери), но святой требуетъ только, чтобы король покрестился, иначе онъ напуститъ на нихъ чудовище. Царь и кметы крестятся.

Главное отличіе этого, пока не напечатаннаго, варіанта пѣсни отъ предъидущихъ состоитъ въ отсутствіи религіозной розни, раздѣляющей отца и дочь уже въ началѣ разсказа. — Городъ Троянъ является и въ сербскихъ пѣсняхъ о раздѣлѣ земли и природы между святыми, въ числѣ которыхъ главная роль предоставлена Маріи и Ильѣ. Первой достается Троянъ:

Дадоше јој проклетог Тројана
У коме се безаконье ради,
Да умири и закон постави.

Но она не можетъ направить грѣшниковъ на путь истины, жалуется на ихъ беззаконье и грозитъ карой:

Молиħу се Богу истиноме
Нека пусте од небеса муње,
Нек обори граде и бедеме,
Нек попали села и вароши,
Не-би-ли се Тројан сјетовао [1].

Въ другихъ варіантахъ той-же пѣсни вмѣсто Трояна является Индія проклятая [2]), или просто проклятая земля [3]); въ болгарскихъ пѣсняхъ того-же содержанія «земя Легенска» [4]), «Паливянска» [5]) или «Каравлашка» [6]). Значеніе Легенской земли, города Ледьяна въ сербской (и болгарской) народной поэзіи выяснено было недавно Новаковичемъ [7]); какъ-бы ни разнообразилось названіе въ приведенныхъ выше пѣсняхъ, ясно, что разумѣется страна язычниковъ или невѣрующихъ христіанъ, и что «троемскіе христіане» пѣсенъ о св. Георгіи отвѣчаютъ «проклятому Трояну» пѣсенъ о дѣлежѣ. Въ первыхъ грѣшники наказаны тѣмъ, что у нихъ изсякли источники; въ послѣднихъ Илья затворяетъ семь небесъ, кладетъ печать на облака, такъ что на грѣшную землю не падаетъ ни дождей, ни росы; тамъ и здѣсь кара прекращается съ обращеніемъ невѣрныхъ, тамъ и здѣсь ихъ обличительницей является Марія. — Эти сравненія, выясняютъ, какъ мнѣ кажется, почву, на которой совершилось сближеніе мотивовъ «о дѣлежѣ земли» и о Георгіи въ одной (сводной?) сербской пѣснѣ у Петрановича (№ 1): святые дѣлятъ промежъ себя міръ, невѣрный городъ Троянъ достается Божьей Матери (Маріи); послѣ напрасныхъ усилій обратить жителей къ истинному Богу,

¹) Петрановиħ, Срп. нар. пј. из Босни и Херцеговине № 1.
²) Караџиħ, Срп. нар. пјесме II № 1.
³) Ibid. II № 2.
⁴) Миладиновцы, l. c. № 30.
⁵) Ib. № 53; въ послѣднемъ стихѣ вм. Паливянской: «земя Палестинска».
⁶) Верковичъ, Нар. песме Македон. Бугара, № 218.
⁷) Ueber Legjangrad (Ledjan-Stadt) der serbischen Volkspoesie, въ Archiv f. slav. Philologie III p. 124 — 130.

она насылаетъ на нихъ змѣя, поселяющагося въ озерѣ и требующаго человѣческихъ жертвъ. Черезъ семь лѣтъ жертвенная очередь доходитъ до царевны и ея спасителемъ является Георгій.

Что подъ Маріей Ильинскаго повѣрья слѣдуетъ понимать Марію-Марину, на это указываютъ еще слѣдующія, объединяющія ихъ черты: какъ въ сербской жатвенной пѣснѣ являются «громовит Илиjа» и «огњена Мариjа», а по бѣлорусскому присловью Илья зажинаетъ жито, или: «св. Илья Божія жнея»[1], — такъ въ чешскомъ на 13-ое іюля является св. Маргарита:

Svatá Markyta
Vodí žence do žita[2]).

Связи Ильи съ небесной влаги извѣстны; онѣ даютъ содержаніе цѣлому ряду примѣтъ; нѣкоторыя изъ нихъ пріурочены и къ Маринѣ-Маргаритѣ: «Если будетъ громъ въ день Ильи, то орѣхи будутъ пусты», говорятъ въ Болгаріи[3]); коли на св. Маргариту дождь, то онъ будетъ лить всю недѣлю, говорятъ нѣмцы; «wenns St. Margreten regnet, werden die Nüsse faul»; «pršíli na den sv. Markéty, bývaji liskové ořechi prázdné a červivé»[4]). Эта болгарская, чешская и нѣмецкая примѣта перенесена у насъ на св. Макрину Каппадокійскую, сестру св. Василія Великаго, чествуемую 19 іюля; таково малорусское повѣрье: если на день св. Макрины будетъ дождь, вся осень будетъ дождлива и не будетъ орѣховъ[5]). Макрина замѣнила, вѣроятно, Марину-Маргариту, засвидѣтельствованную западнымъ повѣрьемъ. Въ этомъ отношеніи интересно показаніе наніанскаго календаря X — XI вв., смѣшавшаго св. Макрину съ Мариной, поминаемой имъ подъ предъидущемъ днемъ[6]). Фран-

---

[1]) Крачковскій, Бытъ западно-русскаго селянина стр. 149; Петрушевичъ, Обще-русскій дневникъ р. 62 — 3.

[2]) Erben, Prostonárodní české písně стр. 85.

[3]) Каравеловъ, l. c. стр. 241.

[4]) Hanuš, Bajeslovný kalendař стр. 195.

[5]) Чубинскій l. c. Народный дневникъ стр. 223.

[6]) Martinof, l. c. подъ XIX іюля.

цузская поговорка, наоборотъ, перенесла примѣту, только измѣненную, на день св. Маріи Магдалины (22 іюля): A la Madeleine — Les noix sont pleines.

II. Весеннее пріуроченіе: Марія-Маргарита-Марина (и Георгій?). Предположенное нами сближеніе Марины-Маргариты съ Георгіемъ-Ильей объяснитъ, быть можетъ, значеніе нѣкоторыхъ славяно-германскихъ весеннихъ обрядовъ, въ которые имя первой проникло — на основаніи-ли совершившагося сближенія, или вслѣдствіи одного изъ календарныхъ пріуроченій Марины — мы не знаемъ. Встрѣтивъ имя Graite, hillige, sünte Graite, т. е. св. Маргариты, въ одномъ нѣмецкомъ майскомъ заговорѣ на телятъ, Woeste[1]) обращаетъ её въ древне-нѣмецкую богиню земли и домашняго очага, Griate или Graite. «Какъ Fria (Frouwa) нерѣдко замѣнялась Маріей, такъ св. Маргарита могла заступить мѣсто какой-нибудь другой нѣмецкой богини», говоритъ онъ; «что-же можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, общаго между святой, чествуемой 13-го іюля, — и первымъ маемъ и заговоромъ на коровъ и телятъ?» Вольфъ[2]) отождествилъ Маргариту нѣмецкихъ повѣрій съ Гелой, Маннгардтъ[3]) съ богиней судьбы, Wurth, и въ самомъ имени святой искалъ фонетическій образъ скрывшагося за нимъ туземнаго божества: Markreiterin. Во всѣхъ этихъ случаяхъ славянскія повѣрья о Маргаритѣ не были приняты во вниманіе, а это могло-бы предупредить иныя, слишкомъ одностороннія обобщенія — въ смыслѣ той или другой народной миѳологіи[4]).

Существуетъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ пѣсенокъ, вѣрнѣе, заговорныхъ формулъ, въ которыхъ чередуются имена Маргариты и Маріи, и указаны какія-то ихъ отношенія къ дождю, къ замы-

---

[1]) Zeitschr. f. deutsche Mythologie, II стр. 84 — 8.

[2]) Wolf, Beiträge I, 203.

[3]) Mannhardt, Germanische Mythen p. 382 слѣд.

[4]) Сообщая нѣмецкія повѣрья, относящіяся къ дождю, въ которыхъ чередуются имена Маргариты и Маріи Магдалины, Mannhardt l. c. стр. 146 прим. 2 не рѣшается сказать—славянскія-ли онѣ или нѣмецкія!

канію и отмыканію влаги. Въ одной ютской пѣснѣ Маргарита (Meta) представляется живущей на перелазѣ, она молитъ Господа, чтобы прекратился дождь — и дождьересталъ, туманъ разсѣялся, засвѣтило солнце, корова побѣжала[1]). Въ другомъ варіантѣ той-же пѣсни рядомъ съ Маргаритой (Meta) является и Malên, т. е., вѣроятно, Марія Магдалина[2]), какъ въ гольштинской — Марія:

bâwen sitt Margrêten,
lett dat water flêten,
ünner sitt Maria и т. д.[3]),

Отношенія Маргариты къ дождю проходятъ въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ примѣтъ и присловій[4]), какъ съ другой стороны въ гольштинскомъ и фарейскомъ заклинаніяхъ на дождь въ той-же роли является Марія[5]).

Чтобы точно опредѣлить миѳологическое содержаніе этихъ формулъ, слѣдовало-бы знать, когда и по какому поводу онѣ поются. Я полагаю ихъ въ связи съ другой группой формулъ, на истолкованіе которой Маннгардтъ[6]) потратилъ не мало остроумія: въ ней являются три Маріи, три золотыя дѣвы и т. п., выглядывающія изъ дома, замка; одна изъ нихъ прядетъ шелкъ, другая вьетъ веревки, третья отмыкаетъ небо, выпускаетъ солнце, замыкаетъ дождь, — либо идетъ къ роднику, гдѣ находитъ ребенка. Одинъ символическій образъ могъ подставиться на смѣну другого; въ этомъ отношеніи можно согласиться съ Маннгардтомъ[7]), полагающимъ, что подробность о родникѣ и ребен-

---

[1]) Zeitschr. f. deutsch. Mythologie IV: Mannhardt, Nachträge und Berichtigungen zu den «Germanischen Mythen» стр. 431.

[2]) Mannhardt, Germ. Myth. стр. 423 прим.; сл. выше прим. [1]).

[3]) Mannhardt l. c. стр. 381.

[4]) l. c. стр. 382.

[5]) l. c. стр. 375 — 6.

[6]) l. c. стр. 524 слѣд.; 656 слѣд.; 703 — 708; сл. стр. 388 № c.

[7]) l. c. стр. 537, 706 — 7.

кѣ принадлежитъ первичному преданію, а не привилось изъ другой пѣсни. Связующимъ мотивомъ являлось представленіе ключей, отмыкающихъ небо, землю для новаго роста, женскую утробу для новаго плода, какъ въ русскихъ наговорахъ при родахъ, гдѣ съ восточной стороны съ небесъ стоитъ серебряная лѣстница, а по ней ползетъ мать пресвятая Богородица съ золотыми ключами — отпирать мясной ларецъ и т. п.[1]). — Другая группа пѣсенокъ, которую Маннгардтъ также привлекъ къ сравненію, съ предыдущими, едва-ли сюда относится, хотя между тѣми и другими могли происходить внѣшнія смѣшенія: три сестры сидятъ въ саду, либо на деревѣ; одна изъ нихъ бросила камнемъ въ другую, попала ей въ ногу, та заплакала; два варіанта этого заклинанія (№№ 6 и 13), кончающіеся излѣченіемъ ноги, указываютъ на первоначальное значеніе цѣлаго и на отсутствіе видимой связи этой группы съ помянутой выше. — Одна, къ сожалѣнію, искаженная пѣсенка, записанная въ Бременѣ, начинается мотивомъ предъидущей группы: изъ дома выглядываютъ три дѣвицы (три Маріи?), мѣсяцъ свѣтитъ, кабанъ бросился на Маргариту (Metje), повредилъ ей ногу; Марія спускается по лѣстницѣ, на ней пестрое платье, увѣшанное колокольчиками; колокольчики зазвенѣли, Марія запѣла и т. д. Сл. русскій заговоръ руду унимать: Въ чистомъ полѣ на восточной сторонѣ стоитъ серебряная лѣстница, по серебряной лѣстницѣ идетъ Мать Пресвятая Богородица.... своими ризами рану затыкаетъ и т. д.[2]) — и содержаніе одной французской «formulette que chantent les enfants en jouant à la balançoire»: A la pinte à l'huile! — D'où viens-tu, Marguerite? — Je viens du bois. — Quoi faire? — Faire un petit fagot. — Qu'a tu rencontré dans ton chemin? — Un petit marmouset. — Que t'a-t-il fait? — Il m'a mordu à la jambe. — Où est-il le sang? —

[1]) Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, часть 2: Народная Словесность стр. 197—8; сл. № г.; Майковъ, Великорусскія заклинанія № 49.

[2]) Ефименко l. c. стр. 212 № 67.

Au milieu des champs.—Les os?—Au milieu des bois[1]). Едва-ли не безопаснѣе, въ виду возможности новыхъ откровеній народнаго обряда, отдѣлить другъ отъ друга двѣ группы заговорныхъ формулъ, изъ которыхъ послѣдняя представляется мнѣ заклинаніемъ отъ увѣчья или ушиба (съ именемъ Маргариты не случайнымъ?), другая, съ именемъ Маріи, указываетъ на образы замыканія и отмыканія влаги, съ которыми мы встрѣтимся вновь въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Чешскія пѣсни на «смертной недѣлѣ» (пятое воскресенье великаго поста) поминаютъ св. Маркиту = Маргариту:

A ty svatá Markyto
Dej nam pozor na žito[2])

—

Svatey Petr voře
na zelený hoře,
Markyta mu pohoní,
utekla mu od koní;
on ji dostal u vrátek,
roztrhal jí kabátek.
Proč ty mně ho trhaš?
ty jsi mně ho nešil:
šila mně ho Barborka,
co vykouká z vokýnka[3]).

Св. Петръ представляется въ другой весенней пѣснѣ того-же цикла гремящимъ: Svatý Petr hřimá[4]). Не явился-ли онъ замѣной Ильи-громовника (сл. сербск. Илья и огненная Марія), или

---

[1]) Mélusine, p. 319.

[2]) Erben, Prostonárodní české písně p. 59 № 9 и варіанты, съ которыми сл. пѣсенку на 13 іюля, l. c. p. 85. Сл. Sušil, Moravské národní písně p. 769: Smrtolenko (сл. варіанты) и 772 (Smrtná neděla dnes nám nastala).

[3]) Erben l. c. стр. 59 № 11.

[4]) Erben l. c. стр. 59, № 10: ze staršího rukopisu; въ новѣйшемъ перепѣвѣ: Svatej Petře z Říma!

вѣроятнѣе мнѣніе Гануша[1]), что образъ гремящаго Петра могъ возникнуть изъ символа ключей, которыми, по повѣрью, онъ замыкаетъ или отмыкаетъ небо[2])? Въ сербско-болгарскихъ пѣсняхъ ключи отъ неба являются у Петра либо у Ильи; или Илья пускаетъ молнію и громъ, а св. Петръ кишу[3]). — Такъ или иначе, но образы ключа, замка, отпиранія повторяются въ тѣхъ-же чешскихъ и моравскихъ весеннихъ пѣсняхъ, только при имени не Маркиты-Маргариты, а Маріи и Moťena'ы, Maťena'ы:

O Maria! o Maria!
kde's tak dlouho byla?
U studýnky, u rubínky
ruce jsem si myla,
zámečkem, zámečkem
jsem se zamykala,
lístečkem, lístečkem
jsem se odmykala[4]).

---

1) Hanuš, Baj. Kal. slov. стр. 193; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. II, 401 — 404.

2) Сл. нѣсколько дѣтскихъ пѣсенекъ у Mannhardta, Germ. Myth. p. 389 № γ и p. 390, прим. 3.

3) Интересенъ образъ Петра-громовника въ одной южно-итальянской пѣснѣ (Basilicata), представляющей замѣчательное, нигдѣ болѣе не встрѣтившееся мнѣ сходство съ сербскими пѣснями вообще и пѣснями о недѣлѣ въ особенности (сличи. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: Берта, Анастасія и Пятница, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. Февр. р. 191): въ лѣсу стоитъ часовня, въ ней служитъ обѣдню самъ І. Христосъ, св. Петръ прислуживаетъ, слушаетъ св. Доменика (Rumenica). Спрашиваетъ её Петръ: что съ тобой моя Доменика, что ты всё плачешь? — Какъ мнѣ быть? Праздники стали теперь понедѣльниками, мѣсятъ хлѣбъ и бѣлье золятъ, брызги летятъ мнѣ въ лицо.—Успокойся моя Доменика, пусть ихъ дѣлаютъ, сдѣлаемъ и мы: пойдемъ на синее небо, пустимъ громъ и бурю («пушти, Петре, кишу изъ облака»), будетъ неурожай и голодъ у тѣхъ, что работаютъ по праздникамъ. — Не дѣлай того, не надо, чтобы праведные плакались за грѣшниковъ (Casetti e Imbriani, Canti delle provincie meridionali II p. 186 — 7).

4) Erben l. c. стр. 57 № 2 и варіантъ.

Вмѣсто Маріи чешскій варіантъ приведенной пѣсни, поющейся на «смертной недѣлѣ», называетъ: Smrtonoško-Velkonočko, моравскіе: Smrtná neděla, Smrtničko, Lidičko[1]). — Другая чешская пѣсня обращается къ Mořena'ѣ:

Mořena! Mořena!
kam jsi klíče děla?
Děla jsem je, děla
svatýmu Jiří,
aby nám otevřel
do ráje dveří;
děla jsem je, děla
svatýmu Jánu,
aby nám otevřel
do nebe bránu.
Svatey Jiří vstává,
zem odemykává,
aby tráva rostla,
travička zelená,
růžička červená,
fijala modrá [2]).

Въ одной волынской пѣснѣ на Юрьевъ день Урай = св. Юрій проситъ ключа у матери:

Та подай, матко, ключа,
Одмікнути небо,
Випустити росу,
Дівоцькую красу и т. д.,

какъ въ бѣлорусскомъ повѣрьѣ онъ является «божьимъ ключникомъ», отмыкающемъ землю золотыми ключами[3]).

Въ моравскихъ пѣсняхъ и здѣсь та-же замѣна Моржены — «смертной недѣлей», Smrtolenko, smrtolo, передающей ключи

---

[1]) Sušil l. c. стр. 768 — 9 (сл. стр. 769, сверху, и варіанты).

[2]) Erben l. c. стр. 57, № 1.

[3]) Чубинскій l. c. Народный дневникъ стр. 30 — 31. (Сл. Головацкій, Народн. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, стр. 177 — 9, Гаилки №№ 1 и 2). Сл. бѣлорусскія юрьевскія пѣсни съ тѣми-же образами отмыканія, ключа, у Кирпичникова l. c. p. 136 и прим. 5.

св. Юрію, либо «цвѣтной недѣлѣ» (Вербному воскресенью), отъ которой они переходятъ къ чистому понедѣльнику, великому четвергу и, далѣе, къ св. Юрію[1]). — Одна изъ этихъ пѣсенъ сохранила имя Mařena'ы, но далѣе развивается иначе:

Mařena, Mařena,
kde's kluče poděla?
Dala sem ich, dala
tej květnej neděli,
aby odmykala
ze země koření.
Mařena, Mařena,
pro kehos umřela?
Pro teho, pro teho
šohaja švarného[2]).

Такимъ-же вопросомъ:

Má milá Mařeno,
pro kohos' umřela?

начинается другая моравская пѣсня[3]), и Mařena отвѣчаетъ: pro toho synečka nekterého; на томъ полѣ ягнята, продолжаетъ далѣе пѣсня, черные, обгорѣлые, на той полянѣ овечки, бѣлыя, разбѣлыя. То не ягнята, а парни, то не овечки, а дѣвушки. — Иначе у Словаковъ:

Morena, Morena,
Za koho sy umriela?
Ne za nas, ne za nas,
Než za ty nevolně kriešťány[4]).

---

[1]) Sušil l. c., стр. 768 — 9 (Smrtná neděla — Kams klíče poděla?), 769 (Smrtolenko, smrtolo), 769 — 770 (Smrtná neděle) и варіанты; стр. 772 (Smrtná neděla), 773 (Smrtná neděla). — Сл. «понедiлокъ, господнiй или божiй ключникъ» въ малопутскихъ молитвахъ у Драгоманова, Малорусс. народ. предан. и разсказы, стр. 36 — 9.

[2]) Sušil l. c. p. 771 in fine: Marěna, Marěna; сл. ib. p. 769 in fine: Smrtná neděle, kdes kliče dala? — Dala sem je dala květné neděli.

[3]) Sušil, l. c. p. 771, въ началѣ.

[4]) Tablyc, Poesye. Wacow, 1806, I стр. IX (у Срезневскаго, Чешскія глоссы къ Mater Verborum, стр. 135).

Смерть Mařena'ы относится къ довольно распространенному славянскому обряду: сожженію, потопленію и разрыванію Моржены, Маржены и т. п. Въ Хрудимскомъ краѣ, въ Чехіи, въ такъ называемую Smrtnu nedéli, дѣвушки одѣваютъ соломенное чучело въ женскую одежду и, взявши подъ руки или поднявши на жерди, выносятъ изъ деревни, а потомъ гдѣ-нибудь у воды или оврага раздѣвъ бросаютъ въ воду. Чучело носитъ названіе Mořena, въ Моравіи Mařena; обычай разнообразится такъ, что чучело либо бросается въ воду, либо сжигается, разрывается на части, забрасывается камнями, или зарывается. У Словаковъ имя Маржены является въ формахъ: Morena, Muriena, Mamuriena; у древнихъ Поляковъ: Marzanna, по свидѣтельству Длугоша, сообщившаго намъ подробности и о соотвѣтствующемъ обрядѣ: изображенія (чучелы, simulachra) «Dzievannae et Marzannae» поднимались на жерди и повергались въ воду «in dominica quadragesimae laetare»[1]). — Въ Малороссіи Мареною называлось чучело изъ черноклёна, одѣтое въ женское платье, вокругъ котораго дѣвушки пѣли и плясали въ Семикъ (и на Купалу)[2]); тамъ-же при встрѣчѣ весны носятъ по улицамъ и полямъ чучело Мары (Марены), одѣтое въ женское платье, и поютъ весеннія пѣсни; потомъ ставятъ его на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ; пока оно горитъ, поселяне пляшутъ и закликаютъ обычными причитаніями весну[3]). Съ сжиганіемъ Мары можно сопоставить юрьевскій обычай Гуцуловъ и Подгорянъ — палить «Юрика»[4]) — Въ соотвѣтствующихъ нѣмецкихъ обрядахъ кукла, красующаяся на майскомъ деревѣ и потомъ бросаемая въ воду, называется Gretl, т. е. Маргаритой; иногда этихъ фигуръ является двѣ, мужская и женская, Hans и Gretl — и тѣ-же названія даются въ Австріи чучеламъ, прикрѣпленнымъ на жерди, которая

[1]) Срезневскій, l. c. стр. 133 — 136; сл. примѣчанія къ пѣснямъ Эрбена и Сушила.

[2]) Снегиревъ, Русскіе простонародные праздники I, 170 и III, 11.

[3]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. III, 696 (источникъ не указанъ).

[4]) Кирпичниковъ l. c. p. 139.

водружается среди костра и сжигается на Ивановъ день, при чемъ парни и дѣвушки скачутъ попарно черезъ огонь[1]). — Съ Hans и Gretl нѣмецкаго майскаго обряда я могъ-бы сопоставить упоминаніе св. Яна въ чешскихъ весеннихъ пѣсняхъ о Морженѣ; съ тѣми-же именами австрійскаго обычая на Иванову ночь—Ивана да Марью русскаго повѣрья, Купалу (т. е. Ивана Купалу) и Марену малорусскаго купальскаго обихода. Марья и Gretl—Маргарита связываются въ одно — посредствующей формой имени: Маргариты-Марины (-Мараны), къ которой восходитъ, быть можетъ, и Марена[2]), Mařena, Maržana, Mořena и т. п. — Вспомнимъ, кстати, что чествованіе св. Марины 18-го іюня отмѣчено уже у Рабана и Ноткера.

Рядомъ съ указанными нами отношеніями Марины-Маргариты къ небесной влагѣ, къ ея замыканію или отмыканію, развивается другая ея роль въ народныхъ повѣрьяхъ, предусмотрѣнная въ заключительной молитвѣ ея апокрифическаго житія. Если иногда она замѣнила Діану[3]), то съ другой стороны преобладаетъ представленіе о ней, какъ о покровительницѣ женской плодности и помощницѣ при родахъ. Таковою является и въ средневѣковомъ и въ современномъ народномъ вѣрованіи Богородица[4]); но рядомъ съ ней на западѣ св. Маргарита[5]), въ Греціи (напр. въ Аѳинахъ) Марина. Какъ въ Сициліи надъ родильницей причитаютъ:

---

[1]) Mannhardt, Wald- und Feldkulte I p. 429, 464.

[2]) У Снегирева l. c. IV стр. 47 и 50 (также у Сахарова) я нашелъ форму: Марина.

[3]) Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie I, 188: Wagenseil о нюренбергскомъ храмѣ Діаны, который «pro Diana sanctae Margarethae sacrum esse voluit posteritas». Сл. у Длугоша: Dziewanna et Marzanna.

[4]) Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: Сонъ Богородицы и сводныя редакціи эпистолій, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, Апрѣль, стр. 345 и прим.

[5]) Сл. Von der Hagen, Grundriss, p. 279; Haupt's Zs. I, 144, 187 слѣд.; Wolf, Beiträge I, 103; Vogt, Ueber die Margaretenlegenden, l. c. 263, 266 — 7, 276 и мн. др.

Santa Margarita, libbra e sbrogghia
Chist' animuzza ccu' n' autra dogghia и т. д.[1]),

такъ аѳинскія дѣвушки молятъ св. Марину о дарованіи жениховъ, женщины о легкихъ родахъ и о прекращеніи безплодія; неплодныя спускаются ползкомъ со скалы, находящейся возлѣ ея церкви въ Аѳинахъ; въ церковь приносятъ и больныхъ ребятъ, по окончаніи службы снимаютъ съ нихъ одежду, въ которой они присутствовали на литургіи, и одѣваютъ новую: это помогаетъ[2]). Въ одной кипрской колыбельной пѣсенкѣ св. Марину призываютъ уложить ребенка, а св. Софію его убаюкать и прогулять: пусть увидитъ, какъ цвѣтутъ деревья, услышитъ, какъ поютъ птички[3]). Другая пѣсенка обращается съ такой-же молитвой къ Ἁγία Μαρίνα καὶ Κυρὰ (м. б. κυρία = Марія?)[4]) — Русскіе заговоры при родахъ призываютъ главнымъ образомъ Богородицу, при чемъ знаменательнымъ является образъ ключей, отмыканія, — но въ причитаніи отъ безсонницы младенца несомнѣнно всплываетъ, хотя и въ искаженныхъ формахъ, имя Марины: «подъ восточной стороной ходитъ матушка утренняя заря Марія, вечерняя заря Маремьяна»; либо: заря Дарья, заря Марья, заря Катерина, заря Маремьяна (т. е. вѣроятно: Марина); либо: Ариды, Мариды и Макариды. Слѣдуетъ полагать, что эпитетъ «заря» ни что иное, какъ народное пріуроченіе какого-нибудь другого, можетъ быть, ненароднаго и полупонятаго (κυρὰ?); перенесеніе именъ Маріи, Маремьяны въ другія заговорныя формулы понятно и принадлежитъ къ обычнымъ явленіямъ этой литературы: Сл. «зарю вечернюю Дарью, утреннюю Марею, полуночную Макариду» въ заговорѣ отъ (неопредѣленной ближе) не-

---

[1]) Pitrè, Usi natalizii, nuziali e funebri del popolo siciliano (1879) p. 22.

[2]) A. Mommsen, Athenae christianae, p. 52 и прим. О св. Маринѣ, какъ изгоняющей демоновъ въ повѣрьяхъ Закинѳа см. Schmidt, Volksleben p. 38 и 80; сл. ib. p. 62.

[3]) Passow, Popularia carmina, № 282.

[4]) Σακελλάριος, Τὰ Κυπριακὰ III p. 121—122.

мочи; «утреннюю зарю Марію, вечернюю Маремьяну» съ камнемъ златыремъ и Егоріемъ храбрымъ въ заклятіи отъ ногтя; «утреннюю зарю Марею, вечернюю Маремьяну» въ заговорѣ отъ жабы; «четыре зорницы, четыре сестрицы: первая Марія, вторая Марфа, третія Марина, четвертая Макрида» въ наговорѣ, чтобъ «присушить дѣвокъ»[1]).

Иное смѣшеніе обнаруживаютъ нѣкоторыя русскія заклинанія, въ которыхъ имена святыхъ покровительницъ противъ змѣй перенесены на нихъ самихъ и являются: змѣя Марѣя (: а другая Наталея); Марья, Марина и Катерина; Ирина и Катерина[2]). — Имена Маріи-Марины понятны въ этой связи; Ирина, Heгina или Катерина — имя святой, дочери Ликинія, называвшейся въ миру Пенелопой; въ ея апокрифическомъ житіи не разъ говорится о попраніи ею змѣя, иносказательно и реально: «ты бо возможе попрати змію, юже пріѧ евга въ свѣтъ»; её спускаютъ въ зміиный ровъ: «всѧже зміѧ стѣнахъ прилепше оумроша»; «змиѧ во рвѣ оумртви, водоу оустави».[3]) — Святая этого имени, издревле чтившаяся въ Константинополѣ, была, какъ полагаютъ, мученица Ѳракійская, хотя ни географическія, ни личныя имена ея житія не укладываются, безъ натяжки, въ это опредѣленіе. Несомнѣнна, во всякомъ случаѣ, ея популярность на юговосточныхъ окраинахъ Европы: на это указываетъ и генеалогія сербскихъ лѣтописей, дѣлающихъ жупана Неманю потомкомъ Ликинія, отца св. Ирины, — и новая локализація святой въ Lecce,

---

[1]) Майковъ, Великорусскія заклинанія №№ 56, 57, 102, 194, 236; сл. Рыбн. Пѣсни IV, p. 262: отъ зубной боли и щипоты и отъ грыжи; Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи. Часть II. Народная словесность (Москва 1878) стр. 141, № 7; стр. 141 — 2, № 10; стр. 199, № 7.

[2]) Другія имена змѣй: царица Елица, сударыня Хевра и др. Сл. Майковъ l. c. №№ 174 — 176, 179, 182; Драгомановъ, Малор. нар. преданія и повѣрья стр. 23 — 30: отъ гадюки; Чубинскій, Матеріалы и т. д. I, I, стр. 121 слѣд.

[3]) Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II стр. 146 — 163.

въ Terra d'Otranto[1]). Послѣднюю слѣдуетъ, быть можетъ, поставить въ связи съ греческими колоніями VI — X вв., съ вліяніемъ греческихъ монастырей и калугеровъ, обновившихъ здѣсь и память о св. Георгіи и его чудесахъ: чудо святого о пропавшемъ быкѣ, другое — объ исцѣленіи быка, чѣмъ объясняли древній обычай: на 23-е апрѣля пригонять скотъ къ монастырю въ Corigliano для благословенія его монахами; обычай, давшій поводъ къ установленію ярмарки, перенесенной впослѣдствіи въ самый Corigliano, съ уничтоженіемъ греческихъ обителей[2]).

«Змѣя Марина» русскаго заговора является продуктомъ перенесенія: Марина, побѣждающая змѣя (легенда) понята была, какъ властвующая надъ нимъ; оттого её призываютъ противъ змѣй: оттуда «змѣя Марина» заговора. Далѣе она могла явиться въ новомъ примѣненіи, какъ вѣдающаяся съ змѣемъ, если не предположить въ данномъ случаѣ простое перенесеніе уже осмысленнаго имени на готовый типъ: я разумѣю Марину въ былинахъ о Добрынѣ.

Предложенное здѣсь толкованіе нѣкоторыхъ миѳическихъ подробностей народно-славянскаго обряда значительно расходится съ обычной ихъ экзегезой. Не затрогивая ихъ возможныхъ основъ, заложенныхъ въ языческомъ міросозерцаніи, оно выяснитъ, мнѣ кажется, общую идею, руководившую мною въ моихъ послѣднихъ работахъ: что исторія народнаго суевѣрія въ Европѣ не мыслима безъ углубленія въ христіанскіе источники, отчасти опредѣлившіе его матеріалъ[3]). Трудность вопроса заключается

---

[1]) Подобное перенесеніе замѣчено было Болландистами относительно житія св. Христины, вѣроятно, восточной святой, пріуроченной къ Италіи (сл. AASS. подъ 24 Іюля). Обратимъ кстати вниманіе на сходство житій свв. Ирины и Христины, въ ихъ первой части.

[2]) Morosi, Studi sui dialetti greci della Terra d'Otranto p. 208—9 прим. 3 на стр. 208.

[3]) Христіанскіе элементы въ Völuspâ давно были указаны; сближеніе Völva'ы съ Сивиллой, намѣченное Vigfusson'омъ, уже давно навело меня на мысль — поискать источниковъ сѣверной пѣсни въ Сивилли-

въ томъ, что эти источники должны быть еще предварительно раскрыты въ самомъ матеріалѣ народнаго обычая и повѣрья, что они восходятъ къ двоевѣрной христіанской порѣ, сохранившейся лишь въ народной памяти и не попавшей въ записи житій и чудесъ, при чемъ элементъ язычества въ этомъ двоевѣріи могъ быть и не туземнымъ-европейскимъ. — Можно сказать вообще, что мотивы народнаго обряда, на сколько онъ обусловленъ христіанскимъ содержаніемъ, всегда древнѣе мотивовъ соотвѣтствующихъ духовныхъ пѣсенъ, въ которыхъ легче услѣдить связи съ опредѣленными текстами легенды, апокрифа, съ древнимъ пѣсеннымъ преданіемъ, — хотя и его нерѣдко приходится возстановлять изъ намековъ и отголосковъ, отзывающихся съ разныхъ концовъ европейскаго литературнаго міра. — Опытъ такого возстановленія мы думаемъ предложить въ слѣдующей главѣ.

V.

Легенда о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ нашла богатое отраженіе въ литературѣ, искусствѣ, въ народной поэзіи запада[1]). Главнымъ источникомъ западной пѣсни и драмы послужила редакція житія и чуда, принадлежащая Якову de Voragine; на это указываетъ принятая имъ локализація чуда: въ Силене, въ Ливіи. Но помимо этихъ воспроизведеній существуютъ и другія, съ инымъ пріуроченіемъ и особенностями, происхожденіе которыхъ пока не разслѣдовано. Иныя изъ этихъ отличій, не подтверждающіяся сохранившимися текстами чуда, можно объяснитъ произволомъ автора, забвеніемъ или искаженіемъ древняго преданія; другія должны быть объяснены иначе. Къ такимъ особымъ пересказамъ чуда св. Георгія слѣдуетъ отнести и тотъ нѣмецкій, о которомъ была рѣчь выше: Георгій приходитъ къ «праведному

ныхъ пророчествахъ. Недавно это сближеніе было сдѣлано Bang'омъ въ его: Völuspaa og de Sibyllinske orakler. Christiania, 1879.

[1]) Нѣкоторыя относящіяся сюда указанія собраны г. Кирпичниковъ на стр. 54 — 57.

царю», въ Силене, въ Индію, которую мы встрѣтимъ и въ слѣдующемъ эпизодѣ пролога къ Huon de Bordeaux, указанномъ мною при другомъ случаѣ. — Вотъ его содержаніе[1]):

S. Iorge и Auberon — близнецы, дѣти Юлія Цесаря и Морганы (Morgue, Morguain); оба они посвящены въ рыцари въ одинъ и тотъ-же день; впослѣдствіи Георгію достается изъ отцовскаго наслѣдія — Индія и Романія, Оберону — Honguerie, Osterrice и Monmur. — Когда Иродъ воздвигъ гоненіе на младенцевъ,

v. 1822. En cel tans ier(t) Gorges en Inde ales;
Anchois qu'il fust a Romme retournes
En Perse ala, u mult fu honores
Du roi persant qui sousdans ert clames
De Babilone et en ert couronnes.

Li rois persans Gorge moult honora.
Une fille ot que Iorges enama
Pour la biaute que en li esgarda.
Con plus le vit amours plus l'embrasa;
Par biau parler la pucelle acointa;
Tant fist et dist qu'ele li otria
L'amour de li.

О соперникѣ (какъ далѣе въ англійскомъ романѣ и французской легендѣ) нѣтъ рѣчи. — Вскорѣ дѣвушка почувствовала, что она станетъ матерью, и со слезами разсказываетъ о томъ Георгію; онъ обѣщаетъ увезти её въ Римъ и тамъ жениться на ней. Ночью онъ увозитъ её тайкомъ изъ Вавилона.

v. 1852. Tout seul s'en uont, fortune les mena
En .I. haut tertre c'on mont Noiron nomma.

На вершинѣ горы находился источникъ; путники чувствуютъ жажду:

[1]) Graf, I complementi della chanson d'Huon de Bordeaux, testi francesi inediti, tratti da un codice della biblioteka nazionale di Torino. I. Auberon (Halle, 1878).

v. 1863. Gorges tout droit a la fontainne ala,
La descendi, s'amie desmonta,
Auoecques li illuec se repoza:
Folie fist, trop s'i asseüra.
Il s'endormi, la bele le garda;
Vit .I. serpent uenir, qui manoit la;
Grant paour ot, son ami esuilla,
Le grant serpent qui uenoit li moustra:
Gorges tantost en estant se leua,
Le serpent uit qui uers lui s'adrecha,
Qui fu et flame par sa goule ieta.

Георгій бьется съ змѣемъ, котораго поражаетъ, но самъ сильно раненъ; когда красавица стала перевязывать его раны, она упала въ обморокъ; затѣмъ, прійдя въ себя, начала сѣтовать, потому что настали муки родовъ. По ея просьбѣ Георгій удаляется въ сторону и начинаетъ молиться. Его молитва была услышана: въ то самое время пришли на Mont Noiron Богородица и св. Іосифъ съ божественнымъ младенцемъ, удалявшіеся отъ гоненія Ирода. Богородица слышитъ вопли женщины:

v. 1924. A li ala, telement li aida
Qu'ele tantost d'un bel fil deliura.
La uierge prist l'enfant, bien l'atourna.
Quant ot ce fait sa mere le liura;
Puis prist Ihesu, en l'iauve le bouta,
Quant baigniet l'ot, Gorge lues apella
Et si li dist tant qu'il se despoulla
Et dedens l'iaue par son commant entra.
Lors fu plus sains que poissons qui noa,
Dont se uesti et puis s'agenoulla
Deuant Ihesu et de cuer l'aoura,
Car il sot bien de uoir qu'il le sana
Et que s'amie de son mal alega.
Puis le serui de cuer, si gaaigna,
Car Ihesucris s'ame saintefia
Et le sien cors de tous perix ieta.

Оправившись отъ ранъ Георгій ѣдетъ искать пищи, встрѣчаетъ разбойниковъ, которые не только отказываютъ ему въ ней,

но и хотятъ отнять у него коня. Георгій побиваетъ ихъ, только трое убѣжали на mont Noiron, гдѣ находятъ спящими жену Георгія съ сыномъ и святое семейство. Одинъ изъ нихъ обрѣзалъ у св. Іосифа бороду, другой унесъ его посохъ, третій похитилъ сына Георгія. Георгій возвращался назадъ, навьючивъ припасами четырехъ лошадей, когда встрѣтилъ хищниковъ, у которыхъ отнимаетъ сына и добычу; борода Іосифа, приставленная къ его лицу, чудесно прирастаетъ. — А Георгій отправляется далѣе съ женою и сыномъ; въ Римѣ совершена свадьба:

v. 2079. D'Inde maiour fu la dame douee,
Gorges fu rois et elle couronnee.

По смерти Юлія Цесаря онъ становится римскимъ императоромъ:

v. 2105. Corones fu Iorges li adures;
Moult fu preudons, aumosnes fist asses,
Par quoy il est en paradis saunes.

Сообщенный нами эпизодъ можетъ служить образцомъ свѣтской обстановки, въ какой являтся намъ не разъ сюжеты духовной легенды; поэма пошла въ этомъ отношеніи далѣе Рейнбота. Забыта благочестивая мысль чуда со змѣемъ и замѣнена мотивомъ увоза, что дало совершенно иное мѣсто борьбѣ съ чудовищемъ. Такъ въ греческихъ пѣсняхъ (отвѣчающихъ сходному эпизоду древней поэмы) о Дигенисѣ Акритѣ — онъ увозитъ свою жену, отдыхаетъ съ нею у источника и также вынужденъ биться съ дракономъ. Измѣнились-ли основныя очертанія легенды подъ вліяніемъ какого-нибудь подобнаго романическаго разсказа, какъ распространились заимствованіями изъ матеріала апокрифовъ? Оттуда взято врачебное дѣйствіе воды, въ которую погружено было тѣло младенца Іисуса[1]); встрѣча св. семейства, во время

[1]) Сл. исцѣленіе Георгія послѣ битвы съ змѣемъ въ мусульманской легендѣ о «Chederles, délivrant une jeune fille exposée à la fureur d'un dragon, et se sauvant après avoir bu les eaux d'un fleuve qui l'ont rendu immortel». (Сл. Maury, Essai sur les légendes pieuses, p. 145, прим. 4)

бѣгства въ Египетъ, съ разбойниками; изъ матеріала древняго, знакомаго намъ повѣрья — представленіе Богородицы помощницей при родахъ.

Содержаніе сообщеннаго нами отрывка изъ туринскаго Huon de Bordeaux повторено въ одной старо-французской поэмѣ о Богородицѣ и Спасителѣ, указанной Graf'омъ[1]), съ той новой подробностью, что дѣвушка, ставшая потомъ женою Георгія,

De Babylone ert couronnee,
L'amustans l'auoit demandee,
Mais onques n'en eut ses delis:
Or l'en amaine ses amis.
Che fu St. Iorges li dansiaus.

На сцену выводится соперникъ Георгія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняются, какъ древнія — нѣкоторыя черты старо-англійскаго романа, принадлежащаго перу Ричарда Джонсона, жившаго при Елисаветѣ и Іаковѣ I-мъ. Я разумѣю: The renowned history of the seven champions of Christendom[2]). Идея — тѣснѣе связать между собою замысломъ общаго подвига нѣкоторыхъ изъ любимыхъ святыхъ ратующаго христіанства — не новая; вспомнимъ соединеніе именъ: свв. Георгія, Ѳеодора и Димитрія; у Джонсона св. Георгій англійскій также является во главѣ христіанскихъ ратоборцевъ, но ихъ имена другія: это — св. Діонисій французскій, св. Іаковъ Испанскій, св. Антоній Итальянскій, св. Андрей Шотландскій, св. Патрикъ Ирландскій и св. Давидъ Уэльскій. Эпитеты заимствованы отъ странъ, особымъ покровителемъ которыхъ считается тотъ либо другой святой. Это опредѣляетъ точку зрѣнія автора и нѣкоторые пріемы его пересказа: Георгій не только называется постоянно «англійскимъ», но и родится

Разумѣется, быть можетъ источникъ безсмертія, охраняемый Хызромъ (объ отношенія его къ Едрелесу см. выше стр. 87).

[1]) l. c. Prefazione p. XVI.

[2]) Я пользовался для слѣдующихъ сообщеній экземпляромъ книги (London, T. Davison, Whitefriars, 1824), любезно доставленнымъ мнѣ др. Рейнгольдомъ Кёлеромъ.

въ Coventry; чудныя знаменія, съ которыми онъ является на свѣтъ, поняты какъ намёки на георгіевскую эмблему ордена Подвязки. — Извѣстно, что оксфордскій соборъ 1212 года возвелъ день св. Георгія въ праздникъ, обязательный для всей Англіи, гдѣ St. Georges или Snapdragon долгое время былъ любимымъ типомъ рождественскихъ и майскихъ празднествъ.

Собственно легендарной основы въ разсказахъ о Семи подвижникахъ Христіанства осталось весьма мало; вліяніе романовъ её преобразило: угодники очутились рыцарями, идея христіанскаго подвига постоянно забывается за эпизодами чисто-свѣтскаго содержанія и увлеченіями сердца. Въ особенности на обработкѣ легенды о Георгіи сказалось вліяніе такого популярнаго романа, какъ Sir Bewis (Beuves d'Hanstone, Buovo d'Antona) и друг. Но за этимъ литературнымъ наслоеніемъ не трудно угадать содержаніе болѣе древнихъ источниковъ, старую пѣснь о Георгіи, тождественную въ нѣкоторыхъ чертахъ съ тѣмъ, что разсказываютъ о немъ указанные выше старофранцузскіе тексты.

Изъ трехъ частей, на которыя распадаются The Seven Champions, лишь двѣ первыя могутъ быть приписаны самому Джонсону; но уже во второй Георгій является эпизодически, и главная роль принадлежитъ его сыновьямъ. Слѣдующія далѣе извлеченія сдѣланы изъ первой части; я начинаю съ разсказа о чудѣ съ змѣемъ (ch. III). Георгій отправляется на подвигъ; въ Египтѣ пустынникъ разсказываетъ ему объ опустошеніяхъ, которыя производитъ въ странѣ ядовитый драконъ: каждый день ему приносятъ въ жертву по дѣвственницѣ; теперь во всемъ Египтѣ осталась одна дѣвушка, дочь царя Птоломея (Ptolemy), по имени Сабра (Sabra): завтра её поведутъ на пожраніе чудовищу; кто побѣдитъ его, тому обѣщана рука царевны.

Руководимый отшельникомъ Георгій направляется по долинѣ, куда должны были привести царскую дочь, встрѣчаетъ печальное шествіе; красавица Сабра одѣта вся въ бѣлое. Георгій проситъ её возвратиться домой и обѣщаетъ постоять за неё. Слѣдуетъ подробное описаніе его битвы съ дракономъ, послѣ чего

онъ идетъ ко двору, гдѣ всё ликуетъ по случаю его побѣды. Георгій и Сабра влюбились другъ въ друга.

Между тѣмъ руки царевны долго и напрасно добивался король Марокко, Almidor. Уже ранѣе того, опечаленный рѣшеніемъ Птоломея — отдать руку дочери побѣдителю дракона, — онъ рѣшился отдѣлаться отъ Георгія, поставивъ засаду на его пути съ поля битвы. Когда эта мѣра не достигла цѣли, онъ подаетъ Георгію чашу греческаго вина, насыщеннаго ядомъ; но алмазъ, подаренный Георгію Саброй, потускнѣлъ, предупреждая объ опасности, и козни Альмидора снова оказались безуспѣшными (сл. эпизодъ съ Аѳанасіемъ въ житіи св. Георгія). Тогда онъ передаетъ Птоломею разговоръ влюбленныхъ, подслышанный имъ въ саду: будто Сабра поклялась Георгію оставить ради него и отца и вѣру отцевъ. Разгнѣванный царь посылаетъ ненавистнаго ему христіанскаго витязя съ письмомъ къ персидскому султану (= Дадьянъ?), въ которомъ проситъ его, во имя родства и дружбы, умертвить посланнаго. Георгій отправляется съ посланіемъ, содержаніе котораго не подозрѣваетъ; при въѣздѣ въ столицу султана встрѣчаетъ священную процессію, устроенную въ честь лжепророка Магомета, нападаетъ на неё, срываетъ значки и знамена и топчетъ ихъ ногами. Онъ посаженъ въ темницу, изъ которой освобождается лишь по прошествіи семи лѣтъ. — Изъ его приключеній на обратномъ пути упомянемъ лишь эпизодъ въ очарованномъ саду волшебника Ормандина (ch. X): Георгій вытаскиваетъ безъ усилій мечъ, засаженный въ скалѣ, и такимъ образомъ освобождаетъ отъ семилѣтняго усыпленія одного изъ своихъ христіанскихъ сподвижниковъ, св. Давида, прежде него покусившагося на этотъ подвигъ.

Между тѣмъ Сабра вынуждена была отцемъ выйти за нелюбаго ей Альмидора, но въ теченіи семи лѣтъ успѣла сохранить свою дѣвственность при помощи золотой цѣпи, семь дней вымоченной въ крови тигра, семь ночей — въ молокѣ дракона, и семь разъ оберченной вокругъ шеи (ch. III). — Георгій является въ одеждѣ паломника, которую вымѣнялъ на свои дорогіе доспѣхи,

открывается Сабрѣ и увозитъ её тайкомъ. — Всё это положеніе, какъ и многія изъ предъидущихъ и послѣдующихъ, разработаны чертами, перенесенными изъ Sir Bewis.

По дорогѣ Сабра почувствовала голодъ и попросила остановиться на отдыхъ въ дремучемъ лѣсу. Пока Георгій отправился охотиться за дичью, два голодныхъ льва напали на эвнуха, сопровождавшаго путниковъ, разорвали его и его коня и улеглись спокойно, положивъ головы на колѣна трепетавшей Сабры. Георгій, до тѣхъ поръ сомнѣвавшійся въ ея дѣвственности, усмотрѣлъ въ этомъ чудѣ опроверженіе своихъ сомнѣній. — Средневѣковые физіологи не говорятъ ничего о какихъ-бы то ни было отношеніяхъ льва — къ дѣвственности; обыкновенно въ роли ея показателя является баснословный инорогъ. Эпизодъ со львами перенесенъ, очевидно, изъ романа о Sir Bewis, но представляется вѣроятнымъ, что онъ явился замѣной болѣе древняго, указаннаго приведенными выше старофранцузскими легендами о Георгіи: боя съ дракономъ, который авторъ не захотѣлъ повторить, такъ какъ предпослалъ эпизодъ о чудѣ съ змѣемъ всему послѣдующему разсказу.

Изъ него я выбираю лишь нѣсколько подробностей, примыкающихъ къ сообщеннымъ выше. Дѣло идетъ объ отместкѣ Георгія: Альмидоръ казненъ (ch. XIV), Птоломей, отецъ Сабры, принужденъ смириться передъ побѣдителемъ (ch. XV); побѣжденъ и персидскій султанъ (ch. XIX). Въ Персіи, въ дикомъ лѣсу, Сабра почувствовала приближеніе родовъ; она проситъ Георгія отойти въ сторону: «forsake my presence for a time, and let me, like the noble queen of France, obtain the favour of some fairy to be my midwife, that my babe may be as happily born in this wilderness, as was her valiant sons, Valentine and Orson, the one of them was cherished by a king, and the other by a bear, yet both of them grew famous in their deeds». Исторія Валентина и Орсона кстати припомнилась автору, потому что по ея типу онъ разработалъ нѣкоторыя части ближайшаго разсказа: сыновья Георгія похищены, по рожденіи, львицей, тигрицей и

волчицей — но тотчасъ-же найдены отцомъ. (Сл. во франц. поэмѣ эпизодъ съ разбойниками). Въ остальномъ авторъ слѣдовалъ древней легендѣ о Георгіи, сходной съ упомянутымъ выше отрывкомъ изъ туринскаго Huon de Bordeaux: ему лично принадлежитъ лишь риторическое изложеніе и классическая перелицовка. Георгій, по просьбѣ жены, отошелъ въ сторону и молится; Сабра сѣтуетъ. «At last, her pitiful cries pierced down to the lowest vaults of direful Dis, where Proserpine sits crowned amongst her fairies, and so prevailed, that in all haste she ascended to work this lady's safe delivery, and to make her mother of three goodly boys; who no sooner arrived in Sabra's lodging, but she practised the duty of a midwife, eased the burden of her womb and safely brought her babes into the world (ch. XVII).

Изъ послѣдующихъ судебъ Георгія, разсказанныхъ во второй части книги Джонсона, упомянемъ другую его битву съ змѣемъ (ch. VIII) и его смерть отъ дракона (ch. XXIV).

Уже Percy, von der Hagen и за ними Graf указали, что англійская баллада, напечатанная въ собраніи перваго[1]), почерпнула свое содержаніе изъ романа Джонсона. Въ общемъ, это указаніе вѣроятно; баллада воспріяла изъ романа самые яркіе факты: бой съ змѣемъ, предательство Марокккскаго короля, заключеніе въ тюрьмѣ, месть Георгія и эпизодъ со львами — послѣ чего она направляла Георгія въ Англію, гдѣ

They many years of joy did see,
And led their lives at Coventry.

---

[1]) Reliques of ancient english poetry etc. by Thomas Percy (London 1845), series the third, book III, № II, p. 252 — 4. Можетъ быть, эта баллада дала содержаніе и англійской святочной игрѣ, еще недавно отбывавшейся въ Корнуэльсѣ. Дѣйствующія лица: Св. Георгій, родомъ изъ Британіи, Египетскій король, дочь котораго, прекрасную Сабру, св. Георгій спасъ отъ дракона; Драконъ, Турецкій рыцарь, исполинъ Турпинъ, докторъ и Father Christmas. Сл. Sandys, Christmas Carols, p. 174 и Édélestand Du Méril, Histoire de la Comédie, Période primitive p. 428—431.

Но для первой своей половины (бой съ змѣемъ) баллада воспользовалась еще какимъ-нибудь другимъ изъ обычныхъ легендарныхъ пересказовъ чуда съ змѣемъ. Георгій приходитъ въ Египетъ, гдѣ дракона умилостивляли, принося ему въ жертву дѣвушекъ. Очередь доходитъ до дочери Птоломея, Сабры; отецъ готовъ пожертвовать собою за нее, но дочь не соглашается: кто знаетъ, говоритъ она, быть можетъ, эта напасть ниспослана изъ-за меня! Опечаленная мать одѣваетъ её, какъ подобаетъ дѣвственницѣ: въ бѣлыя одежды и съ цвѣтами на головѣ; выведенная на пожраніе змѣю, она плачетъ; въ это время проѣзжаетъ св. Георгій. Битва происходитъ въ присутствіи дѣвушки, которая, увидѣвъ чудовище, проситъ Георгія удалиться и т. д.

Другая пѣснь о Георгіи, непосредственно предшествующая въ сборникѣ Перси, указанной нами[1]), цѣликомъ воспроизводитъ первую главу первой части книги Джонсона, разумѣется, выбирая изъ нея лишь существенное содержаніе. Содержаніе это — чудесное рожденіе Георгія. Вопросъ о возможныхъ источникахъ этого разсказа побуждаетъ меня сообщить его въ общихъ чертахъ.

Мать Георгія была бездѣтной въ теченіи 21-го года, когда ей приснился сонъ, что она зачала дракона, который будетъ причиной ея смерти. То-же сновидѣніе повторилось въ теченіи 30-ти ночей; будущая мать Георгія сообщаетъ о томъ мужу, который идетъ искать разгадки вѣщаго сна къ Kalyb, the wise lady of the woods. Отвѣтъ подтвердилъ его худыя предзнаменованія: въ отсутствіе отца родился мальчикъ, но его пришлось вырѣзать изъ утробы матери, пожертвовавъ ея жизнью. Онъ родился съ чудными знаменіями: на груди образъ дракона, на правой рукѣ крестъ, цвѣта крови, на лѣвой ногѣ золотая повязка. Его назвали Георгіемъ и три кормилицы ходили за нимъ: одна кормила его грудью, другая убаюкивала, третья приготовляла пищу. Нѣсколько дней спустя по рожденіи, когда отецъ еще не успѣлъ вернуться домой, волшебница Kalyb похищаетъ ребенка, лелѣетъ и

[1]) l. c. № I, p. 249—52.

воспитываетъ его до 14-лѣтняго возраста (сл. Вивіану и Ланцелота), добиваясь его любви, когда онъ стремится къ подвигамъ славы. Ему удается перехитрить ее ея-же чарами, заключивъ въ скалу, и освободить при этомъ случаѣ другихъ подвижниковъ христіанства, которые вмѣстѣ съ нимъ являются героями слѣдующаго за тѣмъ романа. Первый подвигъ Георгія, послѣ освобожденія, — битва съ египетскимъ змѣемъ.

Нѣкоторыя выдающіеся и нигдѣ болѣе не встрѣтившіеся мнѣ мотивы англійской баллады о рожденіи Георгія соединены въ румынской сказкѣ о Георгіи витязѣ[1]): долгая бездѣтность родителей, вѣщій сонъ матери, рожденіе отъ дракона, изчезновеніе мальчика, ожерелье, по которому онъ узнанъ впослѣдствіи; бой съ чудовищемъ. Цѣльному развитію сказки помѣшало ея сліяніе съ сказочной схемой о «hürnen Sigfried»: сліяніе, внесшее цѣлый рядъ подробностей, живо напоминающихъ извѣстную нѣмецкую сагу. Въ концѣ легенда какъ-бы снова входитъ въ свое старое ложе: освобожденіе матери отъ разбойниковъ отвѣчаетъ, быть можетъ, прежнему освобожденію ея отъ чудовища; къ довершенію всего, атаманъ разбойниковъ обращенъ, въ наказаніе за свои злодѣйства, въ медвѣдя, и мать Георгія ведетъ его на цѣпи, какъ въ другихъ пѣсняхъ о чудѣ дѣвица, спасенная Георгіемъ, ведетъ дракона на своемъ поясѣ.

Императрицѣ, матери Георгія, видится во снѣ, что на неё

---

[1]) Она помѣщена въ Columna luĭ Traĭan за 1876 годъ, стр. 425—32: George cel Viteaz (сообщено P. Ispirescu). Этимъ указаніемъ я обязанъ проф. Хыждеў. По его мнѣнію, выраженному мнѣ писменно, Георгій является и въ румынской пѣснѣ о Herculean (въ сборникѣ Alecsandri, Poesiĭ populare ale Românilor, ed. II, Bucurescĭ, 1866, p. 14—16): она записана въ Банатѣ, въ окрестностяхъ Мехадіи и сосѣдствѣ съ древними термами Геркулеса: оттуда и названіе Herculean. Въ другихъ пѣсняхъ Георгій названъ увеличительнымъ отъ своего имени: Iorgovan. Сл. Marienescu, Poesia poporală. Balade. Viena. 1867, p. 9—22. Сообщеніемъ (сводной) баллады изъ сборника Marienescu я обязанъ г. Сырку; я разберу её далѣе.

набросился драконъ (balaurul)[1]). Дотолѣ бездѣтная, она зачала, и черезъ девять мѣсяцевъ родился ребенокъ; отецъ велитъ ему сдѣлать бусы изъ драгоцѣнныхъ камней, на которыхъ было написано имя новорожденнаго. Въ то время новорожденныхъ крестили въ колодезѣ у подошвы горы, гдѣ гнѣздились разбойники. Когда крестили Георгія, они напали на императорскую стражу, всѣхъ перебили, а императрицу взяли въ плѣнъ и посадили въ пещеру, на хлѣбъ и на воду. Ребенка она успѣла передъ тѣмъ бросить въ цвѣточный кустъ, гдѣ его питаетъ своими сосцами коза одного пустынника. У него-то выростаетъ мальчикъ Георгій. По смерти своего благодѣтеля онъ идетъ, куда глаза глядятъ, одѣтый въ лисьи шкуры; въ городѣ, куда онъ прибрёлъ, его ошеломляетъ непривычный шумъ толпы, которая ходитъ за нимъ, будто за медвѣдемъ. Сабли и палицы приглянулись ему у одного кузнеца; его приглашаютъ выбрать; онъ выбираетъ и хочетъ уйти: о платѣ и деньгахъ онъ не имѣетъ понятія, и за отказомъ кузнеца просится къ нему въ ученье: будетъ служить у него годъ изъ-за сабли и палицы. Ловкость онъ показывалъ непомѣрную и черезъ полгода работалъ какъ старый подмастерье, что возбудило зависть въ старшемъ. — Когда прошелъ годъ и еще другой, и Георгій потребовалъ себѣ, по условію, желѣза и углей, чтобы сдѣлать саблю и палицу по своему вкусу, старшій подмастерье отвѣчалъ, что желѣза хватитъ, а за углемъ пусть отправится въ черный лѣсъ (pădurea négră). Онъ посылалъ его на смерть: въ томъ лѣсу гнѣздилось чудовище, o scorpiă, убивавшее всѣхъ[2]). Георгій отправляется въ путь, захвативъ въ лавкѣ

---

[1]) Balaurŭ, србск. блор, блаор; сл. Балачка-воеводу въ сербск. пѣснѣ о женидьбѣ Душановой (Караџић II № 29), треглаваго: изъ одной бьетъ синее пламя, изъ другой холодный вѣтеръ.

[2]) Скорпія замѣнила традиціоннаго змѣя, какъ въ малорусской сказкѣ объ Иванѣ Богодавцѣ (Сборн. Чубинскаго, Отд. I, № 64) вмѣсто него является Ракъ Віръ или Віра. Сл. въ нашихъ былинахъ Идола Скоропита и Тугарина Змѣевича, и въ заговорахъ отъ укушенія змѣи названія змѣи: скорпѣя, скороспѣя, скоропѣя, шкуропѣя, широкоперая,

хозяина завѣтную саблю[1]) и нѣсколько мѣховъ изъ буйволовой кожи подъ угли. Въ лѣсу, запаливъ ворохъ нарубленныхъ деревьевъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что его тянетъ, всасываетъ назадъ сильнымъ теченіемъ воздуха. Обернулся: это была скорпія. Георгій удержался за саблю, воткнувъ её въ землю, и ждалъ, что будетъ. Скорпія налетѣла на него, разметала огонь, но Георгій выхватилъ саблю и разсѣкъ её пополамъ. Слышитъ: красивая птичка чирикаетъ ему съ вѣтки, называетъ по имени, благодаритъ за то, что избавилъ её и ея птенцовъ отъ чудовища, пожиравшаго ихъ, и велитъ Георгію искупаться въ его крови: то́гда ничто злое къ тебѣ не пристанетъ, никакой страхъ не будетъ тебѣ вѣдомъ, кромѣ страха Божьяго. Георгій купается въ крови, только одно мѣсто осталось не омоченнымъ, тамъ, гдѣ ему на спину упалъ древесный листъ. Птичка предупреждаетъ его о томъ: пусть бережется и не страшится. — Ясно, что это мотивъ Сигфридовой саги, оставшійся далѣе не развитымъ.

Положивъ въ одинъ мѣхъ голову скорпіи, другой наполнивъ угольемъ, Георгій возвращается въ кузницу и принимается за изготовленіе сабли и палицы. Сковалъ саблю, ударилъ ею о желѣзную полосу — сабля пополамъ; бросилъ палицу подъ небеса (în slava cerului) — упавъ на землю она смялась. Вспомнилъ тогда Георгій, что въ дремучѐмъ лѣсу, гдѣ онъ росъ, онъ видѣлъ полосу желѣза, выходившую изъ земли; отправился онъ туда, но полоса оказалась рудной жилой. Онъ выдернулъ ее (сл. такой-же эпизодъ у Джонсона: о мечѣ, заложенномъ въ скалу), изготовилъ изъ нея саблю и палицу, и ту и другую окрестилъ въ родникѣ, гдѣ крестили его самого: саблю назвалъ «Balmut ajutătorul meŭ» (Балмутъ помощникъ мой), палицу: «Omoritorul vrăj-

шересперь, скрипія. Сл. Л. Майковъ, Великорусскія заклинанія №№ 174 — 178, 185, 186, 189 и Зап. Им. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. т. II стр. 746.

[1]) «O Sabiă remasă dela Novacĭ, pe care o păstra în prăvălia ca pe móste». Сл. Hăsdeu, Baba-Novac, въ Columna luĭ Traian 1876, p. 145 — 165.

mașilor mei» (Умертвитель моихъ враговъ). Они стали его неразлучными товарищами. — Непонятное Balmut само собою набивается на сближеніе съ названіемъ извѣстнаго меча Сигфрида: Balmung.

На кузницѣ, между тѣмъ, всѣ перемерли, потому, вѣроятно, что неосторожно заглянули въ мѣхъ съ головою скорпіи: кто её видѣлъ, умиралъ. Горько стало Георгію, но дѣлать было нечего: онъ отправился въ путь — искать своихъ родителей. По дорогѣ онъ случайно спасаетъ отъ вепря одного охотника; признанъ, по бусамъ, за сына умершаго императора. Георгій воцаряется и, узнавъ о событіяхъ своего дѣтства и что его мать въ плѣну, посылаетъ письмо къ атаману разбойниковъ съ требованіемъ, чтобъ онъ отпустилъ её. Но тотъ издѣвается надъ письмомъ: если императору дорога жизнь, то пусть успокоится; коли нѣтъ, пусть выходитъ съ нимъ биться. Но чудное видѣніе настраиваетъ иначе разбойника: тѣнь велитъ ему освободить плѣнницу, отыскать въ такомъ-то углу медвѣжью кожу и цѣпь. Въ шкуру онъ облечется, и она такъ прильнетъ къ его тѣлу, какъ будто по немъ сдѣлана, онъ очутится медвѣдемъ и такъ и останется, пока не искупитъ свои преступленія; а на той цѣпи поведетъ его императрица. — Такъ всё и дѣлается: Георгій самъ отправлялся за матерью, когда встрѣтилъ её на пути, ведущую диковиннаго звѣря.

Въ заключеніи обращу вниманіе на вступительные строки сообщенной нами сказки, такъ сказать, на ея запѣвку. У императора и императрицы не было дѣтей, хотя они десять лѣтъ жили вмѣстѣ. Наконецъ императоръ и говоритъ женѣ, что если черезъ годъ она не принесетъ ему сына, онъ перестанетъ дѣлить съ нею хлѣбъ-соль. — Подробность, напоминающая начало славянской Александріи. — Смутилась императрица, обращается къ знахарямъ, ворожкамъ и бабкамъ, перепробовала всякія снадобья. Однажды ночью ей пригрезилось нѣчто страшное: казалось ей, что она гуляетъ по прекрасной зеленой полянѣ, всѣ стебельки точно спа̀рились, одна травка обнимается съ другой, будто цѣ-

луются, даже бабочки летаютъ парами. Откуда ни возмись — змѣй, гонится за голубкой; не зная куда укрыться отъ вражьяго звѣря, она устремилась къ императрицѣ и спряталась у ней за пазухой; но тогда змѣй бросился на послѣднюю, и она проснулась.

Мнѣ припомнилось по этому поводу запѣвка былины о Волхѣ (у Кирши Данилова):

По саду, саду по зеленому ходила, гуляла
Молода княжна Марѳа Всеславьевна,
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя....
А втапоры княгиня поносъ понесла.

Когда Волхъ родился:

Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

Что это: знаменія «для ради рожденья богатырскаго», какъ въ иныхъ редакціяхъ былины о Добрынѣ появленіе стада звѣринаго — змѣинаго съ лютымъ звѣремъ Скименомъ или Скиперомъ (Кир. II №№ 1 и 2) — или знаменія при рожденіи богатырей въ одной камаонской легендѣ у Минаева (№ 2): «Въ преисподней родился змѣй Вайсинги, на небѣ родился царь Индра, на землѣ родились черви, муравьи, звѣри, птицы — въ Калинакауликотѣ родились Виринаула, Айтинаула — пара братьевъ»? — Въ поэтической картинкѣ, которой открывается румынская сказка, знаменія имѣютъ особый смыслъ: вся природа полна вождѣлѣній, травка милуется съ травкой, бабочка съ бабочкой (рыба къ рыбамъ и т. д.?). Вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ для насъ реальное значеніе одинъ эпизодъ поэмы Рейнбота, который иначе мы склонны были бы отнести на счетъ его — реторики. Братья Георгія такъ поражены его доблестями, что рѣшили искать бранныхъ подвиговъ на чужбинѣ, предоставивъ ему Палестину; но ему мало и всей римской имперіи, Константинополя и Греціи. Такъ го-

воритъ Θеодоръ, и Димитрій подтверждаетъ его слова, v. 202 слѣд.:

Ich hans davor sunder spot,
Das yemant lebe, an got,
Der das pruefen kunde,
Wie suze were die stunde,
Da sin von irsten wart getacht
Und die liebe zusamen bracht
Da gesewet wart sin same.
Da was mit foller ame
Die wernt mit frouden obirsat;
Ich han es davor, das da wat
Der suze wint von westen,
Under kuenden und under gesten
Mit frouden were gebende
Allen Cristen, die da waren lebende:
Die schieden sich da von leide;
Und das ouch uff der heide
Sich frauweten die rosen,
Die stoltzen und die losen,
Beyde, ritter und die frauwen;
Und das man in den auwen
Die blůmen sehe lachen
Und sich tzu frouden machen.
Krang was da umgemuede.
Der walt da alles bluede,
Darin die fogel sungen
Und sich tzu frouden twungen;
Czitig war der tzockerror,
Von deme hymmel viel der tror
Und obirsuzet die werlt gar,
Das sie nach frouden wart gefar:
Gorge was da donne
Aller menschen konne,
Was der frouden soldier.
Dartzu fische, vogel und tier,
Das frauwete sich da obir all,
Sich frauweten in des hymmels sal
Die engel syner kunffte

Und mancher sigenunffte
Der der werde hilt wielt
Und hoen pris bis her behilt.

Никто, кромѣ Бога, не вѣдаетъ, какъ блаженно было мгновеніе, когда онъ былъ зачатъ въ любви: полной мѣрой пролилась радость въ свѣтъ; мнится мнѣ, что мягкій вѣтеръ повѣялъ тогда съ запада, расточая веселье и правду между своими и чужими, всѣхъ христіанъ, какіе тогда жили, избавляя отъ печали. Радовались на лугу розы, горделивыя и игривыя, рыцари и дамы; въ долинахъ улыбались, казалось, цвѣты; миновалось горе, лѣсъ развился и птицы тщились выразить пѣснями свое веселье; сахарный тростникъ созрѣлъ, съ неба пала роса, проливая сладость на весь миръ, одѣвшійся въ веселыя краски: (родился) Георгій, утѣха, ближній всѣмъ людямъ. Рыбы, птицы, звѣри — всё ликовало, ликовали ангелы въ небесныхъ покояхъ о его рожденіи и будущихъ побѣдахъ. — Если всякая вещь носитъ печать своего происхожденія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Рейнботъ (v. 4752 слѣд.), то матерью Георгія была роза, отцемъ утреннее солнце, воспитался сынъ розы не у женской груди, а вскормленъ былъ кровью пахучей гвоздики и медовымъ сокомъ фіалки. Рейнботъ требуетъ, чтобы эти образы поняты были иносказательно: что не было еще никого, рожденнаго отъ человѣка, краше Георгія. Выраженіе: «прекрасное дитя розы» употреблено о Георгіи и далѣе (v. 5848). Нѣмецкіе лексикографы приводятъ rosenkint исключителвно изъ нашей поэмы, съ толкованіемъ: цвѣтущее, прекрасное дитя. Встрѣчается-ли оно въ другихъ памятникахъ? Напомнимъ эпизодъ румынской сказки: о Георгія, заброшенномъ въ кустѣ цвѣтовъ, чудесно рожденномъ, воспитаннымъ не матерью, а вздоенномъ молокомъ козы. — Не извѣстна-ли была Рейнботу именно такая легенда?

Выше мы замѣтили, что румынская сказка представляетъ черты, общія съ сказочной темой о Сигфридѣ, на сколько она намъ извѣстна изъ показаній сагъ о Вёльсунгахъ и Тидрекѣ Бернскомъ, изъ нѣмецкой пѣсни и сказокъ о Hürnen Sigfried. Въ

этомъ смыслѣ румынская легенда можетъ быть съ бóльшимъ правомъ причислена къ такъ называемымъ Sigfriedmärchen, чѣмъ многія иныя[1]). Черты сходства являются на той и другой сторонѣ чрезвычайно яркія. Въ Титрексагѣ ребенокъ Сигурдъ покинутъ въ лѣсу, вскормленъ ланью; въ одной нѣмецкой сказкѣ онъ похищенъ еще будучи ребенкомъ[2]); то-же, съ небольшими отмѣнами, въ румынской сказкѣ, гдѣ младенца Георгія питаетъ коза. Онъ не знаетъ своихъ родителей; въ пѣснѣ о hürnen Sigfried онъ допрашиваетъ цверга Euglin'а: скажи мнѣ, какъ звали моего отца и мать? — Слѣдуютъ далѣе, тамъ и здѣсь: наука у кузнеца, кованіе и проба чудеснаго оружія, бой съ чудовищемъ, вѣщія рѣчи птицъ, купанье въ крови, дѣлающее тѣло неуязвимымъ, за исключеніемъ одного мѣста, на которое случайно упалъ древесный листъ и т. д.[3]).

---

[1]) Сл. напр. Edzardi, Ein litauisches Sigfriedmärchen, въ Germania XX p. 317 — 20.

[2]) Raszmann, Ein neues Siegfriedmärchen, Germania VIII, 373—80.

[3]) Еслибъ мы пожелали привлечь къ сравненію и то, что въ сагѣ о Вёльсунгахъ разсказывается о предкахъ Сигфрида, аналогій представилось-бы еще болѣе, и онѣ обняли-бы, вмѣстѣ съ румынской сказкой, и нѣкоторыя подробности англійскаго романа. Мать Вёльсунга, дѣда Сигфридова, забеременила отъ чудеснаго яблока (какъ въ русскихъ сказкахъ мать змѣеборца — Покатигорошка отъ горошины); ребенка, ею зачатаго, пришлось вырѣзать изъ ея чрева. Если, какъ полагаетъ Мюлленгофъ (Die alte Dichtung von den Nibelungen, въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum, XXIII, p. 119) древнее франкское преданіе о Нибелунгахъ разсказывало о внукѣ то-же, что о дѣдѣ, то романъ Джонсона предлагаетъ параллели: въ чудесномъ рожденіи Георгія, который также вырѣзанъ изъ чрева матери. Оставаясь въ той-же области широкаго сравненія мы могли-бы припомнить разсказъ Völsungasaga'и объ Одиновомъ мечѣ, всаженномъ по рукоять въ стропило; вытащить его удается лишь Сигмунду, отцу Сигфрида; сл. подобныя же подробности въ румынской и англійской версіяхъ Георгіевой легенды и въ цѣломъ рядѣ другихъ народныхъ и литературныхъ разсказовъ (Артуръ; Петръ Муромскій; герой одной мингрельской сказки въ сборникѣ проф. Цагарели и т. п.). — Я потому не настаиваю на этихъ сходствахъ, что многія изъ нихъ не трудно-бы объяснить общими мотивами народной эпики.

За вычетомъ всего, что могло превзойти со стороны по смѣшенію съ сходными сказочными сюжетами, сообщенные выше западные пересказы легенды о Георгіи представляютъ черты, которыя слѣдуетъ вмѣнить древнему поэтическому преданію о немъ, заглохшему въ современной духовной пѣснѣ, но, быть можетъ, не совсѣмъ забытому народной поэзіей. Чудесное рожденіе Георгія, похищеннаго или заброшеннаго вскорѣ послѣ рожденія, принадлежитъ къ этому преданію, потому что встрѣтилось намъ въ источникахъ, взаимная независимость которыхъ едва-ли можетъ возбудить сомнѣніе: въ румынской сказкѣ и романѣ XVI вѣка. — Долгая бездѣтность матери передъ рожденіемъ Георгія въ румынскомъ и англійскомъ преданіяхъ не объясняется-ли въ связи съ названіемъ родителей Георгія въ С: Геронтій и Полихронія, старикъ и старуха? — Братья или братъ Георгія относятся къ такимъ-же стариннымъ чертамъ: если Рейнботъ называетъ ихъ именами извѣстныхъ святыхъ, и братьевъ является двое (сл. трехъ всадниковъ на кавказскихъ крестахъ съ сюжетами изъ чуда св. Георгія), то въ Прологѣ къ Huon de Bordeaux у Георгія одинъ братъ, и одного лишь знаетъ авторъ второго Титуреля, когда говоритъ о Каппадокіи и Греціанѣ:

Die lant braht zu touff Jeori und siu bruder
(str. 4746, ed. Hahn).

Древнее поэтическое преданіе, восходящее къ XIII вѣку (прологъ къ Huon de Bordeaux; франц. легенда о Богородицѣ), сходилось съ церковнымъ чудомъ — въ боѣ съ змѣемъ: вмѣсто схемы «освобожденія» явился мотивъ увоза (французская и англійская легенды). На сколько онъ былъ распространенъ — сказать трудно; коротенькая болгарская пѣсенка, сообщенная Чолаковымъ [1]) указываетъ черты, далеко не гармонирующія съ обычными народными пересказами сюжета: «Свѣтъ Георгій» куетъ коня въ темнотѣ, безъ лучины; подковы золотыя, гвозди сере-

[1]) Бѫлгарскый нар. сборн. № 87.

бреные; передъ нимъ стоитъ Стана, а онъ говоритъ ей: Не стой Стана, супротивъ меня, какъ погляжу я на твои черные очи, на бѣлое лице и т. д. — закую коня,

Отъ дружина че останемъ,
Отъ мои-тѣ дълги други.

(сл. начало болгарской егорьевской пѣсни у Безсонова, Кал. вып. VI, № 545). Это, быть можетъ, отрывокъ какого-нибудь утраченнаго поэтическаго цѣлаго, какъ и галицкая колядка у Головацкаго (Нар. пѣсни галицкой и угорской Руси II стр. 56 — 7, № 6): подъ яворомъ на постели лежитъ «Святъ Юрій», къ нему прилетѣли «три зазулейки: то — его мать, сестра, и милая. Онъ говоритъ:

Мамойцѣ дайте коничка въ сѣдлѣ,
Коничка въ сѣдлѣ, копытца въ срѣблѣ!
Сестройцѣ дайте вѣнокъ трепѣтокъ,
Вѣнокъ трепѣтокъ, ней ся трепоче,
Ней ся трепоче, на кого хоче!
Милейкой дайте цѣлый свѣточекъ.

Но и сказочное преданіе о рожденіи и юности Георгія восходитъ къ XIII вѣку, если не ранѣе. Косвенное доказательство тому представляютъ, по моему мнѣнію, поэмы о Вольфдитрихѣ: я разумѣю упоминаніе св. Георгія въ редакціяхъ В и D, на которое я указалъ уже выше. Внѣшнее объясненіе такого сближенія, не устраняющее возможности другого, построеннаго на генетической связи обѣихъ сагъ, было-бы слѣдующее: сказанія о Вольфдитрихѣ напомнили пересказщикамъ такія-же легенды о Георгіи. Я выберу изъ первыхъ лишь то, что само-собою напрашивается на параллели, оставляя пока въ сторонѣ, что могло-бы быть добыто путемъ предположительныхъ построеній. Въ Вольфдитрихѣ А онъ — сынъ константинопольскаго императора-язычника; у него два старшихъ брата; мать родитъ его, когда отецъ былъ на войнѣ, въ долговременной отлучкѣ. Не задолго до родовъ она услышала ночью голосъ, повелѣвавшій ей окрестить ребенка; она тайкомъ несетъ его къ пустыннику, который и со-

вершаетъ надъ нимъ христіанскій обрядъ. «Видѣла она надъ водою сіяніе свѣчей, не видѣла тѣхъ, кто помогалъ при крестинахъ». — Мы знаемъ уже, что редакція В называетъ крестнаго отца Wolfdietrich'а — Георгіемъ, текстъ D — св. Георгіемъ. — Пустынникъ велитъ матери беречь крестильную сорочку мальчика: она будетъ охранять его отъ опасностей, когда онъ возмужаетъ, и всегда будетъ ему впору. — Текстъ D представляетъ Wolfdietrich'а владѣльцемъ такой-же неуязвимой сорочки св. Георгія, которую онъ, впрочемъ, отнимаетъ у одного язычника. — Ребенокъ проявляетъ съ малыхъ лѣтъ такую необычайную силу, что всѣ открещиваются: онъ не можетъ быть сыномъ простаго смертнаго, онъ — порожденіе демона. Отцу невѣрный Сабене подсказываетъ, будто однажды ночью его жена помянула злаго духа («und wolte der tiuvel immer bî mir sîn»): оттого и родился ребенокъ. Императоръ рѣшается погубить сына, но Берхтунгъ, которому это поручено, не рѣшается поднять на него руки и оставляетъ мальчика на краю родника (über den brunnen), посреди котораго выросъ кустъ розъ: ребенокъ потянется къ нимъ и потонетъ. Но тотъ сидитъ спокойно; волки, пришедшіе ночью къ источнику, не трогаютъ его, онъ съ ними играетъ; въ редакціи B Wolfdietrich унесенъ волкомъ въ логовище, гдѣ его находятъ невредимымъ; тоже въ отрывкахъ C, гдѣ похищеннаго мальчика волки питаютъ «mit wilder nâture».

Дальнѣйшія сравненія повели-бы къ вопросу, до сихъ поръ мало выясненному, объ отношеніяхъ поэмъ о Вольфдитрихѣ къ Ортниту и первыхъ къ циклу Дитриха Бернскаго. Для насъ важенъ пока одинъ возможный результатъ — по отношенію къ Георгіевой легендѣ: если внесеніе указаній на него обусловлено, какъ мы предположили на первый разъ, близостью двухъ сагъ, и указанія принадлежатъ не оригиналу поэмы, а редактору В (ок. 1225 г.[1]), то пришлось-бы допустить во всякомъ случаѣ для XIII вѣка существованіе такой легенды о Георгіи, какая до сихъ

[1]) Deutsches Heldenbuch III Einl. LXX.

поръ отзывается въ румынской сказкѣ и разсказѣ Джонсона о рожденіи святого.

Какъ видно, старыя книжныя сказанія, дошедшія до насъ черезъ вереницу пересказовъ и передѣлокъ, сохранили намъ больше откровеній, освѣщающихъ начала народнаго эпоса, чѣмъ мы обыкновенно склонны допустить. Въ общемъ не трудно повторить за г. Кирпичниковымъ [1]), что народную редакцію, развивающуюся по извѣстнымъ законамъ, необходимо отличить отъ произвольныхъ измышленій книжниковъ, старавшихся придать достовѣрность своей легендѣ фантастическими собственными именами и т. п. Но какъ опредѣлить границы личнаго произвола? и много-ли у насъ «извѣстныхъ законовъ» народно-поэтическаго развитія? Можно-ли сказать утвердительно, что народныя редакціи не обусловлены книжными и наоборотъ? Въ нашихъ отношеніяхъ къ тѣмъ и другимъ, въ пріёмахъ изысканія нѣтъ существенной разницы: тамъ и здѣсь приходится вскрывать пластъ за пластомъ, выдѣляя черты смѣшенія и поздняго вліянія, болѣе разчленяя сложившееся вѣками единство, чѣмъ добираясь до единства первичнаго. Къ такому выводу приводитъ насъ и разборъ русскихъ духовныхъ стиховъ о Егоріи, къ которымъ мы и обратимся.

VI.

Они распадаются на двѣ группы: 1) стихи о чудѣ съ змѣемъ и Елисаветой; 2) стихи о мученіяхъ святого. Остановимся на каждой изъ нихъ.

I. Духовные стихи о чудѣ съ змѣемъ. Мнѣ уже довелось однажды высказаться о важности такого изученія явленій народной поэзіи, обряда и пѣсни, которое приняло-бы за основу извѣстныя области, выдѣленныя не въ силу географическаго момента, а историческими и культурными отношеніями, связывав-

---

[1]) l. c. стр. 115, прим. 1.

шими обитавшія въ нихъ народности. Малорусскія пѣсни слѣдуетъ, напр., изучать не только въ связи съ галицкими, но и съ польскими, чешскими, словацкими и румынскими. Великорусскія пѣсни предполагаютъ такое-же изученіе въ связи, опредѣленіе и границы которой и являются въ данномъ случаѣ главнымъ вопросомъ метода. Когда не только малорусскія, но и великорусскія пѣсни поютъ о виноградѣ, виноградьѣ зеленомъ, мы невольно переносимся на югъ, если и не къ крымскимъ κλήματα Бруна. Эротическій образъ потоптаннаго винограда въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ («виноградъ щипала въ твою шапочку» и т. п.), очевидно, не свой; онъ понятнѣе у малоруссовъ:

Ой ходила Марисенька по саду,
Та посадила садъ-виноградъ до ряду,
. . . .
Прійде Ивасенько зъ боярами
Та-й витопче садъ-виноградъ кониками.

Это напоминаетъ южную природу и — анекдотъ Iacopo d'Acqui о Петрѣ delle Vigne, образно выразившаго свое подозрѣніе, что Фридрихъ II нарушилъ его супружеское счастье:

Una vigna ò piantà, per travers è intrà
Chi la vigna m'à guastà; an fait gran peccà
Di far ains che tant mal [1]).

Если въ варіантахъ пѣсни, разнообразно поющейся въ Болгаріи и у насъ, встрѣчается одна и та-же подробность пейзажа, не отвѣчающая условіямъ русской мѣстности, — какія заключенія сдѣлаемъ мы относительно первоначальной родины пѣсни? Я не указываю на примѣры, которые лучше будетъ разобрать по другому поводу; примѣры дастъ намъ г. Кирпичниковъ. Раз-

---

[1]) Сл. народныя пѣсни изъ Lecce: Chiantai le igne e nu pruai lu vinu, — Ca n'autru quantu inne e bindemau; изъ Истріи: E s'i' t'ò fato dagno in la tu veigna — Ciama lu cataver, manda la stelma. Сл. Imbriani, XII canti pomiglianesi p. 209—217, въ примѣчаніяхъ къ № VI.

бирая русскіе, болгарскіе и греческіе стихи о Георгіи[1]) онъ спрашиваетъ себя: какъ объяснить дословное сходство нѣкоторыхъ русскихъ редакцій съ болгарскими и, за невозможностью доказать литературную связь между ними, довольствуется предположеніемъ, что и въ Болгаріи и на Руси поэтическая логика пѣвцовъ дѣйствовала одинаково[2]). — Далѣе — та-же воздержность или гиперкритизмъ, никогда, впрочемъ, не лишній въ вопросахъ народной миѳологіи и поэзіи. Въ болгарскомъ народномъ стихѣ и въ одной греческой пѣснѣ Георгій засыпаетъ передъ битвой съ змѣемъ. Если этотъ эпизодъ принадлежитъ старинной греческой поэмѣ, говоритъ г. Кирпичниковъ[3]), трудно удержаться отъ искушенія усмотрѣть въ этой поэмѣ источникъ стараго болгарскаго стиха, который въ свою очередь послужилъ источникомъ сербскаго и русскаго. Но до такихъ «крайнихъ предѣловъ смѣлости» изслѣдователь не доходитъ, ограничиваясь заключеніемъ, что литературная связь болгарскаго стиха съ греческимъ не можетъ быть ни доказана, ни отвергнута, что и греческая пѣснь и русскій стихъ независимо другъ отъ друга заимствовали эпизодъ о снѣ изъ народной сказки; что, наконецъ, признать литературную связь болгарскаго стиха съ русскимъ мѣшаютъ — отличія ихъ книжныхъ источниковъ[4]).

Противъ этихъ заключеній можно замѣтить многое. Прежде всего трудно говорить о различіи источниковъ русскаго и болгарскаго стиховъ, — разумѣя подъ ними, вмѣстѣ съ г. Кирпич-

---

[1]) Къ греческимъ пѣснямъ, указаннымъ г. Кирпичниковымъ, слѣдуетъ еще присоединить напечатанную Саккеларіемъ, Τὰ Κυπριακὰ III, p. 62 — 65. Другая греческая пѣснь о Георгіи и гречанкѣ сообщается въ варіантахъ у Пассова № 587, Яннараки № 126 и Саккеларія I p. 94 № 29.

[2]) l. c. p. 184.

[3]) l. c. p. 188 — 9. Въ греческой пѣснѣ у Пассова № 440 (Дигенисъ) — Акритъ увозитъ свою, похищенную у него жену. На дорогѣ онъ засыпаетъ; погоня въ виду, и жена будитъ его своими слезами.

[4]) Стр. 189, 190.

никовымъ извѣстныя намъ книжныя редакціи чуда, — когда типическія черты, сближающія эти стихи между собою, не находятся ни въ одной изъ нихъ. Въ такихъ обстоятельствахъ естественнѣе предположить существованіе особой версіи чуда — книжной или полународной, я сказать не рѣшусь, — въ которой находились эти общія черты. Я разумѣю подъ ними сонъ Георгія и пробуждающія его слезы царевны. Г. Кирпичниковъ предполагаетъ, что эта подробность внесена въ стихъ изъ народной сказки, и независимо другъ отъ друга, болгарскими и русскими сказателями — по сходству темы [1]). Это сочувствіе душъ, простирающееся и на автора извѣстнаго намъ пролога къ Huon de Bordeaux, кажется a priori подозрительнымъ; не во всѣхъ-же народныхъ сказкахъ герой непремѣнно засыпаетъ передъ битвой съ змѣемъ! Такого рода тема могла подсказаться народнымъ пѣвцомъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ основномъ разсказѣ уже существовали элементы, возбуждавшіе къ подобному развитію. Припомнимъ, по этому поводу, хотя бы эпизодъ сна передъ битвой въ житіи св. Θеодора. Я недоумѣваю, почему, открывая въ русскихъ стихахъ о Георгіи вліяніе житія св. Θеодора и духовныхъ стиховъ о немъ [2]), изслѣдователь не припомнилъ, по поводу сказочнаго сна, такую-же или сходную подробность въ Эвхаитской легендѣ. Такъ какъ греческій текстъ ея еще не изданъ, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ нея по рукописи XI вѣка [3]):

Καὶ δὴ ἐπιζητουμένων πανταχοῦ τῶν ἐνδοξοτέρων, ἐμηνύθη αὐτῷ (императору) περί τινος ἀνδρὸς Θεοδώρου, πάνυ εὐμόρφου τῇ βλέψει καὶ σοφοῦ τῇ διαλέξει, ὅστις γέγονε συνήγορος βασιλικὸς σχολα-

---

[1]) Стр. 189.

[2]) Сл. напр. стр. 156, § 2, 158 § 7, 162 in fine, 177.

[3]) Ркп. парижск. національн. библ. № 1452 содержитъ, между прочимъ, житіе св. Θеодора Стратилата. Приведенный въ текстѣ эпизодъ (f. 44 verso — f. 45 recto) доставленъ мнѣ проф. Васильевскимъ. Чудо съ змѣемъ приписывается въ рукописяхъ то св. Θеодору Стратилату, то св. Θеодору Тирону.

στικός· βρυορήτωρ δὲ οὗτος προσηγορεύετο. νέος μὲν τὴν ἡλικίαν, παλαιὸς δὲ περὶ τὸ φρόνημα, ὅστις καὶ τὸν δράκοντα ἀνεῖλεν ἐν Εὐχαΐτοις. ἐκεῖ γὰρ ἦν τὸ δεινὸν θηρίον ὁ δράκων, καὶ οὐδεὶς ἴσχυεν ἀντιστῆναι αὐτῷ. ὅταν γὰρ ἐσαλεύετο τοῦ ἐξελθεῖν, ἔτρεμεν ἡ γῆ ἐπὶ τῇ κινήσει αὐτοῦ. ὅταν δὲ ἐξήρχετο καὶ εἴτε κτῆνος, εἴτε ἄνθρωπος ὑπήντα αὐτῷ, βρώσει ἐτελεοῦτο ὑπ᾽ αὐτοῦ. τοῦτο ἀκούσας ὁ γενναῖος τοῦ Χριστοῦ στρατιώτης Θεόδωρος, μὴ ποιήσας τινὰ θόρυβον ἐν τῷ στρατοπέδῳ αὐτοῦ, μόνος ἐπορεύθη τῇ σοφίᾳ αὐτοῦ, βαστάζων τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ τὰ ὅπλα τῆς συμμαχίας αὐτοῦ, λέγων ἐν ἑαυτῷ· πορεύσομαι καὶ ἐλευθερώσω τὸ πατρικόν μου κτῆμα ἐκ τοῦ δεινοῦ θηρίου, τοῦ δράκοντος. Παραγενόμενος δὲ ἐν τῷ τόπῳ καὶ ἰδὼν χλόην χόρτου, ἔθηκεν ἑαυτὸν καὶ ἀφύπνωσεν μὴ ἐπιστάμενος, ὅτι ἐκεῖ ἦν παραμένον τὸ θηρίον εἰς τὸ κατὰ βορρᾶν μέρος τῶν Εὐχαΐτων. γυνὴ δέ τις εὐσεβής, ᾗ ὄνομα Εὐσεβία, πιστεύουσα εἰς τὸν Χριστόν, ἰδοῦσα τὸν ἅγιον τοῦ Θεοῦ Θεόδωρον καθεύδοντα, μετὰ φόβου ἀπελθοῦσα καὶ κρατήσασα αὐτόν, ἤγειρεν λέγουσα· ἀνάστα, ἀδελφέ, καὶ πορεύου ἐκ τοῦ τόπου τούτου ἐν τάχει· οὐ γὰρ ἐπίστασαι τὸν ὑπάρχοντα φόβον ἐνταῦθα, ἀλλ᾽ ἀναστὰς πορεύθητι ἐν τάχει τὴν ὁδόν σου. ὁ δὲ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Θεόδωρος εἶπεν πρὸς αὐτήν· τίς γάρ ἐστιν ὁ φόβος, ὦ μῆτερ; ἀποκριθεῖσα δὲ ἡ δούλη τοῦ Θεοῦ εἶπεν· τέκνον, οὐδεὶς δύναται διοδεῦσαι τὸν τόπον τοῦτον. δράκων γὰρ κατοικεῖ ἐνταῦθα καὶ ἐξερχόμενος, εἴτε ἄνθρωπος, εἴτε κτῆνος εὑρεθῇ ἔμπροσθεν αὐτοῦ, ἀναλίσκεται ὑπ᾽ αὐτοῦ. — Ὁ δὲ ἅγιος Θεόδωρος λέγει τῇ γυναικί· πορεύου, μῆτερ, καὶ στῆθι ἀπὸ μακρόθεν καὶ εὔχου ὑπὲρ ἐμοῦ, καὶ ὄψει τὴν δόξαν τοῦ Θεοῦ. ἡ δὲ ὑποχωρήσασα μικρον, ἔρριψε ἑαυτὴν ἐπὶ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν, κλαίουσα καὶ λέγουσα· ὁ Θεὸς τῶν χριστιανῶν βοηθὸς αὐτῷ γενοῦ. τότε ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Θεόδωρος, ποιήσας τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα, τύψας τὸ στῆθος καὶ ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανόν, εἶπεν· Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ, ὁ ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς ἐκλάμψας, μὴ βραδύνῃς ποιῆσαι τὸ αἴτημά μου, ὃ αἰτοῦμαι παρὰ σοῦ. Ὁ ἐν τοῖς πολέμοις παριστάμενός μοι καὶ διδούς μοι νίκην κατὰ τῶν ὑπεναντίων, καὶ νῦν ὁ αὐτὸς εἶ, Χριστέ ὁ Θεός· ἀπόστειλόν μοι νίκην, ἵνα νικήσω τὸν πολέμιον διάβολον. τότε ὡς ἀνθρώπῳ διαλεγόμενος τῷ ἑαυτοῦ ἵππῳ λέγει·

οἶδα ὅτι ἐν παντὶ εὐδοκεῖ ὁ Θεὸς καὶ ἐν ἀνθρώποις καὶ ἐν κτήνεσιν· διὸ συναγωνίζου μοι τοῦ Χριστοῦ ἐνδυναμοῦντος, ἵνα νικήσωμεν τὸν ὑπεναντίον ἐχθρόν. ἀκούσας δὲ ὁ ἵππος τοῦ ἰδίου δεσπότου τοὺς λόγους, ἵστατο ὡς ἐν ἀνθρωπίνῃ φύσει, ἐκδεχόμενος τὴν τοῦ δράκοντος κίνησιν. τότε λέγει ὁ μάρτυς πρὸς τὸν δράκοντα· σοὶ λέγω καὶ ἐπιτάσσω ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ μου, τοῦ σταυρωθέντος διὰ τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων, ἔξελθε ἐκ τοῦ τόπου σου καὶ ἐλθὲ πρός με. τότε ἀκούσας ὁ δράκων, ἐκίνησεν πρὸς τὸν ἅγιον. κινουμένου δὲ αὐτοῦ, αἱ πέτραι τοῦ τόπου συνετρίβοντο καὶ ἡ γῆ ἔτρεμεν. ὅ δὲ ἅγιος Θεόδωρος ἐπέβη ἐπὶ τὸν ἑαυτοῦ ἵππον, καὶ εὐθέως ἔστη ὁ ἵππος ἐπάνω τοῦ δράκοντος τοῖς τέσσαρσι αὐτοῦ ποσίν. τότε ὁ τοῦ Χριστοῦ δοῦλος Θεόδωρος τὴν ἑαυτοῦ ῥομφαίαν πήξας ἐπάταξε τὸν δράκοντα καὶ εἶπεν· εὐχαριστῶ σοι, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὅτι ὑπήκουσάς μου ἐν τῇ ὥρᾳ ταύτῃ, ἵνα νικήσω τὸν ὑπεναντίον ἐχθρόν. καὶ ἐπορεύετο τὴν ὁδὸν αὐτοῦ, χαίρων καὶ αἰνῶν τὸν Θεόν.

Искомый мотивъ сна находится, какъ видно, и въ Эвхаитскомъ сказаніи, нѣкоторыя положенія котораго отвѣчаютъ такимъ-же въ легендахъ-пѣсняхъ о Георгіи[1]). Если въ первообразѣ послѣднихъ этотъ мотивъ существовалъ въ такихъ-же простѣйшихъ очертаніяхъ, то развитіе его общими мѣстами сказки представляется вполнѣ естественнымъ. Неестественнымъ кажется, что и греческіе, и болгарскіе, и русскіе пѣвцы самостоятельно додумались до такого развитія: гораздо проще допустить прямую зависимость напр. болгарскихъ пѣсенъ отъ греческихъ, при чемъ мѣриломъ сходства не должны служить лишь данные, случайно записанные экземпляры пѣсенъ, съ случайно выпавшими эпизодами и нарощеніями мѣстнаго характера. — Русскіе стихи становятся въ извѣстномъ смыслѣ особо, выдѣляясь именемъ Елисаветы. Выше мы объяснили его появленіе вліяніемъ иконописнаго сопоставленія, совершившагося, вѣроятно, въ Византіи, но

---

[1]) Замѣчу, мимоходомъ, что въ эпизодѣ объ Евсевіи, которую святой называетъ матерью, собраны данныя, связывающія его житіе съ апокрифической легендой о святомъ, спасшемъ свою мать отъ змѣя.

возможнаго и на Руси: имя константинопольской угодницы явилось въ разсказѣ о чудѣ, сходномъ по типу съ тѣмъ, который легъ въ основу греческаго и болгарскаго стиховъ. Къ такому виду легенды восходятъ русскія пѣсенныя отраженія чуда; посредство болгарскаго стиха между той и другими будетъ — лишней гипотезой.

До сихъ поръ точкой отправленія, объединявшей греческіе, болгарскіе и русскіе стихи, являлся для насъ мотивъ сна. Другая черта, встрѣтившаяся пока лишь въ русскихъ и болгарскихъ стихахъ: враждебное отношеніе отца-язычника къ дочери-христіанкѣ, которую онъ потому и предоставляетъ въ жертву змѣю — позволяетъ пріобщить къ болгарской и русской версіи легенды еще и слѣдующую польскую:

«Śty Jerzy, za żywota swego na ziemi był husarem i wojował przy wojsku z łaski Boskiéj. W jednêm mieście, kajtota było we świecie — pojawił się smok wielgośny, co cedźkaj wszyćko zjadał. Cy bydle, cy prosiè, kaj ino co było, zarła bestyja, i nikt mu nic nie mógł (poradzić): az ci juz brakło bydląt, i do ludzi się chycił. Juz niejednego człeka chycił w gardziel, harknął, — chrupło mu w zębach, i po wszyćkim. Ludzie tez z miasta uciekali, i tylko pustki stały po świecie. Był carnoksiężnik bardzo wierze katolickiéj przeciwny, i miał córkę podlotkę (młodziutką), którą dla jéj pobożności nie lubił. Panienka ta modliła się do Matki Boskiéj skrycie przed ojcem — ale on to pomiarkował i własne dziecko chciał zgubić — i smokowi dać na pożarcie. Wtém z rozkazu Boskiego jedzie konno husar Jerzy. Jak konia rozpędził, gdy smok juz blisko panny, on hyc! bez niego (przezeń przeskoczył) okraczył go koniem i dzidę mu do gardziela wepchal, a smok wypuczył się i upadł. Na ten widok Najświętsza Panienka rzekła Jerzemu św.: «kiejeśmi pięknie, ładnie obronił niewinne stworzenie, dziewiczę tę czystą, to za to, mój rycerzu, po niebie na gwieździstym wozie jeździć będziesz — i mój miasiączek ci odstępuje na mieszkanie». — Odtąd św. Jerzy mieszka na miesiączku, i ku czci Boskiéj gra na lutni. Można go widzieć

osobliwie na widku (na pełni) jak gra, przy stoliczku siedzący, tylko niedobrze jest w to patrzyć; bo jakby św. Jerzemu nagle pękła struna w lutni, toby narazie (wówczas) patrząc do miesiączka mógł oślepnąć; lepiéj unikać tego i przestrzegać dzieci małe żeby tego nie robiły»[1]). — Связь луны съ Юріемъ извѣстна и въ малорусскомъ повѣрьѣ[2]): будто измѣненія луны происходятъ отъ того, что тамъ находится заслонка, которою завѣдываетъ св. Юрій; онъ постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ эту заслонку, отчего и происходятъ перемѣны мѣсяца[3]). — Существованіе суевѣрія даетъ поводъ поставить вопросъ — не извѣстна-ли была и въ Малороссіи такая же форма Георгіевой легенды, какая представляется польскимъ сказаніемъ, воспроизводящимъ, какъ мы видѣли, одну изъ типическихъ особенностей русскаго и болгарскаго стиховъ? — Другая параллель, объединяющая вмѣстѣ съ польскимъ и малорусскимъ преданіемъ и одну болгарскую сказку[4]), можетъ дать поводъ къ разбору славянскихъ (?) представленій о какихъ-то загадочныхъ отношеніяхъ

---

[1]) Kolberg, Lud, serya VII, p. 29 — 30.

[2]) Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ западнорусскій край, снаряженной Имп. Русск. Геогр. Общ. Югозападный отдѣлъ. — Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ. Т. I, вып. 1, стр. 9 — 10.

[3]) Другое совпаденіе повѣрій представляетъ польское сказаніе, сближенное съ лужицкимъ: и тамъ и здѣсь пятна на лунѣ приводятъ къ представленію человѣка, играющаго на струнномъ инструментѣ (лютнѣ или скрипкѣ); въ польской легендѣ это Георгій, въ лужицкой — Давидъ. Сл. Hawpt a Smoler, Pjesnički hornych a del'nych Łužiskich Serbow, I стр. 273 — 4; Haupt, Sagenbuch der Lausitz II p. 191. Въ ряду обычныхъ повѣрій о пятнахъ на лунѣ польское и лужицкое стоятъ пока особо. См. J. Grimm D. Myth, 4-e Ausg. (von E. H. Meyer) II стр. 597 — 600. Обратимъ кстати вниманіе на Краинское сказаніе (l. c. стр. 600 прим. 3 и III стр. 209), будто лунныя пятна — пастухъ Kotar, любимецъ богини Триглавы (?), перенесенный ею на мѣсяцъ, который онъ поливаетъ водою и тѣмъ заставляетъ рости.

[4]) Каравеловъ, l. c. стр. 299 — 300: Мать, сынъ и мѣсяцъ.

Георгія — къ лунѣ. Болгарская сказка разсказываетъ: Одна злая женщина разсталась съ мужемъ, жила нехорошо, и родился у нея мальчикъ, такой-же злой, какъ и она, ругавшій всѣхъ проходящихъ, странниковъ и нищихъ, даже мать свою. Однажды она вынесла его на дворъ, а онъ её и спрашиваетъ: Что, мамо, слышитъ-ли мѣсяцъ, когда я браню тебя и другихъ? — А въ то время мѣсяцъ ходилъ такъ невысоко, что можно было поймать его рукою; бывало, ходилъ даже по землѣ. — А если и услышитъ, такъ что-жь изъ этого? сказала мать; пусть себѣ сердится. — Разсердился мѣсяцъ, проклялъ мать и сына; въ отместку за проклятіе та женщина, подстороживъ мѣсяцъ, когда онъ остановился на улицѣ, набросила на него грязную пелену. Съ тѣхъ поръ онъ поднялся такъ высоко, какъ и теперь стоитъ, а мать и сынъ превратилъ въ змѣевъ; они долго жили и много людей поѣли, пока не убили ихъ свв. Георгій и Өеодоръ. Тѣ змѣи, что теперь ходятъ по свѣту — ихъ внуки.

Для генеалогіи разобранной нами группы легендъ необходимо замѣтить, что въ житіи св. Елисаветы нѣтъ ничего, что-бы могло дать поводъ къ развитію эпизода: о нелюбви отца язычника къ иновѣрной дочери. Такой поводъ представляетъ житіе св. Марины-Маргариты (Регины). Если такъ, то въ русскихъ духовныхъ стихахъ или въ ихъ источникѣ относительно новымъ является лишь имя Елисаветы («почитающая Бога»), содержаніе-же восходитъ къ прототипу болгарскаго, съ именемъ Маріи-Марины и отцемъ-язычникомъ.

Имена послѣдняго въ русскомъ стихѣ не даютъ никакихъ разъясненій относительно его генеалогіи, потому что трудно рѣшить, какое изъ нихъ основное, какія слѣдуетъ признать его видоизмѣненіями. Г. Кирпичниковъ [1]) полагаетъ, что имя Агея вторглось въ стихъ изъ извѣстной повѣсти о «гордомъ царѣ»; но въ

[1]) Стр. 177, прим. 1; указаніе на «Римскія Дѣянія» должно быть устранено; легенда объ Агеѣ будетъ разсмотрѣна нами при другомъ случаѣ.

ней оно само явилось поздней замѣной имени царя Асы. Варіантъ: Адей напомнилъ мнѣ русскій заговоръ отъ руды и ломоты: «какъ царь Аддей крѣпокъ, такъ и заговоръ мой крѣпокъ» [1]).

Легендъ и стиховъ о чудѣ Георгія съ именемъ Елисаветы на западѣ я не знаю. На западѣ эта святая была вообще мало извѣстна; быть можетъ, въ благочестивомъ введеніи къ нѣмецкому житію св. Маргариты, XII вѣка, сохранилась память византійской «змѣеборицы». Vogt, изслѣдовавшій недавно легенду первой изъ названныхъ святыхъ, склоненъ отнести упоминаніе послѣдней на счетъ перескащика XIII вѣка, имѣвшаго въ виду св. Елисавету тюрингенскую (канонизованную въ 1235 году). Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ предположить св. подвижницу константинопольскую, имя которой чередуется съ Маргаритой въ чудѣ Георгія; обузданіе змѣя, приписанное той и другой святой, могло вызвать молитвенное обращеніе къ Елисаветѣ:

Des bite wir die rîchen
In dem hohen himelriche
Daz wir kumen al dâ hin.
Daz tuo der goteliche sin
Und frowe Elspet ûz der schar.
Des wunsche ich von herzen gar [2]).

Такъ или иначе, намъ извѣстно пока одно лишь русское пѣсенное преданіе, сохранившее въ легендѣ о Георгіи имя Елисаветы, рядомъ съ которымъ отзывается, случайно, другое: имя Маріи. Можетъ быть Марины-Маргариты? Остановимся на его слѣдахъ.

Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о мученіи Георгія его мать названа Софіей; въ пѣсняхъ о чудѣ съ змѣемъ царевна носитъ обычное имя Елисаветы, но въ одномъ варіантѣ (Безсон. № 117) — имя Софіи. Г. Кирпичниковъ [3]) объясняетъ его заимствованіемъ

---

[1]) Сл. Майковъ l. c. № 152.

[2]) M. Haupt, Die Marter der hlg. Margarete, Zs. I p. 156 — 7 v. 79 — 84; сл. Vogt, l. c. p. 264.

[3]) Стр. 177 прим. 2.

изъ большаго стиха о мученіи, называющаго такъ мать святого; но заимствованіе можетъ быть объяснено въ свою очередь сближеніемъ стиха о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ съ стихомъ о св. Өеодорѣ, спасающемъ свою мать отъ похитившаго ее змѣя (припомнимъ кстати роль матери въ румынской сказкѣ о Георгіи витязѣ). Въ одномъ русскомъ, сильно, впрочемъ, попорченномъ разсказѣ о Егоріи Храбромъ онъ также спасаетъ свою мать, которая названа Маріей. Набѣжалъ на Русь злой Татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ. А въ той сторонѣ жилъ-былъ мужичекъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что не перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Прижили они сына красоты невиданной и назвали его Егоріемъ. Услыхалъ объ его умѣ-разумѣ схимникъ Ермогенъ [1]) и выпросилъ его у родителей — учить слову Божьему. — А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ; и не было отъ него православнымъ житья: выѣдетъ на охоту, дикаго звѣря травитъ, а молодицъ да красныхъ дѣвицъ тащитъ въ свой городъ Касимовъ. Полюбилась ему Марья, онъ утащилъ её къ себѣ, а Антипа предалъ злой смерти. — Узналъ о томъ Егорій, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную — и Господь услышалъ его молитву. Какъ подросъ Егорій, пошелъ въ Касимовъ, подходитъ къ палатамъ Брагимовымъ, видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Напрасно проситъ онъ хана за мать; онъ самъ подвергается мученіямъ, которыя противъ него безсильны: его пилятъ пилами, рубятъ топорами — у пилъ зубы посшибались, у топоровъ лезвія выбивались; его варятъ въ смолѣ кипучей — а онъ поверхъ ея плаваетъ. Посадили его въ глубокій погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ онъ тамъ и томился; вотъ поднялась буря страшная, разнесла доски дубовыя, вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ, видитъ — стоитъ конь осѣдланный, возлѣ лежитъ мечъ-кладе-

[1]) Сл. Ермолая въ житіи св. Пантелеймона.

нецъ. Егорій ѣдетъ въ лѣсъ, встрѣчаетъ волковъ, которыхъ напустилъ на Брагима, хана грознаго. Тѣ сладили съ нимъ, Егорій прикололъ его копьемъ, а мать освободилъ изъ неволи[1]).

Легенда, сообщенная нами, представляетъ пересказъ духовнаго стиха о мученіяхъ св. Георгія съ вѣроятнымъ вліяніемъ стиха о Ѳеодорѣ Тиронѣ (спасеніе матери отъ змѣя: Горынича). Такое-же вліяніе представляетъ и непосредственно слѣдующій у Аѳанасьева[2]) варіантъ, начинающійся словами:

Егорій святой Богу молился
За мать за родную!

Послѣ 32-хъ лѣтняго заключенія въ погребѣ глубокомъ онъ встрѣчаетъ свою мать въ церкви. Она велитъ ему отмстить за «материнскую кровь». Егорій спрашиваетъ её:

Стóитъ-ли, мать, мое рожденіе
Всего моего похожденія?
«Вдвое стоитъ твое рожденіе
За меня претерпѣнна мученія»!

Тотъ-же разговоръ матери съ сыномъ въ стихѣ о Ѳеодорѣ Тиронѣ:

Охъ ой еси, роднà матушка!
Будетъ-ли мое похожденіе
Супротивъ твоего рожденія?
— Охъ ты мое чадо милое?
Не будетъ твое похожденіе
Супротивъ моего рожденія! [3]).

II. Кромѣ стиха о Егоріи и Лизаветѣ Прекрасной русская народная поэзія знаетъ еще стихъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ его житія съ мученіями.

«Что составитель стиха зналъ о Георгіи? спрашиваетъ г.

---

[1]) Аѳанасьевъ, Народн. русск. легенды, стр. 132 — 4 (прилож. къ № 9).

[2]) l. c. стр. 134 — 136.

[3]) Безсоновъ, Калики т. I стр. 527 № 121 и passim.

Кирпичниковъ (стр. 168). Одно-ли мученіе его, при которомъ порокъ оставался торжествующимъ? Нѣтъ, кромѣ того онъ видѣлъ его икону, гдѣ онъ побѣждалъ змѣя не кротостью, а оружіемъ, и спасалъ отъ него какую-то женщину (самаго чуда о змѣѣ, послужившаго источникомъ второго стиха[1]) онъ, по видимому, не зналъ). Кромѣ того, церковныя пѣсни, да и самое прозваніе побѣдоносца вели къ тому, чтобы закончить стихъ не гибелью, а побѣдою героя. Объединеніе Діоклетіана гонителя и поражаемаго Егорьемъ змѣя — фактъ не только естественный, но и необходимый; въ этомъ пѣвецъ былъ связанъ преданіемъ, но отъ него зависѣло помѣстить побѣду надъ змѣемъ Демьянищемъ немедленно послѣ освобожденія или удлинить промежутокъ, наполнивъ его новыми подвигами. Какъ человѣкъ со вкусомъ, онъ предпочелъ послѣднее». Яснѣе выразился взглядъ изслѣдователя на составъ разбираемаго стиха въ слѣдующихъ итогахъ (стр. 173): авторъ стиха зналъ св. Георгія «по житію, какъ мученика, и на иконахъ видалъ его въ образѣ коннаго воина, побѣдителя змѣя, часто вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Стратилатомъ. Какъ слить эти два представленія? Онъ слагаетъ стихъ изъ двухъ половинъ: первая вкратцѣ излагаетъ мученіе по памяти, на основаніи одной изъ краткихъ и смѣшанныхъ редакцій......... Во второй половинѣ авторъ былъ несравненно болѣе предоставленъ самому себѣ; изъ художественнаго преданія онъ могъ заимствовать только основной фактъ, а изъ церковныхъ пѣсенъ — неясные намеки, что герой «томителя врага побѣдивъ низложи», «разсыпалъ идольскія службы», что онъ былъ «хранитель церкви», «плѣнныхъ освободитель».

И такъ, «авторъ» стиха зналъ житіе съ мученіями — по памяти, не зналъ чуда Георгія съ змѣемъ; иконописное изображеніе, прозваніе «побѣдоносца», церковная пѣснь и собственная фантазія досказали ему остальное.

Мнѣ кажется, что этому объясненію можно противопоставить

---

[1]) Т. е. стиха о Егоріи и Елисаветѣ.

другое, болѣе цѣльное, упрочивающее корни стиха въ легендѣ, къ даннымъ которой пріурочиваются и его народно-эпическія распространенія. Можетъ быть, пѣвецъ или пѣвцы были предоставлены самимъ себѣ не совсѣмъ такъ, какъ представляетъ себѣ г. Кирпичниковъ.

Я попытаюсь предположить въ основѣ нашего стиха легенду о мученіи, въ редакціи, сходной съ СА, и въ сплоченіи съ легендой о чудѣ особаго состава. Я не намѣренъ утверждать, что прямымъ источникомъ стиха былъ какой нибудь литературный сводъ — потому что не увѣренъ, не было-ли между тѣмъ и другимъ болѣе древней посредствующей, пѣсенной или народно-сказочной формы. Полнота народно-эпической переработки, какой подверглись въ стихѣ данныя легенды, нерѣдко претворившіяся до неузнаваемости, служитъ свидѣтельствомъ, что стихъ о «мученіи» пережилъ гораздо больше пересказовъ и перепѣвовъ, чѣмъ напр. стихъ о Егоріи и Елисаветѣ.

Чудо съ змѣемъ предполагалось въ различныхъ отношеніяхъ послѣдовательности къ житію съ мученіями. У Якова de Voragine отдѣлъ о св. Георгіи открывается его побѣдой надъ дракономъ, поселившимся въ stagnum instar maris[1]), крещеніемъ спасенной имъ царевны, царя и народа. Царь ставитъ церковь in honorem beatae Mariae et beati Georgii. Святой удаляется — и слѣдуетъ непосредственно разсказъ о его мученіи отъ Даціана. «Dacianus autem cum de loco, in quo decollatus est, ad palatium rediret, ignis de coelo cecidit et ipsum cum ministris suis consumsit».

Такую-же послѣдовательность предполагаетъ и та изъ русскихъ редакцій чуда, которая считаетъ его совершившимся до мученія св. Георгія[2]). Царевна наречена Маріей.

Другая русская редакція пріурочиваетъ чудо по смерти ве-

---

[1]) Замѣтимъ, что и латинское чудо, напечатанное нами въ Приложеніи № VI, называетъ себя Прологомъ (къ житію?).

[2]) Кирпичниковъ l. c. стр. 57—9.

ликомученика; мѣсто дѣйствія — Палестинская страна; царь отдаетъ свою. дочь на пожраніе змѣю. «Святый-же и великій мученикъ и страстотерпецъ Христовъ Георгій, почтенный отъ небеснаго царя воинъ, иже въ жизни сый и по смерти сіяя великими чюдесы, по смотрѣнію убо Божію, спасти насъ погибающихъ и избавити града нашего отъ толикія бѣды, въ той убо часъ приста на мѣстѣ томъ, якоже нѣкій воинъ, грядый отъ рати» (или: отъ вратъ?)[1]). — Чудо кончается построеніемъ церкви.

Первоисточникомъ русскаго духовнаго стиха могла быть такая-же легенда, гдѣ чудо помѣщалось послѣ мученія, съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертью угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній или успеній, которыя въ апокрифѣ В являются, какъ рядъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притягивалось въ житіе, составляя вмѣстѣ съ нимъ нѣчто цѣлое. Я уже выразилъ мнѣніе, что житіе это могло принадлежать къ типу СА. Текстъ Хлудовскаго торжественника и сходный съ нимъ, изданный проф. Тихонравовымъ, дали мнѣ матеріалъ для слѣдующихъ извлеченій.

1. Св. Георгій, родомъ Каппадокіецъ, воспитанъ и живетъ въ Палестинской странѣ. У него отецъ Геронтъ (Геронтій), язычникъ, мать Полихронія (или Полифронія), «хртиганины соущи, не прѣсташе выноу млещисе и жрьтвоу пѣнига вьсилающи таи Хоу боу не гавляющесе гако христиганыни ѥ». — Георгій обращаетъ въ христіанство отца своего, который вскорѣ послѣ того умираетъ (по А: мученическою смертью).

2) Дадіанъ или Діоклетіанъ, мѣстный князь Тавроликіи, Персарменіи и Палестинскія страны, требуетъ, чтобы Георгій принесъ жертву языческимъ богамъ. Получивъ отказъ, онъ подвергаетъ святого различнымъ мукамъ: Георгія бьютъ сырыми жилами, ввергаютъ въ «окринь мѣдѣнь», бьютъ по головѣ «роублкмь мѣденомь». — «Видѣвже гльбокыи зміи Діоклитїань (Да-

---

[1]) l. c. стр. 59.

діанъ; βύθιος δράκων сказано о Діоклетіанѣ въ вѣнскомъ апокрифѣ) ѩко не прикосноушесе кму моукы, повелѣ. коло створити и вьбити вь нк желѣза ѡстра, и ноже ѡбоюдоу ѡстры, и вьзложити мнка на нк.... възложиша на нь коло и оуспе стыи».— Царь увѣренъ, что онъ умеръ (ѩко оумрѣть), но голосъ съ неба говоритъ мученику: «вьстани ѿ сьна свокго». — Начинается новый рядъ мученій: царь велитъ повѣсить святого, «и гвоздик ражежены вьбивати по вьсемоу тѣлоу кго»; «пакы же повелѣ прѣтрьти и (пилою)»; Георгія ввергаютъ въ «конобь» съ кипящимъ масломъ; «пакы повелѣ моучитель разварити лои и пькль и смрьдещии камень и смолоу и вроущемь ѡблити и». — Георгій посаженъ въ темницу.

3. Діоклетіанъ-Дадіанъ рѣшилъ предать мечу «учителя галилеискаго». Его выводятъ на казнь: «Мти же кго видѣвши ѩко юже заповѣдь прикть вьзрѣвши на нбо молѣшесе глющи: бже прикмыи жрьтвоу авраамлю и исаака сна кго на ѡлокавтось, такожде приими и сна мокго Геѡргіа вь цртвіи твокмь. и сице помльшисе рече к' нкмоу· моли за ме чедо прѣже бо тебе оумроу». Апокрифъ кончается смертью матери и Георгія; святой молится передъ кончиной: кто «боудеть въ страсѣ или вь бѣдѣ или вь напасти и призоветь тебе мирдааго ѡца и сна и стго дха именемь (твоимь) раба твоекго, да спсень боудеть».

Послѣдній отдѣлъ апокрифическаго разсказа вошелъ въ русскій стихъ лишь отдѣльными своими чертами, отвѣчавшими его общему замыслу: стихъ не знаетъ смерти Георгія, ни смерти его матери; остановившись на послѣднемъ заключеніи святого, онъ удержалъ лишь молящійся образъ Софіи, который пріурочилъ къ своему плану. Молитвенныя слова святого о ниспосланіи помощи всѣмъ, его призывающимъ, послужили, быть можетъ, поводомъ ввести въ эту связь — его чудо съ змѣемъ. Кара надъ Дадьяномъ, «глубокимъ змѣемъ», извѣстная по другимъ апокрифамъ, явилась естественнымъ завершеніемъ цѣлаго; исполнителемъ ея могъ быть самъ Георгій, такъ какъ пѣснь представляла его себѣ

еще въ живыхъ. — Очертанія стиха готовы. Обратимся къ его подробностямъ.

А. Мученіе св. Георгія.

1. Георгій родился въ Іерусалимѣ (Безсон. Кал. I №№ 101, 103, 108; Варенцовъ стр. 100) или Виѳлеемѣ, Хлеемѣ (Безсон. № 111, гдѣ живетъ и Демьянище; сл. одинъ изъ эпитетовъ грузинскаго Георгія: виѳлеемскій). У него отецъ Ѳеодоръ; мать Софія Премудрая. Софія Премудрая отвѣчаетъ Полифроніи (Полихроніи) апокрифа; припомнимъ, по этому поводу, названіе матери Георгія въ эѳіопской легендѣ: Тійобеста, т. е. Ѳеописта = боговѣрная; сл. эпитетъ «благовѣрной» при Софіи русскихъ духовныхъ стиховъ. — Та-же легенда даетъ святому двухъ сестеръ; ихъ знаетъ и русскій стихъ: ихъ двѣ, либо три. Трудно рѣшить, сохранилась-ли въ этой чертѣ подробность, утратившаяся въ дошедшихъ до насъ греческихъ апокрифахъ, или слѣдуетъ признать воздѣйствіе легенды о св. Софіи (честв. 17 сентября) и ея трехъ дочеряхъ. — Въ экономіи русскаго стиха сестры Георгія являются эпизодомъ, значеніе котораго намъ придется разъяснить.

2. Преслѣдованіе Дадьяна изображено по пріемамъ эпоса, какъ вражеское нашествіе на Іерусалимъ [1]). Припомнимъ, что и стихъ о св. Ѳеодорѣ Тиронѣ начинается нашествіемъ жидовской силы, и мы можемъ еще услѣдить, при помощи текстовъ апокрифа, какія его черты дали поводъ къ своеобразному пѣсенному развитію. Можетъ быть, эта подробность существовала уже въ первоисточникѣ Георгіевскаго стиха; замѣтимъ, что въ русскихъ текстахъ чуда «до мученія» св. Георгій возвращается съ войскомъ «отъ перскія брани». — Насильникъ названъ: Демьянищемъ, Одемьянищемъ, Даміанищемъ, Дектіаномъ; это, несомнѣнно, Дадіанъ, Даціанъ; вспомнимъ Дамьяна = Дадьяна Никитина житія; Діоклитіанище (Безсон. вар. къ № 105; Якушкинъ

[1]) Исключеніемъ является № 110 у Безсонова, гдѣ отецъ Георгія, «Татарскій державецъ», мать «Премудрая», и мучителемъ представляется собственный отецъ святого — какъ въ отреченномъ житіи Никиты.

№ III) говоритъ за себя; Кудріянище, Мартемьянище (Максиміанъ?) принадлежатъ, можетъ быть, народному пересказу. — Демьянище — басурманъ, злодѣй, шипитъ по змѣиному, «яко змѣй летитъ» (Безсон. l. c. № 102); въ приведенной выше легендѣ у Аѳанасьева Брагимъ, отвѣчающій ему, названъ змѣемъ Горыничемъ: это «глубокій змѣй» апокрифа. — Онъ полонитъ Егорья и его сестеръ; по нѣкоторымъ варіантамъ (Безсон. № 101, 105, 107, 114; Якушкинъ № I, III; Варенцовъ, стр. 95 слѣд.) убиваетъ либо закладываетъ въ столбъ отца Георгія. Такъ должно было быть въ обстановкѣ вражескаго нашествія; въ апокрифѣ отецъ Георгія умираетъ раньше его мученія; тексты A(b) и Слово Григорія Кипрскаго дѣлаютъ мученикомъ за вѣру и отца святого — и мы въ состояніи указать, откуда взялась эта подробность и самое имя Ѳеодора, смѣшаннаго въ русскомъ пѣсенномъ преданіи съ Ѳеодоромъ Стратилатомъ (Стратилаторъ и т. п.)[1]). Память св. мученика Геронтія чествовалась 1, 12, 13 и 14 апрѣля; мы знаемъ, что уже въ Синайскомъ мѣсяцесловѣ IX в. онъ памятуется, какъ отецъ Георгія; греческій прологъ клермонской іезуитской коллегіи X—XI вв. и другіе древніе греческіе синаксари помѣщаютъ подъ 13 и 14 апрѣля памяти Ѳеодосія, Василида и Геронтія; славянскій пергаменный прологъ за мартовское полугодіе (Моск. Синод. библ. № 240) XIII—XIV вѣка: Ѳеодосія царя Гернота (вѣроятно: Геронта), т. е. опять-же Ѳеодосія, Василида, Геронтія; Василидъ понятъ, какъ нарицательное (царь); оставалось понять въ томъ-же смыслѣ и имя Геронтія, Геронта — и Геронтій, Василидъ, Ѳеодосій легко обратятся въ народномъ пересказѣ въ стараго царя Ѳеодосія, вмѣсто котораго имя Ѳеодора подставилось само собою. Мученіе или усѣченіе св. Ѳеодосія упоминается въ апрѣлѣ и отдѣльно; память Ѳеодота (т. е. Ѳеодосія) и Василія (т. е. Василида) и иже

---

[1]) Имя Геронтія въ бѣлорусскомъ егорьевскомъ стихѣ у Безсон. Калѣки I стр. 744 — 5, какъ и весь стиль стиха указываютъ на его школьное происхожденіе.

съ ними стоитъ подъ 2 апрѣля въ греческомъ мѣсяцесловѣ XI вѣка.

Мученіе св. Георгія стихъ описываетъ подробно: главную роль играютъ топоры, пилы, кипящая смола, гвозди и т. п.; всё это развито изъ мотивовъ апокрифа; послѣднее заключеніе въ темницу выражено заключеніемъ въ погребахъ, засыпанныхъ песками рудожелтыми. Пребываніе въ погребахъ представляется долговременнымъ: три или тридцать три года. Демьянище увѣренъ, что Георгію не бывать въ живыхъ: это увѣренность Даціана: ꙗко оумрѣть. Но чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ,

3. встрѣчаетъ мать, стоящую въ церкви на молитвѣ и проситъ у нея благословенія — отплатить Демьянищу дружбу прежнюю, утвердить вѣру христіанскую. — Въ одной редакціи стиха (Безсон. № 98) онъ спрашиваетъ, гдѣ его сестры? Я полагаю, что въ слѣдующемъ отдѣлѣ стиха освобожденіе ихъ являлось въ центрѣ дѣйствія, не его эпизодомъ, какъ въ дошедшихъ до насъ пересказахъ.

В. Чудо съ змѣемъ. Въ предлагаемой здѣсь попыткѣ возстановленія я пользовался, главнымъ образомъ, матеріаломъ собраннымъ г. Безсоновымъ, и именно №№ 98 — 106 и 108 — 109 стиха о Егоріи храбромъ.

Егорій выѣзжаетъ на подвигъ; первая застава на его пути — горы толкучія (№№ 98, 102, 107), которыя расходятся по его просьбѣ; въ большей части варіантовъ (№№ 99, 100, 103, 104, 106, 108) къ нимъ присоединены и лѣса; въ № 105: лѣса, рѣки, горы (въ № 101: лѣса, рѣки), въ № 109: лѣса, горы, рѣки и моря: онѣ расходятся, растекаются, чтобы было гдѣ «Егорію проѣхати». — Именно потому, что подобнаго рода заставы могли легко плодиться въ воображеніи пѣвца, можно предположить, что этотъ эпизодъ поѣздки подвергся значительнымъ наслоеніямъ. Основною чертою могли быть «горы толкучія».

Труднѣе поддается анализу слѣдующій эпизодъ стиха.

Егорій наѣзжаетъ на «стадо волчиное», «звѣриное» (№№ 98,

99, 101, 102, 104, 105, 106, 108, 109) и велитъ звѣрямъ разойтись по землѣ; въ нѣкоторыхъ варіантахъ (№№ 100, 102, 105; сл. 99 и 106) пастырями стада являются три родныхъ сестры Георгія; въ другихъ, за встрѣчей съ звѣрями, слѣдуетъ еще стадо змѣиное: его-то пасутъ сестры (№ 98; сл. варіантъ къ № 101, а также №№ 108 и 109); Егорій побиваетъ змѣй (№№ 101, 108—9). — Древнѣйшая послѣдовательность, сохранившаяся въ нѣсколькихъ стихахъ (№№ 99, 100, 104, 105 и варіантъ; 106) была, вѣроятно, слѣдующая: Егорій наѣзжаетъ на стадо, которое пасутъ его сестры; «ему та застава миновалася»; вторая — встрѣча и бой съ змѣемъ:

Наѣзжалъ Ягорій на люта змѣя,
(На люта змѣя), люта огненна,
Какъ изъ рота огонь, зъ ушей по́лымя,
Изъ глазъ въ ней скоры сыпятъ огня̀ныя,
Вотъ хотитъ Ягорья потрёбати.
Ягорій-свѣтъ проглаголывалъ:
Во люта змія, люта огненна!
Хоть съѣшь меня, да не сыта будешь,
Не ровёнъ кусокъ, змѣй, подавишься.

Онъ раскрошилъ его на мелкія части; варіантъ къ № 105 (сл. Якушинъ № III) называетъ змѣю Горюницей, она о 12-ти головахъ, 24-хъ хоботахъ; въ №№ 104, 105 является нѣсколько огненныхъ змѣевъ: несомнѣнно, амплификація позднѣйшей пѣсни.

Сестры Георгія, увлеченныя въ плѣнъ нечестивымъ царемъ, обасурманились: онѣ сидятъ по звѣриному, сипятъ, лопятъ по змѣиному (№№ 98, 99 и passim),

Волоса на нихъ какъ ковыль трава,
А тѣло на нихъ какъ скора яловая
(Сл. №№ 99, 100, 102, 103, 105, 106).

Егорій велитъ имъ искупаться въ Іорданъ-рѣкѣ, омыть вѣру латинскую, басурманскую (№ 101), «наростетъ на васъ тѣло христіанское» (№ 100). — Выраженіе «латинская вѣра» не должно-бы останавливать насъ, еслибы въ болгарскомъ стихѣ о чудѣ Ге-

оргія невѣрный царь также не носилъ имени Латина; онъ — властитель Троема или Трояна. — Обрастаніе тѣла является внѣшнимъ выраженіемъ внутренней нечистоты, мрака невѣрія. Въ болгарской пѣснѣ о «дѣлежѣ земли» такъ наказаны невѣрные христіане:

И страшна ся коса порасналa,
Изъ коса-та змія пораснале [1]).

Интересную параллель представляетъ въ Wolfdietrich'ѣ B эпизодъ, отвѣчающій въ редакціи A разсказу о встрѣчѣ героя съ merwîp: дикая Эльза (die rûhe Else) обросла волосами, ходитъ по звѣриному; окрестившись въ источникѣ, она становится красавицей. Она — царица старой Трои.

Встрѣча съ сестрами и змѣемъ принадлежитъ къ существеннымъ элементамъ чуда, воспринятаго въ русскій стихъ о Егоріи, быстро приближающійся затѣмъ къ своей развязкѣ: еще одна застава — встрѣча съ чудовищной птицей (Нага, Нога, птицы Нагайщины; Черногонъ, Черногоръ; Нага-Астрахтиръ, Острафилъ, Стратимъ), сидящей на вратахъ города, гдѣ царитъ Демьянище — и Егорій убиваетъ насильника. Я не берусь объяснить явленіе чудесной птицы въ связи съ начальнымъ планомъ стиха, потому что не увѣренъ въ ея принадлежности къ его древнѣйшимъ очертаніямъ. Стихъ дошелъ до насъ въ двоякой переработкѣ, одинаково затемнившей значеніе его второй половины, а въ ней элементъ чуда. Первую переработку я назвалъ бы былинною: стихъ кончался казнью Демьянища, и она стала эпической цѣлью, къ которой устремилось всё дѣйствіе. Это не могло не повліять на переработку элементовъ чуда, вошедшихъ въ составъ стиха; они утратили характеръ особности, эпизодической цѣльности, подчинившись новому плану: чудо обратилось въ поѣздку къ Демьянищу, поѣздку съ заставами, въ которой стерлись первоначальныя очертанія легенды. Заставой очутился и бой съ змѣемъ, и звѣри, которыхъ пасутъ сестры Георгія, и Черногонъ-птица. —

[1]) Миладиновци № 53.

Но на этомъ народная фантазія не остановилась, и дошедшіе до насъ варіанты стиха отразили еще другое представленіе о Егоріи, внушенное его житіемъ, его предсмертной молитвой, словомъ Аркадія Кипрскаго и т. п.: представленіе о Георгіи, какъ о чудесномъ помощникѣ, пособникѣ на сушѣ и на водахъ. Заставы въ стихѣ-былинѣ о Георгіи поняты, какъ чудеса его устроенія; въ этихъ границахъ позволено говорить о немъ, какъ о деміургѣ. Крайней точкой отправленія, за мотивами заставъ, была легенда о чудѣ, какъ въ извѣстной болгарской пѣснѣ, поющейся на Юрьевъ день[1]:

Рано утромъ, на Юрьевъ-день, тронулся въ путь св. Георгій:

На срѣшту му сура ламя,
Сура ламя съсъ три главы.
Свѣти Георги отговаря:
Ой та тебе, сура ламё!
Назадъ, назадъ, сура ламё!
Че штѫ извадѫ златъ буздуганъ,
Штѫ отсѣкѫ до три главы
Та ште текнѫтъ до три рѣки,
До три рѣки чьрни кръви!
Не сѧ връщѧ сура ламя.
Той извади златъ буздуганъ,
Та отсѣче до три глави.
Текнѫли сѫ до три рѣки,
До три рѣки чьрни кръви:
Перва рѣка по орачи —
Башь пшеница;
Втора рѣка по овчѣри —
Прѣсно млѣко;
Третя рѣка по копачи —
Ройно вино.

Очень вѣроятно, что новый пѣсенный матеріалъ, привлеченный къ сравненію, и пристальный анализъ мелочей прольетъ еще болѣе свѣта на составъ «большаго» русскаго стиха. Я останов-

[1]) Безсоновъ l. c. № 116; Каравеловъ l. c. стр. 212 — 213; Dozon, Chants pop. bulgares № 14.

люсь лишь на румынской балладѣ собранія Marienescu, о Йованѣ-Йоргованѣ и змѣѣ (Iovanŭ Iorgovanŭ si Sierpele), на сколько она представляется мнѣ разъясняющей нѣкоторыя черты нашей пѣсни.

Въ зеленомъ лѣсу три сестры-красавицы собираютъ цвѣты; имена ихъ разнообразятся въ варіантахъ: Garafina (Grafina, Garofan'a = Агриппина, Аграфена), Ieliti'a Maria и An'a Girozana, что красивѣй Sandiana'ы (иначе: An'a, Stan'a и Sandian'a). Меньшая заснула отъ усталости; а старшія, когда насталъ вечеръ, ушли домой, оставивъ её въ лѣсу. Проснувшись на зарѣ, она принимается пѣть: «Кукушка, кукушка, услышь меня, красный молодецъ, выведи къ селу, на дорогу, чтобы найти мнѣ сестеръ — а я буду тебѣ племянницей». Второй и третій разъ она поетъ, предлагая птичкѣ быть ея сестрицей, супругой; но той нѣтъ до того дѣла: «я вѣдь не молодецъ, а птичка, и не знаю женской любви».

Тогда съ утеса змѣй погнался за дѣвушкой; какъ ни старалась она укрыться отъ него, онъ захватилъ её въ кольца своего хвоста, и лѣсъ огласился ея крикомъ.

Тамъ подъ надъ Черной (рѣкой) много храбрецовъ погибло (отъ змѣя?), остался еще одинъ румынъ-витязь, съ желѣзными мышцами (Bratiu de buzduganu): на лошадкѣ, быстрой какъ ястребъ, онъ гарцуетъ на горѣ, при немъ двѣ собачки. То Йованъ Йоргованъ; какъ услышалъ онъ вопль, несшійся изъ лѣса, пришелъ въ недоумѣніе, проситъ Черну-рѣку остановиться: на твою зыбь я брошу серебряную мурену, золотой ларчикъ, украшенный змѣиными глазами (cu ochĭ de balauru). И Черна остановилась, Йованъ-Йоргованъ погналъ коня, перескочилъ рѣку и настигъ змѣя, старавшагося отъ него укрыться. «Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Не думаешь-ли убить меня? Коли убьешь — будетъ хуже: изъ моей мертвой головы зароятся мухи, онѣ укусятъ твоего коня, ужалятъ вола, и плугъ будетъ стоять въ тунѣ»[1]. — Но

---

[1]) Въ концѣ пѣсни разсказывается, что изъ разложившейся головы змѣи вышли черви и мухи, которыя никогда не переводились, жалили

Йованъ-Йоргованъ обѣщаетъ научить людей, какъ избавиться отъ этихъ мушекъ, и продолжаетъ грозить змѣю: ты погибнешь, потому что погубилъ женщину. — Не повредилъ я дѣвушкѣ, оставь меня въ живыхъ, говоритъ змѣй. Йованъ-Йоргованъ разрубилъ его на мелкія части. Тогда дѣвушка заговорила: Выведи меня къ деревнѣ, чтобы мнѣ найти сестеръ, я буду тебѣ супругой. — Диву дался Йованъ-Йоргованъ, увидѣвъ, какая она молодая и красивая; согласился; тутъ они обнялись и поцѣловались. — Въ одной варіантѣ этой пѣсни, записанномъ въ Трансильваніи, послѣдній эпизодъ развитъ своеобразно: Йованъ-Йоргованъ обнялъ дѣвушку, а она говоритъ ему: «Не будемъ спѣшить, можетъ быть не хорошо это, и тебѣ грѣшно будетъ, что ты поцѣловалъ меня. Мы похожи одинъ на другого, спросимъ-ка другъ у друга: какого мы роду-племени, можетъ быть, мы и знаемся. Я дочь царя, избавленная».—Йованъ-Йоргованъ пришелъ въ ужасъ: «Грѣшно мнѣ, что я тебѣ поцѣловалъ: и я сынъ царя, избавленный. Закляли насъ родители въ горючихъ слезахъ: тебѣ быть на востокѣ блуждающимъ оленемъ, мнѣ-же скитаться, что раненый левъ» [1]).

коней, отравляли воловъ. Мѣстное преданіе говоритъ, что Георгій поплылъ за головой по Дунаю, но она скрылась въ дырѣ подъ утесомъ «Baba Caia», гдѣ онъ не могъ её настигнуть своими стрѣлами. (Сл. прим. Marienescu къ приведенной балладѣ). — То-же преданіе, въ связи съ чудомъ Георгія, пріурочено къ Голумбачскимъ высотамъ на Дунаѣ. Сл. Mednyánszky, Erzählungen, Sagen und Legenden aus Ungarn's Vorzeit (Pesth, 1829), p. 457 — 60: Sanct-Georgs Felsensprung; Arth. u. Adalb. Schott, Walachische Mährchen стр. 284 — 5: Ursprung der Golumbatscher Fliegen. Въ одномъ варьянтѣ русскаго стиха о чудѣ Егорія, № 118 Безс., змѣя разсыпается «на гаденыши, на червеныши».

[1]) Въ жизнеописаніи св. Герарда, одного изъ первыхъ христіанскихъ просвѣтителей Венгріи, разсказывается о воеводѣ св. Стефана, Chanad'ѣ, что передъ битвой онъ молилъ о помощи св. Георгія великомученика. Въ сновидѣніи «apparuit ei in somnis forma leonis stans ad pedes ejus dicens ei: o homo qui dormis, surge velociter, cane tuba, egredere in prelium et superabis tuum inimicum». Когда Канадъ проснулся, почув-

Вторгся-ли въ пѣсню о чудѣ Георгія посторонній сюжетъ (братъ и сестра не признали другъ друга), нашедшій выраженіе въ русскихъ былинахъ (Михайло Казарянинъ и Марѳа Петровична; Алексѣй Поповичъ и сестра) и особую разработку въ циклѣ балладныхъ и обрядовыхъ (купальскихъ) пѣсенъ и легендъ — объ Иванѣ да Марьѣ? Вспомнимъ двойное имя Йована-Йоргована, т. е. Ивана-Георгія, и приведенное нами выше обрядовое сопоставленіе: Ивана да Марьи русскаго и Ивана и Маргариты австрійскаго купальскаго обихода. — Намъ интереснѣе соотношеніе двухъ варіантовъ румынской пѣсни, изъ которыхъ одинъ говоритъ о сестрѣ Георгія, другой даетъ дѣвушкѣ, имъ спасенной, еще двухъ сестеръ. Это приводитъ насъ къ тремъ сестрамъ Егорія въ русскомъ «большомъ» стихѣ. Проклятіе родителей, можетъ быть, поздняя черта; важно то, что и Георгій, и его сестра представляются блуждающими, послѣдняя — гдѣ-то на востокѣ, какъ въ русскомъ «большомъ» стихѣ сестры Егорія являются полонянками Демьянища. Царственное происхожденіе Георгія встрѣтилось намъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ памятникахъ, и въ русскомъ стихѣ. — Дальше намѣченныхъ нами аналогій проникать было-бы тѣмъ небезопаснѣе, чѣмъ тѣснѣе оказываются связи между благочестивой легендой и народной сагой, чѣмъ неуловимѣе между ними переходы и сплоченія, сдѣлавшія Георгія героемъ международной сказки о змѣеборцѣ, заставив-

ствовалъ, какъ будто въ немъ прибыло силы двухъ человѣкъ. Въ слѣдующей за тѣмъ битвѣ онъ собственноручно убиваетъ противника св. Стефана, Achtam'a, и когда Gyula сталъ хвалиться этимъ подвигомъ, представивъ въ доказательство отрубленную имъ голову врага, Chanad уличилъ его, показавъ языкъ, вырѣзанный имъ у убитаго. — Какъ извѣстно, это эпизодъ, спеціально встрѣчающійся въ легендахъ о змѣеборцѣ и лишь перенесенный здѣсь на историческія отношенія. — Гора, близь которой Канаду было сновидѣніе, получила названіе «львиной». Ipolyi (Ungarische Sagen und Märchenzüge, въ Zeitschr. f. d. Myth. II p. 167) замѣчаетъ, по этому поводу, что мадьярское oroszlán = левъ означаетъ «похититель дѣвицъ», и что въ мадьярскихъ сказаніяхъ онъ потому нерѣдко заступаетъ мѣсто дракона, змѣя.

шія историческаго Траяна не только креститься отъ руки Георгія, но и стать ревностнымъ подвижникомъ Христова имени — въ борьбѣ съ невѣрными [1]).

VII.

Интересъ, возбуждаемый въ изслѣдователѣ стихомъ о Георгіи, связанъ съ общимъ вопросомъ: объ отношеніяхъ народнаго творчества къ даннымъ литературы, церковнаго и художественнаго преданія, внесеннымъ извнѣ въ народную жизнь. Эти отношенія могутъ быть различныя. Въ иныхъ случаяхъ мы склонны допустить одностороннее вліяніе: русское представленіе о Егоріи свѣтло-храбромъ, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, очевидно внушено иконописью; образъ св. Георгія-воина, поражающаго змѣя, отразился и въ греческой пѣснѣ, гдѣ клефтъ Димосъ молитъ Господа, Панагію и св. Георгія излѣчить его руку, чтобы онъ могъ снова опоясаться мечемъ,—и въ южно-русскомъ представленіи св. Юрка, казака, съ копьемъ и саблей, расправляющагося съ пьянымъ бѣсомъ. — Иное дѣло — народные обряды на день св. Георгія: здѣсь слѣдуетъ предположить a priori взаимодѣйствіе своего и чуждаго преданія: на народное чествованіе святого могли быть перенесены изъ готовой обрядности многія черты, по аналогіи и календарной смежности. Нельзя не отнестись сочувственно къ пріемамъ г. Кирпичникова при разборѣ обрядовъ и вѣрованій, которыми до сихъ поръ живетъ и руководится не только русское, но и европейское простонародье. Только подобное отношеніе къ дѣлу можетъ оградить насъ отъ миѳологіи «дѣланной», отъ широкихъ обобщеній, въ которыя въ безмятежномъ безразличіи укладывается всякій бытовой или обрядовой фактъ, записанный въ народѣ, и свое и чужое не считается родствомъ, а вопросъ

---

[1]) Такъ въ неизданныхъ пока румынскихъ пѣсняхъ, о которыхъ говоритъ A. Graf, Dell' epica neo-latina primitiva, parte I (Roma, 1876), стр. 41.

объ историческомъ генезисѣ каждаго явленія порознь не поднимается, — чтобы не нарушить спокойствія системы. Если бы мы попытались охарактеризовать пріемъ, пока единственно возможный въ этой области, намъ пришлось-бы ограничиться двумя словами: выдѣленіе и сравненіе; выдѣленіе изъ массы матеріала, съ виду односторонняго, тѣхъ элементовъ, которые привнесены извнѣ и лишь внѣшнимъ образомъ пріурочены къ народной основѣ; сравненіе съ аналогическими фактами и процессами, въ нихъ происходящими, въ другихъ народныхъ особяхъ.

Въ томъ и другомъ отношеніи изслѣдованіе г. Кирпичникова можетъ вызвать нѣсколько замѣчаній.

Каковы-бы ни были первичныя основы сказаній о св. Георгіи, къ намъ онѣ пришли не только въ формѣ установившагося житія, но и съ готовымъ календарнымъ пріуроченіемъ. Георгію праздновали 23—24 апрѣля; его праздникъ приходился, стало быть, весною, къ которой языческое міросозерцаніе издавна привязало цѣлый рядъ обрядовъ и повѣрій. Егорьевъ день вошелъ въ уже готовый циклъ; то, что въ житіи и чудѣ шло навстрѣчу укоренившимся въ народѣ представленіямъ, тотчасъ-же претворялось по ихъ образцу и согласно съ ихъ образностью. Св. Георгій сталъ весеннимъ Егорьемъ; отсюда могъ начаться уже чисто механическій процессъ сопоставленія и отождествленія, который слѣдуетъ точно отдѣлить отъ предъидущаго. Если Егорій вступилъ въ циклъ весеннихъ праздествъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ обряды, пріуроченные къ 23 апрѣля или его кануну, относились именно къ нему. Какую связь имѣетъ съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, копаніе дёрна въ Буковинѣ, овсяный кисель, который варятъ на Юрья въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и т. п.? Все это, быть можетъ, языческіе обряды, которые слѣдовало попытаться выдѣлить изъ спеціально-юрьевскихъ. Я не рѣшусь предложить здѣсь-же опытъ такого выдѣленія, а пока не знаю, какіе именно «обряды и повѣрья, соединенные съ Юрьевымъ днемъ, могутъ пріурочиваться и къ другимъ христіанскимъ праздникамъ» (стр. 149).

Въ подобнаго рода вопросахъ критическимъ мѣриломъ могло-бы послужить г. Кирпичникову сравненіе съ обрядностью другихъ народовъ, и остается только пожалѣть, что изслѣдователь добровольно связалъ себѣ руки, ограничившись «одной Россіей, или точнѣе, однимъ славянскимъ элементомъ ея», а къ другимъ народностямъ обращался лишь для указанія параллелей и разъясненій (стр. 127). Болѣе подробное и обстоятельное сравненіе было-бы желательно именно въ виду большей прочности ожидаемыхъ результатовъ. Въ циклѣ обрядовъ и повѣрій, обставившихъ Егорьевъ день, оно позволило бы выдѣлить, съ большей или меньшей вѣроятностью, тѣ изъ нихъ, которые вообще относятся къ празднованію весны, а съ Егорьемъ спаены въ силу календарной случайности. Я разумѣю такую напр. возможность, что одни и тѣ же обряды одинаково связаны съ празднованіемъ весны у народовъ славянскаго и германскаго племени, а спеціальное пріуроченіе ихъ къ 23 апрѣля является лишь на одной сторонѣ. — Сравненіе было, наконецъ, необходимо и для опредѣленія внѣшнихъ вліяній одной обрядности на другую. Говоря о Юрьевскихъ повѣрьяхъ у Чеховъ, Словенцевъ и Мораванъ, г. Кирпичниковъ замѣчаетъ: «родственныя повѣрья находимъ мы и у Нѣмцевъ, откуда они, вѣроятно, и перешли къ западнымъ славянамъ» (стр. 140). Но эта вѣроятность чисто личная: заимствованіе могло идти и обратнымъ путемъ, или его не было и вовсе, и сходныя повѣрья развились самостоятельно изъ сходныхъ основъ при аналогическихъ условіяхъ культуры и однородности міросозерцанія. Ясно опредѣлить область самостоятельнаго развитія отъ внѣшняго вліянія помогло-бы лишь всестороннее приложеніе сравнительнаго метода.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выборъ между тѣмъ и другимъ рѣшеніемъ усложняется, такъ сказать, механическимъ факторомъ: сосѣдствомъ. Въ Буковинѣ, напр., наканунѣ 23 апрѣля копаютъ дёрнъ и кладутъ его по два куска при воротахъ и колодцѣ; на зданіяхъ дѣлаютъ кресты дегтемъ, а дверь, за которою находятся коровы, закладываютъ боронами: въ эту ночь вѣдьмы

пользуются особенной свободой и могутъ обобрать у коровъ молоко (стр. 139). Тоже въ Седмиградіи: ночь наканунѣ Юрьева дня — праздникъ вѣдьмъ; чтобы защитить отъ нихъ свой скотъ хозяева бодрствуютъ и обкладываютъ хлѣва дерномъ (стр. 141). Тѣ же обряды существуютъ, стало быть, у сосѣдей Валаховъ и Славянъ. Какъ объяснить ихъ сходство? Еще большее затрудненіе представляютъ случаи сходства, не покрывающіеся одинаковымъ календарнымъ пріуроченіемъ. Примѣръ дадутъ егорьевскія празднества.

Выше разсказаны были грузинскіе обычаи на день св. Георгія, 14 августа и 10 ноября. Въ нихъ выдѣлились особенно слѣдующія черты: приношеніе въ жертву животныхъ, напр. быка съ зажженными свѣчами на рогахъ; паленіе костровъ; наконецъ, въ Апхурскомъ праздникѣ, избранница Георгія, которую я пытался объяснить въ связи съ легендой о борьбѣ съ змѣемъ, легшей въ основаніе всего обряда.

Въ Болгаріи Георгію празднуютъ 23 апрѣля: выбираютъ самаго красиваго ягненка, связываютъ ему ноги, завязываютъ глаза, на его рожкахъ зажигаютъ свѣчку; домохозяинъ, если онъ грамотный, беретъ святцы, читаетъ тропарь святому Георгію и другія молитвы и начинаетъ рѣзать ягненка. Подниметъ ножъ кверху и скажетъ: св. Герги на ти ѣгне; а вокругъ ходятъ старухи, кадятъ ладономъ и мажутъ медомъ ротъ барашка. У Шоповъ, въ Пиротскомъ округѣ, приношеніе жертвы на Джуржев-день совершается такимъ образомъ. Выносятъ барашковъ изъ каждаго дома на чистое поле, завязываютъ имъ ноги и глаза платками, головки убираютъ вѣнками и ставятъ ихъ въ кружокъ· Вокругъ барашковъ дѣвушки и парни пляшутъ и поютъ, и, поплясавъ, становятся въ кружокъ около барашковъ. Старцы начинаютъ ихъ колоть; кровь течетъ по травѣ, дѣвушки собираютъ кровь и траву, а старухи разводятъ огонь и сожигаютъ веревки и платки, которыми были связаны барашки. Старцы уносятъ барашковъ домой, жарятъ на вертелѣ и потомъ выносятъ ихъ на гору св. Георгія, а старухи несутъ боговицу (хлѣбъ),

дѣвушки-же лукъ, чеснокъ, и, собравшись на горѣ, дожидаются попа. Попъ, прочтя молитвы, беретъ съ каждаго хозяина по четверти барашка, особенно переднюю лѣвую ногу, вмѣстѣ съ головою и шкуру, беретъ четверть боговицы, немного луку, чесноку и кислаго молока, а потомъ уже позволяетъ ѣсть всѣ эти вещи. — Въ Видинской «казѣ» (епархіи) въ этотъ день закалаютъ общественнаго, священнаго быка, на котораго никто не смѣетъ поднять руки въ другое время года, и отъ всей деревни приносятъ въ жертву св. Георгію.

Въ этотъ день рано утромъ дѣвушки ходятъ поваляться по росѣ, чтобъ не болѣли кости; собираютъ цвѣты, полевыя травы, кладутъ ихъ въ бѣлый мѣдникъ и кипятятъ, потомъ на отварѣ мѣсятъ хлѣбъ, который и называется боговица; собирая травы и мѣся хлѣбъ поютъ приведенную выше пѣснь: про побѣду Георгія надъ трехъглавымъ змѣемъ. — Послѣ обѣда дѣвушки пляшутъ, другія качаются на люлку (на качеляхъ), а сзади качающихся стоятъ парни и, ударяя ихъ розгами, спрашиваютъ: кой-ти к годеникъ-тъ? (кто твой суженый). Дѣвушка отвѣчаетъ: азъ самь още маничка (я еще мала). Но парень продолжаетъ ее бить до тѣхъ поръ, пока она не назоветъ своего суженаго. Тоже дѣлаютъ и дѣвушки съ качающимися парнями. При этомъ поютъ качальныя пѣсни:

Залюля са нова люлка, 2
Нова люлка Букурешка,
Люляла са два дни три дни, 2
Два дни, три дни, три недѣли.
Люляло са Марийче-то, 2
Марийче-то момиче-то и т. д.
Отдолу идатъ кргене-те, 2
кргене-те луди-млади;
Шибале-го, питале-го:
Кого сцѣшъ, Мико, да земешъ?
— Азъ ща зема Стоянче-то,
Стоянче-то кргенче-то и т. п. [1]).

[1]) Каравеловъ l. с подъ 23 апрѣля. Другая подобная пѣснь напечатана Верковичемъ, Нар. песме Макед. Бугара стр. 33. Ср. Чолакова,

Сходные обычаи существуютъ и у Сербовъ[1]): тотъ-же элементъ жертвоприношеній, гаданій о суженомъ и т. п. «Око Тимока, говоритъ Караджичъ, сваки домаћин дотјера на Ђурђев дан к цркви по мушко јагње, и ондје му на сваки рог прилијепи по воштану свјећицу, па поп послије летурђије изиђе међу јагањце, којима се онда свијеће на розима запале, те им чати молитву и благослови их (да се кољу и јаду); други дан заће поп с ђаком од куће до куће те купи коже од онијех јагањаца, које њему припадају као плата за молитву и за благослов. Тако онамо и кад је завјетина у коме селу, сваки испече по јагње и донесе га на оно мјесто гдје ће ручати, по том заће поп те од свакога јагњета отсијече плећчу и метне је у врећу, која се за њим носи». — Дѣвушки молятся св. Георгію о женихахъ — какъ и въ Россіи, въ иныхъ мѣстностяхъ которой приготовляютъ на Юрьевъ день пирогъ въ видѣ барана, который разрѣзываетъ главный пастухъ[2]), и существуетъ еще слѣдующій Юрьевскій обычай: выбираютъ красиваго парня, одѣваютъ его въ зелень и кладутъ ему на голову большой круглый пирогъ, убранный цвѣтами. Съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ онъ несетъ этотъ пирогъ въ поле, а слѣдующая за нимъ толпа дѣвицъ поетъ въ честь Юрія — обрядовыя пѣсни. Трижды обошедши нивы, зажигаютъ костеръ, съ пустымъ мѣстомъ посрединѣ, куда кладутъ принесенный пирогъ. Всѣ усаживаются возлѣ огня, пируютъ и дѣлятъ

---

l. c. стр. 38 и болгарское празднество св. Георгію, описанное Дриновымъ, у Ефименка, О Ярилѣ, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. II, стр. 102—105. Другіе георгіевскіе обряды болгаръ см. у Милоевича, Путопис дела Праве Старе Србије, I, 184; Стефана Захаріева, Географико-историко-статистическо описаніе на Татаръ-пазарджишкѫ-тѫ каазѫ (Вѣна 1870), стр. 74—75.

[1]) Караџић, Живот и обичаји народа српскаго р. 28—9; сл. Милићевић, Живот срба сељака, Гласник срп. учен. друштва, кн. V. св. XXII старога реда (1867) стр. 93—7.

[2]) Аѳанасьевъ П. В. II 255; тоже у Карпаторуссовъ. Сл. также румынскій обычай у Schott'овъ, Walachische Märchen, стр. 300.

между собою пирогъ, такъ чтобъ каждому досталось по куску [1]).— Парень русскаго обряда, одѣтый въ зелень, напоминаетъ зеленаго Юрія Словенцевъ, съ ногъ до головы окутаннаго зеленью (Аѳан. l. с. 706), и Лелю или Лялю мало- и бѣлоруссовъ. Первые празднуютъ ей наканунѣ Юрьева дня: водятъ хороводъ, выбираютъ самую красивую дѣвушку, перевязываютъ ей шею и грудь, руки и ноги разною зеленью, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Въ такомъ нарядѣ сажаютъ дѣвушку на дерновую скамью, на которую также ставятъ кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло и проч. У ногъ Ляли кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ свѣжей зелени; хороводницы танцуютъ вокругъ неё и поютъ пѣсни. Когда окончатся пѣсни, Ляля раздаетъ своимъ подругамъ сыръ, масло и проч., затѣмъ бросаетъ имъ вѣнки, которые дѣвушки стараются схватить на лету [2]). Румуны чествуютъ особымъ празднествомъ Лелю, говоритъ Аѳанасьевъ [3]), и смѣшиваютъ ее въ своихъ пѣсняхъ съ Пресв. Дѣвою; холостые парни и дѣвицы обращаются къ Лелѣ съ просьбой послать имъ ровню.— Отвѣчаетъ-ли Леля древней Ладѣ, богинѣ весенняго плодородія и любви, какъ полагаетъ Аѳанасьевъ, я не знаю: церковнослав. лѣлꙗ = μητραδέλφη, болг. леле — amita, рум. lele — soror natu maior, македоно-рум. λάλα — patruus; румыны обращаются съ кличкой lele ко всѣмъ женщинамъ, которыя старше возрастомъ: родовое значеніе ослаблено, и въ пѣсняхъ lele при собственномъ имени тоже, что amica, amasia, chara; въ этомъ смыслѣ мы встрѣтили въ румынской балладѣ о Георгіи: leliti'a Mari'a.

Въ Греціи на 23 апрѣля земледѣльческія семейства собира-

---

[1]) Аѳанасьевъ, Поэт. воззрѣнія I, 706; о юрьевскомъ короваѣ у Бѣлоруссовъ см. Крачковскаго, Бытъ западно-русскаго селянина, р. 117, 119.

[2]) Труды Этногр. стат. Эксп. въ зап. русск. край и т. д. Югозапад. отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собран. Чубинскимъ, т. II: Народный дневникъ, изд. подъ наблюденіемъ Н. И. Костомарова, стр. 29—30.

[3]) Аѳанасьевъ l. с. III 679—80 и прим. 1) на стр. 680.

лись на поля и здѣсь, заколовъ какое нибудь новорожденное животное, устраивали пиршество. Крестьяне и крестьянки пляшутъ и поютъ на Panigyrì св. Георгія; содержаніе пѣсни сводится къ тому, что молодцы и дѣвушки призываются пользоваться жизнью, причемъ въ мрачныхъ образахъ является напоминаніе о смерти, всё уничтожающей, безъ различія возраста и состоянія [1]).

Аналогіи грузинскихъ и славяно-греческихъ обрядовъ, при различіи ихъ календарнаго пріуроченія, заставятъ отнестись осторожно къ попыткамъ извлечь изъ послѣднихъ ихъ народно-миѳологическое содержаніе, истолковавъ ихъ — какъ обряды весенніе. Но какъ объяснить эту аналогію? Заимствованіемъ, перенесеніемъ и новой календарной локализацiей, при чемъ поводомъ могло служить событіе, обновлявшее память святого: памятованіе чуда, перенесеніе мощей, освященіе церкви и т. п.? Самостоятельнымъ ли развитіемъ обряда и символа изъ того-же матеріала легенды? Или первичнымъ миѳическимъ представленіемъ о Baumseele, о Vegetationsdaemon, δύναμις αὐξιτική, то обмирающей, то возникающей къ новой жизни (Маннгардтъ), представленіемъ, выражавшимся въ сходныхъ формулахъ обряда — и нашедшимъ одинаковое пріуроченіе къ имени христіанскаго святого? Я склоняюсь къ убѣжденію, что при изученіи народнаго повѣрья и обряда слѣдуетъ выдѣлять въ томъ и другомъ то, что я назвалъ бы общими мѣстами культа, жертвоприношенія и т. п., повторяющимися, въ сходныхъ чертахъ, при разнаго рода празднествахъ и внѣ связи съ мѣстомъ, занимаемомъ ими въ земледѣльческомъ годѣ [2]). Къ этому элементу обряда едва ли приложима непосредственно натуръ-миѳологическая экзегеза.

---

[1]) Снегиревъ l. c. III, 70; Терещенко, Бытъ русск. народа VI, стр. 27; Schmidt, Volksleben p. 87. Сл. Le comte De Marcellus, Chants populaires de la Grèce moderne p. 221 (Le jour de Saint-Georges).

[2]) Съ закланіемъ, въ честь Георгія Илорскаго, быка, мясо котораго раздавалось какъ святыня, сл. слѣдующіе русскіе обряды на Ильинъ день: къ церкви пригоняютъ рогатый скотъ; послѣ обѣдни выбираютъ одно животное, за которое и платятъ міромъ хозяину деньги; потомъ

Громадная популярность св. Георгія въ поэзіи и религіозныхъ представленіяхъ европейскихъ и, преимущественно, славянскихъ народовъ, всецѣлое усвоеніе его легенды народной пѣснью, разсказомъ и обрядомъ — дѣлаютъ его житіе и примкнувшія къ нему чудеса особенно привлекательнымъ матерьяломъ изученія. Мнѣ уже случилось указать, что плодотворность такого изученія стоитъ въ прямой связи съ широкой постановкой вопроса, имѣющаго обнять, вмѣстѣ съ Георгіемъ, и житія родственныхъ ему по типу святыхъ. Такимъ путемъ могутъ получиться не только обобщенія теоретическаго характера, обѣщающія внести новый свѣтъ въ «физіологію» и исторію народнаго міросозерцанія, но и фактическія данныя для развитія народнаго эпоса. Я разумѣю, главнымъ образомъ, русскій былинный эпосъ, къ разработкѣ котораго предложенныя розысканія въ области духовнаго стиха являются естественнымъ введеніемъ. Я позволю себѣ нѣсколько замѣтокъ, намекающихъ на вопросъ, интересующій меня издавна, не предрѣшающихъ всего, что я имѣю сообщить въ моихъ изслѣдованіяхъ въ области русскихъ былинъ.

Свв. Георгій и Өеодоръ перешли въ русскую духовную поэзію, какъ змѣеборцы. Апокрифъ и духовный стихъ говорятъ о томъ, какъ св. Өеодоръ спасъ свою мать отъ похитившаго её змѣя; св. Георгій также освобождаетъ отъ змѣя царевну, которая въ нѣкоторыхъ редакціяхъ чуда и въ болгарской пѣснѣ названа Маріей; въ одномъ русскомъ прозаическомъ пересказѣ чуда спасенная — мать Георгія и также носитъ имя Маріи. — Припомнимъ въ этой связи эпитетъ аникитовъ, аникіевъ, которымъ чествовались у Грековъ, по свидѣтельству Иларіона, св. Георгій и родственные ему святые; въ русскихъ пересказахъ 1 Георгій

закалываютъ его, варятъ мясо и раздаютъ по кускамъ за деньги, которыя идутъ въ церковь. Не быть на этомъ праздникѣ и не получить священнаго мяса — считается за большой грѣхъ (Аѳанасьевъ, Поэтич. Воззрѣнія, I 475 п II 255 — 6).

названъ: аникитъ именемъ кумсъ, отъ ан'кирскаго имени комисъ и т. п.

Въ русскомъ былинномъ эпосѣ специіальность змѣеборства принадлежитъ Добрынѣ. Его былины относятся къ наиболѣе смѣшаннымъ и запутаннымъ. Я выдѣляю изъ нихъ лишь нѣкоторыя черты. Отечество Добрыни: Никитичъ; отецъ его Никита является въ былинахъ съ блѣдными очертаніями, естественно ведущими къ догадкѣ, что онъ — отвлеченъ отъ прозвища сына (Никитичъ—Никита) и едва-ли пользовался когда-бы то ни было болѣе реальнымъ бытіемъ. — По нѣкоторымъ пересказамъ былинъ Добрыня Никитичъ спасаетъ отъ змѣя свою родную тетку Марью Дивовну. Обыкновенно имя спасенной имъ дѣвушки другое (Запава; Мареида Всеславьевна, Гильф. № 59); тѣмъ интереснѣе вторженіе въ былину имени Марьи, рядомъ съ которой знаменательно становится Марина, обольщающая богатыря, вѣдающаяся съ змѣемъ. — Выше было указано, что Марина-Маргарита отразилась въ Маріи Георгіева чуда. Никитичъ не есть-ли греческое ἀνίκητος? Замѣтимъ, что въ одномъ варіантѣ стиха о Θеодорѣ Тиронѣ (Безсон. I, № 122) мать святого названа Θеодорисса и Микитишна[1]).

Стихъ о Θеодорѣ уже привелъ насъ однажды къ вопросу о мотивахъ былинъ: отецъ Θеодора, Константинъ Сауйловичъ или Самойловичъ, властвующій въ Цареградѣ или Іерусалимѣ; Константинъ Сауйловичъ или Самойловичъ въ особомъ циклѣ пѣсенъ о Саулѣ (Самуилѣ) Леванидовичѣ — нашлись въ царѣ Самуилѣ греческаго апокрифа о Θеодорѣ — и въ царѣ Константинѣ болгарскаго пересказа той-же легенды, недавно сообщеннаго мнѣ г. Сырку.

Я не утверждаю, чтобы русскіе стихи о Добрынѣ стояли въ непосредственной связи съ духовными легендами о змѣеборцахъ.

---

[1]) Слѣдуетъ-ли приписать одному внѣшнему сближенію «Никитича» съ «Аникой» замѣну послѣдняго Добрыней въ одномъ варіантѣ былины объ Аникѣ-воинѣ? (Сл. Рыбниковъ, II № 9, стр. 36 — 7).

Та-же почва, которая осложнила чудесными элементами народной саги разсказы о святыхъ, могла сохранить и самыя саги о змѣеборцахъ и змѣяхъ и спасенныхъ отъ нихъ красавицахъ. Къ этимъ первоисточникамъ восходятъ, быть можетъ, и русскія былины о Добрынѣ. Я пока ставлю вопросъ: отвѣта можно ожидать отъ новаго изслѣдованія легенды на почвѣ данныхъ и результатовъ, собранныхъ въ интересномъ трудѣ г. Кирпичникова. Предъидущія замѣтки назначены были выяснить границы этого изслѣдованія и лишь предусмотрѣть ожидаемые отвѣты.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

(Изъ Торжественника б-ки А. И. Хлудова № 195, л. 327 об.—332 об.).

Мца априля вь кг днь моучение стго геωргїа. бл. ω.

Ненавидей испрьва члвкы злыи сьвѣтникь дияволь. борейсе сь хотещїими жити блговѣрно ω хѣ ісѣ. поставляеть на не царе и кнезе, яко звѣри дивие. высхыщати проповѣдникы блгые вѣры. вь то оубо врѣме царь бѣ етерь родомь ω персиды, именемь дїωклитиань. мѣстьныи кнезь тавроликїи и пер'сарменїи [1]). и еще же и палестиньсцѣй странѣ. вь дїосполь же и галилею посла повелѣние. вь власт'на княжия своя, в'сѣмь пожрѣти мрьз'кымь идоломь. моужь же етерь бѣ вь дїосполи сунклитикь, именемь герон'ть поганинь сы. жрьтвы же мрьз'кые приношаше, по в'се дни идоломь. жена же его именемь полихронїа. хртияньнины соущи. не прѣстаяше выноу млещисе. и жрьтвоу пѣния выз'силающи таи хоу боу. не являющесе яко християныни е. ωдрьжещааго ра гнѣва тога идолослоужитель. зачен'ши же, роди отрока стго. и хва мнка геωргїа. рожденоу же бывшоу стмоу ωтрокоу. и выспитѣноу вь в'сакои моудрωсти и цѣломоудрии. и наоученоу быв'шоу своею мтерию. спо бленоу же бывшоу стмоу крщению, тай своего ωца. стыма моужема. епкопомь и презвитеромь. по-

---

[1]) Ркп. пер'саралоунїи.

слоужи же гоу̃ боу̃ нашемоу сь своѥю мт҃рию. ѡц҃ь же ѥго геронть оубѣди цӓрꙗ, и створи ꙇ҆ воѥмь коум'са. Вь ѥдинь же ѿ дн҃и, ре͡ч к нѥмоу ѡц҃ь. чедо. идѣва вь црковь великыхь бог҃ь. и принеси имь сь мною жрьтвоу и҆ кадило, да ти животь дадеть. т҃и бо створише ти тѣло и҆ чьсть сию, не вѣды ꙗко хрт҃ианинь ѥ҇. Слышав' же ст҃ый геѡргїе словеса си ѿ оц҃а своѥго, и вьздыхноувь ре͡ч. не могоу ти ити вь црьковь богь твои͡х. ни жрьтвы имь принести. не блоуди ѡч҃е. ни послоушаи бѣсовь. н҃ь послушай мене, и҆ азь ти покажоу б҃а жива истин'на. ѥмоуже се поклон'ша, и҆ сп҃сена [л. 328] боудевѣ. т҃ь бо створи словомь н҃бо и землю. и морꙗ и в'са ꙗже вь нихь. и животь даѥть в'сакой твари своѥи, и҆ творещимь волю ѥго. ꙗко же оучеть ны книгы прр҃чьскыѥ. ꙗко бози иже не створише ни н҃бесе ни землѥ, да погыбноуть. тѣлеса оубо соуть бѣсовьска роукотворена. гл҃ѥши кь нимь и не слышеть. помаваѥши имь, и не зреть. падають и не вьстають. ѿ сего разоумѣи ѡч҃е. да оубѣживѣ льсти идольскыѥ. да сп҃еть ны іс҃ хс҃. оувѣж͡ь оубо ѡч҃е. ꙗко паоуль бывь иногда гонитель црк҃вамь. пришь͡дши же бл҃г͡ти на нь, бы͡с ап҃ль. и добрыи сьвѣтникь. и оучитель дѣломь бл҃гомь. ꙗко вьзлюби г҃а нашего іс҃ х҃а. ре͡ч ѡц҃ь ѥго. ѡ лютѣ мнѣ чедо моѥ слад'коѥ. кто те ѥ҇ наоучиль бледи тоѥ. не вѣси ли ꙗко оуродьство ѥ҇ наказаниѥ хрт҃иꙗн҃ь. досаж͡даѥми бо моуками оумирають. пристоупи оубо чедо. и принесѣвѣ имь жрьтвоу и кадило. и животь тебѣ дав'ше пощедеть те. аще ли разгнѣваѥши ѥ҆, т҃о свести имаши скрьбию вь адь мою старость и мт҃ере твоѥ. Б҃ь же чл҃вколюб'ць. хоте виною показати своѥ чл҃вколюбиѥ. и хоте и҆ ѡбратити вь бл҃горазоумиѥ, вьложи и҆ вь тоу нощь вь недоуга. ѡгнѥмь жегомь лютомь. вь оутрѣи же призвавь сн҃а своѥго геѡргїа, рече ѥмоу. чедо моѥ сладкоѥ. добрѣ ми гл҃а ѡ вѣрѣ хрт҃иꙗнь, да би ми показаль б҃а ихь. и҆ не послоушахь тебе. нн҃ꙗ же распалѥнь ѥсмь ѡгнѥмь неѡславлѥнымь. потьщисе и҆ р'ци хрт҃иꙗномь да оумолеть б҃а своѥго, да избоу͡д ѿ бѣды ѡгнꙗ сего. велии бо ѥ҇ б҃ь ихь. ꙗко же ми се ꙗви вь сию нощь. Рече же кь нѥмоу ст҃ыи геѡргїе. аще вѣроуѥши вь г҃а нашего іс҃ х҃а в'сѣмь ср͡дцемь своимь. и҆ в'сею

дш҃ею своѥю. не тькмо ѿ ѡгнꙗ сего избавить те. нъ и ѿ всѣх грѣхь ѥже створиль ѥси ѿ юности твоѥ. и жизни нбснѣи спо҆бить те. ѡц҃ь же вьзоупи [л. 328 об.] великмь гл҃сомь гл҃ѥ. вѣроую вь бг҃ чтомых христиꙗны. испльнь же се геѡргїе радостию великѥю ѡ обращени ѡц҃а своѥго, вьзрѣвь на нб҃о рє҇. хвалю те гн҃ іс҃ хе҃ и нн҃ꙗ и в'сегда. ꙗко не оудалиль ѥси мл҃ти твоѥ, ѿ боѥщихсе тебе. нь близь ѡбрѣтаѥшисе соущїимь далече твоѥго разоума. тек҆ же скоро призва прпо҆бна моужа. и пришь҆ша створиста мл҃твоу над' нимь. и абиѥ ѿстоупи ѿ нѥго ѡгнь. и наоуч'ша и҆, кр҃тиста вь име ѡц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а. испльнь же бывь ст҃го ѡб'щениꙗ. пожить же дн҃и. єі. и тако скон'ча житиѥ своѥ. вѣровавь вь бг҃ живь.

Геѡргїе же испльнь сы҃ дх҃а ст҃а. в'се идолы ѡц҃а своѥго ѥже имѣаше вь домꙋ своѥмь златыѥ же и сребрьныѥ шь҆ ськроуши. и в'се богатьство ѥго разда нищїимь. поспѣшьствоующи мт҃ери ѥго. нъ не тьк'мо же се҃ творꙗше. но и црькви еллин'скыѥ начеть разарꙗти, и идолы ськроушати. Схоластикь же ѥтерь. именемь сил'вань. видѣвь падениѥ црьк'вь. и ськроушениѥ соуетныхь идоль и мрьз'кыхь богь, раз'жали си зѣлѡ. и поимь жьр'це идольскыѥ, пристоупи кь цароу дїоклитїаноу. соущоу тог҆а вь дїосполии. и ре҇ ѥмоу. молим' ти се царю. геѡргїе коум'сь. сн҃ь герон'тиа схоластика. ѿ оучениꙗ ѥ҃ галилеиска. и богы намь ськроуши. и црькви разори. и ереѥ прогна. Царь же дїоклитїань повелѣ привести ст҃го геѡргїа, отрока бж҃иꙗ и воина. и сѣдь на соудищи и сатрапомь пришь҆шемь. тран'квилиноу. и магнентїоу. и теогнию. и всѣмь лю҆мь стоѥщїимь, повелѣ прѣ҆ложити в'се ими же моучити и҆. и вьзрѣвь на мн҃ка и запрѣщь ꙗко львь сверѣпь, рече кь нѥмоу. коѥ земле ѥси и како же име твоѥ ѥ҃. Геѡргїе ре҇ изредно и прьвоѥ хр҃тиꙗнь. чл҃вчьскым' же именемь геѡргїе наричюсе. рода же кападокїиска. сн҃ь же геронтїа сунклитїка. вьздои же ме [л. 329] и вьспитѣ палестиньскаꙗ страна. царь же ре҇. ѡц҃ь твои гдѣ живеть. геѡргїи ре҇. вь вышнїи їеросалимь ѡшьль ѥ҃, кь нбсному ѡц҃оу. царь ре҇. вь которое воиньство вьчтень ѥси. геѡргїи ре҇. азь на земли нѣсмь воинь. истлѣн-

номоу и врѣменномоу ца́роу. воинь же кесмь бес'мрьтномоу и нбсномоу цроу. иже помагакть ми на противещаго ми се вра́га. ре же ца́рь к' нкмоу. злы главы зло ращение кси и многамь моукамь дѡине. ка́ко смѣль кси ѡслоушати моихь повелѣнїи. и црькви разориль кси. и жьр'це прогналь кси. и в'се раздаль кси нищїимь, златык же и сребрьнык бо́гы. пристоупи оубо и пожри имь прѣ в'сѣми, да избоудеши ѿ многѣ моукѣ. Геѡргїе ре. азь ца́роу іако же рѣхь, хртиіанїнь кесмь. и на ба моего оуповаю. знаменав' же се ре. ѡ повелѣнїи не брѣгохь. и црькви кже глкши разорихь. їерек прогнахь. да не мно́гы дше члвче блоудеть, нь па́че да разоумѣють ба жива истин'на. твор'ца нбоу и земли. и томоу да поклонет'се. и да не чтоуть идо́ль демонь-скыих. ца́рь рече. виж'оу те геѡргїе, іако мно́го прѣмоудрѡ оумѣкши. Геѡргїе ре. си прѣмоудрѡ нѣсть ѿ мене. нь бь мои дасть ми ѿ богатьства своего. исправльшеи бо плоды добрыхь дѣль. добродѣа́нїи же и сла́вы небснык не ѿпад'ше, ти соуть вѣтви цвѣтнык, живоуще вь рьвени бжии. сла́воу и вѣроу крѣп-коую чтно дрьжеще, црьствию бжию наслѣдници бывають. тог'а ца́рь ре к нкмоу. геѡргїе. прѣстани ѿ бледи ток. и пожри бо́-гомь, да дша твоіа не выпадеть вь напасть. Геѡргїи ре. ца́роу неправ'ды. противоу имени твокмоу. подьгнѣщакмь ѡцемь твоимь диіаволомь, ноудиши ме пожрѣти не соущїимь бо́гомь. нь азь тьщоусе жрьтвоу принести себе боу мокмоу. [л. 329 об.]. Ви-дѣв'же ца́рь. іако побѣж'ень к мнкомь. раз'гнѣвавьсе, повелѣ вь тьмницоу и всадити. бѣ бо юже година ѡбѣднаіа. Вылѣзь же сты вь тьмници, поіаше ѱало сь. Вьскоую шеташесе кзыци. и люк пооучишесе тьщетнымь. присташе цриk земльсци. и кнези сьбрашесе вькоупѣ. на га и на хрта кго. и пакы поіаше. Гь просвѣщенник мок и спситель мои кого се оубою. и кон'чавь ѱа́ло си. и на кон'ци ре аминь. Ютроу же быв'шоу, повелѣ ца́рь привести и прѣ сѐ. ведом' же поіаше. бе бе мои вьн'ми ми. ги не ѡстави оуп'вающихь на тѐ. прѣ'став'шоу же кмоу, ре ца́рь. геѡргїе. не ѡстанеши ли се ѿ боуиства сло́весь твоихь. и по-жреши бо́гомь, дон'деже не оузриши тѣло свок погыбающее.

Геѡргїе рⷱ҇. безаконниче и враже истинѣ. юже рѣхь ꙗко хрⷭ҇тиꙗнь ѥсмь, и не жроу идоломь, ни кланꙗюсе бѣсомь. разгнѣвав'же се цáрь, повелѣ протег'ше ѝ бити безьмлⷭ҇тьно, четырьми моужи, жилами соуровами. мⷱ҇нкь же биѥмь, вьзрѣвь на нⷷ҇бо рⷱ҇. бⷷ҇ вь помощь мнѣ вьн'ми. гⷭ҇и помощи мⷩ҇ѣ потьщисе. и сⷭ҇и рекь, не чюꙗше моукы. пакы же повелѣ вьврѣщи ѝ вь окринь мѣдѣнь. и роублѥмь мѣденомь бити ѝ по главѣ ѥго. Стⷭ҇ыи же вьпиꙗше. гⷭ҇и ісⷭ҇ хⷭ҇е оукрѣпи ме, трьпѣти имени твоѥго раⷣ. слоугы же изнемогоше. видѣв' же гльбокыи змїи дїоклитїáнь. ꙗко не прикосноушесе ѥмоу мыкы, повелѣ кóло створити. и вьбити вь нѥ желѣза ѡстра. и ноже ѡбоюдоу ѡстры. и вьзложити мⷱ҇нка на нѥ. и ѥгⷣа приде стⷭ҇ыи. ѝ видѣвь кóло, оубоꙗвьсе рⷱ҇. геѡргїе. разоумѣи вь которы ж'рѣбии вьчтень ѥси. и чюи ꙗко гⷭ҇ь нáшь ісⷭ҇ хⷭ҇ вѣчныи цⷭ҇рь не ѡставить тебе. нⷩ҇ поможеть ти вьздⷷ҇ѣ. ѝ нⷩ҇ꙗ ли боишисе, да рⷱ҇еть врагь оукрѣпих'се нáнь. ѝ вьзрѣвь на нⷷ҇бо молѣшесе глⷭ҇ѥ. влⷣко в'седрьжителю гⷭ҇и нⷷ҇боу и земли и в'сеѥ твари. помощниче боѥщимьсе тéбе. и подвизающим'се имени твоѥго раⷣ стⷭ҇го. помози ми и ꙗви ме [л. 330] свршена мⷱ҇нка твоѥго. ꙗко прослависе име твоѥ в вⷦ҇ы вѣкомь аминь. И кончав'шоу ѥмоу млⷭ҇твоу, вьзложише на нь коло, и оуспе стⷭ҇ыи, слоужещемь ѥмоу агⷢ҇ломь. цáрь же мнѣвь ꙗко оумрѣть, вьзⷣвиже глⷭ҇сь свой кь прѣⷣстоѥщимь ѥмоу кнеземь и рéче. виⷣте ꙗко ничто же ѥ бⷭ҇ галилеискы. нⷩ҇ бóзи нáши сили соуть. почто оубо не приде хⷭ҇ ѥго избавити. и снети ѥго ѿ колесе сéго. сⷭ҇и же рéкшоу моучителю. глⷭ҇сь бⷭ҇. кь мⷱ҇нкоу глⷭ҇ѥ. рабе мой геѡргїе. вьстани ѿ сьна своѥго и не оубоисе. моужаисе ѝ крѣписе. бывшꙋ же глⷭ҇соу сéмоу кь мⷱ҇нкоу, абїе кóло распадесе. и мⷱ҇нкь вьста вьпиѥ ѝ глⷭ҇ѥ. виⷣте оубо кóло. великь ѥ бⷭ҇ хрⷭ҇тиꙗньскь. и ничто же соуть бóзи еллиньсцїи. раз'гнѣвав' же се цáрь, повелѣ ѡдрь мѣдѣнь принести, и вьзложити ѝ на нь. храстиѥм' же поⷣгнѣтати ѝ. ѝ шестию моужⷩ҇ бити ѝ по хрьб'тоу батогы. прѣтрьпѣв'шоу же ѥмоу моукоу сиѭ, повелѣ повѣсити ѝ. и гвоздиѥ раж'ежены вьбивати по в'семоу тѣлоу ѥго. мⷱ҇кь же трьпѣáше млⷭ҇есе. ѝ абиѥ гвозди испадоше из' нѥго. пакы же повелѣ вьзложити ѝ на лѣсоу желѣзноу

чрѣвомь. оуглы же горющїи по́сыпати. и палицами соуровами бити й по хрьб'тоу. и ѡцьть лють сь солию смѣшьше, кропити и по строупомь. и пла́тномь соукнѣно́мь трьтї и по нимь. Мн҃кь же трьпе, мл҃ѣшесе гл҃е, гн҃ помози ми ѩко оустрашаюсе. бы҃ же гл҃сь кь нємоу гл҃е. моужаисе геѡргїе, ѩко а҆зь єсмь с тобою. пакы же повелѣ прѣтрьти й. пилѣ же притоупив'шисе, и҆ слоугамь изнемог'шимь. и ничто же не оуспѣв'шимь, повелѣ цр҃ь принести конобь. и вылиѩти же вьнь масло. и҆ подьгнѣтати же и зѣлѡ. и вьложити вь нь мн҃ка. геѡргїе же вьзрѣвь на н҃бо. молѣшесе гл҃е. гн҃ бє҃ мои. пославыи ро́соу нбсн҃оую надь три҆ о҆трокы и оугашь пла́мень. помози [л. 330 об.] ми и посрами диѩвола. сьтвор' же знамениє хв҃о, вьврьжень бы҃ вь ко́нобь. и абїе ѡгнь оугасе. и ко́нобь оустыде. и҆ в'си видещеи дивишесе. и мнози вѣроваше вь га҃. Пакы повелѣ моучитель разварити лои и пькль и сирьдещии ка́мень и смо́лоу. и вроущемь ѡб'лити й. и шлѣмь раж́ежень вьзложити на́ нь. и свѣщама же двѣма под'жигати ре́бра єго. Вьпити же пропов́ѣникоу и гл҃ати. ѡ повелѣни ца́рии не мозѣте не родити. чьстным' же бо́гомь не досаж́аите. Хв҃ь же мн҃кь вьзрѣвь на н҃бо, рече. гн҃ іс҃ хе҃. призри на ме и ѡблькчи ме ѿ моук҃ сихь. помл҃ же се, не чюѩше моук҃. видѣв' же ца́рь ѩко ничесо же оуспѣ, начеть словесы кроткыими гл҃ати є҆моу. геѡргїе. тако ми вл́кы слн҃ца и милостив҃ бо́г҃. милоую те ѩко чедо моє. н҃ послоушаи мене ѩко ѡц҃а своєго. дающаго ти добрь сьвѣть. и пристоупль пожри бесмрьтныимь бо́гомь. и створеть те втора вь царьствиї моємь. Геѡргїи ре҃. нн҃ѣ кротко оубѣж́ень тобою, пожроу богомь твоимь. н҃ слыши ца́роу. дн҃ь ю҆же на заходѣ слн҃ца є҃. и не могоу пожрѣти. н҃ повели да ме затвореть вь тьмници до ю҆тра. оутрѣи҆ же пожроу бо́гомь твоимь. ца́рь же радь бывь, ре҃ к' нємоу. не боуди мнѣ тебе на моукоу прѣдати. н҃ и ра́ны є҆же ти є҆смь даль, ѿдаждь ми ѩко своємоу ѡц҃оу. нн҃ѣ же вьниди вь внoутрьнюю полатоу, и тоу почи. вьлѣз'шоу же ємоу. єѓа вѣ҃рь бы҃, поклонь колѣнѣ. в'соу нощь мл҃ѣшесе поє си҆це. кто бг҃ ве́леи ѩко бг҃ на́шь. ты҃ є҆си бг҃ творей чю́са е҆динь. и҆ пакы гл҃аше. на тѐ гн҃ оуп'вахь, да не постыж́оу се в' вк҃ы. и҆

на кон'ць ѱал'ма ре̑ амйнь. Еоутропіи же каженикь ре̑ кь црци. геѡргїе оучитель галилеискы, в'соу нощь не ѡстави мене почити, бледын, и ба свокго призывак. црца же хотещи слышати и видѣти. призвав'ши мнка ре̑ к' нкмоу. р'ци ми что к̑ бледь юже кси бледиль вь сию нощь, ꙗко же слыша̑, в'сако [л. 331] наоучи ме. кто к̑ бъ кго же призывакши. Геѡргїе ре̑. бъ мои велии к̑. тъ бо сьтвори нбо и землю. и море и чл̑вка. и в'соу тварь. слѣпыимь свѣть да̑. хож̑еник хромымь. блоудещек наставлꙗкть на свою истиноу. Црца ре̑. како бъ хртиꙗньскь к̑. Геѡргїи ре̑. послоушаи црце. како приде бъ на землю, и чл̑вкь ꙗвисе. прркь бо ре̑ ѡ нкмь. вьз̑вигни силоу твою, и приди да ны спсеши. и мѡуси ре̑. да с'нидеть ꙗко дьж̑ь на роуно. и аввакоумь ре̑. гй оуслышахь слоухь твои и оубоꙗх'се. разоумѣ̑ дѣла твоꙗ и дивих'се. Црица ре̑. кто к̑ дьж̑ь. и кто к̑ роуно. и кто слыша и оубоꙗсе. и кто виде и дивисꙗ. Мнкь ре̑. роуно к̑ два мриа. дьж̑ь к̑ хс сьшь̑шии сь нбсь. ꙗко дьж̑ь слово бжик. и вьселисе вь чрѣво двы мрик. и изыде безь истлѣниꙗ. и ꙗвисе чл̑вкь да спсеть чл̑вка блоудеща. Црца ре̑. что оубо бози наши. ничто ли же соуть. Мнкь ре̑. ничто же соуть. идоли бѡ соуще демонь. ѡчи имоуть и не видеть. оуши имоуть и не слышеть. нѡздри имоуть и не ѡбонꙗють. оуста имоуть и не глють. роуцѣ имоуть и не ѡсежоуть. нозѣ имоуть и не поидоуть. и не вьз'глсеть грьтаномь своимь. по̑бни имь да боу̑ть творещеи к̑. и в'си надѣющеисе на нк̑. Црца же оумильшисе, ре̑ к' нкмоу. добрѣ оучиши гй. нъ млтвоу ми створи, да ѿбѣгнеть ѿ мене льсть идольскаꙗ. Мнкь ре̑. вѣроуи вь гъ нашь іс хс. и не имать тобою ѡбла̑ти льсть идольскаꙗ. и се рекь оумльче. Оутроу же быв'шоу приведе и царь прѣдь се. пришь̑шоу же кмоу, ре̑ к' нкмоу. идѣвѣ вь цр'ковь великыхь богь. и принеси имь жрьтвоу, ꙗко же ѡбѣщаль кси. Геѡргїе ре̑. азь идоу и принесоу имь жрьтвоу. царь же повелѣ проповѣдникоу вьпити. в'си сьнидѣтеса и сьберѣте. се геѡргїи оучитель галилеискы пожрѣти хощеть аполоноу. пришь̑ же вь црьковь, глаше. бѣжите ѿ мене бози еллиньсціи. [л. 331 об.] ꙗко сь многомь гнѣвомь приидохь на вы. и раз̑рѣшь

поıасъ свои, и вьскочи вь црьковь. и ѡбложь ѡ идолѣ иракликвѣ, с'кроуши й ıако прахь. видѣв'ше же їереик погыбеник богь своихь. и км'ше свезаше й. и приведоша й кь цароу. и повѣдаше кмоу в'са быв'шаа. рече же моучитель. трьврьсть ѡкаанне. не ѡбѣща ли ми се пожрѣти богомь. то почто смѣль кси створити имь таковаа. заик ти би пожрѣти имь. или не вѣси ıако крьвь твоıа подь крѣпкою роукою моею к. Геѡргїе ре. ѡкаанне. аще себѣ не могоше помощи. р'ци ми что тьи оубо створиши. кгда хс придеть, соудити живымь и мрьтвымь. царь же повелѣ оковати й и вьсадити й вь тьмници. и вылѣзь кь црци алеѯандрїи рече. ѡ лютѣ мнѣ алеѯандріе. оуныхь юже ѿ кзыка хртианьска. изрѣднѣк же ѿ гоубителıа свокго. Црца же ре. ѡстани оубо рода хртиан'ска. бь бо ихь велии к. и азь вь нь вѣроую. Тогда царь вьзоупи. ѡ лютѣ мнѣ алеѯан'дрик. и тебе ли постигоше вльшьвлкниıа хртианьска. и кмь ю за власы, изведе вьнь. и повѣда в'са бывшаıа кю прѣдстокщїимь. тогда повелѣ стрьгати. строужемѣ же ки, ни кдиного же глса бы ѿ нке. и повелѣ принести мелицоу. и вьложити вь ню сьсца ке, и стрьгати ıа. она же изнемогши тою моукою, вьзрѣвши на мнка ре. створи млтвоу стыи геѡргїе за ме, ıако изнемогохь, вѣровавше словесемь оученииıа ти. Геѡргїе же ре. мало прѣтрьпи, и приимеши вѣн'ць жизни. царь же видѣвь трьпѣник ке, повелѣ оусѣкноути ю. она же глаше кь мнкоу. стыи геѡргїе. что створю, ıако нѣсмь прикла крщениıа. онь же ре ки. иди алеѯан'дрик и не стои. прикти имаши крьщеник крьвию. она же вьзрѣв'ши на нбо, ре. истинныи бе познаныи мнѣ геѡргїемь, приими мирно дшоу мою вь цртви твокмь. и се рек'ши ки, оусѣкновена бы вь добрѣ исповѣдании. мца априлıа вь .к. днь вь .ѕ. ча [л 332]. царь же ре кь мнкоу. геѡргїе. юже и црцоу погоубиль кси. то и ѡ нась поппсисе юже. мнкь же ре. се прѣд тобою стою. твори кже хощеши. тѣломь моимь владеши. а дшею моею бь кдинь сѣдь же царь заповѣда ѡ нкмь глк. геѡргїе оучитель галилеискь. противесе повелѣнию цареву. и не поклоньсе непобѣдимымь богомь, прѣдань да боудеть м'чю. онъ же прикмь заповѣдь тоу, тьщашесе

на с'врьшеник вѣн'ца. Мти же кго видѣв'ши, ѩко юже заповѣдь прикть, вьзрѣв'ши на нбо молѣшесе глющи. бе прикмыи жрьтвоу авраамлю. и исаака сна кго на ѡлокавтось. такожде приими и сна моего геѡргїа вь црտви твоимь. и сице помлышисе, ре к' нкмоу. моли за ме чѐдо. прѣж'е бо тебе оумроу. царь же слыша ю глющоу кь мнкоу. призвавь ю ре. како ти к име. ѡна же ре. поліхронїа. хртиѩнина ксмь, ѩко же и снь мои геѡргїе. царь же ре кь нки. да ты ли и кси наоучила досаждати богомь, а не покланѩтисе имь ни жрѣти. она же рече кь нкмоу. вѣ ксвѣ наоучена цароу. боу живоу и истинномоу слоужити, а не идоль бѣсовьскыхь чисти. царь же ре. поліхроник. прѣстани ѿ своихь боуихь словесь, и пожри богомь. ѡкаанны бо снь твои. много прѣрицавь м'чю прѣдань бы. Поліхронїа ре. прѣж'е вар'ши рѣхь. ѩко хртианина ксмь. и демономь не жроу. нь тѣло свок приношоу кь гн іс хоу. царь же разгнѣвав'се повелѣ жилами соуровами говеж'ами протег'шю ю бити. и пакы повелѣ повѣшьше стрьгати ребра кѐ. и свѣщами гороущами подьжигати. и вь сапогахь желѣзнахь раж'еженахь ѡбоути ю. Мница же хва страждоущиї и призывающи ха, прѣда дхь свои вь мирь. зрещоу и сна кѐ. вьзьмьше же хртиѩни тѣло ке, погребоше ю таи. Мнкь же хвь видѣвь мтерь свою оумьр'шоу, радь бы. видѣв' же народь [л. 332 об.] ѡкрть стокще. вьзрѣвь на нбо помлисе глк. гн бе нбсе и земли вл'ко. послоушаи глсь молкниѩ мокго. и даждь, иже боудеть вь страсѣ. или вь бѣдѣ. или вь напасти. и призоветь тебе мірдааго ѡца и сна и стго дха. именемь твоимь раба твокго, да спсень боудеть. ѩко тебѣ к слава вь вкы вѣкомь аминь. и рек'шоу аминь. бы глсь к' нкмоу сь нбсе глк. геѡргїе рабе мои. оуслышахь млитвоу твою. приди и приими покои и вѣньць свои. ѡбращь же се стыи геѡргїе, ре кь мьчникоу. пристоупи чедо, кон'чаи слоуж'боу свою. и пристоупль мьчникь, ѿсѣче чтноую кго главоу. и абик нбо ѡблачно бы. и троусь велеи и мльник и тоуча велиѩ. вьзьмьше же хртиѩни тѣло кго стрѣбльше положише сь поліхронїкю мтерию кго. вь чистѣ мѣстѣ вь дїосполїи. оусѣк'новень же бы. стыи геѡргїе мца

априлꙗ, кг҃ днь въ ѕ ча҃. црт҃воующоу гн҃ нашемоу іс҃ хоу҃. ѥмоу же сла́ва чьсть дрьжава и покланꙗниѥ. нн҃ꙗ и прно҃ и в вкы҃ вѣкоⷨ. аминь.

II.

(Cod. Vindob. Theolog. graec. № 123, f. 37—43).

Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγάλου μάρτυρος καὶ θαυματουργο[ῦ Γεωργίου [1]).

Ἡ] μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεί[α οὔτε ἀρχὴν ἡ]μερῶν, οὔτε τέλος ζωῆς ἔχει, ἡ δὲ πανεύφημο[ς καὶ πανύμνη]τος διὰ τῆς ἀειπαρθένου καὶ θεοτόκου Μαρίας ἐνανθρ[ώπησις καὶ ἐ]πὶ γῆς παρουσία ἐπέλαμψεν ἤδη κατὰ πάσης τῆς οἰκ[ουμένης] διὰ τῆς τῶν ἀποστόλων διδασκαλίας τοῖς καταξιωθεῖσι τοῦ κ[λήρου] ἁγίων, ὡς ἐξαίσιον πρᾶγμα καὶ παράδοξον, καὶ πάσης ἐπέκεινα φύσεως καὶ σοφίας· ἠπιστεῖτο οὖν τοῖς πολλοῖς διὰ τὸ τῆς σοφίας ἀπόρρητον καὶ παράδοξον, καὶ ἠπιστεῖτο δὲ τοῖς τῇ πλάνῃ δεδουλωμένοις. ὅθεν πάντες οἱ τῇ γηΐνῃ καὶ ματαίᾳ δόξῃ καὶ πλάνῃ δεδουλωμένοι τοῦ κόσμου τούτου κατακρατούμενοι ὕβριν ἡγοῦντο καὶ μῦθον τὸ τῆς οἰκονομίας μυστήριον καὶ σωτήριον κήρυγμα τῆς τοῦ κυρίου ἐνανθρωπήσεως καὶ βασιλείας, Ἰουδα[ίο]ις μὲν σκάνδαλον, ἔθνεσιν δὲ μωρίαν νομιζόμενον εἶναι. καὶ διὰ τοῦτο ταῖς τῶν δούλων αὐτοῦ παραδόξοις ὑπομοναῖς εὐδόκησεν ὁ θεός τὸ τῶν ἀνθρώπων γένος εἰς τὴν ἀληθινὴν καὶ σωτηρίαν θεοσέβειαν γενέσθαι.

Ἐγένετο δὲ κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον, τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας ἐπικρατούσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων, βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν

---

[1]) За копію съ текста приношу благодарность студенту вѣнскаго университета г. Кунцу, за исправленія въ текстѣ — о. Мартынову, свѣрившему его съ парижскими рукописями С., и проф. Дестуннсу. — Слова, поставленныя въ [ ] въ вѣнскомъ спискѣ поблекли.

τὸν παράνομον· καὶ ὥρμησεν κατὰ τῆς ποίμνης Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν πάνυ ἡττώμενος σφόδρα τῇ τῶν δαιμόνων πλάνῃ· εἶχεν δὲ καὶ φίλον αὐτοῦ ὁμόφρονα Μαγνέντιον ὀνόματι, ὃς δεύτερος ἦν αὐτῷ τῇ βασιλείᾳ καὶ ζέων τῇ τῶν χριστιανῶν μανίᾳ καὶ τῇ τῆς ἀσεβείας εἰδωλολατρείᾳ. τούτων οὖν συμβουλευσαμένων τὸ τί ἂν ποιήσωσιν, παντελῶς οἱ κακόφρονες [1]) ἐξᾶραι τὴν τῶν χριστιανῶν λατρείαν, ἅπαντας δὲ τοὺς ἀνθρώπους ὑποκῦψαι καὶ σέβεσθαι σὺν αὐτοῖς τοὺς θεοὺς αὐτῶν· καὶ γὰρ ἦν ἐκτεθεικὼς ὁ τρισάθλιος τῇ τῶν εἰδώλων πλάνῃ, τῇ ψυχοφθόρῳ καὶ ματαίᾳ, μάλιστα τῷ Ἀπόλλωνι τῷ τῆς ἀπολείας ὁδηγῷ· καὶ ἐκπεμψάμενοι [2]) ἅμα γράφουσιν ἐπιστολὰς ἐκ προσώπου τοῦ βασιλέως κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν καὶ χώραν τοῖς ἄρχουσιν περιεχούσας οὕτως καὶ τοῦτον τύπον [3])·

Ἐγὼ Διοκλητιανός, μέγιστος, ἀεισέβαστος, αἰώνιος βασιλεὺς τοῖς κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς στρατηγοῖς τε καὶ ἡγεμῶσιν καὶ τοῖς ἐπ' ἐξουσιῶν καὶ καθ' ὑπεροχὴν πᾶσιν χαίρειν. Ἐπειδήπερ ἦλθεν εἰς τὰς ἀκοὰς τὰς θείας ἡμῶν φήμη, οὐ μετρίως ταράσσουσα ἡμᾶς, ὡς αἱρέσεώς τινος ἐπικρατούσης ἀσεβεστάτης τῶν λεγομένων χριστιανῶν, οἵτινες λέγουσι, ὅτι γυνή τις Ἰουδαία ἔτεκεν υἱόν λεγόμενον Χριστὸν Ἰησοῦν Ἐμμανουὴλ, τοῦτον ὡς θεὸν προσκυνοῦσιν, Ἀπόλλωνα δὲ τὸν μέγαν καὶ Ἑρμῆν, Διόνυσον, Ἡρακλῆν τε καὶ Δία, δι' ὧν τῇ οἰκουμένῃ εἰρήνη δεδώρηται, ὑβρίζοντες βλασφημοῦσιν, αὐτὸν δὲ Ἰησοῦν τὸν Χριστὸν ὡς θεὸν σέβονται καὶ προσκυνοῦσιν, ὃν οἱ Ἰουδαῖοι ὡς κακοῦργον καὶ μάγον ἐσταύρωσαν. τούτου χάριν θεσπίζομεν πάντα χριστιανὸν εὑρισκόμενον, [ἄνδρας τε καὶ γυναῖκας], κατὰ πᾶσαν πόλιν τε καὶ χώραν τιμωρί[αις ὑποβάλ]λεσθαι πικροτάταις, πρὸς τὸ τοῖς θεοῖς ἡμῶν θύειν αὐτοὺς [καὶ

---

[1]) Передъ ἐξᾶραι, вѣроятно, пропущенъ глаголъ въ родѣ προσέταξεν.

[2]) Пар. ркп. 1447: σκεψάμενοι; 1178: id.

[3]) Ркп.: (ἄρχουσιν) περιεχούσης οὕτως καὶ τοῦτον τύπον; 1447: τοῖς ἄρχουσι, στρατηλάταις τε καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν, ἐχούσας τὸν τύπον τοῦτον; 1178: καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν ἐπιστολὰς ὧδεπως περιεχούσας. Вѣроятно, въ наш. текстѣ читалось: περιεχούσας τὸν τύπον τοῦτον или же ἐχούσας οὕτως.

ἀρνεῖσθαι] τὴν πλάνην ἐκείνην. καὶ εἰ μὲν πείθοιντο, ἀξιοῦσθαι συγγνώμης, [εἰ δὲ] μή γε, πονηρῷ θανάτῳ διὰ πυρὸς καὶ ξίφους τούτους παραδίδοσθαι προστάσσομεν. Ὡς εἴ τις κατὰ τῶν ἡμετέρων τούτων ἀποφάσε[ων ἀμε]λήσεται, τὰς αὐτὰς ἐκεῖνος [1]) τιμωρίας ὑφέξεται.

Τῶν τοιούτων οὖν προσταγμάτων κατὰ πᾶσαν πόλιν προτιθεμένων, καὶ διωγμοῦ μεγάλου ἐπικρατοῦντος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης, ὥστε πολλοὺς τῶν ἐπισημοτάτων ἀνδρῶν ἐνδοῦναι. ἐπ πλεῖον δὲ θυμούμενος ὁ Διοκλητιανὸς προσεκάλεσεν πρὸς ἑαυτὸν τὴν σύγκλητον πᾶσαν καὶ πάντας τοὺς ἐν ὑπεροχῇ ὄντας, σὺν τοῖς στρατεύμασιν· καὶ πάντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ γεγονοτων, Διοκλητιανὸς ὁ [2]) ἀσεβέστατος ἐδημηγόρησε λέγων· Ἐμοὶ δοκεῖ, προσφιλέστατοι, μηδὲν εἶναι τιμιώτερον τῆς τῶν θεῶν εὐμενείας καὶ πεποιθήσεως, ἐπειδὴ δι' αὐτῶν μὲν ἡμῖν ἡ βασιλεία, πᾶσι δὲ ἀνθρώποις ἡ σωτηρία δεδώρηται· δίκαιον τοίνυν (τοῦτον) [3]) ἡγούμεθα τοὺς μὲν θεοὺς ταῖς συνεχέσι θυσίαις ἀμείβεσθαι, τοὺς δὲ εὑρισκομένους χριστιανούς, καὶ τοὺς θεοὺς παροργίζοντας, παντοίαις ἐπινοίαις ὑποβάλλειν βασάνων, μέχρις ἂν ἡ τούτων δυσσεβὴς θρησκεία καταλυθῇ καὶ [τὸ] [4]) μνημόσυνον αὐτῶν διὰ κακίστων βασάνων κατασβεσθῇ. — Πρὸς ταῦτα δὲ εὐφώνως πάντες ἀπεκρίναντο, λέγοντες· Ἡμεῖς προθύμως ἀποδεχόμεθα, μέγιστε καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θεότητος διὰ πάντων πρόνοιαν, σέβεσθαι καὶ τιμᾶσθαι βουλόμεθα τοὺς ἀθανάτους θεούς, ὥσπερ [5]) καὶ τὸ ὑμέτερον κράτος περιφρουρῶσιν. Εἴ τις δὲ τοῦ λοιποῦ εὑρεθῇ μέχρις καὶ μόνης ἐνθυμήσεως τὸν Χριστὸν ὁμολογῶν [6]) ἢ ὅλως αὐτὸν θεὸν ὀνομάζων, παντοίαις ἰδέαις βασάνων θανάτῳ ὑποβληθήσεται. — Τοῦτον γὰρ τὸν ἀσεβῆ καὶ παράνομον τρόπον βουλευσαμένης τῆς πονηρᾶς καὶ ἀσεβοῦς συγκλήτου, καὶ [διαταγμάτων] προτιθεμένων, καὶ παντοίων ἐπινοουμένων βασανι-

---

[1]) Не ἐκείνοις ли?

[2]) Въ ркп. ὁ нѣтъ.

[3]) τοῦτον лишнее.

[4]) τὸ вставлено.

[5]) Ркп. οὓς; 1447: ὥσπερ. Не ὅπως ли? (въ виду сослаг. περιφ.).

[6]) Ркп. ὁμολογήσει, но далѣе ὀνομάζων; въ 1447 этихъ словъ (ὁμολ. ἢ ὅλ. αὐτ.) нѣтъ, но раньше: εὑρεθήσεται ὡς.

στηρίων κατὰ τῶν χριστιανῶν, εἴ τινα ἂν ηὕρισκον, τοῦτον ἀνήλοσκον, τηνικαῦτα ἀνέλαμψε ὡς ἐν σκοτομηνίῳ [1]) νυκτὶ ἀστὴρ διαφανής, ὁ λαμπρὸς τοῦ Χριστοῦ τίμιος μαργαρίτης Γεώργιος, ὁ ἐμὸς δεσπότης, καὶ τοῦ Χριστοῦ γενναῖος στρατιώτης, ἀφανίσαι μὲν τῆς πολυθέου πλάνης τὴν ἀχλὺν καὶ ματαιότητα ἐν τελείῳ φρονήματι, φωτίσαι δὲ τὴν ἡμέραν τοῦ σωτηρίου κηρύγματος πᾶσιν τοῖς ἀξίοις διὰ τῆς ἀθλήσεως, μὴ δειλιάσας τὰς ἀπειλὰς τοῦ μιαρωτάτου βασιλέως Διοκλητιανοῦ, μηδὲ τὴν μανίαν τῶν τοσούτων ἀρχόντων, οὔτε τοῦ στρατοπέδου, οὔτε τῶν προκειμένων βασανιστηρίων λόγον παντελῶς ποιησάμενος, ἀλλὰ τούτοις πᾶσιν ἐνατενίζων τοῖς δοκοῦσιν εἶναι δεινοῖς, τὸ φιλόθεον τῆς καρδίας φρόνημα ἐλογίζετο, λέγων· Γεώργιε, τί ἕστηκας ἀργὸς τοῦ Κυρίου καλοῦντος τοὺς βουλομένους [2]) εἰς τὸν ἴδιον [γάμον; ἡνέ]ωκται ὁ νυμφών, ὁ δεῖπνος ἡτοίμασται πρὸ τὸ [κεκλεισμέναι? εἰ]σιν [3]) αἱ θύραι, εἴσελθε. Πάρεστι [καὶ νῦν] Ἰησοῦς ὁ οὐράνιος, [κρά]ζων καὶ λέγων· μὴ φοβηθῆτε ἀπὸ τῶν [ἀποκτεινόντων] τὸ σῶμα, τὴν δὲ ψυχὴν μὴ δυναμένων ἀποκτεῖν[αι] [4]). μνήσθητι, Γεώργιε, τῶν εὐαγγελικῶν μαθημάτων τῆς δεσποτικῆς διδασκαλίας, λεγούσης· ὅς τις [5]) ὁμολογήσει ἐν ἐμοὶ ἔμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων, ὁμολογήσω κἀγὼ αὐτὸν ἔμπροσθεν τοῦ πατρός μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς. μὴ προκρίνῃς, Γεώργιε, τὴν πρόσκαιρον ταύτην καὶ παρερχομένην τοῦ βίου τούτου σκιάν, μηδὲ τὴν ματαίαν δόξαν τοῦ κόσμου τούτου, ὅτι πᾶσα δόξα ἀνθρώπου ὡς ἄνθος χόρτου· ὀλίγον ὑπόμεινον καὶ μετὰ ἀγγέλων ἀγαλλιάσει. Ταῦτα πρὸς αὐτὸν λαλήσας καὶ συμβουλευσάμενος ὁ μεγαλομάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος, ἀκουομένης τῆς φωνῆς αὐτοῦ, οὐκ ἐφοβήθη τὰς ἀπειλὰς τῶν τυράννων, ἀλλὰ τὴν ἀλήθειαν ἔργῳ καὶ λόγῳ κηρύξας, καὶ τῶν προκειμένων κολαστηρίων τὸ πλῆθος καταγελάσας, διδασκαλίαν μεγίστην σὺν τῇ ἀθλήσει τῇ ἁγίᾳ τοῦ θεοῦ ἡμῶν τῇ ἐκκλησίᾳ κατέλειπεν [6]). Ὑπῆρ-

---

[1]) Ркп. σκοτομήνι.

[2]) Ркп. βουλευομένους; 1447: βουλομένους.

[3]) Порча текста.

[4]) Εὐ. κατὰ Ματθ. 10, 28.

[5]) Ркп. ὃς ἂν; Ματθ. 10, 32: ὅς τις.

[6]) Ркп. διδασκαλία μεγίστη .... ἡ ἐκκλησία.

χεν οὖν ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος τῆς τῶν Καππαδόκων χώρας, εὐγενὴς τὸν τρόπον καὶ τῇ περιουσίᾳ λαμπρός· τριβουνᾶτα πλεῖστα πράξας ἐν νουμέρῳ ἐπισήμῳ τῶν Ἀνικίων [1]), κόμης χρηματίσας διὰ τὴν πολλὴν αὐτοῦ εὐδοκίμησιν, παρῆν τηνικαῦτα ἐν τῷ στρατοπέδῳ παρὰ τῷ βασιλεῖ. Θεασάμενος οὖν τὴν τοσαύτην κατὰ τοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν γενομένην μανίαν παρὰ τῶν θεραπόντων τῶν εἰδώλων, ἐν τάχει τά τε χρήματα καὶ τὴν περιουσίαν λαμπρῶς διανείμας πτωχοῖς τε καὶ πένησιν, ἀθλητικῶς ἀπεδύσατο. καὶ στὰς προθύμως ἐν μέσῳ τοῦ βασιλικοῦ βήματος καὶ τῆς συγκλήτου καὶ πάντων τῶν στρατιωτῶν καθημένων καὶ τῶν ἐπεξουσιῶν [2]) παρεστώτων, ἔκραξε λέγων· Ἐγὼ χριστιανός εἰμι, βασιλεῦ [3]), ἰδοὺ ἐγὼ θαρρῶν εἰς τὸν ἀληθινὸν καὶ ἐπουράνιον βασιλέα Χριστὸν ἕστηκα μέσον ὑμῶν, θαυμάζων ὑμῶν τὴν τοσαύτην πλάνην, ἣν περὶ τὰ εἴδωλα ἔχετε, ἀγνωοῦντες τὸν μόνον ἀληθινὸν θεὸν ἡμῶν, τὸν τῶν ἁπάντων δημι[ουργόν, ὃς καὶ] τὴν βασιλείαν σοὶ δέδωκεν· διό, βασιλεῦ καὶ πάν[τες οἱ συγκα]θήμενοί σοι, μὴ οὖν πλανᾶσθε τῇ τῶν δαιμόνων ἀ[πάτῃ, γέγραπτ]αι γάρ· οἱ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν οὐ ποιήσαντες ἀπολέσθω[σαν· ἡμεῖς γὰρ οἱ χριστι]ανοὶ σεβόμεθα τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν [τὸν πατέρα καὶ ἕνα Κύριον] Ἰησοῦν Χριστὸν προσκυνοῦμεν, δι' οὗ ταῦτα πάντα [ἐγένετο, καὶ] ἓν πνεῦμα ἅγιον σεβόμεθα, τριάδα τελείαν ἐν μιᾷ θεότητι. διὸ καὶ ἐνταῦθα ζῶμεν εὐσεβῶς καὶ μετὰ θάνατον δεχόμεθα ζωὴν αἰώνιον· τὰ δὲ ἡμέτερα σεβάσματα ὄντως χλευῆς ἄξια· μῦθοι γάρ εἰσιν καὶ οὐδὲν ἐπ' αὐτοῖς ἀληθές, ἐφεύρεσις γάρ ἐστιν τοῦ διαβόλου, βυθίζουσα τοὺς πρὸς αὐτὰ προστρέχοντας εἰς ὄλεθρον καὶ ἀπώλειαν. — Ἀτενίσας εἰς αὐτὸν ὁ Μαγνέντιος, ὁ δεύτερος τοῦ βασιλέως καὶ φίλος, εἶπεν· Τί τὸ ὄνομά σου καὶ τίς εἶ σύ, ὅτι τοιαύτην ἔσχηκας τόλμην; Ὁ ἅγιος Γεώργιος εἶπεν· τὸ μὲν πρῶτον καὶ ἐξαίρετον ὄνομά μου, χριστιανός εἰμι. τὸ δὲ ἐν ἀνθρώποις Γεώργιος λέγομαι, οὕτως εὐδοκήσαντος Χριστοῦ τοῦ θεοῦ μου. δεῖ

---

[1]) Ркп. ἀνοικῶν. Читай Ἀνικίων.

[2]) Ркп. στρατιωτῶν. Вѣроятнѣе, στρατηγῶν. Ркп. ἐπεξουσιῶν. Вѣроятнѣе, ὑπεξουσίων.

[3]) Въ ркп. за словомъ βασιλεῦ еще разъ повторено слово: λέγων.

γάρ με καρποφορῆσαι τῷ ἐμῷ δεσπότῃ τόν πολυπλασίονα τῆς εὐσεβείας καρπόν. — Ἐμβλέψας δὲ εἰς αὐτόν ὁ Διοκλητιανός ὡς βύθιος δράκων, εἶπεν· Γεώργιε, μανθάνομεν τὰ περὶ σοῦ, ὅτι ἐν φρονήσει καὶ ἀνδρίᾳ εὐδοκιμῶν [1]) ἀεὶ τιμῶν ἠξιώθης ἐκ τῆς βασιλικῆς ὑμῶν προνοίας· πρόσελθε τοίνυν καὶ θῦσον τοῖς θεοῖς ἡμῶν, ἵνα μὴ κακῶς ἀποθάνῃς, ἀλλὰ καὶ τῆς ἡμετέρας φιλανθρωπίας ἀπολαύσῃ, καὶ τιμῆς καὶ πλούτου περισσωτέρου τύχῃς παρ' ἡμῶν· αὕτη γάρ σου ἡ ματαία παρρησία οὐδέν σε ὠφελήσει. — Ὁ ἅγιος Γεώργιος λέγει· εἴθε, βασιλεῦ, σὺ μᾶλλον ἀνασχόμενός μοι, ἐπίγνως ἂν τὸν μόνον ἀληθινὸν θεόν, ἵνα καὶ τῆς ἐπουρανίου βασιλείας τύχῃς, ἢ καὶ ἀξιωθῇς· αὕτη γάρ σου ἡ βασιλεία πρόσκαιρός ἐστιν, καὶ αἱ ἐπαγγελίαι καὶ αἱ κολακίαι, οὐκοῦν οὐδόλως τὸ σταθηρόν μου τῆς εἰς Χριστὸν ὁμολογίας παρασαλεύσειαν· [2]) αἱ οὖν τιμαί σου σὺν σοὶ ἔσονται καὶ αἱ ἐπαγγελίαι σου τοῖς πειθομένοις σοι. Ἐγὼ γὰρ ἔχω τὸν ἐν οὐρανοῖς βασιλέα Χριστόν, παρέχοντά μοι δόξαν καὶ νίκην κατὰ σοῦ, σατανᾶ, καὶ τῶν ὑπηρετῶν σου. — Τότε θυμωθεὶς ὁ βασιλεὺς ἐκέλευσεν ἀναρτηθῆναι αὐτὸν καὶ ξέσθαι κατὰ τῶν σπλάγχνων αὐτοῦ (καὶ) [3]) κοντῷ χρουσθῆναι, πρὸς τὸ τὰ σπλάγχνα αὐτοῦ χαμαὶ ῥιφῆναι. Τούτου δὲ γενομένου, μολύβδου δίκην εἰς τὰ ὀπίσω ἐστράφη. καὶ ὁ μάρτυς ἔφη· εὐχαριστῶ σοι, κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὅτι τοῦ ὑπηρέτου τοῦ διαβόλου ἀπέστρεψας τὴν ῥομφαίαν εἰς τέλος, καὶ τὰ κατ' ἐμὲ φρυάγματα αὐτοῦ καθεῖλες. — Ὀργῆς δὲ πλησθεὶς ὁ Διοκλητιανός, ἐκέλευσεν αὐτὸν κατενεχθῆναι ἀπὸ τοῦ ξύλου, καὶ ἀσφαλισθῆναι αὐτὸν ἐν τῇ φυλακῇ καὶ ἐκτανθῆναι τὰς χεῖρας καὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ ἐν τῷ ξύλῳ δεινῶς, καὶ [ἐπὶ τὸ] στῆθος αὐτοῦ τεθῆναι λίθον παμμεγέθη. Ἐπιτιθέντος δὲ τοῦ λίθου ἐπ' αὐτὸν ὑπὸ ἀνδρῶν τεσσάρων μόλις βασταχθέντος [4]), εἶπεν ὁ ἅγιος μεγάλῃ τῇ φωνῇ· εὐχαριστῶ σοι, κύριε, ὅτι κατηξιώθην βάρος ἐπιτεθῆναι τῇ καρδίᾳ

---

[1]) Ркп. εὐδόκιμον.

[2]) Ркп. παρασαλεύσιεν.

[3]) Въ ркп. 1178: προσέταξε πάλιν ὁ βασιλεὺς ξύλῳ τοῦτον ἀναρτηθέντα κοντῷ χρουσθῆναι. Послѣ αὐτοῦ въ ркп. καὶ нами вставлено.

[4]) Ркп. — έντων. Ср. ркп. 1178: ὑπὸ πολλῶν τοίνυν ἀνδρῶν μηχανῇ τινὶ βασταχθέντος τοῦ λίθου.

μου, τὸ ὀφεῖλον στηρίξαι αὐτὴν εἰς τὸ ἀμετάθετον εἶναι τῆς εἰς σὲ ὁμολογίας [1]. — Πρωΐας δὲ γενομένης κελεύει γενέσθαι τροχὸν παμμεγέθη, καὶ τῷ τροχῷ ἐμπαγῆναι ἥλους καὶ τρυπανίσκους, καὶ ἀπηρτίσθη [2]) ὁ τροχὸς ὡσεὶ τεκτονικὸν πιεστήριον, ἄνωθεν μὲν ἔχων ξίφη, κάτωθεν δὲ δυστόμους μαχαίρας. — Προστάττει δὲ.... [3]) Εἰσελθὼν δὲ ὁ ἅγιος καὶ ἰδὼν τὴν τέχνην τοῦ τροχοῦ, ἄνωθεν μὲν ξίφη ἔχοντος, κάτωθεν δὲ δυστόμους μαχαίρας, ἐθαύμασεν τὴν κακομήχανον τοῦ διαβόλου κατασκευήν, εἶτα κινήσας τὸν ἑαυτῷ τοιαῦτα· γνῶθι, ὁ κύριος ἐν μέσῳ δύο ληστῶν ἐσταυρώθη [4]). Ἔπειτα ἀναβλέψας τὸ ὄμμα εἰς τὸν οὐρανόν, εἶπεν.

Εὐχὴ τοῦ ἁγίου Γεωργίου. Ἀδιάδοχε σταδιάρχα, μαρτύρων καύχημα, στέφανος ἀγαλλιάσεως, Κύριε ὁ Θεός, ὁ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν ποιήσας, καὶ πάντα τὰ ὁρατὰ καὶ τὰ ἀόρατα, ὁ ἐπὶ τῶν ὑδάτων ἀναπαυόμενος, οὗ τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων οὐκ ἔγνω τὴν σὴν ἀνάπαυσιν, ὁ ἐν ὑστέροις καιροῖς ἀποστείλας τὸν μονογενῆ σου παῖδα ἐν λαγόσι παρθενικοῖς, ὡς ἠθέλησας, τὸ γέννημα τὸ ἀληθινόν, οὗ [5]) οὐδεὶς τὴν αὐτοῦ γέννησιν περιεργάσασθαι δύναται, ὁ ἐπὶ τῶν ὑδάτων περιπατήσας καὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ μὴ μολύνας, ὁ ἀνέμοις ἐπιτι-

---

[1]) Ркп. τὸ ὤφειλον. Ср. Cod. 1178: τὸ ὀφεῖλον ἐν ἐμοὶ στηρίξαι τὸ ἀμετάθετον τῆς εἰς σὲ ὁμολογίας.

[2]) Ркп. ἀπιτίσθη. Въ ркп. 1178: ἀπαρτισθέντος.

[3]) Въ текстѣ, очевидно, пропускъ. Сл. Cod. 1178: Ἀπαρτισθέντος τοίνυν τοῦ τοιούτου ὀργάνου, προσέταξεν ὁ ἀσεβέστατος βασιλεὺς ἀχθέντα τὸν ἅγιον βληθῆναι ἐν αὐτῷ. Ὡς δὲ κατὰ τὸν τόπον, ἐν ᾧπερ ἦν ὁ τροχός, αὐτὸν ἤγαγον, θεασάμενος и т. д.

[4]) Текстъ испорченъ. Cod. 1178: θεασάμενος τέχνῃ σατανικῇ κατεσκευασμένον τὸ ὄργανον, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανὸν εἶπεν· Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ ὑπεράγαθος θεός μου, εὐχαριστῶ σοι ὅτι μὲ τὸν ἀνάξιον εἰς τὸν παρόντα κλῆρον ἐκάλεσας, αὐτὸς οὖν ὁ ἐν μέσῳ δύο ληστῶν σταυρωθεὶς καὶ ὑπὲρ τῆς τῶν ἀνθρώπων σωτηρίας θανάτου γευσάμενος ἀθάνατος ὑπάρχων, δός μοι τῆς εἰς σὲ πίστεως ἀκλινῆ τὴν ὁμολογίαν ἐν τῇ ὥρᾳ ταύτῃ, διαφύλαξόν μου τὴν ψυχὴν ἐκ τῆς τοῦ διαβόλου μηχανουργίας. Ταῦτα τοῦ δικαίου προσευχομένου, οἱ τοῦ ἀντικειμένου ὑπηρέται и т. д.

[5]) Ркп. ὃ.

μήσας, καὶ πάντα σοὶ ὑπήκουσαν τρόμῳ. Καὶ νῦν, δέσποτα Κύριε, ἐλθὲ ἵλεως καὶ εὐμενὴς ἐπ' ἐμοὶ τῷ ἁμαρτωλῷ καὶ κούφησόν με ἀπὸ τῶν μενόντων [1]) με πόνων· ὅτι σὺ εἶ δεδοξασμένος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, αμήν.

Καὶ μετὰ τὴν εὐχὴν ἐνεβλήθη εἰς τὸν τροχὸν καὶ μεγάλως πιεσθεὶς εἰς μέρη δέκα ἐκόπη. ἰδὼν δὲ ὁ τύραννος τοῦτο, ἦρεν αὐτοῦ τὴν φωνὴν εἰς ὕψος καὶ εἶπεν τοῖς λαοῖς· Ἴδετε, ὅτι οὐκ ἔστιν ἄλλος θεός, εἰ μὴ Ἀπόλλων καὶ Ἀθηνᾶ, Ἥφαιστος, Σκάμανδρος καὶ Ἡρακλῆς, οἵτινες τὰ τρία κλίματα τοῦ οὐρανοῦ συνεκρότησαν, δι' ὧν βασιλεῖς βασιλεύουσιν καὶ τύραννοι γῆς κρατοῦσι. ποῦ νῦν ἐστὶν ὁ θεὸς Γεωργίου, ὁ ἐσταυρομένος Χριστός, οἷον [2]) ῥαβδοῦχοι οἱ Ἰουδαῖοι ἀνεῖλον; διατί οὐκ ἦλθεν καὶ ἐρύσατο αὐτὸν ἐκ τῶν χειρῶν μου; Εὐθὺς οὖν κελεύει ὁ βύθιος δράκων ἀκοντισθῆναι τὰ ὀστᾶ αὐτοῦ εἰς λάκκον ξηρόν, λέγων, ὅτι μή τις τῶν χριστιανῶν ἅψηται τῶν ὀστέων αὐτοῦ. ἤδη γὰρ ἦν λοιπὸν καὶ ἡ ὥρα τοῦ ἀρίστου. Καὶ ἐπορεύθη ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ συγκάθεδροι αὐτοῦ εἰς τὸ ἄριστον, καὶ εὐθέως γίνεται ἦχος περὶ ὥραν δεκάτην καὶ φωνὴ ἐκ τῶν οὐρανῶν λέγουσα· Ἀνδρίζου, Γεώργιε, ἴσχυε καὶ ἀδίστακτος ἔσο. πολλοὶ γὰρ πιστεύσουσιν [3]) διὰ σοῦ εἰς ἐμέ. Καὶ ἐλθὼν ἄγγελος κυρίου ἔλυσεν αὐτὸν ἐκ τοῦ βασανιστηρίου ἐκείνου ὀργάνου καὶ ὑγιὲς [4]) ἀποκαταστήσας τὸ σῶμα αὐτοῦ, ἠσπάσατο λέγων· Χαῖρε σφόδρα, Γεώργιε. Ἀνέστη δὲ ὁ ἅγιος Γεώργιος, χαίρων καὶ εὐχαριστῶν τῷ οἰκείῳ δεσπότῃ, καὶ περιεπάτη ψάλλων· ὑψώσω σε ὁ Θεός μου. καὶ πάλιν· κατεύθυνον τὰ διαβήματά μου, Κύριε [5]). — Καὶ ἐλθὼν ἐπί τινα τόπον, ἔνθα τοῦ Ἀπόλλωνος ἔστηκεν ἄγαλμα, εὗρεν ἐκεῖ τὸν βασιλέα καὶ τὸν Μαγνέντιον καὶ πάντας τοὺς τοῦ βασιλέως φίλους. προσεγγίσας ὁ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ, ἔκραξεν λέγων· ἐπίγνωθί μοι, βασιλεῦ, καὶ τὸν παρ' ἐμοῦ σοι εὐαγγελιζόμενον θεόν, ὃς ἐξείλετό με ἐκ τῶν χειρῶν σου καὶ ἐκ τοῦ

---

1) Ркп. μενουσῶν.
2) Ркп. οἷον. Не читать-ли ὃν?
3) Ркп. πιστεύουσιν.
4) Ркп. ὑγειῆ.
5) Ps. 144, 1; 118, 133.

θανατοφόρου ὀργάνου, οὗ κατεσκεύασας εἰς ἀπόλειαν ἐμοῦ. Ἐμβλέψας δὲ ὁ βύθιος δράκων εἰς αὐτόν, ἔλεγεν, ὅτι εἴδωλόν ἐστιν, ἄλλοι ἔλεγον, ὅτι ὅμοιος αὐτοῦ ἐστιν. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος λέγει· Ἐγώ εἰμι ὁ ὑφ' ὑμῶν κατακοπείς. καὶ διατί ὀνειδίζετε τὸ ὄνομα κυρίου τοῦ θεοῦ μου, ὅστις καὶ ὑμῶν τὴν βασιλείαν δέδωκεν; Ἰδὼν δὲ Ἀνατόλιος ὁ στρατηλάτης, ὅτι ἀνέστη ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ μάρτυς Γεώργιος, ἐπίστευσεν εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, καὶ ταὐτά[1]) ἡ τάξις αὐτοῦ· θεασάμενος δὲ ταῦτα ὁ βασιλεὺς ἐκέλευσεν αὐτοὺς[2]) ἐκβληθῆναι ἔξω τῆς πόλεως καὶ διὰ ξίφους τελειῶσαι αὐτούς. Καὶ ἐποίησαν οὕτως καὶ ἐτελειώθη αὐτῶν ἡ μαρτυρία.

Καὶ πάλιν κελεύει ὁ παράνομος γενέσθαι κράββατον χαλκοῦν καὶ τὸν ἅγιον τανθῆναι ἐν αὐτῷ, καὶ ἐνεχθῆναι τρύβλιον, καὶ ἐμβληθῆναι τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ καὶ λυθῆναι μόλυβδον εἰς τὰς ῥαγμὰς τοῦ λίθου, καὶ οὕτως κυλισθῆναι τὸν λίθον σὺν τῷ κραββάτῳ[3]) ἐπὶ ἱκανοῦ τόπου, ἵνα κυλιομένου αὐτοῦ διασπασθῶσιν πάντα τὰ μέλη καὶ τὰ ὀστᾶ αὐτοῦ. ὡς δὲ καὶ ταύτην τὴν βάσανον γενναίως ὑπήνεγκεν, ἐκέλευσεν αὐτὸν πάλιν λυθῆναι, καὶ λίθον παμμεγέθη κρεμασθῆναι ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ, καὶ καπνῷ δρυμητάτῳ πνίξασθαι αὐτόν. καὶ μετὰ τοῦτο κελεύει γενέσθαι βοῦν χαλκοῦν καὶ ἐν αὐτῷ ἐμπαγῆναι ἥλους εὐμήκεις καὶ ὀγκίνους καὶ ἐν αὐτῷ ἐμβληθῆναι τὸν δίκαιον. καὶ πάλιν κελεύει ὁ ἀνομώτατος καὶ βύθιος δράκων διὰ μαγικῆς τέχνης στρέφεσθαι τὸν βοῦν, ὡς καὶ τὰς σάρκας τοῦ δικαίου διαλύεσθαι. ὡς δὲ καὶ ταύτην τὴν βάσανον γενναίως ὑπήνεγκεν, πάλιν κελεύει ἀσφαλισθῆναι αὐτὸν ἕως ὄρθρου, ὅπως σκέψηται ποίᾳ κολάσει ἀναλώσεται αὐτόν. ἐπεφάνη δὲ αὐτῷ ὁ κύριος ἐν τῇ φυλακῇ, καὶ λέγει αὐτῷ· Ἴσχυε καὶ ἀνδρίζου, Γεώργιε, μετὰ σοῦ γάρ εἰμι. ἰδοὺ γὰρ ἀπέθανες ἅπαξ, καὶ ἀνέστησά σε. τὸ δὲ τρίτον ἐγὼ αὐτὸς ἐλεύσομαι καὶ παραλήψομαι τὴν παρακαταθήκην, ἣν παρεθέμην τῷ

---

[1]) Ркп. ταῦτα.

[2]) Ркп. αὐτοὺς и тотчасъ далѣе αὐτῶν относится, вѣроятно, къ мученію Анатолія и Протолеона. Послѣдній, опущенный въ вѣнскомъ текстѣ, стоялъ въ его подлинникѣ.

[3]) Ркп. τοῦ κραββάτου.

σκηνώματί σου. ἴσχυε οὖν καὶ ἀνδρίζου. ἐγὼ γάρ εἰμι κύριος ὁ θεός σου ὁ ἐνισχύων. καὶ ἀσπασάμενος αὐτὸν ἀνῆλθεν ἐν τοῖς οὐρανοῖς.— Πρωΐας δὲ γενομένης κελεύει αὐτὸν ὁ βασιλεὺς εἰσελθεῖν ἐπὶ τοῦ βήματος αὐτοῦ, τοῦ ἁγίου δὲ παραγενομένου κελεύει γενέσθαι πρίωνα καὶ διχοτομισθῆναι τὸν μάρτυρα εἰς δύο. καὶ τούτου γενομένου, παρέδωκεν τὴν ἁγίαν αὐτοῦ ψυχὴν τῷ κυρίῳ. καὶ ἐκέλευσεν γενέσθαι λεύητα καὶ ῥητίνην καὶ κηρίον, ὥστε τὰ ἀπορραντίσματα ῥίπτειν ἀπὸ πηχέων δέκα. καὶ μὴ φέροντες οἱ ὑπηρέται τὴν τῆς πυρᾶς ἀνάγκην, ἐδήλωσαν τῷ βασιλεῖ, λέγοντες, ὅτι ἐξεκαύθη κατὰ ἀλήθειαν ὁ τρισάθλιος. οἶδε ἀντεδήλωσαν, ὅτι καὶ τὸν λεύητα χωσθῆναι ἐπὶ τῆς γῆς [1]), ἵνα μὴ εὑρεθῇ μέλος τι ἀπ' αὐτοῦ· ὡς δὲ ἐποίησαν οἱ ὑπηρέται τὸ κελευθὲν αὐτοῖς, ἀπῆλθον. ἐν αὐτῇ δὲ τῇ ὥρᾳ ἐγένετο σεισμὸς μέγας, καὶ ἦλθεν ὁ κύριος ἐπὶ τὸν λεύητα καὶ ἐφώρησεν τὸν ἅγιον, λέγων· ἐγώ εἰμι Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ τὸν Λάζαρον ἐκ νεκρῶν ἐγείρας. καί σε προστάσσω, Γεώργιε· ἔξελθε ἐκ τοῦ λεύητος καὶ δεύρω πρός με. καὶ αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀνέστη ὁ μάρτυς, καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ κύριος· ἀνδρίζου, Γεώργιε, ὅτι πολλὴ χαρὰ γίνεται ἐν τῷ οὐρανῷ ἐπὶ τῇ ἀθλήσει τῇ σῇ. λοιπὸν ὅταν θάνῃς [2]) τὸ τρίτον, ἐγὼ αὐτὸς ἐλεύσομαι καὶ παραλήψομαί σε. καὶ εὐθὺς ἀνῆλθεν εἰς τοὺς οὐρανοὺς μετὰ τῶν ἁγίων ἀγγέλων αὐτοῦ. — Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος εἰσελθὼν ἐν τῇ πόλει ἐδίδασκε τοὺς λαοὺς τὸν λόγον τοῦ κυρίου. οἱ δὲ ἐδήλωσαν τῷ βασιλεῖ, ὅτι Γεώργιος ὁ ἐν τῷ λεύητι κατακαεὶς τὸν λαὸν ἐπὶ τῆς πλατείας διδάσκει. ὁ δὲ βασιλεὺς καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἀκούσαντες ἐκέλευσαν κρατηθῆναι αὐτὸν καὶ [3]) ἄγεσθαι αὐτὸν εἰς [4]) τὸ βῆμα. Καὶ ἀγομένου αὐτοῦ, γυνή τις ὀνόματι Σχολαστικὴ ἔκλαιεν πρὸς τὸν μάρτυρα λέγουσα· κύριέ μου, Γεώργιε, ἰδοὺ ὁ υἱός μου ἔζευξεν ἐν τῷ πεδίῳ, ἐμαλακίσθη δὲ ὁ βοῦς καὶ ἀπέθανεν, ἀλλ' εἴ τι δύνασαι, βοήθει μοι, ὅτι οὐκ ἔστιν ὑπόστασις ἐν τῷ οἴκῳ μου. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος λέγει πρὸς αὐτήν· δέξαι τὴν βακτηρίαν μου ταύτην

---

[1]) Можно бы ждать дат. пад. безъ ἐπί.

[2]) Ркп. θανατῆς.

[3]) Въ ркп. καὶ нѣтъ.

[4]) εἰς прибавлено противъ ркп.

καὶ ἔξελθε εἰς τὸ πεδίον καὶ ἐπίθες ταύτην ἐπὶ τὸν βοῦν σου καὶ εἰπέ, ὅτι τάδε λέγει Γεώργιος· ἐν τῷ ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ ἔγειρε καὶ περιπάτει. Καὶ ἀπελθοῦσα, ἐποίησεν οὕτως· καὶ αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀνέστη ὁ βοῦς, καὶ ἐδόξασεν ἡ γυνὴ τὸν θεόν. Ἐπανελθὼν οὖν ὁ ἅγιος πρὸς τὸν βασιλέα, λέγει πρὸς αὐτόν· Γεώργιε, ἔστιν οὖν ἐν ἡμῖν λάρναξ λελατομέ[νη][1], καὶ οὐδεὶς εἶδεν τὸν ἐκεῖ κατακείμενον, οὔτε ....τεαι.[2] ἐὰν γὰρ διὰ τῆς προσευχῆς ἀνασταθῇ, πιστεύσομεν τῷ θεῷ σου. ὁ δὲ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ λέγει πρὸς αὐτόν· ἐγὼ ἔχω τὴν αὐτόλεκτον φωνὴν τοῦ ἁγίου εὐαγγελίου τὴν λέγουσαν, ὅτι «ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως, ἐρεῖτε[3] τῷ ὄρει τούτῳ· μετάβηθι ἐντεῦθεν ἐκεῖ, καὶ μεταβήσεται. καὶ οὐδὲν ἀδυνατήσει ὑμῖν».— Ἀναστὰς οὖν ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ περὶ αὐτόν, ἀπεστέγασαν τὴν λάρνακα καὶ ὀστέον οὐχ εὗρον. τὸν δὲ χοῦν συλλέξαντες, ἤνεγκαν αὐτόν. Ὁ δὲ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ, θεὶς τὰ γόνατα αὐτοῦ, προσηύξατο. καὶ μετὰ τὴν εὐχὴν γίνεται ἦχος ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἀστραπαὶ πυρός, καὶ ἔλαμψεν φῶς ἐπὶ τὸν κείμενον χοῦν, καὶ ἀνέστη ἐκ τοῦ χοὸς ἀνὴρ εἷς. Καὶ λέγει αὐτῷ ὁ βασιλεύς· τί τὸ ὄνομά σου; ὁ δὲ λέγει· Ἰοβὴλ καλοῦμαι. Καὶ ὁ βασιλεύς· πόσα ἔτη ἔχεις ἀποθανών; καὶ λέγει ὁ νεκρός· πλείονα ἢ ἐλάσσω τετρακόσια ἔτη. λέγει πρὸς αὐτὸν ὁ βασιλεύς· Χριστὸς ἦν ἐπιδημήσας τότε, ἢ οὔ; ἀπεκρίθη ὁ νεκρὸς λέγων· οὐδὲ ἦν τὸ ὄνομα Χριστός. Ὁ βασιλεὺς λέγει· ἐν τῇ ζωῇ σου τί ἦν τὸ σέβας σου; λέγει αὐτῷ· Ἀπόλλων. καὶ ὅτε ἐξῆλθον ἐκ τοῦ βίου τούτου γέγονα ὑποβρύχιος. ἐκεῖ εὐθὺς ἐπέστη μοι ὁ πύρινος ποταμὸς καὶ ὁ ἀκοίμητος σκώληξ. ἐκεῖ γάρ εἰσιν ἑνὸς ἑκάστου τὰ ἔργα πρὸ ὀφθαλμῶν ἱστάμενα. ἐπεφώνει δὲ ὁ ἀρχιστράτηγος Μιχαήλ· δείξατε ἔργα καὶ λάβετε μισθόν· πᾶς γοῦν ἄνθρωπος, ὃς γεννᾶται ἐπὶ τῆς γῆς καὶ οὐχ ὁμολογήσει[4] τὸν ἐσταυρωμένον Χριστὸν τοῦτον εἶναι θεόν, ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ πάσης ὁρω-

---

[1]) Ркп. λελαττομέ[τ. η].

[2]) Испорчено. Gallic.: et nemo hominum novit introitum eorum, qui ibidem positi sunt.

[3]) Εὐ. κ. Ματθ. 17, 20. Вмѣсто ἐρεῖτε въ ркп. λέγεται ἄν.

[4]) Ркп. ὁμολογήσει δάν.

μένης καὶ ἀοράτου κτίσεως, εἰ καὶ πολλαῖς ἁμαρτίαις καταμιάνῃ τὸ σῶμα αὐτοῦ, ἐξέλθῃ δὲ ἐκ τοῦ ματαίου βίου τούτου, ὑποβρύχιος γίνεται. μόνον δὲ ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς ἁγίας κυριακῆς τυγχάνει ἀνέσεως διὰ τὸ παθεῖν τὸν ἐσταυρωμένον. — Καὶ ἐμβλέψας εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα λέγει· ὁ λύχνος τοῦ φωτός, φώτισόν μου τὴν ψυχήν, καὶ δός μοι τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα, καὶ μὴ κελεύσῃς μὲ ἀπελθεῖν εἰς τὸν τόπον ἐκεῖνον τὸν ὑποβρύχιον. — Ὁ δὲ ἅγιος ἰδὼν τὴν πίστιν τοῦ ἀνδρός, ἐλάκτισεν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, καὶ ἐξῆλθεν πηγὴ ὕδατος, καὶ ἐβάπτισεν αὐτὸν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, καὶ λέγει αὐτῷ· ἄπελθε λοιπὸν καὶ ἀναπαύου. Καὶ εὐθέως ἀφανὴς ἐγένετο. Ἐν δὲ τοῖς [τοιούτοις με]γίστοις[1]) καὶ ἀπείροις θαύμασι, μὴ πιστεύσας ὁ παμμίαρος βασιλεύς, μᾶλλον δὲ θυμοῦ πλησθείς, λέγει πρὸς τοὺς σὺν αὐτῷ· οἶδα ὅτι δαίμονα παρέστησεν ἡμῖν, καὶ λέγει· νεκρὸν ἤγειρα. καὶ εὐθέως προστάττει κρατηθῆναι τὸν μάρτυρα καὶ βουνεύροις ξηροῖς τὰς σάρκας αὐτοῦ ξαίεσθαι ἀφειδῶς καὶ κασίδαν πεπυρωμένην τεθῆναι ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ καὶ ἔλαιον βράζον[2]) προσάπτεσθαι αὐτοῦ. καὶ πάλιν κελεύει κρεμασθέντα ξαίεσθαι αὐτόν. Ξαιομένου δὲ αὐτοῦ, τὰ ἐντὸς αὐτοῦ ἀπεφάνθησαν. ὁ δὲ μὴ φέρων τὰς πικρὰς ὀδύνας, ἀπέδωκεν τὴν ψυχὴν τῷ κυρίῳ. κελεύει δὲ ὁ βασιλεὺς κατενεχθῆναι τὸ σῶμα αὐτοῦ καὶ ἀπενεχθῆναι εἰς τὸ ὄρος καὶ ῥιφῆναι εἰς ἀνάλωσιν θηρίων καὶ ὀρνέων. ὅτι ἔλεγεν ὁ τύραννος· οὐ μὴ ἐάσω ἐκ τῶν λειψάνων αὐτοῦ τι. ἀπενεχθὲν δὲ τὸ σῶμα τοῦ μάρτυρος, ἔρριψαν αὐτὸ οἱ στρατιῶται εἰς τὸ ὄρος καὶ κατήρχοντο. ἐγένετο δὲ κατερχομένων αὐτῶν, γίνεται ἀστραπὴ καὶ βροντὴ φοβερά, ὥστε καὶ τὸν τόπον σαλευθῆναι. καὶ ἦλθεν ὁ κύριος ἐπὶ νεφέλης φωτός, καὶ ἐφώνησεν λέγων· Γεώργιε, ἀνάστα ἐν τάχει. καὶ εὐθέως ἀνέστη καὶ κατεδίωξεν ὀπίσω τῶν στρατιωτῶν κράζων καὶ λέγων· ἐκδέξασθέ μοι[3]) μικρόν, ἀδελφοί. ἰδόντες δὲ αὐτὸν οἱ στρατιῶται προσέπεσον αὐτῷ, κλαίοντες καὶ λέγοντες· δοῦλε τοῦ ὑψίστου θεοῦ, δὸς ἡμῖν τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα.

---

[1]) Ркп. τοῖς ..... γίστοις. Дополнено по догадкѣ.

[2]) Ркп. δῆλα βράζων.

[3]) Ркп. μοι. — Нужно-бы με.

καὶ ἀναστήσας αὐτοὺς ὁ ἅγιος, ἐβάπτισεν αὐτοὺς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. καὶ οὕτως ἐπορεύθησαν πρὸς τὸν βασιλέα. καὶ ἐλθόντες, ἐκήρυξαν, λέγοντες· καὶ ἡ μεῖς, βασιλεῦ, χριστιανοί ἐσμεν. ἐκέλευσεν ὁ βασιλεὺς τῷ ξίφει τούτους ἀναιρεθῆναι. — Γλυκερίου δέ τινος ἀγροίκου ἀροτριῶντος ἔπεσεν ὁ βοῦς, ὁ εἷς αὐτοῦ, καὶ ἀπέθανεν. καὶ ἐλθὼν προσέπεσεν τῷ ἁγίῳ καὶ εἶπεν· κύριε, βοῦν εἶχον χρήσιμον, καὶ ἐζεύγνυον αὐτὸν[1]) σὺν τῷ ἑτέρῳ, καὶ τὴν γῆν εἰργαζόμην, καὶ ἐτρεφόμην κἀγὼ καὶ ὁ οἶκός μου. νῦν οὖν ἄρτι πεσὼν εἰς τὸ ἄροτρον ἀπέθανεν. καὶ δέομαί σου, ὅπως εὔξῃ[2]) ἵνα ἀναστῇ. εἶπεν δὲ ὁ ἅγιος· ἐὰν πιστεύῃς, ἐγερθήσεται ὁ βοῦς σου. Καὶ ὁ Γλυκέριος εἶπεν· πιστεύω, κύριε, ὅτι οὐκ ἔστιν ἕτερος, εἰ μὴ ὁ τῶν χριστιανῶν θεός. καὶ λέγει αὐτῷ ὁ ἅγιος· ἄπελθε, καὶ εὕρῃς ζῶντα τὸν βοῦν. καὶ εὐθέως ἦλθεν κράζων καὶ λέγων· μέγας ὁ θεὸς τῶν χριστιανῶν. καὶ συλλαβόμενοι αὐτὸν οἱ στρατιῶται ἀνήγγειλαν τῷ βασιλεῖ περὶ αὐτοῦ. θυμωθεὶς οὖν ὁ μιαρώτατος Διοκλητιανός, μηδὲ τὴν προσωνυμίαν αὐτοῦ ἐρωτήσας, ἐκέλευσεν αὐτὸν μεληδὸν κατακοπῆναι. καὶ οὕτως τὸν τῆς μαρτυρίας στέφανον ὁ Γλυκέριος ἀνεδύσατο. τὸν δὲ μεγαλομάρτυρα Γεώργιον ἐκέλευσεν ὁ Διοκλητιανὸς παραστῆναι ἐπὶ τοῦ βήματος καὶ ἤρξατο παρακαλεῖν αὐτόν, λέγων· μὰ τοὺς θεοὺς ἅπαντας, εἰ εἰσακούσῃ[3]) μου, Γεώργιε, καὶ προσελθὼν θύσεις τοῖς θεοῖς, χαρίσομαί σοι χρήματα πολλά, καὶ δεύτερος [ἔσῃ ἐν τῷ] ἐμῷ παλατίῳ. καὶ γὰρ φείδομαί σου καὶ σφόδρα ἀνέχομαί σου, ζεῖν σε μᾶλλον βουλόμενος ἤπερ ἀποθανεῖν. Ὁ δὲ ἅγιος λέγει· καλῶς λέγεις, βασιλεῦ, ἄρτι καὶ μετὰ τοσαύτας κολάσεις ποῦ ζητήσω τὴν ὕβριν μου[4]); Ὁ δὲ βασιλεὺς λέγει· χάρισαί μοι ὡς πρὶν σοῦ τὸ ἔγκλημα, καὶ θύσον[5]) τοῖς θεοῖς, καὶ μετ' ἐμοῦ ἔσῃ ἐν τῷ παλατίῳ. Ὁ δὲ ἅγιος λέγει· ὅλως[6])

---

1) Ркп. αὐτῷ.

2) Ркп. εὔξης.

3) Ркп. εἰσάκουσῃ. — Εἰ прибавлено.

4) Читай: ἄρτι καὶ μ. τ. κ. ποῦ ζ. τ. ὕβ. μου; Ркп. ставитъ точку послѣ ἄρτι и послѣ μου.

5) Ркп. ϑύσω.

6) Ркп. ὅλως. — Не ὅπως ли?

ἀπελογήσω μοι, βασιλεῦ, τοῦτο καὶ ποιήσω. ἡ ἡμέρα ἤδη συνήχθη πρὸς ἡλίου δυσμάς, καὶ οὐ δύναμαι θῦσαι. ἀλλὰ κέλευσον ἀσφαλισθῆναί με ἐν τῇ φυλακῇ, ἕως τὸ πρωΐ, ἵνα τῷ πρωὶ ἐνώπιον πάντων τοῖς θεοῖς θύσω. Ὁ δὲ βασιλεύς, χαρᾶς πλησθείς, λέγει τῷ μάρτυρι· μή, μὴ γένοιτο εἰς κόλασίν σε παραδώσω, ἀλλὰ καὶ ἃς ἐπήνεγκά σοι πληγάς, ὡς πρώην σου, συγχώρησόν μοι. νῦν δὲ εἴσελθε εἰς τὸ ἐσώτερον παλάτιον καὶ ἀναπαύου ἐκεῖ. Εἰσελθόντος δὲ αὐτοῦ, ἡνίκα ἑσπέρα ἐγένετο, κλίνας τὰ γόνατα, διὰ πάσης τῆς νυκτὸς προσηύχετο, ψάλλων οὕτως· τίς θεὸς μέγας, ὡς θεὸς ἡμῶν; σὺ εἶ ὁ θεὸς ὁ ποιῶν θαυμάσια. Καὶ πάλιν ἔλεγεν· ἐπὶ σοι, κύριε, ἤλπισα, μὴ καταισχυνθήσωμαι εἰς τὸν αἰῶνα. Εὐτρόπιος δὲ ὁ εὐνοῦχος λέγει τῇ βασιλίσσῃ Ἀλεξάνδρᾳ· Γεώργιος ὁ μύστης τῶν Γαλιλαίων οὐκ εἴασε δή με ἀναπαυῆναι φλυαρῶν καὶ τὸν θεὸν αὐτοῦ ἐπικαλούμενος. ἡ δὲ βασίλισσα ἀκοῦσαι θέλουσα ἅμα δὲ καὶ θεᾶσαι αὐτόν, προσκαλεσαμένη τὸν ἅγιον μάρτυρα, λέγει αὐτῷ· εἰπέ μοι, τίς ἡ φλυαρία αὕτη, ἣν ἐφλυάρησας δι' ὅλης τῆς νυκτός, καθὼς ἔμαθον; ὅμως δίδαξόν με, τίς ἐστιν ὁ θεός σου, ὃν ἐπικαλεῖσαι; Γεώργιος λέγει· ὁ θεός μου μέγας ἐστίν. αὐτὸς γὰρ ἐποίησεν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, τὴν θάλασσαν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτῇ, καὶ πᾶσαν τὴν κτίσιν, τυφλοῖς τὸ φῶς ἐχαρίσατο, χωλοῖς τὸ περιπατεῖν, τοὺς δὲ πλανωμένους ὁδηγεῖ πρὸς τὴν ἀλήθειαν αὐτοῦ. ἡ βασίλισσα λέγει· πῶς λέγουσιν, ὅτι ὁ θεὸς τῶν χριστιανῶν ἄνθρωπός ἐστιν; Γεώργιος λέγει· ἄκουσον, βασίλισσα, πῶς παρεγένετο ὁ θεὸς ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ἄνθρωπος ὤφθη. ὁ προφήτης ὁ θεοπάτωρ Δαβὶδ λέγει· ὁ καθήμενος ἐπὶ τῶν χερουβίμ, ἐμφάνηθι. ἐξέγρου τὴν δυναστείαν σου καὶ ἐλθὲ εἰς τὸ σῶσαι ἡμᾶς. καὶ ὁ θεόπτης Μωϋσῆς ἔφη· ἴδετε, ἴδετε, ὅτι ἐγώ εἰμι θεὸς καὶ οὐκ ἔστιν θεὸς πλὴν ἐμοῦ. [1]) καὶ πάλιν ὁ προφήτης Ἀββακοὺμ λέγει· κύριε, εἰσακήκοα τὴν ἀκοήν σου καὶ ἐφοβήθην, κύριε, κατενόησα τὰ ἔργα σου καὶ ἐξέστην. [2]) καὶ ὁ θεῖος Δαβίδ· καταβήσεται ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον [3]). ταῦτα γὰρ οὕτως προεφήτευσαν

[1]) Exod. 20, 2—3.
[2]) Habac. 3, 1—2.
[3]) Psalm. 71, 6.

οἱ θεοφόροι προφῆται ἐξ ἁγίου πνεύματος κινούμενοι. ἡ βασίλισσα λέγει· Γεώργιε, τί ἤκουσεν ὁ Ἀββακοὺμ καὶ ἐφοβήθη; ἢ τί κατενόησεν καὶ ἐξέστη; Ὁ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ λέγει· ἄκουσον, βασίλισσα Ἀλεξάνδρα. ἤκουσεν γάρ, ὅτι ὁ θεὸς ἐπὶ ἀνθρώπων παραγίνεται, καὶ ἐφοβήθη, κατενόησεν ὅτι μετ' αὐτῶν συναναστραφήσεται, καὶ ἐξέστη. ἡ βασίλισσα λέγει· τί ἐστιν πάλιν, ὃ εἶπεν ὁ Δαβίδ, ὅτι καταβήσεται ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον; ὁ μάρτυς λέγει· πόκος ἐστίν, βασίλισσα, ἡ παρθένος Μαρία, ὑετὸς δὲ ὁ Χριστός ἐστιν. κατῆλθεν γάρ, ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόκον, ὁ λόγος τοῦ θεοῦ, καὶ ἐνοίκησεν ἐν τῇ κοιλίᾳ τῆς παρθένου Μαρίας, καὶ προῆλθεν ἐν ἀφθαρσίᾳ καὶ ἐδείχθη ἀνθρώποις, ἵνα σώσῃ τὸν πλανώμενον ἄνθρωπον. ἡ βασίλισσα λέγει· τί οὖν οἱ θεοὶ ἡμῶν; Ὁ μάρτυς ἔφη· οὐδέν ἐστιν· εἴδωλα γὰρ ὄντα δαιμόνων, μετ' αὐτῶν καὶ τὴν μερίδα ἔχουσιν. ὀφθαλμοὺς ἔχουσι καὶ οὐ βλέπουσιν, ῥίνας ἔχουσιν καὶ οὐκ ὀσφρανθήσονται, στόμα ἔχουσιν καὶ οὐ λαλήσουσιν. ὅμοιοι αὐτοῖς γένοιντο οἱ ποιοῦντες αὐτὰ καὶ πάντες οἱ πεποιθότες ἐπ' αὐτοῖς. λέγει αὐτῷ ἡ βασίλισσα κατανυγεῖσα· καλῶς διδάσκεις, κύριέ μου Γεώργιε. εὖξαι οὖν ἐπ' εμοί, ἵνα φύγῃ ἀπ' ἐμοῦ ἡ πλάνη τῶν εἰδώλων. ὁ μάρτυς λέγει· πίστευσον εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, καὶ οὐ μή σου καταχαρισεύσει [1]) ἡ πλάνη τῶν εἰδώλων, ἢ ἡ κνίσσα αὐτῶν.—Τῇ δὲ ἐπ' αὔριον προσέταξεν ὁ ἡγεμὼν ἀχθῆναι πᾶσαν τὴν σύγκλητον καὶ τὸ στρατόπεδον σὺν τῷ δήμῳ, κηρύξας, ὅτι ὁ μύστης τῶν Γαλιλαίων, Γεώργιος, προσέρχεται θῦσαι τοῖς θεοῖς. καὶ πάντες οἱ ὄχλοι ἔκραζον· ὁ Ἀπόλλων ἐνίκησεν, βασιλεὺς ὁ Διοκλητιανὸς ζήτω εἰς τοὺς αἰῶνας. εἰσελθόντων δὲ εἰς τὸ ἄγαλμα, καὶ σιγῆς γενομένης, σταθεὶς ὁ ἅγιος Γεώργιος καὶ ἐμβλέψας τὸν βωμὸν τῶν εἰδώλων, τῷ [2]) Ἀπόλλωνι εἶπεν· σὺ εἶ θεὸς καὶ σὲ χρὴ σέβεσθαι τοὺς ἀνθρώπους. καὶ εὐθέως τὸ πνεῦμα τὸ παραμένον τὸ ἄγαλμα τοῦ Ἀπόλλωνος ἐβόησεν, λέγον· οὐκ εἰμι ἐγὼ θεός, οὐδὲ οἱ μετ' ἐμοῦ, ἀλλ' ἔστιν θεὸς ἀληθινὸς ὁ ποιήσας τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, καὶ ὁ τούτου υἱὸς ὁ Χριστός, δι' οὗ τὰ πάντα ἐποίησεν. ἡμεῖς δὲ ἄγγελοι αὐτοῦ ὄντες ἀποστάται γεγόναμεν, καὶ δαίμονες ὀνομα-

---

[1]) **Ркп. такъ. М. 6. καταχαρώσῃ.**

[2]) **Ркп. καὶ τῷ.**

ζόμεθα. καὶ πλανῶνται εἰς ἡμᾶς οἱ ἄνθρωποι. Γεώργιος εἶπεν· καὶ εἰ οὐκ ἐστε θεοί, διὰ τί πλανᾶτε[1]) τοὺς ἀνθρώπους; πῶς δὲ τολμᾶτε ὑπομένειν ἐμοὶ τῷ δούλῳ τοῦ θεοῦ ἑστῶτα ὧδε; καὶ σὺν τῷ λόγῳ τάραχος ἐγένετο μέγας, καὶ ἐβόησεν τὸ δαιμόνιον λέγον· οὐαί μοι, οὐαί μοι. καὶ εὐθὺς πάντα συνέπεσον τὰ εἴδωλα ὑφὲν ἐπὶ τὴν γῆν καὶ συνετρίβησαν, τὸ σημεῖον τοῦ τιμίου σταυροῦ ποιήσαντα τὸν ἅγιον.[2]) εἰδῶτες δὲ οἱ ἡμιερεῖς τὴν συντριβὴν τῶν εἰδώλων, κατέδραμον κατὰ τοῦ ἁγίου, λέγοντες· αἶρε τοῦτον, βασιλεῦ, αἶρε τὸν γόητα καὶ μάγον, ὅτι ἡ μαγία αὐτοῦ πάντας ἐπλάνησεν, καὶ τοὺς μεγίστους καὶ καλλινίκους θεοὺς συνέτριβεν.[3]) θυμωθεὶς οὖν ὁ βασιλεὺς ἐκ τῆς τῶν δαιμόνων ἐργασίας καὶ τῆς πληθῆς τῶν ἀνιέρων ἱερέων καὶ βοῆς, λέγει τῷ μάρτυρι τοῦ Χριστοῦ· κακὴ κεφαλὴ καὶ πάσης γοητείας πεπληρωμένη, οὐκ ἐμοὶ συνέθου τοῖς θεοῖς θῦσαι τῷ Ἀπόλλωνι καὶ Ποσειδῶνι[4]); λέγει αὐτῷ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος· ἀνόητε καὶ ἀναίσχυντε, ἐγὼ τὴν ἐμὴν θυσίαν ἐτέλεσα πρὸς Χριστὸν τὸν θεόν μου, τὸν ὄντως ἀληθινὸν θεόν. διὰ τοῦτο πάντες οἱ θεοὶ ὑμῶν ἠφανίσθησαν. γνῶθι οὖν καὶ ἰδέ, ὅτι κἂν ἑαυτοῖς δύνανται βοηθῆσαι, οὔτε τινὰ ἕτερον.[5]) εἴδωλα γάρ εἰσιν ἀναίσχυντα καὶ δαιμόνια πλανῶντα τοὺς ἀναισθήτους ἀνθρώπους, ὑπὸ δὲ τῶν τοῦ Χριστοῦ δούλων μόνον καταργούμενα. ἀκούσασα δὲ ἡ βασίλισσα Ἀλεξάνδρα τὰ γενόμενα, ἔδραμεν πρὸς τὸν βασιλέα καὶ ἐβόησεν, λέγουσα· ὁ θεὸς Γεωργίου τοῦ ἀηττήτου μάρτυρος καὶ στρατιώτου σου βοήθησόν μοι τῇ ἁμαρτωλῷ[6]), καὶ μὴ μνησθῇς τῶν ἁμαρτιῶν μου, κύριε, ἀλλὰ μνήσθητι τῆς τελευταίας μου ταύτης μεταβολῆς, καὶ δός μοι μέρος μετὰ τῶν χριστιανῶν καὶ μετὰ τοῦ θεράποντός

---

[1]) Ркп. πλανᾶται.

[2]) Ркп. ποιήσαντα τὸν ἅγιον, т. е. ποιήσαντος τοῦ ἁγίου.

[3]) Ркп. ἄιρε... αἶρε... ἐπλάνησεν... συνέτριβεν. — Скорѣе: ἆρον, συνέτριψεν.

[4]) Ркп. Ποσιδόνι.

[5]) Ркп. τινὰ ἕτερον. — Либо пропущенъ глаголъ, отъ котораго зависитъ т. ἕτερον, либо читалось τινὶ ἑτέρῳ.

[6]) Ркп. τὴν ἁμαρτωλόν.

σου Γεωργίου. Ἐπίστευσαν δὲ πλήθη πολλὰ τῷ κυρίῳ. Ὀργισθεὶς δὲ ὁ βασιλεύς, ἔδωκεν τὴν κατ' αὐτοῦ ἀπόφασιν καὶ τῆς βασιλίσσης, εἰπὼν πρὸς τὸν μάρτυρα· ἰδού, παγκάκιστε Γεώργιε, καὶ τὴν βασίλισσαν ὑποπλανήσας θανάτῳ ὑποβάλλεις. [1]) ἀπέρχου οὖν καὶ σὺ σὺν αὐτῷ, ἀξίαν τοίνυν τὴν εἰς τοὺς θεοὺς βλασφημίας δίκην εἰσπράξασθε. καὶ ἀπεφήνατο οὕτως· Γεώργιον τὸν μύστην τῶν Γαλιλαίων, ὡς μὴ προσκυνήσαντι τὸ κράτος τῶν μεγίστων θεῶν, ἀλλὰ τὴν βασιλείαν ὑποφθείραντι, δίδωμι τὴν κατ' αὐτοῦ ἀπόφασιν, ξίφει τὴν κεφαλὴν ἀποτμηθῆναι σὺν τῇ βασιλίσσῃ αὐτῷ ἀποπλανηθείσῃ. Καὶ λαβόντες αὐτοὺς οἱ στρατιῶται ἐξήγαγον ἔξω τῆς πολεως. πορευόμενοι δὲ προθύμως ἐπὶ τὸ σπουδαζόμενον αὐτοῖς βραβεῖον σὺν τῷ μάρτυρι, καὶ εὐχόμενοι κατὰ διάνοιαν τῷ κυρίῳ, ὡς ἡ κίνησις τῶν χειλέων αὐτῶν ἐδήλου, καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡ βασίλισσα εἰς τὸν οὐρανὸν ἀτενίζουσα, ἀπέδωκεν τὴν ψυχὴν τῷ κυρίῳ. Ὡς δὲ ἤγαγον τὸν ἅγιον μάρτυρα Γεώργιον ἐπὶ τὸν τῆς τελειώσεως τόπον, εἶπεν πρὸς τοὺς στρατιώτας· ἐκδέξασθέ με, ἀδελφοί, μικρόν, ὅπως προσεύξωμαι. ἀφέντων δὲ τὸν ἅγιον μικρόν, ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ τὰς χεῖρας ἐκτείνας, ηὔχετο, λέγων· Κύριε ὁ θεὸς οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς δεσπότης, ἐπάκουσον τῆς φωνῆς τῆς δεήσεώς μου, καὶ δός μοι τὰ αἰτήματά μου, ἵνα πᾶς ἄνθρωπος, γενόμενος ἐν ὕπνῳ φοβερῷ ἢ ἐν ἀνάγκῃ, καὶ ἐπικαλέσηται τὸν εὔσπλαγχνον πατέρα καὶ υἱὸν καὶ ἅγιον πνεῦμα, μνησθεὶς δὲ τοῦ ὀνόματός μου τοῦ δούλου σου Γεωργίου, ποίησον τὴν δυσκληρίαν αὐτοῦ εἰς ἀγαθόν. καὶ ῥῦσαι αὐτὸν ἀπὸ πάσης ἀνάγκης καὶ θλίψεως καὶ διωγμοῦ καὶ ἀρρωστίας καὶ λιμοῦ καὶ βασκανίας καὶ φθόνου καὶ χειμασίας θαλάσσης καὶ δυσχερίας πραγμάτων. καὶ ἐν δικαστηρίῳ φοβερῷ παράστα αὐτῷ καὶ σῶσον, κύριος ὁ θεός μου. καὶ δός, κύριε, τοῖς μνημονεύουσιν τὴν μνήμην τῆς ἀθλήσεώς μου, τοῦ μὴ ἐπελθεῖν αὐτοῖς ἀφορίαν καρπῶν, μήτε ἄλλην πληγὴν οἵαν δήποτε, ἀλλὰ σύντριψον τὸν σατανᾶν ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτῶν. οἶδας γάρ, δέσποτα, ὅτι σὰρξ καὶ αἷμά εἰσιν, καὶ τὸ ὄνομά σου δοξάσουσιν εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

---

[1]) ὑποβάλλει?

Αὐτῇ δὲ τῇ ὥρᾳ φωνὴ ἐγένετο πρὸς αὐτὸν ἐκ τῶν οὐρανῶν, λέγουσα· Γεώργιε, ὁ παῖς μου, εἰσήκουσα οὖν τῆς φωνῆς τῆς δεήσεώς σου. δεῦρω ἀπολάμβανε, ἃ ἡτοίμασά σοι. δώσω χάριν τῷ ὀνόματί σου, ἵνα πᾶς ὁ μνημονεύων σου τῆς ἀθλήσεως, ῥύσωμαι αὐτὸν ἀπὸ πάσης θλίψεως, ἀνάγκης καὶ δικαστηρίου καὶ ὁράματος δυσχεροῦς, οἶδας γὰρ. ὅτι σὰρξ καὶ αἱμά εἰσιν. — Ἡνίκα δὲ ὁ κύριος ἐπαύσατο λαλῶν πρὸς αὐτόν, στραφεὶς ὁ ἅγιος Γεώργιος, λέγει τῷ σπεκουλάτορι· δεῦρω, τέκνον, πλήρωσόν σου τὴν οἰκονομίαν. καὶ προσελθὼν ὁ σπεκουλάτωρ ἀπέτεμεν τὸν γενναῖον αὐτοῦ αὐχένα. Καὶ εὐθέως ἐγένετο ὁ ἀὴρ συννεφής, καὶ σεισμός, καὶ ἀστραπαί, καὶ βρονταί, καὶ ὑδάτων πλῆθος. Λαβόντες δὲ οἱ χριστιανοὶ τὸ ἅγιον αὐτοῦ λείψανον, κηδεύσαντες, ἔθαψαν σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Πολυχρονίᾳ ἐν τόπῳ ἐπισήμῳ, ἐν Διοσπόλει. ἐτελειώθη δὲ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ μεγαλομάρτυς Γεώργιος μηνὶ Ἀπριλίῳ κγ', ἡμέρᾳ παρασκευῇ, ὥρᾳ ἐννάτῃ, βασιλεύοντος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

III.

Извлеченія изъ житія св. Георгія по парижской рукописи № 1534.

(f. 107 v.—124).

Γέννησις, ἀνατροφὴ καὶ μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. Κε̄ εὐσ̄.

Ἡ μὲν τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεία οὔτε ἀρχὴν ἡμερῶν, οὔτε ζωῆς τέλος ἔχει.... εἰς τὴν ἀληθῆ καὶ σωτήριον θεοσέβειαν. (см. стр. 36 и 42).

(f. 107 v. — 111 r.) Ὅθεν καὶ κατ' αὐτοὺς καιροὺς Γαλιηνοῦ τοῦ Ῥωμαίων ἐπὶ ἑξαετίαν βασιλεύσαντος καὶ Κλαυδίου τοῦ μετ' αὐτὸν τῆς αὐτῆς βασιλείας ἐπὶ διετίαν κρατήσαντος, καὶ τὸν κοινὸν πᾶσιν ἀνθρώποις θάνατον τελευτήσαντος, Αὐρηλιανοῦ δὲ μετὰ καὶ

ἑτέρων τινῶν ὀλιγοχρονίων γεγονότων τῆς Ῥωμαίων βασιλείας καὶ κατάρξαντος ἐπὶ ἓξ καὶ δεκαετῆ κύκλον καὶ πολλὰ τρόπαια κατὰ τῶν ἀντιδικούντων Ῥωμαίοις ἀναδεξαμένου, ἐν τοῖς καιροῖς αὐτῶν ἦν τις συγκλητικὸς οἰκῶν ἐν Σεβαστοπόλει τῆς Ἀρμενίας ὀνόματι Γερόντιος, Καππαδόκης τὸ γένος, ἔχων στρατηλάτου ἀξίωμα. τὸ δὲ ὄνομα τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ἐκαλεῖτο Πολυχρονία. Οὗτος οὖν ὁ Γερόντιος ἕλλην ὑπάρχων τῇ θρησκείᾳ, θυσίας καὶ σπονδὰς καθ' ἑκάστην προσέφερε τοῖς μὴ οὖσι θεοῖς, ἀλλὰ ξοάνοις ἀψύχοις. ἡ δὲ τούτου σύμβιος Πολυχρονία εὐσεβῶν γονέων θυγάτηρ γενομένη καὶ χριστιανὴ τυγχάνουσα οὐ διέλειπεν νυκτὸς καὶ ἡμέρας διὰ νηστειῶν καὶ δεήσεων προσευχομένη τῷ θεῷ, καὶ τὰς θείας γραφὰς ἀναγινώσκουσα καὶ ζῶσα εὐσεβῶς καὶ μὴ φανεροῦσα ἑαυτὴν χριστιανήν, διὰ τὴν ἐπικρατοῦσαν μανίαν τῶν θεραπευτῶν τῶν εἰδώλων. —Ὅθεν συλλαβοῦσα ἡ μακαρία Πολυχρονία ἐν γαστρί, ἔτεκεν τὸν ἅγιον Γεώργιον, ἀνέτρεφεν δὲ αὐτὸν ἐν πάσῃ εὐσεβείᾳ καὶ σωφροσύνῃ. καὶ διδαχθεὶς τὰ ἱερὰ γράμματα ὁ κάλλιστος νεανίας, ἀξιωθεὶς δὲ καὶ τοῦ ἁγίου καὶ σωτηριώδους βαπτίσματος, ἐλάτρευεν τῷ κυρίῳ, διδασκόμενος λάθρα ὑπὸ τῆς τιμίας αὐτοῦ μητρός. Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, μηδὲν ἐκ τούτων πάντων γινώσκων, πρὸς ἑαυτὸν βουλευσάμενος ἐστράτευσεν αὐτὸν κόμητα καὶ λέγει αὐτῷ· Τέκνον φίλτατον, πορευθῶμεν ἐν τῷ ναῷ τῶν μεγίστων θεῶν καὶ προσάγαγε αὐτοῖς θυσίαν καὶ λίβανον, ἵνα ζωήν σοι καὶ ῥώμην σώματος χαρίσωνται· αὐτοὶ γάρ σε ἐν τοιαύτῃ ἡλικίᾳ καὶ τιμῇ κατέστησαν. Ταῦτα δὲ ἔλεγεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, μὴ γινώσκων ὅτι ἐστὶν δοῦλος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ὁ δὲ ἅγιος παῖς καὶ πιστὸς δοῦλος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος ἀκούσας τοὺς λόγους τούτους ἐμειδίασεν, καὶ μέγα στενάξας σφόδρα λέγει τῷ πατρὶ αὐτοῦ· Πάτερ, οὐ δύναμαι νῦν ἐλθεῖν εἰς τὸν ναὸν τῶν θεῶν σου καὶ θυσίας αὐτοῖς προσαγαγεῖν, ἐπειδὴ οὐκ εἰσιν θεοί, ἀλλ' εἴδωλα κωφὰ καὶ τυφλὰ καὶ ἀναίσθητα. ὥστε μὴ πλανῶ, πάτερ, ὑπὸ εἰδώλων ἀψύχων, πειθαρχῶν δαιμονίοις ἀκαθάρτοις, ἀλλ' εἰ βούλει[1]) ἄκουσόν μου, πάτερ, κἀγώ σοι ὑποδείξω θεὸν ζῶντα καὶ ἀληθινόν, ὅστις ἐποίησεν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν

[1]) Рκп. ἐβούλει.

καὶ τὴν θάλασσαν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς. Ἐγὼ γὰρ ἔμαθον ἀπὸ τῶν ἁγίων γραφῶν, ὅτι[1]) θεοί, οἳ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν οὐκ ἐποίησαν, ἀπολοῦνται, καὶ πάντες οἱ πεποιθότες ἐπ᾿ αὐτοῖς· εἴδωλα γάρ εἰσι δαιμονίων· λαλεῖς αὐτοῖς καὶ οὐκ ἀκούσουσι, διανεύεις καὶ οὐ βλέπουσι, πίπτουσι καὶ οὐκ ἐγείρονται. ὥστε ἐκ τούτου γνῶθι, πάτερ, ὅτι οὐκ εἰσι θεοί. ἐπειδὴ λαλεῖς αὐτοῖς καὶ οὐκ ἀκούσουσι, καὶ πῶς δύνανται ἄλλοις βοηθῆσαι; Ἀλλ᾿ εἰ θέλεις πεισθῆναί μοι, πάτερ, καὶ ζῆσαι τὴν ὄντως αἰώνιον καὶ μακαρίαν ζωήν, φύγωμεν τὴν τῶν εἰδώλων πλάνην καὶ μανίαν, καὶ σώσει ἡμᾶς ὁ Κύριος Ἰησοῦς Χριστός, ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ τοῦ ζῶντος· ἀγαπᾷ γὰρ πάντας τοὺς ἐλπίζοντας ἐπ᾿ αὐτόν. Μάθε οὖν, πάτερ, ὅτι καὶ Παῦλος ὁ ἀπόστολος βλάσφημος καὶ διώκτης ἦν τῶν ἐκκλησιῶν· ἐλθούσης δὲ ἐπ᾿ αὐτὸν τῆς θείας χάριτος γέγονε τῶν καλῶν σύμβουλος καὶ διδάσκαλος ἀγαθῶν ἔργων, ὅτι ὁλοψύχως ἠγάπησε τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν. Καὶ ἡμεῖς οὖν, καλὲ πάτερ, μαθητεύσωμεν αὐτῷ, εἰ βούλει, ἵνα εὕρωμεν χάριν παρ᾿ αὐτῷ καὶ τὴν ἀγάπην ἐκείνην τὴν ἀληθινὴν εἰς ὅλους αἰῶνας.

Ἡ δὲ μακαρία Πολυχρονία ἡ μήτηρ τοῦ ἁγίου παιδὸς Γεωργίου ἀκούσασα τὰ ῥήματα ταῦτα ἠγαλλιάσατο σφόδρα, ὅτι ἔσπευδεν σῶσαι ψυχὴν ὑπὸ δαιμόνων ἀπολλυμένην.

Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος ἀκούσας ταῦτα μετὰ μεγάλης λύπης, ἀποκριθεὶς λέγει αὐτῷ· οἴμοι, τέκνον γλυκύτατον, τίς ἐδίδαξε τὴν φλυαρίαν ταύτην; οὐκ οἶδας, ὅτι μωρία ἐστὶν ἡ νουθεσία τῶν χριστιανῶν; καὶ οἱ θεοὶ ὀργιζόμενοι διὰ τὸ ἐνυβρίζεσθαι αὐτοὺς ὑπ᾿ αὐτῶν, βασάνοις πικραῖς παραδίδωσιν αὐτούς; Πρόσελθε οὖν, τέκνον φίλτατον, εὐμενῶς, καὶ προσάγαγε αὐτοῖς θυσίαν καὶ σπονδήν, ἵνα μὴ ὀργισθέντες θανάτῳ σε πικρῷ παραδώσωσι, καὶ ἐμοῦ καὶ τῆς μητρός σου τὸ γῆρας ἐν θλίψει πολλῇ εἰς ᾅδου καταγάγῃς. Ὁ δὲ πάνσοφος καὶ φιλάνθρωπος θεός, ἵνα δείξῃ τὴν ἑαυτοῦ ἄφατον εὐσπλαγχνίαν καὶ ἀγαθότητα, διὰ ποίας προφάσεως ἠθέλησεν ἐπιστρέψαι τὸν πατέρα τοῦ παιδὸς Γεωργίου εἰς τὴν ἀληθινὴν καὶ ὀρθόδοξον πίστιν τῶν χριστιανῶν, εἰσακούσατε. Ὑπέβαλεν αὐτὸν

---

[1]) Ркп. ὅτε.

διὰ μιᾶς νυκτὸς πυρετῷ λαβροτάτῳ σφόδρα, καὶ δεινῶς βασανιζόμενος ἐκάλεσε τὸν ἡγιασμένον παῖδα ὑπὸ θεοῦ Γεώργιον, καὶ λέγει αὐτῷ· Τέκνον γλυκύτατον, ὡς ὁρῶ, μεγάλη ἐστὶν ἡ πίστις τῶν χριστιανῶν, καὶ ὁ θεὸς αὐτῶν μέγας ἐστὶν πάνυ· ὤφθη γάρ μοι ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ καὶ ἔμφοβός εἰμι σφόδρα. θέλησον οὖν, τέκνον φίλτατον, ταχέως πορευθῆναι καὶ ἐπιζητῆσαι τοὺς χριστιανούς, ἵνα παρακαλέσωσι τὸν θεὸν αὐτῶν καὶ ῥυσθῶ τῆς βασάνου ταύτης[1]), ὅτι δεινῶς βασανίζομαι. Ὁ δὲ τοῦ Χριστοῦ θεράπων Γεώργιος, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανόν, εἶπεν· εὐχαριστῶ σοι, κύριέ μου Ἰησοῦ Χριστέ, νῦν καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας, ὅτι οὐκ ἐμάκρυνας τὸ ἔλεός σου ἀπὸ τῶν ἐν ἀληθείᾳ ἐπικαλουμένων σε, ἀλλ' ἐγγὺς εὑρίσκῃ, κύριε, πάντοτε τῶν πόρρω καὶ μακρὰν ὄντων. Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ τοῦ Χριστοῦ δοῦλος Γεώργιος, λέγει τῷ πατρὶ αὐτοῦ· Πάτερ, εἰ ἐξ ὅλης τῆς καρδίας σου καὶ τῆς ψυχῆς σου πιστεύεις εἰς τὸν σωτῆρα τοῦ κόσμου, οὐ μόνον ἐκ τῆς βασάνου ταύτης λυτρώσεταί σε, ἀλλὰ καὶ ἐκ πάντων τῶν ἁμαρτιῶν ὧν ἔπραξας ἐκ νεότητός σου, καὶ ἀθανάτου ζωῆς ἀξιώσει σε· μεγάλη γάρ ἐστιν ὡς ἀληθῶς ἡ πίστις τῶν χριστιανῶν.

Ὁ δὲ Γερόντιος κράξας φωνῇ μεγάλῃ εἶπεν· πιστεύω εἰς τὸν θεὸν τὸν ὀφθέντα μοι ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ καὶ φωτίσαντά μου τὴν ψυχὴν εἰς τὴν ἐπίγνωσιν αὐτοῦ. Ὁ δὲ δοῦλος τοῦ Θεοῦ Γεώργιος, χαρᾶς μεγάλης πλησθείς, σπουδαίως ἀπῆλθεν ἔν τινι μοναστηρίῳ ἐπὶ τὸ καλέσαι ἄνδρας εὐλαβεῖς βαπτίσαι τὸν πατέρα αὐτοῦ. Ἐλθόντων δὲ τῶν ὁσίων ἐκείνων καὶ εὐλαβῶν ἀνδρῶν καὶ ποιησάντων εὐχὴν ἐπ' αὐτόν, ἔασεν αὐτὸν εὐθέως ὁ πυρετός. καὶ κατηχήσαντες αὐτόν, ἐβάπτισαν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. καὶ ἐμπλησθεὶς τῆς θείας καὶ ἁγίας κοινωνίας τοῦ παναγίου σώματος τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἐπέζησεν ἡμέρας ιε̄. καὶ οὕτως ἐτελειώθη ὁ μακάριος Γερόντιος ὁμολογήσας καὶ πιστεύσας εἰς τὸν ἀληθινὸν θεὸν καὶ Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν διδόντα[2]) ζωὴν αἰώνιον πᾶσι τοῖς εἰς αὐτὸν πιστεύουσι.

---

[1]) Ркп. τούτου. [2]) Ркп. διδοῦντα.

Καὶ κηδεύσαντες αὐτὸν μετὰ πάσης εὐχῆς καὶ ὑμνῳδίας, ἔθαψαν ἐντίμως κατὰ τὴν παραδοθεῖσαν παρὰ τῶν ἁγίων ἀποστόλων θεάρεστον[1]) τάξιν. Γεώργιος δέ, ὁ γενναῖος καὶ τέλειος δοῦλος τοῦ Χριστοῦ, ἐν τῇ θείᾳ φρονήσει ἐστηριγμένος ὤν, καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι καταυγαζόμενος, σπουδαίως ἀπελθὼν ἐν τῷ ναῷ, ἐν ᾧ ἦσαν[2]) τὰ εἴδωλα τά τε χρυσᾶ καὶ τὰ ἀργυρᾶ, ἃ ἔστησεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, κατέκλασεν αὐτὰ καὶ τὸν ναὸν κατέλυσεν, καὶ οὐ μόνον τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, ἀλλὰ καὶ ὅπου ἐὰν ἵστατο ναὸς εἰδώλων κατέστρεφεν αὐτὸν καὶ τὰ εἴδωλα συνέτριβεν καὶ τοὺς ἱερεῖς ἀπέκτεινεν καὶ ἐποίει ἐλεημοσύνας καὶ ἐντολὰς πολλὰς εἰς χήρας καὶ ὀρφανοὺς καὶ πτωχούς.

Σχολαστικὸς δὲ εἷς ὀνόματι Σιλυανὸς ἕλλην ὑπάρχων τῇ θρησκείᾳ, ἰδὼν τὴν κατάλυσιν τῶν ἀναισθήτων καὶ ματαίων αὐτῶν θεῶν τὴν ὑπὸ τοῦ ἡγιασμένου παιδὸς Γεωργίου γενομένην, λυπηθεὶς σφόδρα, προσῆλθεν Οὐαρδανίῳ τῷ δουκὶ καὶ λέγει αὐτῷ· Δέομαι τῆς σῆς ὑπεροχῆς, Γεώργιος ὁ κόμης τοὺς ναοὺς ἡμῶν κατέστρεψε καὶ τοὺς θεοὺς κατέκλασε καὶ τοὺς ἱερεῖς ἀπέκτανεν. — Ὁ δὲ δοὺξ ἀκούσας ταῦτα ἀπέστειλε στρατιώτας ἱκανοὺς ἐπὶ τὸ συλληφθῆναι αὐτόν. ἐλθόντων δὲ τῶν στρατιωτῶν καὶ κρατησάντων αὐτόν, ἀπήγαγον πρὸς τὸν δοῦκα. ὁ δὲ Οὐαρδάνιος δοῦξ, καθίσας δημοσίᾳ, λέγει αὐτῷ· Γεώργιε, τί τοῦτο ἐποίησας; οὐκ οἶδας ὅτι προστάγματα ἐπέμφθησαν ἀπὸ τῶν βασιλέων κελεύοντα τοὺς χριστιανοὺς θύειν τοῖς θεοῖς καὶ μὴ ὑβρίζειν αὐτούς, εἰ δὲ μή γε ἔρχεσθαι αὐτοὺς εἰς κολάσεις μεγάλας; Θύσον οὖν αὐτοῖς, μὴ εἰς ψυχὴν κινδυνεύσῃς.

Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ τοῦ Χριστοῦ δοῦλος Γεώργιος λέγει αὐτῷ· Ἐγὼ θεοὺς μὲν πολλοὺς οὐκ οἶδα, ἕνα δὲ θεὸν ἀληθινὸν καὶ βασιλέα ἐπουράνιον οἶδα, τὸν κύριόν μου Ἰησοῦν Χριστόν· στρατιώτης γὰρ αὐτοῦ εἰμί, καὶ σφραγισθεὶς παρ' αὐτοῦ, αὐτῷ μόνῳ λατρεύω. Ὁ δοῦξ λέγει· Γεώργιε, ὁρῶ σε ἐν τῇ πολυλογίᾳ σου πολλὴν σοφίαν ἔχοντα, ὅθεν προσελθὼν θύσον τοῖς θεοῖς, ἐπεὶ οὐδέν σε ὀφελήσει ἐμμένων[3]) ἐν τοῖς αὐτοῖς. Ὁ ἅγιος Γεώργιος εἶπεν· αὕτη ἡ σοφία, ὦ δικαστά, οὐκ ἔστιν ἐξ ἐμοῦ, ἀλλ' ὁ θεός μου ἐχαρίσατό μοι αὐτήν, ὁ παρέχων τοῖς εὐθέσι τῇ καρδίᾳ καὶ τοῖς φυλάσσουσι τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ σοφίαν

---

[1]) Ркп. θεάριστον. [2]) Оставлено какъ въ ркп. ἦσαν. [3]) Такъ въ ркп.

καὶ μετοχὴν ἀγαθῶν ἐκ τοῦ πλούτου αὐτοῦ. Οἱ γὰρ ἐκ καρπῶν ἀγαθῶν τὰς καλὰς ἀρετὰς κατορθώσαντες καὶ δόξης οὐρανίου μὴ ἐκπεσόντες, Χριστὸν τὸν κύριον σωτῆρα ἡμῶν τῇ πίστει καθοπλησάμενοι, ὡς κλάδους ἔχουσιν εὐθαλεῖς τὴν σοφίαν προηγουμένην αὐτῶν, θεοσέβειαν καὶ πίστιν ὀρθήν. Οὗτοι γὰρ ζήλῳ μυστικῷ βαδίζοντες καὶ ὡς ἄγκυραν ἀσφαλῆ καὶ βεβαίαν τὴν τιμίαν πίστιν κατέχοντες, βασιλείαν Θεοῦ κληρονομήσουσιν. Ὅθεν οὐ μόνον τοῦ θύειν αὐτοῖς καὶ προσκυνεῖν οὐκ ἀνεχόμεθα, ἀλλὰ καὶ τοῦ ὀνομάζειν θεοὺς παντελῶς ἀπαρνούμεθα.

Ταῦτα τοῦ ἁγίου Γεωργίου εἰρηκότος, ὁ δοὺξ περὶ τὰς δημοσίας προόδους ἀσχολούμενος ἔφη ἀπελθών· Γεώργιε, σκέψαι τὸ συμφέρον σοι, τὰς διατάξεις τοῦ βασιλέως εἰδώς, καὶ ὡς ἀδύνατόν ἐστιν ἀντιλέγειν τοῖς παρ' αὐτοῦ θεσπίσμασιν. Ὁ δὲ τοῦ Χριστοῦ γνήσιος θεράπων Γεώργιος ἀποκριθεὶς εἶπεν· τὸ συμφέρον ἡμῖν ὁ Κύριος μεριμνήσει.

Καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῶν ἐν τῇ νεαζούσῃ ἡλικίᾳ πεπραγμένων τῷ ἡγιασμένῳ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ Γεωργίῳ, τῷ γενναίῳ στρατιώτῃ τοῦ Χριστοῦ εἰρήσθω παρ' ἡμῶν. Ὅθεν ἐπειδὴ ἐνεργέστερον (δεῖ) τὰ κατὰ τὸν ἁγιώτατον τοῦ Χριστοῦ στρατιώτην, λέγω δὴ τὸν ἀοίδημον Γεώργιον, διηγήσασθαι χρή, τραπήσομαι λοιπὸν περὶ τὸ ἔνθεον αὐτοῦ μαρτύριον, ἤτοι ἄθλησιν καὶ γενναίαν ὑπομονὴν καὶ καρτερίαν. Ἔφηβος γὰρ λοιπὸν τοῦ μαρτυρίου ἐνήρξατο, εἰκοστὸν ἔτος τῆς τοῦ σώματος ἡλικίας ἄγων ἤτοι φέρων.

Ἐγένετο τοίνυν κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας ἐπικρατούσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀρχῆς.... (сл. стр. 43).

(f. 122 r.—124 v.) Ὁ δὲ μακάριος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος λαβὼν τὴν ἀπόφασιν χαίρων ἔλεγεν· ὡς ἐμεγαλύνθη τὰ ἔργα σου, Κύριε, πάντα ἐν σοφίᾳ ἐποίησας [1]). Τότε ἀκούσασα ἡ μακαρία Πολυχρονία ἡ μήτηρ τοῦ ἁγίου Γεωργίου, ὅτι ἔλαβεν τὴν ἀπόφασιν ὁ υἱὸς αὐτῆς, εὐφράνθη τῷ πνεύματι πάνυ, καὶ ἀτενίσασα εἰς τὸν οὐρανὸν προσεύξατο πρὸς Κύριον λέγουσα· Κύριε ὁ θεός μου, εὐχαριστῶ σοι νῦν καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας, καὶ ὥσπερ προσεδέξω τὴν θυσίαν

[1]) Psalt. 103, 24.

τοῦ Ἀβραάμ, ὅτε τὸν υἱὸν αὐτοῦ προσήνεγκέν σοι εἰς ὁλοκάρπωσιν, οὕτως πρόσδεξαι καὶ Γεώργιον, τὸν ἐμὸν μὲν φίλτατον υἱόν, σοῦ δὲ θεράποντα γνήσιον, ἐν τῇ βασιλείᾳ σου τῇ αἰωνίᾳ καὶ μενούσῃ εἰς τοὺς αἰῶνας. Καὶ ταῦτα εὐξαμένη ἡ μακαρία Πολυχρονία, λέγει τῷ υἱῷ αὐτῆς· Τέκνον φίλτατον, μακάρια τὰ ἔργα τῆς πίστεώς σου, ὅτι ἠκολούθησας τοῖς διδάγμασι τοῦ δεσπότου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, οὕτως[1]) γάρ σε προσδέξεται ὡς τοῦ Ἄβελ τὰ δῶρα, καὶ ἀγαπήσει σε ὡς Νῶε τὸν εὐάρεστον αὐτοῦ, καὶ ἀπολήψῃ παρ' αὐτοῦ τὸν στέφανον τῆς νίκης μετὰ πάντων τῶν εὐαρεστησάντων αὐτῷ ἁγίων. καὶ ἐμὸν δὲ τέκνον ἐπεύξαι, πρὸ γὰρ σοῦ τελειοῦμαι ἐν τῇ ὁμολογίᾳ καὶ τῇ πίστει Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἀληθινοῦ ἡμῶν θεοῦ.

Ὁ δὲ βασιλεὺς ἰδὼν αὐτὴν φθεγγομένην καὶ προσομιλοῦσαν τὸν ἅγιον μάρτυρα τοῦ Χριστοῦ Γεώργιον προσκαλεσάμενος αὐτὴν λέγει· Γύναι, τί τὸ ὄνομά σου; Ἡ ἁγία λέγει· Πολυχρονία μὲν καλοῦμαι, χριστιανὴ δέ εἰμι, καθάπερ καὶ ὁ υἱός μου Γεώργιος, ὃν ἐδόκεις μὲν τιμωρεῖν, στεφανοῦται δὲ σήμερον παρ' αὐτοῦ δεσπότου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ὁ βασιλεὺς λέγει αὐτῇ· σὺ οὖν ἐδίδαξας αὐτὸν ἐνυβρίζειν[2]) τοὺς μεγίστους θεούς, καὶ μὴ προσκυνεῖν μηδὲ θύειν αὐτοῖς. Ἡ δὲ ἀποκριθεῖσα λέγει αὐτῷ· Οὐκ ἐγώ, ἀλλ' ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ, ἡ φωτίζουσα πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον. ἡμεῖς γάρ, ὦ βασιλεῦ, ἐξ ἀρχῆς ἐδιδάχθημεν Θεὸν ζῶντα λατρεύειν καὶ μὴ εἴδωλα δαιμονίων ἀκάθαρτα σέβειν. Ὁ βασιλεὺς λέγει αὐτῇ· Πολυχρονία, παυσαμένη τῆς μωρολογίας τῶν λόγων τούτων, θύσον τοῖς θεοῖς, ἐπεὶ πικρῶς μέλλεις ἀποθνήσκειν. καὶ γὰρ καὶ ὁ ἀπονενοημένος υἱός σου Γεώργιος, οὕτως ἀντιλέγων, τῷ ξίφει παρεδόθη εἰς θάνατον. Ἡ ἁγία Πολυχρονία λέγει· βασιλεῦ, ὡς ἤδη εἶπόν σοι, καὶ πάλιν σοὶ λέγω· χριστιανή εἰμί, καὶ δαίμοσιν οὐ πιστεύω, οὔτε εἰδώλοις θύω ποτέ. ἀλλὰ τὸ σῶμά μου προσφέρω τῷ θεῷ καὶ πατρὶ καὶ τῷ τούτου μονογενεῖ υἱῷ. Τότε ὁ βασιλεὺς ὀργισθεὶς σφόδρα ἐκέλευσεν ἐκταθεῖσαν αὐτὴν ἐπὶ τοῦ ἐδάφους τυφθῆναι βουνεύροις ὠμοῖς καὶ μετὰ ταῦτα κελεύει πάλιν κρεμασθῆναι αὐτὴν ἐν τῷ ξύλῳ, καὶ ζέσθαι αὐτῆς τὰς πλευρας, εἶθ' οὕτως λαμπάδας πυρὸς προσάπτεσθαι

---

[1]) Ркп. οὕτως. Но вѣрнѣе οὗτος. [2]) Ркп. ἐνυβρίσειν.

αὐτῆς τῶν μελῶν ἐκέλευσεν. Καὶ μετὰ ταῦτα προσέταξεν ὑποδήματα σιδηρᾶ πεπυρωμένα βληθῆναι εἰς τοὺς πόδας αὐτῆς. Τούτων δὲ πάντων ἐπ' αὐτῇ γεγονότων, ἡ μακαρία μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Πολυχρονία δεινῶς ἀλγοῦσα τῷ σώματι καὶ κάμνουσα ἐν ταῖς βασάνοις σφοδρῶς ἐπεκαλέσατο ἐκ βάθους ψυχῆς· τὸν φιλάνθρωπον θεὸν λέγουσα· Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, πρόσδεξαι ἐν εἰρήνῃ τὴν ψυχήν μου. Καὶ ταῦτα εἰποῦσα ἀπέδωκεν τῷ Κυρίῳ ἐν χαρᾷ μεγίστῃ τὸ πνεῦμα αὐτῆς.

Τότε λαβόντες οἱ χριστιανοὶ τὸ λείψανον τῆς μακαρίας μάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Πολυχρονίας λάθρα τῶν ἀσεβῶν ἑλλήνων ἔθαψαν αὐτὸ ἐντίμως μετὰ πάσης τιμῆς καὶ δοξολογίας εὐλογοῦντες καὶ δοξάζοντες τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν.

Ὁ δὲ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος τελείως τὸν ἀγῶνα πληρώσας τοῦ μαρτυρίου καὶ τὴν πορείαν ἔχων πρὸς Κύριον δι' αὐτῆς ἀποφάσεως, καὶ πρὸς τὸν δεσπότην Χριστὸν σπεύδων λοιπὸν ἀναδραμεῖν, ὁρῶν δὲ καὶ τὸν περιεστῶτα δῆμον ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανόν, προσηύξατο πρὸς Κύριον λέγων οὕτως·

Κύριε ὁ θεὸς οὐρανοῦ τε καὶ γῆς, καὶ πάσης κτίσεως καὶ πνοῆς ἐξουσιαστά, πρόσδεξαι τῇ ὥρᾳ ταύτῃ τὴν φωνὴν τῆς δεήσεώς μου, καὶ εἰσακούσας δός μοι τὰ αἰτήματά μου τῇ σῇ ἀγαθότητι καὶ φιλανθρωπίᾳ, ἵνα πᾶς ἄνθρωπος ἐπικαλεσάμενος ἐν ἀνάγκῃ σὲ τὸν εὔσπλαγχνον θεὸν πατέρα καὶ τὸν μονογενῆ σου υἱὸν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Σωτῆρα καὶ Κύριον ἡμῶν, καὶ τὸ ἅγιον καὶ ζωοποιόν σου πνεῦμα ὄντα αὐτὸν[1]) ἐν θλίψει ἢ ἐν ἀρρωστίᾳ, ἢ ἐν λιμῷ, ἢ ἐν λοιμῷ, ἢ ἐν φθόνῳ, ἢ ἐν κινδύνῳ θαλάσσης, ἢ ἐν δυσχερίαις πραγμάτων, ἢ ἐν δικαστηρίῳ φοβερῷ, μνησθῇ δὲ καὶ ἐμοῦ τοῦ δούλου σου Γεωργίου καὶ τῆς ἀθλήσεώς μου, ῥῦσαι αὐτόν, δέσποτα, ἀπὸ πάσης ἀνάγκης καὶ θλίψεως, καὶ μὴ γένηται, Κύριε, Κύριε, ἐπ' αὐτὸν ἀφορία καρπῶν ἀγαθῶν, μήτε μὴν πληγὴν τὴν οἵαν οὖν ἐπαγάγῃ ὁ πονηρὸς ἐπ' αὐτόν, ἀλλὰ σύντριψον αὐτὸν ἐν τάχει, ὕψιστε, ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτοῦ. οἶδας γάρ, δέσποτα Κύριε, ὅτι πάντες

---

[1]) Ркп. ὄντα αὐτὸν, независимо отъ πᾶς ἄνθρωπος. Сл. стр. 187, примѣч. 3.

ποίημα καὶ ἔργα τῶν χειρῶν σου εἰσίν, καὶ σοὶ μόνῳ πρέπει ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

Καὶ πληρώσαντος αὐτοῦ τὴν εὐχὴν καὶ εἰπόντος τὸ ἀμήν, ἐγένετο πρὸς αὐτὸν φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ λέγουσα· Γεώργιε, δοῦλε μου ἀγαπητὲ καὶ πιστέ, τῆς φωνῆς σου ἤκουσα καὶ τῆς δεήσεώς σου. δεῦρο λοιπὸν ἀπόλαβέ σου τὸν στέφανον καὶ τὴν ἀνάπαυσιν εἰς αἰῶνας αἰώνων. Περὶ δὲ ὧν με ἠθήσω[1]), δόσω χάριν τῷ ὀνόματί σου καὶ τῷ λειψάνῳ, ἵνα πᾶς ἄνθρωπος ὁ γεννηθεὶς ἢ γεννημένος ἐν οἵᾳ δή ποτε θλίψει ἢ περιστάσει καὶ ἐπικαλέσηταί με, μνησθῇ δὲ καὶ τοῦ ὀνόματός σου καὶ τῆς ἀθλήσεως, ἐγὼ σώσω αὐτὸν ἀπὸ πάσης θλίψεως καὶ πειρασμοῦ καὶ κινδύνου.

Τότε ὁ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος ἀκούσας ταῦτα καὶ χαρᾶς πολλῆς πλησθείς, ἐλθὼν ἐπὶ τὸν τῆς τελειώσεως τόπον, εἶπεν πρὸς τοὺς στρατιώτας· δέομαι ὑμῶν ἐκδέξασθαί με μικρόν, ὅπως προσεύξωμαι. τῶν δὲ ἐνδόντων αὐτόν, ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν ὁ μάρτυς καὶ τὰς χεῖρας ἁπλώσας καὶ μέγα στενάξας εἶπεν οὕτως· Κύριε ὁ θεός μου, ὁ πρὸ τῶν αἰώνων ὑπάρχων, εἰς ὃν ἐγὼ κατέφυγον ἐκ νεότητός μου, ἡ καλὴ καὶ ἀληθὴς τῶν χριστιανῶν προσδοκία καὶ ἀψευδὴς τῶν δούλων σου ἐπαγγελία, ὁ πλούσιος καὶ ἀνεξάληπτος θησαυρός, ὁ καὶ πρὸ τῶν ἡμετέρων αἰτήσεων παρέχων τὰς δωρεὰς τοῖς ἀγαπῶσίν σε ἐν ἀληθείᾳ, ἐπάκουσον κἀμοῦ τοῦ δούλου σου, Κύριε, τῇ ὥρᾳ ταύτῃ. ὁ δούς μοι τὴν τῆς μαρτυρίας ὁμολογίαν καὶ μέχρι τέλους ὑπομονήν, αὐτὸς καὶ νῦν πρόσδεξαι ἐν εἰρήνῃ τὴν ψυχήν μου, καὶ ῥῦσαι αὐτὴν ἐκ τῶν ἀερίων καὶ πολεμίων πνευμάτων τῆς πονηρίας, καὶ μετὰ τῶν εὐαρεστησάντων σοι κατάταξον αὐτήν, δέσποτα, συγχώρησον δέ, Κύριε, καὶ τοῖς ἔθνεσιν, ὅσα διεπράξαντο εἰς ἐμὲ καὶ εἰς τοὺς δούλους σου τοὺς ἐπικαλουμένους τὸ πανάγιον ὄνομά σου, καὶ φώτισον αὐτῶν τὸν νοῦν πρὸς ἐπίγνωσιν τῆς σῆς ἀληθείας καὶ δικαιοσύνης, ὅτι πάντας θέλεις, Κύριε, σωθῆναι καὶ εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν, καὶ ἐξαπόστειλον βοήθειαν ἐξ ὕψους ἁγίου σου τοῖς ἐπικαλουμένοις τὸ ὄνομά σου, Κύριε, καὶ δὸς αὐτοῖς τὸν φόβον τῆς εἰς τοὺς ἁγίους σου ἀγάπης,

---

[1]) Ркп. ἠθήσω. Это сюда не идетъ: можно бы ждать ηὔξω.

ἵνα τὴν μνήμην αὐτῶν ποιούμενοι καὶ ἐπιτελοῦντες μιμῶνται καὶ τὴν πίστιν αὐτῶν, ὅπως ἀξιωθῶσιν μετ' αὐτῶν καὶ τῆς ἐπουρανίου σου ζωῆς καὶ βασιλείας, ὅτι σοῦ ἐστιν ἡ βασιλεία καὶ ἡ δόξα τῷ πατρὶ καὶ τῷ υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

Καὶ μετὰ ταύτην τὴν[1]) εὐχήν, κλίνας τὰ γόνατα ἐξέτεινε τὸν ἑαυτοῦ τίμιον τράχηλον, καὶ κρουσθεὶς τῷ ξίφει ὑπὸ τοῦ στρατιώτου, ἐτελειώθη ἐν Κυρίῳ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ μάρτυς ὁ Γεώργιος μηνὶ ἀπριλίῳ εἰκάδι·τρίτῃ, ἡμέρᾳ παρασκευῇ, ὥρᾳ ἑβδόμῃ. Ἐγὼ Πασικράτης, δοῦλος γεγονὼς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου, ἀκολουθήσας τῷ ἐμῷ δεσπότῃ ἐπὶ πᾶσι, τὰ ὑπομνήματα αὐτοῦ τῆς ἀθλήσεως βεβαίως καὶ ἠκριβωμένως συνέγραψα εἰς δόξαν καὶ ἔπαινον τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. ἀμήν.

IV.

Начало житія св. Георгія по парижской рукописи № 1178 (olim 148).

Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου συγγραφὲν παρὰ ἀνδρὸς φιλοπόνου καὶ πνευματικοῦ.

Διοκλητιανοῦ τοῦ τυράννου τῶν τῆς Ῥώμης σκήπτρων ἐπειλημμένου, καὶ τῆς Νικομήδους Μαξιμιανοῦ βασιλεύσαντος, Ναρσαῖος ἐκεῖνος, ὁ τῶν Περσῶν ἀρχηγός, συνεχῶς τοῖς τῆς Νικομηδείας ὁρίοις ἐπιστρατεύων καὶ τήν τε Παλαιστίνην καὶ Ἀρμενίαν βαρείᾳ χειρὶ ληϊζόμενος καὶ τὴν Καππαδοκίαν ἰσχυρῶς κατατρέχων, αὖθις σοβαρῷ τῷ φρονήματι πρὸς τὴν οἰκείαν ἐπανήει πατρίδα, ἀριστεὺς γενναῖος ὑπὸ Περσῶν καὶ τροπαιοῦχος ἀήττητος κηρυττόμενος. Ἅπαξ οὖν καὶ δὶς συρραγεὶς αὐτῷ Μαξιμιανὸς καὶ μηδὲν πλέον δυνηθεὶς ἐξανύσαι ἢ μόνον τὸ κατὰ κράτος ὑπ' αὐτοῦ νικηθῆναι, καὶ σὺν οὐδενὶ κόσμῳ τῆς μάχης ἀπαλλαγῆναι, ἀμηχανίᾳ δεινῇ συσχεθείς, καὶ ἀπορῶν

---

[1]) τὴν нами прибавлено.

ὅ τι καὶ δράσοι, διέγνω τὸν ἑαυτοῦ κηδεστὴν ἀξιῶσαι Διοκλητιανόν, ὥστε Ῥωμαϊκὴν αὐτῷ δύναμιν εἰς ἐπικουρίαν ἐξαποστεῖλαι. Εὐθὺς οὖν γράμματα τούτου κατὰ τὴν Ῥώμην ἐφοίτα τὸν τοῦ βασιλέως συναρτισμόν[1]) ἐξαιτούμενα. Ὅς τοῦτο μὲν θεραπεύων τὸν Μαξιμιανόν, τοῦτο δὲ τῷ τῶν Ῥωμαίων κράτει ἐνακριβώμενος, ὅτι πλεῖστον καὶ ῥωμαλέον ἀθροίσας ὁπλιτικόν, τῆς Ῥώμης ἀπαναστὰς τὴν Νικομηδείαν καταλαμβάνει, συνεπαγόμενος καὶ τὴν ἑαυτοῦ σύζυγον — Ἀλεξανδρία τῇ γυναικὶ ὄνομα — ὡς ἂν ἀμφότεροι τὴν ἑαυτῶν θυγατέρα θεάσωνται γαμετὴν ὑπάρχουσαν Μαξιμιανοῦ. Συνείποντο[2]) τῷ δ' αὐτῷ καὶ οἱ τούτου ἀδελφιδοὶ Μαγνέντιος, Θεόγνις τε καὶ Δαδιανός, τοπάρχαι τυγχάνοντες ὁ μὲν Λιβύης, ὁ δὲ Αἰγύπτου, καὶ Συρίας ὁ Δαδιανός. Τοιούτοις τοίνυν καὶ τοῖς ἑαυτοῦ στρατεύμασι Μαξιμιανὸν ὀχυρώσας, ἐκπέμπει κατὰ Ναρσαίου, ὃς τῇ τῶν Περσῶν ἀθρόως προσβαλὼν χώρᾳ, πᾶσαν μὲν αὐτὴν πορθεῖ τε καὶ καταστρέφεται, ἐγκρατὴς δὲ Ναρσαίου γενόμενος καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν ἅπαντας χειρωσάμενος, ἐν Διοσπόλει μετὰ πολλῆς ὅσης πρὸς Διοκλητιανὸν ἐπάνεισιν[3]) εὐθυμίας[4]). Ἐκεῖσε γὰρ τὸ τηνικαῦτα σὺν πλήθει παρῆν στρατίας Μαξιμιανῷ συμμαχήσων, εἴ γε δρασμὸν ἐκεῖνος καθυπομείνοι, νῶτα τοῖς ἐχθροῖς δεδωκώς. Δεξάμενος οὖν αὐτὸν μετὰ περιχαρείας ὁ τῶν δαιμόνων θεραπευτής, τῆς Παλαιστίνης ἀπαναστὰς σὺν αὐτῷ πρὸς τὴν Νικομήδους ἐπάνεισι[5]), καὶ τῇ τῶν ψευδωνύμων αὐτοῦ θεῶν ἐπικουρίᾳ τὰ τοιαῦτα τρόπαια ἐπιγράψας, θυσίαις μὲν πλείσταις ζώων καὶ δημοτελέσι πανηγύρεσιν ἀμείβεσθαι τούτους διηγωνίζετο, φιλοτιμώτερον δὲ καὶ πέρα τοῦ μέτρου θεραπεύειν πειρώμενος. Ἐπείπερ ἦν ἤδη περὶ τῆς ἀμωμήτου πίστεως ἀκηκοὼς τῶν χριστιανῶν, βασκανίας κέντρῳ πληγείς, καὶ τοὺς ὁμοτρόπους αὐτοῦ, Μαξιμιανόν φημι καὶ οὓς ἤδη φθάσας ὁ λόγος ἐδήλωσε, μετακαλεσάμενος, ἐσκόπει σὺν αὐτοῖς, ὅπως ἂν ἡ μὲν τῶν χριστιανῶν ἐκ ποδῶν[6]) γένηται λατρεία... (см. стр. 37).

---

[1]) Ркп. συναπτισμὸν. [2]) Ркп. — ον. [3]) Ркп. ἐπανει. [4]) Ркп. εὐθυμηθίας. [5]) Ркп. ἐπάνεισεν. [6]) Ркп. ...δῶν.

V.

Чудо св. Георгія по греческой рукописи

Ambros. C. 92 sup. [1]).

Ἕτερον θαῦμα τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου τὸ διὰ τῆς κόρης τοῦ βασιλέως θυγατρίου τὸ διὰ τοῦ δράκοντος. Δέσποτα εὐλόγησον.

Ἀπὸ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα [2]) ἐπανέλθωμεν τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. τίς ἤκουσεν ἐξ αἰῶνος, τίς ἑώρακεν ποτὲ τοιοῦτον θαῦμα, ὃ ὁ παμμακάριστος μάρτυς Γεώργιος πεποίηκεν; εἰ μὴ γὰρ ἦν ὁ Θεὸς μετ' αὐτοῦ, οὐ τοσαῦτα σημεῖα ἐποίησεν. Ἐγένετο δὲ κατὰ τοῖς καιροῖς ἐκείνοις καὶ ἦν βασιλεύων ἐπ' αὐτοῖς Σέλβιος ὀνόματι καὶ αὐτὸς πονηρὸς καὶ εἰδωλολάτρης μὴ ἐλεῶν μηδὲ οἰκτείρων τοὺς εἰς Χριστὸν πιστεύοντας, κατὰ δὲ τὰ ἔργα αὐτῶν τὰ πονηρὰ ἀπέδωκεν αὐτοὺς [3]) ὁ θεός. ἐγγὺς δὲ αὐτῆς [4]) τῆς πόλεως ὑπῆρχε λίμνη ἔχουσα ὕδωρ πολύ, καὶ ἐν τῇ λίμνῃ αὐτῇ ἐγένετο δράκων πονηρός, καὶ καθ' ἑκάστην ἡμέραν ἐξερχόμενος ὁ δράκων κατέσθιεν [5]) τοὺς ἀνθρώπους. συνήγαγε δὲ ὁ βασιλεὺς πάντα τὰ στρατεύματα αὐτοῦ πρὸς τὸ πολεμῆσαι τὸν δράκοντα καὶ ἀποκτανεῖν [6]). καὶ μὴ δυνηθέντες, οὗτος ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς αὐτοὺς κατέσθιεν καὶ κατεπήγετο πικρῶς [7]). συνήχθη δὲ πᾶσα ἡ πόλις πρὸς τὸν βασιλέα λέγουσα· «ἡ κατάκησις τῆς πόλεως ταύτης καλὴ καὶ ἀγαθὴ καὶ ἡμεῖς κακῶς ἀπολλύμεθα· σὲ δέ, βασιλεύς [8]), οὐ μελήσει περὶ

---

[1]) Исправленія въ текстѣ, равно какъ и его переводъ, принадлежатъ проф. Дестунису.

[2]) Ркп. ἐπὶ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα.

[3]) αὐτοὺς по новогреч.

[4]) αὐτῆς по новогреч., хотя ниже: ταύτης.

[5]) Въ ркп. κατίσθιεν, но дальше κατέσθιεν.

[6]) Ркп. ἀποκτείνειν.

[7]) Въ ркп. πικρός.

[8]) Оставляемъ βασιλεύς, какъ въ ркп., хотя д. б. зват. падежъ.

Другое чудо святаго великомученика Георгія о дѣвицѣ, дщери царя, и о драконѣ. Владыко благослови.

Отъ чудесъ къ чудесамъ возвратимся святаго и славнаго великомученика Георгія[1]). Кто слыхалъ отъ вѣка, кто видалъ когда либо такое чудо, какое всеблаженнѣйшій мученикъ Георгій сотворилъ? Ибо еслибы не былъ съ нимъ Богъ, то не сотворилъ бы столько чудесъ. Случилось же во времена оны, что былъ царемъ надъ ними Селвій по имени, злой и идолопоклонникъ, не жалѣвшій и не миловавшій вѣрующихъ во Христа; но по злымъ дѣламъ ихъ воздалъ имъ Богъ. А близъ того города находилось озеро, имѣющее много воды, а въ томъ озерѣ завелся злой драконъ, и каждый день выходя драконъ пожиралъ людей. И собралъ царь всѣ войска свои, чтобы воевать дракона и убить его; и такъ какъ они не могли (его одолѣть), то онъ, по прежнему ихъ пожиралъ и жестоко притѣснялъ. Собрался весь городъ къ царю и говоритъ: «Житье въ этомъ городѣ добро и красно, а мы жестоко погибаемъ: ты же, государь, ужели не озаботишься о

---

[1]) Сл. начало чуда въ сборникѣ гр. Уварова (F. № 349, л. 109 и слѣд., XVI в.): «Отъ чудесъ на чудеса пріидемъ». Г. Кирпичниковъ (l. c. стр. 58) заключаетъ изъ этихъ словъ, что чудо уваровскаго списка составляло часть какого-то обширнаго сочиненія. Чудо авросіанской рукописи, дѣйствительно, стоитъ въ ряду другихъ, приписанныхъ св. Георгію (чудо съ пафлагонскимъ мальчикомъ, чудо со змѣемъ, чудо съ крестьяниномъ Ѳеопистомъ), но, на сколько можно судить по выпискамъ у г. Кирпичникова, уваровскій текстъ значительно разнится по редакціи.

τούτου»[1]); — Καὶ εἶπεν ὁ βασιλεύς· «δότε ἀπογραφὰς ἕκαστος, καὶ δότε τὰ νήπια ὑμῶν, καὶ ἔχω κἀγὼ θυγατέραν[2]) μονογενῆ καὶ δίδωμι αὐτὴν ὡς καὶ ἡμεῖς. καὶ μὴ ἐκριφῶμεν[3]) ἐκ τῆς πόλεως ἡμῶν»[4]). — Καὶ ἤρεσεν ὁ λόγος τοῦ βασιλέως τοῖς πᾶσιν. καὶ ἤρξατο ἕκαστος δίδη[5]) τὰ νήπια αὐτῶν, ἕως οὗ εἰσῆλθεν ἕως τοῦ βασιλέως τὸ πρόσταγμα. ὁ δὲ βασιλεὺς ἐνέδυσε τὴν θυγατέραν αὐτοῦ πορφύραν καὶ βύσσον[6]), καὶ κατεκόσμησεν αὐτὴν ποθεινῶς[7]) καὶ κατεφίλει αὐτήν, τοιαῦτα ὀλοφυρόμενος καὶ λέγων μετὰ δακρύων· «Ἄπελθε, μονογενὲς καὶ γλυκύτατόν μου τέκνον, εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος. οἴμοι οἴμοι, γλυκύτατόν μου τέκνον, τὸ φῶς τῶν ἐμῶν ὀφθαλμῶν· τίνα, γλυκύτατόν μου τέκνον, περιβλέψομαι, ἵνα μικρὸν εὐφρανθῶ; οἴμοι, τέκνον, πότε γάμον ποιήσω; πότε παστὸν ποιήσω; πότε λαμπάδας ἀνάψω; πότε χοροστασίας εἴδω; πότε ὀργάνων μέλος κινήσω; πότε τοῖς πεινῶσιν ἄρτον ποιήσω; πότε καρπὸν τῆς κοιλίας σου ὄψομαι; οἴμοι, οἴμοι, πορεύου, τέκνον, δίχα χεὶρ τοῦ[8]) θανάτου ἀποχωρίζει με»[9]). τότε λέγει ὁ βασιλεὺς πρὸς πάντα τὸν λαὸν παρακλητικῶς[10])· «Λάβετε ἀργύριον καὶ χρυσίον καὶ τὴν βασιλείαν ἡμῶν καὶ ἄφετε τὸ γλυκύτατόν μου τέκνον». καὶ οὐδεὶς συνεχώρησεν αὐτῷ. τότε ὁ βασιλεὺς ἀπέλυσεν αὐτὴν εἰς βρῶσιν τοῦ θηρίου. καὶ συνέδραμεν πᾶσα ἡ πόλις ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου αὐτῶν πρὸς θεωρίαν τῆς κόρης ἀπαγούσης[11]) εἰς τὸν δράκοντα. ὁ δὲ φιλάνθρωπος

---

1) τούτου· въ ркп.; но это д. б. вопросъ.
2) θυγατέραν въ ркп.
3) ἐκριφῶμεν въ ркп.
4) Въ ркп. ὑμῶν.
5) Такъ въ ркп.
6) Ркп. βίσσον.
7) Ркп. ποθυνός.
8) Ркп. δίχαχῆρσυ. По догадкѣ пишемъ: δίχα χεὶρ τοῦ.
9) Ркп. ἀποχωρίζαιμε.
10) Ркп. παρακλητικός.
11) Оставляемъ ἀπαγούσης, какъ въ ркп., хотя смыслъ требуетъ страд. формы. Не читать-ли: ὑπαγούσης въ смыслѣ новогреч., т. е. идущую?

томъ?» — А царь сказалъ: «Пусть каждый изъ васъ дастъ записку и дастъ дѣтей своихъ; а имѣю и я дочь единородную и даю ее, какъ и вы: да не будемъ мы извергнуты изъ нашего города». А понравилась рѣчь царя всѣмъ, и каждый сталъ давать своихъ дѣтей, пока дошелъ и до царя приказъ. И царь одѣлъ дочь свою въ порфиру и вѵссонъ, и убралъ ее съ любовью и цаловалъ ее, такъ вопія и говоря со слезами: «Иди, единородное и сладчайшее чадо мое, на съѣденіе дракона. Горе мнѣ, горе мнѣ, сладчайшее чадо мое, свѣтъ моихъ очей! О комъ мнѣ озаботиться, сладчайшее мое чадо, чтобъ получить хоть малую радость? Увы мнѣ, чадо, когда устрою я бракъ? когда изготовлю брачное ложе? когда зажгу свѣчи? когда увижу хоры? когда подыму звуки на мусикійскихъ орудіяхъ? когда испеку хлѣбы для алчущихъ? когда узрю плодъ чрева твоего? Увы, увы, иди чадо, рука смерти разлучаетъ меня (съ тобою)». Тогда царь говоритъ ко всему народу умоляющимъ голосомъ: «Возьмите сребро и злато и царство наше и отпустите мое сладчайшее чадо». А никто не согласился съ нимъ. Тогда царь отпустилъ ее на пожраніе звѣрю. И сбѣжался весь градъ ихъ отъ мала до велика поглядѣть на дѣвушку, отводимую къ дракону. Но человѣколюбецъ

καὶ φιλάγαθος θεός, ὁ θέλων δεῖξαι σημεῖα διὰ τοῦ ἁγίου καὶ μεγαλομάρτυρος Γεωργίου......[1]) κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἦν ὁ ἅγιος ἐν τῷ φοσσάτῳ, ὡς ἔχων ἐξουσίαν κομενταρισίου, ἐγένετο ἀπολυθῆναι[2]) τὸν στρατιώτην. ἤρχετο γοῦν ὁ μακάριος Γεώργιος ἐπὶ τὴν Καππαδόκων χώραν πρὸς τὴν ἰδίαν πατρίδα, καὶ κατ' οἰκονομίαν θεοῦ [καὶ ἐν τω τόπῳ ἐκείνῳ][3]) ἐξέλευσεν ἐν τῇ λίμνῃ ἐκείνῃ ποτίσαι τὸν ἵππον αὐτοῦ. καὶ εὑρίσκει τὴν κόρην καθημένην καὶ κλαίουσαν. καὶ λέγει αὐτῇ[4])· «Γύναι, τί κλαίεις, καὶ τί καθέζῃ ἐνθάδε»; — ἡ δὲ κόρη λέγει αὐτῷ· «Ὁρῶ σε, κύριε, ὡραῖον καὶ τῇ ἡλικίᾳ καὶ τῇ καταστάσει, καὶ τῇ ἀνδρείᾳ δόκιμον[5]). καὶ ὧδε πῶς εἰσῆλθες; ἄνελθε, κύριέ μου, ἐπὶ τοῦ ἵππου καὶ ἀναχώρει ἐν τάχει». — Λέγει αὐτῇ[6]) ὁ ἅγιος· «εἰπέ μοι, γύναι, [καὶ][7]) τίς εἶ σύ, καὶ τίς ὁ λαὸς ὁ καθήμενος καὶ κλαίων»; — καὶ λέγει αὐτῷ[8]) ἡ κόρη· «πολλὴ ἡ ἀφήγησις τοῦ λόγου, κύριέ μου. ἄπελθε ἐν τάχει». — Λέγει αὐτῇ[9]) ὁ ἅγιος· «εἰπέ μοι, κόρη, οὐ μή σε ἐγκαταλείπω, σὺν σοὶ ἀποθανοῦμαι». τότε λέγει αὐτῷ[10]) ἡ κόρη· «κύριε, ἡ κατοίκησις τῆς πόλεως ταύτης καλὴ καὶ ἀγαθή, καὶ ἐν τῷ ὕδατι τούτῳ ὃ σὺ ὁρᾷς δράκων δεινὸν θηρίον κατοικεῖ ἐν αὐτῷ[11]), καὶ κατεσθίει τὸν λαὸν τῆς πόλεως ταύτης· κἀγὼ ὑπάρχω βασιλέως θυγάτηρ μονογενὴς τοῦ πατρός μου. καὶ ἐξέδωτο δόγμα ὁ πατήρ μου καὶ ἔδωκαν πάντες τὰ νήπια αὐτῶν εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος, καὶ ἦλθε καὶ πρὸς τὸν πατέρα μου. καὶ ἀπέστειλέ με εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος. νῦν ἰδοὺ εἶπόν σοι

---

[1]) Послѣ Γεωργίου смыслъ предложенія прерванъ, почему я и поставилъ точки.

[2]) Ркп. ἀπολυθεῖσαι.

[3]) Слова, поставленныя нами въ скобки, повидимому, лишнія.

[4]) Ркп. αὐτήν.

[5]) Ркп. δόκιμος.

[6]) Ркп. αὐτὴν.

[7]) καὶ въ ркп. тутъ находимъ лишнимъ.

[8]) Ркп. αὐτὸν.

[9]) Ркп. αὐτήν.

[10]) Ркп. αὐτὸν.

[11]) Ркп. ἐν ταύτῷ.

и благолюбецъ Богъ, желающій показать знаменія чрезъ святаго и великомученика Георгія... Въ то время находился святый въ воинствѣ, имѣя званіе коментарисія[1]), (и) случилось, что воинъ сей былъ въ отпуску. Итакъ шелъ блаженный Георгій въ страну Каппадоковъ, въ свою родину, и по Божіему устроенію вышелъ [въ томъ мѣстѣ] къ тому озеру напоить коня своего. И находитъ дѣву сидящею и плачущею, и говоритъ ей: «Жена, что ты плачешь, и зачѣмъ сидишь здѣсь?» А дѣва говоритъ ему: «Вижу, господинъ, что ты въ порѣ и по возрасту и по осанкѣ, да и мужествомъ отличаешься; и какъ ты сюда пришелъ? Сядь, господинъ мой, на коня и поспѣшно уѣзжай». Говоритъ ей святый: «Скажи мнѣ, женщина, кто ты и что это за народъ сидитъ и плачетъ?» Говоритъ ему дѣвица: «Долго разсказывать, господинъ мой: уходи поспѣшно». Говоритъ ей святый: «Скажи мнѣ это, дѣвица: не оставлю я тебя, съ тобою умру». Тогда говоритъ ему дѣвица: «Господинъ, населеніе сего города добро и красно, а въ этой водѣ, что ты видишь, живетъ страшный звѣрь драконъ и пожираетъ народъ этого города, а я дочь единородная царя отца моего; и издалъ отецъ мой указъ и всѣ отдали дѣтей своихъ на пожраніе дракону, и дошло и до моего отца; и отослалъ меня на пожраніе дракону. Теперь вотъ я все тебѣ сказала.

---

[1]) Въ чудѣ съ крестьяниномъ Θеопистомъ, изданномъ Болландистами по нашей рукописи (AAss. April. III, стр. XXXIII—V Прилож.), о Георгіи говорятъ его люди: Νέος Κόμης ἐστί. Λέγει αὐτοῖς ὁ Θεοπίστος· Ὁ Κόμης τοιαύτην παρρησίαν ἔχει; Ὁ δὲ πρὸς αὐτὸν ἀπεκρίνατο, ὅτι ὁ βασιλεύς, ὡς χρήσιμον αὐτοῦ δοῦλον, οὐ μόνον τὴν κομμενταρίαν αὐτῷ ἐχαρίσατο, ἀλλὰ καὶ πάντα ἐπισκοπεῖν αὐτῷ δέδωκε. Κομενταρία dici videtur praefectura super κομενταρισίους, замѣчаютъ Болландисты (сл. Ducange, Gloss. a. v. κομενταρία и κομενταρήσιος); въ нашемъ чудѣ самъ Георгій является коментарисіемъ.

πάντα. ἔξελθε τάχειον, κύριέ μου, μὴ κακῶς ἀποθάνῃς ἐνταῦθα»[1].— Ἀκούσας δὲ ταῦτα ὁ μακάριος Γεώργιος εἶπεν· «καὶ τίνα θεὸν σέβεται ὁ πατήρ σου καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ»; — Καὶ ἡ κόρη λέγει· «Ἡρακλῆν[2]) τε καὶ Ἀπόλλωνα[3]) καὶ Σκάμανδρον[4]) καὶ τὴν μεγάλην Ἄρτεμιν»[5]). — Καὶ ὁ ἅγιος Γεώργιος λέγει· «μὴ φοβοῦ, ἀλλὰ θάρσει». Καὶ ἦρεν[6]) ὁ ἅγιος τὴν φωνὴν αὐτοῦ τοιαῦτα λέγων πρὸς τὸν θεόν· «ὁ θεός, ὁ καθήμενος ἐπὶ τῶν χερουβὶμ καὶ ἐπιβλέπων ἀβύσσους, ὃν τρέμουσιν αἱ νοεραὶ πᾶσαι δυνάμεις τῶν ὑπὸ σοῦ κτισμάτων, ὁ ὢν καὶ μένων ἀληθινὸς θεός, αὐτὸς γινώσκεις, καρδιογνῶστα, τοὺς λογισμοὺς τῶν ἀνθρώπων, ὅτι εἰσὶν μάταιοι, ὁ δείξας φρικτὰ σημεῖα τῷ θεράποντί σου Μωϋσῇ[7]), δεῖξον καὶ μετ' ἐμοῦ τὰ ἐλέη σου καὶ ποίησον μετ' ἐμοῦ σημεῖον εἰς ἀγαθόν, καὶ ὑπόταξον τὸ δεινὸν θηρίον ὑπὸ τοὺς πόδας μου, ἵνα γνῶσιν ὅτι μετ' ἐμοῦ εἶ. Καὶ ἦλθεν αὐτῷ φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ λέγουσα· Γεώργιε, εἰσηκούσθη ἡ δέησίς σου[8]) εἰς τὰ ὦτα κυρίου. ποίει ὃ βούλει, ἐγὼ γὰρ εἰμὶ μετὰ σοῦ. Καὶ εὐθέως ἐβόησεν ἡ κόρη· οἴμοι, κύριε, ἔξελθε ἐνταῦθα[9]), ὁ πονηρὸς δράκων ἐξέρχεται ἐκ τῆς λίμνης. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος, δραμὼν εἰς ἀπάντησιν τοῦ δράκοντος, ἐποίησεν τὸν τύπον τοῦ τιμίου σταυροῦ εἰπών· «Κύριε ὁ θεός μου, μετάβαλε τὸ θηρίον τοῦτο εἰς ὑπακοὴν πίστεως τοῦ ἀπίστου λαοῦ τούτου». Καὶ τοῦτο εἰπών, τῇ συνεργείᾳ τοῦ θεοῦ ἔπεσεν ὁ δράκων ἐπὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ, καὶ λέγει τῇ κόρῃ· «Λῦσον τὴν ζώνην σου καὶ τὸ σχοινίον τοῦ ἵππου μου καὶ ἄγαγέ μοι ὧδε». Καὶ λύσασα ἡ κόρη ἔδωκεν τὸν ἅγιον Γεώργιον καὶ ἔδησεν τὸν δράκοντα καὶ δέδωκεν αὐτὸν τῇ κόρῃ λέγων· «Ἄγωμεν ἐν τῇ πόλει». Καὶ λαβοῦσα ἡ κόρη τὸν δράκοντα,

---

1) Ркп. ἐντεῦθε.
2) Ркп. ἡρακλὴν.
3) Ркп. ἀπόλωνα.
4) Ркп. σκάμανδρον.
5) Ркп. ἀρτέμην.
6) Ркп. ἦρεν.
7) Ркп. μῶσῆ.
8) Ркп. δεήσῆ σου.
9) Ркп. ἐνταῦθα. Можно бы ждать ἐντεῦθεν.

Уходи скорѣе, господинъ мой, чтобъ не умереть тебѣ здѣсь злою смертью». Услышавъ сіе блаженный Георгій сказалъ: «А какого бога почитаетъ отецъ твой и его люди?» И дѣвица говоритъ: «Иракла и Аполлона и Скамандра и великую Артемиду». А святый Георгій говоритъ: «Не бойся, но бодрись». И святый возвысилъ голосъ свой, такъ говоря къ Богу: «Богъ, возсѣдающій на херувимахъ и взирающій на бездны, котораго трепещутъ всѣ умныя силы изъ сотворенныхъ тобою, сущій и пребывающій истинный Богъ, самъ вѣдающій, сердцевѣдче, помышленія людей, что они суетны, явившій страшныя знаменія рабу своему Моисею, яви и надо мною милости свои и сотвори надо мною[1]) знаменіе на благо, и покори подъ ноги свои ужаснаго звѣря, да вѣдаютъ что ты со мною». И пришелъ къ нему гласъ съ небеси, говорящій: Георгій, услышано моленіе твое ушами Господа: дѣлай, что хочешь, ибо я съ тобою. И тотчасъ воскликнула дѣвица: «Увы, господинъ, выходи отсюда; лукавый драконъ выходитъ изъ озера». Святый же Георгій, побѣжавъ на встрѣчу дракону, сотворилъ знаменіе честнаго креста и сказалъ: «Господи Боже мой! Измѣни сего звѣря, да покорится вѣрѣ сей невѣрный народъ». И когда онъ это сказалъ, при содѣйствіи Божіемъ палъ драконъ къ его ногамъ, а онъ говоритъ дѣвицѣ: «Развяжи свой поясъ и привязь коня моего и поведи мнѣ сюда». И дѣвица, развязавъ, отдала святому Георгію, и онъ связалъ дракона и отдалъ его дѣвушкѣ, говоря: «Поведемъ въ городъ». И взявъ дѣвица дракона,

---

[1]) Во всѣхъ трехъ случаяхъ по-греч. «со мною».

ἤρχετο ἐπὶ τὴν πόλιν. ἰδὼν δὲ πᾶς ὁ λαὸς τὸ παράδοξον θαῦμα, ἔφυγον ἅπαντες διὰ τὸν φόβον τοῦ δράκοντος. ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος ἐβόα λέγων· «Μὴ φοβεῖσθαι ὑμεῖς, ἀλλὰ στήκατε καὶ ὁρᾶτε τὴν δύναμιν τοῦ θεοῦ μου». Τότε λέγει ὁ ἅγιος· «Πιστεύετε εἰς τὸν θεόν, ὅς ἐστιν κύριος Ἰησοῦς Χριστός, καὶ ἀποκτενῶ τὸν δράκοντα». Τότε ἐβόησεν ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ μεγιστάνες αὐτοῦ σὺν τῷ λαῷ· «Πιστεύσωμεν εἰς τὸν θεόν σου, καὶ σῶσον ἡμᾶς». Τότε ὁ ἅγιος, προσκαλεσάμενος τὸν ἐπίσκοπον Ἀλέξανδρον, ἐβάπτισεν τὸν βασιλέα καὶ πᾶσαν τὴν πόλιν ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου αὐτῶν τὸν ἀριθμὸν τεσσαράκοντα [1]) χιλιάδας. καὶ ἐγένετο χαρὰ μεγάλη ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ. Τότε ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ ἄρχοντες ἤγειραν ναὸν εἰς ὄνομα τοῦ μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. Τότε ὁ ἅγιος, εἰσελθὼν εἰς τὸν (αὐτοῦ) ναὸν τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ ἐσφράγισεν τὸ βῆμα, καὶ ἀνέβλυσεν πηγὴ ἁγιάσματος, καὶ ἔστιν εἰς ἴασιν ψυχῶν καὶ σωμάτων διὰ τῆς δοθείσης αὐτοῦ χάριτος. Τότε ὁ ἅγιος Γεώργιος ἀνεχώρησεν εἰς τὴν ἰδίαν χώραν, δόξαν ἀναπέμπων Χριστῷ τῷ θεῷ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος νῦν καὶ ἀεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

---

[1]) Ркп. σσαράκοντα.

шла къ городу. Весь же городъ, увидавъ сіе неожиданное чудо, весь убѣжалъ отъ страха къ дракону. Святый же Георгій восклицалъ, говоря: «Не бойтесь, но остановитесь и взирайте на силу бога моего». Тогда говоритъ святый: «Вѣруйте въ бога, который есть Господь Іисусъ Христосъ, и я умерщвлю дракона». Тогда возгласилъ царь и вельможи его съ народомъ: «Увѣруемъ въ бога твоего и спаси насъ». Тогда святый, призвавъ епископа Александра, окрестилъ царя и весь городъ ихъ отъ мала до велика, числомъ сорокъ тысячъ, и произошла радость великая въ городѣ томъ. Тогда царь и волостели воздвигли храмъ во имя великомученика Георгія. Тогда святый, вошедъ въ свой храмъ, имени его, запечаталъ олтарь, и вышелъ источникъ освященія, и служитъ онъ во исцѣленіе душъ и тѣлесъ, чрезъ данную ему благодать. Тогда святый Георгій отправился въ собственную свою страну, возсылая славу Христу Богу нашему, которому слава и могущество нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ, аминь.

VI.

Чудо св. Георгія.

(По Cod. latinus monacensis 14473, s. XII.)

Incipit prologus in passionem S. Georgii. Cum sevissimorum principum Diocletiani et Maximiani in dei famulos inmanis tyrannitas deseviret, ut ubicunque terrarum christicole fuissent inuenti uel diis mortalibus libamina offerrent uel diuersis suppliciis macerati spiritum exhalarent, omnipotentis dei clementia suos famulos cunctis actibus corroborabat, ita ut nec minis possent terreri, nec per diuersorum tormentorum genera ad deorum culturam compelli, sed coram regibus et tribunis assistentes intrepidi Christum dei filium deum uiuum et uerum asserebant, pro nobis passum, a perfidis judeis crucifixum, mortuum et sepultum, et die tertia resurrexisse a mortuis non negabant, in cujus nomine signa et mirabilia facientes innumerabilem multitudinem paganorum ad christianam religionem in dies conuertebant.

Inter quos gloriosissimus martyr Christi Georgius inter cetera miracula que fecerat unum quidem famosissimum et admodum dignum memoria operatus est miraculum, quod caritati uestre, dilectissimi, non longinarrantibus nec sermonibus phaleratis, sed potius intelligibilibus conpendiose studium est exarare. Erat itaque in provincia Cappadocie civitas quedam decora nimis et innumerosa populorum multitudine referta et tam edificiis quam ipsius loci natura munita, que nomine Lasia vocabatur. In hac vero civitate regnabat quidam rex nomine Sevius, qui devota mente omnique deuotione cum suis subjectis ydolorum simulacris deserviebant et a Deo uiuo et uero penitus alieni; quorum delicta deus corrigens, ut castigatos per famulum suum Georgium ad sancte trinitatis agnitionem deduceret, inmisit pestem mortiferam a qua pene interficiebantur uniuersi.

Erat enim prope ciuitatem maris stagnum de quo inmense magnitudinis draco exiens propinquos morsu uel amplexu caude, remotos uno solo afflatu intimebat. Contra quem pugnaturus rex cum omni exercitu singulis diebus exiens non prius abscedebat, quam amissis pluribus, et in fuga conversus, tamquam uictum intra murorum claustra cum paucis se reciperet. Videns autem populus quod minime aduersus draconis inmanitatem resistere possent, excogitaverunt deorum indignationem hostiis esse placandam. Tunc demum noscentes suis peccatis ad eos puniendum depremissis pestiferum draconem a diis esse transmissum, currunt omnes ad regem lamentantes et dicentes: Ve nobis, qua mala morte perimus! nec est qui nos adjuvet atque ab inminente nos posset morte liberare. Habemus enim regem, qui cum cottidie nos ab ingenti dracone videat interfici, nec nobis consulit, nec subuenit civitati, sed paratus ad pugnam equi flectens habenas se intra urbis menia securum reponit. Ecce nunc cogimur inuiti patrium solum derelinquere et in alienis partibus peregrinari et cum ignotis et externis nostram ponere habitationem! Heu, heu, civitas amena, habitatio delectabilis, sedes quietis, bonis omnibus copiosa! huc usque populoso accessu frequentata, nunc autem a tuis civibus in solitudine deferenda! Quid faciemus, miseri? Cur unquam fuimus in tali sede locati? Utinam vilissimi cujusdam oppidi essemus alumpni, ne nos tam cito ejus destitutionis pigeret!

Ad hec rex terrore concusssus et ingentis ire dolore commotus, surgens in medium, locum altiorem ascendit, et manu silentium indicens, capit consilium quod optimum pro tempore uidebatur. Facto uero silentio, ait: E duobus periculis instantibus alterum nobis eligendum est quod minus mali minusve afferat nocumenti. Sumus enim in tali articlo constituti, quod aut omnes nefandissime mortis periclo subjacemus, aut patriam in breui nos oportet destituere; ne id, quod deterius est, incurramus periclum, quod minus noxium est spontanea voluntate subigamus. Igitur nostro consilio prebeatis assensum, quod, quamuis videatur ama-

rum, poterit tamen miseratione deorum in melius evenire. Est equidem consilium nostrum, ut per dies singulos puer unus in egressum draconis exponatur in holocaustum, quem draco ueniens devoret, nec amplius querat quod manducet, et sic tota gens ab iniqua peste poterit illesa permanere. Melius est nos per diem unum puerum draconi tradere, quam nefaria nece simul omnes interire, aut ignotas regiones peragrare. Cumque omnes filii nostri fuerint expositi, et ego unicam filiam quam habeo exponam draconi ad deuorandum. De deorum misericordia confido qui sui numinis potentiam teste probari letantur, quod tam flebile principium melior fortuna sequatur. Placuit uerbum regis omnibus in tantum, ut ejus consilium adimpleri cupientes certatim proprium filium quilibet exponerent, quousque ad regiam filiam deuenerunt. Mox autem rex indignum reputans sententiae, quam dederat, obviare, jussit filiam suam quo cultu sponso esset tradenda preparari et ornatu ditissimo praeparatam in sui presentiam adduci. Confestim qui regio lateri assistebant surgentes eam juxta regis preceptum auro multo gemmisque preciossimis ornatam suo conspectui presentabant. Quam rex intuens nequaquam se amplius a lacrimis potuit continere, sed in luctum prorumpens amarum exclamavit dicens: Hactenus ex te, filia mea dulcissima, sperabam nuptias celebres agere, sperabam te sponso stabili conjugio copulare, sperabam ex te filios concipere qui mihi in successionem regni succederent et mei regni gubernacla retinerent. Sed ecce nunc non gaudium, non letitiam prestas, sed luctum et merorem largiris amarum. Non nuptias, utpote sperabam, celebro, sed exequiis tristibus operam impendo. Non te uiro copulo socio maritali, sed, quod miserrimum est, in escam monstro te trado nefando. Non me nepotum progenitorem facis, sed me infelicem derelinquis orbatum. Sic rex inenarrabiliter lamentabatur, nequibat tanto dolori moderari, nec suis questibus imponere finem. Ceterum inter sapientes nota referre uidetur esse superfluum, et prolixitas solet sepius lectori fastidium inferre, quam auditoris animum delectare; ideo utrumque resecan-

tes, regis lamenta breviter percurrimus et ad rei finem peruenire properamus. Post haec autem conuertet se rex ad populum dicens: Auri sexcenta centena milia uobis largiar et etiam ipsum regnum pro unigenita filia mea conmutare non refugio, si eam permiseritis abire illesam. Ad hec una uoce populus uniuersus respondit: Nequaquam erit sic, sed ut nostri filii, ita et uestra deuoretur. Tunc uidens rex suam sententiam minime in irritum posse reuocari, precepit, licet unuitus, ut in egressum draconis filia ejus deponeretur. Et ipse cum omni populo e partibus remotis rei prestolabatur euentum. Sed pius et misericors dominus, qui non uult mortem peccatoris, sed ut conuertatur et uiuat, dignatus est sue mire potentie uirtutem ostendere, ut qui demonum supplices erant et deuoti, ad fidem deduceret christianam.

Contigit itaque ut adleta Christi egregius martyr Georgius inde iter faciens paululum a uia declinaret, uolebat enim equm adaquare; et intrans stagnum uidit regiam uirginem ibi sedentem, sicut superius diximus esse ornatam, a qua sciscitabatur, cur esset ibi destituta et quid populus longe positus exspectaret. Cui mox virgo respondens ait: Domine mi, non possum tibi quesite cause ponere rationem, quia vite mee finis et vestre etiam, ni festinanter abieritis: supereminet qui me diu prohibet tecum fabulari. Sed hoc unum te deprecor, ut hinc quantocius abscedas, ne pessima morte moriaris: es equidem miles uenusto aspectu et facie nimis decora, quem uiuere conuenit et non mori, quem potius imperatoria decet majestas, de cujus morte inimicus etiam, si quis esset, doleret. A[d] quid huc venisti mori, miles pulcherrime? miserere tui et meis dictis acquiescens hinc procul fuge velociter, ne et tu ab insana fera capiaris. — Ad hoc Christi martyr Georgius respondit: O virgo, noli ex me misericordiam habere, nec mei te pigeat interitus, sed indica mihi quare sis hic exposita et quid populus illic congregatus attendat. Tunc puella dixit ei: Domine mi, in hac aqua natus est draco inmanis, qui pene totum hujus ciuitatis populum interficiebat, unde factum est, ut omnes irruerent in regem et dicerent: Domine, salua nos,

perimus! Fecit rex edictum, ut sigillatim quilibet proprium filium draconi traderet, ultimo vero me, unicam filiam suam, se spopondit daturum; quod hilari animo executioni mandantes regis edictum adimpleuerunt. Postmodum uenerunt omnes ad regem repetentes ut me, pro ut promiserat, draconi mitteret ad deuorandum. Rex, ilico eorum petitionibus satisfaciens, huc me draconi direxit in escam, et ipse cum omni populo sedet procul, attendens quid de me sit draco malignus acturus. Ecce utriusque rei causam audisti; discede festinus, ne male similiter intereas!—Audiens hec sanctus Georgius dixit: Pater tuus quem adorat? quem colit? cui immolatur? Respondet puella: Pater meus et uniuersa ciuitas diis immortalibus Joui et Mercurio et Apollini grata offerunt libamina. Sanctus Georgius dixit: Isti non sunt dii, sed demones maligni qui ducunt homines ad interitum et nemini subuenire queunt. Tu enim in omnipotentis Dei gratia et misericordia confidens respue idola uana et simulacra muta et credas in Dominum Jesum Christum qui te hodie ab imminenti morte liberabit. Et eleuatis oculis sursum in celum dixit: Domine deus qui sedes super Cherubin intuens abyssos, qui es uerus deus et homo ex uirgine natus, qui nosti omnia antequam fiant, qui virgam Moisy famuli tui in draconem et uersa uice draconem in aridum lignum vertisti, digneris per me misericordiam tuam ostendere et fac mecum signum in bonum, ut uideant omnes et cognoscant quia tu es deus solus qui facis mirabilia, et non est alius preter te. Et subito factus est sonitus aquarum magnus et terrore puella conuersa uoce magna exclamauit dicens: Domine, fuge, quia ecce draco malignissimus adpropinquat. Tunc Sanctus Georgius sancto crucis signaclo se protegens iuit in occursum ejus et ait: Domine Jesu Christe, da mihi uirtutem tuam, ut hodie hujus draconis caput conteram, et sciant omnes quia tu mecum es et laudent nomen tuum benedictum in secula seculorum. Ad hanc uocem ueniens draco mitissimus, ut agnus, et omni ferocitate deposita in terram se ad pedes eius proiecit; et sanctus ait puelle: Solue comas tuas et prebe mihi cordas tricarum tuarum. Puella uero festinanter suis obtempe-

rans mandatis, dissolutis crinibus tradidit sancto que postulauerat. Beatus Georgius acceptis comarum redimiclis ligauit draconem et tradidit puellae dicens: Accipe eum in nomine domini mansuetum et pium et humile[m] et perge secura. Puella autem omni formidine abjecta de manu sancti draconem accepit et abiit in ciuitatem suam gaudens. Uidens populus tantum ac tale miraclum terrore perculsi fuge terga dederunt. Martyr autem Christi Georgius clamans post eos dixit: Viri, nolite timere, sed state confidenter, quia inuocato Trinitatis nomine uidebitis mirabilia dei. Ad hanc uocem populus conuersus steterunt omnes, intuentes eum. Quibus sanctus ait: Credite in deum patrem omnipotentem et in Jesum Christum filium ejus natum ex Maria virgine, passum sub Pontio Pylato, crucifixum, mortuum et sepultum, tertia die resurrexisse a mortuis, et in Spiritum Sanctum, sanctam ecclesiam katholicam, sanctorum communionem, remissionem peccatorum, carnis resurrectionem, et ego occidam draconem istum et non amplius uobis erit nociuus.

Responderunt omnes uno ore dicentes: o miles fortissime! Credemus Deum patrem omnipotentem et Jesum Christum filium ejus et Spiritum Sanctum, tres personas et unum deum esse. Ad hec autem porrigens manus beatus Georgius pilo draconis fauces transfixit et euaginato gladio ejus caput amputauit. Tunc omnes unanimiter gaudio repleti cucurrerunt laudantes et benedicentes nomen uiuentis in secula, qui est benedictus et mirabilis in sanctis suis et dat uirtutem et fortitudinem credentibus in eum calcandi super serpentes et scorpiones, et non eis nocere possunt; et prosternentes se ad pedes Christi martyris dicebant: Sancte Georgie famule Dei, baptiza nos in nomen illius quem predicas. Et statim beatus Georgius aduocauit ad se Alexandrum episcopum, cum quo in XV dierum spacio baptizavit regem et optimates regni et alios viros numero quadraginta milia hominum. Qui ingenti gaudio repleti ad honorem domini nostri Jesu Christi et gloriosissimi martyris Georgii ecclesiam mirabili fabrica decoratam constituerant. Ad quam beatus Georgius ueniens, Spiritus

Sancti gratia cooperante, ibidem aliud operatus est miraculum. Nam cum paganorum multitudo ad eum confugerent et baptismatis gratiam instanti preci postularent, ante altare beatus Georgius ueniens factoque signaclo crucis in terram, largissime aque fontem uiuum eduxit, de quo in Spiritu[s] Sancti gratia renati sunt uniuersi. Cujus fontis aque in se uirtutem tantam habuerunt, ut quicunque in deum credens ex his haustum sumeret, fieret sanus a quacunque detineretur infirmitate. His ita in jam dicta ciuitate peractis, ut alias diuini uerbi semen diffunderet, sanctus ceperat ad propria remeare.

VII.

Ci coumence la vie saint iorge.

(По ркп. СПБ. Имп. Пуб. Библ. Mss. Franç. Théologie, F. v. 4D.)

(f. 156. r. a.) Vraiement raconte la devine page que quant li saint home se penoient et esforcoient de acroistre et d'essaucier la sainte loi nostre seignor Jesu Crist, si com vos auez oi, uns rois estoit em Perse qui Datyens estoit apelez. A celui roi entra li deaubles ou cors, qui riches estoit et puissanz; si manda et coumanda que tuit li prevost venissent a lui et li bailli qui estoient en son roiaume. Quant tuit furent assamble et venu, Datyens li empereres, qui plains estoit de grant desverie, coumenca oiant touz a dire: Si ie truis en ceste cite crestien qui noz diex ne voillent aourer ne a aus faire sacrefices, ie li ferai les ieux creuer et la teste couper et les membres ardoir. Quant il ot ce dit et tuit cil qui la estoient se taisoient, il coumanda que tuit li mestre feure de la vile venissent a lui, si feroient engiens por crestiens destruire et ocirre. Quant il furent venu devant lui, il lor coumanda qu'il feissent agues espees et tenailles de fer por denz tirer et rasoirs tranchanz a escorchier.

Et si coumanda quil feissent une roe de fer ou il eust broches de fer agues et espees tranchanz et autres plusors engins, que ie ne sai mie nomer. Et quant ce virent cil de la vile que li rois coumandoit a faire les mervoilles tiex et si granz, il n'i ot celui qui osast dire quil fust crestiens.

En cel ior et en cel tens estoit .I. home en la contree de Capadoce qui avoit non Iorges. Cil assambla molt d'or et s'apensa qu'il iroit en la cite de Militainne ou Datyens li empereres estoit. Quant il i vint on- (f. 156 r. b) ques ne daingna ydoles aourer, ainz coumenca a estre molt dolanz et si dit a lui meismes: Que me profitera ce, se ie trespasse de cest siecle a granz richeces qui tost sont alees, et se ie sueffre en l'autre les painnes pardurables qui touz iorz durront? Quant il ot ce pense et dit, si prist l'or qu'il avoit assamble et avoc soi porte, si le departi et donna tout aus poures por l'amor nostre seignor, et puis vint a l'empereor Datyēn et li dit. Rois datyens, ie te di por verite que ie suis crestiens, et si aour le dieu qui fist le ciel et la terre et la mer et toutes les choses qui enz sont, et si n'aor mie les ydoles ne les ymaiges qui sont sordes et mues, qui boches ont et pas ne parolent, et ont ieuz ne n'en uoient et oroilles ne n'oient, et narilles ont et neant n'en flairent ne ne sentent, et mains ont et nule chose n'atouchent, et pie, si n'en vont mie; et tuit cil qui les font et qui ont en eles fiance soient autretel com eles sont.

Quant li empereres Datyens oi ce, si fu molt corrociez et dit: Iorge que as tu? sez tu autre choses donc tu soies corrociez, ou as tu or mains de richesces que tu ne siaux avoir? Se tu viauz avoir seignorie ne dignite, ie la te donrai et bien saiches que ie en acomplirai toutes tes uolentez si que tu seras sires de sor moi en moy regne, mais que tu laisses cele mauuaise creance. Sainz Iorges li dit: Je ne quier ne ne voil auoir ta seignorie ne ta dignite, car ele est tost trespassee et alee, mes ie te di por verite que ie aoure dieu et croi, qui nos racheta de la mort pardurable. Datyens li empereres li dit: Certes ie sui molt dolanz de ta grant biaute qui definnera par gries tormenz et par cruiex painnes. Sainz

Iorges li dit. N'aies mie dolor de moi, mes de toi meismes, et demainne duel et de ton aaige et de ce que tu as perdue la lumiere, c'est ce que tu ne cognois nostre seignor Jesu Crist qui tout le monde forma et fist. Datyens li empereres li dit: Que paroles tu tant? fai mes volontez, et se tu ne les viauz faire et aemplir, je te iur par toz mes diex Gabeel et Apolin et Arrachel que ie te ferai tant de dolor souffrir, que tuit cil qui sont en terre i porront prendre example et avoir paor; et lors (f. 156 v. a) verrai se tes diex te porra deliurer de mes mains. Sainz iorges li respondi: Je croi tant en mon dieu qui me fist et forma, que il confondrat toi et tes fausses ymaiges. Donc coumanda Datyens li empereres que l'en le preist et menast a la roe quil avoit faite forgier et faire. Quant sainz Iorges uint a la roe et il la uit, si dit a lui meismes: Por quoi douteroie ie cez tormenz qui fin prendront et ne dureront mie pardurablement? Et lors coumenca a crier a haute voiz et a dire: Datyen, fai la volente dou deauble qui est tes peres; et puis si dit a lui meismes: Je sai bien que nostre sires Iesu Criz fu crucefiez entre les larrons por picheors deliurer de la mort pardurable. Et lors coumanda Datyens a lier le et a giter sor la roe et le fust accoller et a torner a grant force. Tantost com la roe fu escrolee a tornoier, ele trancha et parti le cors dou beneoit martyr en .x. pieces. Quant Datyens li empereres le uit, si li dit: Iorge ou est tes diex? vaigne auant, si t'aït et deliure de mes mains. Lors coumanda a prendre toutes les .x. pieces et a geter en .i. oscur puis desert et la bouche dou puis deseure a seeller d'une pierre. Quant ensi fu fait, li empereres s'en departi, si ala mengier, et tuit s'en departirent avoc l'empereor, que nus n'i demora. Et nostre sires Iesu Criz, qui piex est et misericors et n'oublie mie ses sers, uint deseure le puis a grant compaignie d'enges et d'archanges, et lors s'esmut la terre et trambla por l'auennement dou sauueor. Et lors apela nostre sires saint Michiel l'ange, si li dit quil descendist enz ou pui et si rasamblast les pieces et les membres de saint Iorge son serf et les meist devant lui. Et sainz Michiaux li archanges fist ensin com nostre sires li auoit

coumande. Et quant les pieces et li membre dou saint martyr furent devant nostre seigneur, il mist sa main deseure et si dit: Icel destre qui Adan le premier home fist et forma, cele meisme te resuscite. Et tantost li beneoiz martyrs se leua touz sains et touz haitiez, et adonc li dit nostre sires: George, ua t'en et si confont Datyen. Et lors s'en remonta nostre sires es ciaux avoc sa haute compaignie, et sainz Iorges sen reuint en la cite a grant ioie, si coumenca a haute uoiz a crier et a dire (f. 156 v. b): Datyen, ou sont ti torment cruel et tes gries painnes? Je sui Georges que tu feis partir en .x. pieces, mes nostre sires Iesu Criz uint a moi, si me resuscita par sa grant misericorde. Quant Datyens li empereres le uit, si en ot grant paor et si dit a ceus qui entor lui estoient, que ce n'estoit mie Iorges, aincois iert li esperiz de lui; li autre disoient que non estoit, aincois iert .I. hom samblables a lui. Sainz Iorges respondi et si dit: Saiches por verite que ie sui Iorges qui fui depeciez en .x. pieces et enz ou puis gitez. Uns chevaliers qui la estoit Magnantiens auoit non et mestres des chevaliers. Quant il uit saint Iorge qui ensi s'estoit reuenuz par la uolente nostre seignor, si crut en dieu le pere tout puissant par le haut miracle quil auoit apertement ueu, et s'atorna apres ce em petit de tens sa maisnie a uraie creance. Donc coumanda Datyens li empereres c'om preist saint Iorge, si le meist on et enclossist en la meson dune ueue fame qui pres d'illuec mennoit. Quant il i fu uenuz, il dit a la bone fame: Bonne fame, doune moi .I. pou de pain. Ele respondi: Biau sire, ie rien ai point et le bien saichiez que ceanz n'a pain. Sainz Iorges li dit: Quel dieu aoures tu et croiz? La fame li dit: Apollin. Et sainz Iorges li dit: Por ce que tu aoures Apollin n'as tu point de pain. Et cele fame, a cui il parloit et en cui meson il mennoit et ou il estoit menez, auoit .I. fil qui clos estoit et sorz et muz, et ele dit au saint home: Se tu puez faire que mes filz soit garis de ses granz enfermetez, ie crerai en ton dieu.

Lors s'en torna sainz Iorges uers l'enfant, si li dit: Ou non nostre seigneur Iesu Crist puisses tu parler et veoir et oir. Et

tantost coumenca li enfes a parler et a veoir et a oir. Et la fame prist a proier monseignor saint Iorge et si li dit: Biau sire, ie te proi que tu le faces aler. Sainz Iorges respondi: Por ce qu'il est mes tesmoinz de la haute puissance nostre seignor qui en lui est demostree, soit ta uolentez aemplie. Et lors entra sainz Iorges en la meson et coumenca ses oroisons a faire a damedieu; et tout maintenant qu'il les ot finees, si crut uns granz arbres en mi la meson et (f. 157 r. a) tant se hausca, qu'il trespassa toute la hautesce de la meson XV coudes, et desouz cel arbre se reposa mes sires sainz Iorges et li enge li aparoilloient et aministroient ce dont il auoit mestier.

Quant Datyens li empereres uit cel arbre, il se meruoilla molt que ce pooit estre. Et on li nonca et dit que cil arbres estoit nez et creuz en la meson ou Iorges estoit enclos. Et donc coumanda il que l'en veist que ce estoit. Quant li seriant i uindrent qui enuoie i estoient, si trouuerent une table que li enge i auoient mise et aparoilliee. Quant il orent ce ueu, si repairerent et si distrent a lor seignor ce qu'il auoient ueu. Lors coumanda li rois c'om alast tost et isnelement, si li amenast l'en deuant luj. Et quant il i fu amenez, on li demanda et dit: Iorge, di moi par quel mal engin tu destruiz tout ce pueple? Sainz Iorges li respondi: Nostre sires mes diex en cuj ie croi et aoure fait partout sa volente. Dacyens li dit: Est tes diex plus granz que Appollins? Sainz Iorges li respondi: Nostre sires est cil diex qui fist le ciel et la terre et la mer et toutes les choses qui enz sont, mais Appollins que tu aoures est sorz et muiauz et auugles, et coument puet il estre diex, quant il est tiex que a lui ne a autrui ne puet aidier? Datyens li dit: Se cil est verais diex que tu preeches et anonces et tu viauz que ie le croie, je ai. XIIII. sieges emperiaus en mon regne ouurez et entailliez de fust molt noblement: or proie ton dieu qu'il soient desfait et si devaignent aubre aussis com il furent devant, et que cil qui fruit portoient soient chargie de fruit et cil qui point n'en portoient aussi. Se tu puez ce faire, donc uerrons nos sa poeste que tu annonces. Sainz Iorges li dit: Je sai

que tantost com ie aurai finnee m' oroison, que nostre sires me donra ce que ie li requerrai et que tu ni creras mie; mes nequedant por sa grant gloire demostrer et sa grant puissance l'em proierai ie et ferai mes oroisons. Et lors s'agenoilla a terre et proia molt saintement nostre seignor. Et quant il ot s'oroison finnee, la terre crolla et trambla et trestuit li siege emperial se descheuillerent et desioindrent, si deuindrent bel arbre et gent tuit chargie de (f. 157 r. b.) fruit et de fuelle si com il auoient devant este. Et touz li pueples qui la estoit et ce veoit gloirefioit et gratioit nostre seigneur et disoient: Molt est granz diex li diex que Iorges croit et aoure. Mais por ce ne crut mie Datyens li empereres, ainz dit que quan qu'il faisoit estoit par enchanterie. Et sainz Iorges li dit: Je faz toutes cez choses que tu voiz ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit et non mie par mauues art si com tu croiz. Et Datyens li dit: Iorge, ie te proie et coumant que tu uaignes avoc moi et sacrefie aussi com ie ferai, et lors porras aler seurement la ou tu voudras. Et sainz Iorges li dit: A cui me coumandes tu que ie face sacrefices? Datyens li empereres li respondi: Je uoil que tu faces sacrefices a mes diex Appollin et Gabeel et Arachel. Saint Iorges li dit: Or fai que ti crieor assamblent toute la gent de ceste cite et ie sacrefierai a tes diex. Et quant Datyens oi ce, si fu meruoilles liez, car il cuidoit uraiement qu'il deust uaintre le saint home. Et lors la ueue fame qui deuant est nomee, qui saint Iorge auoit hebergie, porta son fil deuant le saint home et si li dit: Sainz Iorge qui mon fil qui muiaux estoit feis parler, et auugles et le renluminas, et sorz et le feis oir, coument puet ce estre que tu viauz sacrefier aus mues ymaiges et aus vainnes ydoles? Et nostre sires meismes te resuscita de mort a uie. Sainz Iorges li dit: Met ius ton fil que tu portes. Quant ele l'ot mis ius, si dit sainz Iorges a l'enfant: El non nostre seignor qui te fist parler et oir et ueoir te lieue et si ua au temple Appollin, si li di que Iorges li sers dieu li mande qu'il uaingne a lui. Tantost li enfes se leua et coumanca a aler grant aleure et a loer nostre seignor, tant qu'il uint ou temple ou

les ydoles estoient, et lors prist a parler a Apollin et si dit: Iorges li sers dieu t'apele et si te mande que tu uaignes a lui. Et quant li deaubles l'oi, il n'osa arester, ainz encoumença tout maintenant a uenir deuant mon seignor saint Iorge. Et lors li dit li sainz hom: Appollins, tu ies rois des Sarrazins. Appollins li respondi: Je sui cil qui faz les homes errer et foruoier, si qu'il ne croient en dieu, et si lor fais aourer (f. 157 v. a.) les deaubles. Sainz Iorges li dit: Coument oses tu tant de mal faire deuant dieu et deuant ceus qui le seruent? Appolins li respondi: Je ce iure par cel feu qui m'atent ou ie serai mis pardurablement, que se ie poisse, ie t'eusse mene a ce que tu m'aourasses. Sainz Iorges li dit: Or quier contree ou tu uoises, car en ceste n'aresteras tu plus. Quant il ot ce dit, il feri som pie a terre, et ele aouuri, si que li abysmes aparut, et la dedenz enuoia il et plunia Apollin et toute sa force. Et maintenant que li deaubles fu en terre entrez, la terre reclost. Et li sainz hom entra en la meson ou les ydoles et les ymaiges estoient, si les coumenca toutes a depecier et a combrisier. Endementiers quil faisoit ce, il disoit: Diauvle, fuiez de deuant moi, car ie sui sers nostre seigneur.

Quant li prestre dou temple uirent que lor ymaiges estoient si mal atornees et depeciees et defroissiees, il pristrent saint Iorge, si l'enmenerent deuant l'empereor, si li distrent a haute uoiz: Cist hom a toutes nos ymaiges defroissiees et Appollin nostre grant dieu a enuoie en abysme. Quant Datyens l'entendi, si fu moult corrociez et molt airiez, puis si dit au saint home: Iorge, porquoi m'a tu menti? Tu disoies que tu sacrefieroies a mes diex et si les aoureroies. Sainz Iorges li respondi: A cui me coumandes tu a aourer? Daciens li dit: A Appollin nostre grant dieu. Sainz Iorges li dit: Ensaigniez le moi et le me mostrez. Datyens li dit: L'en me dit que tu l'as trebuchie et enclos en abysme. Li sainz hom a dit: Et porquoi me coumandes tu sacrefier a lui quant il ne se deffendi mie? Quant ce oi li empereres, il fu molt corrociez et molt mautalentis, si coumanda que en li aportast .I. uaissel de terre tout plain de souffre et de poiz ensamble boulie,

et si coumanda qu'en li depecast touz les membres et les meist l'en en cel uaissel boulir. Et tout maintenant que ce fu apparoillie, li enges nostre seignor descendi enz el feu tout ardant et si estaint toute la chalor. Et sainz Iorges remest touz sains et toz saus, si coumenca a loer nostre seigneur. Et donc li dit li enges: N'aies nule paor, car tu as ia uaincu ton ennemi et si as la coronne que nostre sires diex t'a apparoillie. Et (f. 157 v. b) touz li pueples qui ueoit la meruoille crurent en nostre seignor et si randirent graces et loanges a nostre seignor Iesu Crist, et si distrent: Li diex que Iorges aoure est diex et sires de toute creature.

Quant Alixaudre la reine qui fame estoit a l'empereor uit ce que fait estoit et les granz miracles, si crut en nostre seignor et si osta la corone de son chies et toute sa roial uesteure et si dit a datyen: Rois, ie te di par uerite que ie sui crestienne et si croi fermement ou dieu que Iorges croit et aoure. Quant Dacyens oi ce, si fu plains de si grant forsenerie qu'il ne sot de lui nul consoil. Si dit a la reine Alixandre: Iorges t'a souduiz par ses enchantemenz. Or me di, viauz tu de male mort morir? La reine respondi: Je croi tant ou dieu que Iorges aoure, que nus ne me partira de la charite nostre seignor Iesu Crist. Quant Datyens l'oi, si prist a plorer et grant duel a demener et si dit: Alixandre, je sui molt dolanz por ce que tu deguerpis mon regne et desconfortes et por ce que tu me lais et por ce que tu desirres plus la mort que la coronne. La reine respondi: Je desire a auoir la uie qui est pardurable, non mie cele qui tost est trespassee et corrumpue. Et por ce t'otroi ge mon cors a tormenter si com toi plest a ta volente. Datyens li dit: Dame reine, ne voilles mie tel chose faire ne deguerpir mon regne ne desconforter. Alixandre la reine respondi: Mes ie seroie deguerpie et desconfortee se ie faisoie ce que tu me requiers, car se ie me taing en ce que i'ai propose a faire, ie receurai le pardurable regne. Qui puet ore estre si fox qui n'entende que l'en puet conquerre les celestiaux choses por les terriennes et les pardurables por les temporiex?

Adonc fu Datyens li rois molt corrociez, si coumanda que en la preist et pendist par les tresces et batist de uerges molt durement. Ensi com en faisoit le coumandement le roi de la reine, ele regarda saint Iorge et li dit: Serianz dieu, proie por moi et si me donne baptesme, que ie puisse eschaper le diauble. Lors tendi mes sires sainz Iorges ses mains vers nostre seignor et si dit: Biau (f. 158 r. a) sire, aide t'ancelle qui por l'amor de toi a deguerpi le terrien roiaume et si li donne le lauement dou saint baptesme, si qu'ele soit rengeneree a la foi de la sainte loi. Tantost com il ot ce dit, une nue toute charchiee de rousee descendi deuers le ciel, et sainz Iorges recut de l'aigue en ses mains, si en baptisa la reine ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit. Et quant il l'ot baptisiee, si dit: Va-t-en seurement ou celestial regne. Quant Datyens li rois vit ce, si coumanda qu'en la menast defors la cite et si li transchast on la teste. Li seriant cui il fu coumande en menerent la sainte reine au lieu ou ele deuoit receuoir martyre, et ele regarda mon seignor saint Iorge et si li dit: Sainz hom de Dieu, proie por moi nostre Seignor que ie soie digne de receuoir martyre por lui, et que li deaubles ne soit contre moi par aucune chose dont il me puisse empeechier. Sainz Iorges li respondi: N'aies nule paor, mes soies de ferm coraie, car nostre sires est ensamble o toi, car onques ne se departi ne ne deguerpi ses sers en nul peril. Quant la dame uint au lieu, si la decola on, et Dacyens li rois repaira en sa sale, si s'assist sor .I. haut siege, si coumanda qu'en li amenast saint Iorge. Et quant il fu uenuz deuant lui, il parla au saint home, si li dit: Or as tu morte Alixandre la reine par tes enchanterresses arz, et encor ai ie une chose a demander a toi et a enquerre, se tu le me uiauz faire. Et sainz Iorges li dit: Que es ce que tu me demandes? Di le moi, nostre sires le t'otroiera a sauoir. Datyens li dist: Defors ceste cite a molt de fosses et de sepoutures ou moult de gent ont este enfoui, dont li os sont encore apparant, et nus de ceus de ceste contree ne sorent qui il furent. Et por ce te pri ge que tu proies a ton dieu qu'il soient resuscite, et nos crerons en lui.

Donc respondi sainz Iorges: Alez, si m'aportez les os des sepoutures. Lors se departirent li seriant l'empereor et uindrent aus sepoutures, si les descouurirent et ouurirent, si trouuerent les os qui tuit estoient en poudre menue par ce quil auoient en terre ieu. Et lors pristrent cele poudre et concoillirent, si la porterent deuant le saint home. Quant sainz Iorges les uit, si mist ses genox a terre et proia nostre (f. 158 r. b) seignor et si dit: Biau sire diex Iesu Criz, qui tant de miracles as daignie demoustrer par ton serf, or te proi ge, sire, que tu ta doucor et ta grant misericorde daignes demoustrer sor ceste poudre, si que cez genz puissent ueoir et cognoistre que tu ies diex touz puissanz et qu'il n'est autre diex que tu. Maintenant qu'il ot s'oroison finee et il ot dit amen, la uoiz dou ciel li dit: Iorge, n'aies nule paor, car ie sui avoc toi, et quanque tu me demanderas, tu auras, et ie t'otroierai et donrai. Et tantost releuerent et resusciterent de cele poudre .IIᵉ. que homes que fames. Et lors randi graces a nostre seigneur mes sires sainz Iorges et si dit: Biau sire, or cognois ie bien et sai que tu ne t'esloignes mie de tes sers ne de cez qui t'apelent de uerai cuer et par bonne pensee. Lors prist sainz Iorges .I. de ceus qui estoient resuscite, si li dit et demanda: Coument as tu non? Cil respondi: J'ai a non Ioel. Sainz Iorges li dit: Com bien a il de tens que uos iestes mort? ie le uoil sauoir et que uos le me dites. Joel respondi: .IIᵉ. anz un mains, si n'en sui pas en doutance. Sainz Iorges li dit: Et quel dieu aouriez uos? Ioel li respondi: Nos aouriens et creiens en Apollin et ne sauiens neant de dieu, et por ce fusmes nos mene en dolereuses painnes ou nos auons este iusqu'a tant que nos resuscitasmes par tes proieres. Or te prions nos, sainz sers nostre seignor par cui oroisons nos somes resuscite, que tu nos baptises si que nos ne repairiens mie es dolereus tormenz ou nos auons este. Lors coumanda mes sires sainz Iorges c'om li apportast de l'aigue, et nus ne s'en mut ne ne li aporta. Quant il uit ce, il fist le singne de la sainte croiz en terre, et maintenant en sailli une clere fontaigne, et de cele aigue les baptisa ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit. Et

quant il les ot baptisiez, il lor dit: Or en allez deuant moi em paradis.

Quant il ot ce dit, si s'esuanuirent de deuant touz cez qui la estoient, ne onques ne s'aparurent a nelui ne ne firent demoustrance. Li pueples qui la estoit assamblez et qui ce uirent, crurent tuit en nostre seignor et si distrent a haute voiz: Molt est granz diex et puissanz li diex des (f. 158 v. a) crestiens, et ce ne doit l'en se lui non aourer seulement, qui par les mains de Iorge son serf a fait tantes meruoilles. Donc coumencerent a dire a saint Iorge: Serianz dieu, proie por nos. Quant Sainz Iorges oi ce, si mist ses genox a terre et randi grace a nostre seigneur, et si coumenca ses oroisons a faire et a dire: Biau sire diex, tu ies beneoiz es siecles des siecles, car tu venis en terre par ta grant humilite, et encor i reuenras par ta grant gloire. Biau sire, ie te proi que tu demoustres tes granz miracles en ces homes qui en toi croient, car ie sai bien que mes termes et mes tens approche, et hui sont. VII. ans acompli que tu as maint signe et maint miracle au pueple demoustre par moi qui sui tes sers. Biauz douz sire Iesu Criz glorieus filz dieu, je te pri que tu daignes ton saint esperit enuoier en ces homes qui croient en ton saint non, si qu'il en soient reconforte ensin com l'enuoias sor tez sainz apostres qui conforte en furent. Et quant il ot ce dit et s'oroison finnee, la uoiz dou ciel li dit: Iorge, nostre sires Iesu Criz a ta uoiz et t'oroison oie et entendue. Et lors baptisa mes sires sainz Iorges el non dou pere et dou fil et dou saint esperit tout le pueple qui la estoit assamblez, et furent conuerti a nostre seignor Iesu Crist; et de ceus qui la furent baptisie .ııı^{m}. et XXXV. Quant Dacyens li rois uit ce, si ot grant paor et tele ire que sa cainture en rompi parmi, et s'agenoilla, et si genoil li tramblerent, et ses cors meismes crolla touz si que par pou qu'il ne chei. Et lors coumenca il a haute uoiz a crier et a dire: Las chaitis, que ferai ge? mes regnes est touz destruiz et periz, Iorges m'a tout mon pueple rove et destruit et prae et donne a son dieu, et se il uit plus, il m'ardra et destruira, car hui a VII anz que il ne cessa de moi

tormenter, et touz tens li croist la force plus granz et sa vertuz. Et por ce coumant ie que l'en les maint fors de la cite la ou Alixandre la reine fu ocise, et si coumant que l'en le decole en ce meismes leu. Et tantost com il ot ce dit, li seriant qui de ce faire estoient apparoillie, pristrent le saint home, si l'en menerent au lieu que ie uos ai deuant deuisez, et (f. 158 v. b) molt de genz ensieuoient le saint home por ce quil requistrent de lui beneicon. Et quant il aprocha le lieu, si dit a ceus qui le deuoient martyrier: Je uos pri que uos souffrez .i. petit tant que ie aie faite m'oroison a nostre seigneur. Et lors tendi ses mains uers le ciel et dit: Biau sire pere vraiz diex omnipotens, receuez mon esperit et si demostrez uoz hautes miracles por moi apres ma mort aussi com uos auez fait a ma uie. Biau sire, ie te proi por ta sainte doucor que quiconques fera de moi memoire en terre au XXIII-sime ior d'auril, toutes enfermetez et toutes dolors soient ostees de lui et de toute sa maisnie, ne tempeste ne famine ne ennemis ne puist aprochier la contree ou memoire en sera faite. Biau sire diex, encor te proi ge par ta grant misericorde que tuit cil qui en mer seront em peril ou en uoie ou en desert, se il en aide m'apelent et proient, qui sui tes sers, que tu lor uoilles aidier et secorre et conseillier. Tantost com il ot ce dit, uint la uoiz dou ciel qui li dit: Beneoiz hom et sainz, uien et si entre el pardurable repos de ton seignor que tu as serui, et bien saiches que li ciel sont aouuert et t'oroisons est oie de nostre seigneur. Et quiconques apelera ton non et proiera aide a Iesu Crist de chose droituriere, ele li sera otroiee. Et lors baissa le chief, si fu decolez et recut martyre por nostre seigneur, por la cui amor il auoit souffert maintes painnes, et li saint ange uindrent tout apertement, si pristrent son esperit et porterent es ciaux deuant nostre seigneur. Je Eusebius[1]), qui ses sers estoie, fui avoc le saint martyr endementiers quil faisoit les miracles

---

[1]) Евсевій мученикъ поминается въ числѣ обращенныхъ св. Георгіемъ въ Менологіи Василія.

que ie uos ai contees, et si les ui a mes propres iauz, et si escris sa uie et sa passion en la contree de Capadoce en la cite de Militaine el tens que Dacyens li empereres regnoit. Et nostre sires Ieesu Criz nos otroit estre parconniers des saintes proieres au saint martyr a cui honors et gloire soit par touz les siecles des siecles. Amen.

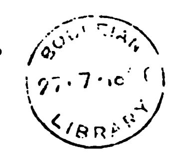
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 3.

ДИССИДЕНТСКІЙ ВОПРОСЪ
ВЪ ПОЛЬШѢ
ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

И. А. Чистовича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1880.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Ноябрь 1880 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*



ДИССИДЕНТСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПОЛЬШѢ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

И. А. Чистовича.

Московскій договоръ съ Польшею 1686 года утвердилъ предварительное соглашеніе Андрусовскаго перемирія, по которому лѣвая (восточная) сторона Малороссіи, съ Кіевомъ, осталась за Россіею. Подъ Польскимъ владычествомъ оставались еще Бѣлоруссія, Волынь, Подолія и Кіевская область, не говоря уже о Галицкой землѣ: но договоръ вѣчнаго мира имѣлъ то весьма важное значеніе, что предоставилъ Россіи право вмѣшательства въ отношенія Польши къ ея православнымъ подданнымъ и подчинялъ наблюденію Русскаго правительства положеніе и ходъ дѣлъ по такъ называемому диссидентскому вопросу, имѣвшему для Рѣчи Посполитой такое роковое значеніе.

Въ IX статьѣ этого договора сказано было: «великій государь, его королевское величество, церквамъ Божіимъ и епископіямъ Луцкой, Галицкой, Перемышльской, Львовской, Бѣлороссійской, и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ Виленской, Минской, Полоцкой, Оршанской и инымъ игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталось и нынѣ обрѣтается

употребленіе благочестивой грекороссійской вѣры, и всѣмъ тамо живущимъ людемъ въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ той же вѣрѣ остающимся, никакого утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденія чинить не велить и быти то не имѣетъ; но по давнымъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будетъ блюсти, и вышепомянутымъ епископамъ въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ пребывающимъ по духовному ихъ чину и обыкновенію довелось пріимати благословеніе и рукоположеніе отъ Кіевскаго митрополита, и то никому изъ нихъ власти его королевскаго величества вредити не имѣетъ.»[1]) Такимъ образомъ 1) православнымъ въ польской державѣ объявлялась полная свобода исповѣданія вѣры и отправленія богослуженія; 2) епископы православныхъ епархій въ польской коронѣ ставились въ духовную зависимость отъ Кіевскаго митрополита; вмѣстѣ съ этимъ, въ силу самаго договора 3) Русскому правительству предоставлялось право наблюденія за исполненіемъ его, слѣдовательно право заявленія ходатайства и даже требованія относительно нуждъ православныхъ, если бы они подверглись стѣсненіямъ. Въ связи съ этими обстоятельствами изъявлено было и Константинопольскимъ патріархомъ согласіе на подчиненіе Кіевской митрополіи власти Всероссійскаго (Московскаго) патріарха.

Понятно, что этотъ договоръ не могъ нравиться Полякамъ. Не говоря уже о религіозномъ фанатизмѣ, они не могли не видѣть въ немъ оскорбленія для своей народной гордости и вмѣшательства иностраннаго правительства въ ихъ внутреннія дѣла. Мы увидимъ, какая политика съ ихъ стороны развернулась въ отношеніи къ этой статьѣ договора.

Первую интригу повелъ заинтересованный ближайшимъ образомъ въ этой перемѣнѣ дѣлъ администраторъ митрополіи, Львовскій епископъ, Іосифъ Шумлянскій. Желая сохранить за собою власть, ускользавшую изъ рукъ, и въ тоже время не желая подчиниться Московскому патріарху, онъ началъ возбуждать духо-

[1]) Бантышъ-Каменскій, Историч. Извѣстіе объ уніи стр. 142—143.

венство и шляхту къ отторженію отъ власти Московскаго патріарха и къ принятію уніи.

Пособникомъ его явился Перемышльскій епископъ Иннокентій Винницкій, бывшій одного съ нимъ образа мыслей и еще въ 1681 г. давшій тайно обязательство принять унію.

Въ 1692 году бывшій при Польскомъ дворѣ посланникъ, дьякъ Борисъ Михайловъ, доносилъ въ Посольскій приказъ, что «по подлинному его освѣдомленію, Перемышльскій епископъ Винницкій принялъ самовольно унію.» Послѣ того Кіевскій митрополитъ (Варлаамъ Ясинскій) доносилъ, что «Винницкій, учинясь уніатомъ, всѣмъ православнымъ священникамъ чинитъ насиліе и принуждаетъ съ собою въ унію.»

Въ тоже время посланникъ сообщалъ, со словъ благочестивыхъ людей греко-россійскаго исповѣданія, Львовскихъ жителей, что «епископъ Львовскій Шумлянскій призывалъ къ себѣ изъ тѣхъ благочестивыхъ людей первыхъ мѣщанъ и говорилъ, что будто король Польскій универсалъ свой выдать хочетъ, чтобъ ему, Шумлянскому, со всею его епископіею быть въ уніатствѣ, также какъ учинилъ Перемышльскій епископъ Винницкій, и они-де ему о томъ какъ совѣтуютъ, а онъ Шумлянскій противиться королю не вѣдаетъ какъ; и тѣмъ всѣхъ Львовскихъ жителей привелъ въ великую печаль». «Послѣ того, призвавъ къ себѣ благочестиваго шляхтича Юрья Попару, [1]) говорилъ, что присланъ королевскій указъ, дабы онъ къ уніи самъ приступилъ и шляхту и мѣщанъ къ тому склонялъ, чтобъ быть въ уніи всѣмъ».

Посланникъ заявилъ объ этомъ протестъ польскому министерству: но оно отвѣчало, что «Винницкій и съ нимъ шляхта многая приступили къ римскому костелу добровольно сами, познавъ въ той вѣрѣ самую истину, и тому ихъ доброму намѣренію королевское величество и Рѣчь Посполитая воспретить не могутъ и правы польскіе не позволяютъ».

Въ 1693 г. посланникъ имѣлъ конференцію съ польскими

---

[1]) Юрій Попара былъ саршимъ бтратчикомъ Львовскаго ставропигіальнаго братства въ 1690—1691 гг. Зубрицк. Лѣтоп. подъ 1690 г.

министрами о чинимыхъ въ Польшѣ и Литвѣ греко-россійскаго исповѣданія людямъ обидахъ и обращеніи въ унію. Сенаторы отвѣчали: «вѣра-де какъ ваша такъ и наша одна, и кто есть отщепенцы отъ главы, о томъ имъ съ нимъ, посланникомъ, спороватца не надлежитъ; только кто истину познаетъ и къ добру главнѣйшему пристанетъ, и тѣхъ отогнать отъ Бога не можно; а неволи-де отъ короля и ни отъ кого въ государствахъ ихъ нѣтъ, и говорить и вступатца въ такія дѣла и договорамъ въ нарушеніе вмѣнять не пристойно; да и зѣло удивительно, что̀-де вы у себя вздумаете и намѣрите, то бы такъ и было; а король и они сенаторы въ государствахъ Россійскихъ по своей волѣ ничего не желаютъ и говорить по своему изволу стыдятся и не смѣютъ. И что въ договорѣ описано о людяхъ греко-россійскаго исповѣданія, токмо объ одной королевизнѣ, а не о шляхетскихъ вѣчныхъ маетностяхъ; и кто изъ пановъ въ маетностяхъ своихъ отмѣнить что похочетъ, указать никому не возможно». Сенаторы объяснили еще и то, что, въ противность договору, іезуитовъ «начальнѣйшихъ законниковъ» выслали изъ Москвы и что «въ римской вѣрѣ неволя и запрещеніе: однакожъ они въ томъ не указываютъ».

Въ 1694 г., бывши на конференціи у гетмана короннаго Яблоновскаго, посланникъ настаивалъ, чтобы Перемышльскаго епископа Винницкаго выслать изъ епархіи вонъ и церкви и монастыри возвратить людямъ греко-россійскаго исповѣданія, а епископа избрать новаго, кого между собою они изберутъ. И они всѣ сказали, что того никогда не будетъ и «чтобъ посланникъ предлагалъ другія дѣла».

Въ 1696 г. 17 іюня скончался Янъ Собіесскій. Знаменитый полководецъ, сдѣлавшійся королемъ, тяготился бременемъ правленія, которое было ему не подъ силу. Жена его, Марія Казиміра д'Аркіенъ, француженка изъ фрейлинъ блестящаго двора королевы Луизы, вышедшая за короля вдовою послѣ брака съ Яномъ Замойскимъ, воеводою кіевскимъ и сендомирскимъ, жила умомъ французскаго посланника Полиньяка, и съумѣла въ одно и тоже время внести раздоры въ семейную жизнь и отвратить

любовь Поляковъ отъ своихъ дѣтей. При избраніи новаго короля французская партія предлагала своего кандидата: но Поляки слишкомъ помнили Валуа̀, чтобы еще разъ подвергнуться подобному позору. Наконецъ выборъ упалъ на курфирста Саксонскаго Фридриха Августа II-го. Такъ началось въ Польшѣ *Саксонское правленіе*, продолжавшееся около 70-ти лѣтъ.

Августъ II былъ воспитанъ въ Лютеранской вѣрѣ; но послѣ, изъ политическихъ видовъ, принялъ католичество. Уже поэтому онъ не могъ быть фанатикомъ; напротивъ все располагало его къ справедливости въ отношеніи разновѣрныхъ подданныхъ. Но по польскимъ правамъ онъ не могъ ничего ни предпринять, ни сдѣлать безъ сейма, а на сеймахъ всѣ голоса были противъ схизматиковъ.

Ктомуже послѣдовала открытая измѣна Галицкихъ епископовъ, оторвавшая отъ православной церкви цѣлую область съ двумя большими епархіями.

Въ 1700 г. прибылъ въ Варшаву Львовскій епископъ Шумлянскій и заявилъ предъ королемъ о своемъ желаніи принять унію. Прибывшіе изъ Львова православные, бывшіе у посланника Любима Судейкина, говорили, что «если Шумлянскій къ уніи приступитъ, то и всѣ христіане, обрѣтающіеся въ Польскомъ государствѣ, принуждены будутъ къ тому же; и погибнетъ въ томъ не мало тысячъ душъ христіанскихъ. Однакожъ они, сколько ихъ мочи будетъ, никогда добровольно въ уніи быть не желаютъ». Бывшіе въ тоже время въ Варшавѣ архимандритъ Діонисій Жабокрицкій, номинатъ епископіи Луцкой, да игумены Почаевскаго монастыря Іосифъ Исаевичъ и Бѣльскаго монастыря Сильвестръ Троицевичъ, говорили посланнику, что «нынѣ благочестивымъ горше прежняго чинится гоненіе и ко уніи принужденіе, а за нихъ-де кромѣ царскаго величества стоять инымъ не кому.»

Въ Троицынъ день состоялось присоединеніе Шумлянскаго къ уніи. «Въ капуцинскомъ костелѣ, что построилъ бывшій король, во время мши (обѣдни), которую отправлялъ кардиналъ Примасъ,

Шумлянскій учинилъ предъ престоломъ присягу въ уніатство, чтобъ благочестивыхъ греко-россійской вѣры людей въ Русскихъ краяхъ привесть ему до уніи: при которой его присягѣ были всѣ сенаторы и водили его убраннаго до олтаря въ мантіи бискупской; и по той явной присягѣ и отступленіи отъ благочестія, ради удовѣрствія его, подписался онъ, Шумлянскій, на престолѣ, на всѣ статьи, которыя до уніи надлежатъ. И сенаторы всѣ ему Шумлянскому поздравляли; а потомъ онъ Шумлянскій, отступя отъ престола, сидѣлъ въ лавкѣ и слушалъ мшу». Прибывши въ Львовъ, Шумлянскій началъ насильно отбирать православныя церкви и принуждать благочестивыхъ въ унію. Коронный гетманъ Яблоновскій, каштелянъ Краковскій, придалъ ему на устрашеніе благочестивыхъ свою гвардію. Изъ Львова съ плачемъ писали объ этомъ къ Русскому посланнику. По настоянію посланника король далъ указъ Шумлянскому прекратить насилія и возвратить православнымъ отнятыя церкви; но бискупъ Перемышльскій, канцлеръ великій коронный, который былъ тогда номинатомъ бискупства Краковскаго, наровя Шумлянскому, не приложилъ къ королевскому листу коронной печати, и такъ оный королевскій листъ за тѣмъ препятствіемъ въ дѣйство не произведенъ»[1]).

При началѣ великой Сѣверной войны, Петръ назначилъ въ Варшаву чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ князя Григорія Θедоровича Долгорукова. Цѣль посольства была политическая — склонить короля Августа къ взаимнымъ дѣйствіямъ противъ Шведовъ. Но въ тоже время Государь не упускалъ изъ виду православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, хотя трудности войны непозволяли ему дѣйствовать въ ихъ пользу съ большою настойчивостью. Притомъ же въ 1704 г. Шведскій король Карлъ XII, занявъ Варшаву, лишилъ Августа II-го короны и съ произволомъ побѣдителя возвелъ на Польскій престолъ Познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Князь Долгоруковъ составилъ въ пользу Августа конфедерацію въ Сен-

---

[1]) Дѣло Арх. Св. Син. 1733 № 263. Т. I. л. 782—788.

домирѣ, но въ этотъ разъ не могъ поддержать короля, противъ котораго вооружились его собственные подданные [1]).

Во время военныхъ дѣйствій съ Шведами, Петръ I-й прибылъ въ іюлѣ 1705 г. въ Полоцкъ и посѣтилъ базильянскій Софійскій монастырь. Тамошніе монахи-уніаты не только не отдали ему подобающей чести, но еще оскорбили своимъ дерзкимъ злорѣчіемъ, за что и получили достойное возмездіе [2]). Въ декабрѣ того же года въ Гроднѣ канцлеръ литовскій, князь Радзивилъ, подалъ государю меморіалъ о свободномъ отправленіи римской вѣры въ Россіи. Государь отвѣчалъ, что такъ какъ въ Россіи жители римскаго исповѣданія давно уже пользуются всѣми выгодами, то желательно, чтобы и живущимъ въ Польшѣ и Литвѣ православнымъ не было никакого притѣсненія.

При вступленіи Царя въ Польшу послѣ Полтавской побѣды, Меншиковъ писалъ ему отъ 26 сентября 1709 года: «при отъѣздѣ своемъ къ арміи не извольте запомнить оставить господину Долгорукову надлежащіе пункты о превращеніи церквей изъ уніи въ благочестіе». «Учинить не запомнимъ» отвѣчалъ Петръ [3]).

Новый король Польши, Станиславъ Лещинскій, держался съ помощію шведскихъ войскъ. Но послѣ того, какъ Полтавская битва рѣшила судьбу Карла XII, Августъ опять возвратился на Польскій престолъ. Станиславъ Лещинскій удалился сперва въ Швецію, потомъ во Францію, гдѣ жилъ частнымъ человѣкомъ, получивъ отъ судьбы только то утѣшеніе, что дочь его Марія Лещинская сдѣлалась супругой французскаго короля Лудовика XV.

Въ 1710 г. Царь отправилъ въ Могилевъ стольника Богу-

---

[1]) Князь Г. Ѳ. Долгоруковъ (род. 1656 г.), меньшой братъ знаменитаго сенатора Якова Ѳедоровича Долгорукова, былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Варшавѣ съ 1701 по 1708 г., потомъ въ 1710—1712 г. и наконецъ съ 1715 по 1721 г. Сконч. въ 1723 г.—Бантышъ-Каменскаго, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Ч. II. стр. 284—292. Сказанія о родѣ князей Долгорукихъ, стр. 81—87.

[2]) Бант.-Кам. Истор. Изв. объ уніи стр. 156—158. Устрялова, Исторія Петра Великаго Т. IV Ч. I стр. 370—373.

[3]) Устрялова, Исторія Петра Великаго, Т. IV, ч. I, стр. 373.

слава Шипневскаго, въ качествѣ коммисара, для охраненія православныхъ отъ обидъ и притѣсненій [1]); а вслѣдъ за тѣмъ русскій посланникъ въ Варшавѣ, князь Долгорукій, получилъ приказаніе настоятельно домогаться у Рѣчи Посполитой, чтобы какъ на Львовскую, такъ и на прочія благочестивыя епископіи, никто изъ уніатовъ допущенъ небылъ, а были бъ посвящены изъ благочестивыхъ монаховъ [2]). Но эти домогательства не имѣли успѣха. Львовская епископская каѳедра уже занята была открытымъ отступникомъ отъ православія, Шумлянскимъ. Перемышльская епархія еще прежде обращена въ Уніатскую. Наконецъ въ 1712 г. угасла православная епископія въ Луцкѣ. Съ паденіемъ ея осталась одна только православная Бѣлорусская епархія, которой суждено было дожить до паденія Рѣчи Посполитой.

Въ 1716 г. заключенъ былъ Петромъ I-мъ трактатъ съ Польшею. Король саксонецъ, доведшій своихъ подданныхъ поборами на содержаніе саксонскихъ войскъ въ Польшѣ до возмущенія, принужденъ былъ обратиться къ посредничеству иностранныхъ державъ для своего примиренія съ Рѣчью Посполитою. Русскій посолъ князь Долгорукій предъявилъ при этомъ требованія о возвращеніи православнымъ захваченныхъ уніатами епархій, но требованія эти не были уважены. Затѣмъ, по поводу вопроса о диссидентахъ—реформатахъ въ Мазовіи, постановлено было, чтобы церкви, построенныя вопреки конституціямъ, были уничтожены и чтобы тѣ, которыя различнаго въ вѣрѣ мнѣнія, «во время настоящей Шведской войны», не имѣли никакихъ ни публичныхъ ни частныхъ собраній, не произносили неприличныхъ проповѣдей и не пѣли никакихъ вредныхъ пѣсней. Трактатъ этотъ имѣлъ для православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ весьма вредныя послѣдствія. Конституція 3 ноября 1716 г., утвержденная въ ограниченномъ смыслѣ по отношенію къ Мазовецкимъ диссидентамъ, и при томъ на время войны, распространена на всѣхъ православныхъ Короны и Литвы и сдѣлалась, какъ впослѣдствіи выразился

1) Бант.-Кам. Истор. Изв. объ уніи, стр. 159.

2) Соловьева, Ист. Россіи Т. XVI, стр. 65.

Петръ I-й, претекстомъ для оправданія постоянныхъ гоненій на нихъ [1]).

Послѣдующіе 16 лѣтъ царствованія Августа II были бѣдственны для православныхъ. Желая устранить вмѣшательство Русскаго правительства въ религіозныя дѣла Польши, религіозный фанатизмъ Поляковъ, подстрекаемый и руководимый іезуитами, предпринялъ мѣры къ совершенному подавленію Русской народности въ Польшѣ и къ прямому совращенію православныхъ въ Латинство.

Въ 1717 году появился проектъ, представленный сейму и разосланный на сеймики, объ окончательномъ истребленіи Русской вѣры и народности въ Русскихъ областяхъ Польши, обрекая на это уничтоженіе не только православную, но и уніатскую вѣру, которая все же была русскою. Проектъ предлагалъ не допускать русскихъ дворянъ ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, не заводить съ ними никакой дружбы, развѣ для своей выгоды; не допускать ихъ получать просвѣщеніе и оставляя въ невѣжествѣ доводить до нищеты и крайняго презрѣнія; дозволять жидамъ селиться въ русскихъ городахъ, «ибо жиды, по природной своей пронырливости, приберутъ въ свои руки всѣ доходы, и вытѣснивъ русскихъ изъ городовъ въ предмѣстья вышлютъ ихъ на барщину»; епископовъ назначать такихъ, которые находятся въ связахъ съ фамиліями римскаго исповѣданія и недопускать къ засѣданію въ сенатѣ, а поповъ оставить безъ образованія и въ невѣжествѣ, дабы они сами не могли знать начала своихъ обрядовъ и не могли научать народъ, что эти обряды происходятъ отъ св. Отцевъ; лучшее средство для этого держать ихъ въ крайней бѣдности, изнурять всякими поборами, чтобы не могли запастись схизматическими книгами и стѣснить такъ, чтобы они не могли ни повышаться, ни думать, ни дѣлать, что пожелаютъ; тѣ и другіе должны быть подчинены ревизіи латинскихъ прелатовъ, дабы за непристойное поведеніе были публично наказываемы; сыновей поповъ не допускать до образованія и потомъ, какъ не

[1]) Бант.-Кам. Историч. Изв. объ уніи стр. 163—240.

получившихъ образованія, обращать въ крестьянство [1]); крестьянскимъ сыновьямъ запретить учиться въ школахъ; чтобы оправдать такой образъ дѣйствій, полезно собрать всѣ встрѣчающіяся въ схизматическихъ обрядахъ несообразности, оскорбительныя слова и дѣйствіяхъ противъ римлянъ, а если бы этого не было достаточно,—разглашать хорошо обдуманные противъ нихъ вымыслы; а еще полезнѣе секретно распространять отъ имени ихъ поповъ или же самихъ владыкъ русскія сочиненія, вредныя Рѣчи Посполитой, имени польскому и католической вѣрѣ. Всѣ эти мѣры нужно начать съ тѣхъ уголковъ страны, гдѣ больше католиковъ, чѣмъ русиновъ; въ случаѣ возмущенія, если трудно будетъ предавать смерти или усмирять бунтующихъ, не должно жалѣть отдавать ихъ въ рабство татарамъ, а оставшійся край заселять народомъ польскимъ и мазовецкимъ [2]).

Неизвѣстно съ точностію, когда составленъ былъ этотъ проектъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ есть помѣтка — 1717 годъ. Но въ это ли время онъ составленъ, или раньше, или позже, во всякомъ случаѣ можно сказать безъ преувеличенія, что по крайней

---

[1]) Конституція въ этомъ смыслѣ состоялась на конвокаціонномъ сеймѣ въ 1764 г. Прошеніе русскаго духовенства 1766 г. объ отмѣнѣ этой конституціи въ Supplem. ad H. R. M. стр. 226—230.

[2]) Проектъ этотъ напечатанъ былъ нѣсколько разъ. Въ 1849 г. на польскомъ языкѣ въ Supplementum ad Hist. Russiae monumenta, № 81; откуда перепечатанъ, съ французскимъ переводомъ, въ Документахъ, объясняющихъ Исторію Западно-Русскаго края, № XXIII. СПБ.; на Русскомъ—въ 1862 г. въ Днѣ, № 17, и въ Вѣстникѣ Юго-западной и Западной Россіи, Іюль. Въ Днѣ 1862 г. № 20—Замѣтки М. О. Кояловича объ этомъ проектѣ. Эккель приводитъ этотъ проектъ въ своемъ сочиненіи: Pohlens Staats-Veraenderungen und lezte Verfassung, Wien 1803, и называетъ его произведеніемъ фанатика. Зубрицкій по этому поводу замѣчаетъ: «нѣтъ, это было дѣло политика, польскаго патріота, который ошибся только въ томъ, что преждевременно объявилъ тó, что до времени должно было составлять государственную тайну. Польское государство заключало въ себѣ около 16000 квадратныхъ миль и изъ нихъ три пятыя части населены были народомъ, отличавшимся отъ поляковъ и языкомъ и вѣрою, которыя гораздо болѣе соединяли его съ возраставшею монархіею Россійскою, нежели съ Польшею. Задача проекта заключалась въ томъ, чтобы переродить Русиновъ въ Поляковъ и установить нравственную силу Польской республики. Самая унія была болѣе требованіемъ политики, нежели слѣдствіемъ религіозной ревности, которою пылало одно только духовенство. Зубрицк. Лѣтоп. Львовск. братства подъ 1717 г.

мѣрѣ съ половины XVII и во все продолженіе XVIII вѣка онъ былъ для Поляковъ основою дѣйствій по отношенію къ православнымъ и іезуитамъ. Изложенныя въ немъ мысли вообще составляли систему политики іезуитовъ и Поляковъ. Въ проектѣ только прямо и открыто выражено было то, чему всегда, съ самаго появленія іезуитовъ въ Польшѣ и начала уніи, слѣдовало польское правительство.

Въ началѣ 1718 г. православные монастыри Литвы и Бѣлоруссіи обратились къ Государю Петру І-му съ жалобою, что они терпятъ великое и нестерпимое гоненіе и Поляки всеконечно хотятъ истребить святое благочестіе, и если вскорѣ не получатъ помощи, то православіе святое какъ въ королевствѣ Польскомъ истреблено, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ конецъ искоренится, и остающимся благочестивымъ въ различныя страны разбѣгнутися нужда будетъ. Государь послалъ къ Королю (отъ 9 Марта) грамоту, которою поставлялъ ему на видъ не только нарушеніе, чрезъ такія гоненія православныхъ, договоровъ вѣчнаго мира, но и всѣхъ правъ народныхъ и правъ совѣсти: «ибо совѣсть человѣческая единому Богу токмо подлежитъ и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуждать». Въ тоже время князю Долгорукову поручено было сдѣлать королю надлежащія представленія, а на будущемъ сеймѣ стараться, чтобы въ конституцію внесено и подтверждено было о свободномъ отправленіи православной вѣры и чтобъ въ конституціи описаны были монастыри, принесшіе упомянутую жалобу, дабы они на унію насильно превращены не были.

Ближайшій сеймъ былъ въ томъ же году въ Гроднѣ. Неизвѣстно, были ли сдѣланы наономъ представленія о православныхъ; но диссидентскій вопросъ вступилъ еще въ худшій фазисъ. Сеймъ требовалъ выступленія русскихъ войскъ изъ Польши. Посломъ отъ Виленскаго воеводства былъ Петровскій, реформатскаго исповѣданія. По поводу его заявленія въ интересахъ Россіи, сеймъ, въ противность постановленію 1661 года, лишилъ его голоса, какъ схизматика, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ диссидентовъ

права быть избираемыми на сеймъ послами. Съ отнятіемъ у нихъ этого права легко было издавать противъ диссидентовъ всякіе законы, потому что они не могли этому противиться.

Подобныя же жалобы были въ 1719 г. отъ старосты Гомельскаго Красинскаго и въ 1720 г. отъ Бѣлорусскаго епископа Сильвестра князя Четвертинскаго. «Необрѣтается подъ солнцемъ утѣсненіе, писалъ Бѣлорусскій епископъ, каковое отъ вѣковъ давныхъ распространяющаяся древняя вѣра грекороссійская въ странахъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго давно терпитъ. Постановленія, данныя въ пользу ея, не измѣняются ни въ одномъ пунктѣ, но день ото дня измышляются способы къ крайнему ея оскудѣнію и разоренію. На сеймѣ нынѣшнемъ прилежно смотрѣли, чтобъ не былъ кто посломъ изъ православныхъ. Видя благополучныя и счастливыя его царскаго величества поведенія, Римляне не смѣютъ насъ публично вдругъ искоренить: но однакожъ, часто насъ гоня, устрашаютъ и въ судахъ приватныхъ подводить подъ конституцію сейма варшавскаго объ аріанахъ и прочихъ еретикахъ». По этимъ жалобамъ Государь поручилъ бывшему въ Россіи посломъ отъ Рѣчи Посполитой, воеводѣ Мазовецкому Хоментовскому и Русскому послу въ Варшавѣ князю Долгорукову сдѣлать правительству надлежащія представленія. Въ этотъ разъ настойчивость Русскаго двора увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. 28 ноября 1720 г. король Августъ II издалъ привиллегію въ защиту оставшейся еще Бѣлорусской епархіи и православныхъ церквей и монастырей въ воеводствахъ и повѣтахъ великаго княжества Литовскаго [1]). Православные Польши и Литвы принесли канцлеру графу Головкину благодарность за такое о нихъ заступленіе, и выставляя заслуги въ этомъ дѣлѣ бывшаго переводчикомъ при Русскомъ посольствѣ Игнатія Рудаковскаго, просили назначить его коммисаромъ или резидентомъ, дабы онъ могъ имѣть ближайшее наблюденіе за неприкосновенностью православныхъ церквей и монастырей въ Литвѣ и Польшѣ. Ходатайство ихъ

[1]) Бант.-Кам. стр. 188.

было уважено, но радость о дарованной привиллегіи скоро прекратилась. Гоненія пошли еще съ большею силою.

Созванный въ томъ же 1720 г. уніатскимъ митрополитомъ Кишкою Соборъ въ Замостьѣ провозгласилъ унію единственною законною церковію греческаго обряда въ Рѣчи Посполитой. Всѣ захваченныя уніатами епархіи, монастыри и церкви, объявлены законно принадлежащими уніи; положено принять мѣры къ обращенію на унію остающихся еще внѣ оной епархій церквей и монастырей.

Съ этихъ поръ преслѣдованія направляются главнымъ образомъ на послѣднюю оставшуюся въ православіи Бѣлорусскую епархію. Тяжкимъ оскорбленіямъ не одинъ разъ подвергался даже Бѣлорусскій епископъ князь Четвертинскій. Въ 1722 году онъ прибылъ въ Москву, гдѣ былъ въ то время Государь, и съ горькимъ чувствомъ изложилъ полученную имъ личную обиду. Виновникомъ ея былъ шляхтичъ Свяцкій, принуждавшій священника своей вотчины въ Оршанскомъ повѣтѣ къ уніи и подвергшій его ужасному истязанію нѣсколькими стами палочныхъ ударовъ. Епископъ, встрѣтившись съ Свяцкимъ на дорогѣ подлѣ Могилева, сталъ говорить ему объ обидахъ священника. Свяцкій бросился на Сильвестра съ саблею и нанесъ ему два удара и ранилъ въ руку. Государь приказалъ своему министру въ Варшавѣ, князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукову [1]), послать въ Могилевъ коммисара Рудаковскаго и поручить ему изслѣдовать о всѣхъ обидахъ и гоненіяхъ для доказательствъ при Коммиссіи или гдѣ потребно будетъ, а отъ Польскаго правительства требовать коммисаровъ для разобранія обидъ, наносимыхъ православнымъ. Въ помощь Рудаковскому приданъ изъ Московскаго Заиконо-

---

[1]) Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій назначенъ посланникомъ въ Варшаву, по отозваніи отца его, князя Григорья Ѳедоровича, въ 1721 г. — Передъ кончиною Императора Петра II онъ вовлеченъ былъ братомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ въ участіе при составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени сего Государя (Арсеньева, Царствованіе Петра II-го, Спб. 1839 г. стр. 134) и въ 1739 г. лишенъ всѣхъ достоинствъ и 26 октября колесованъ въ Новгородѣ. (Русская Старина. 1879 г. кн. XI стр. 371).

спасскаго монастыря учитель іеромонахъ Іустинъ Рудинскій. Въ грамотѣ же королю и Рѣчи Посполитой, отъ 2 мая, Государь совѣтовалъ выслать и съ своей стороны на границу коммисаровъ. «Если же, паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію удовлетворенія по силѣ договора не послѣдуетъ, то Мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія». [1]) Въ то же время канцлеру графу Головкину повелѣно было дать знать объ этихъ гоненіяхъ въ Римъ кардиналу Спиноли, для представленія о томъ Папѣ (Иннокентію XIII). «Его Величество, въ своей имперіи — говорилось въ этомъ сообщеніи — не допускаетъ чинить никакого препятствованія въ отправленіи духовнымъ римскаго исповѣданія, паче же имъ позволяетъ всякую свободность и костелы. А ежели католики польскіе и литовскіе непрестанутъ такое гоненіе чинить христіанамъ греческаго закона, принуждая ихъ съ такимъ непристойнымъ насиліемъ къ уніи, то его величество принужденъ будетъ противъ своего намѣренія повелѣть, въ репрессалію онаго, духовнымъ латинскаго закона, въ Россіи обрѣтающимся, отправленіе того закона запретить» [2]).

Между тѣмъ обратился къ Императору Прусскій король съ ходатайствомъ за гонимыхъ въ Польшѣ протестантовъ. Взоры всѣхъ диссидентовъ Рѣчи Посполитой обращены были къ Русскому царю. Такимъ образомъ поднимался общій диссидентскій вопросъ и принималъ грозные размѣры.

Князь Долгорукій и Рудаковскій принялись за дѣло съ энергіей. Король принужденъ былъ издать декреты о возвращеніи нѣкоторыхъ церквей, отнятыхъ на унію. Но отъ назначенія коммисаровъ уклонился, говоря, что не можетъ сдѣлать этого безъ сейма. Настойчивыя и на первой порѣ успѣшныя дѣйствія Рудаковскаго еще болѣе возбудили фанатизмъ поляковъ и уніатовъ. Особенно неистовствовалъ уніатскій Смоленскій архіепископъ Лаврентій Друцкой-Соколинскій, жившій въ помѣстьяхъ своихъ въ Бѣлоруссіи, такъ что Рудаковскій предлагалъ даже схватить

[1]) Бант.-Кам. стр. 207—211.
[2]) Бант.-Кам. стр. 214.

этого свирѣпаго гонителя восточной церкви и увезти въ Россію подъ предлогомъ, что незаконно титулуется архіепископомъ Смоленскимъ и Сѣверскимъ.

Новому оскорбленію подвергся и Бѣлорусскій епископъ. Въ Мартѣ 1723 г. поѣхалъ онъ въ Кутеинскій монастырь, въ которомъ нѣкоторые изъ монаховъ волновались, заявляя о своей готовности принять унію. Епископъ пригласилъ съ собою коммисара Рудаковскаго. Но какъ только они прибыли туда, шляхта, по наученію монаха Михаила Кобрынца, устремилась на монастырь, выломила ворота и съ страшнымъ насиліемъ нападши на епископа и коммисара била ихъ саблями плашмя, стрѣляла изъ пистолетовъ и изъ ружей, а слугъ кольями и каменьями на смерть била. Продержавъ епископа и Рудаковскаго подъ саблями 14-ть часовъ, потомъ привели къ нимъ до смерти изувѣченнаго священника, у котораго будто бы перехвачены письма ихъ въ Литву. Писемъ не нашли: онъ успѣлъ передать ихъ до своего задержанія; но епископа и коммисара держали подъ стражею, откуда онъ и послалъ къ Государю слезную жалобу. «Тамъ бьютъ, писалъ Бѣлорусскій епископъ въ донесеніи Государю, на другомъ мѣстѣ церкви отъемлются, слугъ увѣчатъ, лошадей, рухлядь, доходы грабятъ, а самаго меня въ заключеніи держатъ. Слезно прошу показать надъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отмстить обидамъ непріятелей нашихъ, да не рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ ихъ» [1]).

Такія жалобы на насилія шли одна за другою. Фанатическій шляхтичъ Соколинскій, архіепископъ Смоленскій, желая увеличить свою крайне малочисленную паству, нападалъ на православныя церкви и насильственно обращалъ ихъ на унію. Въ мартѣ 1723 г. онъ наѣхалъ вооруженною рукою на двѣ благочестивыя церкви въ Мстиславлѣ и тирански мучилъ православныхъ, защищавшихъ свою святыню. Рудаковскій жаловался на это уніатскому митрополиту Кишкѣ: и тотъ не одобрилъ буйныхъ поступковъ своего епископа. Насиліе измышляло всякія формы истязаній и насмѣшекъ. Въ Минскѣ уніатскій архимандритъ

---

1) Бант.-Кам. стр. 228.

Августинъ Любенецкій, поймавъ монаха благочестивой вѣры, который пришелъ въ уніатскій монастырь получить плату за свою работу (рѣзную икону), остригъ ему волосы и вложивъ въ клобукъ выгналъ съ угрозою, что и всѣмъ монахамъ тоже сдѣлаетъ. Дерзкій фанатикъ кощунственно коснулся даже имени Государя. Прибывъ въ православный Минскій Петропавловскій монастырь, ругалъ православную вѣру, ставя ее хуже жидовской, настоятеля и монаховъ билъ, и потомъ сталъ поносить Государя: «Царь Московскій мужикъ, крестьянинъ, москаль. Я всю вашу проклятую схизму разорю и искореню». «Описать невозможно, доносилъ Рудаковскій, въ какой оный ксендзъ Любенецкій обрѣтается гордости и свирѣпости къ святому православію».

Въ 1724 г. Государь написалъ послѣднюю грамоту къ королю о диссидентахъ, въ которой, изъявляя сожалѣніе о претерпѣваемыхъ ими обидахъ, говорилъ, что продолженіе тѣхъ гоненій не иначе какъ къ многимъ непріятнымъ слѣдованіямъ причину и поводъ подавать можетъ. Королъ отвѣчалъ уклончиво, что диссиденты въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой никакихъ обидъ и притѣсненій не терпятъ, а обиженные, еслибъ таковые были, могутъ жаловаться и получить законное удовлетореніе. Жалобы же на гоненіе людей греческаго исповѣданія приписывалъ злоумышленнымъ людямъ, которыя, завидуя доброму согласію обоихъ Государей, такія съ правдою несоглашающіяся разсѣеваютъ вѣдомости.

По кончинѣ Императора Петра I-го Рудаковскій вызванъ былъ изъ Могилева въ С.-Петербургъ для обстоятельнаго донесенія о дѣлахъ. Въ августѣ 1726 года, по случаю открывшагося въ Гроднѣ съѣзда, посланъ туда генералъ П. И. Ягушинскій между прочимъ для требованія удовлетворенія въ обидахъ православнымъ. Но дѣло оставалось все въ томъ же печальномъ положеніи.

Въ 1728 году епископомъ-администраторомъ Бѣлорусской епархіи назначенъ былъ архимандритъ Межигорскаго монастыря Арсеній Берло. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ посвятилъ его въ епископа 30-го января 1730 года. 10-го марта Арсеній прибылъ въ Могилевъ, но принятъ былъ недоброхотно. Зачин-

щикомъ волненій былъ игуменъ Минскаго монастыря Гедеонъ Шишка. Появились пасквили на воротахъ архіерейскаго дома, при церквахъ и колокольняхъ. Арсенія грозили убить. Все это дѣлалось по интригамъ Каллиста Заленскаго, бывшаго при покойномъ епископѣ 20 лѣтъ администраторомъ епархіи и домогавшагося посвященія въ епископы. Между тѣмъ и король манифестомъ отъ 29-го іюля запретилъ признавать его за епископа «по той причинѣ, что онъ изъ незнатнаго дворянства». Императрица Анна прислала къ королю отъ 20-го августа двѣ грамоты, изъ которыхъ въ первой выразила непремѣнное желаніе, чтобы, по силѣ договоровъ вѣчнаго мира, всѣ отнятыя на унію епископіи, монастыри и церкви, возвращены были благочестивымъ, а второю просила королевскаго утвержденія на избраніе Бѣлорусскаго епископа Арсенія. Но король даже не отвѣтилъ на эти грамоты. Находясь въ такомъ крайнемъ положеніи Арсеній 28-го сентября просилъ вызвать его въ Москву, а въ слѣдующемъ году 26-го декабря просилъ отпустить его на обѣщаніе. Наконецъ въ 1732 г. октября 25-го Новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ объявилъ въ Синодѣ Высочайшій указъ Арсенію быть въ С.-Петербургъ, «понеже ему отъ Бѣлорусской епархіи отказано». Въ январѣ слѣдующаго года онъ назначенъ на праздную Переяславскую епархію. Въ Бѣлорусскіе же епископы избранъ духовенствомъ и мірянами епархіи, «какъ съ Потоцкимъ въ Москвѣ на коронаціи положено было», игуменъ Кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря Іосифъ Волчанскій.

Въ 1733 г. 1-го февраля скончался Августъ II. Враждебные къ саксонской династіи Поляки образовали генеральную конфедерацію, на которой постановили избрать въ короли природнаго Поляка и въ тоже время издали конституцію, по которой «всѣ стороннія и пришлыя вѣры (кромѣ католической и уніатской) нетерпимы и ненавистны въ Рѣчи Посполитой. На избирательномъ сеймѣ были 12 диссидентовъ. Но ревнители католичества, воспользовавшись примѣромъ 1718 г., лишили ихъ права являться на сеймъ. Кандидатомъ на Польскій престолъ опять выступилъ

Лещинскій: но Россія и Австрія, не желавшія видѣть Поляка и тѣмъ болѣе Лещинскаго на Польскомъ престолѣ, содѣйствовали избранію на Польскій престолъ сына Августа II, курфирста саксонскаго Августа III. Въ томъ же (1733) году назначенъ полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Варшаву д. с. с. баронъ Кейзерлингъ. Новый король на пактахъ конвентахъ (23-го мая) и на коронаціонномъ сеймѣ (17-го января 1734 г.) обѣщалъ и обязался сохранить всѣ привиллегіи православныхъ. Въ слѣдующемъ 1735 г. 20-го декабря король подтвердилъ привиллегію, выданную въ 1720 году отцомъ его въ защиту православной Бѣлорусской каѳедры и православныхъ монастырей въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ 1736 г. на пацификаціонномъ сеймѣ обѣщано было успокоеніе православнымъ и объявлено было, что для этого безотлагательно учреждена будетъ Коммисія. Но при слабомъ и недѣятельномъ королѣ привиллегіи оставались мертвою буквою, а обѣщанія оставались безъ исполненія, и православные подвергались, какъ и прежде, постояннымъ преслѣдованіямъ.

Въ 1739 г. Волчанскій доносилъ святѣйшему Синоду, что «кромѣ тѣхъ церквей православныхъ, которыя при жизни покойнаго князя Четвертинскаго преосвященнаго Сильвестра и по смерти его между архіерействомъ насильно отняты на унію, въ недавнее время отобраны еще многія, а новыхъ строить не позволяютъ, отчего слѣдуетъ, что остатокъ той (Бѣлорусской) епархіи весь отыдетъ на унію и епископа православнаго не къ чему и не на чемъ будетъ содержать въ недолгомъ времени». Не видя удовлетворенія своимъ просьбамъ и жалобамъ, Іосифъ писалъ Синоду отъ 27-го апрѣля 1740 года: «слезно прошу скорое и крѣпкое, какъ злѣ страждущимъ, подати защищеніе, или уволите мя отъ сего послушанія, понеже мнѣ, при моихъ не потому уже лѣтахъ и слабосильномъ здравія состояніи, отнюдь никакими мѣрами самому собою удержати ежечасно умаляющагося святаго православія невозможно» [1]).

[1]) Дѣло архива Св. Синода 1733 г. № 260 т. 1. стр. 29.

Въ іюлѣ того же года резидентъ Петръ Голембовскій писалъ объ обидахъ благочестивымъ къ обоимъ канцлерамъ литовскимъ, къ примасу и къ великому канцлеру коронному. Указавъ на отобранныя насильственно на унію церкви, по приказу Сапѣги, ловчаго великаго княжества Литовскаго, Голембовскій писалъ: «Я выразумѣть не могу, куда такія крайности клонятся. Весьма народу Польскому пріятнѣйшіе жиды суть, народъ Богу и людямъ мерзкій: ибо какъ оные при вольностяхъ и построенныхъ синагогахъ въ покоѣ содержатся, такъ, насупротивъ того, закону греко-россійскому Божіихъ церквей ни старыхъ починять, ниже новыхъ строить вольности не имѣется, а достальныя на унію насильственно отбираются. Поступки такіе натурально никогда добраго конца имѣть не могутъ, но не доброй консенвенціи за оными слѣдовать обыкновенно; и не надлежалобъ сіе легко разсуждать, но оныя злыя консенвенціи, которыя отъ такихъ проступковъ происходить могутъ, заблаговременно и безъ дальнѣйшаго отлагательства предупредить». На это коронный канцлеръ объявилъ, что «то дѣло только до литовскихъ министровъ касается», и прибавилъ, что резидентъ «изъ сего представленія нѣкоторые пассажи или статьи выпустить могъ (о жидахъ и о министрахъ, якобы подающихъ тѣмъ продерзостямъ потачку)». «Республика, изъяснялъ онъ, есть вольная и каждый зажиточный шляхтичъ такого состоянія находится, что его такъ скоро къ отвѣтствованію принудить не можно, развѣ по достаточномъ и справедливомъ признаніи его преступленія, къ чему однакожъ обождать потребно». Подканцлеръ литовскій, князь Чарторыйскій, отвѣчалъ, что онъ будетъ имѣть объясненіе съ Сапѣгою по поводу отнятыхъ на унію церквей и будетъ прилагать всякое стараніе, дабы тѣ церкви возвращены были. Великій канцлеръ литовскій Сапѣга писалъ отъ 9-го августа: «Понеже въ скорости нынѣ королевская бытность и предстоящій сеймъ наступаетъ, также и конференціи въ помянутыхъ интересахъ возстановлены быть имѣютъ, того ради вы малую въ томъ паціенцію имѣть извольте». О примасѣ резидентъ писалъ, что отъ него не получилъ отвѣта;

«да отъ него ничего иного ожидать не можно, ибо онъ къ римской католицкой вѣрѣ зѣло ревнителенъ и весь свѣтъ къ сей вѣрѣ привлещи хощетъ» [1]).

Кейзерлингъ отъ 16-го ноября 1740 г. доносилъ: «какъ ни велико неудовольствіе короля и министровъ на насильственное отнятіе греческихъ церквей и другія преслѣдованія благочестивыхъ, однакожъ мало достаточныхъ способовъ, которыми можно было бы надѣяться пресѣчь такое внѣдрившееся зло; ибо ни власти королевской, ни министерства по здѣшнимъ государственнымъ уставамъ и зѣло великой силѣ духовенства къ тому не достаточно». Кейзерлингъ хотѣлъ на сеймѣ 1740 г. добиться назначенія коммисаровъ: но сеймъ «обыкновенное заключеніе возъимѣлъ» т. е. не состоялся. По окончаніи сейма король тотчасъ же поспѣшилъ въ Саксонію «для своего викаріатства въ Имперіи». Такъ какъ туда же повелѣно было ѣхать канцлерамъ, то Кейзерлингъ обѣщалъ стараться, «дабы по меньшей мѣрѣ дальніе налоги и утѣсненія греческихъ единовѣрцевъ по возможности предупреждены были». «Примасъ регни, прибавлялъ онъ, хотя въ томъ много способствовать могъ бы, однакожъ его ревность къ вѣрѣ такъ велика, что у него для распространенія вѣры все дозволяется и за безгрѣшно поставляется» [2]).

Резидентъ Голембовскій въ донесеніи отъ 12-го февраля 1741 г. объяснивъ, что за несостояніемъ сейма и отъѣздомъ короля дѣла остались въ прежнемъ положеніи, писалъ: «все то, что въ пользу греко-россійской вѣры при такомъ состояніи учинить могу, въ томъ состоитъ, что я, по присылающимся ко мнѣ частнымъ жалобамъ, отчасти злыя слѣдствія, кои отъ утѣсненія сей вѣры въ свое время произойти могутъ, имѣющимъ въ томъ участіе людямъ представляю, отчасти же дружескимъ прошеніемъ ихъ на другія мысли привести стараюсь» [3]).

---

[1]) Дѣло арх. Св. Син. 1733 № 260 т. I, 159 — 165. Примасомъ королевства, съ званіемъ Гнѣзненскаго архіепископа, съ конца 1738 г. былъ Христофоръ Шембекъ, прежде бывшій Куявскимъ епископомъ.

[2]) Тамъ же 1, 173.

[3]) Тамъ же 1, 173.

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елизаветы Петровны оживились надежды православныхъ. Благопріятнымъ обстоятельствомъ казалось и то, что въ главѣ духовнаго правительства въ Россіи стоялъ человѣкъ, собственнымъ горькимъ и тяжелымъ опытомъ знавшій несчастное положеніе зарубежныхъ православныхъ. Это былъ Новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, бывшій прежде (въ 1731—1734 гг.) настоятелемъ (Старшимъ) Виленскаго Святодуховскаго монастыря. Бѣлорусскимъ епископомъ на мѣсто Іосифа Волчанскаго, переведеннаго архіепископомъ въ Москву, назначенъ братъ его, бывшій Старшимъ Виленскаго Святодуховскаго монастыря, Іеронимъ Волчанскій.

До сихъ поръ дѣла о зарубежныхъ благочестивыхъ велись въ Кабинетѣ и Иностранной коллегіи. Святѣйшій Синодъ получалъ донесенія о обидахъ, вносилъ въ Кабинетъ или сообщалъ въ Коллегію, не имѣя свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ. Святѣйшій Синодъ донесъ объ этомъ Императрицѣ съ подробнымъ экстрактомъ изъ своихъ прежнихъ донесеній за послѣдніе десять лѣтъ, и съ ходатайствомъ за угнѣтаемыхъ православныхъ. Императрица приняла это дѣло подъ свое особое покровительство и поручила Коллегіи дать ему безотлагательное дѣйствіе. Въ этомъ смыслѣ 16-го августа 1742 г. посланъ былъ рескриптъ къ тайному совѣтнику фонъ-Кейзерлингу и Голембовскому. «Всѣ оныя насильства и утѣсненія — сказано въ рескриптѣ — Намъ толь наипаче и особливо чувствительны быть имѣютъ, понеже оныя надъ людьми одного съ нами исповѣданія и для гоненія того самаго исповѣданія чинятся; слѣдовательно все, еже въ томъ происходитъ, въ тоже время и до насъ касается и мы за оныхъ людей въ томъ стоять и сатисфакцію имъ и поправленіе исходатайствовать обязаны. Того ради Мы вамъ всѣ прежніе указы и наставленія чрезъ сіе подтверждая, всемилостивѣйше и наикрѣпчайше вамъ повелѣваемъ, всѣ тѣ представленія наиприлежнѣйше и ревностнѣйше возобновить и въ томъ всякими потребными поступками и радѣтельными стараніями, сколько крайне возможно, ничего не упустить».

Мы сіе дѣло вамъ наиприлежнѣйше рекомендуемъ» [1]). Въ тоже время въ донесеніи своемъ Святѣйшему Синоду отъ 31-го августа 1742 г. Коллегія объясняла, что она получаетъ вѣдомости о сихъ дѣлахъ не отъ одного Св. Синода; но и изъ другихъ мѣстъ, и посылаетъ по онымъ указы министрамъ. «Изъ сего Св. Синодъ благоволитъ усмотрѣть — присовокупляла Коллегія — что она по своей должности въ ономъ, толь важномъ и нужномъ дѣлѣ, усерднаго своего попеченія и старанія прилагать никогда не оставляетъ». Вмѣстѣ съ этимъ она объясняла, что «иного способа къ прекращенію тѣхъ обидъ она не находитъ. Но чтобъ, какъ Св. Синодъ ея императорскому величеству представляетъ, употребить въ защищеніе тѣмъ людямъ обидъ и разореній какую оборону, то Коллегія не можетъ предвидѣть и разсудить, какимъ бы образомъ въ чужомъ государствѣ какую онымъ оборону, наипаче же при настоящихъ конъюнктурахъ, безъ крайней опасности Россійской Имперіи отважиться производить, кромѣ сильныхъ королю и чинамъ Рѣчи Посполитой представленій и пристойныхъ домогательствъ, яко въ вольномъ государствѣ возможно было» [2]).

Съ этого времени Св. Синодъ становится центральнымъ и заправляющимъ мѣстомъ по дѣламъ объ обидахъ зарубежныхъ православныхъ, что̀ постоянно подавало поводъ къ прерѣканіямъ между Синодомъ и Иностранною коллегіею. Такія же прерѣканія начались и въ Польшѣ между тамошнимъ православнымъ духовенствомъ и русскими министрами при Польско-саксонскомъ дворѣ.

Голембовскій на рескриптъ отъ 16-го авг. доносилъ (отъ 11 (22) сент.), что «представленія его часто и весьма доброе дѣйствіе имѣли: но дабы отмщеніе возвратить, особливо тѣхъ, которые не хотятъ слушать ни просьбъ, ни представленій, то оное на сеймѣ и въ конференціяхъ съ государственными чинами рѣшено быть имѣетъ; ибо инымъ способомъ что бы чинено ни было, однакожъ симъ жалобамъ конца не будетъ; понеже шляхетство, а

[1]) Дѣло архива Св. Синода 1733 г. № 260 т. I, стр. 154.
[2]) Тамъ же стр. 147—149.

особливо которые высшаго достоинства суть, въ ихъ собственныхъ поссессіяхъ, деревняхъ, и въ поставленіи церквей, никѣмъ возбраняемы быть не могутъ и никакого правила въ томъ принимать не хотятъ, и на мои представленія мнѣ отвѣчаютъ, что они въ своихъ деревняхъ и обрѣтающихся тамъ церквахъ господа суть и что имъ вольно есть такихъ духовныхъ персонъ опредѣлять, кои имъ угодны». «Старательства мои — писалъ онъ далѣе — какъ всему духовенству въ Литвѣ, такъ и обрѣтающемуся при немъ іеромонаху Сильвестру Коховскому [1]) довольно извѣстны». «Относительно обидъ православныхъ потребно было бы опредѣлить Особую Коммисію», въ которой моглибы быть основательно изслѣдованы всѣ жалобы и обиды для представленія сейму; а инымъ способомъ и десять человѣкъ министровъ ничего въ томъ дѣлѣ поправить не возмогутъ, развѣ ихъ представленіямъ нѣсколько тысячъ человѣкъ войска силу подадутъ» [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ и графъ Кейзерлингъ писалъ (отъ 14 (25) дек. 1742 г.): «я неусматриваю, какъ и какимъ образомъ отсюда сему злу предупредительныя мѣры взяты быть могутъ, ниже иной дороги и способа къ тому не нахожу, какъ того, что уже въ пактахъ конвентахъ дозволено и постановлено, а именно, чтобъ Коммисія учреждена была, которая благоосновательныя жалобы исповѣдающихъ греческую вѣру, по ихъ древнему праву, привиллегіи и правостямъ, прекратитъ, и сіи такимъ образомъ право и сатисфакцію достигнуть могутъ» [3]).

Дипломатическія старанія и домогательства происходили сами собою, а обиды—сами собою. Мы не выписываемъ здѣсь всѣхъ обидъ и насилій, которыя продолжались непрестанно, а равно и всѣхъ жалобъ, которыя повторялись также непрестанно.

Русскимъ въ Польшѣ казалось, и можетъ быть не безъ основанія, что дѣйствія нашихъ министровъ при Польскомъ дворѣ не

---

[1]) Іеромонахъ Сильвестръ Коховскій находился при Россійской миссіи въ Варшавѣ съ 1719 г.

[2]) Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. I. стр. 198.

[3]) Тамъ же стр. 223.

соотвѣтствуютъ той горячности, съ какою приняла это дѣло Императрица, и что они не употребляютъ надлежащихъ усилій къ тому, чтобы помочь православнымъ. Первый выразилъ это въ донесеніи Синоду, отъ 24-го окт. 1742 г., іеромонахъ Коховскій.

Прося увольненія отъ занимаемой имъ въ продолженіе 23 лѣтъ должности и объясняя трудности оной, Коховскій писалъ: «и силы уже мнѣ не стало труждающемуся въ дѣлахъ, къ вѣрѣ святой надлежащихъ, но безъ пользы общему добру нашему, понеже господа министры только пристойнымъ образомъ обыкли стараться, безъ представленія договоровъ, утвержденій и конституцій... Присовокупляю и мое дѣло, что хотя пресвѣтлѣйшаго ея импертаторскаго величества жалованье и получаю я отъ Св. Синода по триста рублевъ, но неисправно до меня доходитъ, и великій убытокъ претерпѣваю на векселѣ, и весьма не могу съ тремя служащими и съ церковію содержать себя и церкви провизіи чинить, понеже приходу никакого не имѣю: что было людей грекороссійскаго исповѣданія, всѣ оные на унію силою приведены. А ближняя здѣсь ихъ, министровъ, протекція ничего не помогаетъ, ибо господинъ посолъ полномочный — евангеликъ, а господинъ резидентъ — римской вѣры» [1]).

Св. Синодъ съ горячностію взялся за это донесеніе и представивъ оное Императрицѣ присовокупилъ, что «нечаятельно, чтобъ они (Кейзерлингъ и Голембовскій) истинное и ревностное по вѣрѣ нашей усердіе и тщаніе прилагали; да едвали можно Кейзерлингу, яко лютеранину, а Голембовскому папежскаго исповѣданія, противу своихъ единовѣрныхъ за благочестіе ревностно стараться и тѣмъ ихъ къ оскорбленію приводить... И какъ же бы означенный Голембовскій и Кейзерлингъ могли быть истинные за благочестіе ходатаи, и не единую только политику строящіи, какъ то отчасти Синоду извѣстно, что на кого въ разореніи, поруганіи церквей благочестивыхъ и людей ея, къ Польскому двору и въ прочихъ тамо приличныхъ (кто изъ нихъ) протестуетъ, съ

---

[1]) Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. I. стр. 247.

тѣмъ, яко единовѣрнымъ ему, дружеское, какъ у себя въ домѣ, такъ и въ компаніяхъ имѣетъ обхожденіе; напротивъ того къ нашимъ православнымъ, яко иновѣрнымъ предъ папежанами, весьма крайнюю неблагосклонность являетъ»[1]).

Иностранная коллегія, какъ и слѣдовало ожидать, взяла ихъ подъ свою защиту, и въ донесеніи Св. Синоду писала, что она «въ тѣхъ дѣлахъ до нынѣ слабыхъ ихъ поступковъ ни малѣйше не усматриваетъ, и весьма нечаятельно, чтобъ они, по причинѣ разности въ законѣ съ греко-россійскимъ исповѣданіемъ, указы е. и. в. пренебрегали и прямого радѣнія и прилежанія въ томъ не имѣли; а особливо о графѣ Кейзерлингѣ, яко о лютеранинѣ, никакого сомнѣнія быть не можетъ, понеже лютеране съ римляны или папежцами, какъ всѣмъ извѣстно, никакого согласія въ вѣрѣ и законѣ не имѣютъ, но наипаче между ними въ томъ, временемъ, и распри не малыя случаются... А хотя Голембовскій и римскаго исповѣданія, однакожъ чрезъ сорокъ лѣтъ его службы никакого пристрастія не усмотрѣно и Коллегія не имѣла еще причины быть имъ недовольнымъ... Прежде нихъ при Польскомъ дворѣ послами были изъ знатныхъ русскихъ фамилій, яко князья Долгоруковы и другіе, но въ тѣхъ обидныхъ дѣлахъ не болѣе сихъ успѣха имѣли»[2]).

Защищая министровъ, Коллегія завиняла напротивъ зарубежное духовенство, особенно игуменовъ монастырей, въ непорядочныхъ и непотребныхъ поступкахъ и что они сами нерѣдко служатъ причиною опустошенія монастырей и иныхъ самовольствъ, не имѣя надъ собою духовнаго правленія и никакихъ надзирателей, которые бы крѣпко смотрѣли житія и поступковъ ихъ. Коллегія собственно повторяла то, что нашла въ одномъ изъ приложенныхъ Голембовскимъ документовъ, именно въ письмѣ Пинскаго уніатскаго епископа Булгака къ Голембовскому отъ 9-го марта 1743 года: «Уже при моемъ времени—писалъ Булгакъ—нѣсколько игуменовъ Пинскихъ, забравъ церковное серебро,

[1]) Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. I. стр. 315.
[2]) Тамъ же стр. 337.

деньги на починку церкви какъ въ здѣшнихъ краяхъ собранныя, такъ изъ Россіи присланныя, ушли въ путь свой, о которыхъ и по нынѣ не слышно. Откуду же сіе все происходитъ, откуду соблазны такіе являются и такія непристойности, ежели не оттуду, что не уніатскаго закона духовные никакого въ здѣшнихъ краяхъ не имѣютъ надъ собою духовнаго правительства, не имѣютъ визитаторовъ, которые бы на крѣпко смотрѣли житія и поступковъ, приходовъ и расходовъ: отчего то̀ происходитъ, что почтенные игумены не знаютъ, что пріемлютъ; воспослѣдовавшіе же по нихъ не вѣдаютъ, что имъ оставлено» [1]).

Обвинители, подобные Булгаку, не хотѣли знать, что они же сами были причиною этого, не допуская епископовъ и настоятелей до управленія епархіями и монастырями и что, напримѣръ, Бѣлорусскій епископъ управлялъ въ ту пору епархіею изъ Москвы, не получая въ теченіи двухъ лѣтъ королевской привиллегіи на вступленіе въ епархію.

Увлекшись этимъ совѣтомъ Булгака, Голембовскій предложилъ Коллегіи, а Коллегія предложила Синоду употребить способъ, который «изобрѣтенъ былъ» Петромъ I-мъ въ 1722 г. при такихъ же обстоятельствахъ и тогда же Св. Синода главнымъ членамъ объявленъ, «чтобы избрать здѣсь или въ Кіевѣ изъ духовныхъ такую персону, который бы по латынѣ и по польски читать и писать искусенъ былъ, и какъ всѣ догматы церковные, такъ и разности въ религіяхъ совершенно зналъ, и отправить бы онаго въ Польшу и Литву, яко Коммисара отъ стороны Ея Императорскаго Величества, съ потребнымъ отверстымъ кредитомъ, снабдя его инструкціею, дабы онъ всѣ монастыри и церкви греко-россійскаго исповѣданія надзиралъ и священнослужителей въ той св. вѣрѣ и въ порядочномъ житіи и въ добрыхъ и благочинныхъ поступкахъ наставлялъ и утверждалъ, а при томъ бы накрѣпко приключаемые имъ отъ римлянъ и уніатовъ обиды и гоненія престерегалъ, и когда гдѣ такое произойдетъ, того же бы

---

[1]) Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 стр. 365.

времени, взявъ отъ обидимыхъ обстоятельныя о томъ описанія и документы, сперва въ надлежащихъ мѣстахъ жалобы приносилъ и сатисфакцію требовалъ, а ежели такой не одержитъ, то, собравъ доказательства, ѣхалъ съ оными въ Варшаву къ министрамъ россійскимъ, и вмѣстѣ съ ними домагался резолюціи». Въ то время это «благоизобрѣтеніе» Петра I-го осуществлено небыло «за неизвѣстными въ Коллегіи причинами». Коллегія предлагала возобновить это дѣло теперь, для лучшей пользы людямъ греческаго исповѣданія въ Литвѣ и Польшѣ [1]). Но Синодъ не увлекся этимъ представленіемъ и дѣло не имѣло продолженія.

Императрица выражала свою настойчивость съ возрастающею силою. Къ оскорбленіямъ православныхъ присоединилось и то, что Бѣлорусскому епископу Іерониму Волчанскому отказывали въ королевской привиллегіи, откладывая дѣло объ оной, въ противность праву и обычаю, до сейма. Въ рескриптѣ къ Голембовскому отъ 16-го авг. 1743 г., исчисливъ утѣсненія благочестивыхъ, Императрица выражала: «толь великія и нестерпимыя монастырямъ, церквамъ и людямъ греко-россійскаго исповѣданія обиды, гоненія, ругательства, забойство и насильное превращеніе къ уніи такъ самовластно и съ неслыханною суровостію производятъ, чего и турки въ своемъ государствѣ надъ христіанами греками не чинятъ; и тако оные отъ римлянъ и уніатовъ надъ единовѣрными нашими въ Польшѣ и Литвѣ поступки ни къ чему иному причесть не возможно, токмо къ не содержанію и уничтоженію имѣющагося съ нашею Имперіею трактата вѣчнаго мира и къ поруганію вѣры и закона греко-россійскаго исповѣданія, наипаче къ уничтоженію нашего за тѣхъ бѣдныхъ и несчастливыхъ людей, по силѣ онаго трактата, заступленія, еже намъ не токмо чувствительно, но и несносно становится». Голембовскому приказано было подать Польскому правительству Меморіалъ [2]).

Въ октябрѣ того же года Кейзерлингъ представилъ меморіалъ, присовокупивъ къ нему вѣдомость монастырей и церквей,

[1]) Тамъ же стр. 335.
[2]) Тамъ же I,—341—342.

насильственно отнятыхъ на унію съ деревнями и подданными, и реестръ нѣкоторыхъ насильствъ, нанесенныхъ благочестивымъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ этомъ меморіалѣ онъ показалъ, что на унію съ 1686 г. отнято въ одной Бѣлорусской епархіи 7 монастырей и 117 церквей.

Коронный канцлеръ, Хелминскій епископъ Залусскій, и подканцлеръ литовскій, князь Чарторыскій, отвѣчали, что эти требованія имѣютъ быть успокоены чрезъ коммиссію по счастливомъ прибытіи его королевскаго величества; но присовокупили, что ни король, ни министры никакой по сіе время жалобы въ разсужденіи претендованныхъ уніатскихъ притѣсненій не получали, и великому удивленію подлежитъ, что подданные его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой за границу жалобы свои произносятъ, хотя имъ здѣсь отъ справедливости никогда отказано не было. «Объ этомъ — прибавлялъ съ своей стороны Голембовскій—я уже нѣсколько лѣтъ государственной Коллегіи покорнѣйше доносилъ и здѣсь греко-россійскимъ духовнымъ многократно внушалъ, дабы они въ своихъ жалобахъ напередъ къ королю и министерству республики адресовались. Только продолжающійся донынѣ противный тому поступокъ главнѣйшею причиною есть, что здѣсь греко-россійская религія такимъ образомъ, а именно изъ года въ годъ, умаляется и въ упадокъ приходитъ. Въ другихъ мѣстахъ только съ обрѣтающимися вокругъ монарховъ министрами или съ малымъ числомъ другихъ персонъ, кои къ тому опредѣляются, дѣло производится: а здѣсь въ Польшѣ, яко въ вольной республикѣ, напротивъ того стараться надлежитъ съ пристойною учтивостію всѣмъ себя пріятнымъ учинить, чтобы съ доброю терпѣливостью, ежели потребно, всякое противное слово сносить». Не странно слышать такіе совѣты изъ устъ поляка — Голембовскаго; но странно, что подающій такіе совѣты былъ представителемъ Русскаго правительства въ Польшѣ и защитникомъ интересовъ православныхъ.

Вслѣдствіе непрестанныхъ жалобъ, Императрица, рескриптомъ отъ 15-го ноября 1743 г., поручила Голембовскому сдѣ-

лать о томъ заявленіе, съ угрозою подкрѣпить оное силою. Выражая сожалѣніе, что «всѣ Наши старанія и справедливыя представленія въ томъ нынѣ, какъ и прежде, безъ всякаго дѣйствія остались и показанныя гоненія не токмо никако не престали, ниже къ пресѣченію и поправленію оныхъ малѣйшія распоряженія учинены, но оныя паче отъ времени до времени наижесточайшимъ и не милосерднѣйшимъ, да и прямо Богу противнымъ и ругательнымъ образомъ умножаются, и съ бѣдными людьми не инако обходятся, равно какъ бы оные весьма и христіанскому обществу не принадлежали и ихъ Божія служба преступленіемъ, а церкви и монастыри ихъ соблазнительными домами были»,—Императрица выражала, что можно признавать то «не инако, какъ явно показуемое Намъ самимъ озлобленіе», и поручила заявить, что «при должайшемъ безплодствіи и презрѣніи дружескихъ представленій и домогательствъ, иные сильнѣйшіе и серьйознѣйшіе способы употреблять напослѣди принуждены будемъ, и чрезъ оные лучше предуспѣть толь наипаче надежду имѣть можемъ, понеже другія державы (которыя для своихъ, подъ именемъ диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ разумѣющихся единовѣрцевъ, и ради утѣсненій оныхъ, въ томъ общія обязательства съ нами имѣютъ) къ нашимъ мѣрамъ въ томъ приступить и общее дѣло съ нами чинить весьма готовы. И тѣмъ случаемъ для зѣло многихъ причинъ охотно пользоваться будемъ. Однакожъ таковыя крайности не инако, какъ непріятныя слѣдствія и предосудительныя дальности произнести могутъ» [1]). Изъ дѣла не видно, чтобы содержаніе этого рескрипта сообщено было Польскому правительству.

Вслѣдъ за симъ, 24-го ноября 1743 г. Императрица послала къ Королю грамоту, требуя совершенной по трактатамъ сатисфикаціи православнымъ и возвращенія отнятыхъ на унію монастырей и церквей съ ихъ имѣніями. Король (4-го января 1744 г.) отвѣчалъ, что если принесенныя Ея Величеству жалобы въ дѣлѣ праведны окажутся, то онъ повелитъ ихъ изслѣдовать

1) Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 Т. I, 347.

и пристойнымъ образомъ прекратить. И хотя съ вящшимъ успѣхомъ это дѣло могло бы быть произведено по возвращеніи его въ королевство, однакожъ, въ знакъ готово-охотнѣйшей склонности и дружбы къ любезной Сестрѣ, пріятельницѣ и сосѣдкѣ, онъ писалъ къ великому канцлеру коронному о скоромъ облегченіи показанныхъ тягостей»[1]). На королевскій указъ оба канцлера и гетманы, примасъ королевства и уніатскій митропотлитъ, отвѣчали, что они ничего не знаютъ объ обидахъ неуніатовъ и жалобы ихъ считаютъ не основательными и единогласно челобитчиковъ осуждаютъ и почитаютъ преступниками права въ томъ, что, будучи польскими подданными, не приходятъ къ своему суду, но адресуются въ Россію; впрочемъ соглашались на учрежденіе Коммисіи для изслѣдованія сихъ жалобъ. Представляя объ этомъ, графъ Кейзерлингъ заявлялъ, что хотя такая коммисія и потребна, однакожъ если при ней не будетъ человѣка, который бы за обиженныхъ умѣлъ говорить и всѣ хитрости и отговорки противной стороны обезсилить, то доброхотство папежской религіи можетъ преодолѣть справедливость»[2]).

Св. Синодъ выразилъ сомнѣніе въ учрежденіи Коммисіи, считая обѣщаніе оной одною отговоркою, тѣмъ болѣе, что учрежденіе коммисіи отлагалось до сейма, а «состоянія сеймовъ давно уже не бывало». Указавъ затѣмъ на слова Голембовскаго, что «и десять человѣкъ министровъ ничего въ томъ дѣлѣ поправить невозмогутъ, развѣ ихъ представленіямъ нѣсколько тысячъ человѣкъ войска силу подадутъ», Св. Синодъ заявилъ, что входить въ дальнѣйшіе разсужденія объ этомъ съ Коллегіею чрезъ письменныя сношенія неудобно и что къ лучшей пользѣ того дѣла было бы необходимо имѣть съ вице-канцлеромъ общеперсональное разсужденіе о томъ въ Св. Синодѣ[3]).

Коллегія, въ своемъ отвѣтѣ отъ 3-го іюня, главнымъ образомъ занялась сдѣланнымъ ей намекомъ на подкрѣпленіе россій-

---

[1]) Тамъ же I, 420.
[2]) Донесеніе коллегіи Св. Синоду 9-го Апрѣля 1744 г. Тамъ же I, 427
[3]) Жур. Св. Синода 25-го мая 1744 г. Тамъ же II, 495.

скихъ настояній въ Польшѣ нѣсколькими тысячами войска и заявила, что подобное выраженіе Голембовскій предъ нѣкоторымъ временемъ употребилъ польскимъ сенаторамъ, но сдѣлалъ это «не осмотрясь, безъ указу, собою, не разсуждая вдаль, что такой поступокъ съ интересами Россійской Имперіи сходенъ быть не можетъ», что «съ россійской стороны употребляются за благочестивыхъ только пристойныя рекомендаціи и заступленія добродѣтельнымъ образомъ, и иногда по усмотрѣнію конъюнктуръ и съ крѣпкими представленіями, однакожъ безъ всякихъ угрозъ войсками, что̀, кромѣ огорченія Поляковъ и вящшаго побужденія ихъ къ противностямъ, никакой бы пользы принести не могло». Вмѣстѣ съ тѣмъ Коллегія увѣдомляла, что въ Польшѣ назначенъ ординарный сеймъ и что положено начаться оному въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ Михайлова дня, настаивала, чтобы, въ виду обѣщанныхъ совѣщаній о нашихъ дѣлахъ предъ сеймомъ или во время сейма, послать туда способнаго человѣка, который бы могъ подробно представить о всѣхъ претерпѣваемыхъ православными обидахъ. Приглашеніе вице-канцлера на совѣщаніе Коллегія приняла не охотно и заявила, что «для убѣжанія напраснаго разглашенія» лучше бы оному видѣться съ однимъ или двумя главными членами Св. Синода [1]). Синодъ отвѣчалъ, что то дѣло общее, а не двухъ членовъ, и 24-го іюня предписалъ Коллегіи указомъ, «дабы г. вице-канцлеръ съ прочими той Коллегіи, кого заблагоразсудитъ, членами, для общаго съ Св. Синодомъ разсужденія, были бъ въ Св. Правительствующій Синодъ сего іюня 25-го дня». Конференція въ назначенный денъ не состоялась.

23-го іюля Св. Синодъ возобновилъ свое настояніе объ отрѣшеніи россійскихъ министровъ въ Польшѣ и замѣнѣ ихъ другими лицами. Указавъ на то, что православные постоянно утѣсняются разными обидами, а между тѣмъ польскіе магнаты и министры отзываются, что они о жалобахъ православныхъ ничего не знаютъ, и признавая не надежнымъ, чтобы графъ Кейзер-

---

[1]) Тамъ же II, 507.

лингъ лютеранской и Голембовскій папежской вѣры со всеусерднейшею ревностію церковь нашу и въ ней гонимыхъ защищали, да и гонимымъ у таковыхъ противовѣрныхъ защищеніе просить не безъ прискорбности есть, — Св. Синодъ всеподданнѣйшимъ докладомъ просилъ Императрицу: означенныхъ министровъ, ради выше представленныхъ объ нихъ сумнительствъ, отъ означенныхъ до церкви нашей принадлежащихъ дѣлъ отрѣшить и опредѣлить бы къ такому дѣлу кого достойнаго изъ россійскихъ искуснаго и знающаго человѣка». Съ своей стороны Синодъ рекомендовалъ графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, «довольно въ Польшѣ на резиденціи бывшаго и тамошнія поведенія знающаго» [1]).

Наконецъ 25-го августа состоялась конференція Св. Синода съ Иностранною коллегіею. На конференціи разсуждали о предстоящемъ сеймѣ и чего надлежитъ домогаться на ономъ въ пользу православной вѣры и православныхъ обитателей края [2]). Въ тоже время положено было: находящемуся въ Варшавѣ іеромонаху Коховскому быть при посланникѣ Бестужевѣ, принимать жалобы отъ всѣхъ православныхъ и разсматривая представлять посланнику, донося о томъ по духовному начальству. Въ предполагав-

---

[1]) Графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, (род. 1688 г.) старшій братъ канцлера, находился въ Польшѣ чрезвычайнымъ посланникомъ съ 24-го мая 1726 по 8-е окт. 1730 г. Послѣ того былъ въ Берлинѣ, Стокгольмѣ; въ концѣ 1741 г. снова на короткое время былъ въ Варшавѣ, одновременно съ Кейзерлингомъ; въ февралѣ 1744 г. опредѣленъ посланникомъ въ Берлинъ, откуда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣщенъ снова въ Польшу. Бан.-Кам. Словарь достоп. людей, I, стр. 153—162. Москва 1836.

[2]) На конференціи читаны были экстракты проэктированныхъ со стороны Св. Синода требованій. По мнѣнію Синода слѣдовало домогаться: 1) возвращенія православныхъ епархій—Львовской, Перемышльской и Луцкой; 2) возвращенія церквей и монастырей, отнятыхъ послѣ 1686 года; 3) о изданіи постановленія отъ сейма на дѣлающихъ обиды и насильства церквамъ; 4) о наказаніи людей, неоказывающихъ должной справедливости по жалобамъ; 5) о не принужденіи православныхъ къ уніи и безпрепятственномъ построеніи и возобновленіи церквей; 6) о не отбираніи церквей на унію по одноличной склонности духовныхъ; 7) объ испрошеніи у короля привиллегіи Бѣлорусскому епископу Волчанскому безъ представленія на сеймѣ, гдѣ тому быть не надлежитъ; 8) о вспомоществованіи посланнику въ разборѣ обидъ, дѣлаемыхъ православнымъ; 9) о изысканіи со стороны Коллегіи и. д. способовъ къ защищёнію мирнаго трактата, буде никакое старательство не поможетъ. (Тамъ же II. 621—627).

шуюся коммисію назначенъ съ духовной стороны Слуцкій архимандритъ Оранскій, «яко онъ о многихъ показанныхъ съ Польской стороны ругательствахъ и безчеловѣчіяхъ ихъ укорять можетъ [1])». Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ Синодъ сдѣлалъ уступку Коллегіи, не видя, съ своей стороны, пользы отъ Коммисіи и полагая, что всѣ тѣ дѣла нужно будетъ отдать въ полное разсужденіе посланнику.

Соглашеніе о Коммисіи состоялось на томъ, чтобы «домогаться учрежденія оной не для разобранія принесенныхъ толь не единократно жалобъ, (ибо ниже въ сумнительствѣ оныхъ что либо допускать съ польской стороны сходно), но для наказанія тѣхъ суевѣрниковъ и своевольниковъ, кои о томъ случай подали, и для возвращенія взятаго у обидимыхъ». Коллегія, съ своей стороны, полагала испросить конституцію на сеймѣ, которая бы, подтверждая всѣ прежнія вольности и привиллегіи греко-россійскаго исповѣданія, дала королю власть всѣ жалобы, на будущее время, удовольствовать не откладывая вновь до сейма. Сообщаемыя по сему предмету предположенія свои Коллегія рекомендовала къ строгому секрету, «тѣмъ наипаче, что такъ откровеннымъ образомъ посторонней коронованной главѣ собственныя ея преимущества и права толковать не инако, но въ крайней конфиденціи можно».

Коллегія полагала, что для исполненія всѣхъ этихъ предположеній «нѣтъ способнѣйшаго времени, какъ нынѣ вскорѣ быть имѣющій сеймъ. Что же касается до способовъ, какіе можно употребить въ случаѣ безуспѣшности нашихъ домогательствъ, то разсужденіе о дальнѣйшихъ мѣрахъ — писала Коллегія — въ единственномъ ея и. в. высочайшемъ соизволеніи состоитъ» [2]). Св. Синодъ, съ своей стороны, возлагалъ надежду на графа Бестужева, «яко на истиннаго церкви святыя сына», и ожидалъ отъ его дѣйствій на предстоящемъ сеймѣ полнаго успѣха [3]).

---

[1]) Тамъ же II, 637.
[2]) Тамъ же II, 653.
[3]) Тамъ же II, 663.

Слуцкій архимандритъ Оранскій просилъ уволить его отъ коммисіи, отзываясь тѣмъ, что ему своихъ монастырей поручить некому и что это назначеніе его еще болѣе увеличитъ озлобленіе противъ него Поляковъ. Но Св. Синодъ не уволилъ его и только придалъ ему въ помощь бывшаго Дятловицкаго игумена, жившаго въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, іеромонаха Гедеона Онышкевича [1]).

Наступилъ и прошелъ Гродненскій сеймъ, и 5-го декабря Коллегія доносила Синоду, что россійскіе министры съ ревностію старались объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія и «королевско-польскій дворъ наисильнѣйшія въ томъ обнадеживанія подавалъ и сперва при начатіи сейма надежда къ тому являлась; но при продолженіи тамошнихъ посполитыхъ совѣтовъ не точію видно было, что ничего не воспослѣдуетъ, но и наконецъ въ самомъ дѣлѣ оказалось, что оный въ Гроднѣ сеймъ по разнымъ происками и по всегдашнему Поляковъ межъ собою несогласію безъ всякаго и для нихъ Поляковъ постановленія и заключенія, по прошествіи предопредѣленнаго шестинедѣльнаго срока, втунѣ пустыми спорами безъ разрыву самъ собою исчезъ». Но послѣ тамъ же въ Гроднѣ держанъ былъ сенатусъ-консиліумъ, на которомъ положено было продолжать начатыя съ графомъ Бестужевымъ конференціи и о жалобахъ единовѣрныхъ учредить Коммисію [2]).

Учрежденіе коммисіи не могло быть пріятно Полякамъ, и потому примасъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы затянуть дѣло, такъ что королю только наканунѣ отъѣзда его изъ Польши представленъ былъ къ подписанію рескриптъ. —Въ составъ коммисіи назначены были два епископа, Плоцкій Дембовскій и Перемышльскій Сѣраковскій, три воеводы — Русскій, Померанскій и Лифляндскій, три кастеляна: Бѣльскій, Черскій и Брестскій, коронный секретарь, коронный рефрендарь и коадъюторъ Виленскій,

---

[1]) Тамъ же II, 715.
[2]) Тамъ же II, 727.

надворный и коронный подскорбій и регентъ малой Литовской канцеляріи — всего 12 человѣкъ.

Въ 1745 г. 26-го янв. Сильвестръ доносилъ: «коммисія для разсмотрѣнія обидъ, намъ и благочестію православному учиненныхъ, уже назначена, а когда начнется—еще вѣдать не можно. По мнѣнію своему разсуждаю, что ждать того надобно нѣсколько лѣтъ и изъ того ничего не будетъ». «Коммисары у нихъ изъ знатныхъ лицъ назначены... А съ нашей стороны невѣдаю, кто бы имѣлъ быть. Ежели правда, что о. архимандритъ Слуцкій, Іосифъ Оранскій, куда и меня Св. Синодъ пріобщаетъ, чему быть не можно, понеже будемъ мы предъ ними стоять, какъ слуги и челобитчики: но надлежало бы заграничныхъ съ нашей стороны прислать знатныхъ епископовъ или архіепископовъ двухъ, да свѣтскихъ человѣка три годныхъ и знающихъ юриспруденцію. О. Іосифъ Оранскій годенъ былъ бы къ таковой должности, но часто боленъ бываетъ, ибо недѣли съ двѣ тому назадъ, какъ онъ былъ здѣсь въ Варшавѣ по призыву графа Бестужева на оную коммисію, и заболѣвъ лежалъ у меня цѣлую недѣлю и отъѣхалъ въ свой монастырь въ Слуцкъ въ отдаленіи отсюду въ осьмидесяти миляхъ; а мнѣ весьма надобно отказаться отъ сей коммисіи, понеже не умѣю языка латинскаго и отнюдь я не способенъ. Прилагаю копію съ рескрипта королевскаго. Изъ него свободно усмотритъ Св. Синодъ, что въ содержаніи онаго малая намъ имѣется надежда, понеже фундацій не можемъ показать. Гдѣ монастыри и церкви мірскія на унію силою отняты, тамъ и архивъ остался, и свидѣтелей не можно ставить, ибо никто свидѣтелемъ не станетъ, опасаясь отъ господъ своихъ за то наказанія» [1]).

Архимандритъ Оранскій писалъ также: «скудоумію моему мнится, что будущая коммисія весьма худую обѣщаетъ пользѣ нашей надежду. Самихъ главнѣйшихъ гонителей и обидителей римлянъ ниже упомянуто, уніатовъ токмо и насъ изображено; а рим-

[1]) Тамъ же II, 743.

лянъ, чрезъ многія лѣта вѣры ради въ крови благочестивой руки умывающихъ, церкви насильно на унію превращающихъ, чистыми учинено. Уніаты точію инструменты, а римляне дѣйствительные обидители и раззорители суть благочестія. Ктому же въ противниковъ власть отдано погодное время и удобное мѣсто для коммисіи избирать: а наша сторона, яко овча на заколеніе поведется. Уніаты разбѣглися по трибуналахъ, королевскихъ метрикахъ, градахъ, проискуючи противъ насъ доводовъ, и сыщутъ, хотя и новописанные: отъ нашей же стороны вси спятъ, и хотя бы не спали и вѣдали гдѣ имѣются документы, но ничто же успѣютъ, ибо или до книгъ не допустятъ, или деньги отобравши покажутъ— искали, но нѣтъ въ здѣшнихъ книгахъ. Уніаты и ихъ единомысленники, какъ на генеральную баталію приготовляясь, повсѣхъ сенаторахъ бѣгаютъ, просячи помощи и защищенія: мы же къ кому здѣсь прибѣгнемъ? Отъ ихъ стороны такъ великіе и сильные господа на коммисію назначены, которые при себѣ имѣютъ весьма сильныхъ въ приказномъ дѣлѣ капеллановъ іезуитовъ и юристовъ многихъ: отъ нашей же никого нѣтъ; какъ похотятъ противники, такъ и укоммиссаруютъ. А отъ нашей бы стороны мірскихъ знатныхъ персонъ хотя бы троихъ весьма надобно; ибо ежели не будутъ, то коммисія никакой пользы не принесетъ. Ругатися и отрицати горѣе станутъ, и будутъ послѣдняя горшая первыхъ. Прежде времени уже нѣкоторые противники отзываются, сказуя: будутъ де они до страшнаго суда испрошенную памятствовать коммисію» [1]).

Опасенія и предсказанія Коховскаго подтвердились. Отсутствія короля было достаточно, чтобы затянуть дѣло и не открывать коммисіи до его прибытія. «Всѣ такія—писалъ Бестужевъ— въ дѣлѣ должной единовѣрнымъ сатисфакціи и утѣсненіяхъ безпрестанно чинимыя новыя затрудненія и отлагательства довольно показуютъ, коль мало Поляки склонны въ томъ удовольственную дать сатисфикацію, и что по причинѣ примасовой и прочихъ

---

[1]) Тамъ же II, 838.

епископовъ о религій своей великой ревности, а особливо же отъ езуитовъ, яко наиглавнѣйшихъ гонителей, ничего добраго ожидать не можно. Однакоже нынѣ уже по тѣхъ поръ терпѣніе имѣть должно, пока коммисія дѣйствительно начнется и будетъ ли оная какой добрый успѣхъ имѣть; а ежели и тогда никакая сатисфакція не воспослѣдуетъ, то уже въ такомъ случаѣ высочайшему ея и. в. разсмотрѣнію остается, какія иныя мѣры предвоспріять»[1]).

Снова пошли обиды православнымъ и снова начались жалобы.

Въ 1745 г. Іеронимъ представилъ жалобу Кричевскаго протопопа Михаила Волги на гоненіе отъ ксендза плебана Кричевскаго, Регинальда Иллича (или Ильинича), съ копіями хулительныхъ писемъ отъ плебана къ протопопу и къ нему Волчанскому.

Какъ нагло относились Поляки латиняне къ русскимъ священникамъ и даже къ русскому епископу, можно судить по этимъ письмамъ Иллича къ Волгѣ. «Провозвѣстникъ антихристовъ и пріятель его! Слушай, гдѣ ты читалъ, дабы кто долженъ былъ обиды своей отыскивать воровскимъ способомъ, какъ ты учинилъ. Правда то, что у мужиковъ сей обычай хранится разбойническій, воровскій, которому ты послѣдовалъ. Только знай, что за это бываетъ нѣкоторая казнь ворамъ: тоже будетъ и твоимъ послушникамъ. Доброй совѣсти тебѣ желаю». Изъ другаго письма къ нему же: «Отче попе! Вѣдаетъ ваша милость, что я съ вашею милостію дружества и обхожденія никакого ближняго, какъ съ отщепенцемъ, не имѣлъ, и о святомъ Антоніи еретикѣ и схизматикѣ и рѣчь ласкательная никогда мнѣ не видится быть пріятна, какъ о непріятелѣ Христовѣ и предвозвѣстникѣ антихристовѣ. Но ежели надлежитъ что вашей милости, то слушай ты отщепенецъ, знай, что ты надъ собою увидишь, о чемъ тебѣ и во снѣ никогда не снилось. Помни себѣ, что ты не къ попу такъ дерзновенно пишешъ».

Не останавливаясь на полдорогѣ, Илличь рѣшился овладѣть всѣми православными церквами въ Кричевѣ и въ Кричевской

---

[1]) Тамъ же II, 354.

протопопіи. Для этого, «выбравши изъ метрическихъ книгъ великаго княжества Литовскаго старыя привиллегіи русскихъ церквей, онъ приписалъ въ нихъ новыя придачи, акибы они имѣли быть отъ основанія своего уніатскими». Съ помощію такихъ фальшивыхъ документовъ, онъ выпросилъ у короля привиллегію на русскія церкви, и по прибытіи изъ Дрездена началъ свое апостольство тѣмъ, что запечаталъ всѣ церкви въ Кричевѣ; потомъ въ полночь напалъ на нихъ съ компаніею сообщниковъ, какъ непріятель, выломалъ двери и приставилъ къ нимъ уніатскихъ поповъ, прогнавъ изъ нихъ разными боями православныхъ. Секретарь посольства, Ржичевскій писалъ объ этомъ князю Чарторыйскому, подканцлеру литовскому, указывая на незаконность выданной Илличу привиллегіи и прося защитить православныхъ отъ его насильствъ. «Привиллегія дана ему такъ властно, какъ бѣшеному человѣку мечь въ руки, которымъ онъ надъ греко-неуніатами воюетъ, и ругаясь ихъ вѣрою священниковъ публично на улицѣ бьетъ и увѣчитъ, и въ такой страхъ и ужасъ приведя народъ, цѣлые приходы къ принятію уніи принуждаетъ. Сія весьма хитрая выдумка происходитъ не отъ простаго человѣка къ искорененію греко-россійской религіи, ибо народъ, видя что такія привиллегіи или конфирмаціи отъ министерства печатью укрѣплены, а князь-примасъ своими рекомендательными письмами оные подкрѣпилъ, князь-староста съ своей стороны отказалъ въ протекціи просителямъ греко-россійской вѣры, приведенъ въ такое состояніе, что принужденъ, дабы не лишиться имущества, хотя по виду принять уніатскую вѣру». Но Чарторыйскій держалъ сторону Иллича [1]).

---

[1]) Князь Чарторыйскій писалъ къ Ржичевскому отъ 25 февраля (6) марта 1752 года: «ксендзъ Илличъ, плебанъ Кричевскій, никакого новаго права на Кричевскія церкви не получилъ, но токмо подтвержденіе давныхъ привиллегій, которыхъ онъ либо самые оригиналы, либо подлинные экстракты изъ протоколовъ предъявилъ. Но ежели онъ въ ревности своей мѣру превосходитъ, то я какъ прежде къ бискупу Виленскому уже писалъ, такъ и нынѣ еще пишу, чтобы онъ такіе Иллича чрезвычайные поступки и мнимую его въ томъ ревность сократилъ». Ржичевскій отвѣчалъ на это отъ 28 февр. (10) мар.: «я упо-

Въ самой каѳедрѣ преосвященный Іеронимъ терпѣлъ постоянныя оскорбленія отъ уніатовъ и римлянъ. Въ Могилевѣ былъ плебанъ Казиміръ Волчокъ и жилъ около 30 лѣтъ въ мирѣ и согласіи съ благочестивыми мѣщанами Могилевскими и епископами Бѣлорусскими. Но переведенный на его мѣсто изъ Орши въ 1745 г. Симонъ Грыневичъ началъ непрестанно вымышлять на благочестивыхъ разныя нападки. «Хочу, говорилъ онъ, быть вторымъ Іосафатомъ. Я на то и опредѣленъ здѣсь и не престану, пока Могилевъ Витебскомъ не сдѣлаю и на унію не превращу».

«Плебанъ Могилевскій, писалъ Іеронимъ, непрестанно вымышляетъ и произноситъ на меня и на весь народъ православный Могилевскій разныя въ свѣтѣ неслыханныя пореченія, напасти и пасквили, и оныя повсюду прописуетъ: манифесты, протестаціи въ книги градскія и трибунальскія позаписалъ и экстракты изъ оныхъ повымовалъ и публикуетъ, хотя всеконечно послѣднія вотчины архіерейскія разграбить».

Въ г. Борисовѣ неустанно преслѣдовалъ православныхъ староста князь Огинскій. Съ 1720 г. не допуская ни малѣйшей починки церкви и монастыря, онъ принуждалъ православныхъ неисповѣдимыми тяжестями и платежами къ уніи и многихъ принудилъ. Въ 1741 году, при смерти своей, онъ передалъ староство сыну своему Игнатію Огинскому, надворному маршалку великаго княжества Литовскаго, который не уступалъ отцу въ ревности къ вѣрѣ папежской и въ гоненіи православныхъ [1]). Преосвященный Іеронимъ послалъ къ нему два письма, прося милости для

ваю, что все, что только отъ него (Иллича) ни дѣлается въ Кричевѣ, чинится съ вѣдома самаго его бискупа Виленскаго; а потому хотя бы и до истязанія пришло, то ваше сіятельство вѣдаете и сами, какимъ образомъ они духовныхъ своихъ наказываютъ, что развѣ бы только лисьимъ хвостомъ оному священнику погрозили, да и то издалека». Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. I, стр. 313.

[1]) Въ 1749 г. строитель Борисовскаго монастыря Іоаннъ Тудоровичъ на присланныя изъ Москвы деньги купилъ было лѣсу для починки монастыря, но Огинскій сказалъ ему: «ежели ты, попе, сіе учинить дерзнешь, то я съ онаго жъ лѣсу висѣлицу тебѣ самому сдѣлать прикажу. Историч. Извѣстіе объ уніи. Бант-Кам. стр. 329.

благочестивыхъ, но не получилъ отвѣта. Послѣ того, по заявленію его, обратился къ Огинскому Голембовскій, и получилъ отвѣтъ въ высшей степени дерзкій и оскорбительный для преосвященнаго Іеронима. Огинскій укорялъ Голембовскаго въ неразсудительности, съ какою онъ поддается сказкамъ Волчанскаго, а Іеронима называлъ строптивымъ пастыремъ, который уклонился отъ пути своихъ предшественниковъ, умѣвшихъ наблюдать умѣренность и спокойствіе, и стоитъ того, чтобы лишить его сана. «Они требуютъ, писалъ Іеронимъ, такой умѣренности и спокойности, чтобъ я ничего не говорилъ, ниже писалъ, ожидая окончанія благочестія святаго, а просто сказать, чтобъ я только бездѣльнымъ пастыремъ здѣсь былъ. Огинскіе всѣ, паче другихъ господъ, большіе здѣсь гонители на благочестіе» [1]).

Положеніе православныхъ съ каждымъ днемъ становилось хуже и печальнѣе. Амвросій Юшкевичъ умеръ 17-го мая 1745 г. Со смертію его не стало сильнаго голоса за угнѣтаемыхъ православныхъ въ Литвѣ и Польшѣ. Случай съ Виленскимъ Старшимъ Богдановичемъ, «смѣло говорившимъ предъ Виленскимъ епископомъ» и по донесенію Голембовскаго получившимъ выговоръ, со внушеніемъ всему зарубежному духовенству, чтобъ поступало «съ подобающею учтивостію» [2]), показалъ, чего слѣдуетъ далѣе ожидать тамошнему духовенству. «Сію хитрость — писалъ по поводу этого внушенія Бѣлорусскій епископъ въ донесеніи Св. Синоду отъ 25-го ноября 1745 г. — всѣ римляне, бискупы, ксендзы и господа у любимыхъ друговъ своихъ жидовъ приняли — на обидимаго отъ нихъ еще жаловаться и клеветать и такимъ образомъ покрывая свою не правду обыкли извиняться. И сіе весьма трудно, чтобы обидимые православные отъ соперниковъ своихъ надлежащую сатисфакцію въ обидахъ своихъ когда получить могли, которые единодушно во всѣхъ судахъ своихъ вмѣсто сатисфакціи публично ихъ ругаютъ, называютъ еретиками, схизматиками

[1]) Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. III, стр. 428—531.
[2]) Опред. Св. Синода 18-го сент. 1745 г. Тамъ же II, 969.

и отступниками и прочая, и на тое отъ папы вознагражденіе, индульгенцію простительную всѣхъ грѣховъ своихъ, имѣютъ. А буде же кто изъ римлянъ совѣстный защищать православныхъ будетъ, то вси онаго отступникомъ, еретикомъ называютъ». «Если — писалъ онъ — не воспослѣдуетъ отъ вашего святѣйшества скорое и сильное воспященіе онымъ отъ того злонамѣреннаго ихъ дѣла, то конечно здѣ благочестія не будетъ. Отъ всероссійскихъ министровъ, резидента Голембовскаго и полномочнаго посла Бестужева-Рюмина, никакое защищеніе благочестію святому не происходитъ» [1]).

Коллегія обидѣлась столь сильнымъ заявленіемъ Волчанскаго. «Такое его, преосвященнаго епископа, генеральное на оныхъ доношеніе къ немалому удивленію служитъ; ибо ему надлежало о такомъ небезважномъ дѣлѣ обстоятельно изобразить, кому именно изъ благочестивыхъ и въ чемъ отъ оныхъ защищенія или заступленія не показано, дабы потомъ отъ нихъ, яко акредитованныхъ при Польскомъ дворѣ министровъ, надлежащія изъясненія взяты быть могли... Съ польской стороны — прибавляла Коллегія — по инымъ жалобамъ не безъ резона отвѣтствуютъ, что тамошніе благочестивые, яко польскіе подданные, къ надлежащимъ своимъ судамъ не приходятъ и, прямому пути въ томъ не слѣдуя, съ своими жалобами въ Россію адресуются; а на иныхъ, и на самихъ благочестивыхъ, о невоздержныхъ ихъ и непорядочныхъ поступкахъ и излишной пыхѣ или неумѣренности предъявляютъ, еже и въ присланныхъ въ Св. Синодъ отъ преосвященнаго епископа Бѣлорусскаго жалобахъ отчасти нѣчто усматривается». По поводу этихъ прерѣканій, Коллегія возобновила свое настояніе, чтобы Св. Синодъ опредѣлилъ отъ себя въ Польшѣ и Литвѣ изъ духовныхъ достойную персону, съ потребнымъ кредитивомъ, который бы, яко коммисаръ, всѣ причиняемыя православнымъ обиды престерегалъ и свидѣтельствовалъ, и о томъ не токмо своевременно представлялъ министрамъ, но и самъ по та-

[1]) Тамъ же II, 997.

мошнимъ обыкновеніямъ приносилъ жалобы и требовалъ удовлетворенія [1]).

Коллегія сообщила объ этихъ обвиненіяхъ Голембовскому. Голембовскій, въ пространной реляціи отъ 19-го апр. 1746 г., оправдываясь самъ, завинялъ русскихъ и въ главѣ ихъ Бѣлорусскаго епископа. «Неоспоримо, писалъ онъ, что иногда исповѣдникамъ греко-россійской вѣры, по нѣкоторымъ мѣстамъ и много обиды чинится: но къ сожалѣнію есть, что они того сами или желаютъ» (этого только не доставало) «или же свою не пристойною горделивостію и угрозами сами на себя вредъ навлекаютъ; а чтобъ они такимъ образомъ, какъ жалоба приносится и прибавкою распложается, гонимы и утѣсняемы были, то неправда, и коммисія покажетъ, коль неосновательны тѣ многія жалобы, которыми ваше и. в. нынѣ толь часто утруждаютъ»... «Епископъ Бѣлорусскій самъ въ своемъ доношеніи позабываетъ тотъ решпектъ, которымъ онъ вашему и. в. долженствуетъ, когда онъ о римско-католической религіи и о той вѣрѣ, которую король, его государь, исповѣдуетъ, такими непристойными экспрессіями и такимъ образомъ отзывается, что ему зѣло трудно было бъ того доказать. И ежелибъ такой епископъ, который разумомъ и умѣренностью своею другимъ въ примѣръ быть имѣетъ, сіе письменно учинилъ, то чего бъ не сдѣлали его отцы и подчиненные духовные, которые иногда ничего больше не разумѣютъ, какъ только то, къ чему ихъ страсть своя приводитъ» [2]).

Голембовскій чувствовалъ свою побѣду, такъ какъ Коллегія не была крайне заинтересована диссидентскимъ вопросомъ, а вожди этого дѣла въ Россіи — Амвросій и Московскій архіепископъ Іосифъ Волчанскіе — умерли.

Коллегія, препровождая эту реляцію въ Св. Синодъ, просила потребовать отъ Бѣлорусскаго епископа объясненія по оной и, о чемъ потребно, снабдить его по своему разсужденію на-

---

[1]) Тамъ же II, 1055.
[2]) Тамъ же II, 1065.

ставленіемъ [1]). Но Синодъ имѣлъ великодушіе не потребовать отъ Бѣлорусскаго епископа объясненій, какъ отъ подсудимаго.

Между тѣмъ готовился сеймъ. Коллегія настаивала на учрежденіи обѣщанной Коммисіи и Бестужевъ подалъ о томъ королю меморіалъ; но Св. Синодъ, въ виду прежнихъ заявленій Бѣлорусскаго епископа и донесеній Коховскаго и архимандрита Оранскаго, не соглашался на назначеніе Коммисіи, «отъ которой кромѣ дальняго продолженія никакой пользы быть отнюдъ не уповаетъ», и требовалъ, чтобы министрамъ предписано было имѣть стараніе объ удовлетвореніи православныхъ на основаніи пунктовъ, постановленныхъ въ 1744 г. на конференціи Синода съ иностранною Коллегіею [2]).

Въ половинѣ сейма Бестужевъ писалъ къ Бѣлорусскому епископу и Слуцкому архимандриту, прося ихъ самихъ пріѣхать въ Варшаву на сеймъ. «Ибо я и о тѣхъ жалобахъ, которыя мнѣ донесены, иначе представить не могъ, какъ токмо, что я оныя отъ васъ получилъ; и за то еще болѣе гнѣваются, въ такомъ мнѣніи находясь, что вы тѣмъ изъ должнаго его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой подданичества себя свободить искали, понеже не сами, но чрезъ Россійскихъ министровъ о своихъ желаніяхъ доносите и сатисфакціи домогаетеся, что не къ цѣлосостоянію вашему, но къ большему отъ времени до времени неудовольствію поводъ подаетъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось бы и о семъ доказывать, гдѣ бы вамъ по первому вашему представленію справедливость отказана была. По крайней мѣрѣ, когда бы вы сами здѣсь присутствовали, то лучше можно бы о всемъ подумать и на взаимныя ихъ предложенія обстоятельнѣе отвѣтствовать, какъ въ томъ и другіе Рѣчи Посполитой обыватели поступаютъ, кои здѣсь не малымъ числомъ свои интересы производятъ: а отъ васъ въ толь знатныхъ обидахъ никто и до сего времени еще не бывалъ, который бы съ вашей стороны къ королю или министрамъ въ томъ отозваться могъ». Сообщая Волчанскому копію съ подан-

[1]) Тамъ же II, 1063.

[2]) Опред. Св. Синода 17-го ноября 1746 г. 16—II. 1117.

наго королю меморіала, Бестужевъ писалъ: «желаю не токмо вашего преосвященства, но всей религіи интересы подвинуть; однакожъ и въ томъ, когда до дѣла дойдетъ, то необходимо надобно будетъ, чтобъ кто при тѣхъ жалобахъ, на которыхъ моя претензія основана, въ доказательствѣ былъ, ибо я токмо какъ чужестранный министръ ходатайственнымъ образомъ оныя поспѣшествую и о доставленіи справедливости вспоможеніе чиню, изъясненія же тѣхъ партикулярныхъ предложеній никоимъ образомъ угадать не могу» [1]).

Волчанскій отозвался, что ему ѣхать не на что, «ибо изъ епархіи не доходы, но слезы получаю»; и не безопасно: «что̀ я тамо одинъ учинить могу въ дѣлѣ всѣхъ отъ давнѣйшихъ временъ чинимыхъ религіи утѣсненій, не имѣя въ томъ какъ дѣйствительнаго голоса, такъ и отъ Святѣйшаго Синода позволенія, безъ котораго я на такія публики никоимъ образомъ отважиться не могу; ибо кто о томъ вѣдать можетъ, что̀ вмѣсто сатисфакціи воспослѣдуетъ». При томъ же «все основаніе единственно на томъ зависитъ, дабы греко-россійская религія, по силѣ публичныхъ съ Россійскою Монархіею, а не съ одною Бѣлорусскою епископіею, заключенныхъ трактатовъ, въ полномъ и цѣломъ отправленіи въ Польскихъ государствахъ вѣчно ненарушимо пребывала; и потому сей интересъ—всей Россіи, и произвожденіе онаго отъ васъ, яко отъ полномочныхъ ея и. в. министровъ, зависитъ, понеже, ежели оная генерально при всѣхъ древнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ содержана будетъ, то и мы здѣсь въ покоѣ останемся».—Слуцкій архимандритъ не пріѣхалъ по нездоровью: «послѣ тяжкой горячки едва сталъ въ себя приходить и какъ малый ребенокъ ходить учиться началъ».—«Всѣ другихъ вѣръ исповѣдники — писалъ по этому поводу Голембовскій — во время сейма свой интересъ защищать стараются: здѣшніе же грекороссіяне одни, при всѣхъ ихъ утѣсненіяхъ, когда король и чины республики вмѣстѣ, да и время настоитъ, въ которое ихъ жалобы

---

[1]) Тамъ же III, 4.

поправлены быть могли бы, совсѣмъ молчать, яко же и ни одной живой души ихъ здѣсь не появится» [1]).

Но и варшавскій сеймъ (окончившійся 3 ноября 1746 г.), «за несогласіемъ по нѣкоторымъ дѣламъ сеймовыхъ пословъ, до состоянія не пришелъ и разошелся безплодно, какъ и прошлый сеймъ въ Гроднѣ». Король уѣхалъ въ Саксонію и всѣ дѣла остались на прежнемъ основаніи.

Донося объ этомъ Императрицѣ, Голембовскій завинялъ духовенство, что «никто на сеймъ не пріѣхалъ, кого бы, какъ самоличнаго челобитчика, королю и министрамъ съ ихъ жалобами представить можно. Дѣло о вѣрѣ тотчасъ въ самомъ началѣ можно было бъ привесть въ вящшее движеніе: ибо хотя никакой конституціи, при несостоятельности сейма, къ возобновленію и охраненію ихъ правъ установить было не можно, однакожъ можно бы исходатайствовать въ ихъ пользу разныя статьи, ежели бъ изъ нихъ кто присутствовалъ и могъ, по требованію обстоятельствъ, представить нужныя изъясненія, тѣмъ болѣе, что съ уніатской стороны бываетъ на сеймѣ много епископовъ и въ этотъ разъ было 4 епископа, разные архимандриты и игумены, которые всячески стараются опровергнуть приносимыя на нихъ съ нашей стороны жалобы. А министры, которые и безъ того о томъ досадуютъ, что россійско-греческіе чины не къ королю и не къ нимъ, но прямо къ Русскому правительству адресуются, таковыми обстоятельствами пользуясь, равномѣрно оное дѣло вдаль отложить ищутъ». Вслѣдствіе этого Голембовскій просилъ, «чтобъ впредь, хотябъ ординарный или чрезвычайный сеймъ воспослѣдовалъ, по меньшей мѣрѣ двое искусныхъ, свои, да и польскія земскія права свѣдущихъ духовныхъ, сюда съ такими жалобами заблаговременно пріѣзжали [2]).

Старанія и домогательства Бестужева имѣли одинъ результатъ, что король повелѣлъ возобновить *Коммисію*, назначенную

---

[1]) Тамъ же III, 92.
[2]) Тамъ же III, 12.

въ Гроднѣ въ 1744 г., приказавъ начать оную при бытности его въ Варшавѣ, а потомъ перенесть въ Литву, хотя въ Минскъ, ежелибъ это оказалось необхдоимымъ.

Уже подписанъ былъ рескриптъ Коммисіи, какъ предсѣдатель и прочіе духовные члены оной отказались отъ коммисіи изъ за слѣдующаго, находившагося въ рескриптѣ, повелѣнія: «ежели гдѣ по слѣдствію доказано будетъ, что нѣкоторыя не уніатскія церкви насильно отняты, то оныя по прежнему возвратить имъ». Но это затрудненіе устранено было по взаимному соглашенію между нашими министрами и коммиссарами такимъ предложеніемъ, что король самъ имѣетъ возвратить тѣ церкви, по учиненіи сперва слѣдствія и по взятіи отъ коммисіи доношенія. Бестужевъ тѣмъ охотнѣе согласился на эту поправку, что «у короля въ дѣлѣ обратной отдачи отнятыхъ церквей скорѣе успѣхъ получить можно, нежели когда бъ это предоставлено было самой коммисіи, гдѣ примасъ регни безъ сомнѣнія интриги производить и исполненію коммиссіоныхъ указовъ легко подъ всякими внушеніями препятствовать могъ бы». О предсѣдателѣ коммисіи, Плоцкомъ бискупѣ Дембовскомъ, Бестужевъ отзывался, что «онъ человѣкъ честный, совѣстный и любящій справедливость» [1]).

Въ составъ Коммисіи съ польской стороны назначены королемъ большею частію тѣ же лица, которыя опредѣлены были въ 1744 году. Со стороны православныхъ также остались назначенные въ 1744 году: архимандритъ Іосифъ Оранскій, Дятловицкій игуменъ Гедеонъ Онышкевичъ и іеромонахъ Сильвестръ Коховскій [2]). Графъ Бестужевъ просилъ, чтобы Онышкевичу поручено было сопровождать инквизицію

---

[1]) Тамъ же III, 26—98.

[2]) Коховскій присылалъ въ Синодъ и въ Иностр. коллегію просьбу за просьбой дать ему хотя какое нибудь денежное пособіе, такъ какъ, живя въ Варшавѣ и занимая при томъ оффиціальное положеніе, онъ принимаетъ у себя всѣхъ пріѣзжающихъ туда по дѣламъ духовнымъ. «Едваль — писалъ онъ 6 декабря 1746 г. въ Св. Синодъ — въ такое отчаяніе не приду, что все брося пойду въ свѣтъ, куда глаза меня понесутъ, понеже вы ни уволить меня, ни повышенія жалованья поправить нехощете». Тамъ же III, 53.

во всѣхъ монастыряхъ и приходахъ Бѣлоруссіи: «ибо по монастырямъ и церквамъ здѣсь такіе простые люди находятся, что хотя бы и правое дѣло имѣли, то права своего содержать не умѣютъ».

Коммисія, сдѣлавъ при бытности короля первое засѣданіе, полагала собраться въ апрѣлѣ 1747 года, но по просьбѣ Слуцкаго архимандрита Оранскаго отложена до 6 ноября, чтобы имѣть время всѣ обиды православнымъ собрать на письмѣ. Коммисія разослала свои универсалы во всѣ мѣста Короны и в. к. Литовскаго, приглашая всѣхъ обиженныхъ приготовиться сдѣлать позывы къ защищенію своихъ правъ и приказавъ публиковать объ этомъ всенародно въ церквахъ на амвонахъ.

Министры доносили, что польское правительство сдѣлало все, что могло сдѣлать для успокоенія православныхъ и надѣялись, со вступленіемъ Коммисіи въ дѣйствіе, прекращенія всѣхъ непріятностей, если только само духовенство отнесется къ дѣлу разумно и не упуститъ представившагося случая къ упроченію своего положенія.

Препровождая въ министерство королевскій рескриптъ и универсалъ Коммисіи, Голембовскій писалъ: «Св. Синодъ обстоятельно усмотрѣть можетъ, коль далеко уже дѣло произведено, и что не токмо всѣ дальнія гоненія чрезъ сіе уничтожены быть имѣютъ, но и исканная сатисфакція за учиненныя обиды безъ сомнѣнія получится, когда здѣшнія грекороссійскія духовныя и свѣтскія собратства то несогласіе, которое между ими самими донынѣ вредительно продолжается, на сторону отложатъ и совокупно въ согласіи и откровенности къ произведенію съ серіозностію ихъ дѣлъ способствовать не оставятъ» [1]).

Но православныя духовныя власти отнеслись къ Коммисіи недовѣрчиво и несочувственно. Оранскій и Коховскій открыто порочили Коммисію. Голембовскій жаловался, что они выставляютъ только претензіи, не заявляя во время своихъ желаній, что какъ

---

[1]) Тамъ же III, 58.

инструкція многократно была перемѣняема, такъ тѣмъ легче можно бы перемѣнить коммисаровъ и назначить другихъ, кого бы они взять пожелали, ибо нынѣ назначенные коммисары сами собою просили отъ сей коммисіи удалиться. Такими непостоянными и всегда перемѣнными жалобами и отговорками толь наипаче конфузія причиняется, понеже осязательно оказуется, что сіи помянутыя двѣ духовныя персоны властно какъ всякую готовность на сторону откладываютъ, не помышляя о томъ, что они по ихъ прошеніямъ и жалобамъ правосудіе и удовольствіе получить могутъ и что они только всегда, да и нынѣ, самымъ несправедливѣйшимъ образомъ насъ обносятъ, хотя за нихъ все учинено, что только по человѣчеству возможно было» [1]).

«Королевскій коммисіонный рескриптъ, который Оранскій порочитъ — писалъ Голембовскій отъ 31 января 1747 г.,—для исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру такъ выгоденъ и такъ сильно сочиненъ, какъ того король, яко король Польскій, сильнѣе сдѣлать не могъ: ибо оный не токмо до греко-россіянъ и уніатовъ, но и до римскихъ католиковъ, да еще безъ всякаго изъятія состоянія, чина и персонъ, простирается».

Бѣлорусскій епископъ Волчанскій, съ своей стороны, заявилъ, что онъ не только не ожидаетъ никакой пользы, напротивъ опасается крайняго вреда отъ этой Коммисіи. Волчанскій выставлялъ слѣдующіе резоны: 1) «что изъ россійскихъ министровъ никого на оную не опредѣлено, только всѣ съ Польской стороны, которые, сами суперники и судіи, могутъ всѣ обиды наши вымышленнымъ ухищреніемъ своимъ не токмо поглумить, но еще и всѣ жалобы православныхъ въ противность поставить, какъ имъ сіе обыкновенно есть, какъ то недавніе на сіе два образца имѣются; 2) коммисія напечатала въ своихъ универсалахъ, дабы давнія королевскія привиллегіи, фундуши о строеніи благочестивыхъ церквей, на унію отнятыхъ, и прочая достовѣрно для надлежащихъ доводовъ были представлены предъ судомъ коммисарскимъ.

---

[1]) Тамъ же III, 73.

Можно отсюда догадаться, въ какомъ намѣреніи коммисія требуетъ таковыхъ доводовъ; ибо она вѣдаетъ, что въ коронѣ Польской ни едина церковь обрѣтается благочестива, но вси уже на унію отъ немалаго времени отняты съ епархіями, какъ то Перемышльскою, Львовскою, Галицкою и Луцкою; потому коронные обыватели никакихъ жалобъ и доводовъ представить не похотятъ, ниже сами на оной коммисіи явиться могутъ, опасаясь, чтобы послѣ возвращенія къ вѣрѣ православной не возбудить противъ себя кровавaго преслѣдованія; 3) въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, при захватѣ церквей и монастырей на унію, захвачены и всѣ тѣхъ монастырей привиллегіи, и потому показать ихъ на коммисіи для доводу нельзя, такъ какъ они имѣются въ рукахъ уніатовъ; 4) о нападеніяхъ на церкви и отнятіи грунтовъ и иныхъ ругательствахъ трудно подданнымъ на дѣдичныхъ господъ своихъ свидѣтельствовать, потому что это запрещено имъ военною угрозою; а теперь еще обучатъ ихъ сильнѣе показывать ко вреду православныхъ; 5) въ бытность въ Могилевѣ Іосифа Волчанскаго, Полоцкій уніатскій оффиціалъ Ираклій Лисянскій объѣздилъ всѣ церкви Бѣлоруссіи, отнятыя въ разное время на унію, и какія нашелъ древнія фундушевыя записи, ставленыя грамоты, антиминсы отъ православныхъ архіереевъ освященные и православныя богослужебныя книги—все забралъ съ собою, дабы и память православія истребить, если бы случилось кому о томъ упомянуть; а уніатскимъ попамъ по всей Бѣлоруссіи бороды побрилъ, и на головахъ волоса остригъ по римску, дабы и виду на нихъ грекороссійскаго закона не было; чаятельно, что и до присяги оныхъ принудилъ и росписки съ нихъ взялъ, дабы назадъ уже до благочестія не возвратилися; 6) во время непріятельской Шведской войны, въ Польшѣ многіе города, села и деревни, также церкви и монастыри благочестивые разграблены, а иные сожжены, какъ и городъ Могилевъ со всѣми церквами и катедрою въ то время отъ непріятеля спаленъ и архивъ со всѣми документами сгорѣлъ; а уцѣлѣвшіе расхищены. Всѣ противники наши весьма радуются этой коммисіи и прежде времени трі-

умфуютъ, говоря, что мы на большую бѣду себѣ выпросили эту коммисію, такъ какъ всѣ коммисары римскаго закона и должны за косціоломъ римскимъ потворствовать, а не за вами, и что мы-де большія противъ всѣхъ вашихъ обидъ поставить потрафимъ. Виленскій-де бискупъ всѣмъ ксендзамъ плебанамъ своей епархіи приказалъ противъ нашихъ обидъ большія обиды написать и въ коммисію представить. Мы-де и катедру и всѣ церкви Могилевскія теперь на унію отберемъ, понеже-де они прежде были уніатскія; [1]) 7) можно за времени [напередъ] чувствовать по такимъ намѣреніямъ, что коммисія благочестіе святое въ Польшѣ до конца истребить можетъ по представленію ложныхъ ихъ навѣтовъ, какъ они давно уже умышляютъ это и написали много ругательныхъ книгъ противъ нашей церкви; 8) отъ нашей стороны какъ для сильнаго представленія обидъ, такъ и для возраженія навѣтовъ, людей ученыхъ и способныхъ отнюдь не имѣемъ ни изъ духовныхъ, ни изъ мірскихъ. И такъ намъ немощнымъ противъ сильныхъ сопостатовъ нашихъ ополчаться весьма опасно, дабы еще за турбацію штрафы намъ платить не присудили вмѣсто сатисфакціи. Дѣло сіе общее и весьма великое; ежели на нынѣшней коммисіи будетъ упущено, то уже больше никакой надежды не останется; ибо сія коммисія по правамъ Польскимъ можетъ назначить отъ себя другую коммисію для слѣдствія представленныхъ обидъ, которая все нами показанное прямое можетъ сдѣлать ложнымъ, и таковыя коммисіи могутъ продолжаться чрезъ долгое время; потомъ изъ тѣхъ обѣихъ коммисій будетъ на сеймъ отослано; 9) бискупамъ, сенаторамъ, министрамъ и великимъ господамъ, отъ которыхъ какія обиды въ разныя времена происходили, отъ нихъ ли самихъ или отъ губернаторовъ и администра-

---

[1]) Въ 1747 г. 28 ноября администраторъ уніатской митрополіи, Полоцкій архіепископъ Флоріанъ Гребницкій, писалъ къ Виленскому коадъютору Сапѣгѣ, что поднятъ вопросъ объ уничтоженіи православной Бѣлорусской епископіи и старался доказать ему, что эта дизунитская епархія возникла въ недавнее время per subrepticia privilegia, что существованіе ея причиняетъ погибель многихъ душъ и что потому необходимо уничтожить ее и присоединить либо къ уніатской Митрополичьей епархіи, либо къ Полоцкой архіепископіи.

торовъ ихъ, позвы на коммисію подавать весьма опасно, чтобы въ большіе штрафы и отмщеніе не попасть; 10) коммисія эта требуетъ великаго кошту и иждивенія, ибо надобно на позвы, на поданіе оныхъ, на реляціи и записки въ гродахъ польскихъ, на признаніе оныхъ и на вынятіе экстрактовъ съ печатьми, на юристовъ и патроновъ и проч.: а на все это откуда взять, не имѣемъ [1]).

Споры и прерѣканія длились до сентября, когда, по представленію Св. Синода, состоялось Высочайшее повелѣніе объ устраненіи Голембовскаго отъ тѣхъ дѣлъ и о предоставленіи полной свободы дѣйствій архимандриту Оранскому и іеромонаху Коховскому, или кого еще къ тому Бѣлорусскій епископъ опредѣлитъ. «Но если бы они стали въ поступкахъ своихъ при магнатахъ и министрахъ польскихъ у него Голембовскаго требовать разсужденія и совѣта, отъ того не отрицаться, но въ чемъ возможно имъ по своему искусству разсужденія свои на ихъ благоизобрѣтеніе подавалъ бы». При этомъ Коллегія донесла Св. Синоду, что «такого человѣка, кого бы къ тѣмъ дѣламъ вмѣсто Голембовскаго опредѣлить, знающаго польскій языкъ и польскія права и порядки и

---

[1]) Тамъ же III, 123 — 128. Для обжалованія надлежало взять изъ гроду или изъ зàмка бланкетъ (гербовый листъ) и на тѣхъ бланкетахъ писать обиды, о каждой матеріи на особомъ бланкетѣ, не самому обиженному, но чрезъ *патрона* т. е. особливо для того опредѣленнаго и въ правѣ польскомъ искуснаго присяжнаго человѣка, коихъ патроновъ въ каждомъ городѣ довольное число находится: та написанная обида называется *позывъ*. Позывъ чрезъ *вознаго*, нарочно для таковыхъ дѣлъ опредѣленнаго, *генерала* надлежало отдать до гроду для записки въ книгу; послѣ чего какъ тотъ позывъ обратно, такъ по формѣ польскаго права написанный и руками городскихъ людей подписанный съ приложенною городскою печатью автентикъ тому возному отданъ быть имѣетъ, что возный принявъ, и съ того автентика копію написавъ и подписавъ своею рукою, долженъ отдать противной сторонѣ, на кого принесена жалоба; противъ чего должно отъ обѣихъ сторонъ, челобитчиковой и отвѣтчиковой, поставить въ коммисію *присяжныхъ патроновъ* и при нихъ *пленипотентовъ* (т. е. повѣренныхъ) къ суду, и изъ нихъ патроны должны говорить предъ судомъ о дѣлѣ имъ порученномъ и отстаивать съ подводомъ правъ, а пленипотенты надсматривать, чтобы не учинилось какой при судѣ проронки. Русскимъ же православной вѣры самимъ, безъ патроновъ и возныхъ, производить таковые жалобные позвы по польскимъ правамъ запрещено. Тамъ же III, 74.

въ прочемъ способнаго, ни въ Польшѣ, ни здѣсь не имѣетъ; а графъ Бестужевъ Рюминъ хотя по должности его надлежащее стараніе въ оныхъ имѣть и будетъ, но токмо онъ обрѣтается при королевскомъ дворѣ въ Саксоніи, а не въ Польшѣ, и въ Польшу ему оттуда отъ короля отлучаться отнюдь не возможно; и не безъизвѣстно Св. Синоду быть можетъ, что въ Саксоніи при королѣ изъ польскихъ министровъ бываетъ только по одному или иногда и по два человѣка, и тѣмъ временемъ отлучаются, а сіи дѣла болѣе касаются до сенаторей и министерства польскаго, которые обрѣтаются въ Польшѣ[1]). — «Голембовскій отъ 3 октября прислалъ оправданіе во взводимыхъ на него упущеніяхъ. Выставляя на видъ свои многочисленные и постоянные труды, онъ завинялъ во всемъ духовныхъ и во главѣ ихъ Бѣлорусскаго епископа. «Оригинальныя письма, которыя я отъ времени до времени въ Коллегію и. д. посылалъ, могутъ меня обстоятельно оправдать и при томъ доказать, съ какою ревностію и аттенціею я о дѣлахъ греко-россійской вѣры въ прежніе годы и нынѣ неотмѣнно Полякамъ представлялъ, и коимъ образомъ я, съ другой стороны, и грекороссійскимъ духовнымъ персонамъ ихъ плохіе поступки всегда изъявлялъ и чтó имъ для соблюденія безопасности и цѣлости ихъ вѣры дѣлать надлежало бъ, всегда имъ необинуяся внушалъ. Я поступилъ бы противъ моей совѣсти, когда бъ ихъ въ такомъ поступкѣ, которымъ они сами себѣ и ихъ вѣрѣ толь великій вредъ съ нѣкотораго времени причинили, угождая имъ еще болѣе ласкательствами подкрѣплялъ, и паче того не сказалъ, что по польскимъ правамъ къ ихъ поправленію и соблюденію грекороссійской вѣры и собственнаго ихъ интереса служить можетъ и полезно есть». «И понеже Св. Синодъ безъ сомнѣнія знаніе о польскихъ государственныхъ учрежденіяхъ имѣетъ, то я чаю, что оный самъ напрасность тѣхъ жалобъ и внушеній, кои епископъ Бѣлорусскій противъ того чинитъ, потому усмотрѣть и ему указъ въ сильныхъ терминахъ послать изволитъ, дабы онъ

---

[1]) Тамъ же III, 371, 376.

по своему сану и съ вящшимъ разсужденіемъ поступалъ, и ежели ему отъ кого либо обида покажется, то бы онъ, вслѣдствіе тѣхъ правъ, подъ которыми находится, правосудія искалъ, потому что нынѣ, когда такія его жалобы выслушиваются и ему въ томъ вѣра подается, онъ, на то полагаяся, здѣсь съ каждымъ грубо обходится и тако между знатными и подлыми, да и между грекороссійскими самими, по малу ненавистнымъ себя чинитъ». Въ депешѣ отъ 10 октября увѣдомляя, что имъ переданы всѣ дѣла архимандриту Оранскому, онъ писалъ: «только я благонадеженъ, что Ваше Величество и симъ довольны быть не изволите, ибо они сами не вѣдаютъ, о чемъ они жалуются и чего они хотятъ. Они и между собою не согласны, и одинъ на другаго многократно жалуются; при томъ же въ ихъ иску и желаніи никогда не постоянны и различныя предъявленія чинятъ» [1]). Реляціею отъ 17 окт. Голембовскій доносилъ, что «отъ грекороссійскихъ духовныхъ здѣшнею стороною смѣлыя угрозы тамо происходятъ, что причиняетъ многое разсужденіе». Вслѣдствіе этого Коллегія просила Св. Синодъ «для побужденія тамошнихъ духовныхъ къ лучшему и согласному въ ихъ дѣлахъ старанію и къ воздержанію отъ предъявляемыхъ ими угрозъ» отписать отъ себя къ Бѣлорусскому епископу [2]).

Преосвященный Іеронимъ прислалъ свои объясненія на донесенія Голембовскаго. «Какою онъ перспективою въ такомъ дальнемъ разстояніи усмотрѣлъ во мнѣ грубость и непристойные по моему сану поступки, самъ уже будучи поврежденъ отъ немалаго времени параличемъ, и едва что дѣйствовать собою можетъ, какъ депутаты мои о немъ сказываютъ, что де два лакея едва свести съ постели и посадить могутъ, но секретарь вмѣсто него все дѣйствуетъ, котораго я съ молчаніемъ обхожу и впредь уже отрекаюся нетокмо изъяснять такія противныя реляціи, но ниже представлять болѣе жалобъ, какія бъ они ни были: ибо лучше по волѣ Божіей въ сокрушеніи сердца страдать, нежели гнѣвъ и нена-

---

1) Тамъ же III, 421—424.
2) Тамъ же III, 420.

висть на себя и на епархію мою наносить. Епархія моя порубежная близко Смоленской. Ежели Св. Синодъ соизволитъ, можетъ для достовѣрнаго извѣстія узазомъ приказать кому со стороны о обхожденіи моемъ и житіи болѣе старческомъ, нежели архіерейскомъ, провѣдать» [1]).

Бѣлорусскій епископъ, отправивъ въ Варшаву съ документами своего намѣстника, самъ отказывался ѣхать, «потому что — писалъ онъ отъ 18 окт.—я больше въ болѣзни, нежели въ здравіи нахожуся, и неимѣю въ чемъ и опасаюся о проѣздѣ, и тамъ пріѣхавши платье, шапку, по ихъ обыкновенію, надобно имѣть и пристойный поѣздъ архіерейскій и людей, а у меня того не имѣется».

Наконецъ приблизилось время назначенное для открытія засѣданій Коммисіи. Въ Варшаву прибыли архимандритъ Оранскій, Виленскій Святодуховскій игуменъ Мельхиседекъ Богдановичъ, іеромонахъ Кіевопечерскаго монастыря Іосифъ, назначенный въ помощь Оранскому вмѣсто умершаго Дятловицкаго игумена Оньшкевича, и делегаты отъ многихъ разныхъ православныхъ монастырей в. к. Литовскаго.

За нѣсколько дней до начала Коммисіи, секретарь Голембовскаго—такъ какъ самъ онъ устраненъ былъ отъ прямаго участія въ дѣлахъ Коммисіи — представилъ ихъ Плоцкому епископу. Епископъ принялъ ихъ со всякою учтивостію, но съ сожалѣніемъ въ отвѣтъ сказалъ, что онъ получилъ королевскій рескриптъ, которымъ ему повелѣно коммисію ту отсрочить до королевскаго прибытія въ Польшу. Такой нечаянный отвѣтъ и отсрочка коммисіи какъ нельзя болѣе совпадали съ видами и желаніемъ Бѣлорусскаго епископа; однакожъ секретарь Голембовскаго притворясь спросилъ: «какая тому причина и для чего о томъ по меньшей мѣрѣ не дано знать прежде, такъ какъ грекороссійскіе духовные предприняли такой далекій путь для пріѣзда въ Варшаву и конечно считаютъ это новою въ правосудіи отсрочкою; по не-

[1]) Тамъ же III, 641.

имѣнію жъ средствъ имъ не возможно будетъ въ другой разъ пріѣхать въ Варшаву». Епископъ указалъ только на то, что изображено въ королевскомъ рескриптѣ, отказавшись, съ своей стороны, дать какія либо объясненія[1]). За обѣдомъ, на который резидентъ созвалъ всѣхъ членовъ коммисіи, онъ еще разъ выразилъ сожалѣніе объ отсрочкѣ коммисіи и о трудности для православныхъ защищать свое дѣло.—Бестужеву и Голембовскому предписано было стараться въ пользу православныхъ и о надлежащей сатисфакціи домогаться другимъ путемъ «безъ коммиссіи», къ чему открывалось тѣмъ болѣе свободы, что коммисія закрыта по ихъ противодѣйствію, «подъ предлогомъ отсрочки до прибытія королевскаго въ Польшу».

Въ слѣдующемъ году Голембовскій умеръ, а «для здѣшнихъ дѣлъ» въ Польшѣ назначенъ секретарь посольства Ржичевскій.

Въ Варшавѣ готовился сеймъ. — Бестужевъ снова повелъ рѣчь о Коммисіи. «Хотя Коммисія отсрочена—писалъ онъ отъ 2 іюля 1748 г., однако тотъ плодъ принесла, что отъ прошлаго сейма по сіе время жалобы утихли и дальнѣйшія гоненія благочестивыхъ и насильственныя отнятія церквей остановила, и тѣхъ, кои бы на то поступить похотѣли, въ страхѣ содержитъ».—Архимандритъ Оранскій и іеромонахъ Коховскій, сначала согласившись на учрежденіе коммисіи, потомъ «желали, чтобы она, яко предосудительная благочестію, вовсе уничтожена была, и другимъ, образомъ, котораго отъ нихъ не приложено, возвращеніе церквей и вольность благочестія имъ доставлены были». «Но я, писалъ Бестужевъ, кромѣ той коммисіи никакого инаго къ тому лучшаго и полезнѣйшаго способа не нахожу: ибо на оной всѣ свои жалобы или сами они, или чрезъ искусныхъ и знающихъ здѣшнія права людей, произвесть и выслушаны быть могутъ». Бестужевъ просилъ, чтобы ко времени сейма назначенныя въ коммисію лица снова прибыли въ Варшаву съ документати для защиты своего дѣла[2]).

[1]) Тамъ же III, 600.
[2]) Тамъ же IV, 53.

Синодъ отвѣчалъ, что онъ другаго способа къ поправленію дѣлъ изобрѣсть не можетъ, кромѣ того, который объясненъ въ 1744 г. въ рескриптѣ къ графу Кейзерлингу т. е. чтобы всѣ привиллегіи благочестивыхъ подтверждены были новою конституціею и чтобы коммисія учреждена была не для разбора безпорядковъ, но для возвращенія отнятаго у грекороссійскихъ обывателей Польши и Литвы [1]).

Ко времени сейма Синодъ (18 іюля 1748 г.) предписалъ Кіевскому митрополиту послать въ Варшаву на мѣсто архим. Оранскаго (переведеннаго настоятелемъ въ Кіевопечерскій монастырь), Слуцкаго намѣстника, или другое лицо. Митрополитъ назначилъ Яблочинскаго игумена Спиридона Гриневецкаго. Бестужевъ просилъ прислать Бѣлорусскаго архіерея: но за случившимся въ Могилевѣ (19 мая) пожаромъ, при которомъ сгорѣли каѳедральная деревянная церковь св. Варвары и архіерейскій домъ, онъ отказался отъ поѣздки въ Варшаву, пославъ, вмѣсто себя, Буйницкаго игумена Викентія и учителя при катедрѣ іеромонаха Іакова Ильницкаго. Виленскій Старшій Богдановичъ пришелъ въ Кіевъ и просилъ перевесть его въ какой нибудь монастырь архимандритомъ или игуменомъ. Митрополитъ Тимоѳей Щербацкій перевелъ было его въ Густынскій монастырь, но, получивши указъ изъ Синода, отправилъ его опять въ Варшаву. Всѣ эти лица должны были по прибытіи въ Варшаву явиться къ Бестужеву и представить ему всѣ собранные ими документы объ обидахъ благочестивымъ.

Между тѣмъ Польскіе паны, опасаясь коммисіи, употребляли всѣ усилія, чтобы недопустить ей состояться. На предсеймовыхъ сеймикахъ, отъ воеводствъ и повѣтовъ даны были посламъ инструкціи, въ которыхъ выставлялось на видъ, что коммисія составлена противъ правъ и уставовъ сеймовыхъ и что сею новостію католицкой вѣрѣ и чину шляхетскому великое дѣлается насиліе съ уменьшеніемъ полнаго ихъ въ собственныхъ добрахъ рас-

[1]) Тамъ же IV, 59.

поряженія. На основаніи этого посламъ предписывалось, подъ разорваніемъ сейма, требовать уничтоженія этой коммисіи королевскимъ указомъ, съ тѣмъ, чтобы обиженные отыскивали свое право общимъ порядкомъ[1]). «Должны господа послы наши, возвратився отъ поздравленія его королевскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго государя, удержать засѣданія и ни до какихъ предложеній не приступать, покамѣстъ вышереченный отставленія указъ подписанъ, запечатанъ и къ дѣламъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго, такъ чтобъ вольно было всякому требующему экстракты выписывать, сообщенъ не будетъ».

Въ тоже время Бѣлорусскій епископъ получилъ королевскій мандатъ съ позывомъ на судъ въ Варшаву за неправыя жалобы на Сапѣговъ, Огинскихъ, Поцѣевъ и прочихъ вельможныхъ и благородныхъ господъ, къ коимъ онъ предъявилъ позвы на коммисію, съ обвиненіемъ въ отнятіи уніатскихъ церквей на схизму и съ требованіемъ, чтобъ каѳедра неуніатская, при церкви Спасской Могилевской, яко уніатской, обрѣтающаяся выведена была и чтобъ отдана была къ управленію каѳедры Полоцкой уніатской, и чтобы преосвященный за неправильное челобитство и тяжбу подвергнутъ былъ штрафу». Изъ чего Бѣлорусскій епископъ заключалъ, что «ненадежно, дабы на нынѣшнемъ сеймѣ надлежащая сатисфакція воспослѣдовать могла о обидахъ нашихъ: ибо вси сопротивницы въ томъ сильно настоятъ, дабы вѣру православную совсѣмъ и вовсе искоренить въ Польшѣ» [2]).

Во время сейма Бестужевъ заболѣлъ и не могъ выѣзжать. Польскіе канцлеры и министры на поданный имъ меморіалъ не дали никакого отвѣта. Такъ какъ духовные проживали въ Варшавѣ безъ всякой пользы, то посолъ отпустилъ ихъ въ свои мѣста. Дѣло благочестивыхъ ни на шагъ не подвинулось впередъ.

Вслѣдствіе дальнѣйшаго настоянія посла объ отвѣтѣ на мемо-

---

[1]) Тамъ же IV, 117.

[2]) Тамъ же IV, 106, 118.

ріалъ, польское министерство уже въ январѣ 1749 г. дало отзывъ, въ которомъ объясняло, что «неуніатамъ греческой вѣры правосудіе учинено будетъ, ежели они объ ономъ тамо просить станутъ, гдѣ имъ надлежитъ. Но вмѣсто того, чтобъ имъ адресоваться, какъ того порядокъ требуетъ, въ судебныя мѣста, которымъ они подчинены, къ статскимъ министрамъ Республики, и къ собственному ихъ королю и государю, они прямо жалобы свои Россійскому двору приносятъ. По большей части такія ихъ жалобы мало основательны и единственно только вымышленны были, для побужденія къ сожалѣнію о себѣ и полученія отъ безпредѣльнаго великодушія ея величества, Императрицы Всероссійской, какой либо для себя корысти». Но еще безцеремоннѣе объясненіе на счетъ Коммисіи 1746 года: «воспослѣдовавшая смерть (уніатскаго) митрополита, которому надлежало потребныя извѣстія изъ архивовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, выписать, и замедленіе папежской буллы изъ Рима его преемнику, дѣйство сей Коммисіи до нынѣ продлили; но какъ сіе препятствіе уже отнято, то оная коммисія вскорѣ составлена быть можетъ» [1]).

Послѣ того дѣла пошли еще хуже. «Извѣстная коммисія королевская — доносилъ Бѣлорусскій епископъ Св. Синоду отъ 24 авг. 1749 г. — была не для сатисфакціи, какъ видно, но дабы сопротивницы лучше провидѣли, кто оныя обиды доносилъ, дабы потомъ вящшее отмщеніе учинили. Гдѣ въ то время въ универсалахъ коммисарскихъ напечатано была, дабы всякъ обидимый обидчиковъ своихъ запозвалъ на оную коммисію съ надлежащими доводами: и по силѣ универсаловъ оныхъ всѣхъ таковыхъ епархіи моей обидчиковъ запозвалъ было и я; но они, съ собою потомъ согласясь, сеймъ прошлый и коммисію разорвали и великое нынѣ отмщеніе дѣлаютъ, хотя православную вѣру въ конецъ въ Польшѣ скоренить, дабы не было уже кому скаржить» [2]).

---

[1]) Тамъ же IV, 146.
[2]) Тамъ же IV, 152.

Графъ Бестужевъ перемѣщенъ изъ Дрездена въ Вѣну [1]). Полномочнымъ министромъ въ Варшаву назначенъ снова графъ Кейзерлинъ.

Между тѣмъ въ 1749 г. случилось обстоятельство, крайне огорчившее православныхъ Бѣлоруссіи. Въ февралѣ этого года Бѣлорусскій епископъ позванъ былъ съ нѣкоторыми монашествующими въ Новогрудокъ на трибунальный судъ, по дѣлу пана Сбуржинскаго, инстигатора великаго княжества Литовскаго, по доносу пановъ Клочковскаго и Рудзевича. Епископъ не явился и протестовалъ противъ позва его въ трибуналъ, считая это дѣло подлежащимъ реляціонному суду; о чемъ заявилъ и графу Кейзерлингу. Польскіе судьи присудили его, за неявку въ трибуналъ, къ безчестію, каковое опредѣленіе и приказано было привесть въ дѣйствіе чрезъ публичное объявленіе; а слугъ его истцевой сторонѣ дозволено было ловить, хватать и вязать, со взысканіемъ при томъ съ нихъ 10 т. польскихъ злотыхъ [2]). Бѣлорусскій епископъ жаловался Синоду, указывая на неправильный позывъ его въ трибунальный судъ. Но Кейзерлингъ, завинялъ епископа, какъ и вообще православное духовенство Короны и Княжества, что они требуютъ для себя изъятій изъ общаго права, и что «духовенство избѣжало бы многихъ затрудненій, еслибы точно разсматривало существо и прямое состояніе каждаго дѣла, сличало его съ государственными уставами и смотрѣло, къ какому судебному мѣсту въ томъ или другомъ случаѣ адресоваться. Но такъ какъ оно сію предосторожность пренебрегаетъ и напримѣръ въ такихъ дѣлахъ, кои касаются до духовныхъ мѣстностей, земель и правостей, въ которыхъ по государственнымъ правамъ имъ именно на королевскій реляційный судъ адресоваться показано, они однакожъ сами собою въ три-

---

[1]) Въ это время онъ подпалъ подъ гнѣвъ Императрицы, женившись на вдовѣ саксонскаго оберъ-шенка Гаугвицъ, при жизни первой жены, урожденной графини Головкиной, вдовѣ графа Ягушинскаго, влачившей печальную жизнь въ Сибири. Бант.-Кам. Словарь достоп. людей, I, стр. 161.

[2]) Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. IV. стр. 152, 185—203.

буналъ адресуются или себя въ оный позывать допускаютъ; а въ другихъ приключеніяхъ, безъ основанія, реляційнаго суда держаться стараются, отчего и происходятъ разные безпорядки и затрудненія». Иностранная коллегія стала на сторону посла и просила Св. Синодъ дать въ этомъ смыслѣ наставленіе епископу Волчанскому [1]).

Въ 1751 г. папа обнародовалъ въ Польшѣ и Литвѣ великій юбилей, съ прощеніемъ всѣхъ грѣховъ на сто лѣтъ. Это еще болѣе поощрило фанатиковъ къ насиліямъ надъ православными. «Хотя и прежде наступовали на насъ — доносилъ Бѣлорусскій епископъ Св. Синоду,—но не такъ сильно, какъ нынѣ. Прежде разно по одной церкви господа свицкіе (свѣтскіе) отбирали; а нынѣ уже и духовные римскіе, и уніатскіе, сильно наступаютъ разными гвалтами и хитростями». Іеронимъ писалъ, что уже послѣ коммисіи въ епархіи его 20 церквей отнято, а съ прибытія его въ Могилевъ, съ 1745 г., 30 церквей отобрано» [2]). «Ежели на близко наступаючемъ соймѣ не воспослѣдуетъ сильное защищеніе: то уже здѣ непремѣнно весь православный народъ, для непрестанно дальшаго утѣсненія и разоренія, до уніи преклонится, и я по заповѣди Христовой отсюда принужденъ бѣжать, аще Богъ жизни даруетъ» [3]).

Въ 1752 г. графъ Кейзерлингъ перемѣщенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну [4]); а въ Варшаву назначенъ д. с. с. Гроссъ. Къ предстоящему сейму [5]) Русское правительство снова подтвердило своему посланнику сдѣлать сильное представленіе польскому министерству о прекращеніи гоненій на православныхъ. Вслѣдствіе его настояній, оба канцлера «въ сильныхъ терминахъ» писали къ уніатскому митрополиту, чтобы онъ безъ замедленія воз-

---

[1]) Тамъ же IV, 221, 257.

[2]) Тамъ же IV, 326, 341—343.

[3]) Донесеніе его же Св. Синоду отъ 30 мая 1752 г. Тамъ же IV, 327.

[4]) Послѣ того онъ былъ еще разъ посломъ въ Варшавѣ въ 1762 г. Скончался 30 сент. 1764 г.

[5]) Сеймъ 1752 г. происходилъ въ Гроднѣ и открытъ былъ 2 октября.

вратилъ православнымъ отнятыя у нихъ церкви, а «ежели онъ останется при прежнемъ своемъ упрямствѣ», то хотѣли рекомендовать литовскому хорунжему, князю Радзивилу, чтобы онъ способствовалъ этому «военными людьми»; но въ тоже время канцлеры объясняли, что «по извѣстной вольности въ семъ королевствѣ, гдѣ каждый дворянинъ въ своихъ деревняхъ почти самодержавную власть имѣетъ, они ничего болѣе сдѣлать не въ состояніи» [1]).

Въ 1753 г. Гроссъ подалъ королю меморіалъ о преслѣдованіи православныхъ римскими епископами — Виленскимъ и Самогитскимъ. Король рескриптомъ поручилъ канцлеру литовскому, князю Чарторыйскому, войти въ разсмотрѣніе этого дѣла. Чарторыйскій отвѣчалъ, что «онъ инымъ образомъ съ бискупами поступать не можетъ, какъ только къ нимъ о томъ писать». «Сей канцлерскій отвѣтъ—писалъ Ржичевскій въ іюнѣ 1753 г.— подаетъ мнѣ мало надежды: ибо когда онъ къ епископамъ представленія свои по прежнему же порядку дѣлаетъ, а они отговорки свои на старомъ же основаніи продолжаютъ, то изъ всего того только пустая переписка, а въ самомъ дѣлѣ мало или же и ничего въ пользу россійскихъ греческихъ исповѣдниковъ не будетъ» [2]).

Виленскій епископъ отвѣчалъ Чарторыйскому отъ 7 іюля, что «Русскій посланникъ не право себѣ толкуетъ и разсуждаетъ наши конституціи и трактаты», что «мы съ нимъ не одного мнѣнія и никто насъ соединить не можетъ, какъ только собрать сеймъ Рѣчи Посполитой», а потому предлагалъ канцлеру посовѣтовать министерски посланнику и секретарю посольства, «чтобы они съ своими требованіями сейма дожидались, безъ опредѣленія котораго отъ меня ничего въ пользу себѣ получить не могутъ» [3]).

Дерзость и наглость латинскаго и уніатскаго духовенства

---

[1]) Реляція Гросса отъ 30 августа 1752 г.

[2]) Тамъ же IV, 522.

[3]) Тамъ же IV, 533.

увеличивались съ каждымъ новымъ случаемъ ихъ насилія, остававшагося безнаказаннымъ. Королевскимъ рескриптомъ приказано было Виленскому епископу возвратить православнымъ церковь въ Заблудовѣ: но епископъ отказался исполнить королевское повелѣніе. Въ тоже время, отказываясь дать позволеніе на постройку новыхъ и починку старыхъ благочестивыхъ церквей, онъ писалъ къ канцлеру князю Чарторыйскому: «понеже неуніаты уже почти совершенное отправленіе своей вѣры здѣсь имѣютъ, къ тому жъ находятся нынѣ Россійской державы войска, которыя по видимому и долго у насъ пробудутъ: то пускай уже они употребляютъ нынѣшнія свои обстоятельства къ уничтоженію нашихъ правъ, производя въ дѣйствіе свое предпріятіе».

Измученный несправедливостями и постоянными оскорбленіями Іеронимъ Волчанскій скончался 14 окт. 1754 г. Еще предъ избраніемъ его въ епископы поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи православной Бѣлорусской епархіи. Вопросъ этотъ опять поставленъ былъ съ новою силою въ 1747 г. при избраніи уніатскаго митрополита, преемника Аѳанасію Шептицкому [1]). Тѣже происки уніатовъ повторились послѣ смерти православнаго Бѣлорусскаго епископа Іеронима Волчанскаго. Папа Бенедиктъ XIV буллою отъ 27 февр. 1755 г. на имя коронпаго канцлера, графа Малаховскаго, требовалъ отъ польскаго правительства, чтобы вдовствующій послѣ схизматическаго Русскаго епископа Могилевскій престолъ къ принятію католической вѣры возвращенъ былъ и чтобы управляемъ былъ чрезъ своего Полоцкаго архіепископа» [2]). Но происки эти не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1755 г. въ Бѣлорусскіе епископы посвященъ былъ ректоръ Кіевской академіи Георгій Конисскій.

Въ первые годы своего правленія онъ былъ не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ его предшественникъ, и посылалъ жалобу за жалобой на оскорбленія, которымъ постоянно подвергался. Но

---

[1]) Вилен. Археогр. Сборн. т. VII, стр. 310.
[2]) Бантышъ-Кам. Ист. Изв. объ Уніи стр. 342—345.

онъ имѣлъ свойства, какихъ не имѣлъ его предшественникъ. Кромѣ того, что онъ былъ еще молодъ (ему было 37 лѣтъ) и выносчивъ, онъ былъ довольно гибокъ и подъ часъ уклончивъ, умѣлъ найтись во всякомъ затруднительномъ положеніи и не только не потеряться въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но еще подмѣтить и направить въ свою пользу слабыя стороны своихъ противниковъ. По складу его малороссійскаго ума самыя серьйозныя донесенія его правительству блещутъ юморомъ и остроуміемъ. Иронія и острота пробиваются у него сквозь слезы. Грустно, невыносимо тяжело: а малороссійскій юморъ все-таки беретъ свое.

Новый епископъ доносилъ Св. Синоду, что какъ отъ Коммисіи, такъ и отъ предлагаемаго Гроссомъ учрежденія особаго *Стряпчаго* или ходатая по дѣламъ нельзя ожидать пользы и что только изданіе конституціи или генеральнаго подтвержденія, съ жестокимъ на нарушителей онаго прещеніемъ, могло бы помочь дѣлу. Святѣйшій Синодъ сообщилъ о семъ на разсужденіе Иностранной коллегіи, прося Высочайшей грамоты о томъ къ Польскому королю: но Коллегія, не надѣясь испросить такую конституцію, обратила дѣло на обыкновенные дипломатическіе пути. «Король - писала она въ донесеніи Святѣйшему Синоду отъ 16 октября 1756 г. — сколько бы ни желалъ, съ своей стороны, показать ся императорскому величеству угодность, но, не имѣя тамо совершенной власти, не можетъ собою въ томъ ничего сдѣлать безъ согласія чиновъ республики; а къ такому согласію оныхъ не токмо въ другое время, но и въ собраніи ихъ на сеймѣ привести, за ихъ вольностями и раздорами, весьма трудно; а между тѣмъ не сходно было бы съ достоинствомъ и честію Государыни, чтобы грамота ея величества въ недѣйствіи тамъ осталась». Послѣ нанесенной обиды лично Бѣлорусскому епископу во время обозрѣнія епархіи въ г. Оршѣ, Святѣйшій Синодъ предлагалъ Иностранной коллегіи, не найдетъ ли она возможнымъ поручить защиту православныхъ нашимъ воинскимъ командамъ, тамъ находящимся? Но Коллегія отвѣчала, что по обстоятель-

ствамъ не признаетъ этого удобнымъ и поручила генералъ-поручику Воейкову [1]) настоять дипломатическимъ путемъ, требуя въ ихъ пользу генеральной привиллегіи. Воейковъ доносилъ, что выдачу такой привиллегіи министерство отклоняетъ, а построеніе церквей латинское духовенство затрудняетъ разными отговорками. Воейковъ писалъ о томъ къ Виленскому епископу: но сколько, доносилъ онъ отъ 1 сентября 1759 года, изъ отвѣта его выразумѣть могъ, то кажется, что онъ недоброжелательствуя нашего закона людямъ, продолжаетъ только время откладывать до сейма; а какъ извѣстно, что сеймы Польскіе всегда разрываются или исчезаютъ, то ясно оказывается его недоброжелательство и пустыя отговорки» [2]). «Впрочемъ — доносилъ онъ отъ 15 ноября — духовенство здѣсь въ Польшѣ великую имѣетъ силу, отчего гордостію толико надменны, что не токмо на министровъ своихъ не взираютъ, но и королевскій повелѣній мало слушаютъ; особливо бискупъ Виленскій есть человѣкъ страннаго свойства, котораго поступками дворъ весьма недоволенъ» [3]).

Опять пошли жалобы на отнятіе церквей. «Не о приращеніи какъ бы надлежало, но объ умаленіи и приближеніи до конечнаго разоренія вѣры здѣшней благочестивой вашему святѣйшеству съ болѣзнію духа доношу» — писалъ Георгій отъ 10 апрѣля 1760 года [4]). Отъ 10 сентября того же года: «Не всѣ мои обиды, которыя съ людьми здѣшними благочестивыми грекороссійскаго исповѣданія претерпѣваю и не всегда вашему святѣйшеству доношу, но часто жду конца имъ, и когда уже того не вижу, тогда ваше святѣйшество утруждаю, какъ и нынѣ».

Георгій жаловался на нападенія со стороны могилевскихъ іезуитовъ и на новаго могилевскаго плебана ксендза Михаила Зеновича. Описавъ различныя козни его противъ православныхъ,

---

[1]) Воейковъ Өедоръ Матвѣевичъ, генералъ-поручикъ, былъ въ 1758 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Варшавѣ и сохранилъ это званіе до смерти Императрицы Елизаветы Петровны.

[2]) Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260, т. V, стр. 280.

[3]) Тамъ же V, 197.

[4]) Тамъ же V, 212.

Георгій просилъ, чтобы Зеновича «Россійскою командою взять секретно въ Россію на спокойнѣйшее пребываніе, какимъ однимъ случаемъ все духовенство римское далече больше убоялось бы и воздержалося изобижденій, нежели многочисленными рескриптами королевскими, якожъ они одного того боятся и вѣщуютъ часто на себе. Послѣдовательно же и мірскіе господа обижать и церкви отнимать перестали бы уповаю, понеже они, что ни дѣлаютъ въ обиду нашу, все дѣлаютъ съ поощренія духовенства своего. Резонъ случаю сему кажется быть справедливый и у двора его королевскаго величества пріятія достойный; понеже многочисленныя чрезъ многія лѣта Россійскими высокими министрами въ силу трактатовъ чинимыя домогательства хотя у его королевскаго высочества и пріемлются, однако у самовольцовъ, равно якъ и королевскія повелѣнія, никакого мѣста не имѣютъ». На случай, еслибы нельзя было этого сдѣлать, Георгій просилъ, чтобы, изъ находящихся при границѣ армейскихъ полковъ, хотя баталіонъ какой занялъ зимнія квартиры въ Могилевѣ. Если же и это неудобно, то повелѣно бъ было Русскому послу домогаться, дабы тотъ неспокойный плебанъ перемѣненъ былъ и замѣненъ другимъ спокойнѣйшимъ.

Къ довершенію бѣдъ, такъ сказать, постоянныхъ, явилась новая, случайная — отъ призванныхъ для обращенія Бѣлоруссіи миссіонеровъ. Первою явилась партія Доминикановъ, подъ предводительствомъ Овлочинскаго.

Въ іюнѣ 1759 г., при обозрѣніи епархіи, Георгій въ г. Оршѣ натрафилъ на миссію Доминикановъ, которая, волочась по Бѣлой Россіи кругомъ Десны, на тотъ разъ находилась въ Оршѣ и разными обманами и насильно совращала православныхъ въ латинство. Георгій остановился въ Кутеинскомъ монастырѣ и сказалъ въ церкви поученіе къ народу, «оберегаючи отъ тѣхъ волковъ, безъ всякой, однакъ, вѣры ихъ и папежа укоризны; хотя они, напротивъ, въ казаніяхъ своихъ вѣру и благочестіе наше тысящѣ анаѳемъ предаютъ». На поученіи былъ подосланный отъ миссіонеровъ, переодѣтый въ мірскую одежду, съ нѣкотыры-

ми изъ своихъ учениковъ. Когда на другой день Георгій совершалъ служеніе въ Оршѣ, миссіонеры съ своими слугами сдѣлали нападеніе на церковь, били людей и ставили предъ епископомъ, «понасовывали на голову шапки» и кричали: попе хлопе, схизматику, и произносили другія оскорбительныя слова. Георгій принужденъ былъ прекратить служеніе и выйти изъ церкви подъ угрозами фанатиковъ, преслѣдовавшихъ его съ оружіемъ въ рукахъ [1]).

Послѣ того миссія не переставала работать надъ совращеніемъ православныхъ. «Волочась отъ города до города — доносилъ Георгій отъ 9 января 1761 г.— Овлочинскій, съ компанистами своими доминиканами, отправлялъ оное апостольство свое въ городѣ Полоцкѣ; а нынѣ — въ Шкловѣ съ пять миль отъ Могилева. Прибывши въ городъ, съ помощію шляхты и уряду римской или уніатской религіи, сгоняетъ людей съ селъ, какъ уніатовъ, такъ и благочестивыхъ, а согнавши, купно съ мѣщанами благочестивыми жъ, по всякъ день яко овецъ до костеловъ гонитъ, и тамо заключая, въ первыхъ нѣсколько седьмицахъ ласкаетъ словами и прельщаетъ ложными и смѣха достоиными чудесами; тако жъ и примѣрами не лучшими, какъ-то: облекши пелгрима, которые обыкновенно съ бородами ходятъ, въ одежду поповскую, ставитъ среди костела и сказуетъ, якобы священникъ нашъ на унію присталъ, и многихъ не столько тѣми всѣмъ явными лжами, яко наипаче угроженіями въ заблужденіе свое преклоняетъ; въ послѣдней же седмицѣ, предъ закончаніемъ миссіи своей, которыхъ отъ благочестія святаго отторгнуть не можетъ, тѣхъ съ вѣрою грекороссійскою проклинаетъ и ругаетъ. Еще же и святыхъ Божіихъ, особливо Московскихъ чудотворцевъ и которые въ Россіи или почитаются съ великимъ усердіемъ или мощами почиваютъ, какъ-то Николая святаго Никулкою, а великомученицу Варвару Варваркою съ насмѣхомъ называя. Въ самомъ же заключеніи онаго

---

[1]) Донес. Св. Синоду отъ 12 іюля 1759 г. Дѣло арх. Св. Син. 1733 г. № 260, т. V, стр. 166.

своего бѣснованія выводятъ изъ города на поле какъ уніатовъ, такъ и нашихъ, нуждею жъ гоня. Новопрельщенніи уніаты влекутъ съ собою большіе кресты на память, яко онъ учитъ, исшествія своего изъ Египта, сирѣчь изъ благочестія нашего. Другая уніатовъ партія зъ лѣса превысокій изъ цѣлой сосны сдѣланный крестъ волокутъ и на опредѣленномъ мѣстѣ крестъ оный всѣ обще ставлятъ; при чемъ онъ, Овлочинскій, на высокомъ столѣ стоя и раздѣляя своихъ на десно и нашихъ на лѣво, судное позорище строитъ, и своихъ въ блаженство, а нашихъ въ муку отсылаетъ. Они жъ миссіонеріи обязуютъ господъ своихъ подъ клятвою папскою, дабы благочестивымъ нашимъ людямъ не допущали больше жить при благочестіи ни въ селахъ, ни въ городѣ, но или въ унію насильно принудили, или нехотящихъ изгоняли прочь». Кромѣ того Овлочинскій весьма злостно и дерзостно произносилъ, при собраніи многихъ людей, ругательныя и язвительныя слова, касающіяся достоинства Императрицы.—Въ мартѣ миссія перенесла свое лжеапостольство въ Мстиславль. «Нашихъ людей — писалъ Георгій отъ 7 марта — множество сюда яко овецъ пригнано и сейчасъ, какъ пишу, до двухъ сотъ стоитъ у меня на монастырѣ, защищенія прося». Георгій посылалъ сказать миссіонерамъ, чтобы они опасались когда нибудь отъ Россійской Имперіи реваншу: «но они то въ одинъ смѣхъ обращаютъ». Конисскій просилъ послать грамоту къ королевскому двору съ рѣшительнымъ требованіемъ сатисфакціи и указывалъ на примѣръ короля Прусскаго, который подобною грамотою остановилъ притѣсненія диссидентовъ въ имѣніяхъ Нейбургскихъ. «Ежели такой скорой помощи не можно подать — писалъ Георгій — прошу учинити милость съ душею моею и снявши съ меня иго сіе епископское, мнѣ неудобоносимое, повелѣть въ какомъ нибудь монастырѣ въ Россіи жити въ чину монаховъ рядовыхъ безмолвно, дабы могъ я легшее испытаніе въ день судный улучить, нежели какое ожидаетъ здѣшняго безпомощнаго, а потому совсѣмъ недѣйствительнаго епископа» [1]).

[1]) Тамъ же V. 259.

Въ тоже время Кіевскій митрополитъ представилъ жалобы Слуцкаго архимандрита Досиѳея о крайнихъ угнетеніяхъ тамошнему духовенству и народу отъ великаго гетмана Михаила Казиміра. Архимандритъ просилъ гетмана о возвращеніи насильно отнятыхъ у монастыря имѣній; но тотъ при большомъ собраніи закричалъ: «хотя бы сама ваша Царица сюда пришла, то я того не сдѣлаю» [1]).

Въ половинѣ 1761 года при Высочайшемъ дворѣ составлена была конференція. Посланнику Воейкову поручено было потребовать отъ Польскаго правительства точнаго отвѣта: будетъ ли въ сихъ дѣлахъ надежное поправленіе, давая притомъ знать, что такое поведеніе своевольныхъ Поляковъ и отъ времени до времени безпрестанно чинимыя обиды и утѣсненія монастырямъ, церквамъ и обывателямъ греческаго исповѣданія, въ явное нарушеніе мирнаго трактата, здѣшней Имперіи не только безславны, но и весьма уже нестерпимы стали». Вмѣстѣ съ тѣмъ Воейкову поручено было домогаться у Польскаго двора, чтобы Овлочинскій былъ наказанъ за свои дерзкія рѣчи и поступки. Литовскій канцлеръ, князь Чарторыйскій, отвѣчалъ на это обычнымъ упрекомъ, что находящіеся въ Польскихъ областяхъ не уніаты, въ противность правъ, обращаются съ своими обидами не къ своему, а къ чужому правительству, и обиды ихъ большею частію выдуманныя, или по меньшей мѣрѣ преувеличенныя. Князь Чарторыйскій сослался на письмо Виленскаго епископа къ коронному канцлеру Малаховскому, въ которомъ тотъ писалъ, что уніатскіе люди больше привыкли жаловаться, чѣмъ сколько терпятъ обидъ; что они жалуются на миссіонеровъ, а ничего того не сыщется, что они на нихъ показываютъ, исключая одного, что они со всякою горячностію обращаютъ народъ въ вѣру, не причиняя оному никакихъ наглостей, чего нельзя вмѣнить имъ въ преступленіе. При томъ же они отъ него не зависятъ, имѣя особливыхъ своихъ начальниковъ.

---

[1]) Тамъ же V, 261. Михаилъ Казиміръ, князь Радзивилъ, великій гетманъ Литовскій — род. 1702 г. † 1769 г.

Не получивъ удовлетворенія этимъ путемъ, Иностранная коллегія поручила Военной, «чтобъ Овлочинскаго, когда случится быть въ близости самой границы, нарочно посланною небольшою командою безъ разглашенія захватя, отправить немедленно прямо сюда въ Тайную канцелярію» [1]).

Въ 1762 году 28 іюня вступила на престолъ Императрица Екатерина II. Георгій отправился въ Москву къ предстоящей коронаціи и въ трогательной рѣчи изобразилъ предъ Монархинею, какія притѣсненія и бѣдствія претерпѣваютъ православные въ Бѣлоруссіи подъ Польскимъ владычествомъ. Потомъ пространнѣе изложилъ тоже въ челобитной, поданной Императрицѣ 29 сентября. «Мягкія господъ посланниковъ и резидентовъ россійскихъ рѣчи до сихъ поръ, какъ всѣмъ вѣстимо, успѣха никакого не получили. Ктому жъ имъ, чаятельно, за другими дѣлами недосужно приложить надлежащее старательство въ заступленіи насъ; ибо не одно дѣло можно такое показать, которымъ можно было дѣйствительно доказать министрамъ Польскимъ и изобличить недѣльныя ихъ резолюціи: но, по несчастью нашему, оныя дѣла при гг. резидентахъ безъ окончанія остались». Георгій просилъ Императрицу о назначеніи особаго Коммисара при Польскомъ дворѣ, который бы принималъ жалобы обидимыхъ, и въ силу привиллегій и узаконеній отстаивалъ ихъ предъ Польскимъ правительствомъ, а въ случаѣ неполученія сатисфакціи представлялъ Ея Величеству для принятія другихъ средствъ противъ обидчиковъ и нарушителей вѣчнаго трактата [2]).

Въ Москву приходили къ нему вѣсти одна другой печальнѣе. Въ ноябрѣ 1762 года Консисторія доносила, что въ Бѣлоруссію прибыла новая партія миссіонеровъ-іезуитовъ. «Управитель крѣпости и всего Могилевскаго уѣзда, Бернардъ Швыковскій, призвавъ въ Могилевъ миссіонеровъ-іезуитовъ, приказалъ тамошнему магистрату, состоящему изъ исповѣдниковъ греко-россійской вѣры, дабы, когда помянутые миссіонеры начнутъ

[1]) Тамъ же V, 288.
[2]) Дѣло арх. Св. Синода 1762 г. № 203, л. 8.

ходы свои отъ костела до костела чинить, магистратъ оный со всѣми городовыми цехами при знаменахъ и барабанномъ боѣ церемоніально ихъ, миссіонеровъ, всегда провождалъ и во время лжеученія ихъ и хулительныхъ на вѣру грекороссійскую проповѣдей присутствовалъ. Притомъ онъ же, Швыковскій, разослалъ по всѣмъ селамъ уѣзда Могилевскаго по три солдата сгонять людей благочестиваго жъ исповѣданія въ Могилевъ къ реченнымъ миссіонерамъ, подъ сугубымъ штрафомъ, ежели бъ кто сопротивлялся, то есть взятьемъ десяти копъ денегъ и стоударнымъ на тѣлѣ наказаніемъ. Миссіонеры начали свою миссію 29 сентября и, переходя отъ костела до костела, хотѣли забраться въ каѳедральный соборъ и Братскій монастырь; но когда ихъ туда не пустили, то они, поставя столы посреди базара, говорили свои лжеученія, въ которыхъ, называя благочестивыхъ еретиками, лгали, что у нихъ нѣтъ ни таинствъ истинныхъ, ни священства, ни писанія священнаго и ученія христіанскаго. При томъ, кромѣ хуленія на вѣру благочестивую, увѣщевали шляхетство, дабы всемѣрно грекороссійскихъ исповѣдниковъ угнѣтали и въ конецъ искоренить вѣру старались» [1]).

Отъ 5 декабря Георгій снова доносилъ Синоду о смятеніяхъ и насильствахъ православнымъ отъ іезуитскихъ миссіонеровъ. «По власти, данной имъ отъ вице-эконома Швыковскаго, миссіонеры велѣли всему народу дѣлать кресты въ мѣру возраста человѣческаго и съ оными ходить за ними, миссіонерами, въ процессіяхъ, въ коихъ и сами миссіонеры, убравшись въ мѣхъ, босыми ногами ходя, крестъ большой носили; женскому жъ полу, вмѣсто крестовъ, велѣли накладать на головы вѣнки съ сосны или елины сплетенныя, и обвязывать или возжами лычиными или пеньковыми, и всѣмъ обще пѣть пѣсни отъ себя сочиненныя, что все и дѣлано по ихъ миссіонеровъ приказанію. При чемъ льстили они миссіонеры простый народъ, что тѣ вѣнки и возжи надобно имъ сохранять, дабы яко чудодѣйственные во время болѣзней

---

[1]) Дѣло арх. Св. Синода 1762 г. № 203, л. 3.

на головы накладать и шею обвязывать, и противъ тучи громовой оные выкладывать; такожъ при разлученіи тяжкомъ души отъ тѣла оные вѣнки и возжи употреблять и до гробу съ мертвыми класть». Не хотѣвшихъ принять уніи захватывали и сажали въ тюрьмы, угрожая сожженіемъ. Когда православные священники вступались за нихъ и указывали на конституцію, миссіонеры отвѣчали: «мы — де не смотримъ на конституціи и дипломы, а имѣемъ-де каноны папскіе, по которымъ, ежели не примутъ уніи, казнены смертію и сожжены должны быть». Могилевскій плебанъ Зеновичъ вписалъ и самого Георгія въ трибуналѣ въ разбойничьи реестры, вымысливъ на него, будто онъ миссіонеровъ въ Могилевъ не допускалъ и яко бы римлянъ въ благочестивую вѣру приводитъ. «Между прочимъ и самаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества имени укорительно касались».

По выслушаніи этихъ жалобъ Георгія, Святѣйшій Синодъ, 13 декабря, разсуждая, что о всѣхъ утѣсненіяхъ православнымъ многократно сообщаемо было въ Иностранную коллегію и что никакого въ томъ успѣха и по нынѣ нѣтъ, положилъ поднесть Ея Величеству отъ Синода докладъ о всѣхъ вышеписанныхъ происхожденіяхъ, и въ виду того, что настояніямъ Иностранной коллегіи у Польскаго двора никакого успѣха не было, да и впредь тому быть не уповательно, просить Ея Величество о защищеніи означеннаго въ Польшѣ состоящаго православія таковое средство повелѣть употребить, которое бъ съ желаемою пользою дѣйствіе свое получить могло.

Въ январѣ 1763 г. Швыковскій пригласилъ въ Могилевъ новую шестинедѣльную миссію и заготовилъ для нея 7000 большихъ крестовъ, дабы оными, подъ видомъ церемоніи, разрушить православныя церкви въ Могилевѣ. На тотъ же конецъ заготовили 800 ружей и привезли въ Могилевъ мощи Іосафата «мало нѣкакихъ волосовъ рудыхъ, будто Іосафатовыхъ». А плебанъ Зеновичъ, вернувшись изъ Вильны, похвалялся въ ратушѣ: «поздравляйте—де меня благополезнѣйшимъ поведеніемъ, ибо—

де уже имѣю столецъ апостольскій» (привиллегію на учрежденіе уніатской епископіи въ Могилевѣ). «Спросивъ потомъ, скоро ли Георгій возвратится, и получивъ въ отвѣтъ, что якобы уже не возвратится, ино другой изъ Россіи на его мѣсто присланъ будетъ, плебанъ сказалъ: писалъ — де уже папежъ къ королю и къ канцлеру Литовскому, князю Чарторыйскому, чтобъ привиллегія впредь епископамъ благочестивымъ не дана была, а ежели — де дастъ король привиллегію, то папежъ сына королевскаго изъ кардинальства сброситъ; буде же настоящій епископъ возвратится, то мы-де его плетьми выженемъ».

Огорченный этими извѣстіями, Георгій просилъ уволить его отъ управленія Бѣлорусскою епархіею и опредѣлить на безмолвное житіе въ какой нибудь монастырь съ назначеніемъ какой нибудь милостыни для его пропитанія [1]).

Святѣйшій Синодъ 15 февраля снова представилъ докладъ обо всемъ этомъ Императрицѣ, донося, что какъ Георгію, такъ и вмѣсто его другому, крайне опасно туда ѣхать, и прося защиты Ея Величества въ конецъ истребляемому тамъ православію.

Дѣло не получило еще никакого разъясненія, какъ «инъ вѣстникъ прибылъ изъ Могилева» съ новыми печальными рапортами. «Священникамъ и монахамъ моимъ не даютъ нигдѣ пройти, бранятъ ихъ и бросаютъ грязью; по церквамъ окна кирпичами бьютъ. Уже конфедерація бунтовщическая учинилась, чтобы на городъ напасть и мѣщанъ, особливо же духовныхъ, и монастыри ограбить. Въ ожиданіи пріѣзда Георгія по граничнымъ мѣстамъ поставлены шпіоны». Поляки осыпали Георгія бранью и укоряли въ измѣнѣ за то, что, имѣя собственнаго Государя, поѣхалъ съ жалобою въ Москву. Православные, не видя среди себя владыки, поддавались искушенію ропота. Составленъ былъ планъ полнаго совращенія Бѣлорусской епархіи на унію. Полоцкій архіепископъ Смогоржевскій разослалъ циркуляръ по епархіи, провозгласилъ Георгія измѣнникомъ республики.

---

[1]) Тамъ же стр. 40.

Въ іюнѣ 1763 года Дворъ переѣхалъ въ С. Петербургъ. Георгію приказано слѣдовать туда же.

Событія въ Польшѣ ускорили развязку дѣла. Въ 1763 году 5 октября скончался Августъ III. Русскія войска вступили въ Польшу. Георгій писалъ въ донесеніи Синоду 1 марта 1764 г.: «при слѣдующемъ въ Польшѣ новаго короля избраніи, послѣднее остается время учинить помощь единовѣрнымъ съ Россіею тамошнимъ обывателямъ по силѣ трактатовъ, съ Польшею вѣчно заключенныхъ. Ежели при семъ случаѣ желаемая и ожидаемая не сдѣлается помощь, то противники, увидя тщетное въ такомъ случаѣ помощи ожиданіе, и слѣда благочестія тамо въ кратчайшемъ времени не оставятъ».

Политика Екатерины, совмѣстная съ видами Прусскаго короля, устранила отъ Польской короны Саксонскую династію и возвела на Польскій престолъ Пяста, стольника Литовскаго, графа Станислава Понятовскяго (7 сентября 1764 г.).

Въ ноябрѣ 1764 года Георгію вручена рекомендація къ новому королю Польскому; а въ январѣ 1765 г. онъ отпущенъ въ Бѣлорусскую епархію. Императрица, призвавъ его къ себѣ, изволила сказать, чтобъ онъ всѣмъ единовѣрнымъ объявилъ, что «Ея Императорское Величество начатой къ нимъ милости продолжать не оставитъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Экстрактъ предики миссіонерской, которую сказывали миссіонеры въ г. Могилевъ, посрсдъ базару на столпъ стоя и крестъ въ рукъ держа, 1762 году, октября 23 дня.

«Да будетъ похваленъ Іисусъ Христосъ и Пречистая Богородица». Четыри разы то сказалъ на четыре стороны обращаясь, а римляне отвѣщевали: во вѣки вѣковъ, аминь. — «Запрашиваю васъ, благочестивые обыватели города Могилева, на ученіе Христово и Павла апостола, понеже Христосъ Господь обходилъ городы и мѣстечки и проповѣдывалъ Евангеліе: и нынѣ идетъ Христосъ по городу Могилеву, а чрезъ мене, слугу Своего, ве-

лѣлъ проповѣдывать. Слушайте съ разсмотрѣніемъ, благочестивые обыватели. Сказуютъ, что много вѣръ на свѣтѣ, но неправда: едина вѣра истинная — римская. Не я буду говорить, но апостолъ Павелъ сказуетъ. Выговорилъ бы я вамъ сіе на Русскомъ языкѣ, но никто мнѣ не далъ Библіи Русской. Просилъ я и въ катедрѣ, и у господина войта Коробаньки: но не дано. Теперь на Польскомъ языкѣ буду честь:....»

А другой миссіонеръ сталъ на другомъ стулѣ, держа Библію Польскую, и читалъ апостола Павла, сказуя, что ни до кого не писалъ посланій апостолъ Павелъ, какъ только къ Римлянамъ: хотя съ вами веселитись и радоватись, что вѣра ваша слышится по всемъ свѣтѣ. Нѣтъ и не сыщете, чтобъ гдѣ было написано до благочестивыхъ отъ Павла или отъ другаго апостола: то уже явно, что наша вѣра римская истинная и святая, а благочестивая есть заблуждающая, которую Могилевцы держатъ. Прочтите всѣ правовѣрніи католики за сихъ благочестивыхъ три раза: *Богородице Дѣво*, чтобъ даръ Духа Святаго приняли и вѣру римскую истинную познали. И читали въ голосъ всѣ римляне, а потомъ по Русску: «*Богородице Дѣво*» и «*Подъ твою милость*» три раза. Потомъ началъ говорить: слушайте жъ благочестивые: которую вѣру Господь Богъ любитъ, тую и распространяетъ. Вотъ вѣра наша римская гдѣ есть, изъясню вамъ: во Франціи, въ Гишпаніи, въ Португаліи, въ Цесаріи, въ Италіи, въ Римѣ, въ Индіи подземной. Си есть вѣра истинная въ небесѣ и на землѣ и подъ землею. А благочестивая вѣра только въ семъ окамененномъ городѣ Могилевѣ, гдѣ быть ей всѣ права и привиллегіи польскія возбраняютъ. Да еще обрѣтается въ Москвѣ сія жъ заблуждающая вѣра. А посмотрите, что и тамъ, прежде ста и нѣсколько на десять лѣтъ, какая была вѣра, ежели не унія святая: понеже и филиповцы не откуду отторгнувшись, уразумѣвъ ихъ заблужденіе, вышли съ Москвы и нынѣ обрѣтаются въ Польшѣ. Какъ же то не заблужденіе, что когда крестятъ дѣтей благочестивые, говорятъ сію форму: во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Духа Святаго, аминь? А къ тому жъ читалъ я въ книгахъ Русскихъ въ Москвѣ

напечатанныхъ, что Петръ Святый крестилъ Пресвятую Дѣву Марію? О какое жъ то заблужденіе, которое заблужденіе какъ небеса терпятъ! Вспомните, какъ въ то время былъ счастливъ городъ (т. е. Могилевъ) когда въ уніи пребывалъ. Но какъ отобрано, заразъ явно сказнилъ Богъ цѣлый городъ и церкви. Вотъ-то явная была месть Божія на васъ: однако вы не разсуждаете, и того отступничества и заблужденія держитесь. Къ тому жъ побуждаютъ меня королевскіе декреты—пресвѣтлѣйшаго Казиміра Третьяго, короля Польскаго, и пресвѣтлѣйшаго Августа Втораго, короля Польскаго:....» и читалъ тѣ декреты за Жигмунта, что не пустили св. Іозафата, епископа Полоцкаго, Мстиславскаго, Оршанскаго и Могилевскаго, въ мѣсто Могилевъ, браня, безчестя и убіеніемъ угрожая; насадили валы арматами и разнымъ ружьемъ, и не допустили св. Іозафата; что св. Іозафатъ, видя схизму проклятую, воротился назадъ, за что пресвѣтлый король, его величество, осудилъ такихъ бунтовщиковъ на смерть и коммисію опредѣлилъ, которой и понынѣ удовольствованія не послѣдовало. Такожъ Августъ Вторый выдалъ декретъ Бѣлозору, архіепископу Полоцкому, во время владыки Полховского, воровскою привиллегіею бывшаго, чтобъ схизматическихъ церквей, монастырей и епископій, не было, а въ послушаніе къ епископу Полоцкому надлежали бъ. А понеже сей окамененный городъ Могилевъ, въ вѣрѣ заблуждающій, не смотря на королевскіе декреты и по сіи времена, воровскими привиллегіями такъ владыка, яко и церкви защищаются: принуждены мы кучить его величеству и республикѣ, дабы тѣ декреты пришли въ свою силу; ибо которые имѣете фундуши и привиллегіи, всѣ суть выданы на унію святую. Прошу убо васъ, Могилевцы, покажите мнѣ хотя едину привиллегію на вашу вѣру данную; пущай я повижу, что въ нихъ написано и кому наданы суть.

«Протестуюсь всенародно о ихъ заблужденіи, что имѣютъ столько церквей, монастырей, а проповѣдника ни единаго не имѣютъ. А у насъ хоть убогіе костелы: іезуиты, кармелиты, бернардины во всякомъ костелѣ всякой недѣли и всегда проповѣди

и ученія сказываютъ Христовы. А у благочестивыхъ не явныяли суть заблужденія! Облекшися мірской человѣкъ въ священническую одежду, поучаетъ всѣхъ людей и поповъ: а все Писаніе возбраняетъ такого заблужденія. А сохрани жъ Боже, чтобъ у насъ мірской человѣкъ имѣлъ быть на амбонѣ, облекшись въ священническую одежду! — Пойдемъ къ попамъ и чернцамъ, какая ихъ фамилія? Всѣ суть нищуки. А у насъ, въ истинной вѣрѣ, сенаторы; королевичи въ монашествѣ суть. Не лучшая ль наша вѣра, что въ нашей вѣрѣ всѣ сенаторы, господа, а въ вашей вѣрѣ ни единаго нѣтъ теперь; хотя нѣкоторіи были вашей вѣры, но просвѣщеніемъ Духа Святаго всѣ оставили сію злую вѣру, на истинную римскую превратились. О подай и вамъ Боже даръ сей Духа Святаго въ сердца ваши! Сами можете знать, благочестивые, что ни единаго нынѣ господина не знайдете, такъ въ Польшѣ, яко и въ Коронѣ, въ сей заблужденной вѣрѣ пребывающаго: только единъ сей городъ закаменелый пребываетъ въ своемъ упрямствѣ. Не лучшая ль наша вѣра, что у насъ разные суть законы и ксіондзы, а всякіи имѣютъ свою власть и провинцію: а у васъ только едны чернцы да попы.—Пойдемъ же до Святыхъ: что и исчислить нельзя, всѣ у насъ суть. Ибо якъ вы отступили отъ вѣры святыя уніи, то, бросивши Грецію, пришли къ намъ и по разнымъ городамъ опочиваютъ. Знаете Николая Святаго: въ Барѣ лежитъ, отъ благочестивыхъ вышедши. Такожъ Іоаннъ Златоустый, Василій Великій, почиваютъ въ Римѣ. А у васъ которіи суть, то еще за унію стали святыми. Покажите мнѣ: по отступничествѣ отъ вѣры святой, якъ много померло въ городѣ Могилевѣ поповъ, чернцовъ, а ни единаго Святаго не имѣете? А у насъ во многихъ общежительствахъ и монастыряхъ опочиваютъ Святіи. Вотъ много имѣете церквей, а ни единаго Святаго не имѣете. Тако жъ и Пресвятая Дѣва гдѣ больше чудесъ творитъ, ежели не въ нашихъ костелахъ и церквахъ, какъто: Пресвятая Богородица Буйницкая, Хващевская, Ченстоховская, Жировицкая, которыхъ и исчислить не могу, ибо Пресвятая Богородица знаетъ, которая вѣра есть свята и пріятна

Богу, и въ той чудеса творитъ. Слышите, возлюбленніи благочестивіи, что вамъ представлялъ, яко то Господь Богъ нашу вѣру любитъ и въ ней чудеса творитъ. Еще вамъ изъясню, любезніи благочестивіи, заблужденіе вѣры вашей, которой Господь Богъ ненавидитъ. Пишетъ святый Игнатій въ своеей исторіи, оплакивая греческую столицу Царьградъ: понеже по седьмомъ соборѣ, какъ оторвались благочестивыи отъ вѣры нашей римской истинной предъ праздникомъ Сошествія Духа Святаго, а на самый праздникъ Сошествія Святаго Духа отдалъ Богъ Турчину нечестивому сію вѣру, которая Богу противна; и гдѣ были церкви благочестивыя, тамъ стали мечети турецкія, а гдѣ монастыри, тамъ стойла для лошадей. Видите ль, какъ Господь Богъ не любитъ вашей злой вѣры. Чему наша католическая вѣра, якъ лилія цвѣтетъ, въ Римѣ якъ солнце свѣтится, не только въ Римѣ, но и въ Швеціи, Англіи и Африкѣ, и такъ далѣе? Говорите жъ правовѣрніи католики за сихъ жителей города сего, чтобъ просвѣщены были къ вѣрѣ нашей римской и къ уніи святой. Молися за нихъ Пресвятая Богородица, молитесь за нихъ святіи Ангелы и Архангелы, молитеся за нихъ святіи мученицы и исповѣдницы Божіи, молитесь за нихъ святый Василій, Іоаннъ Златоустый, святый Іозафате, святый Франтишку, святый Станиславъ Костка, святый Іоанне Непомуцене. Молюся и я за ними: Христе Распятый, обрати Свои очи на сей градъ, дабы познали вѣру святую истинную римскую и пришли до уніи святой. О святый Іозафате, когдась бывшій здѣшній епископъ! предстательствуй къ Богу за твоими когдась бывшими овцами, которыхъ ты былъ когдась пастыремъ, и поучалъ по здѣшнимъ церквамъ и ходилъ по семъ градѣ, сказуя ученіе Христово для удержанія уніи святой: вотъ нынѣ пребываютъ въ отступничествѣ и слѣпотѣ. Молитеся и вы ему жъ, возлюбленніи благочестивіи, который есть чудотворца и нынѣ чудеса творитъ, дабы васъ Господь Богъ привратилъ до той вѣры святой, какой были ваши дѣды и прадѣды. Молитеся Богу, чтобъ вы дѣлали и вѣрили, якъ вѣрилъ святый Василій Великій, святый Іоаннъ Златоустый, святый Григорій

Назіанзинъ, святый Николай. Нынѣ болитъ мое сердце на васъ смотря и на ваши церкви, что въ заблужденіи пребываете. Просилъ я господина Коробаньку, чтобъ намъ дозволилъ проповѣдь сказать въ церкви Братской; хотѣлъ я изъяснить ученіе Христово, но онъ не допустилъ. Благодарю, что здѣ свободно говорить мнѣ. Требовалъ я и просилъ по нѣсколько разъ, чтобы кто разговорился со мною о заблужденіи ихъ, но никого не могъ сыскать какъ съ чернцовъ, такъ и съ поповъ: всякъ стыдится свое заблужденіе объявить. Запрашиваю васъ, любезніи благочестивыи, на пятокъ, изъясню вамъ исхожденіе Духа Святаго; а благодарю вамъ, что сюда пришли есте слышати ученіе Христово, чтобъ сіе ученіе было всегда вамъ въ памяти и въ сердцѣ вашемъ, что дай Боже. Аминь».

Экстрактъ предики миссіонерской, за другимъ разомъ сказыванной на базарѣ ксіендзомъ Зарембою, октября 25 дня.

«Да будетъ похваленъ Іисусъ Христосъ отъ васъ, католиковъ духовныхъ; да будетъ похваленъ Іисусъ Христосъ отъ васъ католиковъ сенаторовъ и господъ; да будетъ похваленъ Іисусъ Христосъ отъ васъ католиковъ differentiation разнаго состоянія людей; да будетъ похваленъ Іисусъ Христосъ отъ васъ благочестивыхъ людей. Вотъ, возлюбленніи благочестивыи, прихожу сюда въ другой разъ предлагать вамъ не мое, но Христово ученіе. Не я говорю, но сей Христосъ Распятый къ вамъ говоритъ. А нынѣ падите всѣ на колѣна, сказуя: о Іисусе Избавителю нашъ, Распятый, помилуй насъ и сихъ благочестивыхъ людей города сего, а дай имъ милость и просвѣщеніе Духа Святаго въ сердца ихъ, дабы познали вѣру истинную римскую и превратилися къ ней; просите и чудотворную Богородицу Хващевскую, дабы предстательствовала за ними къ Сыну Своему о обращеніи ихъ къ вѣрѣ святой. Такожъ и они имѣютъ Ангеловъ стражей и предстателей Святыхъ, которыхъ имена на себѣ имѣютъ: просите, чтобъ они предстательствовали за ними о обращеніи ихъ къ вѣрѣ святой. Говорите жъ всѣ по Русску: «*Богородице Дѣво радуйся*» и «*Подъ Твою милость прибѣгаемъ*». Три раза говорили всѣ католики въ

голосъ. «Вотъ городъ Могилевъ не имѣетъ никакого Святого, никакого чудотворнаго образа: а у насъ, католиковъ, суть два чудотворные образы, одинъ у ксіендзовъ бернардиновъ святаго Антонія, котораго и сами чудеса дознаете, если что у кого пропадетъ; а другой — святаго Ксаверія у ксіендзовъ іезуитовъ, всѣ и сего чудеса дознаютъ. Послушайте жъ, пожалуйте, не моего ученія, но Христова. Просилъ я Библіи Русской, но никто мнѣ не хотѣлъ дать, и нынѣ прошу, дайте кто имѣетъ, а я вамъ покажу въ Библіи вашей. Сказываете вы, что такъ держимъ, якъ Священное Писаніе поучаетъ: но теперь у васъ не русское, но лютеранское ученіе, будто въ Библіи нѣтъ постовъ нигдѣ, нѣтъ нигдѣ недѣли, но суббота, нѣтъ нигдѣ Святыхъ, но Церковь святая такъ установила; не имѣете Главы Церкви, не имѣете порядку, ибо вѣра святая католическая имѣетъ единаго управителя, имѣетъ и порядокъ, напримѣръ какъ городъ безъ войта или монастырь безъ игумена. Дайте жъ мѣсто правдѣ. Не имѣете Главы Церкви, говорите, что Христосъ есть глава: правда, что Христосъ есть главой не только Церкви, но и всѣхъ Святыхъ; однакъ и Петръ Святый есть главою Церкви, какъ написано у Матѳ. кн. 15 или 17: отвѣщавъ рече ко Іисусови etc. Почему ни одинъ не отвѣтствовалъ, только Петръ Святый? И далѣе сказуетъ: Се то камень, на семъ камени созижду Церковь мою; и говоритъ Господь Іисусъ: ты еси камень и основаніе; чему не говорилъ до другихъ Апостоловъ? Сказуетъ Господь Іисусъ: тебѣ дамъ ключи царствія Моего, и сказуетъ: что разрѣшишь на землѣ, будетъ разрѣшено на небеси, и что свяжежь на землѣ, будетъ связано и на небеси. Отсюда явно, что Петръ Святый есть Главою Церкви святой. Правда, что Христосъ есть глава Церкви, но невидимая. Ахъ ради Бога, благочестивыи, не имѣете Главы Церкви. У васъ кто Глава? Въ Москвѣ царь, или царица. Вспамятуйте, пожалуйте, далъ ли Господь Іисусъ власть Церкви святой королю или царю? Нѣтъ, но Петру Святому, якъ я вамъ сказывалъ съ Священнаго Писанія. Ахъ, чтожъ я слыхалъ, что вашъ учитель распоряжалъ на смерть на Луполовѣ попадью, и здѣ въ городѣ

нѣкоторой мѣщанки дщерь? Много жъ здѣ есть чернцовъ, поповъ: однако никто не распоряжалъ, только мірской учитель, которому только школу распоряжать, а не духовныя вещи. Вспамятуйте, пожалуйте, за кого молилъ Господь Іисусъ Отца Своего, какъ написано у Луки гл. 22: сказалъ Господь Іисусъ: утверди пожалуй братію свою. Сами смотрите въ Библіи святой, ежели не Петръ Святый есть глава Церкви. Добре ли то, ежели бъ вы не послушны были вашему войту? Такъ горше, что не послушни есте Риму святому. Вить же то покойная Императрица приказала мясо ѣсть въ постъ: то вы ее имѣете и за главу Церкви святой. Слыхалъ я самъ сіе, что владыка Смоленскій говорилъ: на что Пресвятую Дѣву просить о предстательство и ей молитись? Такъ ли то учили святыи Отцы? Святый Василій Великій, святый Іоаннъ Златоустый, святый Григорій — ваши учители; но нынѣ наши, понеже тѣлеса ихъ у насъ въ Римѣ нынѣ почиваютъ. Сказуютъ святіи Іоаннъ Златоустый и Григорій святый, якъ Іеремія былъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ Петръ святый по всемъ свѣтѣ есть возвышенный. Сказуетъ Августинъ святый, что Петръ святый есть пастыремъ чреды Христовой». И читалъ книгу Святаго Іоанна, дая многіе примѣры, что Петръ святый есть главою Церкви. «Или то суть Отцы святіи лживіи, что такъ пишутъ? Вотъ у насъ суть таинства и жертвы святыя, а у васъ что есть? О Святый Іисусе! дай имъ такъ держать и вѣровать, якъ Отцы святіи. Держались ихъ Отцы святіи, что папа святый есть глава Церкви. Молитеся за нихъ святіи Божіи учители, дабы и они такъ вѣрили и держали, какъ и вы. Падите всѣ предъ симъ Распятымъ Іисусомъ, сказуя сіи слова: помилуй Господи сей градъ и отврати ихъ отъ вѣры сей заблужденной, привврати же ихъ къ вѣрѣ святой истинной, о чемъ всѣ Тебѣ Бога просимъ. Аминь».

Того жъ самаго дня, отправивши съ крестами процессію, пошли всѣ въ капахъ съ крестами жъ до костела іезуитскаго, поя пѣсни о страданіи Господнемъ, гдѣ ксіондзъ миссіонеръ, взойшовъ на амбонъ въ страшной капѣ, говорилъ къ людямъ сіи слова: «вотъ мы, любезніи католики, отправляемъ нынѣ покаяніе

святое, дабы чрезъ сіе покаяніе могли получить животъ вѣчный. Вотъ же и Христосъ Господь не только за наши грѣхи наказанъ, но и какъ есть умученъ и убитъ такъ жестокимъ мученіемъ! А кто жъ его убилъ? Благочестивый ли, или Католикъ, или Калвинъ, или Лютеръ? Гдѣжъ тотъ разбойникъ? Гдѣ онъ крыется? Чиню здѣ предъ вами осмотръ за сего невиннаго убитаго Іисуса. Почто, какъ убьетъ человѣкъ человѣка грѣшнаго, такого какъ и самъ, ищете виннаго, чтобъ понесъ казнь? Для чего за сего пресладкаго Іисуса никто о обидѣ не обстоитъ? Ахъ, гдѣ жъ тотъ разбойникъ? Гдѣ онъ кріется? Ищите его всѣ. Никто мнѣ ничего не отвѣщеваетъ: однакъ я вѣдаю, что и въ семъ городѣ кріется тотъ, который невиннаго Іисуса убилъ такъ жестокимъ мученіемъ, что и выговорить не могу; а хотя и скажу, но мнѣ не поймете вѣры».—А ксіондзъ Бадовскій, префектъ іезуитскій, одѣвшись въ бѣлое одѣяніе, взойшелъ на сдѣланный посредѣ костела столъ. и вынявши вырѣзанный изъ древа образъ Христа, наподобіе плащаницы, умученнаго, говорилъ сіи слова: «Се пресладкій Іисусъ, который такъ немилостиво есть умученъ и убитъ безъ всякой вины; видите сами, что нѣтъ цѣлости въ тѣлесѣ, весь такъ жестоко умученъ».— Что якъ усмотрѣли люди, всѣ проразливымъ гласомъ, якъ кто моглъ, закричали: О Іисусе, о Іисусе такъ умученный! И чрезъ немалое время пребывая въ томъ воплѣ и плачѣ, такой шумъ сдѣлали, что страшно было въ костелѣ стоять. А ксіондзъ-миссіонеръ, стоя на амбонѣ сказывалъ: «о дайте жъ мнѣ разбойника, который невиннаго Іисуса такъ жестоко умучилъ; ищите жъ его всѣ, я буду его судить за невинную кровь». А ксіондзъ Бадовскій, стоя на катафальку, сказывалъ: «я тотъ лотръ и разбойникъ, который Пресладкаго Іисуса предалъ и невинную кровь излилъ; теперь мене судите, какъ хочете, рубайте мене за невинную кровь».—Миссіонеръ, стоя на амбонѣ, сказывалъ: «не ты, а я»; и ставъ миссіонеръ на катафальку, говорилъ: «се я тотъ разбойникъ пришелъ передъ васъ, созная на себѣ грѣхи; я Іисуса продалъ и умучилъ». И взявши на руки показалъ народу; народъ опять великій плачь и рыданье учинилъ. Положивши мис-

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

(Академика Я. К. Грота).

II.

Папы и Iезуиты.

Уцѣлѣвшія письма Гримма къ Екатеринѣ II доставляютъ новый источникъ пониманія и оцѣнки этой замѣчательной переписки. Всего болѣе писемъ Гримма сохранилось за первые 80-ые и первые же 90-ые годы прошлаго столѣтія. Стало-быть, со времени поѣздки Екатерины въ Бѣлоруссію мы имѣемъ возможность пользоваться этимъ новымъ матеріаломъ для поясненія темныхъ мѣстъ въ письмахъ императрицы, и будемъ приводить въ важныхъ случаяхъ наиболѣе интересныя выдержки изъ самыхъ писемъ Гримма.

Съ поѣздкой въ Бѣлоруссію тѣсно связаны отношенія Екатерины II къ ордену Iезуитовъ, который, какъ извѣстно, пользовался ея особымъ покровительствомъ. Это благоволеніе ея къ Iезуитамъ объясняется различно. Вотъ какъ рѣшается этотъ вопросъ по лучшимъ нашимъ историческимъ изслѣдованіямъ [1]) въ сопоставленіи съ запиской одного Iезуита, изданной въ 1872 году въ Парижѣ [2]): Екатерина, присоединяя Бѣлоруссію, пріобрѣ-

---

[1]) Морошкина, Самарина, гр. Толстого и друг.

[2]) La compagnie de Jésus, conservée en Russie après la suppression de 1772. Récit d'un Jésuite de la Russie Blanche. Paris. 1872.

тала съ нею и значительную массу подданныхъ римско-католическаго исповѣданія, которыхъ іерархія всегда питала непріязнь ко всякой свѣтской власти и признавала надъ собою господство единственно римскаго первосвященника. Среди этого населенія уже прочно утвердились Іезуиты, у которыхъ, при значительныхъ имуществахъ, были четыре коллегіи, двѣ резиденціи и нѣсколько миссій. Главная изъ коллегій была въ Полоцкѣ, прочія въ Динабургѣ, Витебскѣ и Оршѣ. Школы іезуитскія славились своимъ серьёзно научнымъ характеромъ, къ которому Екатерина всегда питала большое сочувствіе и довѣріе. Изгнать Іезуитовъ — значило пріобрѣсти себѣ въ Западномъ краѣ дѣятельныхъ враговъ; взять ихъ подъ свое покровительство, въ то время какъ они вездѣ подвергались гоненію, находившему одобреніе у самого папскаго престола, значило не только сдѣлать ихъ безвредными, но и заставить ихъ служить своимъ цѣлямъ. Такъ думала Екатерина и избрала послѣднее. Авторъ книги «La compagnie de Jésus» приводитъ, что будто на совѣтѣ государыни одинъ изъ противниковъ Іезуитовъ напомнилъ указъ Петра Великаго, по которому Іезуитамъ воспрещенъ былъ въѣздъ въ Россію. Екатерина спросила его, полагаетъ ли онъ, что власть ея такъ же велика, какъ власть Петра Великаго? Всѣ почтительно поклонились и она прибавила: «Петръ въ свое время конечно имѣлъ важныя причины, чтобъ издать такой законъ. Я же теперь имѣю не менѣе важныя, чтобъ его уничтожить. Іезуиты останутся. Если впослѣдствіи они чѣмъ-нибудь провинятся, всегда можно будетъ удалить ихъ, и для этого не нужно будетъ ни пушекъ, ни большихъ армій». [1])

Сохраняя въ Россіи орденъ Іезуитовъ, Екатерина была увѣрена, что съ нимъ справится. Для этой цѣли она ясно очерчиваетъ его кругъ дѣятельности, ограничивая ее воспитаніемъ, позволяетъ ему сохранить свои религіозные уставы и порядки корпораціи, но отнимаетъ у него одно изъ главныхъ условій

---

[1]) La compagnie de Jésus, стр. 4.

силы — автономію. *Наравнѣ съ прочими монашескими орденами* она подчиняетъ его власти епископа и мѣстнымъ законамъ страны, обѣщая Іезуитамъ такое же покровительство, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ, и сохраненіе всѣхъ ихъ правъ и имуществъ, но только *пока они сами вѣрноподданническій свой долгъ и присягу сохранять будутъ*. Іезуиты съ радостью ухватились за такой благопріятный случай отстоять свое существованіе и спасти свое имущество отъ разграбленія. Они первые подали примѣръ присяги русскому правительству, увлекая за собой и весь бѣлорусскій народъ, и тѣмъ оказали большую услугу государынѣ. Ровно черезъ годъ, именно въ 1773 году, обнародована папская грамота (bref), совершенно уничтожающая Іезуитскій орденъ. Такимъ образомъ сама церковь, которой они были вѣрными органами и преданнѣйшими слугами, отвергла ихъ. Для Екатерины открылся самый блестящій случай заявить независимость своей мѣстной церкви отъ Рима. Она не впускаетъ папскую грамоту въ свои владѣнія, возобновляетъ Іезуитамъ обѣщаніе своего покровительства и даже дѣлаетъ распоряженіе о свободномъ пропускѣ черезъ свою границу тѣхъ изъ нихъ, которые вздумали бы искать убѣжища въ Россіи.

Но вѣрные своему характеру Іезуиты смиренно заявляютъ въ Петербургѣ, что по долгу послушанія они готовы подчиниться волѣ папы, чтобъ не производить соблазна между вѣрующими. На это государыня отвѣчаетъ, что она не хочетъ отклонять ихъ отъ обязанности послушанія и согласна, чтобъ они подчинились волѣ папы, какъ скоро его грамота будетъ обнародована въ Россіи. Что же касается ея обнародованія, то это уже дѣло императрицы, а по отношенію къ св. отцу она все беретъ на себя. [1])

Этотъ отвѣтъ былъ достоинъ Екатерины. По выраженію покойнаго Морошкина, «едва ли когда-нибудь была на русскомъ престолѣ власть столь ревнивая къ своимъ правамъ, столь независимая въ своихъ дѣйствіяхъ, столь нетерпящая чужого вмѣ-

---

[1]) Comp. de Jésus, 36.

шательства въ домашнее хозяйство, называемое Русской Имперіей, какъ власть олицетворенная Екатериною Великою». Въ перепискѣ съ Гриммомъ она при разныхъ случаяхъ повторяетъ, что никогда не потерпитъ чужого вмѣшательства въ свои дѣла, и значеніе этихъ словъ она умѣетъ доказать на дѣлѣ, энергически поддерживая въ Ватиканѣ свои требованія, какъ свидѣтельствуетъ та же самая записка Іезуита. [1])

Но, несмотря на то, что Екатерина крѣпко держала въ рукахъ Іезуитовъ, они, не довольствуясь дарованными имъ милостями, не брезгали никакими косвенными средствами обдѣлывать свои дѣла черезъ сильныхъ міра сего: Захара Чернышева, Михельсона, Потемкина, чтó вовсе не скрывается въ запискѣ Іезуита. Тамъ подробно разсказано, какъ часто Іезуитамъ удавалось этими путями торжествовать въ борьбѣ съ нѣкоторыми епископами и даже съ самимъ Сестренцевичемъ. [2])

Съ другой стороны изъ этой же записки явствуетъ, что они не желали полнаго разрыва съ Римомъ, все надѣясь на лучшія времена. И вотъ когда на папскій престолъ вступилъ Пій VI, среди Іезуитовъ возродились надежды на возобновленіе ихъ ордена. Ихъ настоятель Черневичъ, черезъ посредство кардинала Іоанна Баптиста Реццонико, тотчасъ поспѣшилъ изъявить свою преданность новому папѣ, умоляя его, чтобъ онъ хотя какимъ-нибудь знакомъ поддержалъ въ братьяхъ увѣренность, что сохраненіе іезуитскаго ордена въ Россіи ему пріятно. [3])

Подобные происки врядъ ли могли укрыться отъ зоркой наблюдательности Екатерины: они вызвали съ ея стороны шуточки и выраженіе: «мои бѣлорусскіе плуты». Но тѣмъ не менѣе Іезуиты служили ея цѣлямъ. Какъ мы уже замѣтили, они первые присягнули на русское подданство; они становились ея орудіемъ для исполненія завѣтной мысли установить мѣстную католическую церковь, независимую отъ папы; они служили ей адвока-

---

[1]) Compagnie de Jésus, 76.
[2]) Тамъ же 7, 81, 89, 90.
[3]) Тамъ же 49.

тами въ борьбѣ съ папою. Отвергнутые папскимъ престоломъ, отовсюду изгнанные, кромѣ схизматической Россіи, они убѣдительно доказывали законность дѣйствій Екатерины въ отношеніи къ латинской церкви въ Бѣлоруссіи и на эту тему писали цѣлыя разсужденія, внушали эти мысли латинскому духовенству Бѣлоруссіи, а черезъ него распространяли ихъ въ самой паствѣ. Наконецъ они устанавливали въ Западномъ краѣ твердую школу и основательное обученіе.

Послѣ всего сказаннаго интересно прослѣдить всѣ бѣглыя замѣтки о папахъ и Іезуитахъ, которыя въ разное время попадаются въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ, и особенно ея впечатлѣнія по личномъ знакомствѣ съ іезуитскимъ орденомъ, при посѣщеніи ею учрежденій его въ бѣлорусскую поѣздку.

Въ одномъ изъ самыхъ первыхъ ея писемъ говорится о смерти папы Климента XIV († 22 сентября 1774 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я очень сожалѣю о смерти братца Ганганелли: Sic transit gloria mundi» [1]). По поводу избранія новаго папы она такъ шутитъ: «Кардиналамъ должно быть очень весело мерзнуть въ своихъ залахъ съ нишами въ Ватиканѣ, такъ какъ они до сихъ поръ не рѣшаются избрать папу; я подозрѣваю, что оппонирующіе Дворы хотятъ совершенно избавиться отъ всей священной коллегіи за разъ, такъ же какъ и отъ Іезуитовъ, задерживая ихъ такъ долго въ подобномъ мѣстѣ». [2])

Послѣ избранія Пія VI императрица пишетъ: «Скажите-ка однако, этотъ папаша Браски кажется мнѣ немножко Іезуитомъ. Я не буду жалѣть объ этомъ, потому что вы знаете, какую привязанность я питаю къ этому драгоцѣнному сѣмени, которое я соблюдаю, какъ самыхъ кроткихъ и разумныхъ гражданъ Бѣлоруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, эти плуты лучшіе люди въ мірѣ, и

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 10.
2) Стр. 14—15.

нигдѣ еще не могли замѣнить ихъ школъ, хотя разграбили для этого ихъ имущества» [1]).

Что Гриммъ не раздѣлялъ расположенія государыни къ Іезуитамъ и часто задѣвалъ ихъ въ своихъ письмахъ, видно изъ слѣдующихъ отвѣтныхъ строкъ на его письмо еще въ 1775 году: «Знаете ли, что я пожалуй простила бы всѣ ваши выходки, еслибъ вы не вздумали въ концѣ своего письма пророчествовать на счетъ моихъ милыхъ плутовъ Бѣлоруссіи; но что бы вы тамъ ни говорили, вы не помѣшаете имъ строить прекрасный и обширный новиціатъ, который быстро воздвигается наперекоръ вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто имъ желаетъ зла» [2]). И въ другой разъ въ отвѣтъ на тѣ же нападки: «Развѣ вы не можете говорить мнѣ о развитіи вашего кредита у французскаго короля, не произнося брани на моихъ вѣрныхъ подданныхъ—этихъ бѣдныхъ плутовъ Бѣлоруссіи; зачѣмъ вы называете ихъ еретическимъ сѣменемъ? Это—драгоцѣнное сѣмя, достойное сохраненія и такъ мало еретическое, что они только что выиграли процессъ противъ своего епископа [3]) (Сестренцевича), который ихъ притѣснялъ» [4]).

Когда Гриммъ направлялся изъ Женевы въ Италію, государыня опять писала ему: «Я не перестану нападать на ваше православіе (orthodoxie), пока вы не перестанете задѣвать моихъ милыхъ Іезуитовъ. Чтó эти бѣдняки вамъ сдѣлали и зачѣмъ вы будете доносить на нихъ отцу Браски (папѣ Пію VI), который назоветъ ихъ еретиками противъ своего убѣжденія? хорошо ли пріѣзжать изъ-за горъ, чтобъ насиловать совѣсть людей? Вотъ по-моему коварство демона и поведеніе погибшаго» [5]). Что императрица знала о заискиваніи Іезуитовъ у новаго папы, доказываютъ слѣдующія строки: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо чтобъ его святѣйшество папа умеръ (crève), и я не стану его огорчать, ни-

---

[1]) Стр. 22.
[2]) Стр. 32.
[3]) La comp. de Jesus 53.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 37.
[5]) Стр. 38.

же мои завзятые бѣлорусскіе плуты, которые ему очень покорны и всегда хотятъ только того, чего онъ хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, я полагаю, что это вы доставляете кёльнскому газетчику статьи, которыя онъ печатаетъ къ великому вреду теплицы. Итакъ вы находите, что я благотворю имъ, потому что это меня забавляетъ: надо сознаться, что вы мнѣ приписываете миленькія побужденія, тогда какъ у меня нѣтъ иной цѣли, какъ сдержать данное обѣщаніе, и кромѣ того я руководствуюсь въ этомъ сознаніемъ общественной пользы» [1]).

Извѣстно, что французское и испанское правительства сильно поддерживали въ Римѣ уничтоженіе іезуитскаго ордена, и вѣроятно на это намекаетъ императрица, говоря: «Прошу васъ, поинтересуйтесь у кардинала Берни (французаго посла въ Римѣ), чтобъ онъ поменѣе вредилъ моимъ плутамъ. Эти бѣдняки совсѣмъ не умны и вполнѣ безхитростны: пусть ихъ поживаютъ спокойно. Они не принесутъ ни пользы, ни вреда; они похожи на безносаго Юпитера [2]). Я говорю вамъ это въ шутку: не вздумайте принять этого серіозно, потому что мнѣ вовсе не хочется возмущать грязную воду» [3]).

Не малой ироніей насчетъ безхитростности Іезуитовъ и ихъ прямодушія звучатъ всѣ отзывы императрицы о нихъ и послѣ ея личнаго знакомства съ ними. Къ письму изъ Пскова отъ 16-го мая присоединена приписка отъ 20-го мая изъ Полоцка.

«*Записочка, писанная въ Полоцкѣ 20 мая 1780 г. при выходѣ отъ Іезуитовъ*: Я была у нихъ сегодня утромъ; я тамъ слушала молебенъ и была въ ихъ домѣ. Здѣсь все ликуетъ; я вчера была поражена, при въѣздѣ сюда, великолѣпіемъ ихъ представительности; всѣ другіе ордена свиньи передъ ними! Эти люди только что не танцуютъ; ихъ наѣхало къ намъ множество изо

---

[1]) Стр. 138.

[2]) Статуя, которую предлагали тогда императрицѣ купить у сэра Гамильтона, и отъ которой она отказалась въ этомъ же письмѣ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 163. Намекъ на тяжкія обвиненія противъ Іезуитовъ.

всѣхъ странъ. Ужъ какіе же они разбивные! У нихъ здѣсь прекрасная церковь. Они наговорили мнѣ всевозможныхъ нѣжностей на всѣхъ существующихъ языкахъ, кромѣ тѣхъ, которые я понимаю. Ахъ, до чего нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ плутами!» [1]) Эти строки, такъ живо и въ немногихъ словахъ обрисовавшія впечатлѣніе, произведенное на государыню Іезуитами, вызвали слѣдующій отвѣтъ Гримма, никогда не стѣснявшагося въ выраженіи своего мнѣнія о нихъ: «Какіе бы они ни были плуты, бьюсь объ закладъ, что они и не подозрѣваютъ, до какой степени ихъ августѣйшая и царственная Покровительница обладаетъ даромъ описанія. Однимъ движеніемъ кисти она показываетъ мнѣ безчисленное множество лицъ на гибкихъ и кривыхъ шеяхъ въ присутствіи той, чьи августѣйшія черты выражаютъ величіе и благость и вовсе не теряютъ легкой улыбки, вызванной на устахъ ея тайными размышленіями, улыбкой, которую тщеславные плуты принимаютъ за улыбку удовольствія отъ ихъ прекрасныхъ привѣтствій. И вотъ картина нарисована» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ подшучиваетъ надъ представительностью Іезуитовъ, которую похвалила императрица: «Я очень сожалѣю, что мой Carmen Saeculare (партитура Филидора), столь великолѣпно оплаченный моей императрицей, не поспѣлъ въ Россію, чтобъ быть исполненнымъ въ Могилевѣ въ присутствіи графа Фалькенштейна. Плуты ея императорскаго величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ весьма годились бы, чтобъ предсѣдательствовать на этомъ театральномъ праздникѣ и руководить имъ. Никто столько не смыслитъ въ религіозныхъ церемоніяхъ какъ они; это мастера на всякое театральное представленіе. Надо сознаться, что они были очень умны: жаль, что они такъ честолюбивы: въ отношеніи къ безграничному честолюбію умные люди ломаютъ себѣ шею чаще, чѣмъ люди ограниченные, потому что они слишкомъ натягиваютъ пружины» [3]).

---

[1]) Стр. 181—182

[2]) Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II-й, 58.

[3]) Тамъ же, стр. 70.

Черезъ недѣлю послѣ того, 26 мая, государыня пишетъ изъ Могилева: «Сегодня утромъ гр. Фалькенштейнъ и я присутствовали при католической обѣднѣ, справленной могилевскимъ епископомъ въ сослуженіи Іезуитовъ, Эксъ-іезуитовъ и множества орденовъ религіозныхъ и нерелигіозныхъ. Мы болѣе смѣялись и шутили, чѣмъ слушали. Онъ былъ моимъ чичероне, а я зѣвакой (badaud)» [1]).

На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Милордъ Гордонъ [2]) писалъ мнѣ изъ лондонской башни, чтобъ спросить у меня, правда ли, что императрица Греческая осквернила себя присутствіемъ при католической обѣднѣ? Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и отвѣчалъ его лордству, что она была тамъ только въ качествѣ зѣваки. Этой отговорки его лордство не принимаетъ» [3]). И при другомъ случаѣ Гриммъ не преминулъ кольнуть государыню насчетъ ея присутствія при этой обѣднѣ. Посылая ей планисферу, поднесенную ей однимъ капуциномъ для обученія маленькаго внучка ея—будущаго императора Александра, онъ пишетъ: «Ваше Величество приказали мнѣ оставить Васъ въ покоѣ съ капуцинами; но я ни къ чему не обязывался, потому что капуцины не обѣщали мнѣ оставить меня въ покоѣ. Они говорятъ: — такъ какъ императрица греческая ѣздитъ слушать латинскую миссу у покойныхъ Іезуитовъ, она должна имѣть слухъ и для ихъ лакеевъ-капуциновъ. Впрочемъ планисфера моего отца Хризолога назначена не для императрицы, а для г. Александра. Мой капуцинъ хочетъ, чтобъ этотъ августѣйшій молокососъ изучалъ по ней небо съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ знаменитая школьная учительница знакомитъ его съ землею; вотъ почему планисфера приспособлена къ широтѣ петербургской, и вотъ почему я не могъ отвергнуть приношенія капуцина,—естественное послѣдствіе успѣховъ полоцкихъ и могилевскихъ плутовъ во

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 181.

[2]) Лордъ Гордонъ, посаженный незадолго передъ тѣмъ въ тюрьму вслѣдствіе волненій, возбужденныхъ его оппозиціею въ парламентѣ.

[3]) Письма Гримма, стр. 46.

время приснопамятнаго путешествія Екатерины, не желающей, чтобъ её называли великой, вѣроятно потому, что не слѣдуетъ говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. Впрочемъ, еслибъ августѣйшая учительница г. Александра позволила мнѣ подать ея именемъ милостыню въ пятьсотъ или шестьсотъ ливровъ преподобному отцу Хризологу, кёльнскій газетчикъ столько же нашумѣлъ бы объ этомъ, сколько о полоцкомъ новиціатѣ, и три монастыря парижскихъ капуциновъ отслужили бы молебенъ» [1]).

Осенью, по возвращеніи въ Петербургъ, императрица спрашивала Гримма, о какомъ ея панегирикѣ, написанномъ Іезуитами, онъ упоминаетъ, при чемъ выразила слѣдующее сужденіе: «Я очень была бы рада, еслибы обо мнѣ запретили говорить, и разсказчиковъ и писакъ вездѣ облагали за это штрафомъ, какъ это было и есть во Франціи. Я не знаю, о какомъ похвальномъ словѣ вы говорите и какое сочиненіе этого рода напечатали бѣлорусскіе бездѣльники (marouffles). Я не помню, чтобъ когда-нибудь объ этомъ слышала» [2]).

Когда Гриммъ, по поводу аудіенціи Рейфенштейна у папы, въ шутку назвалъ послѣдняго антихристомъ, то Екатерина отвѣчала ему такъ: «Мой вѣсъ и мѣра, въ разсужденіи папы, антихриста и дьявола, вотъ какіе: живите въ мирѣ и помогайте бѣднымъ» [3]). А говоря о самой аудіенціи, она мѣтко опредѣляетъ характеръ папства: «Папская аудіенція произвела на меня дѣйствіе внушительное; однако оно обращается болѣе къ выгодѣ языческихъ боговъ нежели на пользу церкви христіанской, потому что первые имѣютъ болѣе прикосновенности къ художествамъ, чѣмъ послѣдняя, которая говоритъ: бѣдность и любовь» [4]). Въ другомъ письмѣ она отдаетъ отчетъ Гримму въ своей перепискѣ съ папою: «Знаете ли вы, что мы пишемъ другъ другу собственноручныя письма на такихъ языкахъ, которые получателю неиз-

---

[1]) Тамъ же, стр. 30.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII — стр. 221.
[3]) Стр 191.
[4]) Стр. 191.

вѣстны? Эти письма снабжены переводами опять-таки на языки, непонятные для получателя. Письма отца Браски ко мнѣ писаны по-итальянски и снабжены латинскимъ переводомъ, а отвѣты писаны по-русски и переведены на греческій языкъ. Вы найдете, что это странно, однако оно такъ» [1]).

«Въ іюлѣ 1781 года государыня пишетъ: «Папаша Браски у меня въ долгу отвѣтомъ, который что-то долгонько заставляетъ себя ждать». А въ февралѣ 1782: «Мы съ Піемъ VI пишемъ другъ другу прекрасныя письма и во всемъ совершенно согласны, на столько что онъ хочетъ одного, а я другого» [2]). Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о перепискѣ, касавшейся возведенія Сестренцевича въ санъ архіепископа. Интересныя свѣдѣнія объ этой перепискѣ находимъ въ мемуарахъ Аркетти, папскаго нунція, посланнаго въ Петербургъ для посвященія Сестренцевича въ архіепископы въ 1784 году [3]). По поводу одного письма Гримма, гдѣ онъ упоминаетъ о монахахъ Кармелитскаго ордена, государыня отвѣчаетъ ему: «До вашихъ Кармовъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, потому что моимъ запрещено сноситься съ другими Кармами, кромѣ находящихся въ странѣ. Мы становимся очень упрямы и желаемъ быть хозяйками у себя, а чужимъ носамъ нечего къ намъ соваться» [4]). Въ другой разъ она говоритъ: «Ужъ и вы тоже не становитесь ли въ ряды защитниковъ папы? Да кто же ему что сдѣлалъ? Вотъ большой шумъ изъ за того, что дюжиной или двумя десятками монастырей станетъ больше или меньше на свѣтѣ, какъ будто никогда не случалось обращать ихъ въ свѣтское владѣніе. Когда мнѣ хочется, чтобъ было монастыремъ меньше, я велю имъ сказать коротко и ясно:—идите въ другой,— и объ этомъ больше не говорятъ, и никто не разнѣживается по этому поводу. Тьфу, скверно быть плаксой. Александръ не пла-

---

[1]) Стр. 199.

[2]) Стр. 217 и 228.

[3]) Un nonce du pape à la cour du Catherine II. Mémoires d'Archetti. Paris 1872.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 226.

четъ и не пищитъ.. Не знаю, получилъ ли папа прекрасный мѣхъ отъ графа Сѣвернаго [1]); но я знаю, что готовлю ему великолѣпный, который отправлю ему, какъ скоро онъ пришлетъ палліумъ моему могилевскому архіепископу.... Если только онъ заслужитъ мою шубу, то я ужъ буду имъ довольна» [2]). Но такъ какъ Пій VI все затягивалъ переговоры объ этомъ, то Екатерина писала: «Папа не хочетъ сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, ниже самыхъ пустяковъ, о которыхъ я прошу, какъ палліумъ для моего могилевскаго архіепископа и посвященіе въ епископы in partibus его товарища. Признаюсь вамъ, что наконецъ Пій VI вынудитъ меня прибѣгнуть, чтобъ выйти изъ этого затрудненія, къ такимъ средствамъ, которыя непріятно будетъ употребить; мнѣ очень надоѣли эти отсрочки и дрязги; ну ужъ если ему придется глотать змѣй, пусть пеняетъ на себя» [3]). Наконецъ, въ сентябрѣ 1783 года, императрица, возвѣстивъ Гримму о проѣздѣ папскаго нунція въ Петербургъ, говоритъ: «Папскій посолъ долженъ дать палліумъ римскому архіепископу въ Могилевѣ, а потомъ онъ долженъ освятить церковь своего исповѣданія [4]) и посвятить епископа—помощника могилевскому архіепископу: вотъ и все. Я всего этого добилась, потому что дала почувствовать, что если не достигну всего, то нисколько въ томъ не нуждаюсь и сумѣю принять другія мѣры [1]). Тогда мнѣ живо отрядили этого посла» [5]).

Какъ тверда была императрица въ своихъ настояніяхъ по отношенію къ папскому престолу, свидѣтельствуетъ самъ Аркетти въ своихъ запискахъ, изъ которыхъ мы видимъ, что по поводу самой формулы присяги возникли недоразумѣнія и были пункты, на которые императрица рѣшительно не согласилась,

---

[1]) Подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, путешествовалъ по Европѣ въ 1782 году в. кн. Павелъ Петровичъ съ супругой.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 235.

[3] Стр. 259.

[4]) Подробное описаніе всего этого въ сочиненіи: Un nonce etc. Mémoires d'Archetti.

[5]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 287.

такъ что потребовалось два мѣсяца для полученія отъ папы новыхъ инструкцій и, по словамъ Аркетти, Пій VI отвѣчалъ ему въ началѣ 1784 г.: «что надо сообразоваться съ временами и нельзя помѣшать Сестренцевичу произнесть присягу въ предлагаемой формулѣ» [1]).

О самомъ Аркетти императрица въ то же время писала Гримму: «Нашъ папскій посолъ чрезвычайно добрый малый, и хорошо сдѣлають, если его когда-нибудь самого изберутъ въ папы, и даже я полагаю, что будетъ полезно и нужно избрать его, потому что трудно найти лучшаго» [2]).

Оставшись вполнѣ довольною имъ, императрица ходайствовала о немъ передъ римскимъ первосвященникомъ, и онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Нѣтъ сомнѣнія; что при этомъ случаѣ были возобновлены папами попытки о возсоединеніи церквей восточной и западной. Самъ Аркетти разсказываетъ, что во время своего пребыванія въ Петербургѣ, сблизившись съ архіепископомъ Новгородскимъ и Петербургскимъ, онъ имѣлъ съ нимъ длинныя бесѣды объ основныхъ пунктахъ раздѣленія церквей и будто даже въ день принятія въ новомъ католическомъ храмѣ Сестренцевичемъ палліума, при громадномъ стеченіи народа, онъ произнесъ воззваніе къ возсоединенію [3]). Это вѣроятно подало поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ и надеждамъ на Западѣ, потому что императрица пишетъ Гримму: «Эти бѣлорусскіе плуты всегда готовы напечатать какую-нибудь ложь; кардиналъ Аркетти не сдѣлалъ никакого наброска, стало быть Буонакампаньѣ нечего будетъ оканчивать. Не вѣрьте ни единому слову объ этомъ мнимомъ соединеніи двухъ церквей; г. Аркетти ничего объ этомъ и не поминалъ. Первое изъ препятствій къ тому былъ бы самъ господинъ папа» [4]).

---

[1]) Un nonce etc., Записки Аркетти, стр. 95.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 300.
[3]) Un nonce etc., Записки Аркетти, стр. 95.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 335.

Путешествіе въ Бѣлоруссію и свиданіе съ Іосифомъ II.

Какъ сказано было выше, императрица начала свое путешествіе 10-го мая и въ Нарвѣ встрѣчена была съ восторгомъ, о чемъ она упоминаетъ въ письмѣ къ Гримму изъ Пскова отъ 16 мая: «Я думала, что меня заѣдятъ ласками», и прибавляетъ шутя, что жители Нарвы никакъ не уступятъ жителямъ Риги. Пріѣхавъ во Псковъ, императрица, постоянно заботливая о пробужденіи самостоятельныхъ жизненныхъ силъ государства, была поражена, что въ полосѣ, гдѣ по преимуществу воздѣлывается ленъ, не существовало фабрикъ льнянаго производства. Подъ этимъ впечатлѣніемъ она пишетъ къ Гримму изъ Пскова: «Этому городу, расположенному среди льна, недостаетъ промышленности; до сихъ поръ не догадались обратить ленъ въ дѣло. Пріѣзжайте сюда, или привейте кому-нибудь вашъ талантъ развитія и пришлите его сюда: онъ можетъ-быть насадитъ здѣсь промышленность. Божественный Рейфенштейнъ очень хорошо сдѣлалъ бы, пославъ какого-нибудь ученика своего кліента Миллера въ Петербургъ, гдѣ мы, подготовивъ подмастерьевъ, употребили бы ихъ или здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ, смотря по надобности; по крайней мѣрѣ пусть онъ намъ пришлетъ образцы самопрялокъ, которыя прядутъ и сучатъ въ одно время».

Это обращеніе къ Рейфенштейну выясняется изъ писемъ самого Гримма. Нѣкто—кавалеръ Миллеръ,—бывшій, по словамъ Гримма, тосканскимъ государственнымъ министромъ и въ слѣдствіе непріятностей удалившійся изъ своего отечества въ Римъ подъ покровительство папы Пія VI (Браски), подготовлялъ учениковъ прядильнаго искуства королю Сардинскому, который былъ ими очень доволенъ. Одному изъ русскихъ магнатовъ, проѣздомъ черезъ Италію, вздумалось вербовать этихъ учениковъ въ Россію, о чемъ Рейфенштейнъ и писалъ императрицѣ. Кажется однако, что впослѣдствіи Екатерина, зная какъ дорого обходились ей услуги иностранцевъ, не настаивала на мысли выписать прядильныхъ мастеровъ изъ Италіи и даже какъ будто забыла объ

этомъ. По крайней мѣрѣ Гриммъ выражаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ удивленіе, что она не помнитъ собственныхъ словъ и приводитъ ей на память все то мѣсто письма изъ Пскова, которое онъ поспѣшилъ конечно сообщить Рейфенштейну. Императрица отвѣчаетъ ему: «Перевода книги Миллера я буду ждать очень терпѣливо, такъ какъ я почти забыла, о чемъ рѣчь идетъ. А покамѣстъ я радуюсь съ нимъ, что онъ, совершенствуя свои прялки, учитъ прясть со всевозможнымъ успѣхомъ, какъ выучилъ прядильщиковъ короля Сардинскаго. Еслибъ было возможно, то я была бы очень рада не имѣть обо всемъ этомъ извѣстій до полнаго усовершенствованія прядильнаго искуства; но такъ какъ это комментарій, и всякій авторъ долженъ итти впередъ не оглядываясь, то вы лучше сдѣлаете, если ничего не сообщите изъ этого письма божественному, чтобъ голова его могла итти рысью мирно и спокойно безъ всякихъ препятствій» [1]). Между тѣмъ заказанныя Рейфенштейномъ прялки были уже готовы и отправлены съ эскадрой адмирала Борисова, а вскорѣ затѣмъ и набранные прядильщики. Гриммъ предложилъ императрицѣ поставить во главѣ дѣла нѣкоего Гуттена, способнаго, по его отзыву, на самыя большія предпріятія. Императрица велѣла адресовать новопріѣзжихъ къ князю Безбородкѣ. При этомъ Гриммъ ходатайствовалъ для Миллера не только о хорошей платѣ за его прялки, но и о награжденіи какимъ-нибудь титуломъ, въ родѣ существовавшаго въ Германіи титула тайнаго совѣтника коммерціи. На это государыня дала такой отвѣтъ: «Что касается титуловъ, ничего не обѣщайте, по крайней мѣрѣ до того времени какъ наши машины и прялки будутъ въ полномъ дѣйствіи. Что до денегъ, — то пожалуй» [2]).

По прибытіи въ Петербургъ прядильщики съ главнымъ мастеромъ, принятымъ на выгодныхъ условіяхъ, были помѣщены въ Софіи, близъ Царскаго-Села, позади фермы, — нынѣшняго

---

[1]) Стр. 194 — 195.
[2]) Стр. 199.

адмиралтейства на большомъ озерѣ, — и тамъ началась ихъ дѣятельность. Впослѣдствіи не разъ упоминается о нихъ; но изъ отзывовъ императрицы видно, что дѣло, искуственно насажденное, не пошло на ладъ, и она жалуется на дурное поведеніе прядильщиковъ и прядильщицъ. Миллеръ же подавалъ какіе-то проекты, которые были отданы на разсмотрѣніе Безбородкѣ, а позже императрица дала небольшую сумму на напечатаніе его словаря въ сокращенномъ видѣ, и при этомъ такъ подшучивала надъ петербургскимъ экономическимъ обществомъ: «Этотъ словарь Миллера, по отзыву вашему, такая книга, что её слѣдовало бы рекомендовать Экономическому обществу въ Петербургѣ, которое все нищенствуетъ и даже воруетъ, если дать ему волю. Я уже велѣла спросить у него, это ли оно называетъ экономіей. Впослѣдствіи она велѣла отправить къ Гримму триста экю для содѣйствія къ напечатанію сокращеннаго Миллерова словаря, и требовала, чтобы Гриммъ увѣдомилъ ее, достаточно ли этой суммы на такое изданіе.[1])

Изъ Пскова государыня направилась въ Полоцкъ. Съ этихъ поръ мы будемъ говорить о ея путевыхъ впечатлѣніяхъ и знакомствѣ съ Іосифомъ II собственными словами ея писемъ.

«Въ Полоцкѣ, 21 мая, день именинъ г. Константина съ необыкновенно умными глазками. Здѣсь большое стеченіе людей; я вижу изъ оконъ моихъ чужіе края, т. е. границу Польши, Двину, протекающую между моимъ домомъ и этой страной. Вотъ видите, какъ я близко къ вамъ; но это будетъ ненадолго, потому что я завтра уѣзжаю въ Могилевъ. Г-нъ Фалькенштейнъ пріѣхалъ въ Кіевъ 14-го. Онъ долженъ выѣхать оттуда 18-го. Вы найдете здѣсь записочку, которую я вамъ написала вчера; она драгоцѣнна по той минутѣ, въ которую писана, и горячая, совсѣмъ горячая». [2]) Это была вышеприведенная записка, писанная по выходѣ изъ дома Іезуитовъ, послѣ ихъ молебна и торжественнаго пріема императрицы.

---

[1]) Стр. 682.
[2]) Стр. 179.

«Изъ Могилева, сего 25 мая. Я вчера утромъ пріѣхала сюда и нашла г. Фалькенштейна расположившимся здѣсь уже двое сутокъ назадъ. Какъ только онъ узналъ, что я сократила на четыре дня свое путешествіе, чтобъ опередить его, онъ принялся скакать день и ночь и пріѣхалъ двумя днями ранѣе меня. Мы весь вчерашній день провели вмѣстѣ; казалось, что онъ не скучалъ. Я нашла, что онъ очень образованъ: онъ любитъ говорить и говоритъ хорошо. Вчера весь день лилъ дождь, чтó принудило насъ провести вечеръ вмѣстѣ, какъ будто бы это былъ зимній вечеръ... Такъ какъ русская декларація навела васъ на нормальныя школы, я должна сказать вамъ, что эти школы были вчера однимъ изъ предметовъ нашего разговора, и по всему, что я слышала, эти нормальныя школы превосходное изобрѣтеніе; но намъ нужно будетъ нормальныхъ школьныхъ учителей. Я тутъ еще разъ нашла, что нерѣдко дѣти представляютъ противоположность съ отцомъ и матерью [1]) Мы не кажемся очень набожны, а чтенія наши вовсе не таковы. Однако Эпохи (Бюффона) еще не попадались намъ подъ руку. Знаете ли, что когда видишь переодѣтыхъ императоровъ, это кружитъ голову; подымаешь носъ и нюхаешь воздухъ, чтó, какъ вы конечно понимаете, мѣшаетъ отвѣчать съ должнымъ вниманіемъ на получаемыя письма.

«26 мая. Вчера вечеромъ мы были въ комической оперѣ и г. Фалькенштейнъ сообщилъ мнѣ въ разговорѣ вещи, достойныя быть напечатанными, глубоко обдуманныя и которыя конечно принесутъ ему безконечную честь, если онъ ихъ исполнитъ въ дѣйствительности. Я не смѣю разглашать ихъ, потому что онѣ были сказаны на ухо, и не изъ трусости, а по скромности; вотъ чего я также требую и отъ васъ по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ моихъ писемъ, которыя вы находите достойными напечатанія золотыми буквами.

«27 мая, середа. Отсюда (изъ Могилева) мы ѣдемъ, графъ Фалькенштейнъ и я, въ шестимѣстной каретѣ другъ возлѣ друга

---

[1]) Іосифъ II съ Маріей Терезіей.

въ Смоленскъ, до котораго двѣсти верстъ. Оттуда онъ поѣдетъ въ Москву и вернется черезъ Петербургъ, а я поѣду его тамъ дожидаться. Мы говоримъ обо всемъ на свѣтѣ, стало-быть и о васъ, а такъ какъ онъ все знаетъ, то знаетъ что вы были съ графами Румянцовыми въ Вѣнѣ.

«Петергофъ, 24 іюля 1780, день моего отъѣзда отсюда... ...Этотъ листокъ, начатый вчера въ Петергофѣ, я продолжаю сегодня, 25-го, въ Царскомъ Селѣ. Графъ Фалькенштейнъ уѣхалъ отсюда 10-го этого мѣсяца и долженъ быть недалеко отъ Вѣны. Я не кончила бы, еслибъ стала хвалить его. Это голова самая основательная, самая глубокая, самая просвѣщенная, какую я знаю. Ну ужъ кто его опередитъ, тому придется вставать рано. Мой высокій союзникъ велѣлъ отслужить панихиду за упокой души Вольтера; я же, считая его душу успокоенною, не послѣдую этому примѣру, потому что не люблю подражать другимъ; да и не надо оскорблять живыхъ изъ любви къ мертвымъ» [1]).

На эти строки о панихидѣ Вольтера Гриммъ отвѣчалъ слѣдующей шуточной выходкой: «Обезьяничать не въ ея вкусахъ. Я угадывалъ, что она не захочетъ раздѣлять честь и расходы службы за упокоеніе души патріарха и что ея высокій союзникъ будетъ вынужденъ отпѣть её фальсетомъ исключительно на свой счетъ, что́, по точному исчисленію мнѣ присланному, стоило 42 экю и 8 грошей. Конечно, самая прекрасная уловка—сказать: я вѣрю въ полный покой его души!.. Но еслибъ каждый про себя возымѣлъ такое хорошее мнѣніе о своихъ друзьяхъ, родныхъ и близкихъ, отправляющихся на тотъ свѣтъ, плуты ея величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ и множество другихъ купцовъ, живущихъ тою же продажей извѣстнаго противоядія, очень затруднились бы убрать свои лавочки какъ слѣдуетъ, въ то время какъ они должны принимать и привѣтствовать свою государыню. Впрочемъ высокій союзникъ не былъ такъ безумно восхищенъ этою

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 180, 181, 183.

идеей. Онъ подчинился ей немножко нехотя, по настояніямъ нѣкоего стараго дитяти[1]), того самаго, который хотѣлъ освободить у вашего величества своихъ вѣтряныхъ соотечественниковъ, взятыхъ между канальей — польскими конфедератами. Вотъ почему расходъ службы ограничился фальсетомъ, тогда какъ ваше величество могли бы обезоружить всякаго чудеснѣйшей панихидой, сочиненной Паизіэлло и исполненной всей императорской театральной капеллой, привезенной въ Могилевъ. Когда я говорю: всякаго — это потому что я навѣрно не знаю и въ качествѣ православнаго лютеранина не обязанъ знать, кто прислуживаетъ въ чистилищѣ, дьяволы или ангелы. Надѣюсь, что одинъ изъ этихъ бѣлорусскихъ плутовъ захочетъ сказать мнѣ въ точности, какъ совершается эта служба». [2])

Восторженные отзывы императрицы о Іосифѣ II, какъ кажется, сердили Гримма. Онъ какъ будто питалъ недовѣріе къ искренности намѣреній и обѣщаній Іосифа и тонко подшучивалъ надъ этой новой дружбой, особливо надъ тайною совѣщаній, о которыхъ не хотѣли сообщать ему. Однако отзывы его о личности Іосифа, котораго онъ съ этой минуты называетъ «высокимъ союзникомъ», не были враждебны послѣднему, хотя онъ предлагалъ императрицѣ нѣкоторые вопросы, въ такомъ родѣ: «Просвѣтился ли графъ Фалькенштейнъ въ петербургской нормальной школѣ? Или онъ болѣе говорилъ, чѣмъ слушалъ? Онъ имѣетъ передъ своими товарищами то единственное преимущество, что много видѣлъ, много путешествовалъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ много знаетъ; но приведено ли это сколько-нибудь въ систему, или въ головѣ его все перемѣшано, какъ въ парижскихъ кабачкахъ?» [3]) А въ другомъ мѣстѣ: «Я бы сказалъ моей августѣйшей государынѣ все, что она думаетъ о своемъ знатномъ гостѣ; но прежде чѣмъ пуститься въ эту опасную исповѣдь, я рискнулъ бы сдѣлать нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, какъ напри-

[1]) Вѣроятно Фридриха II.
[2]) Письма Гримма 57, 58.
[3]) Тамъ же, 43.

мѣръ: понимаетъ ли онъ языкъ треножника? сознаетъ ли благодѣтельное вліяніе сильнаго вѣтра или сильной головной боли? и много такихъ бездѣлицъ, которыя я наблюдаю прежде чѣмъ выскажусь о человѣкѣ. Послѣ этихъ предисловій я бы высказался и развилъ все то, что императрица удержала про себя въ своемъ императорскомъ сердцѣ о намѣреніяхъ своихъ въ будущемъ и тому подобныхъ мелочахъ» [1]). По этимъ словамъ можно видѣть, какъ интересовали Гримма политическія соображенія Екатерины и какъ тревожилъ Европу союзъ ея съ Іосифомъ II. Но такъ какъ императрица не переставала хвалить графа Фалькенштейна, то въ другомъ письмѣ Гриммъ говоритъ: «Я не могу усомниться въ немъ послѣ похвалъ, выраженныхъ Минервой его головѣ и уму; и по правдѣ сказать, одно это путешествіе, предпринятое и выполненное имъ нынѣшній годъ, достаточно, чтобъ подтвердить хвалу эту. Дюжинная голова не способна задумать и исполнить такое предпріятіе. Въ его положеніи дюжинная голова именно побоялась бы, что ее затмитъ блескъ, окружающій славнѣйшій изъ престоловъ Европы, и это глупое чувство униженія было бы достаточно, чтобъ удалить его. И если, несмотря на санъ свой, онъ осмѣлился къ нему приблизиться, то значитъ, онъ чувствовалъ себя въ состояніи поддержать это свиданіе; такое благородное довѣріе, такъ же какъ и значеніе, какое онъ придавалъ этому свиданію, никогда не могли быть принадлежностью души обыкновенной» [2]).

По отъѣздѣ графа Фалькенштейна Гриммъ сообщаетъ императрицѣ, что князь Лобковичъ, желавшій по словамъ его быть въ свитѣ своего государя, хотя бы въ качествѣ конюха, писалъ ему изъ Брюсселя: «Вы должны были получить подробныя свѣдѣнія о появленіи моего государя въ Россіи. Не знаю, имѣлъ ли онъ успѣхъ; но за то знаю, что онъ въ восхищеніи отъ этой страны и очарованъ истинно великой Екатериной. Надо будетъ

---

[1]) Письма Гримма 55.
[2]) Тамъ же, 53, 54.

сказать ему, что̀ истинно великая Екатерина говоритъ о графѣ Фалькенштейнѣ. Многіе почтовые чиновники уже видѣли и записали это ранѣе его и меня, не потерявъ ни одной затяжки изъ своей трубки табаку» [1]). Даже и по отъѣздѣ Іосифа II государыня не только часто вспоминаетъ пріятное свиданіе съ нимъ, но высказываетъ о немъ такіе отзывы: «О Боже! какъ вы не знаете этого человѣка! Если вамъ съ нимъ когда-нибудь случится разговаривать, онъ овладѣетъ всѣмъ вашимъ слухомъ и вы не наслушаетесь его; онъ обладаетъ великимъ краснорѣчіемъ и мысль и слово у него въ полномъ распоряженіи. Это человѣкъ, который необыкновенно сильно желаетъ добра, ищетъ его вездѣ, и когда найдетъ его, то хитеръ будетъ тотъ, кто его отъ этого добра отклонитъ». [2])

Наслѣдный принцъ Прусскій, князь де-Линь, герцогъ Браганцскій, Марія I, королева Португальская.

Впечатлѣніе, произведенное на императрицу сближеніемъ ея съ Іосифомъ II, еще болѣе выиграло отъ противоположности, которую вскорѣ представило ей посѣщеніе наслѣднаго принца Прусскаго Фридриха Вильгельма — племянника Фридриха II, прибывшаго въ Петербургъ какъ разъ по отъѣздѣ Іосифа II, 26 іюля 1780 г. Онъ пробылъ до 2-го октября. Гриммъ писалъ о немъ Екатеринѣ: «Графа Фалькенштейна смѣняетъ г. маркизъ Бранденбургскій, иначе сказать г. принцъ Прусскій. По званію германскаго принца и по личнымъ своимъ качествамъ, онъ состоитъ, какъ извѣстно, подъ моимъ покровительствомъ: итакъ ваше величество должны говорить о немъ со мною осторожно, чтобъ я не подвергся искушенію поворотить влѣво. Ледяной министръ графъ Гэрцъ имѣетъ прекраснѣйшій въ мірѣ случай оттаять: если онъ этимъ не воспользуется, я буду считать его положеніе отчаяннымъ» [3]).

---

[1]) Тамъ же, 56.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.
[3]) Письма Гримма 45, 46.

Но это предостереженіе нисколько не побудило императрицу стѣсняться въ откровенномъ выраженіи своего мнѣнія о принцѣ, сопоставляя его съ Іосифомъ, о которомъ она говоритъ: «Сынъ не похожъ на мать; сынъ, сынъ, сколько онъ надѣлалъ шуму! Онъ и еще болѣе нашумитъ; но наши *племянники*[1]) что́ объ этомъ скажутъ и каково будутъ себя отъ того чувствовать? Что вы объ этомъ думаете, вы, которые любите какъ хлѣбъ все, что касается этихъ геніевъ, которыхъ вы руководили болѣе дюжины, хотя вы отрекаетесь отъ этой нѣжной любви, какъ отъ преступленія; скажите, исповѣдайте свое убѣжденіе; увы! это совершенная невозможность, это не вяжется съ моимъ разсудкомъ; вотъ младшій, такъ вполнѣ младшій, система младшаго и голова младшаго» [2]). И далѣе: «мнѣ нечего учить графа Фалькенштейна», говоритъ она: «онъ совершенно выученъ и изъ него выйдетъ весьма умѣлый мастеръ; но глубоко почтительный ученикъ (наслѣдный принцъ Прусскій), который только что отсюда отбылъ, долженъ еще много постранствовать, чтобъ изъ него вышелъ мастеръ. Вовсе не узна́ешь, что въ этомъ бѣдномъ человѣкѣ сидитъ: онъ очень сильно запинается, или ужъ его такъ строго держатъ на привязи, что изъ него никогда ничего не выйдетъ; онъ обладаетъ такою сильною сдержанностью, что становится совершенно неперевaримъ для тѣхъ, кому приходится съ нимъ сталкиваться на дѣлѣ, въ сношеніяхъ или обхожденіи. Говорятъ, что онъ благомыслящъ. Можетъ-быть; но то же самое можно сказать и объ индѣйкѣ, а быть или казаться индѣйкой, это не во всякое время годится. «Потомъ императрица опять переходитъ къ графу Фалькенштейну: «Могилевскій смотръ былъ не только полнымъ, но и полнѣйшимъ, и разъ, когда мы часовъ пять къ ряду болтали и хохотали во все горло, я сказала ему: «Въ то время, какъ цѣлая Европа заинтересована, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, смотрите пожалуйста, чему мы смѣемся?» Ему, ка-

---

[1]) Намекъ на прусскаго наслѣднаго принца, о которомъ сказано въ началѣ этой главы.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 184.

жется, здѣсь понравилось. Вначалѣ меня бросало въ жаръ, а подъ конецъ я привыкла. Онъ покинулъ насъ съ сожалѣніемъ и оставилъ здѣсь большое къ себѣ уваженіе. Но этотъ другой въ высшей степени тяжелъ. Боже, Боже! какая разница съ дядьями! Этотъ похожъ какъ двѣ капли воды на тѣхъ старинныхъ герцоговъ Бевернскихъ, которые всѣ были колоссальныя фигуры. Ледяной министръ остался ледянымъ, и кажется, что они заморозили и вашего протеже. Если вы на его счетъ знаете болѣе нежели я могу вамъ сказать, сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ, потому что всего этого я хорошенько не понимаю [1]).

.... «Если возможно, то пусть не пріѣзжаютъ ко мнѣ подобные люди послѣ графа Фалькенштейна: онъ избаловалъ мой слухъ, а вашъ протеже отвратилъ меня отъ подобныхъ визитовъ; клянусь вамъ что онъ скукой, которую заставлялъ меня испытывать, въ сильной мѣрѣ увеличилъ бывшую у меня ревматическую боль въ рукѣ, и она стала уменьшаться съ тѣхъ поръ какъ его здѣсь нѣтъ. Когда имѣешь племянниковъ подобной тяжести, никогда не надо посылать ихъ послѣ такихъ лицъ, съ какими мы поѣхали знакомиться въ Могилевъ: вообразите, что мы въ перепискѣ и что я получила письмо слаще меду отъ маменьки тоже. Бѣлорусскіе политики, видя какъ мы постоянно другъ съ другомъ перешептывались, говорили, что мы скоро обвѣнчаемся» [2]).

На эту выходку государыни противъ наслѣднаго Прусскаго принца Гриммъ отвѣчаетъ: «Но, тысячу разъ ради Бога, что же наконецъ случилось съ моимъ протеже, что онъ удалился и даже пріобрѣлъ репутацію индѣйки? На этотъ разъ я воскликнулъ, обращаясь прямо къ нему: Вижу!

Твой удивленный геній дрожалъ передъ ея геніемъ;
И никогда ты не могъ стать твердо и увѣренно.

«Это конечно не бездѣлица, особливо когда въ то же время

---

[1]) Стр. 190.
[2]) Стр. 192.

естественная механика устроена тяжеловѣсно и не гибко, и колеса не смазаны, чтобъ двигаться легко и свободно. Эта невзгода индѣйки напоминаетъ мнѣ разсказъ его дяди [1]), что когда онъ въ первый разъ былъ приведенъ въ присутствіе государыни, то вынужденъ былъ упереться ногами изо всей силы, чтобъ устоять. И вотъ однако племянникъ не устоялъ, и я вижу съ соболѣзнованіемъ, что онъ не удержался и не всталъ опять на ноги» [2]).

По поводу этихъ сужденій императрицы о двухъ знаменитыхъ путешественникахъ, нельзя не привести одного замѣчательнаго мѣста изъ письма Гримма, въ которомъ онъ обнаруживаетъ свою задушевную, но не осуществившуюся мечту, чтобъ Людовикъ XVI также посѣтилъ Россію, отъ чего онъ ожидалъ большой пользы для Франціи. Онъ говоритъ въ письмѣ отъ 6 сентября 1780 года. «Ваше величество могли бы также вспомнить, кого я хотѣлъ еще прислать въ школу нашей коронованной учительницы нормальныхъ школъ. Это было не пророчество, а весьма сильное желаніе великаго блага. Этотъ пріѣхалъ бы не столь свѣдущимъ, какъ графъ Фалькенштейнъ, который по своему положенію имѣлъ единственное преимущество между подобными себѣ—путешествовать и узнать всю Европу въ такомъ возрастѣ, когда умъ достигъ уже полной зрѣлости; но мой путешественникъ прислушивался бы и, пріѣхавъ ребенкомъ, можетъ-быть уѣхалъ бы мужемъ. Вѣрно однако то, что надо бы имѣть въ Петербургѣ, вблизи Эрмитажа, гостиницу съ вывѣской *Трехъ королей* и учрежденіе, по которому всегда было бы ихъ двое или трое не съ востока, а съ запада. Послѣ мѣсячнаго пребыванія была бы устроена смѣна, потому что тотъ, чьи уши цѣлый мѣсяцъ слушали безуспѣшно, могъ бы преспокойно возвратиться съ дипломомъ нечувствительнаго слухового барабана; кто не оказался бы таковымъ, собралъ бы достаточный запасъ, чтобъ долго пускать въ оборотъ добро, ему ввѣренное; и всѣ народы запада воздѣвали

---

1) Принца Генриха.
2) Письма Гримма 98, 99.

бы къ небу признательныя руки и благословляли бы гостиницу *Трехъ королей*, близкую къ Эрмитажу; а ваше величество, чтобъ наградить меня за мысль такого учрежденія, даровали бы мнѣ мѣсто кельнера или оберъ-кельнера въ этой гостиницѣ. Возможно ли, чтобъ самыя лучшія учрежденія всегда оставались въ головахъ людей, иникогда не осуществлялись бы ко благу рода человѣческаго! Какъ бы я былъ счастливъ, Государыня, еслибъ могъ быть кельнеромъ въ этомъ единственномъ случаѣ, и прибавить еще и эту пуговку къ сертучку моего безсмертія» [1]).

На это императрица отвѣчала: «Вы заставили бы меня бѣжать изъ моего Эрмитажа, еслибъ тамъ поставили вывѣску *Трехъ королей*. Даже ваше званіе оберъ-кельнера этой гостиницы не могло бы позолотить пилюли» [2]).

Одновременно съ принцемъ Прусскимъ прибылъ въ Петербургъ знаменитый князь де-Линь, котораго блестящій умъ и разнообразныя свѣдѣнія такъ очаровали императрицу и который впослѣдствіи сопровождалъ ее въ крымскомъ путешествіи и навсегда сохранилъ ея благорасположеніе, выразившееся между прочимъ въ перепискѣ съ нимъ, отчасти уже извѣстной. О первомъ впечатлѣніи, имъ произведенномъ, императрица пишетъ: «Сюда еще прибылъ князь де-Линь, который принадлежитъ къ числу людей самыхъ веселыхъ и пріятныхъ въ общежитіи, какихъ я когда-либо видала; вотъ оригинальная голова, которая мыслитъ глубоко, а дурачится по-дѣтски. Въ такомъ обществѣ я уживусь легко. Онъ другъ моего герцога Браганцскаго». [3]) Послѣдняго императрица очень жаловала и онъ также являлся путешественникомъ въ Россію. Онъ былъ двоюродный братъ Португальскаго короля Іосифа I; покинувъ родину, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ австрійскимъ волонтеромъ; потомъ поселился въ Вѣнѣ и много путешествовалъ, между прочимъ былъ и въ Россіи. Онъ отличался литературнымъ талантомъ и

[1]) Письма Гримма, 54—55.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 192.
[3]) Тамъ же, стр. 185.

пріятными формами; по воцареніи дочери Іосифа Маріи I вернулся въ Португалію и основалъ въ Лиссабонѣ академію наукъ. Императрица называла его прямымъ и честнымъ рыцаремъ, а королеву Португальскую Марію *сестрицей Маріей* и представляла её какъ ревностную католичку, всегда стоящую на колѣняхъ передъ своимъ духовникомъ, при чемъ, говоря о ней, выразила слѣдующую шуточную, но вѣрную мысль «Ханжество дѣлаетъ душу и умъ задхлыми (muffiq)» и прибавила: «берегитесь, вашъ умъ тоже сдѣлается задхлымъ, если вы слишкомъ будете заниматься однимъ предметомъ». [1])

Гриммъ не утерпѣлъ, чтобъ не задѣть и де-Линя по поводу одного изданнаго имъ военнаго сочиненія. Онъ пишетъ: «Я не знаю, послалъ ли князь де-Линь свои военные предразсудки и фантазіи вашему императорскому величеству. Боюсь, что онъ не довольно наглотался атмосферы нормальной школы въ Петербургѣ. Говорятъ, что въ этомъ сочиненіи есть большія несообразности и даже плоскости. Я очень радъ, что ничего не читаю изъ появляющагося; я тоже доволенъ, что не всѣ безумцы въ одной Франціи: эта исключительная привилегія меня нѣсколько огорчила бы. У насъ довольно этого сѣмячка, чтобъ не завидовать когда оно процвѣтаетъ у сосѣдей. Я слышалъ чтеніе нѣкоторыхъ отрывковъ произведенія князя де-Линя, которые успокоиваютъ меня въ остальномъ. Напримѣръ, онъ поучаетъ своихъ читателей, и я не знаю предразсудокъ ли это или фантазія, что одинъ императоръ (Римскій) имѣетъ *народную армію*, съ которою ему можно будетъ итти, когда вздумается, въ Константинополь или въ Петербургъ, или въ ..... вѣроятно въ Парижъ. Это открытіе, съ которымъ я поздравляю автора: я былъ до сихъ поръ довольно глупъ, чтобъ думать, что если есть въ мірѣ народная армія, такъ это русская армія. Совсѣмъ нѣтъ. Я также познакомился со множествомъ національностей, подвластныхъ императору безъ моего вѣдома. Я правда подозрѣваю, что бóльшая часть этихъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 76.

націй, перечисленіе которыхъ такъ великолѣпно, состоитъ изъ пяти-шести бѣдняковъ, разсѣянныхъ въ нѣсколькихъ хатахъ, именуемыхъ селами, и что одна изъ многочисленныхъ націй, обитающихъ подъ скипетромъ Греческой императрицы, сразу проглотила бы всѣ эти націи, созданныя княземъ де-Линемъ; и мнѣ еще сдается, что если Іосифъ со временемъ доведетъ населеніе Венгріи до степени, на которую оно способно стать, то у него будетъ болѣе подданныхъ и менѣе націй. И потомъ надо прибавить съ царемъ Соломономъ, что люди большіе дураки, но что не всѣ дурачества забавны». [1]) Государыня отвѣчаетъ: «Я не знаю военныхъ предразсудковъ и фантазій принца де-Линя; но знаю, что голова его очень оригинальна». [2])

Во всякомъ случаѣ въ приведенной выпискѣ и мнѣніяхъ Гримма о народахъ Австріи замѣчательно обрисовался взглядъ на славянскій міръ кореннаго нѣмца и предчувствіе будущей австрійской политики, возвышающей Венгрію на счетъ славянскихъ народностей. Но тутъ же, хотя и въ формѣ лести Екатеринѣ, безсознательно высказалось и убѣжденіе въ могуществѣ Россіи, обладающей единственною въ мірѣ *народной арміей.* И къ этому нельзя не прибавить, что, во всѣхъ политическихъ совѣтахъ своихъ Екатеринѣ, Гриммъ является искреннимъ радѣтелемъ о пользахъ ея и Россіи, чтó мы увидимъ во многихъ случаяхъ. Но Екатерину излишне было поучать въ этомъ. Она сама лучше всѣхъ сознавала духовную силу своего народа и умѣла на нее опираться, и въ этомъ болѣе всего заключалась тайна успѣха всѣхъ ея великихъ дѣлъ и начинаній.

Титулъ Великой.

Ко времени бѣлорусскаго путешествія относится мысль о поднесеніи императрицѣ петербургскимъ сенатомъ титула Вели-

---

[1]) Письма Гримма 157, 158.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 208.

кой, и въ письмахъ Гримма за это время мы находимъ сначала намеки на то, а потомъ и разсужденія объ этомъ событіи. Онъ говоритъ: «Вотъ теперь и Петербуржцы, кичась своимъ новымъ управленіемъ, которымъ столица разрѣшилась въ отсутствіи своего генія-хранителя, тоже начинаютъ шумѣть какъ люди изъ Риги и Нарвы!»[1]) И въ другомъ письмѣ: «Правда ли, государыня, что сенатъ желаетъ, чтобъ мы звали императрицу Екатериной Великой? Зачѣмъ же такая перестановка? Всѣ привыкли говорить: великая Екатерина, а Вольтеръ говорилъ божественная Катò (Catau), что соотвѣтствуетъ Дивѣ, слову, которое Римляне прилагали къ императрицамъ. Наконецъ, какъ имъ угодно, а я скажу съ дономъ Іафетомъ армянскимъ: «Вовсе не важно, чтобъ Блезъ былъ впереди или Блезъ позади»[2]). На это императрица отвѣчала: «Оставьте глупыя прозвища, которыми нѣкоторые мальчишки захотѣли украсить мою сѣдую голову, и за каковую вѣтреность имъ надавали щелчковъ, такъ какъ они еще не родились, когда всѣ эти глупости были торжественно отвергнуты на собраніи уполномоченныхъ отъ округовъ, которые отъ Риги до Камчатки входятъ въ составъ обширной земли русской». [3])

Узнавъ объ этомъ отказѣ, Гриммъ пишетъ: «Но, тысячу разъ, зачѣмъ же, Бога ради, ваше императорское величество такъ рѣзко отпотчевали нашего храбраго и честнаго фельдмаршала Голицына, сенатъ и прочихъ новыхъ губернскихъ депутатовъ съ титломъ великой Екатерины? Всѣ ко мнѣ пристаютъ съ этимъ и говорятъ мнѣ прямо въ глаза: «ну, иногда она Богъ знаетъ какая странная голова. За что она сердится? Ей не предлагаютъ ничего другого, кромѣ ея настоящаго имени?» А я такъ предвидѣлъ, чтò случится съ этимъ добрымъ фельдмаршаломъ Голицынымъ, и его бѣдными тріумфальными арками, и отвѣчалъ на это: «Чего же вы хотите? Вотъ какова она на самомъ дѣлѣ! Мы должны

---

[1]) Письма Гримма 17.
[2]) Тамъ же, стр. 27.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 187.

уже примириться съ этимъ. Передѣлать её или исправить невозможно, и на это нечего надѣяться» [1]).

Императрица отвѣчаетъ: «Такъ какъ тріумфальныя арки князя Голицына и служба за упокой души Вольтера ничего не значатъ, то я отказалась отъ того и другого, а съ тѣхъ поръ какъ я знаю откуда произошла мысль о панихидахъ, я хвалюсь тѣмъ, что показала въ этомъ чутье» [2]).

Съ этихъ поръ Гриммъ хотя и употребляетъ иногда слово *великая* Екатерина, но чаще онъ шуточно говоритъ то Екатерина *коротко*, но не великая, то наша императрица *средняго роста* (von mittelmässiger Statur). Когда же онъ сталъ одно время называть ее Catherine le Grand (Екатерина *Великій*), то она не на шутку разсердилась и говоритъ:

«Прошу болѣе не называть меня или, лучше, не давать мнѣ насмѣшливаго прозвища Екатерины *Великаго*, потому что во-первыхъ я не люблю никакихъ прозвищъ, во-вторыхъ, потому что мое имя Екатерина II, въ-третьихъ я не хочу, чтобъ обо мнѣ говорили, какъ о Людовикѣ XV, находя его неудачно названнымъ и въ-четвертыхъ ростомъ я не велика и не мала: представьте кому слѣдуетъ, что я уступаю всѣ насмѣшливыя прозвища тому, кто ихъ заслуживаетъ, какъ Георгъ и Густавъ (Gegu) [3]) и компанія» [4]).

Народное образованіе и нормальныя школы.

Въ самомъ началѣ переписки императрицы Екатерины съ Гриммомъ являются слѣды ея постоянной заботливости о созданіи въ Россіи стройной системы народнаго образованія. Извѣстно, что при первомъ ея знакомствѣ съ Дидро и Гриммомъ, въ ней родилась мысль привлечь къ этому дѣлу обоихъ знаменитыхъ

---

[1]) Письма Гримма 56.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 192.

[3]) Подъ этимъ общимъ именемъ императрица разумѣла Георга короля Англійскаго и Густава Шведскаго.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 438.

ученыхъ, свѣдѣніями которыхъ она захотѣла воспользоваться, поручивъ каждому изъ нихъ составить для нея проектъ организаціи народнаго образованія въ Россіи. Уже ранѣе приведено было нами (стр. 28) ея обращеніе къ гг. философамъ «не составляющимъ секты», въ которомъ она не безъ ироніи къ ихъ безплодной мечтательности указываетъ имъ болѣе практическое дѣло: точнѣе опредѣлить систему образованія и какъ должны слѣдовать одна за другою ступени школьнаго обученія. Она добивается того, чтобъ они выяснили ей, какая связь и зависимость должна существовать между первоначальной школой, гимназіей и университетомъ и не желаетъ полагаться въ этомъ на одно свое сужденіе.

Въ іюнѣ 1775 года государыня, получивъ записку Гримма, осталась ею очень довольна, какъ видно изъ этихъ словъ: «Искренно благодарю васъ за прекрасную записку о школахъ, которую я буду тщательно хранить, чтобъ воспользоваться ею только что работа, которая у меня на рукахъ, будетъ окончена, а это будетъ въ іюлѣ» [1]). Екатерину занимало тогда ея извѣстное учрежденіе о губерніяхъ. Къ сожалѣнію, записка Гримма не отыскалась при его письмахъ, и потому мы не можемъ судить, насколько она была принята въ соображеніе императрицей. Вскорѣ и Дидро прислалъ свою записку подъ заглавіемъ: Plan d'une Université pour le gouvernement de Russie, ou d'une éducation publique dans toutes les sciences, при чемъ необходимо пояснить, что здѣсь слово université употреблено во французскомъ значеніи, какъ совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній. Императрица писала Гримму: «Я получила трактатъ Дидро объ училищахъ и чистосердечно благодарю васъ обоихъ. Какъ скоро меня оставитъ болѣзнь легисломаніи (такъ называла она свои законодательные труды), я займусь этой работой; до тѣхъ поръ да хранитъ Богъ г. Эрнести» [2]). Послѣднія слова относились явно къ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXXIII, 25.
[2]) Тамъ же, 38.

мысли Гримма поручить управленіе будущими русскими училищами славившемуся въ то время германскому педагогу, профессору классической литературы, Эрнести, нѣкогда учителю Гримма въ Лейпцигскомъ университетѣ. Проектъ Дидро появился недавно въ послѣднемъ изданіи его сочиненій (1875 — 1877) и былъ пространно разобранъ (г. Каро) въ «Revue des deux mondes» за октябрь и ноябрь 1879, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Diderot inédit». Сущность записки заключается въ нападкахъ на классическую школу, принятую въ Германіи и во всей Европѣ, которую Дидро предлагаетъ замѣнить тою реальной школой, о которой многіе мечтали въ наше время. Съ свойственнымъ этому писателю легкомысліемъ и парадоксальностью онъ силится доказать, что надо разорвать всякую связь съ прошедшимъ, и предлагаетъ оригинальнѣйшій планъ школы. Двери этой школы, называемой университетомъ, должны быть открыты дѣтямъ всей націи, и въ ней преподаватели, оплачиваемые государствомъ, должны передавать имъ *элементарныя* познанія во всѣхъ наукахъ. Школа эта не связана съ низшей никакимъ посредствующимъ звеномъ, и вотъ въ какомъ порядкѣ идетъ въ ней преподаваніе на основаніи принципа общности познаній, то-есть начиная съ наукъ, необходимыхъ для всѣхъ и каждаго, и кончая знаніями, которыя нужны только немногимъ. Курсъ раздѣленъ на восемь лѣтъ, и въ первомъ, самомъ младшемъ классѣ, преподаются ариѳметика, алгебра, теорія вѣроятностей и геометрія. Во второмъ: законы движенія и тяготѣнія тѣлъ, центробѣжная сила, механика и гидравлика. Въ третьемъ сферы и глобусы, астрономія съ ея вспомогательными науками. Въ четвертомъ естественная исторія, экспериментальная физика. Въ пятомъ химія и анатомія. Въ шестомъ логика, критика, общая сравнительная грамматика. Въ седьмомъ русскій и славянскій языки, краснорѣчіе и поэзія. Параллельно съ этимъ преподаваніемъ, расчитаннымъ на восемь лѣтъ, развивается и продолжается тоже восемь лѣтъ другой курсъ ученія: первому классу соотвѣтствуетъ обученіе начальнымъ основаніямъ метафизики, нравственности, естествен-

ной религіи и откровенной. Второму: исторія и миѳологія, географія и хронологія, первыя основанія экономіи политической и домашней и проч. «Не надо быть большимъ мудрецомъ», говоритъ авторъ разбора, «чтобъ замѣтить невообразимую смѣсь, безвыходную путаницу и полнѣйшую неопытность, которая обнаруживается въ этомъ планѣ». Чтобъ заманить императрицу Екатерину на выполненіе своего проекта, Дидро пускаетъ въ ходъ и нѣкоторую лесть, говоря: «Императрица болѣе чѣмъ какой-либо другой государь находится въ благопріятномъ положеніи для того, чтобъ создать нѣчто новое и великое; минута, въ которую она задумываетъ планъ университета, особенно благопріятна... Великое преимущество, когда все приходится создавать вновь. Почва Россіи свободна: не все ли во власти помазанницы, данной ей Богомъ для ихъ взаимной славы?». Но императрица Екатерина, уже въ бытность Дидро въ Петербургѣ имѣвшая случай убѣдиться въ парадоксальной наивности этого вполнѣ революціоннаго ума, не воспользовалась ни одной изъ его утопій и отвела проекту его окончательное мѣсто въ архивахъ своей эрмитажной библіотеки.

Отзывы ея о легкомысленной парадоксальности Дидро встрѣчаются часто въ перепискѣ съ Гриммомъ, какъ мы увидимъ позже по поводу напр. его критики Наказа. Иное впечатлѣніе произвела на Екатерину записка Гримма. Изъ писемъ государыни видно, что она уже въ первый пріѣздъ Гримма, оцѣнивъ его практическій умъ и дѣльные взгляды на воспитаніе, уговаривала его остаться въ Россіи. Но во второй его пріѣздъ предложенія ея имѣли уже болѣе опредѣленную цѣль — поставить его во главѣ созидаемаго въ Россіи просвѣщенія. Вотъ любопытное письмо ея, писанное 2-го февраля 1777 года, въ день Срѣтенія, и заключающее въ себѣ это предложеніе:

«Екатерина вторая и только вторая безо всякаго другого эпитета, со всею властью и доброй волей ей присущею, не можетъ создать въ Россіи многихъ полезныхъ вещей безъ помощниковъ: и именно школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ.

«Прибавьте же, что къ этому затрудненію, причиненному или ея невѣжествомъ, или лѣнью, присоединяется другое, происходящее отъ деликатности: она опасается предложить единственному лицу, кажущемуся ей способнымъ помочь ей въ этомъ дѣлѣ, оказать въ немъ содѣйствіе, или взять его на себя; и все это оттого что она боится стѣснить это лицо. А это лицо, я вамъ тонко и ловко намекаю на него,

— это вы.

«Уже два мѣсяца какъ ея умъ, который вы осмѣливаетесь называть просвѣщеннымъ, очищающимъ и животворящимъ, не знаетъ съ какой стороны подойти къ вамъ, чтобъ сказать это, и оттого дѣло ни на шагъ не подвигается. Когда я подумаю, что это предложеніе можетъ стѣснить васъ, и что вы пожалуй не захотите принять его, а отказать затруднитесь, то мнѣ лучше бы хотѣлось безъ всякихъ околичностей знать, что вы въ Парижѣ.

«Я желаю, чтобъ вы сказали коротко и ясно: хочу или не хочу, остаюсь или уѣзжаю, и была бы очень довольна, еслибъ отвѣтъ согласовался съ моими желаніями; но не менѣе буду уважать васъ, если вы будете отвѣчать мнѣ отрицательно.

«Я впрочемъ нѣсколько въ правѣ сдѣлать вамъ эти предложенія: вы не разъ говорили мнѣ: употребите меня на что-нибудь. Знаю, что политическое назначеніе въ какомъ-нибудь уголкѣ міра могло бы вамъ быть пріятнѣе; но, предпочитая болѣе полезное, я полагаю, что не заслуживаю порицанія.

«Итакъ жалобы и весь кортежъ галиматьи сводятся къ двумъ вопросамъ: 1) хотите ли? 2) или не хотите?

«И еслибъ вы захотѣли, то я такъ мило устроила бы дѣло, что все необходимое весьма естественно стеклось бы къ вамъ подъ руку, а если не захотите, то объ этомъ болѣе не будетъ и рѣчи. Былъ бы еще средній способъ, еслибъ вамъ это нравилось: устроиться на извѣстное опредѣленное время, чтобъ ваши парижскіе друзья не приходили въ отчаяніе и вы также. Примете ли вы, или не примете предложеніе, посылаю вамъ пять тысячъ рублей, которые вамъ послужатъ на обратный путь или на первое

обзаведеніе здѣсь. Въ случаѣ, еслибъ вы остались, вашъ годовой доходъ былъ бы опредѣленъ, все остальное пошло бы своимъ чередомъ и вы сказали бы, а съ вами и я, что вы сдѣлались весьма полезны имперіи, и только вы можете принести тутъ пользу и даже болѣе чѣмъ я, такъ какъ вы понимаете дѣло лучше меня. Вы сказали, что вамъ необходимо согласіе его свѣтлости герцога Готскаго; можетъ быть: говорите что̀ хотите. Пора мнѣ одѣваться и итти къ обѣднѣ по случаю праздника Срѣтенія [1]).

Мы знаемъ, что и на этотъ разъ предложеніе не было принято Гриммомъ. Кромѣ другихъ, можетъ-быть и личныхъ препятствій къ переселенію, онъ своимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ долженъ былъ понять, что человѣкъ, не знающій языка страны, будетъ плохимъ руководителемъ ея просвѣщенія. Однако этотъ отказъ нисколько не умалилъ расположенія къ нему Екатерины, и съ тѣхъ поръ она продолжала его употреблять своимъ совѣтникомъ и посредникомъ между нею и педагогическими знаменитостями Европы. Такъ въ іюнѣ 1778 года она сообщаетъ Гримму, что читаетъ книгу барона Карла Дальберга (Betrachtung über das Universum) и хвалитъ ее, говоря что раздѣляетъ его мысли, а въ декабрѣ того же года она, получивъ черезъ Гримма записку барона Дальберга о школьномъ дѣлѣ, пишетъ: «Я спрятала нѣмецкую рукопись барона Дальберга тотчасъ по полученіи, еще не прочтя её, въ тотъ ящикъ, гдѣ покоится собираемая мною коллекція записокъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, и нетерпѣливо жду всего, что вы еще можете мнѣ прислать объ этомъ предметѣ по вашему обѣщанію, потому что во̀-время и при мѣстѣ это можетъ быть употреблено въ дѣло, особливо если Господь даруетъ мнѣ вѣкъ покойнаго слуги своего Маѳусаила» [2]).

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Бѣлоруссію въ февралѣ 1780 года, императрица опять говоритъ о планѣ учебныхъ заведеній.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 696—697.
[2]) 115.

Вѣроятно Гриммъ торопилъ её исполненіемъ задуманныхъ ею воспитательныхъ учрежденій, особенно напирая на планъ присланный Дальбергомъ. Но изъ замѣчательнаго ея отвѣта видно, какъ она не любила предпринимать ничего поспѣшно, какую чувствовала потребность уяснить себѣ самой все чтó создавала, и сообразить задуманное съ дѣйствительностью и своими наличными средствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь видно также, какъ Екатерина, такъ легко находившая сподвижниковъ для своихъ великихъ дѣлъ въ войнѣ и въ гражданскомъ управленіи, глубоко сознавала недостатокъ у себя дома помощниковъ въ дѣлѣ просвѣщенія.

«Вы кажется не знаете», говоритъ она, «что часто императрица желала бы заставить работать надъ иною частью и что не отъ недостатка въ доброй волѣ за нею не работаютъ, но оттого что силы, необходимыя для такой работы, не въ такомъ положеніи, какого такая работа требуетъ. Та часть, для которой я желала вашего содѣйствія въ послѣдній пріѣздъ вашъ сюда, принадлежитъ къ тому числу. Милостивый государь! яблоко никуда не годится пока не созрѣло, а я подобно Шаху-Багаму [1]) себя хорошо понимаю. Но планъ г. Дальберга невозможенъ; а чтобъ понять и это и меня, которая себя понимаю, нуженъ бы длинный комментарій. . . . Передъ Богомъ тысяча лѣтъ какъ одинъ день; лишній годъ къ великому цѣлому государства есть ничто; надо чтобъ яблоко созрѣло. Правда, что это скучно; но нельзя сдѣлать иначе, потому что мнѣ самой нуженъ по крайней мѣрѣ годъ чтобъ изучить каждый предметъ.» [2]). Тѣ же мысли выражаетъ она и по поводу насажденія художествъ въ Россіи: «Если вѣрить первому параграфу письма божественнаго Рейфенштейна, можно бы вообразить, что стóитъ только приказать, и вкусъ къ художествамъ и артистамъ родится какъ петрушка, которую посѣешь;

---

[1]) Это часто упоминаемое лицо—индѣйскій султанъ въ сказкѣ Кребильйона младшаго «Le Sopha».

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 173.

но чтобъ это явилось, надо *хотѣть* и *жить долго*, и тогда получишь со временемъ и терпѣніемъ все, чего захочешь» [1]).

Во время путешествія въ Бѣлоруссію и свиданія съ Іосифомъ II мысль о школахъ не покидала Екатерину, и какъ мы уже видѣли изъ выписки, приведенной выше, нормальныя школы были неоднократно предметомъ разговора между высокими собесѣдниками. Въ слѣдствіе того, по возвращеніи своемъ въ Петергофъ, императрица пишетъ Гримму: «Пожалуйста, дайте мнѣ знать, чтó баронъ Дальбергъ думаетъ объ австрійскихъ нормальныхъ школахъ; по хорошимъ отзывамъ о нихъ я завладѣла всѣми учебниками, которые въ нихъ приняты, и имѣю ихъ изъ собственныхъ рукъ гр. Фалькенштейна» [2]).

На это Гриммъ пишетъ: «Баронъ Дальбергъ не дожидался моего вопроса о вѣнскихъ нормальныхъ школахъ. Узнавъ, что этотъ предметъ былъ затронутъ въ Могилевѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: именно къ образованію нормальныхъ школьныхъ учителей направленъ былъ тотъ планъ, который я осмѣлился послать нормальной школьной учительницѣ. Самъ Дальбергъ былъ первый и настоящій радѣтель о нормальныхъ школахъ въ Германіи: онъ и другой силезскій прелатъ; а потомъ это перешло въ Вѣну, потомъ въ Мюнстеръ. А я позволилъ себѣ сказать моей императрицѣ, что ея августѣйшая сестрица Марія Терезія не знаетъ, что изъ этого выйдетъ великое благо: народы сдѣлаются просвѣщеннѣе, разумнѣе, разсудительнѣе; только большіе глупцы или презрѣнные плуты боятся такихъ народовъ; тѣ же, кто рожденъ повелѣвать, желаютъ повелѣвать людямъ, а не звѣрямъ. Что говоритъ объ этомъ гр. Фалькенштейнъ?» [3]).

Екатерина отвѣчала на это слѣдующими замѣчательными словами: «Никогда не заставятъ меня бояться просвѣщенныхъ народовъ. Но когда будутъ они просвѣщены? Когда между

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 119.
2) Тамъ же, 183.
3) Письма Гримма, 68—69.

людьми знающими перестанутъ являться люди безнравственные съ кривымъ умомъ и кривымъ зрѣніемъ, люди способные болѣе портить, чѣмъ хорошо дѣйствовать»? [1]). Эту же мысль, что не въ количествѣ школъ въ государствѣ, а въ ихъ доброкачественности заключается условіе истиннаго просвѣщенія, она высказываетъ и въ другомъ мѣстѣ, по случаю безпорядковъ въ Лондонѣ: «Четыре тысячи даровыхъ школъ еще не сдѣлаютъ людей умнѣе, да и проповѣдь нравственности тоже, вотъ что можно сказать» [2]). Кажется, что приблизительно къ этому же времени относятся нѣкоторыя присланныя Гриммомъ объяснительныя записки объ учебномъ дѣлѣ, сохранившіяся при его письмахъ и не помѣченныя никакими числами. Онѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ его письмамъ. По интересу и важности ихъ для исторіи нашего образованія мы приводимъ ихъ цѣликомъ.

I.

«Мысли г. Шадена, какъ кажется мнѣ, обнаруживаютъ въ немъ человѣка разсудительнаго и достойнаго.

1.

«Мысль воспитывать въ школахъ не только учениковъ, но въ то же время людей, способныхъ учить другихъ и готовящихся къ разнообразному публичному преподаванію, кажется мнѣ прекрасною и вполнѣ соотвѣтствующею видамъ ея императорскаго величества, которая, желая распространить школы въ своей имперіи, особенно нуждается въ людяхъ, способныхъ хорошо обучать юношество.

«Г. Шаденъ предлагаетъ для этого семинарію студентовъ, которые служили бы репетиторами и имѣли бы присмотръ за учениками внѣ класснаго времени въ ихъ комнатахъ и пр. Онъ составляетъ изъ нихъ корпорацію, которая въ случаѣ болѣзни

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 193.
[2]) 187.

можетъ замѣнять профессоровъ и изъ которыхъ въ каникулярное время можно пополнять отсутствующихъ и снабжать школы лицами способными и совершенно подготовленными.

Прибавлю, что можетъ-быть было бы согласно съ видами вашего величества, чтобъ лучшіе ученики старшаго класса были избираемы въ репетиторы въ младшихъ классахъ, черезъ которые сами прошли. Молодой человѣкъ, ученикъ въ своемъ классѣ и репетиторъ въ младшемъ, не только усвоилъ бы себѣ тверже то, что выучилъ, но и ознакомился бы съ преподаваніемъ, чтó чрезвычайно способствовало бы къ полученію ясныхъ и точныхъ понятій и легкости ихъ сообщенія. Надо бы присвоить особенное отличіе титулу и званію репетитора и давать его только такимъ ученикамъ, которые на общихъ испытаніяхъ превзошли своихъ товарищей, и только когда они позже, въ качествѣ репетиторовъ, покажутъ способность и прилежаніе. Надо также при всѣхъ общихъ упражненіяхъ давать имъ за эту заслугу почетныя награды. Извѣстно, что эти награды также должны быть идеальны, какъ награды взрослыхъ дѣтей, и что ученикъ можетъ быть болѣе будетъ гордиться кончикомъ своей измятой ленты, чѣмъ фельдмаршалъ своими лентами черезъ плечо».

2.

«Г. Шаденъ желаетъ, чтобъ въ школахъ былъ отдѣльный классъ, въ которомъ сообщались бы юношеству первыя понятія о природѣ, искуствѣ, нравственности и самыхъ общихъ и необходимыхъ законахъ, какъ естественныхъ, такъ и отечественныхъ, съ цѣлію образовать умъ и сердце учениковъ и воспитать не только ученыхъ, но и гражданъ».

3 и 4.

«Эти два параграфа касаются полиціи и инспекціи школы. Авторъ хотѣлъ, чтобъ инспекція московскихъ школъ была поручена профессорамъ по очереди и не была бы постоянной службой. Я нашелъ мнѣніе его по этому предмету весьма основатель-

нымъ, если только онъ обезпечитъ мнѣ постоянство общаго плана преподаванія, безъ чего я бы боялся, что всякій инспекторъ въ теченіе своего года, подъ предлогомъ улучшеній въ преподаваніи, будетъ дѣлать нововведенія для своего удовольствія и изъ славолюбія, а преемникъ его будетъ уничтожать ихъ, замѣняя новыми, которыя будутъ не лучше, изъ чего слѣдовали бы безпрерывныя перемѣны методы, весьма вредныя для учениковъ и способныя навлечь нареканія на профессоровъ.

«Въ протестантскихъ школахъ въ Германіи инспекторы называются школярами или эфорами и берутся изъ магистратуры, а имъ придаютъ обыкновенно суперъ-интендента, или начальника духовенства. Эти лица уважаются профессорами и пользуются большимъ почтеніемъ со стороны юношества.

«Я убѣжденъ, что будетъ согласно съ видами вашего императорскаго величества, чтобы профессорá школъ и университетовъ пользовались большимъ почетомъ, не за свой орденъ и титулы, но единственно по своему званію профессора, чтобы считалось высокою честью заниматься ремесломъ весьма труднымъ по своему существу. Конечно, для осуществленія этой мысли, губернаторъ или представитель ея величества въ губерніи долженъ считать своею обязанностью присутствовать при публичныхъ испытаніяхъ школъ, оказывать съ профессорамъ величайшій почетъ и платить имъ такія деньги, которыя, не истощая государственной казны, могли бы производить удивительное дѣйствіе, когда бы они раздавались съ разборомъ.

«Авторъ желалъ бы, чтобъ обучали въ школахъ первымъ элементарнымъ основаніямъ нашихъ наукъ и нашихъ дѣлъ. Онъ говоритъ, что для этого не надо особеннаго профессора, но что ректоръ или кто другой изъ преподавателей можетъ соединить этотъ предметъ съ своимъ, чтó производило бы разнообразіе стало-быть доставляло бы лишнее удовольствіе и ему и ученикамъ. Онъ желалъ бы также, чтобъ не посылали молодыхъ людей изъ школы въ университетъ безъ первоначальныхъ познаній въ исторіи литературы.

6.

«Онъ нападаетъ на существующее въ Москвѣ раздѣленіе на языки и реальныя науки. Онъ говоритъ, что есть разница между учителемъ языка и профессоромъ языка; что послѣдній не можетъ преподавать юношеству грамматику языка, не помышляя вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, чтобъ образовать сужденіе и даже сердце молодыхъ людей, тогда какъ учитель языка довольствуется тѣмъ, что наполнитъ имъ голову словами. Онъ говоритъ, что невозможно и вредно подчинить профессору преподаваніе въ продолженіе четырехъ часовъ сряду одного и того же, и я съ этимъ согласенъ.

7.

«Онъ желалъ бы, чтобъ въ школѣ былъ театръ и чтобъ ученики пріучались играть трагедіи и комедіи, дабы пріобрѣсти умѣнье держать себя непринужденно, выражаться свободно, имѣть грацію и проч. Несмотря на эти преимущества, которыми нельзя пренебречь, я нахожу, что не надо бы злоупотреблять этими драматическими представленіями, которымъ предшествуютъ долгія развлеченія, отрывающія отъ вседневнаго труда. Разъ или два въ годъ не болѣе».

II.

«Двѣ брошюры: одна о низшихъ и реальныхъ школахъ въ Майнцѣ, другая о латинскихъ школахъ въ той же странѣ, какъ кажется мнѣ, внушены прекраснымъ духомъ, и я полагаю, что трудно было бы сдѣлать лучшій выборъ предметовъ изученія и найти болѣе умную методу преподаванія. Въ послѣдней брошюрѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ учрежденіи гимназій или среднихъ школъ, предписывается преподавать языки: русскій, латинскій, французскій и греческій и предоставить каждому учиться языку французскому у себя или въ особыхъ школахъ, которыя не нуждаются въ поддержкѣ правительства.

Въ концѣ брошюры о реальныхъ школахъ приложенъ списокъ классныхъ пособій, все замѣчательныхъ. Изъ нихъ я отмѣ-

тилъ тѣ, которыя надо бы предпочтительно разсмотрѣть. Въ текстѣ приведены еще двѣ брошюры, заслуживающія большого вниманія: *Указаніе объ употребленіи азбуки.* Здѣсь, кажется, заключается метода, которую хотѣли принять за общую въ Майнцѣ и примѣнить ко всѣмъ предметамъ обученія. *Извѣстіе о томъ, какъ будутъ продолжаться занятія въ курфиршеской академіи школьныхъ учителей въ наступающемъ учебномъ 1773 году.* Кажется, что по этому заглавію въ Майнцѣ учредили академію для образованія школьныхъ учителей, и интересно было бы знать, какъ взялись за это.

Опытъ

Учебника для дѣтей поселянъ и для употребленія въ сельскихъ школахъ.

«Это сочиненіе назначено для образованія низшихъ гражданскихъ классовъ. Здѣсь религія занимаетъ часть книги. Въ остальной части сообщаются крестьянскимъ дѣтямъ вѣрныя и точныя понятія о предметахъ полезныхъ для ихъ просвѣщенія. Но этотъ опытъ не кажется мнѣ настолько удачнымъ, насколько могъ бы быть. Глава объ обществѣ и власти, о законахъ и солдатахъ показалась мнѣ одною изъ лучшихъ».

Другъ молодыхъ людей.

«Это переводъ съ французскаго, какого-то рапсодиста. *Другъ человѣка* Мирабо подалъ поводъ написать *Другъ женщинъ*, а потомъ и *Другъ молодыхъ людей*. Такъ слѣдуетъ по правилу. Но авторъ самъ ничего не обдумалъ, ничего не прочувствовалъ, ничѣмъ не проникнутъ, и стало-быть въ немъ нѣтъ ни жизни, ни силы. Можетъ-быть чтеніе такихъ книгъ и пригодно для нѣкотораго разряда головъ; но тотъ, кто приноситъ съ собою собственное содержаніе, не можетъ питаться подобными произведеніями».

III.

«Филантропинъ, учрежденный въ Дессау.

«Въ послѣднемъ выводѣ это все-таки чувствительная реклама ко всѣмъ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли своимъ кошелькомъ заведенію, которое, по моему мнѣнію, задумано на основаніи слишкомъ неопредѣленномъ, хотя его исполненіе, какъ бы ни было несовершенно, должно произвести нѣсколько благотворныхъ перемѣнъ въ общемъ воспитаніи.

«Три брошюры, касающіяся учрежденія нормальныхъ и низшихъ школъ въ Австріи.

«Первая есть эдиктъ императрицы-королевы Апостолической отъ 6-го декабря 1774, подъ заглавіемъ: — Общій училищный уставъ.

«Вторая: *Извѣстіе о настоящемъ состояніи нормальной школы и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ училищъ въ императорско-королевской резиденціи, городѣ Вѣнѣ, общія инструкціи для суперъ-интендента, директоровъ и преподавателей этихъ школъ.*

«Третья брошюра: *Начертанія для учрежденія нѣмецкихъ школъ*—самая значительная и замѣчательная изъ нихъ. Ее стóитъ прочесть со вниманіемъ, особливо тѣмъ, кто себя посвящаетъ обученію юношества.

«Метода, принятая въ этихъ школахъ, заключается въ таблицахъ, на которыхъ для каждаго предмета и каждой науки показана послѣдовательность и связь мыслей, какъ на генеалогическихъ таблицахъ послѣдовательность поколѣній. Я нахожу эту методу прекрасною, не только чтобъ связь идей, относящихся къ каждой наукѣ, запечатлѣлась въ памяти дѣтей прочно, но чтобъ они пріучились также къ отчетливости, къ ясности и точности мышленія, безъ которыхъ лучше не пріобрѣтать познаній. Составленіе такихъ таблицъ можетъ быть только дѣломъ отличнаго ума, и я считаю безыменнаго автора этой брошюры способнымъ составить очень хорошія таблицы. Надо бы выписать ихъ изъ Вѣны. Я отмѣтилъ въ самой брошюрѣ нѣкоторыя мѣста, показавшіяся

мнѣ достойными вниманія. То, что авторъ называетъ методой складыванья и что должно облегчать ученикамъ затверживаніе наизусть, заключается въ слѣдующемъ пріемѣ: на таблицѣ пишется заглавная буква каждаго слова рѣчи, которую они должны запомнить, прибавляя къ тому точки, запятыя и другіе знаки, служащіе для опредѣленія смысла словъ. Я понимаю, что такая метода можетъ чрезвычайно сократить трудъ заучиванья наизусть и что постоянное упражненіе должно много способствовать молодымъ людямъ къ усовершенствованію памяти. Вообще весь этотъ планъ обученія кажется мнѣ исполненнымъ здраваго смысла и прекраснымъ для соображеній и введенія при основаніи школъ».

Въ это же время оживленнаго обмѣна мыслей между императрицей и Гриммомъ по предмету основанія школъ, ее интересовалъ основанный Базедовомъ на новыхъ философскихъ началахъ (особливо Эмиля Руссо) космополитическій Филантропинъ въ Дессау (въ 1774 г.). Она долго добивалась мнѣнія о немъ Гримма, и когда получила приведенный выше отзывъ, что это заведеніе основано на началахъ довольно мечтательныхъ, что это болѣе чувствительная реклама къ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли заведенію своимъ кошелькомъ, нежели предпріятіе съ безкорыстной воспитательной цѣлью, она отвѣчала: «То, что вы мнѣ пишете о Филантропинѣ, неутѣшительно; я держусь нормальной формы, которая начинаетъ пріобрѣтать у насъ хорошую репутацію» [1]).

Такимъ образомъ видно, что планъ системы народнаго образованія долго зрѣлъ въ головѣ Екатерины. Все современное было принято ею во вниманіе и германская система школъ въ общихъ чертахъ была по долгомъ размышленіи признана лучшею. Нормальныя же австрійскія школы, съ тѣми измѣненіями, какихъ требовали различныя условія быта и образованія въ обѣихъ странахъ, были взяты въ образецъ для первоначальныхъ училищъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ австрійская учебная система,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 306.

преобразованная Маріей Терезіей, получила превосходную организацію. Въ бесѣдахъ съ императоромъ Іосифомъ II Екатерина старалась основательно ознакомиться не только съ учебнымъ планомъ этихъ нормальныхъ школъ, но и со всѣми принятыми въ этихъ заведеніяхъ учебниками, которые она получила изъ рукъ самого Іосифа II [1]). Наконецъ императоръ рекомендовалъ ей для исполненія занимавшихъ её плановъ славянина, своего подданнаго, серба Янковича де-Миріево, директора училищъ въ Темешварѣ, который передъ тѣмъ участвовалъ въ преобразованіи этого дѣла въ Австрійскихъ владѣніяхъ и вскорѣ дѣйствительно былъ вызванъ въ Россію. Въ ноябрѣ 1782 г. Екатерина пишетъ: «Что касается до вашего пророчества, то я очень дорожу имъ. Учреждаемыя мною нормальныя школы такъ хорошо пошли, что здѣсь обучаются двадцать учителей, благодаря братцу Іосифу, который снабдилъ меня фактотумомъ, основавшимъ уже сто школъ. Онъ исповѣдуетъ греческую вѣру и говоритъ по-русски какъ я, или даже лучше меня. А книжка для чтенія въ будущихъ нормальныхъ школахъ будетъ списана изъ Александровой ручной библіотеки. Отдѣлъ естественной исторіи принадлежитъ профессору Палласу, математика — профессору Эпинусу, русская исторія — профессору исторіи при академіи. Такъ сшиваемъ мы теперь школьныя книжки — великое предпріятіе, которое осуществится съ быстротою молніи, такъ какъ все это на очереди только съ 1-го сентября!» [2]). Тѣ же пріемы ученія ввела государыня и въ Смольный монастырь, о чемъ въ 1783 году упоминаетъ такъ: «Я велѣла ввести и въ монастырь форму нормальную, которая ужасно не нравится невѣждамъ и о которой отъ досады «Нѣмецкая библіотека» въ Берлинѣ отзывается какъ нельзя хуже» [3]). Въ 1784 императрица писала: «Знаете ли вы, или не знаете, что мы имѣемъ здѣсь въ Петербургѣ десять нормальныхъ школъ въ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 183.
[2]) 254.
[3]) 286.

одинъ годъ и въ этихъ десяти школахъ болѣе 1000 учениковъ»? [1])

Бюффонъ, Бомаршэ, Руссо, Корилла.

Къ разрабатываемой эпохѣ принадлежатъ сношенія императрицы съ знаменитымъ естествоиспытателемъ того вѣка, Бюффономъ. Страстная къ чтенію всего, что могло питать ея ненасытную любознательность, Екатерина лѣтомъ 1779 г. проситъ Гримма прислать ей сочиненія Бюффона, говоря: «Кстати о сотвореніи міра, пришлите мнѣ пожалуйста книгу Бюффона, который говоритъ, что міръ существовалъ 74,000 лѣтъ и будетъ еще существовать 95,000 лѣтъ: я хочу знать причину этого». Чтеніе книги «Epoques de la Nature» произвело на императрицу сильное впечатлѣніе: «О, объ этомъ такъ можно говорить», пишетъ она Гримму: «это конечно стóитъ прочесть; по-моему его гипотеза (о выдѣленіи земли и другихъ планетъ изъ солнца) есть торжество человѣческаго ума, или, лучше сказать, генія. Ньютонъ сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ, а вотъ и другой. Да, милостивый государь, эта книга прибавила мнѣ мозгу. Ахъ! какъ бы я желала, чтобъ онъ все досказалъ; мнѣ кажется, что объ эпохѣ человѣка онъ не опросталъ своего мѣшка; правда, что если далѣе развить его мысль, то она станетъ довольно ясною. Да, да, берега Волги и даже Сибирь полны памятниковъ и заключаютъ въ себѣ работы всякаго рода; теперь запрещено подъ страхомъ смерти раскапывать ихъ, съ тѣхъ поръ какъ нѣсколько разъ извлекали оттуда чуму въ началѣ этого вѣка и въ концѣ прошедшаго. Ахъ, милостивый государь, гипотеза Бюффона шевелитъ и перевертываетъ головы: да, это что-то новое и все такъ удивительно хорошо ладится въ этой области» [2]). Вскорѣ послѣ того государыня, продолжая размышлять о заинтересовавшемъ ее чтеніи, пишетъ Гримму: «Такъ какъ вы призваны быть хранителемъ моихъ меч-

---

[1]) 301.
[2]) 166.

таній, то 1-го марта 1780 г. посылаю вамъ прилагаемые здѣсь вопросы.

Вопросы, пришедшіе въ голову невѣждѣ при чтеніи «Эпохъ природы».

1) Когда матеріалъ, изъ котораго образовались планеты, выдѣлился изъ солнца, сдѣлалось ли отъ того солнце менѣе, потерявъ столько матеріи?

2) Не могутъ ли ежедневно случаться и еще такія же приключенія съ солнцемъ?

3) Отчего столько вѣковъ ничего подобнаго съ нимъ не приключалось?

4) Всякая комета уноситъ ли отъ солнца то что нужно, чтобъ образовать маленькій міръ?

Я не знаю графа де Бюффона; я не желала бы также предлагать ему вопросы столь маловажные, но я обращаюсь къ вамъ для того, чтобъ вы, которые навѣрное читали «Эпохи природы», сдѣлали одолженіе и отвѣчали мнѣ, разрѣшили мои сомнѣнія и сказали чтó вы объ этомъ знаете?» [1]) На эти вопросы Гриммъ заставилъ отвѣчать самого Бюффона, передавъ ихъ по назначенію. Послѣдній же отвѣчалъ на нихъ не однимъ только письмомъ къ императрицѣ, но и присылкою для нея къ Гримму большого ящика со всѣми своими сочиненіями и множествомъ раскрашенныхъ гравюръ, которыя Гриммъ препроводилъ на голландскій корабль, нагружавшійся въ Руанѣ и везшій между прочимъ картины графа Строганова, при чемъ Гриммъ саркастически прибавляетъ: «Ужъ вѣрно столько же будетъ уваженъ ящикъ, прямо адресованный къ вашему величеству, какъ вещи одного изъ вашихъ сенаторовъ» [2]). Черезъ годъ послѣ того, въ 1781 г., Гриммъ напоминаетъ императрицѣ, что она не можетъ не послать Бюффону какого-нибудь знака своего благоволенія, говоря:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 175.
[2]) Письма Гримма, 26.

«Г. Бюффонъ единственный избалованный литераторъ въ этой странѣ; онъ пользовался всегда особеннымъ отличіемъ при дворѣ. Я могу предполагать, не будучи волшебникомъ, что послѣ заискиванья въ немъ Минервы и послѣ приношенья, которое она дозволила ему возложить на свой жертвенникъ въ прошедшемъ году, онъ расчитываетъ, что ему можно будетъ похвастать отличіемъ, котораго домогаются по всей землѣ—именно отличія, исходящаго отъ Екатерины» [1]). Послѣ того онъ совѣтуетъ ей подарить Бюффону собраніе золотыхъ медалей, выбитыхъ въ ея царствованіе по случаю важнѣйшихъ событій, намекая на цѣнность подарка, сдѣланнаго самимъ Бюффономъ и прибавляя: «Зачѣмъ она настроила струны такъ высоко?» [2]) въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: «Не скрою отъ вашего императорскаго величества, что камей (съ изображеніемъ головы Екатерины II), подобный тому, который возвратится ко мнѣ изъ Петербурга, вдѣланный въ богатую табакерку, вѣроятно произвелъ бы могучее впечатлѣніе на душу французскаго Плинія. Всѣ такъ привыкли къ щедротамъ вашего величества, что люди высшаго закала не увѣрены въ себѣ, т. е. въ своемъ геніи, пока они не получили какого-нибудь видимаго знака благоволенія Минервы-покровительницы, и какъ только они его получатъ, они шумятъ о томъ по цѣлой Европѣ. Моя ли это вина, или виновата царскосельская Минерва? Я отдаюсь на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Петербургѣ» [3])…. «Всего несчастнѣе для меня то, что это привлекаетъ ко мнѣ безчисленную толпу надоѣдалъ, которые далеко не Плиніи, не Софоклы и не Гомеры французскіе, а всѣ хотѣли бы докучать императрицѣ своими приношеніями… Что касается до г. Бюффона, который нашелъ средство быть терпимымъ Сорбонной, невзирая на всѣ свои ереси, то я предупреждаю ваше величество, что у него есть единственный

---

[1]) Тамъ же, 167.
[2]) Тамъ же, 168.
[3]) Незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго.

сынъ, — офицеръ гвардіи, котораго отецъ заставитъ скорѣе путешествовать на сѣверъ нежели на югъ, как только онъ будетъ постарше, и все это затѣмъ, чтобъ получить черезъ него прямыя извѣстія о нѣкоемъ блестящемъ свѣтилѣ, постоянно видимомъ подъ шестидесятымъ градусомъ, вотъ уже лѣтъ двадцать» [1]).

По полученіи письма Бюффона государыня пишетъ: «Я очень признательна за его отвѣты на вопросы. Четвертый заставилъ меня задумываться; я желала бы знать причину движенія кометъ. Я похожа на г. Александра (внука ея): мнѣ бы очень пріятно было знать причины причинъ». Императрица горячо приняла къ сердцу заботу о подаркахъ Бюффону, велѣла приготовить ему коллекцію медалей въ великолѣпной шкатулкѣ, и съ ними послала ему еще дорогихъ сибирскихъ мѣховъ и отвѣчала на письмо его въ январѣ 1782 г., спрашивая Гримма хорошо ли оно написано. Кромѣ того въ разное время послала ему черезъ Гримма же въ видѣ маленькаго вниманія сначала цѣпь, найденную на берегахъ Иртыша, а потомъ табакерку сдѣланную изъ камня, по словамъ ея, въ Петербургѣ очень обыкновеннаго, такъ какъ имъ устилали шоссе между Петербургомъ и Петергофомъ и который, по увѣренію генерала Бауэра, былъ лабрадоръ, камень безпрестанно мѣняющій цвѣтъ при обтесываніи и обдѣлкѣ. Императрица при этомъ спрашивала его мнѣнія объ этомъ камнѣ. О цѣпи же государыня пишетъ: «Посылаю вамъ для графа де Бюффона подарокъ, который, я полагаю, доставитъ ему удовольствіе. Это золотая цѣпь, найденная въ полѣ крестьянами, пахавшими на берегу Иртыша въ Сибири. Эта цѣпь была привезена въ Петербургъ купцами и попала въ руки нѣкоторыхъ дамъ, которыя сдѣлали изъ нея браслеты и цѣпочки для часовъ. Я завладѣла ими и послала часть въ академію, а остальное посылаю г. Бюффону. Крючечки сдѣланы здѣсь, но четыре части цѣпи, по мнѣнію лучшихъ здѣшнихъ мастеровъ, такой работы, что ни произвести подоб-

[1]) Письма Гримма 171, 172.

ной, ни поддѣлать они не въ состояніи, стало-быть она не нашего времени.» [1].)

Императрица пожелала также имѣть бюстъ знаменитаго ученаго и заказала его черезъ Гримма Гудону, который уже дѣлалъ для нея бюстъ Вольтера,—прибавивъ, что онъ долженъ быть изъ бѣлаго мрамора и что Бюффонъ занимаетъ въ ея мнѣніи весьма почетное мѣсто, ибо она считаетъ его первой головой своего вѣка въ области естествознанія. Объ обѣщанномъ пріѣздѣ сына Бюффона императрица отозвалась, что очень будетъ рада оказать ему гостепріимство.

Въ іюлѣ 1782 года она приняла пріѣзжаго молодого человѣка въ Царскомъ Селѣ и отписала Гримму: «Я видѣла сына г. Бюффона и приняла его какъ сына знаменитаго человѣка, то есть безъ всякой церемоніи: онъ со мною обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ; бюстъ его отца поставленъ въ Эрмитажѣ... Вы можете сказать г. Бюффону, что я ничего не нахожу такого въ его сынѣ, чтобъ нужно было наставлять его, и стало-быть не думаю, чтобъ нашелся случай примѣнить право, которое онъ мнѣ даетъ бранить его; поблагодарите его также за присылку продолженія его сочиненій. Мнѣ было бы очень жаль, еслибъ исполнилось то, чтó мнѣ сказалъ сынъ его,—что онъ не хочетъ ничего болѣе писать; надѣюсь, что онъ измѣнитъ свое намѣреніе» [2]).

Но къ сожалѣнію молодой Бюффонъ не оправдалъ добраго мнѣнія о немъ императрицы. Онъ уѣхалъ тою же осенью обратно во Францію, и уже по отъѣздѣ его она писала: «Здѣсь увѣряютъ, что этотъ молодой человѣкъ очень часто напивается пьянъ и что его видѣли пьянымъ въ обществахъ; надѣюсь, что это неправда. До сихъ поръ въ немъ нельзя замѣтить головы отца; но правда, что онъ еще ребенокъ» [3]).

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 188.
1) Тамъ же, 204.
2) 244—245.
3) 260.

Уже прежде мы говорили, что книгопродавецъ Панкукъ передалъ право на изданіе сочиненій Вольтера Бомаршэ, котораго императрица не жаловала, и по этому поводу она писала: «Я отчаяваюсь, чтобъ когда-нибудь были напечатаны сочиненія Вольтера, потому что вовсе не вѣрю словамъ и обѣщаніямъ Фигаро» [1]. Гриммъ писалъ ей, какъ пріѣзжалъ къ нему Бомаршэ съ разными предложеніями на счетъ подписки императрицы, заявляя, что онъ поставитъ во главѣ изданія: *Напечатано въ царскосельскомъ дворцѣ*, что онъ велитъ оттиснуть одинъ экземпляръ на веленевой бумагѣ для государыни; но Гриммъ уклонился отъ всякихъ сдѣлокъ съ нимъ, говоря, что передача Панкукомъ изданія перемѣняетъ всѣ условія и необходимо испросить у императрицы новыхъ инструкцій. Бомаршэ цѣлый годъ послѣ того не являлся къ Гримму, и когда тотъ встрѣтилъ его, то авторъ Фигаро жаловался, что подписка плохо идетъ. Гриммъ заключилъ изъ этого, что сочиненія Вольтера долго еще не появятся, и называя Бомаршэ человѣкомъ, который гонится не за однимъ зайцемъ, приписывалъ неуспѣхъ подписки недовѣрію къ задуманной имъ большой лотереѣ. Государыня благодарила Гримма за его осторожность и писала: «Я говорю аминь на ваши распоряженія, и спасибо, что вы предупредили всякій поводъ къ процессамъ, недоразумѣніямъ и какимъ бы ни было дѣламъ съ Фигаро — Севильскимъ цирюльникомъ, котораго я очень люблю въ представленіи, но съ которымъ знакомства надо избѣгать какъ можно долѣе» [2]. Пьеса же «Женитьба Фигаро» положительно не нравилась Екатеринѣ, и она высказала о ней слѣдующее мнѣніе. «Если я буду писать комедіи, то Женитьба Фигаро не можетъ служить мнѣ образцомъ, потому что послѣ прочтенія великаго Іонатана Вильда я никогда не находилась въ такомъ дурномъ обществѣ, какъ на этой знаменитой свадьбѣ. Вѣроятно подражаніе комедіямъ древнихъ вывело на сцену этотъ дурной вкусъ, кото-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 285.
[2]) 140.

рый казался съ того времени очищеннымъ. Выраженія Мольера были свободны; но они исходили изъ неподдѣльно- возбужденной веселости и мысль его никогда не была порочна, тогда какъ въ этой, столь знаменитой пьесѣ безпрестанныя двусмысленности никуда негодны, и это продолжается цѣлыхъ три съ половиною часа. Кромѣ того это сѣть интригъ, на которую потрачена продолжительная работа, и нѣтъ ни капли правдоподобія. Я ни разу не засмѣялась при чтеніи; можетъ-быть, игра актеровъ придаетъ цѣлому комизмъ» [1]).

О лотереѣ Бомаршэ Екатерина писала: «Избѣгайте пожалуйста всякихъ дѣлъ съ этимъ человѣкомъ; я до смерти ненавижу лотереи: онѣ запрещены у меня, какъ туземныя, такъ и иностранныя.... Я не желаю его программы, не люблю ни его лотерей, ни безконечныхъ его претензій; книги желаю покупать у книгопродавцевъ и не хочу имѣть кошку въ карманѣ» [2]). При появленіи напечатанныхъ въ изданіи Бомаршэ писемъ Вольтера къ императрицѣ, она была очень недовольна и писала: «Послушайте, это дерзость со стороны Бомаршэ, что онъ безъ моего позволенія напечаталъ письма, мнѣ принадлежащія; впрочемъ, если это только письма, написанныя ко мнѣ Вольтеромъ, то мнѣ все равно, лишь бы *мои* письма не были напечатаны: но если онъ напечаталъ и *мои*, то прошу васъ устроить, чтобъ они не появлялись; хотя въ нихъ конечно нѣтъ ничего, могущаго поразить непріятно; но онъ заслуживаетъ наказанія за то, что много себѣ позволилъ» [3]). Когда же оказалось невозможнымъ помѣшать напечатанію этихъ писемъ, то Екатерина потребовала, чтобъ по крайней мѣрѣ выпущены были мѣста, отмѣченныя по ея порученію Гриммомъ. Этотъ поступокъ Бомаршэ подалъ ей поводъ обратиться къ Гримму съ слѣдующими словами о разсматриваемой нами перепискѣ: «Послушайте, всѣ мы смертны: сожгите мои

---

[1]) 334.
[2]) 177, 202.
[3]) 421—422.

письма, чтобъ они не были напечатаны при моей жизни: они гораздо вольнѣе, чѣмъ письма мои къ Вольтеру и могли бы надѣлать дьявольскаго вреда; я требую, чтобъ вы ихъ сожгли, слышите ли? или положите ихъ въ такое вѣрное мѣсто, чтобъ сто лѣтъ никто не могъ откопать ихъ» [1]).

Не замѣчательно ли, какъ точно исполнилось это желаніе императрицы?

Руссо также не пользовался ея сочувствіемъ. Почти никогда не говоритъ она о немъ въ своихъ письмахъ. Послѣ смерти его вырвалось у нея такое шуточное слово о немъ: «Вы съ вашими опасеніями на счетъ пропажи писемъ похожи на покойнаго Ж. Ж. Руссо, сомнительной памяти, который воображалъ, что цѣлая Европа занимается изобрѣтеніемъ козней противъ него, тогда какъ никто объ этомъ и не думалъ» [2]). Однакоже, и мы уже сказали это по поводу воспитанія великаго князя Александра Павловича, Екатерина безсознательно подчинялась вліянію нѣкоторыхъ взглядовъ Руссо, а мысль его быть погребеннымъ въ саду очень ей нравилась [3]). Въ 1791 году, въ разгаръ французской революціи, императрица дѣлаетъ слѣдующую замѣчательную собственноручную выписку изъ Руссо и присоединяетъ ее особой записочкой къ письму отъ 13-го мая: «Руссо въ своихъ *Разсужденіяхъ о польскомъ правительствѣ*, изданіе 1793 г., стр. 264, говоритъ: Гордая и святая свобода! Еслибъ эти бѣдные люди могли знать тебя, еслибъ они знали какою цѣною ты пріобрѣтаешься и сохраняешься, когда бы они чувствовали насколько законы твои суровѣе ига тирановъ, ихъ слабыя души — рабы страстей, которыя пришлось бы подавлять — убоялись бы тебя во сто разъ болѣе нежели рабства; они съ ужасомъ бѣжали бы отъ тебя, какъ отъ ноши, которая грозитъ задавить ихъ. — Полезно прочесть и то, что предшествуетъ послѣднему воскли-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 422.
2) 117.
3) 167.

цанію: оно не менѣе сильно. Потрите-ка объ это курносые носы» [1]).

Довольно часто упоминается въ перепискѣ имя Кориллы. Это была итальянка, прославившаяся своимъ поэтическимъ талантомъ, уроженка Пистойи — Марія Магдалина Морелли, въ 1771 году увѣнчанная въ Капитоліи вѣнцомъ, нѣкогда присужденнымъ Петраркѣ и Тассу. Она умерла во Флоренціи 8-го ноября 1800 года. Уже въ 1776 государыня упоминаетъ о ней; о пріязни къ ней графа Алексѣя Орлова и о ея необыкновенной поэтической организаціи она говоритъ: «Я уже имѣла очень высокое мнѣніе о Кориллѣ: эта женщина рождена быть Сибиллой; древній Римъ воздвигъ бы ей храмы, до того онъ умѣлъ чтить всякаго рода добродѣтели и таланты. Новый Римъ воздвигъ ихъ множество глупцамъ, которые обладали только духомъ партій; а когда одно это обоготворяется и чтится, то и добродѣтели являются только модныя; другіе же роды добродѣтелей остаются въ тѣни и теряютъ цѣну. Это, конечно—средство имѣть людей какихъ хочешь, но не способствуетъ появленію великаго» [2]). Въ 1778 году графъ Алексѣй Орловъ вызывалъ Кориллу въ Петербургъ, а въ маѣ 1779 государыня писала Гримму: «Что касается до Кориллы, то если ей хочется пріѣхать зябнуть съ нами, я ей въ томъ не препятствую, и вотъ проектъ о проводникѣ Дени Дидро почти принятъ; я напишу объ этомъ графу Алексѣю Орлову, черезъ котораго до меня дошло предложеніе этой дамы, и тогда проводникъ можетъ похвалиться, что сопровождалъ двѣ головы, самыя богатыя воображеніемъ, какія у насъ еще остаются» [3]). Но пріѣздъ Кориллы не состоялся. Изъ послѣдующей переписки видно, что она черезъ Гримма прислала длинное письмо со стихами (сонетомъ) и переводомъ къ нему, и императрица велѣла сказать ей, что еслибъ сама писала такъ же хорошо, то отвѣчала бы ей по-

---

[1]) Les nez Camus, намекъ на Камю, янсениста и депутата въ конституціонномъ собраніи и конвентѣ.

[2]) 56.

[3]) 140.

хвалой ея таланту. Ей назначена была маленькая пенсія, выдача которой была поручена Гримму, а позже послана медаль, которыхъ нѣсколько было роздано Гриммомъ по порученію императрицы за разныя литературныя и художественныя заслуги.

Графъ Каліостро, Масоны, графъ Караманъ, Гернгутеры.

Очертивъ отношенія Екатерины къ просвѣщенію и замѣчательнымъ людямъ эпохи въ области литературы и мысли, коснемся теперь ея взглядовъ на тѣ мистическія секты, которыя въ то время занимали общество и имѣли на него вліяніе.

Въ іюнѣ 1781 года Гриммъ пишетъ: «Говорятъ, что у насъ здѣсь скоро будетъ графъ Каліостро, шарлатанъ, производящій много шуму въ Страсбургѣ вотъ уже шесть мѣсяцевъ. Онъ творитъ чудеса, какъ всѣ ему подобные, и однако отличается отъ своихъ товарищей тѣмъ, что ни за что въ мірѣ не заставишь его принять денегъ; можно только даромъ получить здоровье отъ этого чудеснаго человѣка. Ваше величество можетъ-быть не знаете, что графъ Каліостро былъ очень друженъ съ августѣйшей Греческой императрицей; итакъ я могу спросить его, чтб ей дѣлать, чтобъ истребить остатокъ своего ревматизма. Онъ очень хвалится ея милостями, но утверждаетъ, что первые доктора ея не были къ нему такъ добры, какъ ихъ государыня. Они имѣли несчастіе завидовать его наукѣ (бѣдный г. Рожерсонъ!), и императрица вынуждена была,—чтобы предохранить графа отъ козней своихъ докторовъ,—дать ему конвой до границы. Эта честь не всякому дается, и я только не смѣлъ сказать, что его провожали, какъ другихъ выпроваживаютъ. Если онъ пріѣдетъ сюда, то будетъ въ своей настоящей сферѣ, потому что для шарлатановъ всякаго рода существуютъ только Парижъ и Лондонъ. Чѣмъ болѣе они глупы, тѣмъ болѣе могутъ быть увѣрены найти поклонниковъ въ этихъ двухъ клоакахъ глупости человѣческой» [1]).

---

[1]) Письма Гримма 186—187.

Императрица не безъ нѣкоторой досады на безстыдную ложь хвастливаго шарлатана отвѣчала на это слѣдующей картинкой, рисующей тогдашніе нравы и эпизодъ пребыванія Каліостро въ Петербургѣ: «Такъ какъ вы говорите мнѣ о шарлатанѣ Каліостро, то и я должна вамъ кое-что о немъ разсказать. Онъ пріѣхалъ сюда, выдавая себя за испанскаго полковника и испанца по происхожденію, давая знать, что онъ колдунъ, мастеръ волшебства, показываетъ духовъ и имѣетъ ихъ въ своемъ полномъ распоряженіи. Услышавъ это, я сказала: этотъ человѣкъ совершенно напрасно сюда пріѣхалъ; нигдѣ онъ не успѣетъ менѣе чѣмъ въ Россіи; здѣсь не сжигаютъ колдуновъ, и въ двадцать лѣтъ царствованія было всего только одно дѣло, въ которомъ утверждалось существованіе колдуновъ, и тогда сенатъ пожелалъ ихъ видѣть; когда же ихъ привели, то ихъ объявили глупыми и вполнѣ невинными. Г. Каліостро однако пріѣхалъ въ весьма благопріятную для него минуту, въ минуту когда нѣсколько масонскихъ ложъ, напитанныхъ ученіемъ Сведенборга, непремѣнно желали видѣть духовъ; итакъ они бросились къ Каліостро, который увѣрялъ, что обладаетъ всѣми тайнами доктора Фалька, задушевнаго друга графа Ришельйё и который нѣкогда заставилъ его среди Вѣны принести въ жертву чернаго козла, но, къ несчастью для него, онъ не могъ удовлетворить любопытства тѣхъ, которые хотятъ все видѣть, все осязать, тамъ гдѣ видѣть и осязать нечего. Тогда г. Каліостро выпустилъ свои дивныя тайны исцѣленій: онъ выдумалъ извлекать ртуть изъ ноги подагрика, и его поймали на томъ, что онъ влилъ ложечку ртути въ воду, въ которую велѣлъ посадить этого подагрика. Потомъ онъ изобрѣлъ краски, которыя ничего не окрашивали, и химическіе составы, которые ничего не произвели. Затѣмъ онъ имѣлъ долгую и щекотливую ссору съ уполномоченнымъ испанскимъ, оспаривавшимъ у него титулъ и качество испанца, послѣ чего мы открыли, что онъ едва умѣлъ читать и писать. Наконецъ, опутанный долгами, онъ спасся въ погребъ г. Елагина — смѣщен-

наго или свергнутаго съ своей каѳедры [1]), гдѣ онъ пилъ столько шампанскаго и портера сколько могъ; вѣроятно, онъ когда-нибудь перешелъ обыкновенную мѣру, потому что, выходя изъ за стола, онъ зацѣпилъ за тупей домашняго секретаря. Тотъ далъ ему пощечину. Отъ пощечинъ дошли до кулаковъ. Г. Елагину надоѣлъ братецъ, игравшій роль крысы въ его погребу, а также слишкомъ большой расходъ вина и пива, жалобы секретаря, и онъ учтиво уговорилъ его отправиться въ кибиткѣ, но не по воздуху, какъ тотъ грозилъ улетѣть. И чтобъ кредиторы никакъ не воспрепятствовали проѣзду этого легкаго экипажа, онъ далъ ему стараго инвалида для сопровожденія его и графини до Митавы. Вотъ исторія Каліостро, въ которой является всякая всячина, кромѣ чудеснаго. Я никогда не видала его ни издали, ни вблизи, и не имѣю никакого желанія его видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣряю васъ, что Рожерсонъ думалъ о Каліостро столько же, а можетъ-быть и менѣе, чѣмъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ противъ своего обыкновенія не придавалъ Каліостро никакого значенія: онъ смѣялся даже надъ тѣми, которые изъ пустого любопытства старались его увидѣть, и не мало способствовалъ къ тому, чтобъ разбавить водой вино сторонниковъ этого бѣдняги; но такъ какъ шарлатаны, даже самые глупые и невѣжественные, имѣютъ право производить впечатлѣніе въ большихъ городахъ, надо полагать что Каліостро будетъ на мѣстѣ въ Парижѣ» [2]).

Когда же Каліостро, послѣ процесса съ кардиналомъ Роаномъ (по поводу знаменитаго ожерелья, купленнаго для Маріи Антуанеты), былъ посаженъ въ тюрьму, то императрица писала: «Я очень одобряю приговоръ, по которому г. Каліостро и жена его подверглись тюремному заключенію; давно уже эта чета того заслуживала; удивительно, какъ этотъ глупецъ Каліостро, не умѣющій ни читать, ни писать и невѣжественный до крайности,

---

[1]) Т. е. театральной дирекціи.
[2]) *Сб. И. О.*, XXIII 212.

могъ вводить людей въ обманъ и, право, загадочно какъ и чѣмъ, потому что его глупость и круглое невѣжество не могли не обнаруживаться съ первой минуты передъ самыми недальновидными [1])». Императрица полагала, что строгимъ отношеніемъ къ шарлатанству и обману вообще можно бы остановить вредъ ихъ, и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Это остановило бы ярость къ таинственнымъ ученіямъ, которыми такъ заразились теперь въ Германіи и Швеціи и которыя и у насъ начали было приниматься, но мы приводимъ это въ порядокъ» [2]). Однако парижскій парламентъ оправдалъ Каліостро послѣ десятимѣсячнаго заключенія. О кардиналѣ же Роанѣ по поводу этого дѣла государыня такъ выражалась: «Что же это значитъ, что уже третій Роанъ подозрѣвается въ мошенничествѣ и окруженъ плутами? Фи, какъ я не люблю, чтобъ грязнили почетныя имена... Этотъ человѣкъ рожденъ для того, чтобъ даваться въ обманъ, и дошелъ до совершеннаго безумія, хоть онъ и архіепископъ Страсбургскій и князь Священной Имперіи» [3]).

Екатерина съ своимъ яснымъ, здравымъ и практическимъ умомъ конечно не могла сочувствовать никакимъ таинственнымъ ученіямъ, и еще ранѣе такъ отзывалась о мистицизмѣ и масонахъ: «Знаете ли, что одно изъ величайшихъ сумасбродствъ, бывшихъ когда-либо въ ходу среди рода человѣческаго, — это франъмасонство. Я имѣла терпѣніе прочесть въ печати и рукописяхъ всѣ скучныя нелѣпости, которыми они занимаются, и видѣла съ возмущеніемъ, что какъ ни смѣйся двадцать разъ надъ людьми по поводу одной и той же ихъ слабости, они не становятся отъ того ни умнѣе, ни просвѣщеннѣе, ни осторожнѣе. Хороши всѣ эти вздоры, и возможно ли, чтобъ послѣ всеобщаго осмѣянія, разумное существо наконецъ не разувѣрилось? Исторія Адонирама такъ нелѣпа и столько повторялась, что хотѣлось бы ея распространителей отправить вмѣстѣ съ нимъ къ дьяволу; вотъ

1) 362.
2) 375.
3) 362, 366.

чѣмъ занимаются герои вѣка и этотъ принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій во главѣ и столько другихъ, и Вольтера принимаютъ они въ среду свою; ну право, возможно ли все это, и какъ они не смѣются, встрѣтясь другъ съ другомъ»?.. [1]).

«Надо вамъ сказать, что для удовлетворенія любопытства больного [2]) я принялась читать всѣ глупости и нелѣпости масонскія, и такъ какъ это доставляло мнѣ множество матеріала, чтобъ подшучивать по крайней мѣрѣ надъ сотней лицъ въ день, господа члены братства поспѣшили просвѣтить меня поболѣе, полагая такимъ образомъ привлечь меня на свою сторону. Всѣ стряпуны принесли мнѣ самую свѣжую горчицу всѣхъ странъ и сектъ и между прочимъ новыя ребячества отъ васъ. Вотъ мой отвѣтъ, пока не пришлю въ другой разъ еще больше:

Mettez pour légende
Inutiles petits moyens
Dont il ne résulte rien.

«Форма этого притворства, увеличивая конечный результатъ случаевъ лицемѣрія въ этомъ мірѣ, совокупляетъ религіозные обряды съ дѣтской игрой; она носитъ на себѣ неопровержимую санкцію той страны, гдѣ зародилась, то-есть страны кишащей монастырями, конгрегаціями регулярными и иррегулярными, канониками, аббатствами и проч. и проч. Всѣ лица къ нимъ принадлежащія даютъ тамъ самые превосходные обѣты. Польза для человѣчества отъ этихъ учрежденій, была однако такъ убѣдительно доказана въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, что послѣдовательными усиліями старались уменьшить ихъ число; кто дѣлаетъ добро для добра, тому зачѣмъ обѣты, притворство съ переодѣваньемъ, столько же суетнымъ какъ и смѣшнымъ?

«Когда стряпунъ прочелъ это, то онъ возразилъ мнѣ: — «согласитесь однако, что то, что я далъ вамъ, лучше остального». —

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 167.
[2]) И. И. Шувалова.

На это я отвѣчала: «Вижу, что трудно васъ исцѣлить, но если вы хотите знать, что́ я объ этомъ думаю, скажу вамъ, что по сравненію, это еще смѣшнѣе и нелѣпѣе всего другого, такъ какъ здѣсь соединеніе притворства съ ребячествомъ»... Однимъ словомъ, всѣ стряпуны плоски, уничтожены и даже прежній директоръ солнца въ оперѣ Нитетти (Елагинъ). Головѣ моей хотѣлось все это вамъ высказать. Никогда голова не работала съ такимъ прилежаніемъ какъ моя, и уже съ давняго времени» [1]).

Въ числѣ шарлатановъ, имѣвшихъ успѣхъ въ высшихъ петербургскихъ кругахъ Екатерина въ письмахъ своихъ называетъ еще нѣкоего графа Карамана, мистика, вліянію котораго подпалъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Надъ этимъ часто подсмѣивается государыня и въ одномъ письмѣ говоритъ Гримму: «Скажите мнѣ пожалуйста, какая надобность вамъ присылать къ намъ скучныхъ людей? Здѣсь ихъ полдюжины, которыхъ вы могли бы сохранить тамъ у себя, и міръ ничего не потерялъ бы отъ этого. Вы скажете, что это въ отместку, потому что ежедневно получаете такихъ же отъ насъ: пожалуй, но какая надобность была напримѣръ присылать къ намъ графа Карамана, экономиста и безрукаго, чтобы вызвать и увеличить всѣ сердечныя и умственныя страданія оберъ-камергера—нерѣшительность, ревматизмы и всякія безцѣльныя стремленія? Вы уморите этого человѣка, и если г. Караманъ захочетъ, то онъ посадитъ его въ пузырь и заставитъ летать среди бѣла дня надъ нашими головами, такъ онъ имъ занятъ. Но всего лучше то, что оберъ-камергеръ воображаетъ, будто этотъ господинъ здѣсь подъ его руководствомъ, и Богъ знаетъ какія нелѣпыя предпріятія онъ затѣваетъ со своимъ безрукимъ, который, какъ говорятъ, человѣкъ самый обыкновенный; но наклонность къ ханжеству заставляетъ святошу видѣть въ сынѣ другого святоши произведеніе живительной набожности, которая можетъ быть только исполнена благочестія, особливо

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 168—169.

когда оно таково, какъ намъ нужно, потому что ханжи никогда себя не забываютъ» [1]).

Удивительное знаніе человѣческаго сердца обнаруживаютъ эти замѣчательныя слова, такъ же какъ и всѣ сужденія Екатерины о томъ напускномъ благочестіи, которое выбираетъ изъ евангельскаго ученія только то, что́ ему сподручно, что́ согласуется съ свѣтской пустотою и требованіями житейской выгоды. О высокомъ уваженіи государыни къ духу истиннаго христіанства мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но и въ сужденіи ея о Гернгутерахъ есть замѣчательное мѣсто, свидѣтельствующее о ея уваженіи къ православной церкви: «Вы сами не знаете, что́ говорите», пишетъ она Гримму: «вы ненавидите полоцкихъ, шутовъ а любите г. Рэнтгена [2]), хотя сознаете, что эти Гернгутеры столько же Іезуиты, какъ и другіе: вотъ прекрасное сужденіе! Вы такъ же противорѣчите себѣ какъ и я. Ваши Гернгутеры развѣ не отвергнуты ревностными сторонниками Мартына, такъ же какъ другіе маркизомъ Петромъ (папою)? Но все это принимаетъ мать святая церковь греческая, которая во всѣхъ видитъ людей и ко всему безъ исключенія относится съ терпимостью... Если вы любите гернгутерскія формы, желаю вамъ за грѣхи ваши подругу такой формы внѣшней и внутренней, послѣ чего вы сообщите мнѣ свои впечатлѣнія. Я видѣла ихъ тридцать шесть въ прекрасный лѣтній день, когда всѣ бѣгали на нихъ смотрѣть, какъ на чудо безобразія, и всѣ возвращаясь клялись, что не видали ничего подобнаго этимъ образцамъ [3]). Эти Гернгутеры умѣютъ узить умъ и кромѣ того обладаютъ въ высшей степени искуствомъ безобразить женщинъ. Между моими парадоксами существуетъ такой: что безобразіе человѣческаго тѣла женскаго или мужского есть недостатокъ воспитанія и если воспитаніе дѣй-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 291.

2) Столяръ гернгутеръ, привезшій въ Петербургъ разныя издѣлія на продажу.

3) *Сб. И. О.* XXIII, 331.

ствительно хорошо, то красота души и тѣла должны итти рука объ руку, и одно должно быть послѣдствіемъ другого» [1]).

Извѣстно, что Екатерина пробовала осмѣивать мистическія секты даже въ своихъ комедіяхъ. Такъ она въ началѣ 1786 г. пишетъ Гримму, что ея комедія *Обманщикъ* и другая *Обольщенный* «произвели большое впечатлѣніе и пріостановили ревность тѣхъ и другихъ». На послѣдней изъ этихъ комедій, по словамъ ея, опять присутствовалъ св. синодъ «не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ полномъ составѣ, и горячо рукоплескалъ пьесѣ» [2]). Тутъ же сказано, что пишется еще комедія *Шаманъ Сибирскій*, которая и была играна осенью того же года. Этотъ шаманъ — лицо, прошедшее черезъ 140 различныхъ ступеней (масонскихъ) и достигшее той степени блаженства, на которой онъ уже не отвѣчаетъ тѣмъ, кто съ нимъ говоритъ, а вмѣсто того мяукаетъ кошкой, поётъ пѣтухомъ, лаетъ собакой и проч. и пр., но при этомъ остается все таки большимъ плутомъ и обманщикомъ [3]).

Общее положеніе Европы и внѣшняя политика съ 1780-го по 1787-й годъ.

Въ обзорѣ политическихъ событій Европы до 1780 года мы дошли до вооруженнаго нейтралитета — этого великаго акта государственной мудрости Екатерины, ограничившаго хотя на время деспотизмъ Англичанъ и ихъ захваты на всѣхъ моряхъ и во всѣхъ частяхъ свѣта. Государыня писала объ этомъ осенью 1780 года: «Теперь еще нашъ нейтралитетъ на помочахъ, но скоро онъ выступитъ походкой большой и красивой дѣвушки» [4]). На основаніи этого нейтралитета Екатерина заняла въ рѣшеніяхъ Европы первенствующее мѣсто и нельзя нагляднѣе очертить это положеніе, какъ сдѣлавъ нѣсколько интересныхъ извлеченій изъ писемъ

---

[1]) 358.
[2]) 374.
[3]) 384.
[4]) 194.

Гримма. Съ свойственнымъ ему остроуміемъ онъ очень мѣтко изображаетъ въ шуточномъ тонѣ взаимныя отношенія главныхъ европейскихъ державъ. При этомъ онъ съ явнымъ и искреннимъ расположеніемъ къ Россіи указываетъ, какое почетное и славное положеніе она можетъ занять среди всеобщей путаницы, произведенной въ Европѣ великою Сѣверо-Американской войной, при затруднительныхъ обстоятельствахъ Англіи и слабости Франціи, опираясь на объявленный Екатериною вооруженный нейтралитетъ. Конечно при этомъ Гримму, какъ западному европейцу, трудно допустить мысль, что политика Россіи можетъ быть національною на собственную пользу, и онъ постоянно видитъ ея задачу только въ умиротвореніи Европы. Вотъ какими словами, хотя и не чуждыми нѣкоторой лести, изображаетъ Гриммъ осенью 1780 года то положеніе, которое Екатерина умѣла создать себѣ въ Европѣ своимъ твердымъ и мудрымъ образомъ дѣйствій, такъ неуклонно направленнымъ на благо Россіи: «Когда я вижу властелиновъ міра, суетящихся около ея (русской императрицы) школы; когда я вижу флагъ ея развѣвающимся на моряхъ, чтобъ заявить этой стихіи, покрытой морскими разбойниками, что настало царство правосудія; когда я вижу августѣйшее и священное имя, никогда не произносимое при мнѣ безъ особеннаго чувства, уважаемымъ и чтимымъ наперерывъ всѣми націями; когда я вижу прежнихъ ея хулителей или вынужденными публично отрекаться, или униженными до постыднаго молчанія, тогда сердце мое наполняется счастьемъ и отъ радости готово разорваться на тысячу кусковъ» [1]... Я увѣренъ, что рано или поздно (потому что минута опредѣлится безуміемъ или мудростью другихъ) наша августѣйшая государыня дастъ миръ Европѣ и Америкѣ, такъ какъ въ послѣдніе годы, можно сказать съ тѣхъ поръ какъ она царствуетъ, ничего прекраснаго, мудраго, великаго въ этомъ мірѣ не совершается безъ нея и ея счастливаго вліянія».... «Трезубецъ гордой повелительницы, не довольствуясь владычествомъ на

[1]) Письма Гримма 47.

Каспійскомъ морѣ, Понтѣ Евксинскомъ и Балтикѣ, провозглашаетъ уставъ безпристрастія и справедливости на моряхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ варварствомъ и разбоями акулъ всякаго рода» [1]).

Около того же времени Гриммъ сообщаетъ государынѣ мнѣніе Фридриха II о вооруженномъ нейтралитетѣ. «Мнѣ приносятъ письмо высокаго союзника вашего величества, гдѣ онъ говоритъ: — «Морской уставъ, о которомъ вы мнѣ пишете, есть великое твореніе генія и политики; онъ таковъ, какъ можно было ожидать его отъ нашей великой императрицы, которая на всякое дѣяніе свое кладетъ печать безсмертія». — И затѣмъ выражена надежду, что г. полковникъ (т. е. я), когда поѣдетъ въ Россію, не откажетъ при проѣздѣ здѣсь (въ Потсдамѣ) пріостановиться для свиданія съ старымъ подполковникомъ русскимъ, который приметъ его съ удовольствіемъ.

«Закрывъ пакетъ, я снова его раскрываю, чтобъ сказать моей августѣйшей государынѣ смиренно и правдиво, что я получилъ коммерческое письмо изъ Лиссабона, извѣщающее меня, что адмиралъ Борисовъ бросилъ тамъ якорь 8 сентября (1780) съ своей дивизіей изъ пяти кораблей и двухъ фрегатовъ и что кавалеръ Полибинъ поѣхалъ крейсеровать со своими къ Канарскимъ островамъ. Боже храни флагъ всей Россіи!»

Эта эскадра была послана къ берегамъ Португаліи, чтобъ побудить королеву португальскую присоединиться къ вооруженному нейтралитету, какъ говоритъ объ этомъ сама государыня: «Очень рада узнать, что мой прежній союзникъ одобряетъ вооруженный нейтралитетъ; сестрица Донна Марія начинаетъ одумываться; адмиралъ Борисовъ возымѣлъ для нея неотразимую прелесть, или, лучше сказать, его десять кораблей» [3]).

Но всего забавнѣе изображаетъ Гриммъ положеніе Англіи и

---

[1]) Тамъ же 88, 129.
[2]) Тамъ же 81—82.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 194.

Франціи въ слѣдующей комической картинкѣ, которую называетъ сномъ наканунѣ Новаго года [1]:

«Такъ какъ эта война, по словамъ вашего величества и по чутью всѣхъ честныхъ людей, самая глупая въ мірѣ, то императрица повелитъ морямъ успокоить свою ярость, морскимъ разбойникамъ прекратить свои разбои или, говоря безъ фигуръ, она остановитъ морскую войну, какъ остановила германскую. Это впрочемъ будетъ дѣломъ не одного вашего величества, хотя однако слава такого подвига будетъ приписана вамъ однѣмъ, тогда какъ вашему доброму братцу Георгу слѣдовало бы получить свою частичку этого пирога: вѣдь онъ поставилъ императрицу въ исключительную необходимость успокоить моря надежнѣйшимъ образомъ. Этотъ внезапный и надменный разрывъ съ Батавами (Голландцами) конечно геніальная выходка, не имѣющая другой цѣли, какъ учтиво вызвать императрицу показаться будущею же весною въ Ла-Маншѣ во главѣ пятидесяти или шестидесяти кораблей вооруженнаго нейтралитета. Такъ какъ она имѣетъ дѣло съ глухими, то правда, что она принуждена будетъ разговаривать съ ними нѣсколько вблизи; но это и будетъ единственное для нея усиліе; впрочемъ, все обойдется съ величайшею въ свѣтѣ любезностью и вѣжливостью. Прикрывъ Батавовъ своимъ заступничествомъ, она скажетъ Галламъ и Англиканамъ: Господа, долго ли вы будете еще безумствовать? Одни отвѣтятъ ей: государыня, право мы вовсе не закоренѣли въ своихъ глупостяхъ. Пусть насъ не трактуютъ какъ шалуновъ за то, что мы при могущественномъ Людовикѣ XV, управляемые великими геніями, были биты и на морѣ и на сушѣ: вотъ предѣлъ нашихъ нынѣшнихъ желаній, чтобъ насъ болѣе не били, ибо мы теперь управляемся людьми разумными. Въ сущности же, государыня, мы требуемъ того же, чего вы и сами требуете — законной свободы для всѣхъ. Мы не требуемъ смерти грѣшника. Если же онъ навлекъ на себя болѣзнь, мы въ томъ не виновны. Онъ очень

---

[1]) Письма Гримма 94, 95, 96.

долго забавлялся тѣмъ, что отсѣкалъ себѣ руки и ноги, а потомъ сталъ кричать: Мы ли тому причиной? Впрочемъ, мы видимъ по силѣ его голоса, что несмотря на отрубленныя руки, этотъ шутъ еще очень живучъ и еще далеко пойдетъ, не взирая на свои глупости, только потому что предки его нѣкогда были очень мудры. Вотъ стало-быть, дѣла со стороны Галловъ устроены. Съ другой стороны отвѣтятъ: Государыня, какъ скоро вы на этотъ тонъ берете, примите, что мы ничего не сказали ни Батавамъ, ни еще менѣе вамъ, такъ какъ вы, обладая наружностью матери амуровъ, на дѣлѣ жестки какъ Юнона волоокая, которую самъ дьяволъ не отведетъ отъ мыслей, забравшихся разъ въ ея голову. Я еще не нахожусь въ такомъ горячечномъ состояніи, чтобъ не захотѣть сохранить ни одного друга на землѣ. Въ сущности я уподобился пьяницѣ, который съ успѣхомъ отбивается отъ рукъ людей посильнѣе его, но наконецъ упалъ бы отъ изнеможенія, еслибъ вы не были столь добры и не взяли меня за руку, чтобъ отвести въ постель, гдѣ мнѣ необходимо отдохнуть ото всѣхъ безумствъ, которыя я натворилъ. Что же касается до руки, отрубленной мною у себя съ такой ловкостью, я чувствую, государыня, что хотя вы и волшебница, вамъ никакъ не пришить ее къ моему плечу; итакъ не будемъ объ этомъ говорить. Избавьте меня только отъ сквернаго слова «независимость». Дайте мнѣ заключить съ москотильными торговцами Америки перемиріе, по которому они очутились бы ни рыбой ни мясомъ, ни зависимыми, ни независимыми, или, говоря яснѣе, по которому они станутъ независимы, но безъ этого титула, а я постараюсь привыкнуть мало по малу къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ своей превосходной глупости. На это государыня скажетъ: Господа той и другой стороны, такъ какъ вы возвращаетесь къ здравому смыслу, что́ лучше поздно чѣмъ никогда, такъ поцѣлуйтесь же, пусть ваши дурачества кончатся и я болѣе о васъ никогда не хочу слышать; но вы, господинъ потребитель пунша, не думайте, что послѣдній припадокъ вашего безумія пройдетъ вамъ безнаказанно: такъ какъ вы перебили горшки мирныхъ и ней-

тральныхъ Батавовъ, вы за нихъ заплатите, и за всѣ, отъ перваго до послѣдняго, и до моего ухода: потому что я хочу, чтобъ правосудіе оказано было. И чтобъ подобныя низкія дѣла не совершались впредь, не угодно ли вамъ будетъ присѣсть немножко за азбуку; я хочу заставить васъ повторить при всѣхъ свой катехизисъ, чтобъ узнать не забыли ли вы его. На это императрица вынетъ изъ кармана свой морской катехизисъ, заставитъ повторить его громкимъ и внятнымъ голосомъ, статью за статьей, всѣхъ учениковъ, какой бы они ни были націи. Всякій подпишется подъ нимъ и обѣщаетъ болѣе не забывать его. Этотъ катихизисъ отдадутъ въ переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, съ надписью на корешкѣ: морской символъ безсмертной Екатерины, со всѣми его правами и дарующими блаженство догматами вѣры. Тогда императрица возвратится изъ Ла-Манша въ Финскій заливъ, среди благословеній и одобрительныхъ восклицаній народовъ. Вотъ, государыня, какой я видѣлъ сонъ эту ночь, наканунѣ греческаго новаго года. Когда я говорю, что видѣлъ ея пріѣздъ въ Ла-Маншъ, я не тѣлесно перемѣщаю ее, а разумѣю ея духъ, который разливается и распространяетъ свое могущественное вліяніе во всѣхъ извѣстныхъ концахъ земли для счастія человѣчества» [1]).

Императрицу очень позабавило это изображеніе; она благодаритъ Гримма за добрыя пожеланія и прибавляетъ: «Не знаю чѣмъ этотъ годъ себя покажетъ; онъ начался было маленькими переговорами; но они идутъ такъ вяло, что повидимому ни къ чему не приведутъ. Мнѣ кажется, что только я одна желаю видѣть прекращеніе тревоги этой войны, и вы увидите также, что я менѣе всего извлеку выгодъ изъ моей доброй воли. Но оставимъ эти дѣла, которые распутаетъ время [2]). И въ другомъ мѣстѣ встрѣчается возраженіе государыни, на желаніе Гримма втянуть ее въ европейскія распри: «О, не говорите мнѣ о посредничествѣ: ахъ, эти пачкуны такъ все портятъ, такъ путаютъ,

[1]) Письма Гримма 94, 95, 96.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 197, 198.

такъ безчестны, что я уже сыта по горло; желала бы послать всѣ эти дѣла къ дьяволу и когда вы ихъ отсылаете туда же, то я говорю аминь» [1]).

Всегда мудро уклоняясь отъ вмѣшательства въ дѣла Европы, какъ скоро въ нихъ не были прямо замѣшаны интересы Россіи, Екатерина теперь менѣе чѣмъ когда-либо была расположена въ нихъ вступаться съ оружіемъ въ рукахъ, готовясь къ мирному присоединенію Крыма, которому такъ благопріятствовали обстоятельства.

Положеніе Франціи. Людовикъ XVI, Неккеръ, Сегюръ.

Мы уже ранѣе сказали, что при Людовикѣ XVI отношенія между Франціей и Россіей измѣнились къ лучшему. Гриммъ съ удовольствіемъ писалъ, что Парижъ наполненъ вывѣсками съ именемъ императрицы всероссійской, кофейнями, большими отелями подъ названіемъ «Россія» и даже магазинами платья подъ вывѣскою: «Русскій щеголь». Екатерина смѣялась тому, что вошла въ моду, находя, что это ей уже не по возрасту. «Какъ любопытно», говорила она, «что мода приходитъ съ Сѣвера; но еще любопытнѣе что Сѣверъ и особливо Россія въ модѣ во Франціи. Какъ? послѣ того, что объ насъ думали, говорили и писали такъ худо! По крайней мѣрѣ надо будетъ сознаться, что во всемъ этомъ нѣтъ послѣдовательности; надѣюсь, что по прибытіи этого письма чадъ пройдетъ» [2]). Она отчасти приписывала улучшеніе своихъ отношеній къ Франціи посланнику г. Жюинье и вспоминала о немъ такъ: «Скажите г. Жюинье, что мнѣ всегда пріятно слышать его имя, потому что онъ весьма честный человѣкъ и измѣнилъ тонъ, который имѣли его предшественники» [3]). По случаю рожденія дофина императрица, въ апрѣлѣ 1782 года, выражала свое удовольствіе и расположеніе къ Людовику XVI. Письмо

[1]) 200.
[2]) 270.
[3]) 200.

ея начинается такъ: «4 апрѣля, на другой день послѣ праздника въ честь маленькаго дофина, праздника, на которомъ я пробыла три часа, потому что онъ давался въ домѣ бывшаго вице-канцлера и меня интересуетъ первенецъ Людовика XVI по причинѣ добрыхъ поступковъ его чиновниковъ»[1]). Кромѣ того она послала Гримму фасонъ платьица безъ швовъ своего внучка Александра, для будущаго употребленія дофина.

Гриммъ не разъ хвалитъ счастливый выборъ государственныхъ людей въ началѣ царствованія Людовика: напр. Морепà, Верженна, Неккера и Кастри. Послѣдняго онъ называетъ человѣкомъ непоколебимой честности, возвышеннаго образа мыслей, великаго характера и большой мудрости, и въ видѣ высшей похвалы ему выражаетъ мысль, что онъ былъ бы достоинъ служить Екатеринѣ II. О расположеніи Верженна къ императрицѣ Гриммъ упоминаетъ не разъ, представляя его работавшимъ подъ начальствомъ Шуазэля, во вредъ Россіи, совершенно противъ своего убѣжденія, и теперь опрокинувшимъ министерскую репутацію послѣдняго, такъ что онъ никогда болѣе не возстановится. Мы видимъ изъ этой переписки, что Верженнъ выручилъ ѣхавшую изъ Италіи моремъ картину Менгса Андромеду, купленную императрицей и попавшую въ руки корсаровъ, но не хотѣлъ ничего взять за выкупъ ея, потребовавъ отъ Гримма только 24 копейки русской монетой, будто бы за укладку и хлопоты.

При этомъ Гриммъ въ шутку жалуется, что хотя онъ и добрый Русскій, но не имѣетъ ни одной русской копейки подъ рукою и проситъ государыню выслать ему съ курьеромъ или эскадрой 24 хорошо отчеканенныя русскія копейки. Екатерина отблагодарила Верженна за такую любезность присылкой женѣ его дорогой шубы, давъ этому подарку такой шуточно деликатный оборотъ, какъ будто она нашла въ ящикѣ съ картиной чужую вещь, вѣроятно принадлежащую г-жѣ Верженнъ, и нечаянно въ немъ забытую.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 235.

При посылкѣ императрицѣ знаменитаго отчета Неккера въ началѣ 1781 года отъ имени самого автора, Гриммъ такъ опредѣляетъ характеръ этого государственнаго человѣка, говоря о его произведеніи: «Это сочиненіе произвело здѣсь сильное впечатлѣніе; но такъ какъ я постоянно замѣчалъ, что здѣшняя публика рано или поздно мститъ за восторгъ и увлеченіе, которыя внушены ей, то я никогда такъ не боялся за г. Неккера, какъ въ эти минуты, когда вижу его превознесеннымъ на верхъ славы. Его произведеніе конечно по всей Европѣ надѣлаетъ шуму. Я не знаю, будете ли ваше величество имѣть время прочесть его и не оттолкнетъ ли васъ лабиринтъ французскихъ финансовъ, черезъ который надо пройти. Особенно характерно въ человѣкѣ, хотя всѣ могли замѣтить это такъ же какъ и онъ самъ, его собственное завѣреніе, что онъ постоянно лишаетъ себя наслажденія что-либо дѣлать во имя дружбы. Это неутѣшительно для тѣхъ, въ комъ онъ принимаетъ участіе. Конечно министръ прежде всего общественный человѣкъ, а потомъ уже другъ, а г. Неккеръ, иностранецъ и протестантъ, долженъ быть строже въ этомъ отношеніи, чѣмъ другой. Но дружба должна ли быть поводомъ къ устраненію, и когда общественное мѣропріятіе причинило вредъ кому-нибудь, въ комъ принимаешь участіе, надо ли бояться исправить это изъ опасенія, что насъ обвинятъ въ услугѣ, оказанной дружбѣ? Вотъ казуистическій вопросъ трудно разрѣшимый. Но вѣрно и всѣми замѣчено, что выгоднѣе быть врагомъ г. Неккера и считаться передъ нимъ виноватымъ, нежели быть его другомъ: потому что онъ никогда не сокращалъ и не бралъ ничего у тѣхъ, на кого онъ могъ жаловаться, чтобъ не заподозрѣли его въ увлеченіи страстью и мщеніемъ, и никогда онъ не хотѣлъ поправить зло, причиненное друзьямъ его распоряженіями, изъ опасенія, чтобъ его не сочли пристрастнымъ къ нимъ. Это можетъ-быть доказываетъ великій характеръ; но я не имѣю духу этому завидовать» [1]).

Здѣсь Гриммъ намекаетъ на то, что Неккеръ своимъ распо-

[1]) Письма Гримма 118, 119.

ряженіемъ объ уничтоженіи всѣхъ выдачъ съ откуповъ лишилъ пенсіи г-жу д'Эпинэ. Чтобъ пояснить это обстоятельство, не излишне будетъ сказать, что г-жа д'Эпине, больная и имѣвшая на рукахъ трехъ внучковъ, теряла такимъ образомъ свое единственное достояніе и находилась въ самомъ стѣсненномъ положеніи. По всегдашней своей добротѣ и великодушію императрица пришла къ ней на помощь покупкою у ней двухъ брильянтовъ, и даже вызывалась хлопотать о сохраненіи этой пенсіи, но Гриммъ удерживалъ её, боясь, чтобъ это не имѣло вида жалобы со стороны г-жи д'Эпинэ и еще болѣе ей не повредило. Но, несмотря на личную причину неудовольствія противъ Неккера, Гриммъ, по благородству характера, не только отдавалъ справедливость его талантамъ, но и извинялъ его поступокъ отчаяннымъ положеніемъ финансовъ во Франціи. Онъ говоритъ: «Императрица никогда не пойметъ, какимъ образомъ государь можетъ взять назадъ то, что разъ далъ, ничѣмъ того не замѣняя, и когда передъ нимъ ни въ чемъ не провинились, а тутъ рѣчь идетъ о пенсіи въ какія-нибудь полторы тысячи рублей; но ваше величество не можете имѣть яснаго понятія, чтó такое—запутавшееся въ долгахъ правительство, по неволѣ скаредное и всегда ищущее, гдѣ бы занять денегъ» [1]).

Вотъ какъ отозвалась государыня о Неккерѣ по полученіи его отчета: «Поблагодарите отъ меня г. Неккера за его превосходное сочиненіе и скажите ему, что я въ высшей степени цѣню труды его и особливо его таланты. Я не сомнѣваюсь, что небо предназначило ему вывести Францію изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ онъ засталъ финансы этого королевства; но это работа не одного года, я знаю это по опыту» [2]),

Предчувствія Гримма о паденіи Неккера оправдались слишкомъ скоро. Уже въ іюнѣ того же 1781 года Гриммъ писалъ о его увольненіи: «Ваше величество узнали въ свое время объ отставкѣ этого замѣчательнаго человѣка. Такое событіе должно

---

[1]) Письма Гримма 39.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 197.

было удивить издали и это можетъ быть единственное рѣшительное событіе глупой войны, которая такъ сердитъ ваше величество; но тѣ, кто видѣлъ дѣла вблизи, видѣли также приближеніе этого несчастія тихими шагами, и считали его неизбѣжнымъ задолго до его совершенія. Зато я дьявольски сердился на этого дьявола человѣка всю эту зиму; онъ доказалъ мнѣ, что когда головы разгорячатся, то чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ дѣлаетъ болѣе тяжелыя неловкости. Да здравствуютъ дураки, умѣющіе вести себя превосходно! Это истина, которою я проникнутъ давно. Имъ не надо поручать поведенія другихъ, но въ своемъ собственномъ они безукоризненны. Г. Неккеръ прекрасно управлялъ финансами королевства; но за то, что онъ хотѣлъ итти слишкомъ быстро, итти съ большимъ шумомъ, и можетъ-быть не терпѣлъ возлѣ себя людей, не искавшихъ исторгнуть у него славы, — единственнаго его идола, — онъ сломалъ себѣ шею. Еслибъ онъ шелъ потише, то непремѣнно достигъ бы цѣли своихъ стремленій; но между тѣмъ какъ никто не смѣлъ думать о томъ, чтобъ смѣстить его, онъ самъ спѣшилъ къ своей погибели и можетъ-быть увлекъ туда же Францію. Я считаю его человѣкомъ умершимъ; онъ не перенесетъ этой катастрофы; онъ рожденъ для великихъ дѣлъ, онъ только и былъ здоровъ съ тѣхъ поръ какъ былъ при мѣстѣ, и развѣ ему представится случай управлять имперіей, я не вижу для него спасенія. Ваше величество скажете мнѣ: ну, онъ немножко любилъ продавать товаръ лицомъ, громко зазывать въ свою лавку, привлекать всѣ взоры и можетъ-быть отводить ихъ ото всѣхъ другихъ, чтобъ исключительно наслаждаться шумомъ своей репутаціи: какая же въ томъ бѣда? Тѣмъ лучше, если находишь людей подъ рукою, которые полагаютъ все свое существованіе и видятъ всю награду въ этихъ игрушкахъ. Ваше величество говорите какъ вторая Екатерина, или какъ Екатерина вторая. При ней Неккеръ пришелъ бы къ безсмертію со всѣмъ громомъ, котораго онъ желалъ, а императрица сказала бы съ улыбкой: Боже мой, до чего люди — большія дѣти! Но когда при исполненіи должности, въ которой нельзя не нажить себѣ цѣлаго сонма вра-

говъ, имѣешь еще неловкость оскорблять гордость, можетъ-быть даже чувства тѣхъ, кого слѣдовало бы беречь, что можетъ тогда сдѣлать юный король среди столкновенія страстей, воюющихъ вокругъ него? Онъ вынужденъ избрать изъ нѣсколькихъ золъ то, которое ему представляютъ неизбѣжнымъ. Государственный человѣкъ сказалъ: Франція должна, быть очень крѣпка, чтобъ выдержать все это, особливо если будутъ продолжать войну съ энергіей предшествовавшихъ годовъ. Всего болѣе можно опасаться, что все войдетъ въ обычный порядокъ, то есть въ безпорядокъ, и что едва подавленныя злоупотребленія всѣ незамѣтно возобновятся. Тогда г. Неккеръ увидитъ со скорбію, что его министерство прошло какъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ метеоровъ, которые на минуту ослѣпляютъ своимъ блескомъ, но которыхъ полётъ слишкомъ быстръ, чтобъ оставить прочное воспоминаніе и впечатлѣніе. Ваше величество совершенно правы, его трудъ не могъ быть дѣломъ одного года, только чрезъ десять или двадцать лѣтъ могли обнаружиться неизгладимые слѣды его, освященные благословеніями народовъ» [1]).

Впечатлѣніе, произведенное и на императрицу отставкою Неккера въ первую минуту, выразилось въ слѣдующихъ строкахъ:

«Г. Неккеръ потерялъ свое мѣсто; это былъ прекрасный сонъ, приснившійся Франціи, и большая побѣда для враговъ ея. Характеръ этого рѣдкаго человѣка заставляетъ удивляться ему въ двухъ его сочиненіяхъ, потому что «Записка» стóитъ вполнѣ «Отчета». Король Франціи прикоснулся ногою къ великой славѣ. Ну, теперь не скоро что-нибудь подобное опять явится. Нужна была голова мастера, которая бы слѣдила за прыжками г. Неккера. Что же касается до слабости его предпочитать враговъ друзьямъ своимъ, то я понимаю, что голова навыворотъ, подобная его головѣ, могла считать великою доблестью охотнѣе дѣлать добро первымъ, и въ самомъ дѣлѣ не малая добро-

---

[1]) Письма Гримма 194, 195, 196.

дѣтель обходить друзей своихъ, чтобъ полагать преграду требованiямъ и показывать верхъ безпристрастiя» [1]).

Долго государыня не могла приняться за внимательное чтенiе отчета Неккера и писала: «Увы! чтобъ не солгать, я еще не читала книги г. Неккера; два раза я ее начинала, но столько являлось дѣлъ и препятствiй, что я еще не прочла и двадцати страницъ» [2]). Одолѣвъ наконецъ вступленiе, она говоритъ: «Я прочла вступленiе книги г. Неккера; я только что его кончила. Такъ какъ онъ дорожитъ вниманiемъ къ себѣ, то увѣрьте его въ моемъ уваженiи; видно, что онъ былъ на мѣстѣ и исполнялъ свое дѣло страстно, и самъ онъ въ томъ признается. Я люблю эти слова:—«чтó я сдѣлалъ, то сдѣлалъ бы и опять».—Такъ не говорятъ не добрые люди; надо имѣть много доброты, чтобъ не потерять изъ нея ничего послѣ стольких невзгодъ. Я прочту остальное и поговорю объ этомъ еще ранѣе, чѣмъ будетъ кончено это посланiе» [3]).

Когда же Неккеръ прислалъ ей свое большое сочиненiе о финансахъ, то она не очень желала за него приняться и объясняла это такъ: «Я думала, избавиться отъ этого чтенiя, потому что французскiе финансы до меня не касаются, а также и потому что не думаю, чтобъ тамъ можно было чему-нибудь научиться для себя, развѣ только тому чтобъ избѣгать всего, являющагося камнемъ преткновенiя, а я полагаю, что тутъ мы нѣсколько знаемъ, чего надо избѣгать.... Я вовсе не люблю фискальнаго духа, ни изобрѣтенiя мелкихъ обложенiй, которыя только истязаютъ людей, а приносятъ очень мало. Такъ какъ бюллетени говорятъ, что король французскiй очень занятъ чтенiемъ книги г. Неккера, то я полагаю, что все неудовольствiе на него и его книгу не будетъ имѣть послѣдствiй. Вѣдь не всякiй же Людовикъ XV, котораго покровительство ни къ чему не служило» [4]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 214, 215.
[2]) 359.
[3]) 371.
[4]) 334, 338.

Читая сочиненія Неккера и не будучи въ состояніи одолѣть ихъ, императрица писала: «Какая комиссія быть осужденной читать то, что до васъ не касается, что вамъ кажется скучнымъ, какова напр. отвратительная матерія финансовъ всехристіаннѣйшаго короля. Я не поздравляю его, что у него будетъ 48 сборщиковъ вмѣсто 12-ти. Я думаю, что скоро его величество узнаетъ который изъ этихъ образчиковъ финансовъ приходился ему болѣе по вкусу, потому что онъ пощупалъ и Тюрго и Неккеровъ и настоящую путаницу. Всѣ они имѣли разные взгляды: Экономисты, философы, выжиматели кошельковъ; слава Богу, я всѣми очень довольна и все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, прочищеніе же кошелька тоже хорошо» [1]).

Въ 1787 году Калоннъ также доставилъ Екатеринѣ свою записку, и она говоритъ: «Г. Калоннъ прислалъ мнѣ свой длинный списокъ проектовъ, который онъ выдаетъ за собственную работу короля; я еще этого не читала, и очень боюсь, чтобъ оно не было такъ же скучно, какъ три тома г. Неккера; желаю по крайней мѣрѣ, чтобъ это не было столько же мечтательно и безполезно» [2]).

Полное же разочарованіе въ дѣятельности Неккера императрица выражаетъ уже послѣ революціи 89 года, въ 1790, когда вполнѣ обрисовались результаты этой дѣятельности: «Что касается г. Неккера, то я давно откланялась ему»—говоритъ она, «и думаю что для счастія Франціи, было бы лучше еслибъ онъ никогда не вмѣшивался въ ея дѣла» [3]).

Въ 1791 году государыня, возвращаясь къ Неккеру, говоритъ Гримму: «Вы были другомъ г. Неккера, сколько мнѣ помнится, до перваго его вступленія въ министерство: такъ отчего же не старались вы нашептывать ему то, что вы думали о его предпріятіяхъ? Но впрочемъ я знаю, что трудно образумить человѣка, если небо наказываетъ или надѣляетъ его гордостью; тогда всѣ органы его закрыты и онъ ничего слушать не хочетъ. Онъ одинъ

1) *Сб. И. О.* XXIII, 372.

2) 403.

3) 483.

видитъ, изобрѣтаетъ, обсуждаетъ, а все что говорятъ другіе, будь это лучшія вещи въ мірѣ, становится только оскорбленіемъ его гордости; гордый опьяненъ своею гордостью; я такихъ видѣла и списываю съ натуры».

Со времени перваго удаленія отъ дѣлъ Неккера и еще бóльшихъ затрудненій французскихъ финансовъ, государыня часто называетъ Людовика XVI: *бѣдные люди*, arme Leute, большею частію употребляя, когда говоритъ о немъ, нѣмецкій языкъ, и такъ выражается: «Бѣдные люди! Люди необутые въ сапоги не могутъ терпѣть обутыхъ (т. е. слабые твердыхъ). Они для нихъ слишкомъ дюжи, толсты, тяжелы, слишкомъ разсудительны, логичны, полновѣсны: все это затрудняетъ. Болѣе дѣйствовать, менѣе говорить вотъ способъ, которымъ часто достигалось болѣе, чѣмъ громкою болтовней о самомъ себѣ. Много есть людей на свѣтѣ, которымъ не всегда хочется видѣть свои творенія въ зеркалѣ. Ну, теперь онъ сидитъ и скучаетъ, и потому пишетъ; но къ чему же это послужитъ? кто же отыскиваетъ людей по картинкѣ? И гдѣ ихъ найти? Искуство въ томъ, чтобъ со всякими людьми заставлять итти дѣла какъ можно лучше и каждый день лучше» [1]). И въ другомъ мѣстѣ: «Но, Боже мой, бѣдные люди, что же они дѣлаютъ! Въ теченіе девяти лѣтъ они не могутъ выбрать основныхъ началъ, чтобъ знать желаютъ ли они имѣть откупщиковъ или не хотятъ откупа; свѣту это кажется опасно, легкомысленно и робко. Мнѣ очень жаль, что они мнѣ оказываютъ столько дружбы, такъ что я могла бы лопнуть отъ благодарности, еслибъ была воздушный шаръ; но такъ какъ Господь уберегъ меня отъ этого, то я иду своей дорогой, хоть и не безъ признательности, но не связывая себя» [2]). Наконецъ, незадолго до революціи, уже въ 1787 году, Екатерина опять говоритъ: «Бѣдные люди! они хотятъ быть моими друзьями. Мнѣ право очень, очень жаль, что они внутренно и наружно такъ больны сердцемъ и слабы. Вы правду говорите, необходимо иногда разнообразить походку, чтобъ

---

[1]) 372.
[2]) 272.

достигнуть успѣха въ этомъ мірѣ, и надо какъ можно менѣе выставки. Доказательство — отчетъ г. Неккера» [1]).

Въ 1784 году французскимъ посланникомъ въ Россію назначенъ былъ Сегюръ. За это время письма Гримма не сохранились и мы не знаемъ, какъ онъ рекомендовалъ Сегюра Екатеринѣ, но въ началѣ 85 года: она пишетъ «Я не удивляюсь репутаціи г. Сегюра, но она мнѣ кажется заслуженною и навѣрное онъ лучше всего, что отъ васъ когда-либо пріѣзжало въ нашу страну. Остается узнать, будутъ ли глаза его ослѣплены предубѣжденіями, привычками, предписаніями и архивными свѣдѣніями, или онъ будетъ видѣть вещи ясно и не станетъ критиковать того, что у насъ не дѣлается, не думается, не говорится. Умны только мы одни: [2]) вотъ ужасная балаболка [3]), висящая на носу политиковъ нѣкоторыхъ государствъ, заставляющая ихъ закидывать голову назадъ, точно какъ отъ украшенія, висящаго между глазами турецкихъ и персидскихъ лошадей въ упряжи этихъ странъ, украшенія, которое совершенно отсутствуетъ въ англійской упряжи, потому что тамъ сочли бы его черезъ чуръ жестокимъ для лошади. Англичанинъ слишкомъ любитъ свое животное, чтобъ привѣсить ему такое безпокойное украшеніе передъ глазами. Не есть ли это блестящее сравненіе»? [4])

Вообще государыня хорошо понимала, какъ легкомысленно и невѣрно Французы всегда судили о насъ и что если когда-нибудь случалось имъ выказывать Россіи чувства дружбы, то это было только подъ вліяніемъ минутнаго интереса или случайной преходящей моды, а никакъ не въ слѣдствіе прочнаго расположенія, основаннаго на изученіи страны или на сочувствіи народному характеру. Такъ она говоритъ: «Я желала бы знать, кто вамъ сказалъ, что я не имѣю вѣрнаго понятія о Франціи; скорѣе же Французы вовсе не знаютъ Россіи, потому что бóльшая часть ихъ не-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 431.

[2]) Т. е. Французъ вообще.

[3]) Frandouille — слово, сочиненное государыней или гдѣ-нибудь ею вычитанное, но не находящееся ни въ одномъ словарѣ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 337.

вѣжественна, а другіе обмануты на нашъ счетъ или дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страсти или по недостатку прозорливости, тогда какъ я всегда очень хорошо знала, чего можно отъ нихъ ожидать»[1]).

Извѣстно, что Сегюръ оказался самымъ пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ въ глазахъ императрицы, не только на придворныхъ собраніяхъ, но и въ короткомъ обхожденіи и въ путешествіяхъ, на прогулкахъ и проч.: «Если Франція имѣетъ много головъ подобныхъ г. Сегюру», говоритъ государыня, «то я поздравляю её: къ достоинству, уму, талантамъ, знаніямъ онъ присоединяетъ благородство характера и любезность»[2]). Къ этому она прибавляетъ: «онъ кажется любитъ и уважаетъ маркиза Лафайэта, и надѣется, что онъ пріѣдетъ сюда; если послѣдній стóитъ его, то это будетъ очень пріятное знакомство».

Германія.

Хотя о Фридрихѣ II въ перепискѣ вообще говорится рѣдко, но нельзя пройти молчаніемъ и немногія высказанныя о немъ сужденія Екатерины за послѣднее время его жизни. Въ началѣ 1781-го года Гриммъ писалъ: «Мнѣ неизвѣстно, государыня, послалъ ли земной союзникъ вашего величества, въ качествѣ петербургскаго академика, нашей августѣйшей покровительницѣ брошюру своего сочиненія о нѣмецкой литературѣ. Такъ какъ я по милости, или благодаря спеціальному беззаконію вашего величества, собратъ по академіи этого августѣйшаго писателя, то онъ не преминулъ прислать мнѣ свое произведеніе, и я не могъ выразить ему за то своей благодарности, не войдя нѣсколько въ полемику. Эта книга возбудила большой соблазнъ въ Священной Имперіи; великій богословъ и великій медикъ — одинъ въ Брауншвейгѣ, другой въ Бреславлѣ,—уже опровергли её со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ сѣдой и коронованной головѣ автора.

[1]) 251.
[2]) 342.

Гэттингенская литературная газета также произнесла о ней свое мнѣніе. Ну конечно нельзя отрицать, что царственный авторъ не достаточно знакомъ со своимъ предметомъ и судить о нѣмецкомъ языкѣ почти какъ слѣпой о цвѣтахъ. Очень поучительно для людей размышляющихъ видѣть великаго государя (и, что̀ еще хуже, великую по уму голову), посвящающаго значительное время чтенію, и который, живя среди своего отечества, въ столицѣ, обладающей нѣсколькими писателями первой силы, не знаетъ этого, не подозрѣваетъ, что его родной языкъ уже не тотъ, какимъ говорили и писали вокругъ него шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И совершенно искренно онъ остается въ невѣдѣніи насчетъ всего, что̀ писалось вокругъ него въ продолженіе сорока лѣтъ, насчетъ того, какой переворотъ произошелъ въ языкѣ и головахъ германскихъ, и стало быть онъ не можетъ постичь, что многія литературныя произведенія его страны гораздо выше тѣхъ скучныхъ брошюръ, которыя появляются въ Парижѣ и гдѣ мысли нѣкоторыхъ великихъ умовъ повторяются, разбавляются и уродуются на тысячу ладовъ»[1].

Екатерина отвѣчаетъ на это: «Я ничего не получала и не читала о нѣмецкой литературѣ, но слышала, что объ этомъ отзывались также, какъ и вы объясняете; но что же вы хотите? Онъ принялъ извѣстный складъ, видитъ мало людей, а когда и видитъ, то *онъ* говоритъ, а другіе слушаютъ; никому нѣтъ выгоды ему противорѣчить, и его боятся. Этихъ причинъ достаточно, чтобъ онъ не зналъ многаго. Возрастъ тутъ также что-нибудь да значитъ. Въ 1740 году[2] мы были молоды, а теперь уже нѣтъ»[3].

Гриммъ отвѣчалъ: «То что вашему величеству угодно было сказать о старомъ господинѣ Беззаботномъ[4], то и Тацитъ сказалъ бы не лучше того: именно этотъ старый господинъ никогда не говорилъ никому изъ своихъ застольниковъ того, что импера-

---

[1] Письма Гримма 129—130.
[2] Годъ вступленія Фридриха II на престолъ.
[3] *Сб. И. О.* XXIII, 202.
[4] Т. е. обитателѣ дворца Sans-souci.

трица, его высокая союзница, сказала однажды своему многострадальному: «знаете ли вы, что вы ужасно *отдѣлали* (étrillé) меня сегодня?» и это заставило названнаго многострадальнаго такъ расхохотаться въ присутствіи августѣйшей *отдѣланной*, что я не могу вспомнить о томъ безъ слезъ умиленія и печали, восклицая: какое это было время! какая бесѣда, что за невѣроятное сновидѣніе! но я нарочно хочу напечатать книгу, чтобъ доказать, что король, который избѣгаетъ быть ежедневно отдѣланнымъ, стóитъ можетъ-быть не болѣе самой прекрасной сорочки, еслибъ её никогда не мыли» [1]).

Въ своихъ отзывахъ о Фридрихѣ Екатерина приводитъ нѣкоторыя явныя доказательства его неблаговоленія къ себѣ. Такъ она упоминаетъ о его стараніяхъ поссорить её съ принцемъ Генрихомъ, или, лучше, удалить её отъ него распространеніемъ слуховъ, что послѣдній сошелъ съ ума. Въ другомъ обстоятельствѣ— именно по поводу пребыванія молодаго Бобринскаго за границей, государыня сообщаетъ Гримму, что имѣетъ въ рукахъ доказательства, какъ происки и интриги Ирода и Герцберга (le boutonné) клонились къ тому, чтобъ создать въ головѣ молодого человѣка призракъ какого-то воображаемаго врага, хотя этотъ мнимый врагъ не былъ еще врагомъ никому» [2]).

Наконецъ она подозрѣваетъ Фридриха въ томъ, что онъ постоянно занимается распространеніемъ слуховъ о ея болѣзни. «Кстати, я совершенно здорова», говоритъ она разъ Гримму, «и я не была больна съ прошедшаго іюля (письмо писано въ апрѣлѣ 1785 г.) наперекоръ газетнымъ сочинителямъ и бюллетенямъ, нашептаннымъ делегатами Ирода, которые приписываютъ мнѣ собственныя свои болѣзни; а такъ какъ я здорова, то очень мало занимаюсь здоровьемъ другихъ»..... «Іосифу лучше. Это Иродъ, самъ едва прозябая, распускаетъ слухи о плохомъ здоровьи другихъ» [3]).

---

[1]) Письма Гримма, 212.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 376.
[3]) 338, 361.

Кёльнская газета въ 1783 г. распространила слухъ о смерти Екатерины, и по этому поводу государыня пишетъ Гримму: «Кёльнскій газетчикъ говоритъ, что я умерла, и увѣряетъ, что это большое счастье для всего міра. Признаться, я не совсѣмъ раздѣляю его мнѣніе и надѣюсь разувѣрить его и въ томъ и въ другомъ» [1]). Тутъ кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ подобномъ слухѣ во Франціи, и о забавномъ письмѣ, о которомъ Екатерина разсказываетъ Гримму: «На дняхъ я получила письмо съ слѣдующимъ адресомъ: *Ея Величеству Императрицѣ Россійской въ ея дворцѣ въ Петербургѣ.* Распечатавъ письмо, я увидѣла, что оно отъ пребывающаго въ Мецѣ, совѣтника французскаго короля. Этотъ человѣкъ говоритъ мнѣ, что испуганный молвою о томъ, что у меня ракъ въ груди и мнѣ собираются сдѣлать операцію, онъ посылаетъ мнѣ вѣрнѣйшее средство противъ этой болѣзни и присоединяетъ къ своему письму книжку, которой я конечно не прочла. И право, я не знаю, какое странное удовольствіе находятъ во Франціи распространять слухи о моей смерти, или о томъ, что я поражена какой-нибудь гадкой болѣзнью, которой я никогда не имѣла: покойный Дюранъ, любезный Беранжэ, остроумный Боссэ постоянно и съ такими точными перечисленіями подробностей приписывали мнѣ болѣзни, которыхъ я никогда не знала. Итакъ прошу васъ увѣрить вашихъ знакомыхъ и господъ совѣтниковъ французскаго короля, что я жива, совершенно здорова и не страдаю ракомъ, да и никакой хронической болѣзнью; хотя и освѣдомлялась въ Испаніи о какихъ-то ящерицахъ, которыми будто бы вылѣчиваютъ ракъ: это было изъ чистаго человѣколюбія, на пользу госпиталей, основанныхъ здѣсь и въ другихъ городахъ; вѣроятно господа совѣтники короля и имъ подобные не предполагаютъ возможности о комъ-либо другомъ заботиться, кромѣ какъ о себѣ, и потому награждаютъ меня ракомъ» [2]).

Въ послѣднюю болѣзнь Фридриха II Екатерина писала отъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 290.

[2]) 301.

7-го іюля 1786 г.: «Циммерманъ поѣхалъ лѣчить короля прусскаго отъ его 74-хъ лѣтъ», и вскорѣ за тѣмъ отъ 23 іюля. «Циммерманъ не спасъ прусскаго короля: его нельзя было спасти» [1]. Въ концѣ этого же письма прибавлено слѣдующее замѣчаніе: «Всего страннѣе въ судьбѣ Ирода то, что дома о немъ сожалѣла только одна жена, которой онъ не любилъ. Она въ самомъ дѣлѣ его оплакивала. Не удивительно ли? Ясно, что онъ не внушалъ большой нѣжности, но это была крупная пара рукавовъ (une grande paire de manches), когда онъ не являлся мелочнымъ и скупымъ» [2]. Переписка Фридриха II съ Гриммомъ вызываетъ слѣдующее замѣчаніе: «То, что вы мнѣ сообщаете о вашей перепискѣ съ покойнымъ королемъ прусскимъ, очень странно; я думаю, что вы въ глазахъ его были вдвойнѣ виноваты: были дружны съ принцемъ Генрихомъ и съ вашей покорнѣйшей слугою, а онъ вѣдь не жаловалъ насъ» [3].

Вотъ сужденія Екатерины о сочиненіяхъ умершаго Фридриха: «Творенія короля Прусскаго прибыли къ намъ давно; я прочла изъ нихъ только 30 страницъ, на которыхъ сдѣлала 27 письменныхъ замѣтокъ. У насъ говорятъ, что его величество лжетъ какъ зубной рвачъ [4] въ безчисленныхъ мѣстахъ своей книги. Я еще не знаю, правда ли это, но въ томъ немногомъ, что я прочитала, мнѣ показалось, что и здѣсь блестящее красное словцо часто погрѣшаетъ противъ вѣрности факта; но есть и весьма хорошія вещи и ихъ нѣсколько. Братецъ Густавъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію. Но кто глупъ, тотъ ни изъ чего не извлечетъ пользы. Я не видала тѣхъ мѣстъ, которыя касаются принца Генриха и его пребыванія здѣсь; но вѣрно то, что король не всегда уважалъ правду, и онъ же разславилъ, что Генрихъ помѣшался въ ту зиму, какъ окончилась кампанія Тешенскимъ миромъ; этотъ фактъ я слышала отъ графа Панина, который увѣрялъ, что читалъ это мѣсто, написанное собственной рукой короля въ припискѣ (post-scriptum). Я часто

[1]) 380. [2]) 384. [3]) 391.

[4]) Comme un arracheur de dents.

размышляла о томъ, чтó могло заставить его выдумать такую небылицу, и предполагаю, не была ли причиной экономія, чтобъ помѣшать принцу пріѣхать сюда въ третій разъ; но пусть все это останется между нами. Оно ужъ ни къ чему болѣе не годится. Впрочемъ добрыя намѣренія, замѣченныя вами у принца (Генриха), мнѣ очень пріятны; не могу сказать того же о поведеніи господина племянника его, проникнутомъ двуличностю и полнѣйшимъ Маккіавелизмомъ» [1]).

Въ іюлѣ 1781 года Гриммъ увѣдомлялъ Екатерину, что императоръ Іосифъ II собирается провести три дня въ Тріанонѣ съ королевой, своей сестрою, совершенно семейно и подальше отъ взоровъ простыхъ смертныхъ. Самъ же Гриммъ предполагалъ ѣхать въ Спа, куда приглашалъ его принцъ Генрихъ Прусскій, обѣщая ему комнату въ своемъ домѣ. Это путешествіе Генриха въ Спа должно было особенно интерессовать императрицу, нѣсколько съ нимъ разошедшуюся и слѣдившую внимательно за всѣмъ чтó происходило въ Европѣ, почему она и ожидала съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Гримма. Онъ написалъ ей изъ Спа длинное письмо, изъ котораго мы приведемъ здѣсь большое извлеченіе, прекрасно характеризующее личный характеръ Гримма и тонъ всей переписки. Въ этомъ письмѣ являются во всемъ блескѣ то игривое остроуміе, та ловкость, съ какими Гриммъ умѣлъ говорить своей царственной корреспонденткѣ самыя пріятныя вещи. Тутъ же обнаруживается и соединявшаяся съ его блестящимъ умомъ и образованіемъ большая доля тщеславія, которое питалось его сношеніями съ единственной повелительницей, единственнымъ *государемъ* Европы, какъ онъ часто называлъ Екатерину: они же доставляли ему почетное положеніе между представителями царствующихъ династій Европы. Это письмо и отвѣтъ на него Екатерины даютъ намъ также ключъ къ разъясненію охлажденія отношеній между Екатериной и принцемъ Генрихомъ, съ которымъ такъ сблизила ее болѣзнь и смерть пер-

[1]) Царствующаго короля—Фридриха II Вильгельма, 470 и 471.

вой супруги Павла Петровича, причемъ онъ показалъ столько участія. «Итакъ я говорилъ вашему императорскому величеству 28-го іюня, то-есть въ годовщину благополучной революціи, что уѣзжаю въ Спа — Царицыно здѣшнихъ странъ, получивъ формальное приглашеніе отъ прусскаго героя, поддержавшаго имя Генриха во всемъ блескѣ, которымъ оно пользуется въ Европѣ съ самаго Наварца, столь мучимаго при жизни, столь возвеличеннаго по смерти. Это приглашеніе сдѣлано было въ формѣ просьбы съ необыкновенной скромностью и деликатностью, и Генрихъ испрашивалъ у меня какъ милости позволенія удостоить меня этой любезности. Вотъ царскосельщина во всей чистотѣ и до жалости. Сколько разъ императрица выводила меня изъ терпѣнія такими пріемами. Подумаешь, что я принесъ величайшую жертву, пріѣхавъ въ Спа провести шесть недѣль съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей своего вѣка и провести ихъ самымъ интереснымъ и пріятнымъ образомъ. Ну, при такихъ любезностяхъ невольно пожимаешь плечами. Если я, предпринимая это прелестное путешествіе, былъ чѣмъ-нибудь разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, такъ только тѣмъ, что не во всѣ Царицыны ѣдутъ черезъ Петербургъ; моя дорога меня вела совершенно просто напросто черезъ Брюссель... Я былъ очень радъ очутиться у ногъ моего покровителя. Въ первую минуту разговоры наши были нѣсколько шумны, смутны и безпорядочны; это было весьма естественно послѣ четырехлѣтняго отсутствія и великихъ событій. Идеи мѣшались, сталкивались между собою, и я не отвѣчаю, если кое-гдѣ оказались контузіи: ибо искуство говорить вдругъ и въ одно время о десяти предметахъ еще до нѣкоторой степени не выработано, а решето, черезъ которое приходилось процѣживать разговоръ, было такъ часто, что я не знаю чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ имя Екатерины вдругъ не привело насъ въ согласіе послѣ перваго столкновенія. Я предоставляю ученымъ критикамъ въ потомствѣ рѣшить, кто изъ двухъ, герой или повѣренный его, первый произнесъ это августѣйшее имя, столько разъ произносившееся въ истекшія 19 лѣтъ; я полагаю однако, что

это былъ Генрихъ. Не безъ великаго смущенія узналъ я, что всякій обмѣнъ писемъ между императрицей Греческой и имъ прекратился. Какъ сознаться ему, что я былъ счастливѣе его и сохранилъ это неоцѣненное преимущество? Онъ увѣрялъ меня, что сожалѣетъ о томъ что потерялъ его не какъ принцъ въ отношеніи къ императрицѣ, а я убѣждалъ его, что я это понимаю тѣмъ болѣе, что самъ огорчился бы такимъ несчастіемъ, не какъ многострадальный передъ императрицей, если ужъ мнѣ суждено отъ этого умереть. Но что дѣлать? прибавилъ я. Прежде, любимымъ препровожденіемъ времени для нея было царапать письма, нынче вкусъ этотъ прошелъ, потому что она удручена недугами. — Вы говорите вздоръ, любезный мой повѣренный, сказалъ мнѣ Генрихъ, никогда она не была такъ здорова. — Да, конечно, но это только съ виду, отвѣчалъ я. Мнѣ извѣстно ея внутреннее состояніе: тамъ все въ очень жалкомъ положеніи: фоліанты и квартанты, юриспруденція и нормальныя школы, азбуки, учредительная манія и множество другихъ тяжкихъ недуговъ хозяйничаютъ въ императорской головѣ какъ полкъ казаковъ; это такое усложненіе болѣзней, среди котораго Роджерсоны, Кельхены и компанія теряютъ свою латынь, свой греческій, англійскій, нѣмецкій языкъ и ту небольшую долю русскаго, которою обладаютъ. Но развѣ нѣтъ никогда роздыха между этими припадками? спросилъ Генрихъ. Я полагаю что да́, но вѣроятно гг. Александръ и Константинъ овладѣваютъ сколько могутъ этими промежутками, и въ концѣ концовъ отсутствующіе виноваты, говоритъ пословица. Если я не подпалъ всеобщей реформѣ, то обязанъ этимъ императорскому милосердію. — Ну, отвѣчаетъ Генрихъ, если вы меня увѣряете, что ея молчаніе происходитъ не отъ перемѣны чувствъ, я перестану жаловаться, и даже дамъ вамъ понюхать табачку изъ этой табакерки, точеной ея руками на эрмитажномъ ея станкѣ. — Она! перемѣниться! окончилъ я, цѣлуя эту драгоцѣнную святыню. Никогда, никогда! Скалы могутъ сокрушиться, башни могутъ рушиться, но сердце Екатерины никогда не можетъ сдѣлаться вѣроломнымъ и духъ ея не можетъ измѣниться: ибо хорошее —

хорошо и правое — право. Генрихъ согласился съ этой истиной и утѣшеніе наполнило его великое сердце.

«Пять или шесть дней послѣ моего пріѣзда явился другой странникъ, по имени Іосифъ, который, ни дать ни взять какъ Екатерина, претендуетъ быть вторымъ по своему имени. Іосифъ вступилъ въ Спа пѣшкомъ, слѣдуя въ этомъ обычаю нашего Господа Спасителя, но не по той же причинѣ, а оттого что одна изъ его почтовыхъ лошадей пала. Скоро онъ взялъ фіакръ, и влетѣлъ какъ бомба къ Генриху. Могу увѣрить ваше величество, что по моимъ часамъ, которые идутъ не скорѣе всѣхъ другихъ, они пробыли два съ половиной часа взаперти съ глазу на глазъ. Іосифъ не скрылъ даже, что онъ замедлилъ свое путешествіе въ Спа нарочно, чтобъ встрѣтить тамъ Генриха. Въ этотъ день онъ обѣдалъ у князя Лихтенштейна. Какъ только онъ возвратился въ свою гостиницу, Генрихъ въ свою очередь ввалился къ нему какъ бомба; но на этотъ разъ я очутился въ его свитѣ, и могу сказать, что вовсе не по моей винѣ императрица въ одну секунду примѣшалась къ нашей болтовнѣ. Всеподданнѣйше прошу избавить меня отъ вопроса: не можете ли вы говорить о чемъ-нибудь другомъ? Іосифъ началъ съ похвалы графовъ Румянцовыхъ, вспомнивъ что видѣлъ меня съ ними въ Вѣнѣ, и, сдѣлавъ переходъ отъ подданныхъ къ государынѣ, спросилъ меня давно ли я имѣлъ отъ нея извѣстія. Это былъ самый деликатный способъ сказать мнѣ, что ему извѣстно какъ чрезмѣрны милости моей августѣйшей государыни къ скудельному сосуду ея созданія. Онъ меня увѣрялъ затѣмъ, что имѣетъ извѣстія свѣжѣе моихъ. Мнѣ это показалось очень просто, потому что какъ ни тщеславится скудельный сосудъ, когда онъ твореніе императорское, онъ не лишенъ однако способности сужденія. Но когда Іосифъ сообщилъ мнѣ, что онъ обладаетъ катехизисомъ, составленнымъ для г. Александра, тогда, признаюсь, гнѣвъ зажегъ мнѣ кровь и глаза мои заблистали отъ ярости. Вотъ, воскликнулъ я, роковой ударъ, который судьба готовила мнѣ! Цѣлый вѣкъ я неотступно нищенствую, чтобъ исторгнуть этотъ катехизисъ, и вотъ надо графу Фалькенштейну

пріѣхать въ Спа, будто нарочно чтобъ собщить мнѣ какъ можно получить этотъ катехизисъ помимо меня, такъ что я его и не понюхалъ: это ужъ черезъ-чуръ! Іосифъ расхваливалъ мнѣ его напропалую. Это ли было средство успокоить меня? Онъ увѣрялъ меня, что получилъ его на русскомъ языкѣ, и что велѣлъ перевести его на нѣмецкій у своего посланника. Хороша отговорка! сказалъ я. Развѣ около нея некому велѣть перевести его для меня по-нѣмецки? Развѣ она не можетъ сказать своему оберъ-кухмистеру фактотуму: «вели перевести это для моего многострадальнаго, и чтобъ я объ этомъ больше не слыхала»? При этомъ мы начали по косточкамъ разбирать Греческую императрицу съ ногъ до головы, и Богъ знаетъ, какъ ей досталось отъ Іосифа, Генриха и меня, разгнѣваннаго и пылавшаго яростію скудельнаго сосуда. Продержавъ её такимъ образомъ у купели крещенія почти полтора часа, Генрихъ, чтобъ успокоить меня, сказалъ: отправимся въ театръ. Іосифъ прибылъ вскорѣ въ ложу принца и сѣлъ между Генрихомъ и мною. Онъ назвался на другой день въ качествѣ графа Фалькенштейна обѣдать къ Генриху, который носитъ въ Спа имя графа д'Эльса и назначилъ къ приглашенію, независимо отъ своего спутника, генерала Терзи и особъ свиты принца — многострадальца греко-императорскаго и Рейналя, изгнаннаго по приговору Сегье, которому Генрихъ испросилъ у Іосифа самыя важныя милости, доставивъ ему убѣжище въ Брюсселѣ со всевозможными пріятностями. Эта же потребность великаго сердца внушать себѣ подобнымъ чувства благоволенія, которыя оно испытываетъ, вѣроятно побудила Генриха сдѣлать для меня то же, что сдѣлала императрица прошлаго года въ Могилевѣ и Петербургѣ; но такъ какъ меня не было при этомъ, то я и не могу привести тому доказательствъ вашему величеству. Итакъ мы на другой день очутились вокругъ стола въ семь приборовъ, какъ семь мудрецовъ, и недоставало только осьмого: Минервы гиперборейской. За этимъ столомъ оставались около двухъ съ половиною часовъ, Іосифъ направо отъ Генриха, а я направо отъ Іосифа; а вечеромъ въ комедіи, въ ложѣ принца, повтореніе того

же; пьесу же всего менѣе слышали, болтали о многомъ, а Могилевъ, Смоленскъ, Москва, Петербургъ, Царское Село упоминались вкривь и вкось. И зѣваки города Спа, глядя на ложу, бормотали втихомолку: ну ужъ, ей Богу, греко-императорскій многострадальный долженъ однако быть знатная тварь! На слѣдующій за тѣмъ день Іосифъ показывался у всѣхъ источниковъ; на главномъ были танцы. Онъ былъ со всѣми очень любезенъ; но наконецъ, поклонившись всему обществу и обнявъ Генриха, уѣхалъ въ десять часовъ въ Брюссель, откуда уже отправился на недѣлю въ Версаль. Если ваше величество жаловались на несносный звонъ, происходившій въ императорскомъ слуховомъ барабанѣ 19 и 20 іюля, новаго стиля, это не мое дѣло. Я только подчинялся зуду, который чувствовали Іосифъ и Генрихъ, и не мнѣ было сказать имъ: ну, наконецъ довольно, поговоримъ о другомъ. А что касается нашихъ уединенныхъ утреннихъ прогулокъ, то намъ очень въ тягость — великому Генриху и его смиренному повѣренному — что противъ нашей воли императрица примѣшивается ко всякой нашей болтовнѣ, когда мы лазимъ по горамъ и сходимъ съ нихъ, тогда какъ мы могли бы исчерпать столько другихъ предметовъ. На первомъ вселенскомъ соборѣ я предложу, чтобъ для общаго спокойствія и удобства всѣхъ и каждаго, было запрещено говорить про Екатерину II, какъ про буллу о Тайной Вечерѣ, и чтобъ говорили только о Екатеринѣ Сіенской»[1]).

На это письмо Екатерина отвѣчала: «Я получила сегодня вашъ № 55 изъ Спа отъ 12 августа. Да благословитъ Господь моего многострадальнаго за это посланіе въ двадцать-четыре страницы. Я ожидала, что оно прибудетъ, но начинала терять терпѣніе, *какъ и всякій другой*, не имѣя ни слова собственной руки многострадальнаго о свиданіи его съ Іосифами, Генрихами, о которыхъ протрубили всѣ газеты. Мнѣ кажется, что я вижу какъ за столомъ въ театрѣ вы сидите и болтаете съ ними, а зѣваки города Спа любуются на васъ»... «Но зачѣмъ смѣть такъ много говорить

---

[1]) Письма Гримма 214—222.

обо мнѣ? Мнѣ самой кажется, что имя мое становится такъ старо, что никто болѣе не хочетъ слышать о немъ. Зачѣмъ вы не говорили о чемъ-нибудь другомъ? По мнѣ, очень странно, что всякій желалъ бы заставить меня безпрестанно писать; отчего же я не жалуюсь, когда ко мнѣ не пишутъ? Смотрите, многострадальный, я едва имѣю время въ нѣсколько мѣсяцевъ написать вамъ маленькое письмо въ 20 страницъ, для котораго я не дѣлаю напередъ черновего и не сочиняю громкихъ фразъ, и хотятъ, чтобъ я мучилась надъ льстивыми оборотами, которые берутъ у меня время и до смерти скучны. Я только Вольтеру и вамъ писала, не кляня необходимости, а всѣ эти Гага и проч. и проч. отнимаютъ множество времени, тогда какъ у меня его остаются самыя крошечные кончики, а еслибъ кромѣ того я сказала вамъ все что знаю, или полагала что знаю, вы не нашли бы ни одного слова въ возраженіе мнѣ и не стали бы ходатайствовать за своихъ протеже: могу ли я писать лицамъ, которыхъ постарались представить мнѣ не узнающими людей ихъ окружающихъ ни по имени и фамиліи, ни даже въ лицо» [1]).

При отъѣздѣ принца Генриха изъ Спа Гриммъ писалъ о немъ: «Генрихъ уѣзжаетъ отсюда, унося сочувствіе и одобреніе различныхъ націй, составляющихъ пестрый, разнообразный и странный конгрессъ въ Спа и его шумную жизнь. Всѣ національности Европы, соединенныя здѣсь, и болѣе или менѣе перессорившіяся въ эту минуту, были единодушны въ своемъ мнѣніи о немъ и во вниманіи, которое ему оказывали. Ни на западѣ, ни на югѣ Европы мы не знаемъ въ высшихъ сферахъ таланта быть любезнымъ при такихъ отличныхъ качествахъ, ни такого соединенія самой высокой репутаціи съ простотою и вѣжливостью, столько же приносящими чести ихъ обладателю, сколько лестныхъ для того, на кого они обращены; особливо же было оцѣнено его сочувствіе ко всякаго рода достоинствамъ. Это сочувствіе въ принцахъ и есть печать ихъ соб-

[1]) Опять намекъ на то, что принца Генриха изъ какихъ-то соображеній представляли ей сумасшедшимъ. *Сб. И. О.* XXIII, 219, 220.

ственнаго достоинства; жаль что многіе забываютъ её, когда являются въ свѣтъ. Что касается до Іосифа и до меня, мы нашли въ Парижѣ его орлиную голову такъ же, какъ привыкли ее знать; поэтому всѣ опасенія мои на счетъ его здоровья исчезли; притомъ здѣшнія воды навѣрно ему принесутъ пользу. Впечатлѣніе имъ произведенное сообщится этой весной въ Парижъ и Лондонъ, и нѣсколько прикроетъ прошлогоднее, оставленное въ Спа племянникомъ Гага (Густавомъ III)» [1]). О посланникѣ Гэрцѣ отзывы императрицы были неизмѣнно одни и тѣ же: она постоянно возмущалась его ледяной холодностью и таинственностью и называла его: la glace, le boutonné.

Въ концѣ 1780 года скончалась императрица Марія Терезія, и на извѣщеніе Гримма, едва только оправившагося отъ болѣзни, государыня писала: «Но знаете ли вы, что пока вы были въ постели, а въ Вѣнѣ все было погружено въ трауръ, ваша покорная слуга ужасно страдала отъ ревматизма въ лѣвой рукѣ, который былъ излѣченъ только шпанскими мушками; но онѣ уничтожили сильныя боли, а движенія этой руки до сихъ поръ еще не вполнѣ свободны, особливо во время бурь, весьма частыхъ въ этомъ году» [2]). Вскорѣ послѣ смерти Маріи Терезіи Гриммъ писалъ: «Когда графъ Фалькенштейнъ находился цѣлые часы съ глазу на глазъ съ нашей августѣйшей нормальной и морской учительницей, онъ вѣроятно не предполагалъ, какое повышеніе ожидаетъ его по возвращеніи и что мы такъ скоро увидимъ и его водицу въ котлѣ. Въ настоящую минуту все, чтó онъ говорилъ на ухо императрицѣ и чтó ваше величество съ такою жестокостью отказались повторить мнѣ, все это расгласится, и прежде конца этого начинающагося года я столько же узнáю обо всемъ этомъ, какъ будто бы я былъ регистраторомъ въ Могилевѣ и держалъ перо во время императорскихъ греко-римскихъ совѣщаній. Я охотно согласенъ, государыня, чтобъ не шумѣли болѣе о благодѣяніяхъ исторгнутыхъ младшимъ,

---

[1]) Письма Гримма, 225.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 197.

только съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ этому не придавали важности и не ходили бы болѣе на охоту за этой дичью ни для младшаго, ни для племянниковъ. Я принадлежу къ греческой православной церкви; мы не любимъ государей-поповъ; эта одежда имъ не пристала; наша императрица не сдѣлаетъ своего Константина поповичемъ. Германской конституціи не достаетъ основного закона, который запрещалъ бы государямъ вступать въ капитулы и который предоставилъ бы дворянству пріобрѣтать церковныя владѣнія, пока милосердому Богу не будетъ угодно въ одинъ прекрасный день секуляризовать всѣ епископства, всѣ аббатства, упразднивъ католическую апостольскую римскую церковь. Впрочемъ, если я вѣрно понимаю дѣло, бывшій графъ Фалькенштейнъ заявляетъ себя очень хорошо и миролюбиво, и если онъ будетъ слѣдовать ученіямъ Могилева, Эрмитажа и Царскаго Села, какъ оно кажется, то онъ менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ удвоитъ свое могущество, не проливъ ни капли крови»[1]). Здѣсь, на счетъ Австріи и ея таланта къ даровымъ пріобрѣтеніямъ Гриммъ оказался дальновиднѣе самой императрицы, которая въ то же время заявляла ему, что по смерти Маріи Терезіи Іосифъ началъ смѣлѣе дѣйствовать, противъ притязаній папы: «Мнѣ кажется, что графъ Фалькенштейнъ начинаетъ подергивать за уши святого отца»[2]). Гриммъ также замѣчаетъ это и говоритъ что Іосифъ хочетъ разбить окна у своего стараго папаши, прибавляя: «Но, тысячу разъ Бога ради, что же за дѣла предпринимаетъ прошлогодній нормальный ученикъ Іосифъ съ милымъ своимъ папашей Браски? И что же говорятъ на это господа могилевскіе и полоцкіе плуты? Развѣ день страшнаго суда въ самомъ дѣлѣ у дверей, и развѣ Вавилонская блудница должна абсолютно восторжествовать? Эти обстоятельства меня крайне огорчаютъ, и я говорю съ гораздо болѣе печальнымъ взглядомъ, нежели дармштадтскій бургомистръ: да къ чему же это все клонится? Если Греческая императрица не сжалится надо мной и надъ папашей Браски, и не замолвитъ за насъ сво-

[1]) Письма Гримма 99.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 202.

его материнскаго словечка, то изъ этого можетъ выйти мерзость запустѣнія, потому что г. Іосифъ еще не высказалъ громко всего, что онъ шепталъ на ухо своей божественной нормальной школьной учительницѣ въ Могилевѣ. Ну, да поможетъ намъ Богъ»! [1])

«Совѣтую папашѣ Браски, пока еще не поздно, поставить свою переписку съ римскимъ императоромъ на ту же ногу, какъ и съ Греческой императрицей, то-есть чтобъ они переписывались на языкѣ обоюдно непонятномъ. Все зло въ этомъ мірѣ происходитъ отъ страсти къ объясненіямъ; пока не понимаютъ другъ друга, все идетъ наилучшимъ образомъ и остаются постоянно въ согласіи. Это одна изъ вѣчныхъ истинъ, которыхъ открытіе принадлежитъ мнѣ. Бьюсь объ закладъ, что никогда не произойдетъ неудовольствія изъ-за переписки главы греческой церкви со святымъ отцомъ латинскимъ; множество наушничества съ той и другой стороны—вотъ и все, тогда какъ если папаша Браски будетъ говорить со своимъ сыномъ въ Господѣ Іосифомъ II, какъ Пій (en pie, какъ сорока—каламбуръ), и будетъ писать ему на языкѣ понятномъ для маленькихъ дѣтей, я боюсь что его возлюбленный сынъ выскажетъ ему гораздо болѣе, чѣмъ онъ желалъ бы. Къ счастію, все это не мое дѣло; я держусь своего лютеранизма и пою съ христіанской церковью въ тишинѣ: отъ ужасовъ Полоцка и Могилева и убійства папы сохрани насъ, милосердый Господи Боже»! [2])

Говоря о томъ, какъ мало оплакивали Марію Терезію послѣ ея смерти, Екатерина хвалитъ Іосифа за то, что онъ любитъ выслушивать правду: «Ну ужъ если вы любите тѣхъ, кто ставитъ себя въ возможность быть отдѣлану (étrillé), знайте, что вышеупомянутый ежедневно ставитъ себя въ такое положеніе, и вотъ почему маменька забыта уже черезъ шесть мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, хотя она царствовала 40 лѣтъ» [3]). Чтобъ объяснить, что хотѣла она выразить словомъ étrillé, слѣдуетъ припомнить вышеприве-

---

[1]) Письма Гримма 157.

[2]) Тамъ же 223, 224. Тутъ намекъ на приписываемое Іезуитамъ отравленіе папы Климена XIV.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.

денныя слова Гримма о государяхъ, умѣющихъ выслушивать правду.

Надъ отношеніями Гримма къ мелкимъ нѣмецкимъ государямъ Екатерина попрежнему подсмѣивается. «Давно уже я знаю, что вы никогда не бываете такъ счастливы, какъ когда вы возлѣ, вблизи, рядомъ, или когда у васъ спереди или сзади какое-нибудь нѣмецкое высочество, и Богъ знаетъ откуда вы умѣете ихъ откапывать и откуда они падаютъ на васъ какъ обильный дождь. Эта принцесса Мекленбургъ-Шверинская чуть не сдѣлалась моей невѣсткой: она была третья по мѣсту, но признаюсь, такъ какъ я знаю ея отца и дядей, я вовсе этимъ не соблазнилась: вѣроятно она на нихъ не похожа, если вы находите её любезной. Похвала королевы Шарлотты даетъ ей въ глазахъ моихъ репутацію доброй кумушки, вотъ и все; впрочемъ я вблизи видѣла вашихъ любезныхъ, какъ наслѣдный Дармштадскій» [1]).

Англія, Швеція, Турція.

Мнѣніе Екатерины о Георгѣ III намъ уже извѣстно. Эпоха 80-хъ годовъ была самая неблагопріятная для Англіи. Кромѣ войны съ Сѣверной Америкой, въ Лондонѣ вспыхнуло возмущеніе по поводу билля въ пользу католичества, противъ котораго страстно протестовалъ лордъ Гордонъ. Объ этомъ событіи Гриммъ пишетъ въ іюлѣ 1780 года: «Пока ваше величество приковывали взоры Европы къ Могилеву, Лондонъ чуть не испыталъ катастрофы, и я бьюсь объ закладъ, что иноходецъ (Paßgänger) не знаетъ, что это не есть дѣло сумасшедшаго Гордона, но лучшаго изъ гражданъ, какого сотворилъ Господь въ этомъ вѣкѣ» [2]).

Подъ этимъ именемъ гражданина (bourgeois) Георгъ часто является и въ письмахъ самой Екатерины. О причинѣ же, вызвавшей лондонскіе безпорядки, Гриммъ говоритъ: «Когда я увидѣлъ съ какою мудростью прикасались къ этимъ старымъ законамъ противъ католиковъ, гораздо вѣрнѣе упраздненнымъ отъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 270.
[2]) Письма Гримма 27, 28.

измѣненія нравовъ, нежели бы это могло быть произведено какимъ-либо закономъ, я взялъ свою квакерскую шляпу и сказалъ: другъ Георгъ, вотъ прекрасное средство заставить народъ твой ступить шагъ на полтораста лѣтъ назадъ; тебѣ не поздоровится отъ этого, я тебѣ говорю. И вотъ милордъ Георгъ Гордонъ архибезумецъ взялся за исполненіе моего пророчества. Но другъ мой Георгъ никогда хорошенько не понималъ разницы между неловкимъ умомъ, какой былъ данъ ученицѣ г-жи Кардель, и неловкой поступью иноходца, который тридцать лѣтъ будетъ выступать одинаково и никогда не войдетъ въ тактъ. Весьма большое счастіе для этихъ неловкихъ, что имъ нечего дѣлить съ нѣкоторыми неловкими умами, выскочившими изъ кухни госпожи Кардель: ужъ эти послѣдніе дали бы имъ знать; но по счастью они имѣютъ дѣло съ умами самыми прямыми, съ которыми они рискуютъ только покроемъ собственныхъ глупостей: эти прямые умы, какъ мнѣ кажется, желаютъ во что бы ни стало, чтобъ всѣ бѣдствія неловкихъ были единственно ихъ собственнымъ твореніемъ, и стало-быть ни въ чемъ имъ не помогаютъ, чтобъ толкнуть ихъ въ трясину, куда они такъ остроумно сами забрались. Да благословитъ Богъ и прямыхъ и неловкихъ умомъ; они надоѣли мнѣ всѣ, сколько ихъ ни есть. Я довольствуюсь своимъ жребіемъ— своею нормальной школьной учительницей. Это всегда доставляетъ вамъ честь и удовольствіе, и никогда васъ не огорчаетъ»[1]).

Екатерина отвѣчаетъ на это: «Увы, еслибъ вы знали о лондонскомъ шумѣ то, чтó я знаю, вы бы очень удивились. Если такъ, узнайте же, что самый преступный изо всѣхъ здѣсь въ тюрьмѣ въ Петербургѣ [2]), а гораздо менѣе виновные были повѣшены; это были сумасброды, вотъ и все... *Но... но...* и это *но* остается. Четыре тысячи даровыхъ школъ не сдѣлаютъ людей умнѣе, проповѣди нравственности тоже: вотъ

---

[1]) Тамъ же, 46, 47.

[2]) Для опредѣленія, кого именно разумѣла тутъ императрица, нѣтъ никакихъ данныхъ; вѣроятно, рѣчь идетъ о какомъ-нибудь тайномъ агентѣ, пріѣхавшемъ въ Петербургъ для возбужденія смуты и у насъ, чему, какъ извѣстно, бывали примѣры и позднѣе.

все что можно сказать. Прекрасная натура всегда и вездѣ о себѣ заявитъ, г. Бюффону принадлежитъ честь её описывать»....[1])

«Послушайте, не восхищайтесь нынѣшнимъ вѣкомъ», говоритъ она въ другомъ ближайшемъ письмѣ, — «вѣкомъ которому вы боитесь причинить такой вредъ, скрывая отъ него мои письма: этотъ вѣкъ такъ же глупъ, какъ и многіе другіе; а послѣдующій вѣкъ будетъ безуменъ, если Господь не умудритъ его: ибо что такое просвѣщеніе, которое будетъ во всѣхъ родахъ сіять у васъ (во Франціи) и на всемъ югѣ? Все это—братцы Георги въ своемъ родѣ. О Боже мой, Боже мой! сколько братцевъ Георговъ вездѣ, вездѣ! Да благословитъ Богъ братцевъ Георговъ, добрыхъ гражданъ и посредственныхъ иноходцевъ, и потомъ восхищайтесь этимъ вѣкомъ и его произведеніями. Вѣдь въ этомъ вѣкѣ нашлись бездѣльники, которые захотѣли писать какъ Вольтеръ, не имѣя его генія: они думали, что для этого надо только красиво обдѣлывать фразу, или также вкривь и вкось дерзко судить обо всемъ; когда я вижу это, я говорю: о Боже мой! это не то, не то. Не пишите сильно, когда не обладаете душою сильной, не пишите смѣло, когда не имѣете ни генія, ни пріятности! О, какъ они глупы, ваши бездѣльники и всѣ бездѣльники всѣхъ сортовъ... Этотъ вѣкъ есть предвѣстникъ того вѣка, который создадутъ братцы Георги»..... [2]).

Въ разныхъ другихъ мѣстахъ своихъ писемъ Екатерина выражаетъ свое нерасположеніе къ личности и характеру Англійскаго короля, называя его самымъ фальшивымъ изъ людей, негодуя на коварство англійской политики, прикрываемой религіознымъ лицемѣріемъ, о которомъ и Гриммъ отзывается такъ: «Когда я вычиталъ съ большимъ благоговѣніемъ въ послѣднихъ газетахъ, какіе ревностные христіане братецъ нашей императрицы Георгъ и его супруга и съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ и заплаканными глазами они отправляли своего второго сына, пастора Оснабрюкскаго, въ чужбину на богомолье, то я сказалъ:

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 187.
[2]) 192, 193.

ну этакаго честнаго гражданина и отца семейства не отыщется во всей лондонской Сити. Кто же могъ вообразить себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который даетъ предписанія морского разбоя и подписываетъ приказы грабежа, чтобъ обкрадывать своихъ мирныхъ сосѣдей? То, что именуется человѣческой природой, весьма загадочная вещь»[1]).

О политикѣ Англіи въ Америкѣ Гриммъ отзывается такъ: «Мои каролинскіе москотильщики держатся очень хорошо: они всему научатся кромѣ дѣланія золота, потому что христіанамъ нейдетъ быть колдунами; но еслибъ имъ предложили порядочную сумму, я думаю, они давно убѣдили бы суконщиковъ, что ихъ надо оставить въ покоѣ. Большая странность со стороны папаши Жоржа полагать, что онъ можетъ возвратиться въ домъ своихъ дѣтей послѣ того какъ онъ шесть лѣтъ сряду жегъ его. Ну, вѣдь это же совершенная невозможность, говоритъ наша милостивая императрица, а дармштадтскій бургомистръ ударяетъ своими двумя пальцами по серебряной табакеркѣ и говоритъ: «Это будетъ трудновато, даже когда нашъ милостивѣйшій ландграфъ дастъ на то свой батальйонъ»[2]).

Есть въ письмахъ Гримма еще другой характеристическій отзывъ объ англійской политикѣ, по поводу американскаго генерала Арнольда, измѣнника, перешедшаго на англійскую службу и на имя котораго вскорѣ помѣщена была большая сумма денегъ въ лондонскомъ банкѣ. Французы захватили англійскій пакетботъ, отправлявшійся съ депешами отъ лондонскаго двора и между прочимъ съ отчетомъ банкира генералу Арнольду. Гриммъ, описывая этотъ случай, прибавляетъ: «Пусть платятъ за измѣну, пусть поощряютъ и награждаютъ измѣнниковъ; это конечно необходимое зло; но чтобъ измѣннику давали почетную одежду, военный мундиръ, чтобъ его ставили во главѣ экспедиціи и чтобъ британскіе офицеры соглашались служить подъ его начальствомъ, это ново въ лѣтописяхъ исторіи. Я хотѣлъ бы также знать, одоб-

---

1) Письма Гримма 97, 98.

2) Тамъ же, 134.

рила ли бы императрица начальника своихъ морскихъ или сухопутныхъ силъ, который, послѣ завоеванія непріятельскаго острова, позволилъ бы тамъ развѣваться непріятельскому флагу, чтобъ заманивать всѣхъ тѣхъ, кто по незнанію попадетъ въ ловушку. Это конечно хитрость ловкихъ людей; но есть ли тутъ чѣмъ хвастаться въ депешѣ, офиціально напечатанной?» [1]).

Послѣ пораженія Корнваллиса императрица пишетъ: «Мой братецъ суконщикъ испытывалъ тридцать-шесть несчастій арлекина». Наконецъ она не разъ проситъ Гримма не говорить ей о Георгѣ, котораго одно имя волнуетъ ей кровь. О принцѣ Вельсскомъ, будущемъ королѣ Георгѣ IV, Гриммъ сообщаетъ слѣдующій слухъ изъ Спа: «Другой фактъ, который я къ великому моему удивленію узналъ здѣсь и съ которымъ согласны всѣ, и оппозиція и партія двора—это поведеніе принца Вельсскаго, утопающаго въ распутствѣ и грязи, и погруженнаго въ нихъ по уши. Это должно быть очень тяжело господину папашѣ, гражданину и христіанину, и мнѣ доброму гражданину также огорчительно» [2]).

Густавъ въ 1780-мъ году путешествовалъ по Европѣ и пожелалъ посѣтить Францію, но пріѣздъ его учтиво отклонили. Тогда онъ отправился на воды въ Спа, гдѣ праздновалъ день св. Александра Невскаго съ бывшими тамъ русскими кавалерами и дамами и гдѣ выигралъ въ «trente et quarante». Екатерина, узнавъ это, шуточно замѣчаетъ: «Графъ Гага (Haga) — подъ этимъ именемъ Густавъ путешествовалъ по Европѣ — выигралъ въ Спа чѣмъ заплатить за свое путешествіе: въ первый разъ подобный выигрышъ обратится въ пользу государства [3]). Въ іюнѣ 1782 г. предполагалось свиданіе между Екатериной II и Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, но оно было отсрочено, и мы читаемъ въ письмѣ государыни отъ 7 іюня: «Вотъ мое фридрихсгамское путешествіе разстроено или отложено, потому что шведскій герой по неловкости и оттого, что онъ плохой наѣздникъ,

---

[1]) Тамъ же, 134, 135.
[2]) Тамъ же, 226.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 193.

упалъ съ лошади и переломилъ себѣ лѣвую руку накось между плечомъ и локтемъ; съ этимъ прекраснымъ извѣстіемъ онъ прислалъ мнѣ своего камеръ-юнкера. Я велѣла сказать ему, что обошлась бы безъ подобной новости; я люблю хорошія, а не дурныя вѣсти»[1]).

Поѣздка въ Фридрихсгамъ состоялась однако недѣли черезъ двѣ, и государыня въ августѣ писала: «Кажется, я забыла сказать вамъ, что этимъ лѣтомъ я имѣла въ Фридрихсгамѣ свиданіе съ моимъ милымъ братцемъ, дономъ Густавомъ, который явился одѣтымъ по-испански, съ подвязанной рукой, потому что онъ вывихнулъ или сломалъ ее передъ тѣмъ въ своемъ лагерѣ, въ Тавастгусѣ. Болѣе всего казалось мнѣ странно — мнѣ, окруженной мундирами,—что изъ шведскаго лагеря наѣхало множество офицеровъ лучшихъ фамилій Швеціи, которые безпрестанно проходили подъ моими окнами, такъ какъ Фридрихсгамъ длиною не болѣе 260 сажень, и когда я спрашивала шведскаго короля: Что вы мнѣ ихъ не приведете? я бы желала видѣть ихъ поближе, онъ мнѣ отвѣчалъ: «У нихъ нѣтъ приличнаго платья, чтобъ предстать предъ вами». А подъ этимъ приличнымъ платьемъ разумѣлось то, чтобъ снять шведскій мундиръ и надѣть испанскій костюмъ, черный съ пунцовымъ. Мнѣ надоѣли эти фокусы и я поступила вотъ какъ: по мѣрѣ того какъ они проходили, я въ его присутствіи разговаривала съ ними изъ оконъ моихъ комнатъ, которыя были внизу. Я видѣла графа Крейца, пріѣхавшаго изъ Парижа прямо въ Финляндію; у этого не было кармана въ его испанскомъ камзолѣ, такъ что онъ принужденъ былъ класть въ шляпу то, что обыкновенно кладется въ карманы. Самимъ Шведамъ несносенъ этотъ испанскій нарядъ. NB Мои люди имѣли глупость взять со мною только мундирное платье, какое я всегда ношу въ путешествіяхъ; такимъ образомъ дворы россійскій и шведскій представляли полнѣйшую противоположность»[2]).

---

[1]) 280.
[2]) 282, 283.

Лѣтомъ 1784 года Густавъ опять разъѣзжалъ по Европѣ. «Вообразите», говоритъ государыня Гримму, «что пока Густавъ разъѣзжаетъ по Европѣ, не пропуская ни одного бала, въ странѣ его положительно голодъ и въ нѣсколькихъ провинціяхъ въ буквальномъ смыслѣ, множество людей умерло съ голода; наши сѣверныя области могли бы очутиться въ томъ же положеніи, еслибъ не было запасныхъ магазиновъ, которые прокормили весьма многихъ, такъ какъ прошлогодній урожай былъ очень плохъ на сѣверѣ до 56°... Чтожъ вамъ сказать о такомъ королѣ? Вы видите его лицомъ къ лицу; если хотите заставить его зѣвать; говорите съ нимъ о чемъ нибудь серьезномъ, выразите при немъ дѣльное сужденіе; но если хотите овладѣть имъ, станьте спиной къ зеркалу, и говорите съ нимъ о стишкахъ, пѣсенькахъ, о театрѣ и нарядахъ, и онъ, любуясь на себя въ зеркало, долго васъ не покинетъ. Если онъ вамъ станетъ говорить, что любитъ меня, не вѣрьте ему: мы сходимся какъ кругъ и четырехъугольникъ. Пиковый король разсѣянъ и льстивъ; онъ казался мнѣ не въ своей тарелкѣ и стѣсненъ съ дворомъ шведскимъ гораздо болѣе чѣмъ съ русскимъ» [1]). Когда же Гриммъ сообщаетъ государынѣ лестные отзывы о ней Густава, она отвѣчаетъ: «Вы можете быть увѣрены, что не смотря на все, что г. Гага можетъ сказать обо мнѣ, я для него прескучная особа, скучная до зѣвоты; только онъ не смѣетъ этого высказать, потому что мы имѣемъ слабость показывать, что цѣнимъ тѣхъ, кого другіе цѣнятъ, хотя въ глубинѣ души намъ это наскучаетъ и мы всего менѣе таковы, какими желаемъ казаться. Въ Фридрихсгамѣ мы ежедневно старались отъ 4-хъ до 6-ти часовъ сидѣть взаперти съ вашей покорнѣйшей слугою. И Богъ знаетъ зачѣмъ: чтобъ казаться быть запертымъ съ нею. Мы говорили, говорили, переливали изъ пустого въ порожнее и вашъ покорнѣйшій секретарь, видя его зѣвающимъ, чтобъ положить конецъ болтовнѣ, отворялъ дверь, какъ только чуялъ въ прихожей приближеніе человѣка, чтобъ

---

1) 305.

избавить ихъ величества шведское и русское отъ этихъ скучнѣйшихъ сидѣній съ глазу на глазъ; это заставляло меня потѣть до смерти и не мало способствовало тому, что я прошедшимъ лѣтомъ схватила насморкъ, который продолжался цѣлыхъ шесть дней... Со всѣхъ сторонъ намъ говорятъ, что шведскій король хочетъ завладѣть Норвегіей; если это безумное предпріятіе приведется въ исполненіе, Россія будетъ вынуждена утереть носъ дону Густаву» [1]).

Такое полное неуваженіе къ личности Густава усиливалось еще свѣдѣніями Екатерины о томъ, что онъ получалъ деньги то отъ Франціи, то отъ Турціи и Англіи, чтобъ вредить Россіи по сосѣдству. Во время путешествія его по Европѣ въ 1785 году Екатерина писала Гримму: «Право, если г. Гага выловилъ въ какомъ-нибудь кошелькѣ средства къ покрытію издержекъ на свои путешествія, то только не въ моемъ, а если онъ это сказалъ, то передайте ему, чтó я говорю: — онъ лжетъ какъ зубной рвачъ и не первый разъ я на дѣлѣ ловлю его во лжи» [2]).

Вообще государыня въ своихъ отзывахъ часто соединяетъ Георга и Густава подъ однимъ именемъ Gegu и относится съ глубокимъ презрѣніемъ къ ихъ политикѣ. Такъ въ 1784 году она говоритъ: «Извѣстно, что конторы братьевъ Г. понесли только потери; оттого мы и не смѣшиваемъ своихъ акцій съ акціями этихъ людей» [3]). О своемъ разочарованіи въ Англіи и ея государственныхъ людяхъ она говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Со времени скандаловъ Жоржа Гордона я перехожу къ глубокому молчанію обо всемъ касающемся этой страны, которая была однимъ изъ моихъ коньковъ, какъ говорилъ покойный Тристрамъ Шанди; эти безумцы полагали, что они и у меня могутъ произвести великій скандалъ; кто бы могъ подумать, что у этихъ глубокихъ мыслителей случаются вещи, не имѣющія ни хвоста, ни головы?» [4]).

---

[1]) 312—314.
[2]) 370.
[3]) 297.
[4]) 190, 191.

О современникѣ своемъ Донъ-Карлосѣ испанскомъ Екатерина была невысокаго мнѣнія и не разъ подшучивала надъ его неудачными военными дѣйствіями. Такъ отъ 10-го декабря 1782 г. она пишетъ; «Кто не знаетъ, что король испанскій гнѣвается на Іезуитовъ? его увѣрили, что они распространяютъ, будто онъ незаконнорожденный; но развѣ, онъ все-таки не испанскій король при этомъ? законный ли онъ, или незаконный, я утверждаю, что неправда будто онъ незаконный, потому что обыкновенно незаконныя дѣти лучше выдерживаютъ осады, чѣмъ онъ при Гибралтарѣ; они также бываютъ счастливѣе на войнѣ, нежели онъ былъ въ Африкѣ, противъ Алжира и пр. и пр. Сами дополняйте чего недостаетъ» [1]).

По поводу взятія Англичанами Гибралтара, государыня говоритъ: «Поздравляю васъ съ блестящими побѣдами соединеннаго флота и удачной осадой Гибралтара. Я отъ природы не завистлива, однако завидую братцу Георгу, что онъ имѣетъ Роднея, Гова, и героя Элліота, а у васъ и у Испанцевъ я ничему не завидую» [2]).

Отношенія Россіи къ Турціи за этотъ періодъ времени опять начинаютъ быть натянутыми, и въ апрѣлѣ 1783 г. императрица пишетъ: «Господинъ Абдулъ-Гамидъ дѣлаетъ мнѣ непріятные сюрпризы; онъ распорядился занять Кубань и островъ Тамань и объявилъ всѣхъ жителей своими подданными; это несноснѣйшее дѣло и противное всѣмъ союзамъ: невозможно, чтобъ я позволила у себя на носу такъ хозяйничать. Вы знаете, что никогда ни одинъ нѣмецъ этого не терпитъ и что болѣе всего онъ заботится о своемъ носѣ. Это поглощаетъ все мое вниманіе» [3]).

Англичане, раздраженные противъ Екатерины объявленіемъ вооруженнаго нейтралитета, дѣятельно подстрекали Порту противъ Россіи, такъ что слухи о войнѣ распространялись и въ Петербургѣ, какъ свидѣтельствуетъ сама императрица: «Кстати,

---

[1]) 265.
[2]) 261.
[3]) 277.

въ городѣ тó говорятъ что у насъ будетъ война съ Турками, тó что ея не будетъ: я объ этомъ знаю не болѣе чѣмъ публика; будетъ что будетъ!» [1])

Гримма вѣроятно также тревожили эти слухи, ибо онъ ни о чемъ такъ не хлопоталъ, какъ объ умиротвореніи Европы, и то серьезно, то шутя, всячески старался отклонить мысли государыни отъ новой войны съ Турціей. На его доводы и опасенія императрица отвѣчаетъ: «Ну, господинъ статскій совѣтникъ, за что же вы сердитесь? Совѣтуйте сколько угодно, я ничего противъ этого не имѣю. Но прежде всего я должна поговорить съ вами обстоятельно на счетъ вашего добраго друга и протеже синьора Абдулъ-Гамида, чтобъ вы по крайней мѣрѣ знали дѣло такъ же какъ и я. Онъ можетъ-быть и очень красивый малый, я противъ него не питаю никакой злобы, но вотъ въ чемъ дѣло. По миру въ Кайнарджи я уступила Крымъ и пр. съ условіемъ, чтобъ онъ былъ свободенъ и независимъ. Съ 1774 по 1779 г. Порта не переставала возбуждать волненія въ Крыму и постоянно нарушала эту независимость; доказательство тому конвенція въ Али-Кавакѣ, окончившая въ 1779 г. весь шумъ и вооруженія, которыя при этомъ происходили. Эта конвенція осталась неприкосновенною, за исключеніемъ нѣсколькихъ измѣненій, которыя мы не станемъ перечислять, потому что они того не стóятъ; въ 1782 году Порта послала въ Суджакъ, — гдѣ никогда не было паши, — подстрекателя о трехъ бунчукахъ. Черезъ три дня послѣ его прибытія, вдругъ двое братьевъ хана, получивъ разрѣшеніе этого подстрекателя, садятся на коней и подымаютъ знамя возстанія противъ своего брата. Паша, увидѣвъ ихъ на такомъ прекрасномъ пути, посылаетъ тогда на Кубань къ Черкесамъ, въ Тамань объявить всѣмъ этимъ племенамъ, что они впредь будутъ принадлежать султану, его высокому повелителю; въ Тамани онъ приказалъ отрубить голову ханскому агѣ, который былъ посланъ попросить у него объясненія насчетъ всѣхъ

---

[1]) 280.

этихъ дѣяній. Кажется, невозможно требовать, чтобъ Россія осталась равнодушной зрительницей подвиговъ высокой Порты; надо было каждую минуту вооружаться по прихоти божественнаго властелина суджакскаго паши[1]); Россія пожертвовала Крымомъ и всѣми своими завоеваніями желанію мира; но такое состояніе не есть миръ. Понесенныя издержки не преувеличиваются, когда ихъ оцѣниваютъ въ двѣнадцать милліоновъ; итакъ надо было дать дѣламъ этимъ другой оборотъ; если боятся Россіи, то не надо постоянно интриговать противъ всего, что она предпринимаетъ Этимъ торговымъ союзомъ насъ старались умаслить, тогда какъ пашѣ суджакскому давали полную волю, такъ хорошо снабдивъ его деньгами и оружіемъ, что едва братья хана выступили въ походъ, турецкія деньги нашлись въ изобиліи, — дѣло невиданное съ самаго заключенія мира, а обезоруженные Татары очутились вооруженными. Я не знаю въ чемъ я не соблюла трактатовъ; я никогда не обѣщала давать себя въ обманъ; можетъ-быть, Абдулъ-Гамиду неизвѣстны интриги дивана и компаніи [2]), но меня не проведутъ. Отъ высокой Порты зависитъ вполнѣ окончить все безъ шума, если это ей не по вкусу... Маленькая дура и большая смотрятъ съ великимъ спокойствіемъ на то, будетъ ли миръ или война, только у васъ кричатъ, потому что у васъ не Христіане, а Турки. Бѣдные люди! надо думать что они очень счастливы съ этимъ большимъ другомъ; еслибъ я была на ихъ мѣстѣ, я знаю, что́ бы сдѣлала; я осталась бы христіанкою и получила бы отъ того выгоды; я часто видѣла какъ въ политикѣ, да и во многомъ другомъ, олицетворяется басня собаки и тѣни» [3]).

Послѣ пріѣзда въ Россію графа Сегюра императрица шутила такъ: «Если г. Сегюръ будетъ болѣе любить великаго Турка нежели меня, онъ будетъ совсѣмъ не правъ, потому что я въ самомъ дѣлѣ гораздо любезнѣе этого человѣка; вотъ и теперь, пока этотъ неучь дюжинами снимаетъ головы, посмотрите какія

---

[1]) Т. е. султана.

[2]) Т. е. происки европейской дипломаціи.

[3]) 287, 288.

я хорошенькія сочиняю газеты; прочтите-ка мои извѣстія, и тогда рѣшайте между Абдулъ-Гамидомъ и мною. Не правда ли я заслуживаю предпочтенія, хотя бы только за это» [1]). «Я очень рада что вы довольны моими декларaціями. Я всегда стараюсь избѣжать двухъ вещей: первое, сказать слишкомъ много, второе, сказать сухо, чтó всѣмъ не нравится и стало-быть не располагаетъ въ мою пользу. Впрочемъ, истинная правда, что призраки, созданные въ насмѣшку и въ воображеніи, должны исчезнуть и хорошо бы было не слишкомъ обращать на это вниманіе. Я очень довольна, что Марабу со своею рѣзней внушили вамъ къ себѣ большое отвращеніе и я тоже его чувствую и требую чтобъ вы любили меня больше нежели ихъ» [2]). На шуточный же совѣтъ Гримма съѣздить въ Константинополь государыня говоритъ въ концѣ 1785 г.: «Въ Херсонь я надѣюсь ѣхать въ концѣ 1786 г., но о путешествіи въ Константинополь можно ли думать? Туда надо итти въ хорошей и многочисленной компаніи. Одна мысль объ этомъ, какъ неисполнима она ни должна бы казаться, поднимаетъ однако желчь вашихъ политиковъ, отчаянно влюбленныхъ въ Марабу и дружески преданныхъ покровительству имъ. Эти Марабу такъ имъ близки и дороги, что нѣтъ случая, при которомъ они не сообщали бы мнѣ устно и письменно, что они всячески будутъ охранять цѣлость этихъ прелестныхъ Марабу. Думаютъ ли они внушить мнѣ этимъ страхъ, думаютъ ли помѣшать мнѣ дѣлать то, чего требуетъ польза моей имперіи? Что они этимъ производятъ? Они только удаляютъ отъ себя мою душу, и пусть будетъ, что будетъ! И чего могу я ожидать отъ людей, которые безпрестанно твердятъ мнѣ: естественные враги вашего государства—наши самые дорогіе друзья и благопріятели, которыхъ мы обожаемъ, поддерживаемъ. Я на это могу отвѣчать: друзья моихъ естественныхъ враговъ не могутъ быть моими друзьями и я имъ низко откланиваюсь» [3]).

---

[1]) 346.
[2]) 359.
[3]) 370, 371.

Не заключается ли въ этихъ замѣчательныхъ выдержкахъ и въ знаменательныхъ словахъ Екатерины все прошедшее, настоящее и будущее нашего положенія относительно Европы по вопросу о Турціи и Христіанахъ Балканскаго полуострова? «Я не знаю въ чемъ я не соблюла трактатовъ, я никогда не обѣщала давать себя въ обманъ и меня не проведутъ»: вотъ отвѣтъ Екатерины на интриги европейской дипломаціи въ восточномъ вопросѣ, и мирное присоединеніе Крыма доказываетъ, что не твердая, самостоятельная политика вызываетъ войну и заставляетъ проливать потоки крови.

Отстаивая независимое положеніе Россіи на всѣхъ совѣтахъ Европы, Екатерина обращала не менѣе зоркое вниманіе и на всѣ враждебныя выходки противъ Россіи въ разныхъ заграничныхъ изданіяхъ и часто отражала ихъ въ письмахъ къ Гримму, зная конечно, что такимъ образомъ мнѣнія ея всего вѣрнѣе будутъ узнаны и произведутъ должное впечатлѣніе. Такъ напримѣръ, выписывая черезъ Гримма Живописное путешествіе по Греціи, она, по полученіи нѣсколькихъ выпусковъ его въ 1780 г., пишетъ: «Въ этомъ сочиненіи на каждомъ шагу видно враждебное настроеніе Шуазёля и компаніи противъ Россіи. Малѣйшее и невиннѣйшее обстоятельство тотчасъ подаетъ поводъ къ эпиграммамъ и разнымъ нападкамъ, напоминающимъ тѣ сто тысячъ пасквилей, которые противъ насъ печатаютъ и которые однако не помѣшали намъ совершить все то, что мы совершили. Но поднимать глупости значитъ увеличивать ихъ число; надо ихъ презирать. Необходимо только замѣчать изъ нихъ каково настроеніе умовъ, особливо же какова ненависть къ русскому имени» [1]).

Мы уже ранѣе говорили, что императрица, составляя исторію Россіи для внучковъ своихъ, говорила, что это будетъ служить противоядіемъ тѣмъ негодникамъ, которые унижаютъ Россію. Великая монархиня умѣла относиться къ исторіи и судьбамъ своего народа съ тою же горячей любовью, которая вдохновляла

---

[1]) 180.

позже нашего незабвеннаго исторіографа въ его безсмертномъ трудѣ.

Когда Гриммъ въ 1780 году доставилъ императрицѣ одно политическое посланіе изъ Америки, то она отвѣчала:

«Что касается до вашихъ американскихъ грамотъ, избавляю васъ отъ труда посылать мнѣ ихъ, потому что я ихъ присоединяю къ числу тѣхъ 365 листковъ исполненныхъ лжи и клеветъ, которые еженедѣльно издаются въ Европѣ....

«Благодарю г. Мятлева и васъ за американскую грамоту, исполненную весьма неразумныхъ декларацій и слишкомъ большой и неумѣстной смѣлости; я разъ навсегда знаю чего держаться и не притронусь къ ней; притомъ у меня менѣе чѣмъ когда-либо времени на чтенія почти безполезныя»[1]).

Гриммъ отвѣчалъ такъ: «Ваше величество, не въ укоръ будь сказано, позволяете себѣ нѣсколько неуважительное отношеніе къ моимъ американскимъ грамотамъ. Вотъ благодарность человѣку за то, что онъ, изъ одной чести употребивъ немножко чернилъ и перо, желаетъ сдѣлать въ другомъ полушаріи что-нибудь могущее привлечь взоры Минервы посѣщаемой! Если такъ, то Минерва упрямая не получитъ ничего, ни журнала осады Чарлстоуна, ни другихъ прекрасныхъ вещей, изъ которыхъ могла бы извлечь наслажденіе. Правда, Чарлстоунъ былъ взятъ, и журналъ осады является горчицей послѣ ужина, но дорогая мать родина[2]), кажется нисколько не подвинулась впередъ съ своими непокорными дочерьми. Среди 365 тысячъ лживыхъ слуховъ, распространяемыхъ въ Европѣ и Америкѣ, у многострадальнаго въ головѣ есть нѣсколько вѣчныхъ истинъ, которымъ онъ не измѣнитъ. Напримѣръ: процессъ между маменькой и непокорными дочерьми непоправимъ, и маменька вполнѣ заслужила его своей рѣдкой и удивительной глупостью. Если бъ у нея оставалась хоть одна крошка мудрости, она сказала бы: Дѣти мои, мы не должны жить вмѣстѣ. Ваша мать поражена была ослѣпленіемъ и ей есть что

[1]) 183.
[2]) Англія.

оплакивать во всю остальную жизнь свою, но забудьте прошедшее, и посмотримъ не можемъ ли мы—послѣ того, что разстроили свое хозяйство съ отвратительнымъ скандаломъ — быть сосѣдями и жить согласно. Другая истина того же многострадальнаго: что умиротвореніе Европы невозможно безъ приглашенія всемогущей и пресвѣтлѣйшей профессорши вооруженнаго нейтралитета явиться со своимъ морскимъ уставомъ подъ мышкой, открыть его, перелистовать и указать, какимъ способомъ, по ея мнѣнію, могутъ быть впослѣдствіи ограждены права рода человѣческаго. Но, кстати, вотъ русское купеческое судно задержано и взято англійскимъ флотомъ, и стало-быть вооруженный нейтралитетъ уничтоженъ. Если онъ воскреснетъ, то не изъ своего пепла, потому что меня увѣряютъ, что русскій корабль уже возвращенъ. Правда, наша императрица, говорятъ люди изъ Риги и изъ Нарвы, самая учтивая женщина на свѣтѣ. Она пальцемъ своимъ вяжетъ для церкви, но никогда никому не грозитъ. Онъ всегда у нея прямо подъ носомъ. Я думаю — чтобъ хорошо кончить на этомъ свѣтѣ, надо держать палецъ прямо, а умъ вкось. Что думаетъ объ этомъ графъ Фалькенштейнъ? [1]).

Въ началѣ 1781 года Гриммъ опять прислалъ императрицѣ слѣдующее сообщеніе изъ Америки, доказывающее какое обаяніе соединялось съ именемъ Екатерины во всѣхъ концахъ міра, и какъ она умѣла привлечь къ себѣ всѣ взоры:

«Я хотѣлъ закончить подвигомъ покаянія и поручить себя императорскому милосердію; но вотъ вдругъ приходитъ посланіе изъ Америки, и еще вполнѣ свѣжее, такъ какъ всего только мѣсяцевъ семь, какъ оно въ дорогѣ. О, на этотъ разъ ваше величество не ускользнете отъ него. Этотъ филадельфійскій корреспондентъ, которымъ я обязанъ единственно своей августѣйшей государынѣ, каждую минуту душитъ меня толстыми пакетами, заключающими журналы конгресса и всего, что́ случается въ этой странѣ, не считая кучи американскихъ газетъ. Я глотаю

---

[1]) Письма Гримма 66, 67.

все это, пакетъ за пакетомъ, не говоря о томъ ни одного слова вашему величеству; но послѣднее выходитъ изъ границъ смѣха; это не бюллетень, не газета: это грамота. О, императрица пусть попробуетъ этого, хотя только для того, чтобъ дать ему мѣсто въ каминѣ — моемъ архивѣ. Однако это весьма забавная вещь— встрѣтить человѣка не надѣющагося никогда сдѣлаться извѣстнымъ вашему величеству и которому я никогда не пишу, думая тѣмъ отвратить его, а между тѣмъ онъ не находитъ бóльшаго счастія въ Филадельфіи какъ извѣщать императрицу объ американскихъ дѣлахъ, о которыхъ она, въ свою очередь, ничего не знаетъ. И не странно ли, что американскія амазонки въ порывѣ патріотизма, сославшись на библію, говорятъ между собою, чтобъ подогрѣть себя, о Фалестрисѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ? [1]).

Въ іюнѣ 1781 года Екатерина возвѣстила Гримму о поѣздкѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Феодоровны за границу въ слѣдующихъ словахъ, писанныхъ изъ Царскаго Села: «Вотъ я вернулась сюда и останусь здѣсь долго, чтобъ привить въ сентябрѣ оспу своимъ внучкамъ (великимъ князьямъ Александру и Константину), послѣ чего отецъ ихъ и мать, выразившіе мнѣ большое желаніе путешествовать, съ дозволенія моего поѣдутъ черезъ Москву и Кіевъ въ Вѣну, оттуда въ Италію, потомъ направятся въ Монбельяръ и возвратятся черезъ Дрезденъ кратчайшимъ путемъ въ Ригу... [2]) Прошу васъ сказать аббату Галіани и Рейфенштейну, что они увидятъ въ Неаполѣ и Римѣ графа и графиню Сѣверныхъ (Du Nord). Великій князь и великая княгиня выѣзжаютъ отсюда 16 или 17 (сентября) въ Вѣну, а оттуда поѣдутъ въ Италію» [3]).

Они выѣхали однако только 27 сентября. Когда они направлялись въ Италію, императрица писала: послѣднія письма отъ графа и графини Сѣверныхъ были изъ Болоньи; они ѣхали въ Римъ, а оттуда въ Неаполь. Смотрите пожалуйста, куда сѣвер-

---

[1]) Тамъ же, 178, 179.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 214.
[3]) 219.

ные люди забираются; я полагаю, что они для своего удобства нигдѣ не обѣдаютъ и не ужинаютъ: въ нашемъ семействѣ не любятъ длинныхъ обѣдовъ и ночныхъ бдѣній; за то мы очень раннія птицы» [1]).

Въ мартѣ 1782 г. Екатерина пишетъ: «Праздники въ Венеціи, данные графу и графинѣ Сѣвернымъ были великолѣпны. Вотъ уже полгода какъ они гуляютъ; но они будутъ очень удивлены по возвращеніи своемъ замѣчательными успѣхами Александра» [2]). Какъ государыня наслаждалась своими внучками въ отсутствіи ихъ родителей и съ какой нѣжной заботливостью входила во всѣ мельчайшія подробности ихъ воспитанія — уже приведено нами годъ за годъ. Рейфенштейнъ оказался боленъ припадкомъ подагры во время пребыванія августѣйшей четы въ Римѣ, и Екатерина выражаетъ сожалѣніе, что онъ не могъ ходить съ ними на колокольни и соборы папской столицы. Въ Парижѣ графъ и графиня, по словамъ Гримма, имѣли большой успѣхъ и государыня отвѣчаетъ на это: «Признаюсь вамъ безъ обиняковъ, то что вы мнѣ писали о ихъ успѣхѣ превзошло мои ожиданія; благодарю васъ за сообщаемыя вами подробности, онѣ доставили мнѣ большое удовольствіе. Правда, что графиня пишетъ, что нашла васъ очень пополнѣвшимъ. Я думаю, и вы бы могли ей отвѣтить тѣмъ же... Очень рада, что вы довольны пріемомъ, который они оказали вашей милой Эмиліи» [3]).

Въ присутствіи великаго князя Павла Петровича и его супруги было въ Парижѣ засѣданіе Французской академіи. Въ немъ Лагарпъ (критикъ), котораго Екатерина считала бездарнымъ, прочелъ свое посланіе (épître à M. le comte du Nord), называя въ немъ своего высокаго гостя Петровичемъ, а аббатъ Арно читалъ характеристику Юлія Кесаря (le portrait de César). Вотъ какъ отозвалась объ этихъ чтеніяхъ императрица. «Вы хорошо выразились, что *потерлись* о безсмертіе на ака-

[1]) 228.
[2]) 231.
[3]) 241, 242, 247.

демическомъ собраніи, открывшемся стихами г. Лагарпа; а онъ *потерся* о гармоническіе стихи, изъ которыхъ ни одного не запомнишь. Ахъ, мой учитель, мой учитель! [1]) Тебя заучивали противъ воли, и запоминался ты и приводился и переписывался даже тѣми, кто бы не раздѣлялъ твоихъ мнѣній. Вотъ что значитъ плѣнять умы, побѣждать мнѣнія! А портретъ Кесаря въ прозѣ — это самый жалкій остовъ, какой я когда-либо читала; позволительно ли унижать душу, которую не понимаешь? Мой учитель возбудилъ бы восторгъ къ великимъ и славнымъ дѣяніямъ и извлекъ бы, высосалъ бы добродѣтель изъ самого порока, а этотъ изображаетъ порочными дѣянія славныя и высокія; это глупо и плохое средство возвышать и окрылять душу; оно напротивъ способно низвести ее ниже посредственности: я не только не чувствую состраданія къ такимъ людямъ, но умъ мой негодуетъ, что подобныя головы являются ораторами, тогда какъ они только риторы. Я бы наговорила имъ дерзостей, еслибъ меня не удерживало размышленіе, что этимъ не образумишь никого. Не эгоистамъ изображать характеры великихъ людей; Кесарь не былъ эгоистомъ; онъ былъ вырванъ изъ узкой сферы себялюбія своимъ геніемъ и мужествомъ. Онъ стремился къ славѣ, не взирая ни на что и поклонялся только этому идолу, а себя не оберегалъ, тогда какъ эгоистъ всегда себя оберегаетъ» [2]). 20 ноября 1782 года императрица извѣщала Гримма о возвращеніи путешественниковъ.

Дѣла внутренняго управленія.

Дѣятельность Екатерины по законодательству и дѣламъ внутренняго управленія съ годами пріобрѣтала все бо́льшую силу и поглощала все болѣе времени, что иногда отражалось и на перепискѣ ея съ Гриммомъ. Не только письма становились все сжатѣе по выраженію мыслей, но они писались постепенно, иногда

---

[1]) Вольтеръ.

[2]) 248.

только по нѣскольку строкъ въ день и отсылались уже тогда, когда накоплялось достаточно интереснаго матеріала. Случилось разъ, что государыня цѣлыхъ три мѣсяца не писала Гримму, а онъ въ то время былъ очень серьёзно боленъ и послѣ болѣзни писалъ ей слѣдующія строки, которыя кстати привести здѣсь, такъ какъ онѣ чрезвычайно хорошо характеризуютъ тонъ переписки: «Надо теперь отдать отчетъ вашему величеству въ томъ, какъ я прожилъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ истекшаго года. По полученіи той императорской грамоты, которая начата была во Псковѣ, продолжалась въ Полоцкѣ и окончена была въ Могилевѣ, и которую я опять таки не иначе могу назвать какъ прелестной, небесной и незабвенной, я конечно исполнился слишкомъ большой гордости, блаженства и тщеславія. Милосердый Богъ не хочетъ, чтобъ дѣти его плавали въ благополучіи. Среди вседневныхъ огорченій, которыми небесная благость заботливо приправляетъ жизнь мою, я обременилъ свою августѣйшую благодѣтельницу множествомъ посланій, докладовъ и другихъ пустяковъ. Не видя отвѣта на свои пошлости, я сначала жилъ всѣмъ запасомъ философіи, который имѣлъ въ своей сумкѣ. Я сказалъ себѣ: послѣ урожайнаго года наступаетъ голодный годъ; это очень просто; надо переносить это съ покорностью и мужествомъ, пока императорскому провидѣнію угодно будетъ оживить тебя благодѣтельнымъ взглядомъ. Она хорошо знаетъ, что можетъ располагать по волѣ своей жизнью и смертью своего многострадальнаго. Я былъ тогда далекъ отъ мысли, что императрица почти каждый день занимается тѣмъ, что пишетъ ко мнѣ страничку или двѣ, и что ея благотворительность изготовляетъ мнѣ новую незабвенную грамоту, безсмертное произведеніе, обнимающее болѣе шести недѣль, и которое одинъ изъ курьеровъ долженъ былъ привезти мнѣ. Не будучи въ состояніи ни предвидѣть, ни предположить такую невѣроятную вещь, я все жилъ своимъ запасомъ философіи, который отъ одного почтоваго дня до другого замѣтно истощался. Когда я остался ни при чемъ, я сказалъ себѣ: ты бѣдный цвѣточекъ долженъ теперь увянуть, по-

тому что твоя небесная садовница тебя забыла. Ко мнѣ привязалась лихорадка, я слегъ и надѣялся окончить свое поприще, благословляя ее. Мой старый гувернеръ Тиръ чуть не доконалъ меня. Онъ явился передо мною неожиданно. Я тогда еще недостаточно поправился, чтобъ кого-нибудь принимать, и люди мои отослали его, не предупредивъ меня. Когда я узналъ это, я велѣлъ бѣжать за нимъ, вернуть его. Имя его меня оживило. Я сказалъ себѣ: вотъ роса небесная, сошедшая освѣжить увядающій цвѣтокъ; рука императрицы съ нимъ... Ничуть не бывало; мой гувернеръ Тиръ пріѣхалъ изъ Штутгарда и Монбельяра, куда графъ Панинъ послалъ его по особому порученію, и съ нимъ не было ни небесной росы, ни императорской руки. Тогда я опять склонилъ голову и сказалъ себѣ: ну, теперь ты долженъ увянуть. Но та, которой благодѣтельный геній поддерживаетъ и пробуждаетъ жизнь величайшаго изъ существующихъ государствъ, сказала тогда: ну нѣтъ, ты не увянешь. И ея небесный и императорскій ангелъ, по имени Принчипати (потому что ангелъ значитъ вѣстникъ), вошелъ ко мнѣ, и при видѣ грамоты непомѣрной толщины я былъ возвращенъ къ жизни. Всего менѣе удивительно то, что садовникъ Троншень приписывалъ себѣ это чудо, сдѣлавъ мнѣ внезапно, ночью, кровопусканіе изъ ноги, хотя онъ величайшій противникъ кровопусканій, какого я когда-либо зналъ. Я не хотѣлъ вывести его изъ этого пріятнаго заблужденія, ни сообщить ему, что еслибъ вѣстникъ Принчипати не появился предо мною на другой день и не оживилъ меня, показавъ моему слабѣющему взору буквы августѣйшаго письма, передъ которымъ я простираюсь ницъ двадцать разъ въ день, чудо садовника Троншеня никакъ не достигло бы своей цѣли [1]).

Получивъ эту іеремiаду отъ Гримма, императрица объясняетъ ему, почему она рѣже пишетъ, говоря что зато пишетъ ему не письма, а цѣлыя тетради и при томъ такъ много занимается законодательствомъ, что перо не выходитъ у нея изъ рукъ. Тогда

---

[1]) Письма Гримма 90, 91, 92.

Гриммъ, убѣдившись въ истинѣ ея словъ, отвѣчаетъ: «А покамѣсть я съ тоскующей душей обращаюсь направо и налѣво и ищу кого-нибудь, кто могъ бы дать мнѣ извѣстіе о той, которой одинъ взглядъ можетъ осчастливить судьбу мою, я съ утѣшеніемъ слышу отовсюду: императрица въ превосходномъ здравіи; она работаетъ съ бо́льшимъ прилежаніемъ и рвеніемъ, чѣмъ когда-либо, ничто не можетъ ни остановить, ни замедлить эту неистощимую ревность къ славѣ и благоденствію имперіи. Да, это мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, потому что я всегда зналъ ее за упрямую голову, и гдѣ она разъ закуситъ, тамъ ужъ и продолжаетъ» [1]).

Мы уже ранѣе упоминали, что государыня постоянно сообщала Гримму о ходѣ своихъ законодательныхъ работъ и приготовленіи къ нимъ и разсказала ему, какъ она занемогла, по ея выраженію, «отъ законодательной маніи». Не разъ говоритъ она также, что изученіе датскихъ законовъ изсушило ей мозгъ. Но уже въ самомъ началѣ переписки замѣтно, что англійское законодательство болѣе другихъ увлекало Екатерину. Особенно часто называетъ она писателя Блекстона [2]) своимъ вдохновителемъ и неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній и мыслей, прибавляя впрочемъ, что ничего не беретъ изъ него готоваго, а только тянетъ оттуда свою нить, которую разматываетъ по своему [3]). Осенью 1779 г. она пишетъ, что въ извѣстныя времена года у нея усиливается законодательная манія и въ этотъ годъ упорнѣе чѣмъ когда-либо. «Императрица чрезвычайно уединяется съ нѣкоторыхъ поръ», говоритъ она о себѣ. «Она не имѣетъ ни минуты свободной. Она суетится, не двигаясь съ мѣста; двадцать-четыре часа для нея слишкомъ коротки. Она много пишетъ и читаетъ, никуда не поспѣваетъ, работаетъ безъ устали, однако менѣе чѣмъ желала бы. Громадное количество бумажнаго хлама занимаетъ

---

[1]) 138.

[2]) William Blackstone профессоръ въ Оксфордѣ по каѳедрѣ гражданскаго и политическаго права, издалъ въ 1765 г. свои лекціи подъ заглавіемъ Записокъ объ англійскихъ законахъ. Это сочиненіе впослѣдствіи много разъ издавалось съ дополненіями и до сихъ поръ пользуется уваженіемъ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 52.

три полки, ничто не готово, многое переписано, другое только на половину, одна матерія переплетается съ другою, обширные матеріалы собраны со всѣхъ сторонъ и готовы пойти въ дѣло» [1]).

По возвращеніи изъ Бѣлоруссіи осенью 1780 г. государыня пишетъ, что покинула для этого письма толстый фоліантъ, изъ котораго дѣлаетъ выписки: «Не во гнѣвъ вамъ будь сказано, этихъ выписокъ сдѣлано уже восемьдесятъ страницъ. Не думайте спрашивать, къ чему эти выписки, потому что тогда я должна буду сказать вамъ: для того чтобъ выписывать, а потомъ употребить это на другую большую работу. О, зато я работаю какъ оселъ и вотъ три, четыре, пять, шесть лѣтъ какъ это такъ продолжается, а что изъ этого выйдетъ, не знаю» [2]). Въ началѣ 1781 года она опять жалуется, что дѣла законодательныя оставляютъ ей мало свободнаго времени, и Богъ знаетъ какъ еще у нея разрываютъ это время. «Теперь, когда большое дѣло приходитъ къ концу, подробности подробностей принимаютъ такой объемъ, что едва силъ хватаетъ, но я не жалуюсь; я надѣюсь, что все это будетъ хорошо, полезно, разумно и мудро [3]). А покамѣстъ Эмилія (Belzunce) и вы даете балы, на которыхъ всѣ Русскіе и даже княгиня Дашкова присутствуютъ, знайте что я, какъ истый бука, все съ перомъ въ рукѣ, составляю томы, и испуганная толщиной этихъ томовъ, иногда порываюсь бросить ихъ въ огонь; но, правда, это было бы жаль, потому что оно и хорошо и очень обдумано. Вѣроятно, это не можетъ быть короче» [4]).

Плодомъ такихъ приготовительныхъ работъ были многія важныя узаконенія этого времени. Въ маѣ того же года государыня извѣщаетъ Гримма, что въ этомъ мѣсяцѣ она издастъ три законоположенія, изъ которыхъ одно подписано, другое переписывается, а третье проходитъ черезъ очищающій огонь ея секретарей. Подъ этими узаконеніями надо, кажется, разумѣть: новое

---

1) 166.
2) 185.
3) 196, 197.
4) 201.

расписаніе губерній (іюля 13-го), уставъ о соли (іюля 16) и уставъ купеческаго судоходства (іюля 25). При этомъ государыня хвалится, что узаконенія ея прививаются такъ хорошо, что когда законъ принялъ форму и вошелъ въ жизнь, никто болѣе не говоритъ о немъ, всякому кажется, что оно такъ и должно быть и не можетъ быть иначе, потому что законъ никого не тѣснитъ, не тяготитъ. Около этого же времени Гриммъ напоминалъ ей о приближеніи двадцатилѣтія ея царствованія. Онъ даже заранѣе прислалъ ей къ такому празднеству музыку извѣстнаго Филидора (партитура Carmen Saeculare) и совѣтовалъ выбрать день восшествія на престолъ для этого торжества, прибавляя: «Если столѣтнія игры будутъ праздноваться нынѣшній годъ, онѣ ознаменуютъ двадцатый годъ волшебнаго царствованія; если онѣ будутъ отложены до будущаго года, ими будетъ заключенъ этотъ двадцатый годъ; какимъ бы образомъ ихъ ни праздновали, это будетъ празднество не безъ значенія и характера. И если императрица счастливо и славно процарствовала два десятилѣтія, не почувствовавъ даже на четверть часа скуки (что однако есть одна изъ самыхъ обыкновенныхъ царственныхъ болѣзней), неужели она не захочетъ устроить праздника Божественному Провидѣнію[1])? Императрица отвѣчала на это: «Я не думаю праздновать двадцатилѣтіе моего царствованія болѣе, чѣмъ какой-либо другой годъ: праздники, мнѣ въ тягость, если они не происходятъ по какому нибудь особенно выдающемуся случаю, и я вовсе не люблю *себя* праздновать. Когда я издамъ какой-нибудь *хорошій законъ*, то вотъ мой праздникъ и я ему радуюсь. Какъ хотите вы чтобъ я скучала? Я всегда занята, только праздники для меня скучны [2]). Наше двадцатилѣтнее царствованіе отпразднуется только благодарственными молитвами, и вотъ какъ надо праздновать такіе дни; это милосердый даръ еще одного года, и больше ничего» [3]). Свое двадцатитрехлѣтнее царствованіе государыня помянула слѣдую-

[1]) Письма Гримма 142.
[2]) 206.
[3]) 253.

щими словами, писанными изъ Петергофа: «Вотъ двадцать-три года царствованія исполнились. Однако я сегодня встала двумя часами позже чѣмъ въ этотъ день (28 іюня) двацать-три года назадъ, потому что я тогда выѣхала отсюда въ шесть часовъ утра» [1]).

Вотъ какъ изображаетъ она распредѣленіе своего дня: «Отъ 6-ти часовъ утра до 7-и законодательство, потомъ до 11-ти текущія дѣла. Въ 11 являются Александръ и Константинъ. За полчаса до обѣда и полчаса послѣ обѣда мы пишемъ для упомянутыхъ господъ азбучки, сказки, повѣсти; потомъ два часа полнаго отдыха и потомъ полтора часа, чтобъ царапать письма и проч., послѣ чего упомянутые господа приходятъ шумѣть до восьми. Потомъ приходитъ кто хочетъ, до десяти. Итакъ я утверждаю, что вотъ день хорошо употребленный и искусенъ будетъ тотъ, кто найдетъ средство придумывать на него комментаріи» [2])... «Привычка сдѣлала съ нами то, что мы отдыхаемъ только когда голова уже окончательно на подушкѣ, и тутъ еще во снѣ приходитъ намъ на мысль все, что надо было бы сказать, написать или сдѣлать» [3]).

Мудрено ли, что при такомъ изумительномъ трудолюбіи, при такой неутомимой ревности на пользу своего народа, Екатерина съ нѣкоторой гордостью могла сообщить Гримму перечень своихъ дѣлъ за 19 лѣтъ царствованія, составленный гр. Безбородкой въ 1781, съ тѣмъ чтобы впредь каждый годъ пополнять этотъ списокъ:

Губерній, устроенныхъ по новому образцу.	29
Городовъ построено................	144
Конвенцій и трактатовъ заключено.....	30
Побѣдъ одержано..................	78
Замѣчательныхъ указовъ законодательныхъ и учредительныхъ издано...........	88
Указовъ для облегченія народа.........	123
Итого...	492

[1]) 344.
[2]) 231.
[3]) 311.

«Все это дѣла государственныя, никакое частное дѣло не попало въ этотъ списокъ, какъ вы видите. Ну, милостивый государь, какъ-то вы довольны нами? Были ли мы лѣнивы?» [1]). Въ іюлѣ 1782 года государыня такъ изображаетъ свое времяпрепровожденіе: «Если хотите знать, чтó она дѣлаетъ, съ чѣмъ обращается, о чемъ думаетъ, то я вотъ что скажу вамъ. Она создаетъ теперь полицейскія и экономическія учрежденія, а время отъ времени занимается заключеніемъ мирныхъ и торговыхъ сдѣлокъ, а потомъ играетъ съ маленькими дѣтьми (внучками) и вытачиваетъ ихъ (drechselt aus sie) и увеличиваетъ число честныхъ людей; она раскрываетъ ихъ пониманіе и направляетъ ихъ сердце на благотворительность, на любовь къ ближнему и человѣчность. Вотъ все что она дѣлаетъ, а потомъ мучитъ своего садовника: онъ долженъ сажать деревья, цвѣты, гдѣ хочетъ и гдѣ не хочетъ» [2]).

Въ концѣ того же года Екатерина опять упоминаетъ о своемъ полицейскомъ уставѣ, который Гриммъ проситъ её прислать ему, но она въ томъ отказываетъ, говоря, что напрасно ей приписываютъ какое-то великое предпріятіе, что уставъ этотъ очень простъ и не мудренъ (schlecht und recht). До какой степени государыня сама изучала каждое новое учрежденіе, вносимое ею въ государственную жизнь, какъ часто она сама прилагала руку къ законоположеніямъ, всего лучше можно прослѣдить въ этой переискѣ, гдѣ она подъ первымъ впечатлѣніемъ сообщаетъ Гримму всякую новую мысль, новое дѣло. Этими письмами потомство какъ бы вводится въ самую лабораторію ея неустанной дѣятельности. Въ одномъ изъ писемъ вырывается у нея признаніе, что она всю жизнь свою писала только для другихъ и «даже для перваго иноходца [3]), который болѣе чѣмъ кто-либо другой умѣлъ наряжаться въ павлиныя перья» [4]).

---

[1]) 216.

[2]) 240.

[3]) Въ перепискѣ съ Гриммомъ государыня часто называетъ такъ въ насмѣшку государственныхъ людей вообще. Здѣсь подъ именемъ *перваго иноходца* она разумѣетъ графа Н. И. Панина.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 311.

Въ 1785 году Екатерина посылаетъ Гримму уставъ о дворянствѣ и городовое положеніе и спрашиваетъ его, зачѣмъ ему все это и кто же читаетъ такія скучныя матеріи какъ законоположенія, но впрочемъ желаетъ узнать не только его мнѣніе, но и все, что говорится объ этомъ предметѣ по бѣлу свѣту (de par le monde)[1]). Въ томъ же году она пишетъ Гримму, что случайно отыскала въ каталогѣ библіотеки Дидро (уже послѣ его смерти) тетрадь, озаглавленную: *Замѣчанія на наказъ ея величества депутатамъ о составленіи законовъ.* «Эта статья», говоритъ она, «сущая болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни осторожности, не предусмотрительности; еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ повернулъ бы все вверхъ дномъ. А я утверждаю, что мой *наказъ* былъ не только хорошъ, но прекрасенъ и хорошо соображенъ съ обстоятельствами, потому что вотъ 18 лѣтъ, какъ онъ существуетъ и не только не повредилъ ни въ одномъ пунктѣ, но еще и все добро, имъ произведенное и всѣми признанное, исходитъ изъ началъ, установленныхъ этимъ наказомъ. Критиковать легко, а создавать трудно, вотъ что можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который, кажется, во всю жизнь былъ настолько основателенъ, что нуждался въ опекѣ; должно быть, онъ написалъ это по возвращеніи отсюда, потому что не говорилъ мнѣ никогда объ этомъ»[2]).

Весьма замѣчательно собственное сужденіе государыни о созванномъ ею въ началѣ царствованія собраніи депутатовъ. По поводу химерическихъ финансовыхъ проектовъ Калонна и Неккера, она говоритъ: «Мысль о депутатахъ была превосходна; мое собраніе депутатовъ вышло удачнымъ, оттого что я сказала имъ: — *Знайте, вотъ каковы мои начала.* Теперь вы выскажите свои жалобы. Гдѣ башмакъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага; оно вмѣстѣ съ тѣмъ и мое собственное. Итакъ работайте, соби-

---

[1]) 363.
[2]) 372, 373.

райте матеріалы, создавайте проекты; узнайте чего вы хотите. И они принялись разъѣзжать, собирать матеріалы, разсуждать, мечтать, спорить, а ваша покорнѣйшая слуга слушала и была очень равнодушна ко всему, что не составляло общей пользы и общаго блага» [1]).

И позже, по поводу французской революціи, она много разъ, какъ мы увидимъ, выражала то же сужденіе Гримму, который отвѣчалъ ей въ томъ же смыслѣ, что раскачать машину легко, но надо хорошо знать, сумѣешь ли съ нею справиться.

По поводу дѣлъ въ Польшѣ Гриммъ извѣщалъ государыню какіе толки идутъ на этотъ счетъ въ западной Европѣ, гдѣ всегда особенно любили заниматься польскимъ вопросомъ. Пребываніе въ Парижѣ одной знатной польки давало пищу этимъ толкамъ и разсужденіямъ въ тамошнихъ гостиныхъ и Гриммъ пишетъ объ этомъ: «Мы имѣемъ здѣсь съ начала послѣдней зимы молодую польку, Годскую по-имени, разведенную съ княземъ Сангушко, и которая вышла замужъ въ прошедшемъ году за принца Нассаускаго, поселившагося во Франціи и не признаваемаго въ Германіи. Я видѣлъ эту молодую принцессу въ эпоху ея перваго брака, въ Варшавѣ. Она здѣсь заискивала во мнѣ съ необыкновеннымъ стараніемъ. Я нѣсколько мѣсяцевъ разыгрывалъ жестокаго, и наконецъ она меня таки покорила. Пріятно слышать, какъ она говоритъ объ императрицѣ, и заставляетъ умолкнуть жужжанье жуковъ, которые позволяютъ себѣ толковать напримѣръ о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній. Надо видѣть съ какой легкостью она разгоняетъ, смущаетъ и уничтожаетъ всѣхъ этихъ вралей. Я знаю, что по поводу важныхъ обстоятельствъ, касающихся событій въ Польшѣ, она исправляла свѣдѣнія лицъ, которые по своему положенію должны бы знать дѣло лучше. Она иногда напоминаетъ мнѣ Спасителя, сидящаго въ 12-ти лѣтнемъ возрастѣ среди учителей во храмѣ. Она вдвое старѣе своего Спасителя;

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 403.

но всегда интересно видѣть, какъ молодость и грація даетъ уроки мудрости бородачамъ. Итакъ я не могъ отъ нея отдѣлаться, и несмотря на суровость моего уединенія, я долженъ хотя разъ въ недѣлю, а иногда и два, посѣщать её, чтобъ слышать ея бесѣду объ императрицѣ и самому говорить о ней. Она намедни, при довольно многочисленномъ кружкѣ, характеризовала духъ правительствъ въ трехъ участкахъ Польши. Замѣтивъ, что почва Бѣлоруссіи худшая изъ всѣхъ трехъ, она сказала: «Еслибъ у меня были земли въ прусскомъ участкѣ, я сочла бы за счастье потерять половину для того, чтобъ перенести другую въ Бѣлоруссію, а еслибъ мои земли были въ австрійскомъ участкѣ, я охотно уступила бы три четверти за одну четверть въ Бѣлоруссіи. Потомъ она подробно развила намъ причину этого желанія и его степеней съ такою же ясностью, какъ и краснорѣчіемъ. Увы! что до меня касается, то она проповѣдывала обращенному. Кто лучше меня и рижскихъ обывателей знаетъ, какъ сладко жить подъ владычествомъ Россіи бѣлой, красной или зеленой, малой или великой, какого бы она ни была цвѣта и величины» [1]).

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ государыни: «По случаю того, чтó вы говорите мнѣ о вашей странствующей рыцаршѣ, проповѣдующей раскаяніе по поводу ложныхъ взглядовъ, укоренившихся на счетъ стараго польскаго вопроса, я должна сказать вамъ любимую поговорку Лифляндцевъ, что съ тѣхъ поръ какъ они находятся подъ владычествомъ Россіи, въ областяхъ ихъ болѣе денегъ и серебра нежели прежде было мѣди, а Бѣлоруссія въ томъ же положеніи: земли ея гораздо лучше обработываются и повысились въ цѣнѣ. Тотъ, у кого не было хижины, строится теперь, а у кого она была, тотъ улучшаетъ её» [2]).

По объявленіи вооруженнаго нейтралитета флотъ сдѣлался предметомъ особенной заботливости Екатерины, и для созданія

---

[1]) Письма Гримма 151.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 207.

и улучшенія его она развернула изумительную дѣятельность: сама присутствовала при спускѣ кораблей, посѣщая петербургскія и кронштадскія верфи и укрѣпленія и подымая тѣмъ духъ и усердіе трудившихся надъ этимъ дѣломъ, какъ объясняетъ одно изъ ея писемъ: «Я сама спустилась съ лѣсовъ на кораблѣ Побѣдославъ, чтобъ показать морякамъ, какъ глазъ нашъ слѣдитъ за ихъ работой и цѣнитъ её»[1]). Еще въ 1780 году она писала Гримму: «Ваше желаніе, видѣть русскій флагъ развѣвающимся не въ одной только сторонѣ, будетъ удовлетворено. Вотъ четыре эскадры и болѣе отправляются въ плаваніе. Остальное будетъ или не будетъ: торговля моя, какъ и города, на бумагѣ и въ воображеніи, но не полагайтесь на это: все это выростетъ какъ грибы, когда менѣе всего будутъ ожидать того»[2]). Въ другой разъ она говоритъ: «Что мѣшаютъ вамъ мои корабли? развѣ не такъ же необходимо стрóить ихъ, какъ имѣть ногти на пальцахъ?»[3]).

25 іюня 1782 года, пріѣхавъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, чтобъ оттуда отправиться въ Петергофъ, государыня пишетъ: «Сегодня я обѣдала въ Эрмитажѣ, а завтра въ своемъ присутствіи очищаю адмиралтейскія верфи; это значитъ, что будутъ спускать военный 74-хъ-пушечный корабль, послѣ чего я бѣгу тотчасъ въ Петергофъ». Подробности объ этомъ сообщаются уже изъ Петергофа отъ 22 іюня: «Хотите знать, чтó я дѣлала въ день пріѣзда сюда? Я рыскала по-цыгански (comme un basque), именно: въ одиннадцать часовъ утра, такъ какъ это было воскресенье, я была у обѣдни, потомъ принимала въ аудіенціи г. де-ла-Торре, съ которымъ говорила о своихъ старыхъ знакомыхъ, а именно о г. де-ла-Геррейра и о графѣ Ласси; потомъ принимала саксонскаго министра, потомъ пробѣжалась за своимъ обѣдомъ пѣшкомъ вдоль сада и набережной къ г. Бецкому. Послѣ обѣда я съѣздила въ лодочкѣ въ адмиралтейство: тамъ я полила

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 259.
2) 177.
3) 226.

дегтемъ и ударила три раза молоткомъ каждый изъ трехъ новыхъ стопушечныхъ кораблей, которые велѣла построить; оттуда я перешла на 74 пушечный корабль, который по приказанію моему спущенъ на воду; пока я сама находилась на немъ, онъ довезъ насъ до невскаго моста: тамъ бросили якорь и мы сошли съ него и на лодкѣ возвратились въ адмиралтейство, черезъ которое прошли пѣшкомъ, чтобъ сѣсть въ карету и проѣхать оттуда на дачу оберъ-шталмейстера (Нарышкина), гдѣ, исходивъ вдоль и поперекъ его рощи и гулянья, мы поужинали и въ $12^{1}/_{2}$ часовъ пріѣхали сюда. Ну, что вы скажете о такомъ днѣ? не былъ ли онъ превосходно наполненъ? Увѣряю васъ, что кромѣ меня всѣ выбились изъ силъ»[1]).

Петергофъ, 5-го іюля въ 7 часовъ утра. «Я ѣду отсюда завтра и одна изъ причинъ, почему я не люблю этого мѣста, то что я здѣсь сплю какъ сурокъ и не имѣю ни времени, ни охоты писать: я пишу здѣсь только письма императорскія, королевскія и полукоролевскія. Зато я знатно услаждаю свою лѣнь, пока нахожусь здѣсь; три дня тому назадъ, я ѣздила въ Кронштадтъ противъ вѣтра, что заставляло господъ моряковъ предполагать, что я не доѣхавъ возвращусь; но я упорно продолжала путь и мы черезъ четыре часа вошли въ гавань: мы обошли её пѣшкомъ вдоль доковъ до верфей, построенныхъ въ видѣ креста въ началѣ канала; мимоходомъ произвели мы закладку еще одного стопушечнаго корабля, послѣ чего ходили взглянуть на огнечерпательную машину и потомъ опять также пѣшкомъ пошли пить чай къ адмиралу Грейгу. Чтобы просвѣтить васъ, прибавлю, хотя это менѣе интересно для васъ, чѣмъ для этого порта, — что мы одѣваемъ его внутри и снаружи гранитными плитами, — работа эта начнется въ нынѣшнемъ году и это интересное дѣло насъ очень и очень занимаетъ»[2]). Я разсказывала вамъ всѣ мои подвиги этого лѣта, чтобъ доказать вамъ какимъ хорошимъ здоровьемъ я поль-

[1]) 242, 243.
[2]) 245, 246.

зуюсь и какъ я бодра» [1]). «Что вамъ за дѣло до кронштадтскихъ верфей?» пишетъ государыня въ 1785 году: «развѣ г. Густавъ не построилъ на французскія деньги въ четыре года двадцать кораблей? Я строю на собственныя деньги» [2]).

Не меньшую заботливость и вниманіе государыни привлекаетъ черноморскій флотъ. Во время путешествія своего въ Крымъ въ 1787 году она пишетъ изъ Херсони отъ 15 мая: «Сегодня мы спустили на воду три военныхъ корабля; это седьмой, восьмой и девятый, построенные здѣсь» [3]).

Потомъ изъ Севастополя: «Я нашла здѣсь, гдѣ за три года еще ничего не было, довольно хорошенькій городокъ и небольшую, но довольно проворную и ловкую флотилію. Гавань, якорная стоянка и пристань естественно хороши и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ показалъ большую дѣятельность и смѣтливость» [4]).

Весьма знаменательно, что Гриммъ, по поводу случившагося въ 1780 году сильнаго пожара въ Кронштадтѣ, какъ разъ по объявленіи вооруженнаго нейтралитета, писалъ Екатеринѣ: «Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ меня увѣряли, что благонамѣренные (т. е. Англичане) попробовали устроить фейерверкъ изъ кронштадтскаго флота, котораго флагъ такъ развертывается ко всеобщему удовольствію. Я увѣренъ, что это вниманіе со стороны благонамѣренныхъ не будетъ потеряно для императрицы: въ нѣкоторыхъ случаяхъ добрая воля равняется факту» [5]).

Екатерина отвѣчала на это: «То, что вамъ разсказали о поджогѣ Кронштадта, чистѣйшая выдумка; это просто напросто случайность. Я полагаю, что не надо придавать вещамъ бóльшаго значенія, чѣмъ какое онѣ имѣютъ» [6]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 261.
[2]) 333.
[3]) 410.
[4]) 412.
[5]) Письма Гримма 423.
[6]) *Сб. И. О.* XXIII, 191.

Въ другой разъ (въ 1782 г.) по поводу большого пожара въ гостиномъ дворѣ, который тоже приписывали поджогу, государыня пишетъ: «Пожаръ въ рядахъ произвелъ именно то, что вы говорите: я велѣла пренебречь предразсудкомъ и давней привычкой; будетъ десять рынковъ вмѣсто одного и каждому торговцу дозволено имѣть лавку у себя; на все это представляли много затрудненій; но я настояла, и все устроилось безпрекословно. Меня взяло нетерпѣніе и я сама отправилась посмотрѣть, отчего огонь не прекращается, и скоро съ нимъ справились. Убытокъ гораздо менѣе значителенъ чѣмъ сначала думали; ни одна бездѣлица не вздорожала, а все, что было въ большихъ каменныхъ рядахъ, уцѣлѣло» [1]).

О разныхъ другихъ сооруженіяхъ по предмету улучшенія городскихъ построекъ и путей сообщенія также безпрестанно встрѣчаются упоминанія въ родѣ слѣдующаго: «Невозможно всякій разъ сообщать вамъ о разныхъ пустякахъ, которые мы дѣлаемъ, потому что все это идетъ своимъ чередомъ и послѣ объ этомъ забывается: такъ мы копаемъ каналы, устраиваемъ большія дороги и тридцать-шесть гранитныхъ мостовъ между Москвой и Петербургомъ» [2]). Мы уже упоминали, какъ заботилась Екатерина о народномъ продовольствіи и предупрежденіи голода въ Россіи, для чего она учредила запасные магазины, о которыхъ говоритъ по поводу голода въ Швеціи. Другимъ предметомъ ея заботливости было удаленіе кладбищъ отъ жилыхъ мѣстъ въ городахъ и селеніяхъ, о чемъ она такъ упоминаетъ: «У насъ хоронятъ на кладбищахъ, устроенныхъ внѣ городовъ и селъ для пользы живыхъ, какъ и умершихъ» [3]).

Мы ранѣе говорили ужъ о постройкахъ, способствовавшихъ къ украшенію Петербурга и въ которыхъ самое дѣятельное участіе принималъ архитекторъ Кваренги. Въ 1782 году государыня говоритъ Гримму, что многихъ мѣстъ онъ вовсе не узналъ бы,

---

[1]) 259.
[2]) 390, 391.
[3]) 362.

какъ напримѣръ окрестностей Фонтанки, которыя чистятся, а набережныя обкладываются гранитными плитами» [1]).

Къ началу 1783 года относится основаніе Георгіевскаго капитула въ Чесмѣ, которую за годъ до того государыня такъ изображаетъ Гримму: «Вчера я была въ Чесмѣ, но эта Чесма, какъ вы можете разсудить, не та, гдѣ дана была морская битва, а та, что построена въ память этого событія и гдѣ есть церковь во имя Св. Іоанна Крестителя, которой первый камень былъ положенъ Густавомъ III, королемъ Шведскимъ и Готскимъ, а на освященіи этой церкви присутствовалъ самолично Іосифъ II, императоръ Римскій (24 іюня 1780), что написано крупными золотыми буквами на мраморной доскѣ у дверей церкви. Не сомнѣваюсь, что разсказъ этотъ очень васъ утѣшитъ, потому что Нѣмцы любятъ надписи этого рода; но такъ какъ вы еще не знаете, гдѣ находится эта новооснованная Чесма, то имѣю честь извѣстить васъ, что она въ Лягушечницѣ» [2]). Такъ переводитъ императрица прежнее финское названіе этого мѣста Кекерекескиненъ — имя которое, какъ тогда объясняли, значитъ лягушечье болото [3]). Объ открытіи самаго ордена разсказано такъ: «Петербургъ, 19 апрѣля 1783 г., въ семь часовъ утра того дня, когда увезли всѣ мои бумаги, потому что я уѣзжаю въ Царское Село; по дорогѣ я открываю Георгіевскій капитулъ въ Чесмѣ въ присутствіи славной чернильницы, отъ которой у васъ нѣкогда столько разъ было удушье» [4]). «Царское Село, 20 апрѣля, въ 7 часовъ утра. Капитулъ Св. Георгія вчера началъ свое хозяйство съ капиталомъ въ двѣсти шестьдесятъ тысячъ рублей, которые господинъ великій магистръ постарался собрать независимо отъ доходовъ ордена» [5]).

По поводу учрежденія ордена св. Владиміра, основаннаго въ 1782 г., государыня пишетъ въ 1783: «Что касается до моихъ святыхъ, я отыскиваю ихъ въ своемъ календарѣ, и когда одинъ изъ

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 251.

2) 242.

3) См. Геогр. словарь Максимовича и Щекатова подъ словомъ Чесма.

4) *Сб. И. О.* XXIII, 273.

5) 274.

нихъ мнѣ понадобится, то я ищу между ними такихъ, которые послужили бы государству или роду человѣческому; иногда мнѣ трудно найти ихъ, и тогда я просто беру звучное имя, вотъ и все. Господъ новыхъ кавалеровъ Владиміра я выбрала изъ первыхъ и лучшихъ слугъ государства; и въ этомъ качествѣ они пойдутъ въ рай, если будутъ достойны, но ни въ какомъ другомъ случаѣ. Ужъ если вы меня очень разсердите, то я объявлю вамъ, что св. Владиміръ былъ предокъ королевы Французской, что онъ былъ зять Романа, императора Константинопольскаго; одна изъ дочерей его была замужемъ за Стефаномъ, королемъ Венгерскимъ; по этому вы видите, что онъ былъ государь съ хорошимъ родствомъ и, несмотря на то, вы смѣете у меня спрашивать, откуда я его взяла; къ чему же послѣ того быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ небомъ и землею, если все-таки остаешься неизвѣстнымъ 900 лѣтъ спустя» [1]).

Въ 1786-мъ году и Гримму былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра второй степени, о чемъ государыня извѣщала его: «Такъ какъ мой многострадальный — самый аккуратный человѣкъ въ исполненіи моихъ порученій, то статуты ордена св. Владиміра дозволяютъ и требуютъ, чтобъ онъ былъ принятъ въ число ихъ кавалеровъ, и по этой причинѣ я посылаю вамъ орденъ второй степени, который вы надѣнете на шею и будете носить на груди, и звѣзду, которую вы прикрѣпите прямо на сердце. Да благословитъ васъ Господь» [2]). Первый отвѣтъ Гримма на эту милость не сохранился между его письмами. Но отъ 10-го сентября 1786 г. онъ пишетъ: «Государыня, я все ожидаю манифеста, который бы объяснилъ причины, побудившія ваше величество задушить вашего многострадальнаго видимымъ знакомъ вашего благоволенія, какъ будто онъ недовольно подавленъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ бременемъ вашихъ благодѣяній. Я просилъ этого манифеста у графа Безбородки, который въ своемъ качествѣ императорскаго

---

[1]) 271.
[2]) 378.

фактотума могъ имѣть участіе въ этомъ неожиданномъ проявленіи императорскаго могущества; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ чувствовать великую тягость на своей совѣсти; я также просилъ въ томъ отчеча у маршала князя Потемкина, моего благодѣтеля по части музыки. Они оба, по близости своей къ престолу, конечно не допустятъ подозрѣнія, что та, которая занимаетъ его 24 года недурно, сдѣлаетъ что бы то ни было безъ причины; а мнѣ очень выгодно знать эти причины, потому что онѣ мнѣ откроютъ множество прекрасныхъ вещей, которыя я творилъ, самъ того не зная, и за которыя ваше величество мнѣ обязаны. Я замѣчу только, что очень важно напечатать этотъ манифестъ, чтобы предупредить войну на перьяхъ, которая пожалуй надѣлала бы столько же шуму, сколько и война господъ Геммингенъ и Домъ, и возникла бы между людьми Гриммы и фактотумами вашего императорскаго величества. Да отвратитъ милосердіе всемогущаго Бога это зло, и да сохранитъ Онъ отъ споровъ и раздора всѣхъ слугъ нашей великой государыни, будь они дѣлатели на всѣ руки или многострадальные. Аминь» [1]).

Осенью 1782 г. послѣдовало открытіе памятника Петра Великаго. Извѣстно, что первая отливка статуи была неудачна. Еще въ 1775 г. упоминается въ одномъ изъ писемъ: «Статуя Петра Великаго при отливкѣ не удалась. Голова императора, его правая рука и голова лошади должны быть передѣланы» [2]). Объ отношеніяхъ императрицы къ художнику Фалконету было ужъ говорено ранѣе. Въ декабрѣ 1782 г. она пишетъ по поводу открытія памятника: «Вы кажется желаете, чтобъ я вступила въ разговоръ съ Петромъ Великимъ и его статуей; но знайте, что я этого не сдѣлаю по недостатку времени». И на другой день: «Петръ Великій, увидѣвъ себя на вольномъ воздухѣ, показался намъ съ виду столь же смѣлымъ, какъ и величественнымъ; какъ будто бы онъ былъ доволенъ своимъ твореніемъ; долго я не мо-

---

[1]) Письма Гримма 239, 240.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 35.

гла на него смотрѣть. Я чувствовала себя растроганною, и когда взглянула вокругъ себя, я увидѣла, что у всѣхъ слезы на глазахъ. Лицо его было обращено въ сторону противоположную Черному морю; но движеніе головы показывало, что онъ не лишенъ зрѣнія ни съ какой стороны (il n'avait la berlue d'aucun côté). Онъ слишкомъ далеко стоялъ отъ меня, чтобы говорить со мною, но казался довольнымъ, что́ сообщилось и мнѣ, и поощряетъ меня стараться въ будущемъ дѣйствовать, если могу, еще лучше» [1]).

На письмо Гримма 1783 г. (къ сожалѣнію не сохранившееся) Екатерина писала: «Критикуйте слова: — Петру первому Екатерина вторая. — Я сама захотѣла, чтобъ это такъ было, желая чтобъ знали, что я, а не жена его, воздвигла ему памятникъ» [2]). Но вотъ какъ великая Монархиня отзывалась въ то же время на льстивую мысль современниковъ о сооруженіи памятника ей самой. Разсуждая о памятникахъ вообще, она говоритъ:

«Но скажите мнѣ пожалуйста, кому же сооружать статуи, обелиски, если не людямъ отличившимся заслугами? Если же воздвигать ихъ людямъ безъ заслугъ, тогда на памятники станутъ смотрѣть какъ на украшеніе города, а не на награду. . . . . Вы конечно понимаете, что я себѣ не сооружу памятника, оттого что это было бы слишкомъ смѣшно.... Не знаю, будутъ ли Екатерины падать на Россію какъ дождь, но вѣрно то, что если эти берега должны производить только статуи въ честь мою, то я къ этому буду очень равнодушна и охотно откажусь отъ нихъ въ пользу Александра» [3]). «Я не хочу памятника, и если божественный (т. е. Рейфенштейнъ) мечтаетъ о томъ, то я ему въ этомъ удовольствіи не завидую; съ моего вѣдома конечно это не будетъ исполнено: всѣ петербургскія площади заняты» [4]).

---

[1]) 264, 265.

[2]) 272.

[3]) Желаніе императрицы сбылось: памятникъ Александру Благословенному явился многими годами ранѣе ея памятника, 264.

[4]) 284.

Загородные дворцы и постройки, увеселительное путешествіе по каналамъ и въ Москву.

Царское Село оставалось любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины, для котораго она болѣе всего поработала, среди котораго развернулся весь ея геній и изящество вкуса. Она восхищалась и справедливо гордилась имъ, какъ своимъ созданіемъ. Она наслаждалась полной жизнью среди его величественныхъ парковъ и пышной растительности, какъ сама даетъ намъ о томъ знать многими живыми описаніями, встрѣчающимися въ перепискѣ и которыя мы приведемъ здѣсь: «Царскосельскій садъ, по словамъ Англичанъ, разныхъ путешественниковъ изо всѣхъ странъ и нашихъ, побывавшихъ въ чужихъ краяхъ, становится единственнымъ въ своемъ родѣ. Не говорю о комнатахъ; но Кваренги увѣряетъ, что онѣ столь же прекрасны, какъ и своеобразны, и что кто не видалъ ихъ, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ понятія. Напримѣръ, я пишу вамъ въ кабинетѣ изъ массивнаго серебра, отчеканеннаго съ узоромъ изъ красныхъ листьевъ; четыре колонны съ тѣмъ же узоромъ поддерживаютъ зеркало, служащее балдахиномъ дивану, обитому яркой зеленой-матеріей съ серебромъ московскаго издѣлія; стѣны состоятъ изъ зеркалъ, которымъ серебряные пилястры съ красными же листьями служатъ рамами. Балконъ выходитъ въ садъ; дверь образуетъ два зеркала, такъ что она всегда кажется раскрытою, хотя бы была затворена. Этотъ кабинетъ очень роскошенъ, блестящъ, веселъ, не обремененъ тяжелыми украшеніями и очень пріятенъ. У меня есть другой, на которомъ, какъ на табакеркѣ, соединены бѣлый и голубой цвѣтъ съ бронзою; бѣлое и голубое —стекло, а узоръ по нимъ—изъ арабесковъ» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О* XXIII, 239. Все это— описаніе комнатъ Екатерининскаго флигеля, пристроеннаго къ старому дворцу Елисаветы Петровны и примыкающаго къ знаменитой колоннадѣ.

. . . . «Всѣ согласны, что Царское Село нынѣшнею весною —рай: съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, у насъ прелестнѣйшая погода и я гуляю сколько могу [1]) . . . . Статуя Вольтера, сдѣланная Гудономъ, вынута и поставлена въ Утреннемъ залѣ [2]); тамъ она окружена Антиноемъ, Аполлономъ Бельведерскимъ и множествомъ другихъ статуй, которыхъ формы привезены изъ Рима, а отлиты онѣ здѣсь. Когда входишь въ эту залу, то, право, духъ захватываетъ и — о чудо! — статуя Вольтера нисколько не теряетъ ото всего её окружающаго. Вольтеръ прекрасно стоитъ тамъ; онъ любуется на лучшія статуи античныя и современныя. Господинъ многострадальный долженъ помнить, что эта зала имѣетъ дверь, выходящую на озеро, другая выходитъ на очень густую аллею; съ тѣхъ поръ какъ тамъ стоитъ Вольтеръ, смотрѣть Утреннюю залу ходятъ караванами. Другая новость: сэръ Томъ Андерсонъ околѣлъ эту зиму и зарытъ подъ плитою съ надписью позади гранитной пирамиды. Я еще не имѣла духу побывать тамъ, и до сегодня не объявляла о его смерти. Онъ дожилъ до 16 лѣтъ» [3]). Черезъ годъ за сэромъ Томомъ послѣдовала Земира — другая особенно любимая собачка императрицы, которая зарыта тамъ же и которой Сегюръ сочинилъ извѣстную эпитафію въ стихахъ, приложенную императрицей къ одному изъ писемъ къ Гримму: «Ici mourut Zémire, et les grâces en deuil» и проч. [4]).

Въ 1786 году государыня возвратилась уже въ іюлѣ въ Царское Село изъ Петергофа, который она вообще не любила. «Дожди выгнали меня изъ Петергофа на прошедшей недѣлѣ», пишетъ она: «какъ только я вернулась сюда, начались жары. Вчера здѣсь играли комедію; послѣ театра вся дипломатическая клика гуляла и ужинала со мной; г. Кюстинъ былъ тоже, и всѣ въ такомъ настроеніи, что находили все прелестнымъ, восхитительнымъ. Чтобъ подразнить васъ, я должна сказать,

[1]) 279.
[2]) Бесѣдка въ Царскомъ Селѣ обращенная къ озеру.
[3]) 313, 314.
[4]) 357.

г. кавалеръ, что вы меня здѣсь не легко найдете послѣ обѣда, потому что кромѣ семи комнатъ, украшенныхъ яшмою, агатомъ, настоящимъ и поддѣльнымъ мраморомъ, кромѣ сада, прямо прилегающаго къ моимъ покоямъ, я обладаю громадной колоннадой, которая примыкаетъ къ тому же саду и оканчивается лѣстницей, ведущей прямо къ озеру. И послѣ того ищите меня, если хотите; еслибъ вы когда-нибудь сюда пріѣхали, то развѣ только лай Томасовъ укажетъ вамъ путь, по которому я направляюсь, а иногда лепетъ пяти малютокъ (внучатъ), которые прилипаютъ ко мнѣ какъ репьи и надо мнѣ стряхнуться, чтобъ отогнать ихъ, потому что они никогда бы со мной не разстались» [1]).

Гораздо позже, въ 1791 году, государыня опять такъ описываетъ колоннаду: «14 мая, въ 7-мь часовъ утра, сидя на царскосельской колоннадѣ, откуда я вижу предъ собой Пеллу, хотя отсюда до нея по крайней мѣрѣ 35 верстъ, и кромѣ Пеллы мнѣ видно около ста верстъ вокругъ». Эта колоннада тѣмъ особенно пріятна, что въ холодъ у нея есть всегда одна сторона, гдѣ онъ менѣе чувствителенъ. Средина моей колоннады, стеклянная, имѣетъ 39 саженъ длины; внизу и возлѣ — цвѣточный садъ; низъ моей колоннады занятъ приближенными мнѣ дамами, которыя тамъ какъ нимфы среди цвѣтовъ. На моей колоннадѣ стоятъ бронзовые бюсты величайшихъ людей древности, какъ то Гомера, Демосфена, Платона и проч. Есть нѣсколько другихъ статуй. Геркулесъ Фарнезскій и Флора украшаютъ лѣсницу колоннады, ведущую отъ террасы къ озеру» [2]). . . . . . Пишу вамъ это передъ стеклянной дверью, ведущей изъ моихъ комнатъ въ цвѣточный садъ, сего 3-го іюня послѣ обѣда; вы должны еще знать, что трое изъ Томасовъ лежатъ вокругъ меня на зеленомъ сафьянномъ диванѣ, стоящемъ на воздухѣ. Св. Николай [3]) вамъ скажетъ, если вы любопытны, что этотъ диванъ находится въ полуоткрытыхъ сѣн-

---

[1]) 379.
[2]) 540, 541.
[3]) Н. П. Румянцовъ.

цахъ противъ сада и что я здѣсь какъ Крымскій ханъ въ своемъ кіоскѣ, или попугай въ своей клѣткѣ. Вы не имѣете понятія, чтó такое Царское Село, когда стоитъ теплая и ясная погода!» [1]).

16-го августа 1792 г. «Я возвращаюсь съ колоннады, гдѣ я гуляла между бронзовыми бюстами, тамъ стоящими, и если вы любопытствуете знать, кто эти честные господа, вотъ вамъ списокъ, который я сдѣлала для васъ, гуляя. Вы не можете себѣ представить, какія прекрасныя мысли внушаетъ подобная компанія; мнѣ нравится быть въ этомъ обществѣ: Юлій Кесарь, Ахиллъ, Цицеронъ, Фоксъ, Демосѳенъ, Сенека, Овидій, Софоклъ, Ѳеокритъ, Геродотъ, Геркулесъ, Карнеадъ, Лизій, Ѳеофрастъ, Питтакъ, Сафо и Фаонъ, Аполлонъ, Гомеръ, Платонъ [2]). Все это бронзовые бюсты, находящіеся въ настóящее время на царскосельской колоннадѣ. Со временемъ ихъ будетъ 82» [3]).

По смерти Ланского императрица Екатерина, преслѣдуемая въ Царскомъ Селѣ грустными воспоминаніями, какъ будто искала новаго загороднаго мѣста, которое могла бы полюбить, и купила (у сенатора Неплюева) землю по шлюссельбургской дорогѣ, предполагая тамъ построить дворецъ и развести англійскій садъ. Это загородное мѣсто называлось Пеллой и скоро тамъ былъ заложенъ богатый увеселительный дворецъ придворными архитекторами Старовымъ и Козловымъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ аркадами, галереями, колоннадами, и въ главномъ зданіи находилась огромная зала для торжествъ на подобіе залъ въ римскихъ баняхъ, а между зданіями были дворы и сады. Постройки въ Пеллѣ нѣсколько разъ задерживались войнами, и наконецъ это мѣсто было окончательно брошено императоромъ Павломъ.

Въ апрѣлѣ 1785 года государыня пишетъ: «Я поѣду въ Херсонъ, но не нынѣшнимъ лѣтомъ; въ маѣ мѣсяцѣ я съѣзжу въ Боровичи, чтобы осмотрѣть каналы, по которымъ идетъ под-

---

[1]) 546. 547.

[2]) Этотъ списокъ написанъ карандашемъ на особомъ листкѣ.

[3]) 576.

возъ всего къ Петербургу, и вернусь сюда водою. На землѣ, которую я купила, недостаетъ только дома для житья; тотъ, который тамъ теперь—отвратителенъ. Земля эта лежитъ между Шлюссельбургомъ и Петербургомъ, какъ разъ на жалкихъ невскихъ порогахъ; эта рѣка образуетъ тамъ родъ залива, въ который, саженяхъ во ста отъ дома, впадаетъ Тосна, тоже судоходная рѣка. Мѣстоположеніе прелестное, виды чрезвычайно разнообразные, и будетъ очень удобно украсить все англійскимъ паркомъ» [1]). Пріѣхавъ въ Пеллу 18-го іюля 1785, государыня такъ её описываетъ: вотъ я прибыла сюда, въ такое мѣсто, о которомъ вы не имѣете понятія; я нахожусь въ 26-ти верстахъ отъ Шлюссельбурга, въ 32-хъ отъ Петербурга, въ 35-ти отъ Царскаго Села, па изгибѣ Невы, ниже здѣшнихъ пороговъ. Въ настоящую минуту эти пороги отъ меня вправо, и на такомъ же разстояніи влѣво я вижу изъ окна своего впаденіе въ Неву рѣчки Тосны. Отъ пороговъ до устья Тосны материкъ образуетъ большой полумѣсяцъ, въ серединѣ котораго находится Пелла. Рѣка Нева, пройдя пороги и образовавъ губу, при которой я нахожусь, изволитъ продолжать свое теченіе противъ самыхъ моихъ оконъ, къ Петербургу. Такимъ образомъ фасадъ Пеллы вовсе не на сѣверъ, а какъ разъ въ сторону рѣки на западъ, надворный же фасадъ на востокъ. По ту сторону противъ Пеллы находится мысокъ, надъ которымъ виднѣются деревни, лѣса и дома, расположенные по обоимъ берегамъ Невы. Черезъ четыре года у меня будетъ прекрасный домъ на этой землѣ; основаніе его уже заложено, а пока я живу въ деревянномъ домѣ прежняго владѣльца, строеніи, которое скорѣй огромно чѣмъ красиво. Нева на этомъ мѣстѣ имѣетъ видъ большого озера; множество судовъ, короче, весь торговый грузъ и строительный матеріалъ Петербурга проходятъ мимо моихъ оконъ, и все въ эту минуту въ движеніи на водѣ и на берегу» [2]). Осенью того же года: «По выходѣ

---

[1]) 339.
[2]) 346, 347.

изъ Эрмитажа я имѣла долгое совѣщаніе съ синьйоромъ Кваренги, которому сегодня въ четыре часа пополудни я поручила заказать, для помѣщенія въ паркъ Пеллы, три колонны бѣлаго мрамора, единственный и замѣчательный остатокъ храма Юпитера Громовержца. Вотъ прихоть, которая овладѣла мною вдругъ въ послѣдніе три дня: у меня явилось какое-то лихорадочное желаніе имѣть эти три колонны, выполненныя въ настоящую величину и во всей ихъ красѣ. Что вы скажете объ этомъ? Если я разсержусь, то изъ этихъ трехъ можетъ выйти больше, но для опыта довольно и трехъ» [1]).

Имя Пеллы государыня объясняетъ съ финскаго, говоря, что въ переводѣ это значитъ пыль. Она даже послала Гримму карту окрестностей Петербурга въ 1786 году, прибавляя: «Ищите Пеллу въ верховьѣ рѣки; противъ Пеллы вы найдете Островки дачу, или, лучше сказать, имѣніе князя Потемкина, мѣстечко прелестное и вблизи Пеллы Петрушкино, имѣніе оберъ-шталмейстера Нарышкина. Когда же я пріѣзжаю въ Пеллу, то въ обоихъ этихъ мѣстечкахъ происходитъ большая суматоха, такъ какъ они находятся противъ самыхъ пороговъ Невы. Когда же вы прочтете на картѣ «Софія», то знайте, что этотъ новый городъ находится противъ царскосельскаго парка, или лучше сказать противъ озера; а чтобъ вамъ все это было яснѣе, я дарю вамъ планъ Царскаго Села и даже два. Но всѣ мои загородныя дворцы только хижины въ сравненіи съ Пеллой, которая воздвигается какъ Фениксъ» [2]).

Каждое лѣто мы видимъ государыню предпринимающею поѣздки по окрестностямъ Петербурга. То возвращается она неожиданно въ городъ, то ѣдетъ въ Кронштадтъ, въ Петергофъ, въ Пеллу, въ Сюстербекъ, то осматриваетъ водяныя сообщенія, то обѣдаетъ на дачахъ у своихъ царедворцевъ, то предпринимаетъ экспромтомъ путешествіе въ Москву. Этой любовью къ независимости, этимъ стремленіемъ освободиться отъ всякой ру-

---

[1]) 364, 365.
[2]) 385.

тины, отъ стѣснительнаго дворскаго этикета, и освѣжать себя впечатлѣніями общечеловѣческими Екатерина истинно возвышалась надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Никогда не подчинялась она мысли, чтобъ отсутствіе внѣшней торжественности и церемоніальности могло отнять что-нибудь отъ ея царственнаго величія. При ея подвижности и частыхъ лѣтнихъ переѣздахъ, ей случалось останавливаться и даже проживать цѣлыя недѣли и мѣсяцы въ самыхъ скромныхъ помѣщеніяхъ. Тогда, какъ будто еще горячѣе пробуждались ея поэтическое чувство, ея любовь къ природѣ и та веселость, свѣжесть души и впечатлительность, которыхъ она не утратила до конца жизни.

«Я возвратилась въ городъ вчера,» пишетъ она 20 августа 1785 г. изъ Петербурга, «такъ же какъ и въ прошломъ году неожиданно. Я нахожу это прелестнымъ: никто меня не провожаетъ, никто не принимаетъ. Я проскальзываю какъ котъ, такъ что́ никто и не замѣтитъ меня, а когда я уже пріѣду, то цѣлые сутки всѣ повторяютъ: она пріѣхала неожиданно! — И вотъ пустые мечтатели и политиканы отыскиваютъ на это причины, до того тонкія и скрытыя, что ихъ можно продѣть сквозь игольное ушко. А ваша покорная слуга покамѣстъ бѣгаетъ по Эрмитажу, осматриваетъ картины, играетъ со своей обезьяной, любуется на своихъ голубей, своихъ попугаевъ, своихъ американскихъ пташекъ голубаго, краснаго и желтаго цвѣта и предоставляетъ всякому свободно толковать, подобно городу Москвѣ» [1]).

Послѣ поѣздки въ Сюстербекъ, о которой она извѣщаетъ Гримма, онъ спрашиваетъ её, что́ это еще за новое для него мѣсто. Она отвѣчаетъ: «Сюстербекская фабрика — это заводъ ору́жія и другихъ желѣзныхъ издѣлій, какъ наприм. рѣшетокъ, кроватей и проч. Онъ находится на новой выборгской дорогѣ по ту сторону рѣки; чтобъ приблизить Выборгъ къ Петербургу мы строимъ на Невѣ второй мостъ на плашкоутахъ, выше литейнаго завода. Инспекторъ этого завода, всегда зависѣвшаго отъ артил-

[1]) 360.

лерійскаго вѣдомства,—генералъ Мюллеръ, командующій артиллеріей. Младшій сынъ покойнаго Эйлера — его директоръ» [1]).

Вотъ еще очеркъ своего образа жизни, который императрица даетъ Гримму: «Хотя я нынѣшнимъ лѣтомъ много странствовала по большимъ дорогамъ, но и осень эту я еще очень подвижна, потому что со дня возращенія моего въ городъ я ежедневно встаю утромъ въ шесть часовъ, пью чашку кофе, а потомъ бѣгу въ Эрмитажъ и тамъ отъ 6-ти до 9-ти верчу и переворачиваю винегретъ, который называю извлеченіями. Затѣмъ является фактотумъ (Безбородко) и всѣ фактотумы; въ одиннадцать я возвращаюсь въ свои комнаты одѣваться и играть съ толпою своихъ внучковъ и внучекъ; одѣвшись, иду обѣдать въ Эрмитажъ. Послѣ обѣда я опять ухожу въ свои покои а оттуда опять въ Эрмитажъ, гдѣ прежде всего кормлю орѣхами бѣленькую векшу, которую сама приручила; потомъ играю нѣсколько партій въ бильярдъ. Затѣмъ я иду разсматривать свои рѣзные камни или какіе-нибудь эстампы, или брожу среди картинъ; послѣ чаю дѣлаю визитъ прелестной своей обезьянкѣ, которую никогда не могу видѣть бѣзъ смѣху, до того она забавна. Въ четыре я возвращаюсь въ свои комнаты, до шести читаю и пишу, въ шесть выхожу для пріемовъ, съ которыми теперь помирилась [2]); въ восемь я поднимаюсь на свои антресоли, куда собирается ко мнѣ болѣе избранное общество, въ одиннадцать ложусь спать. Теперь вы можете прослѣдить за мною шагъ за шагомъ всю зиму, если пожелаете» [3]).

Не въ этомъ ли строгомъ распредѣленіи дня, въ которомъ трудъ такъ умно и гармонически чередовался съ удовольствіемъ, съ семейными и общественными обязанностями надо искать тайну той ясности и послѣдовательности мысли, чуждой всякой односторонности, той бодрости духа и никогда не слабѣвшей дѣятельности, которыя отличали Екатерину?

24 мая 1785 года государыня съ большой свитой выѣхала

[1]) 365, 366.
[2]) Послѣ уединенія, вызваннаго смертью Ланскаго.
[3]) 367, 368.

изъ Петербурга на каналы и 1-го іюня писала Гримму изъ Твери: «Я отправилась осматривать водяныя сообщенія, доставляющія Петербургу съѣстные припасы и товары. Посолъ императорскій, посланники французскій и англійскій, пожелавшіе участвовать въ этой поѣздкѣ, находились въ моей свитѣ. Мы ѣхали по большой московской дорогѣ очень весело и въ наилучшемъ здоровьи, направляясь въ Боровичи, гдѣ предполагали пересѣсть на суда. Когда мы доѣхали до Вышняго Волочка, вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Москвы графъ Брюсъ и начинаетъ уговаривать насъ ѣхать дальше и навѣстить его въ Москвѣ; никто его не слушаетъ, а онъ все толкуетъ свое. Какое дурачество! какъ въ Москву?— Да, въ Москву. — Да, гдѣ же взять лошадей? — Это ужъ мое дѣло. — Но мы хотимъ обѣдать, ужинать, говорятъ путешественники.—Вы все это найдете, — отвѣчаютъ имъ. Начинаютъ свыкаться съ этой мыслью, начинаютъ увлекаться ею; всѣ находятъ, что это будетъ прелестно и поддаются соблазну; графъ Брюсъ кидается въ карету и летитъ какъ молнія. Мы слѣдуемъ за нимъ, и вотъ мы въ Твери, въ чудную погоду, среди мѣстности, представляющей самые живописные ландшафты. Посолъ и посланники французскій и англійскій ѣдутъ въ моей шестимѣстной каретѣ; они всѣ трое очень уживчивы, очень образованы, NB. очень веселы; князь Потемкинъ, графъ Чернышовъ, оберъ-камергеръ, оберъ-шталмейстеръ, графъ Ангальтъ и нѣкоторыя другія лица, всего шестнадцать человѣкъ, сопровождаютъ меня и наперерывъ стараются развеселить общество. Мы ѣдемъ сегодня послѣ обѣдни въ Москву; мы останемся тамъ два или три дня и вернемся, чтобъ опять сѣсть на суда въ Боровичахъ и плыть къ Петербургу. Что скажете вы объ этой шалости и что скажутъ газеты и застегнутые, которые продолжаютъ утверждать, что я при смерти?»

14 іюня: «Вотъ я вернулась изъ Москвы и уже двое сутокъ какъ плыву на судахъ по рѣкѣ Мстѣ, которая должна завтра или послѣзавтра привести насъ въ Новгородъ, по озеру Ильменю, откуда мы войдемъ въ рѣку Волховъ, а эта принесетъ насъ въ

Ладожскій каналъ; потомъ войдемъ въ Неву и высадимся въ Петербургѣ. О настроеніи общества, ѣдущаго со мною, вы можете судить по прилагаемому здѣсь прекрасному литературному произведенію, которое написано подъ вліяніемъ этого настроенія. Надо отдать справедливость г. Сегюру: трудно быть любезнѣе и имѣть умъ пріятнѣе; ему, кажется, пріятно быть съ нами и онъ веселъ, какъ зябликъ. Онъ сочинялъ намъ стихи и пѣсни, а мы отвѣчали ему плохой прозой. Князь Потемкинъ моритъ насъ со смѣху во всю дорогу, да и всѣ другіе, кажется, лѣзутъ изъ кожи помогать ему. Погода превосходная и мы любуемся прелестными видами».

20 іюня, изъ Петергофа. «Третьяго дня доплыли мы по Невѣ до Петербурга, а вчера я сухимъ путемъ прибыла сюда. Посолъ и посланники англійскій и французскій были доставлены каждый до своего дома въ городѣ; ей ей, они бы согласились ѣхать со мною на край свѣта, еслибъ я того пожелала» [1] .... Здѣсь государыня высказываетъ похвалу Сегюру, нами уже приведенную, и продолжаетъ: «Замѣтьте пожалуйста, что англійскаго посла мы увезли больного; онъ передъ тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не ѣлъ и не пилъ; боялись даже, чтобъ онъ не впалъ въ мрачную меланхолію, а назадъ мы его привезли выздоровѣвшимъ; онъ ѣстъ, пьетъ, хохочетъ и смѣшитъ другихъ; у него возвратился хорошій цвѣтъ лица и онъ пополнѣлъ. Сообщите мнѣ пожалуйста, какіе до васъ дойдутъ слухи о самомъ веселомъ путешествіи, какое, какъ я думаю, когда-либо предпринималось. По вашему приказанію вотъ вамъ второй курьеръ за три мѣсяца.

«Надо еще вамъ сказать, что въ теченіе всего моего путешествія, около тысячи двухсотъ верстъ сухимъ путемъ и шестисотъ верстъ водою, я нашла удивительную перемѣну во всемъ краѣ, который отчасти видѣла прежде. Тамъ, гдѣ были убогія деревушки, нашла я прекрасные города, отлично отстроенные

---

[1]) 341, 342,

изъ кирпича и камня; гдѣ не было и деревушекъ, тамъ большія села, и вообще благосостояніе и торговое движеніе превзошли мои ожиданія. Мнѣ говорятъ, что это послѣдствіе моихъ распоряженій, которыя уже десять лѣтъ исполняются буквально, а я, глядя на все это, отвѣчала: Очень рада. Это не особенно остроумно, но зато сущая правда» [1]).

Такъ какъ прусскій посланникъ не участвовалъ въ путешествіи, то о немъ высказанъ слѣдующій отзывъ: «Я думаю, что это путешествіе приводитъ въ бѣшенство застегнутыхъ (les boutonnés), доказывая какъ дважды два четыре ихъ лживость и черноту ихъ желчныхъ изліяній» [2]).

Особенно подвижна была государыня въ это лѣто 1785 г., и 4-го іюля писала изъ Царскаго Села: «Наконецъ я вернулась сюда вчера вечеромъ, прорыскавъ шесть недѣль безъ одного дня; изъ Петергофа я ѣздила въ городъ, оттуда отправилась ночевать въ Осиновой рощѣ, оттуда поскакала въ Сюстербекъ и опять вернулась въ городъ; вчера я обѣдала и ужинала съ моими карманными министрами, посломъ императорскимъ, посланниками французскимъ и англійскимъ, у братьевъ Нарышкиныхъ, откуда пріѣхала сюда . . . . . . Въ четвергъ я отправлюсь въ Пеллу съ моими тремя карманными министрами, а возвращусь въ понедѣльникъ ко дню Маріи Магдалины» [3]).

Въ Царскомъ Селѣ, 21 іюля. «Вчера въ эрмитажѣ распрощалась я со всей своей путевой компаніей, а при переѣздѣ водою изъ Пеллы въ Петербургъ, мы произвели посла въ короли, а графиню Браницкую въ королевы, потому что они сидѣли рядомъ на одномъ креслѣ. Они представляли короля Дагобера и королеву Берту, а потомъ изъ этого вышли безконечныя дурачества и хохотня, которыя продолжались до самой высадки на берегъ. Что вы объ этомъ скажете?..... Г. Кельхенъ увѣрялъ

---

[1]) 343.
[2]) Тамъ же.
[3]) 346.

насъ въ пути, что нельзя умереть отъ смѣха; я вѣрю этому, потому что никто не умеръ, хотя всѣ хохотали съ утра до вечера [1]).

Къ этому живому и полному веселости описанію путешествія приложены были разныя шуточныя дополненія: описаніе путешествія въ формѣ пародіи, во вкусѣ извѣстій распространявшихся объ императрицѣ и Россіи иностранными газетчиками, также стихи Сегюра, который, какъ извѣстно, имѣлъ даръ сочинять экспромтомъ, и между ними «эпитафія Земирѣ». Пародія же изображаетъ пріѣздъ въ Москву и происшедшій тамъ будто бы заговоръ и бунтъ, въ которомъ участвуютъ не только высшія сословія, но и самъ митрополитъ московскій. Окруженная опасностями, государыня спасается изъ одного дворца въ другой, и наконецъ въ загородные дворцы: Коломенское, Царицыно и вездѣ искусно и ловко ускользаетъ въ минуту опасности. Обратное путешествіе въ Петербургъ, гдѣ также готовится возстаніе, исполнено затрудненій всякаго рода: общество терпитъ нужду въ припасахъ, которыхъ никто не даетъ, при чемъ приведено имя тверского помѣщика Полторацкого во французскомъ переводѣ: «Un et demi». Наконецъ путешественниковъ ожидаютъ опасности на водяномъ пути, обилующемъ разбойниками и пр. Министрамъ и посланникамъ отведены при этомъ каждому своя роль, и шутка продолжается еще на петергофскомъ праздникѣ 29 іюня. Такія шутки и аллегоріи видимо очень нравились императрицѣ и ихъ въ перепискѣ встрѣчается нѣсколько по разнымъ поводамъ. Но всего заботливѣе старается Екатерина поразить ими завистниковъ Россіи и ея славы. Нѣтъ сомнѣнія, что для главы государства такое ясное сознаніе неустанной, направленной противъ Россіи вражды и происковъ иностранцевъ было чрезвычайно важно и вызывало ту твердую политику, которая была залогомъ достоинства и безопасности Россіи.

---

1) 347.

Ланскіе, Лагарпъ, графъ Бобринскій, Зельмира.

Въ 1781 году въ первый разъ упоминается имя Ланского въ слѣдующемъ обращеніи къ Гримму: «Царское Село, 31 августа 1781 г. Такъ какъ камергеръ Ланской [1]) посылаетъ своего двоюроднаго брата, подполковника Ланского, въ Парижъ съ курьерскимъ пашпортомъ, то я кончаю это письмо, поручая ему передать вамъ его въ собственныя руки. Рекомендую вамъ этого подполковника и прошу васъ быть ему полезнымъ, давать ему совѣты и изъ моихъ денегъ, которыми вы располагаете, выдать ему до трехъ тысячъ червонцевъ. Вы этимъ одолжите почтенное семейство, которое теперь въ тяжкомъ горѣ, причиненномъ вѣтреностью юноши, испорченнаго и увезеннаго негодяемъ; это братъ камергера Ланского, уѣхавшій изъ Дрездена въ Парижъ, говорятъ, безъ позволенія родителей. Съ нимъ отправился Фонтэнъ, пріѣхавшій сюда съ герцогинею Кингстонъ. За молодымъ человѣкомъ посланъ подполковникъ Ланской, съ тѣмъ чтобы привезти его обратно, или помѣстить его въ науку къ какому-нибудь профессору въ Лозаннѣ или Болоньѣ, и вотъ причина этого путешествія. Прошу васъ, помогите ему подъ рукою въ его поискахъ, и конечно такъ, чтобъ дѣло это производило какъ можно менѣе шуму; нашему повѣсѣ всего только 17 или 18 лѣтъ Еслибъ вы рекомендовали намъ въ Лозаннѣ или Болоньѣ какой - нибудь хорошій домъ, который согласился бы принять молодого человѣка на свое попеченіе, то премного бы насъ одолжили, и когда я сказала, что направлю курьера къ г. Гримму, то лицо брата просіяло удовольствіемъ, что доказываетъ въ какомъ почетѣ г. Гриммъ многострадальный у всѣхъ моихъ приближенныхъ» [2]).

Весьма характеренъ по поводу этой исторіи отзывъ Екате-

---

[1]) Камергеръ Ланской, Александръ Дмитріевичъ, является въ послѣдующихъ письмахъ подъ именемъ генерала Ланского. Двоюродный братъ его, Василій Сергѣевичъ, упоминается ниже подъ именемъ Базиля. Юноша, о которомъ идетъ рѣчь, единственный братъ Александра Дмитріевича—Яковъ.

[2]) 218, 219.

рины о тѣхъ иностранныхъ проходимцахъ, которые тогда уже наводняли Россію и, безъ всякаго разбору, съ улицы принимались въ лучшіе дома въ качествѣ воспитателей юношества: «Еще разъ прошу у васъ прощенія, что надѣлала вамъ хлопотъ письмомъ, котораго податель былъ подполковникъ Ланской. Генералъ Ланской самъ выразитъ вамъ благодарность, которую живо чувствуетъ; онъ очень раскаивается, что отправилъ своего брата въ Дрезденъ; но вѣдь не онъ придумалъ это путешествіе, не онъ откопалъ Фонтэна, но тѣ самые, кто теперь умываетъ себѣ руки въ этихъ событіяхъ, и которые однако были ихъ и первой и второстепенной причиной. Но что же дѣлать? Какъ ни кричи противъ того довѣрія, какое у насъ имѣютъ къ искателямъ приключеній всякаго рода, у насъ это до того вошло въ привычку, что её не выживешь, и развѣ только будущее поколѣніе отъ нея освободится. Вся эта исторія и поведеніе проходимца съ молодымъ человѣкомъ, къ которому онъ былъ приставленъ, должны возбудить ужасъ по отношенію къ подобнымъ людямъ. Опасности которымъ подвергался юноша, легко могутъ имѣть вліяніе на всю его жизнь» [1]). Вслѣдъ за этимъ государыня даетъ совѣты Гримму, какъ освободить молодого человѣка отъ преслѣдованій его Дульцинеи (какой-то Ленхенъ изъ Дрездена) и возвратить его въ повиновеніе родителямъ, предлагая для этого поѣздку въ Италію подъ руководствомъ двоюроднаго брата, который кроткимъ вліяніемъ долженъ былъ стараться обратить юношу на путь истинный. Гримму почему-то показалось что бракъ между этой особой и молодымъ Яковомъ Ланскимъ можетъ состояться, но императрица поспѣшила разувѣрить его въ этомъ и послѣ не разъ возвращалась къ тому же предмету съ живымъ участіемъ въ судьбѣ запутавшагося юноши. Но всего замѣчательнѣе этотъ эпизодъ тѣмъ, что привелъ въ Россію Лагарпа, будущаго воспитателя императора Александра I-го, выбраннаго по указанію Гримма сопровождать молодого Ланского въ этомъ путешествіи. Вотъ

---

[1]) 223.

какъ впервые является въ этой перепискѣ человѣкъ, который долженъ былъ впослѣдствіи имѣть не малое вліяніе на судьбы Россіи: «Хорошая нравственность, благоразуміе и здравый смыслъ г. Лагарпа такъ плѣнили присутствующихъ и отсутствующихъ, онъ такъ хорошо направилъ все дѣло, что оно идетъ совершенно согласно съ нашими желаніями, и онъ пріобрѣлъ репутацію и благодарность заинтересованныхъ. Итакъ мы не только одобряемъ, что другъ Лагарпъ направился въ Италію съ двоюродными братцами, но мы желаемъ, чтобъ послѣ поѣздки въ Италію, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Штутгардъ, котораго подробныя описанія насъ совсѣмъ разочаровали, они всѣ трое проѣхали бы черезъ Тріестъ, оттуда въ Вѣну, потомъ въ Подолію и Кіевъ и наконецъ потихоньку выѣхали бы на петербургскую дорогу. Будьте такъ добры и выдайте имъ изъ моихъ денегъ до Вѣны тысячу дукатовъ болѣе, чѣмъ я прежде назначила. Тамъ же, если имъ не хватитъ средствъ, князь Голицынъ снабдитъ ихъ» [1]). И въ этомъ же письмѣ прибавлено послѣ: «охотно устроимъ мы Лагарпу приличное положеніе» [2]). Въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ два мѣсяца спустя, сообщается развязка этой исторіи: «Вы знаете или еще не знаете, что вашъ блудный и обрѣтенный сынъ, возвратится прямо сюда послѣ поѣздки своей по Италіи, и стало быть надо надѣятся, что дѣятельная жизнь, которую ему устроили, убережетъ его отъ женщины-змѣи, находящейся подъ вашимъ храненіемъ; вы поймете также, что весьма дурно поступили бы, еслибъ прислали ее къ намъ въ тюкѣ, потому что здѣсь семейство потребовало бы ея отсылки, опасаясь болѣе всего на свѣтѣ брака двухъ влюбленныхъ. Этотъ г. Лагарпъ, не похожій на другого, — хорошая голова» [3]). «Мы держимъ г. Лагарпа про запасъ; а покамѣсть онъ гуляетъ» [4]), говорится въ маѣ 1784 г.

Признательность за спасеніе брата сблизила Александра

[1]) 229.
[2]) 230.
[3]) 231, 232.
[4]) 307.

рины о тѣхъ иностранныхъ проходимцахъ, которые тогда уже наводняли Россію и, безъ всякаго разбору, съ улицы принимались въ лучшіе дома въ качествѣ воспитателей юношества: «Еще разъ прошу у васъ прощенія, что надѣлала вамъ хлопотъ письмомъ, котораго податель былъ подполковникъ Ланской. Генералъ Ланской самъ выразитъ вамъ благодарность, которую живо чувствуетъ; онъ очень раскаивается, что отправилъ своего брата въ Дрезденъ; но вѣдь не онъ придумалъ это путешествіе, не онъ откопалъ Фонтэна, но тѣ самые, кто теперь умываетъ себѣ руки въ этихъ событіяхъ, и которые однако были ихъ и первой и второстепенной причиной. Но что же дѣлать? Какъ ни кричи противъ того довѣрія, какое у насъ имѣютъ къ искателямъ приключеній всякаго рода, у насъ это до того вошло въ привычку, что её не выживешь, и развѣ только будущее поколѣніе отъ нея освободится. Вся эта исторія и поведеніе проходимца съ молодымъ человѣкомъ, къ которому онъ былъ приставленъ, должны возбудить ужасъ по отношенію къ подобнымъ людямъ. Опасности которымъ подвергался юноша, легко могутъ имѣть вліяніе на всю его жизнь» [1]). Вслѣдъ за этимъ государыня даетъ совѣты Гримму, какъ освободить молодого человѣка отъ преслѣдованій его Дульцинеи (какой-то Ленхенъ изъ Дрездена) и возвратить его въ повиновеніе родителямъ, предлагая для этого поѣздку въ Италію подъ руководствомъ двоюроднаго брата, который кроткимъ вліяніемъ долженъ былъ стараться обратить юношу на путь истинный. Гримму почему-то показалось что бракъ между этой особой и молодымъ Яковомъ Ланскимъ можетъ состояться, но императрица поспѣшила разувѣрить его въ этомъ и послѣ не разъ возвращалась къ тому же предмету съ живымъ участіемъ въ судьбѣ запутавшагося юноши. Но всего замѣчательнѣе этотъ эпизодъ тѣмъ, что привелъ въ Россію Лагарпа, будущаго воспитателя императора Александра I-го, выбраннаго по указанію Гримма сопровождать молодого Ланского въ этомъ путешествіи. Вотъ

---

[1]) 223.

нѣжно привязанные и не знающіе однако одинъ другого въ лицо. «Я передала генералу Ланскому», говорится въ одномъ письмѣ, «что вы желали бы, чтобъ васъ судьба почаще сталкивала съ кѣмъ-нибудь изъ Ланскихъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что очень радъ, если вы находите ихъ людьми умѣющими исполнять долгъ свой. Я же повторяю ежедневно, что это хорошее племя, но онъ перлъ изо всѣхъ, потому что ни одинъ, даже Базиль, не стóитъ своего двоюроднаго брата» [1]).

Два раза жизнь Ланского была въ опасности: одинъ разъ отъ болѣзни, другой разъ отъ паденія съ лошади. Въ ноябрѣ 1782 г. говорится: «Генералъ Ланской порядочно напугалъ насъ: у него сдѣлалась воспалительная лихорадка, но слава Богу, онъ внѣ опасности и теперь ужъ храбро разъѣзжаетъ въ саняхъ» [2]). Въ августѣ же 1783 сообщено слѣдующее извѣстіе: «Когда генералъ Ланской узналъ, что отъ васъ ускользнула коллекція камеевъ и вы не купили ея, то онъ чуть не упалъ въ обморокъ и не задохнулся; онъ узналъ объ этомъ черезъ нѣсколько дней послѣ ужаснаго паденія вмѣстѣ съ лошадью, которое уложило его на нѣсколько дней въ постель; однако теперь онъ совсѣмъ поправился, хотя сильно помялъ себѣ грудь и харкалъ кровью, но, благодаря своему прекрасному сложенію, онъ повидимому не чувствуетъ отъ того послѣдствій» [3]).

Въ 1784 году письма къ Гримму являются, ради шутки, часто съ подписью Ланского, какъ будто онъ бралъ государыню себѣ въ секретари и заставлялъ писать подъ диктовку. Въ этихъ письмахъ, полныхъ веселости, мы видимъ безпрестанные переходы отъ порученій и интересовъ Ланского къ ея собственнымъ дѣламъ и порученіямъ.

Письмо изъ Царскаго Села отъ 7-го іюня 1784, поразительное своимъ переходомъ отъ самой безпечной веселости къ безгра-

---

[1]) 286.
[2]) 253.
[3]) 282.

ничной горести, такъ замѣчательно, что нельзя не привести его здѣсь цѣликомъ:

«Я встала въ половинѣ седьмого и написала и занесла въ одну записку, которую веду подъ именемъ матеріаловъ, слѣдующее: — монастыри и общины — плохіе наслѣдники: они управляютъ либо дурно, либо ужъ черезъ-чуръ хорошо, такъ что становятся несправедливы. Это прекрасное разсужденіе пробудило во мнѣ внезапное желаніе писать вамъ и сообщить, что я вчера слышала во второй разъ пѣніе удивительной Тоди [1]) и что эта пѣвица, по-моему единственная въ своемъ родѣ, необыкновенно взбудоражила мнѣ голову: она мнѣ доказываетъ, что совершенство имѣетъ свои неоспоримыя права и что права совершенства таковы, что они способны увлечь души и ученыхъ и невѣждъ. Сказавъ вамъ это, попрошу васъ объяснить мнѣ, какъ и почему первая и вторая мысль могли итти рука объ руку и послѣдовать одна за другою въ моей головѣ, такъ какъ я не вижу между ними никакого сродства, развѣ только желаніе сообщить ихъ вамъ могло ихъ связать.

2 іюля. «Когда я начинала это письмо я была въ счастіи и радости, и дни мои летѣли такъ быстро, что я не знала куда они дѣваются. Теперь не то: я погружена въ глубочайшую скорбь и счастье мое отлетѣло: я думала, что сама не переживу невознаградимую потерю лучшаго друга, постигшую меня недѣлю тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости: онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, оказывалъ успѣхи, принялъ всѣ мои вкусы; это былъ мой воспитанникъ, — благодарный, кроткій и добросовѣстный, раздѣлявшій мои огорченія, когда они случались, и радовавшійся моимъ радостямъ; однимъ словомъ, рыдая, объявляю вамъ свое несчастіе: генерала Ланского нѣтъ болѣе на свѣтѣ! Злокачественная горячка, соединенная съ жабой, въ пять сутокъ унесла его въ могилу, и комната

---

[1]) Пѣвица, пріѣхавшая въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Гримма.

моя, гдѣ мнѣ прежде было такъ пріятно, сдѣлалась для меня пустынной пещерой, въ которой я едва двигаюсь какъ тѣнь; и я схватила горловую боль съ жесточайшей лихорадкой наканунѣ его смерти; однако со вчерашняго дня я встала съ постели; но я такъ слаба и болѣзненно поражена, что въ настоящую минуту не могу видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобъ рыданія не заглушали словъ моихъ; я не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ; не знаю, что̀ будетъ со мною, знаю только, что я никогда не была такъ несчастлива какъ теперь, когда лучшій и дорогой другъ мой меня покинулъ. Я открыла ящикъ и нашла этотъ начатый листокъ, написала эти строки, и вотъ силы покидаютъ меня»[1].

Нужны ли какіе-нибудь комментаріи къ выраженію такой глубоко-человѣчной печали и той чувствительности женскаго сердца, въ которой многіе отказывали Екатеринѣ, считая это свойство несоединимымъ съ ея твердымъ мужественнымъ умомъ и геніальностью.

Такъ какъ письма Гримма отъ 1781 до 1784, за цѣлые три года, не сохранились, то мы и не можемъ привести его отвѣта на это скорбное письмо. Послѣ него переписка прерывается болѣе чѣмъ на два съ половиной мѣсяца, и вотъ какъ государыня сама изображаетъ свое состояніе за первыя недѣли послѣ смерти Ланского:

«Петербургъ, 9 сентября 1784 г.

Мнѣ слѣдуетъ отвѣчать на три письма ваши, изъ которыхъ послѣднее отъ 11 (22) августа требуетъ скораго отвѣта.

Признаюсь, все это время я не въ состояніи была вамъ писать, потому что знала, что это заставитъ страдать насъ обоихъ. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я написала вамъ іюльское письмо, пришли ко мнѣ графъ Федоръ Орловъ и князь Потемкинъ. До тѣхъ поръ я не могла выносить человѣческаго лица; но эти сумѣли взяться за дѣло: они принялись выть со мною, и я почув-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 316, 317.

ствовала при нихъ облегченіе, но надо было итти далѣе, а возбужденная чувствительность сдѣлала меня нечувствительной ко всему, кромѣ одной скорби. Эта скорбь росла и питалась на каждомъ шагу, съ каждымъ словомъ. Но впрочемъ не подумайте, что при такомъ ужасномъ состояніи я пренебрегала малѣйшимъ дѣломъ, къ которому требовалось мое вниманіе: въ самыя тяжкія минуты ко мнѣ приходили за всѣми приказаніями и я давала ихъ аккуратно и сознательно: это особенно поражало генерала Салтыкова. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло безъ малѣйшаго облегченія; наконецъ наступили перемежки въ нѣсколько часовъ спокойствія, потомъ и цѣлые дни. Осень надвигалась, становилось сыро, понадобилось топить царскосельскіе покои; въ моихъ комнатахъ нáчало дымить, и такъ сильно, что 5 сентября вечеромъ, не зная куда дѣваться, я взяла карету и невзначай пріѣхала сюда въ городъ, когда никто не ждалъ меня, и прямо въ эрмитажъ. Вчера я въ первый разъ была у обѣдни, и стало-быть въ первый разъ я опять свидѣлась со всѣми, и всѣ меня видѣли; но право, это было такое великое усиліе надъ собою, что возвратясь въ свою комнату, я почувствовала совершенный упадокъ силъ. Другая на моемъ мѣстѣ упала бы въ обморокъ, чтó со мной никогда въ жизни не случалось». [1]).

«14 сентября 1784.

Мнѣ надо писать вамъ, надо бы перечесть ваши послѣдніе письма, но право я не могу; вы не услышите отъ меня ничего веселаго, потому что я стала существо весьма скучное, говорю только полусловами. Однако мнѣ теперь нѣсколько лучше нежели было, потому что я выхожу и могу выносить человѣческія лица. Посылаю вамъ двѣ тетради Русской исторіи [2]), переведенныя на нѣмецкій языкъ по вашему желанію. Голкондская царица пріѣхала, и все хорошо и прекрасно. Но..... все печалитъ меня...... [3]) А я никогда не любила внушать состраданіе. Видно, отъ подобнаго

---

[1]) 317, 318.

[2]) Екатерина сама писала Русскую исторію для своихъ внучатъ.

[3]) Оба ряда точекъ и въ подлинномъ письмѣ.

состоянія не умираютъ, потому что я жива и была въ постели только шесть дней. Изо всѣхъ, окружавшихъ больного во время этой злокачественной пятнистой горячки, которая началась съ горловой боли въ среду 19 іюня въ три часа пополудни, только я одна заразилась горловой болью и чуть не умерла отъ нея» [1]).

За этимъ слѣдуетъ подробный разсказъ о всемъ ходѣ болѣзни, о консиліумѣ и усиліяхъ докторовъ спасти больного, наконецъ о его послѣднихъ минутахъ. При этомъ случаѣ былъ призванъ новоприбывшій докторъ Вейкардъ, принятый на русскую службу по рекомендаціи Циммермана. Изъ письма императрицы видно, что, чуждый всякой дворской политикѣ, онъ прямо объявилъ императрицѣ, что у Ланского злокачественная горячка и что онъ долженъ умереть. Когда это предсказаніе сбылось, Вейкардъ поспѣшилъ удалиться отъ двора [2]).

Въ томъ же письмѣ сказано: «Вы знаете, что Лагарпъ опредѣленъ къ Александру. Это швейцарецъ Лагарпъ, который путешествовалъ съ двумя Ланскими и Базилемъ. Онъ находитъ своего ученика Александра даровитымъ».

21 сентября: «Скажу вамъ: что касается до дѣлъ общественныхъ, они пойдутъ своимъ чередомъ попрежнему; но что до меня лично,—я была очень счастлива и теперь лишилась этого счастья; я стараюсь утопить себя въ чтеніи и письмѣ, вотъ и все; во мнѣ осталась только крайняя чувствительность къ невознаградимой утратѣ, которую я испытала» [3]).

26 сентября: «Получила я вашъ № 76, въ которомъ вы спрашиваете о моемъ здоровьи; на это отвѣчу вамъ, что я не больна и не была больна послѣ письма моего отъ 2-го іюля, но чрезвычайно огорчена; да, мнѣ невозможно обѣщать вамъ писать каждую недѣлю, потому что я буду забывать объ этомъ; да я и никогда не умѣла подчинить себя подобному этикету, и потомъ, за-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 319.

[2]) Ср. изданныя докторомъ Вейкардомъ записки: **Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte** etc. **Frankfurt und Leipzig**. 1802.

[3]) 320, 321.

чѣмъ такъ акуратно посвящать во все почтовыхъ чиновниковъ? Насчетъ рѣзныхъ камней, говорите тѣмъ, кто будетъ вамъ ихъ предлагать, что я ихъ никогда не покупала для себя, потому что не знаю въ нихъ толку и вовсе не стану покупать ихъ [1]). Если хотите имѣть вѣрное понятіе о моемъ положеніи, то скажу, что вчера исполнилось три мѣсяца, какъ я неутѣшно оплакиваю невознаградимую потерю, постигшую меня, и единственное замѣтное улучшеніе то, что я опять начинаю привыкать къ человѣческимъ лицамъ, однакоже сердце все еще исходитъ кровью, какъ и въ первую минуту. Я исполняю долгъ свой и стараюсь дѣйствовать хорошо, но моя скорбь чрезмѣрна и никогда еще я такой не испытывала; и вотъ уже три мѣсяца какъ я въ такомъ положеніи и адски страдаю» [2]).

Ровно черезъ годъ послѣ смерти Ланского, въ іюнѣ 1785 года, императрица вспоминаетъ и еще разъ изображаетъ свое нравственное состояніе послѣ этой потери. Извѣстно, что послѣ того, какъ первая ѣдкая скорбь ея нѣсколько ослабѣла, она болѣе чѣмъ когда-нибудь углубилась въ умственныя и особенно филологическія занятія, о которыхъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Вѣроятно, Гриммъ упрекалъ ее, что она слишкомъ много сидитъ взаперти, и на это она отвѣчаетъ: «Но послушайте, чего вы такъ кричите противъ моего маленькаго кабинета въ десять сажень и моего лексикона на двухстахъ языкахъ? Знаете ли вы, что я никогда не могу видѣть этого маленькаго кабинета, чтобъ не пожелать въ немъ остаться, и что эта зала изо всѣхъ комнатъ мнѣ болѣе всѣхъ нравится еще и теперь? Не проходитъ дня, чтобъ я, не взирая на вѣтеръ и ненастье, не проводила тамъ нѣсколько часовъ, когда я въ городѣ.... Вы находите, что я задыхаюсь подъ своимъ словаремъ, но это не совсѣмъ такъ въ дѣйствительности. Прошедшаго года въ этотъ день я

---

[1]) Изъ этого видно, что вкусъ къ рѣзнымъ камнямъ первоначально явился у Ланского, Мамоновымъ же былъ заимствованъ вѣроятно въ угожденіе императрицѣ, такъ какъ воскрешалъ для нея драгоцѣнныя воспоминанія.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 322.

была больна при смерти и почти безнадежна. Послѣ того, что я двѣ недѣли была между жизнью и смертью, являются къ намъ друзья на помощь: князь Потемкинъ изъ Крыма и графъ Федоръ Орловъ изъ Москвы. Это помогло, но сначала я не могла переносить этой помощи: ни одинъ человѣкъ не былъ въ состояніи сказать слово или выразить мысль, которая была бы намъ по душѣ. Я была печальна, они желали видѣть меня опять веселой по привычкѣ, и все выходило не то. Надо было подвигаться тихо, шагъ за шагомъ, и на каждомъ шагу выдерживать битвы изъ которыхъ одна проигрывалась, другая была выиграна. Время однако не стояло: оно текло, хотя казалось безконечно долгимъ и все было вяло, скучно. Но князь (Потемкинъ) былъ очень хитеръ: онъ ходилъ вокругъ, какъ котъ. Если одно обстоятельство было не подходящее, онъ повертывался въ сторону и являлся съ новымъ предложеніемъ. Наконецъ я стала немножко повеселѣе. Это понравилось господину утѣшителю: тогда онъ принялся еще болѣе развеселять насъ и такъ пробудилъ меня отъ сна смерти» [1]).

Вѣнцомъ этихъ усилій Потемкина разсѣять грусть государыни и было путешествіе по каналамъ и поѣздка экспромтомъ въ Москву, такъ живо ею описанныя.

Заботы Екатерины II о воспитаніи графа Алексѣя Бобринскаго извѣстны. Любопытно однако прослѣдить въ перепискѣ ея съ Гриммомъ, какъ она характеризовала юношу, за судьбой котораго внимательно слѣдила, и какія принимала мѣры, чтобъ выводить его изъ затрудненій и спасти его отъ послѣдствій юношескаго легкомыслія. Раннее дѣтство свое Бобринскій провелъ въ чужихъ краяхъ, а потомъ поступилъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, котораго главнымъ начальникомъ былъ Бецкій. Окончивъ свое воспитаніе 20-ти лѣтъ, онъ отправился въ путешествіе, сначала по Россіи, потомъ за границу въ сопровожденіи полковника Бушуева, академика Озерецковскаго и трехъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 344.

товарищей по корпусу: Болотникова, Свѣчина и Борисова. Но какъ скоро Бобринскій попалъ въ Парижъ, онъ уже не захотѣлъ выѣхать оттуда и спутники его были отозваны обратно въ Россію. Освободившись отъ всякой опеки, онъ поселился въ Парижѣ и своею расточительностью навлекъ на себя нѣсколько непріятныхъ исторій. Всѣ приписывали его образъ жизни дурному вліянію бывшаго при немъ съ ранней юности полковника де-Рибаса[1]), приближеннаго къ нему Бецкимъ.

Въ апрѣлѣ 1785 г. государыня спрашиваетъ Гримма: «Что такое это дѣло Бобринскаго? Онъ остался и такъ-сказать основался въ Парижѣ. Этотъ молодой человѣкъ необыкновенно безпеченъ, но я не считаю его ни злымъ, ни безчестнымъ. Онъ молодъ и можетъ быть вовлеченъ въ дурныя общества. Онъ оттолкнулъ отъ себя тѣхъ, кто находился при немъ[2]): однимъ словомъ, ему захотѣлось пожить на волѣ и эту волю ему дали. Впрочемъ онъ весьма въ состояніи платить: у него тридцать тысячъ годоваго дохода и ему посылаютъ деньги по востребованію. Еслибъ вы могли поразвѣдать о положеніи его дѣлъ въ Парижѣ, вы очень одолжили бы меня. Получаетъ ли онъ деньги, или не получаетъ?[3]) Есть ли у него долги? Постарайтесь, если можете, предупредить исторіи подобныя той, какую сообщилъ вамъ Жюинье. Не худо было бы, еслибъ кто-нибудь наблюдалъ за нимъ, но если онъ это замѣтитъ, то я опасаюсь, что недовѣрчивость заставитъ его надѣлать новыхъ промаховъ. Онъ немного своеобразная голова, по крайней мѣрѣ такъ говорятъ. Но онъ не лишенъ ума, знаній и даже дарованій»[4]).

21 апрѣля 1786 г., «Я пользуюсь конвертомъ Бахуса Глуто-

---

[1]) Замѣчательно письмо, въ которомъ самъ де-Рибасъ оправдывается передъ молодымъ Бобринскимъ отъ клеветъ, будто бы возведенныхъ на него врагами и вслѣдствіе которыхъ онъ не былъ избранъ сопровождать его въ новое путешествіе. (См. *Русск. Арх.* 1876, ч. III, стр. 24).

[2]) Полковника Алексѣя Михайловича Бушуева.

[3]) Этотъ вопросъ явно доказываетъ, что до императрицы доходили слухи о расчетахъ его съ де-Рибасомъ и недобросовѣстности Бецкаго.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 332, 333.

новича [1]), чтобъ сказать вамъ, что третьяго дня уѣхалъ курьеръ, везущій вамъ мою громадную депешу, а я съ тѣхъ поръ поразмыслила и узнала кое-какія маленькія обстоятельствв, которыя были мнѣ неизвѣстны насчетъ молодого человѣка, протеже г-на Жюинье. Изъ письма вами присланнаго видно, какъ этотъ послѣдній показалъ ему участіе. Никогда бы вы не отгадали, что это интрига Ирода. Однакоже доказательства у меня въ рукахъ. Итакъ прошу васъ написать г-ну Б. (графу Алексѣю Бобринскому), что вы по моему приказанію сообщаете ему: что банкиръ Сутерландъ откроетъ ему ежегодный кредитъ въ тридцать тысячъ и что онъ Б. вполнѣ воленъ оставаться тамъ, гдѣ ему всего лучше понравится, воленъ также и возвратиться. Надо сказать, что вышеупомянутая проклятая шайка застегнутаго породила въ головѣ Б. призракъ воображаемаго врага, хотя этотъ мнимый врагъ никогда ничьимъ врагомъ не былъ [2]). Вы еще лучше сдѣлаете, если зазовете его къ себѣ и сами поговорите съ нимъ. Посовѣтуйте ему обращаться къ вамъ. Вы увидите, что онъ не глупъ, но очень трудно пріобрѣсти его довѣріе. Прошу извиненія, что утруждаю васъ и предоставляю вамъ дѣйствовать по усмотрѣнію, только бы онъ зналъ, что будетъ получать свой чистый доходъ ежегодно» [3]).

Царское Село, 22 іюля 1786: «Все, что вы мнѣ говорите объ извѣстномъ молодомъ человѣкѣ, не удивляетъ меня, потому что онъ принадлежитъ къ роду людей весьма своеобразныхъ, отъ которыхъ многое наслѣдовалъ, но онъ никакъ не долженъ умирать съ голоду изъ-за прихоти постороннихъ людей, не имѣющихъ никакихъ правъ на него [4]). Онъ совершенно воленъ остать-

---

[1]) Не легко догадаться, кого именно императрица и Гриммъ разумѣютъ подъ этимъ именемъ: судя однакожъ по свойствамъ, которыя Екатерина въ одномъ письмѣ приписываетъ банкиру Сутерланду, мы заключаемъ, что именно онъ и есть Бахусъ Глутоновичъ. (См. *Сб. И. О.* XXIII, 585).

[2]) Мы уже упоминали, что германская политика пыталась воздвигнуть Екатеринѣ врага въ лицѣ Бобринскаго.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 376.

[4]) Ясно, что государыня разумѣетъ тутъ Бецкаго.

ся или возвратиться, и на что бы онъ ни рѣшился, деньги его будутъ ему доставлены. Его годовой доходъ превышаетъ 37,000 рублей; капиталъ положенъ въ воспитательный домъ. Не понимаю, какимъ образомъ случилось, что онъ этого не знаетъ, такъ какъ въ 1782 году я написала ему собственноручное письмо, чтобъ сообщить ему, какъ великъ его капиталъ и доходы. Его разсужденія о Бецкомъ весьма справедливы и разумны; не понимаю, зачѣмъ бы этому послѣднему впередъ вмѣшиваться въ его дѣла, потому что воспитательный домъ долженъ платить проценты съ капитала ему, молодому человѣку, или его повѣреннымъ. Посылаю вамъ при этомъ счетъ всего капитала и копію съ моего распоряженія по этому предмету. Прилагаемая при семъ записка Бецкаго доказываетъ, что онъ опять желалъ къ нему придраться. Я положительно остановила это, написавъ ему, чтобъ проценты были посланы безъ придирокъ и что всякій другой образъ дѣйствій былъ бы несправедливъ и не заслужилъ бы моего одобренія» [1]).

Вотъ записка Бецкаго: «По повелѣнію вашего величества, Сутерланду будетъ уплачено, и это было бы уже сдѣлано, еслибъ онъ намъ представилъ квитанціи гг. Бобринскаго и Бушуева, чтобъ окончить старые счеты по первому векселю и узнать достовѣрно, съ какого числа начать считать 10,000 по третямъ, тѣмъ болѣе что г. Бобринскій, по первымъ приказаніямъ вашего величества, получалъ со всей суммы своихъ капиталовъ 37,645 р. дохода и имѣетъ въ своихъ рукахъ расписку совѣта, которую придется уничтожить, пославъ ему другую въ 30,000 [2]). Смѣю, наипокорнѣйше представить вашему величеству, что г. Бобринскій, по вышеупомянутому свидѣтельству имѣетъ право получать свои доходывсякимъ другимъ путемъ, какой ему заблагоразсудится.

И. Бецкій.

«19 іюля 1786. Простите великодушно, государыня, мой дрожащій почеркъ».

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 380.

[2]) Здѣсь Бецкій иронически даетъ почувствовать императрицѣ, что доходъ Бобринскаго значительнѣе, чѣмъ она полагала: что она забыла собственное распоряженіе. Это было также средство выставить на видъ свою честность.

На другой сторонѣ записки Бецкаго собственной рукою императрицы написаны слѣдующія строки:

«На эту записку Бецкаго, въ отвѣтъ на письмо мое отъ 13 іюля, я отвѣчала, что 43,645 рублей должны быть ему доставлены и что всякія крючки возбудятъ мое негодованіе»[1]).

Въ концѣ того же письма отъ 23 іюля сказано:

«Молодой человѣкъ совершенно свободенъ располагать своей судьбою. Такъ какъ въ настоящую минуту военнымъ у насъ не предстоитъ никакого дѣла, то онъ можетъ оставаться, вернуться, дѣлать что̀ ему нравится; еслибъ гдѣ-либо открылась война, ему можно бы посовѣтовать итти волонтеромъ. Если захочетъ видѣть Англію, и это ему дозволено. Если онъ возвратится, онъ будетъ отправлять службу, пока подойдетъ его очередь выйти въ армію»[2]).

Во время путешествія своего по южной Россіи государыня пишетъ коротенькое письмецо изъ Кіева отъ 16 февраля 1787 года: «Я получила здѣсь два письма Бецкаго, къ которымъ были приложены два другія отъ молодого Бобринскаго изъ Парижа: одно отъ 28 декабря, другое отъ 11 января, гдѣ онъ жалуется, что терпитъ нужду, и проситъ денегъ у перваго, тогда какъ тотъ увѣряетъ, что годовые проценты переданы были Сутерланду банкиру. Прошу васъ не оставлять безъ денегъ молодого Бобринскаго и устроить такъ, чтобъ онъ сосчиталъ или поручилъ сосчитать что̀ онъ получилъ и чего не дополучилъ и что̀ ему слѣдуетъ получить; онъ можетъ разсчитывать на тридцать семь или тридцать восемь тысячъ рублей въ годъ, которые принадлежатъ ему и составляютъ его состояніе и которыми никто не долженъ и не можетъ располагать, кромѣ него»[3]).

Въ апрѣлѣ того же года государыня говоритъ: «Какъ мнѣ при-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 380, 381.
[2]) 383.
[3]) 405.

скорбно, что Бобринскій входитъ въ долги; онъ знаетъ свой доходъ, который весьма изряденъ; но за тѣмъ у него нѣтъ ничего. Вы пишете, что этотъ господинъ проигралъ свой доходъ за два года и даже болѣе. Ну чтожъ! надо войти въ соглашеніе съ его кредиторами, чтобъ долги его были заплачены, и вотъ какимъ образомъ: ему извѣстно сколько у него годового дохода; пусть они (кредиторы) оставятъ ему тысячу червонцевъ въ годъ, а онъ пускай выдастъ имъ обязательство отдавать имъ доходъ до полнаго погашенія долга. Странно, что такой скряга, какъ онъ, увлекся до подобной растраты своего бюджета. Я могла бы послать когонибудь, чтобъ выручить этого господина, но онъ такой дикарь и скрытникъ, что пожалуй встрѣтитъ это съ недовѣріемъ: скажется больнымъ и увернется. Я думаю, всего бы лучше вамъ зазвать его къ себѣ и сказать ему, что я вамъ поручила посовѣтовать ему привести въ порядокъ свои дѣла, да не играть и не биться объ закладъ на такія суммы, которыя превышаютъ его доходъ, а расплатиться съ долгами указаннымъ выше способомъ. Вы тогда услышите, что́ онъ скажетъ; потребуйте отъ него откровеннаго признанія, и если онъ покается, то заставьте его изложить письменно, какъ онъ желаетъ распутаться. Если же онъ напротивъ станетъ скрытничать и будетъ стараться ускользнуть, представьте ему послѣдствія. Скажите ему, что, предвидя его увлеченія, его сначала поручили г. Бушуеву, что ему захотѣлось затѣмъ полной независимости, и ему дали волю. Но послѣдствіемъ этого было то, что въ его рукахъ не хватило огромной суммы, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если впредь станетъ лучше и осмотрительнѣе распоряжаться своими деньгами, а впрочемъ, если хочетъ разоряться, то это его дѣло. Чтобъ выручить его изъ Парижа, я думаю, надо бы ему посовѣтовать ѣхать въ Англію: тамъ найдутся русскіе корабли, на которыхъ онъ, если захочетъ, можетъ сдѣлать морскую кампанію, такъ какъ не предстоитъ сухопутной. Если вы увидите, что онъ неотложно нуждается въ средствахъ къ отъѣзду, вы можете выдать ему на перехватъ до тысячи червонцевъ, но ни копейки сверхъ этого,

потому что, я полагаю, ему будетъ полезно испытать хоть немножко такого рода нужду. Вы должны знать, что при большомъ умѣ и даже отвагѣ, нашъ молодой человѣкъ слыветъ завзятымъ лѣнтяемъ, и умѣлъ пріобрѣсти репутацію рѣдкой распущенности, но ко всѣмъ этимъ недостаткамъ, которые могутъ со дня на день измѣниться къ лучшему, не надо относиться строго: можетъ-быть нужда его исправитъ, потому что основа у него хорошая, но мы не на мѣстѣ. Впрочемъ Сутерландъ давалъ ему взаймы подъ его доходы, и если предоставить, какъ я выше говорила, доходы его кредиторамъ, то я полагаю, что они будутъ довольны»[1]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1787 года, по возвращеніи своемъ изъ путешествія, императрица писала изъ Коломенскаго: «Останавливаюсь единственно на бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится молодой человѣкъ вслѣдствіе надѣланныхъ имъ глупостей, и чтобъ не имѣть никакого дѣла съ его прежнимъ любезнымъ опекуномъ и съ несносными каверзами, которыя происходятъ отъ старческой дряхлости, упрямства и недостатка доброй воли, я приказала фактотуму прислать вамъ 23,000 рублей, въ которыхъ молодой человѣкъ имѣетъ такую крайнюю нужду. Они взяты изъ запаснаго его капитала, о которомъ онъ ничего не знаетъ и не долженъ знать; итакъ вы можете дать этому какой хотите оборотъ, лишь бы вы уплатили или велѣли уплатить то, что необходимо»[2]).

Вскорѣ послѣ того государыня опять справляется о положеніи Бобринскаго и говоритъ: «Надѣюсь, что молодой человѣкъ выпутался изъ бѣды, потому что кромѣ 23,000 ему посланныхъ, я приказала письмомъ г. Бецкому послать ему 51,426 рублей, которые онъ просилъ и которыми тотъ увеличилъ его капиталъ. Итакъ вотъ у него въ рукахъ 51,426+23,000=74,426 рублей, кромѣ третныхъ денегъ. Коли онъ не хочетъ разориться, то

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 401, 402.
[2]) 412, 413.

хорошо сдѣлаетъ, если не часто будетъ предаваться подобнымъ кутежамъ, которые не принесутъ ему ни чести, ни радости»[1]).

Въ октябрѣ 1787 года: «Скажите или напишите молодому человѣку, что рѣшено не принимать никакихъ волонтеровъ въ армію, ни своихъ, ни чужихъ, и стало-быть онъ можетъ оставаться въ отпуску тамъ, гдѣ находится, заплатить свои долги и тратить свой доходъ. Премного благодарю васъ за ваши старанія устроить дѣла его. Не захочетъ ли онъ сѣсть въ Англіи на одинъ изъ нашихъ кораблей, отправляющихся въ Средиземное море?»[2]).

Въ ноябрѣ того же года: «Благодарю васъ за всѣ хлопоты ваши по дѣламъ молодого человѣка. Не правда ли, что это голова, которая постоянно страшится, чтобъ кто-нибудь не присвоилъ себѣ право руководить её, и изъ боязни чтобъ ея не направили вправо, беретъ всегда влѣво, а потомъ говоритъ про себя: — О! я таки никому не позволилъ распоряжаться собою; мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть. Слава Богу, что онъ заплатилъ долги и вы съ этимъ покончили. Я полагаю, что вы хорошо сдѣлаете, если уплатите остальные 15 тысячъ ливровъ, и отошлете мнѣ расписки, какъ предлагаете. Что́ при этомъ всего страннѣе въ молодомъ человѣкѣ, такъ это то, что онъ въ сущности очень скупъ. Вы будете имѣть насчетъ этого дѣла особое утвержденіе. Но какъ хотите вы, чтобъ я подобнаго мота (panier percé) поставила во главѣ полка? У него нѣтъ еще ни опытности, ни даже простого здраваго смысла»[3]).

Вотъ обѣщанное оффиціальное утвержденіе израсходованныхъ для расплатъ за Бобринскаго суммъ:

«Господинъ баронъ Гриммъ! Одобривъ употребленіе, сдѣланное вами изъ переданныхъ вамъ до сего числа суммъ насчетъ гвардіи капитанъ-лейтенанта Бобринскаго, пишу къ вамъ это

[1]) 415.
[2]) 418, 419.
[3]) 424, 425.

письмо, чтобъ оно служило вамъ общею квитанціею во всѣхъ сказанныхъ суммахъ. Затѣмъ молю Всевышняго, дабы Онъ сохранилъ васъ подъ святымъ Своимъ покровомъ. Екатерина» [1]).

Гриммъ дѣйствительно выпроводилъ Бобринскаго въ Англію, куда писалъ ему письма, предостерегая отъ новыхъ опасныхъ связей, которыя въ Англіи еще губительнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Затѣмъ онъ передавалъ Бобринскому желаніе императрицы, чтобъ онъ ѣхалъ въ Средиземное море, говоря что она особенно цѣнитъ морскую службу, такъ какъ ей принадлежитъ слава возрожденія мореходства, созданнаго въ имперіи Петромъ Великимъ [2]).

Надо полагать, что дѣла Бобринскаго дали поводъ къ разнымъ сплетнямъ и пересудамъ, особливо за границей, такъ какъ государыня въ апрѣлѣ 1788 г. пишетъ Гримму: «Императрица ни изъ какихъ другихъ источниковъ не платила долговъ повѣсы, какъ только изъ доходовъ съ имѣнія, которымъ онъ здѣсь владѣетъ» [3]).

Тогда, вѣроятно чтобъ прекратить всѣ толки, она рѣшилась выписать его въ Россію и, чтобъ окончательно распутать его дѣла и спасти его отъ разоренія, назначила къ нему опекуномъ Завадовскаго, о чемъ извѣстила Гримма: «Молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Ригу, откуда я его отправила въ Ревель. Туда же поѣхалъ его опекунъ, чтобъ съ нимъ уладить его дѣла и вывести все на чистую воду; теперь мы сдаемся на капитуляцію. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе что разорился; я сказала, что если у него осталось столько, что ему есть съ чѣмъ ѣхать въ армію, пусть ѣдетъ» [4]).

Замѣчательное по силѣ, твердости и правдивости письмо Екатерины къ Бобринскому, выражающее вмѣстѣ съ тѣмъ и ту истинную нѣжность, которая хочетъ прежде всего душевной пользы и исправленія любимаго существа, и отвѣтъ полный раскаянія

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 435.
[2]) См. *Рус. Арх.* 1876, III, стр. 32.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 447.
[4]) 448.

заблудшаго юноши напечатаны были вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами Бобринскаго въ *Русскомъ Архивѣ*[1]). Гриммъ, зная слабость человѣческаго сердца, конечно думалъ быть пріятнымъ императрицѣ, ходатайствуя, чтобъ Бобринскому данъ былъ полкъ. Честный же и энергическій отвѣтъ Екатерины доказываетъ, что она ни на минуту не забывала своей царственной отвѣтственности и умѣла, гдѣ нужно, ставить пользы своего государства выше своихъ частныхъ интересовъ.

Екатерина выдержала свой характеръ и скоро въ Бобринскомъ добрыя наклонности взяли верхъ надъ увлеченіями. Благодаря стараніямъ графа Завадовскаго, дѣла его были распутаны и онъ купилъ себѣ имѣніе Оберъ-Паленъ, а потомъ женился на женщинѣ высокихъ качествъ, баронессѣ Унгернъ-Штернбергъ, но кажется, оставался въ Эстляндіи до конца жизни Екатерины. Послѣ смерти ея онъ былъ внезапно взысканъ милостями императора Павла Петровича и вызванъ въ Петербургъ.

Замѣтную роль въ перепискѣ съ Гриммомъ играетъ родственная молодая чета: братъ великой княгини Маріи Феодоровны Фридрихъ, впослѣдствіи король Виртембергскій, женившійся на Августѣ, принцессѣ Брауншвейгской, которая является въ письмахъ подъ вымышленнымъ именемъ Зельмиры.

Уже въ началѣ ихъ брака и пребыванія въ Россіи возникли между супругами семейные раздоры. Въ распространеніи слуховъ о томъ императрица подозрѣвала прусскаго посланника Гэрца и не становилась сначала ни на ту, ни на другую сторону; но, по свойственному душамъ благороднымъ и высокимъ безпристрастію, относилась къ обоимъ супругамъ безъ предубѣжденій, стараясь найти хорошія и примиряющія качества въ обоихъ. Такъ въ іюлѣ 1782 года государыня пишетъ изъ Царскаго Села: «Я охотно становлюсь на сторону Зельмиры, потому что возможно ли наконецъ вмѣнять человѣку въ преступленіе, если онъ не находитъ любезнымъ то, что ему таковымъ не кажется? Но я хочу пого-

[1]) *Рус. Арх.* 1876, III, стр. 13, 14.

ворить съ вами о мужѣ Зельмиры, въ пользу котораго я вовсе не предупреждена, но котораго, мнѣ кажется, оклеветали несправедливо. Мы нашли его здѣсь: толстая масса и ничего больше. Мы далеки были отъ того, чтобъ считать его жестокимъ, подозрѣвать его въ жестокомъ и безчеловѣчномъ обращеніи. Мы видѣли его въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ онъ обнаруживалъ сострадательность, большое благодушіе и даже благородство въ образѣ мыслей. Онъ два раза былъ въ ссорѣ со своимъ зятемъ[1]) изъ-за пустяковъ и вышелъ изъ этого положенія съ достоинствомъ. Разъ, заставъ женщинъ своей сестры въ слезахъ, онъ упрекалъ её зачѣмъ она бранитъ ихъ, и много было такихъ случаевъ, которые говорятъ болѣе въ его пользу нежели противъ него. Но, сознаюсь вамъ откровенно, что я сильно подозрѣваю ледянаго и застегнутаго, не пролилось ли тутъ его желчи, такъ какъ онъ часто лжетъ изъ любви къ ремеслу. Мнѣ случалось видѣть въ свѣтѣ, какъ часто выставка высокихъ чувствъ и доброты сердечной прикрываютъ злобу и самую жестокую клевету: фальшивость надѣваетъ всякія маски, а когда ей нечѣмъ прикраситься, то называетъ свои козни и происки политикой и ловкостью. Это — обыкновенная уловка эгоистовъ, на которыхъ я болѣе чѣмъ когда-либо сердита съ тѣхъ поръ какъ они признали эгоистомъ Кесаря, который былъ менѣе всего эгоистомъ. И это оттого, что такіе господа никакъ не могутъ выйти изъ узкаго маленькаго кружка своего *я*, который онѣ себѣ создали, и имъ хочется захватить въ этотъ кругъ Кесаря. Это называется глупостью въ полномъ смыслѣ слова»[2]).

О принцессѣ Августѣ государыня отзывается такъ: «Зельмира пріѣхала и ведетъ себя очень хорошо; я даже тщательно старалась разобрать, кто изъ двухъ, мужъ или жена, болѣе виновенъ, и мнѣ кажется что мужъ могъ бы имѣть обхожденіе менѣе грубое; однако теперь говорятъ, что семейныя отношенія улучшились противъ

---

[1]) Вел. княземъ Павломъ Петровичемъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 249. Юлій Кесарь былъ любимымъ героемъ Екатерины II.

прежняго» [1]). «Такъ какъ Зельмира лежитъ, то очень трудно сказать, что́ она такое: она рта не раскрываетъ. Я все на свѣтѣ дѣлала, чтобъ она почувствовала себя со мной не стѣсненною, но мнѣ это не удалось; посмотримъ, не будетъ ли она сообщительнѣе лѣтомъ» [2]). «Видите ли: по правдѣ сказать, у насъ Зельмира слыветъ не очень умной, но такъ какъ мнѣ удается разсмѣшить её до упаду и она любитъ всѣ живыя упражненія, то я не могу согласиться съ большинствомъ. Но я полагаю, что ея бука внушилъ ей такой страхъ, еще поддерживаемый золовкою [3]) въ отсутствіи буки, который въ Херсони съ мая мѣсяца (NB онъ вернулся [4]), что Зельмира боится говорить; впрочемъ она очень молода и никого не знаетъ; я подозрѣваю, что́ мать [5]) не такого орлинаго ума, какъ отецъ. Зельмира не такъ выработана, какъ можно бы ожидать: у насъ ее не находятъ ни умной, ни любезной, потому что она все мечтаетъ и молчитъ» [6]).

Два года спустя, въ апрѣлѣ 1785: «Вы мнѣ пишете о Зельмирѣ и поручаете мнѣ её отъ имени родителей. Я должна прежде всего сказать вамъ, что она ведетъ себя превосходно и что её рѣшительно не въ чемъ упрекнуть; но бездѣльникъ мужъ ея—человѣкъ совершенно невозможный, который такъ грубо и неуважительно съ нею обходится, что онъ уморитъ съ горя эту бѣдняжечку, и я даже не могу сказать, безопасны ли съ нимъ ея жизнь и здоровье. У нихъ произошла на прошедшей недѣлѣ возмутительная сцена, о которой всѣ знаютъ: онъ билъ её, таскалъ за волосы и потомъ заперъ её на ключъ въ своемъ домѣ. Родная сестра, зять, всѣ рѣшительно на сторонѣ жены. Какъ только я узнала объ этомъ, то, щадя жену и тѣхъ кто въ ней принимаетъ участіе, я, чтобъ

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 263.
2) 271.
3) Великой княгиней Маріей Феодоровной.
4) Приписано послѣ.
5) Августа, дочь принца Фридриха Вельсскаго.
6) *Сб. И. О.* XXIII, 289, 290.

не огласить дѣла, выслала мужа въ его губернію [1]) подъ предлогомъ спѣшнаго порученія; при отъѣздѣ они слегка помирились, но надо предвидѣть, что миръ не будетъ проченъ; она поѣдетъ со мной на дачу, куда я переѣзжаю послѣ-завтра: господинъ супругъ ежечасно повторяетъ ей, что онъ её терпѣть не можетъ; это самое нѣжное привѣтствіе, какое ей приходится слышать отъ него. Я полагаю, полезно было бы для бѣдняжки чтобъ родители ея знали, въ какомъ она несчастномъ положеніи, и безъ малѣйшей вины съ ея стороны; но надо бы внушить имъ, чтобъ они не оглашали этого. Она вовсе не знаетъ, что я вамъ объ этомъ пишу, а пишу я потому, что предвижу, что рано или поздно придется развести ихъ, если не захотятъ уморить её. Вы сдѣлаете изо всего этого такое употребленіе, какое вамъ покажется лучшимъ. Если будетъ возможно, мы постараемся отвращать всякій случай, который могъ бы нарушить миръ, но съ такимъ бѣшенымъ человѣкомъ это будетъ трудненько» [2]).

Черезъ два мѣсяца послѣ того государыня пишетъ Гримму: «Послушайте же, вѣдь я ужъ писала вамъ о Зельмирѣ и ея несчастномъ положеніи; я держала ея сердитаго мужа цѣлыхъ два мѣсяца вдали отъ нея; теперь я не имѣю на это болѣе приличнаго предлога: онъ вернулся сюда; сестра и зять опасаются возобновленія сценъ. Эта бѣдная женщина замѣтно таетъ; передали ли вы отцу Зельмиры, какъ я васъ о томъ просила, о несчастномъ положеніи его дочери? Если вы этого еще не сдѣлали, прошу васъ довести до свѣдѣнія ея родителей то, что я вамъ сообщила и, кромѣ того, что для спокойствія сестры и зятя я вынуждена буду скоро выслать бездѣльника домой. Что же тогда станется съ бѣдной, невинной Зельмирой? Какъ послѣдовать за такимъ человѣкомъ, отъ котораго она можетъ ожидать только жестокаго обращенія? Я бы желала, чтобъ отецъ Зельмиры согласился сговориться со мной, какъ облегчить судьбу этой несчастной женщины.

---

[1]) Онъ былъ губернаторомъ въ Выборгѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 340.

Отецъ погрозилъ, что онъ запретъ её, если она вздумаетъ покинуть мужа, но не хочетъ ли папаша самъ попробовать пожить съ этимъ неучемъ? Онъ увидѣлъ бы, что отъ него можно ждать только брани, да побоевъ. Я думаю, что Зельмира недолго протянетъ съ этимъ дуралеемъ; даже дѣти его, какъ они ни малы, смертельно его боятся. По-моему, надо выбрать и предпринять три способа помочь дѣлу, если оно дойдетъ до развязки, то-есть если этотъ уродъ будетъ высланъ отсюда, гдѣ всѣ его ненавидятъ-и питаютъ къ нему отвращеніе какъ къ гадинѣ: 1) чтобъ Зельмира возвратилась спокойно къ своимъ родителямъ; 2) если родители на это несогласны, пусть она останется здѣсь, или ѣдетъ и поселится въ другомъ мѣстѣ; 3) чтобъ дѣти не были отданы отцу, а сыновья были поручены виртембергскому правительству, дочери же были бы оставлены у матери, которая безукоризненнаго поведенія. Короче, повторяю въ сотый разъ, я обѣщала Зельмирѣ свое покровительство: я ей дала слово, что не покину ея; я очень желаю, чтобъ отецъ и мать знали это, и не допущу, чтобъ она тѣмъ или другимъ способомъ сдѣлалась еще несчастнѣе. Я хочу, чтобъ въ случаѣ, если ей нельзя будетъ оставаться съ грубьяномъ, она имѣла спокойное убѣжище, и объявляю вамъ начистоту, что я не позволю Зельмирѣ покинуть Россію, пока не удостовѣрюсь надлежащимъ и вѣрнымъ образомъ, что она будетъ въ полнѣйшей безопасности. Слышите ли? Ясно ли вамъ все это и поговорите ли вы объ этомъ, какъ слѣдуетъ, съ папашей, или нѣтъ? И если вы не можете говорить съ нимъ объ этомъ, я заставлю говорить другихъ; но такъ какъ онъ васъ употребилъ, чтобъ поручить мнѣ свою дочь, то я полагаю, что вы бы и могли сказать ему все, что я вамъ говорю для блага его дочери» [1]).

Въ концѣ этого же письма прибавлено: «Бука немножко лучше обращается съ Зельмирой; зять и сестра читаютъ ему мораль» [2]).

Въ сентябрѣ 1785: «Зельмира уѣхала со своимъ букой въ

[1]) 344, 345.
[2]) 347.

Финляндію [1]), гдѣ дѣтямъ ихъ привили оспу; письма отца и матери у меня; я передамъ ихъ ей только въ случаѣ надобности. Она пишетъ золовкѣ, что они хороши между собой, и если онъ будетъ продолжать съ ней такъ же хорошо обращаться, то она будетъ довольна. Онъ, кажется, намѣренъ возвратиться во-свояси будущею весною; его терпѣть не могутъ какъ гадину въ его губерніи и, по мнѣнію зятя и сестры, ни минуты нельзя расчитывать на это примиреніе [2]).

Въ ноябрѣ 1785 г. императрица пишетъ о Гэрцѣ и женѣ его: «Около мѣсяца, какъ старый брюзга (Krippenbeißer [3]) убрался отъ насъ. Право, этотъ человѣкъ олицетворенная желчь; онъ служилъ своему господину не ревностно только, а бѣшено; онъ задавался задачей быть злымъ; если это называется быть пріятнымъ при дворѣ, право нѣтъ награды, которой бы онъ не заслуживалъ; не наговорилъ ли онъ мнѣ самой ужасовъ о бѣдной Зельмирѣ? Надобно думать, что жена его зла не менѣе его, потому что она всѣми возможными способами старалась повредить бѣдняжкѣ въ мнѣніи свекрови и ужъ мой сынъ и моя невѣстка обличили эту гадкую женщину и удалили ее отъ Зельмиры. . . .

«Зельмира и мужъ ея возвратились изъ Выборга; она увѣряетъ, что это лѣто нельзя было на него жаловаться; вотъ ужъ три недѣли какъ они здѣсь. Сегодня она у меня обѣдала. Я не отдала ей писемъ ея родителей и отдамъ ихъ только, когда сочту нужнымъ. Зельмира молода, неопытна и, кажется мнѣ, слабохарактерна: и она не столько застѣнчива, сколько подавлена горемъ. Такъ какъ они въ ладахъ, то я не хочу разбудить задремавшаго звѣря; но если несогласіе возникнетъ опять, я пущу въ ходъ письма, и родители могутъ быть увѣрены, что я не покину ея, пока она будетъ находиться въ моихъ владѣніяхъ. Она была въ Царскомъ Селѣ этимъ лѣтомъ безъ мужа, и осенью она ѣз-

---

[1]) Въ Выборгъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 363.

[3]) Въ собственномъ смыслѣ Krippenbeißer означаетъ лошадь, имѣющую привычку грызть ясли; въ переносномъ — злого и сварливаго человѣка.

дила къ нему на шесть недѣль въ Выборгъ по собственному желанію, чтобъ привить оспу дѣтямъ.... Мнѣ было очень пріятно узнать изъ письма министра Зельмирина родителя, что палочная расправа прирожденна въ семействѣ супруга; это мнѣ подтвердило мою догадку: именно, что всѣ они очень дурно воспитаны: своимъ пристрастіемъ къ палкѣ они хотятъ выказать себя превосходными военными; оттого я всѣхъ ихъ считаю отпѣтыми капралами. Если братъ его Людвигъ не перестанетъ колотить свою Польку [1]), я полагаю, что она не проживетъ съ нимъ долго. Женщины этой страны не очень-то выносливы, и онъ останется безъ жены и богатства, какъ братъ его датчанинъ, остался безъ слугъ послѣ франкфуртской палочной расправы. Не старый брюзга очернилъ Зельмиру передъ отцомъ, а старая вѣдьма (Krippenbeißerin), потому что эта злая женщина, съ паклей вмѣсто волосъ, то и дѣло всѣмъ нашептывала на ухо о Зельмирѣ самыя ужасныя вещи, такъ что, какъ я ужъ прежде сказала, зять и золовка были до того возмущены, что вмѣстѣ съ свекровью стали на сторону Зельмиры» [2]).

Вполнѣ угадала императрица, что миръ между супругами продлится недолго, и вотъ что читаемъ въ письмѣ отъ 17 декабря 1786 года: «Дѣла Зельмиры дошли до послѣдней крайности и повидимому мнѣ придется дня черезъ два обратиться прямо къ отцу. У меня, вотъ ужъ недѣля, дѣлается родъ лихорадки, когда я о ней думаю. Говорите же послѣ того, если можете, что я не принимаю участія въ чужой судьбѣ».... И далѣе, отъ 26 декабря: «У насъ въ Эрмитажѣ дней десять какъ обрѣтается заколдованная принцесса. Зельмира укрылась у меня, находясь въ смертельной опасности у своего негодяя супруга. Нѣтъ такой жестокости и такого позора, которыхъ бы она не испытала и не могла ожидать; я воспользовалась благопріятнымъ случаемъ, и велѣла сказать бѣснующемуся негоднику, чтобъ онъ убирался отсюда. Онъ на-

---

[1]) Урожденная княжна Радзивиллъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII. 367, 368, 369.

писалъ мнѣ бѣшеное письмо, но долженъ былъ однако уложить свои пожитки и въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ въ прошедшій вторникъ. Онъ объявилъ, что ѣдетъ прямо къ тестю, и Зельмира дрожитъ, чтобъ онъ не очернилъ ея въ глазахъ родителей. Все общество возстановлено противъ негодяя. Самые близкіе [1]) его не оправдываютъ, но недовольны, зачѣмъ она не къ нимъ обратилась; а она, сказать по совѣсти, не могла къ нимъ обратиться. — Я думаю, на меня тоже дуются, но сами будутъ имѣть двойной трудъ посердиться и перестать сердиться (se fâcher et se défâcher). Мое положительное и точное намѣреніе — отправить Зельмиру обратно къ родителямъ, и во всей этой исторіи я поступала, поступаю и буду поступать такъ, какъ велитъ долгъ. Я не могу дождаться здѣсь отвѣта родителей, такъ какъ ѣду 2-го января [2]). Не могу отправить Зельмиру на авось; а отсюда увезу её, такъ какъ оставаться здѣсь ей тоже нельзя. Въ эту минуту не могу сказать вамъ опредѣленно, въ какомъ мѣстѣ она будетъ ждать рѣшенія своей участи, потому что это будетъ зависѣть отъ помѣщенія, и я теперь разослала по разнымъ мѣстамъ поискать ей удобное и приличное убѣжище; затѣмъ я дала ей слово, что безъ ея воли и не убѣдившись, что судьба ея улучшится противъ теперешняго грустнаго положенія, её не заставятъ покинуть уединенія или временнаго пріюта, гдѣ мы пока устроимъ её. Мнѣ кажется, что все это по-человѣчески и прилично; сколько было возможно, я постаралась прикрыть молчаніемъ всѣ ужасы, а на другой день послала курьера и написала отцу Зельмиры, прося его войти со мною въ дружелюбное соглашеніе. Я нахожу, что Зельмира далеко не глупа; въ ней довольно мужества и твердости духа, и она надѣется, что я её не оставлю. И конечно я этого не сдѣлаю. Она желала бы остаться въ Петербургѣ и именно у меня, но этому кажется не бывать, потому что у насъ очень рады будутъ забыть всю эту непріятную исторію. Надо сознаться, что роду Зельми-

---

[1]) Т. е. В. К. Павелъ Петровичъ и В. К. Марія Феодоровна

[2]) Въ знаменитое крымское путешествіе.

рину не посчастливилось въ Россіи: вотъ осьмая или девятая особа страдаетъ здѣсь [1]). Сообщите мнѣ, что́ вы узнаете о чувствахъ Зельмирина отца: доволенъ ли онъ мною, или недоволенъ? Не могу допустить, чтобъ негоднику удалось заставить его забыть, какъ онъ золъ; я слишкомъ хорошаго мнѣнія объ умѣ одного изъ героевъ вѣка. А негодникъ — герой злости. Говорятъ, что онъ поселится въ Швейцаріи. Онъ самъ сказалъ Зельмирѣ, что онъ врагъ безпощадный и не понимаетъ, какъ можно прощать; не правда ли, какой милый характеръ?» [2]).

О дальнѣйшей судьбѣ Зельмиры говорится: «Никогда котелъ такъ не кипѣлъ, какъ эти двѣ, три недѣли: прилагаемое письмо познакомитъ васъ со всѣми непріятностями по поводу Зельмиры; и я должна была посвятить этому дѣлу не пол-вниманія, а полтора. Золовка ребячится; всего ей нельзя сказать, она такова, какова есть, и въ ней нѣтъ того, чего нѣтъ; вотъ почему всего разумнѣе и осторожнѣе было поступить такъ, какъ я поступила. Но все это для васъ однихъ» [3]).

И въ путешествіи, среди новыхъ впечатлѣній Екатерина не забывала несчастной страдалицы и переписывалась съ ней и объ ней, не уступая ея мучителю и не переставая защищать её и заботиться о ея участи. Изъ Кіева государыня писала въ февралѣ: «Я въ разумныхъ переговорахъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ; онъ прислалъ мнѣ курьера, а я ему вчера обратила другого. Я выдамъ мою принцессу только тогда, когда увѣрюсь, что всѣ злобныя внушенія ея мужа не повредили ей въ глазахъ родителей, чего она очень боится; когда я кому покровительствую, то дѣлаю это различными способами и хочу чтобъ моей принцессѣ послѣ стольких страданій и оскорбленій было въ будущемъ обезпечено тихое и спокойное существованіе. И вотъ, до тѣхъ поръ она будетъ жить

---

[1]) Тутъ конечно императрица припоминаетъ несчастное семейство Антона Ульриха и Анны Леопольдовны Брауншвейгскихъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 387, 388, 389.

[3]) 390.

въ своемъ убѣжищѣ. Это должно быть такъ, а не иначе и я это написала папенькѣ. Такъ какъ я писала мужу съ перваго же дня, что не буду судьей въ его дѣлѣ, то и стою на этомъ. Но если онъ будетъ очень заноситься, мы будемъ защищаться, я надѣюсь, и тогда посмотримъ кто будетъ доволенъ» [1]). Отъ 1 апрѣля 1787 г. «Я получила письмо отъ Зельмиры, въ которомъ было вложено письмо отъ отца, доказывающее, что несмотря на его обѣщанія, рѣчи бѣшенаго супруга возымѣли на него дѣйствіе. Этотъ бѣшеный по крайней мѣрѣ столько же разбѣшенъ на меня, сколько на жену, за то что я ей оказала покровительство. Хорошо бѣшеному, что я укрыла его мерзости, но если онъ меня выведетъ изъ терпѣнія, я въ свою очередь заговорю, и тогда увидятъ, кто изъ насъ двухъ правъ. Я очень хорошо вижу по послѣднему письму, написанному мнѣ отцомъ Зельмиры, что онъ, кажется, болѣе скрытенъ со мною, нежели вначалѣ; я это приписывала первому движенію послѣ шестичасоваго разговора съ зятемъ, но письмо, написанное имъ дочери, доказываетъ что этотъ разговоръ пускаетъ корни. Зельмира въ смертельномъ страхѣ, чтобъ ея не возвратили къ мужу; я не могу этому повѣрить; зная дѣло какъ я его знаю, я нахожу, что это была бы страшная жестокость. Я буду молчать пока смогу, и никогда не заставлю Зельмиру покинуть убѣжище, гдѣ она и безопасна и свободна, развѣ сама она будетъ внутренно убѣждена и успокоена, что судьба ея улучшится и что ей болѣе нечего бояться. Послушайте, я говорю съ кашей во рту, потому что скажу свое слово только тогда, когда увижу, что необходимо его сказать. Сдѣлайте изо всего этого по отношенію къ отцу такое употребленіе, какое заблагоразсудится; я буду очень довольна, если меня не вынудятъ говорить» [2]).

«Я нахожу въ вашемъ донесеніи отъ 12 декабря, что вы говорите о мнимомъ спокойствіи въ домѣ Зельмиры, потому что въ моей большой депешѣ, посланной съ Кашкинымъ, упоминается

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 394.
[2]) 394, 395.

только вначалѣ о нѣкоторыхъ неистовыхъ сценахъ. Во-первыхъ невозможно же требовать, чтобъ я постоянно записывала всѣ сцены, которыя происходили между Зельмирою и мужемъ къ великому соблазну всего Петербурга и Финляндіи, когда они тамъ жили. Во-вторыхъ было много такихъ сценъ, о которыхъ я узнавала уже по прошествіи нѣкотораго времени. Въ-третьихъ я не всегда и упоминала о нихъ, потому что это мнѣ надоѣло и я вовсе не подряжалась вести имъ списокъ. Но это замѣчаніе съ вашей стороны тѣмъ болѣе поражаетъ меня въ настоящую минуту, что и отецъ говоритъ дочери, будто до ея переѣзда отъ мужа ко мнѣ тишина и спокойствіе царствовали въ ея домѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но это пахнетъ упрекомъ и дочь этимъ очень огорчилась. На самомъ же дѣлѣ Зельмира клялась мнѣ, что въ теченіе семи лѣтъ брачной жизни она среднимъ числомъ никогда не имѣла и шести недѣль спокойствія; да и тутъ еще двѣ недѣли прибавила я, а она увѣряла, что не наберется и четырехъ. Въ Финляндіи, къ великому соблазну цѣлаго края, было множество сценъ за столомъ въ присутствіи мѣстныхъ служащихъ, такъ что приглашеній на ихъ обѣды боялись какъ чумы. Я не покину Зельмиры, но она опасается что папаша выдастъ её тирану. Впрочемъ все, что сдѣлаютъ въ пользу Зельмиры, очень порадуетъ меня, потому что я принимаю искреннее участіе въ несчастной молодой женщинѣ, которой участь могла бы быть совершенно иною, еслибъ её не выдали за этого полоумнаго, у котораго желчь, кажется, помрачаетъ разсудокъ, потому что онъ злится на весь родъ человѣческій безъ исключенія. Я не могу прямо вмѣшаться въ разводъ, потому что съ перваго же дня заявила бѣшеному супругу, что я не судья его, и счастье его, что это такъ. Этотъ же отвѣтъ свой я сообщила герцогу Брауншвейгскому; но если онъ, или владѣтельный герцогъ Виртембергскій пожелали бы моего добраго содѣйствія, то графъ Румянцовъ во Франкфуртѣ уполномоченъ оказать имъ таковое. Итакъ я покамѣстъ ограничиваюсь тѣмъ, что стараюсь быть какъ можно болѣе полезной Зельмирѣ, которая въ уединеніи переноситъ свое горе съ твердостью и му-

жествомъ философа, и оказалась гораздо умнѣе чѣмъ я думала, когда она была запугана. Желаю, чтобъ молодая вдовица, которую вамъ не удалось выдать замужъ года полтора тому назадъ, была счастливѣе, чѣмъ жоны двухъ старшихъ братьевъ[1]). Зельмира говоритъ мнѣ: «они всѣ большіе охотники жениться». Мнѣ конечно понятна причина: это бѣдность. Такъ какъ вы увѣряете меня, что мать не ослѣплена насчетъ кого бы то ни было изъ дѣтей, то когда увидите её, постарайтесь вывѣдать, извѣстны ли ей подвиги старшаго сына и тотъ позоръ и огорченія, которыя онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ причинялъ сестрѣ, и какое онъ, несмотря на то, имѣетъ вліяніе на сестру; она конечно боится его болѣе вблизи чѣмъ издали; но однако я отнюдь не требую, чтобъ вы дѣлали всѣ эти разоблаченія въ ущербъ ея зарождающемуся благоволенію къ вамъ. Ея наивное признаніе, что она питала къ вамъ большое отвращеніе, полагая что вы у меня въ милости, неоцѣненно»[2]).

Во все время своего путешествія императрица энергически переписывалась объ интересахъ Зельмиры: «Вы правы», говоритъ она Гримму, «что дѣло Зельмиры интересуетъ меня не вполовину, а въ полтора раза. Я особенно занята ея судьбой. Я не разъ чувствовала искушеніе исписать отцу ея цѣлыя тетради насчетъ ея положенія, но удержалась только потому, что сказала себѣ: «но развѣ ты забыла, что объявила сама, что не желаешь быть судьею въ этомъ дѣлѣ? или ты хочешь записаться въ адвокаты и впутаться въ это болѣе чѣмъ слѣдуетъ?» Во мнѣ не произошло никакой перемѣны по отношенію къ дѣлу Зельмиры. Но Зельмирѣ кажется, что такая перемѣна произошла въ умѣ свѣтлѣйшаго родителя, что послѣдній поддался убѣжденіямъ бѣшенаго мужа, чтобъ ему выдали её, и вотъ Зельмира такъ поражена, что нельзя и выразить. Полагаю, что если отецъ дастъ мнѣ честное

---

[1]) Виртембергскій принцъ Людвигъ, братъ Фридриха, женатъ былъ на дочери князя Адама Чарторыскаго Маріи, съ которою онъ развелся въ 1792 году, а въ 1797 онъ женился на Нассауской принцессѣ Генріэттѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 397, 398.

слово не принуждать нисколько Зельмиру съѣхаться съ мужемъ, отъ котораго она всего можетъ опасаться, то я легко могла бы убѣдить её возвратиться къ родителямъ, и, сообразивъ все, я назначаю срокомъ къ тому время моего возвращенія въ Петербургъ, полагая, что къ той порѣ отецъ и мужъ успѣютъ сговориться насчетъ ея содержанія. Еслибъ ему обѣщали дочь, то это могло бы быть приманкой, но я вижу что у нихъ эта статья уже улажена. Изъ пунктовъ или статей соглашенія, предложеннаго мужемъ отцу, я вижу что онъ ей предлагаетъ 7000 флориновъ ежегодно; но конечно они будутъ плохо выплачиваться, потому что петербургскіе кредиторы свидѣтельствуютъ, что почтенный супругъ никогда не платитъ. А если вы хотите знать чистый доходъ Зельмиры, самое вѣрное — это доходъ съ дома, который я ей подарила въ Петербургѣ, да и то надо стараться его продать, потому что мужъ запустилъ его страшно, такъ какъ онъ не ему принадлежалъ, и онъ никогда не хотѣлъ ни гроша истратить на его поддержку»[1]).

Между тѣмъ Зельмира нашла тихій пріютъ въ небольшомъ имѣніи Лоде, принадлежавшемъ императрицѣ въ Эстляндіи, и проживала тамъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Жизнь ея тамъ изображается въ одномъ изъ писемъ: «Зельмира пишетъ мнѣ изъ своего убѣжища, что въ жизнь свою она не была такъ спокойна и счастлива; она видится только съ добрыми и честными людьми, которыхъ я при ней поставила; она читаетъ, работаетъ, гуляетъ, занимается музыкой и кажется здорова. Она кротка, показываетъ твердость духа, и я сдѣлалась ея идоломъ; и вправду я ни за что её не покину. Мужъ ея употребляетъ всевозможныя усилія, чтобъ вездѣ чернить её: и въ самомъ дѣлѣ она ужасно виновата, что не обожаетъ изверга» [2]).

Но и отецъ продолжалъ сурово относиться къ дочери; государыня пишетъ съ галеры на Днѣпрѣ: «Послушайте же: отчего это брауншвейгскій папаша наводитъ такой страхъ на свою дочку?

---

[1]) 404.
[2]) 406.

эта бѣдная женщина пишетъ мнѣ изъ своего имѣнія Лоде въ Эстляндію, будто она видитъ изъ писемъ отца, что онъ очень на нее сердится; за что, скажите этотъ гнѣвъ? Развѣ за то на нее дуются и сердятся, что она не могла выдержать жестокаго обхожденія мужа? Такъ зачѣмъ же ей не дали лучшаго? Если хотятъ имѣть её у себя, не надо показывать ей гнѣва, потому что иначе невозможно будетъ выгнать её изъ Лоде, гдѣ она живетъ очень уединенно. Ей хочется возвратиться въ Петербургъ, но это не входитъ въ мои планы; когда я вернусь, то надѣюсь, что дѣла ея успѣютъ уладиться, и тогда я бы желала даже её отправить; иначе чтó будетъ она дѣлать у меня? Но если мнѣ возвратятъ её запуганною и предубѣжденною, какъ могу я устроить ея отъѣздъ по доброй волѣ, а право безъ ея доброй воли и увѣренности, что участь ея обезпечена спокойствіемъ, я не могу совѣтовать ей отважиться на такое путешествіе. Итакъ моя крошка (ma petite), у которой я одна и есть на свѣтѣ и которая держится за меня такъ же крѣпко какъ репей, не такъ виновата и въ томъ, что она предпочитаетъ зáмокъ Лоде, гдѣ она спокойна, разнымъ другимъ непріятностямъ. Мнѣ также кажется, что папенька на меня немножко дуется, потому что о немъ что-то не слышно съ февраля; все это происходитъ отъ того, что я не разболтала все что знала, и что я дѣйствовала съ рѣдкой мудростью, до того, что сама себѣ удивляюсь; это можетъ-быть развязываетъ языкъ ея отвратительному мужу, который кажется овладѣлъ ушкомъ папеньки и шепчетъ въ него не вѣсть что. Но еслибъ я рѣшилась пустить въ ходъ свой товаръ, то подуло бы противнымъ вѣтромъ на мужа, котораго подвиги я предала забвенію, объявивъ что я ему не судья. NB. NB. NB. Вотъ чему подвергаешься, когда говоришь оракуломъ и дѣйствуешь съ удивительной осторожностью и мудростью. Мужья прячутся, папеньки дуются, а бѣдняжки (les petites) не могутъ добиться спокойной жизни. Ну, чтожъ, дѣйствуйте же наконецъ! Вы, съ вашимъ высокимъ даромъ развитія, дѣйствуйте и направьте это на такой путь, чтобъ всѣ были довольны; тогда и мы будемъ довольны я, и моя маленькая протеже»....

Въ томъ же письмѣ нѣсколько дней спустя писано изъ Бахчисарая: «Дни два три тому назадъ, я получила письмо отъ папаши изъ Брауншвейга съ копіей окончательныхъ условій, которыхъ подлинникъ, по словамъ его, посланъ дочери для подписанія. Онъ проситъ меня совѣтовать ей въ этомъ духѣ; но когда все рѣшено и посылаютъ условія на подписаніе, чего же еще совѣтовать? Я—въ Крыму, Зельмира—въ Лоде; нуженъ по крайней мѣрѣ еще мѣсяцъ, чтобъ сговориться; я теперь буду ожидать, чтобъ она чистосердечно сказала мнѣ, что́ думаетъ обо всемъ этомъ, и тогда мнѣ легче будетъ дать ей совѣтъ. Но, по теоріи вѣроятностей, я предвижу, что мужъ не дастъ ей ни копейки, несмотря на свои обѣщанія, и что если папаша ей ничего не дастъ, то у нея ничего и не будетъ. Остается узнать, будетъ ли моя протеже довольна ничѣмъ, когда она теперь имѣетъ вполнѣ обезпеченное содержаніе. Если она мнѣ это скажетъ, то я не буду знать, что ей отвѣтить, развѣ папаша обѣщаетъ намъ, что если мужъ не будетъ платить, то папенька вмѣсто него заплатитъ за наше содержаніе, потому что умереть съ голоду, когда не удалось умереть съ горя—это участь слишкомъ печальная и непріятная, и я бы не удивилась, еслибъ одна перспектива такой будущности положила въ постель мою протеже, тѣмъ болѣе что она мнѣ всегда казалась чахоточною» [1]).

Наконецъ, доведенная до крайности бездушнымъ отношеніемъ родителей къ страдалицѣ дочери, императрица пишетъ на обратномъ пути изъ Москвы слѣдующее энергическое и полное негодованія письмо:

«Отецъ Зельмиры [2]) находится въ настоящую минуту въ странѣ и во главѣ дѣлъ, въ которыя я бы никакъ не желала, чтобъ сказали, что я малѣйшимъ образомъ вмѣшиваюсь; потому я не нахожу приличнымъ, чтобъ мои курьеры разъѣзжали туда и оттуда, и лучше выскажу *вамъ* все, что касается Зельмириныхъ дѣлъ.

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 409, 10, 11, 12.

2) Король Вильгельмъ, герцогъ Брауншвейгскій, съ 1773 г. находившійся на службѣ въ прусской арміи и умершій 1806 отъ раны, полученной при Ауэрштадтѣ.

Она, несмотря на всѣ мои убѣжденія, не показываетъ ни малѣйшаго желанія возвратиться на родину. Она говоритъ во-первыхъ, что не можетъ ожидать тамъ ничего кромѣ горя и притѣсненій, и такъ какъ содержаніе ея должно зависѣть отъ мужа, то считаетъ несомнѣннымъ, что онъ не станетъ ей давать ничего, что она будетъ только въ тягость своимъ родителямъ, они же будутъ ежедневно приставать къ ней съ совѣтомъ возвратиться къ мужу, а это значитъ не имѣть даже простой безопасности. Изъ этого слѣдуетъ, что она предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ она укрыта отъ всякихъ напастей, и хотя живетъ очень скромно, но вполнѣ спокойно. Если вы хотите знать настоящую суть этого дѣла, я вамъ объясню его и скажу свое мнѣніе. Зельмира уѣхала отсюда въ маленькое имѣніе, мнѣ принадлежащее въ Эстляндіи, которое называется Лоде. Это было за три или четыре дня до моего отъѣзда въ Кіевъ, въ концѣ прошедшаго года, и она твердо вознамѣрилась ждать тамъ окончательнаго устройства своего дѣла, предоставленнаго, по ея и моему желанію, благоусмотрѣнію ея отца, къ которому я послала курьера. Родитель ея нашелъ нужнымъ по пріѣздѣ послѣдняго имѣть нѣсколько свиданій съ супругомъ Зельмиры. Странно конечно, что отецъ оскорбленной и несчастной дочери имѣетъ свиданія съ бѣшенымъ мужемъ и допускаетъ отводить себѣ глаза, а Зельмира заключаетъ изъ этого и убѣждается окончательно, что отецъ ея даетъ полную вѣру всему, что́ любезному муженьку угодно будетъ наговорить на нее. Правда, что письма ея отца и особливо прибытіе нѣкоего г. Шрэдера, находящагося въ настоящую минуту на службѣ у мужа и присланнаго отъ самого папеньки съ письмомъ къ дочери въ Лоде, во время моего отсутствія, достаточно доказываютъ, что папенька не дѣйствуетъ тутъ съ благородствомъ, свойственнымъ великому характеру, какимъ я себѣ его до сихъ поръ представляла. Мнѣ слѣдовало бы жаловаться на недостатокъ искренности со мною герцога; я дала ему это почувствовать и онъ довольно неловко выпутался изъ обвиненія, почти обойдя этотъ пунктъ моего письма. Вообразите, что пока отецъ посылаетъ этого Шрэдера съ

грознымъ письмомъ къ дочери и *приказываетъ* ей подписать въ присутствіи Шрэдера условія, для нея весьма невыгодныя, мнѣ онъ пишетъ письмо въ Кіевъ, по которому проситъ меня ей совѣтовать. По-моему, это значитъ смѣяться надъ людьми. Онъ приказываетъ дочери *подписывать* въ Лоде, тогда какъ я за тысячу и болѣе верстъ, а меня проситъ *совѣтовать*! Ясно, что или она подпишетъ безъ моего совѣта, или, не послушавъ отца, обратится за совѣтомъ ко мнѣ, а я, ничего не зная о приказаніяхъ ею полученныхъ, изволь давать совѣты! Но коса нашла на камень. Шрэдеръ не видалъ Зельмиры. Другъ мой г. Польманъ, завѣдующій маленькимъ хозяйствомъ Зельмиры, очень учтиво спровадилъ посланнаго отъ супруга и папаши, и сказалъ ему, что безъ моего особаго приказанія никто не можетъ быть принятъ въ аудіенціи у Зельмиры. Тогда Шрэдеръ вытащилъ письмо папеньки и оно было передано Зельмирѣ. Это громоносное посланіе привело бѣдняжку въ отчаяніе: она заболѣла и слегла въ постель. Между тѣмъ я возвратилась сюда, и такъ какъ я была извѣщена о ея горестномъ положеніи, то обмѣнялась съ нею нѣсколькими письмами и, высказавъ ей все что я находила разумнымъ, чтобъ убѣдить её возвратиться къ родителямъ, я однако почувствовала къ ней такую жалость, что, вы можете быть увѣрены, я не сдѣлаю болѣе ни одного шага въ этомъ направленіи какъ относительно Зельмиры, такъ и господина ея батюшки. Зельмира останется въ Лоде сколько ей заблагоразсудится, и возвратится къ родителямъ тоже когда ей захочется, и такъ какъ она рада остаться въ Эстляндіи, я тоже довольна. А если папенькѣ угодно слушать рѣчи изверга мужа, и если тотъ внушаетъ ему болѣе довѣрія чѣмъ Зельмира и я, пусть его слушаетъ и питается его рѣчами, толстѣя или худѣя отъ нихъ на здоровье. Такъ какъ у Зельмиры только я одна на свѣтѣ, клянусь вамъ какъ свидѣтелю, что не покину её. Она кротка какъ агнецъ въ Лоде, и её обожаютъ тѣ немногіе, которыми она окружена. Польманъ сдѣлался ея другомъ; госпожа Вильде тоже; люди ея души въ ней не чаютъ. Она читаетъ, или работаетъ, или занимается музыкой, или гуляетъ и

при этомъ съ мужественной твердостію переноситъ свое положеніе» [1]).

Въ ноябрѣ того же 1787 г. государыня такъ дополняетъ это письмо: «Вы должны теперь уже знать все, что я сообщила по поводу Зельмиры. Совершенно вѣрно, что Донъ-Феросъ-де-Монбельяръ [2]) донесъ мнѣ что по страстной любви къ россійскому оружію онъ желаетъ служить, и я отвѣчала, что обстоятельства, вызывавшія его удаленіе отсюда остались неизмѣнны, а потому я и не могу согласиться на его желаніе; на это онъ объявилъ мнѣ, что подаетъ въ отставку, и я распорядилась выключить его изъ службы имперіи. Что касается Зельмиры, то она будетъ проводить лѣто въ Лоде, въ своей деревнѣ [3]), а зиму въ Ревелѣ» [4]). И въ другомъ мѣстѣ: «Моя Зельмира совершенно рѣшилась остаться въ Эстляндіи и дѣлаетъ очень хорошо; я получила письмо отъ нея — и она кажется совершенно спокойной и довольной. Донъ-Феросъ хотѣлъ вернуться и служить въ арміи, а я сказала: nego — не хочу. Когда же его жена узнала, что таково было его намѣреніе и что ему было отказано, она сказала, что за сто миль отъ нея онъ будетъ всегда казаться ей еще слишкомъ близкимъ» [5]).

«Что касается вашего свиданія въ Делисѣ (aux Délices) съ Домомъ-Феросомъ-де-Монбельяромъ, я очень тому смѣялась. Это была сцена, достойная кисти художника. Но каковъ сплетникъ тесть! Онъ выболталъ зятю то, что поручалъ вамъ сказать мнѣ по отношенію къ дочери. Право, кто бы подумалъ, что они подружатся въ Берлинѣ, что станутъ повѣрять другъ другу все, что до тѣхъ поръ тщательно другъ отъ друга скрывали! Если хотите узнать правду, то скажу что я была лучшаго мнѣнія о свѣтлѣйшемъ тестѣ, чѣмъ какое теперь вынесла о немъ изо всего этого дѣла: онъ фальшивъ и безсердеченъ. Какъ рѣшился бы человѣкъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 416, 417.

[2]) Мужъ Зельмиры.

[3]) По тому, что государыня называетъ иногда Лоде имѣніемъ Зельмиры, надо думать, что оно было подарено ей.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 422.

[5]) 431.

съ сердцемъ обращаться съ мучителемъ своей дочери, какъ съ ближайшимъ другомъ? А со мною онъ дѣйствовалъ съ такимъ двоедушіемъ, какого я никакъ не могла ожидать. Замѣтьте, что мнѣ всегда казалось, что дочь весьма мало вѣритъ въ правдивость папаши, и часто она говорила: о, онъ обманываетъ мою мать, но собственно это не такъ. Но объ этомъ пожалуйста никому ни слова, чтобъ не поставить ихъ на ножи»[1]).

Очень любопытно было бы прослѣдить по письмамъ Гримма, какую роль онъ игралъ среди всей этой исторіи, но, какъ мы уже говорили, переписка его за эти годы не отыскалась. Однако въ одномъ изъ писемъ императрицы мы читаемъ: «Я очень рада, что вы довольны всѣмъ, что я сдѣлала для Зельмиры, и что другъ мой Польманъ, котораго осторожность вамъ извѣстна, разрушилъ замыслы папаши и супруга»[2]).

«Поведеніе родителей Зельмиры съ нею и со мной», вспоминаетъ государыня въ одномъ письмѣ два года спустя, «было и очень фальшиво и очень необдуманно. Мать всегда говорила ей нѣжности, совѣтовала ей ко мнѣ обращаться, часто казалась несогласна съ мужемъ и разоблачала его тайны; а потомъ критиковала и не одобряла образъ дѣйствій дочери; папенька дѣйствовалъ заодно съ мужемъ, а мнѣ говорилъ, что полагается на мои совѣты Зельмирѣ. Но Зельмира боялась возвращенія, боялась выпустить кусокъ въ виду тѣни. Она была достаточно умна и тверда, и у нея была своя хозяйка-головка; она совершенно рѣшилась жить независимо, и въ Лоде завоевала любовь всѣхъ окружавшихъ ее»[3]).

Несчастная Зельмира скончалась въ Лоде и императрица такъ описываетъ смерть ея, отъ 24 января 1790 года: «Повидимому г. Феронсу[4]) любопытно узнать, что я вамъ писала о смерти Зель-

---

[1]) 428.
[2]) 440.
[3]) 472, 473, 480.
[4]) Первый министръ герцога Брауншвейгскаго.

миры: но что могу я сказать, кромѣ того что Зельмира умерла? Я послала ея отцу копію съ письма, которое мнѣ написалъ Польманъ. «Г. Феронсъ проситъ фактотума сообщить мнѣніе докторовъ или описаніе ея смерти. Прежде всего фактотумъ обратился въ Лоде. Докторъ сообщилъ, что Зельмира посылала за нимъ нѣсколько разъ, чтобъ совѣтоваться съ нимъ о своемъ здоровьи, что онъ ей прописывалъ лѣкарство отъ болѣзни, которая унесла её, а въ минуту смерти ея онъ былъ въ отсутствіи: за нимъ послали, но когда онъ пріѣхалъ, она уже скончалась, такъ какъ она была больна всего нѣсколько часовъ. Теперь папенька хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ постарался сохранить для внучатъ то немногое, что осталось послѣ Зельмиры, т. е. сорокъ или пятьдесятъ тысячъ рублей и брильянты. Грубьянъ требуетъ, чтобъ все отдали ему, а тогда дѣтямъ не видать ни порошинки, если все ему попадетъ въ руки, потому что это дырявый мѣшокъ и онъ по уши въ долгахъ» [1]).

Объ отцѣ Зельмиры государыня въ послѣдній разъ упоминаетъ въ концѣ того же года: «Говорятъ, что отецъ Зельмиры въ эту минуту принялъ бразды правленія надъ головой своего двоюроднаго братца». Его поведеніе въ дѣлѣ Зельмиры открыло мнѣ вполнѣ чтó онъ такое, и я увидѣла въ немъ гораздо болѣе коварства чѣмъ простодушія» [2]).

Приближенные Екатерины.

Среди богатаго матеріала для исторіи Екатерины II и ея времени, представляемаго ея перепиской съ Гриммомъ, всего замѣчательнѣе набросанныя ею самою характеристики лицъ, окружавшихъ её: часто нѣсколькими мѣткими словами она опредѣляла ихъ свойства и значеніе съ такою выразительностью, что они какъ живые возстаютъ предъ нами. Особенно краснорѣчивы тѣ

---

[1]) 479, 480.

[2]) 495.

страницы, гдѣ она, послѣ потери нѣкоторыхъ изъ своихъ государственныхъ сподвижниковъ, очерчиваетъ ихъ мастерской рукою, и конечно, чѣмъ болѣе дѣятельность ихъ была отмѣчена рѣзкими чертами энергіи и величія, подходившими къ характеру самой государыни, тѣмъ портреты выходятъ удачнѣе.

О смерти Бибикова императрица упоминаетъ только вскользь, на самыхъ первыхъ страницахъ переписки: «Оренбургъ освобожденъ, но меня постигла весьма чувствительная утрата: генералъ Бибиковъ умеръ на тринадцатый день отъ желчной горячки, за сто верстъ отъ Оренбурга» [1]).

Отзывы Екатерины о гр. Румянцовѣ, о его побѣдахъ, щедрыхъ наградахъ ему пожалованныхъ, рѣчи къ нему митрополита Платона были уже приведены нами въ самомъ началѣ этого очерка.

По возвышеніи Потемкина въ 1775 году князь Григорій Орловъ предпринялъ путешествіе за границу, и императрица писала Гримму: «Появленіе князя Орлова въ Парижѣ вѣроятно было вамъ пріятно, потому что вы, какъ кажется, принимаете участіе въ людяхъ, которые къ вамъ пріѣзжаютъ отъ насъ. Если вы еще увидите его въ Парижѣ, скажите ему пожалуйста, что герцогъ Браганцскій поѣхалъ въ Константинополь, чтобъ видѣть тамъ аудіенціи и пріемъ князя Репнина» [2]). Я читала, какъ князь Орловъ описываетъ Парижъ; онъ очень похваляется сдѣланнымъ ему пріемомъ, и я полагаю, что онъ туда вернется» [3]).

Черезъ недѣлю послѣ того говорится: «Князь Орловъ, покинувъ васъ, (т. е. Парижъ) чуть не утонулъ подъ Кёльномъ въ Рейнѣ. Одно описаніе этого происшествія приводитъ въ содроганіе» [4]).

По возвращеніи своемъ въ Россію Орловъ привезъ съ собою отзывъ экономистовъ о Екатерининскомъ наказѣ, и вотъ какъ государыня приняла это: «Что бы тамъ ни было, ужъ конечно не эконо-

[1]) 2.
[2]) 33.
[3]) 35.
[4]) 36.

мисты будутъ руководить мною; я безъ ума полюбила французскій парламентъ со времени безсмысленныхъ преній, на которыхъ толковали, надо ли ихъ считать сектою, или сектою *вредною для государства* [1]). Здравый смыслъ, по-моему, заключался въ трехъ подчеркнутыхъ словахъ. Еслибъ вы знали, какъ эти дураки бомбардируютъ меня книгами! Они комментировали мой наказъ такимъ образомъ обработанный прислали мнѣ его черезъ князя Орлова, вѣроятно, чтобъ придать ему вѣсу, но я его читать не стану [2]).

О вліяніи Орлова на Екатерину она сама дѣлаетъ такое признаніе по поводу сужденія, высказаннаго Гриммомъ о людяхъ геніальныхъ: «Вы говорите мнѣ о великомъ Гюберѣ (живописцѣ) эти замѣчательныя слова: *Онъ, какъ и всѣ геніальные люди — дитя, которое надо водить на помочахъ, но никогда не давая ему этого почувствовать. Безъ этакой предосторожности дитя потеряется и не будетъ знать куда итти.* Знаете ли вы, какое дѣйствіе произвели на меня эти слова? Мнѣ бы хотѣлось, прочитавъ ихъ, счесть себя геніемъ: отчего? Оттого что я всегда чувствовала въ себѣ большую наклонность отдаваться въ руководство людямъ, знающимъ болѣе нежели я, подъ условіемъ однако, чтобъ они не давали мнѣ чувствовать, что имѣютъ желаніе и претензію быть моими руководителями, потому что тогда я убѣгаю отъ нихъ со всѣхъ ногъ. Изо всѣхъ людей, способныхъ приходить на помощь этой моей склонности, я не знаю никого, кто бы такъ отвѣчалъ ей, какъ князь Орловъ; голова его естественна и идетъ своимъ ходомъ, а моя слѣдуетъ за нею; это для меня тотъ же Блэкстонъ, разматывающій мою нить» [3]).

Въ одномъ мѣстѣ переписки государыня передаетъ Гримму мнѣніе Орлова о королѣ неаполитанскомъ [4]): «По словамъ князя

---

[1]) Тогдашніе выдающіеся представители ученія экономистовъ, принявшаго политическій оттѣнокъ, были Тюрго и Мирабо.

[2]) 44.

[3]) 56, 57.

[4]) Фердинандъ IV, изъ дома испанскихъ Бурбоновъ, род. въ 1751, впослѣдствіи съ 1812 король обѣихъ Сицилій († 1825).

Орлова—XB, котораго онъ такъ полюбилъ, что предложилъ играть съ нимъ въ шары—онъ не дуракъ, а шаль [1]), а это по-русски значитъ человѣка, который попускаетъ себя такъ таки потихоньку, да понемножку дѣлать все то, что приходитъ ему на умъ, не принимая въ соображеніе ничего другого, кромѣ удовлетворенія своихъ желаній» [2]).

Что Орловъ по возвращеніи своемъ въ Россію продолжалъ оставаться близкимъ къ государынѣ, доказываютъ многія мѣста ея писемъ. Такъ напримѣръ въ 1778 году, когда Гриммъ разъ прислалъ императрицѣ по обыкновенію разные маленькіе подарочки, она шутливо отвѣчаетъ: «Сколько подарковъ: спаржа изъ Тура, она очень хороша, я занимаюсь ея истребленіемъ; леденцы Море́: такъ какъ это специфическое средство противъ кашля, котораго у меня нѣтъ, то Леди (собачка) его употребляетъ; я нахожу что у нея катарръ. Пара чулокъ изъ кроликовой шерсти валяется на столѣ; князь Орловъ хотѣлъ завладѣть ими и только разсужденіе, что они будутъ ему коротки и узки, удержало его отъ этого» [3]). Въ иныхъ письмахъ она сообщаетъ, что Орловъ, такъ же какъ и Потемкинъ, хвалитъ записку о ея царствованіи, ею самою написанную; въ другихъ приводитъ отзывы Орлова о маленькомъ внучкѣ ея Александрѣ Павловичѣ (въ 1779), о Ланскомъ (1782) и проч.

Въ 1780 году Орловъ ѣздилъ на воды въ Спа, городъ, который тогда былъ самымъ моднымъ сборнымъ мѣстомъ для путешественниковъ всѣхъ странъ, и Гриммъ такъ характеризуетъ его: «Въ этой общей европейской кофейнѣ всѣ живутъ братьями и пріятно видѣть дамъ изъ Парижа, Лондона, Дублина, Амстердама, Гаги, танцующихъ вальсъ и обнимающихся какъ сестры» [4]).

Шведскій король, прибывши изъ Спа въ Парижъ, сообщалъ

---

[1]) Слово *шаль*, нынѣ забытое, было очень употребительно въ 18 вѣкѣ. Значеніе его близко къ слову *шальной*.

[2]) 60.

[3]) 74.

[4]) Письма Гримма 283.

Гримму, что онъ служилъ какъ будто русскимъ посланникомъ при князѣ и княгинѣ Орловыхъ, знакомя ихъ съ парижскими дамами. Вслѣдъ за этимъ Гриммъ пишетъ: «Я, Государыня, очень недоволенъ всѣмъ, что узнаю о князѣ Орловѣ. Говорятъ, что онъ отдался въ руки англійскаго доктора, живущаго въ Брюсселѣ, шарлатана, никому неизвѣстнаго. Этотъ человѣкъ даетъ ему лѣкарства, способныя умертвить лошадь. Онъ ихъ употребляетъ, чувствуетъ себя отъ нихъ все хуже, и продолжаетъ. Къ чему же послужило ему пройти школу Екатерины II, если онъ въ ней не научился, что медицина послѣ теологіи самая безполезная изъ наукъ, и что надо быть безумнымъ, чтобъ отдать свое тѣло на шарлатанскіе опыты? Говорятъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ очень измѣнился, и я о томъ сожалѣю. Умоляю ваше величество приказать ему какъ можно скорѣе пріѣхать ко мнѣ на поклонъ въ Парижъ, чтобъ я могъ побранить его и передать его на руки Троншена, который можетъ-быть и не вылѣчитъ, но навѣрное не уморитъ его. Маркизъ де Кастри провелъ четыре или пять дней въ Спа, и только двѣ недѣли какъ вернулся оттуда, когда сдѣланъ былъ министромъ. Военный объѣздъ для осмотра полковъ, стоящихъ на границѣ, привелъ его въ Спа, гдѣ были знакомыя ему дамы, и онъ посѣтилъ ихъ. По возвращеніи онъ много говорилъ со мною о князѣ Орловѣ, такъ какъ друзья мои знаютъ, что меня ничѣмъ нельзя такъ осчастливить и обласкать, какъ разговоромъ о Россіи» [1]). Государыня около того же времени даетъ слѣдующее порученіе Гримму: «Если увидите князя Орлова въ Парижѣ, кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что прелестная табакерка, которую онъ мнѣ прислалъ изъ Спа, постоянно у меня на столѣ вмѣстѣ съ его античными барельефами» [2]).

Въ январѣ 1781 года Гриммъ опять сообщаетъ слѣдующія извѣстія объ Орловѣ: «У насъ нѣсколько дней гостилъ здѣсь князь Орловъ, который поѣхалъ провести лѣто въ южныя провинціи. Онъ

---

1) Письма Гримма 87.
2) *Сб. И. О.* XXIII, 193.

по обычаю и обязанности сдѣлалъ только два визита: первый Дидероту, второй мнѣ. Онъ былъ у меня въ самый день появленія ангела Принчипати[1]); я былъ еще очень боленъ, но императорская грамота находилась въ моемъ карманѣ. Я далъ ему выписку того мѣста, которое касалось его табакерки, и очень возгордился тѣмъ, что исполнилъ приказаніе августѣйшей моей покровительницы относительно князя генералъ-фельдцейхмейстера. Я нашелъ, что здоровье его лучше, чѣмъ я полагалъ; напротивъ, княгиня жалуется, что очень больна, хотя этого и не замѣтно. Я думаю, что еслибъ они оба захотѣли отказаться отъ лѣкарствъ и шарлатановъ, то были бы здоровы; но княгиня воображаетъ, что лѣкарства помогутъ ей произвести на свѣтъ маленькаго князя Орлова. Князь обѣщалъ мнѣ пріѣхать опять будущимъ лѣтомъ, повидавшись съ лѣкаремъ-крестьяниномъ, швейцарцемъ Мишелемъ. Я спросилъ его, какъ не стыдно путешествовать отъ шарлатана къ шарлатану»[2]).

«Если князь Орловъ въ Парижѣ», отвѣчала государыня, «то поклонитесь ему отъ меня и скажите, чтобъ онъ по возвращеніи сюда привезъ маленькаго князя Орлова видимаго или невидимаго; по газетамъ, докторъ его Мишель умеръ»[3]).

Въ іюлѣ того же года Гриммъ пишетъ: «Если князь Орловъ не зналъ графа Каліостро въ Россіи, я смѣлъ бы почти льститься надеждою видѣть его въ Парижѣ въ погонѣ за графомъ, какъ за неутомимымъ охотникомъ до шарлатановъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, князь или, лучше, княгиня бѣгаютъ за здоровьемъ и плодородіемъ по Швейцаріи, и въ этомъ вѣкѣ безвѣрія, — отребьи всѣхъ вѣковъ, — уже не вѣрою въ разныя священныя и мірскія чудеса пріобрѣтается потомство; это обыкновенно случается, когда о томъ не думаютъ, и безпрестанно объ этомъ думать есть весьма худое средство достигнуть желаемаго»[4]).

На это Екатерина отвѣчаетъ приведеннымъ ранѣе мѣстомъ:

---

1) Одинъ изъ курьеровъ.
2) Письма Гримма 100, 101.
3) *Сб. И. О.* XXIII, 198.
4) Письма Гримма 187.

что князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, вовсе не былъ почитателемъ Каліостро (см. стр. 56), и въ этомъ же письмѣ она освѣдомляется о здоровьи князя: «Если вамъ что-нибудь извѣстно о здоровьи князя или княгини, прошу васъ написать мнѣ объ этомъ: графъ Алексѣй и старшій братъ его поѣхали въ Лозанну и здѣсь увѣряютъ, будто онъ очень боленъ» [1]. Въ августѣ того же 1781 г. Гриммъ сообщаетъ: «Узнаю́, что князь Орловъ послѣ своего несчастія [2] направился въ Петербургъ, а графы Иванъ и Алексѣй выѣхали ему навстрѣчу» [3]. Въ сентябрѣ государыня извѣщаетъ о ихъ возвращеніи въ Петербургъ.

Черезъ годъ, въ ноябрѣ 1782 года, государыня писала: «Кромѣ всѣхъ трудовъ я еще до смерти огорчена состояніемъ князя Орлова. Онъ ѣздилъ на царицынскія воды [4] и только что началъ употреблять ихъ, какъ у него обнаружились припадки умственнаго разстройства; послѣ лѣченья водами онъ вернулся въ Москву. Тамъ онъ нашелъ способъ ускользнуть отъ надзора своихъ братьевъ; они успѣли обогнать его лишь на нѣсколько часовъ: онъ пріѣхалъ сюда и я видѣлась съ нимъ три раза. Онъ кротокъ и тихъ, но слабъ, и мысли у него не вяжутся, сохранилась только непоколебимая привязанность ко мнѣ. Представьте себѣ все что я вынесла, увидѣвъ его въ этомъ положеніи; теперь онъ въ постели, и полагаютъ, что его разстройство есть слѣдствіе удара, и, стало-быть, не остается никакой надежды на выздоровленіе» [5].

Январь 1783: «Князю Орлову все хуже и онъ ужъ подъ опекою своихъ братьевъ» [6]. 20-е апрѣля того же года, изъ Царскаго Села: «Пріѣхавъ сюда, я узнала прискорбное извѣстіе о смерти князя Орлова, скончавшагося въ Москвѣ ночью съ 12-го

[1] *Сб. И. О.* XXIII, 211.
[2] Смерти жены.
[3] Письма Гримма 233.
[4] Царицынскія воды были въ большой модѣ при Екатеринѣ; она сама сбиралась не разъ туда ѣхать и старалась видимо поднятіемъ этого мѣста для лѣченья противодѣйствовать стремленію Русскихъ на заграничныя воды.
[5] *Сб. И. О.* XXIII, 252.
[6] 267.

на 13-е этого мѣсяца. Хотя я и очень была подготовлена къ этому горестному для меня событію, увѣряю васъ, что я испытываю живѣйшую печаль; я теряю въ немъ друга и человѣка, которому обязана величайшей признательностью, такъ какъ онъ оказалъ мнѣ самыя существенныя услуги. Что бы мнѣ ни говорили и что бы я сама ни говорила себѣ въ подобномъ случаѣ, одни рыданія мои служатъ отвѣтомъ на все это, и я жестоко страдаю съ той минуты, какъ пришло это роковое извѣстіе; только работа развлекаетъ меня, а такъ какъ со мною нѣтъ еще моихъ бумагъ, то я пишу вамъ, чтобъ облегчить себя. Генералъ Ланской выбивается изъ силъ, чтобъ помогать мнѣ переносить это горе, но это меня только еще болѣе растрогиваетъ. Есть что-то странное въ этой смерти князя Орлова: именно, что графъ Панинъ умеръ недѣли двѣ ранѣе его[1]), и что одинъ не зналъ, а другой не могъ знать о смерти другого. Эти два человѣка, постоянно противоположныхъ мнѣній, не любившіе другъ друга, очень удивятся, свидясь на томъ свѣтѣ. Правда, что вода и огонь не столько представляютъ различія, сколько эти люди. Я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, напѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ, каждый свое, и однако дѣла шли и шли большимъ ходомъ. За то, часто была я вынуждена поступать, какъ Александръ — съ Гордіевымъ узломъ, и тогда мнѣнія приходили къ соглашенію. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга выступающая курцъ-галопомъ между ними придавали изящество и мягкость дѣламъ величайшей важности. Вы скажете мнѣ: — какъ теперь быть? — На это я вамъ отвѣчу: какъ сможемъ. — Всякая страна способна доставлять людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на этомъ свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то люди, стало-быть, могутъ и съ этимъ управиться. Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; его мужество было верхомъ мужества. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что могло направить

---

[1]) 31 марта 1783 г.

дѣло въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и въ эту минуту онъ проявлялъ такую силу краснорѣчія, противъ которой никто не могъ устоять, потому что оно озадачивало умы, и только онъ одинъ никогда не терялся. Но при этихъ великихъ качествахъ, ему недоставало послѣдовательности въ томъ, что ему казалось не стоящимъ вниманія, а онъ только немногіе предметы удостоивалъ своего вниманія или, лучше сказать, труда, потому что вниманіе было для него трудомъ; отъ этого онъ часто казался небрежнымъ и презрительнымъ, гораздо болѣе чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Природа избаловала его, и, на все, что не мгновенно приходило ему въ голову, онъ былъ лѣнивъ. Графъ Панинъ былъ отъ природы лѣнивъ, и обладалъ искуствомъ выдавать эту лѣность за обдуманную осторожность; отъ природы онъ не былъ ни такъ добръ, ни такъ прямодушенъ какъ князь Орловъ; но онъ больше жилъ между людьми и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и свои пороки, а они у него были великіе» [1]).

Въ іюнѣ того же года государыня писала изъ Царскаго же Села: «Мнѣ очень нуженъ былъ отдыхъ послѣ всѣхъ горестей, которыя я испытала отъ понесенныхъ потерь [2]): съ 14 октября я не имѣла ни минуты покоя, и потеря князя Орлова уложила меня въ постель съ такою сильной лихорадкой и такимъ бредомъ ночью, что мнѣ должны были пустить кровь 1-го мая въ двѣнадцатъ часовъ. Я не говорю съ вами о вашей потерѣ [3]), потому что не надо питать грустныхъ мыслей и безпрестанно возращаться къ нимъ. Будьте увѣрены, что я раздѣляла ваше горе, такъ же какъ я убѣждена, что вы раздѣляли мое. Каково здоровье Эмиліи? Гдѣ она? Баста» [4]).

21 сентября: «Не только не нахожу что̀ возразить противъ вашего царапанья, но меня очень радуетъ ваше довѣріе ко мнѣ,

---

[1]) 274, 275.

[2]) Князя Орлова и генерала Бауера, еще за годъ слишкомъ до смерти Ланскаго.

[3]) Госпожи д'Эпинэ.

[4]) 279.

и я искренно раздѣляю вашу горесть, такъ же какъ и вы раздѣляли мою по поводу невознаградимыхъ утратъ князя Орлова и генерала Бауэра, мною понесенныхъ. Я не могу вспомнить о нихъ, чтобъ не залиться слезами. Я сдѣлала уговоръ съ королемъ шведскимъ, еще до отъѣзда въ Фридрихсгамъ, чтобъ онъ со мной не говорилъ о нихъ»[1]).

Года три спустя, государыня хлопочетъ о томъ, чтобъ получить изъ рукъ родственниковъ Орлова хорошій портретъ его и пишетъ Гримму: «Но гдѣ же я достану этотъ портретъ князя Орлова, съ котораго вы имѣете копію; онъ можетъ бытъ только въ рукахъ его братьевъ, но у котораго? Кто-то изъ нихъ живетъ въ окрестностяхъ Саратова. Вещи въ Москвѣ подъ ключемъ; какъ достать ихъ? Это возьметъ время. Надо будетъ здѣсь снять съ него копію. Вообразите, какія хлопоты!» [2]).

О братьяхъ Орловыхъ, Алексѣѣ и Федорѣ, упоминается нѣсколько разъ только вскользь. Эти мѣста уже были приведены нами: о первомъ по поводу его дружбы съ Кориллой, а о второмъ по случаю участія, выказаннаго имъ къ горести императрицы послѣ смерти Ланского. Объ участіи его и многихъ другихъ приближенныхъ при этомъ случаѣ государыня говоритъ такъ: «Какъ вы видите, я не умерла, что бы тамъ ни говорили газеты. Не осталось и никакихъ слѣдовъ моей болѣзни, только я до сихъ поръ была существомъ неодушевленнымъ, прозябавшимъ, неподвижнымъ; но въ это время я увидѣла и узнала, сколько у меня истинныхъ друзей и часто ихъ дружба была мнѣ въ тягость. Однако многое сумѣли они обратить мнѣ на пользу, и, право, это ужъ не малая заслуга. Баста: вотъ все, что я хотѣла вамъ сказать»[3]).

Генералъ-инженеръ Федоръ Васильевичъ Бауэръ (1731—1783 г.), умершій почти въ одно время съ княземъ Орловымъ, служилъ въ арміи Фридриха Великаго, въ 1769 г. былъ пригла-

---

1) 285.
2) 380.
3) 326.

шенъ Екатериною II въ русскую службу и въ званіи генералъ-квартирмейстра со славою участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ. По заключеніи мира онъ занимался устройствомъ водяныхъ сообщеній въ С.-Петербургской и смежныхъ губерніяхъ, и ему Москва обязана Мытищенской водой. Онъ же строилъ въ Петербургѣ Большой театръ, открытый въ 1783 году, и государыня говоритъ въ ноябрѣ 1782. «Бауэръ окончилъ Большой театръ и готовился дать ему видъ и форму, которые были бы по вкусу и мнѣ и публикѣ; вмѣсто того онъ въ постели вотъ ужъ три мѣсяца, и Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ» [1]). Какъ высоко она цѣнила его, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки по поводу его болѣзни. 15 ноября 1782: «Многострадальный, надо чтобъ ты зналъ мои радости, такъ же какъ и печали: сегодня утромъ я получила извѣстіе, что графъ и графиня Сѣверные пріѣхали 12-го этого мѣсяца въ Ригу; только что я прочла ихъ письмо, какъ мнѣ приносятъ письмо генерала Бауэра, больного и очень больного здѣсь, съ начала августа мѣсяца. Вчера, почитая себя умирающимъ, онъ написалъ мнѣ письмо до того трогательное, что кажется камень прослезился бы, и вотъ я плачу и рыдаю отъ страха потерять этого вѣрнаго слугу. Онъ одаренъ геніальными способностями и я за него охотно отдала бы болѣе десятка глупцовъ, лишь бы не мнѣ пришлось выбирать ихъ. Является Роджерсонъ и докладываетъ мнѣ, что ему не такъ худо. О! онъ пришелъ кстати: я сказала ему, что ни одинъ докторъ не умѣетъ вылѣчить даже отъ укушенія клопа, и жестоко отдѣлала весь факультетъ, который не въ состояніи никого вылѣчить, хотя они по три мѣсяца держатъ людей въ постели. Я успокоилась только, когда онъ сознался, что онъ и вся его братія невѣжды, никого не умѣющіе вылѣчить. Смягчившись отъ этой истины, я сказала: — довольно, идите! и принялась писать многострадальному, чтобъ облегчить себя. Между-прочимъ имѣю вамъ сказать, чтобъ вы не умирали, чтобъ вы были здоровы, потому что почти ужъ мѣсяцъ,

---

[1]) 256.

какъ я мучусь бѣдами и болѣзнями людей, въ которыхъ принимаю участіе»[1]). Въ тетради писемъ къ Гримму сохранился и списокъ со слѣдующаго собственноручнаго письма императрицы къ Бауэру, писаннаго въ тотъ же день, какъ она получила его письмо:

«Господинъ генералъ Бауэръ! Я утвердила распоряженія, которыя вы, какъ добрый мужъ и добрый отецъ, сочли нужнымъ сдѣлать. Отъ всей души желаю, чтобъ это осталось только предосторожностью; молю Небо насколько можно удалить и отодвинуть эту минуту. Мнѣ было бы въ высшей степени горестно лишиться такъ рано вашей вѣрной службы, которую я цѣню вмѣстѣ съ вашими дарованіями такъ высоко, какъ только можетъ внушить истинное достоинство. Будьте увѣрены, что я сочту счастливой минутой ту, когда увижу васъ въ совершенномъ здоровьи; не сомнѣвайтесь, что я во всякомъ случаѣ оправдаю довѣріе, которое вы мнѣ всегда оказывали. Екатерина. Сего 15 ноября 1782 г.»[2]).

Въ январѣ 1783: «Генералъ Бауэръ плохо поправляется, а я обременена работой и разстроена болѣзнью людей, которыхъ люблю и уважаю. Итакъ не надо хворать; кто имѣетъ уши, пусть слышитъ. Слышите ли вы»?[3])

Незадолго до смерти Бауэра, императрица написала ему еще письмо, копію съ котораго Гриммъ пожелалъ имѣть, и генералъ Ланской долго отыскивалъ его въ бумагахъ императрицы. Оно также сохранилось между письмами ея къ Гримму. Вотъ оно: «Господинъ генералъ Бауэръ. Я только что получила ваше письмо и сочиненіе о дорогахъ, присланное вами. Предоставляю себѣ подробнѣе отвѣчать вамъ, когда прочту сочиненіе. Но меня удивляетъ, что вы работаете такъ усидчиво, выдержавъ такую сильную болѣзнь. Вы знаете, какое я принимаю участіе въ вашемъ здоровьи, и весьма серьёзно прошу васъ беречь себя, чтобъ

---

1) 253.
2) Тамъ же.
3) 267.

вполнѣ поправиться. Признаюсь, что я очень обрадовалась, увидѣвъ вашу подпись. Желаю имѣть удовольствіе видѣть васъ совершенно выздоровѣвшимъ. Прощайте. Въ 5 часовъ сего 18 января». Но Бауэръ вскорѣ послѣ того скончался и въ мартѣ государыня пишетъ: «Я была очень опечалена смертью генерала Бауэра. Я проклинаю докторовъ, хирурговъ и весь факультетъ. Они еще уморили мнѣ одного человѣка, который былъ при мнѣ тридцать-три года [1]); наконецъ я не кончила бы, еслибъ разсказала вамъ, сколько горя они причинили мнѣ въ этомъ году».

Свое нерасположеніе къ докторамъ государыня вскорѣ опять высказывала такъ: «Но послушайте, не надо быть больнымъ, а ужъ если заболѣли, то вы хорошо дѣлаете, когда стараетесь освободиться отъ болѣзни, какъ я, не прибавляя къ ней еще другого зла, то есть доктора. Зло и — докторъ у меня сдѣлались синонимами. Эти жалкіе люди много разъ морили меня, но никого не вылѣчивали. У меня, два мѣсяца тому назадъ, чуть не сдѣлалась горячка. Недѣлю я пролежала въ постели, но ни одинъ эскулапъ не переступилъ моего порога» [2]).

Уже и ранѣе этого, съ самаго начала переписки, разсѣяны разныя выходки противъ докторовъ, которыхъ Екатерина вообще весьма не жаловала; такъ напр. она говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Доктора, какъ и авгуры должны бы при всякой встрѣчѣ другъ съ другомъ смѣяться надъ своимъ невѣжествомъ и надъ легковѣріемъ людскимъ» [3]).

20 сентября 1783: «Мнѣ очень прискорбно, что этотъ годъ былъ для васъ такимъ же роковымъ, какъ и для меня. У меня были

---

[1]) 268. Это сказано вѣроятно по поводу смерти камердинера императрицы Брозинскаго, про котораго она позже пишетъ Гримму: «Потеря Брозинскаго незамѣнима; это былъ умный и достойный человѣкъ; когда я бывало прочитаю хорошую книгу, то ему даю прочесть ее; никогда никто мнѣ такъ не служилъ, какъ этотъ человѣкъ; потому я считала потерю его — одною изъ самыхъ тяжкихъ. Но мнѣ не нравится то, что вы мнѣ говорите по этому поводу; и потому избавьте меня отъ труда отвѣчать на это». См. стр. 383.

[2]) 276.

[3]) 165.

то болѣзни, то горести попеременно; всѣ, къ кому я чувствовала расположеніе, не разъ доставляли мнѣ безпокойство. Среди лѣтней жары я сама схватила такой кашель, что чуть не впала въ чахотку. Князь Потемкинъ былъ при смерти, генералъ Ланской чуть не сломилъ себѣ шею. При такихъ прекрасныхъ предзнаменованіяхъ родилась Александра Павловна.... Еще угрожаетъ мнѣ потеря фельдмаршала князя Голицына, котораго состояніе здоровья мнѣ вовсе не нравится. Онъ хорошій, честный человѣкъ, и я къ нему привыкла, я его люблю и уважаю» [1]). И въ самомъ дѣлѣ ровно черезъ мѣсяцъ мы читаемъ: «Фельдмаршалъ, князь (Александръ Михайловичъ) Голицынъ, скончался вчера; вотъ еще новая потеря, очень для меня чувствительная»... [2]).

Въ томъ же 1783 году умерли оба знаменитые ученые, Эйлеръ и Миллеръ: первый 7 сентября, а второй 4 октября, и о нихъ упоминается такъ: «Мы только что потеряли великаго Эйлера; исторіографъ Мюллеръ тоже умеръ» [3]). Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ императрица называла этотъ годъ роковымъ для себя и говорила: «Пока дѣла Тавриды [4]) устроивались, я очень принимала къ сердцу ваши огорченія. 1783 годъ, если взять его въ цѣлости, былъ и для меня и для васъ несчастливымъ годомъ. Вообще я замѣтила, что величайшія горести являлись у меня рядомъ съ событіями радостными и славными. Госпожа Таврида стоила мнѣ много слезъ тѣми утратами, которыя я претерпѣла или которыя мнѣ угрожали» [5]). Это было сказано ровно за годъ до смерти Ланского.

Вскорѣ послѣ смерти Бауэра государыня, извѣщая Гримма о пріѣздѣ доктора Вейкарда, прибавляетъ: «Я видѣла также другого новопріѣзжаго родственника, друга и школьнаго товарища покойнаго генерала Бауэра. Его имя — Канкренусъ. Мы искусно

---

[1]) 283.
[2]) 289.
[3]) 288.
[4]) Присоединеніе Крыма.
[5]) 302.

похитили этого — для нашихъ соляныхъ копей, изъ стороны Аншпаха. Ахъ, сколько въ Германіи въ эту минуту людей замѣчательныхъ, и какъ хорошо оттуда черпать!» [1])! Этотъ Канкренусъ былъ отецъ знаменитаго впослѣдствіи министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина. Изъ этого отзыва видно, что не только высокіе и безпристрастные умы и выдающіеся таланты въ Европѣ пользовались признаніемъ и горячимъ сочувствіемъ Екатерины, которая имъ благотворила, но она не пренебрегала иногда вызывать и въ Россію иностранцевъ, подобныхъ генералу Бауэру, вышеупомянутому Канкренусу, Ангальту и пр., ставя имъ однако въ первую обязанность безкорыстно и вѣрно служить своему новому отечеству. Даже, говоря о самой себѣ какъ государынѣ иностраннаго происхожденія, она въ предисловіи своемъ къ «Запискамъ» о русской исторіи выражаетъ слѣдующую замѣчательную мысль: *„Собиратель сихъ записокъ не въ числѣ змѣй вскормленныхъ за пазухой“*.

Мнѣніе государыни объ оберъ-камергерѣ И. И. Шуваловѣ мы уже приводили, говоря о художествахъ. Его нерѣшительный характеръ совсѣмъ не подходилъ къ свойствамъ и вкусамъ императрицы, отчего она всегда говорила о немъ съ нѣкоторой ироніей и часто надъ нимъ подсмѣивалась, хотя Шуваловъ видимо старался угождать ей и быть пріятнымъ. Такъ по возвращеніи его изъ за границы, въ 1777 году, государыня пишетъ: «Знаете ли, что я совсѣмъ возгордилась съ тѣхъ поръ какъ Шуваловъ, вернувшись изъ чужихъ краевъ, сказалъ мнѣ, что итальянскіе художники вовсе не затруднены дѣлать мой профиль, что они просто берутъ бюстъ, медальіонъ или медаль Александра (Македонскаго) и производятъ изображеніе весьма на меня похожее; есть камей, сдѣланный такимъ образомъ, который всѣ охотники до моей физіономіи хотятъ скопировать. Этотъ случай заставляетъ меня пріосаниться» [2]).

---

[1]) 300.
[2]) 70.

Въ другой разъ императрица пишетъ, что Шуваловъ хвалитъ записку о ея царствованіи и находитъ, что это вещь академическая. Но это не мѣшало ей находить его медлительнымъ и лишеннымъ вкуса въ художествахъ, а позже преданнымъ ханжеству подъ вліяніемъ святоши—иностранца графа Карамана.

О его безвкусіи государыня говоритъ такъ: «Это оберъ-камергеръ распускаетъ слухи, что Рейфенштейнъ будто все покупаетъ дорого, потому что онъ, оберъ-камергеръ, никогда ничего не покупаетъ кромѣ дряни, но за то дешево. И эту дрянь онъ пробовалъ выдавать намъ за превосходныя вещи. Удивительно впрочемъ, какъ, проведя столько лѣтъ въ Римѣ, онъ такъ мало образовалъ свой вкусъ и пониманіе. Знайте, что онъ въ дружбѣ съ тремя, четырьмя старыми герцогинями, которымъ онъ разсказываетъ эти жалкія вещи» [1]).

О ханжествѣ его мы приводили выписки и прежде. Вотъ еще подобные же отзывы: 1 іюля 1779 г. изъ Петергофа: «Г. оберъ-камергеръ поѣхалъ въ Москву, а по дорогѣ заѣзжалъ на всѣ богомолья. Онъ молился день и ночь до истощенія силъ; онъ блѣденъ и изнеможенъ, непонятно отчего, а при этомъ ему хочется поддержать прежнюю репутацію любезности и еще Богъ знаетъ чего, а втихомолку онъ себя въ этомъ упрекаетъ. Все это заставляетъ вздыхать и дѣлаетъ насъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нерѣшительными. Право, страдаешь за него, когда его видишь» [2]). «Если хотите, рядомъ съ той каѳедрой, которую вы мнѣ совѣтуете создать, я хочу основать каѳедру науки нерѣшительности, гораздо болѣе мнѣ свойственной чѣмъ думаютъ, а первымъ профессоромъ ея по справедливости будетъ оберъ-камергеръ [3])…. Онъ заказываетъ въ Римѣ вкривь и вкось, тогда какъ его самого здѣсь нѣтъ и онъ пасетъ гусей въ одномъ изъ имѣній сестры въ Калужской губерніи за двѣсти верстъ отъ Москвы по дорогѣ въ Украйну» [4])

[1]) 209.
[2]) 146.
[3]) 153.
[4]) 162.

Вскорѣ послѣ того, въ январѣ, государыня возвѣщаетъ его возвращеніе: «Г. оберъ-камергеръ вернулся по этому холоду изъ Москвы блаженнымъ и несчастнымъ и являлся ко мнѣ съ комедіями г-жи Жанлисъ подъ мышкой: это было ужъ совершенно противоположно Тартюфу» [1]).

Генералъ-прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, какъ управлявшій государственными доходами, былъ для Екатерины источникомъ тѣхъ средствъ, которыя требовались для заказовъ и различныхъ порученій Гримму. Поэтому онъ очень часто упоминается въ перепискѣ и, замышляя о какомъ-нибудь новомъ пріобрѣтеніи, государыня подшучиваетъ насчетъ впечатлѣнія, которое этотъ сюрпризъ произведетъ на генералъ-прокурора. «Я очень соблазняюсь рѣзными камнями бальи де-Бретэля . . . Я подстерегу добрую минутку у Олсуфьева или генералъ-прокурора, чтобъ предложить имъ эту покупку. Напримѣръ, первому я предложу ее къ моимъ именинамъ, когда онъ мнѣ покупаетъ всегда какую-нибудь дрянную тряпку» [2]).

На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Какъ только князь Барятинскій уѣдетъ, я примусь за переговоры о кабинетѣ рѣзныхъ камней бальи де-Бретэля, который только что возвратился съ водъ. Я полагаю, что генералъ-прокуроръ или г. Олсуфьевъ не прочь купить маленкій букетъ императрицѣ ко дню ея именинъ. Она заслуживаетъ хоть время отъ времени маленькаго подарочка и при этомъ нельзя сказать: у меня нѣтъ денегъ; а надо знать сначала, стóитъ ли подарокъ тѣхъ денегъ» [3]). «Я совершенно покоенъ, что г. Олсуфьевъ и г. генералъ-прокуроръ настроены такъ же какъ и я, и весьма расположены поднести императрицѣ на ея деньги подарки, ею заслуженные» [4]).

Когда италіянскій банкиръ Сантини дѣлаетъ выдачи Рейфен-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 167.
[2]) 178.
[3]) Письма Гримма 42.
[4]) Тамъ же 60, 61.

штейну на покупки, она велитъ ему адресовать всѣ счеты къ князю Вяземскому или Безбородкѣ, прибавляя, что эти господа лучшіе плательщики какихъ она знаетъ и дѣлая замѣчаніе, что князь Вяземскій любитъ во всѣмъ опредѣленность [1]).

Въ 1782 г. государыня пишетъ къ Гримму: «Генералъ-прокуроръ только что открылъ вамъ новый кредитъ на 25 тысячъ рублей и въ первый разъ, какъ я его увижу, я предложу ему, чтобъ онъ вамъ открылъ кредитъ неограниченный. Но это слово навѣрно будетъ ему стóить припадка удушья, и несмотря на все мое вліяніе на него, мнѣ не добиться этого безъ особаго моего повелѣнія; у него же сдѣлается біеніе сердца, которое, какъ я опасаюсь, увеличитъ его начинающуюся одышку, а вы согласны со мною, что необходимо беречь здоровье человѣка, который, кромѣ другихъ своихъ хорошихъ и почтенныхъ качествъ, имѣетъ еще и то, что у него всегда находятся готовыя деньги на всевозможныя непредвидѣнные случаи, да еще для такого поглотителя и мота какъ я» [2]). Въ апрѣлѣ 1783 г.: «Г. генералъ-прокуроръ будетъ менѣе чѣмъ когда-либо страдать удушьемъ, потому что я ему доставлю на этихъ дняхъ маленькое денежное подкрѣпленіе, противъ своей обыкновенной привычки давать глотать эти послѣднія 8 лѣтъ одни слабительныя» [3]). Въ октябрѣ 1785: «Что касается до г. генералъ-прокурора, то онъ не жалуется теперь ни на какія выдачи: онъ такъ привыкъ къ нимъ, что въ настоящую минуту даетъ самымъ любезнымъ образомъ и часто самъ подаетъ проекты, могущіе способствовать опустошенію его кассъ. Но на это есть маленькая причина — та, что средства его увеличились немножечко, а затрудненія уменьшились, потому что мы склонны считать себя чрезвычайно благоразумными и всѣ царапины злорѣчиваго пера многострадальнаго нисколько не задѣваютъ и не огорчаютъ насъ. Надо давать ему

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 194, 200.
2) 236, 237.
3) 277.

свободу говорить и выражать свое мнѣніе, какъ городу Москвѣ, и пусть таки онъ идетъ своей дорогой»[1]).

Это не мѣшаетъ однако Екатеринѣ, дѣлая свои заказы Гримму, не разъ повторять ему: «постарайтесь купить какъ можно дешевле, чтобъ не увеличить удушье князя Вяземскаго»[2]).

Хотя мы не можемъ знать, какой именно выходкой Гримма было вызвано замѣчаніе государыни о его злорѣчивомъ перѣ, потому что письма его за этотъ годъ не сохранились, но можно привести здѣсь другое мѣсто по поводу ея заграничныхъ покупокъ, которое доказываетъ, что Гриммъ любилъ иногда пересыпать свои шутки довольно грубоватой солью, перемѣшивая её и съ тонкой лестью, чтобъ смягчить впечатлѣніе.

«Со всѣми добрыми и вѣрными слугами вашего величества радуюсь отъ глубины души мужественной рѣшимости, принятой императрицею болѣе ничего не покупать. Когда я увидѣлъ, что она отказывается отъ Корреджіо, я сказалъ: о, на сей разъ это ужъ вѣрно; немедленно я сталъ на колѣни, чтобъ благодарить Небо, я три раза перекрестился, и воскликнулъ: Боже, поддержи Свою Помазанницу въ такихъ назидательныхъ, христіанскихъ чувствахъ, и это сдѣлаетъ Тебѣ великую честь. Правда, что я былъ немножко сконфуженъ, замѣтивъ между первыми и послѣдними листками божественной грамоты, то есть менѣе нежели въ мѣсяцъ, большую разницу, потому что, послѣ рѣшительныхъ словъ: Я болѣе ничего не покупаю, — съ нѣкоторымъ удивленіемъ читаешь: — Надо, чтобъ божественный скорѣе прислалъ то и другое, — и затѣмъ слѣдуетъ нескончаемый списокъ. И я еще простерся и сказалъ: Господи, Робинъ помнитъ свою дудку; подумаешь, что рѣшенія Твоей Помазанницы шатки, и это не сдѣлаетъ тебѣ большой чести[3]). Что до меня, бѣдняка, мое дѣло только повиноваться. Если я не напишу тотчасъ божественному, если онъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 365.
[2]) 396.
[3]) Читатель долженъ помнить, что эта легкомысленная шутка выходитъ изъ устъ энциклопедиста XVIII вѣка.

не поспѣшитъ притти на помощь къ Твоей помазанницѣ, она будетъ упрекать меня, что я подвергъ опасности дни ея, что я не захотѣлъ спасти ей жизнь, и разумное мое противодѣйствіе сдѣлаетъ меня пугаломъ для всего моего вѣка. Да, Господи, это слишкомъ дорого обойдется. Ты хвалишься круглый годъ, что держишь сердца королей и императрицъ въ рукѣ Своей; это Твое дѣло, выпутывайся изъ этого какъ Тебѣ угодно; я умываю себѣ въ томъ руки. Послѣ этой набожной и усердной молитвы, я скажу вашему величеству, что безполезно, взявъ доброе и твердое намѣреніе, кричать во всю мочь: — я болѣе ничего не покупаю. — Это слишкомъ похоже на трусовъ, которые поютъ ночью на улицахъ, чтобъ доказать, что они не боятся, или лучше изъ боязни, что струсятъ. Слѣдуетъ только сказать положительно и искреннно: многострадальный, охота покупать у меня прошла; я забавляюсь только тѣмъ, что царствую, дѣлаю свои народы счастливыми и воспитываю имъ маленькаго Александра въ хлопочкахъ для той же цѣли; итакъ мнѣ ничего не нужно. А я на это отвѣчаю: вотъ тутъ-то лучшая минута, чтобъ дѣлать предложенія императрицѣ, потому что она наотрѣзъ откажется и мы одержимъ побѣду: г. генералъ-прокуроръ, мудрость и я, и императрица будетъ намъ за то безконечно благодарна, потому что послѣ побѣды она скажетъ: однако я сама не поддалась искушенію; я героиня, не только когда ношу императорскую корону на головѣ: я остаюсь такова и въ шлафрокѣ и это очень граціозно; и тотъ кто сказалъ, что никто не герой для своего камердинера, солгалъ. Стало-быть, чтобъ доставить вашему величеству такое постоянное довольство собою и славу мнѣ отказывать, я всегда буду дѣлать вамъ кой-какія маленькія предложенія» [1]).

Знатные Русскіе, пребывавшіе въ Парижѣ, не только были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Гриммомъ, но въ торжественные дни рожденія, тезоименитства и восшествія на престолъ государыни онъ приглашалъ къ себѣ ихъ молодежь, сверстниковъ Эмиліи Бель-

---

[1]) Письма Гримма 189, 190, 191.

зэнсъ, удостоенной отъ государыни фрейлинскаго шифра, и такъ описывалъ эти празднества: «Мы празднуемъ всѣ праздники императрицы. Всѣ маленькія удовольствія, даже всѣ забавы относимъ мы къ императрицѣ. Былъ прелестный балъ въ домѣ многострадальнаго. И вся русская молодёжь блистала на немъ. Шуваловы, Строгоновы, Салтыковы, Чернышевы, и къ концу бала явилась княгиня Дашкова въ сопровожденіи своего сына и дочери» [1]).

Въ апрѣлѣ того же 1781 года ко дню рожденья государыни Гриммъ пишетъ: «Если эта грамота придетъ въ должную минуту, она напомнитъ вашему императорскому величеству, что въ то время, когда пожеланія цѣлой Россіи раздаются на улицахъ, въ воздухѣ, въ императорскомъ дворцѣ,—лачуга многострадальнаго вся перевернута вверхъ дномъ; всѣ дѣвчонки засуетились по поводу торжественнаго дня. Всѣ эти дѣвчонки съ каждымъ годомъ понемножку перестаютъ быть дѣвчонками; онѣ выходятъ замужъ одна за другой подъ носомъ многострадальнаго; но это не отнимаетъ у нихъ охоту чествовать ту, имя которой чтится отъ береговъ Невы за предѣлы теченія рѣки Амазонской: это только налагаетъ на нихъ долгъ произвести другихъ дѣвчонокъ, чтобъ передать имъ обычай праздновать 2-е мая изъ рода въ родъ. Зная, какой шумъ онѣ произведутъ у меня, я желалъ бы очутиться за восемьсотъ льё отсюда, какъ напримѣръ въ Петербургѣ въ свитѣ г. Александра, въ качествѣ носителя его верхняго платья, или носителя *гилейфа*, когда онъ въ парадной формѣ пойдетъ привѣтствовать императрицу. Вотъ съ чѣмъ я на худой конецъ весьма охотно бы примирился; но г. Александръ говоритъ, что онъ пойдетъ къ императрицѣ и безъ носителя верхняго платья, и отсылаетъ меня стеречь верхнее платье моихъ дѣвчонокъ» [2]).

Въ іюнѣ того же года Гриммъ собирается праздновать въ Спа восшествіе на престолъ, и пишетъ: «Мы не на шутку те-

---

[1]) Письма Гримма 125, 126.

[2]) Тамъ же 136, 137.

ряемъ все племя Шуваловыхъ: они возвращаются прямо въ Петербургъ. Совѣтую вашему величеству имѣть большое уваженіе къ своему многострадальному. Это единственный человѣкъ во Франціи, къ которому княгиня Дашкова удостоила взять рекомендательное письмо изъ Англіи. Правда, она надѣется, что я скажу много хорошаго о ея дѣтяхъ передъ царскимъ треножникомъ, и въ самомъ дѣлѣ ея дѣти заслужили всеобщее одобреніе. Ея сынъ, кажется, очень воспользовался своимъ долгимъ пребываніемъ въ Шотландіи, и я всегда очень радъ, когда могу сказать что-нибудь хорошее о комъ-либо изъ подданныхъ вашего величества»[1]).

На это государыня отвѣчаетъ: «Я очень довольна, что вы хорошо отзываетесь о сынѣ княгини Дашковой; я всегда интересовалась этимъ ребенкомъ, потому что мнѣ казалось, что у него очень доброе сердце»[2]).

Замѣчательно еще одно мѣсто изъ писемъ Гримма, касающееся русскихъ путешественниковъ въ Парижѣ и той репутаціи, которую они пріобрѣли за границей вслѣдствіе своихъ займовъ и неаккуратныхъ платежей своимъ кредиторамъ:

«Мнѣ стóитъ большаго усилія надъ собой начать съ вашимъ величествомъ разговоръ объ одномъ щекотливожъ дѣлѣ, которое вовсе меня лично не касается. Но послѣ того, что я 18 мѣсяцевъ избѣгалъ вмѣшательства въ него, я расчелъ, что сами заинтересованныя стороны будутъ мнѣ благодарны, если я доведу это дѣло до свѣдѣнія вашего величества, чтó гораздо лучше, нежели допустить, чтобы оно дошло до васъ посредствомъ мемуара, который хотѣли представить по этому случаю г-ну Верженну. Только увидѣвъ, что такое рѣшеніе близко къ исполненію, я остановилъ его, сказавъ, что беру на себя это дѣло. Ваше величество знаете, можетъ-быть, съ какою заботливостью и даже съ какими издержками 84 лѣтній маршалъ герцогъ Биронъ принимаетъ иностран-

[1]) Тамъ же 213.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 218.

цевъ всѣхъ націй, а особливо Русскихъ. Графъ Петръ Разумовскій и его супруга были постояннымъ предметомъ его вниманія во время ихъ пребыванія во Франціи, и они никогда не могли бы покинуть Парижа безъ отмѣнной услуги, которую онъ имъ оказалъ. Онъ имъ повѣрилъ на слово 52 тысячи французскихъ ливровъ, чтобы дать имъ возможность заплатить свои долги и благополучно достигнуть отечества. Подобную же услугу онъ оказалъ адмиралу Роднею, долги котораго безъ помощи маршала задержали бы его во Франціи на все время войны, а это для него конечно не могло быть безразлично. Маршалъ за такія услуги никогда не получаетъ ни росписокъ, ни благодарности; выходитъ, что это долгъ чести еще болѣе священный. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи графа Петра г. маршалъ Разумовскій письмомъ выразилъ маршалу Бирону благодарность за отмѣнную услугу, оказанную его сыну, безъ которой онъ никогда не вырвался бы изъ Парижа, и обѣщалъ заплатить долгъ тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ. Шесть лѣтъ прошло съ той поры и маршалъ не получилъ обратно своего капитала, что не помѣшало ему давать другимъ русскимъ путешественникамъ денежныя ссуды, правда менѣе значительныя, но также невозвращенныя. Маршалъ говоритъ, что въ его годы нельзя и не надо ждать долѣе, и полагаетъ, что какъ только императрицѣ будетъ сдѣлано это сообщеніе, онъ тотчасъ получитъ свои деньги; а я этого желаю изъ привязанности къ русскому имени: мнѣ каждый разъ вонзаютъ кинжалъ въ сердце, когда разсказываютъ исторіи такого рода. Я кончаю этотъ листъ, присоединяя къ нему письмо добраго Ваньера, которое я не хочу оставить безъ отправки, и приношу къ подножію вашего императорскаго величества выраженіе моего величайшаго благоговѣнія»[1]).

Въ 1782 г. княгиня Дашкова возвратилась въ Россію и государыня, говоря съ Гриммомъ объ аббатѣ Рейналѣ, прибавляетъ: «Онъ долженъ былъ производить превосходный эффектъ между

---

[1]) Письма Гримма 236, 237, 238.

княгиней Дашковой, которая возвратилась къ намъ на дняхъ, и графомъ Сакеномъ [1]): этотъ, сказать мимоходомъ, всегда былъ для меня противнымъ существомъ, котораго я избѣгала [2]).

«Кто такая эта госпожа княгиня, которая не желаетъ, чтобъ изъ за нея страдали»? восклицаетъ государыня въ другомъ письмѣ: «Ахъ, какъ она добра! Тьфу пропасть, да я думаю, что это моя директриса! (т. е. княгиня Дашкова) клянусь, что она не называла своего имени съ тѣхъ поръ, какъ у нея Академія въ умѣ и передъ глазами» [3]).

Въ началѣ 1783 г. государыня извѣщала Гримма о томъ, что въ Петербургѣ началъ выходить журналъ *Собесѣдникъ*, который издавала княгиня Дашкова, говоря что этотъ журналъ есть смѣсь весьма забавныхъ вещей и что она помѣстила тамъ первую эпоху написанной ею для внуковъ исторіи Россіи. Кромѣ того она помѣщала тамъ свои Были и Небылицы,—сатирическія замѣтки, въ которыхъ задѣвала смѣшныя стороны современнаго общества и лицъ ей близко извѣстныхъ. Въ концѣ же года она сообщаетъ что «авторы поссорились съ издателями» [4]), то есть заявляетъ о прекращеніи своего участія въ журналѣ, по крайней мѣрѣ въ сатирической его части, вслѣдствіе того, что княгиня Дашкова обидѣлась помѣщенной государынею статьей «Общества незнающихъ ежедневная записка». Это была пародія на засѣданія Россійской академіи, приписанная государыней Л. А. Нарышкину. Княгиня Дашкова, какъ президентъ академіи, серьёзно оскорбилась и возникли недоразумѣнія. Вотъ какъ разсказываетъ про этотъ случай сама императрица: «Чтобъ развеселить васъ, я желала бы прислать вамъ нѣсколько шуточныхъ переводовъ изъ этого сралашнаго журнала. Между прочимъ тамъ есть «общество незнающихъ», раздѣленное на двѣ палаты; первая съ

---

[1]) Вѣроятно, баронъ Іоаннъ Густавъ, бывшій долгое время саксонскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 247.

[3]) 277.

[4]) 291.

чутьемъ, вторая безъ чутья. Эти двѣ палаты судятъ обо всемъ вкривь и вкось, вторая однако судитъ по здравому смыслу, а первая доставляетъ ей матеріялъ. И все это такъ серьёзно, такъ правдоподобно, что читатель помираетъ со смѣху, и есть черты, которыя обратятся въ пословицы. Но, видно, это было слишкомъ хорошо, потому что авторы поссорились съ издателями; и послѣдніе только потеряютъ при этомъ, потому что это составляло восторгъ и города и двора»[1]).

Графъ и графиня Брюсъ часто упоминаются въ перепискѣ и всегда тономъ благоволенія, особливо первый: сначала при встрѣчѣ въ Римѣ молодой четы графа и графини Сѣверныхъ, потомъ при свиданіи императрицы съ Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ войскъ тамъ расположенныхъ, и наконецъ во время неожиданнаго путешествія въ Москву при посѣщеніи каналовъ, когда онъ былъ уже московскимъ генералъ-губернаторомъ. Позже, во время путешествія въ Крымъ, государыня пишетъ Гримму, что она три раза въ недѣлю «отдаетъ отчетъ въ своемъ поведеніи графу Брюсу, чтобъ и его вызвать на то же, что впрочемъ онъ всегда и исполняетъ»[2]). О смерти графини Брюсъ, урожденной Румянцовой, — сестры Задунайскаго, она такъ сообщаетъ въ апрѣлѣ 1785 г.: «Семейство Румянцовыхъ понесло весьма чувствительную потерю въ лицѣ графини Брюсъ, скончавшейся въ Москвѣ на прошедшей недѣлѣ. Невозможно не сожалѣть о ней тому, кто хорошо зналъ её, потому что она была очень любезна. Лѣтъ шесть, семь тому назадъ это меня еще болѣе огорчило бы, но съ тѣхъ поръ мы противъ прежняго нѣсколько удалились другъ отъ друга и были разлучены»[3]).

Но всѣхъ чаще и при всякомъ почти случаѣ, касающемся заказовъ, расплатъ, выписки художниковъ, при сообщеніяхъ государыни о ея дѣятельности законодательной и учредительной, является имя ея *фактотума*, графа Безбородки. Въ 1779-мъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 291.
[2]) 408.
[3]) 330.

году онъ представилъ Екатеринѣ записку о 17-ти лѣтнемъ ея царствованіи и вотъ какъ она отзывается объ этомъ: «Г. Безбородко вздумалъ составить списокъ событій и достопамятныхъ общественныхъ дѣлъ за послѣднія семнадцать лѣтъ; онъ принесъ намъ все это въ первый день нашего восемнадцатаго года. Этотъ списокъ довольно объемистъ; но я удивилась, что въ немъ далеко не все, и чтобъ убѣдиться что нѣтъ опущеній, я велѣла каждому вѣдомству представить то, чего недоставало: напримѣръ, тамъ не было упомянуто о работахъ на Двинѣ въ Ригѣ, которыя однако не настолько маловажны, чтобъ не могли занять уголокъ въ спискѣ» [1]).

Черезъ два года Безбородко составилъ списокъ за 19 лѣтъ царствованія, уже приведенный нами, который онъ ежегодно долженъ былъ дополнять, а государыня перевела этотъ списокъ на нѣмецкій языкъ для Гримма.

Въ томъ же 1779 году государыня проситъ препроводить къ Безбородкѣ контракты съ архитекторами Тромбарой и Кваренги, а позже и самихъ архитекторовъ, такъ же какъ и выписанныхъ прядильщиковъ Миллера велитъ адресовать къ нему же [2]).

Всѣ счеты по расплатамъ Гримма, всѣ пожалованья, подарки, патенты иностраннымъ знаменитостямъ проходили черезъ его руки. Наконецъ ему же переданы были и суммы на особыя издержки государыни [3]), такъ что она проситъ Гримма сообщить банкиру Сантини, чтобъ онъ всѣ свои счеты, по сдѣланнымъ за нея уплатамъ, адресовалъ или прямо къ генералъ-прокурору Вяземскому, или къ Безбородкѣ, потому что они лучшіе плательщики въ мірѣ. Въ 1783 г. государыня писала, что Ланской, признательный за спасеніе брата, желая одолжить Гримма, готовитъ ему копію ея портрета не съ Бромптона, а съ прекраснаго портрета русскаго художника Левицкаго, сдѣланнаго для фактотума

---

[1]) 148.
[2]) 163.
[3]) 186.

(Безбородки), который онъ ставитъ гораздо выше перваго. Этотъ знаменитый портретъ воспѣлъ Державинъ въ одѣ «Видѣніе мурзы». Копія съ него находится въ Императорской публичной библіотекѣ.

О Бецкомъ и его отношеніяхъ къ Бобринскому уже было говорено выше, но о немъ еще упоминается въ письмахъ какъ о чтецѣ. Такъ въ 1779 году онъ читаетъ государынѣ комедію французскаго писателя Седэна и она пишетъ объ этомъ: Бецкій не знаетъ ни откуда эта пьеса, ни чья она. Онъ равнодушно прочиталъ первое дѣйствіе, послѣ чего нашелъ, что у Реймона мало соображенія, и что онъ могъ сказать, что получилъ пьесу по почтѣ; я давала ему говорить. Г. Гаводанъ ему понравился, но замѣтилъ онъ,—вѣдь это значитъ давать уроки государямъ.—Кто же можетъ это взять на себя? Я молчала, онъ продолжалъ и прочелъ въ этотъ день только три дѣйствія. Онъ ворчалъ сквозь зубы:—Это оскорбительно для многихъ.—Я притворилась что не обращаю вниманія на его замѣчаніе; онъ же принималъ живое участіе въ томъ, что читалъ: ни одного слова не ускользало отъ него, что́ не бываетъ съ нимъ, когда онъ читаетъ то, что ему кажется скучнымъ. На другой денъ онъ поспѣшилъ возвратиться къ чтенію и кончить его; время отъ времени онъ сердился читая, а по окончаніи объявилъ: эту пьесу поставить нельзя, потому что она задѣнетъ слишкомъ многихъ; я ему замѣтила, что она написана сильно, что это прекрасная пьеса. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что комедія должна веселить и забавлять зрителей, а такое представленіе при дворѣ было бы непріятно для присутствующихъ и набольшій играетъ въ ней роль слишкомъ мало почетную. Я отвѣчала ему:—я хотѣла бы, чтобъ ее сыграли, хотя бы для того, чтобъ показать, что я пользуюсь у себя бо́льшимъ авторитетомъ чѣмъ Реймонъ.— Онъ возразилъ мнѣ: —хорошо, но пріятно ли вамъ будетъ въ кругу людей, гдѣ каждый будетъ чувствовать себя оскорбленнымъ? На это я должна была замолчать... Эта пьеса заставляетъ задуматься [1]).

Въ томъ же 1779 году государыня помышляла замѣнить Бец-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 129.

каго, какъ чтеца, Ваньеромъ, секретаремъ Вольтера, и говорила: Бецкій старѣетъ и начинаетъ читать очень невнятно и читаетъ лѣниво. Но Ваньеръ, долго прохворавъ въ Петербургѣ, не остался въ Россіи. По поводу разныхъ дѣлъ въ Академіи художествъ и желанія нѣкоторыхъ иностранцевъ напр. Клериссо, Седэна быть принятыми въ ея члены, государыня обращаетъ Гримма къ Бецкому, такъ же какъ и по случаю исторіи нѣкоего француза Жиллэ, служившаго въ Академіи и получавшаго оттуда пенсію по переселеніи своемъ въ Парижъ. По ходатайству Гримма государыня пожаловала этому Жиллэ шесть тысячъ ливровъ, а случай съ нимъ или, лучше, исторію его съ Академіей Гриммъ разсказываетъ такъ:

«Добродушный Жиллэ приходилъ ко мнѣ поплакать, когда я ему сказалъ, что императрица обѣщала мнѣ прислать шесть тысячъ ливровъ для него. Это пролило бальзамъ на рану, сдѣланную собственной его вѣтреностью. Я не знаю, по какому случаю императорская Академія распорядилась уплатить ему здѣсь пенсію два раза, черезъ двухъ различныхъ банкировъ, на растояніи немногихъ мѣсяцевъ. Добрякъ подписалъ обѣ расписки, поданныя ему банкирами, не поглядѣвъ ихъ, и принялъ деньги, полагая, что ему платятъ за два года вмѣсто одного. Когда эти двѣ расписки прибыли въ Петербургъ, замѣтили, что онъ получилъ два раза за тотъ же годъ, разгнѣвались, вспыхнули и отняли у него пенсію, чтобъ научить его впредь не обманывать. Но еслибъ онъ имѣлъ намѣреніе обманывать, то своею дважды повторенною подписью онъ самъ доставилъ бы доказательство своего обмана, и эта двукратная подпись напротивъ очевидно доказываетъ его невинность. Гораздо труднѣе объясняется, какимъ образомъ могли ему сдѣлать двойной платежъ по тому же предмету, чрезъ двухъ различныхъ банкировъ. Впрочемъ, бѣднякъ нашелъ теперь ходатаевъ за себя у г. Бецкаго и ожидаетъ отъ его правосудія, что онъ возвратитъ ему пенсію немедленно. Не надо даже, чтобъ императрица знала объ этомъ, ни чтобъ она въ это вмѣшивалась, развѣ захотятъ ей представить Жиллэ плутомъ, который беретъ обѣими

руками. Я вовсе не оставилъ ему надежды насчетъ шести тысячъ ливровъ, о которыхъ онъ черезъ меня ходатайствовалъ. Его радость и признательность тѣмъ болѣе были велики, что кромѣ непріятностей по двойной распискѣ, банкиръ, которому онъ повѣрилъ половину своего состоянія, обанкрутился. Сколько ваше величество заставляете проливать слезъ благодарности во всѣхъ уголкахъ земли»! [1])

О графѣ Панинѣ, котораго государыня такъ живо изобразила, сопоставляя его съ Орловымъ, она прибавляетъ въ одномъ письмѣ слѣдующую характеристическую черту: «Я очень рада», говоритъ она, «что у васъ приходится натыкать публику носомъ на самыя интересныя вещи, иначе она бы ихъ не замѣтила. Никто не зналъ этого искуства лучше графа Панина: въ одну минуту онъ умѣлъ украсить свое платье чужими перьями, и чѣмъ менѣе оно ему принадлежало, тѣмъ болѣе онъ восхвалялъ его, чтобъ повѣрили его отеческой нѣжности къ ребенку, тогда какъ ребенокъ былъ чужой» [2]).

Литературные труды Екатерины. Исторія и политическая мудрость.

Упомянувъ объ изданіи Собесѣдника, въ которомъ дѣятельное участіе принимала сама Екатерина, мы постараемся прослѣдить по ея письмамъ и другія ея литературныя занятія, которымъ она отводила столько времени среди трудовъ правленія. Между ними, кромѣ дѣтской литературы, являющейся въ перепискѣ подъ именемъ библіотеки Александро-Константиновской, первое мѣсто принадлежитъ Исторіи Россіи подъ заглавіемъ: «Записки касательно Россійской исторіи». Онѣ занимаютъ почти половину журнала Собесѣдникъ и изданы потомъ отдѣльно въ 6-ти

---

[1]) Письма Гримма, стр. 41.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 330.

частяхъ, съ именемъ императрицы. Эта исторія выдержала три изданія, послѣднее было напечатано въ 1801 году въ Собесѣдникѣ. «Записки» доведены до 1224 г., въ отдѣльномъ же изданіи продолжены до 1276 года. Этотъ трудъ былъ начатъ ею для внуковъ, о воспитаніи которыхъ она такъ много заботилась, а позже она имѣла въ виду и потребности создаваемыхъ ею нормальныхъ школъ. О первоначальной мысли, побудившей ее заняться русской исторіей, свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто одного письма 1782 года: «Кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, вотъ г. Александръ требуетъ у меня одного чтенія за другимъ. На дняхъ онъ познакомился съ Александромъ Великимъ. Онъ попросилъ, чтобъ я его лично съ нимъ познакомила и ужасно былъ пораженъ, когда узналъ, что тотъ умеръ. Онъ очень о немъ сожалѣлъ»[1]).

Естественно, что начавъ съ внучкомъ бесѣды о предметахъ историческихъ, Екатерина должна была чувствовать, что для него всего важнѣе знакомство съ судьбами своего родного края, а такъ какъ никакихъ популярныхъ и учебныхъ книгъ по этой части еще не было, то императрица и рѣшилась сама заняться этимъ дѣломъ. Она поручила разнымъ лицамъ, между-прочимъ Мусину-Пушкину[2]), а въ Москвѣ профессорамъ Чеботареву и Барсову, дѣлать для нея выписки изъ лѣтописей и доставлять эти матеріалы прямо къ ней. Уже самая мысль составить исторію изъ свода лѣтописей — для того времени замѣчательна. Собрать же и объединить эти лѣтописи, облечь ихъ въ общедоступную форму историческаго разсказа, дать имъ воспитательное значеніе, какъ для своихъ внуковъ, такъ и для всего общества — этотъ трудъ Екатерина взяла на себя и выполнила съ истинною и нелицемѣрною любовью къ своему народу и его исторіи. Но это не было еще единственною цѣлью государыни. Она вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 252.

[2]) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный любитель древностей, род. въ 1774 † 1817.

стремилась уронить тотъ укоренившійся на Западѣ высокомѣрный взглядъ на нашу исторію, который утверждалъ, что собственно исторіи въ нравственномъ смыслѣ слова у русскаго народа нѣтъ, что русская исторія есть какое-то сцѣпленіе случайныхъ и часто дикихъ фактовъ безъ всякаго внутренняго значенія. Мнѣніе это еще не такъ давно смѣло повторялось иностранцами, призывавшимся къ воспитанію нашего русскаго юношества въ высшихъ сферахъ общества и даже нашло отголосокъ въ нѣкоторыхъ серьезныхъ сочиненіяхъ нашего времени.

Въ противоположность этому взгляду, Екатерина, прилежно занявшись изученіемъ русской исторіи по выпискамъ изъ лѣтописей, старалась отыскать въ ея событіяхъ тотъ нравственный смыслъ, въ которомъ иностранные историки имъ отказывали. По выраженію Добролюбова[1]) она умѣла «набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ».

Мы уже приводили слова негодованія, которыми государыня встрѣтила исторію Леклерка, француза, долгое время прожившаго въ Россіи и возымѣвшаго желаніе познакомить иностранцевъ съ русской жизнью. Множество невѣрностей, искаженій и завѣдомой лжи были отличительными чертами этого многотомнаго сочиненія. Оно произвело самое тяжелое впечатлѣніе на русскихъ читателей, и членъ Россійской академіи Болтинъ написалъ на эту исторію обширныя примѣчанія. Вотъ какой отвѣтъ даетъ подобнымъ хулителямъ Россіи Екатерина въ предисловіи къ своему труду.

«Сія записка касательно Россійской исторіи сочинена для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ исторіи Россійской, кои скорѣй именовать можно сотвореніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служитъ, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено,

---

[1]) См. изслѣдованіе его «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» въ Современникѣ 1856 года за августъ.

но къ онымъ не стыдилися прибавить злобные толки. Писатели тѣ, хотя сказываютъ, что имѣли Россійскихъ лѣтописцевъ и историковъ передъ глазами, но или оныхъ не читали, или языкъ русской худо знали, или же перо ихъ слѣпою страстью водимо было. Безпристрастный читатель да возьметъ трудъ сравнить эпоху Россійской Исторіи съ исторіями современниковъ великихъ князей каждаго вѣка[1]), усмотритъ ясно умоначертанія всякаго вѣка и что родъ человѣческій вездѣ и по вселенной одинакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко одинакіе способы. Всѣ европейскіе народы до святаго крещенія, бывъ погружены въ суевѣріе, въ идолопоклонство, имѣли правила и права иныя; получивъ просвѣщеніе евангельское, получили правила до того имъ неизвѣстныя, кои не иначе могли перемѣнить обычай, мнѣніе и мысли людей стариной занятыя, какъ мало по малу».

Не менѣе замѣчательна и выноска къ этому предисловію: «Собиратель сихъ записокъ касательно Россійской Исторіи не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухой; онъ вѣкъ свой тщился исполнить долгъ благодарнаго сердца. Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ хвалы, непохвальное безъ опороченія, добраго же умалять доброту или порочнаго умножать дурноту и тѣмъ подобиться неискусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю, не есть дѣло его».

Изъ послѣднихъ словъ видна благородная, патріотическая цѣль государыни заставить русское юношество, искалѣченное иностраннымъ воспитаніемъ, полюбить свою родную исторію и высоко цѣнить ея изученіе и знаніе.

Мы сочли нужнымъ для ясности пониманія предпослать это вступленіе тѣмъ выпискамъ, которыя будутъ слѣдовать.

9 марта 1783 государыня пишетъ Гримму, что она для него должна была бросить на своемъ столѣ вторую эпоху русской

---

[1]) Для такого сравненія въ концѣ исторіи каждаго князя приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ.

исторіи для употребленія гг. Александра и Константина. Радуясь что ея трудъ заслужилъ одобреніе такихъ взыскательныхъ судей какъ: князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, г. фактотумъ и многіе другіе, она прибавляетъ: «А это одобреніе подстрекаетъ насъ къ продолженію любимаго труда и мы уже довершили жизнь и дѣянія св. Владиміра, который на зло вамъ и басурманамъ, былъ человѣкъ не дюжинный. А! г. многострадальный, не правда ли, что это заставляетъ васъ подымать носъ, чтобъ пронюхать какъ бы достать переводъ? Надѣйтесь, но не такъ скоро, потому что я убѣждаюсь въ совершенствѣ изображенія одной эпохи, только по мѣрѣ того, какъ подвигаюсь въ другихъ» [1]).

«Я пишу Исторію, раздѣливъ ее на пять частей и начавъ ее съ 480 г. Итакъ вотъ тысячу триста лѣтъ предстоитъ обозрѣть. Дай Богъ хорошихъ желудковъ ребятамъ, которымъ придется это переваривать; теперь мы на 988 году; остается почти столько же» [2]).

Пославъ Гримму первую эпоху своей Исторіи въ переводѣ на нѣмецкій языкъ лѣтомъ 1783 года, государыня спрашиваетъ его: «Что скажете вы о первой эпохѣ Русской Исторіи? Прислать ли вамъ остальное? Или она показалась вамъ скучною?... Я пишу исторію древняго періода и дошла до 1137 года. У меня въ головѣ шевелится мысль, что исторія всѣхъ современниковъ по вѣкамъ могла бы бросить большой свѣтъ на событія, какъ они происходили, и особливо на древнюю исторію» [3]).

«Я сунула первую эпоху Русской Исторіи въ журналъ (*Собесѣдникъ*) и ею кажется изрядно довольны. NB. Такъ говорится по скромности, потому что успѣхъ кажется полный» [4]). «Я пишу исторію въ свободные часы, а когда должна писать письма, то откладываю въ сторону исторію; это очень просто, не правда ли? Эта Исторія печатается въ русскомъ журналѣ, который не

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 269. [2]) 268.
[3]) 280. [4]) 281.

ударитъ лицомъ въ грязь и выходитъ каждый мѣсяцъ. Столько-то царствованій въ мѣсяцъ — это ее даетъ въ руки каждому, и я не могу отрицать, что она имѣетъ успѣхъ: ее находятъ самою сносною изъ существующихъ до сихъ поръ и оцѣниваютъ въ ней искреннюю ревность къ отечеству, которая согрѣваетъ чувство» [1]). «Не кричите; надѣюсь прислать вамъ часть второй эпохи Русской Исторіи въ компаніи съ этимъ письмомъ» [2]).

«Я могла бы написать вамъ цѣлый томъ о всѣхъ открытіяхъ, которыя ежедневно дѣлаю, когда пишу и порчу вторую эпоху Русской Исторіи; но я помѣщу большую часть своихъ размышленій въ нѣкотораго рода обозрѣніи, которое будетъ заключеніемъ, и послѣ этого обозрѣнія окончу свой трудъ, потому что въ Москвѣ, въ архивѣ, уполномоченные покойнаго Мюллера пишутъ для нормальныхъ школъ Русскую Исторію гораздо лучше моей; можетъ-быть я послѣ къ каждой эпохѣ возьму на себя трудъ сдѣлать обозрѣніе въ своемъ вкусѣ: что вы объ этомъ скажете? Вѣроятно, вы не скажете ничего, потому что еслибъ я вздумала составить списокъ всего о чемъ я васъ спрашивала и на что вы не отвѣчали, то списокъ вышелъ бы длинный. Мнѣ кажется, я отсюда вижу какъ вы на это возражаете, что я напрасно васъ обвиняю; но все это безполезно, потому что вамъ уже давно прощено, что вы не отвѣчали на всѣ жалкіе вопросы, которые я вамъ часто задавала... Знаете ли что, несмотря на господина Леклерка, который по-моему не имѣетъ здраваго смысла, исторія Россіи болѣе наполнена фактами и движеніемъ, чѣмъ какая либо другая исторія въ мірѣ. Вотъ въ главныхъ чертахъ планъ обозрѣнія, который я приму для второй эпохи:

1) Замѣчательные перевороты.
2) Постепенное измѣненіе въ порядкѣ вещей.
3) О народонаселеніи и финансахъ.
4) Трактаты и документы.

---

[1]) 286.
[2]) 289.

5) Примѣры ревности или небрежности государей и ихъ послѣдствія.

6) Примѣчанія о томъ, чего можно было избѣжать.

7) Примѣры мужества и выдающихся добродѣтелей.

8) Примѣры пороковъ, каковы жестокость, неблагодарность, невоздержность и ихъ послѣдствія» [1]).

«Мнѣ сказали, что Гарди уѣзжаетъ», пишетъ государыня въ мартѣ 1784 г., «онъ будетъ подателемъ этой депеши и нѣмецкой тетради Русской Исторіи. У г. Фрид. Николаи въ Берлинѣ ея еще нѣтъ. Итакъ вотъ вы опередили его и не имѣете повода ворчать» [2]).

«Вы говорите что я по природѣ проныра, а я вамъ объявляю, что я сдѣлалась настоящей архивной крысой» [3])

«Мы собираемъ по годамъ доблестные подвиги Славянъ изо всѣхъ возможныхъ исторій» [4]).

«Такъ какъ ея величество получила ободреніе отъ г. многострадальнаго на полное составленіе Россійской Исторіи, то весьма возможно, что окончивъ заключеніе второй эпохи и сокращенный обзоръ, параллельно съ каждымъ царствованіемъ, современныхъ ему царствованій, она примется за третью эпоху. Это для нея трудъ любезный и вполнѣ увлекательный, тѣмъ болѣе, что она употребляетъ на него часы досуга, и я полагаю, что трудно полезнѣе для государства употреблять свой досугъ, какъ распутывая и разработывая его исторію. Но кстати, ты долженъ знать, г. многострадальный, что господа Московскаго архива употрѐбляютъ въ дѣло наши тетради не хуже чѣмъ всякія другія. При этомъ ваше превосходительство найдете приложенною еще толстую тетрадь, которою можете позабавиться или оставить ее въ покоѣ, какъ вамъ заблагоразсудится, потому что лишь бы мы писали, намъ все равно, прочтутъ ли насъ или нѣтъ; но когда

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 291, 292.

[2]) 297. Фридрихъ Николаи, берлинскій книгопродавецъ и писатель, котораго Екатерина удостоивала многихъ порученій учено-литературнаго характера.

[3]) 303. [4]) 294.

человѣкъ какъ вы удостоиваетъ насъ чести прочтенія, и говоритъ еще, что это хорошо и исполнено силы и сочности (Kraft und Saft), тогда, о тогда — мы пріосаниваемся. Съ нѣмецкаго не трудно будетъ велѣть перевести на французскій. Фридрихъ Николаи только что напечаталъ всю библіотеку Александро-Константиновскую въ двухъ маленькихъ томикахъ»[1]).

«Кстати, вы должны узнать, что ея императорское величество любезнѣйшая императрица вчера изобразила всю первую эпоху своего царствованія въ медаляхъ, и что генералъ Ланской, увидѣвъ ея набросокъ, нашелъ, что это прехорошенькая работа, потому что генералъ этотъ становится викаріемъ многострадальнаго, то есть когда хотятъ чѣмъ-нибудь похвастаться, то показываютъ это генералу викарію»[2]).

Ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ того, въ сентябрѣ 1784 г., то есть уже послѣ смерти Ланского, государыня пишетъ изъ Петербурга: «Я слаба и Богъ знаетъ сколько разныхъ горячекъ я вынесла въ эти два съ половиной мѣсяца. А покамѣстъ я прочитала съ полдюжины русскихъ лѣтописей и три тома Monde primitif (Первобытный міръ)»[3]). Это было знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе Куръ де Жебеленя, о которомъ государыня отзывалась такъ: «Я смотрю на эту всемірную грамматику какъ на одно изъ лучшихъ сочиненій, появившихся въ этомъ вѣкѣ»[4]).

Какъ внимательно Екатерина читала и съ какимъ умѣніемъ дѣлала выписки изо всего что поражало её, тому доказательства видимъ мы на каждомъ шагу въ ея перепискѣ. Мы приведемъ одну замѣчательную выписку ея изъ сочиненія Куръ де Жебеленя. Эти строки живо рисуютъ намъ, какое вдохновеніе обхватывало Екатерину всякій разъ, когда она нападала на какую-нибудь возвышенную мысль или чувство. И тотчасъ относила она её къ славѣ и судьбамъ Россіи, тотчасъ примѣняла её къ характеру

---

[1]) 305. [2]) 312.
[3]) 318. [4]) 321.

или исторіи своего народа, которыхъ смыслъ и сущность она такъ хорошо постигла. Отъ 22 апрѣля 1785 года она пишетъ:

«Знайте, милостивый государь, знайте что никогда Россійская имперія не будетъ разрушена. Вотъ что говоритъ авторъ «Первобытнаго міра»:

«Всякая исторія имѣла свою причину, какъ всякое слово свое основаніе.

«Возвышеніе, долговѣчность, слава или паденіе государствъ не зависятъ отъ страстей или отъ мѣстныхъ и преходящихъ случаевъ. Такія событія всегда были необходимымъ и поддающимся расчету послѣдствіемъ хорошаго или дурного примѣненія великихъ началъ всякаго общества; мелкія страсти или обстоятельства только пользовались состояніемъ дѣлъ но никогда не производили этого состоянія. Бури конечно могутъ опрокинуть зданіе, поставленное на зыбкомъ основаніи. *Но то, которое поставлено твердо, смѣется ихъ усиліямъ.* Какъ! люди, соединенные въ общества, государства, имперіи будто бы не могутъ расчитывать на свою долговѣчность, не могутъ утвердить свое благосостояніе, не могутъ сдѣлаться такъ же устойчивы, какъ почва подъ ихъ ногами! И потому что мы видѣли царства, исчезавшія какъ паръ, разносимый вѣтромъ, воображать что такая же судьба неизбѣжно ожидаетъ всякое государство, всякую имперію! Нѣтъ! Ничто не происходитъ безъ причины, безъ повода, безъ неизмѣннаго закона: есть одна такая причина, которая навсегда упрочиваетъ благоденствіе народовъ и царствъ: это исполненіе своего долга. Есть точно такъ же только одна, которая можетъ привести ихъ къ паденію! Это нарушеніе долга, извращеніе тѣхъ началъ, которымъ эти народы и царства были обязаны своимъ возвышеніемъ и счастіемъ. Всѣ націи, пользовавшіяся благоденствіемъ, дошли до процвѣтанія только тѣмъ, что были внимательны къ голосу порядка и подчинялись его требованіямъ. Законодатель былъ поистинѣ великъ и полезенъ своимъ современникамъ и міру лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ усвоивалъ себѣ порядокъ, и законы свои умѣлъ сообразовать съ нимъ. Имперіи

начинаютъ клониться къ упадку какъ скоро онѣ заводятъ, такъ сказать, деревни въ городахъ, а города въ одной обширной, громадной столицѣ, пучинѣ государственныхъ богатствъ и могилѣ поколѣній настоящихъ и грядущихъ. Истинное величіе государства заключается въ томъ, чтобъ быть великимъ и могущественнымъ не въ одномъ только мѣстѣ, но вездѣ и вездѣ проявлять силу, энергію и порядокъ».

«Все имѣетъ свою неизмѣнную и вѣчную причину; царства, какъ и малѣйшее хлѣбное зернышко: общества стоятъ на однихъ или другихъ началахъ: изъ этого вытекаютъ тѣ или другія права, тѣ или другія обязанности. Будутъ эти права соблюдаемы, эти обязанности исполняемы, и общества будутъ процвѣтать, а имперіи будутъ навсегда незыблемы въ своихъ основаніяхъ и порядокъ будетъ постоянно въ нихъ царствовать. Я переписала вамъ все это мѣсто по причинѣ его отмѣнной красоты; скажите, что вы объ этомъ не сожалѣете».

«Сего 25 апрѣля. Итакъ Россійское государство не можетъ пасть, потому что мы добиваемся порядка, находимъ и утверждаемъ его. Онъ пускаетъ корни и пусть попробуютъ сокрушить его, и надо сознаться, что это государство стоитъ твердо» [1]).

Отвѣтъ Гримма на это письмо не сохранился, но, по тому, чтó государыня пишетъ ему въ августѣ того же года, можно заключить, что онъ отнесся скептически къ этой выпискѣ, сомнѣваясь, точно ли въ «Monde primitif» государыня прочла это мѣсто. Вотъ отвѣтъ ея: «То, что я привела вамъ изъ «Первобытнаго міра», и чѣмъ вы восхищаетесь такъ же какъ и я, найдете вы въ 8-мъ томѣ, на LVIII страницѣ *Общаго взгляда;* на двѣнадцатой строкѣ начинается мѣсто, выписанное вашей покорнѣйшей слугою, которая не во снѣ видитъ, какъ покойный Дидро и не читаетъ въ книгахъ иного, какъ то, что въ нихъ есть. Многотомная книга Куръ де Жебеленя наполнена такими мѣстами и многимъ другимъ любопытнымъ и драгоцѣннымъ, чего ни у кого иного не встрѣ-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 335, 336.

тишь... Извѣстности сочинителя помѣшало, я полагаю, то, что не всякій въ силахъ одолѣть 9-ть томовъ in-quarto, но никогда Франція не имѣла человѣка столь основательно-ученаго. Его всеобщая грамматика есть совершенство въ своемъ родѣ; кромѣ того авторъ имѣетъ особенную способность вызывать движеніе въ головахъ своихъ читателей»[1]).

Государыня такъ увлекалась своими историческими работами, что сознавалась лѣтомъ 1786 года, что Русская Исторія довела её до кашля, точно такъ же какъ три года ранѣе она схватила кашель отъ многописанія, а отъ усиленныхъ законодательныхъ работъ чувствовала разстройство всего организма. Что занятія русской исторіей не были только преходящимъ увлеченіемъ Екатерины, видимъ мы изъ того, что она продолжаетъ ихъ до конца жизни. Въ 1793 году она пишетъ: «Я погружена въ исторію, или, лучше сказать, въ лѣтописи русскія, которыя люблю до безумія»... «У меня одинъ уголъ стола занятъ вашими письмами, требующими отвѣта, и чтобъ не забыть этого, я положила старую ливонскую лѣтопись на эти письма. Но я не имѣю времени отвѣчать вамъ, потому что составляю вторую часть генеалогіи къ русской исторіи, NB: всѣ, кто прикасался къ русской исторіи, впадали изъ ошибки въ ошибку, потому что не имѣли этой родословной таблицы, которую мы теперь имъ составимъ. Первый томъ уже напечатанъ и получилъ репутацію книги классической, съ которою долженъ справляться на всякомъ шагу тотъ, кто занимается русской исторіей; томъ этотъ оканчивается 1224 годомъ, а затѣмъ начинается второй, который продолжается до настоящаго времени. О, какъ эта номенклатура прелестна! это работа въ самомъ дѣлѣ для лѣниваго ума, не имѣющаго ни одной мысли. Г. Елагинъ[2]), который изображалъ русскую исторію въ стилѣ восклицательномъ, потому что онъ краснорѣчивъ и скученъ, чинитъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 359.

[2]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, оберъ-гофмейстеръ, родился въ 1725 г. Сочиненіе о которомъ здѣсь говорится, озаглавлено: *Опытъ повѣствованія о Россіи;* оно доведено только до 1389 года.

теперь свою исторію по нашей генеалогіи. Я же нахожу въ этой генеалогіи все, что относится до исторіи, точно также какъ Вестрисъ видѣлъ истинное благополучіе Франціи въ менуэтѣ тогдашняго дофина [1]).

12 января 1794: «Небо, кажется, опредѣлило этотъ день на то, чтобъ я принесла вамъ свои поздравленія съ новымъ годомъ, такъ какъ до сихъ поръ я не находила для этого ни минуты, благодаря дѣламъ и старымъ лѣтописямъ. Дошедъ до 1321 года, я пріостановилась и дала переписать почти восемьсотъ страницъ царапанья. Вообразите, какая ярая страсть писать о старыхъ событіяхъ, которыми никто не интересуется; и читать ихъ, я увѣрена, никто не станетъ кромѣ двухъ педантовъ: одного, по имени Фолькнера, моего переводчика, другого—Буссе, академическаго библіотекаря; этотъ тщится хвалить мою аккуратность и проч. въ такихъ журналахъ, которые не будутъ прочитаны даже четырьмя лицами въ Европѣ, а я довольна, что привела въ порядокъ все, что можетъ служить пособіемъ къ исторіи, лучше нежели это было до сихъ поръ сдѣлано. Подумаешь, мнѣ за это платятъ, столько я вношу сюда старанія, труда, пониманія и мудрости, и когда окончу страницу, то восклицаю: «ахъ, какъ это прекрасно, восхитительно»! но я остерегаюсь сказать это какой-нибудь живой душѣ, кромѣ васъ, потому что надо мною смѣялись бы, какъ вы можете понять. Но многострадальный повѣренный: все это не отвѣтъ на ваши грамоты, скажете вы. Сознаюсь въ томъ, но историческая блажь увлекла перо мое . . . Что касается Елагина, то онъ умеръ, и исторія его вѣроятно останется не конченною» [2]).

«Я читаю только лѣтописи за 500 лѣтъ тому назадъ, но, со времени прибытія вашихъ грамотъ, я ихъ отложила въ сторону. Понимаете ли великость этой жертвы? Я такъ же влюблена въ лѣтописи, какъ нѣкій джентльменъ въ нѣмецкихъ принцевъ», го-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 584, 585, 586.

[2]) 589. Показаніе митрополита Евгенія и Бантышъ-Каменскаго, что Елагинъ умеръ въ 1796 году оказывается невѣрнымъ.

ворить государыня въ другомъ письмѣ.... «Ахъ мои милыя лѣтописи, вы спокойно отдыхаете. Когда-то я опять начну тормошить васъ? Я дошла до 1368 и 1369 года»[1]).

Въ 1794 году государыня говоритъ Гримму, что Фолькнеръ старъ и переводитъ тихо, и прибавляетъ: «Пятый томъ Записокъ весь состоитъ изъ генеалогіи, а шестой доходитъ до жизни Св. Александра включительно. Седьмой уже въ работѣ, и я полагаю, что онъ дойдетъ до Дмитрія Ивановича, прозваннаго Донскимъ по причинѣ побѣды его надъ Татарами при рѣкѣ Донѣ, иначе Танаисѣ; этотъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Ни одна исторія не представляетъ лучшихъ и болѣе великихъ мужей, какъ наша; я люблю эту исторію до безумія»[2]).

Въ 1795 году государыня, задѣтая сужденіями Герцберга о принадлежности Западнаго края къ Польшѣ, пишетъ: «Этотъ дуракъ Герцбергъ заслуживаетъ, чтобъ его порядкомъ поколотили: у него столько же познаній въ исторіи, сколько у моего попугая. Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать, что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, потому что Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I старшему сыну его Изяславу. А послѣдній былъ старшій изъ двѣнадцати сыновей Владиміра I, между которыми отецъ раздѣлилъ свои владѣнія, когда женился на Аннѣ, дочери Греческаго императора, и, принявъ крещеніе, отослалъ своихъ шестерыхъ женъ и ихъ дѣтей въ назначенныя имъ владѣнія. А замѣтьте, что отъ этого старшаго сына Владимірова произошли князья Полоцкіе. Позже Владиміръ I, какъ великій князь литовскій, далъ Литву своему сыну Святославу, не имѣвшему потомства. Пятый сынъ Ольгерда Ягеллонъ или Яковъ, въ 1386 г., сдѣлался королемъ Польскимъ, и принялъ латинство подъ именемъ Владислава, женившись на Ядвигѣ, королевѣ и наслѣдницѣ Польши. Итакъ онъ соединилъ Литву съ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 598, 604.
[2]) 609.

Польшею; но глупый, невѣжественный министръ вовсе этого не знаетъ; высокомѣріе доводитъ его до того, что онъ невѣжественъ, глупъ и грубъ, какъ померанскій быкъ. Неоткормленный (покойный король морилъ его съ голоду, по собственному его признанію) не знаетъ, что не одинъ Полоцкъ, но и вся Литва во всѣхъ округахъ до 17-го вѣка производила всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что въ литовскихъ архивахъ всѣ акты написаны на русскомъ языкѣ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра велось по нашему церковному обычаю, и что даже греческіе церковные индикты всякій разъ при этомъ обозначены. Что же это доказываетъ? что до 17-го вѣка греческое исповѣданіе не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ было господствующимъ и между князьями и великими князьями, что даже всѣ церкви, особливо соборы, строились съ алтаремъ на востокъ, по обычаю Восточной церкви; если вамъ надобны еще доказательства, можете требовать: правду доказать не трудно. Кромѣ того, Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала или одной части, или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть еще сильнѣе побитъ при случаѣ за свое незнаніе народовъ, приписываемыхъ имъ къ владѣніямъ его глупаго господина. Оселъ! Вы видите, что въ этомъ разсужденіи учтивость уступила желанію васъ посмѣшить; впрочемъ споры педантовъ не всегда учтивы, когда гнѣвъ или ревность увлекаютъ ихъ, какъ вы это очень хорошо знаете, а я ужъ навострилась во всемъ этомъ, перебирая архивы и лѣтописи, какъ это вамъ тоже не безызвѣстно» [1].

Въ 1795 году къ іюльскому письму присоединена собственноручная записка императрицы слѣдующаго содержанія. «Изъ *напечатаннаго въ Академіи* я нашла только это, и скажу вамъ что это такое: не смѣя включить мои догадки о Рюрикѣ въ исторію, потому что онѣ были основаны только на нѣкоторыхъ тёмныхъ

---

[1]) 620, 621.

словахъ Нестора въ его хроникѣ и на одной выдержкѣ изъ Далина въ его исторіи Швеціи, и читая тогда Шекспира по-нѣмецки, мнѣ пришло въ голову въ 1786 году выразить въ драмѣ мои догадки, и её напечатали [1]). Никто не обратилъ вниманія на это странное произведеніе, которое никогда не было играно, и я поѣхала въ Крымъ. Въ 1792 году покойный Болтинъ [2]), черезъ Пушкина, синодальнаго прокурора [3]), прислалъ мнѣ свою критику на князя Щербатова и его Исторію Россіи, и такъ какъ они много занимались русской исторіей, я очень была рада подвергнуть суровой критикѣ Болтина то, что я царапала по исторіи. Я разъ сказала Пушкину, что эта драма заключаетъ въ себѣ мои догадки, но никто не обратилъ на нихъ вниманія, и оказалось что ни Болтинъ, ни Пушкинъ никогда этого не читали и не видали. Когда эта драма попала въ руки Болтина, онъ началъ ее объяснять и просилъ меня позволить напечатать съ его комментаріемъ, чтó и сдѣлалъ; слова же Нестора [4]) говорятъ, что Гостомыслъ, князь славянскій, княжившій въ Новгородѣ, завѣщалъ умирая призвать на его мѣсто князей, покрывшихся славою въ прошедшихъ войнахъ: Рюрика, Синеуса и Трувора. Это были его внуки по старшей дочери.

«Далинъ говоритъ, что на Сѣверѣ считалось встарину стыдомъ не только для князей, но и для всякаго человѣка знатнаго рода не служить на морѣ. Стало-быть, надо искать въ седьмомъ вѣкѣ, когда были главнѣйшія морскія войны, нашихъ трехъ князей, легко занявшихъ здѣсь видное мѣсто».... Вотъ вамъ жизнеописаніе Св. Александра, написанное Туманскимъ. Но оно не самое лучшее. Жизнь Св. Александра, напечатанная, но можетъ быть еще не переведенная, въ шестомъ томѣ моего сборника, который

---

[1]) Подъ заглавіемъ: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика, подражаніе Шекспиру».

[2]) Ив. Никитичъ Болтинъ, членъ Росс. Академіи, родился въ 1735 г., умеръ 6-го октября 1792 г.

[3]) Извѣстный любитель древностей графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ Пушкинъ.

[4]) Не Нестора, но Іоакимовской лѣтописи.

г. Буссе озаглавилъ *Записками* (Aufschreibungen), потому что онъ такъ названъ по-русски, далеко оставляетъ назади первое изъ нихъ, и въ самомъ дѣлѣ, попробуйте найти здѣсь болѣе чѣмъ тамъ о немъ сказано»[1]).

Прослѣдивъ въ перепискѣ историческія занятія Екатерины, считаемъ не лишнимъ привести здѣсъ нѣкоторые, высказанные ею по разнымъ поводамъ, общіе взгляды на этнографію, исторію и будущность русскаго народа. Такъ, получивъ еще въ 1777 году черезъ Шувалова сочиненіе Неккера о торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ, она говоритъ Гримму, что включила это сочиненіе въ число своихъ классическихъ книгъ, удостоивая его чести отмѣтокъ краснымъ карандашемъ, и прибавляетъ: «Я очень люблю главу, начинающуюся на стр. 136, особливо то, что онъ говоритъ о сѣверѣ; не могу только съ нимъ согласиться. Не бывъ никогда на сѣверѣ, онъ не довольно знаетъ его особенности, судитъ слишкомъ рѣзко и обобщаетъ слишкомъ неопредѣленно. Еслибъ я знала Неккера, я въ иномъ вступила бы съ нимъ въ споръ. Напримѣръ, я бы сказала ему: сѣверныя страны имѣютъ и южныя провинціи, самыя плодородныя и ни въ чемъ не похожія на берега Ледовитаго моря. Если эти берега мало населены, знайте что въ другихъ мѣстахъ земли не хватаетъ. Терпѣніе: черезъ нѣсколько лѣтъ вы увидите карты Россіи, которыя дадутъ о ней вѣрное понятіе; много такихъ ошибокъ происходитъ отъ того, что столицы построены подъ непривѣтливыми небесами»[2])…. «Я люблю страны еще невоздѣланныя», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ: «вѣрьте мнѣ, это лучшія страны. Я вамъ повторяла тысячу разъ: я годна только въ Россіи, помните это. — Въ другихъ странахъ уже не найдешь священной природы (sancta natura); все столько же искажено, сколько чопорно»[3]).

Во время волненій въ Крыму, вызванныхъ подстрекательствомъ западныхъ державъ, особливо Франціи, и при заключеніи

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 639.
2) 66.
3) 70.

Тешенскаго мира Екатерина писала въ 1779 году: «Вы согласитесь со мной, что въ вознѣ съ Марабу у меня будетъ болѣе работы чѣмъ когда-либо. На Россію угрожаетъ свалиться весьма толстый in-quarto [1]), наполненный тысячами вещей о которыхъ слѣдовало бы забыть, чтобъ машина могла итти сама, силою ей даннаго толчка столько же въ головахъ какъ и въ книгахъ; это такъ и будетъ, когда дѣло будетъ устроено просто и естественно, такимъ образомъ чтобъ всякій предметъ стоялъ именно тамъ гдѣ надо, не мѣшая другому. Вотъ развитіе сотворенія міра, которое не можетъ быть разстроено однимъ толчкомъ» [2])…. «Надо сознаться, что у васъ иногда странныя мысли», писала государыня Гримму въ 1782 году: «Вотъ вы мнѣ пишете диссертацію, чтобъ сдвинуть меня съ сѣвера, Богъ знаетъ куда. Да кто же занимаетъ сѣверъ, если не мы, которые отъ Риги до Камчатки составляемъ поясъ вокругъ сѣвернаго полюса? Мои сосѣди Китайцы называютъ себя *Серединной Имперіей*; я ни о чемъ не спорю, я ихъ тамъ оставляю, но зачѣмъ же мой многострадальный хлопочетъ о томъ, чтобъ перемѣстить меня? Кого же онъ поставитъ на мое мѣсто? И зачѣмъ говорить сѣвернымъ людямъ о востокѣ, который до нихъ не касается» [3])? Вскорѣ послѣ того государыня пишетъ: «Такъ какъ вы мнѣ столько твердите о границахъ имперіи, я должна съ вами поговорить о восьмидесяти и болѣе народахъ, обитающихъ въ этой имперіи. Только что вышла по этому предмету книга одного профессора академіи, по имени Георги [4]), самая любопытная въ мірѣ, потому что въ ней описаны всѣ жилища отъ Мраморнаго дворца до пещеры, и точно такъ же соединены въ ней всѣ вѣрованія и секты, такъ что вамъ стоитъ только пріѣхать къ намъ, чтобъ узнать о постройкахъ, языкахъ и вѣрова-

[1]) Намекъ на акты Тешенскаго мира.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 139.

[3]) 246.

[4]) Іоаннъ Готлибъ Георги, профессоръ естественной исторіи и химіи въ Академіи наукъ, напечаталъ въ 1782 году второе изданіе своего сочиненія Beschreibung sämmtlicher Rußland bewohnender Völkerschaften. Эта книга была издана также въ переводахъ русскомъ и французскомъ.

ніяхъ все что вамъ только пожелается: вы все тамъ отыщете. Но такъ какъ вы руководите востокомъ и сѣверомъ, съ вашимъ прекраснымъ способомъ доказательствъ, вы Богъ знаетъ что́ докажете. Но госпожа Сибилла вина не пьетъ» [1]).

Въ 1791 году, говоря о Мирабо и его чудовищности, какъ человѣка, государыня высказываетъ такое сужденіе: «Надо бы перелистовать страницы исторіи, чтобъ увидѣть, была ли какая-нибудь страна спасена кѣмъ-либо инымъ, какъ человѣкомъ истинно *великимъ*, и смотря по этому открытію, я предсказала бы что́ будетъ съ Франціей. Вотъ Персія болѣе пятидесяти лѣтъ разрушается, и такой спаситель еще не являлся. Россія, при пресѣченіи рода Рюрикова, была спасена отъ сорокалѣтняго междоусобія тремя людьми: однимъ богатымъ, другимъ мужественнымъ, третьимъ искуснымъ политикомъ, и эти трое обладали всѣми нужными качествами, чтобъ имѣть успѣхъ въ свое время. Только что первый князь изъ дома Романовыхъ вступилъ на престолъ, все кончилось, потому что не о чемъ было и ссориться, мѣсто было занято. Этому князю было только 16 лѣтъ, и отецъ его патріархъ управлялъ за него; такимъ искуснымъ для своего времени политикомъ былъ онъ» [2]).

18 сентября 1785 г.: «Я совершенно согласна съ мнѣніемъ шотландскаго пэра на счетъ Петербурга. По ходу русской исторіи обладатели сѣверной имперіи легко становились повелителями юга имперіи. Владѣтели же южные, безъ сѣвера, всегда были слабы и немощны въ своемъ могуществѣ. Но сѣверъ очень хорошо обходился безъ юга или южныхъ провинцій. Итакъ столица этой имперіи, по моему разумѣнію еще не найдена, и вѣроятно не мнѣ найти её. Но еслибъ во время шведской войны я не была здѣсь, намъ надо бы болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ лишняго войска, чтобъ защититься отъ этого стремительнаго нападенія. Аналогія бычачьей кожи имѣетъ нѣсколько истолкованій:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 261.
[2]) 520, 521.

мое — вотъ какое: когда восточный властелинъ сѣлъ въ серединѣ, то всѣ четыре конца кожи поднялись разомъ»[1]).

Финансовые взгляды Екатерины отличались простотой и видимымъ желаніемъ оградить Россію отъ европейской спекуляціи и установить въ ней кредитъ самостоятельный, сообразный съ ея гораздо менѣе сложными формами жизни, чѣмъ на западѣ Европы. Она не любила также никакихъ внутреннихъ стѣсненій торговли, никакихъ мелкихъ фискальныхъ пошлинъ, монополій и особливо никакой эксплуатаціи русскихъ богатствъ иностранцами. Однако пользу нѣкоторыхъ пошлинъ, установленныхъ съ цѣлями благодѣтельными для страны, она признавала, и жалѣла напримѣръ объ уничтоженіи городского акциза при Елисаветѣ, о чемъ писала Гримму еще въ 1776 г.: «Я не расположена къ стѣсненіямъ, однако полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ были установлены во избѣжаніе важныхъ неудобствъ, и весьма неосторожно и дерзко къ нимъ прикасаться. У насъ, напримѣръ, городскіе акцизы были уничтожены въ царствованіе покойной императрицы Елисаветы, и изъ этого вышло, что все равно стало жить въ деревнѣ или въ городѣ по отношенію къ дороговизнѣ. Это привлекло множество народа въ города, дороговизна оттого увеличилась, но никто не хотѣлъ возвратиться въ деревню, входили въ долги и разорялись, а деревни опустѣли, и дѣло было уже непоправимо. Вы знаете чтó можетъ произвести неограниченная свобода въ вывозѣ хлѣба и проч. Я вамъ привожу только факты и не хочу входить въ умозаключенія»[2]). Когда въ 1778 году Гриммъ совѣтовалъ дать какую-то исключительную торговую привилегію одной голландской компаніи въ Россіи, государыня отвѣчала: «Я не особенно люблю предпріятія этого рода. Русскія гавани открыты для всѣхъ, кому желательно въ нихъ торговать, вотъ и все. Я страшно боюсь монополій, не люблю все регламентировать, а еще менѣе стѣснять. Предпріятія такого рода рискованы, съ подоб-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 648, 649.
[2]) 44.

ными компаніями всегда много возни. Я какъ Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ»: у меня есть кое-какія маленькія правила которыхъ я держусь и которыя прилагаю съ извѣстнымъ разнообразіемъ[1]). Ваши финансовыя дѣла — это искуство, котораго я не понимаю. У насъ всякая община платитъ свои подати два раза въ годъ въ уѣздное казначейство. У насъ только водка на откупу. Я учредила казенныя палаты (chambres de finances) въ каждой губерніи. Казначеи имъ подчинены, и до всего этого, само собою разумѣется, что архіепископу нѣтъ никакого дѣла»[2]). 1779-го года: «Я не читала записки о торговлѣ, потому что насъ душатъ подобными произведеніями люди, которые понятія не имѣютъ о мѣстныхъ условіяхъ, а мое правило таково, чтобъ всякая торговля развивалась свободно, какъ она сама можетъ, только бы эту торговлю, какъ и все другое, не подшибать подъ ноги. Въ свидѣтели призываю послѣдствія такихъ подшибовъ, заключающіяся въ новыхъ, присланныхъ мнѣ Панкукомъ, тетрадяхъ. Я отдала предпочтеніе рецепту противъ полевыхъ мышей, потому что онъ по крайней мѣрѣ коротокъ и разуменъ, но у насъ все это считается слишкомъ мелкимъ, благодаря размѣрамъ и различію произведеній и климатовъ. Записка о Китаѣ говоритъ, что маленькая Европа и понятія не имѣетъ о неизмѣримости Китая и всего, что онъ въ себѣ вмѣщаетъ. Ну, и мы въ томъ же точно положеніи относительно васъ»[3]). «Я вовсе не люблю фискальнаго духа, ни изобрѣтенія ничтожныхъ источниковъ дохода, которые только надоѣдаютъ людямъ, а приносятъ очень мало»[4]).

Лотерей государыня не любила и не допускала у себя. Мы говорили по поводу предпріятія Бомаршэ, что она объявляла Гримму, какъ она ненавидитъ лотереи столько же внутреннія, сколько и иностранныя. О проектахъ и прожектерахъ она замѣчала при чтеніи книги Неккера, что она не любитъ ни тѣхъ, ни

1) 94. 2) 100, 101.
3) 138. 4) 338

другихъ и что изо ста проектовъ рѣдко найдешь одинъ годный и приложимый къ дѣлу [1]).

Гриммъ однако очень часто давалъ императрицѣ финансовые совѣты. Такъ банкиръ Сантини, дѣлавшій за нее расплаты въ Италіи, сообщалъ черезъ Гримма мысль объ установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Италіей по плану, имъ предложенному, и Гриммъ прибавлялъ: «Предметъ обширенъ и стóитъ вниманія, независимо отъ сбереженій, которыя мы сдѣлаемъ императрицѣ на векселя и размѣнъ; это можетъ со временемъ способствовать расширенію торговли на Черномъ морѣ. Стóитъ только вначалѣ итти потихоньку. Маленькій удачный опытъ вызываетъ другихъ на то же, и вотъ какъ былъ созданъ міръ» [2]). Въ 1781 году, по случаю паденія нашего курса за границей, онъ писалъ: «Я знаю, что конечно не покупки вашего величества, можетъ-быть и не огромное количество русскихъ путешественниковъ вліяютъ на положеніе курса; во всемъ виною эта смѣшная и гадкая война, разоряющая купеческое мореходство почти всѣхъ странъ Европы, и вынуждающая ихъ сокращать или вовсе прекращать свои обороты до заключенія мира. Чортъ побери воинствующихъ!.. Но пока осуществится это благое дѣло, многострадальный мечтаетъ въ своей мурьѣ о способахъ поднять курсъ, не дожидаясь мира. Я уже видѣлъ съ удовольствіемъ, что ваше величество дозволили вывозъ поташу: чѣмъ болѣе откроется источниковъ вывоза, тѣмъ ближе будутъ къ лѣкарству. Графъ Шуваловъ утверждаетъ, что вывозъ мѣди не представитъ никакого неудобства, а напротивъ, большія выгоды. Такъ какъ повѣтріе подбивать суда мѣдью сдѣлалось общимъ въ королевскихъ и военныхъ флотахъ, то навѣрное эта отрасль торговли должна имѣть значительное примѣненіе. Я, въ качествѣ мухи императорской кареты, желалъ бы сдѣлать заемъ въ Голландіи и можетъ-быть въ Генуѣ, не имѣя другой цѣли, какъ предупредить паденіе курса;

---

[1]) 372.

[2]) Письма Гримма 80.

а такъ какъ при заключеніи мира этотъ курсъ непремѣнно возвысится пропорціонально своему паденію, я выбралъ бы эту минуту для возвращенія капиталовъ. Императрица можетъ-быть скажетъ мнѣ: «Многострадальный, кто просилъ тебя нести вздоръ о курсѣ и надоѣдать мнѣ твоимъ вздоромъ»? Кто мнѣ это позволилъ, государыня? Развѣ я даромъ коллежскій совѣтникъ, и не въ самомъ ли существѣ совѣтника давать совѣты вкривь и вкось»?[1]) Этому италіянскому банкиру Сантини, о которомъ упоминалось выше, Рейфенштейнъ черезъ Гримма старался выхлопотать титулъ консула, или банкира ея императорскаго величества. Государыня отвѣчала: «О, объ этихъ титулахъ банкира и консула лучше не говорите мнѣ. Мы имѣемъ дѣлá съ цѣлой Европой и наши титулы будутъ похожи на тѣ, которые жалуетъ курфирстъ Кёльнскій то есть люди станутъ бѣгать отъ тѣхъ, кто ихъ носитъ»[2]). Гриммъ не переставалъ однако заботиться о нашемъ курсѣ и писалъ: «Я все мучусь въ своемъ кабинетѣ, какъ бы поднять курсъ, но мои мученія на него нисколько не дѣйствуютъ. Графъ Шуваловъ говоритъ, что ваше величество могли бы и должны бы послать часть мѣди изъ вашего банка въ Голландію. Я этого хорошенько не разумѣю, потому что не понимаю, или не понимаю хорошенько, потому что не разумѣю. Но я, который не вижу далѣе своего носа въ этихъ дѣлахъ, желалъ бы, чтобъ императрица имѣла кассу и кассира въ Амстердамѣ. Пока размѣнъ въ Россіи былъ бы въ хорошемъ состояніи, кассиръ размѣнивалъ бы капиталы своей кассы на хорошія бумаги, которыя давали бы проценты; но только что курсъ вздумалъ бы опуститься, онъ продалъ бы свои бумаги и сталъ бы на стражѣ, чтобъ помѣшать паденію. Я полагаю, что человѣкъ умный и свѣдущій въ денежной стряпнѣ предотвратилъ бы этимъ способомъ всякое чувствительное и невыгодное измѣненіе курса, и доставилъ бы другимъ мѣрамъ, къ которымъ бы мудрость вашего величества прибѣгла, время необходимое,

[1]) Тамъ же, 116, 117.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 209.

чтобъ произвести свое дѣйствіе. Эта касса могла бы составиться сначала изъ открытыхъ займовъ, потому что, слава Богу, мы имѣемъ болѣе кредита, чѣмъ нуждъ: вотъ рѣшенія слѣпого, судящаго о цвѣтахъ. Я тоже узналъ недавно, что Франція въ состояніи доставить Россіи піастры дешевле чѣмъ Голландія» [1]).

«Оставьте курсъ въ покоѣ», отвѣчала государыня: «Нельзя всегда быть въ барышахъ. Г. Шуваловъ кричитъ о курсѣ, не имѣя другого предмета, на что излить свою желчь. Когда курсъ достаточно упадетъ, то онъ опять поднимется. Всѣ эти люди сами все на свѣтѣ дѣлаютъ, чтобъ уронить его, а потомъ кричатъ: курсъ упалъ» [2]).

Мы уже по поводу французскихъ финансовъ приводили замѣчаніе государыни, что поправленіе финансовой системы не есть дѣло одного года. Гриммъ хорошо понималъ, какую вредную роль въ финансахъ играютъ жиды, и потому писалъ о нихъ: «Это люди такого закала, о которомъ нельзя даже дать и приблизительнаго понятія нашей государынѣ, такъ какъ въ Россіи нѣтъ настоящихъ финансистовъ, ибо жиды, могущіе представлять ихъ образъ, нетерпимы въ ней» [3]).

Въ 1787 году Екатерина заключила торговый союзъ съ Франціей и такъ извѣщала о томъ Гримма: «Сего 2-го апрѣля. Я пишу вамъ тѣмъ самымъ перомъ, которымъ подписала ратификацію торговаго союза съ Франціей» [4]). О внѣшнихъ займахъ государыня всегда отзывалась неблагопріятно, даже когда говорила о чужихъ министрахъ финансовъ, напр. Калоннѣ: «Мнѣ никогда не приходился по вкусу г. Калоннъ: одни его займы должны возбуждать къ нему ненависть» [5]). Мы приведемъ еще выдержку, доказывающую какъ государыня понимала, что къ намъ ни въ чемъ нельзя прилагать мѣрку европейскую, и отклоняла пред-

---

[1]) Письма Гримма 204.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 216, 217
[3]) Письма Гримма 241.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 395.
[5]) 415.

ложенія иностранныхъ услугъ для поднятія у насъ земледѣлія, не довѣряя опытамъ, обыкновенно не приводившимъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ на нашихъ громадныхъ пространствахъ. 13-го мая 1796 года: «Боже мой, Боже мой! Когда бы вы знали какое отвращеніе я питаю къ агрономамъ и хлѣбопашцамъ, никогда не имѣвшимъ сохи въ рукахъ, что вы бы ни говорили мнѣ о г. Янишѣ и о г. Финдлэтерѣ. Вдобавокъ и русскіе крестьяне еще болѣе ихъ ненавидятъ нежели я, и не безъ причины. То, что можетъ быть пригодно на клочкѣ земли величиною съ мою комнату, не можетъ быть хорошо для громадныхъ пространствъ: у насъ привыкли имѣть безъ большихъ усилій все что нужно, и мы снабжаемъ лошадьми и скотомъ многія страны. Мы ужъ видѣли такихъ хлѣбопашцевъ изъ Англичанъ; но никто и не подумалъ подражать имъ: ни обстоятельства, ни климатъ не одинаковы. Знаете, что случилось бы съ такъ называемымъ хлѣбопашцемъ Янишемъ, еслибъ онъ сдѣлался управляющимъ казенными землями? Крестьяне убили бы его съ его хваленой агрономіей, вотъ и все: предоставьте насъ самимъ себѣ: мы болѣе воздѣлываемъ и продаемъ хлѣба, чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ, и какъ хотите вы, чтобъ обработка земли маленькой Англіи была для насъ пригодна? Это бы значило надѣть платье карлика на великана. Кромѣ того, нигдѣ народонаселеніе такъ не увеличивается въ деревняхъ и городахъ, какъ у насъ. Я не смѣю утверждать того, но вѣрно, что оно удвоилось въ мое царствованіе; у насъ умираютъ отъ объяденія, а никогда отъ голода. У насъ вовсе не видно людей худыхъ и ни одного въ лохмотьяхъ, а если есть нищіе то по большей части это лѣнивцы: Это говорятъ сами крестьяне, которые впрочемъ гостепріимны какъ нигдѣ»[1]).

Въ этой выпискѣ ясно выразилось не только сознаніе, что всякое развитіе и улучшеніе должно исходить у каждаго народа изъ него самого, изъ собственныхъ его потребностей, усилій и

[1]) 676.

опытовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нежеланіе отдавать русскаго человѣка въ школу иностранныхъ проходимцевъ, которые, за рѣдкими исключеніями, болѣе радѣютъ о своемъ карманѣ, чѣмъ объ успѣхѣ дѣла въ странѣ для нихъ чуждой.

Отъ историческихъ и финансовыхъ взглядовъ государыни мы перейдемъ къ обще-государственнымъ. Вотъ какъ судила она о прогрессѣ, когда онъ выражается не въ улучшеніи уже существующаго, а во всеобщей ломкѣ, въ стремленіи молодыхъ поколѣній превзойти своихъ предшественниковъ чѣмъ-нибудь совершенно новымъ, что такъ обуяло Францію конца 18-го вѣка и было предвѣстникомъ губительной для нея революціи: «Всѣ младшія головы въ Европѣ», говоритъ государыня, «соединились въ одну партію, такъ же какъ и головы старшія. Духъ партіи младшихъ головъ заключается въ томъ, чтобъ быть парадоксальнымъ въ отношеніи къ своимъ старшимъ, по той же причинѣ, которая часто заставляетъ дѣтей принять образъ дѣйствій совершенно противоположный тому, какого держатся родители: хотятъ дѣлать лучше, но на самомъ дѣлѣ *могутъ* дѣлать лучше только тѣ, которые имѣютъ въ себѣ средства сдѣлать лучшее, а дѣлаютъ хуже всѣ тѣ, которые, вмѣсто того чтобъ подражать хорошему, хотятъ превзойти другихъ самыми крайними парадоксами» [1]). Здѣсь кстати будетъ припомнить вѣрное сужденіе Екатерины о духѣ партій, приведенное нами по поводу Кориллы. Сожалѣя, что новый Римъ воздвигъ множество памятниковъ глупцамъ, обладавшимъ только духомъ партій, она говоритъ, что этотъ духъ производитъ и добродѣтели только модныя, а настоящія добродѣтели остаются въ тѣни и теряютъ цѣну. «Это конечно средство имѣть людей *какихъ хочешь*, но никакъ не способствуютъ къ проявленію *великаго*», прибавляетъ государыня [2]).

Вотъ мнѣніе государыни о системахъ и страсти къ доктринѣ: «Тотъ, кто создаетъ системы, старается включить въ нихъ и то, что хорошо сходится, и то, что вовсе не сходится, а потомъ са-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 127.
2) 56.

молюбіе переходитъ въ любовь къ системѣ, чтó порождаетъ упрямство, нетерпимость, преслѣдованіе, всю дрянь, отъ которой мой учитель (Вольтеръ) совѣтуетъ воздерживаться»[1]).

Взглядъ Екатерины на восемнадцатый вѣкъ мы уже приводили, такъ же какъ и ея мнѣніе, что подражатели великихъ людей почти всегда искажаютъ ихъ мысли и что во Франціи желавшіе писать какъ Вольтеръ, не имѣя его генія, думали, что достаточно красиво обдѣлывать фразу и вкривь и вкось дерзко судить обо всемъ. «Не пишите сильно», восклицаетъ она, «когда не имѣете духа силы, не пишите смѣло, когда не обладаете ни геніемъ, ни пріятностью» [2]). «Да», говоритъ она, въ другомъ мѣстѣ, «много дурныхъ дѣлъ, а между прочимъ и святая инквизиція запачкали 18-й вѣкъ. Но что дѣлать, міръ ужъ таковъ, что онъ немногаго стóитъ; покойный пасторъ Вагнеръ говорилъ: — «На половину — все наслѣдственный грѣхъ! —» [3]) Послушайте: я нахожу, что свѣтъ становится гораздо менѣе чувствителенъ къ достоинству вообще и даже къ великому достоинству, и мнѣ кажется, что всѣ дрянные писатели, принимающіе фразу за дѣло, злость за остроуміе и отвлеченныя умствованія за геніальность, не мало способствовали такому упадку» [4]).

Мы уже говорили какъ Екатерина сожалѣла, что подъ личиной просвѣщенія люди съ кривымъ и превратнымъ умомъ бросаютъ среди общества ложные взгляды и понятія и болѣе портятъ чѣмъ просвѣщаютъ. (См. выше стр. 37).

Но особенно разочаравалась она въ своемъ вѣкѣ послѣ ужасовъ французской революціи: «Я вчера вспомнила», говоритъ она въ 1794 г., «что вы мнѣ говорили не разъ: — этотъ вѣкъ есть вѣкъ приготовленій. А я прибавлю, что приготовленія эти состояли въ томъ, чтобъ приготовить грязь и грязныхъ людей разнаго рода, которые производятъ, производили и будутъ производить безконечныя несчастія и безчисленное множество не-

---

1) 217. 2) 193.
3) 124. 4) 221, 222.

счастныхъ» [1]). О второй половинѣ 18 вѣка говорится, что это царство Сатаны на землѣ».... «Половина изъ всѣхъ оставшихся на землѣ людей — сумасшедшіе или бѣшеные. Живите-ка съ этими людьми, если можете» [2])! Объ упадкѣ французской литературы государыня соболѣзновала не разъ и писала въ 1782 году: «Бѣдные люди (т. е. Людовикъ XVI)! У нихъ нѣтъ ни одной книжки, на которую можно бы указать, съ тѣхъ поръ какъ умеръ мой учитель. Жалкія, спутанныя головы и мудрые пустомели съ мастерами на всѣ руки, ничему не учившимися основательно и однако выдающими свои разнообразныя ребячества за послѣднее слово мудрости, — вотъ эти-то у него во множествѣ! Право чудный вздоръ былъ у нихъ читанъ на публичныхъ, ученыхъ собраніяхъ въ маѣ или началѣ іюня. Благослови Боже этихъ несравненныхъ мастеровъ! У насъ былъ два года тому назадъ бравый и честный человѣкъ, который падалъ въ обморокъ, когда ему читали глубокомысленно ученый вздоръ, казавшійся ему неперваримымъ» [3]).

Вотъ какъ Екатерина въ 1791 году взглянула на готовившуюся французскую конституцію, которую считали способною уврачевать всѣ раны и умиротворить возбужденныя народныя страсти: «Лучшая изъ конституцій не стоитъ дьявола, потому что она дѣлаетъ гораздо болѣе несчастныхъ, чѣмъ счастливыхъ, что прямые и честные люди отъ нея страдаютъ и только для злодѣевъ она выгодна, такъ какъ имъ наполняютъ карманы и никто ихъ не наказываетъ. Вотъ образецъ, который предлагается къ подражанію цѣлой Европѣ; но прежде она, кажется, должна сойти съ ума. Да извинятъ меня французскіе демократы, но ими овладѣло безуміе» [4]). Всѣ эти слова получаютъ еще бóльшій вѣсъ въ устахъ государыни, которая во дни своей молодости сама вѣровала въ силу и справедливость началъ, приведшихъ Францію къ прискорбнымъ крайностямъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе Екатерины объ адвокатахъ, — учрежденіи, которому она

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 601. 2) 516.
3) 247. 4) 539.

приписывала бѣдствія французской революціи. Вотъ что она говоритъ о нихъ въ 1790 году: «Противъ ябедниковъ во всѣхъ странахъ придумываютъ законы, и даже очень строгіе, а во Франціи эти шавки возведены въ роль законодателей. Эта сволочь похожа на маркиза Пугачева, про котораго я всегда говорила, что никто лучше его самого не знаетъ какой онъ злодѣй. Эти адвокаты, сообразжаясь съ тѣмъ когда и какъ имъ заплатили, поддерживаютъ то правду, то ложь, то справедливое, то несправедливое. Я бы прежде всего удалила этихъ людей и не стала бы бороться по частичкамъ съ тѣмъ, что они натворили или творятъ; это пришло бы послѣ, но говорятъ, что хозяину [1]) нравится эта буржуазія. Жаль Государства и людей здравомыслящихъ! Что до толпы и ея мнѣній, то имъ нельзя предавать большаго значенія [2]). Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая Гримму, какъ щедро она награждаетъ заслуги отечеству, Государыня прибавляетъ: «Главная тому причина, что адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуютъ, и никогда законодателями не будутъ, пока я жива, а послѣ меня будутъ слѣдовать моимъ началамъ» [3]). О юстиціи государыня говорила, что она любитъ только ту, «въ которой каждый поставленъ судьею» [4]), то есть прямо сознавала необходимость гласнаго суда.

Въ 1793 году, когда Гриммъ, уже удрученный несчастіями, конечно самъ сознавалъ, что легкомысленныя ученія философовъ 18 вѣка были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій Франціи, государыня, вѣроятно желая мысленно защитить Вольтера, отвѣчала ему: «Послушайте! на первыя двѣ страницы вашего № 65 я скажу вамъ, что французскіе философы, которыхъ обвиняютъ, что они подготовили французскую революцію, впали только въ одну ошибку. Они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей, а вмѣсто того прокуроры, адвокаты и

---

[1]) Людовику XVI.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 489.
[3]) 497.
[4]) 382.

всѣ злодѣи, прикрываясь ихъ принципами, и подъ этимъ плащемъ, который они впрочемъ скоро сбросили, производили все, что только возмутительнѣйшее нечестіе могло придумать самаго неистоваго. И эта парижская сволочь, порабощенная самыми звѣрскими преступленіями, смѣетъ называть себя свободною, тогда какъ она никогда не испытывала болѣе жестокой и безсмысленной тиранніи» [1]).

«Вы правы», говоритъ государыня Гримму въ 1794 году, разсуждая о свободѣ и власти, «вы правы, что никогда не хотѣли быть причтены къ иллюминатамъ, мечтателямъ и философамъ, потому что у нихъ всѣхъ, какъ доказываетъ опытъ, была одна цѣль—разрушать. Но что бы они ни говорили и ни дѣлали, міръ никогда не обойдется безъ власти и все-таки лучше для него временное неразуміе *одного*, чѣмъ безуміе *множества*, приводящее двадцать милліоновъ людей въ ярость за одно слово *свобода*, которой они не имѣютъ и тѣни и за которою эти безумцы бѣгутъ, никогда ее не достигая» [2]).

О постоянномъ и всеобщемъ мирѣ Екатерина высказываетъ слѣдующее сужденіе: планъ постояннаго мира — это прекрасная мечта, способная опоить водою не одну посредственную голову, но кто же, будучи хозяиномъ у себя, и имѣя свою собственную шапку, потерпитъ, чтобъ ему воткнули голову въ шапку, куда всунуто ужъ нѣсколько головъ, которыя всѣ сталкиваются и вѣчно будутъ сталкиваться?» [3]).

Въ прекрасныхъ строкахъ вылился взглядъ ея на силу нравственнаго вліянія и на истинную славу: «Въ жизни моей я не полагала славы въ дѣйствіяхъ всего болѣе превозносимыхъ. Всякій превозноситъ или не превозноситъ, смотря по собственному интересу. Но не здѣсь правда! Мнѣ нравится та слава, которая часто менѣе всего превозносится. Это та слава, которая

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 587.
[2]) 593.
[3]) 514.

не только въ настоящемъ производитъ благо, но создаетъ въ будущемъ безчисленныя поколѣнія добрыхъ! Эта слава посѣвается иногда однимъ словомъ, одной строчкой, прибавленной или убавленной. Это та слава, которой самые ученые люди иногда ищутъ съ фонаремъ въ рукѣ, и, наткнувшись на нее носомъ, ничего не понимаютъ въ ней, если у нихъ недостаетъ генія, способнаго къ развитію. Ахъ, милостивый государь, одна капля такой славы затмеваетъ въ глазахъ моихъ всѣ маленькія славы, о которыхъ говорятъ мнѣ» [1]).

Размышляя о дѣлахъ, вокругъ нея происходившихъ, Екатерина говоритъ: «На свѣтѣ все идетъ постарому, будетъ итти какъ шло, а шло такъ же какъ идетъ теперь» [2]). Еслибъ вы мнѣ объяснили, что такое этотъ міръ, вы бы очень меня одолжили. Г. Александръ спрашивалъ меня о томъ уже не разъ» [3]). О загадочности самого человѣка у нея вырывается слѣдующее размышленіе: «Я часто опускаю голову на все что дѣлаю, потому что человѣкъ — существо, на дѣянія котораго не стóитъ слишкомъ обращать вниманія, такъ какъ мы сами не очень хорошо понимаемъ, что мы такое» [4]).

О значеніи верховной власти въ выборѣ государственныхъ людей, призванныхъ окружать престолъ, также высказаны замѣчательныя мысли: «Скажите мнѣ, многострадальный, выбиралъ ли какой другой государь своихъ министровъ и прочихъ чиновниковъ болѣе съ голоса общества, чѣмъ Людовикъ XVI? А мы видѣли, чтó случилось. По-моему ни одна страна не имѣетъ недостатка въ людяхъ: дѣло не въ томъ, чтобъ ихъ искать, а въ томъ, чтобъ умѣть употреблять тѣхъ, кто подъ рукою. Про насъ постоянно говорили, что у насъ недостатокъ въ людяхъ: несмотря на это, все дѣлалось. У Петра Великаго были такіе сподвижники, которые не умѣли ни читать, ни писать. И развѣ дѣла шли дурно? Стало-быть, нѣтъ недостатка въ людяхъ: ихъ множество, но надо

---

[1]) 165, 166. [2]) 184
[3]) 241. [4]) 160.

умѣть управлять ими. Все пойдетъ, когда будетъ та сила, которая двигаетъ. Какъ поступаетъ твой кучеръ, многострадальный, когда ты засядешь въ карету?[1]... Конечно, людей съ достоинствомъ довольно во всякое время, потому что люди совершаютъ дѣла, а дѣла образуютъ людей. Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые мнѣ служили и по большей части служили хорошо. Кромѣ того я въ иное время люблю людей новыхъ. Они очень пригодны *вмѣстѣ* съ самыми старыми и *возлѣ* нихъ: Это новые собесѣдники, которые, когда кстати брошены на сцену, только оживляютъ дѣйствіе и мѣшаютъ ржавчинѣ останавливать колеса. Это также шпоры для иноходцевъ»[2]... Еще гораздо ранѣе, въ 1782 году, Екатерина открываетъ намъ тайну того счастливаго выбора людей, который прославилъ ея царствованіе: «Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что чье-нибудь достоинство можетъ испугать меня. На противъ, я бы желала имѣть вокругъ себя однихъ героевъ, и я все на свѣтѣ употребляла, чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ я видѣла малѣйшее къ тому призваніе»[3]... «Я люблю, когда достоинство получаетъ доброе, хорошее мѣсто, такъ какъ Богъ намъ свидѣтель, что мы, круглые невѣжды, не имѣемъ никакой особенной склонности къ дуракамъ на высокихъ мѣстахъ, а ихъ много на этомъ свѣтѣ, и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается»[4]).

Вотъ какъ она разсуждаетъ о счастіи и несчастіи по поводу гибели французскаго короля, который, по ея мнѣнію, самъ способствовалъ торжеству порока, злобы и всѣхъ ужасовъ, которые ихъ сопровождаютъ: «Каковы средства, таковъ и результатъ. Счастье и несчастье каждаго въ характерѣ человѣка. Этотъ характеръ заключается въ правилахъ имъ принятыхъ. Успѣхъ же — въ выборѣ средствъ, употребленныхъ для достиженія цѣли; если человѣкъ колеблется въ своихъ правилахъ, если онъ оши-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 607, 608.
[2]) 624.
[3]) 255.
[4]) 409.

бается въ средствахъ имъ избранныхъ, то въ планахъ его ужъ не можетъ быть послѣдовательности. Путь же людей порочныхъ долженъ быть гораздо труднѣе, такъ какъ имъ, кромѣ труда, положеннаго на предпріятіе, необходима еще маска, чтобъ прикрыть его... Но я начинаю чувствовать, что я похожа на Шаха-Багама, который всегда оканчивалъ свои разсужденія словами:—не моя вина, если вы меня не понимаете, а я самъ себя очень хорошо понимаю»[1]). О людяхъ, дѣйствующихъ интригой черезъ другихъ, искусно скрываясь за ними, Екатерина говорила, что она ихъ очень хорошо понимаетъ, и разъ полученное ею впечатлѣніе никогда не сглаживалось: «Вы вполнѣ правы, что у меня голова не податливая», говоритъ она: «когда какая-нибудь личность меня поразила, то, будь ихъ хоть тридцать того же имени, я приписываю всѣ ихъ дѣянія, если они не ясно обрисовываются, тому, кто ударилъ по наковальнѣ»[2]).

Какъ твердая и энергическая представительница верховной власти, Екатерина не любила слабости и безначалія, и приводитъ Гримму слѣдующую пословицу въ поученіе: «Котъ изъ дому, мыши расплясались по столамъ и стульямъ; котъ домой, и мыши попрятались въ норы», и другую поговорку: «Часто надо только ногой топнуть, и все придетъ въ порядокъ»[3]).

Правило государыни сохранять присутствіе духа и не унывать ни въ какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ выражено ею такъ: «Древніе полагали высшее мужество въ томъ, чтобъ переносить и исправлять несчастія; тутъ-то обнаруживали они истинное величіе души и сильный закалъ своего ума и характера. Современные герои должны бы имъ подражать, они должны бы питать душу чтеніемъ древнихъ. Это бы ихъ укрѣпляло и поддерживало въ нихъ необходимыя качества для великихъ дѣлъ»[4]).

Отзывы императрицы объ усердіи русскаго народа, его послушаніи голосу порядка, его покорности Промыслу, о храбрости

---

1) 595, 596. 2) 163.
3) 596. 4) 496.

и стойкости русской арміи приведены будутъ нами въ послѣдней части нашего труда по поводу войнъ шведской и второй турецкой. Здѣсь же въ заключеніе очертимъ взглядъ императрицы на русскую православную Церковь.

Несмотря на вліяніе французскихъ философовъ, особливо въ молодые годы, государыня во всей своей перепискѣ является искренно вѣрующею. На циническія выходки Гримма противъ религіи она отвѣчаетъ почти всегда глубокимъ молчаніемъ. Духъ христіанства она понимаетъ во всей его чистотѣ, какъ ученіе любви къ ближнему по преимуществу, о чемъ свидѣтельствуетъ весь характеръ ея отношеній къ людямъ и то, какую цѣну она придаетъ добротѣ сердечной. Христіанство — это «бѣдность и любовь», опредѣляетъ она его, говоря о пышности папскаго двора. Въ нашей русской церкви она охуждаетъ только суевѣріе, характеръ праздности въ монастыряхъ и ихъ управленіе: то черезъ чуръ плохое, то слишкомъ хорошее въ смыслѣ эгоистическомъ и мало христіанскомъ. По веселости своего характера она иногда шутитъ надъ нѣкоторыми черезъ чуръ первобытными сторонами въ нравахъ духовенства, напримѣръ надъ тѣмъ, что архіерейскіе дома рѣдко провѣтриваются. Во время посѣщенія Воскресенскаго монастыря, иначе Новаго Іерусалима около Москвы, императрица писала въ 1775 году: «Пишу вамъ, сидя на диванѣ настоятеля этого монастыря, то есть, выражаясь учтиво — празднаго человѣка. Я подозрѣваю, что это мѣсто никакого вліянія на воображеніе не имѣетъ, и вотъ мое доказательство: этотъ монастырь до сихъ поръ не славился ни явленіями, ни особенными чудесами. Онъ довольствуется прекрасными зданіями и совершеннымъ сходствомъ своимъ съ храмомъ Св. Гроба Господня въ Іерусалимѣ; по этой причинѣ большое количество любопытныхъ посѣщаетъ его, и такъ какъ монахамъ есть что показать, то они только и дѣлаютъ что разсказываютъ. Можетъ-быть вы полюбопытствуете узнать, милостивый государь, отчего я вамъ пишу: тому причиною праздность, такъ какъ у меня рѣшительно нѣтъ съ собою ни одной бумаги и никакого дѣла, и все для того, чтобъ я могла на-

слаждаться полнымъ бездѣльемъ. Но, увидѣвъ у себя на столѣ хорошее перо, очень чистенькую чернильницу и бѣлую бумагу, я поддалась демонскому искушенію, потому что пословица гласитъ: «случай создаетъ вора»[1]).

Вообще императрица не очень жаловала монастыри, особливо католическіе, и нельзя упустить изъ виду, что въ эту эпоху наши монастыри подпали нѣсколько подъ вліяніе католическаго духа стяжанія и мало по малу уклонились отъ своего первоначальнаго характера — строгаго смиренія и подвижничества. Мы уже приводили одно мѣсто ея письма, гдѣ она объясняетъ Гримму, какъ высоко цѣнитъ въ архипастырѣ доброту сердечную, но въ другомъ мѣстѣ она еще поясняетъ эту мысль: «люди съ добрымъ сердцемъ и обширнымъ умомъ скорѣе принимали истину христіанскую, нежели глупцы и злые люди: причину тому я ищу въ нравственномъ ученіи о любви къ ближнему»[2]). Обряды церкви Екатерина исполняла съ усердіемъ и когда Гриммъ позволялъ себѣ издѣваться надъ ними, она горячо ихъ отстаивала, исправляла его предубѣжденія и лжетолкованія. Но къ ханжеству и лицемѣрію Екатерина чувствовала искреннее отвращеніе и боролась всѣми силами съ ханжами и обманщиками, употреблявшими набожность орудіемъ для достиженія цѣлей человѣческихъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ ея отзывы о гр. Караманѣ, объ Ив. Ив. Шуваловѣ, ея споры съ масонами и духовидцами, наконецъ ея рѣшимость перенести эту борьбу на театръ, чтобъ изобразить ее нагляднѣе. Присутствованіе св. Синода на этихъ представленіяхъ не можетъ быть предметомъ соблазна, когда мы вспомнимъ, что Екатерина была движима высокой мыслію защиты правовѣрія отъ всякихъ западныхъ лжеученій, врывавшихся къ намъ изъ просвѣщенной и всегда неблаговолившей къ намъ Европы и на которыя наше такъ называемое образованное общество всегда было такъ падко. Мы уже приводили поразительно вѣрныя мысли

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 34.
[2]) 272.

ея, что *ханжество дѣлаетъ душу задхлою* и что *ханжи никогда себя не забываютъ*. Передъ чистотою же православнаго ученія, которое она признавала истинно апостольскимъ и не искаженнымъ страстями и ошибками человѣческими, Екатерина глубоко преклонялась. Такъ у нея невольно вырвалось въ одномъ изъ наиболѣе задушевныхъ писемъ къ Гримму: «Вы хорошо дѣлаете, что любите греческое исповѣданіе. Оно первое въ мірѣ! Перейдите въ греческую церковь». О широкой терпимости православнаго ученія она говорила, что мать Святая Греческая Церковь во всѣхъ видитъ людей и всѣхъ принимаетъ въ свое лоно (см. выше II, стр. 60). Въ концѣ же своего царствованія, утомленная зрѣлищемъ продолжительныхъ европейскихъ войнъ и коварства, отличавшаго взаимную политику государствъ, Екатерина опять восклицаетъ: «Предлагаю всѣмъ протестантамъ присоединиться къ Греческой Церкви, чтобъ предохранить себя отъ языческаго безвѣрія, безнравственнаго, анархическаго, злодѣйскаго и дьявольскаго, враждебнаго Богу и престоламъ. Наша церковь одна апостольская и истинно христіанская. Это дубъ съ глубокими корнями»[1]).

Филологія, словари, пословицы.

Въ связи съ историческими трудами Екатерины является въ ней интересъ къ филологическимъ занятіямъ, обнаруживающій не только изумительную многосторонность, но и проницательность ея ума, такъ какъ она своими филологическими трудами, хотя слабыми въ научномъ отношеніи, выдвинула однако впередъ вѣрную мысль о важности сравнительнаго языкоученія, что̀ признавали заграничные ученые критики, отнесшіеся къ ея предпріятію серьёзно и безпристрастно. Подробная оцѣнка этихъ трудовъ Екатерины сдѣлана нами въ статьѣ: «Филологическія занятія Екатерины II»[2]); здѣсь мы напомнимъ только сущность этого изслѣдованія.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 597.
[2]) *Русскій Архивъ* 1877 г., кн. IV.

Интересъ къ филологическимъ соображеніямъ пробудился въ Екатеринѣ еще въ то время, когда она была великой княгиней, конечно болѣе всего при изученіи русскаго языка. Уже тогда она приглашала бывшаго въ Петербургѣ пасторомъ британской факторіи Дюмареска составить общесравнительный словарь, опытъ, который и явился подъ заглавіемъ *Comparative vocabulary of the Eastern languages*, но къ сожалѣнію нигдѣ не сохранился, потому что вѣроятно былъ изданъ въ маломъ количествѣ экземпляровъ. Мысль о составленіи общесравнительнаго словаря съ особенной живостью возобновилась въ умѣ императрицы въ эпоху потери Ланского, лѣтомъ 1784 года, когда печаль заставила её искать развлеченія въ какомъ-нибудь новомъ и постоянномъ занятіи. Незадолго до того прислано было государынѣ знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе умершаго въ 1784 году Куръ-де-Жебеленя. Особенно заинтересовала императрицу смѣлая мысль этого ученаго, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного кореннаго. Ей показались славянскими многія слова, которыя авторъ выдавалъ за кельтскія, и, предполагая во многихъ случаяхъ связь съ языками и нарѣчіями, употребительными въ обширномъ русскомъ царствѣ и отчасти только въ немъ, она захотѣла познакомить ученыхъ съ такими языками, которые были имъ еще неизвѣстны. Кромѣ этой заманчивой мысли, Екатерину могло побуждать и желаніе сдѣлать для науки что-нибудь такое, что далеко превышало бы средства частнаго человѣка. Подъ вліяніемъ этихъ размышленій государыня начинаетъ сама составлять словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ и осенью 1784 г. пишетъ Гримму: «Я велѣла доставить себѣ столько лексиконовъ различныхъ языковъ, сколько можно было отыскать ихъ, между прочимъ: финскій, черемисскій, вотяцкій, и всѣ мои столы ими завалены; кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ, и скоро буду въ состояніи доказать, что они дали имена большему числу рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и мѣстностей Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странъ»[1]).

[1]) 318.

Что впрочемъ государынѣ еще ранѣе смерти Ланского приходило на мысль заниматься филологіей, какъ наукой соприкасавшейся съ ея историческими и лѣтописными разысканіями, видно изъ слѣдующихъ строкъ, писанныхъ еще весною того же года: «Такъ какъ вы придаете большое значеніе моимъ способностямъ къ этимологіи, вы получите этимологическій рагу, который чего-нибудь да стóитъ, но только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ онъ едва явился на русскомъ языкѣ, а переводъ возьметъ время» [1]). Даже въ концѣ 1783 г. мы уже видимъ первые слѣды занятій ея корнесловіемъ и попытки объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ на различныхъ языкахъ.

Но со смертью Ланского потребность, по собственному выраженію императрицы, *утопить* свое горе въ умственныхъ занятіяхъ, заставила её усидчиво заниматься приготовительными работами къ задуманному словарю. До чего разнообразны и часто серьёзны были ея чтенія, тому свидѣтельство находимъ мы на каждомъ шагу. Такъ въ ту же осень 1784 года она пишетъ: «Прошу васъ взглянуть на приложенные листки: они были написаны послѣ прочтенія исторіи астрономіи г. Бальи; онъ много говоритъ въ этомъ сочиненіи о первобытномъ народѣ, который будто бы существовалъ въ Сибири. Книга его произвела то, что мы начинаемъ дѣлать разысканія, которыя могли бы пролить свѣтъ на его предположеніе, одинаковое съ мнѣніемъ г. Бюффона. Если тотъ и другой поинтересуются тѣмъ, что заключается въ этихъ листкахъ, вы можете сообщить имъ эти слабые опыты. Если эти господа пожелаютъ прислать намъ свои вопросы, доставьте ихъ мнѣ. Но вотъ это для васъ однихъ, потому что оно можетъ-быть не довольно основательно: — Салійцы и законъ Салическій, Хильперикъ I, Кловисъ и весь родъ Меровинговъ были Славяне, точно такъ же какъ и всѣ вандальскіе короли Испаніи; ихъ имена обличаютъ ихъ и ихъ движеніе тоже. Величайшіе враги Славянъ были

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 305.

итальянскіе монахи; они были ихъ врагами по причинѣ язычества и различія христіанскаго исповѣданія. Итакъ не удивляйтесь, если французскіе короли присягаютъ на славянскомъ евангеліи при своемъ короновании въ Реймсѣ [1]). Хильперикъ I былъ лишенъ престола за свое желаніе, чтобъ Галлы, принявшіе римскую азбуку, прибавили къ ней три буквы греко-славянскія, именно Th или Ч, Х, которое произносится херъ, и Ψ, которое произносится пси.

«Еслибъ Куръ-де-Жебеленъ зналъ по-русски или по-славянски, онъ еще болѣе сдѣлалъ бы интересныхъ открытій» [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ государыня пишетъ Гримму на трехъ, четырехъ страницахъ цѣлую этимологическую диссертацію, перемѣшанную съ историческими замѣчаніями насчетъ переселенія и движенія Славянъ, связывая все это съ исторіей, особенно норманскихъ походовъ. Она говоритъ о Славянахъ, что «вездѣ куда они только приходили, они строили деревни, села и города. Стало-быть, это былъ народъ не пастушескій, не кочевой? Славяне были народъ свободный и любили свободу. Рабами были у нихъ только военноплѣнные» [3]). Точно такъ же государыня видитъ Славянъ и въ воинственныхъ Норманнахъ, потомкахъ Одина, пришедшаго съ Дона, или Танаиса. Но совершенно вѣрно помѣщаетъ она ихъ въ Саксоніи, въ Лужицѣ и въ Пруссіи, и съ запальчивостью говоритъ о Герцбергѣ: «Онъ тщится задушить историческія истины, доказывая что Славянъ въ земляхъ его короля и господина никогда не было, тогда какъ всѣ ихъ города и села носятъ имена славянскія, такъ же какъ ихъ рѣки, озера и горы» [4]). Для насъ всего драгоцѣннѣе въ этомъ

---

[1]) Такъ называемое Реймское Евангеліе, найденное первоначально въ Сазаво-эмаусскомъ монастырѣ въ Прагѣ. Въ царствованіе императора Николая оно было напечатано въ Парижѣ на счетъ русскаго правительства. Подлинникъ находится нынѣ въ библіотекѣ г. Реймса.

[2]) 321.

[3]) 325.

[4]) 331.

историко-филологическомъ увлеченіи государыни не ученая заслуга ея, но горячая любовь къ своему народу. Она вѣрила въ высокія судьбы и способности славянскаго племени, которому Европа, гордая своей цивилизаціей, отказывала въ правахъ на самостоятельное существованіе, прикрывая этотъ взглядъ обвиненіемъ ихъ въ варварствѣ и неспособности къ европейской культурѣ. Никто изъ русскихъ государей такъ ревностно и сознательно не отстаивалъ правъ Россіи на независимое отъ Европы развитіе и существованіе; никто такъ не поработалъ для этой идеи какъ Екатерина, и однимъ этимъ она уже заслужила безпредѣльную признательность Россіи и имя великой. Конечно филологическія и этимологическія догадки Екатерины были во вкусѣ любимыхъ пріемовъ тогдашней филологіи, и основывались на чисто внѣшнихъ признакахъ, но Екатерина и не придавала имъ значенія непреложныхъ истинъ. Она замѣчательно трезво судила о своей неподготовленности къ такимъ ученымъ трудамъ и даже о непригодности слишкомъ сухой научной работы для женскаго ума. Такъ у нея невольно вырывается слѣдующее признаніе: «Первобытный міръ, первобытные словари двухсотъ нарѣчій превратили меня въ существо до крайности скучное; я хотѣла свою тоску потопить въ этомъ хламѣ, а этотъ хламъ сдѣлалъ меня печальною и скучною»[1]). Въ своемъ незнаніи грамматики государыня откровенно сознается Гримму и часто шутитъ сама надъ собою. Когда онъ однажды позволилъ себѣ замѣтить, что у нея свой собственный языкъ, она отвѣчаетъ: «Знаете ли, откуда происходитъ языкъ Като́? Оттуда,—что она незнаетъ правильно ни одного языка[2]). Послушайте: не подумайте, что я, занявшись языками и грамматиками, въ дѣйствительности сдѣлалась отъ этого ученѣе. Нѣтъ, я сохранила свое невѣжество непочатымъ»[3]).

«Неотступно прошу васъ оставить мое невѣжество неприкосновеннымъ. Шталмейстеръ Нарышкинъ и я, мы невѣжды по реме-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 326.
[2]) 329, 330.
[3]) 346.

слу и своимъ невѣжествомъ приводимъ въ бѣшенство оберъ-камергера Шувалова и графа Строганова, который членъ 24-хъ академій по крайней мѣрѣ и, вдобавокъ, Россійской академіи. Отчасти, чтобъ ихъ подразнить и показать имъ, что они должны сообразовать свой русскій словарь съ мнѣніемъ невѣждъ, мы собрали словарь Богъ знаетъ во сколько языковъ, и этотъ трудъ есть трудъ невѣжественнѣйшихъ ребятъ (ignorantissimi bambinelli»[1]). Въ этомъ трудѣ Екатеринѣ помогалъ сначала иностранный ученый, берлинскій книгопродавецъ и писатель Николаи, котораго она просила составить для нея обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій, что̀ и было исполнено. Еще въ 1785 году Николаи прислалъ составленный имъ толстый рукописный фоліантъ подъ заглавіемъ «Tableau général de toutes les langues du monde etc. fait par ordre d. S. M. l'Impératrice de toutes les Russies» («Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра и пр. Составлено по повелѣнію Ея В. Всероссійской Императрицы»). Этимъ рукописнымъ трудомъ Екатерина сама пользовалась при составленіи своихъ списковъ[2]), а потомъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ, что она успѣла написать по словарю, переданъ былъ академику Палласу. Для окончанія задуманнаго словаря Екатерина избрала Палласа, какъ человѣка съ громкимъ европейскимъ именемъ, и отчасти лингвиста. Знаменитый путешественникъ уже давно собиралъ лингвистическіе матеріалы для извѣстнаго петербургскаго библіографа Лудвига Бакмейстера (издателя Russische Bibliothek), предпринявшаго трудъ однородный съ трудомъ, позднѣе задуманнымъ Екатериной. Бакмейстеръ составилъ планъ собиранія матеріаловъ для сличенія всѣхъ языковъ земного шара, но трудность дѣла и другія занятія не позволили ему исполнить это предпріятіе. Палласъ же воспользовался всѣми собранными имъ для Бакмейстра матеріалами, когда ему пришлось

[1]) 367. Извѣстно, что Екатерина въ своихъ «Быляхъ и Небылицахъ» въ шутку называетъ членовъ общества незнающихъ: ignoranti bambinelli.

[2]) Главное собраніе черновыхъ работъ Екатерины по словарю хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ.

быть исполнителемъ плана Екатерины. Онъ не могъ отказаться отъ этого почетнаго порученія, хотя оно не вязалось съ главнымъ его предметомъ, и вотъ что онъ самъ писалъ Аделунгу, въ последній годъ своей жизни: «Не мнѣ вообще слѣдовало поручать такое дѣло, но я принялъ его на себя по особенной преданности къ столь милостивой государынѣ, и долженъ былъ спѣшить изданіемъ, чтобъ не слишкомъ раздражать нетерпѣніе, съ какимъ ожидали каждаго новаго листа изъ типографіи».

Содержаніе и планъ словаря очень просты: для сравненія взято 285 русскихъ словъ, изъ которыхъ 130 помѣщено въ 1-мъ томѣ, а 155 во второмъ. Каждое русское слово поставлено въ видѣ заглавія, подъ которымъ въ одномъ и томъ же порядкѣ помѣщены переводы на 200 языковъ (при каждомъ переводѣ означено названіе языка), которые слѣдуютъ одинъ за другимъ произвольно безъ особенной системы.

Отовсюду государыня выписывала себѣ матеріалы для своего словаря. Она сообщала Гримму, что маркизъ Лафайетъ уже прислалъ ей часть своего вклада. Черезъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго она посылала въ его копорскія деревни записывать слова у тѣхъ мужиковъ, «кои себя варягами называли»; черезъ графа Безбородко отправила списокъ русскихъ словъ къ нашему посланнику въ Константинополѣ Я. И. Булгакову, чтобъ онъ «черезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или какимъ-нибудь другимъ путемъ, по своему усмотрѣнію, досталъ переводъ ихъ на абиссинскій и эфіопскій языки и на разные ихъ діалекты, и чтобъ всѣ сіи слова написаны были не только литерами, тѣмъ языкамъ свойственными, но и русскими и латинскими буквами, для показанія, какъ которое читать или произносить должно».

Когда же государыня передала трудъ Палласу, то онъ 22 мая 1785 г. поспѣшилъ издать на французскомъ языкѣ, для свѣдѣнія всей Европы, объявленіе о задуманномъ словарѣ. Въ этомъ замѣчательномъ объявленіи, которое выражаетъ конечно мысли самой государыни, развитыя и изложенныя знаменитымъ ученымъ, Пал-

лась говоритъ, что остроумныя и глубокія изслѣдованія многихъ достойныхъ ученыхъ и историковъ того вѣка придаютъ нынѣ особенную прелесть и болѣе рѣшительное направленіе наукѣ (филологіи), которая умамъ поверхностнымъ казалась до тѣхъ поръ сухою, неблагодарною и даже безплодною, и что, просматривая книгу Куръ-де-Жебеленя изумляешься блестящимъ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Но тутъ же выражается сожалѣніе, что онъ не могъ примѣнить своей методы ко всѣмъ языкамъ міра и указывается на значеніе Россіи въ отношеніи къ новымъ открытіямъ еще болѣе интереснымъ, къ громадному количеству языковъ и нарѣчій, которые заключаетъ въ себѣ эта держава не только въ европейской части своей, но также на Кавказѣ, въ Сибири, Камчаткѣ и пр. Говоря о томъ, что никто до сихъ поръ не обнималъ совокупности языковъ, онъ объявляетъ что это обширное предпріятіе, которое можетъ привести къ рѣшенію вопроса о существованіи одного первобытнаго языка, было предоставлено 18-му вѣку. Екатерина II удостоила посвятить часы своего досуга на подготовленіе начала *всеобщаго сравнительнаго глоссарія* всѣхъ языковъ. «Ея Императорское Величество», сказано далѣе «сама составила списокъ словъ наиболѣе необходимыхъ и употребительныхъ у самыхъ мало образованныхъ народовъ... По этому превосходному образцу собраны сперва всѣ языки и нарѣчія обширнаго Русскаго царства; потомъ еще большее число иностранныхъ языковъ, такъ что этотъ трудъ, продолжаемый только съ начала года, является уже выше всего, что было испробовано въ тѣхъ же видахъ, и безпрестанно еще пополняется матеріалами всякаго рода»..

На другой годъ изданъ былъ образчикъ собиранія словъ съ переводами (Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues). Этотъ образчикъ былъ разосланъ во всѣ мѣстности русской имперіи и ко всѣмъ нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, съ просьбою доставить, въ самомъ скоромъ времени, сколько можно болѣе переводовъ на малоизвѣстные языки. Въ Россіи ко всѣмъ губернаторамъ были

отправлены циркулярныя предписанія чрезъ Императорскій Кабинетъ и притомъ наказано исполнить высочайшее повелѣніе со всевозможнымъ тщаніемъ. Въ слѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частію оффиціальными переводчиками и были посылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. И посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились. Изъ Лондона, Гаги, Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Сѣверную Америку и Бразилію. Замѣчательно отнесся къ этому король испанскій, чтó и приводитъ въ одномъ изъ писемъ своихъ Екатерина. «Странная ревность короля католическаго велѣла отказать мнѣ въ словаряхъ Мексики и Перу. Они отвѣчали, что эти языки государственная тайна»[1]). И тутъ же она прибавляетъ: «Нѣтъ ни одного человѣка, противъ кого бы его такъ возстановили, какъ противъ меня, и нѣтъ страны, въ которой онъ такъ много расходовалъ бы на шпіоновъ какъ здѣсь; предоставляю вамъ судить, какъ много отъ этого пользы. Всѣ эти люди служатъ для того, чтобъ предупреждать вó-время; но, честное слово, ни король католическій и никто другой не можетъ помѣшать тому, что намъ покажется нужнымъ»[2]). Въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дѣло губернаторамъ. Ученымъ, лицамъ собиравшимся въ экспедиціи, всѣмъ были розданы списки для собиранія матеріаловъ, и собранное со всѣхъ сторонъ передано было Палласу для редакціи на первый случай отдѣла европейскихъ и азіятскихъ языковъ, который долженъ былъ состоять изъ двухъ томовъ. Тогда государыня писала Гримму: «Вотъ мой милый словарь скоро будетъ напечатанъ. Это можетъ-быть трудъ самый полезный, какой когда-либо совершаемъ былъ для всѣхъ языковъ и для всѣхъ словарей, и особливо для русскаго языка, для котораго Россійская ака-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 333.
2) 333.

демія предприняла было словарь: но на это, по правдѣ сказать, у нея не хватило знаній. А мой трудъ—это яркій свѣтильникъ и про него-то можно сказать: кто имѣетъ уши чтобъ слышать и глаза чтобъ видѣть, будетъ слышать и видѣть. А кто рожденъ слѣпымъ и глухимъ, тотъ такимъ и останется.... Когда вы будете имѣть мой словарь всѣхъ языковъ, то сдѣлаете много новыхъ открытій; сто словъ уже напечатаны на двухстахъ языкахъ; когда ихъ будетъ стопятьдесятъ, то выйдетъ первый томъ въ четвертку (in quarto)» [1]). Первый томъ, совсѣмъ отпечатанный, былъ поднесенъ императрицѣ наканунѣ ея отъѣзда въ Крымъ, 6 января 1787 года, и тотчасъ за тѣмъ вышелъ подъ заглавіемъ: «Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіятскіе языки. Часть первая. Въ С.-Петербургѣ печатано въ типографіи Шнора 1787 года». Это же заглавіе повторено и въ книгѣ на латинскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ и предисловіе, гдѣ не умолчано о личномъ участіи императрицы въ трудѣ, написано и по-русски и по-латыни. Словарь, напечатанный въ числѣ 500 экземпляровъ, не былъ предназначенъ для продажи. Только книгопродавецъ Вейтбрехтъ, получившій отъ государыни въ подарокъ 40 экземпляровъ, могъ торговать ими; нѣкоторое число было отослано въ даръ по ея повелѣнію иностраннымъ дворамъ и ученымъ.

Съ точки зрѣнія нынѣшней науки Екатерининскій словарь конечно не выдерживаетъ критики. Онъ былъ составленъ поспѣшно, безъ всякихъ научныхъ пріемовъ, и для выполненія такого обширнаго труда нужно бы не только гораздо болѣе свѣдущихъ сотрудниковъ, но, по мнѣнію французскаго критика Вольнея, нужна была бы цѣлая академія съ обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою дѣятельность, вступила бы въ обширныя сношенія и употребила бы на это дѣло по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ. Но, несмотря на всѣ его недостатки, отно-

---

[1]) 344, 382.

сительное достоинство и польза этого словаря, замѣтно оживившаго успѣхи сравнительнаго языкоученія, были признаны даже строгими его критиками, и онъ остается однимъ изъ знаменательныхъ памятниковъ и великаго ума составительницы, и смѣлыхъ стремленій 18-го вѣка.

Второе изданіе Словаря, усовершенствованное и пополненное недостававшими языками Африки и Америки, поручено было извѣстному Янковичу де Миріево, вызванному изъ Австріи для устройства народныхъ училищъ, и вѣроятно объ этомъ-то словарѣ второго изданія упоминаетъ Екатерина въ одномъ письмѣ къ Гримму отъ іюня 1792 года: «Я бы охотно послала вамъ словарь коренныхъ словъ на всѣхъ языкахъ для библіотеки короля, еслибъ книгамъ этой библіотеки не угрожала судьба быть разграбленными и обращенными въ бумагу для ассигнацій. Но чтобъ показать вамъ въ какомъ видѣ существуетъ этотъ словарь, посылаю вамъ два тома перваго и четыре тома второго изданія»[1]).

При такомъ внимательномъ изученіи языка и исторіи своего народа Екатерина конечно не упустила изъ виду богатаго запаса народной мудрости, заключенной въ его пословицахъ. Она даже примѣнила ихъ къ педагогическимъ цѣлямъ, такъ какъ въ библіотекѣ Александро-Константиновской являются *Выборныя россійскія пословицы*, какъ воспитательный матеріалъ, знакомящій учащагося съ народнымъ языкомъ и народнымъ духомъ. Но кромѣ того, по порученію императрицы были собраны и напечатаны Богдановичемъ всѣ русскія пословицы отдѣльной книгой. Часть ихъ она велѣла перевести и послала въ назиданіе Гримма, такъ какъ постоянно старалась знакомить его, а черезъ него и Европу, со всѣмъ что дѣлалось въ Россіи. Въ одномъ изъ писемъ она говоритъ ему: «Увѣряю васъ, что не только эти пословицы для васъ переведенныя, которыя я вамъ послала, существовали первоначально по-русски, но всѣ онѣ безъ исключенія извлечены

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 568, 569.

изъ книги написанной по русски, въ которой ихъ заключается четыре тысячи съ нѣсколькими сотнями. Стало-быть, тамъ еще очень много такихъ же прекрасныхъ» [1]). Очень часто въ своихъ письмахъ, желая доказать какую-нибудь истину, государыня опирается на русскія пословицы, напр. по поводу Германской политики она высказываетъ разсужденія, въ подкрѣпленіе которыхъ приводитъ нѣкоторыя пословицы, и прибавляетъ: «Еслибъ покойный Санхо Панса зналъ русскій языкъ, онъ нашелъ бы въ немъ столько пословицъ, что прибавилось бы еще нѣсколько книжекъ къ тѣмъ шести, въ которыхъ заключается жизнеописаніе знаменитаго Донъ-Кихота и его конюшаго Санхо Пансы» [2]).

Театръ и педагогика.

Всѣ, занимавшіеся изученіемъ литературныхъ занятій Екатерины, приходили къ одному заключенію: что историческіе и драматическіе труды были предпринимаемы ею съ цѣлью воспитательною, и нельзя отрицать, что для тогдашняго общества они дѣйствительно имѣли просвѣтительное значеніе. «Знаете ли», говоритъ она Гримму, «что мы дѣлаемъ много хорошаго и идемъ быстрымъ ходомъ къ разлитію просвѣщенія» [3])? Изъ этихъ словъ видно, что государыня задавалась мыслію направлять развитіе молодого русскаго общества и, то стараясь исправлять сатирой темныя стороны его нравовъ, то возвышая его любовь къ родинѣ знакомствомъ съ отечественной исторіей, устремляла его къ лучшему и болѣе разумному порядку вещей. Такъ она нападала на невѣжество и грубость, прикрытыя лоскомъ французскаго образованія, на безотчетную привязанность ко всему чужеземному, соединенную съ такимъ же презрѣніемъ ко всему русскому, на иностранныхъ учителей, взятыхъ изъ поваровъ или скороходовъ

---

[1]) 276.
[2]) 596.
[3]) 301.

въ качествѣ воспитателей и разыгрывавшихъ послѣ роль шутовъ въ семействахъ своихъ воспитанниковъ, на то унизительное положеніе, какое выпадало вообще на долю домашняго учителя, на ханжество, развившееся подъ вліяніемъ чуждыхъ нашей церкви ученій и прикрывавшее часто разные пороки и даже самое нехристіанское отношеніе къ ближнему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не менѣе подвергаетъ осмѣянію и закоренѣлую превратность нѣкоторыхъ сторонъ русскаго воспитанія, встарину переходившую у насъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Она осмѣиваетъ суевѣріе, невѣжество, грубость и часто жестокость, отличавшія женщину-хозяйку въ ея домашнемъ быту, излишнюю приверженность къ старинѣ, проявлявшуюся въ коснѣніи, неподвижности и безусловномъ осужденіи всякой новизны. Не менѣе остроумно издѣвается она и надъ модной страстью къ путешествіямъ въ чужіе края, исходящею не изъ любознательности, а изъ желанія не отстать отъ другихъ, покутить и помотать на свободѣ и вывезти къ себѣ домой новый покрой платья и обуви, умѣнье завить кудри по послѣдней модѣ, также новыя карточныя игры, въ которыхъ поудобнѣе было бы обыграть другихъ. Самыя имена ея лицъ: Промотаевы, Ханжаковы, Вѣстниковы, Чудихины, Ворчалкины, Потачкины, по господствовавшему тогда обычаю, часто указываютъ на ихъ отличительный характеръ. Комедіи Екатерины, не имѣя серьёзнаго художественнаго значенія, отличаются однако веселостью и замѣчательною для того времени легкостью языка, который совершенно близокъ къ разговорному. Приблизить къ живой рѣчи тяжелый и неуклюжій въ то время письменный языкъ было также одною изъ задачъ геніальной государыни. Кромѣ того, легко и быстро набросанныя въ часы досуга театральныя пьесы ея удовлетворяли той врожденной веселости, которая была господствующею чертою ея характера. Вотъ какъ она сама опредѣляетъ Гримму цѣль своихъ драматическихъ упражненій, которымъ предавалась съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ занятіями исторіей и филологіей: «Если вы меня спросите, зачѣмъ я пишу столько комедій, я отвѣчу вамъ, какъ и Пинсэ (Pincé):

по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что это меня забавляетъ; во-вторыхъ, потому что я желала бы поднять національный театръ, который за неимѣніемъ новыхъ пьесъ находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи; въ-третьихъ, потому что слѣдовало хорошенько потормошить духовидцевъ, которые начинаютъ подымать носъ. Теперь они опять нырнули, покрытые стыдомъ. *Обманщикъ* и *Обольщенный* имѣли громадный успѣхъ: московская публика въ концѣ масляницы не хотѣла видѣть другихъ пьесъ, и когда объявляли другую, то громко требовала одну изъ вышеупомянутыхъ. Всего забавнѣе было то, что на первомъ представленіи вызвали автора, который у насъ сохранялъ строжайшій инкогнито, несмотря на свой огромный успѣхъ. Каждая изъ этихъ пьесъ принесла въ Москвѣ предпринимателю десять тысячъ въ три представленія»[1]).

Еще заслуживаетъ быть упомянутымъ по поводу комедіи *Обманщикъ* одинъ эпизодъ, разсказанный Гримму о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ въ томъ же письмѣ отъ 18 марта 1785 г., стало-быть, когда ему только что минуло 8 лѣтъ: «Надо вамъ дать отчетъ въ томъ, что совершилъ сегодня г. Александръ. Сдѣлавъ себѣ изъ куска ваты круглый парикъ, и пока мы съ генераломъ Салтыковымъ любовались тѣмъ, что его хорошенькое личико не было вовсе обезображено такимъ нарядомъ, онъ объявилъ намъ: — Прошу васъ менѣе обращать вниманія на мой парикъ, чѣмъ на то, что я буду дѣлать. — Вотъ онъ беретъ комедію *Обманщикъ*, лежавшую на столѣ, и начинаетъ разыгрывать сцены изъ трехъ лицъ, представляя всѣхъ троихъ одинъ и давая каждому тонъ и мимику, свойственные характеру лица. Никогда ни Калифалькгерстонъ, ни Самблинъ, ни его дворецкій не были представлены естественнѣе и правдивѣе и вдобавокъ съ тою граціей, которую этотъ удивительный ребенокъ обнаруживаетъ во всемъ, за что ни возьмется. Мы были поражены тѣмъ что̀ онъ производилъ, и притомъ хохотали до упаду. Никогда никто не училъ его

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 328.

играть на сценѣ. Но эту зиму онъ какъ-то пристрастился къ моему эрмитажному театру. Онъ очень часто посѣщалъ его и слушалъ съ большимъ вниманіемъ и охотно прочитывалъ, или заставлялъ себѣ прочитывать пьесу до представленія. Увѣряю васъ, что я была поражена дарованіями, которыя этотъ мальчуганъ обнаруживаетъ. Я побьюсь объ закладъ, что этотъ — будетъ удаченъ; онъ идетъ самъ собою, да еще какъ» [1])!

Какъ и всѣ прочія произведенія государыни, комедіи ея переводились по-нѣмецки, и она посылала ихъ Гримму; вѣроятно онъ хвалилъ нѣкоторыя изъ нихъ, потому что государыня отвѣчаетъ ему: «Ахъ, и вы прочли *Обманщика* отъ начала до конца, и хорошо о немъ отзываетесь. Вы скрѣпляете драматическій талантъ автора. Я не премину угостить этимъ свое самолюбіе» [2])...

«Для развлеченія нѣтъ ничего лучше какъ писать комедіи; съ марта мѣсяца я ихъ написала двѣ, но онѣ навѣрно не скоро появятся на театрѣ, потому что слишкомъ хороши. Что вы не пишете комедій? Это бы васъ развеселяло. Я читаю свои двумъ-тремъ лицамъ, а потомъ прячу ихъ въ свой портфель; онъ такъ же наполненъ комедіями, какъ и законами. Публика съ ума сходила бы отъ двухъ послѣднихъ,—но она ихъ не получитъ» [3]).

«Комедіи *Обманщикъ* и *Обольщенный»,* говоритъ государыня въ февралѣ 1786 года, «имѣли необыкновенный успѣхъ и то хорошее дѣйствіе, что удержали и остановили прыть обманщиковъ и обманутыхъ. Въ дѣлѣ находится еще комедія *Февей* комическая опера, и *Шаманъ Сибирскій,* комедія. Все это будетъ весело до нельзя: Шаманъ—это теозофъ (богомудрый), который продѣлываетъ всѣ шарлантства собратій Парацельса. Посмотрите на статью *Теозофъ* въ Энциклопедіи; и вы получите секретъ нашихъ комедій, масонства и модныхъ сектъ. Св. Синодъ былъ на послѣднемъ представленіи и не въ одиночку, а во всемъ составѣ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 327.
[2]) 332.
[3]) 361.

они смѣялись до упаду и хлопали до безумія... Мы теперь работаемъ за седьмой пьесой въ теченіе года»[1])...

Лѣтомъ 1786 года государыня пишетъ: «На нашемъ столѣ разложена 9-я пьеса для театра, и мы такъ хорошо подали тонъ и согрѣли стряпню, что теперь дождемъ падаютъ пьесы со всѣхъ сторонъ; надо только желать, чтобъ дождь не былъ такъ холоденъ какъ сегодня, когда только три градуса тепла... Циммерманъ съ ума сходитъ отъ *Обманщика*; я подозрѣваю, что онъ далъ разыграть эту пьесу въ Гамбургѣ» [2])... Въ годъ девять пьесъ, что вы скажете объ этой драматической причудѣ? Отвѣчайте же, вы, который по страсти къ многописанію никогда не отвѣчаете на то, что у васъ спрашиваютъ» [3]). «Я написала десять комедій, пишу одиннадцатую, но это не называется работать... Эти сочинители комедій теперь пишутъ историческія пьесы въ подражаніе Шекспиру, котораго мы прочли по-нѣмецки въ переводѣ Эшенбурга: девять томовъ уже поглощены. Одна изъ такихъ пьесъ скоро послѣдуетъ за *Шаманомъ*, котораго играютъ сегодня вечеромъ. А эти подражанія Шекспиру очень удобны, потому что, не будучи ни комедіями, ни трагедіями и не имѣя другихъ правилъ, кромѣ чувства сноснаго для зрителя, я считаю ихъ ко всему подходящими. Надо только избѣгать скучнаго и сухаго; наши пьесы будутъ имѣть историческую достовѣрность, насколько она не будетъ поражать непріятно; много для зрѣлища, прекрасныя души съ возвышенными чувствами, когда онѣ будутъ кстати, какъ можно менѣе выставки ума со стороны самого писателя, величавые сюжеты и положенія лицъ какъ можно болѣе интересныя. О первой изъ этихъ пьесъ тѣ, кто читалъ её и видѣлъ ея репетиціи, говорятъ уже, что ее примутъ какъ родственную каждому, такъ она интересна. Это очень странно. Вы мнѣ скажете: — Чортъ побери проклятую страсть сочинять комедіи!—Но меня оно забавляетъ, что бы вы тамъ ни говорили,

[1]) 374, 375.
[2]) 377.
[3]) 379.

а вѣдь это изо всего самое лучшее»[1]). «Ну, скажите же, скажите, что наши комедіи плохи; право, никто за это не станетъ сердиться. Однако многія изъ нихъ произвели то дѣйствіе, котораго отъ нихъ ожидали»[2]). «Находите ли вы, что *Шаманъ Сибирскій* съ братіей хороши или дурны, какъ драматическія произведенія? Ожидаю категорическаго отвѣта»[3]).

По возвращеніи своемъ изъ крымскаго путешествія въ Москву, государыня пишетъ Гримму, что князь де-Линь посылаетъ ему *пословицу* на половину своего, на половину же ея сочиненія. «Пьесы эти льются у насъ какъ дождь, и это единственное средство установить на театрѣ хорошую комедію»[4]). Гриммъ, какъ кажется, критиковалъ нѣкоторыя изъ театральныхъ пьесъ Екатерины, такъ какъ она пишетъ ему: «Ну вотъ драматическія произведенія истолчены въ порошокъ, неправда ли? Совсѣмъ нѣтъ, я утверждаю что они все-таки довольно хороши тамъ, гдѣ нѣтъ лучшихъ, и такъ какъ ихъ всѣ бѣгали смотрѣть и хохотали, и такъ какъ они пріостановили сектаторское возбужденіе,—значитъ, это такія пьесы, которыя, несмотря на свои недостатки, имѣли успѣхъ самый желанный. Пусть напишетъ кто можетъ лучше, и когда этотъ человѣкъ отыщется, мы болѣе не будемъ писать, но будемъ забавляться его пьесами»[5]). И въ другомъ письмѣ: «Что касается до моихъ бѣдныхъ драматическихъ произведеній, которыя вы поставили такъ низко, и такъ сильно презираете, хотя публика бѣгаетъ ихъ смотрѣть, а дирекція получила на нихъ въ эту зиму отъ десяти до двѣнадцати тысячъ чистаго барыша, то чтобъ побѣсить васъ, посылаю вамъ послѣднюю пьесу, отъ которой публика была безъ ума: она переведена на нѣмецкій языкъ и, несмотря на вашу критику, я утверждаю что она хороша, даже очень хороша»[6]).

Весною 1791 года государыня писала: «Знайте, что эта зима была вообще зима хоровъ, музыки и танцевъ и что съ 8 сентября до 1-го мая, когда я бѣжала изъ города, только и дѣлали

---

[1]) 383, 384. [2]) 391. [3]) 403.
[4]) 418. [5]) 432. [6]) 439.

что танцовали, да пѣли хоромъ. Историческая пьеса Олега подала къ тому сигналъ: хоры Олега въ высшей степени прекрасны и большею частію композиціи Сарти; всѣ греческія мелодіи соединены въ нихъ. Послѣ этого не слѣдовало бы говорить о бѣдномъ маленькомъ дивертисментѣ, данномъ въ эрмитажѣ, и который имѣлъ самый рѣшительный успѣхъ на городскомъ театрѣ: это *Федулъ*, въ комическихъ хорахъ; милостивому государю прислана будетъ музыка обоихъ, какъ скоро она явится, и я надѣюсь, что она будетъ сопровождать эту грамоту. Слова въ *Федулѣ*—это старыя русскія пѣсни и пословицы, сшитыя вмѣстѣ авторомъ *Олега*. *Олегъ* же составленъ изъ подлинныхъ словъ исторіи; пришиты только хоры и сцена изъ Еврипида, хоры послѣдняго дѣйствія взяты изъ одъ Ломоносова; въ третьемъ же актѣ они составлены изъ старинныхъ русскихъ пѣсень» [1]).

На историческіе сюжеты въ комедіяхъ императрица конечно наведена была своими занятіями по исторіи, и здѣсь замѣчательно то же чувство любви къ русской исторіи, которое она проявила сознательнѣе и горячѣе, нежели кто либо изъ ея подданныхъ и вообще изъ ея современниковъ.

Понятія свои о театрѣ и игрѣ актеровъ императрица выражаетъ въ слѣдующихъ напримѣръ строкахъ, по поводу игры знаменитаго тогда французскаго актера Офрена (Aufresne). Изъ трагедій Корнеля она болѣе всего любила *Цинну,* и послѣ представленія его съ участіемъ этого знаменитаго актера въ Царскомъ Селѣ, въ августѣ 1785 года пишетъ: «Передъ отъѣздомъ изъ Царскаго я видѣла какъ игралъ Офренъ. Онъ играетъ съ благородной простотой и помнитъ, когда играетъ въ *Циннѣ*, что онъ Августъ: по-моему это прекрасный актеръ. Но товарищи его метались какъ угорѣлые, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ понятія о томъ, что такое Римлянинъ временъ Августа. Надо было бы ежеминутно подсказывать Циннѣ, что онъ внукъ Помпея. Я думаю, по правдѣ сказать: для того, чтобъ хорошо играть ту или

[1]) 525, 526.

другую роль въ трагедіи, надо бы читать исторію и никогда не подражать жестамъ другихъ актеровъ; когда чувство вѣрно, мнѣ кажется, что и мимика дѣлается тоже вѣрна. Я въ жизнь свою не видала болѣе вѣрной мимики, болѣе естественной и граціозной, какъ у г. Александра: онъ отъ природы большой мимикъ[1]).

Изъ французскихъ современныхъ авторовъ комедій Екатерина особенно любила Седэна, и заказывала ему пьесы для эрмитажнаго театра. Лѣтомъ 1779 года она писала: «Скажите Седэну, что если онъ напишетъ вмѣсто одной двѣ или три пьесы, сто пьесъ, я всѣ ихъ прочту съ жадностью. Вы знаете, что послѣ пера патріарха, нѣтъ другого, за которымъ бы я такъ любила слѣдить какъ за Седэномъ; когда я говорю «слѣдить», это значитъ, что въ чтеніи какъ и въ представленіи я люблю слѣдить за ходомъ мыслей автора; но вы не говорите этого Седэну, изъ опасенія чтобъ это не заставило его вдумываться въ ходъ своихъ мыслей и не повредило его естественности; а она-то именно и драгоцѣнна. Въ комедіяхъ фернейскаго патріарха я такъ люблю слѣдить за этой работой головы: въ его пьесахъ есть сто тысячъ вещей, которыя ускользаютъ отъ множества умныхъ и образованныхъ людей, и остаются незамѣченными. Еслибъ мнѣ когда-нибудь пришлось очутиться возлѣ васъ во время представленія одной изъ такихъ пьесъ, я вступила бы съ вами въ разсужденія, которыя помѣшали бы вамъ слушать пьесу и слѣдить за ней, но вы согласились бы что я права... Дайте Седэну двѣнадцать тысячъ ливровъ изъ суммъ, имѣющихся въ Парижѣ и которыми я могу располагать; его пьеса вовсе не упала: она очень хороша, но не была представлена изъ предосторожности, чтобъ помѣшать воркунамъ ворчать[2]); это учтивость, вотъ и все, но пьеса хороша, и очень хороша. Пусть онъ вамъ даетъ все что родитъ его голова: я увѣрена, что это доставитъ удовольствіе и мнѣ и дру-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 360.

[2]) Подъ воркуномъ императрица разумѣетъ Бецкаго, читавшаго ей вслухъ комедію Седэна.

гимъ»[1]). «Дайте же намъ поскорѣе Седэна, Седэна веселаго, потому что я не люблю печальнаго»[2]).

Въ апрѣлѣ 1781 года Седэнъ прислалъ государынѣ одну изъ своихъ пьесъ и она пишетъ: «Комедія г. Седэна очень хороша и ее сейчасъ же разыграютъ на театрѣ въ Царскомъ Селѣ, куда я хочу переѣхать будущее воскресенье; я читала ее съ величайшимъ удовольствіемъ, и авторъ сдѣлаетъ мнѣ подарокъ, если пришлетъ свою трагедію въ прозѣ: *Спасенный Парижъ*, и если онъ желаетъ, я тоже велю сейчасъ разыграть её, съ рискомъ не избѣгнуть посвященія»[3]).

«30 апрѣля. Комедія г. Седэна была играна третьяго дня здѣсь (въ Ц. С.) и ей апплодировали безъ конца, но всего забавнѣе, что городъ, не видавшій комедіи, говоритъ, что она написана мною»[4]).

«Комедію Седэна играли безконечно и меня обвиняли, что я её написала!.. Вы можете сказать г. Седэну, что его пьесу играли и повторяли и требовали еще и еще, и представленія ея были очень посѣщаемы. Я получила его трагедію, которую прочту прежде всего; письмо её сопровождающее прелестно»[5]).

Когда Гриммъ прислалъ государынѣ драматическіе досуги нѣкоего Троншеня, то она писала: «Что касается драматическихъ досуговъ г. Троншеня изъ Делисъ, который не докторъ [6]), увы! я не могу читать ихъ, по причинѣ, которую я высказала вамъ на третьей и четвертой страницѣ длиннаго произведенія, озаглавленнаго письмомъ, начатымъ 7 декабря 1779 г. Я вамъ сказала: Люблю Корнеля: онъ мнѣ всегда возвышалъ душу, и не терплю, чтобъ кто-нибудь прикасался къ твореніямъ людей геніальныхъ. Это я пишу очень маленькими буквами, чтобъ оно оставалось между вами и мною. Пусть всякій самъ дѣлаетъ какъ знаетъ, но только автору принадлежитъ право исправлять свои творенія. Итакъ я присѣдаю г. Троншеню, и если онъ можетъ,

---

[1]) Письма Гримма, 146, 147. [2]) 150. [3]) 201. [4]) 204. [5]) 206, 215.

[6]) Былъ въ Парижѣ извѣстный докторъ Троншень, распространявшій оспопрививаніе во Франціи. Онъ былъ и домашнимъ докторомъ Гримма.

то пусть дастъ намъ что-нибудь свое, и мы будемъ его читать» [1]).

Въ числѣ педагогическихъ сочиненій Екатерины видное мѣсто занимаетъ ея инструкція князю Салтыкову по воспитанію императора Александра I-го. Многочисленныя упоминанія о самыхъ разнообразныхъ и непрерывныхъ чтеніяхъ, разсѣянныя во всей перепискѣ, свидѣтельствуютъ что не только государыня прилежно изучала всѣ замѣчательнѣйшія произведенія мысли, но и была знакома съ лучшими педагогическими сочиненіями и взглядами того времени. Приведенныя нами выше выписки о дѣтствѣ Александра Павловича служатъ краснорѣчивымъ тому подтвержденіемъ. Всѣ умственныя свѣтила не только того времени, но и прежнихъ временъ (напр. Плутархъ) были ея постоянными собесѣдниками; въ чтеніяхъ она не останавливалась на пустомъ и посредственномъ, но никогда не забывала ничего истинно замѣчательнаго и тотчасъ опредѣляла ему цѣну. Зорко слѣдя за современнымъ умственнымъ движеніемъ и обращеніемъ новыхъ идей въ воспитаніи, она изучала Монтеня, Локка, Руссо, Базедова и критически отнеслась къ крайнимъ увлеченіямъ, слишкомъ рѣзко противорѣчившимъ основнымъ началамъ общественной жизни; но въ то же время она приняла за основаніе своей инструкціи мысли первыхъ двухъ педагоговъ, сильно вооружившихся противъ небрежности въ воспитаніи дѣтей и мертвящаго формализма въ обученіи. Основными положеніями ея инструкціи были: *свобода развитія,* избѣгающая всякихъ сильныхъ принудительныхъ мѣръ, и *самостоятельное образованіе посредствомъ упражненія*, другими словами *самодѣятельность*. Воспитатель долженъ явиться только помощникомъ и руководителемъ воспитанника, облегчающимъ эту самодѣятельность, указывающимъ ему цѣль для стремленій и путь къ ея достиженію. Цѣль же эта есть чисто нравственная: «наклоненіе къ добру». При этомъ конечно нельзя упустить изъ виду то, что здѣсь рѣчь идетъ о частномъ, домашнемъ воспитаніи, гдѣ

---

[1]) Письма Гримма, 167.

воспитатель можетъ быть вполнѣ знакомъ съ духовной природой своего воспитанника, и что такое отношеніе къ каждому отдѣльному субъекту конечно трудно осуществимо въ воспитаніи общественномъ, гдѣ общія правила, общая дисциплина всегда будутъ неизбѣжны, какъ бы ни были различны харектеры и способности воспитывающихся.

Понятно, какъ новы были, особливо для нашего общества, такіе взгляды императрицы на воспитаніе и какъ она въ этомъ стояла выше своего вѣка. Локкъ, изучившій медицину, сильно выдвинулъ впередъ мысль о физическомъ воспитаніи и укрѣпленіи тѣла, и эту мысль Екатерина также приняла въ своей инструкціи. Но по тому, какъ она отзывалась о непрактичной мечтательности Руссо и Дидро, о неудачномъ опытѣ Базедова, болѣе всего обнаруживается самостоятельность ея сужденія, не позволявшая ей отдавать свое сочувствіе рѣзкимъ крайностямъ, способнымъ потрясти нравственныя основанія въ обществахъ и бѣдственно отразиться на молодыхъ поколѣніяхъ. «Здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру» составляютъ все воспитаніе, сказано во введеніи къ ея инструкціи. Умственное же образованіе государыня считаетъ только приложеніемъ къ воспитанію нравственному: «ученіе же или знаніе да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію». Что такимъ образомъ нравственное воспитаніе ставилось Екатериной выше всего остальнаго, доказываетъ и слѣдущая мысль, вызсказанная ею въ одномъ изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ *Запискахъ первой части,* гдѣ опредѣляются обязанности родителей и воспитателей: «Должность ихъ исправлять, указывать, учить, остерегать и показывать дѣткамъ, какъ имъ быть должно, дабы какъ выростутъ велики и имѣвъ неравно пороки, не могли пенять: вы насъ не исправляли, вы насъ не учили, вы насъ не остерегали, вы намъ не указывали путь, по которому итти» [1]). Не менѣе замѣчательна

[1]) *Соч. Екатерины II.* Т. III, стр. 158.

еще одна мысль государыни, высказанная въ инструкціи, что воспитаніе должно сообразоваться съ назначеніемъ и кругомъ дѣйствія тѣхъ, кому оно дается, что общечеловѣческое воспитаніе, въ томъ широкомъ значеніи какъ понималъ его Руссо, есть непримѣнимая утопія. «Во-первыхъ мыслимъ мы», сказано въ инструкціи, «что всякое доброе воспитаніе учреждено быть должно, смотря на того, кому оно дается»... Такое убѣжденіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что находится въ противорѣчіи съ пущенными тогда въ ходъ идеями *Эмиля* Руссо въ пользу общечеловѣческаго воспитанія, которое пытался практически осуществить Базедовъ въ своемъ Филантропинѣ. Общій же духъ инструкціи Екатерины дышитъ кротостью, любовью къ дѣтямъ, сохраненіемъ въ нихъ веселости и свободнаго самообладанія. Изъ воспитанія изгнаны всѣ деспотическіе пріемы, способные сломить волю ребенка, но не направить её къ добру. Напротивъ, широкое мѣсто отведено нравственному вліянію, привлеченію дѣтей къ сознанію своихъ проступковъ и раскаянію, хотя вездѣ поддерживается мысль о необходимости послушанія въ дѣтяхъ, о твердости и послѣдовательности въ образѣ дѣйствій воспитателя, какъ главномъ условіи его авторитета.

Что касается собственно обученія, то и здѣсь государыня высказываетъ многія замѣчательныя мысли: для дѣтскаго возраста она не допускала слишкомъ однообразныхъ и строго опредѣленныхъ пріемовъ, ни строго опредѣленныхъ часовъ. Занятія должны отличаться живостью, свѣжестью и разнообразіемъ, согласно съ характеромъ дѣтской природы. Предписывалось «отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ», стало-быть познаніе Россіи выдвинуто на первый планъ, какъ средоточіе для занятій великихъ князей, и это правило проведено въ преподаваніе географіи, гражданскихъ законовъ и наконецъ русской исторіи, для которой сама императрица столько потрудилась. Первое мѣсто въ ряду предметовъ обученія занимаетъ Законъ Божій *„какъ первая добродѣтель“*. Приставникамъ внушается говорить съ должнымъ почтеніемъ о религіи, и самое ихъ обращеніе и отношеія ихъ къ вос-

питаннику должны быть приведены въ связь съ уроками Закона Божія. Такъ смотрѣла развившаяся въ свободомысліи писателей 18-го вѣка Екатерина на важность религіознаго воспитанія. Кромѣ языковъ живыхъ: нѣмецкаго и французскаго, великихъ князей обучали и языкамъ латинскому и греческому. Послѣдній изъ этихъ языковъ, по объясненію императрицы, долженъ былъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ языковъ, которые ихъ высочествамъ полезны быть могутъ. Причины тому приведены въ самой инструкціи: — во-первыхъ, неудовлетворительность переводовъ, въ которыхъ всегда болѣе или менѣе утрачивается красота подлинниковъ. Во-вторыхъ, изъ греческаго языка заимствованы общепринятыя техническія слова для наукъ и художествъ, указывающія на существо самой вещи. Въ-третьихъ, языкъ этотъ отличается пріятною гармоніей, игрою мысли и изобиліемъ[1]). Во всей инструкціи повторяется наставленіе отнюдь не обременять память воспитанниковъ заучиваніемъ наизусть. Изъ дѣтскихъ книгъ и руководствъ, написанныхъ самою Екатериною для внуковъ, мы уже упоминали кромѣ азбучекъ и первыхъ книжекъ для чтенія: *Сказки о царевичѣ Хлорѣ* и *царевичѣ Февеѣ*, *Выборныя россійскія пословицы*, *Гражданское начальное ученіе*, *Продолженіе начальнаго ученія* и *Записки первой части*. Мы уже сказали, что въ мартѣ 1785 года государыня извѣстила Гримма, что ея внуки перешли въ мужскія руки и въ воспитаніи ихъ установлены «неизмѣнныя правила». Здѣсь именно и разумѣется инструкція. Изъ предметовъ обученія музыка была исключена какъ занятіе, отнимающее слишкомъ много времени, и государыня говорила въ письмѣ къ Гримму, кажется предлагавшему покупку инструментовъ: «Не надо фортепіанъ. Господа Александръ и Константинъ не будутъ учиться музыкѣ; они будутъ скрыпѣть или играть, если хотятъ, самоучкой»[2]). Въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1789 г. государыня говоритъ: «господа Александръ и

---

[1]) См. превосходную статью «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой», соч. Николая Лавровскаго. Харьковъ. 1856 года.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 234.

Константинъ переданы на руки генерала Салтыкова, который, такъ же какъ и прочіе окружающіе, слѣдуетъ во всѣмъ пунктахъ моимъ началамъ и предписаніямъ, и въ самомъ дѣлѣ они восхитительно хороши собою, рослы, сильны, здоровы, разумны и послушны; видѣть ихъ—наслажденіе. Я увѣрена, что Александромъ будутъ всегда отмѣнно довольны: онъ обладаетъ удивительной ровностью духа, соединенною съ привѣтливостью, рѣдкою въ его возрастѣ; лицо у него открытое, веселое и полное благоволенія; воля его всегда хороша: онъ стремится къ успѣху и успѣваетъ во всемъ не по возрасту; онъ учится ѣздить верхомъ, читаетъ и пишетъ на трехъ языкахъ; рисуетъ и его ни къ чему не принуждаютъ. Онъ пишетъ или изъ исторіи, или изъ географіи, или избранныя поученія или что-нибудь веселое; сердце у него предоброе»[1])...

«По поводу вашего подарка, бронзоваго Геркулеса, господамъ Александру и Константину, скажу вамъ, что не проходитъ дня, чтобъ Александръ не занимался разсматриваніемъ эстамповъ, особливо когда ему сколько-нибудь не здоровится: тогда онъ обложитъ себя ими кругомъ и, пока онъ забавляется разсматриваніемъ ихъ, проситъ чтобъ кто-нибудь изъ окружающихъ взялъ книгу и громко читалъ ему, такъ какъ мы хотимъ быть постоянно заняты по вкусу и наклонности. Что вы объ этомъ скажете»[2])?

Въ августѣ 1785 года: «Господа Александръ и Константинъ въ эту минуту очень заняты бѣленіемъ снаружи царскосельскаго дворца подъ руководствомъ двухъ шотландскихъ штукатуровъ, и Богъ знаетъ какими мастерствами они не занимались»[3]).

Въ маѣ 1786 года: «Я сегодня утромъ пріѣхала сюда изъ Царскаго Села съ моими двумя внуками; одна комната отдѣляетъ меня отъ нихъ; стало-быть они живутъ у меня и шумятъ ужасно: я должна была ихъ прогнать, чтобъ имѣть хоть минуту покоя; и они ушли, напѣвая оперный маршъ и ведя каждый за лапку свою

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 336, 337. [2]) 338, 339. [3]) 358.

собачку, вмѣсто принцессы. Вы можете по этому судить, какой мы беремъ тонъ; эти мальчуганы прелестны. Но конецъ бабушкинымъ сказкамъ»[1]).

О характерѣ великаго князя Константина Павловича государыня часто отзывается, что у него умъ и голова своебразныя и надо давать ему свободу развиваться по-своему, и находитъ въ чертахъ лица его сходство съ Петромъ Великимъ[2]). Она успокоиваетъ Гримма, что при великомъ князѣ нѣтъ никакихъ греческихъ кадетовъ и тутъ нечего пронюхивать, что все это злая ложь Фридриха II, котораго она при этомъ называетъ старымъ хитрымъ котомъ (der alte, tückische Kater[3]).

Извѣщая Гримма лѣтомъ 1783 года о рожденіи первой великой княжны, Александры Павловны, государыня объявляетъ, что она гораздо болѣе любитъ мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Въ это лѣто Екатерина сильно простудилась и схватила упорный кашель; многіе изъ ея любимыхъ приближенныхъ были также серьёзно больны, и она, сообщая Гримму свои тревоги, говоритъ: «Вотъ прекрасныя предзнаменованія, при которыхъ родилась Александра Павловна. Все это не имѣетъ никакого смысла»[4]). Тою же осенью она пишетъ: «Дѣвица Александра Павловна существо очень некрасивое, особливо по сравненію съ своими братцами»[5]).

Елена Павловна родилась въ декабрѣ 1784 года, въ то самое время, когда государыня, подавленная горемъ — потерей Ланского, — на цѣлые полгода прервала переписку съ Гриммомъ. Въ первомъ же письмѣ послѣ того, отъ марта 1785 года, она говоритъ: «Прекрасная Елена названа удачно, потому что она необыкновенно красива, и вотъ почему я назвала её Еленой». И далѣе: «Прекрасная Елена процвѣтаетъ и въ шесть мѣсяцевъ, увѣряю васъ, показываетъ болѣе смысла и живости, чѣмъ старшая, которой на будущей недѣлѣ минетъ два года»[6]). Марія Павловна родилась въ началѣ февраля 1786 года. Го-

[1]) 377. [2]) 313 [3]) 254. [4]) 283.
[5]) 288. [6]) 326, 346.

сударыня извѣщаетъ Гримма о ея рожденіи письмомъ отъ 4-го февраля. Невѣстка моя вчера родила дочь, которую назвали Маріей. Она не хороша, но очень велика»[1]. Лѣтомъ 1786 года государыня уже наслаждается всѣми пятью внучками въ своихъ царскосельскихъ садахъ и говоритъ Гримму, что отыскать её тамъ можно развѣ только по лаю Томасовъ и щебетанью пяти малютокъ, которыя «прилипаютъ къ ней какъ репьи»[2].

Въ апрѣлѣ 1787 г. она пишетъ изъ путешествія въ южный край: «Александръ и прекрасная Елена въ отсутствіи моемъ были больны корью, такъ же какъ всѣ сестрицы и братцы, да еще тотчасъ послѣ вѣтреной оспы, и такъ какъ надо опасаться, чтобъ они не схватили натуральной оспы (то есть дѣвочки, потому что мальчикамъ она была привита), то теперь же привьютъ её прекрасной Еленѣ и ея сестрамъ»[3].

Палласъ и экспедиція Биллингса. Галіани, Рейналь, Бальи. Смерть Дидро и д'Аламбера. Аэростаты. Разныя мелкія замѣтки и происшествія.

Имя Палласа встрѣчается въ перепискѣ не только по поводу словаря всѣхъ нарѣчій, но и по разнымъ другимъ случаямъ. Такъ въ 1779 году государыня пишетъ Гримму: «Ваше письмо къ г. Палласу было доставлено Безбородкой по назначенію. Господинъ герцогъ-географъ для меня слишкомъ ученъ, и я полагаю, что ни г. Палласъ и никто здѣсь не можетъ сказать ему, что̀ находится между Алеутскими островами и Америкой, такъ какъ у насъ никто не плавалъ далѣе этихъ острововъ и не причаливалъ къ Америкѣ. Алеуты говорятъ, что есть на значительномъ разстояніи отъ нихъ большая земля, вотъ и все»[4].

Въ 1782 году мы видимъ, что Палласъ участвуетъ въ составленіи учебниковъ для нормальныхъ школъ, создаваемыхъ въ

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 374. 2) 379. 3) 399. 4) 141.

Россіи. Въ 1785 Екатерина посылаетъ Гримму его «Россійскую флору» (Flora Rossica) и черезъ нѣсколько времени послѣ того пишетъ: «Г. Палласъ удержалъ изрядное количество экземпляровъ для охотниковъ до россійской флоры, но я сомнѣваюсь, чтобъ они пошли въ продажу» [1]). Въ томъ же году, подъ предсѣдательствомъ Палласа, составлена была комиссія для снаряженія географической и астрономической экспедиціи въ сѣверныя моря, которая надѣлала въ Европѣ много преувеличеннаго шума, вслѣдствіе чего государыня писала Гримму: «Когда васъ станутъ разспрашивать о мнимомъ двѣнадцатитысячномъ отрядѣ съ академиками, философами, натуралистами и проч. и проч., вы можете отвѣчать, что все это ограничивается очень немногимъ и когда у васъ говорили, что они уже уѣхали отсюда, еще не было назначено ни одного человѣка, кромѣ офицера, командующаго судномъ и ѣдущаго съ цѣлью открытій, или, вѣрнѣе сказать, провѣрки ранѣе сдѣланныхъ открытій. Этотъ планъ составленъ Палласомъ и его собратьями. Офицеръ этотъ (Биллингсъ) служилъ на кораблѣ Кука, и между ихъ наблюденіями и нашими есть нѣкоторое различіе; эта экспедиція и рѣшитъ тяжбу»...[2]) «По газетамъ г. де-Лаперузъ не уѣхалъ, ни сэръ Биллингсъ тоже. Послѣдній еще ѣдетъ въ Камчатку, чтобъ тамъ сѣсть на корабль» [3]).

Въ слѣдующемъ же 1786 году говорится: «Г Ледіардъ [4]) хорошо сдѣлаетъ, если возьметъ другой путь нежели черезъ Камчатку, потому что такимъ образомъ нѣтъ возможности догнать экспедицію. Впрочемъ все напечатанное объ этой экспедиціи — совершенная ложь и пустое мечтаніе. Никакого нѣтъ дессантнаго отряда, и все ограничивается экспедиціей капитана Биллинг-

---

[1]) 331. [2]) 330. [3]) 359.

[4] Ледіардъ былъ американецъ, задумавшій, по увѣренію Кастеры, проникнуть пѣшкомъ къ Чукчамъ, чтобъ съ ними перейти Берянговъ проливъ и дойти до англійскихъ поселеній въ Гудзоновомъ заливѣ, и по подозрѣнію въ шпіонствѣ, захваченный въ Якутскѣ и отправленный черезъ прусскую границу обратно въ Англію. О высылкѣ этой говорится и въ *Дневникѣ* Храповицкаго, стр. 58.

са и экипажа, выбраннаго имъ и Палласомъ» [1]). Этой экспедиціи сопутствовалъ членъ академіи наукъ, гидрографъ Сарычевъ, который въ 1802 году напечаталъ описаніе своего путешествія и сверхъ того издалъ извлеченіе изъ Биллингсовыхъ записокъ, съ словаремъ двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ.

Въ 1794 году государыня пишетъ, что Палласъ собирается переѣхать на житье въ Крымъ.

Сношенія Екатерины съ неаполитанскимъ аббатомъ Галіани и отзывы о немъ безпрестанно встрѣчаются въ ея письмахъ. Этотъ Галіани былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій политико-экономическаго содержанія, отличающихся оригинальностью и остроуміемъ. Въ качествѣ секретаря неаполитанскаго посольства онъ долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энциклопедистами, особливо съ Гриммомъ и Дидро. Онъ также былъ замѣчательнымъ антикваріемъ и одинъ изъ первыхъ началъ разработывать археологическія богатства Геркуланума. Еще въ 1776 году Екатерина пожелала имѣть его изданія и писала: «Я велѣла послать въ Ливорно Ганнибалу (адмиралу) 5,750 французскихъ ливровъ на книги аббата Галіани. Перешлите мнѣ ихъ пожалуйста и примите мою благодарность за предложеніе»[2]). Когда Гриммъ переслалъ къ ней одно изъ писемъ Галіани, она пишетъ: «Письмо аббата Галіани прелестно. Присылка его книгъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе, потому что я безъ ума люблю книги по архитектурѣ. Вся комната моя наполнена ими, и мнѣ все еще мало»... [3]) «Еслибъ вы черезъ аббата Галіани или кого-нибудь другого могли достать мнѣ изображеніе Везувія, Помпеи и Геркуланума и все, что неаполитанскій дворъ издалъ по этимъ предметамъ, вы бы доставили мнѣ истинное блаженство» [4]). Получивъ всѣ эти изданія государыня пишетъ: «Библіотека Галіани очень часто утѣшаетъ меня; за часъ до обѣда я иду посѣтить ее и какъ маленькія дѣти разсматриваю тамъ ея эстампы, чтобъ вынести оттуда меду въ свой улей. На переплеты я никогда не

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 378. [2]) 47. [3]) 53. [4]) 67.

смотрю: мнѣ до нихъ нѣтъ нужды. Я пошлю аббату Галіани медаль (бронзовую), которая будетъ служить ему портретомъ»[1]). Послѣ того государыня спрашиваетъ Гримма, что́ дѣлаетъ аббатъ Галіани и опять благодаритъ его за присылку другого его прелестнаго письма. Когда же Галіани, вѣроятно, по полученіи медали, написалъ письмо самой императрицѣ, то она нашла его слишкомъ офиціальнымъ. «Оно отзывается тѣмъ, что сочинено для священнаго величества. Скажите ему, что ея священное величество получила его письмо и благодаритъ его, что она очень любитъ людей достойныхъ, а онъ къ этому качеству присоединяетъ еще репутацію большого ума; также—что я очень высоко цѣню его Разговоръ о хлѣбѣ[2]) что я никогда не читала Горація и вѣроятно прочту его только, когда онъ напишетъ къ нему объясненія, и тогда, ужъ во что бы ни стало, у насъ онъ будетъ переведенъ, что книга его о Монетѣ[3]) уже теперь возбуждаетъ мое любопытство, что я у него не выпрашиваю ее, а постараюсь овладѣть ею, только что она будетъ напечатана»[4]).

Екатерина чрезвычайно высоко цѣнила умъ и способности Галіани и говорила о немъ: «Какъ жалко, что голова этого человѣка безъ пользы пропадаетъ въ Неаполѣ, что тамъ даже не знаютъ его сочиненій и издаютъ указы въ старинномъ вкусѣ, не пользуясь имъ, ни его умными мыслями. Этотъ тоже не на мѣстѣ»....[5]). «Объ аббатѣ Галіани можно сказать, что отечество его не оцѣнило».... [6]). Его пророчество о Casa Santa въ Фернеѣ очень мнѣ по вкусу, не потому чтобъ я любила обманъ и толстыя свѣчи (les gros cierges); но потому что пророчество, высказанное людьми геніальными, какъ будто по вдохновенію, обыкновенно оказывается результатомъ очень глубокихъ соображеній,

---

[1]) 70.

[2]) «Dialogue sur le Commerce des blés» (1770) замѣчательное произведеніе Галіани.

[3]) Книга Галіани «*Sur la monnaie*» была напечатана въ Неаполѣ въ 1769 году, а комментарій на Горація былъ имъ оставленъ въ рукописи и напечатанъ въ Парижѣ въ 1770 году.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 241. [5]) 113, 114. [6]) 118.

давно ужъ сдѣланныхъ. Это — итоги, которые подводитъ геній къ прежнимъ разысканіямъ ума, здраваго смысла, опытности и проч... Но какія печали его удручаютъ? Я полагала, что въ Неаполѣ, въ лучшемъ изъ климатовъ Европы, онѣ чувствуются менѣе, потому что на меня воздухъ всегда дѣйствуетъ развеселяющимъ образомъ. Но, видно, къ нему слишкомъ тамъ привыкли, чтобъ цѣнить его такъ, какъ мы его цѣнимъ»!...[1]) Въ концѣ того же письма прибавлено: «А сколько Галіани вамъ сообщаетъ превосходныхъ вещей, которыя должны произойти въ Неаполѣ: Чудныя большія дороги. Флотъ. Уничтоженіе пошлинъ. Основаніе академіи наукъ и литературы. Что касается флота, то онъ очень былъ бы нуженъ имъ, хотя бы для защиты отъ Алжирцевъ, которые въ виду самаго города похищаютъ у нихъ гражданъ»[2]). Не любя посвященій, государыня говоритъ: «Сожалѣю, что карта Сициліи и гора Этна должны пройти черезъ операцію посвященія»[3]).

Въ маѣ 1780 года, купивъ музыкальную партитуру Филидора, написанную для большого торжества, государыня поручаетъ Гримму: «Закажите аббату Галіани составить программу къ этому празднеству, и когда это будетъ сдѣлано, ужъ мы найдемъ куда это пристроить»[4]). За эту программу государыня послала Галіани двѣ золотыя медали». «Еслибъ я имѣла досугъ, я написала бы вамъ цѣлый комментарій на черновое письмо аббата Галіани. Начиная съ того, что вѣроятно онъ пользовался нѣкоторой репутаціей прежде чѣмъ я его узнала, если его имя изъ отдаленной Италіи дошло до Россіи; стало-быть не я, но самъ онъ составилъ себѣ славу»[5]). О поѣздкѣ въ Италію великаго князя Павла Петровича съ супругой государыня просила Гримма извѣстить аббата Галіани и Рейфенштейна. Въ декабрѣ 1787 года она спрашиваетъ: «Правда ли, что аббатъ Галіани умеръ? Здѣсь говорятъ объ этомъ»[6]). И черезъ два мѣсяца послѣ того: «Мои

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 132, 133. [2]) 134. [3]) 133.
[4]) 177. [5]) 230. [6]) 437.

табакерки не приносятъ счастья. Аббатъ Галіани умеръ вскорѣ послѣ полученія той, которую я ему послала»...[1]) «Духовное завѣщаніе аббата Галіани очень странно, но до сихъ поръ я ничего не слыхала о томъ, чтó мнѣ завѣщано» [2]).

Совсѣмъ иначе относилась Екатерина къ другому писателю, аббату же—Рейналю. Въ 1775 году, послѣ появленія его Исторіи индѣйской торговли, она поручила директору канцеляріи таможенныхъ сборовъ графу Эрнесту Миниху прочитать въ этой книгѣ статью о Россіи и сдѣлать на нее письменныя примѣчанія. Въ 1782 году государыня говоритъ, что, несмотря на напрасныя разглагольствія противъ нея аббата Рейналя, она погружена въ законодательство. «Мы все-таки законодательствуемъ», говоритъ она въ другомъ письмѣ, «несмотря на то, что аббатъ Рейналь противъ насъ квакаетъ и лжетъ. Среди всей этой лжи онъ говоритъ, что мнѣ ничего не удавалось изо всего, что я предпринимала. Вѣдь это же очень грубая ложь, противъ которой доказательство у цѣлаго свѣта передъ глазами» [3])... «Что касается апостола Рейналя», сказано въ другомъ письмѣ, «я избавляю васъ отъ скуки разбирать его, потому что онъ того не стóитъ и если вы его вовсе не прочтете, то останетесь тѣмъ же, чѣмъ были бы, еслибъ и прочли его, ни толще, ни худѣе» [4]).

Съ сочиненіями Бальи государыня ознакомилась въ 1784 году, около времени своихъ историческихъ и филологическихъ разысканій. Мы уже говорили, что по прочтеніи его исторіи астрономіи, доставившей ему большую извѣстность, и по поводу его предположенія о существованіи въ Сибири первобытнаго народа, исчезнувшаго съ лица земли, государыня послала ему и Бюффону нѣкоторыя свои догадки по этому предмету, очень её занимавшему. Но за этимъ вслѣдъ она писала: «Я одумалась, не показывайте этихъ тетрадей ни Бальи, ни Бюффону; это не ихъ ящикъ (т. е. Россія), хотя они и первые указали на существованіе народа, который однако не интересуются открыть; впро-

---

1) 439. 2) 445. 3) 235. 4) 247.

чемъ дѣлайте какъ знаете, это не охладитъ жара моихъ изысканій»[1]). Въ 1785 году государыня просила Гримма доставить ей всѣ сочиненія Бальи, а въ 1787 пишетъ: «Произведенія г. Бальи встрѣчены мною съ радостью; я еще не имѣла времени ихъ раскрыть и даже не читала его письма, но исполню свой долгъ въ отношеніи къ нему, только что будетъ возможно»[2]). Черезъ годъ послѣ того: «Вы просили у меня медали для г. Бальи; теперь же кажется, что вы желаете табакерку: пусть будетъ такъ, вы ее получите»[3]). И тутъ-то государыня прибавляетъ, что съ ея табакеркой не посчастливолось покойному Галіани, который вскорѣ умеръ. Въ одномъ изъ писемъ того же года государыня такъ отзывается о Бальи: «Мнѣ сдается, что я уже сказала вамъ много и очень много о г. Бальи; казалось мнѣ также, что я вамъ послала и подарокъ для него; но если я забыла, прошу васъ передать ему, что я чрезвычайно высоко цѣню его произведенія, и если у васъ есть еще мои деньги, то пошлите ему отъ меня приличную табакерку»[4]).

Но еще менѣе счастія принесъ этотъ подарокъ Бальи чѣмъ Галіани. Увлеченный на политическое поприще, онъ попалъ въ водоворотъ революціи, и вотъ, до тѣхъ поръ счастливый въ своемъ призваніи, писатель сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ готовившейся кровавой драмы. Онъ предсѣдательствовалъ на томъ самомъ собраніи (séance du Jeu de Paume), гдѣ депутаты поклялись не расходиться, пока не дадутъ Франціи конституцію. Затѣмъ 16-го іюля 1789 онъ былъ назначенъ меромъ Парижа, а въ іюнѣ 1790 Екатерина пишетъ Гримму: «Такъ же мало пристало меру Парижа, уничтожившему монархію во Франціи, (qui a démonarchisé la France) имѣть портретъ императрицы самой аристократической въ Европѣ, какъ и ей посылать свой портретъ меру-антимонархисту. Это значило бы поставить и мера-антимонархиста и наиболѣе аристократическую императрицу въ полное противорѣчіе другъ съ другомъ и съ ихъ обязанностями, бывшими, настоящими и будущими»[5]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 322. [2]) 399. [3]) 439. [4]) 447. [5]) 482, 483.

Вынужденный, послѣ побѣга и ареста Людовика XVI, силой разгонять угрожающія сборища, образовавшіяся на Марсовомъ полѣ, чтобъ требовать низложенія короля, несчастный Бальи вдругъ потерялъ свою популярность и, отказавшись отъ должности мера, покинулъ столицу; но въ 1793 году онъ былъ узнанъ въ Мелэнѣ, привлеченъ въ Парижъ, осужденъ на смертную казнь и съ утонченною жестокостью казненъ 11 ноября того же года.

О послѣдней, предсмертной болѣзни Дидро упоминается въ перепискѣ нѣсколько разъ, и государыня принимаетъ въ страданіяхъ больного искреннее участіе. По смерти его она поручаетъ Гримму дать вдовѣ его тысячу рублей пенсіи впередъ за пять лѣтъ, считая по 200 руб въ годъ [1]). Она хвалитъ письмо, написанное къ ней его дочерью, и проситъ купить для себя всѣ его сочиненія, говоря: «Вы заплатите за нихъ сколько потребуютъ. Конечно они не выйдутъ изъ моихъ рукъ и никому вреда не принесутъ. Пришлите ихъ съ библіотекой Дидро» [2]). О погребеніи его сказано: «На меня очень пріятно подѣйствовало поведеніе священника церкви Сенъ-Рока при погребеніи Дидро» [3]). Общіе бѣглые отзывы и шуточки объ этомъ писателѣ показываютъ, что Екатерина считала его въ высшей степени непрактическимъ, разсѣяннымъ и неосновательнымъ, но тѣмъ не менѣе любила въ немъ его добродушіе, благородный образъ мыслей и выставляла прекрасное свойство его души: благодарность за добро ему сдѣланное, говоря при этомъ, что Дидро во всемъ не похожъ на другихъ людей.

О смерти другого энциклопедиста д'Аламбера она пишетъ въ 1784 году: «Очень прискорбно, что д'Аламберъ умеръ, не увидѣвъ и не прочитавъ нашего оправданія по крымскому дѣлу; по крайней мѣрѣ слѣдовало выслушать обѣ стороны и потомъ произносить свое сужденіе; а вмѣсто того онъ говорилъ намъ дерзости. Я очень объ этомъ сожалѣю, такъ же какъ и о малоду-

---

1) 318. 2) 327. 3) 362.

шіи, которое онъ выказалъ въ своей болѣзни. Тѣлесныя силы, вѣроятно, взяли перевѣсъ надъ духовными. Впрочемъ эти люди думали часто совсѣмъ не такъ, какъ они проповѣдывали. Давно уже я была въ немилости, и знаете ли, что насъ Вольтеръ поссорилъ? [1])... Я никогда не сомнѣвалась, что письмо д'Аламбера по поводу французскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Краковѣ, было продиктовано ему тогдашнимъ министромъ (d'Aiguillon): очень рада узнать, что я не ошиблась» [2]).

О перепискѣ умершаго въ 1786 году Фридриха II съ д'Аламберомъ государыня замѣчаетъ: «Я увѣрена, что письма покойнаго Прусскаго короля къ д'Аламберу, если ихъ печатаютъ въ Берлинѣ, будутъ очень искажены, потому что сочиненія его *исправляютъ*». Самъ Бюшингъ сознается въ этомъ на страницѣ 263 своей книги «Характеръ Фридриха II». Это было написано въ 1788 году, незадолго до революціи, и государыня тутъ же прибавляетъ о своихъ письмахъ къ Гримму: «Впрочемъ, отъ писемъ, которыя я вамъ пишу, у меня не остается копій и нѣтъ черновыхъ; могу увѣрить васъ, что говорю вамъ сущую правду, возобновляя при этомъ просьбу, чтобъ вы ихъ бросили въ огонь, потому что, несмотря на все мое довѣріе къ г. Кастри, не зная кто его наслѣдники, я буду всегда опасаться, чтобъ эти письма не попали въ публичную продажу, или къ какому-нибудь Фигаро, который ихъ напечатаетъ, что́, какъ вы конечно согласитесь, вовсе не нужно. Но о трудѣ, вами предпринимаемомъ для переписки этихъ писемъ, я сожалѣю, хотя примѣчанія, которыми вы собираетесь ихъ снабдить, знаю заранѣе, будутъ интереснѣе всего остальнаго» [3]).

Въ 1795 году государыня высказываетъ слѣдующее замѣчаніе о д'Аламберѣ и энциклопедистахъ: «Я безропотно буду ждать благопріятной минуты, когда вамъ будетъ угодно оправдать въ моемъ мнѣніи философовъ и ихъ прислужниковъ въ томъ, что они участвовали въ революціи, особливо же въ Энциклопедіи, ибо

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 308. [2]) 303. [3]) 441, 442.

Гельвецій и д'Аламберъ оба сознались покойному Прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую, уничтожить христіанскую религію, вторую—уничтожить королевскую власть! Объ этомъ говорили уже въ 1777 году. На петергофской лѣстницѣ маски говорили объ этомъ между собою на ухо 29 іюня» [1]).

О Циммерманѣ, медикѣ и философѣ, написавшемъ книгу «Объ уединеніи» (Von der Einsamkeit) государыня упоминаетъ не только по поводу своей комедіи «Обманщикъ» (которая такъ ему понравилась, что онъ схлопоталъ ея постановку на сценѣ въ Гамбургѣ), но и по поводу чтенія ею въ 1785 году извѣстнаго его сочиненія. «Надо сообщить вамъ», писала она Гримму, «если вы этого уже не узнали, что я въ настоящую зиму прочла книгу «Объ уединеніи», которая вполнѣ исцѣлила меня отъ этого недуга и дала мнѣ такое хорошее мнѣніе о писателѣ, что я недавно вошла съ нимъ въ переписку, не затѣмъ, чтобы совѣтоваться съ нимъ по случаю болѣзни или здоровья, но чтобъ поговорить о разумномъ и о дурачествахъ; и онъ, буквально, пишетъ мнѣ письма и безумныя и разумныя; это тоже голова, которая идетъ не зная куда, но всегда далѣе чѣмъ обыкновенно водится. Я желала, чтобъ онъ сюда пріѣхалъ. Онъ тоже этого желалъ, но когда ужъ совсѣмъ рѣшился, я его отговорила, потому что у него болѣзнь, не дозволяющая путешествій, и, несмотря на то, онъ собирался. Но я не хочу, чтобъ онъ умеръ» [2]). Циммерманъ былъ вызванъ въ Берлинъ во время предсмертной болѣзни Фридриха II, «но», говоритъ государыня, «не спасъ его, потому что спасти было нельзя».

Замѣчателенъ отзывъ государыни о русскомъ докторѣ, нѣкоемъ Самойловичѣ, котораго Гриммъ взялъ подъ свое покровительство, а государыня обличаетъ во лжи и неправдоподобныхъ разсказахъ, говоря: «Вмѣсто того, чтобъ хорошо принять Самойловича, какъ рекомендованнаго намъ многострадальнымъ, мы всѣ порядочно и какъ слѣдуетъ его выбранили и вымыли ему го-

---

[1]) 622. [2]) 343.

лову, а болѣе всѣхъ генералъ, пользующійся благорасположеніемъ многострадальнаго (Ланской), за то что упомянутый Самойловичъ смѣло и безстыдно лгалъ на словахъ, на письмѣ и въ печати, будто онъ, Самойловичъ, привилъ чуму, ч. знаетъ скольким лицамъ,—ложь, которую онъ не станетъ поддерживать въ Россіи, ибо гдѣ нашелъ бы онъ такихъ отверженныхъ Богомъ, которые добровольно пожелали бы заразиться чумою, и кáкъ позволили бы ее распространять, тогда какъ все на свѣтѣ употребляли чтобъ ее уничтожить»[1])?

О магнетизмѣ Екатерина отзывается такъ: «Я очень рада, что вы со мной одинакаго мнѣнія: я всегда говорила, что этотъ магнетизмъ, который никого не вылѣчиваетъ, не можетъ точно такъ же никого и убить»[2]).

Надъ новымъ изобрѣтеніемъ воздушныхъ шаровъ въ Парижѣ встрѣчается въ перепискѣ много шутокъ: «Кстати, поздравляю васъ», говорится въ 1783 году, «съ летучими колесницами, порхающими вокругъ вашихъ головъ: когда ихъ усовершенствуютъ, очень пріятно будетъ въ три дня долетѣть отсюда до Парижа»... «Ваши аэростаты, повидимому, оказали услугу государству: они заставили забыть ошибки въ финансовыхъ расчетахъ»[3]).

Въ слѣдующемъ письмѣ государыня благодаритъ за присылку ей раскрашенныхъ изображеній воздушнаго шара и прибавляетъ: «О Небо, дай имъ скорѣе крылья, чтобъ никакой экспертъ не могъ сломать себѣ шеи, падая съ такой высоты... Хотя здѣсь и менѣе нежели въ Парижѣ занимаются этими воздушными путешествіями, однако все, что до нихъ касается, принято съ тѣмъ участіемъ, какого заслуживаетъ такое любопытное открытіе»[4])... Но впрочемъ государыня сознается, что запретила у себя опыты съ воздушными шарами изъ опасенія пожаровъ въ странѣ, гдѣ множество деревянныхъ строеній и крышъ тесовыхъ и соломенныхъ[5]). Говоря о томъ, что она никогда не поѣдетъ въ Парижъ, государыня прибавляетъ, что развѣ полетитъ туда въ аэростатѣ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 306. [2]) 327. [3]) 290, 292. [4]) 293. [5]) 301.

приглашая Гримма въ такомъ же экипажѣ пріѣхать въ Петербургъ [1]).

Въ 1781 году былъ большой пожаръ парижской оперы, и государыня писала о томъ: «Хотите узнать свои новости отъ насъ? Парижская опера сгорѣла со всѣми актерами, танцовщиками и танцовщицами. Это заставило насъ удвоить вниманіе въ своихъ театрахъ, и я надѣюсь, что это намъ доставитъ лѣсницы къ окнамъ» [2]). Между тѣмъ Гриммъ самъ извѣщалъ ее объ этомъ пожарѣ слѣдующимъ образомъ:

«Ваше величество вѣроятно слышали о пожарѣ нашей оперной залы. Подумаешь, что у насъ затѣмъ пожары въ Парижѣ, чтобъ доставить нашимъ вѣстовщикамъ и газетчикамъ случай разсыпаться въ пышныхъ похвалахъ пожарной командѣ. Послушаешь ихъ — такъ это сонмъ героевъ, которые даютъ изумительныя доказательства дѣятельности, сообразительности, храбрости, но тогда уже, когда все сгорѣло. Въ имперскихъ городахъ Германіи у насъ нѣтъ ни героевъ, ни панегиристовъ, у насъ есть только предписанія, которыя исполняются, и пожары оканчиваются прежде чѣмъ успѣютъ о нихъ заговорить. Итакъ вотъ опера уничтожена и самые дивные таланты въ танцовальномъ искуствѣ божественная Гейнель, слава Германіи, Тэодоръ, легкая какъ птичка, Доберваль, Нивелонъ — всѣ безъ занятій, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Богъ танцевъ — Вестрисъ и сынъ его Огюстъ въ это время приводили Лондонъ въ восторгъ» [3]).

На это государыня отвѣчала: «Кстати о пожарѣ, истребившемъ до тла парижскую оперу. Вы мнѣ говорили о тѣхъ, кто не сгорѣлъ, но остерегаетесь говорить о тѣхъ кто сгорѣлъ и кого ваша удивительная пожарная команда не спасла» [4]).

Когда Гриммъ однажды извѣщалъ Екатерину о пожарѣ въ нѣсколькихъ австрійскихъ городахъ, то она отвѣчала: «Вы хотите, чтобъ я способствовала отстройкѣ сгорѣвшихъ герман-

---

[1]) 312. [2]) 209.
[3]) Письма Гримма, стр. 203.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 216.

скихъ городовъ; я сама строю у себя болѣе сотни городовъ. Я не должна вторгаться въ область моего любезнѣйшаго братца Іосифа II»[1]). На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Я очень хорошо помню, что сказалъ вашему величеству, какъ несправедливо способствовать отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ городовъ Святой имперіи, потому что еслибъ всѣ города Россійской имперіи сгорѣли, Святая Римская имперія не дала бы ни полушки на ихъ отстройку; а мнѣ за это говорятъ: «вы хотите, чтобъ я способствовала къ отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ въ Германіи городовъ», тогда какъ я хочу совершенно противоположнаго. О, изо всѣхъ строителей архистроительница! О построительница ста-трехъ городовъ! Гдѣ же справедливость? Другая ересь: «я не должна несправедливо вступать на почву моего милаго брата Іосифа II». Мы, принадлежащіе къ Россійской имперіи, мы составляемъ почву нашей драгоцѣнной монархини Екатерины II; но мы, принадлежащіе къ Римской имперіи, мы вовсе не собственность нашего дорогого Іосифа II; наша собственность, сгорѣвшая или не сгорѣвшая, ему не принадлежитъ. И это большая разница, которую правосудный Іосифъ приметъ конечно въ расчетъ; я на это надѣюсь»[2]).

Но это не помѣшало Гримму однако вскорѣ послѣ того тонкимъ образомъ испрашивать пособія нѣмецкому городу Герѣ и быть посредникомъ между графомъ Рейсомъ и императрицею:

«P. S. Съ городомъ Гера случилось жестокое несчастье: онъ сгорѣлъ до основанія, приблизительно три, четыре мѣсяца тому назадъ; не уцѣлѣло ни одного дома. Этотъ городъ, расположенный близъ границъ Саксоніи, былъ необыкновенно промышленный и торговый, слѣдовательно полонъ славы Екатерины. Графъ Алексѣй Орловъ, отправляясь изъ Петербурга въ Средиземное море, или возвращаясь оттуда, останавливался въ немъ постоянно и заказывалъ тамъ работы для императрицы. Не знаю, почему графъ Рейсъ, которому принадлежалъ этотъ несчастный

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 198.
[2]) Письма Гримма стр. 201, 202.

городъ, выбираетъ меня, чтобъ повергнуть его прошеніе къ стопамъ вашего величества. Я предварительно отвѣтилъ вопросомъ: «Думаете ли вы, спросилъ я, что еслибъ какой-нибудь городъ Россійской имперіи испыталъ на себѣ несчастіе, случившееся съ городомъ Гера, онъ могъ бы расчитывать на большія пособія и дѣйствительную помощь отъ Нѣмецкой имперіи? Отвѣта не было. Тогда я сказалъ: вы вѣроятно хотите отнять у меня мое званіе многострадальнаго, и желаете, чтобъ императрица назвала меня своимъ надоѣдалою» [1]).

Мы уже говорили, что Гриммъ любилъ посылать государынѣ маленькіе подарки, между которыми однажды прислалъ ей нѣсколько баночекъ румянъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ въ Парижѣ. Онъ получилъ въ отвѣтъ на это слѣдующія строки: «Благодарю за банки съ румянами, которыми вы желали раскрасить мою физіономію (illuminer ma face). Но когда я захотѣла испробовать ихъ, я нашла, что они такъ темны, что придадутъ мнѣ видъ фуріи. Итакъ вы меня извините, если, несмотря на то, что я въ модѣ тамъ, гдѣ вы находитесь, мнѣ нельзя будетъ подражать этой модѣ и принять её. Русскія дамы должны быть польщены почестями и вниманіемъ, которыми ихъ осыпаютъ въ Версали. Мнѣ ихъ избалуютъ, и когда онѣ возвратятся, то будутъ дамы съ претензіями» [2]). Когда же государыня въ 1782 году издала указъ объ упрощеніи придворнаго туалета съ цѣлью ввести бóльшую простоту и умѣренность, «къ сбереженію собственнаго ихъ достатка на лучшее и полезнѣйшее и къ отвращенію разорительной роскоши», то этотъ указъ былъ замѣченъ въ Парижѣ. По этому поводу государыня писала: «Итакъ мой указъ о реформѣ въ уборахъ и украшеніяхъ, заставившій забыть даже миръ, пришелъ очень кстати, когда кошельки были пусты, а счеты значительны, и произвелъ только философское разсужденіе. Увѣряю васъ, я этого не ожидала: я такъ привыкла, что у васъ

[1]) Тамъ же, 213, 214.
[2]) *Сб И. О.* XXIII. 269.

обо мнѣ и о моей странѣ говорятъ дурно, что не могла предположить, чтобъ могли думать иначе» [1]).

Въ 1784 году государыня сообщала Гримму объ отъѣздѣ композитора Паизіелло, котораго талантомъ такъ восхищались. «Паизіелло покидаетъ насъ: онъ поссорился съ новой дирекціей, или она съ нимъ» [2]). Пѣвица же Тоди, пріѣхавшая въ Петербургъ въ томъ же году, и по обѣщанію, данному императрицей Гримму, особенно отрекомендованная ею Олсуфьеву [3]), пѣла въ первый разъ въ высочайшемъ присутствіи 30-го мая въ Царскомъ Селѣ и получила отъ государыни пару великолѣпныхъ браслетъ, осыпанныхъ брильянтами [4]). Подъ этимъ впечатлѣніемъ и писала государыня, что права́ таланта неотъемлемы (Въ этомъ самомъ письмѣ и произошелъ перерывъ, вызванный смертью Ланского).

Черезъ годъ послѣ пріѣзда Тоди государыня пишетъ весною, что эта пѣвица ѣздила въ Москву и тамъ собрала много денегъ, которыя мужъ ея проигралъ въ карты, а въ августѣ того же года она писала изъ Царскаго Села: «Тоди здѣсь и разгуливаетъ сколько можетъ съ своимъ милымъ супругомъ. Часто мы встрѣчаемся носъ къ носу, но однако не сталкиваясь. Я говорю ей: «Здравствуйте, госпожа Тоди, какъ ваше здоровье?» Она мнѣ цѣлуетъ руку, а я ее въ щеку; собачки наши обнюхиваются. Она беретъ свою на руки, а я зову свою, и каждая изъ насъ идетъ своей дорогой. Когда она поетъ, я слушаю и аплодирую и мы обѣ говоримъ, что находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ между собой.... Тоди и Маркезини до истерики восхищаютъ любителей и знатоковъ» [5]).

Въ 1787 году государыня пишетъ съ дороги изъ Кричева, имѣнія князя Потемкина, въ 130 верстахъ отъ Смоленска: «Именно вчера вечеромъ, пріѣхавъ въ Мстиславль, за 100 верстъ отъ Смоленска, получила я вашу музыкальную грамоту отъ 4 де-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 271. 2) 295.
3) Олсуфьевъ замѣнилъ въ директорствѣ театровъ Бибикова.
4) *Сб. И. О.* XXIII, 316. 5) 360, 383.

кабря, съ прибавленіемъ длиннѣйшаго письма г-жи Тоди, изъ котораго я ничего, или очень мало поняла. Отъ госпожи Тоди вполнѣ зависитъ остаться или уѣхать, отъ дирекціи удержать ее или отпустить. Директоръ также очень хорошо дѣлаетъ, что не обременяетъ своего бюджета большими расходами, потому что у нихъ долгъ въ 80,000 рублей, которыхъ я не заплачу ни ради директора, ни ради дирекціи, а ея условія получать отъ публики плату, не показываясь публикѣ, также невозможны. Въ Петербургѣ говорили, что Тоди ѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ теперь поистинѣ поля Елисейскія; и прекрасно, потому что я одного мнѣнія съ докторомъ Панглоссомъ, что все къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ» [1]).

Крымское путешествіе. Спутники.

Путешествіе Екатерины въ Крымъ было задумано княземъ Потемкинымъ осенью 1784 года, вскорѣ послѣ смерти Ланского. Потому надо полагать, что не одни политическія соображенія и желаніе показать государынѣ новопріобрѣтенный край въ наилучшемъ видѣ могли породить въ немъ эту мысль, но и забота о ея развлеченіи отъ печали и уединенныхъ научныхъ занятій, въ которыя она слишкомъ погрузилась. Въ мартѣ 1785 года она говоритъ: «Я глубоко убѣждена, что у меня много истинныхъ друзей. Самый могущественный, самый дѣятельный, самый проницательный, безспорно фельдмаршалъ князь Потемкинъ. О, какъ онъ меня мучилъ, какъ я его бранила, какъ я на него сердилась! Но онъ не переставалъ вертѣться и все перевертывать вокругъ меня, пока не извлекъ меня изъ маленькаго моего кабинета въ десять саженъ, которымъ я завладѣла въ Эрмитажѣ, и надо отдать ему справедливость, что онъ умнѣе меня, и все что онъ дѣлалъ было глубоко обдумано» [2]). Это было писано уже въ виду

---

[1]) 392, 393. [2]) 326.

перваго путешествія на каналы и въ Москву, которое такъ благодѣтельно подѣйствовало на состояніе духа императрицы. Задумавъ вскорѣ и второе путешествіе, требовавшее бо́льшихъ приготовленій, Потемкинъ изыскивалъ разныя средства увеселенія государыни во время пути, вѣроятно обращался и къ Гримму, потому что вскорѣ послѣ того государыня пишетъ послѣднему: «Если вы хотите посѣтить Херсонь, надо будетъ пріѣхать туда въ апрѣлѣ 1787 года. Можетъ-быть мнѣ удастся прислать вамъ оперу Сарти, сочиненную на тему, которой пункты намѣчены княземъ Потемкинымъ. Опера, которую вы задумали, вѣроятно не будетъ играна въ Тавридѣ, потому что вопреки всему, что пишется въ газетахъ, я поѣду туда безъ всякой пышности»[1]).

Отъ 2-го марта 1786 года Екатерина извѣщаетъ Гримма, что она въ это утро утвердила всѣ приготовленія къ поѣздкѣ своей въ Крымъ, назначенной на первыя числа января 1787 г.[2]). За двѣ недѣли до путешествія она предупреждала Гримма, что когда онъ получитъ эти строки, то она будетъ уже очень близко отъ Кіева. Въ письмѣ отъ 1-го января 1787 года сказано: «Завтра я ѣду отсюда въ Царское Село, а оттуда 7-го января выѣзжаю въ Кіевъ. Столъ мой уже пустъ и вполнѣ очищенъ. Остается только вамъ отвѣчать. Со мною поѣдутъ мои три карманные министра (посланники: англійскій — Фитцъ-Гербертъ, французскій — Сегюръ и австрійскій — Кобенцель)... Графъ Ангальтъ возвратился изъ своихъ поѣздокъ и ѣдетъ со мною»[3]).

Графъ Ангальтъ[4]) вызванъ былъ въ 1783 году на службу въ Россію, куда привлекла его слава царствованія великой Екатерины. Она такъ говоритъ о его вызовѣ: «Когда я велѣла про-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 333. 2) 374. 3) 390, 391.

4) Фридрихъ Ангальтъ, въ Россіи Федоръ Евстафьевичъ, былъ сынъ наслѣднаго принца Ангальтъ Дессаускаго Вильгельма (род. 1732†1794). Потерявъ отца на 15 году, онъ 17-ти лѣтъ вступилъ въ прусскую службу, былъ флигель-адъютантомъ Фридриха Великаго, участвовалъ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ Семилѣтней войны, а потомъ перешелъ на службу въ саксонскую армію и во время войны за наслѣдство баварскаго престола командовалъ всѣми саксонскими войсками.

сить Саксонскаго курфирста позволить графу Ангальту вступить въ мою службу, онъ мнѣ наотрѣзъ отказалъ. Но графъ Ангальтъ, узнавъ это, потребовалъ отставки, которой онъ и безъ того желалъ, и когда онъ освободился отъ саксонской службы, я взяла его къ себѣ. Итакъ, многострадальный, имѣя еще одного друга здѣсь, ты стало-быть имѣешь и еще причину, чтобъ... Но нѣтъ, не надо слишкомъ настаивать, потому что многострадальный долженъ поступать какъ хочетъ и какъ можетъ»[1]). И въ слѣдующемъ письмѣ: «Я на этихъ дняхъ имѣла удовольствіе бесѣдовать о васъ, милостивый государь, съ графомъ Ангальтомъ. Онъ поручилъ мнѣ вамъ кланяться. Ея Величество предсказываетъ, что онъ будетъ здѣсь любимъ и уважаемъ. Онъ былъ принятъ со всѣми отличіями, подобающими его достоинствамъ»[2]). И дѣйствительно, государыня угадала. Благородная дѣятельность графа Ангальта на пользу Россіи, которую онъ тотчасъ принялся изучать, предпринявъ отдаленныя путешествія, внимательно останавливаясь на всемъ интересномъ въ ея природѣ, земледѣліи, торговлѣ и промышленности, его преданность своему новому отечеству, теплое отношеніе его къ воспитанію юношества во время начальствованія его первымъ кадетскимъ корпусомъ, все это заставляетъ насъ признать его однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ людей Екатерининскаго времени. Геніальная государыня умѣла создать и изъ иностранца самаго горячаго и преданнаго русскаго патріота. «Нашъ добрый графъ Ангальтъ здѣсь, въ Царскомъ Селѣ», пишетъ она въ маѣ 1784 года: «онъ можетъ быть увѣренъ, что пользуется здѣсь всеобщей, особенной любовью и уваженіемъ. Я сама лично, кажется, нашла въ немъ ревностнаго сторонника и не сомнѣваюсь, что время сдѣлаетъ насъ искренними друзьями»[3]). Во время продолжительнаго путешествія графа Ангальта по Россіи и на Кавказъ государыня писала: «Клянусь вамъ, что я не знаю, что́ сталось съ графомъ Ангальтомъ. Фактотумъ хранитъ у себя ваши письма къ нему, но онъ не

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII. 293. [2]) 295. [3]) 304.

болѣе меня знаетъ, куда тотъ дѣвался. Онъ вѣроятно перебрался черезъ Кавказскія горы и находится въ Грузіи, при дворѣ короля Ираклія. Я не отвѣчаю, чтобъ онъ не соблазнился подобнымъ исканіемъ приключеній и въ настоящую минуту не былъ окруженъ самыми красивыми грузинками»[1]).

Вернувшись изъ этой поѣздки, графъ Ангальтъ былъ приглашенъ сопутствовать государынѣ въ полуденный край, гдѣ ѣхалъ всю дорогу за ея экипажемъ, въ одной каретѣ съ англійскимъ и французскимъ посланниками и графомъ Ив. Гр. Чернышевымъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ, сопровождавшихъ государыню въ путешествіи, кромѣ поименованныхъ посланниковъ и графа Ангальта, были: графъ Безбородко, графъ Чернышевъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, который тутъ является подъ именемъ *Краснаго кафтана* (Habit rouge). Съ Кіева, кромѣ Потемкина, присоединился къ путешественникамъ и князь де-Линь. Екатерина очень сожалѣла, что не могла взять съ собою своихъ внучковъ, и часто о нихъ вспоминала. Въ Кіевъ наѣхало еще множество знатныхъ иностранцевъ: Дильйонъ, Ламетъ, принцъ Нассау-Зигенъ, незадолго передъ этимъ вступившій въ русскую службу; изъ Русскихъ: Суворовъ, Каменскій, графъ Штакельбергъ и др. О графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ упоминается въ перепискѣ въ первый разъ лѣтомъ 1786 года. Вотъ какъ изображенъ тамъ портретъ его: «Подъ этимъ краснымъ кафтаномъ скрывается превосходнѣйшее сердце, соединенное съ большимъ запасомъ честности; умны мы за четверыхъ, обладаемъ неистощимой веселостью, замѣчательной оригинальностью во взглядѣ на вещи и въ способѣ выраженія, удивительною благовоспитанностью, и знаемъ тайну всего того, что придаетъ блескъ уму. Мы скрываемъ какъ преступленіе свою наклонность къ поэзіи; мы страстно любимъ музыку; способность все схватывать—у насъ рѣдкая. Богъ знаетъ, чего только мы не знаемъ наизусть; мы декламируемъ, болтаемъ, имѣемъ

---

[1]) 368.

тонъ лучшаго общества, чрезвычайно учтивы, пишемъ по-русски и по-французски какъ рѣдко кто-нибудь у насъ пишетъ и по слогу и по почерку. Наружность наша совершенно соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству: черты лица правильны, — у насъ чудные черные глаза съ тонко вырисованными бровями, ростъ нѣсколько выше средняго, осанка благородная, поступь свободная; однимъ словомъ, мы столько же основательны по характеру, сколько отличаемся ловкостью, силой и блестящей наружностью. Я увѣрена что, встрѣтивъ этотъ Красный кафтанъ, вы спросили бы его имя, еслибъ не тотчасъ угадали его»[1]).

Изъ Царскаго Села выѣхали 6-го января. Въ дорогѣ Екатерина не переставала во время остановокъ заниматься дѣлами съ графомъ Безбородкой, Храповицкимъ и другими. Сегюръ и князь де-Линь сообщаютъ много любопытныхъ подробностей о томъ, какъ во все время путешествія общество будто бы и не покидало Эрмитажа или Царскаго Села. Точно такъ же продолжались обычныя оживленныя бесѣды о литературѣ и искуствахъ, объ исторіи, философіи, статистикѣ, земледѣліи и промышленности. Онѣ смѣнялись шутками и играми: задавали другъ другу шарады, представляли живыя картины, сочиняли bouts-rimés, въ чемъ особенно отличался Сегюръ, тогда какъ императрица, при всемъ стараніи постигнуть тайну версификаціи, не могла написать ни одного правильнаго стиха. Государыня сообщаетъ Гримму въ подлинникѣ многія изъ этихъ стихотворныхъ состязаній. Придворный этикетъ былъ устраненъ, отчего можно было наслаждаться прелестью свободной бесѣды, которой впрочемъ не совсѣмъ была чужда и политика. Готовившіяся во Франціи печальныя событія, натянутыя отношенія съ Оттоманской Портой и желаніе Пруссіи вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла давали обильную пищу дипломатическимъ разговорамъ, которыми Екатерина руководила съ обычной своей ловкостью и тактомъ. Постоянно обнаруживала она заботу показать съ выгодной стороны

---

[1]) 387, 388.

иностранцамъ, такъ неблагопріятно судившимъ о Россіи, всѣ ея хорошія и видныя стороны: плодородіе ея почвы, обиліе ея непочатыхъ богатствъ, ея неистощимые рыбные промыслы, ея просторъ и ширь, сулившіе такую блестящую будущность ея населеніямъ. Все это смѣнялось торжественными пріемами въ городахъ, балами, представленіями всевозможныхъ депутацій, привѣтственными рѣчами и проч.

Изъ писемъ, писанныхъ во время путешествія, мы будемъ преимущественно выписывать все то, что собственно къ нему относится, а также нѣкоторыя мелкія замѣчанія о политикѣ.

Первое письмо съ дороги въ формѣ журнала, писаннаго постепенно всякій разъ какъ государыня находила для того свободную минуту, предназначалось для отправки съ курьеромъ. Оно начато было въ Кричевѣ, имѣніи князя Потемкина и, какъ сама государыня прибавляетъ, «въ 130 верстахъ отъ Смоленска, между этимъ городомъ и Кіевомъ, въ Могилевской губерніи», отъ 19 января 1787 года.

«Вчера вечеромъ, пріѣхавъ въ Мстиславль за 100 верстъ отъ Смоленска, получила я вашу музыкальную грамоту[1]), отъ 4 декабря... Вы видите по числу, выставленному на этомъ письмѣ, что на зло амстердамскимъ газетчикамъ я въ дорогѣ; карманные министры со мною, и все идетъ какъ нельзя лучше. Правда, что въ Смоленскѣ Красный кафтанъ слегъ въ постель съ страшнымъ жаромъ и сильной горловой болью. Но Роджерсонъ угостилъ его джемскими порошками и шпанской мушкой, которые его вполнѣ возстановили. Въ теченіе четырехъ дней, проведенныхъ мною въ Смоленскѣ, по причинѣ сильнаго вѣтра, дувшаго всю дорогу прямо въ лицо прислугѣ, большая часть этихъ людей страдали глазами. Но мое пребываніе въ этомъ городѣ всѣхъ поправило. Всѣ мои спутники очень веселы и оживлены; мы здѣсь въ восьми-стахъ верстахъ отъ Петербурга и семи-стахъ отъ Кіева, подъ 54 градусомъ, но все еще холодно.

---

[1]) О претензіи пѣвицы Тоди. Начало этого письма уже приведено выше по другому поводу.

«Вчера получила я письмо отъ князя Потемкина отъ 8 января, изъ Крыма, и онъ увѣряетъ, что тамъ уже зелень. Богъ знаетъ, откуда пойдетъ это письмо, по крайней мѣрѣ вы будете знать, что оно начато здѣсь. Прощайте на сегодня.

«Въ Новгородѣ Сѣверскѣ, 23 января. Я пріѣхала сюда въ добромъ здоровьи и сегодня давала здѣсь балъ, такъ же какъ и въ Смоленскѣ: вотъ какъ мы путешествуемъ. Завтра я буду обѣдать въ имѣніи фельдмаршала Румянцова. Этотъ городъ главный въ одной изъ трехъ губерній, на которыя я раздѣлила Малороссію. Завтра я пріѣзжаю въ Черниговъ, гдѣ на другой день дамъ балъ, а въ концѣ недѣли прибуду въ Кіевъ. Мы здѣсь подъ 52 градусомъ, и небо совершенно весеннее.

«Въ Черниговѣ, 26 января.

«Пріѣхавъ сюда вчера, я сегодня даю здѣсь балъ, а завтра ѣду. Въ пятницу мы прибудемъ въ Кіевъ, а сегодня вторникъ. Мои карманные министры веселы и здоровы».

«Въ Кіевѣ, 8 февраля.

«Я пріѣхала сюда 29 января въ добромъ здравіи, при 20 градусахъ мороза; несмотря на то, не было ни носовъ, ни ушей отмороженныхъ; мы провели всѣ эти дни въ балахъ, празднествахъ, маскарадахъ, а сегодня, въ понедѣльникъ, слава Богу, начался постъ и положилъ конецъ всему этому шуму; половина Польши здѣсь. Сюда пріѣхали: принцъ Нассаускій, испанскій грандъ и еще одинъ испанецъ, по имени Миранда. Когда они всѣ уѣдутъ, то скажутъ, что не стоило сюда пріѣзжать. Странный это городъ: въ немъ только крѣпость, да предмѣстья, и я все еще отыскиваю городъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, въ древности былъ по крайней мѣрѣ такъ же великъ, какъ Москва. . . .

«Кіевъ, 16 февраля (отдѣльнымъ письмомъ):

«Я получила здѣсь два письма отъ г. Бецкаго и два другіе отъ молодого Бобринскаго, писанныя изъ Парижа: одно отъ 28 декабря, другое отъ 11 января... Готовлю вамъ длинную грамоту, которую пошлю съ курьеромъ; вотъ уже двѣ недѣли какъ я здѣсь. Сюда стеклось множество людей, и всѣ здоровы, между

прочимъ и принцъ Нассаускій, который совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Прощайте, будьте здоровы»[1]).

«Кіевъ, 26 февраля.

«Господинъ многострадальный, усердно прошу васъ прислать мнѣ полное собраніе сочиненій графа Бюффона, въ самомъ лучшемъ изданіи, именно въ большомъ in-quarto съ картинками. Это для Краснаго кафтана, который ежедневно мучитъ меня этимъ. А покамѣстъ онъ и мои карманные министры ужасно шумятъ: каждый хочетъ перещеголять другого въ шуткахъ и дурачествахъ. Господа эти совершенно не стѣсняются. Они спорятъ, говорятъ и смѣются всѣ въ одинъ голосъ, а я слушаю и смотрю и сижу очень смирно въ уголкѣ. Да, вотъ такъ жизнь! И однакоже они называютъ это очень тихой жизнью; безумные люди!»[2]).

«Кіевъ, 2 марта (отдѣльнымъ письмомъ). Я здѣсь ужъ съ 29 января и совсѣмъ здорова; жду вскрытія Днѣпра, которое наступитъ, говорятъ, въ концѣ этого мѣсяца, и тогда вѣроятно намъ можно будетъ сѣсть на суда въ половинѣ нашего апрѣля[3])».

«Кіевъ, 2 апрѣля.

«Вотъ я добралась до вашего № 82, который начинается длинной диссертаціей о добрыхъ гражданахъ[4]). О, сколько зла добрые граждане причинили нѣкоторымъ странамъ! Я видѣла прекрасныхъ гражданъ, потерявшихъ пятнадцать провинцій. Фитцъ Гербертъ увѣряетъ, что это—истинное счастіе для Англіи: да избавитъ Господь всякаго честнаго человѣка отъ такого счастья! Вотъ еще прекраснѣйшій гражданинъ, умершій безо всякой репутаціи, бѣднякъ. Слава несправедлива; я начинаю думать, что она влюблена только въ глупцовъ. Господь да сохранитъ насъ нынѣ отъ государей-гражданъ. Плохая хвала тѣмъ, кого хвалятъ только въ надгробныхъ рѣчахъ: немногіе ихъ слушаютъ, и никто ихъ не читаетъ. Кстати о принцѣ Генрихѣ: говорятъ, что онъ отправляется на жительство въ Женеву; повидимому

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 405. [2]) 394. [3]) 406.

[4]) О Георгѣ III.

хваленный Фридрихъ Вильгельмъ не довольно съ нимъ совѣтуется; да и въ самомъ дѣлѣ пренесносно имѣть дядюшекъ, которые желаютъ чтобъ съ ними совѣтовались, и уѣзжаютъ, когда съ ними не совѣтуются. Что сынъ покойнаго герцога Орлеанскаго принялъ, еще при жизни своего отца, образъ дѣйствій совершенно противуположный отцовскому, точно такъ же какъ и сынъ Фридриха Вильгельма—это совершенно въ порядкѣ вещей и вовсе меня не удивляетъ. Арлекинъ въ комедіи сказалъ бы: «Это точь въ точь какъ у насъ». Я однако не совсѣмъ это говорю, но надѣюсь, что такъ будетъ... Вы угадали, мой духовникъ со мною, но не поѣдетъ въ Крымъ. Храмъ Діаны принадлежитъ князю де-Линю, который здѣсь, и ѣдетъ съ нами на полуостровъ, куда г. Абдулъ Гамидъ не подумаетъ притти; еще менѣе сдѣлается онъ христіаниномъ. Онъ слишкомъ занятъ заботой снимать головы со своихъ пашей, ему некогда заниматься нами путешественниками»[1])....

«Вотъ я дошла до грамоты № 90. Эти пресловутые революціонеры изъ Гриммы—повидимому республиканцы;по болтовнѣ ихъ и злорѣчію они походятъ на Голландцевъ, которые вновь путаютъ свою конституцію (сего 3 апрѣля), вѣроятно, чтобъ составить *ничто* Европы: это имя болѣе пристало имъ, чѣмъ вамъ; и такъ не смѣйте похищать его. Като́ останется Като́; вотъ и все; отдастъ ей справедливость тотъ, кто можетъ; возможно, что справедливость, особливо такого рода, не дается каждому, да и для того, чтобъ отдать полную справедливость, надо, какъ говорится, видѣть, слышать и понимать. Для того же, чтобъ видѣть, слышать и понимать, надо стоять въ уровень; а уровень этотъ зависитъ отъ хорошаго зрѣнія, слуха и пониманія, и пр. и пр.»[2])

«4 апрѣля послѣ обѣда.

«Ратификаціи торговаго договора (съ Франціей) были обмѣнены вчера. Князь де-Линь здѣсь, и поѣдетъ со мною въ Крымъ, какъ я сказала выше. Кавалеръ Ламетъ сегодня простился; я

[1]) *Сб. И. О.* XXIII. 395, 396.

[2]) 396, 397.

полагаю, что онъ и всѣ иностранцы сюда пріѣхавшіе, не разъ уже раскаялись, что были здѣсь, потому что во-первыхъ городъ дрянной: они едва были подъ крышей въ скверныхъ лачугахъ; кромѣ того, многіе пріѣхали вѣроятно, чтобъ быть въ моемъ обществѣ, тогда какъ они увѣряли, что пріѣхали только чтобъ увидѣть меня, и когда они поняли, что не достигли своей цѣли, то уѣхали ни съ чѣмъ; но что за толпа! Никогда я ничего подобнаго не видала.

«Что до вашего собранія нотаблей, хоть оно и дѣлаетъ честь добрымъ намѣреніямъ короля, но до сихъ поръ у насъ не имѣютъ о немъ высокаго мнѣнія. Князь Потемкинъ въ восторгѣ отъ славянскаго Евангелія, на которомъ присягаютъ французскіе короли при коронованіи.

«Вы видите изъ этой грамоты, что г. многострадальный тоже не забытъ въ путешествіи; я сама очень сожалѣю, что Александръ и Константинъ не сопровождаютъ меня въ этой поѣздкѣ, и сами они были этимъ также очень огорчены. Изъ королей же я только увижу Польскаго, при проѣздѣ моемъ черезъ Каневъ; что касается императора, очень сомнительно, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Херсонъ; я боюсь что рожа, которою онъ заболѣлъ, помѣшаетъ ему пріѣхать. Кстати, я должна передать вамъ поклонъ отъ имени великаго князя Владиміра, котораго мощи находятся здѣсь, въ Печерскомъ монастырѣ.

«5-го апрѣля. Вчера, въ ту минуту какъ этотъ пакетъ, сложенный и запечатанный, былъ готовъ къ отъѣзду, дверь моя отворяется и мнѣ привозятъ въ 4 часа послѣ обѣда всю ношу навьюченнаго Трипольскаго[1]). И вотъ я занялась прочтеніемъ грамотъ до шести часовъ вечера; но по мѣрѣ того, какъ я читала, грамоты все удлиннялись. Тутъ пришелъ князь Потемкинъ, а вслѣдъ за нимъ Красный кафтанъ, и говорятъ мнѣ: но одѣвайтесь же, вѣдь у насъ куртагъ. Я встаю, одѣваюсь, иду на этотъ куртагъ, играю

---

[1]) Этотъ курьеръ привезъ нѣсколько писемъ отъ Гримма и государыня отвѣчаетъ послѣдовательно на каждый номеръ.

въ карты, потомъ прощаюсь съ депутатами отъ Крымскихъ Татаръ, выѣхавшими ко мнѣ на встрѣчу, чтобъ просить меня побывать у нихъ; затѣмъ возвращаюсь въ свою комнату, опять беру ваши грамоты»[1])...

Въ этомъ самомъ письмѣ, озаглавленномъ: «Съ опечаленнымъ сердцемъ написанная грамота», былъ разсказъ о несчастныхъ похожденіяхъ молодого Бобринскаго и государыня также выражается объ этомъ въ письмѣ: «въ самомъ дѣлѣ, это самая непріятная грамота, какую я отъ васъ когда-либо получала».

«Вотъ я дошла до № 91. Я не оспариваю двухъ первыхъ пунктовъ этой грамоты: перваго, что Кіевъ, (Kiov, non Kiovie) ближе къ остальной Европѣ, нежели Петербургъ; второго, что когда я уѣхала изъ этого послѣдняго города, то не съ удовольствіемъ его покинула»....

«Вы не можете представить себѣ, какъ я люблю, чтобъ мнѣ говорили: *ты*. Я хотѣла бы, чтобъ во всей Европѣ говорили *ты*».

Уже ранѣе Екатерина писала Гримму, что когда у насъ проповѣдникъ или ораторъ хотятъ быть истинно краснорѣчивыми, то употребляютъ обращеніе: *ты*.

«Лафатеръ въ Цюрихѣ старается доказать, что у королевы Христины физіономія была несравненно лучше, нежели у меня, *и что я далеко не то, что обо мнѣ говорятъ*; однимъ словомъ, что я недостойна развязать снурки ея обуви и что въ лицѣ моемъ есть что-то дѣтское и необдуманное. Итакъ оставьте наши бѣдные носы, мой носъ и носъ оберъ-шенка, въ покоѣ. Не лучше ли будетъ не привязываться къ нимъ, а заняться носомъ королевы Христины,—Александра Швеціи, и по этому поводу обратить свои проповѣди къ Густаву Антонину, ея преемнику, который теперь въ Упсалѣ изучаетъ досконально всѣ науки; особливо же самую полезную для него науку дѣлать золото. Мнѣ оно не нужно: я даю взаймы только бумажки, но за то, не занимаю болѣе»[2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 400. 401. [2]) 402 403.

6 апрѣля: «Князь Вяземскій уѣхалъ пить Саратовскія воды отъ своего удушья; онъ очень давно задыхается и очень не въ духѣ... Я поклонюсь отъ васъ королю Польскому, когда увижу его; онъ въ Каневѣ на Днѣпрѣ, и когда я переѣду Днѣпръ на лодкѣ, онъ посѣтитъ меня и мы отобѣдаемъ вмѣстѣ. Я велѣла отдать графу Сегюру письмо его жены въ ту жъ минуту» [1]....

За этимъ длиннымъ посланіемъ, писавшимся постепенно отъ 19 января до первыхъ чиселъ апрѣля, слѣдуетъ письмецо, которое государыня называетъ листкомъ забвенія, собираясь включить въ него забытое въ предыдущемъ письмѣ. Почти весь этотъ листокъ наполненъ стихами (bouts-rimés) графа Сегюра на всевозможные случаи и темы, и она такъ заключаетъ его: «Когда я вчера сказала графу Сегюру, какая я неблагодарная, потому что не могу отвѣчать ему въ стихахъ, никогда не написавъ ни одного стиха, (я знаю что вы завѣряли, что похитили у меня четыре, но они были не мои: я измѣнила только одно или два слова), онъ отвѣчалъ, что сообщитъ мнѣ всю тайну ихъ на полустраничкѣ. Итакъ, если онъ сдержитъ слово, ожидайте, при первомъ случаѣ, получить отъ меня посланіе въ стихахъ. Прощайте» [2]).

Продолжительность зимы и позднее вскрытіе Днѣпра замедлили отъѣздъ изъ Кіева. Выѣхали только 22 апрѣля на галерахъ, построенныхъ въ римскомъ вкусѣ и богато убранныхъ. Но тяжесть и неповоротливость этихъ судовъ были причиной многихъ затрудненій и приключеній, такъ что разъ буря произвела среди флотиліи серьезное смятеніе. И на галерахъ образъ жизни государыни не измѣнился: общество ее окружавшее соединялось по-прежнему, въ живописныхъ мѣстахъ останавливались для осмотра береговъ, гдѣ почти всегда толпился народъ. Государыня наслаждалась благорастворенньмъ весеннимъ воздухомъ юга, сожалѣла, что не тутъ на берегахъ Днѣпра построенъ Петербургъ и вспоминала о временахъ Владиміра, когда эти страны кипѣли жизнью и обитателями. Переписка съ Гриммомъ

---

[1]) 404, 405. [2]) 407, 408.

также не была забыта, и вотъ какъ изображены самой государыней путевыя впечатлѣнія во время плаванія по Днѣпру, свиданіе въ Каневѣ съ королемъ Польскимъ, пребываніе въ Кременчугѣ, встрѣча съ Іосифомъ II, прибытіе въ Херсонь, наконецъ поѣздка въ Крымъ и посѣщеніе Бахчисарая и Севастополя:

«Съ галеры моей *Днѣпръ*, между Кіевомъ и Каневомъ, 24 апрѣля 1787.

«Я выѣхала 22 этого мѣсяца изъ Кіева и вотъ уже три дня какъ мы плывемъ на веслахъ по Бористену; всѣ, слава Богу, здоровы. Новаго ничего не могу вамъ сказать, кромѣ того, что изо всѣхъ моихъ плаваній это кажется самое затруднительное, потому что рѣка такъ извилиста, на ней столько острововъ и островковъ, столько мелей, что до сихъ поръ еще мы вовсе не употребляли въ дѣло парусовъ; она гораздо быстрѣе Невы. Теперь мы между двумя берегами, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: этотъ—очень гористъ; русскій же берегъ совершенно низменный. Богъ знаетъ, откуда поѣдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣзавтра видѣть на своей галерѣ короля Польскаго.

«26 апрѣля. Король Польскій вчера провелъ у меня на галерѣ девять часовъ. Мы вмѣстѣ обѣдали; я не видала его почти тридцать лѣтъ: можете судить, какую перемѣну мы должны были найти другъ въ другѣ. Сегодня на разсвѣтѣ мы пустились изъ Канева и проплыли верстъ тридцать; послѣ полудня насъ застигла порядочная буря, и вотъ мы стоимъ, и пока моя галера покачивается на якорѣ, а весло бездѣйствуетъ, какъ больной [1]), я забавляюсь писаньемъ къ вамъ, отписавъ уже къ графу Брюсу, которому отдаю отчетъ въ моемъ поведеніи два, три раза въ недѣлю, чтобъ вызвать его на то же, чего впрочемъ онъ никогда не забываетъ.

«Мы сегодня получили извѣстіе объ удаленіи Калонна; что же сдѣлаютъ съ нотаблями? Я именно читала его записки и рѣчь, и

---

[1]) Тутъ попытка сказать въ рифму на двухъ языкахъ: «pendant que ma galère dandine sur son ancre, und dass das Ruder stehet wie ein Kranker».

говорила: — вотъ еще выставка фразъ, но дѣйствительныя средства найти трудно, а паркетъ скользокъ, такъ какъ всѣ скользятъ. Чудный планъ, великій планъ; гдѣ же сидитъ онъ, гдѣ башмакъ жметъ? Широкъ онъ, или узокъ? И то и другое заставляетъ спотыкаться. Да благословитъ Богъ бѣдныхъ людей. Аминь.

«3 мая, на галерѣ, въ четырехъ верстахъ за Кременчугомъ, гдѣ я провела три дня въ большомъ, красивомъ и прелестномъ домѣ, выстроенномъ княземъ Потемкинымъ вблизи чуднаго дубоваго лѣса и сада, гдѣ есть грушевыя деревья такой вышины и обхвата, какъ я въ жизнь не видывала, и притомъ всѣ въ цвѣту. Безспорно, здѣсь, по моему мнѣнію, лучшій климатъ Россійской имперіи; однако жалуются, что нынѣшній годъ весна опоздала здѣсь на три недѣли. Кременчугъ самое веселое мѣсто, какое я когда-либо видала на своемъ вѣку; все здѣсь пріятно. Мы нашли здѣсь 15 тысячъ самаго отборнаго войска, стоявшаго лагеремъ: я давала балъ, на которомъ было по крайней мѣрѣ 800 человѣкъ. Сегодня поутру мы отсюда выѣхали, но вѣтеръ намъ столько же досаждаетъ, сколько проекты финансовыхъ контролеровъ наи-христіаннѣйшему королю. Еслибъ вы знали все, что говорится и творится ежедневно на моей галерѣ, вы помирали бы со смѣху. Всѣ эти люди, путешествующіе со мною, такъ ко мнѣ привыкли, что чувствуютъ себя какъ дома.

«Херсонь, 15 мая. 7 числа этого мѣсяца я узнала на своей галерѣ, проѣхавъ Кайдаки, что графъ Фалькенштейнъ скачетъ во весь опоръ ко мнѣ на встрѣчу; тотчасъ и я вышла на берегъ, чтобъ съ своей стороны поскакать на встрѣчу къ нему, и вотъ мы оба такъ хорошо скакали, что встрѣтились среди поля носъ къ носу. Первое слово имъ сказанное мнѣ: Вотъ теперь всѣ политики сбиты съ толку, никто не увидитъ нашего свиданія. — Онъ былъ съ своимъ посланникомъ, а я съ княземъ де-Линемъ, Краснымъ кафтаномъ и графиней Браницкой. Величества сѣли въ одну карету и проскакали тридцать верстъ до Кайдаковъ. Но пока мы рыскали по полю, мы расчитывали—одинъ изъ насъ (Іосифъ II)

на мой обѣдъ, а другая на обѣдъ князя Потемкина, который, готовясь къ основанію новаго города, чтобъ выиграть время постился, и хотя мы нашли его вернувшимся изъ своей экспедиціи, по обѣда не было. Однакоже нужда изобрѣтательна: князь Потемкинъ вздумалъ самъ обратиться въ кухмистера, принцъ Нассаускій въ поваренка, великій генералъ Браницкій въ пирожника, и вотъ съ самаго корованія обоихъ величествъ они еще никогда не были такъ почтно и вмѣстѣ такъ дурно угощаемы; несмотря на то, всѣ ѣли, смѣялись и довольствовались кое-какимъ обѣдомъ. На другой день пообѣдали лучше, а на слѣдующій день поѣхали въ Екатериноградъ [1]), гдѣ былъ положенъ первый камень. Оттуда мы пробыли въ дорогѣ досюда (до Херсони) три дня и уже четыре дни находимся здѣсь; сегодня мы спустили на воду три военные корабля; это уже седьмой, восьмой и девятый изъ построенныхъ здѣсь: но что сказать вамъ обо всемъ, что мы здѣсь дѣлаемъ и видимъ?

«Херсони нѣтъ еще и восьми лѣтъ, а онъ можетъ уже считаться однимъ изъ красивѣйшихъ военныхъ и купеческихъ городовъ имперіи. Всѣ дома изъ тесанаго камня; городъ имѣетъ по крайней мѣрѣ шесть верстъ длины; его мѣстоположеніе, почва, климатъ превосходны. Здѣсь по меньшей мѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всѣхъ націй: можно встрѣтить что угодно, какъ въ Петербургѣ. Наконецъ, стараніями князя Потемкина этотъ городъ, какъ и страна его окружающая, гдѣ при заключеніи мира не было ни лачуги, сдѣлались цвѣтущими, и конечно годъ отъ году еще будутъ улучшаться.

Послѣзавтра мы направимся въ Крымъ съ графомъ Фалькенштейномъ; я, изъ любопытства, пошлю это письмо изъ Севастополя. Черезъ двѣ недѣли мы вернемся. Всѣ здоровы и особенно графъ Сегюръ; вы можете увѣрить въ томъ его семейство. Здѣсь утверждаютъ, что отецъ г. Сегюра и г. Кастри уже уво-

---

[1]) Такъ первоначально думали назвать Екатеринославль, при основаніи этого города.

лены: вотъ что называется устроить домъ свой заново, или лучше, очистить свой домъ.

«Въ Бахчисараѣ, древней резиденціи хановъ, и ихъ домѣ, гдѣ помѣщена вся свита (pacotille) обоихъ величествъ. 21 мая 1787. Мы переѣхали третьяго дня линіи Перекопа, а вчера, около шести часовъ послѣ обѣда, прибыли сюда всѣ въ добромъ здравіи и самомъ веселомъ расположеніи духа; во всю дорогу насъ сопровождали Татары[1]) а за нѣсколько верстъ отсюда, прибывъ верхами, мы увидѣли все лучшее, что только есть въ Крыму. Это было превосходное зрѣлище: такимъ образомъ, окруженные спереди, съ боковъ и сзади, въ открытой каретѣ[2]), въ которой сидѣло восемь человѣкъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и вышли прямо въ домъ хановъ; тамъ мы помѣщены между минаретами и мечетями, гдѣ кричатъ, молятся, поютъ и вертятся на одной ножкѣ пять разъ въ двадцать четыре часа. Мы всё это слышимъ изъ своихъ оконъ, и такъ какъ сегодня праздникъ Константина и Елены, то будемъ слушать обѣдню на открытомъ воздухѣ, въ палаткѣ, для того приготовленной. О! какое странное явленіе—наше пребываніе здѣсь! Кто? гдѣ? Князь де-Линь говоритъ, что это не путешествіе, а непрерывная цѣпь празднествъ до того разнообразныхъ, что нигдѣ не видано, да и нельзя видѣть подобныхъ. Онъ льстивъ, этотъ князь де-Линь, скажутъ можетъ-быть, пожалуй что это и правда. Завтра мы ѣдемъ отсюда въ Севастополь. Г. фактотумъ перемѣнилъ распоряженіе. Кажется, онъ посылаетъ курьера отсюда, а не изъ Севастополя.

«Севастополь, 23 мая 1788. Я ошиблась. Г. фактотумъ не послалъ курьера, а отправитъ его отсюда, куда мы прибыли вчера;

---

[1]) Іосифъ нѣсколько безпокоился, или по крайней мѣрѣ удивлялся смѣлости императрицы, не видѣвшей никакой опасности въ такомъ конвоѣ. (Castera II, 12).

[2]) Близъ Бахчисарая императрица подверглась нѣкоторой опасности. На скатѣ горъ въ ущельи, черезъ которое вела дорога къ столицѣ татарскихъ хановъ, лошади не могли удержать тяжелый экипажъ; только усиліями Татаръ, окружавшихъ карету, ее остановили и тѣмъ предотвратили несчастіе. (См. статью объ этомъ путешествіи г. Брикнера въ *Журналѣ Мин. Нар. Просв.* іюль 1872 года).

право, все это до того похоже на сказку Тысячи одной ночи, что не знаешь, находишься ли на яву, или во снѣ. Я нашла здѣсь, гдѣ три года тому назадъ ничего не было, довольно хорошенькій городъ и маленькую весьма проворную и молодецкую флотилію: портъ и якорная стоянка довольно хороши, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ выказалъ при этомъ большую дѣятельность и смѣтливость. Турецкій флотъ, который въ шести-стахъ верстахъ отсюда, или около того, еще не показывался; посмотримъ, сдѣлаетъ ли онъ здѣсь высадку, чтобъ выгнать насъ отсюда, какъ возвѣщаютъ о томъ газеты. Графъ Фалькенштейнъ, кажется, очень доволенъ всѣмъ, что видитъ, а князь де-Линь говоритъ, что это непрерывный праздникъ. Прощайте» [1]).

Обратный путь изъ Крыма продолжался болѣе мѣсяца черезъ Харьковъ, Кременчугъ, Полтаву, Курскъ, Орелъ, Тулу, Москву. Князь Потемкинъ былъ удостоенъ прозванія Таврическаго. Первое письмо, написанное послѣ того изъ Коломенскаго, было отъ 25 іюня. Вотъ оно:

«Пріѣхавъ третьяго дня въ Коломенское, въ десяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ я нашла своихъ внуковъ, уже расположившихся здѣсь съ начала этого мѣсяца, вчера, на другой день послѣ своего пріѣзда, я получила вашъ № 86, который, по словамъ фактотума, прибылъ черезъ Бахуса Глутоновича. Не вхожу въ разборъ всей галиматьи, которую вы мнѣ пишете, не имѣя на то времени, такъ какъ мои оба внучка страшно шумятъ у меня въ комнатѣ, а вѣдь жестоко было бы прогнать ихъ, когда мы шесть мѣсяцевъ не видались.... Прощайте, я въ совершенномъ здоровьи вернулась изъ своего путешествія, которымъ имѣю право быть вполнѣ довольною; черезъ недѣлю надѣюсь ѣхать отсюда въ Петербургъ. Всѣ меня окружающіе здоровы какъ я, особенно графъ Сегюръ и князь де Линь, которые весело шумятъ съ Краснымъ кафтаномъ и еще болѣе съ моими внучками; не знаю, какъ я могла и это написать».

---

[1]) 408, 409, 410, 411. 412.

«Москва, 29 іюня 1787.

«Я пріѣхала сюда третьяго дня, а вчера курьеръ привезъ № 92 и доклады 87 и 88. Сажусь отвѣчать на нихъ, потому что дѣло спѣшное; буду отвѣчать вамъ несмотря на праздники и сутолоку московскихъ пировъ, которые удвояютъ сумятицу и не оставляютъ мнѣ ни минуты времени, ни отдыха во весь день.....».

«Слава Богу, путешествіе окончено досюда, и двадцатипятилѣтіе царствованія тоже. О назначеніи барона Дальберга на Майнцское коадъюторство, я вамъ уже высказала свои привѣтствія; итакъ особаго посланія не будетъ. Не знаю, будетъ ли молебенъ отслуженъ тамъ, гдѣ вы предлагаете; но навѣрное, если это случится, Платонъ отслужитъ его съ удовольствіемъ; онъ вчера самъ мнѣ это сказалъ.

«Вы можете быть покойны, что по моимъ извѣстіямъ нѣтъ ничего достовѣрнѣе плана избрать второго сына Прусскаго короля въ коадъюторы въ Майнцъ; герцогъ Веймарскій склонилъ къ тому короля; нѣкто баронъ Штейнъ былъ употребленъ въ этомъ дѣлѣ. Герцбергъ и главные дѣльцы въ томъ не сознаются: да переговоры и шли помимо ихъ, но Фридрихъ-Густавъ согласился на это въ томъ же родѣ, какъ Людовикъ XV, помимо дѣльцовъ. NB. Видите, это сокращенное изложеніе ясно, и вы можете знать кому вамъ кланяться; теперь вы давно должны были получить разсказъ о свиданіяхъ и путешествіи; не знаю, отчего объ этомъ путешествіи моемъ такъ шумятъ; право, не о чемъ.

«Убирайтесь съ вашими нотаблями: не знаешь право, на что можно у васъ расчитывать. Вы и вашъ г. Калоннъ и никто изъ вашихъ меня не соблазняетъ; такъ берегите ихъ для себя; всѣ эти знаютъ въ десять разъ болѣе меня, а дѣйствуютъ въ десять разъ хуже меня и моихъ чиновниковъ, у которыхъ менѣе красивыхъ фразъ. Не вѣрьте тому, что̀ газеты болтаютъ о моихъ путевыхъ расходахъ: они сдѣлали изъ графини Браницкой мою поставщицу и разсказываютъ, что она въ Кіевѣ ежедневно полу-

чала 5000 рублей на мой столъ, и продавала мнѣ яйца по полтинѣ за штуку; все это чистѣйшая и полнѣйшая выдумка, но это дало намъ поводъ много поддразнивать вышеупомянутую графиню, которая смѣялась вмѣстѣ съ нами.....

«Я сегодня кинула Кваренги въ лицо планы Бахчисарая, прежняго мѣстопребыванія хана; Бахчисарай представляетъ любопытную внутренность турецкаго сераля и комнатъ, жалкимъ образомъ убранныхъ барономъ Тоттомъ; странно, что произведенія этого человѣка понемногу, одни за другими, попадаютъ въ мои руки. Премного благодарю г. Монморена за чудное успокоеніе, о которомъ онъ для меня мечтаетъ; пусть оставятъ насъ въ покоѣ дѣйствовать какъ знаемъ: каждый найдетъ въ этомъ для себя выгоду, и болѣе реальную выгоду, чѣмъ ихъ мечтательныя идеи, между тѣмъ какъ у нихъ нѣтъ ни копейки; тогда бы мы сдѣлались большими и наилучшими друзьями и болѣе чѣмъ когда-нибудь; если же нѣтъ, то пусть все пойдетъ какъ Богъ велитъ» [1]).

Очевидно, что здѣсь государыня говоритъ о предлагаемомъ ей союзѣ съ Франціей, на случай ожидаемаго столкновенія съ Турціей.

«Сего 30 іюня, послѣ обѣда. Вашъ другъ коадъюторъ Майнцскій конечно обезсмертитъ себя, если потрудится обратить въ ничто всѣ эти отвратительно враждебныя расположенія, которыя столько вздорныхъ людей стараются питать въ виду собственныхъ выгодъ.....

«Князь Потемкинъ остался въ своихъ губерніяхъ, пока ему вздумается къ намъ возвратиться.....

«Надѣюсь быть въ Петербургѣ около 10-го іюля стараго стиля..... Еслибъ Фальконетъ скончался, возвратите мнѣ портретъ мой, которымъ онъ владѣлъ, или оставьте его у себя. Прощайте; одолѣвъ всѣ ваши депеши, желаю вамъ добраго здо-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 412, 413, 414.

ровья и болѣе спокойствія, чѣмъ то, какимъ я пользуюсь въ Москвѣ, откуда ѣду 4-го іюля стар. стиля»[1]).

Первое письмо изъ Петербурга, слѣдующее за этимъ, помѣчено 13 сентября 1787 года.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 415, 416.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 5.

ФРІУЛЬСКІЕ СЛАВЯНЕ.

И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1881.

мира Кампоформійскаго до 1805 г. и за тѣмъ отъ паденія Наполеона I до присоединенія Венеціи къ Итальянскому королевству онѣ были подъ властію Австріи; но это ни сколько не помѣшало имъ остаться при прежнемъ устройствѣ.

Изъ путешественниковъ, занимавшихся Славянами, мнѣ прежде другихъ случилось проникнуть въ этотъ затаенный уголокъ Славянства и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, что кромѣ Резіянъ, занимающихъ одну изъ извѣстныхъ долинъ этого уголка, живутъ на югъ отъ нихъ и другіе ихъ соплеменники. Посѣтивъ эти погорья, я собралъ на мѣстѣ нѣсколько свѣдѣній о народѣ и языкѣ его. Позже были тамъ и другіе путешественники, но не многіе и сообщили немногое. Думая по этому, что и теперь не совершенно излишни будутъ свѣдѣнія, мною собранныя, представляю ихъ въ томъ видѣ, какъ я ихъ записалъ скоро послѣ посѣщенія края. Къ даннымъ, мною собраннымъ, прибавлено кое-что подъ строкою, кое-что въ приложеніяхъ—по замѣчаніямъ И. А. Бодуэна и частію, по другимъ сообщеніямъ. Считаю особенно важными прибавленія И. А. Бодуэна, которыя не только добавляютъ новыми любопытными данными мои замѣтки, но и исправляютъ ихъ. Подстрочныя прибавленія всѣ сдѣланы имъ.

РЕЗІЯНЕ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Дуньá. Жаръ, пыль; нельзя думать, что еще апрѣль. Въ Тарфисѣ я нанялъ извощика до Резіуты, которая своимъ названіемъ напоминаетъ мнѣ Резію: одна отъ другой не должна быть далеко, хотя на всѣ мои распросы никто не могъ до сихъ поръ отвѣчать ничего для меня утѣшительнаго. Пускаюсь на авось. Хоть мнѣ и говорятъ, что Фурланы иногда довольно своевольно поступаютъ съ одинокими путниками, но я что то плохо этому вѣрю. Во всякомъ случаѣ Резія не далеко, ни какъ не да-

лѣе 6—7 часовъ пути, и смѣшно было бы воротиться. Въ *Слованнѣ* Добровскаго такъ мало о Резіи, что надобно кому-нибудь узнать ее ближе. — Дорога изъ Тарфиса въ Понтеббу и оттуда далѣе идетъ по узкой долинѣ; въ глубинѣ ея широкое каменистое сухое ложе потока, у потока искусно продѣлана дорога; зелени мало, и та сѣра подъ густою дорожною пылью, а горы почти всюду голы. Въ Понтеббѣ начинается Итальянская архитектура: крыши плоскія, самые бѣдные домики въ 2—3 яруса, а около домиковъ деревья, которыхъ вѣтви прибиты плотно къ стѣнѣ, и надъ крыльцами хворостяные пологи, по которымъ начинаетъ разстилаться зелень винограда. Въ Дуньи я остановился обѣдать. Хозяинъ гостинницы Фурланъ, но говоритъ нѣсколько словъ по Нѣмецки. Я спросилъ его о Резіи,—и онъ отвѣчалъ, что эта долина въ $1\frac{1}{2}$ часа ходьбы отъ Резіуты, и что проводника достать можно легко. «Да и на что вамъ проводникъ» — прибавилъ онъ, и, показавши на молодаго человѣка въ черномъ длинномъ сюртукѣ, сидѣвшаго съ другимъ за салатомъ и виномъ, спросилъ меня: «Вы его знаете»? — «Я туть съ роду въ первый разъ». — «Аа! ну съ, это капелланъ изъ Резіи». Въ восторгѣ радости, я бросился къ синьору капелану, и насказалъ ему разной дичи, какъ умѣлъ, по Нѣмецки. Веселое, полное, красивое лице синьора капелана мѣсяцомъ глядѣло на меня, слушало меня со всѣмъ вниманіемъ равнодушія, и потомъ сказало такъ-же равнодушно: «non capisco» (не понимаю). Что было дѣлать: языкомъ Гольдони я еще не говорилъ никогда. Къ счастью капелланъ понималъ Хорутанское нарѣчіе, и мѣшая Итальянскій съ Хорутанскимъ, я объяснилъ коекакъ капеллану, что̀ мнѣ нужно. «Прекрасно, прекрасно!»—отвѣчалъ мнѣ капелланъ, пожимая мою руку. Я буду въ Резіутѣ не болѣе какъ черезъ три часа. Мы тамъ встрѣтимся, и пойдемъ въ долину вмѣстѣ». Облобызавши меня, капелланъ доѣлъ свой салатъ, допилъ вино и отправился. А я жду, пока мой конь выѣстъ свой овесъ и напьется воды. Пишу, слушая болтанье Фурлановъ, вой нищихъ, крикъ продавцевъ и покупщиковъ, фурмановъ и гостей; и отъ радости нѣтъ охоты ни писать, ни слушать.

Резія. Вотъ я и тутъ. Резіута маленькое мѣстечко, лежащее у горъ на большой Миланской дорогѣ. Я нашелъ тутъ капеллана въ гостинницѣ. Нанявши провожатаго для переноски моей сумки, я пошелъ съ капелланомъ въ долину въ верхъ по теченію Резіи по дорогѣ, хоть и узкой, по покойной для самыхъ тяжелыхъ возовъ. За три года была тутъ тропинка, очень узкая. Долина мало по малу расширилась; показались деревеньки, а потомъ и всѣ сѣрыя горы, между которыми долина кажется дномъ котла или городища. По дорогѣ я распрашивалъ названія деревень, горъ, растеній... Съ нами шла женщина изъ деревни Нивы, и глядя на меня беспрестанно смѣялась... «Что же это смѣешся ты, такъ странно оглядывая синьора Русса?» — «Да какъ же? — отвѣчала она простодушно: «вы говорите, что синьоръ живетъ за 800 что ли миль отъ насъ, а пришелъ поглядѣть на насъ, и говоритъ такъ что все понимаешь, какъ будто родился въ Корушкой (Каринтіи). Мнѣ и вѣрится и невѣрится, и смѣшно!» И она опять начинала смѣяться. Въ Бѣлѣ мы зашли въ одинъ изъ дворовъ отдохнуть и освѣжиться виномъ. Старушка встрѣтившая насъ, вынесла намъ треножникъ и стулъ, и подала по кружкѣ вина; я хотѣлъ было ей заплатить, но она оттолкнула руку мою и отвѣчала: «Вотъ-на! я не продаю вина, а для добрыхъ знакомыхъ у меня есть его довольно. Пейте на здоровье, синьоръ». Черезъ четыре часа, мы были въ боргѣ Равенцѣ у приходской церкви. Сумку я оставилъ въ гостинницѣ, а самъ съ капелланомъ, пошелъ къ плебану (приходскому священнику), въ садъ. Патеръ Одорико Буттоло, добрый старикъ (ему уже 73 года), всѣмъ сердцемъ обрадовался моему приходу. «Резія и Русія одно и то же»: это его любимая поговорка, и онъ началъ ею. Онъ говоритъ по Нѣмецки, по Французски, по Латыни. Мы заговорили было по Нѣмецки; но старикъ скоро очнулся: «Мы Русскіе; для чего же будемъ говорить по Нѣмецки?» Вечерѣло. Опираясь на мою руку (старикъ уже очень слабъ на ноги), онъ повелъ меня къ своему домику, и усадилъ себя и меня на широкой каменной скамейкѣ передъ домомъ, проти ву липъ, которыя стоятъ на площадкѣ рядомъ съ моей

гостинницей, у самаго спуска въ глубь долины. Тутъ разговоръ нашь тянулся довольно долго. Плебанъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что Резія должна быть извѣстна въ Россіи. Графъ Потоцкій, проѣздомъ изъ Италіи, остановился однажды въ Резіутѣ. Резіянки случились тамъ съ виноградомъ, и обратились къ нему съ вопросомъ: *купите вина?* Славянскій вопросъ изумилъ графа; онъ сталъ распрашивать ихъ, откуда онѣ, велѣлъ себя провести въ долину, провелъ въ ней ночь и записалъ «Отче нашь». Солдаты Русскіе заходили также въ Резію, и говорили съ жителями по Русски. Позже мы перешли со старикомъ въ кухню: огонь въ ней раскладывается на полу, надъ огнемъ виситъ котелъ, въ которомъ варится полента, надъ котломъ широкая труба, спускающаяся къ низу все шире, къ стѣнамъ; близь огня горшки и вертелъ для жаренья мяса. По стѣнамъ скамьи для сидѣнья. Передъ этою частію кухни другая часть, гораздо больше, гдѣ развѣшена и разставлена посуда. Расположившись у огня, я записалъ нѣсколько пословицъ, словъ и пѣсенку, которую плебанъ позволилъ пропѣть только изъ уваженія къ Русскому моему любопытству. «Пѣть впрочемъ негодится — замѣтилъ онъ: мы должны не пѣть, а молиться Богу». На ужинъ подали *бръжолю* (печеные кусочки мяса) и *супу*. Потомъ я пошелъ въ гостинницу. Комната моя не велика; на одномъ столѣ приготовлена мнѣ постель; на другомъ лежитъ мой портфель; одинъ соломенный стулъ поломанъ, и на немъ сумка, на другомъ могу сѣсть. Окно въ долину; полумѣсяцъ освѣщаетъ дикую сѣрину и серебрится по снѣговымъ коврамъ, которыми глубоко покрыты горы почти до половины; огня уже нигдѣ невидно; Резія гремитъ.

На другой день. Цѣлый день ходилъ по долинѣ. утромъ одинъ (потому что и плебанъ и капелланъ были въ училищѣ), послѣ обѣда съ капелланомъ. Деревни почти пусты: все на поляхъ, кто копаетъ груды, кто срѣзываетъ молодыя листья съ липъ, кто таскаетъ камень; другія, сидя у работающихъ на нивахъ, прядутъ или шьютъ. Все тихо. Нѣсколько старушекъ, которыхъ заставали мы дома, расказывали намъ какъ умѣли объ обычаяхъ. Вечеръ

опять съ плебаномъ. — Завтра иду далѣе. Проводника изъ Резіанъ, выбраннаго плебаномъ, я взялъ до самой Горицы (Gorizia, Görz), платя въ день по два цванцигера (двугривенный): «Онъ вѣрный человѣкъ, и бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ», сказалъ мнѣ плебанъ. Завтра онъ долженъ придти чуть свѣтъ; капелланъ обѣщался меня разбудить.

Проѣзжая по большой Вѣно-Миланской дорогѣ изъ Дуньо черезъ Кьюзо въ Бѣлу-Резіуту (Resiuta), видишь въ лѣво надъ собою стремнины горъ: за этими горами долина Резіянская = Val di Resia. У Бѣлы-Резіуты горы раздвоются, давая проходъ рѣчкѣ Резіи, впадающей тутъ въ Клюшку воду [1]) (Fela = Бѣла? она втекаетъ съ лѣва въ Тальяменто). Здѣсь надъ каменистымъ ложемъ рѣчки по отлогости горъ съ лѣва продѣлана за три года передъ этимъ довольно покойная шоссейная дорога въ долину. Идя этой дорогой четверти три часа, встрѣчаешь крестъ съ образомъ Богоматери: святая дѣва изображена сидящею на облакахъ, поддерживаемыхъ двумя ангелами, а два другіе сверху вѣнчаютъ ее короной. Подъ образомъ подписано: «S. madonna e protetrice del commune di Resia». Тутъ граница собственно долины Резіянской.

Дорога идетъ далѣе черезъ деревню Бѣлу (tä na Bili) [2]) и черезъ борго Липовецъ (Ljipowec), и оканчивается на серединѣ долины въ борго Равенцѣ (tä na Rawanci), иначе называемомъ Prato della madonna [3]). Около небольшой площади стоятъ тутъ приходская церковь Успенія = di S. Maria Assunta di Resia, домъ приходскаго священника, приходское училище, три гостинницы

---

[1]) Названія «Клюшка вода» мнѣ не удалось слышать.

[2]) Теперь «ta na Bili» употребляютъ Резьяне для названія фурланской мѣстности Резіуты (Resiutta), первую же со входа въ долину Резіанскую деревню (по Итальян. S. Giorgio) они зовутъ «tù u Bili» или «tò u Bili», смотря по говорамъ.

[3]) Теперь просто «Sul Prato».

(osterie), и двѣ липы, священныя въ преданіи Резіянъ[1]). Гостинница у липъ лучшая; тутъ путникъ можетъ получить довольно покойную комнату съ видомъ въ долину.

Лучше впрочемъ оглядѣть долину съ колокольни Успенской церкви. Въ длину она не болѣе 6 верстъ, въ ширину въ самомъ широкомъ мѣстѣ не болѣе 2-хъ верстъ. Горы, изъ которыхъ нѣкоторыя до іюня покрыты снѣгомъ, поднимаются стремнинами со всѣхъ сторонъ. (Вотъ названія этихъ вершинъ, начиная отъ входа въ границы обчины: подъ пограничнымъ крестомъ поднимается Ruštja, далѣе слѣдуютъ Zaháta, H'slá, Pÿsty hözd, Sărt, Tianin, а противъ нихъ съ другой стороны долины идутъ къ границѣ: Baba, Kÿla, P'rwalo, Muzac = Muzy[2]), Škarbina). Всѣ онѣ составляютъ высокій валъ, кое-гдѣ болѣе поднявшійся, кое-гдѣ нѣсколько залегшій, повсюду въ вершинѣ своей голо-каменистый и утесистый. Между вершинами Тіаниномъ и Бабой беретъ начало свое Резія и искривленнымъ полукругомъ съ востока къ юго-западу[3]) течетъ вдоль по долинѣ. Въ трехъ верстахъ отъ ея истока спадаетъ въ нее Потокъ (Potók), не много ниже другой потокъ Берменъ[4]) (Bärmän) и верстахъ въ двухъ ниже сего Черный потокъ (Čărny potók), всѣ три съ лѣва. Меньшіе потоки горные текутъ въ Резію съ обѣихъ сторонъ, межь камнями и зеленью, примѣтные только по журчанію. Каменистыя дикія побережья Резіи и потоковъ, въ нее впадающихъ, какъ и вообще всѣхъ водъ въ этихъ мѣстахъ, разъ въ десять шире самаго ложа. Отъ побережья поднимаются зеленистые наклоны (brjehi), потомъ выше—равницы (rawnice), во всей долинѣ одинаково возвышенныя надъ водою, далѣе поднимаются полонины (planine), плодоносныя отлогости, покрытыя травой или лѣсомъ (hözd), а за ними начинаются утесы горъ (klanci, rôby), кое-гдѣ поросшіе рѣдкимъ лѣсомъ, а болѣе

---

[1]) Въ настоящее время съ этими липами не связано никакое преданіе, и онѣ просто только липы (lypa).

[2]) *Mŭzac* есть названіе Резьянское, Monte de' Musi — Итальянское.

[3]) Скорѣе къ сѣверо-западу.

[4]) Лучше, можетъ быть, было бы назвать его по-русски *Барманъ* или же *Борманъ*.

голые. Жилища большею частію помѣщены на равницахъ, окруженныя полями и деревьями, изъ которыхъ прежде всего бросаются въ глаза липы, поднимающіяся въ верхъ какъ тополи высоко столбами (боковыя вѣтви ихъ подрѣзываютъ для корма коровамъ, и отъ этого онѣ растутъ въ верхъ). Все вмѣстѣ представляетъ картину прекрасную, но и пустынную, дикую; сѣраго цвѣта камня въ двое болѣе нежели зелени, а вода блеститъ едва замѣтно.

Русскій войдетъ въ эту долину не какъ чужой: его поймутъ хотя сколько нибудь, его примутъ ласково, радушно. Правда, что почти никто въ Резіи не слыхалъ о Россіи [1]), но многіе съ родственнымъ чувствомъ услышатъ Русскіе звуки.

Жителей въ Резіи, по схиматизму 1841 года, 2767. Каждогодно рождается отъ 70 до 90, умираетъ отъ 60 до 70, браковъ бываетъ около 10—12 [2]).

Народъ большею частію средняго роста, хорошо сложенный, довольно красивый, впрочемъ безъ особенной характеристики физіогноміи; крѣпкій, здоровый. Зобастыхъ и кретиновъ, которыхъ такъ много въ сосѣднихъ Нѣмецкихъ горахъ, тутъ вовсе нѣтъ.

Люди веселые, добрые, безъ сильныхъ страстей. Месть была когда-то подчинена особенному закону, но теперь и этотъ законъ и она сама остаются только въ преданіи: мѣсто мести заняла теперь любовь помагать другъ другу, и всѣ жители долины кажутся какъ бы однимъ большимъ семействомъ.

Всѣ они свободны, платя обычную подать. Въ церковномъ отношеніи они составляютъ одинъ приходъ. Кромѣ главныхъ четырехъ деревень (tä na Solbici, tä w Oseani, tä na Njiwi, tä na Bili) есть еще въ долинѣ четыре борга (tä na Rawanci, tä u Ljipowci, tä na Kuryte, tä ẘ Učji) и нѣсколько малыхъ поселеній (ta na Kryžacich, ta za Mlyn, Holištje, Martin na Lazu, Hözd,

---

[1]) Теперь всѣ Резіяне знаютъ о Россіи.

[2]) По народной переписи 31 декабря 1871 г., всѣхъ Резьянъ оказалось 3,275 (изъ нихъ 2,537 было на лице въ Резьянской долинѣ, остальные же, 738, ушли за заработкомъ въ разныя мѣста Италіи, Австріи и Германіи. Въ 1872 году родилось въ Резьи 113, умерло же 100 человѣкъ.

Ljištjaca, Stary mlyn, na Čärnÿm potoci, u Čärnÿm potoci, pod Ruśtju, na Hospodnÿci). Изъ этихъ поселеній замѣчательно Успенское (na Hospodnÿci): оно близь пограничнаго креста; жители сохраняютъ о немъ преданіе, что тутъ жилъ ихъ общій предокъ, пришедшій изъ какой-то «Руссіи»; дѣти его поселились въ Бѣлу и построили церковь во имя св. Юрія, который до сихъ поръ остается народнымъ патрономъ всей долины.

Постройка домиковъ (kħjiša) и домашнее устройство почти какъ и всюду во Фріулѣ. Всѣ домики выстроены изъ камня (pötj) и покрыты черепицей (čerica). Бѣдные довольно бѣдны: прямо съ надворья входишь въ избу (ispa), совершенно закоптѣлую; кругòмъ лавки (mize, deske), надъ лавками полки съ посудой (poljice za posodbo); въ серединѣ или въ сторонѣ каменный помостъ (oħnjištje), на которомъ раскладывается огонь, а надъ нимъ виситъ котелъ (štanjeda), въ которомъ приготовляется полента. Утромъ и вечеромъ изба наполняется дымомъ, такъ что невозможно войдти. Рядомъ съ этой избой, тоже прямо съ надворья, другая небольшая, съ постелью, безъ печи (kryžica čumnata). Подлѣ домика стоитъ хлѣвъ (chljïwc) для коровы и свиней, обваленный хворостомъ для топленья. Впрочемъ только у бѣдныхъ такія жилища. У зажиточныхъ домикъ строится въ три яруса: внизу чуланы и кухня съ огнищемъ; въ серединѣ жилые покои (chrambe) со стульями (stôli) и столами (mize)[1]), иныя съ печьми (farni); вверху горище, служащее и вмѣсто чулана (chljïw); хлѣвъ съ боку; дворикъ обнесенъ каменною стѣною, съ воротами, нерѣдко очень красивыми, съ внутреннымъ замкомъ (kjučanica); иной добрый хозяинъ имѣетъ и цистерну съ водой (peč). Улички (stäħnice)[2]) между домами такъ тѣсны, что не только возомъ, но и лошадью повернуться было-бы негдѣ. Садовыя деревья — яблоки, груши, вишни, черешни — около жилищь; за ними нивы (njiwe).

---

[1]) *Miza* означаетъ по резьянски *скамью*, столъ же они зовутъ *tàwola*.

[2]) Слова *stäħnice* я вовсе не слышалъ; узенькія же улички позади домовъ извѣстны, если не ошибаюсь, подъ названіемъ *jindrinice*.

Каждое семейство (kutja) [1]) живетъ отдѣльно. Немногіе имѣютъ прислугу, и то изъ бѣдныхъ родственниковъ и сиротъ. Работаютъ всѣ все, безъ различія пола: мужчины и женщины вмѣстѣ—и обдѣлываютъ гряды для посѣва, и косятъ, и жнутъ, и собираютъ виноградъ, и варятъ кушанье, и ткутъ, и прядутъ, и строятъ домы. Бѣдность долины заставляетъ впрочемъ многихъ изъ мужчинъ уходить изъ долины въ Краину, Каринтію, даже въ Вѣну, и заниматься тамъ продажей плодовъ и т. п., или поденщичать. Въ Вѣнѣ Резіянинъ не рѣдкость: по аллеямъ гласиса они продаютъ апельсины, орѣшки, разныя сласти; въ Краинѣ ихъ можно видѣть съ ихъ крозмами (krozmo) — ящиками, наполненными разнымъ мелкимъ товаромъ: Резіянинъ носитъ его на плечахъ, какъ Словакъ, заходящій къ намъ изъ Турца, свою аптечку. Женщины — или продаютъ въ окрестностяхъ домашнія мелкія издѣлія, или даже и просятъ милостыни у сосѣднихъ Краинцевъ. Дома никогда не бываетъ болѣе $^3/_4$ жителей.

Земледѣліе въ бѣдномъ состояніи. Нивъ очень мало, да и тѣ очень дурны, каменисты, и сколько ни унаваживаются, даютъ очень малый прибытокъ, недостаточный для прокорму жителей. Сѣется болѣе всего пшеничка (fromentin) и картофель (kartjufle) [2]), кромѣ того немного ржи и пшеницы, горохъ, бобы, огородная зелень и ленъ (njil) [3]). Гряды (širaci) для посѣва—настоящія огородныя гряды, обдѣлываются руками съ помочью лопатъ, мотыкъ, молотовъ (pála [4]), motÿka, kjač), такъ что ни плуга или сохи, ни лошади, ни вола нѣтъ въ цѣлой долинѣ. Садовъ (wårti) нѣтъ почти; лучшіе принадлежатъ священнику. Виноградники (ghrazdowniki) даютъ вино довольно порядочное, но мало [5]). Охота бѣдная: кое-

[1]) Слово *kutja* мнѣ совершенно неизвѣстно.

[2]) Слова *fromentin* для названія пшенички я не слыхалъ; картофель же зовутъ Резіяне *krampir*.

[3]) Теперь *ленъ* зовутъ *lan*, а не *njil*.

[4]) Лопата по Резьянски *lapáta*, а не *pála*.

[5]) Теперь Резьяне вовсе не получаютъ вина изъ своихъ виноградниковъ. Виноградъ здѣсь не можетъ созрѣть, вслѣдствіе того, что Резьянская долина закрыта съ юга громадными горами (Monte de' Musi и т. д.), и солнце видно въ ней далеко не цѣлый день, а только извѣстную часть его.

когда попадется заяцъ, а уловить серну — праздникъ для цѣлой долины [1]). Скотоводство то-же бѣдное: счастливо семейство, имѣющее десятка полтора ягнятъ, козъ и свиней, да корову или двѣ; а быкъ всегда есть общее имущество нѣсколькихъ семей. Нѣкоторые жители разводятъ пчелъ (bečule), но и имъ тутъ не житье, не приволье: хозяинъ долженъ лелѣять ихъ больше родныхъ дѣтей. — Холстъ (pärt) бѣлый, черный и цвѣтной, сукно (sukno) больше бѣлое, и полусукно сѣраго цвѣта (tjùmažat) [2]) жители приготовляютъ сами, и довольно искусно, дѣлаютъ посуду и проч. Дѣятельность всюду, но не много проку отъ этой дѣятельности.

Главная пища — полента (polenta, Волошская мамалыга). Ее приготовляютъ каждый день утромъ и вечеромъ: кусокъ поленты съ солью и зеленью, кусокъ сыра (sӱr), яичница съ кусочкомъ хлѣба да стаканъ вина, — и Резіянецъ сытъ. Мясная похлебка (minještra) и мясо, изъ котораго они приготовляютъ боржолю (b'ržola-Rostbraten) — праздничная вещь. Природа пріучила Резіянъ къ умѣренности такъ, что и получая въ двое, въ трое доходу противъ обычнаго, онъ остается при полентѣ, яйцахъ и винѣ, и улыбается разрѣзывая кусокъ мяса. Полента и бѣлый хлѣбъ (chljibac) приготовляются какъ и во всей сѣверной Италіи и нравиться могутъ только привыкшему къ такой пищѣ. Резіянамъ извѣстны и водка (žganje), пиво (ul), медъ (stärt); но лакомиться могутъ по немногу только послѣднимъ.

Мужчины одѣты по-Фурлански и по-Нѣмецки: куртка или полуфракъ (köbönj) на жилетѣ (pet), узкое исподнее платье (chlače) [3]), сапоги (skôrnice) или башмаки кожаные (čriwje) или деревянные (cokline) и шляпа (klöbük) или шапка (bareta), — вотъ и весь нарядъ. Женщины надѣваютъ на короткую рубашку (srak'ca) корсетъ (pet) съ пуговками подъ шею, сверхъ него черное платье безъ

---

[1]) Не такъ давно водились въ Резьи медвѣди, про охоту на которыхъ существуетъ много занимательныхъ разсказовъ.

[2]) Слово *tjumažàt*, сколько мнѣ извѣстно, обозначаетъ не полусукно сѣраго свѣта, но извѣстную часть женскаго платья.

[3]) Слово *köbönj* мнѣ не извѣстно. Брюки же они зовутъ *barhese*, между тѣмъ слово *chlače* служитъ у нихъ исключительно для обозначенія чулковъ.

рукавовъ (tjumažát), растегнутое на груди и со складкой у колѣнъ, перепоясанное чернымъ поясомъ (pas); на головѣ или цвѣтной платокъ (facolet) или бѣлый платокъ (pétja), красиво повязываемый длиннымъ узломъ съ боку, такъ что концы висятъ и лобъ до половины закрытъ [1]), а правое ухо и затылокъ открыты; на ногахъ бѣлые чулки (škufony) и башмаки (črіwje). Въ ненастное время сверхъ «тюмажата» надѣвается короткая кофта (suknja), суконная цвѣтная съ рукавами. Иныя носятъ на груди платочки, но это не народная украса. Въ ушахъ серьги (retjine). Перстень (pärstän) носятъ только замужнія [2]). Волоса заплетаютъ на затылкѣ вѣнцомъ. Въ старину нарядъ невѣсты отличался вѣнцомъ узкимъ изъ зеленаго бархата обвитаго золотою ниткой (wjinc) и съ зади прикалывалась къ нему кисейная фата (petjina) длинная, широкая, такъ что можно было огорнуться ею какъ плащомъ; это ужъ вышло изъ обычая.

Резіяне (всѣ римо-католики) очень религіозны. Кромѣ главной церкви Успенія есть еще четыре въ каждой изъ главныхъ деревень. Вліяніе священника чрезвычайно сильно. Всѣ называютъ его своимъ господиномъ (naš ghospôd), и всякое слово его считаютъ закономъ [3]).

На 1-е мая въ день освященія главной приходской Успенской церкви, бываетъ у Резіянъ праздникъ — Майникъ (Majnyk). Въ прежнее время совершались въ этотъ день особенные обряды; но они мало-по-малу вліяніемъ священниковъ вытѣснены, такъ что теперь не позволены въ этотъ день, по крайней мѣрѣ въ Равенцѣ, ни танцы, ни музыка, ни пѣнье. Въ каждой изъ четырехъ

---

[1]) Къ теперешнему костюму Резьянокъ принадлежитъ не цвѣтной или бѣлый, но черный шелковый платокъ, такъ что Резьянка должна быть одѣта съ ногъ до головы въ черномъ.

[2]) Кольца (parstan) носятъ теперь не только замужнія, но и многія дѣвушки.

[3]) Въ настоящее время вліяніе священниковъ гораздо меньше «Своимъ господиномъ» ихъ теперь вовсе не называютъ. Общее названіе для всѣхъ священниковъ есть *jcéro* или céro (въ нѣкоторыхъ деревняхъ на югѣ отъ Резьи jéro), и затѣмъ отличаютъ плебана, капеллана и т. п. Слово gôsput или fe hôsput произносится въ Резьянскихъ говорахъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

деревень бываетъ свой храмовой праздникъ, въ дни св. Юрья, Флоріяна, Вита и Карла. Особенно праздуются дни Витовъ и Юрьевъ. Вечеромъ бываютъ танцы и пѣсни, что впрочемъ скрываютъ отъ священника. Резіяне ждутъ съ нетерпѣніемъ этихъ дней. Въ старину въ день Юрьевъ деревянный ликъ этого святаго носился на высокомъ шестѣ, украшенномъ бумажными цвѣтами и лентами, по всѣмъ деревнямъ. Изъ Бѣлы, гдѣ празднуется этотъ день, послѣ обѣдни, его несли въ Ниву, и тамъ ставили на полѣ въ серединѣ между столами, за которыми всѣ собравшіеся вмѣстѣ обѣдали; потомъ въ Осеанъ и Солбицу, жители которыхъ должны были потчивать всѣхъ виномъ. Въ Солбицѣ ликъ ставился въ церковь, а народъ пилъ, пѣлъ пѣсни, плясалъ до вечера; вечеромъ же при свѣтѣ зажженныхъ хворостинъ ворочались всѣ съ ликомъ св. Юрія въ Бѣлу, и снова пили, пѣли, плясали — до полуночи. Съ ударомъ полуночнаго колокола пѣлась всѣми духовная пѣснь св. Юрью, и потомъ расходились по домамъ. Въ день Витовъ (15 іюня) было то-же что-то подобное, между прочимъ вили вѣнки изъ плюща (tarpytyka). Теперь все это запрещено, — и въ памяти осталось, вмѣстѣ съ свѣтлымъ образомъ народнаго праздника, сожалѣніе объ утраченныхъ радостяхъ. На канунѣ Иванова дня по горамъ раскладываются огни (kres), молодежь сходится смотрѣть на огонь, болтать; ни обрядовъ, ни даже пѣсенъ и пляски уже нѣтъ. Передъ праздникомъ Рожества Христова (Winachty) празднуется коляда (koljida), но безъ особенныхъ обрядовъ.

При рожденіи, свадьбѣ и похоронахъ бывали прежде также обряды, но теперь почти ничего не осталось кромѣ печенія бѣлой булки — «погача» (pogača).

Священники старались заставить народъ разлюбить и пѣнье пѣсенъ, и успѣли. Пѣсни народныя почти всѣ забыты, а вмѣсто нихъ поютъ Фурланскія. Немногія оставшіяся имѣютъ странныя мелодіи въ родѣ южно-Русскихъ обрядныхъ и свадебныхъ [1]).

---

[1]) Теперь Резьяне поютъ значительное количество пѣсенъ; но у нихъ есть для этого только два напѣва: одинъ меланхолическій, заунывный, другой же веселенькій, напоминающій собою Хорватское *коло* Венгерскій *чардашъ*, Га-

Музыкальные инструменты — гусли ('oslje) въ родѣ цитры и флейта. Была прежде и волынка (dudy), теперь остается только одна въ цѣлой долинѣ у одного нищаго старика въ Осеани [1]).

Пляска Резіянъ (Reziańka) оригинальна и прекрасна. Танцуюшіе становятся въ два ряда шагахъ въ 10-ти рядъ отъ ряда, мужчины противъ женщинъ, тѣ подбоченясь, а эти сложа руки на груди и опустивши голову; рядъ подходитъ къ ряду два раза; сошедшись въ третій разъ пары кружатся на одномъ мѣстѣ; потомъ снова расходятся, но уже такъ, что въ правой каждый мужчина держитъ женщину, и каждая пара подаетъ руки двумъ другимъ. Составивши кругъ, идутъ кругомъ сначала направо, потомъ налѣво; потомъ пары распускаются и идутъ шагомъ одна за другою, напѣвая пѣсню. Прошедши круга два-три, мужчины опять отдѣляются отъ женщинъ, становясь одни противъ другихъ рядомъ, — и танецъ начинается снова.

Священники, имѣя сильное вліяніе вообще на народную старину Резіянъ, не могли оставить и суевѣрій; а истребляя ихъ, истребили съ тѣмъ вмѣстѣ изъ памяти народной и много добраго, что считало суевѣріемъ ихъ собственное суевѣріе. Немногое осталось у старухъ, но и тѣ стараются забыть, что знаютъ. Такъ медицина народная совершенно исчезла; а капелланы, принимающіе на себя должность лѣкарей, далеко не могутъ замѣнить ее своимъ незнаніемъ.

лицкую *коломыйку*, Польскаго краковяка и т. д. Подъ этотъ послѣдній напѣвъ Резьяне танцуютъ свою народную пляску: — священники теперь не запрещаютъ Резьянамъ ни пѣть, ни танцовать, и еслибъ даже запрещали, то никто бы ихъ не слушался. — Другое дѣло ихъ южные Словинскіе сосѣди, которые вполнѣ подавлены деспотическимъ авторитетомъ священниковъ, и которые, подъ благотворнымъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, забыли во многихъ мѣстностяхъ и народную пляску и народныя пѣсни.

[1]) Названій 'oslje и dudy я не слыхалъ. Теперь употребительны въ Резьи cìfira (скрипка), búnkalica (віолончелла? басъ) и rimónika (гармонія?)

СЛОВИНЫ.

— Куда-же пойдете отъ насъ? — Какъ-то спросилъ меня добрый священникъ Резіянскій, когда мы сидѣли съ нимъ на камнѣ передъ его домикомъ, и любовались видомъ горъ, поднимающихся огромнымъ утесистымъ валомъ на югъ отъ долины Резіянской.— Мнѣ-бы хотѣлось — отвѣчалъ я — пробраться къ *Словинамъ*; въ Каринтіи слышалъ я, что гдѣ-то во Фріулѣ есть какіе-то Словины.— Какъ-же. Вонъ видите—старикъ указалъ на гору Музецъ—съ права отъ горы тропинка вьется въ верхъ по зелени, мимо лѣска, еще выше межь скалъ, и потомъ по снѣгу. Идучи по ней, нашъ братъ Резіянецъ въ три часа[1]) ходьбы приходитъ къ этимъ Словинамъ. Только теперь она опасна, гдѣ скользка, гдѣ и завалилась свѣжимъ снѣгомъ. Если пойдете и на обходъ, то все-таки за день будете по ту сторону Музца. — И потомъ старикъ расказалъ мнѣ, что слышалъ о Словинахъ; самъ онъ не былъ у нихъ никогда: — Да, побывайте у нихъ — говорилъ онъ мнѣ — у нихъ, забытыхъ всѣми, будто ихъ и нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ.

30 Апрѣля (1841) я вышелъ изъ долины Резіянской тою-же дорогой, какою пришолъ, и изъ Бѣлы-Резіуты повернулъ на лѣво по дорогѣ въ Чивидаль, съ тѣмъ чтобы съ нея свернуть, гдѣ будетъ лучше, въ горы и пришолъ на ночь въ Терчетъ (Tarcento).

Кто ѣздилъ по дорогѣ изъ Вѣны въ Миланъ, тотъ, можетъ быть, вспомнитъ и рѣку Tagliamento или, какъ тамъ называютъ, Tajamento-Tajo, на теченье которой можно было полюбоваться съ холмовъ Венцонскихъ, какъ она, вырвавшись на волю изъ горъ Фріульскихъ, по которымъ собирала свои воды, красиво и вольно разливается по Фріульской приморской долинѣ. На этой долинѣ, по лѣвую сторону Тая лежатъ города Видемъ (Udine) и Чивидаль (Cividale). За ними далѣе на западъ поднимаются горы: съ Миланской дороги можно видѣть ихъ вершины, изъ которыхъ иныя и въ іюнѣ покрыты еще снѣгомъ. Эти горы идутъ съ сѣвера на

---

[1]) Три часа слишкомъ мало; нужно по настоящему 4—5.

югъ между водами Сочи (Isonzo) и Тера (Torre) къ Градишкѣ (Gradisca), и далѣе, гдѣ онѣ сливаются въ одно русло. Въ этихъ-то горахъ живутъ Словины, или Штяви (Schiavi), какъ ихъ называютъ ихъ западные сосѣди. Часть ихъ принадлежитъ къ графству Горицкому (Gorizia-Görz), а часть къ Фріулю. На сѣверъ они поднимаются къ горѣ Музцу (Muzac-Muzy), на югъ за Чивидаль. На западѣ, гдѣ только начинается долина, Словиновъ уже нѣтъ. Такъ нѣтъ ихъ во все на право отъ дороги, идущей изъ Жемоны (Gemona) въ Чивидаль; нѣтъ кое-гдѣ и на лѣво отъ этой дороги, гдѣ только горы образуютъ пологіе склоны: всѣ мѣста, болѣе другихъ привольныя, заняты Фурланами.

Въ горы Словиновъ легче всего прійдти изъ Чивидаля, поднявшись къ св. Петру (S. Pietro) и далѣе въ верхъ по потоку Надижѣ (Natisone), выходящему изъ высокихъ горъ Серпеницы и отдѣляющему своимъ теченьемъ сѣверныхъ Словиновъ отъ южныхъ [1]). Я впрочемъ, идучи съ сѣвера, изъ долины Резіянской, долженъ былъ выбрать другую дорогу. Начавши съ вершинъ Тера, я прошолъ горы Словинскія по направленію на югъ къ Надижѣ и св. Петру, и въ Чивидалѣ уже отдыхалъ отъ горной прогулки.— По всему этому пути моимъ проводникомъ былъ Тоне Бобецъ, Резіянецъ, не разъ уже проходившій эти горы. Какъ человѣкъ бывалый, онъ легко понялъ, чего ищу я, и знакомъ будучи довольно хорошо съ бытомъ народа, знакомилъ и меня съ нимъ. Тѣмъ важнѣе была мнѣ его помочь, что я не могъ надѣяться найдти много образованныхъ «доrandомородцевъ» (патріотовъ) въ краю, гдѣ Итальянцы и Фурланы прибрали къ рукамъ всю власть, оставя

[1]) Потокъ Серпеница беретъ свое начало не изъ высокихъ горъ Серпеницы, но довольно далеко отъ этой мѣстности, на юго-западъ отъ нея, возлѣ деревни *Briesja* (Montemaggiore) почти на границѣ Италіи и Австріи, но еще въ Италіи. Затѣмъ, онъ течетъ на юго-востокъ, съ начала отдѣляя Италію отъ Австріи, а въ послѣдствіи прорѣзывая Австрійскія владѣнія. Послѣ двухъ изгибовъ, одного подъ Лугомъ (Lonch) къ сѣверо-востоку и, затѣмъ, подъ Кредою (Creda) рѣшительно къ югу, онъ промежь горъ Меи (M. Mia) и Матаюра (M. Matajur) врѣзывается въ св. Петровскій уѣздъ Италіи, раздѣляя его на двѣ половины, западную (меньшую) и восточную (гораздо болѣе значительную). Сѣверныхъ Словиновъ отъ южныхъ онъ вовсе не отдѣляетъ.

за Словинами только тягости сельскаго быта безъ надеждъ и часто безъ возможности помочь себѣ въ самыхъ необходимыхъ нуждахъ. Только въ селеніяхъ Терѣ (Lusevera) и Нимисѣ (Nimis) есть священники изъ природныхъ Словиновъ[1]). Имъ-то и особенно Себастіану Адами, священнику Нимисскому, обязанъ я за свѣдѣнія о Словинахъ, дополнивъ ихъ только тѣмъ, что могъ самъ видѣть или что было мнѣ замѣчено моимъ проводникомъ.

Одна только нужда могла заставить людей привыкнуть къ этимъ дикимъ погорьямъ. Каменистыя громады опускаются тамъ однѣ на другія то крутымъ скатомъ, едва прикрытымъ зеленью или лѣсомъ, то голой стѣною. Между ними прорыли себѣ и все глубже прорываютъ ложе гремучіе потоки, рѣдко выходя изъ неприступныхъ скалистыхъ береговъ. Кое-гдѣ образовались въ вѣнцѣ горъ долины, но и онѣ покрыты грядами высокихъ холмовъ, каменистыхъ и крутыхъ, скатывающихся въ глубокіе увалы. Долинъ, какъ мы ихъ привыкли себѣ рисовать, вовсе нѣтъ. Человѣку негдѣ вольно разложиться со своимъ хозяйствомъ; онъ долженъ занять или крутую покатость холма, или прижаться къ утесу, или забиться въ трущобу, и часто своими руками обдѣлывать свою бѣдную ниву, будто грядку цвѣтовъ. Въ иномъ мѣстѣ онъ едва держится на ногахъ, вспахивая крутизну холма, и радъ еще, если эта крутизна можетъ быть удобрена сажень на 15 или на 20-ть въ длину. Онъ долженъ дорожить каждымъ шагомъ, и часто стоитъ въ раздумьи у остатка лѣска, въ оврагѣ, самъ не зная, имъ-ли пожертвовать для нивы, или остаться безъ хлѣба. Съ каждымъ годомъ его положеніе можетъ перемѣниться: весенняя вода можетъ его довольно плодородную ниву покрыть грудами каменьевъ, взрыть пластъ чернозему, переломать до деревца всю его бѣдненькую рощу, или прикрыть его каменистое поле слоемъ земли, которая взроститъ хлѣбное зерно тамъ, гдѣ прежде не

[1]) *Lusevera* зовутъ Славяне не Теръ но Бардо (Bardo), Теръ (Ter) же служитъ не Славянскимъ названіемъ для мѣстности, извѣстной подъ оффиціальнымъ именемъ Pradielis. Въ «Нимисѣ» (Nimis, по слав. *Niemc*) Славянъ нѣтъ и, кажется, никогда ихъ не было; но они есть немножко по выше въ Романдолѣ (Romandolo), Чернеѣ (Cergneu) и т. д.

было и моха, запасти его цѣлой скирдой топлива, нанести на его землю обломковъ деревьевъ, или отвести въ другую сторону русло потока, на которомъ стояла мельница, его питавшая, разрушить его хижину, лишить его послѣдней пары овецъ. Глядя на эти погорья и даже не зная о бѣдствіяхъ, которымъ въ нихъ подвергается селянинъ, подумаешь невольно, что только одна неволя, одна нужда укрыться отъ непріятеля, пріютиться хоть въ безпріютьи, могла завести сюда человѣка и заставить его свыкнуться съ природой.

Всѣхъ Словиновъ въ этихъ погорьяхъ во Фріулѣ можно считать около 19,000: приходу св. Петра Терчетскаго принадлежитъ около 7,200; къ приходу Нимисскому — 3,700; къ приходу св. Петра Словинскаго (S. Pietra dei Schiavi) — 7,400; кромѣ того къ приходу св. Леонарда около 500 и къ приходу города Чивидаля около 200. Каждогодно рождается около 30—32 на 1000, и умираетъ изъ 1000 около 22—25. [1]).

Народъ болѣе, чѣмъ средняго роста, такъ что есть много и очень высокихъ. Лица вообще по размѣру роста малы. Физіогномія выражаетъ какую-то смѣлость, самоувѣренность, но вмѣстѣ и доброту. Привыкнувъ переносить тяжкіе труды, Словины равнодушны и къ болѣзнямъ. Зобастыхъ и кретиновъ между ними нѣтъ: думая, что это принадлежность Нѣмца, они и самому зобу на горлѣ дали имя «нѣмчика» (njêmčk).

Словиновъ нельзя назвать людьми простодушными: они ласковы, радушно гостепріимны; однако и осторожны, недовѣрчивы, привыкли глядѣть на жизнь съ ея черной стороны, и можетъ быть

---

[1]) По народной переписи 31 декабря 1871 г. всѣхъ Славянъ въ сѣверной Италіи (за исключеніемъ Резьянъ) было около 27,000: изъ нихъ 15,588 въ уѣздѣ св. Петра (S. Pietro degli Schiavi); остальные же въ уѣздахъ Cividale, Tarcento и Gemona. Точныхъ данныхъ о численности этихъ послѣднихъ я не въ состояніи сообщить теперь, такъ какъ у меня нѣтъ подъ рукою подходящихъ матеріаловъ; но число ихъ будетъ во всякомъ случаѣ не меньше 10,000 и не больше 12,000. Равнымъ образомъ мнѣ трудно было бы сообщить численное распредѣленіе Славянъ не св. Петровскаго уѣзда, по всѣмъ общинамъ и приходамъ; ибо только нѣкоторые изъ нихъ чисто-славянскіе, другіе же — смѣшанные, состоящіе изъ Словянъ и Фурлановъ.

отъ этого кажутся злопамятными. Притомъ они горделивы, насмѣшливы и нерѣдко буйны. Нѣтъ случая, чтобы Словинъ убилъ Словина; но убитый Фурланъ въ горахъ Словинскихъ не большая рѣдкость [1]). Словинъ смотритъ на Фурлана и Итальянца, какъ на существо, которому хотя и помогаетъ счастіе (sritja), но которое тѣмъ не менѣе какъ будто не вовсе человѣкъ, и убиваетъ его безъ угрызенія совѣсти, убиваетъ и не за важную обиду, всегда оставя при немъ кошелекъ и все, что при немъ было. Такая жалкая судьба постигаетъ иногда управителей, особенно если они забываютъ быть уважительными къ нравственности дѣвушекъ или къ старикамъ. И потомъ, если бы было въ убійствѣ и десять свидѣтелей или участниковъ, нѣтъ средства узнать ихъ: «Найденъ трупъ», «убійца долженъ быть Словинъ», этимъ и оканчивается слѣдствіе. Словинъ даже и не донесетъ о трупѣ: онъ пройдетъ мимо, не дотронувшись до него, и никому и не намекнетъ, что видѣлъ его. Не мудрено, что находятъ уже однѣ кости. — Словинъ терпѣливъ и настойчивъ, мало промышленъ и не бережливъ, а несчастье переноситъ съ твердостью, никогда не унывая. Никакія злоупотребленія не изумляютъ его: онъ ко всякимъ привыкъ подъ Венеціянскимъ правленіемъ, и многія считаетъ въ порядкѣ вещей, впрочемъ не для себя, самъ строго храня правила старой нравственности.

Платя узаконенную подать, Словины живутъ деревнями, боргами и хуторами, раздѣляясь на обчины (communi). (Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ деревень: Флайпанъ (Flaipano), Чижирья (Ciseris), Седила (Sedilis), Самарденкья (Samardenchia), Тернъ (Stella), Заверхъ (Zawàrch, Villanova), Берегъ (Brjêg, Pers), Подбердо (Podbàrdo, Cesariis), Теръ (Ter, Pradielis), Музецъ (Muzac, Muzi), Бердо (Bàrdo, Lusevera), Мякота (Mekota, Micottis), Вескурша (Wiškurša, Monteaperto), Карнахта (Karnachta, Cornappo),

[1]) Теперь ничего подобнаго не случается. Убійства очень рѣдки, и вообще безъ оттѣнка международной вражды. — Кажется, что свѣдѣнія сообщенныя на этотъ счетъ священникомъ Нимскимъ были, и для того времени ужасно преувеличены и обязаны своимъ происхожденіемъ слишкомъ опрометчивому обобщенію единичныхъ и очень, очень рѣдкихъ фактовъ.

Дебелиши (Debelis), Тайпано (Taipano), Брезье (Brjêzia, Monte maggiore), Платища (Platistis), Просникъ (Prosnik, Prosenico), Субидъ (Subit), Малина (Malina, Forame), Чернея (Čarneja, Černjeu), Корниче (Karniče, Monte di Prato), Визонтъ (Wizont, Chialminis), Лугъ (Lôh, Lonch), Барги́нъ (Bàrhin, Bergogna), Сѣдло (Sedlo, Sedulla), Подбѣла (Podbiella), Бурьяна (Boreana), Креда (Creda), Старое сѣдло (Staro Sedlo), Каборидъ (Kaborid, Caporetto), Лучка (Lučka, Lugian), Дрека (Dreka, Drenchia) [1]). Многія изъ этихъ названій принадлежатъ и горамъ у которыхъ деревни лежатъ).

Домики (khiše) изъ камня, бѣднѣе нежели у Резіянъ, но тогоже устройства. Богатъ мужикъ, если у него кромѣ кухни (khiša za 'honj) есть еще отдѣльная изба (komora, čumnata) или спальня (tjamera za spat) и чуланъ (zachljêwk, kljêt). Иной домикъ украшенъ галереей или ходомъ (pojow); а въ дворѣ всегда есть хлѣвы (chljêw za žiwíno). Дворъ очень часто не отгороженъ отъ двора сосѣда ничѣмъ, кромѣ кучи навоза; настоящіе заборы (hraje) рѣдки. Въ лабиринтѣ тропинокъ, идущихъ по деревнѣ черезъ дворы, можно запутаться, — и мнѣ нерѣдко случалось просить, чтобы меня вывели на тропинку, ведущую въ то или другое село, на ту или другую гору. Дорогъ вовсе нѣтъ; улички похожи на проходы. «Охъ ужъ эти мнѣ Штяви! живутъ какъ воры, ни входа къ нимъ ни выхода»: такъ мнѣ обрисовалъ одинъ Фурланъ бѣдныхъ Словиновъ, не зная, что и они, въ долинѣ, жили такъ же еще недавно.

Большія семейства часто живутъ не дѣлясь съ отцомъ или матерью по нѣскольку женатыхъ сыновей или замужнихъ дочерей. Работаютъ, какъ и въ Резіи, всѣ все безъ исключенія, лишь-бы силы достало. Такъ на одной горѣ случилось мнѣ видѣть дѣву-

---

[1]) Лугъ, Баргинъ, Сѣдло, Подбѣла, Бурьяна, Креда, Старое Сѣдло, Каборидъ и Лучка (?), лежатъ въ Горицкой землѣ въ Австріи, и тоже по отношенію къ языку не представляютъ ничего общаго съ другими рядомъ съ ними исчисленными деревнями. — Что же касается Дреки (Drenchia), такъ это есть единственная названная въ этой записи деревня св. Петровскаго уѣзда, между тѣмъ какъ населенныхъ мѣстностей въ св. Петровскомъ уѣздѣ около *ста* (100).

шекъ, топорами вырубавшихъ изъ земли и камней пень дерева; онѣ же должны были сами спустить его съ горы въ низъ и дотащить до дому: дружно, весело, напѣвая пѣсни, онѣ трудились, облитыя пòтомъ, поднялись на минуту, чтобы указать намъ дорогу, и потомъ, пожелавши намъ добраго пути, опять согнулись надъ пнемъ. Въ св. Петрѣ видѣлъ я, какъ женщины сами складывали дугу свода подъ крыльцо дома, какъ добрые домострои. Не рѣдкость застать и мужчину за стряпней или за льномъ. — Не смотря на бѣдность, нищихъ очень мало, можетъ быть по тому, что по старинному обычаю самый далекій родственникъ будетъ принятъ какъ близкій родной въ домъ, если не имѣетъ своего. Словинъ какъ будто стыдится просить милостыню: это не то, что Фурланы, у которыхъ все отъ мала до велика радо богарадничать безъ всякой нужды.

Нивы и земледѣліе въ бѣдномъ состояніи. Пшеничка главное продовольствіе; а тамъ, гдѣ она не ростетъ, сѣется рожь, просо или еще чаще одинъ овесъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе счастливыхъ мѣстахъ Словины могутъ свои нивы пахать плугомъ (plug) и боронить бороною (hreba), запрягая въ нихъ, кто лошадей или муловъ, кто и вола съ коровой. Нивы льна (lany) обдѣлываются съ большимъ прилежаніемъ. Есть огороды (zahraje) съ зеленью, есть и садики (wàrti) близь деревень съ каштанами, фигами, яблонями, грушами, черешнями; а виноградъ (wenîka) даетъ въ иныхъ мѣстахъ хорошее вино. — Охота въ горахъ довольно прибыльна: еще не перевелись ни волки, ни лисицы, ни олени и серны. Особеннаго рода сѣтью (strjêtka) ловятъ лисицъ и женщины; выступать-же противъ оленя или серны онѣ не имѣютъ права, если-бы даже имѣли случай убить его безъ всякой опасности. Стада Словиновъ состоятъ большею частію изъ овецъ и козъ. Не всякое впрочемъ семейство въ силахъ имѣть ихъ. У инаго корова и молоко даетъ, и пашетъ, и везетъ на рынокъ возъ. — Приготовленіе холста (pàrt), сукна (sukno) и полусукна (medželana) отлагается болѣе на зиму; лѣтомъ готовятъ деревянную и глиняную посуду (posoda), шьютъ платье и т. п.; осенью многіе заняты

дѣланьемъ возовъ (wozk) и горныхъ салазокъ (pásanje). Какъ ни легко смастерить эти салазки, женщинѣ однако запрещаетъ это обычай, хоть и не запрещаетъ скатываться на нихъ съ горъ. — Иные ходятъ добывать работу на фабрикахъ; впрочемъ немногимъ это нравится. Трудолюбіе Словиновъ стоитъ подражанія: случалось видѣть, какъ женщина, идучи по полю за коровой, тянущей борону, и кормитъ дитя, привязанное къ груди полотенцемъ, и тутъ же прядетъ, заткнувши прялку за поясъ; или какъ пастухъ и наблюдаетъ за своими овцами или козами, и вяжетъ себѣ чулокъ или что-нибудь шьетъ, не забывая и пѣсни.

Пища Словиновъ не замысловата, какъ и весь бытъ ихъ. Кромѣ поленты (polenta, Волошская мамалыга) или за неимѣньемъ ея, Словины приготовляютъ толстыя лепешки (mjêčike) изъ овсяныхъ или гречневыхъ крупъ; особенно ихъ любятъ пастухи. Мясо жарятъ на вертелѣ (raželj) или въ золѣ. Золяное жаркое (popjêwčka) приготовляютъ они очень искусно, особенно птицъ. Вмѣсто похлебки ѣдятъ какія нибудь разваренныя крупы, заправленныя масломъ и сыромъ. Горные пастухи приготовляютъ еще особеннаго рода зеленое масло (maz) изъ козьяго молока: оно горьковато, но со ржанымъ хлѣбомъ довольно пріятно.

Одежда мужская почти таже, что и у Фурлановъ: сверхъ рубашки (srajca), подвязанной по шеѣ платкомъ (rubač), они носятъ на ногахъ довольно узкіе брюки (br'heše), чулки (chlače) или онучи (p'rtiče), надѣвая на нихъ сапоги (karjanke) или башмаки (škarpe), а въ горахъ и деревянные башмаки (žlekule); на станѣ коротенькій камзолъ (kamžol) безъ рукавовъ, и куртку (džjakela) тоже безъ рукавовъ, или короткую свитку (zobôn) съ рукавами, а зимою или въ непогоду плащъ (plaštj) или кожухъ (kožuš); на головѣ шляпа (klabôk), или мѣховая шапка, похожая на Южнорусскую (mejchača). У пастуховъ есть еще плащь изъ зеленой цыновки (drahelj). Усы и бороду брѣютъ, волоса стригутъ, иные впрочемъ только съ переди, оставляя съ зади очень длинные волосы. — Женщина поверхъ рубашки (srajca) съ вышитыми рукавами и воротомъ (rôkawy činjeny, wratk činjeny), носятъ

черную полусуконную юбку (medželana) на помочахъ (nardinke), или юбку съ лифомъ (čimezot), съ переди на пуговкахъ, повязываясь бѣлымъ широкимъ поясомъ (čimosa), висящимъ съ переди; иныя носятъ темную кофточку (jolajšk = džjaketa) или бѣлую суконную кофту (krožat), а зимою суконный плащь (chalja); на ногахъ чулки и башмаки (neše); на головѣ косы (kosnice) связываются съ зади большою иглою (jehwa) и затыкаются подъ гребень (čerjenk),—дѣвушки привязываютъ къ косѣ ленту (kordela), а женщины носятъ особенную бѣлую повязку (pàrtja=opjěčk) или цвѣточный платокъ (fačolet), въ ушахъ серьги (rečjine), на шеѣ монисто (wéz), на пальцахъ перстни (p'rstän), на рукѣ выше кисти наручье (zlatíca).

Словины всѣ Римо-католики и довольно религіозны. Священниковъ (plowon) считаютъ они своими господами, но довѣрія къ нимъ нѣтъ, можетъ быть потому, что они всѣ, исключая двухъ, Фурланы [1]). Иногда и священники пропадаютъ безъ вѣсти, сами на себя накликая бѣду слишкомъ свободнымъ поведеніемъ. Въ главныхъ деревняхъ находятся приходскія, въ менѣе важныхъ филіяльныя церкви; во многихъ, не говоря уже о боргахъ и хуторахъ, нѣтъ не только церквей но и часовень. Иной Словинъ полгода и болѣе не бываетъ въ церкви, моляся подорожному кресту.

Нѣкоторые старинные обычаи соблюдаются Словинами довольно твердо, не смотря на все стараніе священниковъ и самихъ управителей мѣшатъ ихъ исполненію. — Самый важный народный праздникъ Словиновъ — Юрьевъ день: въ этотъ день встрѣчаютъ они весну, и молятся Богу объ урожаѣ. Передъ этимъ въ масляницу (pyst) они провожаютъ зиму. За Юрьевымъ днемъ слѣдуетъ майникъ (majnik) — 1-го мая: въ этотъ день дѣвушки приходятъ въ церковь въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, а женщины съ цвѣткомъ на головѣ. На канунѣ Иванова дня празднуется «кресъ»

---

[1]) Это могло относиться только къ Словинамъ, живущимъ въ уѣздахъ Тарчентскомъ и Джемонскомъ; потому что въ приходы уѣздовъ св. Петровскаго и Чидадскаго всегда назначались и назначаются только священники Славянскаго происхожденія.

(krjes); особенно торжественно празднуютъ его у Мякоты, гдѣ есть прекрасное поле: на немъ раскладывается костеръ, около костра пляшутъ, взявшись за руки кружкомъ, и поютъ пѣсни; огни раскладываются и по горамъ. Передъ началомъ зимы есть еще въ горахъ праздникъ, называемый «оленицей» (jelenica), для котораго каждый юноша долженъ приготовить для себя красное знамя (khoroj). Зимою передъ новымъ годомъ (nowe ljêto) бываетъ тоже кресъ съ огнемъ, но только въ далекихъ горахъ, потому что онъ строго запрещенъ.

Пѣсень народныхъ не мало, но Словины не охотно ввѣряютъ ихъ чужеземцамъ, поютъ сами про себя. Поютъ почти однѣ женщины. Напѣвы похожи на Краинскіе; впрочемъ напѣвы обрядныхъ пѣсенъ совершенно другаго характера, почти тѣже что и у Сербовъ. Между пѣснями должны быть и историческія, по крайней мѣрѣ мнѣ удалось слышать о пѣснѣ, въ которой воспѣваются дѣла какогото «Видемскаго воеводы», родомъ Словина. Какъ бы важно было собрать эти пѣсни: онѣ были бы единственнымъ источникомъ для исторіи Словиновъ, и можетъ быть раскрылибы если не причины, то покрайней мѣрѣ обстоятельства выхода Словиновъ изъ долины Фріульской, съ береговъ Тая въ горы.

Можетъ быть есть объ этомъ хоть что-нибудь и въ ихъ сказкахъ и домашнихъ преданіяхъ, особенно въ памяти горныхъ пастуховъ, но слышать такіе расказы еще труднѣе, чѣмъ пѣсни.

Пляска Словиновъ (tä dowhi ples=kolo), извѣстная у Фурлановъ подъ именемъ «штявы» (la schiava), очень похожа на Русскій хороводъ или на Сербское «коло»: взявшись за руки кругомъ, ходятъ то въ право то въ лѣво и припѣваютъ. Есть еще пляска, въ которой мужчины ловятъ женщинъ (tä ženskilow): женщинъ должно быть въ двое меньше нежели мужчинъ, и онѣ составляютъ малый кругъ внутри большаго мужскаго; и тѣ и другіе ходятъ кругомъ въ право и въ лѣво; вдругъ женщины разрываются, и каждая старается пробиться изъ подъ рукъ мужчинъ, но не можетъ, — двѣ руки всегда готовы ее словить; когда же всѣ женщины переловлены, идутъ по трое—женщина по серединѣ, а двое мужчинъ

по бокамъ, мужчины подпрыгивая и напѣвая веселую пѣсню, женщины повѣся голову и напѣвая другую, печальную пѣсню, которая впрочемъ совершенно гармонируетъ съ веселою. Этотъ танецъ особенно пляшется на свадьбахъ.

Музыкальныя инструменты: флейта (pištjalka) и «гусли» (gôslje), подъ именемъ которыхъ иногда понимаютъ скрипку, иногда родъ мандолины. Волынка (dudy) и свирѣль (žweglica) только у пастуховъ въ горахъ. Есть и органы (brunda). Другіе обыкновенные инструменты заносятся къ Словинамъ бродячими музыкантами.

Народная наука Словиновъ оцвѣчена многими суевѣріями, какъ и всюду; тѣмъ не менѣе въ ней многое есть, на что бы должна была обратить вниманіе и ученость. Пастухи искусно угадываютъ погоду по воздушнымъ явленіямъ, изъ стариковъ и особенно старухъ есть многіе, знающіе лѣкарственную и ядную силу множества травъ и нѣкоторыхъ минераловъ; другіе умѣютъ нашептывать, магнитизировать, живить водою. Эти тайныя знанія, правда, общи всѣмъ Хорутанскимъ Словенцамъ: впрочемъ нельзя не предположить, что Словины—знаютъ все это если не лучше, то сколько нибудь иначе: ихъ знахари и знахарки (čarownik, čarowńica) считаются искусными у всѣхъ сосѣдей, и не объ одномъ и одной расказываютъ, что они могутъ сдѣлать все, чтобы ни захотѣли, и знаютъ, что дѣлается на всѣхъ четырехъ странахъ свѣта.

А между тѣмъ — грустно глядѣть на Словиновъ. Отчужденнымъ отъ своихъ одноплеменниковъ, ненавидимымъ или презираемымъ своими господами и сосѣдами—Фурланами, имъ тяжело сохранять свой обычай, свою народность; а народъ, не сохраняющій народности своей, едва ли можетъ остаться при своихъ правилахъ нравственности... Фурланизмъ все болѣе вторгается въ Словинскія погорья, съ нимъ вмѣстѣ, какъ слѣдствіе боренія двухъ народностей; является и равнодушіе ко многому, что прежде было святымъ и возбуждало въ душѣ святое чувство.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ.

Послѣ посѣщенія Фріульскихъ Славянъ я незамедлилъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ въ письмахъ тѣмъ изъ ученыхъ, которымъ они могли быть занимательны, между прочимъ Ганкѣ и Шафарику. Письмомъ моимъ Шафарикъ воспользовался (какъ самъ указалъ) въ своей статьѣ о Фріульскихъ Славянахъ (Денница. 1842. 109.); а Ганка напечаталъ письмо мое цѣликомъ въ Časopisu Českeho museum. (XV : III : 341—345). Позволяю себѣ повторить прежде всего это письмо, а потомъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ письма Шафарику.

I.

Письмо къ Ганкѣ.

W Starém městě (Cividale) 2 máge 1841.

O mých cestách po Kraině i po Korytanech potom, a nynj napjši Wám, nezapomenutelný W. W., aspoň několik řádek o wlaských Slowanech. Několik řádek gen, protože sem wčera wečer nenašel pokogného kauta negen k psanj, ale ani k spanj: gá nynj pjsi w kawjrně, pokud můg průwodce zděluge se s láhwičkau wjna. Dále půgdu w Goricu i k Idrianům, a newjm geště, kde nagdu pokogný kautek k psanj. I tak několik řádek. Z Tarfisu, kam sem si zašel mimochodem ze Zilské doliny, gel sem w Bělau (Resiuta) i na půl cesty, w Pontebbe, byl sem giž we Wlašch. Tu gest wše giné: giná stawba ploskokrytá, giné obljčege, mnoho černých a ohniwých očj, giné wlasy, mnoho černých i krásných, giné hostince s ohništi na podlaze, giný chléb — polenta — i bjlý twrdokamenný chléb, giný gazyk — ni slowa po německu — wše po furlansku. Abych nezapomněl o furlanském gazyku: krásný, sladozwučný, bohatý gazyk; wlaským žargonem ho hřjch nazýwati, protože w něm gest mnoho starých forem sbližugjcjch geg wjce se španielským i francauzským. Gestit' užjwán negen we Friaule ale i w Gorici i do samého Trsta. Nedáwno se začalo též mysliti o friaulské (furlanské) literatuře, i

přeložili giž po furlansku celau Eneidu, něco z Tassa, wydali něco básnj, několik kalendářůw, ano našli i několik zlomkůw z dáwnjch časůw. Buďto gak bud' wšak gá furlansky nerozumjm, i mně se tu wedlo dosti zle. W Dulji sem obědwal; zde na štěstj hospodář rosuměl německy. W odpowěd na mé otázky začal mi powjdati, gak se mohu dostati w Rezianskau dolinu. «Ano co gá! tuhle gest kaplan z Rezie» prawil on, přetrhuge sám sobě a ukazuge na mladého černopunčošnjka, zapjwagjcjho wjnem polentu. Gá k němu po německu. «No capisco! Ma signore parla italiano?» To byla uloha, do té doby sem nikdy nemluwil wlasky. «Ma, wy gospóne, wy gowořite po rezianski? odpowěděl sem mu otáskau. «Un po»,—a šlo to lépe: mjchage wlaské s resianským (t. g. on s rezianským a gá, sám newjm s gakým slowanským nářečjm), rozuměli sme druh druhu a shodli sme se. Opauštěge zewrubnosti, powjm, še sme byli za tři hodiny w Rezii. Cesta z Bělé w Reziu gest pokogna (udělána gest teprw před třemi lety) a hostincůw w městečku Rawenci wšech tři, a geden welmi pěkný. Ostatek dne sem stráwil s kaplanem i s farářem, poctiwým starcem 73 letým. Dwa dni byli mně skoro dostatečni ku poznánj netoliko wšeho hlawnjho týkagjcjho se nářečj i obyčegůw rezianských, ale i obegjti celé audolj: farář mi wyprawowal o starožitnostech (gestiť rodem z Rezie) a kaplan mne wodil po wsech i po sedlácjch. Audolj newelikė as mjli dlauhé a něco přes čtwrt široké, a obywatelů dwa tisjce sedmset šedesat sedm dušj, bydlegjť we 4 wsech: w Bělé, Niwě, Oseani i Solbici (ta͡e po Bjilê, ta͡e na Njiwê, ta͡e v Oseanê, ta͡e v Solbicê); we čtyrech městečkách: w Rawenci, w Lipowci, w Kurytise i Učeji (ta͡e na Ravancê, ta͡e u Lipowen, ta͡e v Kurytisu, ta͡e na Učeê), a kromě toho w rozličných dworech (ta͡e Kryžecych, ta͡e za Mlynom, ta͡e u Kolyštji, ta͡e u Martina na Lazu, ta͡e u Hözdi, ta͡e u Lištjacê, ta͡e na Starym mlynu, ta͡e na Černym potocij; ta͡e u Černym potocij; ta͡e pod Ruštji, ta͡e na Gospodnici. Zwlášť to gest pamětihodno o poslednjm dworu, že zde, gak powěst hlásá, žil společnj předek reziansky, přišedšj z «Rušie» t. g. z Rusie, gak

to wykládá reverendissimus dominus Odorico Buttolo. «I patron gest gak zde tak u wás geden swatý Giřj», připogil on, opakuge mně podanj o Rušii, když sem se chtěl zewrubněgi o něm doweděti. W Rawenci gest hlawnj chrám, a w každé wsi gest také kostel. Wše to obywatelstwo člowěčj nacházj se we střednjch pruzjch lože audolnjho: dole sau kamenité luhy bez ljstka zelenosti, i po kamenj teče Rezia i tri potoky w ni padagjcj, a nahoře gsau holé, diwé sotwa přjstupné strminy. Chudoba a nic giného, lid ostatně promyslem sobě pomáhá gak může: mužštj chodj w Krainsko i dále nádeničit, ženštiny prodáwagj w sausedstwu práce rukau swých aneb prosj. Domky gsau wše wlaské stawby i mnohé welmi pěkny w dwoge i troge poschodj, se stukaturau, objleny, ohrazeny zdj, často wystrogeny wnitř. Uličky gsau úzky gako stezky; ano nenj proč, aby širšj byly: w celém audolj nenj ni gednoho wozu, ni gednoho koně, ni gednoho wola; chodjt pěšky, a pole gsau tak špatná i malá, že gich rukama wzdělávati třeba. Gsau zahrady, gsau i winohrady. Hlawnj potrawa obywatelům gest polenta, sýr, wegce, zelenina; wepřowé i howězj maso gest řjdkost. Oděw mužský gest německo furlanský, ženské nosj tumažát černý se skladkau u kolen, podpásaný černým pásem i barewný facelek aneb bjlau péťu na hlawě: oděw prostý ale přjgemný, zwláště se mi ljbj péťa wýborně podwázaná na stranu, tak že leb polokryge a po odkryté prawé straně hlawy wisj široké konce petle, přidáwát obljčegi gakausi lehkost i smělost. Reziané gsau lid weselý a byliby geště weselegšj, kdyby gim nedotjrali, že weselost nenj kwět tohoto swěta. Hlawnj slawnost gest «Majnik» prwnjho máge, w Rawenci u farnjho kostela, a proto bez pjsnj a tance; ale za to druhé (Wjta, Giřj, Karla i Floriána) a wůbec wšecky neděle bez tance i pjsnj se neswětj. Rezianka gest krásný tanec, mužštj se stawj řadem proti ženskému řadu, řad s řadem se scházj i rozcházj, potom páry tancugj na gednom mjstě, a pak se sestawuge kolo a točj se okolo sebe wprawo i wlewo, na konec páry gdau za sebau gako w polonézu i zpjwá se pjseň; takt gest ¾. U wás w Praze gest mnoho milownjků a milownic rozličných

slowanských tanců̊w, ať přigmau také i Rezianku w čjslo obljbených tanců̊w; ona za to stogj, a wašj české polce gest přjbuzna aspoň w taktu. Pjsně pěgj rozličné ano i mnoho furlanských. Z domácjch gest neyobljbeněgšj o krásné ručičce.

1) Da ljipa moja rokica
Jäz si tc rudy [1]) ljipila
Kako ty si mi zabyla
Na to dobro ke si ty 'tyl [2])
Da dobry vyčjir, dobro nuť
Zaspet se vydijť druho nuť
2) Bä jäz by byla vydäla
Da ina taka ty maš byt,
Ja ty bou rajši te vstralyt
A nikoj s täbô romonyt [3])
Da dobry vyčijr a t. d.

A hle gak se modlj Rezianec: «Otja naš, ky ste tä v nebe, svétô bodê vašé ime: pride kh nän vaša krajuska, bodê zdjilana vaša sveta volontát takoj v nébe pa tä na zämjê; dajte nän vsakidanji krôch; odpôstite nän naše grjiche (doljche), kakoj my odpuštjúvamo našin dužnikän, nezapejite näs tä u tentación, ma wybrânite näs od khudegha krivêgha. I tako to bodê».

Welmi litugi, že nemám při sobě Slawjna Dobrowského, mohlbych to srownati co gest tam powěděno o Rezianech, i porownati s tjm co sem sám widěl. Mů̊g prů̊wodce gest Rezianec i hotow odpowěděti na každau otázku o Rezii. A hle giž gest osm hodin, a mů̊g Tona sedj před prázdnau láhwicj. Budu psáti, kam přigdem, dále, a teď na cestu. S Bohem!

W Gorici 3. máge.

W Gorici giž nenj gako we Wlašjch (t. g. w těch kde sem gá byl): geště wšecko wlaské t. g. furlanské, sám gazyk panugjcj gest furlanský; než hostince gsau po německu, i w pokoji nacházjš

[1]) wždycky; [2]) chtěl; [3]) mluwiti.

stolici i stůl. S Tonau sem se rozlaučil, on šel se mnau od Rezie do Gorice, a teď šel domů neykratšj cestau přes Flič čili Uoc, gak ho domácj nazýwagj. Z Fliče se obrátil w lewo po horské stezce do hor, a přes horu Babu spustj se we swé audolj. Hory tam gsau zawaleny geště sněhem, ale stezka gest prodělana, protože Reziané obyčegně po nj chodj w Krainu. Šťastnau cestu, Tonu Bobcu, a gá se posadjm napsat wám geště několik slow o Slowinech či Šťáwech, gak ge Furlané gmenugj. Z Rezie sem šel do Wencone, w Džemonu, Tračento i z Tračenta obrátil sem se w lewo w hory. Stezička šla do wrchu po potoku Teru po horách, po kamenj welmi trapliwá ač i romantická. Za dwě hodiny chodby ustaneš tak, gakobys šel celý den. My sme šli, šli i sedli, sedjme a šwástáme: tam gde horál, wede kráwu. «Laudato sei'l nome di Christo!» «Sei laudato» odpowjm gemu i ptám se: «A vy nejste truden?» Horál se zastawj, wywalil oči, ani slowa w odpowéd. «Odkod pa ste, gospone?» — «Sym brater vaš Slavin». — «Iz Rezii»; doložil Toni. «Ahá! a kam grjete?» — «W Ter». Ale nicméně našemu horálu těžko bylo k sobě přigjti, gak se podiwil, a že gá nemluwjm furlansky, nechtěl nikterakž wěřiti. Furlanismus tu panuge w takowé moci, že Slowini se i modlj, i poučugj kázanjm, i učj se we školách wšecko furlansky, čili wlasky. Za dwě hodiny přišel sem potom w Ter (po furl. Lozéwar), kde sem se nadál nalézti kaplana rozeného Slowína. Přigdu k němu, a on se podiwil neméně onoho horála, uhostil mne gak mohl, i wyprawowal o swých kraganech wše co znal i wše co zpomněl. Dále po horách šel sem na geho radu i po geho maršrutě. Druhého Slowina sem našel w duchownjm w Nimise, i netoliko Slowina, ale i Slowence, ze wšj duše rmautjcjho se nad tjm, že oni Slowini gsau odděleni od swých illyrských bratřj, a že se musegj wjc a wjce furlančiti. Toliko tito dwa duchownj gsau zde ze Slovinůw, ostatnj wšickni gsau Furlani, a ani slowa nerozumějj slowansky. Slowinůw žigjcjch w zdegšjch horách možno počjtati neméně 19,000. Země chudá, chudi i oni. Domky gako u Rezianůw z kamene, na wzor furlanský, špatněgi a ne tak čisty. Strawa ta samá, oděw

skoro ten samý: mužštj po furlansku, ale chudě, a ženské nosj čimezot podobný tjumažatu rezianskému, podpásaný čimózó, bjlým širokým pásem, a na hlawě fačolét čili opječô, skoro gako Čéšky. Jurjew den gest neyznamenitěgšj národnj slawnost: w ten den Slowini potkâwagj garo (Wesnu) a modlj se Bohu za aurodu. Před tjm w «půst» podobným způsobem se národ weselj, prowázege zimu. Druhé národnj slawnosti gsau gako u Rezianůw i druhých Slowan. Národnj tanec «tâe douhi ples» ginač se nazýwá «kolo»; a Furlani ho gmenugj «la schjava», w způsobu ruského chorowoda: wzawše se ruce, w kruh chodj w prawo i w lewo, i zpjwagj. Podlé Mekoty gest překrásné pole, w «kres» (w kupadla, den sw. Jana křtitele) shromáždj se sem množstwj lidu, sestawuge se kolo osmdesáti pârůw, i pleše okolo ohně přizpěwuge pjseň:

P'ršou krjes, p'ršou krjes!
hori drvo, hori ljes! tridlalaj laj
dalaj la da la hori ljes!

P'ršou krjes, kos oves.
hori trava, hori vez! tridladlaj
etc.

Zde máte slowinský Otčenáš 1) gak se ho modlj na sewern a 2) gak se ho modlj na gihu:

1) Otja naš ke ste na nebósach. Santifikano bodi vaše ime, pridi nan vaš reń; storina bodi vaša volôntád na nébe koj na zomji; dajte nan sakdášuji kruch, perdonajte naše douhe, tej ke mij perdonáwamo našin doužnikan, nenaájte nan spasti to u tentaciôn, ma liberajte nas od slabaa.

2) Otča nač, kjer ste na nebesach. Posvječeno bodi tvoje ime, pridi nan tvoje kryljestvo; sgodi se tvoja volja na nebêsu koj na zemji: daj nan sakydajnji krúch, odpusti nan naši duhé, kekor mi odpuščamo našin dužnikan, nas nevpelji v skušnjavo, ma odrješi nas od slabaga.

Ljipawa (Wippach) 4 máge.

Furlaoský gazyk i wlaskau stawbu i zde geště slyšet a widět. Psalbych i wjce, ale ustal sem. Odpusťte že sem tak špatně psal, mnohé sem wypustil; w listu k Šafařjkowi doplnjm nač se geště upamatugi. S Bohem, bud'te zdráw a pozdrawugte wšecky i nezapomjneyte na swého

Sreznewského.

II.

Изъ письма П. П. Шафарику.

.... Со мною была къ сожалѣнію одна ландкарта Иллиріи Вейланда, по которой наведены этнографическія краски съ Вашей. Касательно Фурланскаго куска Славянъ она неправильна [1]... Изъ Резіуты я пошелъ на Венцоне и Джемону, а далѣе на Маньянъ и Тарченто. На лѣво отъ дороги поднимаются горы все выше и выше: въ этихъ горахъ живутъ бо́льшею частію Словины (какъ они сами себя называютъ). Въ Тарчентѣ (по Словински Трчетъ, сколько мнѣ помнится) я встрѣтился съ первымъ Словиномъ и распрашивалъ его какъ идти въ горы. Онъ былъ пьянъ и могъ мнѣ сказать мало добраго, мѣшая беспрестанно Фурланскія слова и проклятія въ свой Словинскій разговоръ. Одно только я понялъ, а хозяинъ трактира и мой проводникъ Резіянецъ подтвердили его слова: то, что на западъ отъ Трчета нѣтъ Словиновъ, а все Фурланы. Въ самомъ Трчетѣ и около его болѣе Фурлановъ. Другіе, понявши, чего я хочу, совѣтовали мнѣ идти въ Ложеваро (Сл. Теръ)... мы пошли на востокъ лѣсомъ все выше въ горы... Далѣе тропинка пошла между скалами и по скаламъ, по полугорѣ, а въ низу глубоко гремѣлъ потокъ Теръ... Въ Терѣ я нашелъ капеллана Словина, — и вотъ списокъ именъ весей, который онъ мнѣ сообщилъ какъ маршрутъ для пути (?) [2]... Изъ Тера по горамъ я пришелъ въ Нимисъ, гдѣ опять нашелъ священника Словина, сказавшаго мнѣ между прочимъ, что на сѣверъ, востокъ и югъ, на югъ далеко, живутъ все Словины такіе же какъ и у Нимиса... Далѣе я спустился въ долину между горъ... и затѣмъ еще ниже на западъ къ Чивидале. Изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, я могъ себѣ составить такое понятіе о западной границѣ Словинской: на западъ отъ черты между Тарченто, Федисомъ и Чивидале нѣтъ Словиновъ; а на востокъ отъ нея, хотя и есть Фурланы, но мало, выше же все Словины... Ихъ можно полагать до 19,000 [3]).

---

[1]) На ней отмѣчена Славянскимъ цвѣтомъ только Резіанская долина
[2]) Онъ приведенъ выше.
[3]) Сравн. выше.

ОТЧЕТЪ О ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

И. А. Бодуэна-де-Куртене.

I.

Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. 1875.

II.

Резьянскій катихизисъ, какъ приложеніе къ „Опыту фонетики Резьянскихъ говоровъ“, съ примѣчаніями и словаремъ.

Задача исторіи языка по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени опредѣлена. Отъ исторіи каждаго языка — ожидается: а) разъясненіе происхожденія этого языка отъ другаго, какъ первоначальнаго его обособленія, внутренняго по свойствамъ и внѣшняго по народу, которому онъ принадлежитъ; б) показанія дальнѣйшаго развитія его свойства какъ въ звучности и въ грамматическомъ строѣ, такъ и въ составѣ, особенно по его выразительности въ отношеніи къ подробностямъ быта, нравовъ и дѣятельности ума, развитія, какъ самостоятельнаго, такъ и въ слѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, между прочимъ, и вліянія другихъ языковъ; в) показанія развѣтвленій его на мѣстные нарѣчія и говоры съ объясненіемъ по возможности причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ; г) показанія распространенія или же и паденія языка въ народѣ и въ письменности и его вліянія на другіе, языка общенароднаго, общественнаго и литературнаго и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ возможно только въ слѣдствіе

разнообразныхъ изслѣдованій и соображеній. Собственно изслѣдованія вызываются потребностью добывать и провѣрять данныя изъ источниковъ. Неоспорима важность источниковъ, дающихъ данныя о языкѣ имъ современномъ, разнаго времени послѣдовательно, начиная съ древнѣйшаго; но и для исторіи языковъ, богатыхъ такими источниками, нельзя довольствоваться такими показаніями, какъ прямо относящимися ко времени, къ которому они сами относятся. Каждый памятникъ даетъ показанія и о языкѣ времени предъидущаго; важность каждаго опредѣляется преимущественно значеніемъ показаній этого рода. Какъ бы то ни было, при исторіи только немногихъ языковъ есть такіе разновременные памятники. По Славянскому языку они есть только на нѣкоторыхъ изъ нарѣчій. Всѣ другіе, какъ и вообще большую часть языковъ, надобно исторически изучать по ихъ современному положенію, выдѣляя — путемъ сравненія со сродными нарѣчіями и языками и явленій его самого взаимно—черты, относящіяся и къ древнѣйшему времени и къ послѣдующимъ, какъ показывающія ходъ и обстоятельства обособленія. Для всякой работы по исторіи языка прежде всего и болѣе всего необходимъ подборъ данныхъ въ возможно большемъ количествѣ, чтобъ ихъ было достаточно для рѣшенія всякаго изъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, и несомнѣнно вѣрныхъ. По исторіи Славянскаго языка и его нарѣчій и сдѣлано еще мало, и дѣятелей было мало. Каждымъ новымъ трудомъ надобно дорожить, и особенно такими трудами, которые потребовали отъ изслѣдователя разработки памятниковъ и живого говора народа и отчетливости взгляда на кругъ и содержаніе изслѣдуемой области. Не лишнимъ будетъ при этомъ замѣтить что, ограничиваясь въ наблюденіяхъ одними главными нарѣчіями, изслѣдователь едва ли можетъ не опустить многихъ замѣчательныхъ явленій жизни языка: сомнѣніе навело лучшихъ изслѣдователей на правило не опускать изъ виду никакихъ мѣстныхъ нарѣчій, какъ бы ни маловажными казались онѣ сравнительно съ главными. Необходима внимательность и умѣнье въ постановкѣ вопросовъ и выводовъ изъ наблюденныхъ данныхъ и т. д. Не говорю уже объ общей научной подготовкѣ изслѣдователя.

Изслѣдователь, которому Славянское языкознаніе обязано двумя трудами по Резіянскому говору, занялъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ симъ видное мѣсто между тружениками филологической науки, разрабатывающими преимущественно вопросы по исторіи языка, и пріобрѣлъ себѣ уваженіе за тщательность наблюденій и осторожность вы-

водовъ. Изъ числа разныхъ его трудовъ особенно замѣчателенъ трудъ «о древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія» (Лейпц. 1870): это—внимательный пересмотръ всѣхъ древнѣйшихъ Польско-латинскихъ памятниковъ съ извлеченіемъ всѣхъ данныхъ по строю и составу Польскаго языка и сводъ этихъ данныхъ, показывающій основныя черты древняго Польскаго языка не только вообще но и его мѣстныхъ видоизмѣненій. Задача состояла въ доказательномъ раскрытіи древняго строя Польскаго языка, дотолѣ неизвѣстнаго большинству изслѣдователей,—и она рѣшена на сколько было возможно полно и ясно. Пріемы, употребленные изслѣдователемъ для рѣшенія имъ избранной задачи явились въ его книгѣ не въ первый разъ; но этимъ пріемамъ ни для одного нарѣчія никѣмъ не сдѣлано было такого подробнаго и тщательнаго разысканія какое находимъ въ его книгѣ по древнему Польскому. Это, безспорно, одно изъ необходимѣйшихъ пособій не только для того, кто желаетъ узнать исторію Польскаго языка, но и для всякаго славяниста.

Не менѣе замѣчателенъ трудъ г. Бодуэна и по Резіанскимъ говорамъ, такъ названнымъ по имени долины val di Resia и ея жителей. Эта долина лежитъ въ сѣверовосточномъ углу Фріуля, въ Мужацкомъ округѣ (distretto di Moggio) Удинской провинціи (provincia di Udine). Управляемая вмѣстѣ со всѣмъ Фріулемъ и во время Австрійскаго господства совершенно отдѣльно отъ сосѣднихъ Славянскихъ странъ Австрійской имперіи, отдѣленная отъ нихъ вмѣстѣ съ другими долинами восточнаго Фріуля, населенными Славянами, не только этимъ, но и горами, ни чѣмъ особеннымъ непривлекательная, она оставалась и остается почти неизвѣстною по своей природѣ и по обычаямъ и языку жителей. Изъ славянистовъ заходили въ нее только нѣкоторые, почти всѣ случайно привлеченные ея неизвѣстностью и ни одинъ доселѣ не оставался въ ней на столько времени, чтобы можно было собрать по языку въ ней употребляемому сколько нибудь достаточный запасъ данныхъ. Въ какой степени это справедливо, видно будетъ изъ слѣдующаго обозрѣнія свѣдѣній о Резіанскихъ Славянахъ, изданныхъ до 1875 г.

До 1841 г., когда случилось пишущему эти строки быть въ Резіанской долинѣ, о Резіанахъ извѣстно было только то, что отмѣтилъ графъ *И. Потоцкій* (см. его статью въ Vaterländische Blätter für den Osterreich. Kaiserstaat. 1816. 176 — 180: Die Slaven im Thale Resia) и *А. Пишели*, сообщавшій свои замѣтки аб. Добровскому (см. ихъ въ сборникѣ Slavin — по 2-му изд. стр. 118 —

124: Ueber die Slaven im Thale Resia). Въ этихъ статьяхъ находится нѣсколько этнографическихъ извѣстій и небольшое собраніе словъ.

Весною 1841 года посѣтилъ я Резіанскую долину съ цѣлію этнографико-лингвистической, и въ короткое время моей остановки въ ней и на дальнѣйшемъ пути отъ Резіанца, бывшаго моимъ проводникомъ, собралъ кое какія свѣдѣнія о бытѣ и языкѣ Резіянъ: онѣ сообщены были въ письмѣ къ В. В. Ганкѣ (Čas. Čes. mus. 1841: 341—344), въ статьѣ о Словенскихъ нарѣчіяхъ (Журн. мин. нар. просвѣщенія. 1841: XXXI: 11: 153) и въ статьѣ о Фріульскихъ Славянахъ (Москвитянинъ. 1844: IX: 207 — 234). Въ томъ же 1841 году въ слѣдъ за мною посѣтилъ Резію Хорватскій поэтъ *Станко Вразъ* и собралъ нѣсколько свѣдѣній о нарѣчіи: онѣ сообщены имъ въ письмѣ къ Л. Гаю (Danica Ilirska. 1841: л. 29).

Позже появились однѣ за другими статьи, представляющія — по выраженію И. А. Бодуэна — извлеченія и компиляціи изъ только что названныхъ: — *І. Бергманна* Das Thal Resia und die Resianer in Frioul (Iahrbücher der Literatur. B. CXXI. 1848. Anzeige-Blatt: стр. 46 — 50); его же Das Slavische Resia-Thal. (Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen. 1849. B. III.: 55 — 56), *Б. Біонделли* въ Prospetto topographico-statistico delle colonie straniere d'Italia (Studii linguistici. Mil. 1857: 55—56), *Дж. Асколи* (въ Studi critici. Gorizia. 1861: 46—57). Къ этому же разряду статей принадлежитъ и статья *П. Шафарика* о Резіянахъ и Фурланскихъ Славянахъ (Денница, литер. газета. 1842: 109 — 113).

Изъ самостоятельныхъ трудовъ о Резіянахъ, исполненныхъ послѣ 1841 года до 1875 г. вышли только записки: *С. Коціанчича* и *С. Валента*. Коціанчичу принадлежатъ двѣ очень небольшія этнографическія статьи: одна о Венеціянскихъ Славянахъ въ Odgovorah на vprašanja družtva za jugoslav. povestnicu (Arkiv za poviestnicu jugosl. 1854. III: 306 — 309), другая собственно о Резіи и Резіанахъ (Cvetnik, berilo za slovensko mladino А. Янежича 1867: стр. 66; Slovenisches Sprach-und Uebungsbuch für Anfänger того же А. Янежича. 1872: 237 — 238). С, Валентъ составилъ записку sul linguaggio Slavo della valle di Resia in Friuli (Giornale di Udine. 1868: № 293).

Къ этимъ источникамъ о Резіи и Резіанахъ можно прибавить еще только два оффиціальныхъ: во первыхъ тѣ схематизмы, которые издаются духовенствомъ о приходахъ и ихъ населеніи (которыми пользуются и г. статистики), и во вторыхъ географическія карты, изъ которыхъ самая замѣчательная есть трудъ Австрій-

скаго генеральнаго штаба: Topographische Karte des Lombardisch-Venetianischen Königreiches.

Всего менѣе сдѣлано о Резіанахъ по отношенію къ ихъ нарѣчію. Все сдѣланное въ этомъ отношеніи ограничивалось вымѣткою нѣкоторыхъ особенностей выговора и нѣкоторыхъ словъ.

Такъ между прочимъ отмѣчено было, что Резіане по своему языку принадлежатъ къ тому Славянскому народу, который самъ себя называетъ Словинами, а въ наукѣ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Хорутанъ и который населяетъ южныя части Каринтіи и Штиріи, всю Краину, Горицкую землю, Тріестское поморье и кромѣ того небольшую часть Венгріи по границѣ Штиріи. Въ ряду тѣхъ особенностей языка, которыми обусловлено народное единство этихъ Славянъ вмѣстѣ съ Резіянами, замѣтны: употребленіе j вмѣсто старослав. *жд*, происшедшаго изъ *д* (какъ на пр. въ словахъ meja — межда, rojenica—рожденица и пр.), употребленіе *o* вмѣсто Старославян. ѫ (какъ на пр. въ словахъ dob—дѫбъ, roko—рѫкѫ и пр.), употребленіе двойственнаго числа въ именахъ и глаголахъ (на пр. dva brata sta pr'šla—два брата єста пришьла), давно забытаго другими Славянами за исключеніемъ далекихъ отъ туда Сербовъ-Лужичанъ, и пр.

Отдѣленные горами отъ своихъ близкихъ соплеменниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сближенные управленіемъ съ Итальянцами, Резіяне должны были обособить свой языкъ. Любопытны для изслѣдователя такія обособленія и сами по себѣ, какъ мѣстныя видоизмѣненія языка, происходящія подъ вліяніемъ естественной измѣняемости и внѣшнихъ причинъ, и по возможности найдти въ нихъ такіе остатки старины и древности, какихъ нѣтъ въ другихъ краяхъ.

Съ такою цѣлію внести данныя по Резіанскимъ говорамъ въ исторію Словинскаго нарѣчія и въ общую исторію Славянскаго языка долженъ былъ предпринять и г. Бодуэнъ въ Резіянской долинѣ свои наблюденія, и при своей стойкости въ трудѣ и тщательности въ работѣ не могъ не достигнуть цѣли, оставшись для этого между Резіянами значительное время. Обѣ книги его, главная и добавочная, заключаютъ въ себѣ очень богатый подборъ и сводъ наблюденій—не только по разнымъ частнымъ вопросамъ, но и по болѣе общимъ, важнымъ для исторіи языка.

Въ одной изъ этихъ книгъ, въ главной, находится подробный разборъ всѣхъ свойствъ Резіянскихъ говоровъ съ фонетической точки зрѣнія во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на основаніи

обширнаго запаса личныхъ наблюденій изслѣдователя. Въ другой, дополнительной книгѣ изданъ единственный письменный памятникъ Резіянскаго нарѣчія по очень рѣдкой рукописи, и изданъ какъ только можно желать—вѣрно по подлиннику, съ приложеніемъ описанія рукописи, грамматическихъ примѣчаній, служащихъ дополненіемъ тому, что отмѣчено въ первой книгѣ, и отчетливаго словаря. Разсматривая эту вторую книгу какъ дополнительную, считаю долгомъ остановиться преимущественно на первой, какъ дающей главный и очень значительный и тщательно обработанный матеріалъ для одной изъ очень любопытныхъ и менѣе другихъ извѣстныхъ частей исторіи Славянскаго языка.

Пользуясь данными, помѣщенными въ этой книгѣ, можно сдѣлать полную характеристику Резіанскихъ говоровъ.

По количеству звуковъ эти говоры принадлежатъ къ числу богатыхъ. Вслушиваясь въ произношеніе слоговъ въ отношеніи къ собственнымъ звукамъ, т. е. къ тѣмъ ихъ долямъ, которыя въ написаніи называются согласными буквами, замѣчаемъ, что нѣкоторые звуки произносятся различно: такъ по звучности своей выдѣляются какъ отличные не только g и h, но и w и v, č (:ч) и ћ (чъ), џ (дж) и ђ (джъ); кромѣ того многіе другіе звуки въ опредѣленныхъ случаяхъ произносятся то болѣе твердо, то замѣтно смягчаясь. Смягчаются губныя: ṕ, b́, v́, носовыя ḿ, ń, язычные r, l, свистящее ś, гортанное ḱ — передъ i, передъ ü и передъ j: ṕiše, ṕîra (перья), ṕîsak, ṕjan, b́îli, b́îži, b́juvàt, v́ídet, v́îje, dv́î, v́jàt (бросать), ḿísac, sa sḿîje (смѣется), ḿiša (обѣдня), ńíwa, mańî (менѣе), ogèń = ohòń, ŕûdce (постоянно), ĺîp, ĺîs (лѣсъ, дрова), śîrak (кукуруза), bešîda, śühö (сухо), siḱira, ḱíro (которую), ḱjâč (молотъ).

Изъ согласныхъ немягкихъ по выговору замѣчательно еще и h, употребляемое кое-гдѣ вмѣсто g, а кое-гдѣ вмѣсто обще-Славянскаго *x*, который собственнымъ своимъ звукомъ нигдѣ въ Резіи не слышится.

Кромѣ означенныхъ мягкихъ согласныхъ еще особенно замѣчательны: ћ (чь), ђ (джь) и j. Звукъ ћ (чь) есть мягкое ť=šť (щ): sv̀îћa: свѣща, mõћan: мощьнъ, síћ: сѣщи, косить. Звукъ ђ есть мягкое d́=žd (жд), ђât: дѣти (положить), oђát: отъдѣти (отворить). Звукъ j, кромѣ общаго Славянскаго употребленія, еще слышится, какъ и вообще въ Словинскихъ нарѣчіяхъ, вмѣсто dj = žd́: (жд), naréjat: нараждати, mlâj: млаждь (новолуніе), ràjše: раждьше (скорѣе), и кромѣ того вмѣсто мягкаго l: kraj: краль, pondîjak: понедѣлъкъ, jûde: люди. Собственно твердыхъ согласныхъ нѣтъ, а есть среднiе, выговари-

ваемые сжатò, какъ и во многихъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Наиболѣе выдающійся твердый звукъ *лъ* тоже сдѣлался среднимъ, замѣнясь тѣмъ l, который Велико-Руссамъ и Полякамъ извѣстенъ только изъ иностранныхъ языковъ, но кое-гдѣ напоминаетъ о своемъ прежнемъ произношеніи своимъ превращеніемъ въ неопредѣленное дыханіе сопровождаемое гласнымъ o или u: dol'g и duh: длъгъ, tòlsto и tûsto: тлъсто, sûnce: слъньце, bral и brau: бралъ, dal и dau: далъ.

Въ соотвѣтствіи съ особеннымъ разнообразіемъ согласныхъ звуковъ разнообразны и гласные растворы: кромѣ общихъ всюду a, o, u, e, i (а, о, у, е: э, и), только сжато произносимыхъ, есть и еще особенные сжатые: ö и oe (первое въ родѣ французскаго *eu*, второе болѣе похоже на *e*), ü (въ родѣ французскаго *u*, нѣмецкаго ü), y (въ родѣ малорусскаго *ы*, только еще болѣе сжатаго) и наконецъ тотъ неопредѣленный растворъ, который въ древней Славянской азбукѣ обозначался знакомъ ъ, но сжатый. Только два послѣдніе раствора *y*=*ы* и *ъ*, который въ Латинскомъ правописаніи по неволѣ надобно выражать какимъ-нибудь условнымъ знакомъ, на пр. знакомъ апострофа ('), употребляются, хотя и очень непослѣдовательно (въ обще-Славянскомъ смыслѣ) тамъ, гдѣ ихъ можетъ ожидать Славянинъ неутратившій ихъ древняго употребленія. Такъ *y* слышится въ словахъ: mý=мы, vý = вы, sýn = сынъ, zýbat: зыбати (качать дитя), sýröwö: сырово (сыро), výmoe: вымя и др., хотя тоже y слышится и въ словахъ: býly=били, lýpa=липа, slýwa=слива, lysýca= лисица, bylýca = бѣлица (бѣлая сосна), wýsalica = висѣлица и др., а і въ словахъ: míšica: мышица, kobila: кобыла, sit = сытъ и пр.

Глухое *ъ* слышится кое-гдѣ въ нѣкоторыхъ словахъ съ согласнымъ *р* передъ нимъ, какъ b'rdo: брьдо, č'rničica: чрьничица, (черника), d'rží: дрьжить, sm'rdý: смрьдить, h'rmý: грьмить, se pré-d'rlo: сѧ прѣдрьло, öp'rtö: отъпрьто, ta na w'rsòe: на врьсѣ, и др., а также въ словахъ: p̕rtakne: притъкнеть, p̕ršal: p̕ršòu: пришьлъ. Что касается трехъ другихъ сжатыхъ растворовъ ö, œ, ü, то они суть явленіе новое, видное не во всѣхъ Словинскихъ говорахъ: ö употребляется вмѣсто o, œ вмѣсто e и ѣ, ü вмѣсто u большею частію въ опредѣленныхъ случаяхъ, какъ на пр. въ словахъ: bölan: больнъ, döbry: добръ, hrömy: хромыи, könöpje: конопль, joèzoerö: езеро, joèsoen: есень, vòesoely: веселъıи, doèsat: десѧть, coèsta: цѣста (дорога), dòelat: дѣлати, hloèb: хлѣбъ, moèra: мѣра, stròeha: стрѣха, voèvoerica: веверица, mroèža: мрѣжа, düh: дѹхъ, trüdan: трѹдьнъ, (утомленъ), küsišhe: косище (косовище) и пр.

Составъ звуковъ, употребляемыхъ въ Резіанскихъ говорахъ самъ по себѣ уже даетъ знать о значительныхъ отклоненіяхъ этихъ говоровъ отъ общихъ требованій Славянскаго языка въ отношеніи къ звучности. Сравненіе ихъ съ древнимъ Старославянскимъ указываетъ на объемъ и содержаніе этихъ отклоненій многими любопытными данными.

Изъ гласныхъ общее Славянское *а* болѣе многихъ другихъ удержалось на своихъ мѣстахъ, но и то съ исключеніемъ, каковы, на пр. zdro'u вмѣстѣ съ zdràu (здравъ), pròu вмѣстѣ съ pràu (правъ), zdolačà вмѣстѣ съ daleko, sto bîla вмѣстѣ съ sta bîla; dwûjsti вмѣстѣ съ dwájsti; mē, mete вмѣстѣ съ ma, mate (имѣеть, имѣете), mela и mala (малая), mest и mast (масть, масло), sem и som (самъ), neše и naša, brenilo и branilo, speńe и spańe: спаниѥ), mledi и mlade (младъıи).

Гласное *е*, сохраняясь иногда въ нѣкоторыхъ говорахъ, обыкновенно замѣняется посредствомъ *œ* или *і* или же и *а* и *ej:* poèpoel= poèpoéu (пепелъ), voèsœly, jœsoen, dœsat, zœloèn, lîd (ледъ), žinit (женить), pčiníca (пшеница), wčíra = wčera, — vačérja (вечеря), tatà (тета, тетка), sastrà (сестра), žanà (жена), jaščarica (ящерица), platanàc (плетенецъ, корзина плетеная), šéjst (шесть) и пр.

Гласное *і* удержалось почти всюду, гдѣ его можно ожидать — за исключеніемъ того, что согласный звукъ объ него опирающійся, нерѣдко произносится твердо, почему и само *і* походитъ на ы (y): zŷma (зима), pŷšoe = píše (пишетъ), prŷdoe = pride (придетъ), hħŷ = hħì (дочь), trŷ = trî, býjoe (бьеть), býly (били), lýpa = lipa, slýwa = sliva, ubýla (убила), dölŷna = dulína (долина). Кромѣ того есть случаи когда вмѣсто *і* произносится *е:* nèt = nít (нить), bèt = bit (бить), lèt = lit (лить), pèt = pit (пить), velèk = vilèk = vilìk (великъ) и пр.

Къ стати здѣсь же отмѣтить, что и то *у*, которое могло бы быть ожидаемо всюду тамъ, гдѣ по обще-Славянскому требованію стоитъ *ы*, нерѣдко замѣняется посредствомъ *і:* sa diši (дышется: пахнетъ), kri (кръı = кровь), tî = tŷ, vî = vŷ, sîn = syn, mišica (мышица, мышка), sa skríla (скрылася), kobíla (кобыла) и пр.

Гласное *о* только въ немногихъ случаяхъ осталось при своемъ древнемъ обще-Славянскомъ произношеніи: оно перемѣнилось или въ *ö* или въ *u* или въ *ü:* dnö (дно), bölan (боленъ), drŏbnö (дробно, мелко), pözdö (поздно), öbadwá (оба), öbidvi (обѣ), döbry (добрый, хорошій), öblak (облако, туча), pötŏk (потокъ), visŏk (высокъ), kŏnŏpje (конопля), и пр.; stu (сто), bûk = bûh (богъ), dûm (домъ), mûst

(мостъ), nûs (носъ), zwûn (звонъ, колоколъ), и пр.;—kôküs (кокошь, курица), kôküšy (кокоши, курицы, множ.), höspüt = göspot (господинъ), höspüdy (господа), püsiüšala (послышала, услышала). Есть еще случаи произношенія *а* вмѣсто *о:* damou (домови).

Гласное *и*, сохранилось на своемъ мѣстѣ сравнительно въ немногихъ случаяхъ и то болѣе въ нѣкоторыхъ говорахъ; а въ большинствѣ случаевъ передѣлалось или въ *ü* или же въ *ò:* trûdan (труденъ, утомленъ), trûdna, pûsti (пустой), sûhi (сухой), klübûk (клобукъ, шляпа), lûč (лучь: свѣча), düh (духъ), — čòt = čût (чуть, слышать), kròh = krùh (крухъ: хлѣбъ), kožòf=kužùh (кожухъ: шуба), ubòt = ubùt (обутъ) и пр.

Гласное *ѣ* передѣлалось или въ *oe* или въ *i:* doèd (дѣдъ), doèlat (дѣлать) loètö (лѣто), sòemoe (сѣмя), broèza (береза), broèmoe (бремя), mroèža (мережа); öboèd (обѣдъ), člövoèk, költoènö (колѣно), žoeloèzö (желѣзо), cîl (цѣлъ), lîs (лѣсъ), bîli (бѣлъ), lîp (лѣпъ, красивъ), grîh = hrîh (грѣхъ).

Гласное ѧ выговаривается очень часто какъ *е*, иногда какъ *i* или же какъ *а:* pêt (пять), spêt (опять), wzèt (взять), svèt (святъ), plêsat (плясать), glèdat (глядѣть), préslica (пряслица), sèžen (сажень), misu (мясо), míhko (мягко), míta (мята), vàh (вяще, болѣе) = vèh = vih, zat (зять), žàt (жать), spràst (спрясть), jazìk (языкъ), mísac (мѣсяцъ), doèsat (десять), natahúwat (натягивать), и пр. Очень рѣдко за гласной слѣдуетъ еще n, какъ въ словѣ vînči = ващій, большій.

Гласное ѫ въ большинствѣ случаевъ выговаривается какъ *о:* dôb (дѫбъ), kôs (кѫсъ), pôt (пѫть), hóba (гѫба, грибъ), stopa (стѫпа), и пр. Есть однако случаи, когда вмѣсто *о* слышится *и:* kuha (кѫща), muž (мѫжь), mučnik (мѫчьникъ: мучная похлебка) и пр., а иногда и *ö:* ömôžen (омѫженъ: женатъ), ömôžoena (омѫжена: за мужемъ).

Краткія гласныя ъ и ь, исчезнувъ во многихъ случаяхъ такъ же какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, во многихъ другихъ выговариваются какъ *а, е, i, о, и:* dàska = dèska = dìska (дъска: доска), ràž = rèž = ro'ž (рожь), pàs = pès = pis (песъ), vàs = vès (весь, деревня), ovàs (овесъ), konàc (конецъ), ovàn = ovèn (овенъ, баранъ), dàn = dèn = dìn = dòn (день), tinki (тонкій), šàl = šèl = šil = šòu (шелъ), kotèl = kotìl = kotòu (котелъ), mahlà (мгла), taknòt (тъкнуть), tèžak (тяжькъ), doèlavac (дѣлавьць: работникъ), bôlan, láčan (лачьнъ, алчьнъ, голоденъ), hàrlo = horlo (грълo: уста), zahàrlit (загрълити: прикрыть), tórh = térg (тръгъ: городъ), pòrst = pèrst (прьстъ), sàrce = sérce (сердце), čárni = čérni = čírni (черный), wàrh = wòrh = wùrh (врьхъ), do'lga = dòlha = dúha (долгая), tu pulkó (скользко),

mučat (молчать), důre (двери) и пр. Очень рѣдко при *r* удержался древній выговоръ: bŕdo=bаŕdo=beŕdo (брьдо: холмъ, гора), d'rži=darži (держитъ), sm'rdý=smardý (смердитъ), h'rmý=harmý=germí (гремитъ), se prédrlo (передралось, лопнуло).

Нерѣдки случаи исчезновенія гласныхъ.

Согласныя, вообще говоря, болѣе гласныхъ сохранились на своихъ мѣстахъ и въ своемъ древнемъ видѣ. Замѣчательныя отклоненія отъ древности въ этомъ отношеніи суть:

— древнее в выговаривается различно: какъ v (voèdet, člövoèk, noevoèsta — невѣстка и пр.), какъ w (wŏda, sa wozèt — ѣхать, nawala — обычай, kŕowa — корова и пр.), какъ *u* въ концѣ слога (bràu—животное, ср. бравъ = боровъ, sírou—сырой, ròuno—ровно, гладко, rounýna), а иногда и въ особ. случаяхъ (črîuje = чрѣвик, сапоги, zubů=зѫбовъ, kotlů=котловъ, čàru=чрьвь и т. п.); кромѣ того кое-когда какъ b передъ d, z, ž, l, n (sa bdori — ударится, sa bdárila—ударилась, tù b dúle—въ долѣ, въ долинѣ, nút ub dwúr, bzamoè—возьметь, bzet—взять, bzel—взялъ, tù b loncè—въ лонцѣ: въ горшкѣ, tu b lýstje—въ листіи, tu b nohè—въ ночь), или какъ p передъ t, h, c, č, s (tà p te vír — въ тотъ колодязь, tù p tédne — въ тъдьнь: въ недѣлю, tù p hánibi—въ комнатѣ, tá up církou — въ церковь, ŏpca — овца, ta up čérni wùrh — въ черный верхъ, pčera — вчера, pstàt — встать, psoe — все, psè — всѣ), или какъ f передъ s (uf srído — въ середу, tò u fsakin loètoe) или же какъ *m* передъ *n* (umnà — овна, барана, ramno — ровно, точно).

— древнее г (g), сохраняся въ нѣкоторыхъ говорахъ, въ другихъ перешло въ легкое *h* (gŏra = hŏra, gôsto = hôsto, jagudica = jáhudica = áhudica — ягодица: земляника, nŏga = nŏha),

— древнее ж въ разныхъ формахъ глагола *мощи-могѫ* и въ частицѣ *же* измѣняется въ r (mŏroe — можетъ, möramö — можемъ, morit = morèt — мочь, и пр., dàr du — даже, до),

— древнее л, вообще потерявъ твердость, нерѣдко въ нѣкоторыхъ говорахъ переходитъ въ *u* (brau = bral — бралъ, обиралъ, dau = dal—далъ, moeu = moel—имѣлъ и пр.) или же въ j: mâji = mali = mèli—малый, maja = mala=mèja—малая и пр.). Мягкое l и само по себѣ и въ соединеніи съ губнымъ переходитъ постоянно въ j: jůde — люди, kraj — краль, krajica — кралица, pŏjoe — поле, kašej—кашель, kàpje—каплетъ, bjuwàt—блевать, šhàwja—щавель,

— древнее м, неопираясь на гласную, кромѣ коренныхъ окончаній слова, (какъ dìm = dèm—дымъ, dûm — домъ, родина, sâm = sèm—самъ, ûm — гнѣвъ и пр.), переходитъ въ *n:* (z bŏhon — съ богомъ, ti dŏbrin žanán — тѣмъ добрымъ женамъ, na málen — на маломъ, man=mèn=mon — имамъ: имѣю, jìn—ѣмъ, oedoèhoen—ѣдѣхомъ, я ѣлъ, soèdan—семь, ŏsan—восемь, tan—тамъ, kan = kèn—куда.

— древнее χ перешло въ такое же h, какимъ замѣнилось g, или же и совсѣмъ исчезло (hyša=hiša—хижа, mûha—муха, grah—горохъ).

Данныя объ особенностяхъ Резіанскихъ говоровъ, извлеченныя мною изъ книги г. Бодуэна, по вопросамъ, мною придуманнымъ, даютъ знать только о нѣкоторой части огромнаго запаса свѣдѣній, въ ней собранныхъ, и выводовъ, къ которымъ она приводитъ. Не могъ я воспользоваться ни множествомъ подробностей о Резіанскихъ говорахъ, ни ихъ сравненіями со свойствами другихъ нарѣчій, ни тѣмъ менѣе словарнымъ запасомъ, очень обширнымъ и любопытнымъ во многихъ отношеніяхъ. Не могъ я воспользоваться и разнообразными соображеніями г. Бодуэна, которыя придаютъ его книгѣ особенное самостоятельное значеніе и упрочиваютъ за нимъ уваженіе въ кругу языкоизслѣдователей.

Чтобы хоть сколько нибудь ознакомить не близко знакомыхъ съ книгою г. Бодуэна, остановлюсь на нѣкоторыхъ указаніяхъ, объясняющихъ пріемы изслѣдователя и выводы имъ достигнутые.

Книга г. Бодуэна раздѣлена на три части: 1) описаніе звуковъ; 2) этимологическія отношенія звуковъ; 3) общія замѣчанія и выводы. Первая часть въ сокращенномъ видѣ передана выше; изъ второй взято выше очень немногое и то въ иномъ видѣ; изъ третьей ничего. Я долженъ слѣдовательно остановиться на двухъ послѣднихъ частяхъ.

Разсмотрѣніе этимологическихъ отношеній звуковъ въ Резіанскихъ говорахъ представляетъ въ себѣ подробности: 1) о согласныхъ, ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, о замѣнахъ, сочетаніяхъ и случаяхъ ихъ исчезновенія; 2) о гласныхъ, ихъ видоизмѣненіяхъ и замѣнахъ, удареніяхъ, продленіяхъ и сокращеніяхъ, сочетаніяхъ; 3) о взаимныхъ отношеніяхъ между гласными и согласными и явленіяхъ съ ними сродныхъ; 4) о разныхъ обстоятельствахъ смѣшенія звуковъ. Все это разсмотрѣніе подчинено слѣдующимъ правиламъ: 1) необходимо внимательно вслушиваться въ

народное произношеніе и вѣрно его изображать знаками; 2) необходимо слѣдить за каждымъ явленіемъ сколько можно подробнѣе, чтобы не только не смѣшать его съ какимъ нибудь другимъ, но и опредѣлить его признаки; 3) необходимо слѣдить за всякими отличіями говоровъ одного отъ другого; 4) необходимо уяснить себѣ и другимъ все что можно посредствомъ сравненій съ древнимъ Славянскимъ церковнымъ, и съ живыми Югославянскими нарѣчіями. Нелишнимъ считаю представить нѣсколько объясненій по каждому изъ этихъ правилъ. Передавая знаками народное произношеніе, изслѣдователь ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ себѣ подчинять написаніе какимъ бы то ни было требованіямъ или ожиданіямъ этимологіи, и потому пишетъ đöp=джбъ, mras=мразъ, mûš=мжжь, brik=брѣгъ, mlat=младъ и пр. Употребляя Латинскую азбуку, онъ пользуется ею такъ-же какъ западные Славяне въ такъ называемомъ аналогическомъ правописаніи, ставя надъ буквами знаки, точно отличающіе каждое ея произношеніе (надъ согласными знакъ ´ для выраженія мягкаго выговора, знакъ ˇ для выраженія шепеляваго выговора, въ ž для *ж*, въ č для *ч* и въ š для *ш*, надъ гласными знакъ ¨ для выраженія тонкаго средняго выговора въ ö и въ ü, какъ въ Нѣмецкомъ правописаніи, знакъ ` для краткаго ударенія, знакъ ^ для долгаго ударенія, знакъ ´ для ударенія безразличнаго). Въ Латинскую азбуку онъ внесъ только два знака ей чуждыхъ, принятыхъ въ Сербскомъ кирилловскомъ правописаніи: ђ для выраженія мягкаго *д'ж'* и ћ для выраженія мягкаго *т'ш'* = *ч'*. — Употребивъ эти средства для выраженія всѣхъ оттѣнковъ звучности Резіанскихъ говоровъ, изслѣдователь воспользовался ими съ полною внимательностью для уясненія случаевъ и условій употребленія каждаго звука и сочетанія звуковъ. Такъ, разсматривая согласныя, онъ разсмотрѣлъ обстоятельно кругъ употребленія каждой въ первичномъ неизмѣненномъ видѣ и въ ея видоизмѣненіяхъ тамъ, гдѣ она находится и сама по себѣ и въ сочетаніяхъ съ другими, какъ давнихъ, первичныхъ и вторичныхъ, явившихся при образованіи словъ, такъ и при случайныхъ соединеніяхъ словъ, не опуствивъ изъ виду и многообразныхъ случаевъ исчезновенія согласныхъ. При разсмотрѣніи гласныхъ, обративъ вниманіе на такія же обстоятельства ихъ положеній въ средѣ звуковъ, изслѣдователь постоянно имѣлъ въ виду обозначеніе силы каждаго слога, выражающейся простымъ ли напряженіемъ произношенія гласной или ея продленіемъ. Эта часть изслѣдованія потребовала отъ изслѣдователя особенной осмотрительности и проницательности, особеннаго старанія въ под-

борѣ данныхъ и въ правильномъ нхъ расположеніи. Нельзя при этомъ не отмѣтить общаго пріема, который онъ прилагалъ постоянно къ дѣлу. Система условій употребленія разнаго рода удареній, наиболѣе годная для сравненія съ такими же явленіями въ Резіянскихъ говорахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе разработанная, есть Сербо-Хорватская. Имѣя постоянно въ виду эти условія, онъ постоянно примѣнялъ ихъ къ явленіямъ имъ наблюдаемыхъ говоровъ, видимо искалъ данныхъ для сравненія, пріискивалъ ихъ сколько можно болѣе, и только уже послѣ этой кропотливой работы, сводилъ сравненія свои къ выводамъ. Работа во всѣхъ отношеніяхъ превосходная, важная не только въ отношеніи къ разсматриваемому предмету, но и вообще какъ образцовая, поднимающая уровень требованій для всѣхъ однородныхъ изслѣдованій.

Всюду отмѣчая условными знаками изъ какого говора заимствованы какія данныя, изслѣдователь не преминулъ и свести къ общимъ выводамъ свои наблюденія объ отличіяхъ говоровъ и раздѣлилъ ихъ на три особенныя «группы», какъ онъ выразился: 1) говоръ Бѣльскій, 2) говоры Нивскій, Столбицкій и Раванцскій, 3) говоры Осойскій и Учейскій, опредѣлилъ особенныя черты каждой и употребилъ ихъ какъ доказательства своему домыслу о разноплеменности Резіянъ. Отмѣчая разноплеменность трехъ частей Резіянскаго народа, соотвѣтствующихъ тремъ «группамъ» говоровъ, изслѣдователь выразилъ догадку, что каждая изъ этихъ частей народа пришла въ Резіянскую долину не только изъ особенной мѣстности, но и въ особое время, т. е. совершенно отдѣльно, и что отличія между ними въ началѣ ихъ совмѣстнаго переселенія были даже рѣзче, чѣмъ онѣ представляются теперь, когда и сожительство въ одной мѣстности, и постоянныя связи, и подчиненіе одинакимъ условіямъ, вліянія иноплеменниковъ должны были наконецъ сблизить ихъ въ одинъ народецъ.

Ведя къ этимъ выводамъ себя и читателя, изслѣдователь не могъ не обращать вниманія на другія Славянскія нарѣчія и особенно на древнее Славянское церковное, на Сербо-Хорватское и на Словинское; сравнивалъ ихъ не только съ Резіянскими говорами, но и между собою; и этимъ путемъ успѣлъ объяснить нѣкоторыя темныя мѣста ихъ сходства и отличія.

Этимъ путемъ онъ пришелъ и къ нѣкоторымъ любопытнымъ общимъ домысламъ изъ круга лингвистическихъ изслѣдованій, высказанныхъ имъ въ видѣ положеній. Для примѣра беру одно изъ этихъ положеній:

«При разборѣ взаимныхъ отношеній между родственными языками, т. е. при ихъ генетической классификаціи, почти совершенно упускались до сихъ поръ изъ виду слѣдующія, по моему, очень важныя обстоятельства:

1) Возможность діалектическихъ скрещеній во время переселенія народовъ. Такъ на пр. родственныя группы говоровъ A, B, C, D... могли состоять когда то, A изъ говоровъ a, a′, a″ a‴..., B изъ b, b′, b″..., C изъ c, c′, c″... и т. д.; но за тѣмъ, въ слѣдствіе исторической необходимости, носители этихъ говоровъ, т. е. говорящія на нихъ племена, должны были перемѣнить свое мѣстопребываніе, при чемъ произошло отчужденіе прежнихъ ближайшихъ родственниковъ, такъ что на пр. части a и a″ группы A (или хотя бы даже только части этихъ частей) могли быть отторжены отъ прочихъ частей (a′, a‴...) той же группы и поставлены въ ближайшую географическую связь на пр., съ частями b′ и b″ группы B, которая опять таки не осталась цѣльною, но должна была распасться, на пр. на три группы (b, — b′ и b‴, — b″ и b⁗...). Такимъ образомъ, пришедшіе въ взаимное соприкосновеніе говоры a и a″ съ одной стороны и b′ и b‴ съ другой развивались съ тѣхъ поръ сообща, подвергаясь тожественнымъ или почти тожественнымъ измѣненіямъ, тогда какъ ихъ прежніе ближайшіе родственники, съ одной стороны a′ и a‴, а съ другой b и b‴..., находясь въ совершенно другихъ условіяхъ и соприкасаясь съ другими говорами, должны были совершать тоже и различное внутренное развитіе.

2) Необходимое взаимное вліяніе географически сближенныхъ, хотя бы даже различныхъ по происхожденію, языковъ, придающее всѣмъ имъ одинъ общій отпечатокъ, при чемъ однакоже каждый изъ нихъ сохраняетъ свои индивидуальныя, отъ прежнихъ временъ унаслѣдованныя особенности, конечно, только до тѣхъ поръ, пока наконецъ не произойдетъ полное смѣшеніе въ пользу сильнѣйшаго изъ нихъ.

3) Возможность вліянія иноплеменныхъ языковъ и нарѣчій, переставшихъ существовать и поглощенныхъ даннымъ языкомъ, но все-таки завѣщавшихъ ему нѣкоторыя части своего достоянія, или другими словами, возможность отраженія погибшихъ языковъ не только въ запасѣ словъ, но тоже и въ нѣкоторыхъ фонетическихъ и вообще грамматическихъ особенностяхъ нынѣ существующихъ нарѣчій и говоровъ».

Ко всему сказанному выше считаю долгомъ прибавить, что — сколько мнѣ извѣстно—до сихъ поръ ни по одному изъ мѣстныхъ нарѣчій не сдѣлано того, что сдѣлано г. Бодуэномъ по Резіянскимъ говорамъ, и что—опять повторю: сколько знаю—нигдѣ еще не указана такъ доказательно важность научныхъ изслѣдованій мѣстныхъ нарѣчій.

Считая трудъ г. Бодуэна по Резіянскимъ нарѣчіямъ очень замѣчательнымъ вкладомъ въ лингвистическую литературу, осмѣливаюсь думать, что изслѣдователь, обогатившій ее этимъ трудомъ, вполнѣ достоинъ Уваровской награды.

III.

Резья и Резьяне.

(Слав. Сборникъ 1876 г., стр. 223—371).

Новый трудъ И. А. Бодуена-де-Куртене, вызывая къ предмету его тщательныхъ лингвистическихъ изслѣдованій вниманіе всѣхъ образованныхъ читателей, вноситъ не маловажный вкладъ и въ Славянскую часть народознанія Европы.

Обозначивъ положеніе Резіи между окрестностями, отмѣтивъ между прочимъ и нѣкоторыя данныя, по которымъ можно догадываться, что Славяне прежде населяли и такія мѣстности, гдѣ ихъ теперь вовсе нѣтъ, изслѣдователь-описатель остановился на Резіи и сообщилъ подробности о ней и долинахъ собственно Резіянской и Учейской (Волчьской, Волчьей), возвышенностяхъ ихъ окружающихъ и на водостокахъ, питающихъ рѣчку Резію. При этомъ онъ не напрасно счелъ нужнымъ отмѣтить слѣдующее: По горамъ, принадлежащимъ Резіи, всюду, гдѣ только простирается болѣе или менѣе обширная равнина, покрытая травою и вообще зеленью, взбирается Резіянинъ и превращаетъ этотъ скудный подарокъ природы-мачихи въ луга и пастбища. Эти горныя пастбища называются *полонинами* (planina; planyna, множ.: planine, planyne). На полонинахъ построены хижины, въ которыхъ лѣтомъ живутъ пастухи и пастушки до тѣхъ поръ, пока холодъ и желтѣющая трава не заставляютъ ихъ возвращаться въ долину вмѣстѣ со своимъ скотомъ.... Въ слѣдствіе постояннаго увеличенія населенія, нѣкоторые изъ жителей деревень выселились и построили постоянныя жилища тамъ, гдѣ прежде были только полонины или даже просто лѣса. Не напрасно это отмѣчено, потому что «нѣкоторые ученые путешественники приняли иныя изъ полонинъ за деревни» хотя въ нихъ и нѣтъ постоянныхъ жителей.

Въ слѣдъ за физико-топографическимъ обозрѣніемъ дано мѣсто обозрѣнію населенныхъ мѣстностей. Изъ Фурланской деревни Резьюты въ долину Резіянскую проведена шоссейная дорога, «начиная съ того мѣста, гдѣ узкій проходъ въ Резіянскую долину принимаетъ уже полуворонкообразную форму, у подножья полонины Рущи, появляются въ нѣсколькихъ мѣстахъ или отдѣльныя хаты или же и по нѣскольку хатъ вмѣстѣ.... Идя все по той же шоссейной дорогѣ, мы входимъ, наконецъ, въ первую Резіянскую деревню—Бѣлую или св. Георгія, которая по преимуществу называется деревнею, весью (tó u Wasé) названіемъ, которое присвоивается еще одной только деревнѣ Столбицѣ, и то не всей, а только части ея. Въ верстѣ съ небольшимъ далѣе по шоссейной дорогѣ лежатъ три небольшія селенія: Липовецъ (Lipavec, Lypavac, Lipovaz), Равенца (Ravanca: Sul Prato), и Крижаца (Križaca). Въ Равенцѣ главная приходская церковь, волостное управленіе (municipio) всей Резіянской волости, и конецъ шоссейной дороги. На той же правой, т. е. сѣверной сторонѣ р. Резьи, подымаясь все выше и выше, минуемъ нѣсколько незначительныхъ селеній и доходимъ до деревни Столбицы, позади которой начинаются крутыя отлогости горъ. На лѣвомъ, т. е. южномъ берегу Резіи лежатъ двѣ большія деревни — Нива и Осояне и причисляющіяся къ Нивѣ еще двѣ: Гоздь Гвоздь (Hözd Gost) и Лищеца (Listjaca; Lisciaza). Кромѣ этихъ значительныхъ сельбищъ есть довольно много малыхъ, по два по три двора въ близи первыхъ или же и довольно далеко, между прочимъ и на полонинахъ. Замѣчательно, что не только каждый изъ этихъ особенныхъ поселковъ, но и разныя части большихъ сельбищъ носятъ отдѣльныя названія и что подобными названіями отличены и нѣкоторыя изъ урочищь, теперь ненаселенныхъ.

О жилищахъ Резіянъ замѣчено, что они вообще не тѣсны внутри, но не отличаются чистотою. Постройки деревянныя строятся только на полонинахъ, а въ деревняхъ все изъ камня и аспида въ два яруса; въ верхнемъ спальня, въ нижнемъ кухня съ очагомъ, дымъ котораго выходитъ въ двери и въ окна. Близость отхожихъ мѣстъ никого не безпокоитъ. Чистотѣ жилищь мѣшаетъ и скученность построекъ, между которыми или вовсе нѣтъ проходовъ или они (jindrúne) очень узки. Улички такъ же очень узки.

«Въ политическомъ отношеніи Резія принадлежитъ Италіи и находится на самой восточной ея границѣ (на сѣверѣ). Она вся составляетъ одну волость (commune), принадлежащую къ Мужецкому уѣзду и округу (distretto e circondario di Moggio) Фріульской или

Удинской провинціи (provincia del Friuli, p. Udinese)... Въ административномъ отношеніи во главѣ волости стоитъ старшина (šindik: sindaco), выбираемый каждые три года, и предсѣдательствующій въ собраніи волостныхъ выборныхъ или совѣтниковъ; но настоящая власть и здѣсь, какъ во всякой итальянской волости сосредоточивается въ рукахъ волостного писаря. Что касается взаимныхъ отношеній жителей волости, платимыхъ ими податей и другихъ повинностей, Резіянская волость дѣлится на четыре участка (fracjúni: frazioni): Бѣлая: С. Джіорджіо, Нива, Осояне, Столбица. Къ каждому принадлежатъ разные поселки выселенцевъ изъ главной деревни. Главною деревнею остается Равейца, какъ мѣстопребываніе гражданскихъ и церковныхъ властей: здѣсь канцелярія волостного правленія, здѣсь таможня, здѣсь живутъ всѣ священники (joèruvi), приходскій (plaván) и два капеллана (kapaláni), здѣсь оба училища мужское и женское, здѣсь, наконецъ, значительное количество трактировъ и постоялыхъ дворовъ.

Общее число жителей въ Резіянской волости въ началѣ 1872 г. было: на лице 2,537 (муж. 1,037 и жен. 1,500) и въ отсутствіи 738, всего вмѣстѣ 3,275. Изъ наличныхъ:

до 1 года	было мужч.		41,	жен.	46 =	87
Отъ 1— 6 лѣтъ	»	»	219,	»	200 =	419
» 7—18 »	»	»	314,	»	378 =	692
» 19—87 »	»	»	463,	»	876 =	1,339
			1,037,	»	1,500 =	2,537

Рѣзкій перевѣсъ женской доли населенія объясняется отсутствіемъ значительнаго числа мужеской доли, которая, конечно, составляетъ главную часть въ общемъ количествѣ отсутствующихъ.

Изъ подробныхъ перечней видно, что стариковъ 60 — 87 лѣтъ было 255 (муж. 110, а жен. 145). Семейныхъ паръ должно бы было быть по числу замужнихъ женщинъ 478, но наличныхъ мужей было только 279.

Всѣ Резьяне вѣроисповѣданія римско-католическаго и состоятъ въ вѣдѣніи Удинскаго архіепископа. Приходскаго священника выбираютъ себѣ сами большинствомъ голосовъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ.

Покровителемъ Резьи считается св. Георгій (Svéti šan Džorč), церковь котораго находится въ деревнѣ Бѣлой; тѣмъ не менѣе

главная приходская церковь—есть Богородицкая въ Равенцѣ (cirku od Marije vérdjine). Кромѣ этихъ двухъ есть еще три церкви: въ Нивѣ, въ Осоянахъ и въ Столбицѣ, церковца на полонинѣ Карницѣ. За каждою церковью надсматриваетъ особенный церковникъ (münih). Собираніемъ пожертвованій для содержанія и украшенія церкви занимается камераръ (tjamarar: camerario); впрочемъ, обычай этотъ сохранился только на Нивѣ. Органъ есть только въ Равенцѣ, но и тотъ безмолвствуетъ за неимѣніемъ органиста.

Выше замѣчено, что въ Равенцѣ есть два училища: мужское и женское; въ одномъ учитель, въ другомъ—учительница. Учащихся очень немного.

Да и вообще грамотныхъ очень немного. Изъ таблицы, приведенной г. Бодуеномъ, сводящейся къ общему итогу 2031 душь обоего пола, могшихъ быть грамотными (съ 7 лѣтняго возраста) видимъ, что изъ 777 лицъ муж. пола грамотныхъ было 177 (въ томъ числѣ дѣтей до 12 лѣтъ — 26), а изъ 1254 лицъ жен. пола грамотныхъ было только 28 (въ томъ числѣ дѣтей — 7); слѣдовательно всего на все грамотныхъ 205 изъ 2031, т. е. 1 изъ 10; а по поламъ изъ лицъ муж. пола менѣе $^1/_4$ доли, а изъ лицъ женскаго пола немного менѣе $^1/_{45}$ доли. Пользуясь цифрами вышеозначенной таблицы, можемъ вывести любопытное сравненіе грамотности двухъ возрастовъ: юнаго до 25 лѣтъ и не юныхъ съ 25 л.: грамотныхъ муж. пола юныхъ 80 изъ 395, т. е. 1 изъ 5, а не юныхъ 97 изъ 385, т. е. 1 изъ 4; грамотныхъ женскаго пола юныхъ 17 изъ 547, т. е. 1 изъ 32, а неюныхъ 11 изъ 707 т. е. 1 изъ 64. Значитъ въ мужской долѣ населенія уменьшилось противъ прежняго на $^1/_5$ долю, а въ женской долѣ увеличилось въ двое.

Поднятію уровня общей образованности Резіянъ способствуетъ сильно то, что многіе изъ нихъ ходятъ въ странствія и на житье въ чужіе края, какъ промышленники. Изъ общаго числа 3275-ти обитателей Резіянской волости въ началѣ 1872 г. было въ отсутствіи 738, безъ малаго четвертая доля всего населенія. Изъ уходящихъ одни дѣлаются тряпичниками, занимаясь и чиненьемъ посуды, луженьемъ и т. п., другіе — дровосѣками, иные ремесленниками, особенно каменьщиками; а многіе и торговцами не только мелочными но и оптовыми, особенно фруктовыми, ведущими дѣла съ торговыми домами разныхъ областей Австрійской Имперіи и переписку на нѣсколькихъ языкахъ... Особенное положеніе значительной доли мужескаго населенія Резіи обусловилось характеромъ ея мѣстности. Плодородной земли у Резіянъ очень мало, да и обработка годныхъ

для этого участковъ стоитъ имъ «ужаснаго тяжелаго труда», все воздѣлывается здѣсь руками съ помощью заступа, лопаты, мотыки и т. п. орудій, такъ что въ Резіянскихъ говорахъ нѣтъ и названій для плуга или сохи. Воздѣлывается болѣе всего кукуруза, картофель, бобы, а пшеница менѣе. Плодовыхъ деревьевъ очень мало. Виноградъ, за недостаткомъ полуденнаго солнца, не дозрѣваетъ. Бѣдность земледѣлія замѣщается нѣсколько скотоводствомъ, дающимъ молоко, сыръ, масло, говядину, баранину и т. д. Скотоводство также не можетъ идти съ успѣхомъ: лѣтомъ еще есть зелень на полонинахъ; на зиму же скошенное тамъ сѣно по невозможности свозить надобно сносить въ деревни на плечахъ, сносить изъ далека и потому въ очень ограниченномъ размѣрѣ. И эти труды лежатъ болѣе всего на женщинахъ.

Въ замѣткахъ И. А. Бодуена приведено нѣсколько расказовъ Резіянъ, чѣмъ когда они занимаются. Вотъ два изъ нихъ. «Весною— сказывала одна молодая Резіянка — мы начинаемъ копать, сѣять картофель, жито. Потомъ мы косимъ. Потомъ, когда окончимъ работу съ сѣномъ, должны косить отаву. Потомъ собираемъ фрукты (sâd), а затѣмъ колосья кукурузы (panúle ut sirka), картофель (krompir), гречиху (éjde), рожь (ràž), рѣпу (roèpa). Собирается тоже по огородамъ (tù u wèrtih) сѣмя цикорія (soemoe od lydryka), салата (ot saláte)». Одинъ изъ Осоянъ расказалъ о своихъ работахъ такъ: Вставши утромъ, онъ идетъ на полонину. Пришедши устраиваетъ тамъ свои дѣла. Потомъ идетъ на гору, чтобы приготовить себѣ кое какую связку сѣна, если успѣетъ до ночи. И за тѣмъ онъ опять возвращается домой къ своему хлѣву (tá h ńaha hlíwu), туда гдѣ у него есть своя полонина. Устроивъ всѣ свои дѣла, онъ уходитъ (изъ Резіи) и старается что нибудь заработать. Заработавъ кое что и думая что этого довольно, ворочается на родину. Живетъ на родинѣ опять до тѣхъ поръ, пока не устроитъ своихъ дѣлъ. Потомъ опять уходитъ попытаться, не можетъ ли чего заработать. Онъ пробуетъ всѣ ремесла, и которое лучше удается, того и держится. Заработокъ старается беречь. Когда же у него есть капиталъ, онъ можетъ добывать хорошія деньги. Такой человѣкъ есть подлинно человѣкъ (muž).

Само собою разумѣется, Резіяне и Резіянки, кромѣ заботъ по домашнему и полевому обиходу, заняты и производствомъ разныхъ издѣлій необходимыхъ для жизни, орудій и разныхъ вещей, кожъ и тканей, одеждъ и обуви и т. д. Къ сожалѣнію въ свое новое сочиненіе И. А. Бодуенъ не внесъ подробностей объ этомъ.

О пищѣ Резіянской замѣтилъ онъ слѣдующее: «Вообще они питаются точно тѣмъ же, чѣмъ и ихъ сосѣди. Утромъ — кофе, который, накрошивъ прежде въ него хлѣба, ѣдятъ изъ мисочки. У кого нѣтъ кофе, тотъ довольствуется молокомъ или же кипяткомъ, въ которомъ разбавлено муки или очень немного (что и называется просто кипятокъ — krop) или поболѣе (что называется мучнымъ супомъ — múčnik). Обѣдъ и ужинъ, по мѣрѣ возможности, составляется почти всегда изъ салата, особенно цикорнаго, яицъ (одного или двухъ на человѣка) и поленты, тѣста изъ кукурузной муки, мамалыки, — jíd, joest. У тѣхъ же кто побогаче, бываетъ кромѣ того густой супъ (minéštra), приготовляемый преимущественно изъ риса, а иногда, напр. по праздникамъ, варятъ курицу или что нибудь въ этомъ родѣ. Хлѣбомъ (krüh) могутъ запасаться далеко не всѣ: его замѣняетъ полента. Хлѣбъ пекутъ только пшеничный; ржаной вовсе не въ употребленіи. Пастухи на полонинахъ питаются полентой и сывороткою. Самое любимое блюдо Резіянъ—çыръ, пряженый въ маслѣ на сковородѣ или въ кастрюлѣ. Мясо употребляется очень рѣдко».

О питіяхъ Резіанъ замѣтокъ нѣтъ; а есть о табакѣ: курятъ табакъ очень немногіе, нюхаютъ почти всѣ, даже дѣти.

Относительно одежды Резіанъ замѣчено, что для мужчинъ нѣтъ особенныхъ обычаевъ: носитъ каждый, что считаетъ лучше или что можетъ. Женщины — и то уже не всѣ — держатся стараго навыка. Молодыя и старыя одѣваются одинаково. Цвѣтъ одежды исключительно черный безъ всякой примѣси другого. Сдѣлано же платье Резіанки должно быть все изъ шелковыхъ тканей; только по нуждѣ шелкъ замѣняется чѣмъ нибудь другимъ. На короткую рубашку (srákica) Резіанки надѣвается корсетъ (pet) съ пуговками подъ шею и съ рукавами, а по верхъ корсета платье безъ рукавовъ (djamažot), перепоясываемое широкимъ поясомъ (pâs), и въ нижней части (юбкѣ, что называется kótula) сшитое изъ двухъ поперечныхъ полосъ (шевъ приходится почти у колѣнъ). Голова незатѣйливо повязывается чернымъ шелковымъ платкомъ (facöloèt). На ногахъ чулки (hlače škofoňe) и башмаки (čriíwje). Сверхъ платья, особенно въ холодное и ненастное время, надѣвается короткая кофта (džupa, súknja). — Изъ украшеній отмѣчены только серьги (rintjínavi). Серьги въ одномъ ухѣ носятъ и многіе мужчины, особенно старшаго поколѣнія.

О нравахъ Резіянъ есть нѣсколько любопытныхъ замѣчаній. Замѣчено, что Резіяне вообще очень обходительны и общительны—

нетолько между собою взаимно, но и съ чужими. Вѣжливость отношеній выражается между прочимъ употребленіемъ мѣстоименія «вы» въ бесѣдѣ со всякимъ не очень близкимъ, такъ что «ты» говорится только дѣтямъ и вообще юнымъ и ими взаимно, а «вы» господствуетъ и въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу и ко всѣмъ святымъ. Замѣчено добродушное гостепріимство Резіянъ даже нуждающихся. Замѣчено также, «что уваженіе къ чужой собственности развито въ Резіянахъ въ высокой степени: кражи или же поврежденія посѣвовъ и вообще полей случаются очень рѣдко». Незабыто то особенное положеніе женщины сравнительно съ мужчиною, въ силу котораго, не смотря на общее равенство половъ, и на вѣжливое обхожденіе молодыхъ людей къ дѣвушкамъ на праздникахъ, женщина не должна позволять себѣ «свое сужденіе имѣть» и даже подавать голосъ, когда ее не спрашиваютъ. «Если во время мужского разговора присутствующая при немъ женщина дерзнетъ высказать свое мнѣніе или вообще только отозваться, то почти всегда найдется какой нибудь блюститель порядка, считающій своимъ долгомъ въ довольно безцеремонныхъ выраженіяхъ напомнить женщинѣ о разстояніи, отдѣляющемъ ее отъ тѣхъ, кто имѣетъ право и думать и разсуждать и высказывать свое мнѣніе». Очень любопытно замѣчаніе, что «нигдѣ нельзя найдти *прислуги* изъ Резіянъ, что «Резіянинъ зарабатываетъ на свое содержаніе только свободными ремеслами или хотя бы даже самымъ ничтожнымъ промысломъ, но *служить* не умѣетъ», что въ самой Резіи по перечету 1871 г., было въ прислугѣ только 11 женщинъ и 1 мальчикъ. Не менѣе любопытно замѣчаніе о вѣротерпимости Резіянъ, позволяющей имъ уважительно смотрѣть на всякую религію, хотя и считать христіянскою вѣрой одно только римско-католическое исповѣданіе, а всѣ другія исповѣданія за одно съ Еврейскою вѣрой — не христіянскими, и вмѣстѣ съ тѣмъ отзываться о нѣкоторыхъ обычаяхъ своей вѣры очень свободно, далеко не одобрительно, даже враждебно въ отношеніи къ духовенству. Отмѣчено еще, что Резіяне сознаютъ свое родство съ другими Славянами, всего болѣе разумѣется съ тѣми Хорутанскими Словенцами, къ народности которыхъ сами принадлежатъ, и этому сознанію подчиняютъ свои народныя симпатіи и антипатіи. Это впрочемъ не мѣшаетъ тому, что они и по неволѣ и по безотчетному, все болѣе усиливающемуся навыку подчиняются вліянію Итальянскаго или вѣрнѣе сказать Фріульскаго языка и обычая.

Съ особеннымъ вниманіемъ остановился И. А. Бодуенъ на на-

родной словесности Резіянъ; въ Резіи собиралъ онъ сказки, преданія, пѣсни, поговорки и загадки и привелъ не малое число ихъ въ своемъ очеркѣ. Это — научная новинка, любопытная и для славистовъ и для изслѣдователей народной словесности, хотя, по отзыву самого г. Бодуена, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкахъ Резіянъ «нѣтъ ничего особеннаго». Приведено шесть сказокъ — о лисицѣ и другихъ звѣряхъ, три сказки о чудесныхъ приключеніяхъ съ людьми, двѣ о вѣдьмахъ, 14 загадокъ, 9 пѣсенныхъ отрывковъ и только эти въ подлинникѣ и въ переводѣ. О пѣсняхъ замѣчено, что онѣ (Wizé, úže, въ ед. wjíža: wujža: uža) «по большей части безсодержательны», и что всѣ поются на одинъ изъ двухъ напѣвовъ: одинъ веселый, употребляемый и для пляски, а другой — грустный, какъ кажется очень рѣдко употребляемый (самому г. Бодуену не удалось его услышать ни разу).

Приведено еще нѣсколько преданій, Богъ знаетъ какъ породившихся, о Русскомъ происхожденіи Резіянъ, и представлено нѣсколько доказательствъ тому, что основныя черты Резіянскихъ говоровъ и Русскаго языка совершенно различны. Затѣмъ, не отвергая родственной связи этихъ говоровъ съ другими говорами Хорутанскихъ Словенцевъ, г. Бодуенъ вошелъ въ подробное изложеніе своего убѣжденія, высказаннаго и въ «Опытѣ фонетики Резіянскихъ говоровъ, что «Резіяне представляютъ смѣсь Славянъ съ какимъ то отпрыскомъ Туранскаго племени (или по крайней мѣрѣ съ чѣмъ то подобнымъ), точнѣе говоря: они произошли изъ смѣси Славянъ съ ославянившимися Туранцами», а потомъ въ разныя подробности о самихъ говорахъ. Къ тому, что уже подробно разсмотрѣно въ означенной книгѣ, здѣсь прибавлено нѣчто новое между прочимъ, слѣдующее:

— Цвѣта: зеленый, синій, голубой, въ Резіанскихъ говорахъ неотмѣчены; всѣ идутъ за одинъ зеленый (zoeloény).

— числа: 1. dan, dna: na, dnö: nö, 2. dwa, dvi, 3. triji: tryjy, сж. tri, try, 4. štiri, 5. pet, 6. šest: šeist, 7. soèdan, 8. ősan, 9. doévat, 10. doesat, 11, dánaist: dánijst, 12. dvanijst и пр., 20. dwájsti: dwújsti, 21. dwujsti nu dan (20 и 1), 29. dwujsti nu doévat, 30. tristi: triste 40. štrèdi: štréde (вм. štiri rédi: четыре ряда), 50. paterdu (пять рядовъ), 60. tríkrat dwájsti (три раза двадцать), 70. trikrat dwájsti nu doésat (три раза 20 и 10), 72. trikrat dwájsti nu dwánijsti (3 раза 20 и 12), 80. štirkrat dwújste (4 раза 20), 90. štirkrat dwújste nu doèsaet, 100. stu: čantanar. 1000. mijar.

— Священникъ по Резіянски: joèrö: oèrő — іерей, ἱερεύς.

— Глаголъ безличный въ един. числѣ средняго рода, употребляется вм. личнаго: koj to ga upjánilo: когда его опьянило: вм. опьянили, ánu to šlö: и то шло: вмѣсто пошли, ушли.

— Будущее составляется съ помощію глагола хотѣть: хочу (tjon, tjoeš, tjoe, tjoemö, tjatà: tjoétoè, tjejo, двойств.: ч.: tjowà, tjatà, tjatá): ja tjon te ubuèt: я хочу тебя убить: т. е. я тебя убью.

— Кромѣ обыкновеннаго разговорнаго языка есть у Резіянъ еще тайный, никому постороннему непонятный. Г. Бодуэну «удалось слышать только нѣсколько фразъ этого языка, состоящихъ главнымъ образомъ изъ обыкновенныхъ Резіянскихъ словъ въ иносказательномъ переносномъ смыслѣ».

Въ своемъ очеркѣ г. Бодуенъ не забылъ дать мѣсто и свѣдѣніямъ о прошедшемъ Резіи и Резіянъ. Главное заключается въ грамотахъ и другихъ подобныхъ запискахъ, относящихся къ XIV — XVIII в. (къ XIV вѣку относятся только двѣ или три грамоты): онѣ всѣ перечислены и изъ нѣкоторыхъ сдѣланы нѣкоторыя отмѣтки. Кромѣ этого означено нѣсколько преданій народныхъ. Все это подобрано очевидно очень тщательно и не безъ большихъ хлопотъ; но, къ сожалѣнію, не могло привести ни къ какимъ общимъ итогамъ.

Послѣднія страницы очерка заняты перечнемъ всего, что доселѣ было писано о Резіи и Резіянахъ. Здѣсь, между прочимъ, кромѣ вышеуказанныхъ статей, выбраны изъ книги II. *Валентинелли* (Bibliografia del Friuli. Venezia. 1861.) и другихъ указанія на слѣдующія изданія: *H. Partenopes* Descrittione... del Friuli. Udine 1604.— *P. Fistulario* Della geografia antica del Friuli. Udine. 1775; Stampa di Pontiela, Dogno, Chiusa, Resia... 1795;—(*Viviani*) Gli ospiti di Resia. Udine. 1827; *P. Valussi* Rapporto della camera di. commercio e d'industria... del Friuli. Udine. 1853.—*G. Marinelli* Nomi propri orografici. Alpi Carniche e Giulie. Udine. 1872.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 6.

ДОПОЛНЕНІЕ
КЪ
БѢЛОРУССКОМУ СЛОВАРЮ.

И. И. Носовича.

Слова, извлеченныя изъ составленнаго имъ рукописнаго собранія Бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Январь 1881 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ДОПОЛНЕНІЕ
КЪ
БѢЛОРУССКОМУ СЛОВАРЮ

И. И. Носовича.

Слова, извлеченныя изъ составленнаго имъ рукописнаго собранія Бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ.

А.

А́-А, выговаривается протяжно, межд. 1) Удивленія. Вотъ какъ! А-а! ты гетакъ дзѣлаёшъ. 2) Убаюкиванія. А-а, а-а, малое, покуль будзёць другое. *Изъ колыб. пѣсни.*

АКУРА́ТНЫЙ, прил. кач. Исправный. Ёнъ акуратный дзѣцина, господаръ. Ёнъ акуратнѣй за цебе.

АКУРА́ЦИКЪ, а, с. м. уменш. слова Акура́тъ съ его значеніемъ. Хлопёцъ акурацикъ, усё дзѣлаёць такъ, якъ скажёшъ.

Б.

БАБЁНКА, и, с. ж. смягч. слова Ба́ба. Вообще женщина. Ёна бабёнка хорошая.

БЕЗОТМѢ́ННО, нар. Непремѣнно. Безотмѣнно ѣдзь.

БЕРЁЗНИКЪ, а, с. м. Березовая роща. Кладбище въ березнику.

БЕРЁЗНИЧЕКЪ, -чка, с. м. уменш. слова Берёзникъ. Молодой березовый лѣсокъ.

Не чутно за ельничкомъ,
За бѣлымъ березничкомъ. *Изъ свад. пѣсни.*

БЕРЕЗНЯ́КЪ, а, умен. **БЕРЕЗНЯЧО́КЪ,** -чка, с. м. Заросль березовая. Усё будзёшъ ѣхаць березнякомъ, березнячкомъ.

БЛАГОЧЕ̂СЛИ́ВЫЙ, прил. Благочестивый, православный. Наши и дзѣды были благочёсливые.

БЛИ́ЖШІЙ, срав. скл. ст. отъ прил. Бли́зкій. Болѣе близкій. Тута ближшая дорога.

БЛИЖЭ́ЙШІЙ, прев. ст. отъ прил. Бли́зкій. Ближайшій. Гета ближѣйшая дорога.

БЛИЗИ́РЪ, у, с. м. Видъ, образецъ, особенно подъ рукою близкій. Панъ гето давъ тобѣ для близиру, штобъ и ты такъ здзѣлавъ.

БОГОМО̂ЛЕ́ННЕ, я, с. ср. 1) Молитвословіе. Заставъ татусю за богомо̂леннемъ. 2) Обученіе молитвамъ. За богомоленнемъ дзѣцей часъ поцеряла.

БОГО̂МО̂ЛЬНЫЙ, прил. Молитвенный. Богомольная книжка.

БУ̂РЧИКЪ, а, с. м. Лошадка бурой масти.

Сивчикъ-бурчикъ, стань передо мною. *Изъ сказки.*

В.

ВВЁДЗЁННЁ, я, с. ср. Тоже, что Введзенне. Праздникъ Введенія. Завтра святое Введзённё.

ВДО́ВО̂ЛЬ, пар. Достаточно. Намъ вдоволь будзёць хлѣба на́ зиму.

ВЕЧЁРИ́НА, ы, с. ж. Вечернее время. Цѣлую вечерину ты тамъ просѣдзѣла.

ВЕЧЁРИ́НКА, и, с. ж. умен. слова Вечёрина. 1) Время при закатѣ солнца. Дзень бывъ дождливый, а вечеринку Богъ давъ хорошую. 2) Вечернее собраніе гостей съ угощеніемъ и даже съ игрою на скрипкѣ; бесѣда. Просивъ цебе тата къ собѣ на вечеринку.

ВЕЧЕРИ́НОЧКА, и, с. ж. умен. слова Вечёринка въ 1-мъ значеніи.

Вечеръ, вечеръ, вечериночка,
А хто ѣдзёць? Горениночка. *Изъ пѣсни.*

ВЕЧЕРНИ́ЦА, ы, с. ж. Тоже, что Вечёринка во 2-мъ значеніи (ўпотр. въ Гродненской и Минской губ.). Да й на вечерницѣ ўсё чаровницы.

ВЗВЕСЁЛИ́ЦЬЦА, сов. гл. возвр. Веселицьца. Возрадоваться. Мы ўси взвеселились, якъ ты пріѣхавъ.

ВЗДЫХА́ННЕ, я, сущ. ср. Воздыханіе.

Собирайцеся тучки въ кучки,
Да нехай дождикъ будзе,
Господаря́мъ на вздыханне,
А намъ на отдыханне.

ВЗРО́СТО̂КЪ, -тка, с. м. Возрастный дѣтина. Твой сынъ взростокъ, женицъ пора.

ВИННЕ́ЙШІЙ, прев. ст. отъ прил. Ви́нный. Болѣе другихъ заслуживающій наказаніе. Виннѣйшему вдвое треба дацъ въ хвостъ.

ВО̂ЗО́ЧЁКЪ, -чка, с. м. умен. слова Возо́къ. 1) Санки.

Зимою въ возочку, весною въ човночку. *Изъ пѣсни.*

2) Возикъ. Привёзъ возочки два сѣна.

ВО̂ЛЫ́НОЧКА, и, с. ж. 1) Уроженка изъ Волыни.

Узявъ удовку Волыночку. *Изъ пѣсни.*

2) умен. сл. Волы́нь. Была ўдовэнька на Волыночцѣ. *Изъ пѣсни.*

ВОРКОВА́ЦИ, -ку́ю, гл. ср. Ворковать, свойственно голубямъ.

Люли, люли, люли,

Прилецѣли гули,
Стали ёны ворковаци. *Изъ колыб. пѣсни.*

ВОРО́ЦИКЪ, -ка, с. м. умен. слова Во́ротъ. Воротничекъ, переносно шея. Мужиковы норовы на вороцикахъ висяць. *Изъ крест. пѣсни.*

ВОСТРУ́ХА, и, с. ж. 1) Острое какое либо орудіе. Сѣкера, коса твоя воструха. 2) Заносчивая, бранчивая женщина. Во! ёна воструха, не летай муха коло вуха. *Погов.*

ВПРА́ВДУ, нар. Дѣйствительно, не шутя. Вправду вёселлê будзёць.

ВУ́ЖӐСЦЬ, и, с. ж. 1) Ужасъ. Вужӑсць берець, што тутъ дзѣилось. 2) въ знач. безл. гл. Ужасно. Вужӑсць, якая буря на дворѣ.

ВЫБАВЛЯ́ЦЬЦА, сов. Вы́бавицьца, гл. возвр. Освобождаться. Выбавляцьца отъ бѣды.

ВЫ́РОДОКЪ, -дка, с. м. у́мен. слова Вы́родъ съ его значеніемъ.

ВЫСПРА́ШИВАЦЬ, сов. Вы́спросиць, гл. ср. Выпытывать. Якъ ни выспрашивали у его, не выспросили правды.

ВЫЦЬ, межд. употребляемое при выгонѣ откуда либо свиньи. Выць вонъ!

Г.

ГДАНЬ, я, собств. с. м. Городъ Данцигъ.

Пріѣхали приданки зъ Гданя,
Попросили у Тацянки снѣдання. *Изъ свад. пѣсни.*

ГИ́НДРИКЪ, а, умен. **ГИ́НДРИЧЕКЪ,** -чка, с. м. отъ Нѣмецкаго Kind, Kindchen. 1) Дитя. Поглядзи, якъ гиндрики, гиндрички скачуць. 2) Танецъ цыганскій. Поскачь гиндрика, копѣйку дамъ.

ГÔДО́ЧЕКЪ, -чка, с. м. умен. слова Годо́къ. Годочекъ. Дзѣцёнку мойму два годочки.

ГОЛУБО́ЧЕКЪ, -чка, с. м. умен. слова Голубь. Голубчикъ, голубочекъ.

Лецяць голубка къ голубочку. *Изъ пѣсни.*

ГОРЕНИ́НОЧКА, и, с. ж. умен. неупотр. слова Горени́на. Горюнья.

А хто ѣдзёць? Горениночка. *Изъ пѣсни.*

ГÔРÔЖЕ́ННЕ, я, с. ср. Гороженье, городьба. Гороженне твое дурное, што свиннн скрозь плецень лазюць.

ГÔСЦЁКЪ, -цька́, с. м. умен. слова Госць. Гостикъ, гостенекъ. Ты у мене, тата, дорогій госцёкъ. *Изъ повѣсти.*

ГО́СЦИКА, и, с. ж. умен. слова Го́сця. Тоже, что Го́сцейка. Мату́ся моя госцика дорогая.

ГО́СЦЯ, и, с. ж. Гостья. «Чему жъ ты не выгнала свиньи?» — А я жъ госця! «А! ты госця! такъ я цебе почестую кіемъ». *Изъ повѣсти.*

ГРÔЗИ́ЦЬ, -жу̂, гро́зишъ, сов. Згрози́ць, гл. ср. Угрожать. Чимъ ты мнѣ грозишъ? Не боюся я цёбѐ.

ГРÔЗИ́ЦЬЦА, -жу́ся, гро́зишся, сов. Погрози́цьца, гл. общ. Угрожать

паказаніемъ. Богъ грозицца на насъ. Погрозися на дзѣцей, нехай не сваволюць.

ГУ́РВА, ы, с. ж. Толпа. Гурба народу.

ГУ́РВОЧКА, и, с. ж. Небольшая толпа. Гурбочка госцей.

ГУСА́КЪ, à, с. ж. Гусь-самецъ. На гето лихо ни пѣвень не пѣя́въ, ни гусакъ не кричавъ. *Изъ пѣсни.*

ГУ́СО́ЧКА, и, с. ж. умен. слова Гусь. Тоже, что Гу́сэнька. Гусочка лапку отморозила.

ГУСЫ́НЯ, и, с. ж. Гусиная самка.

ГУСЯ́ЦИНА, ы, с. ж. Гусиное мясо.

Д.

ДВÔРЕ́ЦКІЙ, прил. 1) Ко дворцу княжескому, или какого либо магната принадлежащій, какъ и дворо́вый. Дворецкіе людзи. 2) Главный надзиратель за господскимъ домомъ. Спроси у дворецкаго, ци дапь овса госцинымъ коня́мъ.

ДВО́РИЩЕ, а, с. ср. Пустое мѣсто передъ домомъ. Паньское дворище еще не обгорожено.

ДЗЕВЯСИ́ЛЪ, а, с. м. Лѣкарственное растеніе, отваромъ корня котораго пользуются.

ДЗИВИ́ЦИСЯ, -влюся, -вишся, гл. общ. Тоже, что Дзиви́цьца.

Людзи будуць дзивицися,
Што старый хоче женицися. *Изъ пѣсни.*

ДЗѢ́Й, я, мн. Дзѣ́и, с. м. 1) Дивное происшествіе. Ци чувъ ты, якій дзѣй здѣлався у паньскомъ дворѣ? Корова рогомъ нашей пани животъ распорола. 2) Во множ. Событія, факты. Старинные дзѣи.

ДЗѢЦЮЧÓКЪ, -чкà, с. м. умен. слова Дзѣцю̂къ. Мальчишка. Пошли якого дзѣцючка къ є́му.

ДОБЫВА́ЦЬ, сов. Добы́ць, гл. д. 1) Доставать, пріобрѣтать. Добывацъ збожжа, сѣна, грошей. 2) Вытаскивать. Зъ глыбокаго колодзѣся трудно добывацъ воду̂. 3) гл. ср. Проживать до извѣстнаго времени. Добывай, добудзь у насъ до зимы, до колядъ.

ДОЖДЖЪ, -у и -à, с. м. Дождь. Снѣгъ зъ дождомъ. Дождю, дождà нёмà.

ДŎЖИДА́ЦЬЦА, сов. Дŏжда́цьца, гл. общ. Ожидать. Дождаемся пана, да нѐ вѣдаёмъ, ци дождемся.

ДÓКА, и, с. общ. Знатокъ. Ёнъ дока у насъ на гето дзѣло. Дока баба, ее не подманёшъ.

ДÓСТКА, и, умен. **ДÓСТОЧКА,** и, с. ж. (употр. въ Минской и Гродненской губ.). Тоже, что До́шка. Положи достку черезъ ручей.

На досточкѣ у млынка,
На бережку у ставка,
Прала платте дѣ̂вчина. *Изъ пѣсни.*

ДУКА́ТЪ, а, с. м. Червонецъ. Не дуката заробишъ, не дуката поцеряёшъ. *Посл.* Панъ дукатами такъ и сыплёцъ.

ДУКА́ЦИКЪ, а, с. м. умен. слова Дука́тъ. Не пожалѣй намъ даць дукацика за гето дзѣло.

ДУ́ЛЯ, и, с. ж. 1) Большая продолговатая груша (плодъ). Дули поспѣли. 2) Грушевое дерево. Вецеръ дулю зломавъ.

ДУРНОТА́, ы́, с. ж. 1) Глупость. По дурноцѣ своей отдавъ жиду гроши. 2) Тошнота. Дурнота на серцу.

ДЫМИ́ЦЬ, -млю, ды́мишъ, сов. Надыми́ць, гл. д. Наполнять дымомъ, напускать дымъ. Печка дымиць. Лучина надымила повну хату.

ДЫСЦИПЛИ́НА, ы, умен. **ДЫСЦИПЛИ́НКА,** и, с. ж. Плеть, плетка (отъ лат. disciplina — наука). Перен. Строгое наказаніе. Бацька за гето дасць ему хорошую дысциплину.

Е.

Е́ЛЕ, нар. 1) Едва, чуть. Еле живъ остався. 2) Насилу. Еле-еле упросивъ его.

ЕЛИ́НОЧКА, и, с. ж. умен. сл. Ели́нка. Елочка, елка. На горѣ елиночка одзинокая стоицъ.

Ж.

ЖАДА́ЕЦЦА, сов. Зажада́лось, гл. безл. Страстно желается. Тобѣ жадаецца, зажадалось моихъ слезъ, моей крови.

ЖА́РЕНОЕ, -а́го̂, въ знач. с. ср. Жаркое. Не жа́реное, не знюхаёшъ. *Посл.*

ЖВЁЦЬ, жву, жвешъ, гл. д. Жевать.

ЖЕРСТВИ́ЦА, ы, с. ж. умен. слова Жерства̀. Дресва. Жерствицею вышоруй посуду.

З.

ЗАБИРА́ЕЦЬ, сов. Забра́ло, гл. безл. Схватываетъ; ярость, ознобъ или болѣзнь какая либо забираетъ. Чего цебе забираёць за животъ?

ЗАВЕДЗЕ́ННЕ, я, с. ср. 1) Учрежденіе. Заведзенне порядку. 2) Заводъ. Заведзенне пчолъ. 3) Принятое обыкновеніе. У насъ такое заведзенне, што отъ хлѣба соли не ѣдуць госци.

ЗАВИ́ДЗѢЦЬ, сов. гл. д. Ви́дзѣць. Увидѣть со стороны, какъ бы нечаянно. Якъ ёнъ завидзѣвъ тута насъ.

ЗАВИРА́ЦЬЦА, гл. общ. Скрываться какъ бы въ глубинѣ вира, водоворота. Невѣдомо што завираёцца въ гетомъ хлопцѣ.

ЗАВЧО́РА, нар. Завчера.

ЗАГОРѢ́ЛОСЯ, гл. безл. сов. в. Сильно хочется, непремѣнно захотѣлось какъ бы по крайней необходимости. Тобѣ загорѣлося туды ѣхаць.

ЗАДЗИВЛЕ́ННЕ, я, с. ср. Тоже, что и Задзиве́нне. Удивленіе.

ЗАДО́ЧЕКЪ, -чка̀, с. м. умен. слова Задо́къ. 1) Крестецъ, позвонки у

дитяти. Дзѣцёнокъ задочёкъ отбивъ, упавши. 2) Задняя часть телѣги.

Посадзили ў передочку,
Сами жъ сѣли у задочку. *Изъ пѣсни.*

ЗАЖА́РИЦЬ, сов. гл. д. Жа́рицъ (сѣчь). 1) Порядочно наказать тѣлесно. Зажарь-ка ему тую. 2) Сжарить. Зажариць гуся.

ЗАКОКЛЮ́ШКА, и, с. ж. 1) Запонка, крючокъ для застегиванья.

Отдай мое два персцёнки, треццю закоклюшку,
Коли мене ты не любишъ, полюби-жъ лягушку. *Изъ пѣсни.*

2) Задача (переносно). Задавъ мнѣ панъ ладную закоклюшку.

ЗАРѢ́ЧЧЕ, а, с. ср. 1) Слобода за рѣкою. Живець на зарѣччу. 2) Зарѣчная сторона. Кони ходзюць на зарѣччу.

ЗАСЛА́НЫЙ, смягч. **ЗАСЛА́НЕНЬКІЙ,** прич. стр. отъ д. гл. Засла́ць. Покрытый скатертью, убрусомъ, застланный. Столы засланые.

Охъ вы, столики мое, вы, засланенькіе. *Изъ крест. пѣсни.*

ЗАСО́ВЪ, а, с. м. Задвижка. Запри дзвери на засовъ.

ЗАСЫПА́ЦЬ, гл. ср. Начинать предаваться сну. Засыпай тутъ смѣло.

ЗАХРО́ПЪ, сов. гл. ср. Хропѣ́ць, прош. вр. вмѣсто Захропѣвъ.

ЗВЕЧО́РА, нар. Свечера. А ўчора звечо́ра перепёлка злецѣла. *Изъ св. пѣсни.*

ЗГРЕ́БНЫЙ, прил. Взятый съ гребня. Згребные гроши (т. е. отъ прялки пошлинныя).

ЗЕ́ЛЛИКО, а, с. ср. умен. слова Зе́лле. Слав. Зеліе. Трава сушеная, въ родѣ лѣкарства. Зеллика оттопи и дай дзѣцёнку.

ЗЛЁГКА, нар. 1) Потише. Злёгка сыпъ. 2) Снисходительно. Панъ его злегка покаравъ.

ЗЛОТОПЁРКА, и, с. ж. Имѣющая золотистыя перья (у рыбы), крылья. Рыбка злотопёрка. *Изъ сказки.*

ЗЛУКА́ВИЦЬ, см. здѣсь же Лука́виць.

ЗМИЛОСЕ́РДОВАЦЬЦА, сов. неупотр. гл. Милосе́рдовацьца. Умилоститься. Змилосердуйся панъ надо мною, дай на прокормъ якого збожа.

ЗМИТРЁЖЕ́ННЕ, я, с. ср. 1) Возмущеніе. Змитрёженне въ народзѣ. 2) Помѣшательство, боль. Змитрёженне въ головѣ, въ кишкахъ.

ЗНЕМОЖЕ́ННЕ, я, с. ср. 1) Истощеніе силами, ослабленіе. Зноможенне напало на его, не можець ходзиць. 2) Лишеніе. Зноможенне церпимъ, не можемъ разжицьца.

ЗНИЧО́ГО, въ знач. нар. 1) Безъ всякой причины. Зничого залулувавъ. 2) Изъ ничего. Зничого ничо́го не зробишъ. *Посл.*

И.

И́ВИНА, ы, с. ж. Ива, ивовое дерево. Ивина на жердзь згодзицца.

И́ВЭНЬКА, и, с. ж. умен. сл. И́вина. Ивушка. Ивэнька зазеленѣлась.

ИГРИ́ЩНИКЪ, а, с. м. Участвующій въ деревенскомъ колядномъ гульбищѣ. Хозяинъ хочець затушиць лучину, а игрищники не ўси еще вышли съ хаты.

ИГРУША, ы, с. ж. Грушевое дерево. Вѣцёръ злóмавъ игрушу.

ИГРУ́ШКА, и, с. ж. Грушка (плодъ). Игрушекъ повную лубку принёсъ, добре на квасъ будзёць.

ИСПÓДЪ, а, с. м. Нижняя часть какого либо сосуда. Въ исподзѣ скрыни мыши проточили дзирку. Бери кубелъ съ исподу.

К.

КАВУ́РЧИКЪ, сокращ. слово отъ Калаву́рчикъ.

КАЛАВУ́РЧИКЪ, а, с. м. умен. отъ Калаву́рщикъ. Мальчишка постоянно стоящій на караулѣ. Калавурчикъ сцережець саду. Слово Кавурчикъ употребляется только въ сказкѣ. Сивчикъ-бурчикъ, вѣчный кавурчикъ, стань передо мною, якъ листъ передъ травою. Сивчикъ-бурчикъ бѣжиць, ажъ зёмля дрыжиць.

КЛАДЗЬ, и, с. ж. Перекладина. Шаткая кладзь полóжена черезъ рѣчку

КЛАДЪ, а, с. м. Складъ, особенно денегъ, зарытыхъ въ землю. Кладъ нашовъ, такъ и забогацѣвъ.

КЛѢ́ТОЧКА, и, с. ж. умен. сл. Клѣ́тка, отъ Клѣць. 1) Маленькая кладовая для склада съѣстныхъ припасовъ. Клѣточка повная усякого запасу. 2) Клѣтка для птицъ.

КЛЯ́ССА, ы, с. ж. Классъ въ училищѣ. Паничъ нашъ перешовъ до другой кляссы.

КОВВÁСНИКЪ, а, с. м. 1) Колбасникъ, дѣлающій и продающій колбасы. 2) Насмѣшливое названіе Нѣмцевъ.

КОМÓРНИЦКІЙ, прил. Къ землемѣрству относящійся. Коморницкій ланцугъ.

КОНЕ́ЧНЕ, нар. Непремѣнно. Конéчне придзи.

КОНЕ́ЧНО, нар. Тоже, что Конéчне. Дѣйствительно. Конечно такъ.

КОПЯ́КЪ, à, умен. **КОПЯЧÓКЪ,** -чкà, с. м. Земляная насыпь; бугоръ насыпной земли.

КОРÔЛЁВНА, ы, с. ж. букв. Королевская дочь, перен. Богатая, знатная и красивая дѣвица. Узявъ королевну,
Да собѣ не ровну. *Изъ пѣсни.*

КÔСЭНЬКА, и, с. ж. Косица. Хто мою косэньку расплêцецъ? *Изъ св. пѣсни.*

КÔТÓЧЕКЪ, -чка, с. м. умен. слова Кôтóкъ. 1) Колесцо. Коточки маленькіе для дзѣцинпэй повозочки. 2) Котикъ, животное.

Коточекъ пошовъ у лѣсочекъ,
Принесець малому поясочекъ. *Изъ колыб. пѣсни.*

3) Рядъ, рядочекъ. Ложицесь дзѣтки въ коточекъ.

КРАСЦЬ, -ду, сов. Укрáсць, гл. д. Воровать. Ты часто крадзёшъ у мене грошы.

КРÁСÓЧКА, и, с. ж. умен. слова Крáска. Цвѣтокъ, перен. къ женщинѣ Красоточка. Красочка моя чёго ты плачёшъ?

КРИШТА́ЛКА, и, умен. **КРИШТА́ЛОЧКА,** и, с. ж. Хрустальный сосудъ, сосудецъ. Кришталку, кришталочку паньскую разбивъ.

КУМА́, ы́, умен. **КУ́МОЧКА,** и, с. ж. Кума, кумушка. Не кажи гетого никому, кумочка моя.

КУМЪ, а, с. м. множ. Ку́мы. Воспріемникъ отъ крещенія. Кумы поѣхали дзѣцёнка кресциць. Ай кумъ кумѣ радъ,
Повевъ куму въ виноградъ. *Изъ крест. пѣсни.*

КУПЛЯ́НЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Купля́ць. Покупанный.
Не тутъ то купляна,
Купляна въ городзѣ,
Прислана молодзѣ. *Изъ свад. пѣсни.*

КУ́РНО, нар. Дымно. Курно въ хацѣ.

КУСТО́КЪ, -ткà, умен. **КУСТО́ЧЁКЪ,** -чка, с. м. Кустикъ, кусточекъ. Сядзимъ тутъ подъ кусткомъ. Кусточка цыбули пожелѣла.

Л.

ЛАДЭНЬКА, и, с. ж. 1) Тоже, что Ла́дочка. Оладейка. Ладэнька горячая. 2) Во мн. Ладоши. А ладэньки, ладки! А йдзѣ были?—У бабки. *Изъ дѣтской пѣсни.*

ЛЕБЁДО́ЧКА, и, с. ж. умен. слова Лебёдка. Нѣжное названіе женщины. Лебёдочка моя, сестрица.

ЛИХÔДЗѢ́Й, я, с. м. Зложелатель. Лиходзѣямъ на зайздросць, а намъ на доброе здоровье. *Пог.*

ЛИХÔДЗѢ́ЙКА, и, с. ж. Зломыслящая женщина. Ёна лиходзѣйка моя.

ЛУКА́ВИЦЬ, -влю, -вишъ, сов. Злука́виць, гл. ср. Злоухищрять. Я съ тобою по правдзѣ живу, а ты со мною лукавишъ, злукавивъ.

ЛУПОВО́КІЙ, спр. ок. Лупово́къ, прил. 1) Тоже, что Лупа́тый. См. въ Словарѣ. 2) Имѣющій навыкъ хлопать часто глазными вѣками. См. въ Словарѣ Лу́пацъ. Эхъ ты луповокій, прослѣпивъ.

ЛЮГА́ШКА, и, умен. **ЛЮГА́ШЕЧКА,** и, с. ж. Лягушка. Люгашка квокчёць.

ЛЯ́ДРО, а, с. ср. Стегно, лядвея у лошади и вола. Вода въ рѣцѣ по самыя лядры коню. Сличи Обля́дры въ Словарѣ.

ЛЯ́КИРЪ, а, с. м. Лакъ. Паньскіе столы подъ лякиромъ.

ЛЯ́ЛЬКИ, -лекъ, с. ж. скл. во мн. ч. Зрачки глазъ. Ляльки сховалися ужо у его. Перен. Глаза. Протри свое ляльки, дакъ и ўвидзишъ.

М.

МАМУЛЯ и **МАМУ́ЛЕНЬКА,** и, с. ж. Ласк. слова Ма́ма. Маменька. Мамулю мою прошу благословиць мене ѣхаць къ вѣнцу. Мамуленька моя, не покидай же мене.

МИГА́ЦЬ, однокр. Мигну́ць, гл. ср. Давать знать быстрымъ движеніемъ глазъ или лица. Што ты ёму мигаёшъ. Чортъ чорту сповѣдався: одзинъ мигнувъ, другій догадався. *Посл.*

МИ́ГОМЪ, нар. Мгновенно, быстро. Мигомъ збѣгавъ.

МИГУ́НЬ, межд. 1) Вдругъ, въ одно мгновеніе. Мигунь и збѣгавъ. 2) Быстрый знакъ глазами, или лицомъ, мигъ. Мигунь на его, штобъ ёнъ догадався.

МИНУ́ЮЧИ, дѣепр. въ знач. предл. Кромѣ. Минуючи тое, скажу....

МУ́СИЦЬ БЫЦЬ, гл. безл. Должно быть. Мусиць быць панъ пріѣхавъ.

Н.

НАГО́НЪ, у, с. м. Нагнаніе, пригонъ. Нагонъ скота, коней на торгъ.

НА́ДÔ, гл. безл. сокр. отъ На́добно. Нужно. Кого тобѣ надô?

НА́ДÔБНЫЙ, прил. Нужный. Ёнъ мнѣ надобный человѣкъ.

НАДРЫВА́ЦЬ, сов. Надорва́ць, гл. д. Раздирать. Ты своимъ упорствомъ серце мое надрываёшъ, надорвавъ.

НАДРЫВА́ЦЬЦА, сов. Надорва́цьца, гл. возвр. Рваться, раздираться. Серце мое надрываёцца, глѣдзючи на его хворобу. Надорвалась я, плачучи.

НАЖИ́ВКА, и, умен. **НАЖИ́ВОЧКА,** и, с. ж. Доходъ со стороны. Хорошую Богъ намъ давъ наживку, наживочку.

НАЖИ́НЪ, а, с. м. Количество нажатаго. Сёлѣта нажину нема, хоць бы умолотъ бывъ хорошъ.

НАЙОСОБЛИ́ВШІЙ, прев. ст. прил. Особли́вый. Особеннѣйшій, отличнѣйшій. Найособлившій мой пріяцель.

НАЙЯСНѢ́ЙШІЙ, прев. ст. прил. Ясный. Сіятельнѣйшій. Найяснѣйшій князю.

НАПУ́ЩИВАЦЬ, сов. Напусци́ць, -щу̀, -сцишъ, гл. д. Напускивать, спускать во множествѣ. Идзи съ паньскихъ покоевъ, а то ты тутъ блохъ напущиваёшъ, напусцишъ. Напущиваць, напусциць на кого собакъ.

НАѢ́ДНЫЙ, прил. Сытный. Не кажная потрава бываёць наѣдная.

НАѢ́ДОКЪ, -дку, с. м. Сытная ѣда. Отъ яблокъ и гурковъ наѣдку нёма.

НАѢ́ДЪ, у, с. м. Тоже, что Наѣ́докъ.

НЕ БАВНО, нар. Не забавляясь, не промедливая. Не бавно вы госцили ў насъ.

НЕДОѢ́ДОКЪ, -дка, с. м. Остатокъ пищи, недоѣденный кусочекъ. Недоѣдокъ свой покинувъ. Собери со стола недоѣдки.

НѢ ДУ́ЖО, нар. Не очень. Не дужо я цёбе боюся.

НЕ МА́ЗАНЫЙ, прич. въ зн. прил. Не смазанный. Такій, сякій, сухій, не мазаный. *Посл.*

НЕ МИНУ́ЧІЙ, прич. Тоже, что въ Словарѣ Немину́щій.

НЕКÔЛИ, нар. Едва ли когда было, чтобы. Некôли собака блины пёкъ Ёнъ усёгды цѣстомъ ѣсць. *Послов.* Некôли ты правду говоривъ! ты ўжо давно зневѣрився.

НОРОВИ́СТЫЙ, прил. Упрямый. Норовистый хлопецъ, конь.
НУТРЕНЫ́Й, прил. 1) Внутренній. Нутреное сало. 2) Извнутри запираемый. Нутреный замокъ.

О.

ОВМЕ́ЦИЦА, ы, с. ж. Мука съ пескомъ, обметенная вокругъ мельничнаго камня. Мельникъ цебе обмецицею накормиць, да глядзи зубовъ не поломай. *Изъ повѣсти.*
ОВРАЗИ́НА, ы, с. общ. Безобразный лицомъ. Першій разъ образину такого вижу. Образина, а не человѣкъ!
О́ВУВЪ, а, с. м. Обувь. Одзинъ обувъ што коштуе́цъ. У его хорошаго обува нёма.
ОВУ́ЦЦЕ, я, с. ср. 1) Тоже, что и О́бувъ. На хозяйскомъ обуцци нанявся. 2) Обуваніе. Боты еще годзяцца на обуцце.
ОВШАВО́ЛЕНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Обшаво́лиць. Обкраденный. Сеґеночи клѣць наша обшаволена.
ОВШАВО́ЛИВАЦЬ, сов. Обшаво́лиць, гл. д. Обкрадывать, обшаривать воровски. Ой, ты часто обшаволиваешъ мою кишеню. На ночлезѣ обшаволивъ мѐне нѣхто̀.
ОВЩЕ́ПЛИВАЦЬ, сов. Общепи́ць, гл. д. Обнимать крѣпко. Ты мене по пріяцельски общепливаёшъ, да не по пріяцельски поступаёшъ со мною. Общёпи мене дзѣцятко.
ОВЩЕ́ПЛИВАЦЬЦА, сов. Общепи́цьца, гл. взаимн. Обниматься крѣпко. Общепливающца, общепи́лись, якъ пріяцели, а грызуцца якъ собаки.
ОЛЕ́ЕКЪ, -йка, с. м. Лѣкарственныя масленыя капли. Олейкомъ прикласць къ порѣзу.
ОПУСЦЯ́СЯ, дѣепр. прош. вр. гл. возвр. Опуска́цьца. Опустившись.
Крылками опусцяся. *Изъ пѣсни.*
ОСОБНЯКО́МЪ, нар. Порознь, по одиночкѣ. Особнякомъ поѣхали.
ОСТРО́ЖКА, и, с. ж. Шпора. Боты съ острожками.
ОСЫПА́ЦЬЦА, сов. Осы́пацьца, гл. возвр. Линять. Говорится о птицахъ.
Крылками опусцяся,
Перьникомъ осыпяся. *Изъ пѣсни.*
ОСѢКА́ЦЬЦА, сов. Осѣкцися, гл. возвр. Обрѣзываться въ словѣ или поступкѣ, ошибаться. Ты часто осѣкаёшся. А што? Осѣкся языкъ твой.
ОТЖЕНЯ́ЦЬ, сов. Отжену́ць, гл. д. Отгонять.
Поглядай, сынку, моей пшоночки,
Отженяй, отжени перепёлочки. *Изъ свад. пѣсни.*
ОТХА́ЕНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. О́тха́иць. Возвращенный къ жизни. Отхаеный утопленикъ.
ОТЩЕ́ПЛЕНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Отщепи́ць. Отпертый. На што ты кинувъ отщепленую клѣць? свинни ўлѣзуць и шкоду здѣлаюць.
ОТЩЕПЛЯ́ЦЬ, сов. Отщепи́ць, гл. д. 1) Отпирать запертое. Отще-

пляй вокны. Отщепи комору. 2) Откалывать. Отщепляць осколочки на подтопу.

ОТЪѢЗДНОЕ, -аго, въ знач. сущ. Тоже, что Отъѣздзины. См. въ Словарѣ.

ОФИЦЫНА, ы, с. ж. простонар. **ОХВИЦЫНА.** Флигель при господскомъ домѣ для должностныхъ по экономіи лицъ (отъ officium). Икономъ живець у официнѣ.

ОФИЦЫНКА, и, и **ОХВИЦЫНКА,** с. ж. умен. слова Офицына. Небольшой флигель. Цёпленькая официнка.

ОШУКАНЕЦЪ, -нца, с. м. Обманщикъ. Жиды ўси ошуканцы, николи не живуць правдою.

П.

ПАСИКЪ, а, с. м. умен. слова Пасъ. Поясокъ. Подпережись пасикомъ.

ПАСѢЧНЫЙ, прил. Къ пчеловодству относящійся. Пасѣчный ножикъ.

ПАХОЛОЧЕКЪ, -чка, с. м. умен. слова Пахолокъ. Тоже, что Пахолякъ. См. въ Словарѣ.

ПЕНЬ, пня и пеня, с. м. Пень, перен. Глупецъ. Пеня гетого ничому не наўчишъ.

ПЕРЕДОКЪ, -дка, умен. **ПЕРЕДОЧЁКЪ,** -чка, с. м. Передняя часть телѣги. Сядзь въ передку. Сами сѣли у задочку,

А мене посадзили въ передочку. *Изъ рекр. п.*

ПЕРЕКОМЪ, нар. Поперегъ. Перекомъ костка въ горлѣ сѣла.

ПЕРОМЪ-ЗЕМЛЯ. Выраженіе желанія покойнику, чтобы ему легка была земля.

ПЕРЬИКО, а, с. ср. собир. умен. слова Перье. Перья. Прибери перьико къ мѣсту.

ПИРОВНИКЪ, а, с. м. Собутыльникъ. Собралися въ карчму пировники, да й пирующь.

ПОБЛИЖШІЙ, ср. скл. ст. отъ прил. Близкій. Который поближе. Поближшая дорога.

ПОВВѢКУ, въ знач. нар. Полвѣка.

ПОВЫЧЕСТОВАНЫЙ, прил. отъ д. гл. Повычестовацъ. Употчиванный гостямъ. Уся горѣлка повычестована толочанамъ.

ПОВЫЧЕСТОВАЦЬ, сов. гл. д. Честовацъ. Употчивать при угощеніи многихъ. Усю горѣлку повычестовавъ, ни капельки не оставивъ къ завтрему.

ПОВЯЗАЦЬ, сов. гл. д. Вязацъ. Связать. Назадъ руки повязали. *Изъ рекр. п.*

ПОГЛЯДЗѢННЕ, я, с. ср. Взглядъ. Дзѣвка на поглядзѣнне хороша.

ПОГЛЯДЗѢЦЬЦА, -жуся, гл. возвр. сов. в. Посмотрѣться. Поглядзися въ воду, яковъ ты.

ПОГОРЖАЦЬ, гл. ср. Пренебрегать. Ты погоржаёшъ моимъ подаркомъ, моею ласкою.

ПОДВОРЬЕ, я, умен. **ПОДВОРЬИКО,** а, с. ср. Пространство, мѣсто

пустое подлѣ двора. Подворье, подворынко таткино треба ровновацъ. *Изъ свад. пѣсни.*

ПОДГОДОВА́ННЕ, я, с. ср. Воспитаніе. Подгодованне спроцины.

ПОДСТРѢШШЕ, а, с. ср. Мѣсто подъ стрѣхою или подъ крышею. Подстрѣшше наше процекаёцъ.

ПОЗВО́ННОЕ, -аго, въ знач. с. Взносъ денегъ на звонъ за умершаго. Нехай тобѣ на позвонное, што ты мнѣ скруцивъ.

ПОКИВА́ЦЬЦА, сов. гл. возвр. Кива́цьца. Поработать довольно, часто нагибаясь. Покивався я за дзень, рубючи дровы.

ПОКРА́ДЗЕНЫЙ, прич. стр. отъ дѣйст. гл. Покра́сцъ. Уворованный. Брацпы! покрадзены яйцы: было четыре, стало шесцъ. *Погов.*

ПОКРА́СИЦЬ, сов. гл. д. Кра́сицъ. Перен. Сдѣлать честь.

Наталка наша покраса,
Покрасила два дворы. *Изъ свад. пѣсни.*

ПОКРА́СЦЬ, сов. гл. д. Красцъ. Поворовать.

Коровайницы псицы
Сѣдзяцъ, якъ лисицы,
Усё цѣсто покрали,
По кишенямъ поховали. *Изъ свад. пѣсни.*

ПОЛЕВА́ЦЬ, -люю, гл. ср. Охотиться, ѣздя по полямъ. Паничи, полюючи, потоптали збожже.

ПОЛИТОВА́ННЕ, я, с. ср. Милосердіе. Икономъ безъ политования бьецъ насъ.

ПОМИ́МО ТОГО, нар. Кромѣ того.

ПО́МОЧИ, -чей, с. ж. употр. во множ. ч. Подтяжки. Паничовы штоники на помочахъ.

ПОМѢ́РНЫЙ, прил. Умѣренный. Морозъ помѣрный. Урожай помѣрный.

ПОПА́СЕНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Попа́ствицъ. Тоже, что Попа́ственый. См. въ Словарѣ.

ПОПО́ВЩИНА, ы, с. ж. Священническая земля. Поповщину засѣваю.

ПОПОСТЫ́ЛИЦЬ, сов. гл. д. Посты́лицъ. Привести въ омерзеніе; говорится о многихъ. Усихъ дзѣцей ты мнѣ попостыливъ, пріўчивши къ своволѣ.

ПОПОСТЫ́ЛИЦЬЦА, сов. гл. возвр. Посты́лицьца. Омерзѣть; говорится о многихъ. За тобою уси дзѣци попостылилися мнѣ.

ПОРЯ́ДОЧЁКЪ, -чка, с. м. умен. слова Поря́докъ. Правильное распоряженіе, порядокъ. Не отдавай мене, таточка, за ўдовца,

Отдай мене таточка у семью.
Тамъ ёсцъ порядочекъ усему. *Изъ свад. пѣсни.*

ПОРЯ́ДЧИННЕ, я, с. ср. Управленіе, установленіе порядка въ работѣ. Твое порядчинне никуды не годно.

ПОСТЫЛЁННЕ, я, с. ср. Непріязнь. Межъ ими давно постылённе зайшло.

ПОСТЫЛЫЙ, прил. 1) Мерзкій, непріязненный. Постылый ты человѣкъ со своею докукою. 2) Ничтожный, презрѣнный. Усё милое пошло за постылое. *Посл.*

ПОСЫКАННЕ, я, с. ср. Порывъ. Посыканне биццa.

ПОСЫКАЦЬ, сов. Посыкнуць, гл. д. Выставлять впередъ. И ты тутъ посыкаёшъ свой носъ!

ПОХОЖДАЦЬ, гл. ср. Похаживать. По постацѣ походжае,
Своихъ жнеекъ пригоняе. *Изъ жнив. п.*

ПОХОЖДАТИ, гл. ср. Тоже, что Похождацъ, употребляется въ нѣкоторыхъ частяхъ Минской и Гродненской губ. Панъ по лугу похождае,
Якъ мы косимъ поглядае.

ПОЦЕРПИЦЬ, -плю, гл. д. сов. в. въ знач. сред. отъ гл. Церпѣць. Претерпѣть. Я много поцерпивъ черезъ цебе.

ПОѢЗДЖАННЕ, я, с. ср. 1) Частая ѣзда. Коней поморивъ своимъ поѣзджаннемъ до своей коханки. 2) Насиліе чьей либо воли. Я тобѣ не позволю поѣзджання на моей шіи.

ПРАННИЧЁКЪ, -чка, с. м. умен. слова Праникъ. Валекъ для битья на рѣкѣ бѣлья. Праннички твой лёгенькій и зручненькій.

ПРЕЗНАЧАЦЬ, сов. Презначиць, гл. д. Предназначать, предопредѣлять. Богъ кожному человѣку презначаець долю. Чего Богъ не презначиць, того не будзешъ церпѣць.

ПРЕЗНАЧЕННЕ, я, с. ср. Предназначеніе. Ёму такое презначенне отъ Бога.

ПРЕЗНАЧОНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Презначиць. Предназначенный. Ёму такая доля, смерць презначона.

ПРИВОЛЬНЫЙ, прил., срав. скл. ст. **ПРИВОЛЬШІЙ.** Отличающійся хозяйственными выгодами. Наше привольное жиццё, усё подъ рукою. Наша дзеревня привольшія маёць выгоды, чимъ си ваша.

ПРИГАНКА, и, с. ж. Охулка. Якую ты даси приганку мойму коню?

ПРИГНАИВАЦЬ, сов. Пригноиць, гл. д. Допускать гніеніе, гнилость въ чемъ; прогноить. На што ты въ копахъ пригнаиваёшъ сѣно? якъ пригноишъ, кони ѣсць нё будуць.

ПРИГОЖСТВО, а̀, с. ср. Красота. Дзѣвка пригожствомъ хороша, да не рукодзѣльница.

ПРИКРУЦИЛО, гл. безл. сов. в. Принесло какъ бы крутящимся вихремъ. Уже его прикруцило къ намъ.

ПРИПОЗЫЧИЦЬ, сов. гл. д. Позычиць. Взять въ долгъ къ имѣющемуся па исходѣ запасу; призанять. Жита свойго не стало на сѣвбу, такъ троху припозычивъ.

ПРИХОЖАЛЫЙ, прил. Часто приходящій. Гето не госци, а прихожалые къ намъ людзи.

ПРИЧАСНИКЪ и **ПРИЧАСТНИКЪ,** а, с. м. 1) Причащающійся тѣла

и крови Господней. Сегодни причастниковъ дужо много въ церкви. 2) Участникъ въ какомъ либо дѣлѣ. Я гетому дзѣлу не причасникъ.

ПРОБИВА́ЦЬЦА, сов. Пробйцьца, гл. возвр. Въ бѣдности находить способы къ прожитію. Прожилй черезъ зиму, будзёмъ пробивацьца, пробьемся якъ небудзь и черезъ весну.

ПРОБУЖА́ЦЬ, гл. д. Пробуждать. Одзинъ другого пробужайце. *Изъ св. п.*

ПРОБУЖА́ЦЬЦА, гл. возвр. Пробуждаться. Завтра раненько пробужайцеся.

ПРОВИ́ЗЫЯ, и, с. ж. (отъ Лат. provideo). Пожизненное назначеніе хлѣбнаго продовольствія. Старуха у пана заслужóная, побпраёць у пана провизыю до поживоцця.

ПРОВИ́НКА, и, с. ж. Небольшая погрѣшность. За гету провинку купи горѣлки.

ПРОСѢ́ЖИВАЦЬ, сов. Просѣ́дзиць, гл. д. Просиживать. До повночи просѣживаёмъ за кудзелею, и не углѣдзимъ, якъ просѣдзимъ.

ПРУ́ДНИЧНЫЙ, прил. Мельничный. Прудничный камёнь.

ПРУДО́КЪ, -дкà, с. м. умен. слова Прудъ. Небольшая мельница. Не великій прудокъ, а за его рата великая.

ПРУТО́ЧЁКЪ, -чка, с. м. умен. слова Прутóкъ съ его значеніемъ. Пруточкомъ проткни дзирочку.

ПРУ́ХЛЫЙ, прил. Истлѣвшій. Прухлый сыръ.

ПРЯДЗЕ́ЛЬНИЦА, ы, с. ж. Прядильщица. Много было дзѣвицъ прядзельницъ на посѣдзѣлкахъ.

ПРЯ́ХА, и, с. ж. Тоже, что Прядзéльница.

Говорили людзи, што Тацянка ни пряха, ни ткаха;
Ажно Тацянка и тонко пряла и звонко ткала. *Изъ свад. пѣсни.*

Р.

РАЗВИВА́ЦЬЦА, сов. Развйцьца, гл. возвр. Распускаться. Говорится о почкахъ деревьевъ. Развивайся сырый дубе, заразъ морозъ будзе. *Изъ пѣсни.*

Наша калинка добре развилáся и по кошулѣ разлилася. *Изъ свад. пѣсни.*

РАЗГУ́ЖИВАННЕ, я, с. ср. Возраженіе противъ добраго совѣта. Разгуживаннемъ своимъ отбивъ у мене невѣсту.

РАЗИ́НА, ы, с. ж. Случай бывшій однажды. Разину тольки бывъ у насъ.

РАЗИ́НКА, РАЗИ́НОЧКА, и, с. ж. умен. сл. Разина, съ его значеніемъ. Разинки, разиночки ты не нашовъ побывацъ у насъ.

РАЗЛАЙДАЧИЦЬЦА, гл. общ. сов. в. Сдѣлаться плутомъ. Хлопецъ хорошій бывъ, да цеперь разлайдачився.

РАЗЛИВА́НЫЙ, прил. 1) Разливанный, обильный. Разливаное море. 2) Проливаемый. Усякій дзень разливаныя слезы.

РАЗЛИВА́ЦЬ, сов. Разлйць, гл. д. Проливать. Разливаць, разлиць слёзы.

РАЗОЖВА́ЦЬ, -жвý, сов. гл. д. Жваць. Разжевать, перен. Хорошо, здраво

разсудить. Старый гмыра, не разожвавъ Божжаго слова до шныра. *Изъ разсказа.*

РАЗО́ЧЁКЪ, -чка, с. м. умен. слова Разикъ.

Ойченька мой милый ружовый квѣце,
Побудзь же у насъ хоць разочекъ въ лѣцѣ. *Изъ пѣсни.*

РАЗУ́МНИКЪ, а, с. м. Умный мужчина. Съ разумникомъ поговорнць, вума набрацьца.

РАЗУ́МНИЦА, ы, с. ж. Умная женщина. Ой! ты у насъ разумница.

РАННІЙ, прил. 1) Утренній. Раннимъ морозикомъ хорошо будзёць ѣхаць. 2) Рано встающій отъ сна. Ранняя птушечка носикъ церебиць, а позняя вочки процираёць.

РАСПУЖА́ЦЬ, сов. гл. д. Пужа́ць. Распудить, спугнуть. Цецерюковъ распужавъ.

РАСТРАВЛЯ́ЦЬ, сов. Растра́вицъ, гл. д. Разстроивать, отравлять. Ты серце мое растравляёшъ, растравивъ своимъ упорствомъ.

РЕЦИ́ВЫЙ, прил., срав. скл. ст. **РЕЦИ́ВШІЙ.** Усердный, ревностный. Твой коникъ рецивый, рецившій отъ мойго.

РОДЗИ́НОЧКА, и, с. ж. умен. слова Родзина. Родина, родинка. Отдалилася я отъ своей родзиночки.

РОДО́ЧЕКЪ, -чка, умен. сл. Родъ. Родичи.

А напишемъ по листочку,
Да до нашего родочку. *Изъ пѣсни.*

РОЁВЫЙ, прил. Къ рою относящійся. Роёвое мѣсто. Роёвая матка.

РО́ЁМЪ, въ знач. нар. 1) Гурьбою. Водии роёмъ лецяць за конями. 2) Толпою. Жиды роёмъ оступили возъ зъ рыбою, такъ и хопаюць.

РОЁЧЁКЪ, -чка, с. м. умен. сл. Рой. Маленькій рой пчелъ. Роёчка два посадзивъ. Собрався роёчёкъ, да ў цёмный кусточекъ. *Изъ свад. пѣсни.*

РУКАВЕ́ЦЪ, -вца̀, с. м. Рукавъ, мѣшечекъ сдѣланный въ родѣ рукава.

Ѣхала Зосечка до вѣнца,
Сыпала золото зъ рукавца. *Изъ свад. пѣсни.*

РУКАВО́КЪ, -вка̀, с. м. умен. сл. Рука́въ. Рукавчикъ. Рукавки здзѣланы короткіе.

РУКОДЗѢ́ЛЬНИКЪ, а, с. м. Мастеръ ручныхъ издѣлій. Твой сынъ на ўсё рукодзѣльникъ.

РУКОДЗѢ́ЛЬНИЦА, ы, с. ж. Мастерица всѣхъ домашнихъ ручныхъ издѣлій. Дзѣвка рукодзѣльница, розными манерами умѣець ткаць.

РУКОМЫ́ЙНИЦА, ы, с. ж. Рукомойникъ. Мыйся надъ рукомыйницею.

РУЧНИ́КЪ, а̀, с. м. Тоже, что Рушникъ, см. въ Словарѣ.

РУШНИЧО́КЪ, -чка̀, с. м. умен. слова Рушникъ. 1) Полотенце для утиранья. Рушничокъ вышитый за́болоццю. 2) Полотенце подвѣнечное.

Не твоя я, мамочка, не твоя,
А того князя молодого,
Съ кимъ на рушничку стояла,
Кому крестъ цѣловала. *Изъ свад. пѣсни.*

РЫВА́ЛОЧКА, и, с. м. Умен. сл. Рыба́лка съ его значеніемъ.

Поймаюць цебе рыбэньку
Рыбалочки молодые. *Изъ пѣсни.*

РЫ́ВЭНЬКА, и, с. ж. Ласкат. отъ слова Ры́ба. Рыбочка.

РЫ́СКА, и, с. ж. Названіе кошки (сибирской) дымчатаго цвѣта.

РЫ́ТВИНА, ы, с. ж. Взрытое мѣсто. Въ саду свиньи много рытвинъ понадзѣлали.

С.

СА́ДНИНА, ы, с. ж. Ссадина. Конь объ отосу саднину нацеръ собѣ.

СВАТО́КЪ, -ткà, с. м. умен. слова Сватъ съ его значеніемъ. Нашъ сватокъ руки попёкъ. *Погов.*

СВАТО́ЧЁКЪ, -чкà, с. м. Ласкат. отъ слова Свато́къ.

Возьми сваточёкъ добрый лутъ,
Да гони приданокъ — сучекъ въ кутъ. *Изъ свад. пѣсни.*

СВА́ХНА, ы, с. ж. Сватья. Говорится какъ бы укоризненно. Свахна наша заспалася.

СВА́ЦЦЮХНА, ы, с. ж. Тоже, что Сва́хна.

СВОЯВО́ЛКА, и, с. ж. 1) Шалунья. Дзѣвка своявлка подманила мене. 2) Ходящая по своей волѣ, трогающая все безъ позволенія старшихъ. Отвучи ты гету свояволку збродоваць.

СВОЯВО́ЛЪ, а, с. м. Трогающій что безъ позволенія старшихъ. По рукамъ би гетого своявола, кабъ ёнъ не ласовавъ.

СВОЯВО́ЛЬНИКЪ, а, умен. **СВОЯВО́ЛЬНИЧЕКЪ,** -чкà, с. м. Тоже, что Сваво́льникъ, Сваво́льничекъ.

СВУ́ЖЕНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Сву́зиць. Съуженный. Свитка свуженая.

СВУ́ЗИЦЬ, сов. гл. д. Ву́зиць. Сдѣлать у́же противъ надлежащаго. Свитку мою сву́зивъ кро̂вецъ.

СВУЗѢ́ЦЬ, сов. гл. ср. Вузѣ́ць. Сдѣлаться у́же. Рѣка наша свузѣла.

СВѢТО́ЧЁКЪ, -чка, с. м. умен. слова Свѣто́къ. Разсвѣтъ, свѣтъ предъ восходомъ солнца. Чуць свѣточекъ выѣхали.

СВѢ́ЧЕЧКА, -чки, с. ж. умен. слова Свѣ́чка, съ его значеніемъ.

Запалю свѣчечку,
Погляжу въ печечку,
Ажъ порося, ажъ порося. *Изъ пѣсни.*

СИ́ВЧИКЪ, а, с. м. Гнѣдая лошадь. Подаруй мнѣ свойго сивчика.

СИПА́ЙЛА, ы, с. общ. Сиплый. Гетого сипайлу не дочуешъ, што ёнъ сипиць.

СИ́ТНИКЪ, а, умен. **СИ́ТНИЧЁКЪ,** -чка, с. м. Тростникъ, тростничекъ; растеніе произрастающее на влажныхъ мѣстахъ.

СКА́ЛОЧКА, и, с. ж. умен. слова Ска́лка. 1) Кремешекъ. Скалочка до пистолета згодзицца. 2) Осколочекъ отъ чего либо твердаго. Скалочка сахару.

СКОЛЫХНУ́ЦЬЦА, сов. однокр. в. глагола Колыха́цьца. Поколебаться. Човенъ сколыхнувся.

СКРЫ́ТНО, нар. 1) Тайно, скрывая. Скрытно дзѣлаёць нѣшто. 2) Неоткровенно. Скрытно зъ нами поступаёць, живець.

СКРЫ́ТНЫЙ, прил. 1) Тайный. Скрытный непріяцель. 2) Неоткровенный. Ёнъ скрытный человѣкъ, никому не скажёць правды.

СКРЫ́ТО, нар. Тоже, что Скры́тно.

СКУПЯ́ГА, и, с. общ. Скупой. Твой мужикъ скупяга, не дужо раскинецца купиць горѣлки и почестоваць свойго пріяцѣля.

СЛО́ВЁЧКО, а, с. ср. Словцо. Ни словёчка не сказавъ на гето.

Не мовъ же мнѣ ни словёчка,
Нехай будзе гречка. *Изъ пѣсни.*

СЛО́ВЭНЬКО, а, с. ср. Тоже, что Сло́вёчко. Хоць бы ёнъ словэнько мнѣ промовивъ.

СМАЗЛИ́ВЫЙ, прил. Красивый лицомъ. Дзѣвка смазливая, да не работливая.

СО́ВОЛЬ, я, с. м. Соболь, соболій мѣхъ.

Куни, рыси, соболи па вороцикахъ висяць,
Мужиковы норовы да не плечикахъ лежаць. *Изъ крест. пѣсни.*

СО́ЧИ́ВКА, и, умен. **СОЧИ́ВОЧКА,** и, с. ж. Чечевица.

Сочивку, сочивочку пора косиць.

СПОЦЕРЯ́ЦЬ, гл. д. сов. в. Истратить.

Мы твою нивку зжинали,
Свою силку споцеряли. *Изъ жнив. пѣсни.*

СПРА́ВЖЁННЕ, я, с. ср. Выполненіе обѣщанія. На справженне свойго слова, я привёзъ тобѣ то, што обѣцавъ.

СПРАВЛЯ́ННЕ, я, с. ср. 1) Отправленіе, совершеніе. Справлянне веселля́ дорого обыйшлося. 2) Снаряженіе. Справлянне одзежи.

СПРАВУ́НКА, и, умен. **СПРАВУ́НОЧКА,** и, с. ж. Порученіе къ исполненію. Панъ мнѣ справунку, справуночку давъ.

СПЫ́РСКИВАЦЬ, сов. Спы́рскнуць и Спы́рснуць, гл. д. 1) Спрыскивать. Спырскиваць, спырснуць сукно. 2) Наказывать тѣлесно. Цебе тыки часто спырскиваюць, да ты не боишся хоць и хорошенько спырскнуць.

СПЫ́РСКНУТЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Спы́рскнуць. Спрыснутый. Спырскнутое сукно.

СПЫ́РСКНУЦЬ. См. Спы́рскивацъ.

СТА́РЫЙ ЗА́КОНЪ, -аго -а, въ знач. сущ. Вѣжливое названіе Еврея. «Здоровъ будзь, музицокъ!» — А здоровъ, здоровъ, старый законъ. Што тобѣ треба?

СТО́ЛИКЪ, а, с. м. умен. слова Столъ.

Ой вы столики мое, вы цисовенькіе,
Да чему жъ вы стоице незасланенькіе. *Изъ пѣсни.*

СТО́ЛИЧЕКЪ, -чка, с. м. Стульчикъ. Подай папу столичекъ, нёхай сядзёць.
СТОЛЪ, а̀, с. м. перен. Поминовеніе объ умершемъ съ угощеніемъ. Отправляць по тату столъ. Остатній столъ.
СТОРО́НЭНЬКА, и, с. ж. умен. слова Сторо́на. Сторонушка. Своя сторонэнька, якъ родная матка.

Бѣдна моя головэнька,
Што чужая сторонэнька. *Изъ рекр. пѣсни.*

СТРѢЛЬБО́ЧКА, и, с. ж. умен. слова Стрѣльба̀. Ружьецо. Лёгенькая стрѣльбочка.
СТУ́ЖА, и, с. ж. Холодъ. Не стой на стужѣ.
СУСѢ́ДЗИ, -дзей, с. ж. Сосѣдство, проживаніе въ чужомъ домѣ. Пусци мене въ сусѣдзи къ сòбѣ. Не маёмъ своей хатки; усё въ сусѣдзяхъ трёмся.
СУСѢ́ДЗКИ, нар. По сосѣднему, свойственно сосѣду. Не сусѣдзки ты съ нами живешъ: усякій разъ шкоду отъ цёбѐ цёрпимъ.
СУСѢ́ДКА, и, умен. **СУСѢ́ДОЧКА,** и, и **СУСѢ́ДЭНЬКА,** и, с. ж. Сосѣдка, сосѣдочка. Хороша твоя сусѣдка, у ее и воды не выпьёшъ. Не покидайце мене сусѣдо̀чки, сусѣдэньки моѐ!
СУ́ТЫЙ, спряг. оконч. Сутъ, прил. (Совитый). 1) Сугубый. Сутую собѣ узявъ дзѣлёнку. 2) Очень довольный, достаточный. У вашей дзеревнѣ у́сё сутые мужучки.
СХОДЗИ́ЦЬЦА, сов. Сыйци́ся, -ду́ся, гл. взаимн. 1) Стекаться вмѣстѣ. Дзвѣ рѣки тутъ сходзюцца вмѣсто. 2) Соглашаться въ условіяхъ. Ну сходзицеся, будзёмъ баришп пиць. Сыйцися не довго, коли бъ тольки обоимъ было выгодно.
СЯГЕ́НЬ, сягна̀, с. м. Шагъ. Сягня на̀ чётырё сусѣдъ закосивъ у мене сѣнокосу.

Т.

ТАЛЕ́РОЧКА, и, с. ж. умен. слова Тале́рка. Тарелочка. Давъ кукишъ, да й на талерочцѣ (на ладони).
ТАЙКОМЪ, нар. Потаенно. Тайкомъ отъ бацьки паненка выйшла за мужъ.
ТАНДЭ́ЦИКЪ, а, с. м. умен. слова Тандэтъ. Вещь не прочная, купленная дешево. Гето мнѣ попався тандэцикъ.
ТО̂РГО́ВЫЙ, прил. Ярмарочный. Завтра торговый дзень.
ТО̂РЖО́КЪ, -жка̀, с. м. умен. сл. Торгъ. Небольшая ярмарка.

По̂шовъ коцикъ на торжокъ,
Купивъ дзѣцятку пирожокъ. *Изъ колыб. пѣсни.*

ТРА́ПЛИВЫЙ, прил. 1) Ловко попадающій въ цѣль. Твоя стрѣльба траплива, не хибиць. 2) Не ошибающійся въ пути. Конь мой траплівъ: ци разъ проѣхавъ якою дорогою, не треба въ другій разъ пыта́цьца дороги.

ТРЕБУШИ́НА, ы, с. ж. (насмѣшливо). Тѣло, толстое брюхо. Поверника ты свою требушину.

ТРИВА́ЛЫЙ, прил., срав. скл. ст. **ТРИВА́ЛЬШИЙ**. Тоже, что Тривалый въ Словарѣ.

ТРИВА́ЦЬ, гл. ср. Долго пребывать, быть въ употребленіи. Хо̂мутъ гетый довго ў цѐбе триваёць.

ТРУ́БОЧКА, и, с. ж. умен. слова Тру́бка съ его 2-мъ значеніемъ. Дзвѣ трубочки тонкаго кужельнаго полотна дала дочцѣ на кошули.

ТРУ́ДНО̂СЦЬ, и, с. ср. Затрудненіе. Тутъ трудно̂сци нема ни я́кей; тольки треба мѣць розумъ и глядзѣць, якъ тутъ дзѣлаецца.

ТРУДОВЫ́Й, прил. 1) Требующій труда. Трудова́я работа. 2) Трудами заработанный. Трудовая копейка.

ТУРЪ, а, с. м. Дикій быкъ, буйволъ. Паны на охоцѣ тура забили.

ТУШЕ́ННЕ, я, с. ср. Угашиваніе. Тушенне огня, пожару.

ТЫМЧАСО́ВЫЙ, прил. Сдѣланный, исполненный въ небольшой промежутокъ времени. Гето тымчасовая работа.

ТЫЧИ́НА, ы, с. ж. Тонкая жердь, втыкаемая въ землю. При воро́тахъ двора войта стоиць тычина. Тычину нѣхто зломавъ.

ТЫЧИ́НКА и **ТЫЧИ́НО̂ЧКА,** и, с. ж. умен. слова Тычи́на. Жердочка, жердка для хмѣля или другаго вьющагося растенія. Тычинками цѣлую гряду усадзили.

Тонкая хмѣлино̂чка вьецца,
Ажъ отъ хмѣлю тычино̂чка гнецца. *Изъ пѣсни.*

У.

УБѢ́ГИ, -овъ, с. м. склон. во множ. ч. Слишкомъ великое ухаживанье, уходы. Даремные твои убѣги; я не пойду за цебе.

ЎГО́ДНО̂СЦЬ, и, с. ж. 1) Угожденіе. Для ўгодносци таты пойду за его. 2) Соизволеніе. По ўгодносци твоей ўсё здзѣлано будзёць.

УДВО́Е, нар. Вдвое. Удвое отдамъ, тольки позычь.

УДО́ВЭНЬКА, и, с. ж. Вдовушка. На Волыночцѣ была ўдовэнька. *Изъ пѣсни.*

УЗВЕ́СЦЬ, кромѣ показаннаго въ Словарѣ значенія сов. гл. ср. Узводзиць, въ знач. д. Взвесть ложь. Ты ўзвела на мене неправду; я не дзѣлала гетого.

УЗВѢ́ДЫВАЦЬЦА, сов. Узвѣ́дацьца, гл. общ. Навѣщать. Узвѣдывайцеся мене дзѣтки. Треба узвѣдацьца таты.

УЗЪѢЖДЖА́ЦЬ, сов. Узъѣ́хаць, гл. ср. Взъѣзжать, взбираться. Узъѣжджай на горў, на дворъ. У святнаго двора крутая гора

Ни узыйци, ни узъѣхаць. *Изъ пѣсни.*

УЗЪѢ́ЗДЗИЦЬЦА, гл. общ. сов. в. 1) Начать ѣздить часто. Знаць не даромъ ты узъѣздзився къ намъ. 2) Часто переползать съ одного мѣста на другое (говорится о дѣтяхъ). Чего ты узъѣздзився, не посѣдзишъ цихинько.

УЗЪѢЗДЪ, а, с. м. Взъѣздъ. Тутъ узъѣздъ трудный.
УЗЪѢХАЦЬ, см. Узъѣжджа́ць.
УПАДА́ННЕ, я, с. ср. 1) Тоже, что Упа́дыванне (см. въ Словарѣ). 2) Суетливость, заботливость. Господарство любиць упада́нне коло его.
УПАДА́ЦЬ, сов. Упа́сць, гл. ср. кромѣ извѣстнаго значенія 1) Впадать. Ты не накрыла горлачиковъ, нехай мухи ўпадаюць ў молоко, а часомъ и павукъ упадзець. Мышъ упала ў капусту, ў пасадку. 2) Тоже, что Упа́дываць въ обоихъ знач. (смотри въ Словарѣ), но съ дѣйствіемъ, не переходящимъ на другое время. Даремно упадае́шъ коло мене, тобѣ я не достануся. Не упадай такъ за богатствомъ, коли Богъ дасць, то й безъ упадання твойго дасць.
УПЛЕ́ЦЕНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Уплета́ць. Сплетенный. Косэнька моя уплецена.
УПОВА́ГА, и, с. ж. Уваженіе. Дзѣци не даюць уповаги ойцу свойму. На ўповагу заслуживъ. Уповагу поцеряе́шъ.
ЎПРАВЛЯ́ЦЬЦА, сов. Упра́виццьца, гл. общ. Поспѣшать съ работою. Управляйцёся въ лѣсѣ; управицёся, то раньше къ двору пріѣдзецё зъ возами.
УПРА́ВНО́СЦЬ, и, с. ж. Успѣхъ въ работѣ. Дни цеперь малые, управносци нема.
УРВА́НСКІЙ, прил. Хищническій, воровскій. Твоя урванская ухватка, натура. Тутъ треба быць осторожному, якъ на урванской вулицѣ. *Пого.*
УСКРУЦИ́ЦЬ, сов. гл. д. Круци́ць (см. въ Словарѣ 3-е знач.). Какъ бы крутящимся вихремъ поднять. Лихо васъ ускруцило такъ рано.
УСКРУ́ЧИВАЦЬЦА, сов. Ускруци́цьца, гл. возвр. Круто приниматься за дѣло. Чёго вы ускру́чиваёцёся, ускруцилися такъ рано ѣхаць.
УСТРЕХА́ЦЬ, сов. Устрехну́ць, гл. д. Встряхивать. Устрехаючи, устрехнувши устресешъ.
УСТРЕХА́ЦЬЦА, сов. Устрехну́цьца, гл. возвр. Встряхиваться. Чего ты ўстрехае́шся, ўстрехнувся. Ци ты чего спужався?
УСТРѢКА́ЦЬ, сов. Устрѣ́нуць, гл. ср. Встрѣчать. Устрекайце, устреньце молодыхъ.
УСТРѢКА́ЦЬЦА, сов. Устрѣ́нуцьца, гл. взаимн. Встрѣчаться. Мы часто ўстрѣкаёмся межъ собою. Хиба на томъ свѣцѣ ўстрѣнимся. *Пого.*
ЎСТРѢЧКА, и, с. ж. Встрѣча. Запали матухна свѣчку,
Да выйдзи дзѣцямъ на ўстрѣчку. *Изъ свад. п.*
УСТЫ́РКИВАЦЬ, сов. Устыркну́ць, гл. д. Насаживать, насовывать. Устыркивайце сноповье по частоколу, нехай просохнёць.
(Дзѣвки) выдрали у дружка чуприну,
Устыркнули на тычину. *Изъ свад. пѣсни.*
УСТЫ́РКНУТЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Усты́ркнуць. Насаженный. Устыркнутые снопы на ча́стоколѣ пора зняць.
УСТЫРКНУ́ЦЬ, см. Усты́ркиваць.

УСХОПНУ́ЦЬЦА, однокр. гл. общ. Усхо́пывацьца. Вдругъ подняться, схватиться. Вѣцеръ усхопнувся.

УСЦЕ́РПЪ, нар. Сколько вытерпѣть можно. Вода усцерпъ горяча. Ему не ўсцерпъ пришло, закричавъ, заплакавъ.

УТРА́ТА, ы, с. ж. Потеря. Утрата часу. Пошло на ўтрату.

УТРЕСА́ЦЬ, сов. Утре́сць, гл. д. Утрясывать. Утресаць збожже можно, а орѣховъ и гороху не утресешъ.

УТРЕСА́ЦЬЦА, сов. Утре́сцьца, гл. возвр. Утрясываться. Овёсъ много утре́саёцца, а пшеница мало. Возы дорогою утреслися.

УТРЕ́СЕНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Утре́сць. Утрясенный. Овесъ купляюць утресеною мѣрою.

УТРЁСКА, и, с. ж. Утряска. Овесъ съ утрёскою продаюць, коли мѣрюць.

УТРЕ́СЦЬ, см. Утреса́ць.

УТРЕ́СЦЬЦА, см. Утреса́цьца.

УТРО́Е, нар. Втрое. Утрое отдамъ тобѣ ко́ли ни́будзь.

УЧНУ́ЦЬ, однокр. гл. ср. Учина́ць. Рѣшительно приступить къ чему. Учнувъ своявóлиць.

УЧТЪ, у, с. м. 1) Почтеніе. Учту ни якого не здѣлавъ передъ паномъ. 2) Угощеніе. Не великій бывъ учтъ на веселлю.

УѢДА́ЦЬЦА, сов. Уѣ́сьца, гл. общ. 1) См. въ Словарѣ. 2) Надоѣдать, досаждать. Уѣдаешся, уѣвся ты мнѣ своимъ дурнымъ норовомъ.

УѢ́ДДЗЕ, я, с. ср. Довольство въ пищѣ. Было мнѣ у цебе уѣддзе! часто не вечеривши спаць ложився.

Ф.

ФАРБО́НКИ, -нокъ, с. ж. употр. во множ. ч. (отъ фарба — краска). Оборки, воланы, вышитые красною кумачною ниткою. Рукавы въ кошулѣ съ фарбонками.

ФИГУ́РОЧКА, и, с. ж. Вещица красиво сдѣланная. Маленькая фигурочка, да дорого коштуе́ць.

ФОРТУ́НА, ы, умен. **ФОРТУ́НКА,** и, с. ж. Имѣніе, помѣстье, помѣстьице. Ни фортуну купишъ, ни фортуну поцеряе́шъ. Шляхциць фортунку собѣ купивъ.

Х.

ХЛОПЧИ́НКА, и, с. м. умен. слова Хлопчи́на. Дѣтина. Выбрала собѣ хорошаго хлопчинку въ женихи.

ХЛѢБЁЦЪ, -бца, с. м. Хлѣбушко. А ци хлѣбёцъ мой пушо́нъ? *Изъ крест. п.*

ХО̆МА̀, ы̀, с. м. Имя отъ крещенія Ѳома.

Што Хо̆ма, што Ѐрема, то родные брацця. *Изъ пѣсни.*

ХО́МКА, и, **ХО́МО̆ЧКА,** и, с. м. умен. слова Хома̀. Ѳомка, Ѳомушка. Здоровъ Хомка, ци здорова жонка, дзѣтки ци гудуць? *Погов.*

ХРИ́СТА, ы, с. общ. Тоже, что въ Словарѣ Расхри́ста. Ай ты христа никбли не засцягнёшся.

ХРОМЪ, межд. выражающее хожденіе хромаго. Хромъ, хромъ! што было бъ трёмъ, то одзинъ зъѣсць. *Посл.*

ХУ́СТЭНЬКА, и, с. ж. Платочекъ. Хустэньку мнѣ подаривъ свёкоръ.

ХУ́ТКО, нар. Охотно. Хутко принимайся за работу.

Ц.

ЦИСО́ВЕНЬКІЙ, прил. смягч. отъ слова Цисо́вый. См. Цисо́вый.

ЦИСО́ВЫЙ, прил. Изъ тиса сдѣланный, тисовый. Цисовое дзерево.

Ахъ вы столики мое, вы цисовенькіе. *Изъ крест. пѣсни.*

ЦЯ́ПАЦЬ, гл. ср. 1) Смотри въ словарѣ Ця́пацъ. 2) Рубить лѣниво. Цяпаёшъ, якъ не своими руками.

ЦЯ́ПЪ-ЛЯПЪ, отгл. частица, означающая скорую, исполненную безъ вниманія работу. Не цяпъ-ляпъ! гетой работы нё здѣлаёшъ такъ скоро.

Ч.

ЧӐСТО̂КО́ЛЪ, а, с. м. Ограда изъ часто вбитыхъ въ землю и связанныхъ между собою кольевъ. Развѣсь бѣлизну на частоколѣ.

ЧЕРЕДОВА́ННЕ, я, с. ср. Чередъ, посѣщеніе по очереди, или раздача чего по очереди. Начинай чередованне горѣлкою съ кута.

ЧЕРЕДО́ВАНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Чередова́ць. Посѣщенный, угощенный по очереди, чередовый. На гетомъ бокў стола чередованы ўси.

ЧИНО́ВНЫЙ, прил. въ зн. сущ. Чиновникъ. Спроси ў чиновнаго.

ЧМЫ́РА, ы, с. ж. Тоже, что Чмури́ла (см. въ Словарѣ). Балагуръ (въ Гродненской и Минской губ.).

Ахъ ты старый чмыра!
Не разожвавъ Божжаго слова до шныра.

ЧУ́ЙКА, и, с. ж. Шинель. Въ чуйку убрався, якъ паничъ якій.

ЧУ́ЙНО, нар. Чутко, осторожно. Чуйно спице на ночлезѣ.

ЧУТО́КЪ, сир. ок. прил. Чу́ткій (см. въ Словарѣ). На гето ты чутокъ.

Ш.

ШКО́ДЭНЬКА, и, с. ж. умен. слова Шко́да (см. въ Словарѣ). 1) Небольшая обида. Шко́дэньку маю отъ цебе. 2) Въ знач. безл. глагола. Жалковато. Шкодэнька хлопца.

ШКО́ЛЕННЕ, я, с. ср. Наказаніе. Дзѣци школення нё любюць, да треба ихъ цвичиць.

ШЛЫНДА́ННЕ, я, с. ср. Бродяжничество. Не приведзець къ добру твоё шлынданне безъ дзѣла пŏ сѣлу.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 7.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
за 1879 годъ,

читанный

въ публичномъ собраніи 29-го декабря ординарнымъ академикомъ

М. И. Сухомлиновымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1881 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1879 годъ,

составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 29-го декабря 1879 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности продолжаетъ дѣятельность свою въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны учредительнымъ актомъ, слившимъ въ одно цѣлое два самостоятельныя учрежденія: Академію наукъ и Россійскую академію. Многія черты этого акта сближаютъ его съ началами и требованіями, усвоенными Россійскою академіею и переходившими какъ преданіе отъ поколѣнія къ поколѣнію.

При самомъ учрежденіи Россійской академіи главными предметами ея занятій признаны отечественный языкъ и словесность; сверхъ того выражена увѣренность, что академики обратятъ вниманіе и на отечественную исторію — на изученіе памятниковъ минувшаго быта, разсѣянныхъ по всему пространству Россіи.

По вступленіи на престолъ императора Александра I, въ эпоху преобразованій, ознаменовавшихъ начало царствованія этого государя, дошла очередь и до Россійской академіи. Для преобразованія ея призваны были представители науки и литературы, и въ составленномъ ими проектѣ указаны для академіи въ сущности тѣ же задачи, которыя намѣчены и при ея основаніи. Въ проектѣ сказано: да посвятитъ академія труды свои усовершенствованію русской словесности, постановленію правилъ

языка и вкуса, и тщательному изслѣдованію достопамятныхъ произшествій и древностей отечества. Обнимая весь кругъ словесности, академія должна стремиться къ тому, чтобы возбуждать литературную дѣятельность вѣрною оцѣнкою произведеній и какъ бы предугадываніемъ общественнаго мнѣнія — «предчувствованіемъ общаго мнѣнія».

Проектъ академическаго устава, выработанный въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, такъ и остался проектомъ. Силу закона получилъ другой уставъ, написанный уже во второй періодъ царствованія императора Александра I. На основаніи этого устава, первая обязанность академіи заключалась въ попеченіи о языкѣ, вторая — въ содѣйствіи успѣхамъ словесности; вмѣстѣ съ тѣмъ академія должна была заботиться, и притомъ съ особенною ревностію, объ изданіи: словаря русскаго языка, русской грамматики и свода славянскихъ нарѣчій, а равно и объ изданіи произведеній знаменитыхъ писателей съ біографическими очерками и съ примѣчаніями, полезными для языка и словесности. Заботы о языкѣ должны были состоять въ охраненіи его «нравственности, цѣломудрія и чистоты». Съ понятіемъ о цѣломудріи тѣсно связано понятіе о неприкосновенности, о недоступности для посторонняго вліянія. Поэтому для сохраненія цѣломудрія въ литературѣ необходимо было, по мнѣнію составителей устава, оградить ее отъ вмѣшательства цензуры. Вотъ подлинныя слова устава: «Академія, яко сообщество, избранное изъ духовныхъ и свѣтскихъ благонравіемъ и трудами своими извѣстныхъ особъ, и яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, сохраняетъ данное ей право издавать книги свои безъ всякой иной цензуры, кромѣ своей собственной». Независимость отъ посторонней цензуры была существеннымъ правомъ для ученаго учрежденія не только въ то время, но и впослѣдствіи Довольно вспомнить обвиненія, взведенныя въ былое время на двухъ членовъ академіи наукъ: Кеппена и Гамеля. Академикъ Кеппенъ напечаталъ небольшую статью подъ названіемъ «Почтовыя сообщенія»: въ статьѣ этой увидѣли непростительную смѣ-

лость касаться дѣйствій почтоваго вѣдомства, а слова Кеппена: «наступаетъ и для насъ время развитія силъ народныхъ» признаны крайне либеральными и опасными для общественнаго спокойствія. Случайная замѣтка о томъ, что технологическій институтъ въ Петербургѣ основанъ по мысли академика Гамеля послужила поводомъ къ самымъ серьезнымъ пререканіямъ между министромъ финансовъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, находя, что подобныя замѣтки, развивая тщеславіе и самохвальство авторовъ, подрываютъ довѣріе публики къ министерству финансовъ и ослабляютъ уваженіе къ правительственной власти, требовалъ, чтобы министръ народнаго просвѣщенія принялъ энергическія мѣры. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ, что онъ не находитъ рѣшительно ничего предосудительнаго въ замѣткѣ. а если она невѣрна, то всего лучше опровергнуть ее печатно на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ. Канкринъ былъ оскорбленъ подобнымъ предложеніемъ, обвинялъ министра народнаго просвѣщенія въ бездѣйствіи власти, и самъ придумалъ: мѣру; обо всемъ этомъ довелъ до свѣдѣнія высшаго правительства.

Въ 1841 году послѣдовало преобразованіе Россійской академіи въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Судя по многимъ даннымъ, Россійская академія присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ Отдѣленія по личной волѣ императора Николая и не совершенно согласно съ докладомъ министра народнаго просвѣщенія. Министръ, С. С. Уваровъ, предлагалъ подъ общимъ названіемъ: «Императорскія соединенныя академіи» открыть три учрежденія:

1) Академію наукъ,

2) Академію русской словесности, и

3) Академію исторіи и филологіи.

Въ случаѣ утвержденія этого проэкта Уваровъ ходатайствовалъ о принятіи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, званія канцлера соединенныхъ академій. Императоръ Николай не изъявилъ согласія ни на учре-

жденіе званія канцлера, ни на открытіе соединенныхъ академій, и повелѣлъ изъ россійской академіи образовать второе отдѣленіе академіи наукъ. Въ кругъ занятій второго отдѣленія — говорится въ его уставѣ — входятъ:

1) Основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка; начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его и изданіе полнаго словаря.

2) Изученіе славянскихъ нарѣчій въ ихъ составѣ и грамматическихъ формахъ относительно къ языку русскому и составленіе сравнительнаго и общаго словопроизводнаго ихъ словаря.

3) Славянорусская филологія вообще и въ особенности исторія русской словесности. Впрочемъ, при такомъ главномъ направленіи трудовъ отдѣленія, ему не чуждо будетъ все, входящее въ область изящной словесности и русской исторіи.

Первыми членами новаго отдѣленія академіи наукъ — отдѣленія русскаго языка и словесности — были такія свѣтила русской литературы, какъ Жуковскій, Крыловъ и князь Вяземскій, и такіе ученые, какъ Востоковъ — безспорно, одинъ изъ первостепенныхъ филологовъ Европы девятнадцатаго столѣтія. Въ члены отдѣленія избраны и два духовныя лица, два знаменитые проповѣдника того времени: митрополитъ Филаретъ и епископъ Иннокентій, подобно тому, какъ при учрежденіи россійской академіи въ члены ея избранъ митрополитъ Гавріилъ, представитель всего русскаго духовенства въ законодательной комиссіи, созванной Екатериною II для составленія проекта новаго уложенія.

Къ славнымъ именамъ Гавріила, Филарета, Иннокентія, присоединилось впослѣдствіи имя достойнаго ихъ преемника — епископа, нынѣ митрополита, Макарія, ученые труды котораго составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу русской науки. Въ нынѣшнемъ году высокопреосвященный Макарій получилъ новое назначеніе — возведенъ въ санъ митрополита московскаго и коломенскаго. Въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ помѣщены слова и рѣчи, произнесенныя митрополитомъ Макаріемъ

въ его новой епархіи [1]). Въ словѣ надъ гробомъ своего сочлена по Академіи наукъ и по миссіонерскому обществу, Сергѣя Михайловича Соловьева, ораторъ указалъ яркими и вѣрными чертами значеніе труженической жизни покойнаго и его заслуги передъ наукою и передъ Россіею. Сочувствіе преосвященнаго къ подвигамъ науки выражается не только словомъ, но и дѣломъ. Не можемъ умолчать о предпріятіи, которому суждено занять высокое мѣсто въ лѣтописяхъ русской науки, и душою котораго является почтенный сочленъ нашъ, митрополитъ Макарій. По мысли митрополита-академика снова предпринимается начатое незабвеннымъ Горскимъ описаніе рукописей московской синодальной библіотеки, и къ веденію этого дѣла призваны такія научныя силы, которыми по справедливости могло бы гордиться любое изъ европейскихъ ученыхъ обществъ. Къ описанію рукописей приглашены профессора московскаго университета: А. С. Павловъ, пріобрѣвшій такую громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность своими излѣдованіямм и открытіями въ области церковнаго права, и В. О. Ключевскій, котораго самъ Соловьевъ избралъ своимъ преемникомъ по каѳедрѣ русской исторіи. Представленіе преосвященнаго Макарія касательно описанія рукописей синодальной библіотеки уже внесено въ святѣйшій правитель-

---

[1]) Въ 1879 году митрополитомъ Макаріемъ произнесены, и явились въ печати слѣдующія слова и рѣчи: 1) При вступленіи на каѳедру московской епархіи, 10-го мая. 2) Въ годичномъ собраніи православнаго миссіонерскаго общества, 13-го мая. 3) При первомъ посѣщеніи троицко-сергіевой лавры, 18-го мая. 4) При первомъ священнослуженіи въ московской духовной академіи, 21-го мая. 5) въ день владимірской чудотворной иконы Богородицы, 23-го іюня 6) въ день равноапостольнаго князя Владиміра, 15-го іюля. 7) Въ день успенія пресв. Богородицы. 15-го августа. 8) Въ день свящ. вѣнчанія и миропомазанія Государя, 26-го августа. 9) По освященіи храма въ московской центральной тюрьмѣ, 23-го сентября. 10) При отпѣваніи С. М. Соловьева, 7-го октября. 11) Въ годичномъ засѣданіи комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ, 12-го октября. 12) Въ годичномъ собраніи общества любителей духовнаго просвѣщені. въ Москвѣ, 22-го октября. 13) При освященіи храма въ лицеѣ цесаревича Николая, 16-го ноября. 14) По вступленіи Его Величества въ Успенскій соборъ, 20-го ноября.

ствующій синодъ, отъ котораго и зависитъ окончательное рѣшеніе дѣла.

Въ истекающемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе научной дѣятельности старѣйшаго изъ членовъ нашего Отдѣленія, ординарнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго, имя котораго извѣстно во всѣхъ концахъ славянскаго міра. И. И. Срезневскій началъ свою ученую дѣятельность въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ статистику. Но съ самой ранней молодости его влекло къ себѣ изученіе славянства — области совершенно новой, непочатой, но сулившей богатую жатву для дѣлателей. Срезневскій прошелъ превосходную, живую школу въ изученіи славянства. Учась и уча въ харьковскомъ университетѣ, онъ собиралъ памятники народнаго языка и словесности: пѣсни, пословицы, преданья, повѣрья, образцы говоровъ и т. п. Путешествуя по славянскимъ землямъ, онъ обращался преимущественно къ живымъ источникамъ — жилъ среди народа, изучалъ его языкъ, бытъ, его нравы и обычаи, имѣя въ виду, что живое знакомство съ народомъ можетъ доставить неистощимо-богатый матеріалъ для филологическихъ и этнографическихъ выводовъ и соображеній. Возвратившись въ отечество съ превосходнымъ знаніемъ славянскихъ языковъ и быта славянскихъ народовъ, И. И. Срезневскій обратился съ свойственною ему энергіею къ изученію письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины и древности; къ изслѣдованіямъ по филологіи и словесности постепенно присоединялъ онъ и розысканія въ области археологіи. Обнимая такимъ образомъ различныя стороны народной жизни, простирая свою пытливость и на живое слово и на безмолвные остатки и затаенные слѣды исчезнувшаго быта, И. И. Срезневскій расширялъ все болѣе и болѣе кругъ своихъ изысканій, все сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ любовь къ наукѣ въ молодыхъ поколѣніяхъ, получавшихъ научное образованіе подъ его истинноученымъ руководствомъ. Въ истекшій полувѣковой періодъ своего служенія наукѣ, И. И. Срезневскій обогатилъ русскую и славянскую литературу множествомъ изслѣдованій, проливщихъ

свѣтъ на труднѣйшіе вопросы въ исторіи русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, русской и славянской литературы и образованности. Въ вышедшемъ ко дню пятидесятилѣтія ученой дѣятельности И. И. Срезневскаго библіографическомъ спискѣ его сочиненій и изданій названо 340 трудовъ. Къ этому огромному количеству нашъ неутомимый изслѣдователь присоединилъ въ этомъ году еще слѣдующіе труды:

1) Продолженіе свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ. Отпечатана часть третьяго тома этого труда, заключающая въ себѣ, въ ряду другихъ памятниковъ, сборникъ древнихъ болгарскихъ грамотъ и другихъ записей, составленный преимущественно по подлинникамъ и фотографическимъ снимкамъ.

2) Записка о сборникѣ пятнадцатаго вѣка, принадлежащемъ московскому архиву иностранныхъ дѣлъ. И. И. Срезневскій представилъ обозрѣніе всего сборника по частямъ, преимущественно въ отношеніи къ языку, и пришелъ къ заключенію, что этотъ сборникъ есть одинъ изъ хронографовъ русской работы, составленный по разнымъ источникамъ, и что эта работа можетъ быть отнесена къ тринадцатому вѣку; занимался же ею, по всей вѣроятности, кто-либо въ западной Руси, на Волыни, или гдѣ-нибудь недалеко отъ литовскихъ поселковъ.

3) Обозрѣніе древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка. Обозрѣніе это, составляющее новое, переработанное изданіе замѣчательнаго труда нашего сочлена, въ настоящее время печатается.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ продолжалъ печатать біографію Державина, отдѣлывая въ то же время и дополняя рукописный текстъ ея. Съ этою цѣлью, по ходатайству Отдѣленія, испрошено академику Высочайшее разрѣшеніе извлечь нужныя ему свѣдѣнія изъ архивовъ; кабинета Его Императорскаго Величества и комитета министровъ. Въ настоящее время напечатано сорокъ восемь листовъ біографіи, и изложеніе ея въ печати доведено до конца царствованія Павла Петровича. Нынѣ авторъ

занимается окончательнымъ просмотромъ эпохи Александра I. Приложенія къ біографіи составятъ девятый и послѣдній томъ изданія.

Сверхъ того академикъ Я. К. Гротъ предпринялъ два новые труда:

1) Изданіе, по порученію Отдѣленія, сочиненій и переписки П. А. Плетнева на основаніи хронологическаго списка всѣхъ трудовъ покойнаго, давно уже составленнаго нашимъ сочленомъ и провѣреннаго по такому же списку, составленному С. И. Пономаревымъ. Въ это изданіе предполагается включить также найденныя въ бумагахъ Плетнева письма многихъ писателей, бывшихъ съ нимъ въ перепискѣ, какъ-то: Пушкина, Жуковскаго, Гоголя, князя Вяземскаго и другихъ, а также письма самого Плетнева къ разнымъ лицамъ.

2) Изданіе, по порученію Русскаго Историческаго общества, писемъ энциклопедиста Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Письма Екатерины II къ этому писателю, составившія объемистый томъ и дающія весьма любопытные и важные матеріалы для характеристики геніальной женщины, изданы были трудами академика въ прошломъ году. Письма Гримма къ ней сохранились далеко не въ той полнотѣ, въ какой дошли до насъ письма императрицы. Только нѣкоторыя изъ писемъ Гримма — писемъ пятьдесятъ съ небольшимъ — найдены частію въ Государственномъ архивѣ, частію въ архивѣ князя Воронцова; но и то, что найдено, составитъ весьма цѣнное дополненіе къ перепискѣ Екатерины II.

Въ послѣднее время академикъ Гротъ разсматривалъ препровожденный въ Отдѣленіе г. президентомъ Академіи наукъ трудъ сенатора Сергѣя Ивановича Заруднаго: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою X Наказа Екатерины II и современными русскими законами». Поводомъ къ передачѣ этой книги въ Отдѣленіе было стараніе переводчика замѣнить иностранныя слова чисто русскими, вопреки обычаю большинства нашихъ современныхъ писателей. Представивъ свой

трудъ, г. Зарудный выразилъ желаніе, чтобы Академія дала свой отзывъ объ этой сторонѣ его изданія.

Сущность мнѣнія, выраженнаго академикомъ Гротомъ и одобреннаго Отдѣленіемъ, заключается въ томъ, что составитель представленной книги безспорно заслуживаетъ благодарность за энергическое противодѣйствіе недостатку, замѣчаемому въ нашемъ литературномъ языкѣ. Конечно между иностранными словами, такъ обильно употребляемыми у насъ, необходимо отличать давно укоренившіяся и притомъ пріобрѣтшія право гражданства во всѣхъ европейскихъ языкахъ, отъ тѣхъ нововведеній, какія позволяютъ себѣ писатели безъ надобности, по той именно лѣности ума, которою переводчикъ Беккаріи объясняетъ осуждаемое имъ злоупотребленіе. Предпочтеніе многихъ иностранныхъ словъ основывается просто на томъ, что они, сдѣлавшись общеевропейскими, привычнѣе намъ и сподручнѣе неупотребительныхъ собственныхъ, каковы напр. слова: лагерь, дуэль, монахъ, литература, танцовать, которыя, по крайней мѣрѣ въ извѣстной сферѣ употребленія языка, совершенно вытѣснили русскія слова: станъ, поединокъ, инокъ, словесность, плясать. Можно поспорить съ переводчикомъ Беккаріи, когда онъ въ числѣ иностранныхъ словъ, возбуждающихъ досаду въ читателѣ, приводитъ слѣдующія: характеризовать, категорія, соціальный, догматическій, безъ которыхъ ни одинъ европейскій языкъ не умѣлъ обойтись. Трудно не согласиться съ Як. Гриммомъ, что взаимный обмѣнъ словами, какъ и предметами, служитъ къ обогащенію народовъ, и потому совершенно изгнать изъ языка чужія слова значило бы обѣднить его. Этого впрочемъ и не требуетъ г. Зарудный. Нельзя не отдать ему справедливости въ томъ способѣ, какимъ онъ приводитъ въ исполненіе свою мысль, употребляя, смотря по оттѣнку значенія, то одно, то другое русское слово для передачи одного и того же иностраннаго. Переводчикъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ напримѣръ: «Если мы будемъ оставлять иностранный терминъ «республика», то собьемъ съ толку читателя, ибо этотъ терминъ употребляется писателями въ смыслѣ и обще-

ства и правительства и государства; удерживать въ переводѣ слово «республика» можно въ такомъ только случаѣ, когда оно употребляется въ особенномъ, исключительномъ, видовомъ его значеніи, напримѣръ: французская республика». Такимъ образомъ надобно признать, что С. И. Зарудный въ отношеніи къ языку счастливо выполнилъ задачу, которую предположилъ себѣ, и попытка его должна служить для русскихъ писателей если не въ полномъ смыслѣ примѣромъ, то по крайней мѣрѣ побужденіемъ — въ употребленіи иностранныхъ словъ соблюдать бóльшую обдуманность и разборчивость.

Академикъ Я. К. Гротъ занимался также подготовленіемъ нѣкоторыхъ главъ составляемой имъ русской грамматики. Изслѣдованія нашего сочлена, имѣющія такое важное научное значеніе, принесли вмѣстѣ съ тѣмъ прямую и неотрицаемую пользу для преподаванія отечественнаго языка. Доказательствомъ этому служитъ довольно значительное количество учебниковъ, заимствовавшихъ и многія подробности, и — что всего важнѣе — основныя положенія изъ «Филологическихъ разысканій» Я. К. Грота. Трудомъ его воспользовался и корифей нашей грамматической литературы Ѳ. И. Буслаевъ въ послѣднемъ изданіи своей учебной грамматики. Для вѣрной оцѣнки изслѣдованій Я. К. Грота, изданныхъ имъ подъ названіемъ «Филологическихъ разысканій», необходимо имѣть въ виду, какихъ усилій и какихъ обширныхъ научныхъ средствъ требуетъ разъясненіе многихъ, съ виду самыхъ простыхъ явленій въ языкѣ, и въ какомъ состояніи находились многіе вопросы до тѣхъ поръ, пока за рѣшеніе ихъ принялся авторъ «Филологическихъ разысканій». Тысячи причинъ внесли въ нашу грамматику вообще и въ правописаніе въ особенности столько путаницы, такую массу правилъ, схоластическихъ тонкостей и столько произвола, что для того, чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ, требуется и критическій взглядъ, и настойчивость труда, и обширная филологическая ученость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чутье языка.

Во Франціи судьба буквъ рѣшалась иногда парламентомъ; у

насъ бывали случаи, что рѣшеніе спорныхъ вопросовъ правописанія принимала на себя администрація. Въ вопросахъ объ употребленіи той или другой буквы, о значеніи того или другого слова или оборота и т. п. считали себя вполнѣ компетентными судьями: и литераторы различныхъ партій и различной степени образованности, и канцелярскіе чиновники, и члены окружнаго суда, и т. д.

Правила объ употребленіи буквы ѣ, изданныя Россійскою академіею, подняли страшную бурю. Одинъ изъ литераторовъ, занимавшій видное мѣсто въ канцеляріи министра, считалъ себя обязаннымъ по службѣ не употреблять буквы ѣ въ словахъ: бѣлена и апрѣль, усматривая въ изданіи книжекъ съ неправильнымъ употребленіемъ буквы ѣ орудіе для распространенія въ обществѣ заблужденій. Протестъ свой онъ прислалъ на имя президента академіи Шишкова. Посовѣщавшись съ своими сочленами, Шишковъ постановилъ: всѣ мнѣнія, какъ за букву ѣ, такъ и противъ нея, препроводить къ высшему начальству.

Буква ѳ произвела нѣкоторый расколъ въ самомъ мирномъ уголку человѣческаго общества, именно въ кругу математиковъ. Одни изъ нихъ называли себя, какъ называютъ и теперь, математиками, а науку свою — математикою; другіе же, слѣдуя давнему обычаю, называли себя не иначе, какъ маѳематиками, и свою науку — маѳематикою. Разногласіе исчезло въ маѣ 1818 года, вслѣдствіе распоряженія президента академіи наукъ С. С. Уварова, который предложилъ конференціи, чтобы въ началѣ каждаго тома академическихъ актовъ помѣщать краткое историческое извѣстіе академіи, какъ это дѣлается во французскихъ актахъ и чтобы вмѣсто слова: маѳематика вездѣ употреблять слово математика, принятое уже Ломоносовымъ.

Буква ъ выдержала упорную борьбу за существованіе. Гоненіе на злосчастную букву и защита ея образуютъ цѣлую литературу, въ которой принимали участіе и академикъ Тредьяковскій, и профессоръ Барсовъ, и президентъ (директоръ) академіи наукъ Домашневъ, и баронъ Александръ Гумбольдтъ и другіе

ученые и писатели; по поводу этой буквы объявляемы были высочайшія повелѣнія.

О Домашневѣ находимъ слѣдующее, довольно характерное замѣчаніе въ первомъ опытѣ исторіи русской литературы: «въ словесности русской извѣстенъ онъ особенно гоненіемъ на букву ъ».

Во время пребыванія своего въ Россіи Гумбольдтъ желалъ хотя сколько-нибудь ознакомиться съ русскимъ языкомъ, и при первомъ же знакомствѣ буква ѣ показалась ему и неуклюжею на видъ и безполезною. Одинъ изъ русскихъ собесѣдниковъ Гумбольдта прислалъ ему будто бы отъ самой буквы ѣ письмо, въ которомъ защищалъ ее и преклонностію ея лѣтъ, т. е. давностію употребленія, и пригодностью ея для избѣжанія двусмыслія; безъ нея слова: обѣдать и объѣдать писались бы совершенно одинаково. Гумбольдтъ заключилъ мировую съ буквою ѣ, а отзывъ свой объ ея наружности оправдывалъ тѣмъ, что онъ, какъ натуралистъ, привыкъ обращать вниманіе на формы и по нимъ дѣлать заключеніе о предметахъ.

Первый министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій былъ ревностнымъ защитникомъ буквы ѣ. Императоръ Александръ I также признавалъ ее необходимою и запрещалъ изгонять ее изъ печати. Императору Александру I представлено было въ рукописи переведенное Языковымъ, неупотреблявшимъ буквы ѣ, сочиненіе Шлецера о лѣтописи Нестора. Государь повелѣлъ: русскій переводъ Языкова напечатать на счетъ Кабинета, но съ тѣмъ, чтобы въ печатномъ изданіи непремѣнно употреблена была буква ѣ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ея недостаетъ въ рукописи. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I одинъ польскій литераторъ поднесъ ему оду «Богъ» Державина въ польскомъ переводѣ, напечатанномъ съ русскимъ подлинникомъ, въ которомъ не употреблялась буква ѣ. Императоръ приказалъ препроводить поднесенную ему брошюру къ министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ мѣры къ запрещенію подобнаго печатанія безъ буквы ѣ.

Много изобрѣтательности потратили авторы грамматикъ на придумываніе различныхъ тонкостей въ правописаніи. Постановляя правила употребленія прописныхъ буквъ, очевидно, желали величину буквъ привести какъ бы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ высотою общественнаго положенія лицъ. Вслѣдствіе этого въ грамматикахъ явилось правило: прописныя буквы ставятся въ началѣ званія высокихъ особъ и ихъ достоинствъ и въ именахъ почтенныхъ чиновъ, какъ напримѣръ: Митрополитъ, Фельдмаршалъ, Генералъ, Князь, Графъ и т. п. Авторы болѣе либеральные въ число почтенныхъ чиновъ включали и капитана и титулярнаго совѣтника и губернскаго секретаря. Только четыре лица навсегда лишены были права писаться большими буквами: солдатъ, матросъ, дьячокъ и пономарь. Чтобы выйдти изъ области бюрократіи и придать вопросу грамматическую окраску, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ авторовъ придумалъ такое правило: чины, титла, ученыя и другія званія требуютъ прописной буквы; но эти же самыя слова, не означая собственно титла или чина, начинаются строчными буквами. Слово: члены въ смыслѣ членовъ комиссіи, комитета и т. п. слѣдуетъ начинать прописною буквою; но если съ этимъ названіемъ не соединено никакихъ служебныхъ преимуществъ, то право на прописную букву теряется, напримѣръ: «у него боль во всѣхъ членахъ» и т. п.

Право гражданства не только лицъ въ государствѣ, но и словъ въ языкѣ, опредѣлялось у насъ различными вѣдомствами. Приведу любопытный примѣръ изъ «Филологическихъ разысканій» Я. К. Грота: «Удочерять, удочеренье—терминъ, принятый, въ параллель выраженіямъ: усыновлять, усыновленіе, въ министерствѣ юстиціи и въ вѣдомствѣ опекунскаго совѣта, но не допущенный въ законодательство государственнымъ совѣтомъ. Съ филологической точки зрѣнія слово удочеренье такъ же хорошо, какъ слово замужство въ отличіе отъ женитьбы. Для непринятія словъ: удочерить, удочеренье нѣтъ другого основанія, кромѣ того, что въ латинскомъ и новѣйшихъ западныхъ языкахъ существуютъ для этого понятія только выраженія: adoptare, adoptio. Еслибы ру-

ководствоваться только примѣромъ другихъ языковъ, то конечно надобно бы отказаться и отъ одного изъ выраженій — отъ женитьбы или отъ замужства, ибо во французскомъ и нѣмецкомъ есть только le mariage, die heirath. Едва ли мы будемъ правы, если станемъ отказываться отъ своихъ богатствъ потому, что другіе бѣдны».

Шаткость и неопредѣленность многихъ грамматическихъ правилъ, невѣрная постановка вопросовъ, разнообразіе мнѣній и господство укоренившихся привычекъ представляли чрезвычайныя трудности для филологическихъ изслѣдованій, для отысканія законовъ, которые должны замѣнять правила и мнѣнія. Сочленъ нашъ доискивался законовъ языка и подвергалъ критической оцѣнкѣ каждое правило, устраняя все произвольное, все несогласное съ духомъ и законами языка. Разбирая основы нашего правописанія, онъ обращался и къ языку писателей, и къ говору народа, и къ постановкѣ орѳографическаго вопроса у другихъ народовъ: у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, у итальянцевъ, у испанцевъ, у датчанъ и т. д. При такомъ строго-научномъ направленіи филологическихъ работъ Я. К. Грота нельзя сомнѣваться въ томъ сочувствіи, съ которымъ будетъ встрѣчена составляемая имъ русская грамматика.

Ординарнымъ академикомъ Бычковымъ окончены въ этомъ году печатаніемъ два труда: библіологическій словарь П. М. Строева — по матеріаламъ, завѣщаннымъ имъ Академіи наукъ, и второй выпускъ описанія рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ императорской публичной библіотекѣ.

Библіологическій словарь, при составленіи котораго имѣлось въ виду собрать воедино весь разбросанный по разнымъ нашимъ библіотекамъ рукописный матеріалъ и расположить его по именамъ сочинителей и переводчиковъ и по разрядамъ анонимныхъ сочиненій, къ сожалѣнію, не былъ доведенъ Строевымъ до конца и сохранился въ набросках и замѣткахъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ даже въ томъ видѣ, въ какомъ теперь является, заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по мысли, которая легла въ его

основаніе — дать занимающемуся указаніе, въ какихъ библіотекахъ онъ можетъ найдти то или другое сочиненіе, такъ и по многимъ любопытнымъ даннымъ, которыя въ немъ заключаются.

Во второмъ выпускѣ описанія рукописныхъ сборниковъ Публичной библіотеки представлено содержаніе до тридцати сборниковъ самаго разнообразнаго состава. Академикомъ Бычковымъ, при описаніи сборниковъ, открыто нѣсколько неизвѣстныхъ сочиненій и между прочимъ историческая пѣсня, на бѣлорусскомъ нарѣчіи, о взятіи Смоленска въ 1654 году.

Сверхъ того академикъ Бычковъ принималъ дѣятельное участіе, по званію предсѣдателя, въ трудахъ комиссіи, Высочайше учрежденной для описанія дѣлъ синодальнаго архива, и въ вышедшей первой части второго тома ему принадлежитъ описаніе около двухъ сотъ дѣлъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ этомъ году въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности нѣсколько своихъ мемуаровъ, частью напечатанныхъ, частью рукописныхъ. Изслѣдованія академика Веселовскаго, какъ глубокаго знатока средневѣковыхъ литературъ романскихъ и германскихъ народовъ, вносятъ много свѣта въ одну изъ самыхъ загадочныхъ для науки областей русской древней словесности. Въ трудахъ нашего сочлена вопросъ объ отношеніи устной словесности къ памятникамъ словесности письменной, русской и иностранной, поставленъ на реальную почву. Авторъ съ чрезвычайною внимательностію слѣдитъ за каждою чертою, каждымъ намекомъ, каждымъ варіантомъ, и указываетъ связь основы содержанія, мотивовъ и подробностей русскихъ произведеній съ произведеніями византійскаго и западно-европейскаго эпоса.

Въ одномъ изъ собраній Отдѣленія А. Н. Веселовскій сообщилъ весьма любопытное новое свидѣтельство, касающееся Ильи Муромца.

Тотъ же академикъ читалъ въ собраніяхъ академіи изслѣдованіе свое подъ названіемъ: Св. Георгій въ легендѣ и обрядѣ.

Только-что отпечатано начало обширнаго труда А. Н. Весе-

ловскаго: «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ». Отпечатанная часть труда заключаетъ въ себѣ самое тщательное разсмотрѣніе греческаго апокрифа о св. Ѳеодорѣ.

Въ этомъ году Отдѣленіе понесло тяжелую, невознаградимую потерю. 4-го октября скончался въ Москвѣ ординарный академикъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, знаменитый историкъ Россіи Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Извѣстіе о его кончинѣ было печальною, горестною вѣстію для Академіи наукъ, для всѣхъ русскихъ университетовъ, для всѣхъ просвѣщенныхъ людей русской земли. Не стало великаго труженика русской науки, не стало одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей девятнадцатаго столѣтія. Покойный трудился для науки и для Россіи съ изумительнымъ постоянствомъ и силою воли; его неустанная работа, его закаленное трудолюбіе служатъ блестящимъ опроверженіемъ того огульнаго обвиненія въ неспособности русскихъ къ упорному труду, которое съ такимъ удовольствіемъ повторяютъ на разные лады наши явные и тайные недоброжелатели. Соловьевъ, человѣкъ въ полномъ смыслѣ русскій, русскій по крови и по духу, русскій до мозга костей, добровольно налагаетъ на себя и безропотно, съ внутреннею радостью, несетъ до гробовой доски то святое бремя труда, въ которомъ другой русскій человѣкъ, Петръ Великій, видѣлъ лучшій удѣлъ и лучшее счастье человѣческой жизни.

Научная дѣятельность Соловьева началась весьма рано — не только съ студенческой, но даже съ гимназической скамьи. При переходѣ изъ гимназіи въ университетъ онъ написалъ вещь до того умную, что ее признали нужнымъ напечатать тогда же, а нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя сочувственно отзывались о ней наши извѣстные ученые. Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, Соловьевъ пріобрѣлъ громкую извѣстность двумя капитальными историческими трудами: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» и «Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома».

Въ 1851 году Соловьевъ издалъ первый томъ своей «Исторіи Россіи», и затѣмъ ежегодно выходилъ новый томъ исторіи,

до конца жизни покойнаго. Всѣхъ томовъ вышло двадцать восемь; они обнимаютъ собою исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Подобно Карамзину, Соловьевъ весь отдался своему великому дѣлу, своимъ историческимъ работамъ, трудился безъ устали, безъ отдыха, съ полнымъ самоотверженіемъ. Когда со всѣхъ концовъ Россіи стали приходить къ нему сочувственные привѣты, онъ отвѣчалъ, что онъ тѣмъ болѣе дорожитъ ими, что ему некогда было искать сочувствія.

На страницахъ «Исторіи Россіи» находится безчисленное множество данныхъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ и представляющихъ рядъ открытій въ области русской исторіи. И вся эта масса матеріаловъ связана въ стройное цѣлое, одушевлена разумною мыслью, при свѣтѣ которой раскрываются передъ читателемъ основныя черты и движеніе исторической жизни нашего отечества. Обязанностью своею, какъ историка, Соловьевъ считалъ слѣдить за взаимною связью явленій и стараться объяснять каждое изъ нихъ причинами внутренними, прежде чѣмъ выдѣлить изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію. Многое, что въ исторіографіи нашей являлось прежде отрывочнымъ и случайнымъ, получило свой смыслъ и свое историческое значеніе. «Благодаря Соловьеву — говоритъ одинъ изъ современныхъ нашихъ историковъ — раскрытъ былъ смыслъ величайшаго изъ нашихъ всенародныхъ движеній въ смутную эпоху; мракъ, скрывавшій отъ насъ знаменательную эпоху отъ смерти великаго преобразователя до вступленія на престолъ Екатерины II, разсѣялся; участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ перестало казаться намъ случайнымъ, дѣломъ личныхъ отношеній, и явилось событіемъ, вызваннымъ нудящею необходимостью сократить силы скоропостижнаго короля» и т. д. Величайшее событіе русской исторіи — преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ изложено Соловьевымъ вполнѣ исторически, съ объясненіемъ внутренней связи эпохи преобразованія съ предшествующимъ ходомъ русской жизни и ея дальнѣйшимъ движеніемъ, и т. д.

Любовь къ наукѣ сливалась въ Соловьевѣ въ одно нераздѣльное цѣлое съ любовью къ Россіи, съ вѣрою въ русскій народъ. Безъ этой любви и вѣры, безъ внутренней, живой связи съ Россіей и съ русскимъ народомъ, невозможно вѣрное пониманіе русской жизни, ни прошедшей, ни настоящей. Любовь къ Россіи не есть что либо придуманное, условное: она является невольно, сама собою, и въ произведеніяхъ русскихъ писателей, и въ трудахъ русскихъ ученыхъ. Соловьевъ принадлежалъ къ тому поколѣнію русскихъ ученыхъ и писателей сороковыхъ годовъ, которое завѣщало своимъ преемникамъ столько благородныхъ идей и стремленій. Даже писатель, изображавшій преимущественно темныя стороны русской жизни и совершенно чуждый патріотическихъ увлеченій, говорилъ, обращаясь къ Россіи и русскому народу:

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни роднпѣ слагалъ!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль...
Народъ—герой! въ борьбѣ суровой
Ты не шатнулся до конца,
Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
Побѣдоноснаго вѣнца...

При всей любви къ Россіи Соловьевъ не приносилъ въ жертву этому чувству своей великой обязанности какъ историка — быть правдивымъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ, не преувеличивая свѣтлыхъ явленій и не умалчивая о темныхъ. И онъ свято исполнилъ эту обязанность. Его выводы — плодъ долгаго, фактическаго изученія и глубокой, безпристрастной думы. На основаніи добросовѣстно изученныхъ и критически провѣренныхъ фактовъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что «ни одинъ вѣкъ нашей древней исторіи не можетъ быть представленъ вѣкомъ коснѣнія:

въ каждомъ заключается сильное движеніе и преуспѣяніе». Движущая сила состояла въ сознаніи окружающаго зла, въ нежеланіи мириться съ нимъ и въ стремленіи къ лучшему. «Наука — говоритъ онъ — представляетъ предковъ нашихъ не только не варварами, но борцами за цивилизацію, людьми, сохранившими высокую способность не мириться со зломъ, неутомимо и побѣдоносно съ нимъ боровшимися. Древнихъ русскихъ людей можно назвать передовымъ отрядомъ европейско-христіанскихъ народовъ, отрядомъ, выставленнымъ на самое опасное, самое трудное мѣсто. Когда, по совершеніи труднаго подвига, эти передовые люди возвратились, чтобъ занять заслуженное ими почетное мѣсто, неужели вмѣсто удивленія къ ихъ подвигамъ мы станемъ укорять ихъ за то, что они явились передъ нами въ непривлекательномъ видѣ, израненные, покрытые пылью и кровью?»

Передъ судомъ исторіи истиннымъ представителемъ русскаго народа, по убѣжденію нашего историка, является Петръ Великій. Въ дѣятельности Петра Великаго раскрывается живая связь древней Россіи съ новою и живая вѣра его въ русскій народъ. Уже въ древней Россіи замѣчалось движеніе отъ востока къ западу, отъ Азіи къ Европѣ, отъ степи къ морю: въ новой Россіи, во времена Петра, движеніе это проявилось съ особенною, неудержимою силою, подготовленною въ предшествующіе вѣка. Какъ истый русскій человѣкъ, Петръ Великій и сознательно и инстинктивно оберегалъ народное достоинство. Когда заведены были новые порядки, понадобились и новые люди: и для войска, и для администраціи, и для дипломатическихъ сношеній. Всего проще, казалось бы, пригласить свѣдущихъ иностранцевъ да и отдать подъ ихъ команду русскихъ неучей: такъ думали нѣкоторые изъ маленькихъ великихъ людей. Но не такъ думалъ истинно великій и истинно русскій человѣкъ. Петръ призвалъ къ дѣятельности русскія силы; ввѣрилъ различныя отрасли управленія природнымъ русскимъ. Они были неопытны, могли надѣлать ошибокъ; но ошибки и неудачи имѣютъ и свою выгодную сторону: заставляютъ быть осторожнѣе, научаютъ уму-разуму, образуютъ ха-

рактеръ и волю человѣка. Притомъ же отдать власть иностранцамъ значило бы принизить достоинство народа и въ сущности затормозить умственное и общественное развитіе Россіи. «У Петра — говоритъ Соловьевъ — было правило: во главѣ управленія ставить русскаго человѣка; второе по немъ мѣсто могъ занимать иностранецъ; вслѣдствіе чего, при кончинѣ Петра, судьбы Россіи оставались въ однихъ русскихъ рукахъ». При Петрѣ Великомъ на главнѣйшихъ дипломатическихъ мѣстахъ были природные русскіе; въ сенатъ безусловно не допускались иностранцы; въ коллегіяхъ они могли служить, но не иначе какъ на мѣстахъ второстепенныхъ.

Слѣдя за ходомъ исторической жизни, Соловьевъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ эпохахъ и событіяхъ, когда Россіи суждено было выдерживать борьбу съ многочисленными невзгодами и бѣдствіями, и русскій народъ долженъ былъ, такъ сказать, помѣряться силами съ враждебною ему судьбою.

Страшная гроза собралась надъ Россіею въ началѣ семнадцатаго вѣка: земля замутилась; государство было на краю погибели; отовсюду сыпались на него удары за ударами; лучшіе люди пали жертвами безурядицы; толпы, враждебныя государству, брали явно верхъ. Въ это смутное и страшное время проявились во всей своей непобѣдимой силѣ единство вѣры и вошедшая въ кровь и плоть любовь къ родной землѣ. Русскіе люди соединились «духовно, внутренне, руководствуясь привычнымъ стремленіемъ къ единству религіозному и государственному. Земля собралась, и очистила государство; народъ, по современному выраженію, всталъ какъ одинъ человѣкъ для ея очищенія».

Роковое испытаніе выдержала Россія въ длинный, нескончаемо-длинный для переживавшихъ его, періодъ со времени кончины Петра Великаго до воцаренія Екатерины II. «Люди западной Европы — говоритъ Соловьевъ — смотря на удивительныя явленія, происходившія въ первой четверти восемнадцатаго вѣка въ Европѣ восточной, говорили, что всѣ эти преобразованія суть слѣдствіе одной личной воли царя, со смертію котораго все вве-

денное имъ рушится, и возстановится старый порядокъ вещей. Теперь преобразователь былъ во гробѣ, и наступило время повѣрки, проченъ ли установленный имъ порядокъ. Желѣзной руки, сдерживавшей враговъ преобразованія, не было болѣе; русскіе люди могли теперь свободно распорядиться, свободно рѣшить вопросъ, нуженъ ли имъ новый порядокъ, и ниспровергнуть его въ случаѣ рѣшенія отрицательнаго. Но этого не случилось: новый порядокъ остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворотъ со всѣми его послѣдствіями, какъ необходимо вытекшій изъ условій предшествовавшаго положенія русскаго народа. Время отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II обыкновенно разсматривалось какъ время печальное, непривлекательное, время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимцевъ. Но мы не можемъ раздѣлять этихъ взглядовъ. Названное время имѣетъ высокій интересъ для историка именно потому, что здѣсь русскіе люди были предоставлены самимъ себѣ въ виду громаднаго матеріала, даннаго преобразованіемъ. Какъ они распорядятся этимъ матеріаломъ? Идеи и люди екатерининскаго царствованія явились ли по мановенію знаменитой императрицы или были приготовлены прежде, состоятъ въ необходимой связи съ движеніемъ, совершившимся въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго».

На рѣшеніи этого историческаго вопроса, въ самой постановкѣ котораго слышится сила ума, на повѣствованіи о временахъ Екатерины прерывается правдивый разсказъ историка-мыслителя. Многаго онъ не доказалъ, многое унесено имъ въ могилу. Но ключъ къ недосказанному находится въ появившихся въ свѣтъ томахъ исторіи и въ другихъ произведеніяхъ ея автора.

Труды знаменитаго историка и вѣрнаго сына Россіи заключаютъ въ себѣ такую цѣльную картину минувшей судьбы нашего отечества, такое здоровое разумѣніе исторической жизни Россіи, что останутся навсегда памятникомъ не только ума, таланта и учености автора, но и народнаго самосознанія, какъ проявилось

оно въ убѣжденіяхъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей современнаго намъ общества.

Произведенія, въ которыхъ выразилось народное самосознаніе, составляютъ литературную святыню народа. Къ нимъ обращаются мыслящіе люди для выясненія вопросовъ общественныхъ и государственныхъ, для знакомства съ прошедшимъ и для разумной оцѣнки настоящаго; въ нихъ ищутъ спасительнаго указанія въ минуты повидимому безвыходнаго положенія, когда сердце сжимается при мысли о будущемъ. Воля Провидѣнія открывается въ исторической судьбѣ народа. Исторія представляетъ несомнѣнныя, неопровержимыя доказательства, что русскіе люди, предоставленные самимъ себѣ, не погибаютъ, и что въ годину тяжкихъ народныхъ испытаній нѣтъ болѣе вѣрныхъ союзниковъ, болѣе мудрыхъ руководящихъ началъ, какъ искренняя, не знающая колебаній любовь къ Россіи и живая, несокрушимая вѣра въ русскій народъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 8.

НѢСКОЛЬКО ПРИПОМИНАНІЙ

О

НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Е. ВИКТОРОВА.

Академика **И. И. Срезневскаго.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1881 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*

НѢСКОЛЬКО ПРИПОМИНАНІЙ О НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Е. ВИКТОРОВА.

(Академика И. И. Срезневскаго.)

При разсмотрѣніи Русскаго историческаго сборника XV вѣка Московскаго главнаго архива минист. иностр. дѣлъ (Свѣд. и Зам. LXXXIV) я не могъ оставить въ сторонѣ тѣ карандашныя замѣтки, которыми испещрена почти вся рукопись и которыя указываютъ на первые или ближайшіе источники содержанія рукописи, такъ подробно и такъ тщательно, какъ только можно желать. Въ соотвѣтствіи съ этими замѣтками находятся замѣтки въ Архивскомъ экземплярѣ Боннскаго изданія хроники Іоанна Малалы и въ хронографѣ (№ 280) Московской Синодальной библіотеки. Эти замѣтки — всѣ одного почерка, почерка знакомаго теперь многимъ изслѣдователямъ и любителямъ Русской древности и старины, между прочимъ и посѣтителямъ рукописнаго отдѣленія Московскаго публичнаго музея, сближавшимся съ хранителемъ этого отдѣленія, А. Е. Викторовымъ.

Трудъ А. Е. Викторова въ означенномъ сборникѣ относится къ годамъ молодости этого, теперь очень замѣчательнаго, дѣятеля, и будучи важенъ самъ по себѣ, не менѣе важенъ какъ указаніе, чего можно было ожидать отъ дѣятеля, такъ начинающаго.

Чего можно было ожидать отъ такъ начавшаго дѣятеля, выразилось недолго спустя, хотя тоже въ трудѣ, вышедшемъ безъ имени. На этотъ трудъ А. Е. Викторовъ вызванъ былъ дѣятелемъ также замѣчательнымъ, ранѣе другихъ понявшимъ какими силами знанія и стойкости онъ владѣетъ. Въ 1855 г. вышло первое изданіе «Указателя для обозрѣнія Московской Патріаршей,

нынѣ Синодальной, ризницы и библіотеки», составленнаго синодальнымъ ризничимъ, архим. Саввою, съ полнымъ вниманіемъ къ любознательности посѣтителей, обозрѣвающихъ ризницу и библіотеку, но вообще очень короткаго, особенно въ отношеніи къ библіотекѣ. Зная, что людямъ науки, особенно изслѣдующимъ рукописи, нуженъ указатель другаго рода, указатель возможно болѣе полный въ отношеніи къ содержанію рукописей, въ которомъ, по неудовлетворительности описей библіотеки, чувствовалась настоятельная нужда, архим. Савва не замедлилъ взяться за это новое дѣло,—и въ 1858 г. издалъ Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей, или Синодальной библіотеки. Книга вышла какъ «изданіе второе, значительно дополненное», но кромѣ вводныхъ статей, оставшихся почти въ прежнемъ видѣ, въ ней, сравнительно съ прежнею, все ново и по цѣли и по изложенію. Главное мѣсто въ книгѣ, на этотъ разъ толстой, заняли и по внутреннему значенію и по объему алфавитные указатели рукописей: одинъ—рукописей Греческихъ (152 стран.), другой—Славянскихъ (128 стр.). Къ составленію этого втораго указателя приглашенъ былъ А. Е. Викторовъ. Общія правила исполненія дѣла, какъ видно, были приняты одинаковыя въ обоихъ указателяхъ; но указателемъ къ Греческимъ рукописямъ я почти не пользовался и потому не могу выразить никакого мнѣнія о его полнотѣ. Что же касается указателя къ Славянскимъ рукописямъ, то, пользуясь имъ издавна, я все болѣе цѣнилъ его надобность, и въ послѣднее время самъ осматривая всѣ Славянскія рукописи Синодальной библіотеки съ цѣлію составить ихъ опись, для меня пригодную, и очень часто при этомъ обращаясь къ указателю, я вполнѣ ознакомился съ его достоинствами. А. Е. Викторовъ выполнилъ свое дѣло съ такимъ умѣньемъ и стараніемъ, что этотъ указатель остается и можетъ быть еще долго останется незамѣнимымъ, единственнымъ пособіемъ для всѣхъ, обращающихся къ рукописямъ Синодальной библіотеки. Его указатель составленъ очевидно въ слѣдствіе ближайшаго ознакомленія со всѣми рукописями и съ каждою отдѣльно, и потому каждая описана библіогра-

фически. Рукописи единичнаго, нераздѣлимаго содержанія, какъ напр. Алфавитъ, Евангеліе, Ирмологій, Лѣтопись, Минея, Опись, Патерикъ, Прологъ, Синодикъ, Требникъ, Хронографъ и т. п., означены подъ общими ихъ названіями, съ распредѣленіемъ по ихъ отличіямъ въ отношеніи къ содержанію. Изъ рукописей сложнаго содержанія, каковы особенно сборники, кромѣ того, что онѣ заняли свое мѣсто и описаны отдѣльно каждая тѣмъ подробнѣе, чѣмъ важнѣе ея содержаніе, выдѣлены особенно важныя статьи и каждая помѣчена въ Указателѣ отдѣльно по своему особенному названію съ библіографическими указаніями. Произведенія замѣчательныхъ писателей отмѣчены въ Указателѣ большею частью два раза: по ихъ названіямъ и по именамъ писателей. Въ Указатель не вошли указанія почти исключительно только статей небольшаго объема, кромѣ того такихъ житій и особенныхъ произведеній писателей, которыя вписаны въ Минеи Четьи и т. п. Главною причиною невнесенія такихъ статей въ Указатель было, вѣроятнѣе всего, нежеланіе издателя дать Указателю слишкомъ большой объемъ. Относительно Макарьевскихъ Миней-Четій это можно было допустить тѣмъ легче, что въ той же Синодальной библіотекѣ есть въ двухъ спискахъ ихъ оглавленіе, составленное извѣстнымъ іеромонахомъ Евѳиміемъ и напечатанное Ундольскимъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей (1847, № IV, Смѣсь, стр. 1—78).

Въ 1861 году совершилось перенесеніе Румянцовскаго музея изъ Петербурга въ Москву и основаніе Московскаго Публичнаго музея. Рукописи и старопечатныя книги, въ началѣ исключительно тѣ, которыя собраны были графомъ Румянцовымъ для музея, образовали въ новомъ музеѣ особое отдѣленіе, и хранителемъ этого отдѣленія избранъ А. Е. Викторовъ. Имъ онъ остается и до сихъ поръ. Какія работы и какъ исполнялъ ихъ онъ по этой должности, видно изъ Отчетовъ по Московскому Публичному музею: первый изъ нихъ относится къ первымъ годамъ его бытія, отъ времени основанія въ 1861 г. до 1 января 1864 г.; второй — изданъ за 1864 г., третій—за 1865 г., четвертый—за 1867—

1869 гг., пятый—за 1870—1872, шестой за 1873—1875 гг.: седьмой, теперь печатаемый — за 1876 — 1878 гг. Въ каждомъ изъ нихъ значительную долю содержанія занимаютъ свѣдѣнія о приращеніяхъ по отдѣленію рукописей и старопечатныхъ книгъ и о приведеніи ихъ въ порядокъ, съ сообщеніемъ подробностей о болѣе важныхъ памятникахъ. Что всѣ заботы объ устроеніи и поддержаніи порядка въ отдѣленіи рукописей и старопечатныхъ книгъ, равно какъ и написаніе всего, что должно было войти въ каждый изъ отчетовъ по этому отдѣленію, было въ обязанности А. Е. Викторова, это само собою разумѣется; но этимъ не ограничивалось его усердіе къ пользамъ музея. Съ каждымъ годомъ болѣе, иногда и не безъ боренія съ разными внѣшними обстоятельствами, онъ входилъ въ сношенія съ тѣми, отъ кого можно было ожидать приращенія музейскаго богатства, и съ тѣми, кто могъ этому такъ или иначе содѣйствовать. Кое что изъ круга этихъ дѣйствій А. Е. Викторова я знаю, какъ личный свидѣтель; другое видно изъ общаго хода дѣлъ. Заявляя это, я нисколько не желаю оставить въ тѣни участіе самохотныхъ жертвователей и лицъ, содѣйствовавшихъ инымъ образомъ обогащенію музея; желаю только не оставить въ тѣни и усерднаго отношенія А. Е. Викторова къ пользамъ музея.

Какъ бы то ни было, обогащеніе Московскаго Публичнаго музея представляетъ явленіе необычайное. Въ 1861 г. изъ Петербурга было привезено рукописей около 800 №№-овъ; теперь же общее количество рукописей музея восходитъ до 5000. Точно также церковно-печатныхъ книгъ въ Румянцовскомъ музеѣ было до 200; теперь же такихъ книгъ въ музеѣ едва ли не въ десять разъ больше [1]).

---

[1]) Считаю не лишнимъ обозначить главныя пріобрѣтенія Музея въ повременномъ порядкѣ ихъ поступленія въ Музей.

Въ 1861—1863 гг. поступило:

— Собраніе масонскихъ рукописей и книгъ (357), принадлежавшихъ покойному графу *С. С. Ланскому*: оно пріобрѣтено покупкою «необыкновенно выгодно» при содѣйствіи профессора Ешевскаго (подробное обозрѣніе собранія см. въ Отчетѣ до 1 янв. 1864 г., стр. 32—39).

Все пріобрѣтаемое музеемъ по этому отдѣленію было внимательно осматриваемо А. Е. Викторовымъ, большею частію предварительно, вносимо имъ въ описи, болѣе замѣчательное осматриваемо и описываемо подробнѣе. Что касается старопечатныхъ книгъ (до 1725 г.), то онъ, по обязанности, отмѣчая чего не достаетъ музею, старался отыскивать это недостающее и домогался пріобрѣсти съ цѣлію сдѣлать это собраніе образцовымъ по полнотѣ и по достоинству оттисковъ. «Около трети этого собранія пріобрѣтены безъ всякихъ затратъ, въ слѣдствіе поѣздокъ А. Е. Викторова по монастырямъ». Имѣя въ виду стремленіе А. Е. Викторова довести музейное собраніе старопечатныхъ книгъ до возможной полноты и, какъ необходимое для этого пособіе, составить возможно полный списокъ всѣхъ старопечатныхъ книгъ, нельзя отстраниться отъ желанія и надежды, что А. Е. Викторовъ приготовитъ такой списокъ для печати. Вышедшій въ 1871 г.

— Собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ при библіотекѣ *А. С. Норова*, пріобрѣтенной по Высочайшему соизволенію за 17.000 руб. изъ суммъ государственнаго казначейства.

— Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей (210), пріобрѣтенное послѣ смерти *Т. Ѳ. Большакова* (обозрѣніе въ Отчетѣ, стр. 40—46).

— Собраніе Славянскихъ рукописей (56), пожертвованныхъ архим. *Амфилохіемъ*, продолжавшимъ жертвовать рукописи въ Музей и въ слѣдующіе годы (Отч., стр. 46—47).

— Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей (46), принесенное въ даръ Музею купцомъ *С. Т. Большаковымъ* и «составляющее отличное дополненіе» къ означенному выше собранію Большакова-отца (Отч., стр. 47—48).

— Собраніе 128 фотографическихъ снимковъ съ Аѳонскихъ рукописей и грамотъ, пожертвованное *П. И. Севастьяновымъ*.

Кромѣ того принято въ Музей на правахъ пользованія Собраніе Греческихъ и Славянскихъ рукописей и Славянскихъ старопечатныхъ книгъ *П. И. Севастьянова* (Отч., стр. 51—57)

Въ 1864 г.

— Дополнительное собраніе Славяно-Русскихъ рукописей *Т. Ѳ. Большакова* (всего вмѣстѣ 370 рукописей), разнообразное и богатое замѣчательными произведеніями письменности (Подробн. обозрѣніе въ Отчетѣ 1864 г., стр. 2—8).

— Собраніе рукописей 1-й Московской гимназіи, большею частію историческаго содержанія (Отч., стр. 8—9).

— Подборъ Славянскихъ старопечатныхъ книгъ изъ дублетовъ Императорской Публичной библіотеки.

«Очеркъ Славяно-Русской библіографіи» В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова, намекаетъ на сознаваемую нужду списка, а подручная книжка А. Е. Викторова, куда внесены всѣ описанныя книги и вносятся неописанныя, книжка, съ которою мнѣ случилось познакомиться и поразившая меня обиліемъ отмѣтокъ, не даетъ возможности сомнѣваться, что желаемый списокъ будетъ составленъ. Что А. Е. Викторовъ съ такимъ же тщаніемъ занимался и рукописями, это свидѣтельствуютъ, кромѣ отчетовъ Музея, отдѣльно изданныя обозрѣнія нѣкоторыхъ изъ болѣе важныхъ собраній. Особенно замѣчательны три:

— Очеркъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго, въ полномъ составѣ вышедшій какъ приложеніе къ книгѣ имъ же изданной: «Славяно-Русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя имъ самимъ», и отдѣльно въ 1870 г. Въ опись Ундольскаго

Въ 1865 г.

— Собраніе масонскихъ рукописей и книгъ, принадлежавшихъ прежде графу *С. С. Ланскому*, а потомъ профессору *С. В. Ешевскому* (Отчетъ 1865 г., стр. 1—9).

— Собраніе подлинныхъ древне Русскихъ грамотъ и актовъ историческаго и юридическаго содержанія, принесенное музею въ даръ д. т. с. *П. А. Мухановымъ* (Отчетъ 1865 г., стр. 9—10).

Въ 1866 г.

— Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей *В. М. Ундольскаго*, очень обширное (1422 рукописи), разнообразное и искусно подобранное; пріобрѣтено при помощи *А. И. Кошелева* (Отчетъ 1867—1869 гг., стр. 1—2).

— Собраніе Славянскихъ церковно-печатныхъ книгъ *В. М. Ундольскаго*; пріобрѣтено при помощи Московской городской думы и потом. почет. гражд. *К. А. Попова* (Отчетъ, стр. 3).

Въ 1867—1869 гг.

— Собраніе первыхъ Русскихъ вѣдомостей *С. Д. Полторацкаго*, за годы 1703 — 1726; пріобрѣтено по Высочайшему соизволенію при пособіи правительства (Отчетъ 1867—1869 гг., стр. 4—8).

— Дополненіе къ прежде полученнымъ рукописямъ *А. С. Норова* (Отч., стр. 9—12).

— Выборъ изъ собранія Славяно-Русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, оставшихся послѣ *Д. В. Пискарева* (203 рук. и 15 старопеч. книгъ); въ числѣ рукописей многія замѣчательны по своему историческому содержанію (Отчетъ, стр. 12—28).

вошло только 579 рукописей, между тѣмъ какъ всѣхъ рукописей собранія Ундольскаго, поступившихъ въ Музей, 1348. Очеркъ А. Е. Викторова сдѣланъ въ слѣдствіе осмотра всего собранія и распредѣленія ихъ на отдѣлы по содержанію.

— Каталогъ Славяно-Русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ послѣ Д. В. Пискарева, 1868 г. Рукописи расположены въ систематическомъ порядкѣ по содержанію; въ описаніи рукописей сложнаго содержанія отмѣчены или главныя или и всѣ статьи, въ нихъ вошедшія; въ концѣ книги указатель.

— Собраніе рукописей В. И. Григоровича, 1879. Почти что не медля послѣ кончины нашего знаменитаго слависта, А. Е. Викторовъ, задавшись надеждою пріобрѣсти для Музея всѣ оставшіяся послѣ него рукописи, книги и бумаги, отправился въ Елисаветградъ, успѣлъ подобрать все, что могъ, привелъ въ порядокъ, и такимъ образомъ, удостовѣрясь въ цѣнности собранія,

---

— Собраніе Южно-Славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ; даръ *А. Н. Хитрова* (Отч., стр. 30—31).

— Собраніе крюковыхъ и другихъ подобныхъ рукописей и книгъ; даръ по завѣщанію, вмѣстѣ съ библіотекой, кн. *В. Ѳ. Одоевскаго* (Отч., стр. 31—33).

— Два собранія автографовъ, вмѣстѣ съ собраніемъ разныхъ рукописей и бумагъ; даръ *И. Е. Бецкаго* (Отч., стр. 33—36).

Собраніе собственноручныхъ работъ и бумагъ *И. П. Сахарова* съ нѣсколькими старинными рукописями; даръ *А. Н. Неустроева* (Отч., стр. 36—38).

Разныя масонскія бумаги; даръ *А. Н. Неустроева* и *Гр. В. Есипова* (Отч., стр. 40—43).

Разныя рукописи, грамоты и пр. (Отч., стр. 43—55).

Въ 1870—1872 гг.

— Библіотека И. Я. Лукашевича: 1. Собраніе книгъ церковной печати (болѣе 800); 2. Собраніе Славянскихъ рукописей (164); 3. Архивъ Малороссійскихъ актовъ съ присоединеніемъ пергаментныхъ Молдовлахійскихъ грамотъ, собранныхъ истор. Маркевичемъ (Подробное обозрѣніе см. въ Отчетѣ 1870—1872 гг., стр. 8—35).

— Собраніе церковно-печатныхъ книгъ изъ дублетовъ библіотеки Синодальнаго архива (Отч., стр. 35—37).

— Собраніе Славянскихъ старопечатныхъ книгъ изъ дублетовъ Новгородскаго Софійскаго собора (Отч., стр. 37—39).

— Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей (77), преимущественно раскольничьихъ (60), *Н. И. Попова* (Отч., стр. 39—45).

могъ смѣлѣе взяться за хлопоты о пріобрѣтеніи его для Музея на сколько онѣ отъ него зависѣли.

Собраніе рукописей Григоровича пріобрѣтено Музеемъ и подробно описано въ означенномъ трудѣ. Славянскія и Русскія рукописи, числомъ 60, описаны отдѣльно въ систематическомъ порядкѣ; отдѣльно отмѣчены рукописи Греческія и Румынскія (8) и Славянскія старопечатныя книги (33). Въ концѣ дано довольно обстоятельное обозрѣніе «Ученыхъ работъ и бумагъ В. И. Григоровича», особенно любопытное для того, кто займется подробностями его жизнеописанія.

Къ трудамъ А. Е. Викторова по Музею надобно отнести еще одинъ, сравнительно съ другими, особаго рода и не менѣе замѣчательный, но, къ сожалѣнію, остановившійся на началѣ. Это фотографическіе снимки съ миніатюръ Греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ (См. Отчетъ Музея 1864 г., стр. 133—195).

— Бумаги Н. В. Сушкова: 1. Собственноручныя бумаги, письма, указы, литературныя произведенія императрицы Екатерины II; 2. Собственноручныя бумаги братьевъ Храповицкихъ; 3. Собственныя бумаги, сочиненія и переписка Н. В. Сушкова (Отч., стр. 45—52).

— Масонскіе документы и рукописи (Отч., стр. 52—57).

— Рукописи Славянскія, Русскія и иностранныя, принесенныя въ даръ (Отч., стр. 61—71).

— Славянскія книги церковной печати (Отч., стр. 73—74).

Въ 1873—1875 гг.

— Собраніе рукописей, снимковъ и книгъ П. И. Севастьянова, дотолѣ хранившееся въ Музеѣ на правахъ пользованія, драгоцѣнное и по огромности и по важности многихъ памятниковъ (Подробное обозрѣніе главныхъ см. въ Отчетѣ 1873—1875 гг., стр. 3—14).

— Собраніе рукописей и актовъ проф. *И. Д. Бѣляева* (173), важное въ историческомъ отношеніи (Отч., стр. 15—25).

— Славянскія старопечатныя книги изъ дублетовъ (48) Императорской Публичной библіотеки (Отч., стр. 25—30).

— Славянскія старопечатныя книги (126) изъ дублетовъ С.-Петербургской Духовной Академіи (Отч., стр. 30—34).

— Книги церковной печати (256) изъ Московской епархіальной библіотеки (Отч., стр. 34—39).

— Собраніе рукописей Китайскихъ и Манчжурскихъ К. А. Скачкова (258), даръ *А. Л. Родіонова* (Отч., стр. 40—41).

А. Е. Викторовъ предпринялъ это изданіе отъ имени Музея и подъ покровительствомъ его начальства съ обычнымъ усердіемъ и съ надеждою, что «Русская фотографія» купца Аласина, взявшая на себя приготовленіе снимковъ, будетъ продолжать участіе; но на дѣлѣ оказалось иначе. Въ 1862—1865 г. вышли три выпуска: 1-й—Акаѳистъ Божіей матери XIV вѣка съ 26 листами снимковъ, 2-й—Житія святыхъ XI в. съ 30 листами снимковъ, 3-й—Слова Григорія Богослова X в. и Новый Завѣтъ съ Псалтирью XII в. съ 26 листами снимковъ. Въ каждомъ выпускѣ, кромѣ снимковъ, помѣщено подробное описаніе рукописи, съ которой даны снимки. Изданіе должно было быть явленіемъ очень важнымъ, у насъ необычайнымъ, и вѣроятно по этому остановившемся на началѣ. Оно выразило готовность и приготовленность А. Е. Викторова къ дѣлу, и только. Оно, конечно, можетъ и возобновиться; но это потребуетъ такихъ же, если не большихъ, усилій.

Постоянно и усердно занятый всѣмъ, что такъ или иначе соприкасается къ Музею, А. Е. Викторовъ находилъ время и для другихъ трудовъ,—съ цѣлію сдѣлать извѣстными памятники неизвѣстные. Такъ, въ 1865 г., въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ издано имъ, по неизвѣстнымъ спискамъ, нѣсколько памятниковъ, относящихся къ братьямъ первоучителямъ Славянскимъ; въ 1872 г. въ Рус. Архивѣ собственноручныя письма импер. Екатерины II къ А. В. Храповицкому; въ 1873 тамъ же два памятника Русскаго монастырскаго быта XVII в; въ Вѣстникѣ Общества Древне-Русскаго искусства 1874—75 г. обозрѣніе старинныхъ описей Патріаршей ризницы и опись Патріаршей ризницы 1631 г.; въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей 1877 г. опись ветхостей въ башняхъ и стѣнахъ Московскаго Кремля, Китая города и Бѣлаго

— Нѣсколько небольшихъ собраній Славянскихъ и Русскихъ рукописей (Отч., стр. 41—46).

— Собраніе автографовъ (Отч., стр. 46—50).

— Разныя рукописи старыя и новыя, снимки, акты, автографы (Отч., стр. 51—59).

— Разныя старопечатныя книги (Отч., стр. 60—61).

города, 1667 г. Значительнѣе всѣхъ этихъ трудовъ и по обширности, и по внимательности, необходимой для приданія дѣлу научнаго значенія — Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ 1584—1725 г. Въ первый томъ (376 стр., въ б. 8-у) вошли описанія Казеннаго приказа, Государевой мастерской палаты и Царицыной мастерской палаты; въ составъ 2-го тома войдутъ: Описанія записныхъ книгъ Оружейной палаты, Государева кабинета и другихъ дворцовыхъ учрежденій, Приказа тайныхъ дѣлъ и переписныхъ книгъ дворцовыхъ соборовъ и церквей. Это изданіе—драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу источниковъ для подробнаго изученія Русской старины XVI—XVII в. Изъ многихъ записныхъ книгъ даны обширныя извлеченія о всѣхъ разнообразныхъ предметахъ царскаго быта и обихода.

Не считая этого важнаго труда оконченнымъ, пока не вышелъ въ свѣтъ второй томъ съ обѣщанными указателями къ обоимъ, можно припомнить, что—какъ указано было выше—послѣ выхода 1-го тома изданы А. Е. Викторовымъ другіе труды, хотя и меньшаго размѣра, но въ своемъ родѣ замѣчательные, и что до выхода этого 1-го тома «Описанія» начаты имъ нѣкоторые особые труды большаго размѣра. Говоря это я имѣю въ виду отмѣтить въ А. Е. Викторовѣ ту черту, которою рѣзко отличаются дѣйствительные дѣятели въ наукѣ, отъ тѣхъ, которые могутъ только казаться такими. Лежатъ и въ его ящикахъ и въ чужихъ помѣщеніяхъ не только значительные запасы извлеченій, замѣтокъ, сводовъ, но и цѣльные, оконченные или почти оконченные труды. Издавъ какой бы то ни было трудъ, онъ не можетъ остаться безъ дѣла: у него уже есть что̀ дѣлать и о чемъ заботиться. Одна помѣха: за окончательную обдѣлку иного труда нельзя браться, ограничиваясь только собраннымъ запасомъ.

Все, о чемъ доселѣ мнѣ случилось упомянуть относительно научной дѣятельности А. Е. Викторова, входитъ въ опредѣленный кругъ занятій изслѣдователя памятниковъ, ищущаго не выводовъ, а данныхъ, безъ которыхъ дѣльные выводы невозможны.

Нельзя не быть признательнымъ къ этой дѣятельности, не возможной безъ самоотверженія; но нельзя отстранить и сожалѣнія, если эта дѣятельность своею неокончательностью удалила дѣятеля отъ другихъ работъ, не менѣе важныхъ, но требующихъ не столько самоотверженія въ трудѣ, сколько силъ ума, разумѣется оснащеннаго знаніями. Эти силы выказалъ А. Е. Викторовъ въ нѣсколькихъ произведеніяхъ, изданныхъ имъ въ 60-хъ годахъ. Таковы:

— Историческая дѣятельность Московской Синодальной типографіи. Первое отдѣленіе этого произведенія, очень замѣчательнаго по доказательности защищаемыхъ положеній, вышло въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г., №№ 285, 288, 291; второе — въ Нашемъ Времени 1860 г., №№ 5, 8, 10, 12.

— Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ (1858 г.): въ Лѣтописяхъ Русск. литературы и древностяхъ Н. С. Тихонравова, томъ II-й и III-й. Это изслѣдованіе, очень значительное по объему, ясно свидѣтельствующее о полной приготовленности изслѣдователя къ разбору мнѣній ученыхъ о глаголицѣ, отличается полнымъ отсутствіемъ пристрастія въ пользу какого бы то ни было мнѣнія и такою увлекательностью изложенія, что едва ли во всей литературѣ о глаголицѣ есть произведеніе, которое можетъ быть поставлено съ нимъ въ рядъ въ этомъ отношеніи.

— Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ апостоловъ; напечатано въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ 1865 г., стр. 343—440, и отдѣльно. Критическій обзоръ и разборъ новыхъ данныхъ и мнѣній 40-хъ и 50-хъ годовъ (написанный еще въ 1858 г. и пролежавшій у сочинителя почти девять лѣтъ безъ движенія), почти такой же покойный, какъ и прежде отмѣченное изслѣдованіе, и изложенный не менѣе увлекательно.

Задачъ, такихъ же вѣскихъ въ наукѣ и такъ же близкихъ уму и знанію А. Е. Викторова, не мало; но увлекавшійся все болѣе трудами другаго рода, онъ все болѣе удалялся отъ нихъ, какъ изслѣдователь, слѣдя за ними только, какъ образованный

читатель и высказывая о нихъ свои соображенія только въ устныхъ бесѣдахъ. Воротится-ли онъ къ нимъ когда нибудь, или уже никогда, этого теперь, вѣроятно, не рѣшитъ онъ самъ.

Какъ бы ни случилось, мы имѣемъ въ немъ замѣчательнаго научнаго дѣятеля, какихъ у насъ и было и есть не много.

I.

Списокъ библіографическихъ и другихъ работъ А. Е. Викторова.

а) Работы напечатанныя.

I. ПО БИБЛІОГРАФІИ РУКОПИСЕЙ И СЛАВЯНСКИХЪ СТАРОПЕЧАТНЫХЪ КНИГЪ.

1) Алфавитный указатель Славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки. Москва, *1858 г.* Безъ означенія имени автора. Этотъ указатель входитъ также въ составъ «Указателя для обозрѣнія Патріаршей ризницы и библіотеки» архим. Саввы. М. 1858 г., II, 153—274. Подстрочныя примѣчанія въ Алфавитномъ указателѣ принадлежатъ издателю.

2) Фотографическіе снимки съ миніатюръ Греч. рукописей, находящихся въ Москвѣ. Изданіе Моск. Публ. Музея. Вып. I—III. Москва, *1863—1865 г.* Въ 1-мъ выпускѣ: Синод. рукоп. Акаѳистъ Божіей Матери, XIV в., № 429, 4 и 16 стр. текста и 26 таблицъ снимковъ. Во 2-мъ: Синод. рукоп. Житій святыхъ, XI в., № 183, 13-ть стр. текста и 30-ть табл. Въ 3-мъ: Синод. рукописи: Слова Григ. Богослова, X в., № 61, и Новый Завѣтъ съ Псалтирью, XII в., № 407, 18-ть стр. текста и 26-ть таблицъ со снимками. Имени автора текста и редактора изданія не означено.

3) Замѣчательное открытіе въ Древне-Русскомъ книжномъ мірѣ. Первая книга, напечатанная докт. Фр. Скориной (Псалтирь).

Въ Бесѣдѣ Обществѣ люб. Рос. слов. Вып. I. М. *1867 г.*, отд. I, стр. 1—27, и отдѣльно.

4) Собраніе Славянскихъ книгъ церковной печати *И. Я. Лукашевича*. Въ газетѣ: Москва *1868 г.*, № 50, съ подписью: Л. П.

5) Славяно-Русскія рукописи *В. М. Ундольскаго*, описанныя имъ самимъ (№№ 1—579). Изд. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ. М. *1870 г.*

6) Собраніе рукописей *В. М. Ундольскаго* въ полномъ составѣ. Библіографическій очеркъ. М. *1870*. Отдѣльный оттискъ изъ предыд. изданія, гдѣ составляетъ приложеніе.

7) Очеркъ Славяно-Русской библіографіи *В. М. Ундольскаго*, съ дополненіями *А. Ѳ. Бычкова* и *А. Е. Викторова*. Изд. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ. М. *1871*.

8) Каталогъ Славяно-Русс. рукописей *Д. Пискарева*. М. *1871 г.* Составляетъ приложеніе къ Отчету Моск. Публ. и Рум. Музеевъ за 1867—1869 гг.

9) Бумаги *Н. В. Сушкова*. Моск. Вѣд. *1872 г.*, № 107, и въ отд. оттискѣ.

10) Обозрѣніе старинныхъ описей патріаршей ризницы. Въ Вѣстникѣ Общества Древне-Русс. искусства на *1874—1876 г.*, и въ отдѣльномъ оттискѣ.

11) Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ, 1584—1725 г., хранящихся въ архивѣ Оружейной палаты. Вып. I. М. *1877*.

12) Описаніе рукописей и бумагъ *В. И. Григоровича*. Отд. оттискъ изъ Отчета Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ за 1876—1878 гг. М. *1879*.

13) Описаніе рукописей, старопеч. книгъ, актовъ, автографовъ и проч., поступившихъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи, *съ 1862 по 1878 г.*, въ отчетахъ по отдѣленію рукописей Музеевъ. Входитъ въ составъ общихъ отчетовъ по Музеямъ, именно: въ отчетъ до 1-го генв. 1864 г. стр. 12—33, 39—61 и 132—135; въ отч. за 1864 г. стр. 1—16; въ отч. за 1865 г. стр. 1—14; въ отч. за 1867—1869 г. стр. I—

IV и 1—83; въ отч. за 1870—1872 г. стр. 1—31, 34—38 и 45—86; въ отч. за 1873—1875 г. стр. 1—68; въ отч. за 1876—1878 г. стр. 1—112.

II. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

1) Библіотека и историческая дѣятельность Моск. Синод. типографіи (по поводу статьи *П. А. Безсонова*: «Типографская библіотека въ Москвѣ). Московск. Вѣд. *1859 г.*, №№ 285, 288 и 291, и въ отд. оттискѣ.

2) Историческая дѣятельность Моск. Синод. типографіи. Продолженіе предыдущей статьи. Газета: Наше Время *1860 года*, №№ 5, 8, 10 и 12.

3) Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus). Въ Лѣтоп. Русс. лит. и древн. *Н. Тихонравова*, Т. II и III, *1859—61*, и въ видѣ отдѣльнаго оттиска.

4) Рецензія на изданіе епископа Саввы: Палеографическіе снимки съ рукописей Моск. Синод. библіотеки. Въ Русс. Арх. *1863 г.*, №№ 5 и 6, стр. 487—492.

5) По поводу замѣтки г. *Веселовскаго* о томъ же изданіи. Въ Спб. Вѣд. *1863 г.*, № 191, съ подписью: Любитель палеографіи.

6) Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ Апостоловъ. Писано въ 1858 г., напеч. въ Кирилло-Меѳод. Сборникѣ *М. П. Погодина*. М. *1865 г.*, стр. 343—440, и въ отд. оттискѣ.

7) Не было ли въ Москвѣ, опытовъ книгопечатанія прежде 1564 г.? Въ Трудахъ 3-го (Кіевскаго) археол. съѣзда. Кіевъ, *1878 года*, II, стр. 211—220.

III. ИЗДАНІЯ ПАМЯТНИКОВЪ.

1) Апологъ отъ нравоученія Кирилла Александрійскаго по рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря. Въ Лѣтописяхъ Русс. литературы, IV, *1862 г.*

2) Опись библіотеки іеромонаха Евѳимія. Въ Лѣтописяхъ Рус. литературы, V, *1863 г.*

3) Похвала Кириллу и Меѳодію по рукописи Севастьянова XIV в.; «Слово на принесеніе мощемъ преславнаго Климента, историческую имуще бесѣду», по Макар. Четь-Мин., и такъ наз. Италіанская легенда о Кириллѣ и Меѳодіи, въ новомъ переводѣ, по Румянц. рукописи № 151. Напеч. въ Кирилло-Меѳ. Сборникѣ, М. *1865 г.*, стр. 309—312 и 318—342.

4) Кіево-Печерскій Патерикъ по Румянц. рукописи XV в. № 305, въ переводѣ на Русс. языкъ Маріи Викторовой, съ предисл., подписаннымъ буквами: А. В. Кіевъ, *1870 г.*

5) Собственноручныя письма Императрицы Екатерины II къ *А. В. Храповицкому*. Въ Русс. Арх. *1872 г.*, № XI, стр. 2062—2097, и въ отд. оттискѣ.

6) Два памятника Русскаго монастырскаго быта XVII вѣка: Письмо Нектарія, архіеп. Сибирскаго († 1665), и Колязинская челобитная, съ предисловіемъ, подписаннымъ буквами: Л. П. Въ Русс. Арх. *1873 г.*, № 9, стр. 1770—1782.

7) Опись патріаршей ризницы 1631 г. Въ Вѣстникѣ Общ. Древне-Рус. искусства на *1874—1876 г.*, и въ отд. оттискѣ.

8) Опись ветхостей въ башняхъ и стѣнахъ Моск. Кремля, Китая города и Бѣлаго города, 1667 года, по рукописи Моск. Публ. Муз. № 1390. Въ Чт. Общ. ист. и древн. *1877 г.*, кн. II, Смѣсь, стр. 1—16.

9) Стефанитъ и Ихнилатъ по тремъ древнѣйшимъ спискамъ: Севастьяновскому и Синодальному XV в. и по списку *Григоровича* (въ отрывкахъ) XIII—XIV в. Изданіе Общ. любит. древней письменности. Выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ текущаго, или въ началѣ слѣдующаго года.

IV. смѣсь.

1) Описаніе этногр. музея *Густ. Клемма*. Перев. съ Нѣм., напеч. въ Москвит. *1853 г.*, № 16, стр. 169—184 (въ письмѣ Погодина изъ-за границы). Безъ подписи.

2) Великая княгиня Евфимія, основательница Вознесенскаго женскаго монастыря, что въ Московскомъ Кремлѣ. М. *1857 г.* Безъ означенія имени автора.

3) Рецензія на книгу: Протоіерей Ѳ. А. Голубинскій. Москвит. *1855 г.*, № 7, стр. 145—149. Безъ подписи.

4) Епархіальная Публичная библіотека для Моск. духовенства. Моск. Вѣд. *1862 г.*, №№ 172, 173 и 181.

5) Извлеченіе изъ статьи *В. Ундольскаго*: «Объ открытіи и изданіи твореній Климента, еп. словенска». Бесѣды въ Общ. любителей Росс. слов. М. *1867 г.*, I, стр. 31—38, съ подписью подъ примѣчаніемъ: «Редакція».

6) Объ изданіяхъ Московскаго Публич. и Румянц. Музеевъ по отдѣленію рукописей и Славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. *1867 г.*, іюль, стр. 243—256. Безъ имени автора.

7) Предположеніе объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ женскаго университета. Газета Погодина: Русскій *1868 г.*, №№ 4, 25 и 26.

8) Историческая объяснительная записка къ проекту новаго устава и штата Моск. Публ. и Рум. Музеевъ. Напеч. *въ 1872 г.*, безъ озн. года, въ л., на 74 стр., въ видѣ рукописи, и въ свѣтъ не была выпущена.

б) Библіографическія и другія работы ненапечатанныя.

1) Работы (въ теченіе *1852 — 1855 гг.*) по сличенію Славянскаго перевода Хроники Іоанна Малалы съ Греческимъ подлинникомъ. Результаты этихъ работъ отмѣчены на поляхъ извѣстнаго Архивскаго сборника XV в. и Синод. Хронографа № 280, а также на поляхъ Архивскаго экземпляра греч. Боннскаго изданія Малалы.

2) Описаніе Макарьевскихъ Четь-Миней по обоимъ синодальнымъ спискамъ, въ сличеніи со спискомъ Новг. Софійскаго собора (нынѣ Спб. Дух. Ак.) и съ хранящимися въ разныхъ

библіотекахъ Четь-Минеями старшихъ и позднѣйшихъ редакцій. При этомъ, какъ пособіе для указанія подлинниковъ житій Греческихъ святыхъ, алфавитный указатель Греческихъ житій и похвальныхъ словъ, входящихъ въ составъ Греческихъ Четь-Миней Моск. Синод. библіотеки, составленный по самымъ рукописямъ. Названная работа произведена въ *1855—1860 г.* и потомъ, по разнымъ причинамъ, прекращена. Въ настоящее время предполагается обратить ее въ Сводный Алфавитъ Славянскихъ житій, вошедшихъ въ составъ Славянскихъ Четь-Миней всѣхъ редакцій, съ указаніемъ при житіяхъ Восточной церкви Греческихъ подлинниковъ, извѣстныхъ по каталогамъ Греческихъ рукописей Европейскихъ библіотекъ и имѣющихся въ Моск. Синодальной библіотекѣ, а также вошедшихъ въ составъ Acta SS. и другихъ изданій. Въ результатѣ этой работы ожидаются, между прочимъ, данныя для рѣшенія вопроса: какія изъ житій Греческихъ святыхъ сохранились только въ Славянскихъ переводахъ.

3) Описаніе рукописей и актовъ, хранящихся въ государственномъ древлехранилищѣ въ теремахъ большаго Кремлевскаго дворца, составленное по порученію Московской Дворцовой Конторы, *въ 1873 г.* Работа оконченная и готовая къ печати. Подлинникъ ея въ дѣлахъ Московской Дворцовой Конторы; копія—въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Ссылки на это описаніе и выписки изъ него находятся въ предисловіи къ новой перепечаткѣ (М. 1879 г.) изданія Калайдовича и Строева: Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV.

4) Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ. Выпускъ II и послѣдній, въ составъ котораго входятъ записныя книги и документы: Приказа Оружейной палаты, Серебряной и Золотой палаты, Приказа Государевыхъ тайныхъ дѣлъ и Государева (Петра I) кабинета; также описи дворцовыхъ церквей, остатки царскаго книгохранилища и проч.

5) Описаніе Греческихъ и Славянскихъ рукописей и фотографическихъ снимковъ съ Аѳонскихъ рукописей и актовъ *П. И. Севастьянова*, хранящихся въ Моск. Публичномъ Музеѣ.

6) Описаніе рукописей и важнѣйшихъ историческихъ и юридическихъ актовъ, пріобрѣтенныхъ Московскимъ Публичнымъ Музеемъ послѣ проф. *И. Д. Бѣляева.*

Два послѣднія описанія въ томъ объемѣ и характерѣ, какъ и описаніе рукописей *Григоровича*, управленіемъ Музея предположено напечатать къ 50-ти лѣтнему юбилею Румянцовскаго Музея.

7) Краткое описаніе (въ родѣ Указателя Славянскихъ рукописей Моск. Синод. библіотеки) замѣчательнѣйшихъ рукописей сѣверныхъ библіотекъ:

I. Архангельской духовной семинаріи (до 308 рукоп.).

II. Анзерскаго и Голгоѳскаго скитовъ (въ Солов. мон., — 69-ть рукоп.).

III. Антоніева Сійскаго монастыря (до 250 рукописей).

IV. Петрозаводскаго архіерейскаго дома, Петрозаводскаго собора и музея (до 100 рукописей).

V. Александро-Свирскаго монастыря (до 80-ти рукописей).

Названныя собранія были осмотрѣны составителемъ описанія ихъ въ двѣ поѣздки на сѣверъ *въ 1876 и 1877 гг.*, но, по краткости времени, хранящіяся въ этихъ собраніяхъ рукописи описаны не всѣ, а только болѣе замѣчательныя, именно памятники литературнаго содержанія; изъ богослужебныхъ же рукописей только тѣ, которыя не моложе XVI в., или же замѣчательны въ другихъ отношеніяхъ. Работа эта предназначена къ напечатанію въ Лѣтописяхъ занятій Археографической Коммиссіи.

8) Систематическій каталогъ Славянскихъ церковнопечатныхъ книгъ, по экземплярамъ осмотрѣннымъ въ разныхъ библіотекахъ лично, по документамъ Московскаго типогр. архива и проч., съ показаніемъ, при исчисленіи изданій одного и того же памятника, приблизительнаго отношенія текста послѣдующаго изданія къ предыдущему, съ означеніемъ теперешняго мѣста храненія болѣе рѣдкихъ книгъ, и проч. Въ видѣ введенія къ каталогу будетъ предпослано обозрѣніе болѣе замѣчательныхъ собраній старопечатныхъ книгъ и важнѣйшихъ библіографическихъ пособій. Работа неконченная.

9) Книгопечатаніе въ Россіи въ XVI вѣкѣ, прежде и около времени изданія Иваномъ Ѳедоровымъ Апостола 1564 г. Книги, напечатанныя безъ означ. мѣста и года печатанія въ Москвѣ, Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ, съ приложеніемъ снимковъ. Извлеченіе изъ этой статьи было читано авторомъ на Кіевскомъ Археол. съѣздѣ и напеч. въ Трудахъ этого съѣзда (см. выше).

II.

Выписки изъ частныхъ писемъ и записокъ А. Е. Викторова къ И. И. Срезневскому.

. . . . . Проведенные мною четыре года въ Академіи (1846—1850 г.) не имѣютъ ни малѣйшей связи съ послѣдующими моими занятіями и нисколько не подготовили меня къ нимъ, по крайней мѣрѣ не дали рѣшительно никакихъ подготовительныхъ знаній. Изъ Академіи, благодаря господствовавшему въ ней въ то время обычаю писать большія сочиненія на заданныя темы, не стѣсняясь сроками, я вынесъ только логическую выправку и умѣнье самостоятельно работать въ какой бы то ни было области; по практическимъ же знаніямъ—знакомство съ модною въ то время Гегелевскою и вообще Германскою философіей и потомъ съ новою Русской литературой. Въ послѣдствіи не разъ и мнѣ и моимъ товарищамъ приходилось жалѣть, что и богословскими-то знаніями не снабдили насъ какъ слѣдуетъ. Отчета въ лекціяхъ въ то время съ студентовъ не спрашивали; а имъ то и на руку: сидятъ себѣ и упитываются статьями Бѣлинскаго, или роются въ Латинскихъ фоліантахъ, отыскивая матеріалы на заданныя темы. Что же до меня, то, на бѣду, въ послѣдніе два года академическаго курса я почти все время проболѣлъ, и по этому не могъ заручиться даже тѣми знаніями, которыми могли запастись мои товарищи. Горскаго мнѣ пришлось слушать очень не много, и то по всеобщей исторіи церкви. Но тѣмъ не менѣе лекціи его возбудили во мнѣ интересъ къ церковной исторіи, и я, бывши студентомъ, про-

челъ нѣсколько томовъ Неандера. При томъ же по этому предмету Горскій читалъ только около 10-ти лекцій, не больше. Вообще, при выходѣ изъ Академіи, и я, и многіе изъ моихъ товарищей ясно сознавали, что мы оставляемъ свою Alma mater почти что съ тѣми же фактическими знаніями, съ какими вышли изъ семинаріи, съ тою лишь разницею, что многое изъ прежняго позабыли и выучились обо всемъ толковать свысока.

. . . . . Въ 1861 г., благодаря рекомендаціи Ѳ. И. Буслаева, я переселился на службу въ библіотеку Моск. Университета на должность помощника библіотекаря, а потомъ въ 1862 г., благодаря также рекомендаціи Буслаева, перешелъ на мѣсто настоящей моей службы въ Музей.

Но добрѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ занимаетъ въ моей жизни роль несравненно большую. Я всегда чтилъ его, чту и буду чтить какъ истиннаго своего воспитателя, учителя и руководителя. И если, принявшись за рукописи безъ всякой подготовки и занимаясь ими ощупью, въ послѣдствіи я сталъ немножко понимать въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многомъ другомъ, толкъ: то этимъ обязанъ именно Ѳедору Ивановичу, съ которымъ находился въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ 1855 г. Знакомство съ Буслаевымъ, какъ и съ Шевыревымъ и Бодянскимъ, было сведено мною у Саввы, когда они (въ 1854 г.) работали надъ Синодальными рукописями для изготовленія извѣстнаго юбилейнаго изданія. Такъ какъ въ теченіе 1852 — 1858 г. я бывалъ у Саввы если не каждый день, то непремѣнно черезъ день, и послѣ обѣда, или вечерняго чая, обыкновенно уходилъ въ кабинетъ работать надъ рукописями, гдѣ обыкновенно работали и университетскіе профессора, то знакомство съ ними было совершенно естественно . . . . . Съ Буслаевымъ у меня съ самаго перваго знакомства начались сношенія самыя дружественныя, которыя потомъ утвер-

дились окончательно съ 1856 года, когда, по его приглашенію, я поступилъ учителемъ Русскаго языка и словесности въ Маріинско-Ермоловское женское заведеніе, гдѣ Буслаевъ съ 1855 года былъ инспекторомъ преподаванія . . . .

Какъ вы знаете, Буслаевъ въ то время съ жаромъ пропагандировалъ изученіе въ нашихъ школахъ Славянскаго языка и Древне-Русской литературы, и мнѣ именно, по инструкціи данной Буслаевымъ, пришлось едва ли не первому приложить эту пропаганду къ дѣлу. Согласно съ данной мнѣ Буслаевымъ инструкціей, я долженъ былъ преподавать: 1) грамматику Русскаго языка сравнительно съ Церковно-Славянскимъ; 2) исторію Древне-Русской и новой литературы по памятникамъ; 3) по памятникамъ же знакомить своихъ слушательницъ съ главнѣйшими представителями литературы Греческой, Римской и Итальянской. Для большаго удобства, всѣ эти предметы были распредѣлены начиная съ низшихъ классовъ, на примѣръ: въ маленькихъ классахъ я читалъ съ воспитанницами Гомера, Русскія былины, многое изъ Пушкина и Жуковскаго; въ среднихъ — оды Пиндара, Горація (конечно въ переводѣ), Данта. . . . ; въ высшихъ — Греческихъ трагиковъ, Греческихъ и Римскихъ историковъ . . . и Древне-Русскихъ писателей,—а затѣмъ уже передавалъ теоретическія понятія, какъ выводъ изъ прежде прочитаннаго. Опытъ удался какъ нельзя лучше; экзамены производились у меня по такой широкой программѣ, какая въ то время не практиковалась ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, ни мужскихъ, ни тѣмъ болѣе женскихъ . . . . .

Считаю лишнимъ упоминать, что добрѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ постоянно руководствовалъ меня въ этомъ дѣлѣ совѣтами и снабжалъ книгами, и всегда поощрялъ и одушевлялъ меня въ моихъ занятіяхъ. Вообще попавши въ школу къ Буслаеву, я истинно прозрѣлъ и нѣкоторымъ образомъ прошелъ подъ его руководствомъ университетскій курсъ.

. . . . . Въ наше время Голубинскій, какъ профессоръ философіи, преслѣдуемый со стороны Филарета подозрѣніями во всѣхъ возможныхъ ересяхъ, читалъ собственно Христіанскую философію въ одинъ тонъ съ Баадеромъ. По этому лекціи его намъ казались скучными и мы очень лѣниво слушали ихъ. Но за то Голубинскій былъ чрезвычайно интересенъ въ домашнихъ, частныхъ бесѣдахъ. Я сблизился съ нимъ по тому поводу, что около года работалъ надъ сочиненіемъ на заданную имъ тему: «Правда ли, что первый человѣкъ находился на степени животности, и потомъ мало по малу достигалъ образованія?» По этому поводу, согласно рекомендаціи Голубинскаго, я перечиталъ всѣхъ философовъ исторіи и прогрессистовъ, начиная съ Вико до Гегеля включительно. Но у Гегеля многаго я конечно не могъ понять, а потому и обращался за толкованіями къ Голубинскому же.

И вотъ тутъ то я и имѣлъ случай убѣдиться въ обширныхъ его свѣдѣніяхъ по философіи. Случалось, что онъ просиживалъ со мною надъ Гегелемъ часа по четыре къ ряду, и однако жь за это время мы прочитывали только по нѣскольку страницъ. Это потому, что Голубинскій постоянно прерывалъ историко-философскими толкованіями. Бывало остановится на какомъ нибудь Гегелевскомъ тезисѣ и начнетъ разсказывать исторію его, начиная съ Платона и Аристотеля. Вотъ почему я очень высоко ставилъ Голубинскаго, не смотря на сухость читанныхъ имъ намъ лекцій.

. . . . . Тихонравову я очень благодаренъ за многое и многое, и прежде всего за то, что съ перваго же нашего знакомства (въ 1855-хъ годахъ) онъ относился ко мнѣ какъ равный къ равному, что̀ для поддержки моего забитаго академическаго сознанія было очень важно. Но, собственно говоря, по занятіямъ въ то время, да и послѣ мы были товарищами. Онъ бывало дѣлился со мною своими

свѣдѣніями, я своими. Больше всего мы сходились въ методѣ преподаванія Русской словесности, такъ какъ оба находились подъ руководствомъ одного и того же наставника, т. е. Буслаева. Но потомъ мѣнялись своими свѣдѣніями и по части рукописей.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ и ПРЕДМЕТОВЪ,

упоминаемыхъ

ВЪ XXI ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

Абдулъ-Гамидъ. Непріязненныя дѣйствія по отношенію къ Россіи **4**. 100—102. **4**. 289.

Абхазцы. Культъ св. Георгія. **2**. 59.

Августъ II, король Польскій. Отношеніе къ разновѣрнымъ подданнымъ **3**. 5. Привилегія въ защиту бѣлорусской епархіи. **3**, 12. Декреты о возвращеніи православныхъ церквей. **3**. 14.

Августъ III, король Польскій. Обѣщанія въ пользу православныхъ. **3**. 18. Отвѣтъ Елизаветѣ Петровнѣ на грамоту 1743 г. **3**. 29—30.

Авлита святой. Чествованіе у Сванетовъ и Грузинъ. **2**. 59.

Агрикъ антіохійскій. Чудо св. Николая съ его сыномъ. **2**. 17.

Академія Россійская. По вопросу о преобразованіи ея. **7**. 1—6.

Александра Павловна, вел. княжна. Екатерина II о ней. **4**. 265.

Александръ, императоръ, запрещаетъ изгонять изъ печати букву ъ, **7**. 14.

Александръ Павловичъ, вел. князь. Эпизодъ по поводу комедіи «Обманщикъ». **4**. 253—254. О его воспитаніи. **4**. 263—264.

Альмидоръ, король Марокко. Козни противъ св. Георгія. **2**. 110—111.

Анагита. Культъ ея. **2**. 69.

Ангальтъ Фридрихъ, графъ. Екатерина II о немъ. **4.** 282—284.

Антіохія. Пріуроченіе къ ней Марины и Георгія. **2.** 80—81.

Антонинъ изъ Пьяченцы, путешественникъ. Упоминаетъ о Діосполѣ, какъ мѣстѣ погребенія св. Георгія. **2.** 30.

Аркадій, архіепископъ Кипрскій. Его слово. **2.** 23.

Аркетти, папскій нунцій. Екатерина II въ его запискахъ. **4.** 12—13.

Аркульфъ, епископъ. Разсказы изъ путешествія по святымъ мѣстамъ: **2.** 33. О чудесахъ Георгія. **2.** 34.

Армазъ. Чествованіе его въ Грузіи. **2.** 68.

Ацхури, деревня. Празднованіе Георгію. **2.** 62—63. Значеніе празднованія. **2.** 64—65.

Аѳанасьевъ. О празднованіи Лелѣ и обрядахъ на Ильинъ день. **2.** 156—157.

Б. Александръ. Его книга по изслѣдованію раскола. **1.** 1.

Базедовъ. Мнѣніе Гримма о его Филантропинѣ. **4.** 43.

Бальи. Отзывъ Екатерины II о его сочиненіяхъ, подарокъ ему и судьба Бальи. **4.** 271—273.

Барсовъ Е. В. Его труды по изслѣдованію раскольничьей литературы. **1.** 2.

Барсовъ Н. И., профессоръ. Благодарность Отдѣленія за трудъ его надъ рукописями Павскаго IV.

Бауеръ, Ѳедоръ Васильевичъ, инженеръ. Свѣдѣнія о его жизни, участіе къ нему Екатерины II. **4.** 187—190.

Бахчисарай, въ письмахъ Екатерины II. **4.** 296, 299.

Безбородко, графъ. Отношеніе къ нему Екатерины II. **4.** 202—203.

Бенедиктъ XIV, папа. Булла на имя коронпаго канцлера, графа Малаховскаго. **3.** 62.

Берло Арсеній, епископъ-администраторъ Бѣлорусскій. Интриги противъ него и судьба. **3.** 17.

Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Петровичъ, чрезвычайный посланникъ въ Польшѣ. Надежды на него Синода **3.** 32—33. Письма къ Волчанскому и Слуцкому архимандриту **3.** 43—44 Настаиваетъ на открытіи коммиссіи. **3.** 55.

Бецкій. Отношеніе его кь Бобринскому Алексѣю **4.** 150—157. Какъ чтецъ Екатерины II. **4.** 204—205.

Бечойское ущелье. Сказаніе о св. Георгіи. **2.** 54.

Библіологическій словарь Строева. **7.** 16—17.

Биллингсъ, начальникъ экспедиціи. **4.** 267—268.

Биронъ, маршалъ. Выручаетъ русскихъ путешественниковъ **4.** 199—200.

Бобринскій Алексѣй, графъ. Отзывъ о немъ Екатерины II и участіе къ нему. **4.** 150—159.

Богдановичъ, Ип. собиратель русскихъ пословицъ. **4.** 250.

Богувица-коровай. Дѣйствія надъ богувицей въ день Θеодора святаго. **2.** 7, въ Юрьевъ день. **2.** 153—154.

Бодуэнъ, И. А., профессоръ. О Резіянахъ. Значеніе изслѣдованія. **5.** 1—2. О Резіянскихъ говорахъ. **5.** 35—47.

Бой съ змѣемъ св. Георгія. **2.** 109—114.

Болгаре. Народные обычаи въ день св. Θеодора. **2.** 7—8. Обычай въ день св. Димитрія **2.** 7. Гаданія на Георгія **2.** 8. Обряды на день св. Георгія. **2.** 153.

Болландисты о житіи св. Георгія. **2.** 13. О св. Маранѣ. **2.** 76—77.

Бомаршэ. Нерасположеніе къ нему Екатерины II. **4.** 50—52.

Браганцскій герцогъ. Отношеніе къ нему Екатерины II. **4.** 25—26.

Брагимъ, ханъ. Егорій Храбрый убиваетъ его. **2.** 135—136.

Браницкая, графиня. Екатерина о ней. **4.** 298—299.

Брауншвейгская принцесса **Августа.** См. **Зельмира.**

Брауншвейгскій герцогъ. Переписка съ нимъ Екатерины II о принцессѣ и мнѣніе о немъ императрицы. **4.** 167—178.

Брюсъ, графъ. Благоволеніе Екатерины II. **4.** 202.

Буковина. Обычай накунунѣ Юрьева дня. **2.** 152—153.

Булгакъ, Пинскій уніатскій епископъ Обвиняетъ правосл. духовенство въ непотребныхъ поступкахъ. **3.** 25—26.

Буслаевъ, Θ. И. О значеніи его въ жизни Викторова. **8.** 20—21.

Бычковъ А. Θ., академикъ. Отзывъ о тетрадяхъ Бѣлорусскихъ пѣсенъ Шейна I. Заявилъ о просьбѣ профессора Калужняцкаго по изслѣдованію о патріархѣ Евфиміи IV. Просматривалъ рукопись Сцепуро VI. Представилъ сборникъ образцовъ болгарскаго народнаго языка VI. Представилъ отзывъ о нищенскомъ словарѣ VII. Напечаталъ словарь Строева и второй выпускъ описанія рукописныхъ сборниковъ. **7.** 16—17. Принималъ участіе въ комиссіи для описанія дѣлъ синодальнаго архива. **7.** 17.

Бѣлый Георгій, см. **Ацхури.**

Бюффонъ. Сношеніе съ нимъ Екатерины II, мысли ея по поводу его книги и отвѣтъ Бюффона на вопросы. **4.** 45—46.

Варданъ, дуксъ. Отношеніе къ св. Георгію **2.** 43.

Васильевскій, В. Г., профессоръ. Мнѣніе о списателѣ слова Аркадія Кипрскаго **2.** 23.

Верженнъ. Отношеніе къ Екатеринѣ II. **4.** 68.

Веселовскій А. Н., академикъ. Прочелъ отрывки изъ рукописей Пыпина о «Старообрядческомъ Синодикѣ» IV. Доложилъ о желаніи Сырку по составленію описанія болгарскихъ апокрифическихъ сказаній V. Заявилъ о своихъ трудахъ по изслѣдованію рус. духов. стиховъ V. Опредѣленіе Отдѣленія о трудахъ его V. Представилъ рукописный трудъ проф. Дестуниса VII. Прочелъ конспектъ своего изслѣдованія о Соловьѣ Будимировичѣ VIII. Представилъ два рукописныя изслѣдованія свои и сообщенную Барсовымъ былину IX. Ученые труды его XX—XXII. Избранъ экстраординарнымъ академикомъ XXI. О книгѣ Кирпичникова «Святой Георгій и Егорій Храбрый. **2.** 1—2. О критическихъ пріемахъ Кирпичникова **2.** 3. Объ изслѣдованіяхъ Кирпичниковымъ текстовъ житія Георгіева **2.** 19. Значеніе ученой дѣятельности Веселовскаго **7.** 17.

Видинская каза. Обряды въ Юрьевъ день **2.** 154.

Викторовъ А. Е. Значеніе его указателя для обозрѣнія Московской Патріаршей, или синодальной библіотеки **8.** 2—3. Способствуетъ обогащенію Московскаго Публичнаго музея **8.** 4—5. Обозрѣнія замѣчательныхъ рукописей **8.** 6—8. Фотографическіе снимки съ миніатюръ ученыхъ рукописей **8.** 8—9. Другіе труды Викторова **8.** 9—12. Воспоминанія его о жизни въ Академіи **8.** 19. О роли въ его жизни Буслаева **8.** 20—21, Голубинскаго и Тихонравова **8.** 22.

Виллибальдъ, святой. Разсказываетъ о культѣ св. Георгія **2.** 35.

Воейковъ, русскій посланникъ при Польскомъ дворѣ. Порученія русскаго правительства **3.** 68.

Волчанскій Іеронимъ, еп. Бѣлорусскій. Католики отказываютъ ему въ королевской привилегіи **3.** 27. Жалобы его на нападки отъ плебана **3.** 39. Обиды отъ Огинскихъ **3.** 39—40. Письмо въ коллегію на русскихъ министровъ при польскомъ дворѣ **3.** 40—41. Пререканія съ Голембовскимъ **3.** 42. Отвѣтное письмо Бестужеву на приглашеніе пріѣхать въ сеймъ **3.** 44. Опасенія вреда отъ Комиссіи **3.** 48—51. Объясненія на донесенія Голембовскаго **3.** 53—54. Потребованъ въ Варшаву на судъ за неправыя жалобы **3.** 57. Судъ надъ нимъ **3.** 59. Жалобы на насилія надъ православными **3.** 60.

Волчанскій Іосифъ, епископъ Бѣлорусскій **3.** 17. Донесенія Синоду о притѣсненіяхъ православнымъ **3.** 18.

Вольтеръ, Екатерина II о немъ **4.** 109. О подражателяхъ его **4.** 231—232.

Вольфдитрихъ. Сближеніе сказанія съ Георгіемъ **2.** 10, 123—124.

Вяземскій князь, генералъ-прокуроръ. Екатерина II о немъ **4.** 194—196, **4.** 292.

Галіани, аббатъ, Екатерина II высоко цѣнитъ его и желаетъ получить его изданія **4.** 268—270.

Hans, сближеніе имени **2.** 99—100.

Ганушъ, объясняетъ образъ гремящаго Петра **2.** 95—96.

Генрихъ Прусскій, наслѣдный принцъ. Отзывъ Екатерины II **4.** 22. Слухъ о его сумасшествіи **4.** 79, 81—82. Разъясненіе охлажденія между принцемъ и Екатериною II **4.** 83—88.

Георги, профессоръ. Екатерина II о его книгѣ **4.** 222—223.

Георгіанцы-секта въ Осетіи. Образованіе ея **2.** 57—58.

Георгій, витязь въ румынской сказкѣ **2.** 114—118.

Георгій, святой. Отношеніе Георгія къ Θеодору Стратилату и Димитрію Солунскому **2.** 5, 19, 158. Покровительственное отношеніе къ животнымъ **2.** 6. Народные обычаи въ день Георгія **2.** 7—8. Повѣрья на Георгія **2.** 8. Георгій побѣдитель **2.** 9—10. Чудо Георгія съ змѣемъ. **2.** 12, 50, 70—71. **2.** 138—139, **2.** 143—144. Чудо съ мальчикомъ **2.** 17. Славянскіе тексты о Георгіи **2.** 23. Мѣсторожденіе **2.** 27—28. Отношеніе къ Θеодору Сикеоту **2.** 31—32. О смерти Георгія **2.** 33. Смѣшеніе Георгія великомученика съ Георгіемъ исповѣдникомъ **2.** 34. Храмы Георгію **2.** 48—49. Изображенія его чудесъ **2.** 53—54. Чествованіе у Осетинъ Уастырджи **2.** 55. Названія Георгія у Грузинъ **2.** 60. Время чествованія Георгія у кавказскихъ горцевъ **2.** 65. Смѣшеніе съ Ильею пророкомъ **2.** 86—87. Георгій поражаетъ чудовище **2.** 88—89. Является спасителемъ царевны **2.** 89—91. Пересказы чуда Георгія **2.** 104—107. Чествованіе въ Англіи **2.** 108—109. Отношеніе къ Сабрѣ **2.** 109—112. Георгій въ анг. балладѣ **2.** 112—113. Чудесное рожденіе Георгія **2.** 113—114, 122. Духовные стихи о чудѣ съ змѣемъ **2.** 125. Отношеніе къ лунѣ **2.** 133. Сближеніе стиха о чудѣ съ змѣемъ съ стихомъ о св. Θеодорѣ **2.** 134—136. Встрѣча его съ сестрами, съ змѣемъ и птицей **2.** 144—145. Отождествленіе Георгія съ Егоріемъ **2.** 151—152.

Георгъ, принцъ Вельсскій. Отзывъ о немъ Гримма **4** 96.

Гера городъ. По поводу его пожара **4.** 278.

Гернгутеры. Мнѣніе Екатерины II **4.** 60.

Геронтій, отецъ Георгія. Отношенія къ сыну **2.** 26, 43. Представляется мученикомъ **2.** 47. Объясненіе имени **2.** 122.

Глутоновичъ, Бахусъ, см. **Сутерландъ**, банкиръ.

Годская, полька, см. **Нассауская** принцесса.

Голембовскій, Петръ, русскій резидентъ при польскомъ дворѣ. Письма объ обидахъ православнымъ **3.** 19—20. Донесеніе на рескриптъ **3.** 22—23. Недовольство дѣйствіями Голембовскаго **3.** 24. Совѣты его

православному духовенству **3.** 28. Обвиненія прав. духовенства **3.** 42, 44—45, 47—48. Оправданіе во взводимыхъ на него опущеніяхъ **3.** 52.

Головкинъ, канцлеръ, сообщаетъ папѣ о гоненіяхъ на православную церковь со стороны католиковъ **3.** 14.

Голубинскій, какъ профессоръ философіи, по воспоминаніямъ Викторова **8.** 22.

Gretl. Сближеніе имени **2.** 99—100.

Грецін. Празднованіе на Юрьевъ день **2.** 156—157.

Григорій Великій, папа. Его отношеніе къ Траяну **2.** 74—75.

Гриммъ. Не раздѣляетъ расположенія Екатерины II къ Іезуитамъ **4.** 6—10. Ходатайствуетъ за прядильщиковъ **4.** 15. Письмо отвѣтное о панихидѣ Вольтера **4.** 18—19. Недовѣріе къ искренности намѣреній Іосифа II **4.** 19—20. О наслѣдномъ принцѣ Прусскомъ **4.** 21, 23—24. Мечта о посѣщеніи Россіи Людовикомъ XVI **4.** 24. О князѣ де Линѣ **4.** 26—27. Общая характеристика его писемъ къ Екатеринѣ **4.** 27. Письма по поводу титула Великой **4.** 27—29. Записки о школахъ **4.** 30, 32. Предложеніе Екатерины II **4.** 32—34. О баронѣ Дальбергѣ **4.** 36. Мнѣніе о Филантропинѣ Базедова **4.** 43. О Бюффонѣ **4** 46—48. По поводу изданія сочиненій Вольтера **4.** 50—52. О графѣ Каліостро **4.** 54. О политическомъ положеніи Екатерины II **4.** 62—63. О вооруженномъ нейтралитетѣ **4.** 63. Изображаетъ положеніе Португаліи, Англіи, Франціи **4.** 63—66. Отзывъ о государственныхъ людяхъ Людовика XVI **4.** 68—72. О сочиненіяхъ Фридриха II **4.** 77—79. Личный характеръ Гримма и тонъ его переписи **4.** 82—87, 110—111, 196—197. Отзывъ о принцѣ Генрихѣ **4.** 88, объ Іосифѣ **4.** 85—91, о Георгѣ III **4.** 92—95. Объ англійской политикѣ **4.** 95. О принцѣ Вельсскомъ **4.** 96. Старается отклонить Екатерину отъ войны съ Турціей. **4.** 101. Посланіе къ Екатеринѣ изъ Америки. **4.** 105—107. По поводу празднованія двадцатилѣтія царствованія Екатерины. **4.** 114. Сообщаетъ заграничные толки о дѣлахъ въ Польшѣ. **4.** 118. По поводу пожара въ Кронштадтѣ. **4.** 122. Пожалованъ орденомъ св. Владиміра. **4.** 125—126. Гриммъ въ переепскѣ съ Ланскимъ. **4.** 143—144. По поводу Бобринскаго Алексѣя. **4** 150—159. О молодой четѣ (Виртембергской). **4.** 159—178. Гриммъ объ Орловѣ Григоріи. **4.** 181—184. Описываетъ заграничныя празднества въ честь имп. Екатерины. **4.** 197—198. О репутаціи русскихъ путешественниковъ. **4.** 199—200. О французѣ Жиллэ. **4.** 205. Заботится о русскомъ курсѣ. **4.** 226—228. Желаетъ переписать съ комментаріями письма Екатерины. **4.** 274. Извѣщаетъ о пожарѣ Парижской оперы. **4.** 277. По поводу пожара въ австрійскихъ городахъ. **4.** 277—278. Посылаетъ государынѣ подарки. **4.** 279.

Гродно, см. **Сеймъ въ Гроднѣ.**

Гроссъ чрезвычайный посолъ при польскомъ дворѣ. Меморіалъ королю о преслѣдованіи православныхъ. **3.** 61.

Гротъ Я. К., академикъ. Заявилъ о трудахъ своихъ надъ языкомъ Державина I. Читалъ выдержки изъ статьи о языкѣ Державина III. Мнѣніе его о рукописи В. И. Срезневскаго по составленію словаря къ баснямъ Крылова. III. Доложилъ о надобности просмотра для біографіи Державина журналовъ Комитета Министровъ. IV, **7.** 9. Разсматривалъ трудъ Заруднаго. IV. Доложилъ о рукописныхъ томахъ «Матеріаловъ для русскаго корнеслова» Павскаго. IV. Представилъ рукописные матеріалы Павскаго V. Прочелъ письмо проф. Ягича о согласіи его на избраніе въ члены Отдѣленія. V. Заявилъ о грамматическихъ статьяхъ учителя Дмитревскаго VI. Доложилъ, что писатель Островскій занимается составленіемъ матеріаловъ для словаря руск. народнаго языка. VII. Составилъ записку объ ученыхъ трудахъ Ягича. XI—XIX, объ ученыхъ трудахъ А. Н. Веселовскаго. XX—XXII. Издаетъ сочиненія и переписку Плетнева. **7.** 10, письма Гримма къ Екатеринѣ II. **7.** 10. Сущность мнѣнія его о трудѣ Заруднаго. **7.** 11—12. Значеніе его «Филологическихъ разысканій». **7.** 12, 16; составляетъ русскую грамматику. **7.** 12.

Грузія, Распространенность культа св. Георгія. **2.** 51—53, **2.** 153. Названія Георгія. **2.** 60.

Грыневичъ, Симонъ, плебанъ Могилевскій. Нападки на православныхъ. **3.** 39.

Гумбольдтъ Александръ, натуралистъ, противникъ буквы ъ. **7.** 13—14.

Гурійскія церкви. Изображеніе Георгія. **2.** 54.

Густавъ III. На водахъ въ Спа. **4.** 96. Въ Фридрихсгамѣ. **4.** 97.

Герцъ, прусскій посланникъ. Нерасположеніе къ нему Екатерины II. **4.** 159, 164.

Huon de Bordeaux, содержаніе эпизода пролога. **2.** 105 — 107. Сходство съ церковнымъ преданіемъ о Георгіи. **2.** 122.

Д'Аламберъ. Отзывъ о немъ и энциклопедистахъ Екатерины II. **4.** 273—274.

Дадіанъ, топархъ, мучитель Георгія. **2.** 22, 43—46, **2.** 139, **2.** 141.

Дадьянъ объясняетъ Демьянище русскихъ духовныхъ стиховъ. **2.** 15.

Дальбергъ, баронъ. Записка о школьномъ дѣлѣ. **4.** 34.

Даничичъ. Значеніе редактируемаго имъ словаря хорватскаго нарѣчія VI. **1.**

Даціанъ könig, keiser, мучитель Георгія. **2.** 45.

Дашкова княгиня, президентъ академіи. Столкновеніе съ Екатериной II. **4**. 201—202.

Де-Линь князь. Екатерина II о немъ **4**. 25, **4**. 296 Сопровождаетъ Екатерину въ путешествіи. **4**. 284, 289, 297.

Дестуннсъ, профессоръ. Опредѣленіе Отдѣленія о рукописномъ трудѣ его греческой былины. VII. Исправилъ чтеніе и толкованіе палимпсеста **2**. 22.

Дигеннсъ-Акритъ, эпическій герой Каппадокіи. **2**. 50. Битва съ дракономъ и сближеніе съ Георгіемъ. **2**. 107.

Дигорія. Сказаніе о св. Георгіи. **2**. 55—56.

Дидро, проэктъ о народномъ образованіи въ Россіи. **4**. 30 — 32. О наказѣ **4**. 117. Участіе къ его семейству Екатерины II. **4**. 273.

Димитрій Солунскій. Отношеніе его къ Егорію. 25. Покровительственное отношеніе къ животнымъ. 26. Повѣрья на Димитрія. **2**. 8.

Діоклетіанъ мучитель св. Георгія. **2**. 35, 37, 44—46, **2**. 139. Объединеніе съ змѣемъ. **2**. 137.

Діосполь-Лидда, мѣсто мученія св. Георгія. Культъ его въ Діосполѣ **2**. 29—30, 35, 37.

Діоспольскій храмъ св. Георгію. Мѣстоположеніе его. **2**. 30, 32, 35.

Дмитревскій, учитель. Заявленіе академика Грота о грамматическихъ статьяхъ его VI.

Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ. Екатерина о немъ. **4**. 284 — 285, **4**. 297.

Добрыня Никитичъ. Связь былины съ легендами о змѣеборцахъ. **2**. 159—160.

Долгорукій Сергѣй, русскій посланникъ въ Варшавѣ. Порученія Петра изслѣдовать объ обидахъ православнымъ. **3**, 13—14.

Долгоруковъ князь, посланникъ при Варшавскомъ дворѣ. Цѣль посольства. 36. Домогательства въ пользу православныхъ. **3**. 8. Представленія о свободномъ отправленіи православнаго богослуженія. **3**. 11. Порученія Петра. **3**. 12.

Домашневъ, президентъ академіи наукъ. Гоненія его на букву ъ **7**. 13—14.

Доминиканы. Оскорбленіе Конисскаго, ихъ миссіонерская дѣятельность. **3**. 65—67.

Донатъ святой. Связь его съ Георгіемъ. **2**. 12.

Донъ-Карлосъ испанскій. Екатерина II о немъ. **4**. 100.

Донъ-Феросъ де-Монбельяръ, см. **Фридрихъ Виртембергскій**.

Драконъ-змій, какъ Символъ діавола. **2**. 70.

Друцкій-Соколинскій Лаврентій, уніатскій архіепископъ. Насилія православнымъ. **3**. 14—15.

Дѣлежъ земли между святыми. **2**. 89—90.

Д'Эннис. Сочувствіе Екатерины II. **4**. 70.

Дюмарескъ, пасторъ, составитель общесравнительнаго словаря. **4**. 241.

Егорій Храбрый спасаетъ свою мать. **2**. 135—136.

Екатерина II. Отношеніе къ Іезуитамъ. **4**. 1—4. Замѣтки о папахъ и Іезуитахъ по письмамъ **4**. 5—6. О нихъ по личнымъ впечатлѣніямъ **4**. 7—9. Характеръ папства. **4**. 10. По поводу возведенія Сестренцевича въ санъ архіерея. **4**. 11—12. По поводу словаря Миллера. **4**. 15—16. Объ Іосифѣ II. **4**. 21. О наслѣдномъ принцѣ Прусскомъ. **4**. 22, о князѣ де-Линѣ. **4**. 25, о королевѣ Португальской. **4**. 26. По поводу титула Великой. **4**. 27—29. Заботы о народномъ образованіи. **4**. 29—30, 34, 44—45. Отзывъ о Дидро. **4**. 32. Предложеніе Гримму. **4**. 32—34. Мысли объ условіи истиннаго просвѣщенія. **4**. 36—37. О Бюффонѣ. **4**. 45—46. Подарки ему. **4**. 48. По поводу подарковъ. **4**. 48. О сынѣ Бюффона. **4**. 49 О Бомаршэ. **4**. 50—52. О Руссо. **4**. 52. Объ итальянкѣ Кориллѣ. **4**. 53. графѣ Каліостро. **4**. 55—57, о массонахъ. **4**. 57—59. Комедіи Екатерины. **4**. 61. Уклоняется отъ вмѣшательства въ дѣла Европы. **4**. 66—67. Отношеніе къ Людовику XVI. **4**. 67—68, 75. Благодарность Верженну. **4**. 68. О Неккерѣ. **4**. 70—74. **4**. 221, Сегюрѣ. **4**. 76—77. О Фридрихѣ II. **4**. 78—81. По поводу слуховъ о смерти ея. **4**. 80. Объ Іосифѣ II-мъ. **4**. 91. Нерасположеніе къ Георгу III и англійской политикѣ. **4**. 92, 94, 96, 99. По поводу свиданія съ Густавомъ III. **4**. 96—99. О Донъ Карлосѣ. **4**. 100. Султанѣ. **4**. 100. По поводу слуховъ о войнѣ съ Турціей. **4**. 101—102. Дѣйствія ея противъ враждебныхъ Россіи выходокъ. **4**. 104. На политическое посланіе изъ Америки. **4**. 105. По поводу путешествія Павла Петровича. **4**. 107—109. О ходѣ своихъ законодательныхъ работъ. **4**. 112—114. По поводу празднованія двадцатилѣтія царствованія. **4**. 114—115. Распредѣленіе времени. **4**. 115—116, 135. Перечень дѣлъ за 19 лѣтъ царствованія. **4**. 115. По поводу замѣчаній Дидро о наказѣ. **4**. 117. О собраніи депутатовъ, **4**. 117—118. О Нассауской прин. **4**. 119. Заботы о флотѣ. **4**. 119—122. По случаю пожара въ Кронштадтѣ и гостиномъ дворѣ. **4**. 122—123. О городскихъ постройкахъ и путяхъ сообщенія. **4**. 123. Объ основаніи Георгіевскаго капитула. **4**. 124. Объ учрежденіи ордена св. Владиміра. **4**. 124—125. По поводу открытія памятника Петру. **4**. 126—127. Описаніе комнатъ Екатерининскаго флигеля въ Царскомъ селѣ. **4**. 128—129. Описаніе колоннады. **4**. 130—131. Лѣтнія поѣздки. **4**. 133—134, 136—138. Путеше-

ствіе по каналамъ. 4. 136—139. Объ иностранныхъ проходимцахъ. 4. 141. О Лагарпѣ. 4. 108—109, 4. 142—143. О генералѣ Ланскомъ. 4. 143—144, 4. 145—150. О Бобринскомъ Алексѣѣ. 4. 150—159. О молодой четѣ (Виртембергской). 4. 159—178. Герцогу Брауншвейгскому о томъ же. 4. 167. Мнѣніе о немъ. 4. 168—178. Объ экономистахъ. 4. 179—180. О Григоріи Орловѣ. 4. 179—187. Участіе къ Бауеру. 4. 187—190. Нерасположеніе къ докторамъ. 4. 188, 190. О Шуваловѣ Ив. Ив. 4. 59, 192—194. О кн. Вяземскомъ. 4. 194—196. О Собесѣдникѣ. 4. 201—202. О Брюсѣ. 4. 202, Безбородко. 4. 202—203, Бецкомъ. 4. 204—205. Занятія по исторіи Россіи. 4. 206—213, 216—221. О Георгѣ. 4. 222—223. Мнѣніе насчетъ Петербурга. 4. 223. Понятія о финансахъ и торговлѣ. 4. 224—225. О земледѣліи. 4. 229, прогрессѣ 4. 230, страсти къ доктринѣ. 4. 230—231. Сужденія о 18 вѣкѣ. 4. 231—232, о конституціи. 4. 232—234, объ адвокатахъ. 4. 233. Взглядъ на истинную славу. 4. 234—235. О значеніи верховной власти въ выборѣ государственныхъ людей. 4. 235 — 236, о безначаліи и слабости. 4. 237. Взглядъ на православную церковь, монастыри, ханжество. 4. 238—240. Филологическія занятія. 4. 240—250. Этимологическія догадки. 4. 242—243. О движеніи славянъ. 4. 243. Составляетъ общесравнительный словарь. 4. 245. Собираетъ матеріалы для словаря. 4. 246—248. Мнѣніе ея о словарѣ. 4. 248—249. Собираетъ пословицы. 4. 250—251. Значеніе литературныхъ занятій Екатерины. 4. 251 — 253. По поводу своихъ драматическихъ произведеній. 4. 253—257. Объ игрѣ актеровъ. 4. 257—258. По поводу пьесъ Седэна, Троншева. 4. 258—259. Педагогическія понятія Екатерины. 4. 260—262. О музыкѣ. 4. 263. Объ Александрѣ и Константинѣ Павл. 4. 264—265. О внучкахъ 4. 265—266. Объ экспедиціи Биллингса. 4. 267—268. О Галіани. 4. 268—270, Рейналѣ. 4. 271, Бальи. 4. 271—273, д'Аламберѣ. 4. 273—274. По поводу желанія Гримма переписать ея письма. 4. 274. О Самойловичѣ. 4. 275—276. Объ аэростатахъ. 4. 276. По поводу пожара парижской оперы и австрійскихъ городовъ. 4. 277 — 278. По поводу румянъ. 4. 279, указа объ упрощеніи придворнаго этикета 4. 279 Гримму впечатлѣнія во время плаванія по Днѣпру. 4. 293, во время пребыванія въ Кременчугѣ. 4. 294, по поводу свиданія съ Іосифомъ II. 4. 294—295, съ Польскимъ королемъ. 4. 293. О Херсонѣ. 4. 295, Бахчисараѣ. 4. 296, Севастополѣ. 4. 296—297.

Елена Павловна, вел. княжна. Екатерина II. о ней. 4. 265.

Елизавета Петровна, императрица. Дѣйствіе въ пользу зарубежныхъ православныхъ. 3. 21. Рескрипты Голембовскому. 3. 27—28. Грамота къ королю. 3. 29.

Елизавета святая. Объединеніе ея съ Георгіемъ **2**. 83—84. Стихи о чудѣ Георгія съ именемъ Елизаветы. **2**. 134.

Жамши, село. Иконы св. Георгія **2**. 53.

Женитьба Фигаро. Мнѣніе Екатерины II **4**. 50—51.

Завадовскій, министръ народн. просвѣщ., защитникъ буквы Ѣ **7**. 14.

Загари, село. Изображеніе св. Георгія **2**. 53.

Залевкъ. Приуроченіе къ нему разсказа о царѣ праведномъ **2**. 73.

Замостье см. **Соборъ** въ Замостьѣ.

Зарудный, С. И., сенаторъ. Его желаніе о переведенномъ имъ сочиненіи Беккарія IV.

Зельмира. Участіе къ ней Екатерины II. **4**. 159—177. Смерть ея **4**. 177—178.

Зеновичъ Михаилъ, плебанъ. Просьбы Кониского объ удаленіи его **3**. 64—65. Дѣйствія противъ Кониского **3**. 71—72.

Змѣя Марея. Объясненіе названія **2**. 102—103.

Изображенія чудесъ св. Георгія **2**. 53—54.

Иларіонъ монахъ разсказываетъ о чудѣ св. Георгія **2**. 13.

Иличь, ксендзъ Кричевскій. Наглое отношеніе его къ правосл. духовенству **3**. 37—38.

Илья пророкъ. Народныя вѣрованія **2**. 85—86. Смѣшеніе съ Георгіемъ **2**. 86—87. Илья наказываетъ грѣшниковъ **2**. 90.

Имеретія. Народныя гаданія въ день св. Өеодора **2**. 7.

Иннокентій Винницкій, еп. Перемышльскій, сторонникъ уніи **3**. 3, 6.

Инструкція Салтыкову, см. **Салтыковъ**.

Инарское общество въ Грузіи. Культъ Георгія **2**. 52—53.

Іезуиты-миссіонеры въ Бѣлоруссіи **3**. 69—70. Отношеніе къ нимъ Екатерины Вт. **4**. 1—4. Они служатъ цѣлямъ Екатерины **4**. 3—5.

Іосифъ II, императоръ. Участіе его въ народномъ образованіи въ Россіи. **4**. 44. Іосифъ въ письмахъ Гримма къ Екатеринѣ II. **4**. 85—91, **4**. 294—295.

Йованъ-Йоргованъ см. Marienescu.

Кадаги-вѣщунъ. Отношеніе св. Георгія **2**. 57—58.

Kalyb волшебница. Дѣйствія по отношенію къ св. Георгію **2**. 113—114.

Калоннъ, Екатерина II о немъ **4**. 293—294, **4**. 298.

Калужняцкій, профессоръ. Проситъ о доставленіи извѣстій Отдѣленія IV.

Кальское общество въ Сванетіи. Культъ св. Георгія **2**. 52.

Канкренусъ, докторъ. Екатерина о немъ **4**. 191—192.

Канкринъ, министръ. Пререканія его съ мин. народн. просв. по поводу замѣтки акад. Гамеля **7**. 4—5.

Каппадокія, мѣсторожденіе св. Георгія **2.** 27. Значеніе для апокрифа Георгія **2.** 28. Культъ Георгія **2.** 49.

Караманъ графъ, мистикъ. Екатерина II о немъ **2.** 59.

Качановскій Владиміръ. Составилъ сборникъ образцовъ болгарскаго народнаго языка VI.

Квирикъ, святой. Чествованіе у Сванетовъ и Грузинъ **2.** 59.

Кейзерлингъ, русскій чрезвычайный посланникъ въ Варшавѣ **3.** 18, 59. Его донесенія 1740 г. **3.** 20. Рескриптъ **3.** 21. Донесенія 1742 г. **3.** 23. Недовольства дѣйствіями Кейзерлинга **3.** 24. Обвиняетъ прав. духовенство въ неправыхъ дѣйствіяхъ **3.** 59—60.

Кеппенъ, академикъ. Обвиненія по поводу его статьи «Почтовыя сообщенія» **7.** 4—5.

Кирпичниковъ. Значеніе его книги о св. Георгіи и Егоріи Храбромъ **2.** 1. Какое значеніе придаетъ хронологіи рукописи и количественному отношенію варьянтовъ **2.** 2—3. Отношеніе къ рукописнымъ даннымъ житія Георгія **2.** 4—5. Взглядъ на поэму Рейнбота **2.** 5. Изслѣдованіе текстовъ житія Георгіева **2.** 19. Предположеніе о смерти Георгія **2.** 33. О чудѣ Георгія съ змѣемъ **2.** 70—73.

Ключевскій, профессоръ, принимаетъ участіе въ описаніи рукописей **7.** 7.

Коллегія иностранная. Отношеніе къ Синоду по дѣламъ объ обидахъ православнымъ зарубежнымъ **3.** 21—22. Защищаетъ слабый образъ дѣйствій русскихъ министровъ при польскомъ дворѣ **3.** 25. Обвиняетъ прав. духовенство въ непотребныхъ поступкахъ **3.** 25—26. Предлагаетъ коммиссара **3.** 26—27. Препирательства съ Синодомъ о рус. министрахъ при польскомъ дворѣ **3.** 31—32.

Комиссаръ. Обязанности его по отношенію къ зарубежнымъ православнымъ **3.** 26—27, **3.** 69.

Комиссія. Вопросъ объ образованіи ея для изслѣдованія жалобъ прав. зарубежнаго духовенства **3.** 23, 30—34, 43, 46—47. Слабыя надежды на комиссію **3.** 35. Отсрочка засѣданія комиссіи **3.** 54—55. Требованія объ уничтоженіи ея **3.** 56—57.

Конисскій Георгій. Черты характера **3.** 62—63. Донесенія Синоду на притѣсненія православныхъ **3.** 63—65. Столкновеніе съ Доминиканами **3.** 65—67. Проситъ заступничества у Екатерины II **3.** 69. Доноситъ Синоду о насильствахъ православнымъ отъ іезуитовъ **3.** 70. Козни противъ него поляковъ **3.** 72.

Константинъ Павловичъ, вел. князь. Екатерина о его характерѣ **4.** 265.

Конференція св. Синода съ Иностранною Коллегіей **3.** 31—33.

Корилла, итальянка. Мнѣніе Екатеринѣ II о духѣ партій **4.** 53, 230.

Коховскій, Сильвестръ, іеромонахъ. Донесенія Синода на слабость дѣйствія русскихъ министровъ при польскомъ дворѣ **3.** 23—24. Порученія ему Синода **3.** 32. Слабыя надежды на комиссію **3.** 35—36. Предоставленія ему полной свободы дѣйствія **3.** 51.

Красный кафтанъ, см. Дмитріевъ-Мамоновъ.

Кременчугъ. Екатерина передаетъ впечатлѣнія **4.** 294.

Кресты надгробные у Черкесовъ. Значеніе ихъ по отношенію къ св. Георгію. **2.** 66—67.

Куръ-де-Жебеленъ. Екатерина II о его филологическомъ сочиненіи **4.** 213—215, **4.** 241.

Лагарпъ. Екатерина II о немъ. **4.** 108—109. **4.** 142—143. **4.** 148.

Лазы. Культъ св. Георгія. **2.** 51.

Ламія, миѳическое существо. Значеніе его въ миѳологіи грековъ и болгаръ. **2.** 11. 146.

Ланскіе. Участіе Екатерины II въ судьбѣ Якова Ланскаго. **4.** 140—141. О генералѣ Ланскомъ Екатерина II. **4.** 143—144. по случаю его смерти. **4.** 145—150. Генералъ Ланской старается утѣшить Екатерину. **4.** 185.

Ласія, Лаосія, Lasia — глав. городъ Каппадокіи, къ которому пріурочивается чудо съ зміемъ Георгія. **2.** 72. 83.

Латинъ, царь. Чудо св. Георгія. **2.** 74—75. Варіанты пѣсенъ о Латинѣ. **2.** 88.

Лафатеръ объ Екатеринѣ II и Христинѣ королевѣ. **4.** 291.

Легенска земля см. *Новаковичъ.*

Леля-Ляля. Празднованіе ей малоруссами. **2.** 156.

Лисянскій Ираклій, Полоцкій уніатскій оффиціалъ. Дѣйствія противъ прав. духовенства. **3.** 49.

Лобковичъ, князь. По поводу свиданія Іосифа II съ Екатериною **4.** 20—21.

Лоде, имѣніе Екатерины II. Жизнь и смерть Зельмиры въ Лоде. **4.** 171—178.

Локкъ о воспитаніи. **4.** 261.

Луна. Связь луны съ Юріемъ. **2.** 132. Отношеніе Георгія къ лунѣ. **2.** 133.

Любенецкій Августинъ, уніатскій архимандритъ. Истязанія и насмѣшки надъ православіемъ. **3.** 15—16.

Людовикъ XVI. Отношеніе къ Россіи. **4.** 67—68.

Ма см. *Мену.*

Макарій, митрополитъ. Слова и рѣчи его. **7.** 6—7. Сочувствіе къ наукѣ. **7.** 7.

Макрина святая. Народныя примѣты. **2.** 91.

Максиміанъ. Отношеніе къ Діоклетіану. **2.** 37.

Малоруссы, Празднованіе наканунѣ Юрьева дня. **2.** 156.

Маннгардтъ. Объясняетъ заговорныя формулы. **2.** 93—94.

Мара (Марена). Сжиганіе Мары. **2.** 49.

Маргарита святая, см. *Марина.*

Marienescu. Отношеніе румынской баллады къ русскому стиху о Георгіи. **2.** 147—149.

Марина святая. Календарныя пріуроченія. **2** 76—77. 85, 91. Апокрифъ. **2.** 79—80. Объясненіе имени. **2.** 77—78. 87. Миѳологическое сближеніе имени. **2.** 92—95. Покровительница женской плодности. **2.** 100—101.

Марія Казиміра д'Аркіенъ, жена Яна Собіесскаго. Участіе ея въ избраніи новаго короля. **3.** 4—5.

Марія, королева Португальская. Отзывы о ней Екатерины II. **4.** 26. 63.

Марія огненная. Объясненіе этого эпитета **2.** 87—88.

Марія Павловна, вел. княжна. Екатерина о ея рожденіи. **4.** 266.

Марія святая, змѣеборица. **2.** 75—76. Обличительница грѣшниковъ. **2.** 89—90. Народныя примѣты. **2.** 91. Марія ключница въ пѣсняхъ. **2.** 96. Марія въ русскомъ духовномъ стихѣ. **2.** 135. Въ былинѣ. **2.** 159.

Марія Ѳеодоровна, вел. княгиня. Путешествіе по Европѣ. **4.** 107—109.

Меморіалъ представленный Польскому правительству 1743 г. **3.** 27—28. Отвѣтъ на меморіалъ. **3.** 57—58.

Мену или **Маіи,** богиня. Празднованіе ей. **2.** 64.

Меншиковъ. Письмо Петру I о православныхъ Рѣчи Посполитой. **3.** 7.

Миллеръ, кавалеръ, подготовляетъ прядильщиковъ. Письма Гримма о немъ къ Екатеринѣ II. **4.** 15—16.

Мингрельцы. Празднованіе чуда св. Георгія. **2.** 61.

Михаилъ Казиміръ, великій гетманъ. Угнетенія православныхъ. **3.** 68.

Михайловъ, посланникъ при Польскомъ дворѣ, протестуетъ противъ сторонниковъ уніи. **3.** 3—4.

Monde primitif, см. Куръ-де Жебеленъ.

Морена въ славянскихъ пѣсняхъ ключница. **2.** 97—98. Смерть Морены. **2.** 99.

Морошкинъ. Объясняетъ причину благоволенія Екатерины II къ Іезуитамъ. **1.** 1. 3—4.

Московскій договоръ съ Польшею. Значеніе его для Россіи и Польши. **3.** 1—2.

Нассауская принцесса. Ея заграничные толки о дѣлахъ въ Бѣлоруссіи. **4.** 118—119.

Нейтралитетъ вооруженный. Значеніе его для Россіи. **4.** 61.

Неккеръ. Мнѣніе о немъ Гримма и Екатерины II. **4.** 69—74, **4.** 221.

Νικήτας ὁ ἅγιος. Сказаніе о немъ **2.** 12. Связь его съ житіемъ Георгія. **2.** 14—15, 18. О мѣстѣ погребенія и чудесахъ. **2.** 15. Взглядъ русскаго народа на Никиту. **2.** 18.

Николаи, ученый, помогаетъ Екатеринѣ II въ ея филологическихъ занятіяхъ. **4.** 245.

Николай, императоръ. Преобразованіе Россійской академіи **7.** 5—6.

Николай святой. Осетинская сказка о немъ **2.** 56.

Никомедія какъ мѣсто мученія Георгія **2.** 37, 42.

Нина. Святая, просвѣтительница Грузіи. Отношеніе къ Георгію. Житія Нины **2.** 28.

Новаковичъ выясняетъ значеніе Легенской земли **2.** 90.

Оберонъ. Связь св. Георгіемъ **2.** 10.

Обманщикъ, комедія Екатерины II. Успѣхъ ея **4.** 253.

Овлочинскій, см. Доминиканы.

Огинскіе князья. Гонители православія **3.** 39—40.

Олегъ истор. пьеса. Екатерина о ней **4.** 257.

Оранскій, архим. Назначеніе въ коммиссію **3.** 33—34. Слабыя надежды на коммиссію **3.** 35, 47—48. Предоставленіе ему полной свободы дѣйствія **3.** 51.

Орловъ Григорій, князь. О вліяніи его на Екатерину II. **4.** 180—181. Орловъ въ Спа **4.** 181—182. Характеристика его **4.** 185—186.

Орловъ Ѳ., старается развеселить Екатерину II. **4.** 146, 150.

Осетины. Чествованіе Георгія **2.** 55—58.

Островскій А. Н., писатель. Занимается составленіемъ матеріаловъ для словаря русскаго народнаго языка и опредѣленіе Отдѣленія VII.

Павелъ Любопытный. Словарь его по изслѣдованію раскола **1.** 1.

Павелъ Петровичъ, вел. князь. Путешествіе по Европѣ **4.** 107—109.

Павловъ, профессоръ, принимаетъ участіе въ описаніи рукописей **7.** 7.

Павскій, академикъ. О рукописныхъ томахъ его «Матеріаловъ для русскаго Корнеслова» IV. Опредѣленіе Отдѣленія о рукописныхъ «Матеріалахъ» V.

Палласъ, академикъ, издаетъ общесравнительный словарь Екатерины II. **4.** 245—246. Отзывъ о трудѣ Екатерины **4.** 247. Участвуетъ въ составленіи учебниковъ, составляетъ планъ экспедиціи **4.** 266—267.

Панинъ, Н. И., графъ. Характеристика его **4.** 185—186, **4.** 206.

Пафлагонія. Культъ св. Георгія **2.** 49.

Пелла Загородное мѣсто, по описанію Екатерины II. **4.** 131—133.

Пелагія святая уравнивается св. **Маринѣ 2.** 78—79.

Percy. Св. Георгій въ его балладѣ **2.** 112—113.

Петръ I. Заботы о православныхъ Рѣчи Посполитой **3.** 6—7. Грамота къ королю 1718 г. въ защиту православныхъ **3.** 11. Порученіе рус. послу **3.** 12. Грамота къ королю 1722 г. **3.** 14. Грамота къ королю 1724 г. **3.** 16.

Петръ святой, гремящій. Сближеніе въ пѣсняхъ съ Ильей **2.** 95—96.

Пій VI. Надежды Іезуитовъ **4.** 4, 6.

Полнтъ разсказываетъ греческую легенду о Георгіи **2.** 11.

Полифронія и

Полихронія, мать Георгія. Предположеніе Кирпичникова и Веселовскаго **2.** 26—27, 43. Объясненіе имени **2.** 122, 141.

Помянникъ, Поминаніе см. **Синодикъ.**

Потемкинъ, князь, старается развеселить Екатерину II. **4.** 136, **4.** 146, **4.** 150, **4.** 281—282.

Проектъ 1717 г. объ окончательномъ истребленіи Русской вѣры и народности въ Польшѣ **3.** 9—11.

Пыпинъ, А. Н. Опредѣленіе Отдѣленія о «Старообрядческомъ Синодикѣ», о запискѣ по снаряженію ученой экспедиціи въ Болгарію IV.

Регина святая. Отношеніе ея житія къ житію Марины **2.** 78.

Резія, Резіяне. Путевыя впечатлѣнія ак. Срезневскаго **5.** 2—8. Численность, черты характера **5.** 8. Жилища **5.** 9. 49. Занятія **5.** 10—11, 52. Пища, одежда **5.** 11. 53. Религіозность и праздники **5.** 12—13, 50—51. Обряды, пляска, суевѣріе **5.** 13—14. Нравы **5.** 53—54. Топографическое положеніе **5.** 48. Населенныя мѣстности **5.** 49 Происхожденіе Резіянъ **5.** 55. Прошлое Резіи **5.** 56. Писатели о Резіянахъ **5.** 35—37. Резіянскіе говоры **5.** 37—47, **5.** 55—56.

Рейналь, аббатъ. Отзывъ Екатерины о его сочиненіи **4.** 271

Рейнботъ, авторъ нѣмецкой поэмы о Егоріи **2.** 4—5. Эпизодъ о рожденіи Георгія **2.** 118—120.

Рейсъ, графъ, проситъ Гримма о ходатайствѣ передъ Екатериной II **4.** 278—279.

Ричардъ-Джонсонъ. Св. Георгій въ его романѣ **2.** 108 и дальше.

Рудаковскій Игнатій, переводчикъ при Русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ. Заслуги его въ пользу православныхъ **3.** 12—14.

Румыны. Празднованіе Лелѣ **2.** 156.

Русско-Нищенскій Словарь, составленный изъ разговора нищихъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, мѣстечка Семежова XXIII—XXXII.

Руссо. Ж. Ж. Отношеніе къ нему Екатерины II **4.** 52.

Сабра, дочь царя Птоломея. Пріуроченіе эпизодовъ изъ жизни св. Георгія **2.** 109—112.

Савва, архимандритъ, какъ издатель указателя для обозрѣнія Московской Патріаршей, или Синодальной библіотеки **8.** 2.

Салтыковъ, князь. Основныя положенія инструкціи **4.** 260—264.

Самойловичъ, докторъ. Отзывъ Екатерины II о немъ **4.** 275—276.

Сапѣга, великій канцлеръ литовскій. Отвѣтное письмо русскому резиденту **3.** 19.

Сванетія. Распространенность культа св. Георгія. **2.** 52, 59, 71.

Свяцкій, шляхтичъ. Оскорбленія нанесенныя имъ священнику и епископу **3.** 13.

Севастополь. Екатерина II о немъ **4.** 297.

Selvius, Σέλβιος, Селевій, имя царя, дочь котораго спасаетъ Георгій отъ змѣя. Пріуроченіе къ нему разсказа о праведномъ судіи **2.** 72—73.

Сегюръ. Франц. посланникъ при Русскомъ дворѣ. Отзывъ Екатерины II **4.** 76—77, **4.** 137. О путешествіи Екатерины въ Крымъ **4.** 285, **4.** 292. **4.** 297.

Седмиградіе. Обряды наканунѣ Юрьева дня **2.** 153.

Седэнъ, авторъ комедій. Екатерина объ его комедіяхъ **4.** 258—259.

Сеймъ въ Гроднѣ 1718 г. Постановленіе противъ диссидентовъ **3.** 11—12, Сеймъ 1744 г. **3.** 34, 46, сеймъ въ Варшавѣ 1748. г. **3.** 56.

Сербы. Обычаи въ Юрьевъ день **2.** 155—156.

Sigfriedmärchen. Черты сходства съ румынской сказкой о Георгіи **2.** 120—121.

Синодикъ старообрядческій. Церковно-историческое значеніе его **1.** 3—4. Описаніе рукописи **1.** 4. Историко-литературное значеніе **1.** 4—5.

Синодъ святѣйшій. Отношеніе къ Иностранной коллегіи по дѣламъ объ обидахъ зарубежнымъ православнымъ **3.** 21—22. Выражаетъ недовѣріе къ русскимъ министрамъ при Польскомъ дворѣ **3.** 24—25, 31—32. Докладъ Екатеринѣ о притѣсненіяхъ православнымъ **3.** 71—72.

Скорпія чудовище. Битва св. Георгія съ чудовищемъ **2.** 115—116.

Словарь Екатерины. Значеніе его **4.** 249—250.

Словины. Топографическое положеніе и свѣдѣнія о нихъ у путешественниковъ **5.** 1—2, **5.** 15—16. Характеръ страны **5.** 17—18. Числен-

ность, черты характера **5.** 18—19. Жилища **5.** 20. Образъ жизни, занятія **5.** 21—22. Пища, одежда **5.** 22. Религіозность, праздники народные **5.** 23. Пѣсни, пляска, музыкальные инструменты **5.** 24—25. Науки **5.** 25.

Соборъ въ Замостьѣ 1720 г. Постановленія противъ православныхъ **3.** 13.

Соловьевъ, академикъ. Научная дѣятельность его и значеніе ея **7.** 18—24.

Сонъ сказочный. Значеніе его въ духовныхъ стихахъ о Григоріи **2.** 127—131.

Софія, мать Георгія. Предположенія Кирпичникова и Веселовскаго **2.** 26—27. Софія въ русскихъ духов. стихахъ **2.** 134, 141.

Соча, рѣка. Теченіе ея **5.** 1.

Спа. Путешествіе принца Генриха **4.** 82—88. Характеристика Спа **4.** 181.

Срезневскій, И. И., академикъ. Заявилъ признательность акад. Бычкову по пересмотру древнихъ памятниковъ русскаго письма и представилъ свой трудъ для изданія III. Представилъ рукопись словаря В. И. Срезневскаго къ баснямъ Крылова III. Предложеніе Отдѣленія семейству Срезневскаго относительно печатанія словаря древнерусскаго языка VIII. О филологическихъ изслѣдованіяхъ Бодуэна **5.** 1—2, 35. О говорахъ Резіянъ **5.** 37—47. Значеніе пятидесятилѣтней научной дѣятельности его **7.** 8—9.

Станиславъ Лещинскій, король Польскій. Положеніе на Польскомъ престолѣ **3.** 7.

Стефанъ, святой. Церковь его въ Палестинѣ по опредѣленію путешественника Антонина **2.** 30.

Стояновъ сообщилъ о легендахъ и иконографіи Георгія **2.** 53.

Суджуна, деревня. Обычай въ день св. Георгія **2.** 62.

Супи, селеніе. Изображеніе св. Георгія **2.** 53.

Сутерландъ, банкиръ. Его дѣла съ Бобринскимъ Алексѣемъ **4.** 152—156.

Сухомлиновъ, М. И. Записка о составленіи словарей къ отдѣльнымъ писателямъ II. Изложилъ планъ труда надъ языкомъ Жуковскаго III. Заявилъ о надобности пользоваться Архивами Государственнаго Совѣта и Комитета Министерства при составленіи Исторіи Россійской Академіи и опредѣленіе отдѣленія VII. Представилъ пятый выпускъ Исторіи Россійской Академіи IX.

Сцепуро, священникъ. О рукописи его Русско-нищенскаго словаря VI.

Сырку, румынъ. Предлагаетъ составить описаніе болгарскихъ апокрифическихъ сказаній V. Сообщилъ варіантъ болгарской пѣсни **2.** 88.

Сюстербекъ по описанію Екатерины II **4.** 134—135.

Тактиконъ Никона Черногорца въ спискѣ 1397 г., рукопись Срезневскаго. Опредѣленіе Отдѣленія VIII.

Тихонравовъ Н. С. сообщилъ русскіе пересказы о мученіяхъ Никиты. **2.** 14. Значеніе въ жизни Викторова. **8.** 22.

Тоди, пѣвица. Екатерина II о ней. **4.** 280—281.

Тодоръ см. *Θеодоръ* святой.

Трактатъ 1716 г. Петра I съ Польшею. Значеніе его для православныхъ въ Польшѣ. **3.** 8.

Траянъ императоръ, какъ типъ праведнаго судіи въ средніе вѣка. **2.** 73—75.

Троемскіе христіане, см. *Троянскіе.*

Тронщенъ, драм. писатель. Екатерина о немъ. **4.** 259.

Трояно-градъ. Пріуроченіе къ нему чуда св. Георгія. **2.** 74—75 88—89. Въ сербскихъ пѣсняхъ городъ Троянъ. **2.** 89.

Троянскій краль. Пріуроченіе къ нему чуда св. Георгія. **2.** 88—89.

Троянскіе христіане. Варіанты пѣсенъ о нихъ. **2.** 88.

Тудорова недѣля, см. *Тудорица.*

Тудорица, праздникъ *Θеодору Тирону.* Обычаи болгаръ въ этотъ день. **2.** 6—7.

Уастырджи см. *Георгій.*

Уваровъ, министръ нар. просвѣщ. Проектъ преобразованія Россійской академіи. **7.** 5—6. Распоряженіе его о буквѣ ѳ. **7.** 13.

Узенеръ объ имени святой *Марины.* **2.** 77—78.

Фалькенштейнъ, графъ. Отзывы о немъ въ письмахъ Екатерины II. **4.** 9. 16—23, въ письмахъ Гримма. **4.** 89—90. О немъ же. **4.** 294.

Федулъ, дивертисментъ Екатерины. Императрица о немъ. **4.** 251.

Филантропинъ, см. *Базедовъ.*

Фолькнеръ переводчикъ «Записокъ касательно исторіи Россійской». **4.** 217—218.

Фридрихъ II. Мнѣніе о вооруженномъ нейтралитетѣ. **4.** 63. Старанія его поссорить Екатерину II съ принцемъ. **4.** 79. Распространяетъ слухъ о сумасшествіи принца. **4.** 79, 81—82.

Фридрихъ-Вильгельмъ, наслѣдный принцъ Прусскій. Гриммъ о немъ Екатеринѣ II. **4.** 21.

Фридрихъ Виртембергскій. Нерасположеніе къ нему Екатерины II. **4.** 160.

Фридрихсгамъ. Свиданіе Екатерины II съ Густавомъ III. **4.** 97.

Хевсуры. Чествованіе св. Георгія. **2.** 60.

Херсонъ, по описанію Екатерины II. **4.** 295.

Хоментовскій, воевода Мазовецкій. Порученія Петра въ пользу православныхъ. **3** 12.

Храмы св. Георгія. **2.** 48—49.

Царское Село. Значеніе въ жизни Екатерины II. Описаніе комнатъ **4.** 128—129. Колоннада **4.** 130—131.

Циммерманъ, философъ. Екатерина II о немъ **4.** 275.

Цинна, трагедія Корнеля. Екатерина II по поводу ея представленія **4.** 257.

Четвертинскій Силвестръ, еп. Бѣлорусскій. Жалобы Петру на притѣсненія православныхъ **3.** 12. Оскорбленія отъ шляхтичей **3.** 13, 15. Жалобы на насилія **3.** 15.

Чарторыйскій князь, канцлеръ литовскій. Отвѣтъ на рескриптъ короля по вопросу о преслѣдованіи православныхъ римскими епископами **3.** 61. Отвѣтъ на порученія Воейкова **3.** 68.

Чесма. Основаніе Георгіевскаго капитула **4.** 124.

Чораковъ сообщаетъ пѣсню о св. Георгіи **2.** 122—123.

Шаденъ. Мысли объ учебномъ дѣлѣ **4.** 37—40.

Шарна — мѣтка обѣта **2.** 63.

Швыковскій Бернардъ, управитель Могилевскаго уѣзда. Распоряженія его о миссіи іезуитовъ **3.** 69—71.

Шейнъ, П. В. Письмо къ акад. Гроту о доставленныхъ въ Отдѣленіе Бѣлорусскихъ пѣсняхъ. Отзывъ о его тетрадяхъ I. Сборникъ духовныхъ стиховъ IX.

Шишковъ, президентъ академіи. Постановленіе о буквѣ Ѣ **7.** 13.

Шопы. Жертвоприношеніе въ Юрьевъ день **2.** 153—154.

Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, мистикъ. Екатерина II о немъ **4.** 59, **4.** 192—194.

Шумлянскій Іосифъ, еп. Львовскій. Возбуждаетъ духовенство къ отторженію отъ Московскаго патріарха **3.** 2—6. Присоединеніе къ уніи **3** 5.

Эвхантъ, мѣсто погребенія Ѳеодора Стратилата и Тирона **2.** 50.

Юрій святой, божій ключникъ **2.** 97. Праздникъ его у Резьянъ **5.** 13.

Юшкевичъ Амвросій, новгородскій архіепископъ. Защитникъ зарубежныхъ православныхъ **3.** 21, 40.

Юшкевичъ И. В. Письмо къ Гроту IX.

Ягичъ, И. В., акад. Письмо его къ акад. Гроту V. Заявилъ о своемъ предположеніи издать въ русскомъ переводѣ нѣкоторыя свои филологическія изслѣдованія VI. Представилъ труды VII. Доложилъ о двухъ рукописяхъ

Срезневскаго VII. Изъявилъ готовность наблюдать за печатаніемъ словаря Срезневскаго VII. Прочелъ записку о словарѣ славян. языковъ IX. Біографическія свѣдѣнія и ученые труды XI.

Ялобачъ деревня. Пріуроченіе къ ней св. Марины **2.** 80.

Янковичъ де-Миріево, сербъ. Участіе его въ народномъ образованіи въ Россіи. **4.** 44. Издаетъ Словарь Екатерины **4.** 250.

Ѳеодорова недѣля, см. Тудорица.

Ѳеодоръ святой. Отношеніе его къ Егорію **2.** 5. Покровительственное отношеніе къ животнымъ **2.** 6. Народные обычаи въ день памяти его **2.** 6—7. Смѣшеніе актовъ Ѳеодора Тирона и Стратилата **2.** 7. Связь его чуда съ чудомъ св. Георгія **2.** 18, **2.** 50, **2.** 135—136, 158.

Ѳеодоръ Сикеотъ. Житіе его **2.** 31. Путешествіе къ святымъ мѣстамъ **2.** 32.

Ѳеодосій, отецъ святой **Марины Маргариты 2.** 79. Календарное пріуроченіе Ѳеодосія **2.** 142.